МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1(51)

ОРЕЛ – 2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1(51)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Александрова А.П., Алексев А.П., Зайченкова М.С., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Крючкова Т.Б., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михальченко В.Ю., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Уман А.И.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:
01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95,
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Коллектив авторов, 2013
© Орловский государственный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Н.В. Анпилогова, Г.С. Маль
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИЕЙ НА СТАЦИОНАРНОМ ЭТАПЕ. 7

К.А. Борисовская
ИМПЕРАТИВЫ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ ВТО И ИХ СПЕЦИФИКА В СФЕРЕ АГРАРНОГО БИЗНЕСА 11

О.И. Кожанчиков, Н.Ю. Кожанчикова
РЕФОРМИРОВАНИЕ НАЛОГА НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОСНОВЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОРЯДКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БАЗЫ 16

А.Н. Котьков
О ВЗАИМОСВЯЗИ СОСТОЯНИЯ РЫНКА ТРУДА И МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ 24

Д.А. Митин
СУЩНОСТЬ КООПЕРАЦИИ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ 27

И.В. Попова
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЫНКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЫ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ МАРКЕТИНГА 32

О.И. Свиридова
РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПОКУПКЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА.МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 36

О.А. Собин
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ 43

Д.Г. Фролов
ФИРМЫ И КОРПОРАТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ 49

ИСТОРИЯ

В.А. Бобков
ВКЛАД ПОЛКОВНИКА ФЕДОРА КАРЛОВИЧА ГЕБГАРДТА В РАЗВИТИЕ АРТИЛЛЕРИИ В РОССИИ 53

А.Ю. Друговская
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА – ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ) 59

В.В. Зотов
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) 62

С.М. Исхаков
ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ДЕВОЛЮЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ 69

С.М. Исхаков
К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ЖИЗНИ РАБОЧИХ ЮЖНОГО УРАЛА В 1917 ГОДУ 73

Т.И. Кононова, Д.В. Токарева
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕКЛАРАЦИИ И КОНСТИТУЦИОННО - ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ 77

С.Г. Малкин
«ГОРСКИЙ НАРЯД КАК РОД ВОЕННОГО ПЛАТЬЯ»: «МЯТЕЖНЫЙ» ГОРЕЦ ШОТЛАНДИИ В XVIII в.. 82

Е.С. Матвеева
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ 90

С.Т. Минаков
«ВЕЛИКИЙ ТЮРЕНН» В МИРОВОСПРИЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ XVII – XVIII вв. 97

С.Т. Минаков, С.В. Фефелов
БОЛЬШЕВИЗМ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-БЫТОВОМ МНЕНИИ 1918-1920-х гг. 103

Н.В. Наумов
К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ПЛАНАХ ГИТЛЕРА ПРОТИВ СССР 108

Н.В. Наумов
КРАСНАЯ АРМИЯ В ОЦЕНКЕ БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО РУКОВОДСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. 112

А.С. Орлов
«НРАВСТВЕННЫЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БРАКА» В ОСМЫСЛЕНИИ М.О. МЕНЬШИКОВА 116

В. М. Перелыгин
ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС «ПЕТРОВСКОЙ БРИГАДЫ» В 1914-1917 гг.. 121

И.В. Проваленкова
ОСЕДАНИЕ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ НА «ОРЛОВСКОЙ УКРАИНЕ» РОССИИ В XVII в.. 124

С.Н. Токарева
ПЕРВЫЕ ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ БРЯНСКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 132
С.В. Фефелов
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ 1919 – 1920 гг.. 137
Е.Е. Щекотихин
ПОСЛЕДСТВИЯ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР 141

ФИЛОСОФИЯ

А.В.Абрамов
ПРОБЛЕМА АДИАФОРЫ В ЭТИКЕ И В УЧЕНИИ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА. 149
Ю.Ю. Резвая
ПОНЯТИЕ О ГРЕХЕ В ТРУДАХ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО И В СВЕТСКОЙ ЭТИКЕ 153
В. Л. Тихонова
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ШКОЛЫ «АННАЛОВ» и А. ГУРЕВИЧА. 157
О.В. Третьяков
ТЕОРИЯ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 162
В.Н. Финогентов, Е.С. Кононова
О НЕОБХОДИМОСТИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ 166
Н.А. Чуркина
МАСКУЛИННАЯ МОРТАЛЬНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕНТАЛЬНОГО КРИЗИСА 175

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Е.И. Аринин
ВЕРА И РАЗУМ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. ЛУМАНА 181
Т.Р. Атабеков
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 184
А.В. Афанасьев
ШЕЙХИ ШИИТСКИХ ПЛЕМЕН И БРИТАНСКИЕ МАНДАТНЫЕ ВЛАСТИ В ИРАКЕ.
ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1918-1932 гг.) 187
В.В. Винокуров
АЛХИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ – MAGNUM IGNŌTUM ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АЛХИМИК И АЛХИМИЯ 193
Н.М. Маркова
ДИАЛОГ КАК ФОРМА КОММУНИКАТИВИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» 198
А.И. Мраморнов
ЕПИСКОПСКИЙ (ЦЕРКОВНО-ЕПАРХИАЛЬНЫЙ) СОВЕТ КАК ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА
ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ 1917 – 1918 гг.. 201
В.В. Петрунин
ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ. 206
А.А. Полуэктов
СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 209
Ю.А. Сибирцева, Е.Е. Посеговская (Герц)
РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК МАРКЕР ЭТНИЧНОСТИ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 212
В.А. Хренова
РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТИКО-АСКЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПАЛОМНИЧЕСТВА. 217
Т.Г. Человенко
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ
И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 221

ФИЛОЛОГИЯ

И.В. Алехина
ЧЕЛОВЕК И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «БЕЗОТЦОВЩИНА». 226
Г.Н. Боева
О ДОМЕ КАК ЖИЗНЕСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ МОДЕРНА(ДОМ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ) 235
И.Ф. Герасимова
ПОЭТИКА СТИХОТВОРНОЙ МОЛИТВЫ В ЦИКЛЕ З. ГИППИУС «ВОЙНА» 240
Ю.В. Гордеева. Л.П. Семененко
К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛИ В АСПЕКТЕ ЕЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ И ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ. . . . 245

Я.О. Дзыга
ОБРАЗ РОССИИ В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ШМЕЛЕВА и К. Д. БАЛЬМОНТА . . . 249
А.С. Крайнова
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОПЫТА НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ
И ТАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ . . . 254
Н.А. Куделько
ПРАВЕДНИКИ БОРИСА ЕКИМОВА В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ И.С.ТУРГЕНЕВА («ЗАПИСКИ ОХОТНИКА») . . . 259
Ф.А. Литвин
ВНУТРЕННИЕ (ЯЗЫКОВЫЕ) И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. . . . 265
Б.Е. Локтев
ФИКТИВНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ ПРИ ЧТЕНИИ НЕПУНКТУИРОВАННОГО ТЕКСТА . . . 270
В.А. Лукин
СЕМИОТИКА ДЕНЕГ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА . . . 274
Т.В. Платонова
КРАСОТА В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КУПРИНА ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА. . . . 283
О.В. Пугачева
ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ СТАНДАРТНОЙ ПЕРФОРМАТИВНОЙ ФОРМУЛЫ ДЛЯ ЭКСПЛИКАЦИИ
КОММУНИКАТИВНЫХ ИНТЕНЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО . . . 290
Л.П. Семененко
КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ. . . . 295
Е.В. Сидорова
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЭМОЦИЙ
В АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТОВ ФИЛЬМОВ) . . . 300
Т.В. Струкова
ЖАНР ЗАГАДКИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. СУМАРОКОВА . . . 308
М.В. Теляковская
ПОРЯДОК ЧАСТЕЙ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПРИЧИННОГО ТИПА В ТЕКСТАХ
ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ КОНЦА XX ВЕКА . . . 313
М.З. Улаков, А.М. Мизиев
О СПОСОБЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, СВЯЗАННОМ С ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЕЙ
ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ. . . . 319
С.В. Федотова
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И КЛАССИЦИЗМ . . . 323
Е.Г. Фролова
ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В БОЛЬШОЙ МАНИЛЕ . . . 329

ПРАВО

А.С. Архипов
ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ
ОЦЕНОЧНЫХ НОРМ, СОДЕРЖАЩИХ КРИТЕРИЙ РАЗУМНОСТИ. . . . 336
С.В. Васюков
ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ
БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ, ПРОИЗВОДИМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ . . . 339
Д.А. Мальбин
СООТНОШЕНИЕ НОРМ О ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ И ВИНДИКАЦИИ . . . 347
А.В. Меркулова
АВАРИЙНОЕ ЖИЛЬЕ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ . . . 350
Г.В. Назаренко
ИСТОРИЯ ВИНЫ И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ . . . 353
Е.В. Резникова
ВЛИЯНИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ГОСУДАРСТВА НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ . . . 358
Ю.М. Смирнова
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА . . . 363
И.В. Стрыгина
ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ . . . 369
Д.В. Филиппов
ЗАЯВИТЕЛЬ КАК УЧАСТНИК ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА . . . 376

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Е.В. Александрова, И.И. Зубова
ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДУЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В АГРАРНОМ ВУЗЕ . . . 381
И.Е. Баранова
О РЕЗУЛЬТАТАХ ДИАГНОСТИКИ ГОТОВНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОУ К ПОДДЕРЖКЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ . . . 384
И.С. Беляева, К.Е. Струменщикова
АКТИВНАЯ РАБОТА НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ КЛАССОВ КОМПЕНСИРУЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ . . . 389
А.Н. Бражникова
НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ . . . 392
И.В. Воинова, В.П. Новикова
СВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ САМОСОЗНАНИЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ . . . 398
С.А. Гудков
ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОГРАММ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ УЧАЩИМСЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДУЛЬНОГО ПОДХОДА . . . 400
О.Н. Зайцева
ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ С ПОМОЩЬЮ WEB 2.0-ТЕХНОЛОГИИ . . . 404
А.А. Калекин
ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ В ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЕ . . . 408
Е.С. Каптурова
ИНОЯЗЫЧНАЯ АУДИТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ПУТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА СТАРШЕЙ СТУПЕНИ ОБУЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ . . . 411
Е.М. Княгина
НРАВСТВЕННОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ . . . 416
Т.Е. Мельник
НАПРАВЛЕНИЯ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И СМИ В ЦЕЛЯХ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА . . . 420
Е.В. Миронова
РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ . . . 424
В.В. Митяев
ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЦИКЛА . . . 428
А.С. Парфенов, Э.В. Маркин
ИССЛЕДОВАНИЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В ДОВУЗОВСКИЙ ПЕРИОД И ЕЕ СВЯЗЬ С ИСХОДНЫМ СОСТОЯНИЕМ ЗДОРОВЬЯ И УРОВНЕМ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ . . . 431
В.А. Попов, У.В. Ульянова
ГУМАНИЗАЦИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА: ГДЕ МЕСТО ПЕДАГОГИКИ? . . . 435
Е.А. Савина, И. Скоблякова, Ф. Ван
СТРАТЕГИИ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ У ДЕТЕЙ 8-11 ЛЕТ . . . 443
С.Н. Скрипченко
ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА . . . 447
Г.Н. Тюрикова, О.В. Филатова, И.В. Прошкина, И.Ю. Гнездилова
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ . 451
С.М. Черникова
ТЕОРИЯ ДИЗАЙНА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ ХУДОЖНИКА-ПРОЕКТИРОВЩИКА . . . 458
Т.А. Ягупова
ИГРУШКА КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОРЛОВСКОГО КРАЯ . . . 461
Е.З. Яхнина
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ВОСПРИЯТИЮ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЮ УСТНОЙ РЕЧИ ГЛУХИХ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА . . . 464
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ . . . 470
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ . . . 471
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ . . . 472

Н.В. АНПИЛОГОВА
аспирант Курского государственного медицинского университета
E-mail: natalya.anpilogova@bk.ru
Тел. 8 960 6864770

Г.С. МАЛЬ
доктор медицинских наук, профессор кафедры клинической фармакологии Курского государственного медицинского университета
E-mail: kurskmed@mail.ru
Тел. (4712) 58 81 32

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИЕЙ НА СТАЦИОНАРНОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются подходы к оптимизации оказания медицинской помощи кардиологическим больным по результатам проведенного фармакоэкономического анализа затрат. Анализируются результаты терапии кардиологических больных по данным стационарных карт с применением фармакоэкономического метода «затраты-эффективность».

Ключевые слова: ***анализ эффективности затрат, ретроспективное исследование, уровень артериального давления, артериальная гипертензия, анализ частоты назначений.***

В настоящее время артериальная гипертензия (АГ) является главным фактором риска, определяющим общую смертность. В России 41,6 млн. пациентов с АГ старше 15 лет. Несмотря на разработку новых эффективных лекарственных средств, и в 2010 г. АГ осталась ведущей причиной смерти: по данным Всемирной организации здравоохранения, АГ обусловливает 17 млн. смертей в год, а наличие АГ укорачивает жизнь на 5 лет [4].

Известно, что снижение артериального давления (АД) до целевого уровня (менее 140/90) уменьшает относительный риск развития ИБС, инсульта и смерти от сердечно-сосудистых заболеваний[2].

При экономической оценке признано, что лечение АГ имеет наиболее благоприятное соотношение стоимость/эффективность из всех когда-либо оценивавшихся эффектов лечения [6].

Среди основных причин, определяющих такой высокий процент смертей от АГ и осложнений, связанных с высоким АД, можно выделить:

1. позднее выявление АГ (предгипертензия);
2. отсутствие сознательности пациента по отношению к своему здоровью (низкий контроль АД) и своевременный прием дозы антигипертензивного лекарственного средства;
3. отсутствие рациональной лечебно-профилактической работы с пациентами, страдающими АГ[4].

Главной задачей лечения таких пациентов является максимальное снижение общего риска осложнений (предупреждение инфаркта миокарда, мозгового инсульта), смертности от этих заболеваний и улучшение прогноза[4]. Ведущую роль в ее реализации играет снижение повышенного АД до целевого уровня (менее 140/90).

В последнее время в отечественном здравоохранении особое внимание уделяется аспектам фармакоэкономики, то есть экономическому анализу фармакотерапии, позволяющему оценить эффективность использования бюджета, израсходованного на организацию и проведение лечебного процесса[8].

Анализ эффективности затрат – это тип клинико-экономического анализа, при котором проводят сравнительную оценку результатов лечения и затрат при двух и более вмешательствах, эффективность которых различна, а результаты измеряются в одних и тех же единицах (мм рт.ст., уровень гемоглобина в крови, число предотвращённых осложнений, годы сохранённой жизни и т. п.). Клинико-экономические исследования по оценке эффективности затрат имеют серьёзные теоретические перспективы, однако на практике их использование ограничено [1,6].

В настоящее время существует большое число оригинальных препаратов и их дженериков, применяющихся у больных АГ в сочетании с ишемической болезнью сердца (ИБС) [3].

Целью исследования явился сравнительный анализ затрат различных вариантов антигипертензивной терапии у пациентов с АГ в сочетании с ИБС в условиях стационара и анализ ассортимента

© Н.В. Анпилогова, Г.С. Маль

лекарственных средств (ЛС), используемых для антигипертензивной терапии.

Материалы и методы исследования: для проведения фармакоэкономического анализа по принципу «затраты – эффективность» была проведена выкопировка историй болезни пациентов с АГ в сочетании с ИБС. В рамках проведения ретроспективного анализа материалом исследования явились истории болезни пациентов (n=132) в 2 возрастных группах: 40-49 лет, 50-59 лет. В группах пациенты разделялись по гендерному признаку.

Использовались следующие методы исследования: ретроспективный, фармакоэкономический и статистический.

Результаты исследования

В ходе проведенного исследования было установлено, что в условиях соблюдения врачами Национальных рекомендаций и стандартов [5] наиболее часто используемой комбинацией в терапии пациентов, страдающих АГ II степени в сочетании с ИБС, оказалась двухкомпонентная терапия (в 86% случаев), представленная комбинацией ингибиторов АПФ (и-АПФ) с бета-адреноблокаторами (в 65% случаев) и и-АПФ с диуретиками (в 35% случаев). При АГ III степени в сочетании с ИБС, использовалась преимущественно 3-х компонентная терапия в (82% случаев), в основном представленная комбинацией бета-адреноблокаторов с и-АПФ и диуретиками (76% случаев).

Стоит отметить, что наиболее часто 3-х компонентные схемы терапии были представлены сочетанием и-АПФ с диуретиками и БАБ в 67% случаев, а схема и-АПФ с диуретиками и БКК в 34% случаев. 4-х компонентные схемы терапии использовались значительно реже и представляли собой комбинации и-АПФ с БАБ, БКК и диуретиками (44%), и-АПФ с БАБ, диуретиками, антагонистами рецепторов ангиотензина II (32%), БКК с БАБ, диуретиками , антагонистами имидазолиновых рецепторов (24%) (рисунок 1).

При оценке влияния проведенного лечения на уровень артериального давления (систолического и диастолического) у пациентов в возрастной группе (40-49 лет) отмечено, что наиболее целесообразным с позиции фармакоэкономики использование комбинации и-АПФ и диуретик. У женщин в данной группе наиболее эффективной оказалась комбинация периндоприл и гидрохлортиазид в 86% случаев. У мужчин в данной группе наиболее экономически обоснованной оказалась комбинация эналаприл и индапамид в 92% случаев.

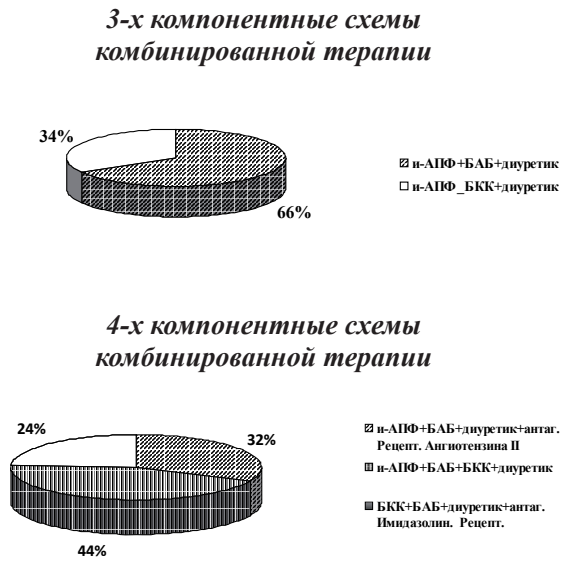


Рис. 1. Характеристика антигипертензивной терапии у пациентов с АГ (III ст., III ст.) в сочетании с ИБС (III фк).

У пациентов, страдающих АГ (III ст. III ст.) в сочетании с ИБС (III ФК), практически всегда присутствовали 3-х или 4-х компонентные схемы терапии. Комбинированная терапия имеет много преимуществ: усиление антигипертензивного эффекта за счет разнонаправленного действия препаратов на патогенетические механизмы развития АГ, что увеличивает число пациентов со стабильным снижением АД; уменьшение частоты возникновения побочных эффектов как за счет меньших доз комбинируемых препаратов, так и за счет взаимной нейтрализации этих эффектов; обеспечение наиболее эффективной органопротекции и уменьшение риска и числа сердечно-сосудистых осложнений[7,8,9].

В ходе проведенного ретроспективного исследования было установлено, что наиболее достоверно значимой фармакоэкономически в схеме терапии АГ оказалась комбинация и-АПФ с бета-адреноблокаторами и диуретиками, представленная фозиноприлом, бисопрололом и гидрохлортиазидом в 89% случаев у мужчин в возрастной группе (50-59 лет) . Данные комбинации обеспечили гипотензивный эффект на 21% (САД) и 13% (ДАД), что соответственно фармакоэкономически составило 23 руб. при снижении уровня АД на 1%.

У женщин в той же возрастной группе (50-59 лет), получающих терапию АГ по схеме и-АПФ с бета-адреноблокаторами и диуретиками, более рациональной оказалась комбинация эналаприла, метопролола и индапамида в 94% случаев по достижению целевого уровня артериального давления (САД/ДАД). Выбор индапамида обусловлен наличием благоприятного профиля эффективности

и безопасности, доказанного в крупных клинических исследованиях[10]. Подобное сочетание ЛС позволило добиться гипотензивного эффекта на 23% (САД) и 14% (ДАД), что соответственно фармакоэкономически составило 25 руб. при снижении уровня АД на 1%.

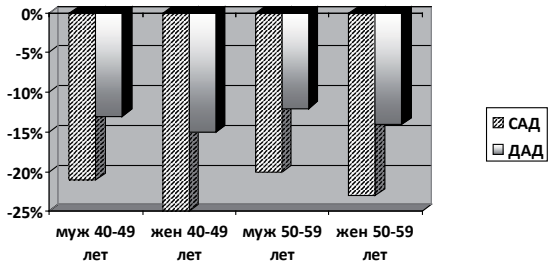


Рис. 2. Динамика АД у больных, страдающих с АГ (IIIст., III ст.) и ИБС (III ФК), получающих комбинированную терапию эналаприлом, метопрололом и индапамидом (женщины) и фозиноприлом, бисопрололом и гидрохлоротиазидом (мужчины).

При анализе ассортимента препаратов, используемых для лечения АГ в сочетании с ИБС в условиях стационара, было установлено, что в большинстве случаев назначалось 22 международных непатентованных наименований, представленных 38 торговыми наименованиями. Представлены препараты из группы бета-адреноблокаторов, блокаторов кальциевых каналов, ингибиторы АПФ, диуретики, а также комбинированные препараты.

В схемах антигипертензивной терапии препаратами выбора явились бисопролол и метопролол, их доля составила 43% и 48%, тогда как на долю атенолола и пропранолола пришлось всего 4% и 5%. Регулярное и длительное лечение артериальной гипертонии, стенокардии, ХСН бисопрололом способно не только снизить АД до целевых уровней, уменьшить частоту приступов стенокардии и проявления сердечной недостаточности, но и существенно уменьшить развитие осложнений при этих заболеваниях и тем самым увеличить продолжительность жизни больных[7].

Блокаторы кальциевых каналов представлены практически в равных долях: основную долю составил верапамил (41%), амлодипин (32%) и нифедипин (27%).

Среди ингибиторов АПФ лидирует эналаприл (51%), доля остальных препаратов составила от 10 до 15%. (рисунок 3).

В результате анализа ассортимента ЛС, используемых для лечения АГ в сочетании с ИБС, выявлены наиболее часто назначаемые ЛС – и-АПФ (эналаприл), бета-адреноблокаторы (бисопрол, метопролол), антагонисты кальция (верапамил), диуретики (гидрохлортиазид, индапамид). В результате анализа частоты назначения препаратов для антигипертензивной терапии у пациентов с АГ в сочетании с ИБС установлено, что наиболее часто назначался из группы и-АПФ – эналаприл (в 2008 г. – 34,12% всех назначений, в 2009 г. – 32,56%), второе место по частоте назначений разделили ЛС из группы бета-адреноблокаторов – метопролол (в 2008 г. – 15,62%, в 2009 г. – 14,25%) и бисопролол (в 2008г. – 13,45%, в 2009 г.–14,62%).

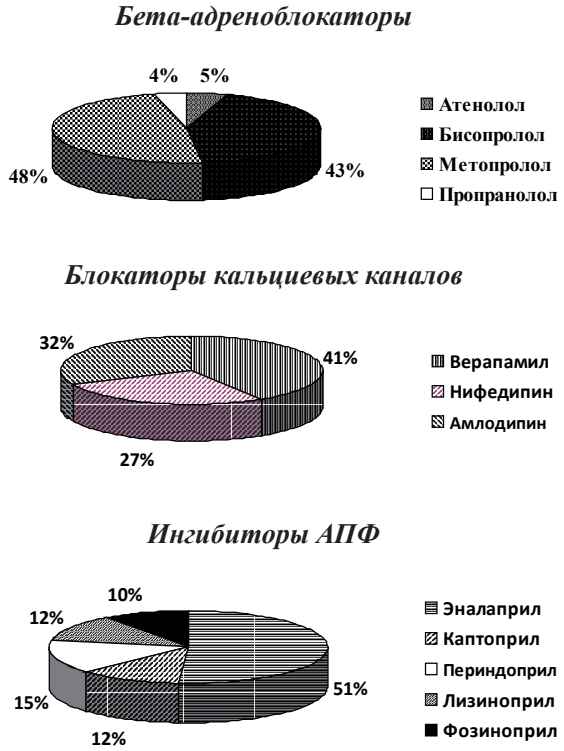


Рис. 3. Доля препаратов в схемах антигипертензивной терапии у пациентов с АГ (III ст., III ст.) в сочетании с ИБС (III фк).

Заключение

Проведенное ретроспективное исследование показало, что в условиях реальной клинической практики наиболее часто для лечения больных АГ (II ст. II ст.) используются 2-х компонентные схемы терапии (67% случаев), АГ (IIIст. IIIст.) в 34% случаев 3-х и 4-х компонентные схемы, что согласуется с Национальными рекомендациями и стандартами лечения. В результате анализа ассортимента ЛС, наиболее часто используемых для антигипертензивной терапии у пациентов с АГ в сочетании с ИБС, выявлены наиболее часто назначаемые ЛС – бета-адреноблокаторы (метопролол, бисопролол), антагонисты кальция (верапамил), и-АПФ (эналарил). Ассортимент препаратов ограничен, что связано с дороговизной препаратов и ограничением ресурсов ЛПУ. Преимущественно используются

дженерики и лишь в отдельных случаях оригинальные препараты.

Таким образом, у пациентов в возрастной группе 40-49 лет в схеме терапии АГ в сочетании с ИБС наиболее часто используемой и фармакоэкономически обоснованной представлена комбинация и-АПФ и диуретик. Наиболее часто используемая и фармакоэкономически обоснованная комбинация у мужчин представлена эналаприлом и индапамидом, а в группе женщин – периндоприлом и гидрохлортиазидом. Тогда, как в возрастной группе 50-59 лет у больных АГ в сочетании с ИБС по результатам ретроспективного анализа наиболее рациональным является сочетание и-АПФ с бета-адреноблокаторами, диуретиками. При этом в группе мужчин данная комбинация представлена фозиноприлом, бисопрололом и гидрохлортиазидом, а в группе женщин – эналаприлом, метопрололом и индапамидом.

С позиции фармакоэкономики будет целесообразным использование выявленных преимущественных комбинаций ЛС в схемах комбинированной терапии у больных АГ в сочетании с ИБС. Выбор данных комбинаций позволит более рационально использовать ресурсы ЛПУ с точки зрения соотношения эффективности и затрат на данную терапию в анализируемой группе больных. Результаты анализа следует использовать при планировании закупок лекарственных средств для антигипертензивной терапии пациентов с АГ в сочетании с ИБС в условиях стационара.

Библиографический список

1. *Аннеманс Л.* Экономика здравоохранения для неэкономистов. Введение в концепции, методы и трудности экономической оценки в здравоохранении : пер. с англ. / Л. Аннеманс. М. : Ньюдиамед, 2010. 120 с.
2. *Аронов Д.М.* Реальный путь снижения в России смертности от ишемической болезни сердца / Д.М. Аронов, М.Г. Бубнова // Кардиосоматика. 2010. № 1. С. 11-17.
3. *Волков В.С.* Фармакотерапия и стандарты лечения заболеваний сердечно-сосудистой системы : рук. для врачей / В.С. Волков, Г.А. Базанов. М. : МИА, 2010. 360 с.
4. Диагностика и лечение артериальной гипертензии. Рекомендации Российского медицинского общества по артериальной гипертонии и Всероссийского научного общества кардиологов // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2008. № 7. (Прил. 2).
5. Диагностика и лечение артериальной гипертензии. Российские рекомендации (4-й пересмотр). Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2010. № 6. (Прил. 2).
6. Затраты, качество и результаты в здравоохранении. Книга терминов ISPOR : пер. с англ. М. : Ньюдиамед, 2009. 468 с.
7. *Кириченко А.А.* Место бисопролола в терапии артериальной гипертензии и ишемической болезни сердца / А.А. Кириченко // Фарматека. 2009. № 8. С. 10-17.
8. *Сумин А.Н.* Актуальные вопросы лечения артериальной гипертензии (по материалам европейских конгрессов 2010 г.) / А.Н. Сумин, О.Л. Барбараш // Кардиология. 2012. Т. 52, № 5. С. 88-96.
9. National cardiovascular prevention should be based on absolute disease risks, not levels of risk factors / J. Poweles, A. Shoroufi, C. Mathers [et al.] // Eur. J. Public. Health. 2010. Vol. 20. P. 103-106.
10. *Michael E.E.* Использование диуретиков у больных с артериальной гипертензией / E.E. Michael, D. Pharm, M.D. Marvin Moser // Consilium medicum Ukraina. 2010. T. 4, № 6. C. 9-12.

N.V. ANPILOGOVA, G.S. MAL

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF HEALTH CARE FOR CARDIAC PATIENTS AT HOSPITAL

The re was to considered the approaches to optimize the provision of medical care cardiac patients on the results of the survey of pharmacoeconomic analysis of cost. The results are analyzed of the treatment of cardiac patients from data of hospital with the use of pharmacoepidemiologic method of «cost-effectiveness».

Key words: ***cost-effectiveness analysis, retrospective study, the level of blood pressure, arterial hypertension, analysis of frequency assignments.***

К.А. БОРИСОВСКАЯ
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Ростовского государственного экономического университета
E-mail: k.borisovskaya@gmail.com
Тел. 8 928 229 62 06

ИМПЕРАТИВЫ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ ВТО И ИХ СПЕЦИФИКА В СФЕРЕ АГРАРНОГО БИЗНЕСА

В статье исследуются императивы торговой политики ВТО применительно к регулированию сферы агробизнеса, выявлено диалектическое противоречие императива ВТО по снижению уровня поддержки сельского хозяйства и принципа обеспечения национальной продовольственной безопасности на основе баланса национальных протекционистских мер и императивов торговой политики ВТО.

Ключевые слова: ***ВТО, торговая политика, агробизнес, национальные интересы, продовольственная безопасность.***

Исследование проблем использования преимуществ, получаемых Россией от официально оформленного в августе 2012 г. полноправного членства страны в ВТО, объективно обусловлено значимостью приобретенного статуса полноправного участника международного торгового процесса. Достижение устойчивой динамики интеграционных внешнеэкономических связей в части решения задач национальной внешнеторговой товарной и услуговой политики, которые обязаны соответствовать изменившимся внешним реалиям и международным нормам, императивам ВТО [5], имеют важную теоретическую и практическую направленность в процессе трансформации российского торгового законодательства.

Возникает необходимость осмысления процессов инкорпорирования внешних норм, императивов, правил и условий международного сотрудничества в национальные законы и правила секторального развития российской экономики, в связи с чем актуализируются научные и прикладные исследования преобразования торговой политики, включая ее особенности с учетом тенденций развития наиболее чувствительных к влиянию ВТО секторов экономики, к числу которых отнесен аграрный бизнес [4, 7, 8, 10].

Базисным этапом данного процесса представляется детальный анализ императивов и принципов функционирования ВТО, поскольку они в комплексе задают стратегический вектор, направления включения российской экономики в мировые внешнеторговые процессы. Задача адаптации экономики к международным правилам ведения бизнеса требует изучения системы императивов трансформации мировой торговой политики, которая расширяется и дополняется результатами двусторонних и групповых договоренностей по отдельным аспектам бизнеса и товарам в рамках существующих процедур ВТО. Тем самым обеспечивается гибкость, адаптационность, эффективность, развитие мировой торговой системы в условиях глобализации.

Национальная рыночная стратегия преобразований как система законодательных актов также подлежит пересмотру, трансформации и реорганизации, несмотря на усилия по приведению ее в соответствие с требованиями ВТО. При этом важен не только внешний аспект эффективного прохождения переходного периода, но и формирование институтов, способных отстаивать интересы российских компаний при доступах на внешние рынки, как справедливо отмечает Медведков М.Ю., директор Департамента торговых переговоров Минэкономразвития РФ: «Нам, безусловно, потребуется какое-то время, чтобы адаптироваться к работе внутри ВТО, понять ее алгоритм, определить свои интересы, встроиться в те структуры, которые занимаются нужными нам вопросами. До сих пор о торговых уступках просили нас, после присоединения сможем просить мы. Это сложный процесс, он требует участия профессиональных специалистов, хороших знаний экономики и международного права.

Наиболее успешны в ВТО страны, которые имеют адекватный, эффективный кадровый потенциал. Отдача, как правило, находится в прямой зависимости от уровня и числа экспертов. ВТО – это условия торговли и доступа на рынки. Доступ на рынки – это рабочие места и доходы бюджетов. Наша первоочередная задача будет связана, прежде всего, со снятием тех торговых барьеров, которые применяются против России в нарушение правил ВТО. За ними – интересы конкретных российских компаний. Собственно, для обеспечения этих интересов мы к ВТО и присоединяемся» [3].

С другой стороны, как в концептуальном плане,

© К.А. Борисовская

так и в практическом аспекте, предстоит рассмотреть и принять важные решения по изменению внутренних правил и методов ведения бизнеса, в первую очередь, в проблемных отраслевых комплексах, которые испытают воздействие ВТО.

Возможности получения эффекта от членства государства в ВТО представляются как результат иной организации и управления внешнеторговыми (и внутренними) процессами, что подтверждается позитивными примерами других государств на основе применения декларируемых ВТО принципов, часть из которых имеет *непосредственное отношение к аграрной сфере*: «ВТО может:

– снизить потребительскую корзину и обеспечить повышение уровня стандартов жизни;

– обеспечить разрешение споров и снизить напряженность в торговых отношениях;

– стимулировать экономический рост и занятость;

– сократить затраты по ведению бизнеса на мировых рынках;

– обеспечить поощрение эффективного управления;

– помочь странам в развитии;

– обеспечить учет мнения слабых государств;

– поддерживать окружающую среду и здоровье;

– способствовать миру и стабильности;

– быть эффективным без привлечения излишнего внимания» [13].

Безусловно, возможности ВТО и указанные выше потенциальные результаты базируются на опыте государств-членов ВТО, а также императивах, относимых к характеристикам мировой торговой системы, выстраиваемой в динамике.

Транслирование императивов и принципов функционирования торговой политики ВТО в национальные торговые системы ее стран-членов в российской экономической литературе принято перечислять, во-первых, без выделения императивов; во-вторых, без анализа, раскрытия сути и предложения процедуры их инкорпорирования в российскую экономическую практику. По числу позиций и однозначной трактовке принципов ВТО также пока не достигнуто консенсуса.

Бендиков М.А. и Фролов И.Э. считают: «Основных официально провозглашенных принципов деятельности ВТО, которых все ее члены обязаны неукоснительно придерживаться, всего два: принцип наиболее благоприятствуемой нации и принцип национального режима. Следование этим принципам означает предоставление членам организации равных конкурентных возможностей, а также режима наибольшего благоприятствования в торговле, открытость торговой политики, разрешение экономических споров путем консультаций и переговоров и др.

На практике это означает, что в соответствии с первым принципом нельзя предоставлять каким-либо торговым партнерам преимущественный доступ на свой внутренний рынок. В соответствии со вторым принципом импортные товары, ввезенные в страну, не должны дискриминироваться по сравнению с такими же товарами местного производства» [1].

Авторы цитаты не поясняют, каким же образом рассматриваются и увязываются при функционировании ВТО два внутренне противоречивых принципа: «наиболее благоприятствуемой нации и национального режима» и «предоставление членам организации равных конкурентных возможностей, а также режима наибольшего благоприятствования в торговле», поскольку равные конкурентные возможности противоречат использованию «режима наибольшего благоприятствования». Практическое же применение принципов ВТО, как правило, обусловлено конкретными условиями и характеристиками государств, которыми они реализуются в национальной торговой политике.

• Крылатых Э. расширяет число **принципов ВТО, которым должны следовать государства-члены организации:** «Особое значение имеют следующие шесть принципов организации международной торговли: обеспечение для ее членов режима наибольшего благоприятствования;

• содействие процессу либерализации торговли;

• соблюдение национальных режимов торговли;

• предсказуемость и прозрачность торговых режимов;

• создание условий для справедливой конкуренции;

• предоставление специального и дифференцированного режима для развивающихся стран» [2].

Перечисление автором достаточно абстрактных положений без их изучения в оригинале, с комментариями и путем детального раскрытия каждого из принципов в действительности мало что поясняет для понимания значимости принципов ВТО для мировой и национальной торговых систем. По приведенным положениям сложно понять отличие целевой модели торговой системы ВТО от систем стран, не присоединившихся пока к мировой системе, не встроенной в нее.

Наиболее полно принципы и правила торговой политики ВТО трактуются в нескольких работах, например, И.Петров указывает: «Основополагающими принципами и правилами ГАТТ/ВТО являются:

– взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле;

– взаимное предоставление национального режима (НР) товарам и услугам иностранного происхождения;

– регулирование торговли преимущественно тарифными методами;

– отказ от использования количественных и иных ограничений;

– транспарентность торговой политики;

– разрешение торговых споров путем консультаций и переговоров и др.» [6].

Однако, все группы перечисленных авторов (более или менее точно и полно) указывают лишь на *суть принципов*, не касаясь исходного требования, *императива*, *причины* заявления того или иного принципа, его значения для развития мировой торговой системы. В теоретическом обосновании динамики и практики преобразований, по нашему мнению, императивы указывают общее, стратегическое направление, в котором развиваются национальные торговые системы в единстве и тождестве с мировой торговой политикой, их объединяющей. Именно императивы ВТО позволяют государствам соизмерить вектор и глубину процесса реформирования национальной торговой системы.

Обратимся к императивам построения *мировой торговой системы ВТО,* проанализировав оригинал документа, раскрывающего ее основы согласно доктрине и политике ВТО. От однозначного понимания, трактовки, достоверного и адекватного использования положений системы императивов на национальном уровне управления зависит как исполнение принятых государством обязательств, так и эффективность реализации преимуществ членства в ВТО.

«Торговая система должна быть:

– *без дискриминации*, страна не должна создавать привилегий кому-либо из своих торговых партнеров (предоставляя им в равной мере статус «нации наибольшего благоприятствования», либо «режима наибольшего благоприятствования»), а также не должна разделять собственные и иностранные товары, услуги и граждан (предоставляя им «национальный режим»);

– *свободной* – содействовать снижению торговых барьеров путем переговоров;

– *предсказуемой* – иностранные компании, инвесторы и правительства должны быть уверены, что торговые барьеры (включая тарифы и нетарифные барьеры) не должны произвольно подниматься; тарифные ставки и обязательства по доступу на рынок «связаны» в рамках ВТО;

– *конкурентоспособной* – препятствовать «несправедливым» методам, таким как экспортные субсидии и демпинг продукции (продажа по цене ниже себестоимости) в целях получения доли рынка;

– *привлекательной для менее развитых стран* путем предоставления им дополнительного времени для адаптации, большей гибкости и специальных привилегий» [12].

Следовательно, к императивам внешнеторговой политики ВТО в контексте преобразования национальных торговых систем следует отнести: *недискриминационность, свободу, предсказуемость, содействие конкурентоспособности, привлекательность для экономически наименее развитых стран*. Данные императивы применяются, с некоторыми особенностями и изъятиями, ко всем секторам торговли товарами и услугами мира. При этом важность учета специфики состояния и направлений развития торговой политики для отдельных секторов торговли выразилась в разработке системы соответствующих Соглашений, а также проведении перманентного переговорного процесса заинтересованных стран в рамках переговорных раундов ВТО.

Таким образом, анализ подходов, выявление и трактовка императивов стратегии изменения мировой торговой системы ВТО, очерчивание условий их передачи на национальный уровень управления и последующего использования в целевом изменении законодательства позволяют заключить, что в российских научных публикациях императивы ВТО не представлены, а раскрывающие их принципы функционирования торговой системы ВТО изложены недостаточно четко, отличаются по смыслу и сути от оригинала, положения трактуются противоположно тому, как они представлены в учредительных документах ВТО.

Раскрытие и использование императивов ВТО с точки зрения единого методологического принципа позволяют рассматривать национальную торговую систему как интегральную, неотъемлемую часть мировой системы торговли товарами и услугами, включая специфику регулирования отдельных подсистем.

Важнейшей частью национальной торговой системы представляется система организации *внешней торговли агропромышленного сектора хозяйства*, в первую очередь, сельского хозяйства. При этом текущие императивы функционирования и преобразования действующей внешнеторговой системы обязаны с определенной долей специфики отвечать требованиями к политике в мировом аграрном секторе в целом, регулируемом императивами ВТО.

Соглашение по сельскому хозяйству ВТО, как

результат переговоров по правилам ГАТТ-1994, предусматривает обязательства по четырем основным областям, включая: 1) Соглашение по сельскому хозяйству как таковое; 2) концессии и обязательства участников, которые они должны предпринять по доступу на рынок, внутренней поддержке и экспортным субсидиям; 3) Соглашение по санитарным и фитосанитарным мерам; и 4) Министерское решение относительно наименее развитых стран и развивающихся государств – чистых (нетто) импортеров продовольствия [11]. Вскоре, в 2000 году был начат новый раунд переговоров по сельскому хозяйству.

Соглашение по сельскому хозяйству включает 13 основных разделов, объединяющих 21 статью. В Преамбуле в качестве долгосрочной цели торговой политики провозглашается «установление справедливой и ориентированной на рынок *системы торговли в сфере сельского хозяйства*, указывается, что процесс реформы должен быть инициирован путем переговоров по обязательствам в области поддержки и защиты, а также путем установления более строгих и эффективных в практическом применении плане норм и правил ГАТТ» (курсив – К.Б.). Уточнение данной долгосрочной цели увязывается с «обеспечением значительного постепенного сокращения поддержки и защиты в аграрном секторе, оказываемых в течение согласованного периода времени, что приведет к корректированию и предупреждению ограничений и искажений на мировых сельскохозяйственных рынках» [9].

Таким образом, ключевым императивом трансформируемой национальной российской торговой системы в сфере сельского хозяйства выступает *сокращение поддержки и защиты в аграрном секторе*, что, в целом, согласуется с императивами преобразования мировой торговой системы в рамках ВТО. Данный императив выполняется посредством последовательного сокращения уровня прямой финансовой государственной поддержки и субсидирования сельского хозяйства в течение переходного периода. Однако, для мировой аграрной сферы важными инструментальными средствами использования императивов торговой политики в современных условиях выступают неторговые условия и барьеры, порождаемые проблемами продовольственной безопасности и необходимостью охраны окружающей среды.

Таким образом, в сфере регулирования агробизнеса наблюдается диалектическое противоречие обусловленного требованиями ВТО процесса управления сокращением уровня прямой финансовой государственной поддержки и субсидирования сельского хозяйства. Оно заключается, с одной стороны, в императиве снижения уровня поддержки сельского хозяйства в условиях объективной необходимости и росте затрат на охрану окружающей среды, и обеспечение национальной продовольственной безопасности, с другой стороны. В таком случае исключительно важен баланс национальных протекционистских мер, обусловленных доминированием национальных интересов, и императивов торговой политики ВТО как условия сохранения, стабильности и развития мировой торговой системы в целом.

Следует отметить, что Соглашение ВТО по сельскому хозяйству включает принципиально новый категориальный аппарат – агрегированный показатель внутренней поддержки (статья 1, Приложение 3), тарифный эквивалент (Приложение 4), минимальный уровень доступа на рынок и т.д. Данные нормативно-правовые категории ВТО должны быть инкорпорированы в национальную торговую политику и аграрную торговую систему, обеспечивающие ее нормативно-правовые акты в условиях приоритетности международного права по отношению к национальному.

Таким образом, исследование императивов создания торговой системы ВТО, уточнение и изложение набора принципов ее функционирования, рассмотрение их особенностей для аграрной сферы национальной экономики позволяют утверждать, что российская торговая политика в целом, как и торговая система сельскохозяйственными товарами, подлежит трансформации в связи с необходимостью приведения в соответствие с императивами ВТО. При этом императивы ВТО должны использоваться в новых законодательных документах ведения агробизнеса в России для всех уровней управления.

Принцип функционирования государства как полноправного члена ВТО, предполагающий транспарентность процесса разработки и утверждения нормативно-правовых документов, обязывает российские власти приступить к приведению действующего законодательства в соответствие с условиями ВТО во избежание санкций со стороны других государств-членов. Для сферы агробизнеса разработчики обновленных нормативных документов будут обязаны учитывать императивы национальной продовольственной безопасности и охраны окружающей среды, что осложняет данный процесс.

Следует учитывать, что Соглашение ВТО по сельскому хозяйству предусматривает создание Комитета, уполномоченного проводить мониторинг его выполнения, как и мониторинг последующих решений относительно мер возможного негатив-

ного эффекта программы реформ для наименее развитых государств и развивающихся государств – чистых (нетто) импортеров продовольствия [11]. Таким образом, ВТО формирует институты контроля за соблюдением положений развития мировой торговой системы в сфере сельского хозяйства.

Библиографический список

1. *Бендиков М.А., Фролов И.Э.* Некоторые проблемы адаптации российских предприятий к условиям ВТО. Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 1.
2. *Крылатских Э.* Чем обернется вступление в ВТО для сельского хозяйства страны? Отечественные записки. 2004. № 1.
3. *Медведков М.Ю.* Долгая дорога в ВТО. РБК daily. № 128. 21 июля 2011 г.
4. *Мордюшенко О.* Удобрения подгонят к ВТО. Правительство ищет новые способы сдерживания цен. Коммерсантъ, № 114 (4899). 26.06.2012.
5. От лат. imperativus – повелительный, англ. imperative; нем. Imperativ. Требования, правила, выражающие долженствование, т. е. объективное принуждение поступать так, а не иначе.
6. *Петров И.* ВТО. Благо или зло для России? [Электронный ресурс] / http://kf-news.ru/authors-column/art/zlo-dlya-rossii.html.
7. РБК: Что ждет аграриев после вступления в ВТО [Электронный ресурс] / www//top.rbc.ru/economics/01/08/2012/662621.Shtml.
8. *Сигал Е.* Много шума из ВТО. Коммерсантъ Деньги. № 20 (877) 21.05.2012.
9. Соглашение по сельскому хозяйству [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/selhozru.doc, свободный.
10. *Фомин Д., Ханин Г.* Что происходит в продовольственном комплексе: макроэкономический взгляд. Отечественные записки. 2004. № 1.
11. Agreement on Agriculture [Электронный ресурс]:/ www. wto.org/ english/docs_e/legal_e /ursum_e.htm#aAgreement
12. Principles of the trading system [Электронный ресурс] / http://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/fact2_e.htm.
13. Ten things the WTO can do [Электронный ресурс]: Перевод К.А.Борисовкой / http://www.wto.org/english/thewto_e/ whatis_e/10thi_e/10thi00_e.htm

K.A. BORISOVSKAYA

WTO TRADE POLICY IMPERATIVES AND THEIR SPECIFICITY IN AGRIBUSINESS

The article investigates the WTO Trade Policy imperatives on managing agribusiness, the dialectical contradiction of WTO imperative in reducing agriculture support and the principal ensuring of national food security, based on the balance of national protectionism measures and the WTO Trade Policy imperatives, is observed.

Key words: ***WTO, trade policy, agribusiness, agriculture, national interests, food security.***

О.И. КОЖАНЧИКОВ
кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и экономики общественного сектора Орловского государственного университета
E-mail: okozhanchikov@yandex.ru
Тел. 8 920 285 71 15

Н.Ю. КОЖАНЧИКОВА
кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры «Финансы, инвестиции и кредит» Орловского государственного аграрного университета
E-mail: kojanchikova@mail.ru
Тел. 8 920 285 71 16

РЕФОРМИРОВАНИЕ НАЛОГА НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОСНОВЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОРЯДКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БАЗЫ

В статье рассматривается действующий порядок определения средней и среднегодовой стоимости основных средств организаций с целью определения налоговой базы по налогу на имущество организаций. Анализируются проблемы применения установленного Налоговым кодексом РФ порядка определения налоговой базы по вводимому или выбывающему в течение отчетного или налогового периода имуществу. Предлагается изменение формулы расчета средней и среднегодовой стоимости налогооблагаемого имущества на основе правил расчета средних величин.

Ключевые слова: ***налог на имущество организаций, порядок определения налоговой базы, порядок расчета средней и среднегодовой стоимости налогооблагаемого имущества.***

Налогу на имущество организаций на федеральном уровне посвящена глава 30 Налогового кодекса РФ (НК РФ).

Согласно ст. 14 НК РФ, налог на имущество организаций является региональным налогом. Поэтому в соответствии с п. 3 ст. 12 НК РФ налог вводится в действие субъектами РФ и обязателен к уплате лишь на территории тех субъектов, законодательные (представительные) органы которых приняли законодательные акты о введении налога на имущество.

При установлении региональных налогов законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации определяются в порядке и пределах, которые предусмотрены НК РФ, следующие элементы налогообложения: налоговые ставки, порядок и сроки уплаты налогов. Иные элементы налогообложения по региональным налогам и налогоплательщики определяются НК.

Законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации законами о налогах в порядке и пределах, которые предусмотрены Налоговым Кодексом, могут устанавливаться налоговые льготы, основания и порядок их применения.

Согласно статьи 374 НК РФ объектом налогообложения для российских организаций признается движимое и недвижимое имущество (включая имущество, переданное во временное владение, пользование, распоряжение или доверительное управление, внесенное в совместную деятельность или полученное по концессионному соглашению), учитываемое на балансе организации в качестве объектов основных средств в соответствии с установленным порядком ведения бухгалтерского учета.

В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 1996 г. N 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» (далее – Закон N 129-ФЗ) принципы, правила и способы ведения организациями бухгалтерского учета хозяйственных операций, составления и представления бухгалтерской отчетности устанавливаются в положениях (стандартах) по бухгалтерскому учету. Порядок отнесения имущества к основным средствам регламентирован Положением по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» ПБУ 6/01 (утв. Приказом Минфина России от 30 марта 2001 г. N 26н, далее – ПБУ 6/01). При этом следует учитывать и Методические указания по бухгалтерскому учету основных средств (утв. Приказом Минфина России от 13 октября 2003 г. N 91н, далее – Методические указания).

Для признания имущества основным средством необходимо единовременное выполнение следую-

© О.И. Кожанчиков, Н.Ю. Кожанчикова

щих условий (п. 4 ПБУ 6/01, п. 2 Методических указаний):

а) использование в производстве продукции при выполнении работ или оказании услуг либо для управленческих нужд организации;

б) предоставление за плату во временное владение и пользование или во временное пользование;

в) использование в течение длительного времени, то есть срока полезного использования продолжительностью свыше 12 месяцев или обычного операционного цикла, если он превышает 12 месяцев;

г) организацией не предполагается последующая перепродажа данных активов;

д) способность приносить организации экономические выгоды (доход) в будущем.

К основным средствам относятся: здания, сооружения и передаточные устройства, рабочие и силовые машины и оборудование, измерительные и регулирующие приборы и устройства, вычислительная техника, транспортные средства, инструмент, производственный и хозяйственный инвентарь и принадлежности; рабочий, продуктивный и племенной скот, многолетние насаждения, внутрихозяйственные дороги и прочие соответствующие объекты.

Отметим, что дополнительно организация может установить в учетной политике лимит стоимости основных средств в пределах 40 000 руб. Тогда имущество, стоимость которого не превышает предельной суммы, налогоплательщик вправе не включать в состав основных средств, а учитывать как малоценное имущество. Налог по нему платить не нужно, даже если объект соответствует перечисленным выше характеристикам основного средства.

В соответствии со статьей 375 НК РФ налоговая база по налогу на имущество организаций определяется как среднегодовая стоимость имущества, признаваемого объектом налогообложения.

При определении налоговой базы имущество, признаваемое объектом налогообложения, учитывается по его остаточной стоимости, сформированной в соответствии с установленным порядком ведения бухгалтерского учета, утвержденным в учетной политике организации.

В отношении амортизируемого имущества остаточная стоимость – это разница между его первоначальной стоимостью и суммой амортизации, начисленной к моменту определения остаточной стоимости (пп. «б» п. 54 Методических указаний).

Согласно абзаца первого п.4 ст. 376 НК РФ средняя стоимость имущества, признаваемого объектом налогообложения, за отчетный период определяется как частное от деления суммы, полученной в результате сложения величин остаточной стоимости имущества на 1-е число каждого месяца отчетного периода и 1-е число месяца, следующего за отчетным периодом, на количество месяцев в отчетном периоде, увеличенное на единицу.

Представим расчет средней стоимости в виде формулы:

$$СрСт = \frac{ОС1 + ОС2 + ... + ОСп + ОСсл}{М + 1}, \qquad (1)$$

где СрСт – средняя стоимость имущества за отчетный период;

ОС1, ОС2... ОСп – остаточная стоимость имущества на 1-е число первого месяца отчетного периода, второго месяца отчетного периода... последнего месяца отчетного периода;

ОСсл – остаточная стоимость имущества на 1-е число месяца, следующего за отчетным периодом;

М – количество месяцев отчетного периода.

Согласно абзаца второго п.4 ст. 376 НК РФ среднегодовая стоимость имущества, признаваемого объектом налогообложения, за налоговый период определяется как частное от деления суммы, полученной в результате сложения величин остаточной стоимости имущества на 1-е число каждого месяца налогового периода и последнее число налогового периода, на число месяцев в налоговом периоде, увеличенное на единицу.

Представим расчет среднегодовой стоимости в виде формулы:

$$СрГодСт = \frac{ОС1 + ОС2 + ... + ОСп + ОСп2}{М + 1}, \qquad (2)$$

где СрГодСт – среднегодовая стоимость основных средств;

ОС1, ОС2... – остаточная стоимость ОС на 1-е число каждого месяца налогового периода;

ОСп, ОСп2 – остаточная стоимость ОС на 1-е и последнее число последнего месяца налогового периода;

М – количество месяцев налогового периода.

В соответствии со статьёй 379 НК РФ налоговым периодом признается календарный год. Отчетными периодами признаются первый квартал, полугодие и девять месяцев календарного года.

Главой 30 Налогового Кодекса не предусмотрен особый порядок расчета среднегодовой (средней) стоимости имущества для организаций (или их обособленных подразделений), созданных или ликвидированных в течение налогового (отчетного) периода. На основании этого при определении среднегодовой (средней) стоимости имущества применяется общий порядок, содержащийся в

пункте 4 статьи 376 Кодекса, с учетом положений статьи 379 Кодекса.

Учитывая, что налоговой базой по налогу на имущество является среднегодовая (т.е. средняя за календарный год, а не средняя за период деятельности организации или ее обособленного подразделения, имеющего отдельный баланс) стоимость имущества организации, то при ее определении, а также при определении средней стоимости имущества должно учитываться общее количество месяцев в календарном году, а также в соответствующем отчетном периоде (т.е. квартале, полугодии и 9 месяцах календарного года).

Аналогичный порядок определения среднегодовой (средней) стоимости применяется при снятии или постановке на баланс организации в течение налогового (отчетного) периода налогооблагаемого имущества.

Таким образом, если имущество приобретено или выбыло после начала (до окончания) отчетного периода, данное обстоятельство никак не влияет на порядок расчета средней стоимости для целей налогообложения.

Это значит, что даже если налогоплательщик приобрел (реализовал) основное средство в середине отчетного периода, то исчислять авансовый платеж он будет исходя из общего количества месяцев отчетного периода (Письмо ФНС России от 19.05.2005 N ГВ-6-21/418@).

При этом если основное средство поступило к налогоплательщику после начала отчетного периода, то при расчете средней стоимости его остаточная стоимость в месяце приобретения и предшествующих месяцах будет равна нулю.

А остаточная стоимость в месяце, следующем за месяцем приобретения, будет равна первоначальной стоимости основного средства. Ведь амортизацию налогоплательщик начислит первый раз только в этом месяце (п. 21 ПБУ 6/01).

Если же основное средство выбывает в отчетном периоде, то на его остаточную стоимость на 1-е число месяца выбытия это не влияет. А вот в последующих месяцах остаточная стоимость выбывшего основного средства будет равна нулю.

Остаточную стоимость выбывшего имущества, по которому налогоплательщик рассчитывал авансовые платежи в совокупности с другими основными средствами, необходимо учитывать при расчете средней стоимости имущества и после выбытия.

В результате сумма уплаченных в налоговом периоде авансовых платежей будет больше, чем сумма налога по итогам года. Ведь после выбытия основного средства сумма значений его остаточной стоимости будет оставаться неизменной в течение всего налогового периода, а вот делить ее для расчета средней (среднегодовой) стоимости налогоплательщик будет на все большее количество месяцев. Но по итогам года авансовые платежи засчитываются при расчете налога к уплате.

Если при этом возникнет переплата по налогу на имущество, ее можно будет вернуть или зачесть по правилам ст. 78 НК РФ.

Таким образом, в случае приобретения или выбытия основного средства в течение отчетного (налогового) периода согласно действующему законодательству при расчете средней (среднегодовой) стоимости в числителе дроби не учитывается остаточная стоимость таких основных средств в тех месяцах, в которых данное основное средство отсутствовало, а в знаменателе дроби учитываются все месяцы отчетного (налогового) периода, даже те месяцы, в которых данное основное средство отсутствовало.

Это обстоятельство , а также заложенная в НК РФ методика расчета средней и среднегодовой стоимости налогооблагаемого имущества приводит к искажению налоговой базы по вводимым (выбывшим) в течение налогового периода основным средствам.

Выходом из сложившейся ситуации является изменение порядка определения средней (среднегодовой) стоимости имущества, признаваемого объектом налогообложения.

Для начала предположим, что налоговым периодом по налогу на имущество организаций будет признан календарный месяц, а не календарный год.

Налоговой базой в этом случае будет являться средняя стоимость имущества, признаваемого объектом налогообложения, которая будет определяться за налоговый период как частное от деления суммы, полученной в результате сложения величин остаточной стоимости имущества на 1-е число месяца налогового периода и 1-е число месяца, следующего за налоговым периодом, на два.

Налоговая ставка будет составлять одну двенадцатую часть от действующей в настоящее время.

Предлагаемые изменения никак не повлияют на налоговую базу по тем основным средствам, которые не приобретаются и не выбывают в течение налогового периода, а затронут только те основные средства, налоговая база по которым искажена вследствие применения действующего законодательства.

Поясним предлагаемые изменения на примере.

Например, остаточная стоимость основных средств организации «Баланс», признаваемых объектом налогообложения по налогу на имущество организаций, по состоянию на 1 января 2011 со-

ставляла 100 000 руб. Амортизация начисляется в размере 5000 руб. в месяц.

Определим значения остаточной стоимости основного средства, которые участвуют в расчете средней (среднегодовой) стоимости имущества организации «Баланс» (таблица 1), и рассчитаем авансовые платежи по итогам отчетных периодов (первый квартал, полугодие, девять месяцев) и налогового периода (календарный год) согласно действующего законодательства и согласно предлагаемым изменениям и сравним полученные результаты.

Таблица 1.

Остаточная стоимость объекта амортизируемого имущества для расчета среднегодовой стоимости за 2011 год

Дата	Остаточная стоимость основного средства, руб.
01.01.2011	100 000
01.02.2011	95 000
01.03.2011	90 000
01.04.2011	85 000
01.05.2011	80 000
01.06.2011	75 000
01.07.2011	70 000
01.08.2011	65 000
01.09.2011	60 000
01.10.2011	55 000
01.11.2011	50 000
01.12.2011	45 000
31.12.2011	40 000

Средняя стоимость имущества за первый отчетный период составляет:

СрСт (первый квартал) = (100 000 + 95 000 + 90 000 + 85 000) /(3 + 1) = 370 000/4 = 92 500 руб.

Средняя стоимость имущества за второй отчетный период составляет:

СрСт (полугодие) = (100 000 + 95 000 + 90 000 + 85 000 + 80 000 + 75 000 + 70 000) /(6 + 1) = 595 000/7 = 85 000 руб.

Средняя стоимость имущества за третий отчетный период составляет:

СрСт (девять месяцев) = (100 000 + 95 000 + 90 000 + 85 000 + 80 000 + 75 000 + 70 000 + 65000 + 60000 + 55000) /(9 + 1) = 775 000/10 = 77 500 руб.

Налоговая база (среднегодовая стоимость имущества) за налоговый период составит:

СрГодСт = = (100 000 + 95 000 + 90 000 + 85 000 + 80 000 + 75 000 + 70 000 + 65000 + 60000 + 55000 + 50000+45000 +40000) / (12 + 1) = 910 000/13 = 70000 руб.

Рассчитаем авансовые платежи по итогам отчетных периодов и сумму налога по итогам налогового периода:

Порядок расчета авансового платежа по итогам отчетного периода определен в п. 4 ст. 382 НК РФ. Авансовый платеж по итогам отчетного периода рассчитывается по формуле:

$$АП = \frac{СрСт * НСт}{4}, \qquad (3)$$

где АП – авансовый платеж за отчетный период;

СрСт – средняя стоимость имущества за отчетный период;

НСт – налоговая ставка;

Таким образом, сумма авансового платежа по итогам первого отчетного периода равна:

АП(первый квартал) = 92 500* 2,2% /4 = 509 руб.

Сумма авансового платежа по итогам второго отчетного периода равна:

АП(полугодие) = 85000* 2,2% /4 = 468 руб.

Сумма авансового платежа по итогам третьего отчетного периода равна:

АП(девять месяцев) = 77 500* 2,2% /4 = 426 руб.

Порядок расчета налога за год определен в п. п. 1, 2 ст. 382 НК РФ. Для расчета налога применяется формула:

$$НИ = СрГодСт * НСт - АП, \qquad (4)$$

где НИ – сумма налога на имущество по итогам года;

СрГодСт – среднегодовая стоимость имущества;

НСт – налоговая ставка;

АП – уплаченные в течение налогового периода авансовые платежи, если их уплата предусмотрена законом субъекта РФ.

Таким образом, сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

70000*2,2% = 1540 руб.

Сумма налога к доплате по итогам налогового периода равна:

1540 – (509 +468 + 426) = 137 руб.

Рассчитаем сумму налога в течение календарного года с учетом того, что налоговым периодом является месяц.

Средняя стоимость имущества за первый месяц составляет:

(100 000 + 95 000)/2 = 97500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

97500*2,2%/12 = 179 руб.

Средняя стоимость имущества за второй месяц составляет:

(95 000+ 90 000)/2 = 92500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

92500*2,2%/12 = 170 руб.

Средняя стоимость имущества за третий месяц составляет:

(90 000+ 85 000)/2 = 87500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

87500*2,2%/12 = 160 руб.

Средняя стоимость имущества за четвертый месяц составляет:

(85 000+ 80 000)/2 = 82500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

82500*2,2%/12 = 151 руб.

Средняя стоимость имущества за пятый месяц составляет:

(80 000+ 75 000)/2 = 77500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

77500*2,2%/12 = 142 руб.

Средняя стоимость имущества за шестой месяц составляет:

(75 000+ 70 000)/2 = 72500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

72500*2,2%/12 = 133 руб.

Средняя стоимость имущества за седьмой месяц составляет:

(70 000+ 65 000)/2 = 67500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

67500*2,2%/12 = 124 руб.

Средняя стоимость имущества за восьмой месяц составляет:

(65 000+ 60 000)/2 = 62500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

62500*2,2%/12 = 115 руб.

Средняя стоимость имущества за девятый месяц составляет:

(60 000+ 55 000)/2 = 57500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

57500*2,2%/12 = 105 руб.

Средняя стоимость имущества за десятый месяц составляет:

(55 000+ 50 000)/2 = 52500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

52500*2,2%/12 = 96 руб.

Средняя стоимость имущества за одиннадцатый месяц составляет:

(50 000+ 45 000)/2 = 47500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

47500*2,2%/12 = 87 руб.

Средняя стоимость имущества за двенадцатый месяц составляет:

(45 000+ 40 000)/2 = 42500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

42500*2,2%/12 = 78 руб.

Результаты расчетов представим в таблице 2.

Таблица 2.

Сумма налога на имущество организаций за 2011 год

Налоговый период	Сумма налога, руб.
Январь	179
Февраль	170
Март	160
Апрель	151
Май	142
Июнь	133
Июль	124
Август	115
Сентябрь	105
Октябрь	96
Ноябрь	87
Декабрь	78
Итого за год	1540

Как видно из расчетов, сумма налога, исчисленная за календарный год, в обоих случаях одинакова и составляет 1540 руб.

Теперь изменим условия примера и предположим, что в основное средство остаточной стоимостью на 01.01.2011 года 100000 рублей продано в марте 2011 года.

Произведем расчеты согласно действующему законодательству.

Средняя стоимость имущества за первый отчетный период составляет:

СрСт (первый квартал) = (100 000 + 95 000 + 90 000 + 0) /(3 + 1) = 285000/4 = 71 250 руб.

Средняя стоимость имущества за второй отчетный период составляет:

СрСт (полугодие) = (100 000 + 95 000 + 90 000 + 0 + 0 + 0 + 0) /(6 + 1) =285 000/7 = 40 714 руб.

Средняя стоимость имущества за третий отчетный период составляет:

СрСт (девять месяцев) = (100 000 + 95 000 + 90 000 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0) /(9 + 1) = 285 000/10 = 28 500 руб.

Налоговая база (среднегодовая стоимость имущества) за налоговый период составит:

СрГодСт = = (100 000 + 95 000 + 90 000 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0+0 +0) / (12 + 1) = 285 000/13 = 21923 руб.

Рассчитаем авансовые платежи по итогам отчетных периодов и сумму налога по итогам нало-

гового периода:

Сумма авансового платежа по итогам первого отчетного периода равна:

АП(первый квартал) = 71250* 2,2% /4 = 392 руб.

Сумма авансового платежа по итогам второго отчетного периода равна:

АП(полугодие) = 40714* 2,2% /4 = 224руб.

Сумма авансового платежа по итогам третьего отчетного периода равна:

АП(девять месяцев) = 28 500* 2,2% /4 = 157 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

21923*2,2% = 482 руб.

Сумма налога, к уменьшению по итогам налогового периода, равна:

482 – (392+224 + 157) = - 291 руб.

Рассчитаем сумму налога в течение календарного года с учетом того, что налоговым периодом является месяц.

Средняя стоимость имущества за первый месяц составляет:

(100 000 + 95 000)/2 = 97500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

97500*2,2%/12 = 179 руб.

Средняя стоимость имущества за второй месяц составляет:

(95 000+ 90 000)/2 = 92500 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

92500*2,2%/12 = 170 руб.

Средняя стоимость имущества за третий месяц составляет:

(90 000+ 0)/2 = 45000 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

45000*2,2%/12 = 83 руб.

Результаты расчетов представим в таблице 3.

Таблица 3.

Сумма налога на имущество организаций за 2011 год

Налоговый период	Сумма налога, руб.
Январь	179
Февраль	170
Март	83
Итого	432

Как видно из расчетов, сумма налога, исчисленная за календарный год в соответствии с действующим законодательством, равна 482 рубля, а в соответствии с предлагаемыми изменениями составляет 432 руб.

Опираясь на то, что если налоговым периодом признается календарный месяц, то налоговой базой будет являться средняя стоимость имущества, признаваемого объектом налогообложения, которая будет определяться за налоговый период как частное от деления суммы, полученной в результате сложения величин остаточной стоимости имущества на 1-е число месяца налогового периода и 1-е число месяца, следующего за налоговым периодом, на два, и налоговая ставка будет составлять одну двенадцатую часть от действующей в настоящее время, определим порядок расчета среднегодовой стоимости исходя из того, что налоговым периодом будет являться календарный год.

Обозначим за x остаточную стоимость основных средств на первое число каждого месяца налогового периода и на последнее число налогового периода, и за n ставку налога на имущество организаций. Тогда формула расчета средней стоимости на календарный год будет выглядеть следующим образом:

$$\begin{aligned}
&\tfrac{1}{2}*(x1+x2)*\tfrac{n}{12}+\tfrac{1}{2}*(x2+x3)*\tfrac{n}{12}+\\
&+\tfrac{1}{2}*(x3+x4)*\tfrac{n}{12}++\tfrac{1}{2}*(x4+x5)*\tfrac{n}{12}+\\
&+\tfrac{1}{2}*(x5+x6)*\tfrac{n}{12}+\tfrac{1}{2}*(x6+x7)*\tfrac{n}{12}+\\
&+\tfrac{1}{2}*(x7+x8)*\tfrac{n}{12}+\tfrac{1}{2}*(x8+x9)*\tfrac{n}{12}+\\
&+\tfrac{1}{2}*(x9+x10)*\tfrac{n}{12}++\tfrac{1}{2}*(x10+x11)*\tfrac{n}{12}+\\
&+\tfrac{1}{2}*(x11+x12)*\tfrac{n}{12}*(x12+x13)*\tfrac{n}{12}
\end{aligned} \qquad (5)$$

Выносим $n/12$ за скобки и получаем:

$$\begin{aligned}
&(\tfrac{1}{2}*x1+x2+x3+x4+x5+x6+x7+x8+\\
&+x9+x10+x11+x12+\tfrac{1}{2}*x13)*\tfrac{n}{12}
\end{aligned} \qquad (6)$$

Таким образом, среднегодовую стоимость налогооблагаемого имущества необходимо рассчитывать за налоговый период как частное от деления суммы, полученной в результате сложения половин величин остаточной стоимости имущества на 1-е число первого месяца и последнее число налогового периода и величин остаточной стоимости имущества на 1-е число второго и последующих месяцев налогового периода, на число месяцев в налоговом периоде.

Среднюю стоимость по итогам отчетных периодов необходимо определять как частное от деления суммы, полученной в результате сложения половин величин остаточной стоимости имущества на 1-е число первого месяца отчетного периода и 1-е число месяца, следующего за отчетным периодом и величин остаточной стоимости имущества на 1-е число второго и последующих месяцев отчетного периода, на число месяцев в отчетном периоде.

Рассчитаем сумму авансовых платежей и сумму налога на имущество организаций согласно предлагаемым изменениям порядка определения средней (среднегодовой) стоимости, воспользовавшись условиями первого примера.

Средняя стоимость имущества за первый отчетный период составит:

СрСт (первый квартал) = (100 000/2 + 95 000 + 90 000 + 85 000/2) /3 = 277500/3 = 92 500 руб.

Средняя стоимость имущества за второй отчетный период составляет:

СрСт (полугодие) = (100 000/2 + 95 000 + 90 000 + 85 000 + 80 000 + 75 000 + 70 000/2) /6 = 510 000/6 = 85 000 руб.

Средняя стоимость имущества за третий отчетный период составляет:

СрСт (девять месяцев) = (100 000/2 + 95 000 + 90 000 + 85 000 + 80 000 + 75 000 + 70 000 + 65000 + 60000 + 55000/2) /9 = 697500/9 = 77 500 руб.

Налоговая база (среднегодовая стоимость имущества) составит за налоговый период составит:

СрГодСт = = (100 000/2 + 95 000 + 90 000 + 85 000 + 80 000 + 75 000 + 70 000 + 65000 + 60000 + 55000 + 50000+45000 +40000/2) / 12 = 910 000/12 = 70000 руб.

Рассчитаем авансовые платежи по итогам отчетных периодов и сумму налога по итогам налогового периода.

Сумма авансового платежа по итогам первого отчетного периода равна:

АП(первый квартал) = 92 500* 2,2% /4 = 509 руб.

Сумма авансового платежа по итогам второго отчетного периода равна:

АП(полугодие) = 85000* 2,2% /4 = 468 руб.

Сумма авансового платежа по итогам третьего отчетного периода равна:

АП(девять месяцев) = 77 500* 2,2% /4 = 426 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

70000*2,2% = 1540 руб.

Сумма налога к доплате по итогам налогового периода равна:

1540 – (509 +468 + 426) = 137 руб.

Как видно из расчетов, суммы авансовых платежей и сумма налога, исчисленные согласно действующего законодательства и согласно предлагаемым изменениям, совпадают.

Воспользуемся условиями второго примера и рассчитаем сумму авансовых платежей и сумму налога на имущество организаций согласно предлагаемым изменениям порядка определения средней (среднегодовой) стоимости.

Средняя стоимость имущества за первый отчетный период составляет:

СрСт (первый квартал) = (100 000/2 + 95 000 + 90 000 + 0/2) /3 = 235000/3 = 78 333 руб.

Средняя стоимость имущества за второй отчетный период составляет:

СрСт (полугодие) = (100 000/2 + 95 000 + 90 000 + 0 + 0 + 0 + 0/2) /6 =235 000/6 = 39167 руб.

Средняя стоимость имущества за третий отчетный период составляет:

СрСт (девять месяцев) = (100 000/2 + 95 000 + 90 000 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0/2) /9 = 235 000/9 = 26111 руб.

Налоговая база (среднегодовая стоимость имущества) за налоговый период составит:

СрГодСт = = (100 000/2 + 95 000 + 90 000 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0+0 +0/2) / 12 = 235 000/12 = 19583 руб.

Рассчитаем авансовые платежи по итогам отчетных периодов и сумму налога по итогам налогового периода:

Сумма авансового платежа по итогам первого отчетного периода равна:

АП(первый квартал) = 78333* 2,2% /4 = 431 руб.

Сумма авансового платежа по итогам второго отчетного периода равна:

АП(полугодие) = 39167* 2,2% /4 = 215руб.

Сумма авансового платежа по итогам третьего отчетного периода равна:

АП(девять месяцев) = 26111* 2,2% /4 = 144 руб.

Сумма налога, исчисленного по итогам налогового периода, равна:

19583*2,2% = 431 руб.

Сумма налога к уменьшению по итогам налогового периода равна:

431 – (431+215 + 144) = - 359 руб.

Как видно из расчетов, сумма налога, исчисленная за календарный год в соответствии с действующим законодательством, равна 482 рубля, а в соответствии с предлагаемыми изменениями составляет 431 руб.

Таким образом, используемая в настоящее время формула расчета средней (среднегодовой) стоимости налогооблагаемого имущества приводит к искажению налоговой базы по налогу на имущество организаций по вводимому или выбывающему в течение отчетного или налогового периода имуществу. В равной степени это утверждение относится и к порядку расчета среднегодовой (средней) стоимости имущества для организаций (или их обособленных подразделений), созданных или ликвидированных в течение налогового (отчетного) периода.

Предлагаемые изменения порядка расчета средней (среднегодовой) стоимости налогооблагаемого имущества позволят более точно определять налоговую базу по налогу на имущество организаций, опираясь на законы средних величин.

O.I. KOZHANCHIKOV, N. U. KOZHANCHIKOVA

REFORM OF PROPERTY TAX BASED ON THE CHANGE IN THE PROCEDURE OF DETERMINING THE TAX BASE

In article the operating order of definition of average and mid-annual cost of the basic means of the organizations for the purpose of definition of tax base under the tax to property of the organizations is considered. Problems of application established by the Tax code of the Russian Federation of an order of definition of tax base on entered or leaving during the accounting or tax period to property are analyzed. Change of the formula of calculation of average and mid-annual cost of taxable property on the basis of rules of calculation of average sizes Is offered.

Key words: ***corporate property tax, the procedure for determining the tax base, and the procedure for calculating the average annual value of taxable property.***

А.Н. КОТЬКОВ
соискатель кафедры экономической теории и управления персоналом Орловского Госуниверситета-УНПК
Тел. 8 920 828 54 45

О ВЗАИМОСВЯЗИ СОСТОЯНИЯ РЫНКА ТРУДА И МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

В данной статье рассматривается фактическое соотношение между количеством рабочих мест и имеющимися трудовыми ресурсами, которые оказывают большое влияние на масштабы трудовых перемещений.

Ключевые слова: ***трудовой потенциал, рынок труда, миграция, заработная плата, безработица.***

В современных условиях рынок труда выступает в качестве социально-экономического механизма рационального распределения и перераспределения рабочей силы по отраслям экономики, является органической составляющей рыночной структуры общества. Здесь переплетаются интересы работников и работодателей при определении цены и условий труда и отражаются все социально-экономические и политические проблемы, происходящие в современном российском обществе, обусловленные социально-экономическими процессами, вызывающими изменения, как структуры рабочих мест, так и состава и качества трудовых ресурсов общества. Сохранение значительного разрыва в уровнях оплаты труда работников в различных отраслях экономики приводит к усилению перераспределения рабочей силы между отраслями и секторами экономики, что в свою очередь способствует дальнейшему увеличению численности незанятого населения, а, следовательно, ускорению процесса миграции.

Фактическое соотношение между количеством рабочих мест и имеющимися трудовыми ресурсами оказывает большое влияние на масштабы трудовых перемещений. Таким образом, значительную часть миграционных потоков, как внутренних, так и внешних, определяет рынок труда.

В современных условиях государство в достаточной мере не контролирует эти процессы. Миграция населения депрессивных российских регионов, эмиграция квалифицированной рабочей силы, в том числе пресловутая «утечка умов», встречные потоки экономических мигрантов из-за пределов бывшего СССР, зарубежных специалистов и бизнесменов, трудовых мигрантов из новых независимых государств – все указанные перемещения населения оказывают заметное и не всегда позитивное влияние на рынок труда.

Характерной чертой практически всех региональных рынков труда является их несбалансированность в таких аспектах, как: профессиональный, квалификационный, демографический, региональный, отраслевой.

Е.Г. Мальцева правильно отмечает: «Нескоординированная деятельность институциональных структур, призванных регулировать процесс подготовки, переподготовки, распределения и перераспределения экономически активного населения по отраслям и сферам производственной деятельности приводит к существованию устойчивых диспропорций на рынке труда, росту уровня безработицы при одновременном длительном существовании незаполненных вакантных рабочих мест» [2, с.98].

Каждый индивид, еще не вступивший в трудоспособный возраст, ориентирует себя на получение высшего образования безотносительно того, востребована ли избранная им профессия на региональном рынке труда. Проблема трудоустройства молодых специалистов в настоящее время стоит настолько остро, особенно в депрессивных регионах, что вынуждает выпускников высших и средних специальных учебных заведений пополнять ряды безработных.

Программы, существующие практически в каждом регионе, направленные на содействие в трудоустройстве молодежи, неэффективны, а предлагаемые курсы по переобучению с целью получения рабочей специальности, востребованной на рынке труда, не привлекают безработных не только в силу более низкого социального статуса, но и размеров уровня оплаты труда. Однако сегодня в большинстве регионов России ситуация такова, что производители предъявляют спрос на трудовые ресурсы в 70% субъектов физического и только 30% субъектов умственного труда. Умственный и физический, квалифицированный и неквалифицированный труд требуют определенного уровня общего и специального образования и профессиональной подготовки работников и создают различные возможности для реализации профессиональных и личностных способностей в процессе трудовой деятельности.

© А.Н. Котьков

Таким образом, функционирование российского рынка труда происходит в условиях, когда важнейшие элементы его самонастройки – цена рабочей силы, уровень душевого потребления населения не приведены в соответствие со стоимостью рабочей силы. Это приводит к тому, что уже на начальных этапах возникает деформация структурных компонентов рынка труда, таких как спрос и предложение.

В условиях существующей структурной безработицы обостряется проблема переподготовки безработных, имеющих высшее образование, значительный опыт и стаж работы в той или иной сфере деятельности. Получение рабочей профессии означает перемещение из одного социального статуса в другой. Это накладывает ограничения на принятие или непринятие субъектами рынка труда определенных профессий. Очевидно, что социальная мобильность вверх осуществляется с большим желанием, чем обратная социальная мобильность.

Невозможность реализации трудового потенциала в своем регионе приводит к росту территориальной мобильности, миграции в крупные города, а также за пределы страны. В свою очередь миграционный процесс тесно связан как с горизонтальной, так и с вертикальной мобильностью, поскольку каждый мигрирующий индивид, помимо перехода в другую социальную группу, стремится найти на новом месте лучшие экономические, политические или социальные условия существования.

Спрос на труд определяется множеством факторов, связанных с социально-экономическими и демографическими процессами, происходящими в регионе. К числу таких факторов относится государственная политика, направленная на стимулирование предпринимательской активности, развитие малого предпринимательства и самозанятости безработного населения, а также реализация региональных программ, направленных на стимулирование конкуренции или создание конкурентной среды в той или иной отрасли. Это приводит к появлению множества мелких фирм, передаче социальных объектов предприятий в собственность муниципальных органов самоуправления, что влечет за собой создание рабочих мест с низкой оплатой и неудовлетворительными условиями труда, заполняемыми через оформление временных трудовых контрактов, часто с работой неполную рабочую неделю.

Спрос на работников, занятых на условиях найма с возможностью дальнейшего карьерного роста, высокой оплатой и хорошими условиями труда, формируется в большей степени за счет создания крупных промышленных предприятий различных форм собственности, а также в сфере государственного управления. В условиях все большего распространения нетрадиционных форм занятости (гибкая занятость, неполная занятость, работа по временному трудовому контракту и др.) растет спрос на работников, обладающих большей функциональной и пространственной мобильностью. Важнейшим качеством рабочего становится способность к быстрой адаптации к меняющимся требованиям производства, его подвижность.

Трудовая миграция – закономерный процесс функционирования рынка труда в современной рыночной экономической системе. Однако в настоящее время она в меньшей степени связана с удовлетворением профессиональных интересов, а в большей – с решением материальных проблем. Основная причина трудовой миграции – поиск более высокооплачиваемой работы.

Состояние рынка труда региона существенно влияет как на спрос на рабочую силу, так и на ее предложение. Если отсутствие спроса или низкий уровень оплаты труда для одного сегмента трудовых ресурсов являются выталкивающим фактором, причиной возникновения трудовой миграции, то увеличение спроса на труд для другого сегмента позволяет существенно повысить предложение за счет притока мигрантов из других регионов и зарубежных стран.

Теория спроса и предложения, опосредованная преимущественно влиянием дифференциации заработной платы, является классической традицией в изучении миграции. Одна из известных теоретических моделей была разработана для объяснения трудовой миграции в условиях экономического роста. Согласно этой теории (с учетом ее последующего развития), внутренняя миграция (так же, как и внешняя) вызвана географическими различиями в спросе и предложении рабочей силы.

В рамках неоклассической теории получила широкое развитие модель сельско-городской миграции М. Тодаро. Сущность этой концепции заключается в том, что миграция стимулируется преимущественно рациональной экономической оценкой работника относительных затрат и выгод и прежде всего финансовых. Решение мигрировать зависит от ожидаемых различий в уровне заработной платы между городом и селом. Миграция избытка рабочей силы, превышающей возможный уровень занятости в городах, не только возможна, но и рациональна с учетом позитивных ожидаемых сельско-городских различий в доходах. Поэтому высокий уровень безработицы в городах – неизбежное следствие несбалансированности экономических возможностей между городом и селом в большинстве стран (регионов) с низким уровнем развития.

Таким образом, с точки зрения неоклассиков, трудовая миграция – результат дифференциации заработной платы между регионами. Устранение таких различий (выравнивание уровня оплаты труда) снижает территориальную мобильность трудовых ресурсов.

С точки зрения сторонников теории человеческого капитала, потенциальные мигранты оценивают затраты и выгоды от миграции в альтернативные зоны и мигрируют туда, где ожидаемые дисконтированные чистые доходы являются наибольшими в течение некоторого обозримого периода времени. Чистые выгоды от миграции определяются как будущая заработная плата, соответствующая индивидуальному уровню квалификации в районе вселения, умноженная на вероятность получения здесь работы. Выгоды от миграции делятся на монетарные и немонетарные. Последние включают и психологические выгоды.

Основные положения теории человеческого капитала применимы и для анализа трудовой миграции, заключающейся в регулярном или ежедневном перемещении за пределы места постоянного проживания к месту работы, расположенному на территории другого региона или в мегаполисе, прилегающему к данному региону.

Решение принимается индивидуально трудовым мигрантом или домохозяйством в целом. Потенциальный мигрант оценивает свои индивидуальные характеристики (уровень знания, образование, опыт производственной деятельности и другие личные качества) с точки зрения возможности трудоустройства, обеспечивающего ему более высокий уровень доходов. На принятие решения влияет географическая близость (удаленность) потенциального места работы от места постоянного проживания, наличие транспортной инфраструктуры, оцениваемые издержки, связанные с перемещением к месту работы и обратно. Индивидуальные характеристики, социальные условия, относительно невысокие затраты на миграцию способствуют росту чистой выгоды и, следовательно, повышают ее вероятность. Таким образом, потоки трудовой миграции являются суммой индивидуальных перемещений, предпринимаемых на основе индивидуальных оценок затрат и выгод миграции.

Библиографический список

1. *Димаев А.Р.* Социальная сущность и последствия миграции населения в современной России: социологический анализ. М.: Изд-во РУДН, 2009. 14 п.л.

2. *Мальцева Е.С.* Региональный трудовой потенциал: рынок труда и миграция населения. Орел: Изд-во ОРАГС, 2011. 256с.

3. *Озов А.А.* Реализация концепции управления трудовым потенциалом в контексте социально-трудовых отношений // Финансы и кредит. 2010, №2.

A.N. KOTKOV

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LABOR MARKET AND MIGRATION

The article considers the actual ratio between the quantity of the job places and the real labour resources which have a great influence on the scale of labor movements.

Key words: **labour potential, labour market, migration, wages, unemployment.**

Д.А. МИТИН
старший преподаватель кафедры экономики и управления Орловского государственного института искусств и культуры
Тел. 8 920 828 54 45

СУЩНОСТЬ КООПЕРАЦИИ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются социально-экономические преобразования, которые осуществлены в экономике агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: ***кооперация, потребительская кооперация, производственная кооперация, аграрный сектор экономики, агропромышленная интеграция.***

За последние годы в экономике агропромышленного комплекса осуществлены социально-экономические преобразования, исходным моментом которых явилась трансформация отношений собственности, обусловленная процессами разгосударствления и приватизации ее первичных звеньев сельскохозяйственных, перерабатывающих и обслуживающих предприятий и их различных объединений. Результатами этих процессов стало создание основ многоукладной аграрной экономики, появление различных типов предприятий: частных, государственных, унитарных, муниципальных, коллективных, кооперативных, акционерных обществ разного типа, крестьянских (фермерские) и подсобных хозяйств. Однако адекватных изменений экономических связей практически не сложилось. На сегодняшний момент сеть предприятий АПК представлена совокупностью многочисленных разрозненных и в большинстве своем экономически слабых предприятий. В современных условиях ни одна из сфер АПК не в состоянии в одиночку выйти из экономического кризиса. Поэтому одним из возможных путей стабилизации и экономического роста агропромышленного производства является объединение их усилий на основе кооперации как значимого составляющего развития экономики страны.

Кооперация предприятий представляет собой форму сотрудничества экономически и юридически самостоятельных предприятий в целях повышения надежности обеспечения, более полного удовлетворения спроса на требуемые материальные ресурсы и услуги, повышения эффективности их деятельности.

Обобщая трактовки разных исследователей кооперативной теории и практики, можно сделать вывод, что «кооперация представляет собой синтез трех составляющих ее элементов»: кооперация – форма труда; кооперация – хозяйственное предприятие; кооперация – общественное движение [1, с. 29-30].

В настоящее время процесс формирования и развития кооперации идет в направлении расширения и многообразия её институциональных элементов и развития социально ориентированного характера их деятельности. Обслуживая в основном сельское население, она берет на себя основные функции обустройства села, формирования торговой и производственной инфраструктуры, экономической и социальной защиты населения. Традиционно приоритетное место в кооперативной системе принадлежит потребительской кооперации.

В нашей стране потребительская кооперация – органичный, структурный элемент агропромышленного комплекса, представляющий собой одну из форм социальной защиты и экономической поддержки сельского населения. Как часть АПК она функционирует в соответствии с рыночными экономическими законами, которые предопределяют как особенности кооперативной сферы расширенного воспроизводства, так и специфические моменты, обусловленные взаимосвязями в АПК, так как будучи многоотраслевой хозяйственной системой потребительская кооперация участвует не только в реализации конечного продукта и услуги, но непосредственно в их создании. Таким способом потребительская кооперация способствует сокращению времени обращения продукции и всего воспроизводственного цикла. При этом целевая экономическая функция потребительской кооперации заключается в доведении материальных благ до потребителя. Этот основной процесс в его непрерывности и определяет функциональное содержание потребительской кооперации в составе АПК. Формирование и развитие взаимоотношений между потребкооперацией и отраслями агропромышленного комплекса опосредуется кооперативными связями. Они отражают совокупность организационно-экономических и социально-экономических отношений в процес-

© Д.А. Митин

се взаимодействия кооперирующихся хозяйств. Организационными формами кооперативных связей являются предприятия и организации системы АПК и потребительской кооперации.

Взаимодействие потребительской кооперации с АПК осуществляется по трем основным направлениям: торговля товарами народного потребления на селе и, тем самым, с одной стороны – обеспечение потребностей населения, составляющих основу трудовых ресурсов АПК, а с другой – содействие в реализации продукции АПК и доведение воспроизведенного цикла комплекса до завершенности; заготовка и переработка сельхозпродукции и сырья, обеспечивая, таким образом, сохранность и сбыт продукции АПК; выполнение функций социальной инфраструктуры на селе, то есть оказание услуг производственного и бытового характера [2, с.4].

В этой связи сущность потребительской кооперации в АПК состоит в том, чтобы помочь сельскохозяйственным товаропроизводителям в развитии их экономики и повышении эффективности производства. Она детализируется решением таких вопросов, как закупка сельхозтехники и орудий, минеральных удобрений и семян; ремонт, обслуживание техники, выполнение определенного вида работ, которые требуют специальной техники; организация рассадников, исследовательских и показательных полей, племенных ферм и целых хозяйств; организация дешевого кредита на производственные цели; обеспечение консультативно-информационными услугами и т.д. Основным результатом решения данных вопросов становится увязка в единую экономическую цепочку производства, переработки и реализации сельхозпродукции.

Надо отметить, что на современном этапе развития потребительской кооперации России классическая ее концепция в целом подвергается определенной корректировке. Прежде всего, это касается самого изначального процесса – формирования потребительских кооперативов. Происходит это потому, что за годы советской власти произошла постепенная деформация ее концептуальных основ, прежде всего кооперативных принципов: демократического управления; открытого добровольного членства; равенства на основе «один член – один голос»; справедливого распределения прибыли и других. В результате потребительская кооперация превратилась в формально-кооперативную организацию, в которой вместо кооперативных принципов преобладал принцип распределения. Для государства она стала организацией, осуществляющей распределенческие функции в условиях массового дефицита потребительских товаров.

В настоящее время потребительские кооперативы начинают создаваться, во-первых, на проверенных историческим опытом и временем кооперативных постулатах – кооперативных принципах и ценностях. Во-вторых, современная потребительская кооперация выступает как многоотраслевая социально-экономическая система, уставной целью функционирования которой является удовлетворение личных, экономических, социальных и других потребностей своих членов-пайщиков в товарах, услугах, а также обслуживание экономических интересов объединившихся в ней сельхозтоваропроизводителей и достижение определенных выгод для ее участников. Характерной особенностью деятельности потребительской кооперации является сочетание хозяйственных и социальных функций. Двойственная социально-экономическая природа кооперации является ее глубоким, основным внутренним противоречием, накладывающим отпечаток на ее хозяйственную деятельность, социальную сущность, возможность устойчивого и стабильного развития.

Выделяются управленческие структуры: а) внутри потребительского общества; б) в системе «потребительское общество – союз»; в) в системе «союз – союз». Организационная форма является тем конструктивным элементом кооперативного производства, который придает ему следующие характерные моменты: обеспечивает правовую регламентацию хозяйственной деятельности кооперативного предприятия; включает данное производство в систему единого экономического пространства; организационно закрепляет управление технологическими процессами и людьми; определяет систему внутренних и внешних финансовых взаимоотношений участников производственного процесса; регламентирует механизм взаимодействия профессионального менеджмента и общественного управления. В этой связи организационные формы потребительской кооперации отличает кооперативная самобытность, то есть статус некоммерческой организации, выполняющей социальную миссию и организующей свою экономическую деятельность на основе кооперативной идеологии, принципах и ценностях, что и определяет их потенциал и преимущества по сравнению с другими рыночными субъектами. При этом мы исходим из того, что потребительская кооперация как некоммерческая организация, с одной стороны, фиксирует и закрепляет сложившуюся в ней систему экономических отношений между пайщиками и администрацией по поводу реализации объектов кооперативной собственности и распределению продуктов этой реализации между членами кооператива а, с другой – определяет экономический порядок отношений с внешней сре-

дой: с государством и муниципальными органами власти через налоговую систему, финансовые и страховые организации и т.д. Поэтому потребительская кооперация, пожалуй, единственная организационная форма, которая тесно интегрирует интерес государства с его социальными группами. В-третьих, в современных условиях потребительская кооперация рассматривается как своеобразная форма организации производства (форма бизнеса), особая организационно-правовая форма предпринимательской деятельности.

Кооперативное предпринимательство имеет свои особенности. Первая особенность – предпринимательство является коллективным, так как осуществляется в интересах пайщиков, но не индивидуально ими, а в рамках кооперативных структур. Вторая особенность – предпринимательская деятельность реализуется преимущественно в сферах обращения и потребления и лишь частично в сфере производства. Третья особенность – целью предпринимательской деятельности потребительского кооператива является не извлечение прибыли. Хотя данное утверждение совсем не означает, что потребительский кооператив не заботится о её получении. Скорее, наоборот, в наше время ориентация на прибыль для кооператива как субъекта рынка составляет основу его здоровой конкуренции. Для потребительского кооператива прибыль трансформируется в некую общую экономическую выгоду, которую получают его участники. Поэтому прибыль от кооперативного бизнеса в основном используется для хозяйственного укрепления потребительской кооперации и имеет ярко выраженную социальную направленность. Исходя из вышеотмеченного, можно назвать следующие характерные черты организационных форм потребительской кооперации как социально-ориентированных хозяйствующих субъектов: свобода экономического выбора потребителя (открытое, доступное членство для всех); справедливое распределение дохода, это означает, что полученные кооперативом доходы распределяются пропорционально уровню пользования членами-пайщиками услугами кооператива; особая и своеобразная экономическая роль факторов производства. Капиталы, которыми обладают кооперативы, выступают для них как вспомогательное средство, так как на первом плане здесь находится человек труда и основное значение придается удовлетворению насущных потребностей людей.

Следовательно, роль кооперации в аграрном секторе состоит: в обеспечении условий для объединения людей, поставивших перед собой цель улучшить свое экономическое и социальное положение; в развитии кооперативного предпринимательства; в формировании интегрированных структур, так как кооперация вовлекает индивидуальных и ассоциированных сельхозтоваропроизводителей; в реализации социальной функции через создание рабочих мест, гарантированный уровень доходов; в способствовании к расширению кооперативной деятельности, развивая сбытоснабженческий, кредитный и иные виды кооперативов; в защите сельхозтоваропроизводителей от монопольных структур; в предоставлении сельским жителям возможности покупки качественных и относительно дешевых товаров и разнообразных услуг. Тем самым кооперация выступает как один из стабилизаторов рыночной экономики, поддерживая социальное равновесие в обществе, служит основой для организационно-структурной перестройки аграрного производства.

Поэтому необходимость кооперации в развитии аграрной сферы состоит в том, что она, во-первых, представляет собой альтернативную форму организации аграрной сферы экономики в интересах одновременно производителей и потребителей, которой могут воспользоваться как предприятия, так и домашние хозяйства.

Во-вторых, потребительская кооперация выполняет часть функций государства – социальную защиту населения, а поэтому вправе рассчитывать на государственную поддержку в своей социально-экономической деятельности.

В-третьих, потребительская кооперация выступает как форма самоорганизации населения, взаимной поддержки, коллективистских начал, прямого единения бытовых и хозяйственных форм жизни. Можно сказать, что кооперативная форма в наибольшей степени соответствует менталитету сельского жителя, сложившемуся хозяйственному укладу и традициям.

В-четвертых, система потребительской кооперации выступает как готовая структура и надежный партнер для реального сотрудничества с аграрно-промышленным комплексом по решению различных проблем, среди которых наиболее перспективной является развитие национальных и местных рынков, прежде всего сельского рынка. Потребительская кооперация может активно включаться в процесс денатурализации доходов сельского населения через систему заготовок, встречной продажи товаров, комиссионной продажи, переработки сырья на давальческих основах.

При этом основными задачами кооперации в агропромышленном комплексе являются:

– создание и развитие организаций торговли для обеспечения членов потребительских обществ товарами;

– закупка у граждан и юридических лиц

сельскохозяйственной продукции и сырья, изделий и продукции личных подсобных хозяйств и промыслов, дикорастущих плодов, ягод и грибов, лекарственно-технического сырья с последующей их реализацией;

– производство пищевых продуктов и непродовольственных товаров с последующей их реализацией через организации розничной торговли;

– оказание членам потребительских обществ производственных и непроизводственных услуг;

– совершенствование переработки, хранения, доведения сельскохозяйственной продукции до потребителя;

– поддержание сохранившихся крупных сельскохозяйственных предприятий в составе АПК, которые нуждаются в оптимизации отношений с различными предприятиями и организациями.

Современное российское законодательство характеризует кооперацию как систему хозяйственных и потребительских обществ и их союзов, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов [3, с.4].

Следовательно, она включает в себя следующие организационные формы:

– сельскохозяйственные производственные кооперативы, занимающиеся закупкой, переработкой и сбытом сельхозпродукции;

– специализированные потребительские кооперативы, которые для своих участников строят дома, гаражи, подсобные хозяйства, капитальное строительство, предоставляют кредиты, оказывают бытовые, консультационные, сельскохозяйственные и прочие услуги;

– потребительские общества, осуществляющие торговую, заготовительную, производственную и другую деятельность, в том числе и общественное питание;

– потребительские союзы (районный потребительский союз, областной, республиканский, краевой союзы, Центросоюз);

– хозяйственные общества, товарищества на вере, медицинские, образовательные и иные учреждения, а также потребительские общества, которые сами могут быть участниками хозяйственных обществ, кооперативов, вкладчиками товарищества на вере.

Системный характер кооперации дает основание выделить ее основные свойства, которые и составляют содержание хозяйственной и социальной функций организационных форм кооперации в составе АПК. На сегодняшний день таковыми являются самоорганизация, системность, адаптация, цикличность и локализованность. Свойство самоорганизации – это главный способ образования кооперативных формирований любого вида. В основе самоорганизации лежит собственная инициатива и собственные средства людей, которые они добровольно объединяют между собой, чтобы решать свои насущные проблемы. Именно самоорганизация позволяет мобилизовать и включить в хозяйственный оборот неиспользуемые ресурсы на территориальном, региональном и национальном уровне для скорейшего решения экономических и социальных задач пайщиков и некооперативного населения. О том, что потребительская кооперация начинается с самоорганизации, еще в 20-х годах XX века отмечал видный теоретик и практик российской кооперации А.В. Чаянов. Он говорил, что «основными требованиями к работе кооперативных объединений являются и необходимая самодеятельность масс, и гибкость организации их работы, и способность быстрой приспособляемости и исключительная чуткость» [4, с.12].

Свойство системности кооперации предусматривает, что ее организационные формы (потребительские общества, их союзы) связаны друг с другом определенным образом, в первую очередь, за счет сохранения вертикальных уровней власти и управления, каналов коммуникаций и механизма принятия решений, что дает возможность проанализировать работу различных элементов структуры потребительской кооперации, к примеру, в отношении производства товаров и оказания услуг, совокупной рабочей силы, реализации единой стратегии развития и т.д. Свойство системности предполагает также, что кооперация – это многоотраслевая структура в составе АПК, которая позволяет развивать традиционные и применять диверсификационные направления в кооперативном хозяйстве с учетом социальной направленности в обслуживании сельского населения.

Свойство адаптации организационных форм кооперации отражает основные тенденции в развитии кооперации, обеспечивающие её устойчивое функционирование при определенном взаимодействии внутренних и внешних условий существования. При этом ключевое значение здесь имеет исследование механизма ее адаптации к различным условиям экономической деятельности.

Таким образом, кооперация оказывает все возрастающее многостороннее воздействие на развитие аграрного сектора экономики.

Библиографический список

1. *Пилиховский А*. Неформальная кооперация в сельских общинах (на примере Польши, России, Болгарии) // Социс. 2000. №1. С.29-30.
2. *Соболев А.В.* Выдающийся теоретик русского зарубежья и его основные труды // Аграрная Россия. 2003. №2. С.2-10.
3. Закон Российской Федерации «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации». М.: Юриздат. 2000.
4. *Чаянов А.В.* О сельскохозяйственной кооперации (Избранные главы и статьи). Саратов. 1989.

D.A. MITIN

THE NATURE OF COOPERATION AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE AGRARIAN SECTOR OF ECONOMY

The article deals with the social and economic transformations which have been carried out in the economy of the agrarian complex.

Key words: ***cooperation, consumer cooperation, manufacturing cooperation, the agrarian sector of economy, agrarian and industrial integration.***

И.В. ПОПОВА
аспирант кафедры Мировой экономики и статистики финансового факультета Государственного университета – УНПК
E-mail:ninisa1@rambler.ru
Тел. 8 919 268 85 61

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЫНКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЫ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ МАРКЕТИНГА

В настоящей статье проведен сравнительный анализ особенностей формирования и развития рынка сельскохозяйственных земель в России и странах Европы. Выявлены возможные направления совершенствования отношений на отечественном земельном рынке с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: ***рынок земли, спрос, предложение, ценообразование, государственное регулирование земельных отношений.***

Вопрос о формировании и развитии рынка сельскохозяйственных земель в России в настоящее время является одной из наиболее противоречивых и дискутируемых тем аграрной экономики. То или иное решение этого вопроса, причем иногда с диаметральных позиций, представляется сторонникам различных групп зачастую важнейшим фактором для преодоления кризисных явлений в аграрном секторе отечественной экономики, попыткой, «с одной стороны, найти за счет рынка земли средства для капиталовложений в сельское хозяйство, а с другой – продолжить приватизацию едва ли не самой главной составляющей национального богатства с повышением мобильности земельной собственности и реструктуризацией хозяйств».[1, с.3]

Несомненно, в целях выявления основных направлений формирования и совершенствования российского рынка земель сельскохозяйственного назначения, способного обеспечить прозрачность сделок с землей и распределение земельных ресурсов в пользу эффективных землепользователей, может быть полезным творческое освоение зарубежного опыта стран Европы с развитым оборотом земельных угодий, давно отработанными нормами права и хозяйственной практики в земельном вопросе.

В то же время следует отметить, что формирование рынка земли – длительный исторический процесс, прежде всего предполагающий создание института частной собственности на землю, которой в России фактически не было в течение многих веков.

В большинстве европейских стран создание рынка земли происходило на основе римского права, там сложилось устойчивое понимание земли как объекта товарной сделки, с акцентом на личном и индивидуальном характере собственности на земельные участки.

В России же до XVIII века земля традиционно рассматривалась как объект владения, а не собственности. Изначально боярское и помещичье землевладение было связано с выполнением служебных функций по отношению к государству, в первую очередь, в военном деле. Нечего и говорить о крестьянском землевладении, основанном на «общине». Процесс утверждения частной собственности помещиков на землю фактически начался лишь с 1762 года, когда был издан Акт о вольности дворянства. При этом крестьяне были лишены всякой земельной собственности, хотя в хозяйственной практике они обычно пользовались общинной землей и выделенный им участок рассматривали как собственный, но юридически прав на него не имели. Реформа 1861 года принесла крестьянам личную свободу, однако закрепления за крестьянами земли на праве собственности она также не обеспечила. После революции 1917 года и национализации земли оборот земельных участков был юридически запрещен, и вопрос о формировании рынка земли в России не поднимался до конца XX века.

Таким образом, в отличие от европейских стран в России отсутствуют традиции и опыт рыночного оборота земельных угодий. В связи с этим очевидно, что процесс развития и обеспечения эффективного функционирования земельного рынка в нашей стране не может быть одномоментным, здесь еще впереди длинный путь.

Сравнение современного состояния рынка сельскохозяйственных земель в России и в Европе представляется целесообразным проводить на основе концепции маркетинга, с учетом особенностей земельных участков как товара, а также спро-

© И.В. Попова

са, предложения, процесса ценообразования.

Говоря о развитии отношений на отечественном рынке сельскохозяйственных земель, следует отметить, что Россия обладает большим количеством земельных ресурсов, чем европейские страны. Так площадь земель сельскохозяйственного назначения в РФ составляет более 168 млн.га. По состоянию на 2008 год она была сопоставима с площадью аналогичных земель во всех странах Евросоюза вместе взятых.

Основную часть земельных участков в России составляют участки площадью более 50 га. При этом в России достаточно равномерно представлен весь спектр земельных участков разных размеров: от 4 га до 1000 га и более. Что касается Европы, то практически во всех странах с 1990 г. наблюдается увеличение количества владельцев крупных участков площадью более 50 га за счет участков других категорий, особенно размером меньше 5 га [5].

Таким образом, в Российской Федерации имеется большое количество земельных участков сельскохозяйственного назначения, различных по своим размерам, что создает хорошие перспективы для развития земельного рынка.

Проводя сравнительный анализ рынка земли в России и в странах Европы, следует отметить, что в европейских странах предложение сельскохозяйственных земель формируется в основном лицами, владеющими участками на праве собственности. Приобретают землю главным образом фермеры, в последнее время – и другие инвесторы, в том числе юридические лица. Участилась также покупка земель для несельскохозяйственного использования, например, для массовой жилой застройки, а также для переселения в сельскую местность многих фирм с учетом современной инфраструктуры. Однако в общем западное законодательство отрицательно относится к приобретению земель юридическими лицами.

В нашей стране основная часть участков находится все еще в государственной и муниципальной собственности. По данным Росреестра на 01.01.2010г. свыше 90% земельного фонда РФ являются государственными и муниципальными землями [4]. Более того, основной массив приватизированных сельскохозяйственных угодий приходится на земельные доли, которые в своей основной массе продолжают оставаться условной единицей, имеющей лишь усредненное количественное выражение в праве общей долевой собственности. Как отмечают многие исследователи, развитие оборота земель в России, формирование спроса и предложения на сельхозугодия сдерживается в нашей стране именно тем, что на сегодняшний день ничтожно мало земельных участков, принадлежащих гражданам на фактическом праве собственности[2].

Что касается уровня цен на земельные участки сельскохозяйственного назначения, то в странах Запада в связи с высоким спросом на земельные угодья цены поддерживаются на высоком уровне. При этом в рамках процесса ценообразования на рынке земли в европейских государствах имеет место сочетание действия рыночных механизмов с государственным вмешательством. В частности, колебания цен, переход менее эффективно используемых земельных наделов в другие руки определяются конъюнктурными факторами; в то же время государство контролирует использование земли, соблюдение социальных и экологических интересов. При формировании цены, как правило, принимают во внимание качество почвы, ее потенциальное и фактическое плодородие, место расположения участка, ожидаемый от его использования доход.

Для Российской Федерации характерна серьезная недооцененность земель сельхозназначения по сравнению как с развитыми, так и с развивающимися странами-сельхозпроизводителями. По состоянию на 2011 год цены на сельхозугодья в России колеблются от $100 до $1000 за 1 га. По данным Института конъюнктуры аграрного рынка, средняя цена составляет около $500-700, максимальные доходят до $1,3-1,6 тыс. за лучшие земли, в наиболее привлекательных с точки зрения земледелия и высокой урожайности с 1 га регионах, в частности в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области. При этом, например, в Западной Европе цена за 1 га составляет $4,5-28 тыс.[3].

На российском рынке сельскохозяйственных земель наибольшее распространение в настоящее время получили сделки купли-продажи земельных участков. В то же время на Западе наряду с куплей-продажей весьма распространена аренда земельных угодий. Так, в США арендуется 40% сельскохозяйственных земель, в странах ЕС – 48, в том числе в Бельгии, ФРГ и Франции – свыше 60, Люксембурге – 53, Швеции – 45,2, Нидерландах, Португалии и Великобритании – 30 и более, Дании, Греции, Испании, Италии, Австрии и Финляндии – свыше 20 и в Ирландии – 12,5%. [1,с.238]

В настоящее время в Российской Федерации аренда может выступать в качестве основного механизма, способствующего более эффективному распределению и использованию земельных ресурсов. Однако в отечественной практике в арендных отношениях часто нарушаются баланс интересов, взаимная выгода и заинтересованность сторон, нет четкости в финансовом оформлении. Арендная плата по различным регионам страны колеблется

в размере от уровня земельного налога до десятикратного его увеличения, делая практически недоступной аренду земли для средних фермеров. Преодоление этих негативных явлений и развитие арендных отношений в рамках оборота земли представляется на сегодняшний день необходимым условием для совершенствования земельных отношений в России.

Следует отметить существенную роль государственного регулирования в процессе функционирования рынка сельскохозяйственных земель практически во всех европейских странах.

Нередко государство осуществляет контрольные функции при операциях, связанных с передачей земли, с целью недопущения спекуляции. Например, в Швеции покупатели (кроме родственников) должны обратиться за разрешением на покупку сельскохозяйственных земель в государственную инспекцию. Франция более 30 лет придерживается сложной системы контроля над рынком земли. Закон требует разрешения властей при всяком акте купли-продажи земли или сдачи ее в аренду, т.е. в случае изменения землепользователя. Акцент делается именно на фактическом землепользовании. Если, например, собственник земли меняется, а арендатор остается тем же самым, то тогда разрешение не требуется. Если же меняется арендатор, а собственник остается прежним, то в этом случае, наоборот, нужно разрешение.

Правительственные органы могут быть посредником в купле-продаже земли. Купив землю, власти вправе затем перепродавать ее на более благоприятных условиях или передавать в аренду. Например, на региональных рынках земли в Нидерландах земельный банк регулирует спрос и предложение, а также ослабление напряженности, вызванной ростом цен на землю. Он формирует земельные резервы путем скупки участков и перераспределяет их реализацию между регионами, привлекая покупателей и продавцов более выгодными условиями.

В ряде стран законодательно устанавливаются минимальные и (или) максимальные размеры сельскохозяйственных угодий, которые могут находиться в частной собственности. Так, в Дании в целях борьбы с созданием латифундий закон устанавливает верхнюю границу землепользования в 150 га сельхозугодий. В Швейцарии установлены нормативы рациональных размеров хозяйств, которые исходят из того, что минимум размера фермы должен обеспечить занятость одного человека на 75%, или на 2100 часов в году. Максимальным считается участок, который обеспечивает разумный уровень доходов от 2,5 до 3 работников. При аренде же земли минимальный размер участка должен обеспечивать занятость 1,5 работника.

Кроме того, государственное регулирование земельного рынка в европейских государствах направлено на то, чтобы обеспечить нахождение земель в руках у эффективного собственника, как правило, в рамках семейной фермы. В этой связи во многих странах Европы законодательно устанавливается, что приобретать землю могут лишь физические лица, причем подпадающие под определенные, довольно жесткие ограничения. Как правило, это требования по специальному сельскохозяйственному образованию, опыту работы, проживанию в сельской местности. [1, с.216]

Помимо административных мер по регулированию земельных отношений в Европе широко распространено и экономическое, финансовое стимулирование рынка сельскохозяйственных земель. Основным инструментом здесь является льготное налогообложение сельскохозяйственных земель по сравнению с землями, занятыми жилой и промышленной застройкой. Так, в Испании с несельскохозяйственных земель платят поземельный налог 0,4% от их стоимости, а с сельскохозяйственных земель – 0,3%. В Португалии при продаже городской земли налог составляет 10% ее стоимости, а сельской – 8%. В ряде стран существуют льготы для фермеров и по налогу на приращение капитала (т.е. рост его балансовой оценки). Во многих странах Восточной Европы (Чехия, Венгрия, Польша) в целях развития оборота земель сельскохозназначения реализуются программы льготного кредитования фермеров в целях покупки сельскохозяйственных земель.

Таким образом, на основе проведенного сравнительного анализа особенностей формирования и развития рынка сельскохозяйственных земель в России и странах Европы можно сделать следующие выводы.

1. В отличие от европейских стран в России отсутствуют традиции и опыт рыночного оборота земельных угодий. В связи с этим очевидно, что процесс развития и обеспечения эффективного функционирования земельного рынка в нашей стране не может быть одномоментным, здесь еще впереди длинный путь. При этом возможно творческое осмысление зарубежного опыта, но в то же время необходимо учитывать и реалии российских хозяйственных отношений.

2. В Российской Федерации имеется гораздо большее количество земельных участков сельскохозяйственного назначения, чем в Европе, при этом в России равномерно представлен весь спектр земельных участков, различных по своим размерам, что создает хорошие перспективы для развития земельного рынка.

3. Эффективное функционирование рынка земли, высокие предложение и спрос на землю в Европе во многом обеспечиваются за счет нахождения значительной части сельскохозяйственных угодий в частной собственности граждан. В целях развития оборота земель в России необходимо формирование слоя фермеров-собственников сельскохозяйственных угодий, а также создание действенных экономических, политических, юридических гарантий права собственности на землю.

4. Как показал европейский опыт, в рамках решения вопроса о развитии оборота сельскохозяйственных угодий недопустима переоценка рыночного регулирования и недооценка необходимости государственного воздействия на соответствующие процессы. Независимо от форм собственности земля является важнейшим элементом национального богатства, а ее рациональное использование – условием для нормального функционирования не только сельского хозяйства, но и всей экономики в целом. Отсюда вытекает обязательность государственного регулирования рынка земли с целью обеспечения более эффективного использования сельскохозяйственных угодий и их сохранности.

Библиографический список

1. *Назаренко В.И., Шмелев Г.И.* Земельные отношения и рынок земли. М: Памятники исторической мысли, 2005. 292 с.

2. *Ленкин С.Л.*Особенности развития земельного рынка России [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: //http://www.yurclub.ru/docs/civil/article361.html, свободный. – Загл. с экрана.

3. Официальный сайт Института конъюнктуры аграрного рынка [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.ikar.ru, свободный. – Загл. с экрана.

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: https://rosreestr.ru, свободный. – Загл. с экрана.

5. Сравнительный анализ рыночных показателей и эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения в Европе и России [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.land-in.ru/UserFiles_earth/Europe_15-01-2008.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

I.V. POPOVA

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FORMING AND DEVELOPMENT OF FARMLANDS' MARKET AND EUROPEAN COUNTRIES BASED ON THE CONCEPT OF MARKETING

In this article the comparative analysis of features of the forming and development of farmlands' market in Russia and the countries of Europe is carried out. The possible directions of enhancement of the relations in the domestic land market taking into account foreign experience are revealed.

Key words: **land market, demand, offer, pricing, state regulation of the land relations.**

О.И. СВИРИДОВА
аспирант кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета
E-mail: Sviridova.O@list.ru
Тел. (4862) 45 06 57, 8 910 748 33 56

РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПОКУПКЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА. МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье представлены результаты маркетингового исследования туристического рынка города Орла, а именно инструментов комплекса маркетинговых коммуникаций (КМК) компаний, реализующих туруслуги. Рассмотрены маркетинговые подходы туроператоров (т/о) и турагентств (т/а) по привлечению турагентов и туристов соответственно. Сформированы рейтинги влияния маркетинговых коммуникаций на принятие решения о покупке туров.

Ключевые слова: ***маркетинговые коммуникации, туроператор, турагентство, скидки, реклама, имидж.***

Проблема: формирование эффективного комплекса МК турфирмы.

Цель исследования: определить уровень влияния каждого инструмента МК на процесс принятия решения о выборе туристической компании, покупке турпродукта.

План исследования.

Необходимая информация:

• наиболее действенные инструменты МК в процессе принятия решения о выборе туристической компании, покупке турпродукта;

• стоимость внедрения и работы каждого инструмента МК в сфере туризма;

• доходы от внедрения и работы каждого инструмента МК в сфере туризма.

Вид информации:

первичная – данные, которые будут получены в результате текущего исследования.

Метод сбора первичной информации – опрос.

Тип контакта – электронная почта (E-mail), телефон, лично.

План выборки

№ П/п	Единица выборки	Размер выборки, чел.	Время проведения опроса
1	Туристические агентства	20	в будние дни до 15:00
2	Туристы, обратившиеся в туристическую компанию	100	по факту обращения в туристическую фирму
3	Туристы, купившие турпродукт	100	по факту покупки турпродукта

Инструмент исследования: анкета для турфирмы, анкета для туриста.

Время проведения опроса: летний сезон 2011 г.

В результате исследования маркетинговых коммуникаций, воздействующих на туристические агентства при принятии решения о заключении договора с туроператорами, были выявлены следующие тенденции:

1) компетенция, поведение и работа менеджера – представителя туроператора практически не влияют на турагента при выборе партнёра по тому или иному направлению. Более того, анкетирование орловских представителей туристического агентского бизнеса показало, что 50% опрошенных компаний оценивают работу менеджеров туроператоров лишь как удовлетворительную. И ни одно из агентств не принимает решение о заключении договора по итогам общения с операторским представителем (рисунок 1).

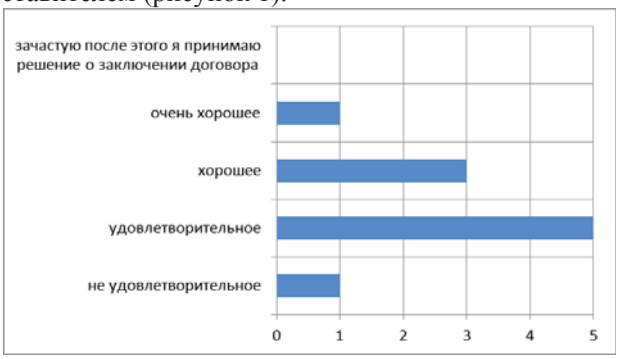


Рис. 1. Рейтинг впечатлений, полученных турагентами от общения с представителями туроператораторов.

Данную тенденцию, на наш взгляд, можно объяснить низким уровнем квалификации персонала, работающего в сфере реализации и продвижения туров. Частые ошибки, невысокая компетентность, а также нередко встречающееся пренебрежительное отношение к агентам усложняют взаимоотношения всех без исключения участников турбизнеса, превращая его, в глазах потенциального туриста, в наиболее низко клиентоориентированный механизм продажи туров;

© О.И. Свиридова

АНКЕТА ДЛЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ

Уважаемые коллеги! Современное развитие конкурентной среды в сфере туризма определяет необходимость внедрения комплекса маркетинговых коммуникаций (КМК). Использование рекламы, системы скидок, PR-акций и т.п. позволяет не только привлечь новых клиентов, но и пополнить список постоянных. Для разработки эффективного КМК просим Вас заполнить данную анкету.

Название компании, участвующей в опросе:	

1) При начале работы с т/о какое впечатление у Вас остаётся от консультации/ общения с его представителем:
неудовлетворительное ☐ хорошее ☐
удовлетворительное ☐ очень хорошее ☐
зачастую после этого я принимаю решение о заключении договора ☐

2) При заключении договора с т/о, поставщиком услуг имеет ли для Вас значение имидж туроператора, поставщика туруслуг:
нет ☐ да ☐
я выбираю контрагентов в первую очередь по этому критерию ☐

3) Как сильно реклама может повлиять на Ваше решение о заключении договора с тем или иным т/о:
не влияет ☐ влияет ☐
влияет в редких случаях ☐ значительно влияет ☐
решение всегда принимается благодаря понравившимся рекламным кампаниям ☐

4) Какое значение имеют для Вас системы скидок т/о при организации работы с ним:
неважное ☐ важное ☐
это основной критерий, по которому я выбираю своих контрагентов ☐

5) Оцените от 1 до 4-х баллов уровень влияния нижеперечисленных факторов на решение о заключении договора с тем или иным туроператором (т/о), поставщиком туристических услуг:

№ П/п	Факторы	Балл
1	Компетентность, внимание и поведение менеджера – представителя т/о	
2	Системы скидок, акции продаж, проводимые т/о	
3	Имидж туроператора, поставщика туруслуг	
4	Реклама туроператора, поставщика туритических услуг	

Дата	ФИО	
Должность заполнившего анкету		

АНКЕТА ДЛЯ ТУРИСТА

Уважаемый турист! Основная задача любого конкурентоспособного туристического агентства (т/а) – повышение удовлетворённости клиентов. Для совершенствования данного процесса просим Вас заполнить данную анкету. Конфиденциальность гарантируется.

Выберите наиболее интересные для Вас виды отдыха:
пляжный ☐ спортивный (горные лыжи, дайвинг) ☐
экскурсионный ☐ деловые конференции ☐

Повлияло ли общение с менеджером т/а на Ваше решение приобрести тур именно в этом месте:
нет ☐ да ☐
именно после общения решил остановиться на данном т/а ☐

Какое значение имеет для Вас система скидок, предлагаемая т/а:
неважное ☐ очень важное ☐
важное ☐ благодаря скидке, которую я получил в этом т/а, был сделан выбор ☐

Имеет ли для Вас значение имидж т/а:
нет ☐ да ☐
я покупаю туры в компаниях исключительно с положительным имиджем, репутацией ☐

Как влияет реклама т/а на Ваш выбор (места приобретения) тура:
не влияет ☐ влияет ☐
влияет в редких случаях ☐ значительно влияет ☐
благодаря рекламе я (узнал о данном т/а) решил приобрести тур ☐

Оцените от 1 до 4-х баллов уровень влияния нижеперечисленных факторов на принятое Вами решение (о выборе т/а) покупке тура:

№ П/п	Факторы	Балл
1	Компетентность, внимание и поведение менеджера турагентства	
2	Системы скидок, акции продаж, проводимые т/а	
3	Имидж туристического агентства	
4	Рекламные кампании турагентства	

Дата заполнения анкеты	Дата рождения туриста	
ФИО туриста		

2) имидж туроператора (т/о) влияет на принятие решения о заключении договорных обязательств с ним. А 30% турагентств выбирают контрагентов в первую очередь по этому критерию (рисунок 2).

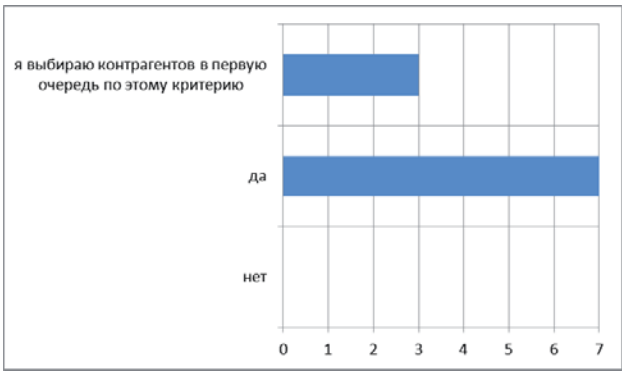


Рис. 2. Влияние имиджа туроператора на турагента при заключении договора.

По результатам опроса профессиональных представителей турбизнеса – туроагентов важным критерием при выборе для дальнейшего сотрудничества т/о служит имидж и репутация компании, сложившиеся за время работы на туристическом рынке. Кроме положительного или отрицательного опыта в сфере туризма, в т.ч.: задержки, переносы вылета туристов, заселение в отели, отличные от брони клиента во время покупки тура, изменение экскурсионной программы и т.п., на формирование имиджа туроператора оказывают влияние квалификация и приёмы работы персонала, рекламные кампании, PR-акции и пропаганда.

Если туристическая компания, формирующая тур, позиционирует себя как солидный многопрофильный т/о или как молодая, но активно развивающаяся компания, при реализации тура по индивидуальному направлению турагент выберет 1-ый вариант партнёрства, а в случае с продажей пекедж-тура в Турцию или Египет –2-ой. Надёжность туроператора и положительный многолетний опыт работы в определённых регионах мира – не только залог достижения высокой удовлетворённости туриста по завершении отдыха, но и повторного обращения данного туриста в турагентство.

3) как и имидж, реклама значительно влияет на турагента при поиске партнёра-туроператора (т/о). 40% и 30% респондентов отметили значительное влияние рекламных кампаний т/о на решение о заключении договора с ним. 20% опрошенных турагентов всегда выбирают контрагентов благодаря понравившимся рекламным кампаниям.

Факт влияния рекламы как одного из основных инструментов комплекса маркетинговых коммуникаций подтвердили все без исключения участвовавшие в опросе туристические агентства. Зачастую в ситуации отсутствия достоверной информации о развитии операторского туристического сообщества реклама служит для агентов в том числе и одним из параметров оценки надёжности и стабильности его работы;

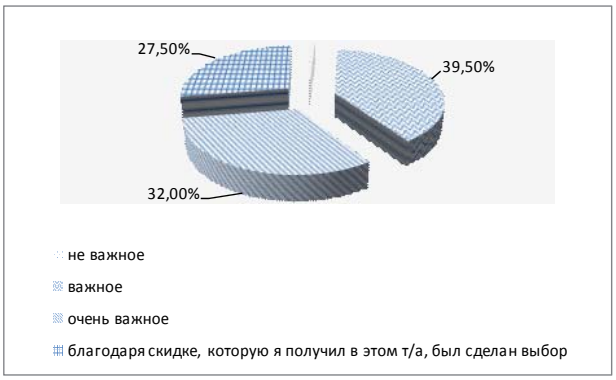


Рис. 3. Рейтинг уровней влияния рекламы на решение о заключении договора с туроператором.

4) скидки – один из наиболее эффективных методов привлечения турагентств к сотрудничеству. Лишь одна компания не рассматривает скидки в качестве важного индикатора при выборе партнёра среди туроператоров. Для 70% опрошенных действующие на момент заключения договора системы скидок – важный фактор, и 20% орловских турагентств определяют их как основной критерий, по которому выбирается контрагент (рисунок 4).

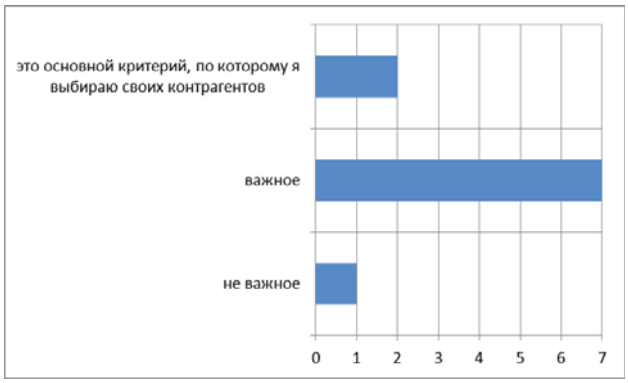


Рис. 4. Рейтинг уровней влияния системы скидок т/о при организации работы с ним.

В туристическом бизнесе скидки как некоторое процентное снижение стоимости турпродукта для турагентов (т/а) практически не используются. Практика показывает, что наиболее распространённые во взаимоотношениях компаний, формирующих туры и реализующих их, скидки представляют собой повышенные комиссии, которые т/а могут заработать за определённое оператором количество лет сотрудничества, проданных туров в данную страну, регион, отель. Размер таких вознаграждений за год сотрудничества может возрасти с 8%

до 15%. Наибольшие привилегии в комиссионных программах имеют агентства, присоединившиеся или начинающие свою деятельность как участники франчайзинговых сетей. Что, в свою очередь, служит высокоэффективным инструментом комплекса маркетинговых коммуникаций самих сетей по отношению к потенциальным агентам-партнёрам;

5) При сравнении значимости указанных на рисунке 5 критериев опрошенные туристические агентства г. Орла прежде всего обращают внимание на имидж оператора (в среднем 3,3 балла) и системы скидок (в среднем 3,1 балла). Реклама и компетентность менеджера по уровню воздействия на т/а заняли 3-ю и 4-ю позиции, набрав в среднем 2,1 и 1,5 балла соответственно (рисунок 5).

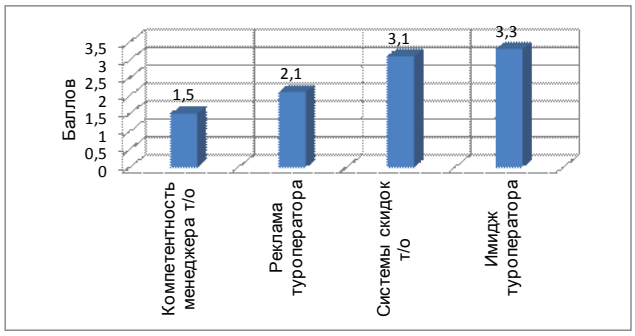


Рис. 5. Рейтинг маркетинговых коммуникаций в соответствии с уровнем воздействия на т/а при выборе т/о для дальнейшего сотрудничества.

В современных условиях развития операторского и агентского взаимодействия сферы туризма имидж играет решающую роль при организации совместной работы. Это связано, на наш взгляд, с тем, что туроператорский рынок в большей степени представляет собой монополистическую конкуренцию, где функционирует множество т/о, предлагающих дифференцированные турпродукты по разным направлениям, и не каждому удаётся завоевать свою нишу в долгосрочном периоде.

Скидки не менее эффективны при воздействии на турагента. Данный инструмент комплекса маркетинговых коммуникаций начинает работать после выбора нескольких контрагентов с положительной репутацией. Агент, нашедший надёжных операторов по направлению, необходимому для туриста, выберет более интересного для себя компаньона, предоставляемая комиссия которого будет выше.

Несмотря на то, что реклама в рейтинге влияния инструментов маркетинговых коммуникаций на процесс принятия решения турагента о покупке занимает третье место, её необходимость безусловна. В первую очередь, реклама обеспечивает информированность существующих и потенциальных клиентов туроператоров.

Относительно компетентности работников-поставщиков турагентов необходимо отметить, что вопреки образующемуся узкому месту в данной области этот инструмент всё же влияет на процесс заключения договора с оператором. Важно, чтобы данное влияние становилось всё менее негативным, в противном случае эффективное использование профессиональных продаж в сфере туризма невозможно.

Не совсем схожая ситуация складывается в результате опроса туристов. Работа менеджера тургентства в 62,5% случаев влияла на решение приобрести тур. 37,5% туристов при ответе на вопрос о воздействии общения с менеджером на выбор т/а ответили: «Нет» (рисунок 6). Это означает, что турист предпочёл купить тур у конкурирующей компании либо изначально планировал «отдыхать» именно с данным турагентством.

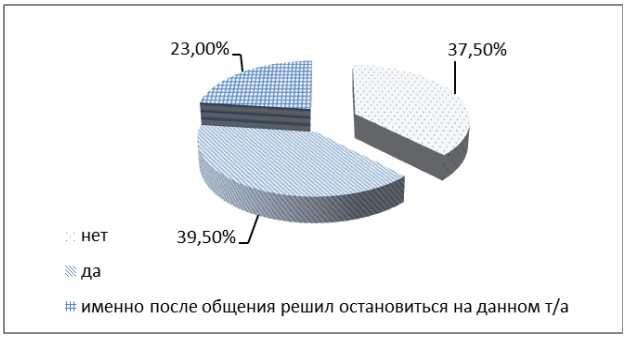


Рис. 6. Диаграмма ответов туристов на вопрос: «Повлияло ли общение с менеджером т/а на Ваше решение приобрести тур именно в этом месте».

В сравнении с аналогичным опросом турагентств интересен факт, что в 23% случаев выбора т/а туристы руководствовались положительными впечатлениями, полученными от общения с менеджером. Тогда как ни одно из опрошенных турагентств не заключает договор с туроператором на основе оценки работы его представителя (аналогичного фактора) (рисунок 7).

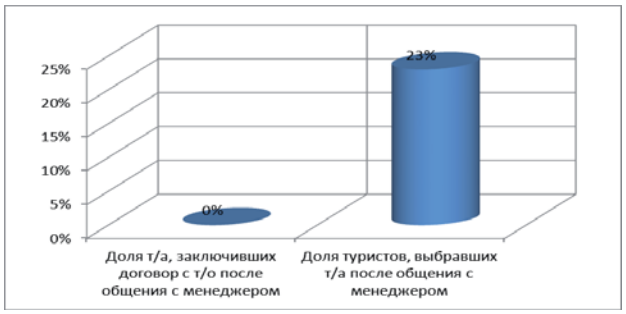


Рис. 7. Диаграмма сравнения долей опрошенных т/а и туристов, выбравших продавцов туристических услуг по итогам общения с их представителями.

В современной агентской практике компетентность, внимание и поведение менеджера значительно влияют на уровень успешности компании на туристическом рынке. Часто только благодаря работникам турагентства компания развивает отношения с существующими туристами и регулярно привлекает потенциальных. В условиях отсутствия отлаженного механизма подготовки кадров для данной сферы знания, умения и навыки большинства менеджеров по туризму формируются уже в процессе работы и их качество зависит, прежде всего, от энтузиазма самого работника.

Что касается эффективности использования скидок как инструмента комплекса маркетинговых коммуникаций туристического агентства, то 99% опрошенных туристов подтвердили его значимость. В том числе 39,50% и 32% респондентов определили, что система скидок, предлагаемая т/а, является для них важным и очень важным фактором соответственно (рисунок 8).

Рис. 8. Диаграмма ответов туристов на вопрос: «Какое значение имеет для Вас система скидок, предлагаемая т/а?».

Более того, 27,50% туристов приобретают тот или иной тур именно благодаря предложенной в агентстве скидке. Данный инструмент неизменно привлекает туристов в новые компании, а также позволяет поддерживать стабильность спроса в уже проверенных агентствах.

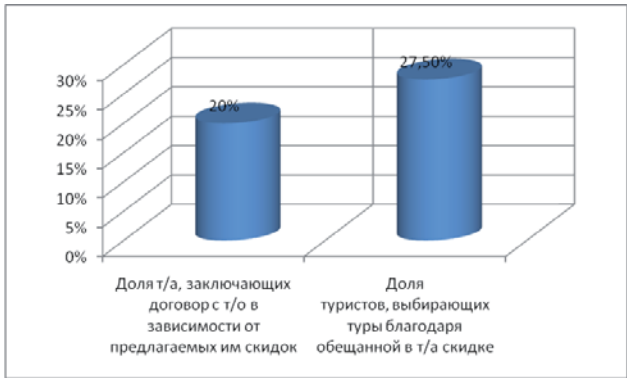


Рис. 9. Диаграмма сравнения долей опрошенных т/а и туристов, выбравших продавцов туристических услуг в соответствии с предложенными им скидками.

При относительном сравнении результатов опроса туристов и агентств можно отметить, что приблизительно четверть респондентов и той, и другой сферы определяют фактор «скидки» как решающий в процессе выбора контрагента/ поставщика услуг.

Безусловно, политика сбыта, практикующая предоставление скидок клиенту, достаточно эффективна, однако, с точки зрения работы турагентства, важно принимать во внимание необходимость продуманного предоставления скидок. Так как нарабатывая клиентскую базу туристов за счёт скидок, туристическая компания теряет значительную долю своей комиссии. Ведь скидка вычитается строго из вознаграждения турагента.

Необходимо отметить тот факт, что четверть опрошенных туристов не придаёт значения имиджу т/а, в котором собирается приобрести/ приобретает турпродукт. Что небезосновательно, так как растущий рынок продажи туров (в 2010 году ежемесячно открывалось не менее 1 туристического агентства) предполагает значительное количество продавцов, о которых потенциальный турист может не только ничего не знать, но и в первый раз увидеть по дороге с работы домой.

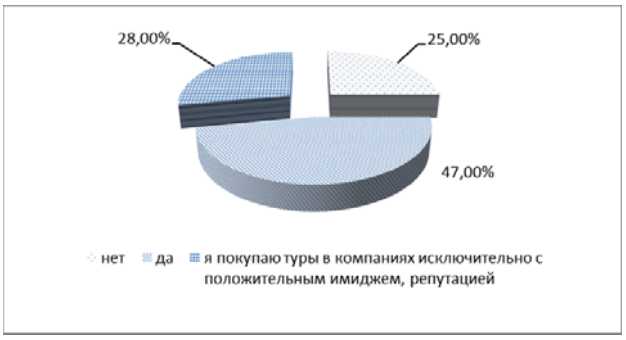


Рис. 10. Диаграмма ответов туристов на вопрос: «Имеет ли для Вас значение имидж т/а?».

Несмотря на это, большая часть туристов руководствуется имеющейся информацией о туристическом агентстве при покупке тура. Более того, 28% респондентов покупают туры в компаниях исключительно с положительным имиджем, репутацией, (рисунок 10). Интересно, что в отличие от туроператоров в формировании положительного или отрицательного имиджа компании по продаже туров значительную роль играет так называемое сарафанное радио. Впечатления, полученные от отдыха с тем или иным агентством, передаются в качестве маркетинговой коммуникации от человека, вернувшегося из туристической поездки, к его родственнику, другу, знакомому, соседу, коллеге по работе и т.п., т.е.: от туриста к потенциальному туристу. И от

того, насколько данные впечатления положительны, во многом зависит успешность компании на рынке.

В сравнении с туристами турагенты при заключении договоров с туроператорами никогда не упускают имидж из ряда критериев, в соответствии с которыми принимается решение. 0% и 25% опрошенных т/а и туристов соответственно при оформлении сделки не придают значения имиджу контрагента, (рисунок 11).

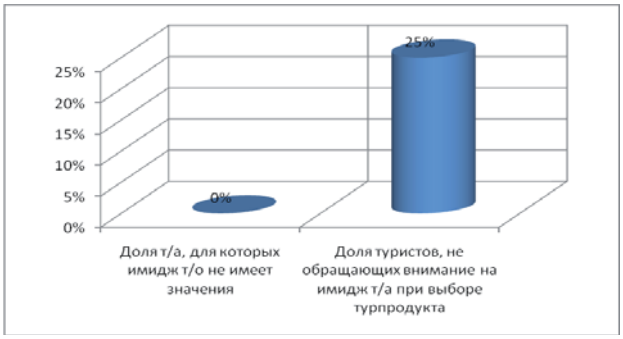


Рис. 11. Диаграмма сравнения долей опрошенных т/а и туристов, для которых имидж продавца не имеет значения.

Данная ситуация складывается, во-первых, потому, что турагент при осуществлении своей деятельности несёт ответственность по обязательствам не только перед своими работниками, арендодателями, поставщиками, но и перед туристами, которых, в случае неудачно организованного отдыха, может с высокой вероятностью в будущем упустить. Во-вторых, с ростом уровня осведомлённости туристов имидж турагента уступает в эффективности воздействия прочим инструментам комплекса маркетинговых коммуникаций. В настоящее время практически каждый пятый потенциальный турист обращается в агентство, просмотрев предварительно интересующие его предложения, например, на web-сайтах туроператоров.

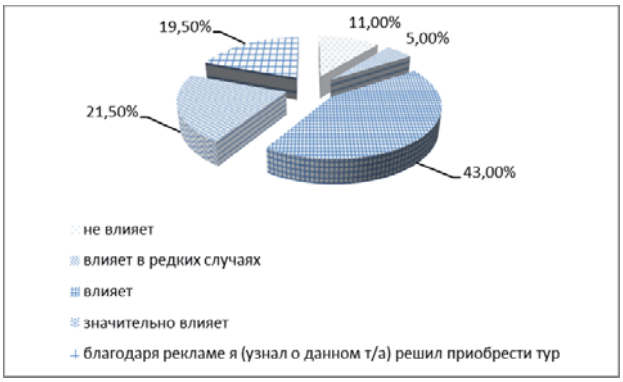


Рис. 12. Диаграмма ответов туристов на вопрос: «Как влияет реклама т/а на Ваш выбор (места приобретения) тура?».

По результатам опроса было выявлено отсутствие стопроцентного влияния рекламы на туриста. 11% и 5% респондентов отметили, что при выборе (места приобретения) тура реклама на них не влияет и влияет в редких случаях соответственно, (рисунок 12).

Однако, при выборе тура на 43% и 21,50% туристов реклама влияет и значительно влияет соответственно, а 19,50% благодаря рекламе решили приобрести тур. При проведении анализа указанных данных необходимо принимать во внимание тот факт, что опрос проводился в нестоличном регионе, где общее количество турагентств не превышает 100 ед., а турагентств, работающих на туристском рынке более 5 лет, – 50 ед. В таких случаях большая часть туристов принадлежит к числу постоянных клиентов того или иного агентства и при выборе турпродукта больше руководствуется советом менеджера, с которым постоянно работает, чем рекламной компанией по новому направлению туроператора.

В сравнении с туристами, туристические агентства при принятии решения о заключении договора с туроператорами всегда, кроме прочего, руководствуются его рекламой. В соответствии с рисунком 13 0% опрошенных турагентств подтвердили факт отсутствия влияния на них рекламы при принятии решения о заключении договора с туроператорами.

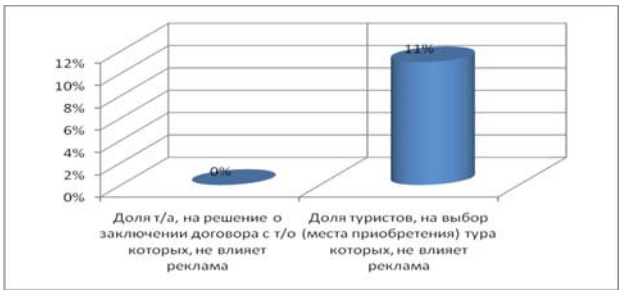


Рис. 13. Диаграмма сравнения долей опрошенных т/а и туристов, на выбор которых рекламные кампании т/о и т/а не оказывают влияния.

В отличие от агентства реклама оператора – это не только вывеска или небольшой рекламный щит при входе, но и дорогостоящие телевизионные ролики, рекламирующие целые направления отдыха. Отдельного внимания и значительной подготовки т/о требуют спонсорство и участие в выставках в рамках проведения той или иной рекламной компании. В том числе из этого складывается общее впечатление о т/о, ассортименте его турпродуктов, спектре его контрагентов, его надёжности и опыте работы на туристическом рынке. Именно поэтому представители турбизнеса в сфере продаж никогда не упускают рекламу в качестве возможности осуществить правильный выбор своего поставщика.

Несмотря на то, что 11% опрошенных туристов исключают влияние рекламы турагента (турпродукта) на свой выбор, данный инструмент комплекса маркетинговых коммуникаций туристической компании лидирует в рейтинге прочих. Системы скидок и компетентность менеджера заняли второе и третье место соответственно, а имидж туристического агентства удостоился лишь четвёртой позиции, набрав 1 балл, (рисунок 14).

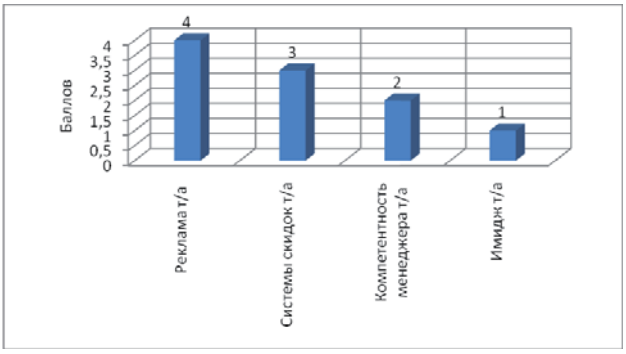


Рис. 14. Рейтинг маркетинговых коммуникаций в соответствии с уровнем воздействия на туриста при выборе т/а (покупке тура).

Безусловно, коммуникацией, которая в первую очередь достигает туриста, является реклама. По пути с работы домой, из дома в магазин и т.п. человек может периодически встречать рекламные туристические вывески, слышать по радио предложения турагентств, уже являясь при этом объектом воздействия рекламы, содержанию которой он отдаст предпочтение, как только начнёт планировать своё время для отдыха. После принятия решения об обращении в агентство запускается механизм влияния предлагаемых скидок и работы менеджера агентства. Имидж же воздействует лишь с точки зрения выбора, среди прочих, места приобретения тура.

Таким образом, при формировании комплекса маркетинговых коммуникаций туристической компании необходимо принимать во внимание его объект, т.к. лишь системы скидок в рамках функционирующей политики сбыта одинаково эффективно воздействуют как на туриста, так и на турагента, (рисунок 15).

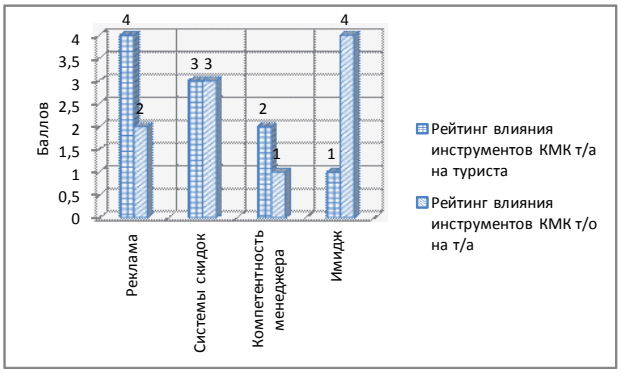


Рис. 15. Диаграмма сравнения рейтинга МК по эффективности воздействия на туриста и турагента.

Наибольшую разницу в значимости для туриста и агента по результатам опроса показывает имидж продавца в первом и во втором случае соответственно. Как упоминалось выше, важность имиджа т/о для туристического агентства безусловна, а с ростом осведомлённости в юридических вопросах и компетенции в сфере выбора турпродукта значение имиджа турагента для туриста снижается.

Библиографический список

1. *Котлер Ф.* Маркетинг. Гостеприимство. Туризм. М., 2007. 1071 с.
2. Туристский реестр Орловской области. URL: http://www.orel-region.ru/index.php?head=20&part=39 (дата обращения: 15.01.2012).

O.I. SVIRIDOVA

RATING ESTIMATE OF MARKETING COMMUNICATIONS INFLUENCE ON THE PROCESS OF MAKING DECISION IN TOURISTIC SPHERE MARKETING RESEARCH

In the article there are results of marketing research of the Orel touristic market, in particular of Orel touristic companies marketing communications. Touragent's and touroperator's marketing approaches were considered. Rating of marketing communications influence on customer was formed.

Key words: ***marketing communications, touroperator, touragent, discounts, advertisement, image.***

О.А. СОБИН
аспирант кафедры экономической теории и мировой экономики Орловского государственного института экономики и торговли
Тел. 8 920 828 54 45

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

В статье рассматривается состояние малого предпринимательства в экономике современного российского общества.

Ключевые слова: **предпринимательство, малый бизнес, рынок, прибыль, конкурентоспособность.**

В экономике российского общества все более значительную роль играет малое предпринимательство. Его представляют несколько миллионов реальных собственников, менеджеров, финансистов, организаторов производства, прошедших серьезную школу выживания в непростых условиях переходного периода. Несмотря на то, что, обладая огромными потенциальными возможностями, малое предпринимательство сегодня еще не стало стратегическим фактором развития экономики страны. Однако оно все же сумело за полтора десятка лет своего существования накопить первичный экономический, финансовый и интеллектуальный ресурсный потенциал.

Проведение экономических реформ, становление рыночных отношений во многом зависят от развития малых предприятий, которые являются необходимым условием и слагаемым социально ориентированной конкурентной экономики. Без массового развития малых предприятий нельзя создать имманентную рыночному хозяйству многоукладную экономику, обеспечить многообразие и равноправие форм собственности и хозяйствования.

Малое предпринимательство в России развивается в неблагоприятных условиях, при слабой государственной поддержке, недостаточной правовой защите, чрезмерно высоких налогах и дорогих кредитах, отсутствии ясной и целенаправленной промышленной политики. Эффективной деятельности малых предприятий мешают бюрократизм и взяточничество многих чиновников, а также рэкет, незавершенность процесса формирования многообразия форм хозяйствования. Указанные недостатки усиливаются размытостью прав собственности, несовершенством законов, нормативов и правовых актов, регулирующих предпринимательство в России.

Кризисные явления 1998 и 2009 годов нанесли серьезный урон развитию малого бизнеса, его рыночным позициям. Кризисы также показали, что хотя реформы формально создали сектор малого предпринимательства, тем не менее государством пока не обеспечены достаточные условия для его стабильного функционирования и высокой хозяйственной и социальной результативности. Прежде всего, кризисы обусловили чисто количественное сужение малого бизнеса: по некоторым оценкам, в ходе этих кризисов ушли с рынка от 30 до 50% всех российских малых предприятий, вынужденных временно свернуть или полностью, прекратить свою хозяйственную деятельность. Только треть малых предприятий специализируется на выпуске промышленной продукции и выполнении строительных работ, остальные же функционируют в сфере торговли, общественного питания, посреднических, рекламных, аудиторских и других услуг.

Несмотря на крайне неблагоприятные экономические условия с начала рыночных преобразований малый бизнес, хотя и медленно, но укрепляет свои позиции в стране и во многих регионах. Уже к 2010 году в России было 1602,5 тысяч малых предприятий. Наибольшее их количество имеется в торговле и общественном питании (на начало 2010 г. – 858,3 тыс. или 44,1% общего числа малых предприятий), затем – в операциях с недвижимым имуществом и арендой (на начало 2010 г. – 288,6 тыс. или 18,0% общего числа малых предприятий). В промышленности страны на начало 2010 г. было 165,3 тыс. малых предприятий (13,1% от их общего числа) [3, с.356].

На начало 2010 г. среднесписочная численность работников малых предприятий (без внешних совместителей) составляла 14721,7 тыс. человек. Наибольшая численность работавших на малых предприятиях – в торговле и общественном питании – 4943,1 тыс. человек, затем – 1726,4 тыс. человек – в обрабатывающих производствах и 1488,8 тыс. человек – в строительстве [3, с.356].

Среднесписочная численность работников малых предприятий по видам экономической деятельности и оборот малых предприятий в 2006 г. показаны в таблице 1.

Сектор малого предпринимательства обеспечивал занятость каждого десятого работающего на предприятиях и в организациях России. В то же время в странах ЕС в этом секторе занято 50-70% эко-

© О.А. Собин

номически активного населения. При этом развитие малого предпринимательства происходит весьма неравномерно в различных регионах Российской Федерации. Так же неравномерно распределяется и среднесписочная численность занятых на малых предприятиях.

Неравномерность развития малого предпринимательства проявляется и в отраслевом разрезе. В Москве сконцентрировано 87% суммарного уставного капитала банков, 83% взносов страховых компаний. Малые предприятия в основном сосредоточены в сферах обслуживания и торговли, в отличие от экономически развитых стран, где они играют важную роль практически во всех сферах экономки, включая производство наукоемкой продукции.

В экономически развитых государствах ЕС малые предприятия, по различным оценкам, создают 50-60% внутреннего валового продукта.

В странах ЕС на 1 млн. жителей приходится не менее 3000 малых предприятий, тогда как в среднем по России – около 615. Только в Москве и Санкт-Петербурге, где на 1 млн. жителей приходится около 2400 МП, этот показатель приближается к мировому уровню.

Выйти на показатели передовых стран России мешают следующие обстоятельства [4, с.91]:

– недостаток квалифицированных кадров для развивающихся предпринимательских структур;

– отсутствие четко сформулированной через систему правовых актов государственной политики по отношению к малому бизнесу;

– излишние административные барьеры при регистрации, лицензировании, сертификации, системе контроля и разрешительной практики, регулировании арендных отношений и т. д.;

– “налоговый пресс” и громоздкая система отчетности;

– монополизация рынков крупными предприятиями и их объединениями;

– отсутствие надежного правового обеспечения предпринимательской деятельности;

– недоверие многих предпринимателей к власти, ее способности проводить долгосрочную политику и обеспечивать стабильные условия ведения бизнеса.

На первом месте среди указанных факторов, по данным исследований Федеральной службы государственной статистики (Росстата), – недостаток квалифицированных кадров, тогда как в середине девяностых годов прошлого века самой актуальной проблемой были неплатежи, нарушения договорных обязательств.

В то же время уровень развития малого предпринимательства в России явно недостаточен как с точки зрения потребностей переходного периода, так и с позиции перспективы создания рациональной структуры рыночной экономики.

Слабость отечественного малого предпринимательства обусловлена не только низкими количественными показателями, но и качественными особенностями условий развития малых предприятий России. Они непосредственно связаны с общими проблемами, мешающими развитию рыночных отношений и цивилизованного социально-ориентированного частного предпринимательства. В числе этих проблем можно выделить следующие:

– энергетический «перекос» экономики, сохранение ее большой зависимости от мировых цен на нефть и газ;

– технологическая отсталость и прогрессирующий износ национальной инфраструктуры;

– растущая концентрация экономических и политических ресурсов в руках узкой группы лиц, слабо учитывающих национальные интересы страны;

– слабость государственного аппарата, его ориентация на обслуживание крупных финансово-промышленных групп, недостаточный учет интересов малого и среднего предпринимательства.

Таблица 1.

Численность работавших и оборот малых предприятий по видам экономической деятельности [2, с.356]

	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей)		Оборот малых предприятий	
	тыс. чел.	в % к итогу	млн. руб.	в % к итогу
Всего	8582,8	100	12088232,2	100
из них сельское хозяйство, охта и лесное хозяйство	311,4	3,6	78768,6	0,7
обрабатывающие производства	1726,4	20,1	1146927,7	9,5
строительство	1488,8	17,3	922020,7	7,6
оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2741,8	31,9	8721340,5	72,1
транспорт и связь	460,0	5,4	249193,8	2,1
операции с недвижимым имуществом	1162,0	13,5	725101,3	6,0

Развитие малого предпринимательства предоставляет широкую свободу рыночного выбора, оперативно реагирует на изменения потребительского спроса. Оно нацелено на насыщение рынка товарами и услугами, преодоление отраслевого и территориального монополизма, расширение конкуренции, повышение экспортного потенциала, укрепление экономической базы местных органов власти, развитие сел, малых и средних городов, возрождение народных промыслов, решение экологических проблем.

Деформирующие последствия непродуманного, спонтанного проведения российских экономических реформ, без учета готовности к ним значительной части населения, проявились, прежде всего, в динамике ВВП и, в частности, в становлении рыночных механизмов, одним из важнейших среди которых является малый бизнес. Принцип социальной безопасности в России не срабатывает, так как неэффективен его ключевой компенсатор — малый бизнес, который слабо поддерживается современным государственным регулированием экономики.

Значительная часть предпринимателей (челночно-ларечного типа) не поддается не только регулированию, но и простейшему учету. А ведь в условиях рыночной стихии требуется не просто регулирование экономики, а система управления, планирования, прогнозирования, учета, контроля и т.д., поскольку экономическая безопасность страны требует совместимости интересов всех слоев общества на основе разработки программ, реализующих в воспроизводственных схемах интересы как крупных предпринимателей, так и мелкого бизнеса при сочетании свободы бизнеса и эффективного государственного воздействия.

К сожалению, своеобразие российского менталитета не было учтено при организации малого бизнеса в реформируемой российской экономике, что превратило большую его часть в потенциальный очаг кризисных социальных ситуаций, а общество, в свою очередь, не получило надежной опоры развития цивилизованной рыночной экономики.

Основными препятствиями на пути деловой и предпринимательской активности и бизнеса в современных регионах России являются [4, с.93-94]:

– высокие издержки «входа» на рынок, создаваемые не уровнем рыночной конкуренции, а административными барьерами на пути предпринимательской активности. От забюрократизированной процедуры открытия нового предприятия страдают и отечественные предприниматели, и иностранные, что приводит к потере значительных объемов потенциальных инвестиций;

– неблагоприятная среда функционирования предпринимателей. Процесс хозяйственной деятельности является объектом внимания примерно трех десятков контролирующих инстанций, которые действуют по своим внутриведомственным инструкциям, при этом масштабы контроля и разного рода проверок почти ничем не ограничены. На практике это приводит к искусственному созданию льготных условий для отдельных коммерческих структур или для вымогания взяток;

– деятельность естественных монополистов, которые в современном виде представляют собой мощные не только хозяйственные, но и политические образования, в значительной мере находящиеся вне контроля властей;

– вводимые региональными властями разного рода ограничения на движение товаров, капитала и рабочей силы на территории страны, в результате чего происходит резкое сужение рынка для одних производителей и сдерживание действия конкурентного механизма для других;

– непрозрачность процедуры издания и применения подзаконных нормативных актов, нацеленных на регулирование и контроль предпринимательской деятельности;

– дестимулирующая роль налогового законодательства (причем, помимо высоких ставок налогов, существует еще проблема распространения налогообложения на основные фонды, т.е. расходы, идущие на расширение деятельности, не вычитаются из налогооблагаемой прибыли), что тормозит развитие процесса.

Безопасность малого бизнеса – это гарантированная конституционными, законодательными и практическими мерами защищенность интересов малых предприятий от внутренних и внешних угроз.

Угрозами в сфере предпринимательства являются разного рода опасности, снижающие эффективность и надежность функционирования предприятий, а в отдельных случаях приводящие к прекращению их деятельности. Данный перечень может быть дополнен экономическими, криминальными, технико-технологическими угрозами.

Существуют и другие негативные явления, приводящие к возможному возникновению угроз предпринимательству [2, с.45]:

– участие госструктур власти и управления в коммерческой деятельности, в том числе для подавления конкурентов;

– использование криминальных структур для подавления конкурентов;

– отсутствие необходимого законодательства, позволяющего эффективно противодействовать недобросовестной конкуренции;

– экономический и информационный шпионаж;

– отсутствие необходимых условий для ведения бизнеса, а также культуры делового партнерства: неуважение партнеров, невыполнение обязательств, срыв договорных условий.

В настоящее время еще имеют большое распространение формы и методы ведения недобросовестной конкуренции, для которых характерно:

– экономическое подавление: срыв сделок и иных соглашений; парализация деятельности фирм с использованием полномочий госорганов, средств массовой информации; компрометация деятельности фирм; шантаж, компрометация руководителей и отдельных сотрудников;

– физическое подавление: ограбления и разбойные нападения на офисы, склады; угрозы физических расправ; наемные убийства;

– промышленный шпионаж: подкуп сотрудников; передача документов и разработок; копирование программ и данных.

Угрозы в сфере предпринимательства могут быть классифицированы по кластерам [2, с.46]:

– по величине причиненного ущерба: предельный, после которого предприятие может обанкротиться; значительный, но не приводящий к банкротству; незначительный, который предприятие за какое-то время может компенсировать;

– по вероятности возникновения: весьма вероятное возникновение угрозы; вероятное возникновение; маловероятное возникновение;

– по причинам появления: стихийные бедствия; преднамеренные воздействия;

– по характеру нанесенного ущерба: материальный, финансовый, информационный, моральный;

– по характеру воздействия: активные, пассивные.

В таблице 2 указаны различные угрозы малому бизнесу в ключевых сферах экономики.

Как показывает практика, экономическая безопасность малого бизнеса достигается проведением единой политики, системой мер правового, организационного, экономического и технического характера, адекватных угрозам жизненно важных интересов хозяйствующего субъекта.

О слабом развитии малого бизнеса в Российской Федерации и ее субъектах свидетельствуют данные о доле работников малых предприятий в общей численности занятых в экономике.

За последние пять лет доля работников малых предприятий практически не изменилась, что свидетельствует о недостаточном внимании к развитию малого бизнеса как федеральных, так и региональных органов законодательной и исполнительной власти. Они так и не смогли создать более благоприятные условия для повышения производительности труда на малых предприятиях, от которого зависит формирование в России среднего класса.

Представляется необходимым создание двухуровневой системы отслеживания безопасности малого бизнеса.

Первый уровень – влияние последствий решений, оказывающих воздействие на состояние отечественной промышленности. Поскольку любое решение (через налоговую и технологическую политику) затрагивает интересы производителей, будь

Таблица 2.

Угрозы безопасности малому бизнесу в ключевых сферах экономики [2, с.28]

Направления угроз	Причины возникновения
Социальные угрозы	Повышение уровня безработицы, расширение зоны нищеты, увеличение разрыва в уровнях доходов между бедными и богатыми, в том числе в сфере малого предпринимательства, нарастающая региональная дифференциация, а также дискриминационное положение в бизнесе женщин, инвалидов, военнослужащих и т.д.
Экономико-финансовые угрозы	Нарушение параметров экономического поведения: уровень инфляции, налоговая система (комбинация налогов и налоговых ставок), ставки (проценты) за кредит ЦБ и других банков, дефицит бюджета, соотношение рубля и доллара, индексы
Правовые угрозы	Отсутствие устойчивой законодательной базы, недостаточно полный пакет действующих законов и других нормативно-правовых актов, слабость Уголовного кодекса, недостатки в работе прокуратуры, МВД, служб безопасности и судов на федеральном уровне и на уровне субъектов Федерации
Информационные угрозы	Правовые, организационные и инженерно-технические меры, препятствующие формированию и использованию информационных технологий, инфраструктуры и информационных ресурсов, слабая защита информации и прав субъектов.
Организационные угрозы	Деформация структур малого бизнеса, создание структур для лжепредпринимательства

то предоставление льгот или выделение кредитов под символический процент, то, очевидно, что при изменениях налоговых ставок изменяется и спрос на кредиты, что приводит к изменениям в денежно-кредитной политике в целом.

Второй уровень – влияние последствий решений, принятых на региональном уровне субъектами Федерации.

Региональное законотворчество в области бюджетно-налоговой политики способно весьма сильно влиять на движение финансово-материальных средств между регионами: капитал из регионов с более высокой налоговой ставкой всегда устремляется туда, где совокупная налоговая ставка оказывается значительно ниже.

Все вышесказанное показывает, что создание системы мониторинга индикаторов риска малого бизнеса должно стать составной частью общей системы мониторинга индикаторов функционирования всей макроэкономической системы.

Угрозы интересам страны в области обеспечения экономической безопасности малого бизнеса многоаспектны. В настоящее время наиболее актуальны и реальны угрозы, связанные с продолжающимся снижением платежеспособного спроса и финансовой поддержки, с состоянием рынка ценных бумаг и криминализацией банковской деятельности и сферы предпринимательства, со снижением до критически низкого уровня инновационной деятельности. Во многом их появление обусловлено тем, что в переходный период рыночные отношения развиты слабо и не создают достаточно сильного мотивационного поля для повышения эффективности и экономического роста малого бизнеса. В отдельных сферах угрозу экономической безопасности малого бизнеса создают факторы, косвенно влияющие на результаты предпринимательской деятельности (месторасположение, социальная значимость).

Государственная деятельность по обеспечению контроля за состоянием сферы малого бизнеса страны включает следующие элементы [4, с.97]:

– объективный и всесторонний мониторинг риска экономики и общества в целях выявления и прогнозирования внутренних и внешних тенденций развития жизненно важных для страны сфер экономики;

– разработку комплекса оперативных и долговременных мер по предупреждению и нейтрализации негативных тенденций в развитии экономики;

– организацию работы по реализации мер в области корректировки взаимодействия государства с малым бизнесом.

– Каждый параметр угроз экономической безопасности связан с оценкой кризисной ситуации в определенной сфере малого предпринимательства.

Под направлениями обеспечения безопасности малого предпринимательства следует понимать нормативно-правовые меры, ориентированные на обеспечение комплексной безопасности предпринимательства во всех сферах их деятельности. В практике обеспечения безопасности можно выделить несколько направлений [4, с.98].

1. Правовая защита – это специальные правовые акты, правила, процедуры и мероприятия, обеспечивающие безопасность функционирования предпринимательства на правовой основе.

2. Организационная защита – это регламентация производственной деятельности и взаимоотношений на нормативно-правовой основе, исключающая нанесение ущерба от внутренних и внешних угроз.

3. Финансово-социальная защита – это использование различных финансовых мер, препятствующих нанесению ущерба финансово-коммерческой деятельности, и недопущение социальных конфликтов.

Правовая защита предпринимательства опирается на Конституцию РФ и систему законодательных актов, ориентированных на законодательно-правовую защиту интересов предпринимательства. Вместе с тем следует отметить, что в условиях недостаточного государственного механизма обеспечения безопасности особое значение приобретают собственные нормативно-правовые акты предприятия (устав предприятия, трудовые договоры с сотрудниками, должностные обязанности сотрудников и др.).

Организационная защита (или организационные мероприятия) играет огромную роль в создании обучающего механизма или даже системы обеспечения безопасного функционирования предприятия. Известно, что значительная часть ущерба причиняется злоумышленными действиями, нерадивостью, небрежностью и халатностью персонала. Для предотвращения такого рода ущерба необходимо:

– осуществление определенных мер при подборе и расстановке кадров, более глубокое ознакомление с сотрудниками, их подготовка, обучение правилам работы, предупреждение о мерах ответственности за причиненный ущерб;

– создание системы экономической безопасности, включая охрану и защиту физическими и техническими средствами.

Финансово-социальная защита предпринимательства включает [2, с.41-42]:

– создание системы финансово-кредитной поддержки малого предприятия бизнеса,

– формирование механизмов предоставления предпринимателям гарантий под кредиты и

страхования;

– согласование созданных финансово-кредитных механизмов, налоговых льгот с возможностями привлечения частных инвестиций, кредитных ресурсов,

– расширение практики применения упрощенной системы налогообложения и учета;

– формирование пакета взаимосвязанных и непротиворечивых законодательных, нормативных и подзаконных актов поддержки малого предпринимательства;

– организацию мониторинга результатов применения и взаимодействия принятых законов и подзаконных актов, связанных с финансированием предпринимательских структур;

– создание нормативно-правовой основы для разграничения полномочий между Федерацией и ее субъектами с целью единого и непротиворечивого регулирования деятельности по созданию благоприятной среды для малого бизнеса;

– обеспечение доступа предпринимателей к информации государственных органов;

– расширение бесплатного информирования предпринимателей о наиболее важных для безопасного ведения дел сведениями;

– организацию контроля за своевременным и качественным обеспечением необходимой информацией предпринимателей со стороны государственных и муниципальных служб;

– отражение во всех средствах массовой информации актуальных проблем деятельности малого предпринимательства;

– организацию системы подготовки и переподготовки малых предприятий и средних предпринимателей, а также чиновников, работающих в структурах, связанных с предпринимательской деятельностью, с учетом предотвращения угроз и рисков, возникающих из-за некомпетентности сторон;

– расширение сети центров обучения на базе федеральной и региональных служб занятости, способствующих переквалификации безработных, открытию новых рабочих мест, реализации предпринимательских проектов;

– материальную и финансовую поддержку учебных заведений всех уровней и форм собственности для квалифицированной подготовки государственных чиновников, предпринимателей и преподавателей для современного обучения студентов.

Библиографический список

1. *Бочкарев В.Г.* Социальная ответственность бизнеса. М.: ТЕИС. 2006. 172с.
2. *Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Л.М.* Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегия, безопасность. М.: Экономика, 1997. 288с.
3. Российский статистический ежегодник. 2009. М.: Росстат. 2010.
4. *Шестаков Р.Б.* Развитие малого бизнеса в трасформационной экономике. Орел.: Изд-во «Орлик». 2012. 208с.

O.A. SOBIN

THE CURRENT STATE OF SMALL BUSINESS IN RUSSIA

The article deals with the state of small business in the economy of the modern Russian society.

Key words: **entrepreneurship, small business, market, profit, competitiveness.**

Д.Г. ФРОЛОВ
аспирант кафедры экономической теории и мировой экономики Орловского государственного института экономики и торговли
Тел. 8 920 828 54 45

ФИРМЫ И КОРПОРАТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

В статье исследуется деятельность фирм-корпараций, роль которых в современной рыночной экономике признана ведущей.

Ключевые слова: ***фирма, корпорация, корпоративная собственность, доходы, рынок.***

В современной рыночной экономике ведущую роль играют фирмы-корпорации.

В Нобелевской лекции на тему «Институциональная структура производства» (1992 год) Р. Коуз отмечал, что признание экономистами важности роли фирмы в функционировании экономики побудит их пристально исследовать деятельность фирмы. Возникновение и функционирование фирмы он объяснял тем, что «в конкурентной системе должен быть некий оптимальный объем планирования, поскольку фирма – это маленькое плановое сообщество – может продолжать свое существование, только если она выполняет свою функцию координации с меньшими издержками, чем те, что пришлось бы нести при выполнении той же функции путем рыночных трансакций, а также те, что имели бы место, если бы ту же функцию выполняла другая фирма» [1, с. 344-345].

Анализ пионерной статьи Р. Коуза «Природа фирмы» и материалов научной конференции, посвященной 50-летию ее выхода в свет, позволяет обобщенно дать сравнительную характеристику двух способов координации экономической деятельности: через рынок и фирму (таблица 1).

Таблица 1.

Сравнительная характеристика рынка и фирмы [2, с.19]

Характеристики	**Рынок**	**Фирма**
Сущность	Свободное взаимодействие предпринимателей и потребителей	Плановое сообщество
Базовая единица экономического анализа	Трансакция	Контракт найма
Метод координации	Ценовой механизм	Административные решения
Вид издержек	Трансакционные издержки	Издержки управления (координации)
Динамический фактор	Конкуренция	Стимулы предпринимателя и персонала
Правовая основа и форма согласия	Коммерческое право и торговые контракты	Гражданское право и контракт найма
Приоритет форме капитала	Приобретение и использование материальных ресурсов или физического капитала	Приобретение и применение знаний или человеческого капитала
Риски	Оппортунистическое поведение (вымогательство)	Отлынивание
Стимулы	Прибыль как выбор альтернативных трансформационных издержек	Экономия трансакционных издержек

© Д.Г. Фролов

Обсуждение данных фундаментальных проблем современной экономической теории на Западе ведется в условиях развитой демократии и продвинутых рыночных отношений. Российская экономика пока находится на начальной стадии формирования рыночных условий, общество и экономика находятся в непрерывных трансформациях перехода от командно-административной системы к политической и экономической свободе. Трансформационные процессы происходят и в рамках каждой фирмы, что требует выработки и учета существенных особенностей теории фирмы в российских условиях.

Сравнительная структура управления фирмами должна учитывать как технологические факторы, выражаемые производственной функцией, так и экономические факторы альтернативных трансакционных издержек. Экономия трансформационных и трансакционных издержек становится важным критерием оптимизации размеров фирмы и выбора структуры управления.

Системные соображения предполагают учет юридических и политических факторов функционирования фирм по этапам трансформации общественного строя России. Пробелы в законодательстве и разные толкования законов повышают трансакционные издержки защиты и реализации прав собственности, увеличивают риски оппортунистического поведения и отлынивания. Таков же характер влияния политической нестабильности и неопределенности политического курса. Трансформация правовой и политической подсистем должна опережать реформирование экономики, в т.ч. и рынка, и фирм, создавая благоприятные условия для организации новых предприятий и повышения эффективности действующих фирм.

Гарантии эффективного управления фирмой и соблюдения контрактов по всем трансакциям предполагают повышение культуры труда, управления и деловых отношений. Репутация фирмы и предпринимателя становится специфическим активом снижения трансакционных издержек по всем их элементам. Для России значение института гарантий контрактации более чем актуально.

Информационные барьеры активизации деятельности российский фирм увеличивают информационные издержки поиска и освоения знаний как по доступности высоких технологий, так и возможностям привлечения инвестиций. Монополизация высоких технологий и чрезмерные проценты по иностранным инвестициям резко снижают конкурентоспособность российских фирм. Провалы рынка усугубляют организационные провалы. Сильные стороны и преимущества как рынка, так и фирм проявляются лишь в потенции, как труднодостижимый идеал эффективной экономической деятельности. Все это порождает политическое недоверие к экономическим реформам и государственной экономической политике последнего десятилетия.

Адаптация фирм к рыночным условиям бизнеса в России происходит противоречиво. Резкий переход от централизованного распределения ресурсов к рыночному, неразвитость рыночной инфраструктуры значительно повышают трансакционные издержки поиска информации и партнеров. Маркетинговые службы предприятий и маркетинговые посредники редко используют для оценки эффекта альтернативные трансакционные издержки.

Постсоциалистическое сознание сохранилось у значительной части населения России и наемного персонала. Сравнение условий и оплаты труда в прежней и в рыночной системе чаще не в пользу последней. Это порождает отлынивание от качественного исполнения работ, а значит, и увеличивает трансакционные издержки оппортунистического поведения.

Сочетание микро- и макроэкономического анализа позволяет оценить воздействие положительного развития фирм на экономический рост в стране и наоборот. Микроэкономические факторы экономического роста пока не получили должного теоретического освещения.

Фирма выступает важным узлом переплетения и реализации противоречивых интересов разных социальных групп и хозяйственных субъектов. Потому важную информацию о деятельности фирм могут дать исследования смежных с экономической теорией наук: правоведения, социологии, политологии, международных отношений. Системное отображение роли фирм в обществе важно как для самих фирм, так и для выработки государственной экономической политики.

Назревшая потребность выработки новой теории фирмы проявляется уже в анализе существующего определения организации как юридического лица, данного в Гражданском кодексе РФ (часть 1, статья 48): «Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс или смету» [3, с.18].

В данном понятии центральным конституирующим признаком предприятия (организации) определена собственность на обособленное имущество.

Дополнительными характеристиками выступают материальная ответственность, правоспособность, наличие баланса или сметы как финансового отчетного документа.

Можно выделить следующие особенности корпоративной собственности:

– это частно-коллективная форма собственности, где имеет место, во-первых, коллективное владение реальным капиталом, управление которым делегировано наемному агенту – менеджеру; и, во-вторых, частная собственность на фиктивный капитал, движение которого находится в непосредственном ведении отдельного лица, при этом изменение конкретного состава собственников не меняет сущностные характеристики корпоративной собственности;

– субъектами этих отношений выступает ассоциированный собственник – объединение предпринимателей, стремящихся к максимальной для себя выгоде от реализации собственности, а также менеджеры, осуществляющие управление собственностью, и наемные работники, обладающие специфическими ресурсами, и, следовательно, претендующие на участие в распределении созданного продукта;

– в структуре объекта также происходит удвоение: активы (реальный капитал), принадлежащий корпорации как юридическому лицу, а также фиктивный капитал (ценные бумаги), которые подтверждают обязательства корпорации в отношении акционера, являясь тем самым титулом (представителем) реального капитала.

В рамках корпоративной собственности трансформируются отношения и правомочия собственников. Рассматривать право собственности как право фактического владения и распоряжения реальными активами становится просто невозможно. Это обусловлено не только большим количеством участников, но и сложностью самих активов, поэтому большинство акционеров просто не в состоянии определить, насколько правильно они используются.

К настоящему времени в экономической литературе можно выделить два подхода к объяснению природы корпораций и особенностей внутрикорпоративных взаимодействий. Первый – так называемое «акционероцентрическое», согласно которому вся деятельность корпораций должна быть подчинена интересам акционера – собственника (shareholder). Второй - сформировавшаяся в последней четверти прошлого века теория заинтересованных лиц (stakeholder theory), рассматривающая корпорацию как объект согласования интересов многих участников.

Поэтому нам кажется более обоснованным подход, сформулированный в теории заинтересованных лиц. Это направление рассматривает корпорацию как особый социальный организм, способный оказывать существенное влияние на общественные процессы. Так, в работах Р. Э. Фримана, Р. Филлипса и других отмечено, что в современной экономике в центре внимания должны находиться не атомизированные субъекты, конкурирующие за ограниченные ресурсы, но добровольные объединения людей, возникающие в процессе создания стоимости. Также признается тот факт, что мотивация хозяйствующих субъектов более сложная, нежели стремление к максимизации собственной выгоды, и всегда имеет соответствующий социальный контекст. В таком случае бизнес понимается как общественный процесс, и, следовательно, вопросы этики и морали выходят на первый план, т.к. эгоистичное поведение подрывает доверие и разрушает социальные связи.

Дезавуирование статуса собственника в отношениях корпоративной собственности не представляется возможным, ибо важнейшей функцией акционера является сохранение и приумножение общественного богатства. Реализация данной функции и, следовательно, сохранение корпорации требует разрешения конфликтов между заинтересованными сторонами, что обеспечивается социальными структурами: как внутренними – система ценностей, корпоративная культура, так и внешними – рынки корпоративного контроля, ценных бумаг, труда, а также законодательство и судебная система.

Было бы серьезным упрощением представлять корпорацию только как единицу, производящую поток товаров и услуг. Напротив, её особая роль определяется теперь способностью накапливать коллективный опыт решения тех или иных задач, генерировать потоки формальных и неформальных норм, определенных ценностей, объединяющих людей.

Следовательно, корпорация как организационный механизм реализации корпоративной собственности становится важнейшим элементом социальной структуры, обеспечивающей воспроизводство как самого человека, так и условий его существования.

Социоструктурирующая роль корпораций проявляется в том, что корпоративная культура определяет статус человека, его положение в системе общественных отношений и те социальные роли, которые он выполняет. В целом, влияние корпораций на социально-экономические процессы осуществляется по следующим направлениям.

1. Как правило, корпорация - это крупное пред-

приятие, обладающее возможностями управлять рыночным спросом и ценами, т.е. сегодня именно корпорации, во многом, задают параметры потребительского выбора.

2. Принятие корпорацией социальных обязательств определяется тем, что будучи крупными налогоплательщиками и создавая стабильные рабочие места, корпорации становятся опорой развития всего общества.

3. Специфическая культура, формируемая внутри корпорации множеством индивидов, транслированная вовне, оказывает значительное влияние на формирование системы общественных ценностей.

4. Концентрируя значительные ресурсы, корпорации содействуют научно-техническому прогрессу, обеспечивая тем самым, преобразуя технологический компонент базиса экономической системы.

Это означает, что цели существования подобной фирмы не укладываются в рамки неоклассического требования максимизации прибыли, но дополняются определенными социальными обязательствами. Дж. Ходжсон обращает внимание на то, что у фирмы есть гибкие способы реакции на неопределенность внешней среды – в частности, речь идет о создании системы масштабной отношенческой контрактации, формированию долговременных связей с контрагентами и т.п. Внутренняя среда фирмы также будет вынуждена реагировать на подобные изменения. Работник будет стремиться к разнообразию внутренней среды (наращивая человеческий капитал и гибко адаптируя его к потребностям фирмы) или расширять сферу своего влияния (участвуя в управлении фирмой).

Традиционная корпорация была способна обеспечить экономическую эффективность производства только тогда, когда работники не могли владеть средствами производства: разделение функций позволило профессиональным менеджерам добиться динамичного развития традиционной индустриальной корпорации за счет эффективного использования ресурсов и новых технологий. Но дальнейшая эволюция современной экономики требует не разделения функций наемного работника, собственника, менеджера, но соединения труда и управления. Тогда проблема реализации корпоративной собственности усложняется: если сливаются в одном лице принципал (собственник) и агент (менеджер), то модифицируется вся система взаимоотношений «собственник – менеджер – наемный работник».

Стремление к экономической эффективности в сочетании с эффективностью социальной (а именно так сегодня стоит вопрос о целях развития хозяйственной системы) не может быть достигнуто в таком случае без вовлечения всех членов общества в систему распределения выгод. Корпоративная форма позволяет решить эту проблему, создавая широкие возможности для участия большого числа субъектов в распределении результатов экономической деятельности, решая задачу повышения мотивации труда работника и развития его творческого потенциала.

В интерактивной теории фирмы под предприятием (фирмой) понимается совокупность бизнес-процессов, обеспечивающих получение прибыли или достижение других уставных целей, на основе рационального использования человеческого капитала и имущества при согласовании интересов собственников капитала, персонала и общества [2, с.27].

Библиографический список

1. Природа фирмы. Пер. с англ. М.: Дело, 2001. 360с.
2. *Романчин В.И.* Интерактивная теория фирмы. М.: «Издательство Машиностроение-1», 2003.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части I-IV по состоянию на 15 сентября 2007 г. М.: ТК Велби. Издательство «Проспект», 2007. 544с.

D.G. FROLOV

FIRMS AND CORPORATE PROPERTY

The article is aimed at investigating the activity of corporations which role has been recognized as the leading in the modern market economy.

Key words: ***firm, corporation, corporate property, revenues, market.***

В.А. БОБКОВ
кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского
E-mail:vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru
Тел. (4832) 41 71 06; 8 952 969 92 00

ВКЛАД ПОЛКОВНИКА ФЕДОРА КАРЛОВИЧА ГЕБГАРДТА В РАЗВИТИЕ АРТИЛЛЕРИИ В РОССИИ

В публикации рассматривается карьера полковника Федора Карловича Гебгардта. На основе ранее малоизвестных широкому научному сообществу или вообще не введенных в научный оборот исторических источников был проведен анализ роли полковника Гебгардта в применении и организации производства артиллерии в России, реконструируется его работа, в том числе и в должности руководителя одного из важнейших предприятий военного ведомства России - Брянского арсенала.

Ключевые слова: **армия, арсенал, артиллерия, война, военная промышленность.**

История армии России богата громкими именами офицеров, руководителей разного уровня, которые были людьми неординарными, сильными духом и по-настоящему талантливыми. Вместе с тем, рассматривая военную карьеру и вклад в развитие армии выдающегося человека, подчас из анализа выпадает рутинный труд личного состава разного уровня и звания из его окружения, т.е. роль простого офицера. Данная статья призвана способствовать восстановлению исторической справедливости.

Федор Карлович Гебгардт 2-й, родился в 1781 г. При совпадении фамилий офицеров в армии России, для устранения путаницы, к фамилии прибавляли цифру, в данном случае Гебгардт получил приставку 2-й. Вероятно на первом месте был другой более известный и родившийся на несколько лет раньше офицер Карл (Карл-Готлиб) Карлович Гебгардт (1778-1841) – генерал-майор, член Военно-учёного комитета.

В формулярном списке полковника Гебгардта 2-го значилось, что он был родом «из дворян Лифляндской губернии. За ним, родителями имений нет» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 1 об.]. Небогатый дворянин Федор Гебгардт решил связать судьбу с военной карьерой и посвятить себя артиллерии. Издавна повелось, что высокое звание «артиллерист» подразумевает осведомленность во многих науках, и особенно в точных, поэтому молодому дворянину было необходимо специальное обучение.

В конце XVIII в. подготовка офицеров для артиллерии осуществлялась в ряде военно-учебных заведений закрытого типа. Основной вклад в обучение офицеров-артиллеристов внес Артиллерийский и Инженерный Шляхетный-2-й кадетский корпус (далее АИШКК-2-й КК) [7. С. 196].

В формулярном списке Гебгардта 2-го было сказано, что он в 1793 г. «вступил в службу в артиллерийском кадетском корпусе» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2]. Вероятно, что Гебгардт закончил именно АИШКК-2-й КК. Этот факт подтверждается и в монографии известного исследователя истории кадетских корпусов В.М. Крылова, где в частности отмечается, что: «Окончил АИШКК-2-й КК подполковник Федор Карлович Гебгардт (1798)» [7. С. 201].

После окончания обучения Гебгардт 2-й был «произведен по высочайшему приказу подпорутчиком 1798 год декабря 13» и направлен для прохождения службы в «артиллерийский батальон генерала Капцевича. За неимением месячных рапортов, когда прибыл не известно, а в 1799 году показан на лицо» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2].

В конце XVIII в. армия России была вовлечена в военное противостояние. В июне 1799 г. «союз между Россией и Англией и всем континентом против революционной Франции был заключен. Суворов, вызванный из ссылки, назначен был генералиссимусом союзной Русско-австрийской армии, действовавшей в Италии в феврале 1799 года. Другая русская армия под начальством генерала Германа была отправлена в Голландию для совместных действий с армией герцога Иоркского, имевшей целью атаковать Францию с севера» [3. С. 59].

Павел обязался выставить войско и эскадру. Англия обязалась перевести русские полки из Ревеля в Англию, присоединить к ним свое войско и взять на себя все издержки экспедиции, целью которой назначалась Голландия, называемая французами Батавской республикой [6. С. 177].

Приступив к строевой службе, Гебгардт 2-й оказался рядовым участником этих важных событий и

© В.А. Бобков

получил первый боевой опыт. Артиллерийский батальон, в котором служил Гебгардт 2-й под командованием Капцевича, в составе корпуса генерала Германа принял участие в экспедиции в Голландию [16. С. 39]. В формулярном списке Гебгардта 2-го сохранилась соответствующая запись: «Был в походах 1799 года августа 8 на флоте в Голландии до местечка Гельдера и местечка Гакум, в сражении был» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2].

Экспедиция в Голландию для России оказалась неудачной. Вероятно, артиллерийский батальон, в котором воевал Гебгардт 2-й, проявил себя в бою. Косвенно это подтверждает тот факт, что среди немногих генералов, участвовавших в Голландской экспедиции, был удостоен ордена Святой Анны 1-й степени командир артиллерийского батальона, в котором служил Гебгардт 2-й, генерал Капцевич [8. С. 415].

В последующие годы, как свидетельствует формулярный список Гебгардта 2-го, его артиллерийский батальон неоднократно реорганизовали. В списке было отмечено: «Высочайшим приказом по составлению из артиллерийских батальонов полки по именам шефов батальон Капцевича наименован полком имени его 1800 марта 7. Таковым же приказом полки названы под номерами, Капцевича полк наименован 3-м Артиллерийским полком 1800 сентября 13. Таковым же приказом разделены полки по-прежнему на батальоны 8-го полка, Капцевича батальон наименован 5-м батальоном 1801 августа 27. Таковым же приказом по определению во вновь составленные полки, поступило в 3-й полк 1803 года июня 23» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2].

В 1804-1805 гг. Наполеон думал о взятии Лондона. Глава английского правительства Вильям Питт, не щадя и не считая миллионов золотых фунтов стерлингов, принялся готовить новую коалицию [15. С. 145]. Питт провел переговоры и с Россией.

Осенью 1805 г. Наполеон, находившейся в Булони, получил сообщение, что «русские войска уже двигались на соединение с австрийцами и австрийцы готовы к наступательной войне против него и его германских союзников и что враждебные войска двигаются на запад» [15. С. 149]. Так сложилась 3-я коалиция против Франции.

Формулярный список Гебгардта 2-го содержит в связи с этим следующую запись: «В 1805 г. … ноября 20-го под местечком Аустерлицом против многочисленной французской армии в сражении находился» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2].

Таким образом, Гебгардт 2-й принял участие в ключевой битве этой компании, вошедшей в историю как «битва трех императоров». Поражение 3-й коалиции под Аустерлицем привело к ее развалу.

В 1806 г. образовалась 4 коалиция: Россия, Пруссия, Англия и Швеция. Гебгардт 2-й снова сражался за интересы России. В его формулярном списке отмечено, что он был в сражениях: «В 1807 году января 26 и 27-го числа при Прейсиш-Эйлау, май 24-го и 25-го при деревне Лигенау Депень, … при г. Гейльсберг, … при г. Фридланде» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2].

В 1807 г. за отличие в сражении против французских войск при Прейсиш-Эйлау Гебгардт 2-й был награжден золотым крестом с надписью «За труды и храбрость». Вероятно, эта награда нравилась и носилась часто, т.к. в 1821 г. в Департамент горных и соляных дел, которому подчинялся в то время Монетный двор, поступило прошение от артиллерийского полковника Гебгардта 2-го. Полковник Гебгардт писал, что пожалованный ему за Прейсиш-Эйлауское сражение золотой крест «от долговременного употребления пришел в совершенную негодность» и просил разрешения изготовить на Монетном дворе за свой счет новый. При этом он указывал, что новый крест должен быть уменьшенной формы, потому что «высочайшим указом от 20-го января 1816 г., российскому орденскому капитулу данного, повелено уменьшить вид орденских знаков по препровожденным формам в тот капитул, почему и первоначальный вид эйлауского креста уменьшился в соразмерности с орденами» [1. С. 68].

Указанная награда не стала единственной за это время. 20 апреля 1808 г. за отличия в сражении при г. Фридланде Гебгардт 2-ой был награжден орденом Святой Анны 3-й степени [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 1 об].

Подобные награды для артиллеристов были необходимы, т.к. «в кампании 1806/07 г. наша артиллерия явила своими действиями образцы рационального употребления этого рода оружия в бою. Наши артиллерийские роты своей искусной стрельбой, подвижностью, массовым расположением орудий на позиции нередко влияли самым чувствительным образом на ход сражения. Массирование артиллерии, как известно, впоследствии стало излюбленным приемом у Наполеона» [5. С. 543].

В период войн с Францией Гебгардт 2-й неоднократно перемещался по службе. «По разделению полков на бригады поступил в 5-ю артиллерийскую бригаду 1806 августа 23. С переводом в 4 артиллерийскую бригаду отправлен в 1808 году в январе. В оной же бригаде переведен по Высочайшему приказу на вакансию в 8-ю артиллерийскую бригаду с назначением командиром легкой роты 1810 сентября 21. Когда отправился от 4-й бригады по месячным рапортам не показано, а прибыл 8-го того же года в

ноябре месяце» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 3].

10 августа 1809 года Гебгардт 2-й получил «Высочайшее благоволение, объявленное в Высочайшем приказе за отличную исправность найденную инспектором смотра состоящей командовании роты» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 3].

1810 – 1811 гг. для карьеры Гебгардта 2-го были удачными, т.к. последовали повышения по службе. 7 января 1810 г. его назначают на вакансию капитаном, 21 декабря 1810 г. – на вакансию майором, а 9 февраля 1811 г. на вакансию подполковником [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2 об].

Боевой путь Гебгардта 2-го был продолжен и в последующем. В 1810 г. он сражается «против Турецких войск». В 1811 г. сражался «против Виддина при селении Калафат» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2].

В сложный для России 1812 г. Гебгардт 2-й участвовал в сражениях с армией Наполеона. В.М. Крылов, приводя роспись артиллерийских бригад периода Отечественной войны 1812 г., сообщает сведения о Гебгарде 2-м. В росписи отмечено, что 8-я артиллерийская бригада находилась в подчинении у полковника Бастиана 2-го Карла Петровича. 8-я артиллерийская бригада состояла из трех рот, в том числе из Батарейной роты №8, Легкой роты №14 и №15. Легкой ротой № 15 командовал подполковник Гебгард Федор Карлович [7. С. 188].

Гебгардт 2-й был участником заграничных походов русской армии. В 1813 г. он был «при … содержании понтонного моста на реке Одере при деревне Клейнау … потом состоял при резервной армии». В этом же году он был переведен по повелению инспектора всей артиллерии 6-й резервной артиллерийской бригады в 7-ю пантонную роту. [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 2-3].

Войны с Наполеоном принесли много горя, смертей и разрухи как России, так и Франции. Вот что об этом написал в своих записках один из артиллерийских командиров впоследствии артиллерии генерал-майор И.Т. Радожицкий: «Однажды моя пушка увязла колесом в ухабе и чуть не опрокинулась. Я подбежал с канонирами, чтобы поддержать ее и увидел колесо засевшим между костями размозженного, замерзлого трупа, который занесен был снегом. Часто видели мы, как по два и по три черных, обгорелых француза, иные даже с ружьями, шатались, подобно приведениям между снежными сугробами в стороне от дороги – и никто ими не занимался» [11. С. 280-281].

Военный медик из Франции Франсуа Мерсье (в России его мемуары ошибочно опубликованы под именем их издателя Руа И.) был взят в плен 10 декабря 1812 г. в Вильно, а впоследствии писал: «Раненые и отставшие, также покинутые в большом количестве в Вильне, попали в руки казаков … . Больные, скученные в госпиталях тысячами, умирали там без всякой помощи [13. С. 74].

Не удалось избежать наследия войны и Гебгардту 2-му. В его формулярном списке сказано, что он сражался «против французов в Княжестве Варшавском при местечке Бяло … был ранен в бок ядром и левую руку, от чего оною не владеет вовсе, но по излечении в то время в отпусках не находился». 10 июля 1815-го года «за отлично усердную и ревностную службу при лечении от ран владение левую рукою Всемилостивейше награжден пенсионом полного по чину жалования 719 рублей 12 ½ копеек ассигнациями в год» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 3-4].

По окончании войн с Наполеоном Гебгардт 2-й проявил себя как хороший организатор, о чем может свидетельствовать следующий пример. «Будучи командиром понтонной №7 роты по случаю уничтожения по мирному положению в той роте в 1817 году лошадей поручено продать 323 артиллерийские лошади в течение пятнадцатидневного срока, которые проданы были им в срок ценами превосходными 86 ротных командиров, чрез которую продажу доставил казне выгоды на 13050 рублей» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 3].

С 1818 г. карьера Гебгардта 2-го претерпевает существенные изменения. В его формулярном списке было записано: «Назначен по Высочайшему приказу Директором искусственной части в Тульский оружейный завод с состоянием по артиллерии – 1818 года января 16. Отправился марта 15- го и прибыл в том же месяце» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 4].

Необходимо отметить, что на основе исторических источников, хранящихся в Государственном архиве Брянской области, установлено, что именно Федор Карлович Гебгардт 2-й был назначен Директором искусственной части в Тульский оружейный завод, а не Карл (Карл-Готлиб) Карлович Гебгардт.

19 апреля 1820 г. Гебгардт 2-й был назначен на вакансию «полковника с оставлением прежней должности». В июне 1820 г. он находился в отпуске для излечения ран, а 7 мая 1821 г. был «уволен по Высочайшему приказу за ранами от службы».

7 июня 1821 г. Гебгардт 2-й был «переименован по указу Правительствующего сената в коллежские советники, … определен по Высочайшему приказу, данному правительствующим сенатом Владимирским Вице-Губернатором 1821 июня 6. Вступил в сию должность того же года июля 1-го дня. По высочайшему указу, данному

Правительствующему Сенату, согласно прошения от этой должности уволен – 1823 августа 6» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 3об-4].

В 1831 г. Гебгардт 2-й: «Назначен по Высочайшему повелению Полицмейстером в г. Дерпт 1831 мая 19. Прибыл к сей должности того же года и месяца 22 числа. От оной должности по Высочайшей воле уволен с тем, чтоб дать ему другое подобное назначение в ином месте 1832 января 4» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 5].

В 1834 г. начался новый период службы Гебгардта 2-го, он работал на так называемых местных арсеналах военного ведомства России, где применял свои теоретические и практические знания в области артиллерии наиболее продуктивно. В 1838 г. был принят Свод Военных Постановлений, закрепивший в составе местных арсеналов предприятия «в Санкт-Петербурге, Брянске, Киеве, Казани» [14. Ст. 500].

В рассматриваемый период времени артиллерию в России производили главным образом на уральских горных заводах: Каменско-Воткинском, Гороблагодатском, Верхне-Туринском и Златоустовском, а также на Олонецких заводах, Луганском заводе и на местных арсеналах военного ведомства. Горные заводы в производстве артиллерии давали сбои при выполнении годовых нарядов артиллерийского департамента. Так, в 1848 г. для вооружения крепостей заводы должны были изготовить 572 орудийных ствола, 482155 снарядов и 30173 поддона. Наряд удалось выполнить только по снарядам и поддонам. Орудийных стволов было изготовлено всего 161 [4. С. 452].

Подобное положение дел отводило не последнюю роль в производстве артиллерии именно местным арсеналам военного ведомства России. Эти арсеналы с 1826 по 1840 гг. изготовили и отремонтировали 2268 орудийных стволов и 2197 лафетов. За 25 лет, с 1825 по 1850 гг., все арсеналы в среднем ежегодно давали 127 стволов, 164 лафета, 150 зарядных ящиков и т.д. [4. С. 452].

Итак, 1 июля 1834 г. Гебгардт 2-й определен по Высочайшему приказу с состоянием по артиллерии и причислением для исполнения службы в один из крупнейших военно-промышленных предприятий Санкт-Петербургский арсенал. Впоследствии «по высочайшему приказу назначен командиром Брянского арсенала 1837 сентября 10. Куда отправлен октября 22-го, и прибыл 31-го числа того же месяца. Находился на службе в Санкт-Петербургском арсенале 3 года 3 месяца и 21 день» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 5].

Назначение Гебгардта 2-го командиром Брянского арсенала было вызвано тем, что в 1837 г. неожиданно скончался командир этого предприятия полковник Войнаховский [12. Ф. 503. Оп. 3. Д. 93. Л. 1], его место временно занял подполковник Миславский. Тем не менее, на арсенал был необходим более опытный руководитель и знаток артиллерии, поэтому полковник Гебгарт 2-й был назначен новым командиром арсенала.

В Брянский арсенал Гебгарт 2-й прибыл уже 31 октября 1837 г., но принять арсенал даже к октябрю 1838 г. не успел. В рапортах Гебгарт 2-й объяснял подобное затруднение тем, что «по малому числу валовых рабочих» принятие арсенала «сопряжено с трудностью – особенно по местности в магазинах» и обещал закончить прием к весне следующего года. Генерал-майор Эсаулов был озабочен таким положением дел на Брянском арсенале и сообщил Гебгарту 2-му, что его подвергнут «строжайшим мерам взыскания или переведут из арсенала с худою аттестацией», если прием арсенала в ближайшее время не будет окончен [12. Ф. 503. Оп. 3. Д. 93. Л. 17 об].

29 октября 1838 г. о положении дел на Брянском арсенале Эсаулов сообщил начальнику штаба по управлению генерал – фельдцейхмейстера генерал-майору князю Долгорукому. Указав, что при последнем инспекторском осмотре почти все было в исправности, а соответственно за короткое время не могла расстроиться «хозяйственная часть арсенала». Поэтому медленный прием Эсаулов относил на счет Гебгарта 2-го и вынужден будет «заменить его другим чиновником более способным» [12. Ф. 503. Оп. 3. Д. 93. Л. 18 об], если прием не будет окончен к 1 января 1839г.

Полковник Гебгарт 2-й уложился в срок, а заминка с вступлением в должность, вероятно, была связана с непростым положением дел в отрасли в целом. Во-первых, ввиду невнимания военного ведомства к военной промышленности после окончания наполеоновских войн арсенальное дело было в упадке. Во-вторых, в 1835-1838 гг. осваивали производство новых образцов артиллерии.

Что касается первой проблемы, то ситуация была в том, что к 1833-1836 гг. артиллерийский департамент не имел представления о подробном состоянии каждого завода и арсенала. Следствием этого явилось произвольное оправдание заводами и арсеналами своего бездействия при выполнении нарядов. Бездействие объясняли даже «неосновательными и не существенными причинами, оставаясь в полной уверенности, что их оправдания всегда будут уважены», т.к. нет возможности доказать обратное [12. Ф. 503. Оп. 3. Д. 339. Л. 1].

Артиллерийский департамент начинает собирать сведения о подведомственных ему заводах и

арсеналах. В результате работы комиссии 23 мая 1837 г. были предусмотрены определенные мероприятия, в частности, утвердили проект механика Монье по переустройству. Помимо этого, комитет одобрил идею генерала Эйлера о передаче старой паровой машины, станков, механизмов Санкт-Петербургского арсенала в Брянский и Киевский арсеналы. В этих арсеналах «по сие время работы производятся руками и лошадьми». 5 декабря 1837 г. в Москве проект был Высочайше утвержден.

Суть второй проблемы была в следующем: на вооружении российской армии к 1838 г. все еще была артиллерия образца 1805 г., наряду с тем, что в других странах уже велись изыскания в области артиллерии и вводились более совершенные системы орудий. Так, во Франции, передовом государстве в этом отношении, велись опыты даже с нарезной артиллерией, которая и была введена под названием системы 1827 г. [9. С. 32]. Орудиями образца 1838 г., называвшимися «орудиями новой конструкции. От систем образца 1805 г. они отличались следующим: калибры округлялись до целых линий (т.е. до 0,1 дюйма); калибры пушек и единорогов, близкие по величине, уравнивались, что позволило использовать при стрельбе одни и те же снаряды; цапфы некоторых стволов унифицировались, а это обеспечивало применение одного и того же лафета для различных стволов» [10. С. 21].

Командир Брянского арсенала Гебгардт 2-й должен был решить стоявшие перед предприятием проблемы, т.е. при поддержке военного руководства переоснастить производство и наладить выпуск новых образцов артиллерии.

Военное ведомство стремилось принять меры к улучшению состава работников арсенала. Начальник штаба по управлению генерал-фельдцейхмейстера 7 октября 1839 г. предлагал: «устранить неудобства иметь при арсенале малоспособных к сего рода службе офицеров». Командиру Брянского арсенала предписывалось «на будущее время принять за правило: при представлениях о прикомандировании офицеров к арсеналу, непременно пояснять, что офицер сей по личному удостоверению Вашему или по сношению с его начальством к службе арсенальной способен» [2. Ф. 221. Оп. 1. Д. 341. Л. 248].

Брянский арсенал начинает получать необходимые для новых работ чертежи. Это были чертежи крана для поднятия осадных орудий, различных металлических предметов, передка полевых лафет новой конструкции, зарядного ящика и т.д. Артиллерийский департамент предписывал штаб-офицеру по искусственной части Миславскому, чтобы ¼ пудовые конные и пешие лафеты соответствовали всем калибрам, т.е. пеший для конного, а конный для пешего, а все изготовленные по прежним чертежам «деревом цельные вещи были бы употреблены для лафет по новым чертежам» [2. Ф. 221. Оп. 1. Д. 348. Л. 110 об].

В отношении изготовления орудий нового образца была дана установка, что на 75 орудий при начале валового производства можно допустить лишь 1 бракованное. В таких условиях начинается новое производство. Архитектором арсенала Богдановым планируется перестройка печей [2. Ф. 221. Оп. 1. Д. 347. Л. 24 об].

В это время Брянский арсенал продолжал комплектоваться с одной стороны рекрутами, а с другой – кантонистами, т.е. существовал за счет принудительного труда. Причем по своим характеристикам кантонисты, безусловно, превосходили рекрутов. Так в 1839 г. приказом Эсаулова была объявлена благодарность полковнику Гебгардту-2 му и штаб-офицеру полковнику Миславскому «за хорошее образование к работам кантонистов, поступивших взамен рекрутов» [2. Ф. 221. Оп. 1. Д. 343. Л. 112 об]. После поступления в арсенал кантонистов переименовывали в комплектных мастеровых.

Похвалы в отношении отличной работы следовали одна за другой. Полковнику Гебгардту 2-му «за приготовление и чистую отделку артиллерийских вещей, находившихся в 1839-м году на выставке, в приказе Его Императорского Высочества Генерал-Фельдцейхмейстера от 28 июня 1839 года за № 107 объявлена благодарность» [2. Ф. 221. Оп. 2. Д. 550. Л. 5].

Были и трудности, в частности при освоении мастерами нового производства. Эти проблемы предстояло решать уже новому руководителю. В 1841 г. на посту командира Брянского арсенала Гебгардта 2-го сменил Лев Николаевич Белич [2. Ф. 221. Оп. 1. Д. 341. Л. 28].

Дополняя характеристику Гебгардта 2-го, необходимо отметить, что он был не только хорошим работником, но и семьянином. Он «был женат на дочери Советника Бухольца Луизе Егоровой, имел детей – сыновей Карла, Александра, Федора. Был человеком евангелическо-лютеранского вероисповедания. По выборам дворянства не служил. Слабым в отправлении обязанностей не замечен, беспорядков и неисправностей между подчиненными недопустил». За годы службы Гебгардт 2-й в штрафах не был и выговорам не подвергался. Российской, немецкой и французской грамоте читать и писать умел.

Помимо перечисленных выше наград Гебгардт 2-й имел и еще ряд ценных поощрений**: с**еребряную медаль «Память 1812 года», орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степе-

ни за 25-летнюю службу в офицерском звании, был кавалером ордена Святого Владимира 4 степени. К сожалению, о последних годах жизни полковника сведений не сохранилось.

Подводя итоги рассмотрения деятельности полковника Гебгардта 2-го, можно отметить, что он проявил себя не только как хороший воин-артиллерист, но и как организатор военного производства на Тульском оружейном заводе, Санкт-Петербургском и Брянском арсеналах. Полковник Гебгардт 2-й стоял у истоков постановки литья новой артиллерии образца 1838 г.

Библиографический список

1. *Бартошевич В.В.* Наградной крест за сражение при Прейсиш-Эйлау. Труды ГИМ. Вып. 57. 1983.
2. Государственный архив Брянской области.
3. Записки генерала Н.А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. М. 2002.
4. История Отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 3. М. 1962.
5. История русской армии: В 7 т. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. Т. 1.
6. Короткий век Павла I. (1796-1801 гг.) / Сост. М.Н. Смыр. М. 2010.
7. *Крылов В.М.* Кадетские корпуса и Российские кадеты. Санкт-Петербург. 1998.
8. *Милютин Д.* История войны 1799 года между Россией и Францией. Т. 2. Санкт-Петербург. 1857.
9. *Нилус А.* История материальной части артиллерии. Ч.1. СПб. 1909.
10. Отечественная артиллерия. 600 лет. Под ред. Г.Е. Передельского. М. Военное издательство. 1986.
11. *Радожицкий И.Т.* Походные записки артиллериста 1812-1816 гг. Ч. 1. М. Типография Лазаревых Института Восточных языков, 1835.
12. Российский государственный военно-исторический архив.
13. *Руа И.* Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб., 1912.
14. Свод Военных Постановлений. Ч. 1. Кн. VI. 1838.
15. *Тарле Е.В.* Сочинения в двенадцати томах. Т. VII. М. 1959.
16. *Юркевич Е.И.* Военный Петербург эпохи Павла I. М. 2007.

V.A. BOBKOV

CONTRIBUTION OF THE CORONEL FEDOR CARLOVICH GEBGARDT TO THE ARTILLERY DEVELOPMENT IN RUSSIA

The career of the coronel Fedor Carlovich Gebgardt is considered in the article. The analysis of his role in the artillery development and organization in Russia is based on the documents, little known or unknown to the broad scientific circle. His work, especially as the head of one of the most important Russian military plant – Bryansk Arsenal, – is reconstructed.

Key words: **army, arsenal, artillery, war, military industry.**

А.Ю. ДРУГОВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор кафедры теологии и религиоведения Курского государственного университета
E-mail: ss-private@yandex.ru
Тел. (4712) 58 86 46

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА – ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье дан обстоятельный анализ научной литературы и исторических источников XIX–XX вв. по проблеме народной культуры Курской области. Особое внимание уделяется характеристике таких источников, как «Промыслы и грамотность Центрального района Курской губернии» и «Курские сборники».

Ключевые слова: ***народная культура, Курская область, кустарные промыслы, этнография, «Курский сборник».***

В современном обществе значительно возрос интерес к многовековому наследию, духовным традициям русского народа. Народная культура Курского края отличается богатством, самобытностью и многогранностью. Она неотъемлемая часть народной культуры России в целом. Вместе с тем она отражает такие грани народной жизни, как жилище, пища, одежда, говоры, народное художественное творчество и в совокупности составляет предмет научного этнографического наследия.

Этнографическая работа в пределах Курского края активно велась в конце XIX – начале XX веков, она представлена трудами известных дореволюционных авторов: А.С. Машкина, профессора М.Д. Халанского, профессора В.И. Резанова, народной учительницы Е.И. Резановой и др. Но эта работа или захватила только отдельные уголки края, далеко не обнимая его в целом, или посвящена только одной какой-либо грани этнографического исследования (например, говорам).

В 20-е годы XX века появился ряд интересных публикаций Г.И. Булгакова, посвященных схематическому обзору Курского края как в культурно-историческом, так и в этнографическом отношении [1, с. 41]. Статьи сопровождаются картой Курской губернии, рисунками в тексте, а также кратким указателем историко-этнографической литературы, преимущественно дореволюционной. К этому же периоду относятся и публикации И.П. фремова о поверьях и приметах крестьян Курской губернии, о свадебных обрядах и т.п. В последующем активизируется исследовательская работа в шестидесятые – восьмидесятые годы. Особо отметим публикации таких курских краеведов и исследователей, как А.И. Яценко, Г.И. Хильманович, Е. Саяпина, Е. Киселева, Л. Рянский, В. Даниленко, Г. Яковлева, Л. Шанина и др. Значительная часть их материалов была опубликована на страницах газеты «Курская правда» и в «Летописи» (Приложение к газете «Молодая гвардия»). Все эти публикации отражены в каталогах Государственного архива Курской области и, несомненно, являются подспорьем для исследователя истории культуры Курского края. Однако до сих пор в краеведении не получили комплексного, систематизированного и всестороннего освещения указанные вопросы.

В качестве главных источников по проблеме можно выделить все выпуски «Трудов Курского Губернского Статистического комитета», начиная с 1863 года, все «Памятные книжки Курской губернии», начиная с I860 года. 1-2 выпуски «Трудов Курской Губернской Ученой Архивной комиссии» и все выпуски «Курского сборника». Представляет интерес и обобщающее издание «Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии». Наиболее полная и обстоятельная характеристика народных промыслов в Курской губернии дана в книге «Промыслы и грамотность Центрального района Курской губернии» [7]. Сборник представляет собой свод статистических сведений по Курской губернии по вопросам крестьянской грамотности и образования в центральном районе Курской губернии (составитель этого раздела Н.А. Благовещенский). Второй раздел посвящен анализу и характеристике промыслов и внеземледельческих занятий крестьян Центрального района (составитель Н.А. Добротворский). В книге дана классификация промыслов, особое место занимает характеристика женских промыслов. Из местных женских промыслов автор выделяет производство кушаков, скатертей, которыми были заняты, в особенности, в некоторых деревнях Фатежского уезда. Подробно этот вопрос рассматривается в специальных разделах «Производство

© А.Ю. Друговская

скатертей и рушников», «Производство кушаков», «Ткачество пеньковых и шерстяных материй». Представляет интерес и раздел «Производство ковров» [7, с. 150-153, 153-157; см. также 8, с. 126-134; 9. с. 41]. При этом подчеркивается, что производство ковров – это специальный женский промысел, что существует он издавна. В книге дана также характеристика шапочного, горшечного, кузнечного, плотницкого дела.

Представляют значительный интерес для изучения народных промыслов в Курской губернии специально изданные губернской земской управой материалы с описанием кустарных промыслов по различным уездам [5; 6]. В основном эти материалы были изданы в начале XX века, что свидетельствует о заинтересованности власти в разработке истории кустарных промыслов и публикации соответствующих документов. В указанных изданиях содержится конкретный фактический материал, раскрывающий состояние и развитие тех или иных промыслов в каждом отдельно взятом уезде Курской губернии. Они являются также своеобразным путеводителем для исследования истории культуры Курского края и выявляют специфику, отличительные и общие характерные черты, присущие развитию промыслов в отдельных районах губернии в зависимости, прежде всего, от экономических, материальных факторов, а также от культурных потребностей различных слоев населения. И с этой точки зрения, опубликованные материалы – важный исторический источник, требующий глубокого исследования и изучения путем сравнительного анализа и обобщения.

К этому же периоду относится публикация «Курских сборников», содержащих богатейший материал по этнографии края, по истории развития кустарных промыслов. Так, уже в первом сборнике помещены материалы о кустарных и других промыслах населения Курской губернии в 1899 году, раздел книги: «Экономический и промышленный» [2; 3; 4]. В них достаточно веско и аргументированно исследуется вопрос о причинах появления кустарных промыслов, кустарной промышленности в России, в том числе и в Курской губернии. Кустарная промышленность характеризуется как важный источник народного благосостояния, особенно для тех местностей, где занятия исключительно земледелием перестали гарантировать равновесие бюджета сельского населения, вынужденного в силу этого искать подспорье в побочных занятиях, из которых наиболее удобными и целесообразными являются кустарные производства. Здесь же отмечается не только экономическая обусловленность и целесообразность кустарного производства, но и нравственный, моральный его потенциал, позволяющий развивать артельные начала, производительно использовать свободное от сельскохозяйственных работ время. К числу старинных курских промыслов, как отмечается в работе, относятся: ткацкий, гончарный и иконописный. Гончарное производство в конце XIX века успешно развивалось в Суджанском, Фатежском, Щигровском уездах, складывались также тканые, шерстяные, ковровые пояса и др. Кружевное производство существовало в Щигровском уезде.

В «Курских сборниках» был специальный раздел «Отдел историко-археологический и этнографический», в котором помещались довольно интересные материалы. В частности, в первом выпуске опубликована программа для собирания этнографических предметов к выставке на предстоящий в 1902 году в городе Харькове XII Археологический съезд. В этом же сборнике опубликовано «Положение о Всероссийской кустарно-промышленной выставке 1901 года в Санкт-Петербурге». Была разработана и опубликована также специальная программа для собирания писанок и сведений о них (писанки – разукрашенные пасхальные яйца).

Кустарные выставки, на которых представлялись изделия народных промыслов, устраивались губернским земством. Цель их – «выяснение состояния кустарной промышленности в данное время и вопроса о том, какие из промыслов жизненны, имеют значение в будущем и, следовательно, заслуживают поддержки земства в той или иной форме».

Интерес представляют и материалы III выпуска «Курского сборника» [2]. Он целиком посвящен этнографии Курской губернии и содержит ценнейшие сведения по этому вопросу с указанием печатных изданий, освещающих различные стороны этой проблемы, включая быт крестьян Курской губернии, их обычаи и обряды, народное творчество.

Библиографический список

1. Курский край. Курск. 1925.
2. Курский сборник. Вып. III. Курск. 1902.
3. Курский сборник. Вып. I. Курск. 1901.
4. Курский сборник. Вып. VI. Курск. 1907.
5. Описание кустарных промыслов в Льговском уезде Курской губернии. Курск. 1914.

6. Описание кустарных промыслов в Обоянском уезде Курской губернии. Курск. 1915.
7. Промыслы и грамотность Центрального района Курской губернии. Курск. 1885.
8. *Шанина Л.Ф.* Ковроткачество – гордость курских мастеров // Из истории культуры Курского края. Ч. 1. Курск. 1995.
9. *Яковлева Г.Г.* Курские ковры. Курск. 1955.

A. YU. DRYGOVSKAYA

FOLK CULTURE – SPIRITUAL HERITAGE OF RUSSIA (ON THE MATERIALS OF KURSK REGION)

The detailed analysis of the scientific literature and historical sourses of 19-20 centuries dealing with the problem of the folk culture in Kursk region is presented in the article. The special attention is paid to the characteristics of such sources as "Crafts and literacy of the central region of Kursk province" and "Kursk collections".

Key words***: folk culture, Kursk region, crafts, ethnography, "Kursk collections".***

В.В. ЗОТОВ
старший преподаватель кафедры социологии и политологии Орловского государственного университета
E-mail: vola-nevola@list.ru
Тел. 43 58 59

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье рассматриваются вопросы эволюции института предводителей дворянства во второй половине XIX – начале XX вв. (На материалах Орловской губернии). Анализируются изменения в правах, обязанностях и компетенциях уездных и губернских предводителей дворянства Орловской губернии на протяжении всего пореформенного периода, вплоть до революции 1917г. Прослеживается тенденция расширения полномочий предводителей дворянства в связи с развитием системы местного (земского и городского) самоуправления, что свидетельствует о трансформации их из узкосословных органов в общественные, земские.

Ключевые слова: ***институт предводителей дворянства, эволюция института предводителей, уездные предводители дворянства Орловской губернии, Орловские губернские предводители дворянства, общественно значимые полномочия предводителей, земские обязанности предводителей.***

Как известно, реформы Александра II носили по своей направленности либеральный характер, хотя по средствам осуществления и результатам были компромиссными и противоречивыми. Такой характер носила и реформа местного самоуправления, в результате которой возникли новые всесословные общественные институты. Однако, сохранялись и старые сословные учреждения. Возникает вопрос о дальнейшей судьбе этих институтов, которые были неотъемлемой частью общественно-политической системы дореформенной России. В данном случае речь идет о предводителях дворянства – уездных и губернских. В какой степени они сохранили свою институциональность, функции, свое место в общественном управлении, какую эволюцию претерпели, нашли ли себя в новых условиях?

Создание земских органов местного самоуправления кардинальным способом повлияло на все органы общественного сословного и административного управления в Орловской губернии. Особенно это относится к ключевым общественно - политическим фигурам губернии и уездов, каковыми являлись предводители дворянства.

Новое состояло в том, что предводитель дворянства был «встроен» в создаваемую систему земского общественного управления, став важным элементом этой системы. Предводитель дворянства возглавил основополагающую земскую единицу – уездное земское собрание, обладавшее значительными полномочиями: формирование состава гласных губернского земского собрания, выборы мировых судей, выдвижение своих представителей в некоторые структуры уездного и губернского административного управления, решение важных задач в хозяйственно-административной и социально-культурной области.

Не будет большим преувеличением сказать, что именно должность уездного предводителя дворянства являлась той платформой, опираясь на которую человек мог в полной мере себя проявить в качестве руководителя, организатора, попечителя и заботника о нуждах и потребностях населения своего уезда, независимо от сословной принадлежности. При благоприятных обстоятельствах дворянин мог достичь значительных высот общественного, политического и государственного уровня. История знает немало подобных примеров, но можно ограничиться самыми показательными и яркими. С должности уездного предводителя дворянства в свое время начинали свой профессиональный рост такие видные государственные и общественные деятели России, как министр внутренних дел и председатель Комитета министров Дурново И.Н[1], министр внутренних дел и член Государственного совета Булыгин А.Г.[2], премьер-министр, реформатор начала XX века П.А.Столыпин[3],депутат 3-й Государственной

1 Дурново Иван Николаевич. – http://persona.rin.ru/cgi-bin/rus

2 http://ru.wikipedia.org/wiki/Булыгин,_Александр_Григорьевич

3 Столыпин П.А.Нам нужна Великая Россия…:Полн.собр. речей в Государственной Думе и Государственном совете.1906-1911гг.Предисл.К.Ф.Шацилло;Сост.,коммент.Ю.Г.Фельштинского. М.:Мол.гвардия, 1991. С.8.

© В.В. Зотов

Думы, член Государственного Совета, министр земледелия Бобринский А.А.[4], член Государственного Совета от Санкт-Петербургского земства, барон Корф П.Л.[5], последний министр внутренних дел Российской империи Протопопов А.Д.[6], обер-прокурор Святейшего синода, общественный и государственный деятель Самарин А.Д.[7]

Из местных предводителей также следует вспомнить нескольких человек. Прежде всего, это С.С. Бехтеев (1844-1911гг.) и М.А.Стахович (1861-1923гг.). Будучи предводителями дворянства Елецкого уезда, они в целом, сменяя друг друга, занимали эту должность около четверти века. Бехтеев С.С. был не только предводителем дворянства, но и мировым судьей, в своем родном Ельце устроил первый в России элеватор, учредил сельскохозяйственное общество, открыл отделение Госбанка. Для продвижения вопроса об учреждении пароходства на Дону за собственный счет провел исследование реки на протяжении тысячи верст, являлся членом Государственного совета[8].

После должности уездного предводителя М.А.Стахович с 1895 года состоял орловским губернским предводителем дворянства. Был активным общественным деятелем земского движения. В 1905 г. был одним из организаторов Союза 17 октября, вместе с графом Гейденом и Н.Н. Львовым в первой Государственной Думе основал думскую фракцию «мирного обновления». В начале 1907 года он был выбран в Орловской губернии во вторую Государственную думу, в декабре 1907 избран членом Государственного совета от Орловского земства, переизбирался в 1909, 1912 и 1915. После Февральской революции 1917г. Стахович был назначен Временным правительством генерал-губернатором Финляндии9.

Орловским уездным предводителем был также и другой активный общественный и политический деятель России начала XX века С.А. Володимеров (1868–1917гг. (по др. данным, 1919). Он являлся активным участником право-монархического движения, членом главного совета Союза Русского Народа, членом правой фракции III Государственной Думы, публицистом, издателем газеты *«Земщина»*[10].

4 http://ru.wikipedia.org/wiki/Бобринский,_Алексей_Александрович

5 http://ru.wikipedia.org/wiki/Корф,_Павел_Леопольдович.

6 http://ru.wikipedia.org/wiki/Протопопов,_Александр_Дмитриевич

7 http://ru.wikipedia.org/wiki/Самарин,_Александр_Дмитриевич

8 http://ru.wikipedia.org/wiki/Бехтеев,_Сергей_Сергеевич_(старший)

9 http://ru.wikipedia.org/wiki/Стахович,_Михаил_Александрович_(политический_деятель)

10 Хронос. Биографичекий указатель. - http://www.hrono.info/biograf/bio_we/volodimerov_sa.html

По меньшей мере, шесть из шестнадцати правивших в Орловской губернии за период существования земства губернаторов прошли в свое время школу уездного или губернского предводительства. Например, Иванов С.С. (Орловский губернатор с 1871 по 1874гг.) в течение более чем десяти лет избирался уездным предводителем в Смоленской губернии[11]. Предводителями дворянства в свое время были губернаторы Шидловский А.Р. (1888-1892), бывший почти 12 лет Харьковским губернским предводителем[12]; Трубников А.Н. (1894-1901[13]; Кристи Г.И. (1901–1902)[14]; Арапов А.В. (1915-1916)[15]; граф Гендриков П.В. (1916-март 1917)[16]. Причем, четверо из названных, – Иванов С.С., Шидловский А.Р., Трубников А.Н., Кристи Г.И., – получили назначение на должность Орловского губернатора будучи уездными или губернским предводителями дворянства.

Круг полномочий предводителей дворянства с началом реформ Александра II существенно расширился. Предводители дворянства по своей должности стали руководителями и организаторами работы земских собраний. Во многом от личного авторитета, компетентности, добросовестности этих людей зависел и общественный авторитет, эффективность работы всей земской системы. Теперь, избирая своего предводителя, дворянское сообщество знало, что оно выбирает не только своего корпоративного лидера, но также и одну из важнейших фигур всей системы земского общественного управления как данного уезда, так и всей губернии.

Должность уездного предводителя дворянства соприкасалась почти со всеми сферами гражданского управления в уезде. Кроме представительства дворянского сословия, на него были возложены обязанности, касающиеся всего населения, в том числе, обязанности по крестьянскому управлению, народному образованию, воинской повинности. В этих областях предводитель в качестве председателя учреждений, ведающих эти дела, играл руководящую роль. Всего на предводителей дворянства было возложено 27 обязанностей, из которых 16 выходили за рамки исключительно дворянских интересов и потребностей. Из числа всех обязанностей предводителя на долю губернских предводителей приходилось всего шестнадцать[17]. Таким образом, как писал современник, находясь во главе местного

11 Орловские губернаторы /Ред. Мосякин И.Я. – Орел: «Вешние воды»,1998. С.159.

12 Там же.. С.172.

13 Там же. С.191.

14 Там же. С.198.

15 Там же. С.213-214.

16 Там же. С.219.

17 Справочная книга для уездных предводителей дворянства. Сост. К.Е.Т. СПб, Тип. С.Волпянского, 1887. С.2-3.

управления, уездный предводитель «может иметь и действительно имеет весьма большое общественное значение в уезде»[18].

Несомненно, губернские и уездные предводители дворянства являлись базовыми элементами общественного самоуправления губернии. Один только сухой перечень общественных должностей и обязанностей выглядит весьма внушительно. Какие же должности занимали губернские предводители дворянства, какие обязанности исполняли?

В дореформенный период, кроме узкосословных функций, губернский предводитель занимал шесть общественно-значимых позиций, две третьих из которых носили чисто представительский и, в общем-то, ни к чему не обязывающий характер. В 1860 году Орловский губернский предводитель надворный советник Апраксин В.В. осуществлял членство в попечительском совете училища канцелярских служащих, комиссии народного продовольствия, «оспенном» комитете, комитете коннозаводства. Кроме того, он являлся директором губернского комитета попечения о тюрьмах и председателем посреднического комитета[19].Что касается обязанностей уездного предводителя дворянства, то его полномочия по должности никак не были обозначены, за исключением, пожалуй, Орловского уездного предводителя, который был членом губернской комиссии и состоял под началом губернского предводителя[20]

Спустя двадцать лет, в 1880 г. губернский предводитель, статский советник П.В. Тютчев, будучи членом губернского по крестьянским делам присутствия, губернского по воинской повинности присутствия, непременным членом губернского статистического комитета, являлся также: директором губернского комитета попечительского общества о тюрьмах; председателем дворянского депутатского собрания; председателем губернского земского собрания; гласным Брянского уездного земского собрания и, соответственно, гласным губернского земского собрания, председательствуя в этом собрании; членом губернского распорядительного комитета; председателем губернского училищного совета; действительным членом попечительства детских приютов; членом правления российского общества Красного Креста; членом правления благотворительного общества, состоявшего под высочайшим покровительством императрицы; председателем губернской комиссии по размежеванию; председателем правления и почетным членом общества охоты; председателем совета директоров и почетным членом Орловского отделения Императорского русского музыкального общества[21]. Всего не менее полутора десятков должностей, в том числе шесть руководящих.

Должности и обязанности уездного предводителя дворянства были менее обширны, но более конкретны. Например, орловский уездный предводитель, статский советник И.М. Страхов в том же 1880 году одновременно являлся: председателем уездного по крестьянским делам присутствия; председателем уездного по воинской повинности присутствия; гласным орловского уездного земского присутствия от землевладельческой курии, соответственно, председателем этого земского собрания; председателем уездного училищного совета; председателем дворянской опеки; почетным мировым судьей в г. Орле[22]. Здесь из шести направлений ответственности четыре было руководящих.

Период либеральных реформ Александра II в целом, а также первый период деятельности земства в Орловской губернии приходится на время, когда у руководства всей дворянской общиной губернии поочередно находились четыре человека. Это уже упоминавшийся Апраксин В.В., время предводительства (1857–1866); Шереметев А.В. (1866–1873); Страхов П.В. (1873–1875); Тютчев П.В. (1875–1883). Интересно, что только один из них (Страхов П.В.) предводительствовал всего лишь один срок, то есть три года. Апраксин В.В. и Тютчев П.В. руководили дворянством губернии по три срока, то есть по 9 лет, а Шереметев А.В. – два срока[23].

По архивным документам и другим источникам можно попытаться обозначить личности этих людей, их профессиональный и общественный путь.

Прежде всего, следует сказать о первом губернском предводителе, «встретившем» Великие реформы в Орловской губернии, – В.В. Апраксине. Его, как «дельного молодого человека», отметил в своё время в частном письме Н.В. Гоголь. Великий писатель отмечал, что он «вовсе не похожий на юношей-щелкопёров» и «глядит на вещи с дельной стороны[24]». После сложения своих полномочий в январе 1866г. действительный статский советник в звании камергера, потомственный дворянин, крупный помещик и сукнозаводчик[25] Апраксин В.В. был

18 Там же. - С.1.

19 Адрес-календарь Орловской губернии по 1 апреля 1860г. В кн.: Памятная книжка Орловской губернии 1860г. Орел, Тип. Орловского правления, 1860. С.9-14.

20 Там же. С.14.

21 Адрес-календарь Орловской губернии. Издание Орловского статистического комитета. Орёл, Типография газеты «Орловский вестник», 1880.

22 Там же.

23 Сайт Орловской области.- http://whp057.narod.ru/orlov.htm.

24 Гоголь Н. В. Письмо Плетневу П. А., 15 января н. ст. 1847 г. Неаполь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. - feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/psd/psd-1742.htm

25 Лавицкая М.И.Орловское потомственное дворянство

избран гласным в уездное земское собрание от землевладельческой курии Севского уезда, а затем это собрание избрало его гласным в губернское земское собрание[26].

После отставки В.В. Апраксина, с мая 1866 г. губернским предводителем был избран надворный советник Шереметев А.В. Одновременно он был гласным уездного земского собрания, гласным от Мценского уезда в губернском земском собрании, в котором по должности, как губернский предводитель дворянства, он и председательствовал[27]. По некоторым сведениям, А.В. Шереметев был знаком с И.С. Тургеневым, о чем говорят письма русского писателя. Можно сделать предположение, что одним из адресатов писателя был граф Александр Васильевич Шереметев, крупный помещик Орловской губернии, с 1870 г. почетный мировой судья Мценского уезда. Известно одно письмо Тургенева Шереметеву от 7(19) сентября 1876 г. из-за границы. Оно начинается обращением – «Любезнейший Александр Васильевич». Из письма явствует, что Тургенев бывал в доме Шереметева: «В будущем году я посещу Спасское и надеюсь увидеть Вас снова в Вашем прекрасном «home»[28].

Шереметева А.В. в своих воспоминаниях отмечал А.А. Фет. Он писал: «нельзя не упомянуть нашего бывшего губернского предводителя дворянства А.В. Ш-ва. Это был молодой человек, … обладающим самым находчивым и предприимчивым умом»[29]. Немало добрых слов А.А. Фет нашел и для А.А. Тимирязева, который был избран гласным губернского земского собрания первого созыва (трехлетия), а затем избранного уездным предводителем дворянства. Он называл его «почтенной личностью», к которой его воспоминания постоянно обращались «с живейшей признательностью»[30]. Шереметев А.В. был инициатором строительства первой в России земской Орловско-Витебской железной дороги[31].

Среди уездных предводителей дворянства чаще всего встречается фамилия Шеншиных. В данном случае имеются ввиду: «поручик и кавалер» Шеншин В.А., мценский предводитель дворянства в 1866–1867гг.[32] и кромский уездный предводитель Шеншин В.А., прошедший за почти пятидесятилетний период руководства дворянством уезда путь от коллежского асессора до действительного статского советника[33]. Став предводителем дворянства Кромского уезда еще в первое трехлетие работы земских органов самоуправления, В.А. Шеншин встретил на этом посту революцию 1917 года, которая упразднила все «царские» институты власти и управления, включая и эту должность.

В первое трехлетие реализации земской реформы в Орловской губернии (1866-1869 гг.) губернский предводитель дворянства осуществлял, в основном, только представительские функции. Как правило, это было членство в губернских присутствиях: по крестьянским делам, по воинским делам, в статистическом комитете, попечении о тюрьмах. Руководство имело место только в посреднической комиссии и, как и прежде, в руководстве дворянским депутатским собранием. Новая функция – организация работы и руководство губернским земским собранием, что фактически способствовало «встраиванию» предводителя в создаваемую систему земского общественного управления. Губернский предводитель дворянства стал ключевым элементом земской системы на губернском уровне – председателем губернского собрания. Первоначально было всего 5 полномочий, которые губернские предводители осуществляли по своей должности. В дальнейшем сюда добавилось членство в губернских присутствиях: по воинским, питейным делам, в распорядительном комитете, затем в губернском комитете по народной трезвости, губернском присутствии, лесоохранительном комитете. К началу революции 1917 года таких представительских полномочий, которые предводитель осуществлял по своей должности, набиралось более десяти (См. табл.1)*.

Все обязанности и полномочия предводителей дворянства можно классифицировать по различным основаниям. Прежде всего, полномочия и обязанности делятся по порядку их получения (по должности и по избранию); функциональной направленности (руководящие и представительские); широте охвата (сословные и всесословные); степени ответственности (административно-властные и общественные); времени действия (временные и постоянные). В рассматриваемый период – 60-е гг. XIX в. – начало XX в. – вполне себя проявила следующая тенденция: значительно увеличивалось количество всесословных полномочий и обязанно-

второй половины XIX – начала XX веков (происхождение, инфраструктура и социально-культурный облик):Монография. Под научной редакцией проф.Проскуряковой. Орёл: Издательство «Вешние воды», 2005. С.69.

26 Журналы Орловского Губернского Земского собрания. Заседание 1 от 6 мая 1866г.Приложение к журналам II.Список гласных С.6-9.

27 Там же. С.6-8.

28 Петров Ф.А. Письма Тургенева. feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/Ra1-101-.htm

29 Фет А.А. Мои воспоминания.1848-1889.Ч.2. С.99.

30 Там же. С.101.

31 http://www.petergen.com/board13.shtml

32 Адрес-календарь Орловской губернии по 1 января 1868г. Орел, типография Губернского правления, 1867.С.20.

33 Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1906 год. Орел, типография Губернского правления, 1906.С.170.

стей как по должности, так и по избранию, носивших, как правило, постоянный характер. Все они носили управленческий характер. (табл.1).

Вывод состоит в том, что институт предводителей дворянства представлял собой важнейший элемент местного, в частности земского, самоуправления на уездном и губернском уровне. Предводители не только сохранили свои прежние полномочия и должностные функции и авторитет, но и увеличили свой общественно-политический «вес» в новых условиях. В наибольшей степени это относится к уездным предводителям дворянства. Здесь мы практически не видим представительских полномочий, как в случае с губернскими предводителями. В 14-ти из 15-ти важнейших полномочий и обязанностей уездного предводителя, вытекавших из его должности, это были действительно руководящие, требовавшие определенных деловых, организаторских, личных качеств (табл.2).

Институт предводителей дворянства в указанный период находился в условиях интенсивного перехода от чисто сословных направлений деятельности к всесословным, общественно значимым. Собственно, это уже был не «предводитель дворянства», ибо, строго говоря, для этой должности остались только две важные обязанности: руководство дворянским депутатским собранием и дворянской опекой. В годы Первой мировой войны предводители были вынуждены заниматься еще двумя чисто сословными делами – организацией «убежища» для престарелых дворян и руководить попечением над дворянскими пансионатами-приютами.

В начальный период, когда предводители дворянства возникли в ходе реализации Жалованной грамоты дворянства в конце XVIII века, они являлись элементами «нового местного самоуправления»,

Таблица 1.

Динамика должностей и обязанностей губернского предводителя дворянства Орловской губернии

№ п/п	Основные полномочия и обязанности по должности	Годы											
		1868	1870	1875	1880	1885	1890	1893	1897	1900	1904	1910	1916
1	Непременный член губернского стат. комитета	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Директор губернск. попечительства о тюрьмах	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3	Председатель дворянск. депутатского собрания	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4	Председатель губернск. земского собрания	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
5	Член губернск. по крестьянским делам присут.	+	+	+	+	+	+						
6	Член губернск. по земским делам присутствия						+	+	+	+	+	+	+
7	Член губернского училищного совета		+	+	+	+	+	+	+	+	+	*	+
8	Член губернск.по воинским делам присутствия			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
9	Член губернск. распорядительного комитета				+	+	+	+	+	+	+	+	+
10	Член лесоохранительного комитета						+	+	+	+	+	+	+
11	Член губернского присутствия							+	+	+	+	+	+
12	Председатель посреднической комиссии		+	+									
13	Член губ. по питейным делам присутствия							+	+	+			
14	Член губ. комитета попеч. о народ. трезвости										+	+	+
15	Действит. член губ. попечит. детских приютов				+	+			+		+	+	+
16	Предс.совета попечит. дворян. пансион-приюта										+	+	+
17	Предс.совета убежища для престарелых дворян										+	+	+
18	Член губ. комитета по делам мелкого кредита											+	+
	Всего:	5	7	8	9	9	10	11	12	11	14	15	16

*Примечание: Все данные по уездным предводителям дворянства взяты по 6 уездам Орловской губернии из 12 Орловскому, Брянскому, Елецкому, Ливенскому, Мценскому, Кромскому уездам за 12 лет. Эта выборка охватывает 12 трехлетий из 17, в течение которых функционировало земское самоуправление в России. Кроме того, предводители дворянства также избирались на 3 года.

Таблица 2.

Динамика должностей и обязанностей уездных предводителей дворянства Орловской губернии

№ п/п	Основные полномочия и обязанности по должности	Годы											
		1868	1870	1875	1880	1885	1890	1893	1897	1900	1904	1910	1916
1	Действит. член губ. статистического комитета	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Председатель уездного земского собрания	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3	Председатель дворянской опеки	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4	Старший директор уездного тюремного отдел.	+		+		+	+	+	+	+	+	+	+
5	Председатель съезда мировых посредников	+	+										
6	Председатель уезд. по крест. делам присутствия			+	+	+	+						
7	Председатель уездного съезда мировых судей			+		+	+						
8	Председатель уездной земской управы	+	+			+	+						
9	Предс. уезд. по воинск. повинности присутствия		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10	Председатель уездного училищного совета			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
11	Предс. администр. присутствия уездного съезда							+	+	+	+	+	+
12	Предс. судебного присутствия уездного съезда							+	+	+	+	+	+
13	Предс. уездного по питей. делам присутствия						+	+		+			
14	Предс. уезд. комиссии попеч. о народ. трезвости										+	+	+
15	Предс. уезд. землеустроительной комиссии											+	+
	Всего:	6	6	8	6	9	10	9	8	9	9	10	10

«специальным органом внутреннего управления» как показателем децентрализации управления[34]. В ходе реформ второй половины XIX в. они фактически превратились из строго сословных в общеземские элементы. В пореформенный период они имели больше возможностей и прав, а также и обязанностей, чем прежде, в том числе, и в составе местных правительственных, административных органов, что говорило об увеличении доверия власти к разнообразным «общественным силам»[35].

За период реформ и в пореформенный период развития России институт предводителей дворянства значительно перерос свои изначальные функции, уничтожив границы узкосословного органа. В 1897 году известный русский публицист, народник, а затем монархист Л.А.Тихомиров писал, имея в виду старую «сословную организацию с выборными предводителями»: «Оставаясь при своей корпоративной организации, дворянство тем менее может скорбеть об умалении прежнего своего значения, что перед ним открыто новое широкое поприще в земских учреждениях, где оно, сливаясь с другими сословиями, образует ядро для новых формаций и может сохранить преобладающее влияние в местном управлении[36]».

Будучи одним из базовых элементов системы земского самоуправления, «предводительство», особенно на уездном уровне, в процессе реализации реформ местного самоуправления, по мере их развертывания стало вполне самостоятельным и мало зависимым от государственной, или «коронной» администрации, общественным организмом, значимым субъектом формировавшегося в России гражданского общества.

34 Ивановский В. Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию №5 1895 года – №11 1896 года. // http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item2925.html

35 Там же.

36 Цит. по: Тихомиров Л.А.Государственность и сословность. В кн.: Тихомиров Л.А.критика демократии/Вступ. Статья и комментарии М.Б.Смолина. Оформление М.Ю.Зайцева. М.: Москва, 1997. - С.650.

Библиографический список

1. Адрес-календарь Орловской губернии по 1 апреля 1860г. В кн.: Памятная книжка Орловской губернии 1860 г. Орел. Тип. Орловского правления, 1860. С.9-14.
2. Адрес-календарь Орловской губернии по 1 января 1868г. Орел, типография Губернского правления, 1867. С.20.
3. Адрес-календарь Орловской губернии. Издание Орловского статистического комитета. Орёл. Типография газеты «Орловский вестник», 1880.
4. *Гоголь Н.В*. Письмо Плетневу П.А., 15 января н. ст. 1847 г. Неаполь. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. - feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/psd/psd-1742.htm
5. *Дурново Иван Николаевич*. - http://persona.rin.ru/cgi-bin/rus/view.pl?id=32678&a=f&idr=
6. Журналы Орловского Губернского Земского собрания. Заседание 1 от 6 мая 1866г.Приложение к журналам II.Список гласных С.6-9.
7. *Ивановский В.* Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию №5 1895 года – №11 1896 года. // http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item2925.html
8. *Лавицкая М.И.* Орловское потомственное дворянство второй половины XIX–начала XX веков (происхождение, инфраструктура и социально-культурный облик): Монография /Под научной редакцией проф. Проскуряковой. Орёл: Издательство «Вешние воды», 2005. С.69.
9. Орловские губернаторы. Ред.Мосякин И.Я. Орел: «Вешние воды»,1998. С.159.
10. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1906 год. Орел, типография Губернского правления, 1906. С.170.
11. *Петров Ф.А.* Письма Тургенева. feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/Ra1-101-.htm
12. Сайт Орловской области.- http://whp057.narod.ru/orlov.htm.
13. Справочная книга для уездных предводителей дворянства. Сост. К.Е.Т. СПб, Тип. С.Волпянского, 1887.С.2-3.
14. *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия…:Полн.собр.речей в Государственной Думе и Государственном совете.1906-1911гг./Предисл. К.Ф.Шацилло; Сост., коммент. Ю.Г.Фельштинского. М.:Мол.гвардия, 1991. С.8.
15. *Тихомиров Л.А.* Государственность и сословность. В кн.: Тихомиров Л.А. Критика демократии/Вступ. Статья и комментарии М.Б.Смолина. Оформление М.Ю.Зайцева. М.: Москва, 1997. С.650.
16. *Фет А.А.* Воспоминания. Т.2. : [Мои воспоминания, 1848-1889]: [Ч.2 : 1864-1889] РИК «Культура», 1992. С. 99
17. Володимеров Святослав Александрович. Хронос. Биографичекий указатель. - http://www.hrono.info/biograf/bio_we/volodimerov_sa.html
18. Шереметьев Александр Васильевич. Доска Объявлений (13). - http://www.petergen.com/board13.shtml
19. Булыгин,_Александр_Григорьевич. Материал из Википедии. - http://ru.wikipedia.org/wiki/
20. Бобринский,_Алексей_Александрович. Материал из Википедии. - http://ru.wikipedia.org/wiki/
21. Корф,_Павел_Леопольдович.Материал из Википедии. - http://ru.wikipedia.org/wiki/
22. Протопопов,_Александр_Дмитриевич. Материал из Википедии. - http://ru.wikipedia.org/wiki/
23. Самарин,_Александр_Дмитриевич. Материал из Википедии. - http://ru.wikipedia.org/wiki/
24. Бехтеев,_Сергей_Сергеевич_(старший). Материал из Википедии. - http://ru.wikipedia.org/wiki/
25. Стахович,_Михаил_Александрович_(политический_деятель).Материал из Википедии. - http://ru.wikipedia.org/wiki/

V.V. ZOTOV

EVOLUTION OF INSTITUTE OF LEADERS OF THE NOBILITY IN THE SECOND HALF OF XIX - BEGINNING XX OF THE CENTURIES (ON MATERIALS OF THE OREL PROVINCE)

In the article the questions of evolution of institute of leaders of the nobility are examined in the second half of XIX - beginning XX of the centuries (On materials of the Orel province). Changes are analysed in rights, duties and competenses of district and province leaders of the nobility of the Orel province during all post-reform period, up to revolution of 1917 year. The tendency of expansion of plenary powers of leaders of the nobility is traced, in connection with development of the system of local (land and municipal) self-government, that testifies to transformation of them from narrowly class organs in public, zemsky.

Key words: ***institute of leaders of the nobility, evolution of institute of leaders, district leaders of the nobility of the Orel province, province leaders of the nobility, publicly meaningful plenary powers of leaders, land duties.***

С.М. ИСХАКОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru
Тел. 8 499 723 69 45

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ДЕВОЛЮЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ

В статье отражена авторская точка зрения на причины революций 1917 года в России, критически проанализированы основные современные подходы к изучению истории русских революций.

Ключевые слова: **революции 1917 года в России, общественно-политический кризис 1917 года, финансовый кризис начала XX века в России, деволюция революции, историческое сознание.**

Изучение российской истории в конце XX – начале XXI вв. происходит в условиях, когда, с одной стороны, налицо неослабевающий общественный интерес к ней, к ее тем или иным деятелям, с другой – когда место старых легенд и стереотипов очень быстро заняли и получили, в том числе в научной литературе, широкое распространение новые мифы.

В российском обществе, как верно отмечается, между тем утвердились многочисленные мифологизированные представления о «стабильности, благополучии и динамическом развитии дореволюционной экономики и вычитанные из книг славянофилов и почвенников представления о русском народе-богоносце, якобы совращенном злокозненными революционерами». Идея о том, что в России всегда шла борьба между патриотами и некоей «пятой колонной», главной задачей которой являлось и является ее разрушение, стала основой методологии определенной части историков. Эта методология «основывается на взгляде из прицела трехлинейки времен Гражданской войны: там, в этом прицеле, виден только враг, даже тогда, когда войны нет». История русской революции превратилась в набор мифов, которые пренебрегают анализом причин и следствий и объявляют все произошедшее нелепой случайностью [1].

Стало особенно распространяться мнение о том, что вообще революции не оказали заметного влияния на исторический процесс в XX в., что, в частности, в России они являются случайными, выпадающими из общего мирового развития эпизодами, социальными «спазмами», отклонениями от «нормального» развития, нарушениями общественного равновесия, помешавшему движению страны по капиталистическому пути, которое без революции привело бы Россию в ряды наиболее развитых держав с высоким уровнем жизни населения, политических и социальных свобод.

Этот сложный период отечественной истории теперь, как правило, настойчиво изображается только как один из трагических этапов на пути сползания страны в 1917 г. в историческую пропасть, как результат недомыслия народов, поддавшихся влиянию различных амбициозных политических авантюристов, ставших жертвой некоего заговора, как покушение на русскую государственность со стороны иноземцев и «жидо-масонских», либеральных, демократических сил – противников процветания единой и неделимой православно-русской империи. Иначе говоря, усиленно предпринимаются попытки свести причины обрушения самодержавия в 1917 г. к немудреному тезису о «происках закулисья», делая при этом многозначительные ссылки на «темные силы», на действия зарубежных спецслужб. Вместе с тем весьма удобным для этой методологии является выдвижение в качестве важнейшей причины революции «психологии толпы», временного массового психоза, очередной русской смуты.

Под видом такой критики «патриотическая» идеология, которой не очень нужна историческая точность, стала фактически сильно противодействовать науке, взялась насаждать свой диктат, приспосабливая исследователей при помощи административных рычагов управления в нужном для нее русле – на разработку псевдопатриотических «концепций», так или иначе связанных с переломным 1917 годом, отражающих стремление к деволюции (свертыванию) самого представления о революции, ее исторической закономерности в истории человечества.

«Патриотическое» пропагандистское направление при помощи многих «алхимиков»-историков, весьма изобретательных, но, как правило, и далеких от проблемы, но тем не менее решительно заявивших о себе и о своих поверхностных представлениях о причинах революций в Российской империи, в сущности мистифицирует и мифологизирует русский самодержавный строй вообще, в особенно-

© С.М. Исхаков

сти правление последнего императора Николая II, стремится вызвать у одних ностальгическую грусть о былом избранном статусе, внедрить в массовое сознание, особенно молодежи, что якобы процветающее романовское государство, в частности, пало в 1917 г. жертвой кучки заговорщиков, профинансированных внешними врагами русской империи.

«С одной стороны, боязливые, половинчатые реформы, так же как и радикальные, но плохо подготовленные, могут стимулировать революцию; с другой – вслед за скоротечной революцией, ничего не улучшившей в народной жизни, вполне вероятны долговременные и в целом позитивные реформы… Никакие исторические, социологические, юридические и прочие теории, а уж тем более политикантское словоблудие… никогда не докажут «объективной невозможности» или «бессмысленности» революционных выступлений, в том числе и далеко не мирных. Что же еще остается униженным и оскорбленным, если ничего не дали цивилизованные формы борьбы против того или иного антинародного, эксплуататорского режима?» [2].

Под первостепенную причину масштабного протеста фактически подводятся социально-психологические сдвиги самого различного характера и тем самым снимается суть всей проблемы социальной революции, разрешавшей в России, как и в других странах, накопившиеся противоречия, которые власть по тем или иным причинам не была в состоянии эффективно преодолеть путем проведения соответствующих реформ, а напротив фактически сделала все, чтобы накопить опасные материалы для социального взрыва и ничего, чтобы предотвратить его, имея достаточно тревожных «сигналов» о том, чего можно было ожидать.

Едва ли можно серьезно полагать, что некогда мощная 300-летняя династия Романовых была сметена народными массами в считанные дни по всей огромной империи в результате того, что их сумели спровоцировать какие-то политические авантюристы, немногочисленные сторонники тех или иных радикальных партий. Всеобъемлющий общественно-политический кризис в 1917 г., когда империя разваливалась, – это результат, прежде всего, самых грубых непоправимых ошибок именно в сфере государственного управления обществом. «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который бы пошел на революцию», если бы те, кто имел власть, – говорил в марте 1920 г. В.И. Ленин, – «действительно начали социальную реформу?» [3]. Степень критичного анализа политического банкротства романовского государства у многих современных авторов, делающих карьеру на псевдопатриотических «концепциях», однако, находится в прямой зависимости от близости к господствующей консервативной идеологии в лице ее различных «независимых» структур, институтов и представителей, утративших в этой ситуации какое-либо критическое отношение к спускаемым «сверху» указаниям, которые преднамеренно разрушают принцип историзма, что имеет далеко идущие последствия для исторического сознания общества в целом и в особенности для формирующегося исторического сознания молодежи.

За почти 100 лет в мировой и отечественной исторической науке накоплен огромный фактический материал, в котором в той или иной степени отражался глубочайший кризис управления российским обществом в начале XX в., одним из ярких проявлений которого стал финансовый кризис, возникший во время Русско-японской войны. В ее ходе и во время революции 1905—1907 гг. царское правительство только благодаря иностранным займам, главным образом французским, смогло не только спасти режим, но и сохранить относительную стабильность денежной системы. Республиканская Франция предоставлением крупного займа спасла монархическую империю, так как Парижу нужен был сильный союзник в восточном тылу Германии. В одной листовке в связи с этим тогда отмечалось: «Самодержавие восстановило против себя все население России; своим гнетом оно довело государство до крайности и растратило без пользы богатство страны. Не сегодня – завтра государство сделается банкротом, и все бумажные ценности станут ничего не стоящими клочками бумаги... С каждым днем приближается государственное банкротство... Чтобы достать денег, самодержавие обращалось к заграничным капиталистам... обещало неслыханные проценты. Однако европейские капиталисты не поверили самодержавию и не ссудили его деньгами, дав ему понять, что если не будет народного представительства, то денег они не дадут... В настоящее время, чтобы замазать глаза европейским и американским капиталистам и поскорее получить деньги, оно стало спешить с созывом Государственной думы... Устроив такую думу, получив деньги из-за границы и увеличив таким образом еще более долг, тяготеющий над государством... оно думает нагнать страх на население и совершенно зажать ему рот... Дума не принесет с собой успокоения...», что и произошло к 1917 г.

Экономически отсталая Российская империя не могла в начале XX в. воевать без материальной и финансовой помощи своих союзников. Империя была прочно включена в сложившуюся в Европе систему союзов и, будучи членом Антанты, в силу логики блоковой политики и собственных терри-

ториальных устремлений оказалась вовлеченной в войну. Правящие круги империи приняли при этом активное участие в предвоенной гонке вооружений (по величине военных расходов она занимала второе после Германии место в Европе), но так и не смогли к 1914 г. выполнить принятые ранее программы: по перевооружению армии и воссозданию военно-морского флота. Причем при дележе военных заказов происходило прямое вмешательство царствующих особ и их министров в поддержку своих фирм. Так, германский император Вильгельм II, прибыв летом 1912 г. в Ревель, во время встречи со своим кузеном Николаем II добился от последнего передачи строительства части военных судов в Германии, которые, разумеется, к началу войны не были построены.

Банкротство правящих кругов империи углублялось во время Первой мировой войны. А.Ф. Керенский совершенно верно полагал, что она «самым глубочайшим образом противоречила национальным интересам и задачам России в 1914 году», которая «стояла на пороге нового… внутреннего кризиса» [4]. В результате в 1916 г. расходы на войну составили 18,1 млрд. руб., при доходах в 4,3 млрд. руб., то есть бюджетный дефицит составил 13,8 млрд. руб. К началу войны Госбанк выпустил денежной массы на сумму 1,6 млрд. руб., а к октябрю 1917 г. – 18 млрд. руб. В январе 1917 г. ежедневные расходы империи увеличились в 4-5 раз по сравнению с начальным периодом войны и достигли огромной суммы – 58,9 млн. руб., а у Государственного казначейства имелось всего лишь 208,7 млн. руб. Учитывая все прочие доходы, правительство могло оплачивать не более половины своих расходов, что означало наступление финансового краха.

Выступая в Москве в апреле 1917 г. министр финансов Временного правительства М.И. Терещенко, в частности, объяснил, в каком состоянии оказались бюджетные средства, доставшиеся от царского правительства после падения монархии в результате Февральской революции: «…Казна была пуста, денег не было… Каким же путем покрывать теперь те огромные расходы, которые необходимы для того, чтобы нам, с одной стороны, закончить войну без позора, а с другой – провести те необходимые реформы, которых требует наша внутренняя жизнь, и которые признаются каждым из нас необходимыми..? 54 000 000 рублей в день, которые стоит война, требуют от нас… напряжения казначейства и государственных средств…». Министр заявил, что потребуется покрытие огромных – около 9 млрд. руб. – расходов «по ликвидации войны и оплате ее убытков». Все это тяжелое бремя правительство перекладывало на народные массы обреченных на многие годы.

К моменту Октябрьской революции 1917 г. государственный долг страны увеличился по сравнению с довоенным временем в 5,5 раз и достиг колоссальной суммы в 49 млрд. руб., из которой на внутренние займы приходилось 37,6 млрд. руб. и на внешнем 11,2 млрд. (за время войны они увеличились на 7,2-7,7 млрд. руб.), тогда как национальный доход в 1913 г. составлял около 16,4 млрд. руб. Именно за годы Первой мировой войны в результате получения иностранных кредитов на производившиеся за границей закупки вооружения и военного снаряжения государственный долг вырос более чем вдвое, достигнув, повторимся, почти 12 млрд. рублей. От золотого запаса империи фактически ничего не осталось. Причем произошло это всего за несколько лет.

В стране продолжалось снижение объема производства во всей крупной промышленности, падение производительности труда и уровня жизни большинства населения страны. Представители Временного правительства, несмотря за многочисленные заявления о внимании власти к народу, своими действиями вызывали все больше и больше недовольство масс, которые теряли доверие к центру, к его различным представителям на местах. Крестьяне требовали земли, рабочие – работы, а нерусские народы – самоуправления. Подлежал разрешению еще вопрос о войне. Временное правительство революцию сделало средством для того, чтобы довести начатую ранее войну «до победы» в интересах национально-государственных групп финансистов, стремящихся к разделу мира и к господству над другими странами. Правительство, направившее всю свою энергию исключительно на военные цели, отложило решение остальных основных вопросов до Всероссийского Учредительного собрания.

Таким образом, за годы Первой мировой войны огромный рост непосильных военных расходов вызвал непомерный дефицит бюджета, основным источником покрытия которого явились внутренние и внешние военные кабальные займы, а также массированная эмиссия бумажных денежных знаков. Эта самоубийственная политика привела к перекачке огромных финансово-экономических ресурсов на военные цели, резкому обесценению рубля и многократному росту товарных цен. В конечном счете следствием такой политики в области финансов стали крах рубля, развал экономики и феноменальный рост государственной задолженности, достигшей к концу 1917 г. общей стоимости всего оставшегося в наличии национального бо-

гатства России. Всего же она была должна по итогам Первой мировой войны (по долгам царского и Временного правительств) более 13 млрд. золотых рублей, т.е. почти в 10 раз больше, чем было накануне войны от самого большого запаса золота в мире. Именно эти неопровержимые факты опровергают все ухищрения современной консервативной идеологии и ее многочисленных «трубадуров», идеализирующих правящую элиту страны, которая на самом деле довела страну до катастрофы в начале XX века, пренебрегая общенациональными интересами.

Подобная несостоятельность власти вызвали сильное недоверие населения страны как к высшей власти, так и к управленческим качествам чиновничьего аппарата, что и привело, в конечном счете, к тому, что дух ниспровержения глубоко охватил все общество на всех уровнях. В мае 1917 г. В.И. Ленин писал в газете «Правда», что «Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов. При войне это объективно невозможно: либо гибель, либо революция против капиталистов. Так стоит вопрос. Так он поставлен жизнью» [5].

Совершенно очевидно, что революции в России возникали, как и в других странах, не согласно теории хаоса/смуты, а имели свою ясную логику – разрешали накопившиеся в обществе противоречия, которые та или иная власть – именно в этом и состоит очередное экспериментирование высоких инстанций по вымарыванию из истории самого явления революции («революция – это плохо!»), дезориентируя при этом научную общественность, – по тем или иным причинам не была в состоянии эффективно преодолеть путем проведения соответствующих реформ.

Библиографический список

1. Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихаческие научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб, 2008. С. 198–199, 203, 222.
2. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 21, 23–24.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 179.
4. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары / Пер. с англ. М., 1993. С. 80.
5. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 31.

S.M. ISKHAKOV

HISTORICAL CONSCIOUSNESS AND THE DEVOLUTION OF THE REVOLUTION

The article reflects the author's point of view on the causes of the Revolution of 1917 in Russia; the main current approaches to the study of history of the Russian revolution have been critically analyzed.

Key words: ***the 1917 revolution in Russia, the socio-political crisis in 1917, the financial crisis of the early XX century in Russia, the devolution of the revolution, historical consciousness.***

С.М. ИСХАКОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru
Тел. 8 499 723 69 45

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ЖИЗНИ РАБОЧИХ ЮЖНОГО УРАЛА В 1917 ГОДУ

В статье исследуется вопрос об уровне жизни рабочих Белорецкого горного округа в 1917 году. Также анализируются политика партий эсеров и большевиков в рабочей среде Южного Урала и причины революции в октябре 1917 года. В Приложениях приведены документальные архивные материалы.

Ключевые слова: **промышленность Южного Урала, Белорецкий горный округ, социально-экономический кризис 1917 г., военно-политический кризис 1917 г., уровень жизни рабочих, эсеры, большевики, революция в октябре 1917 г.**

Белорецкий металлургический завод был основан в конце XVIII в., большинство рабочих этого крупного предприятия были из Орловской, Казанской и Пензенской губерний. В начале XX в. в Белорецком горном округе (Белорецкий, Тирлянский, Узянский заводы) Акционерным обществом Белорецких железоделательных заводов Пашковых была проведена модернизация: построена подъездная железная дорога, проведена реконструкция производства с использованием нового оборудования, в том числе зарубежного. Весной 1916 г. правление Белорецкого общества закупило только в США станки и различное оборудование на значительную по тем временам сумму – около 250 тыс. долларов. В 1916-1917 гг. подобные заказы (не такие крупные) были также сделаны и вскоре получены из Англии, Швеции и Голландии. В 1914-1916 гг. в округе был построен проволочно-гвоздильный завод, улучшено доменное производство, была начата постройка еще одной железной дороги – к горе Магнитной. Во время Первой мировой войны Белорецкие заводы работали исключительно на оборону, являясь крупнейшим в России производителем проволоки и проволочных заграждений, кровельного и обшивочного железа, производя также чугун для изготовления орудий. В 1916 г. владельцами контрольного пакета акций Акционерного общества Белорецких железоделательных заводов Пашковых являлись один из крупнейших в России «Торговый дом Вогау и К°» (Москва), Санкт-Петербургский международный коммерческий банк и Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк. Представители этого частного капитала в значительной степени определяли, в каких условиях жили и работали белорецкие пролетарии.

В 1917 г. в Белорецком горном округе проживало всего около 50 тыс. человек, из которых на заводах округа занято было почти что все взрослое мужское население в количестве около 15 тыс. человек. Поселок (или, как было принято тогда – завод) при Белорецком металлургическом заводе часто отмечается в научной литературе [1] как важный революционный центр, оказавший большое влияние на ход событий в 1917-1920 гг. на всем Урале.

После Февральской революции 1917 г. на Белорецких заводах сначала налицо было сильное влияние эсеров. Достаточно указать, что главноуправляющий этим горным округом Е.К. Поленов являлся эсером. Здесь также была небольшая группа большевиков, которые создали свою группу — Белорецкий комитет РСДРП, который возглавлял большевик П.В. Точисский [2]. 7 апреля 1917 г. он выпустил первый номер своей газеты – «Листок Белорецкого комитета РСДРП». Большое внимание местные социал-демократы уделяли критике политики Временного правительства. При этом использовались материалы, опубликованные в различных столичных и местных газетах. К примеру, листовка Белорецкого комитета РСДРП появилась через несколько дней после выступления в Москве министра финансов Временного правительства М.И. Терещенко о финансовой программе новой власти. Его речь была опубликована в московской газете «Известия Московского Совета рабочих депутатов» 17 апреля 1917 г. В своем выступлении министр, в частности, объяснил, в каком состоянии оказались бюджетные средства, доставшиеся от царского правительства после Февральской революции: «…Казна была пуста, денег не было… Каким же путем покрывать теперь те огромные расходы, которые необходимы для того, чтобы нам, с одной стороны, закончить войну без позора, а с другой – провести те необходимые реформы, которых требует наша внутренняя жизнь, и которые призна-

© С.М. Исхаков

ются каждым из нас необходимыми..? 54 000 000 рублей в день, которые стоит война, требуют от нас… напряжения казначейства и государственных средств…». Министр заявил, что потребуется покрытие огромных – около 9 млрд руб. – расходов «по ликвидации войны и оплате ее убытков». Все это тяжелое бремя правительство перекладывало на народные массы, на рабочих и крестьян.

В листовке (приложение 1) объяснялось белорецким жителям, какие перспективы ожидали их, как и подавляющее большинство населения страны, в результате финансовой политики Временного правительства. Не находя в себе воли и разума сосредоточить усилия на насущных задачах жизни большинства населения, представители центральной власти, несмотря за многочисленные заявления о внимании власти к народу, своими действиями вызывали все больше и больше недовольство масс, которые теряли доверие к Временному правительству, к его представителям на местах.

Пытаясь противодействовать разоблачениям белорецких социал-демократов, эсеровское руководство Белорецкого совета рабочих депутатов предприняло, в частности, такую акцию: 13 июня 1917 г. в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» сообщалось, что Совет рабочих депутатов Белорецкого завода призывает всех объединиться вокруг идеи победы над Германией: «Пусть наша армия под красным знаменем идет вперед за свободу России… Мы должны прогнать врага с земли нашей и принести на концах штыков наших мир. Довольно позорного перемирия. Русскую революцию спасли французы, англичане и весенний разлив реки на нашем фронте. Если бы не они, погибла бы русская свобода».

Это заявление показывает, что, как и многие политики, белорецкие эсеры решили в условиях глубокого социально-экономического и военно-политического кризиса прибегнуть к патриотическим и национальным чувствам граждан, пытались объяснить, что только благодаря наступлению союзников (английских и французских войск) России весной 1917 г. на германские войска и весенней распутице немцы не смогли наступать и захватить революционный Петроград. При этом игнорировалась внутренняя степень «созревания» русской революции.

В России тем временем продолжалось снижение объема производства во всей крупной промышленности и падение производительности труда. Хозяева Белорецкого горного округа, осуществив модернизацию производства, использовали в отношениях с рабочими фактически наследие крепостнических времен, пытаясь при этом приукрасить ситуацию с реальной заработной платой рабочих перед Временным правительством (приложение 2). Между тем цены на предметы первой необходимости и жилье резко выросли. Реальная зарплата большинства промышленных рабочих, в частности, Приуралья и Южного Урала к осени 1917 г. по сравнению с предвоенным временем упала на 25 %. Все это вызывало у рабочих, в том числе белорецких, протест против обесчеловеченной жизни, моральное негодование, вызванное как наглым своекорыстием хозяев заводов и фабрик, предпринимателей, так и действиями чиновников всех уровней (приложение 3). Всего этого оказалось вполне достаточным, чтобы в ноябре 1917 г. на выборах во Всероссийское Учредительное собрание за большевиков проголосовало 38% белорецких избирателей. На таком локальном примере подтверждался очевидный тезис о том, что в переломную эпоху Первой мировой войны и революционных перемен российская правящая элита как на уровне правительства, так и на уровне управляющего Белорецким горным округом, выполнявшего указания правления акционерного общества, оказалась неспособной к эффективному управлению по преодолению острых социальных противоречий. Для нее было характерно общее непонимание жизненных интересов России, ее многочисленных народов, что привело в действие алгоритм: «капиталистам прибыль – народу разорение» = всему обществу революция.

Приложение 1.

Капиталистам прибыль – народу разорение!

Акционерное общество «Волга»[1] постановило выдать дивиденд (прибыль) за 1916 г. (год войны) по 40 руб. на акцию, так как получено за истекший год чистой прибыли свыше 1 миллиона рублей! Международный коммерческий банк[2] за 1916 год получил прибыли 22 000 000 рублей! Прибыль Волжско-Камского банка[3] за 1916 год выразилась в размере свыше 7 миллионов рублей! Вышесказанные цифры убедительно доказывают, кому на руку продолжать войну. Только крупным коммерсантам и верным слугам старого режима, так как они рассчитывают, что при продолжении войны [народ] вконец обнищает, падет духом и тогда может быть удастся вырвать власть у народа и вернуть ее Николаю последнему.

По словам министра финансов, сказанных на днях

1 Точное название – Санкт-Петербургский международный коммерческий банк, который, как отмечалось, был одним из хозяев белорецких заводов.

2 Точное название – Волжско-Камский коммерческий банк (г. Петроград), который являлся одним из владельцев белорецких заводов.

3 Точное название – Волжско-Камский коммерческий банк (г. Петроград), который являлся одним из владельцев белорецких заводов.

в Москве, каждый день войны обходится нам в 54 000 000 рублей! Государственный долг России возрос до 50 миллионов рублей одних процентов, на этот долг (военные займы) придется платить 3 ½ миллиарда ежегодно. Что же это значит? Это значит, что с каждой души и идет каждый день на войну по 30 коп. Каждая крестьянская семья, состоящая из шести душ, должна платить по 1 руб. 80 коп. каждый день. Для уплаты процентов до войны падало на каждую 3 руб. 50 коп. в год, а теперь за военные займы придется платить по 75 руб. (семьдесят пять руб.) с семьи в год! Это надо помнить, когда говорят о войне до полной победы! Подумайте, товарищи, в чью руку играют их призывы, которые истошным голосом растекаются за войну до победоносного конца?

Белорецкий комитет РСДР партии
Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 291. Оп. 1. Д. 203. Л. 22-22. об.

Приложение 2.

Из письма правления Акционерного общества Белорецких железоделательных заводов и владельца Катав-Ивановского металлургического завода князя К.Э. Белосельского-Белозерского министру земледелия Временного правительства С.Л. Маслову

21 октября 1917 г.
Петроград

В Белорецком округе в настоящее время живет около 50 тыс. человек, из которых почти что все мужское население, в зрелом возрасте, в количестве около 15 тыс. человек занято работой на Белорецких заводах, на заготовке руды или горючего в потребность для металлургического производства заводов округа. Общий заработок населения в год – около 15 млн. руб., что в среднем составляет годовой заработок примерно в 1000 руб. В довоенное время годовой заработок составлял сумму около 3,5 млн. руб. или около 230 руб. на человека.

Белорецкие заводы работают исключительно на оборону, являясь крупнейшим в России производителем проволоки и проволочных заграждений, кровельного и обшивочного для вагонов железа и производят чугун, идущий ввиду его выдающихся качеств, исключительно на изготовление стальных орудий.

Указанное повышение заработной платы вызвало громадное увеличение потребных для дела оборотных средств: до войны оборотные средства выражались в сумме около 3,5 млн. руб., а ныне – около 15 млн. Покрыть такие колоссальные расходы обществу было бы невозможно, так как до войны его основной капитал составлял 7 млн. руб. Для покрытия этих расходов пришлось увеличить основной капитал до 25 млн. руб. Без этого округ закрылся бы, а его население искони получающее средства к существованию от заводов, осталось бы в безвыходном положении. Только акционерная форма владения дала возможность ответить нуждам обороны, увеличить производительность заводов и не только не обездолить местное население, но поднять его заработок, в зависимости от общего вздорожания без малого в 5 раз. <…>

Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 291. Оп. 1. Д. 147. Л. 58-58 об.

Приложение 3.

Из письма главноуправляющего Белорецким горным округом Е.К. Поленова в правление Акционерного общества Белорецких железоделательных заводов

1 ноября 1917 г.
Белорецк

Крайнее колебание хлебных цен и полное неумение продовольственных органов справиться со своей задачей вызывали как чрезвычайное повышение цен на пшеницу и частью овес, так большую затрудненность покупки хлеба, хотя для этого принимались все возможные меры.

В начале октября пришлось приостанавливать отпуск хлеба рабочим, и лишь с большим трудом удалось удовлетворять рабочих, военнопленных и китайцев.

Положение облегчилось в последнее время тем, что уездная продовольственная управа сознала свою несостоятельность в ведении хлебной операции и предоставила некоторую свободу в отношении хлебных сделок. Пользуясь этим, в последние две недели удалось значительно увеличить покупку и доставку овса и пшеницы, а главное, заключить <…> соглашение об обмене хлеба на железо. Если эта операция удастся, то на зимнее время мы будем обеспечены пшеницей и овсом. Самые условия нужно считать для нас выгодными. Хотя мы будем таксировать железо по твердым ценам, но зато получим по твердым ценам пшеницу, т.е. по 5 р. 32 к. за пуд., тогда как ее базарная цена дошла до 9 и даже 10 р. за пуд. В ближайшее время еду в Верхнеуральск, чтобы урегулировать детали обмена, оттуда в Кустанай <…>

Е. Поленов[4]

Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 291. Оп. 1. Д. 56. Л. 11-11 об.

4 Е.К. Поленов в конце 1917 г. был отстранен от своей должности правлением Белорецкого общества. А ситуацию с хлебом не удалось разрешить.

Библиографический список

1. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. Изд. 3-е, доп. М., 1987. С. 57. Революция и гражданская война в России. 1917-1923. Энциклопедия в четырех томах. Т. 1. М., 2008. С. 147-148.
2. Великая Октябрьская социалистическая революция. С. 527.

S.M. ISKHAKOV

ON THE QUESTION OF THE STANDARD OF LIVING OF WORKERS IN THE SOUTH URALS IN 1917

The paper investigates the question of the standard of living of workers in Beloretsk mining district in 1917. The policy of Revolutionary Party and the Bolsheviks in the working environment of the Southern Urals and the causes of the Revolution in 1917 are analyzed as well. The Appendix presents the documentary archive material.

Key words: ***industry of the Southern Urals, Beloretsk mining district, socio-economic crisis in 1917, the military and political crisis of 1917, the standard of living of workers, the Social Revolutionaries, the Bolsheviks, the October Revolution in 1917.***

Т.И. КОНОНОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru
Тел. (4862) 76 07 68

Д.В. ТОКАРЕВА
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru
Тел. (4862) 76 07 68

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕКЛАРАЦИИ И КОНСТИТУЦИОННО - ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Данная статья посвящена анализу конституционно - правового наследия Белого движения, изучению программных документов конституционного характера, посвященных решению проблемы будущего политического устройства и формированию государственной системы новой России по окончании Гражданской войны, а также рассмотрению причин нереализованности конституционного законотворчества Белого движения.

Ключевые слова: ***Белое движение, программные документы, Гражданская война, конституционно-правовые концепции, государственное устройство.***

Проблема конституционно-правового наследия российского Белого движения вызывает пристальный интерес отечественных исследователей[1] в современных условиях формирования гражданского общества и создания правового государства.

Круг источников для изучения поставленной программы весьма ограничен, так как единой политической программы Белого движения не существовало, тем более разработанного проекта Основного закона Российского государства. Документы официального происхождения (законодательные акты, политические декларации), источники мемуарного и эпистолярного характера, эмигрантские издания позволяют выявить лишь основные идеи и направления конституционно-правовых преобразований в рамках Белого движения. В то же время, отказ его лидеров принимать конкретные программы конституционного устройства России до победы над большевиками создает определенные трудности при рассмотрении проблемы конституционного законотворчества Белого движения.

Говорить о конституционном характере Белого движения следует с известными оговорками, ибо условия Гражданской войны не позволяли в полном объеме гарантировать права и свободы личности и избирать представительные органы власти достаточно демократическим путем даже на территориях, контролируемых белыми. Тем не менее, проблема будущего политического устройства новой России приобретала исключительно важное значение в целях осуществления последующего государственного строительства.

В концепции Белого движения решение данной проблемы предусматривало, в первую очередь, ответ на вопрос о постоянной форме правления, которая должна быть установлена после свержения советской власти; далее – разработку политико-правовых механизмов учреждения и гарантий будущей формы правления; наконец, ориентацию на определённый партийно-политический спектр органов новой государственности. Способность Белого движения выдвинуть конкретную программу по названным вопросам зависела от согласованности позиций поддерживавших его общественно-политических сил. [2]

Для всех программных документов конституционного характера Белого движения были присущи два главных принципа: соблюдение прав и свобод личности, насколько это было возможно в условиях войны, и «непредрешенчество» конституционно-правовой системы будущей России до победы над большевиками и выборов нового Учредительного Собрания. Конституционно-правовая и социально-экономическая платформа белых должна была сплотить различные антикоммунистические силы

1 Кудинов О.А. Конституционные проекты белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. №2. С. 29.

2 Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (к.1917- нач. 1920г.), М., 2000. С. 41.

© Т.И. Кононова, Д.В. Токарева

– от крайне правых монархистов до умеренных социалистов. Это создавало условия для широкого объединения всех противников коммунистического режима. Но в этом и заключался самый большой недостаток белых – внутренняя аморфность и слабость их идейных установок и организации и, как следствие, постоянная угроза раскола.

С момента зарождения Белого движения его лидеры старались избегать чётких заявлений по вопросу о той форме правления, за которую они борются. Официально эта позиция уклонения от ответа на коренной запрос всего общества мотивировалась стремлением не предрешать волеизъявление российского народа. Впоследствии концепция «непредрешения» стала считаться основой идеологии Белого движения. Главным содержанием её, по мысли генерала А.И. Деникина, являлось «уклонение от радикальной ломки государственного и социального строя, с предоставлением этой работы, будущим правомочным органам народной воли». [3]

Программные установки конституционного характера вооруженных сил Юга России были изложены в Декларации Добровольческой армии, написанной П.Н. Милюковым, одобренной тогдашним Главнокомандующим генералом Алексеевым и опубликованной 27 декабря 1917 г. в «Донской речи». Но Декларация содержала лишь общие принципы. В частности, в ней отмечалось, что после победы над большевиками будут проведены новые свободные выборы в Учредительное Собрание, которое и должно будет окончательно решить судьбу страны[4].

После января 1918 г. последовательная антибольшевистская оппозиция перестаёт связывать с эсеровским Учредительным собранием какие-либо надежды на будущее российской государственности. В программном послании генерала Л.Г. Корнилова, адресованном в феврале 1918 г. антибольшевистским организациям Сибири, отмечено: «Сорванное большевиками Учредительное собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное собрание должны быть проведены свободно, без давления на народную волю и во всей стране». Там же подчёркивалось, что «Учредительное собрание, как единственный хозяин земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй»[5]. Но впоследствии лозунг Учредительного собрания был исключен из программных документов Добровольческой армии, что было связано с настроениями тех сил, которые поддерживали Белое движение. Так, например, генерал А.С. Лукомский, ближайший сподвижник Корнилова и Деникина, в письме от 14 мая 1918 года критиковал выдвинутые лозунги Учредительного собрания и «народоправства» и допускал единственно приемлемой формой правления – конституционную монархию[6].

В августе 1918 года генерал Деникин поручил отразить в разрабатывавшемся «Временном положении об управлении местностями, занятыми Добровольческой армией» следующий главный принцип: «Временная власть должна быть неограниченной, в виде единоличной диктатуры»[7]. В конечном итоге Белое движение на Юге России утвердилось в необходимости именно единоличной диктатуры – это была внешняя копия неограниченной монархии, с тем отличием, что ее существование оправдывалось исключительными условиями Гражданской войны и рассматривалось как переходная мера к представительной демократии.

Такую власть, которая после свержения большевиков должна была опираться на правомочность народной воли, Деникин называл «национальной диктатурой»[8].

В целях подготовки перехода к конституционному правлению, идея «национальной диктатуры» была всесторонне развита в программе «Тактического центра», представлявшего ядро общественно-политических сил, группировавшихся вокруг руководства вооруженных силах Юга России.

В начале 1919 г. в Москве представители «Национального Центра», «Союза возрождения России» (СВР) и «Совета общественных деятелей» образовали подпольный комитет на паритетных началах для взаимного осведомления по политическим вопросам и выработки общей тактической платформы (откуда и название). «Тактический Центр» налаживал связи с единомышленниками на юге России, через посредство которых руководству «Вооруженных сил Юга России» (ВСЮР) направлялись теоретические разработки и практические рекомендации. Проекты ТЦ представляют интерес хотя бы потому, что в них была осуществлена попытка зафиксировать принципы государственного строительства, общие для широкого спектра политических групп антибольшевистского лагеря.

По замыслу ТЦ, общегосударственная власть,

3 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922 (М.,1991) Т.3. С.263.

4 Кудинов О.А. Конституционные проекты белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. №2. С. 30

5 Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (к.1917- нач. 1920г.) М., 2000. С. 43

6 Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 132.

7 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922 (М.,1991) Т.4. С. 270.

8 Там же. С. 201.

установленная после свержения большевистского правительства, не должна ограничивать свою задачу доведением страны до «Национального собрания», но обязана «рядом проводимых ею общегосударственных мероприятий создать... условия, при которых Национальное собрание вообще возможно, и передать власть лишь тому государственному установлению, которое явится результатом определения Национальным собранием формы правления». Принципиальное отличие Учредительного собрания от Национального в том и заключалось, что последнее не обладало государственной властью и функционировало при наличии независимого от него правительства. Полномочия Национального собрания ограничивались принятием основного закона о государственном устройстве и форме правления, после чего Национальное собрание распускалось. Переходное правительство, созданное военным командованием, слагало свои полномочия лишь после сформирования высших органов государственной власти согласно конституции, принятой Национальным собранием [9].

Но в целом в 1918-1919 гг. единой конституционной программы в ВСЮР не существовало. Как отмечал несколько позднее Главнокомандующий вооруженными силами Юга России в тот период генерал А.И. Деникин: «...Какой государственный строй приняла бы Россия в случае победы Белых армий в 1919-1920 гг., нам знать не дано. Я уверен, однако, что после неизбежной, но кратковременной борьбы разных политических течений в России установился бы нормальный строй, основанный на началах права, свободы и частной собственности»[10].

В телеграмме Деникина от 2 января 1919 г. подчеркивалось: «Мы не предрекаем ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю»[11].

А.И. Деникин видел свою программу устроения России на началах областной автономии и широкого местного самоуправления, и в то же время, вся полнота власти должна сосредоточиться у Верховного главнокомандующего, однако при этом необходимо соблюдать незыблемость гражданских свобод. Одновременно предлагалось сохранить в силе законодательство дореволюционное и Временного правительства, кроме тех случаев, когда новая власть отменит или изменит какие-либо установки.

В сентябре 1918 г. была создана Уфимская Директория с центром в Омске. Политический блок, на который опиралось Сибирское правительство, включал широкий спектр партий - от монархистов до социалистов (эсеров и меньшевиков). На территории Сибирского правительства было временно воссоздано Учредительное Собрание, обсуждавшее вопросы, поставленные им еще в январе 1918 г. Были восстановлены земские и городские органы самоуправления, мировые суды, профессиональные союзы и общественные организации, а также действие нормативных актов, принятых до октября 1917 г.[12]

Но из-за затянувшейся Гражданской войны возобновить работу Учредительного Собрания в полном объеме не удалось. С точки зрения и конституционного права, и здравой логики после победы над большевиками в новой исторической обстановке предполагалось провести выборы нового Учредительного Собрания. К тому же условия войны требовали централизации власти.

В ноябре 1918 г. адмирал А.В. Колчак упразднил Директорию и принял титул Верховного правителя. Разъясняя свою политическую программу перед представителями печати 28 ноября того же года, Колчак, в частности, отметил, что после ликвидации большевистской власти в России должно быть созвано Национальное Собрание «для воцарения в стране закона и порядка»[13]. Однако, он не мог отрешиться от старой, до него созданной системы управления государством. Да это и не удивительно – ведь большинство из его окружения состояло из дореволюционной номенклатуры уездного и губернского масштаба, которая не знала других методов управления, кроме тоталитарно-бюрократических. Засилье в государственной системе касты статских, надворных, коллежских советников вело к тем же плачевным результатам, что и в дореволюционные времена.

В связи с окончанием мировой войны правительство А.В.Колчака опубликовало 6 декабря 1918 г. декларацию, в которой объявляло о своем стремлении «к воссозданию государственности на началах истинного народовластия, свободы и равенства». Существенным пробелом программы колчаковского правительства, по мнению управляющего делами Г. Гинса, «была неясность его политической физиономии».[14]

Самым трудным для антибольшевистского движения был аграрный вопрос. В Декларации колчаковского правительства от 8 апреля 1919 г.

9 Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (к.1917- нач. 1920г.) М., 2000. С.51, 57.

10 Деникин А.И. Кто спас советскую власть от гибели. Париж, 1937, М., 1991. С. 8.

11 Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1989. С. 51.

12 Кудинов О.А. Конституционные проекты белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. № 2. С. 29.

13 Там же. С.30.

14 Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории. Пекин, 1921. Т.1., ч.1. С. 30.

население заверялось в том, «что урожай будет принадлежать тем, кто сейчас пользуется землей», даже если они не являются собственниками и арендаторами. Правительство обязалось принять меры «для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время», используя для этого в первую очередь частновладельческую и казенную землю, уже фактически перешедшую крестьянам. Этот шаг, наиболее радикальный в аграрной политике белого движения, был направлен против дворянского землевладения в поддержку мелких трудовых хозяйств, владеющих землей как частной собственностью. Окончательное же решение этого вопроса откладывалось на неопределенное время – до созыва национального собрания, а самовольные захваты запрещались.[15]

Таким же внутренним противоречием отмечена и национальная политика правительства Колчака. Действуя под лозунгом «единой и неделимой» России, оно не отвергало, по заявлению министра иностранных дел Ю.В. Ключникова, «самоопределения народов» как идеал. Но в том же заявлении подчеркивалось, что «крайние выводы из него» (образование самостоятельных государств) «не привлекают уже больше общественное внимание России».

В ответ на требование делегаций Азербайджана, Эстонии, Грузии, Латвии, Северного Кавказа, Белоруссии и Украины на Версальской конференции о предоставлении им независимости Колчак предложил подождать до Учредительного собрания. Отказавшись от создания из освободившихся от большевизма регионов противобольшевистской конфедерации, он проводил политику, обреченную на неудачу.[16]

На северо-западе страны Белое движение во главе с генералом Н.Н. Юденичем придерживалось конституционных идей, аналогичных Белому движению на Востоке и Юге страны. Так, в обращении к населению русской территории Северо-Западного фронта в августе 1919 г. отмечалось:

«(...) 1. Решительный отказ от возврата к старому режиму.

2. Воссоздаваемая Всероссийская власть должна быть укреплена на основе народовластия.

3. Единство Великой России должно сочетаться с утверждением за всеми народностями, обитающими на ее исторической территории, права развивать свою национально-культурную жизнь.

4. Административное управление государства должно быть усовершенствовано путем становления ближайшей и органической его связи с местным земским и городским самоуправлением.

5. Все граждане государства Российского, без различия национальностей, вероисповеданий и классов, равны в правах и обязанностях перед законом.

6. Всем обеспечивается по восстановлении государственно-правовой жизни неприкосновенность личности и жилища и гражданская свобода: религиозной совести, слова устного и печатного, союзов, собраний и стачек.

7. Земельный вопрос решается согласно с волей народа. Земля будет передана трудящемуся земледельческому населению для закрепления в собственность (…)» [17].

После поражения зимой 1919-1920 гг. армий Колчака, Юденича и Деникина 22 марта 1920 г. в Крыму генерал П.Н. Врангель принял на себя всю полноту военной и гражданской власти с санкции Правительствующего Сената. Он настойчиво укреплял южнорусскую государственность. С этой целью разрабатывался и осуществлялся комплекс важных конституционно-правовых и социально-экономических мероприятий.

Правительство Юга России разработало «Правила о восстановлении волостных и уездных земств», в которых предусматривалось создание системы крестьянского самоуправления с участием представителей всех других категорий землевладельцев. Таким образом, закладывался фундамент будущего возрождения Российского государства, основанного на самодеятельности народа снизу.

Конституционно-правовая политика правительства Юга России была сформулирована в августе 1920 г. в следующих декларациях: будущий государственный строй России; равенство гражданских и политических прав; предоставление в полную собственность земли обрабатывающим ее крестьянам; защита интересов рабочего класса и его профессиональных организаций; объединение различных частей России «в одну широкую федерацию, основанную на свободном соглашении»; восстановление производительных сил России «на основах, общих всем современным демократиям, представляющих широкое место личной инициативе»; признание международных обязательств, заключенных предыдущими правительствами России[18].

После поражения основных сил Белого дви-

15 Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России, М., 2000. С. 89.

16 Гинс Г. К. Указ. соч. С. 35.

17 К населению русской территории Северо-Западного фронта// Архив русской революции, изданный Г.В. Гессеном, Берлин, 1922. Т. I. С. 304-305 / Цит. по Кудинов О.А. Конституционные проекты белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. №2. С. 32.

18 См. подробнее: Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992, Ч. 2.

жения в январе 1920 г. в Париже был опубликован проект Основ Конституции Российского государства[19], обсуждавшийся в среде российских политиков различных направлений и правоведов в Ростове, Крыму и Париже (Г.Львов, П. Струве, Б. Савинков, П. Новгородцев, Н.Львов и др.). Главные идеи проекта заключались в следующем: форму государственного устройства должно определить Учредительное Собрание; Глава государства избирается общим собранием двух палат простым большинством голосов; все акты, издаваемые Главой государства, скрепляются подписью Канцлера; Глава государства назначает и увольняет высших чиновников, созывает палаты и областные съезды. Законодательная власть осуществляется двумя палатами: Государственной Думой и Государственным Советом. Государственная Дума избирается на основе всеобщего и равного избирательного права, Государственный Совет – областными сеймами.[20]

Конституционное законотворчество Белого движения основывалось, по большей части, на проектах периода Временного правительства, в чем проявлялась шаблонность правотворчества либеральных кругов, а реализация либеральных концепций устройства власти на местах находилась в руках более консервативно настроенных политических сил.

Отказ Белого движения принимать конкретные программы конституционного устройства России, откладывание решения этого вопроса до победы над большевиками, да и невозможность решить эту проблему демократическим путем в условиях Гражданской войны с точки зрения либеральной доктрины права было абсолютно правильным. Процесс принятия конституции должен был быть гарантирован от негативного вмешательства левых сил. С этой целью военное руководство Белого движения намеревалось сохранять в своих руках рычаги эффективного воздействия на государственную власть впредь до сформирования таких гражданских органов, которым можно было бы вверить управление страной.

Белое движение стремилось к отстранению левых радикалов от влияния на политическую жизнь и к реализации в воссозданном Российском государстве принципов конституционной демократии западного типа. В нем воплотились нереализованные после Февраля 1917 года возможности развития России по либерально- конституционному пути.

19 См. подробнее: Основы Конституции Российского государства // Архив русской революции, изданный Г.В. Гессеном. Берлин, 1922. Т. I.С. 263-287.

20 Кудинов О.А. Конституционные проекты белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. №2. С.32.

T.I.KONONOVA, D.V.TOKAREVA

CONSTITUTION-LEGAL CONCEPTS IN PROGRAM DOCUMENTS OF WHITE MOVEMENT

Given clause is devoted to the analysis constitution - legal heritage of White movement, to studying of program documents of the constitutional character, devoted to the decision of a problem of the future political system and formation of the state system of new Russia upon termination of Civil war. And as to consideration of the reasons нереализованности the constitutional lawmaking of White movement.

Key words: ***White movement, program documents, Civil war, constitution - legal concepts, a state system.***

С.Г. МАЛКИН
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии
E-mail: malkins@samtel.ru
Тел.(846) 332 49 10

«ГОРСКИЙ НАРЯД КАК РОД ВОЕННОГО ПЛАТЬЯ»: «МЯТЕЖНЫЙ» ГОРЕЦ ШОТЛАНДИИ В XVIII в.

Статья посвящена месту и роли визуального образа «мятежного» шотландского горца в административной этнографии «Хайлендской проблемы» Великобритании в XVIII в. Усилия британских чинов, отвечавших за умиротворение Горной Шотландии, по накоплению и осмыслению такой опознавательной этнографической особенности «мятежных» шотландских горцев, как «горский наряд», представляются необходимой интеллектуальной практикой эпохи, позволяя более целостно представить развитие британского государства и модели колонизации в век глобальных империй.

Ключевые слова: ***Горная Шотландия, Великобритания, «Хайлендская проблема», «горский наряд», этнография, интеллектуальная колонизация.***

Проекция власти британского модерного государства в Горной Шотландии в процессе, в том числе, интеллектуальной колонизации этого мятежного края при помощи административных этнографических штудий с самого начала, и с переменным успехом, решала две взаимосвязанных задачи. Первая состояла в том, чтобы наполнить необходимым этнографическим содержанием образ «взбунтовавшегося» шотландского горца. Аналитические категории естествознания, политэкономии, сравнительной филологии эпохи Просвещения и первого века глобальных империй позволили ответственным за умиротворение Горной Страны чинам и их агентам в Хайленде вообразить шотландского «ирландца» как британский вариант ирландского гэла, отличавшийся от собратьев с «Изумрудного острова» скорее расположением на универсальной шкале исторического прогресса, чем какими-то особыми этнографическими признаками. Ловко жонглируя различными региональными и историко-культурными категориями этнографического анализа, комментаторы объединяли разнообразные побудительные мотивы поддержки в крае дела изгнанных Стюартов. Мятежный характер горца, таким образом, колебался вдоль этих различий, что позволяло объединять весь их спектр в сознании и письме британских чинов при помощи этнографических признаков. Родство шотландских и ирландских гэлов оказалось для Лондона политически и идеологически значимым фактором. «Ирландец» в Горном Крае в качестве объединяющей военно-политической и культурной угрозы был призван помочь остальным подданным Соединенного Королевства объявиться «британцами», внося ощутимую лепту в конструирование этой юнионистской и имперской идентичности.

Вторая из указанных выше задач носила более практический характер и состояла в выявлении и применении этнографической формулы «мятежного» горца в процессе умиротворения и «цивилизации» Хайленда (в обоих случаях недвусмысленно подразумевая искоренение якобитизма). Таким образом, если в первом случае решение «Хайлендской проблемы» представляло собой, скорее, тему, идеологему, риторическую модель конструирования британской политической нации, во втором случае настоятельно требовалась деконструкция воображенной Эдинбургом и Лондоном в шотландских горах этнической группы (шотландский «ирландец»), ее конкретизация, редукция и упрощение (до категории «мятежного» горца), чтобы определить и преодолеть специфические горские факторы возмущения в Горной Шотландии. Это примечательное обстоятельство, в свою очередь, вновь подтверждает тот упускаемый многими из виду факт, что такая административная этнография Горной Страны выступала в качестве культурной технологии окраинной политики Великобритании в Хайленде в 1689–1759 гг. Следовательно, различные уровни этнографического знания, на которые распадался внешне цельный и непротиворечивый образ шотландского горца британских «шотландских» чинов, соответственно предполагали возможность их применения на различных уровнях хайлендской политики Лондона. Эти последние можно условно разделить на стратегический (предотвращение вторжения иностранных держав и социальная инженерия в крае), операционный (использование

© С.Г. Малкин

противоречий между вождями, магнатами, кланами), тактический (соотнесение решений и действий властей с особенностями местной военной, политической и социально-экономической культуры).

В соответствии с логикой расширения британского присутствия в Горной Шотландии и соответствовавшей последовательностью этнографического прочтения правительством, чинами и их агентами в Горной Стране местных реалий эти уровни этнографического знания (соответственно, и хайлендской политики) целесообразно проанализировать в обратном порядке – от первых, предварительных соображений «по случаю» о характере военно-политического противостояния в Хайленде к целенаправленному сбору и анализу этнографических сведений о «взбунтовавшемся» горце в интересах его «цивилизации». Особый этнографический интерес в этом смысле у авторов мемориалов, рапортов и прочих отчетов о состоянии Горного Края и способах решения «Хайлендской проблемы» вызывала категория «горского наряда», служившего для ответственных за умиротворение края британских чинов самоочевидным визуальным этнографическим признаком «мятежности» в Горной Шотландии.

Поскольку современная культура восприятия «Иного» и, шире, видения открываемого и изучаемого европейскими модерными империями мира предполагала визуальный ряд аналитически более значимым, чем текстовый, то внешние признаки «взбунтовавшегося» горца, зримо проявлявшиеся во время якобитских восстаний в их колоритном облике и в туземных особенностях военного дела, представлялись комментаторам особенно важными. «Поколение эпохи Просвещения видело в визуальном образе устойчивый медиум, через который реальность являла себя для понимания… Узнать человека значило прежде всего увидеть его... В XVIII в. этнографическое знание рождалось из визуальных наблюдений и последующих расспросов. Соответственно, оно упаковывалось в “картинку” и “этнографическое письмо”» [1, 72].

Первый же отчет о состоянии Горной Шотландии в 1724 г. (первый официальный отчет, в котором особое внимание обращалось на этнографическое и военно-практическое (на)значение «горского платья»), мемориал лорда Ловэта, наглядно подтверждает вышесказанное: «Люди одеваются на старинный манер, пригодно для их странствий по холмам и долам и особенного образа жизни, который приучает их ко всем видам лишений. Их язык, будучи диалектом ирландского, никому кроме них не понятен; они очень невежественны, безграмотны и постоянно носят оружие, которое очень подходит к их манере его применения, и очень стремительны, выступая маршем с места на место» [22, 254]. О том же, тогда же и примерно в том же контексте и тех же выражениях пишет и генерал Уэйд, продолжая пассаж о клановой системе Горного Края: «Оружие, используемое ими на войне, включает мушкет, палаш и щит, пистоль и нож или кинжал, переброшенные за спину вместе с пороховым рожком и сумкой для припасов» [48, 133]. В первом же рапорте Георгу II Ганноверу в 1727 г. командующий королевскими войсками в Шотландии весьма оптимистично выражает надежду, что благодаря его мероприятиям «горцы за несколько лет забудут про ношение оружия, которое во все века они полагали своей величайшей славой и гордостью в такой степени, что было невозможно увидеть горца без мушкета, палаша, пистоли и ножа. По давнему обычаю сие считалось частью их платья и по моему первому прибытию в Хайленд носилось ничтожнейшими его обитателями, даже в их церквях, на ярмарках и рынках, которые выглядели скорее как плац-парады для солдат, чем собрания для молитвы или другие места встреч штатских обществ» [49, 160]. В 1724 г. эту же картину живописал в мемориале государственному секретарю Северного департамента Чарлзу Тауншенду, 2-му виконту Тауншенду, лорд Грэндж: «Люди стойкие и способны вынести любые лишения, довольствуясь самой жалкой и скудной пищей и нося так мало одежд, что обычно они полунагие, хотя со столь непотребной поддержкой сильны и активны. Мода, по которой скроен их наряд, подходит как для мира, так и для войны, включая оружие… Горец не желает покидать свой дом безоружным, и снаряжается по обыкновению, словно на битву, как джентльмен в других местах полагается на свою шпагу когда отправляется за границу» [20, 1]. Незадолго до последнего мятежа якобитов, в 1742 г., лэрд Каллоден заметит, что «отряд дисциплинированных горцев, одетых в платье и говорящих на языке [Горной] страны», способен поддерживать закон и порядок в крае, опираясь на форты «красных мундиров» [21, 362].

Таким образом, этнографические особенности шотландских горцев были приписаны не жителям Хайленда, а тому наряду («Highland Dress»), с которым они неизбежно ассоциировались. Костюм указывал на социальный статус, «племенную» принадлежность, интеллектуальное и нравственное содержание клансмена. В этом смысле не случайно описание «традиционного» горского платья, как правило, помещалось комментаторами в своих отчетах где-то между изложением характерных особенностей феодально-клановой системы и местных военных обычаев, располагаясь часто во вводной

части мемориалов и рапортов и являясь определенной интеллектуальной провокацией потенциальных читателей в Лондоне (задавая, в некотором роде, структурную основу для восприятия дальнейших комментариев) [20, 1–2; 48, 133–134]. Именно одеяние горца рассматривалось ответственными за умиротворение края чинами как воплощение мятежного духа хайлендеров, а «взбунтовавшийся» горец, в результате, выступал как центральный элемент этнографического портрета Горной Шотландии.

Новый наряд, как считали, менял идентичность, а вместе с ней и лояльность [2, 44, 59–60; 3, 140–145; 4, 87; 7, 90–93; 31, Pl. 45; 25, 28–31; 26, 13–14, 29–32; 32, 6–27]. Отсюда такое внимание властей к смене гардероба шотландского горца после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. Не только сами генерал Уэйд и лорд Грэндж (лорд Ловэт, обвиненный в государственной измене и казненный в 1747 г. выпадал таким трагическим образом из объяснительной схемы) подтвердили свою приверженность прежнему взгляду на «мятежного» горца как на горца вооруженного и обряженного в килт. Такой же подход по-прежнему выказывало и правительство в Лондоне, последовательно и регулярно принимая и подтверждая запрет на ношение оружия и «горского платья», рассматривавшегося властями в качестве «военной униформы», как волынка в качестве «орудия войны» («Highland Habit as a sort of Military Dress»), а потому делая исключение только для отдельных рот из горцев и горских полков [8; 9]. Примечательно, что в соответствующих коронных актах вопросы разоружения находились в неразрывной связи с «модным приговором», вынесенным прижившемуся с подачи промышлявшего рудным делом в Инвергэрри англичанина Томаса Роулинсона (состоявшего по этому поводу в деловой переписке с лэрдом Каллоденом) с конца 1720 гг. в Горной Стране килту, или филибегу (philibeg) и, несомненно, более традиционному поясному пледу, или бреакэну (breacan) [44, 103; 47, 21–22]. «Мушкет, палаш, щит, нож и кинжал» воспринимались и представлялись как органичная часть наряда шотландского горца [29, 119–120; 30, 207–209]. Логика подсказывала, что платье хайлендера, в свою очередь, само по себе представляло военный наряд. В Горном Крае объявляться в униформе было позволено только «красным мундирам», и на последних возложили неблагодарную задачу прививать местному населению репрессивными мерами (штраф, арест, отправка в колонии) вкус и привычку к одеждам мирного и лояльного подданного (по моде Англии и Нижней Шотландии). Отчеты патрулей в Горной Стране пестрят сообщениями подобного рода. В качестве характерного примера приведем подборку таких донесений за 1749–1750 гг., представленную в быстро ставшем библиографической редкостью издании источников по истории якобитского движения полковника Дж. Эллэрдайса [27, 513–584]. Рутина гарнизонной жизни и патрулирования в шотландских горах с целью поддержания закона и порядка в королевстве в 1749 и 1750 гг., вблизи укрепленных казарм в Браэмаре и Инверснейде, в рапортах капитанов Скота и Поуэлла двигалась по заданному генералом Блэндом в качестве командующего королевскими войсками в Шотландии ритму, темп которому, в свою очередь, задавали покражи скота, поиск виновных и контроль за исполнением актов о запрете на оружие и «горское платье» [11, 542; 18, 542–544; 41, 516; 45, 517;].

Такая весьма упрощенная версия этнографического костюма шотландского горца имела, между прочим, и обратную содержательную перспективу, в некотором роде идеологическую и практическую инверсию. Если горец был «варваром» постольку, поскольку предпочитал «традиционный» горский наряд, то политический и культурный дресс-код, введенный Лондоном в Хайленде, вполне мог приручить мятежника, поставив завидные природные качества «благородного дикаря» на службу империи. Колеблясь между негативной и позитивной интерпретацией собственной «дикости», даже «взбунтовавшийся» горец в действительности почти всегда имел возможность выбора: упорствовать в поддержке далее изгнанных Стюартов или принять (формально и/или реально) сторону дома Ганноверов. «Хайлендская проблема» была слишком серьезной для политической стабильности, сложной для разрешения и малопривлекательной для упражнений в области администрирования, чтобы ответственные за умиротворение края чины лишали себя пространства маневра. Сотрудничество с лояльными и верноподданными кланами, за редкими исключениями, приветствовалось на всем протяжении существования мнимой и/или реальной якобитской угрозы между 1689 и 1759 гг.

Что же касается использования «природного» потенциала горцев-мятежников, то эта идея впервые явственно прозвучала буквально накануне прихода в Горный Край генерала Уэйда и начала новой волны его умиротворения. В 1723 г. в Лондоне отдельным изданием вышел «шотландский» том весьма популярного «Путешествия через весь остров Великобритания» Д. Дефо [16]. Помимо основных для этого сочинения сюжетов из области политэкономии внимание автора привлекли и перспективы организации военной службы горцев британской Короне: «Трудно переоценить жителей

Горной Страны, являющихся лучшими солдатами. Иностранцы приписывают это северянам, как более стойким и рослым; но я не решусь оспаривать это противоречивое суждение, равно как по причине того, что они очень хорошие солдаты, и во всем мире им рады, так и по причине того, что им нет равных в любой из тех частей света, где я побывал, если они сами формируют полки, не мешаясь с другими народами» [17, 395, 408, 421, 427]. По результатам своей миссии в Хайленд в 1724 г. новый командующий королевскими войсками в Шотландии генерал Уэйд первым же пунктом высказал предложение, «чтобы роты из горцев, преданных правительству Его Величества, были учреждены, под надлежащим руководством и командованием офицеров, говорящих на языке страны, подчинены военному праву и инспекции и приказам губернаторов Форта Уильям и Инвернесса и офицера, командующего войсками Его Величества в этих краях» [48, 140].

Уже после подавления последнего мятежа якобитов, в 1747 г. генерал Блэнд и лорд Милтон в «Предложениях по цивилизации Хайленда» совокупно заявляли, что «как только они [горцы] освобождаются от бедности и рабской зависимости от своих вождей, записываясь на службу Его Величеству в хайлендские полки, то ни один рядовой в армии не является более рассудительным и ответственным в казармах, более послушным своим офицерам, и более исполнительным к приказам, или более верным, когда служит гвардейцем, или проявляется в день сражения лучше, чем другие; и когда кто-либо из них располагается или привлекается к службе в других частях Британии, удаленных от их варварской Горной Страны, или где-нибудь на плантациях, никто другой не преуспел лучше и не встретил большего поощрения. И потому очень жаль, что их естественный гений, который при надлежащей заботе мог бы быть направлен на пользу Британии, должен по несчастью безрадостного их положения и скудного образования быть извращен на погибель им самим и их стране» [13, 490]. При этом генерал Блэнд, автор едва ли не самого популярного в англоязычном мире в XVIII в. военно-полевого устава, выдержавшего несколько изданий (1727, 1734, 1740, 1743, 1746, 1753, 1756, 1759, 1762, 1776 гг.) по обе стороны Атлантики (во время войны с американскими колониями использовался и в армии Джорджа Вашингтона), и, вместе с тем, сторонник активного реформирования «традиционных» порядков Хайленда, несомненно, придавал дисциплинированию горцев при помощи воинской службы особый культурный смысл. Одной из его обязанностей на посту командующего королевскими войсками в Шотландии являлась подготовка рекрутов-горцев к отправке в Америку в составе новых хайлендских полков, вполне согласовывавшаяся с представлениями генерала о способах решения «Хайлендской проблемы» [39, 176]. Первый министр Уильям Питт отчаянно нуждался в войсках для борьбы с Францией за океанами и потому согласился на эту меру, которую, в конце концов, одобрил даже герцог Камберленд, когда спустя десять лет после разгрома последнего мятежа якобитов оказалось, что единственная альтернатива переброске британских войск в Америку из привлекавшей все его внимание Фландрии, это набор хайлендских полков [33, 45–47].

Таким образом, в качестве основного модернизирующего института в процессе цивилизованного использования демографического потенциала Горной Страны регулярное британское государство рассматривало королевскую армию, а инструментами смены лояльностей горцев должны были стать военная дисциплина и надлежащий военно-административный контроль. «Горский наряд» в таком случае не только не запрещался, но, напротив, резервировался за хайлендскими полками и отдельными ротами из горцев, канализируя приписываемые им этнографические особенности в нужное правительству русло и подтверждая, таким образом, контекстный, преступный или привилегированный, статус «традиционного» платья хайлендера. В условиях запрета на ношение, хранение и применение оружия жителями Горного Края возможность на законных основаниях демонстрировать окружающим «горский наряд» повышала социальный статус завербовавшегося в армию горца, обозначая таким странным (в особенности учитывая социальный состав британской армии в XVIII в.) для остальных жителей Соединенного Королевства образом более высокое общественное положение по сравнению с прочими членами горского общества [35, 316–318; 42, 29–30]. Такая «модная» политика отражала представления о возможности и способности империи контролировать социальный порядок через контроль на «горским костюмом» и подтверждала модерный статус британского государства [6, 58; 12, 49–50; 10, 1–7; 15, 3–4; 43, 403–425]. В таком вполне утилитарном смысле визуальный образ «Хайлендской проблемы» оказывался чрезвычайно гибок и удобен как для официальных властей в Лондоне, так и для ответственных «шотландских» чинов и многих представителей местных элит (чего нельзя сказать с той же степенью определенности об этнографической истории моды в Горной Стране относительно рядовых жителей мятежного края).

Даниэль Рош, основоположник выросшей из «школы Анналов» истории культур и культурной

истории моды, однажды заметил, что «прежде манера одеваться отражала определенные социальные коды», а «условности выбора костюма подчеркивали иерархию внешних образов: каждый должен был казаться тем, кем он и являлся» [5, 280]. Он же подчеркивал, что «в XVIII в. ситуация меняется кардинальным образом: теперь каждый может казаться тем, кем он хочет быть, и даже тем, кем он быть пытается» [5, 280]. Знаковая система одежды размывается, и в этой динамике одежды «отражается такое важнейшее событие, как рождение общества потребления, служащего переходным этапом от неподвижного государства – идеала христианской политической экономии – к обществу развивающемуся, в котором царит обмен и поощряется движение вперед» [5, 281]. В этой связи представляется весьма примечательным, что эти описанные французским историком реалии века Просвещения на окраинах просвещенных монархий вступали в конфликт с реалиями первого века глобальных империй, связанными, как в Хайленде, с таксономией, классификацией, иерархией и административным приписыванием и переписыванием идентичностей, в том числе через «горский наряд». От колониальных чиновников требовалась скорейшая интеграция периферии, поэтому на окраинах и в колониях европейских модерных империй отличавшая просвещенные метрополии свобода видимой смены идентичностей и социальных статусов благодаря обновленному гардеробу уступала место их унификации в интересах консолидации власти и ресурсов в руках государства. В этом смысле судьбы шотландских горцев, вынужденных записываться на военную службу и/или эмигрировать в результате социальной инженерии, проводимой правительством в Горной Шотландии после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., по сути, немногим отличались от участи почти семи тысяч жителей французской Акадии (Новая Шотландия после завоевания британцами в 1710 г.), высланных британцами в южные североамериканские колонии в 1755 г. в связи с провалом почти полувековых попыток интеграции акадийцев в британское колониальное сообщество, подразумевавшей лояльность суверену в Лондоне и готовность противостоять колониальным притязаниям соседей-французов [38, 140–157; 40, 361–395].

При этом необходимо отметить, что административная этнография не столько фиксировала, сколько создавала своим особым письмом «колониальные ситуации», представлявшие интерес для ответственных за умиротворение Горного Края чинов, их агентов и подчиненных в качестве «идеальных» типичных случаев проявлений местной культуры [36, 92, 171, 190]. Комментатор помещал образ «взбунтовавшегося» горца в заранее определенный им контекст ландшафта, культуры, социальных отношений Хайленда, часто ограниченных категориями «Горной войны» и «горского платья». В результате созданный таким образом этнотип воспринимался сквозь заданную автором аналитическую призму, побуждая читателя к реконструкции и интерпретации представлений комментатора. Отсутствие в мемориалах и рапортах официальных чинов указаний на конкретные детали «горского наряда» способствовало видению края как единого целого, облегчая этнографическое сравнение горцев и других «варварских» народов и проведение культурных, вместе с ними политических, экономических и социальных границ в британских владениях.

В глазах современников одним из таких ближайших этнографических примеров для сравнения в масштабах империи после католиков-гэлов Ирландии служили индейцы Америки. На фронтисписе опубликованного в 1745 г. в Лондоне «Собрания вояжей и путешествий» читателям предлагалось «описание одежд значительных стран мира». Издание содержало изображения «традиционных» нарядов «китайцев, моголов, персов, турок, поляков, московитов, лапландцев, венгров, голландцев, испанцев, готтентотов, негров, мавров и мексиканцев» [37]. При этом шотландские горцы, изображенные в даже чрезмерно полном «горском платье», делили страницу с изображенными парно индейцами Вирджинии и Флориды [37]. По сведениям процитированного многими британскими печатными изданиями отчета «джентльмена, недавно прибывшего» из Нью Йорка, когда полк «Черная Стража» прибыл в Америку в начале Семилетней войны, индейцы «сбежались со всех концов» посмотреть на них, «и по причине удивительного сходства в их манере одеваться и говорить, индейцы заключили, что они были в далеком прошлом одним народом, и самым сердечным образом приняли их как братьев» [46, 520]. Джон Кэмпбелл, 4-й граф Лоадон, командующий королевскими войсками в Америке в 1755–1757 гг. и участник подавления мятежа якобитов в Хайленде в 1745–1746 гг. во главе сформированного по примеру «Черной Стражи» 64 полка горцев Лоадона, заметил, что горцы этого полка («Черная Стража») «в большей мере, чем другие войска, способны договориться с ними [индейцами], поскольку индейцы придерживаются мнения, что они [«Черная Стража»] являются в некотором роде индейцами» [14, 264]. В 1755 г. в «Журнале Лондона» появилось изображение графа Лоадона в связи с назначением на пост командующего королевскими войсками в Америке в военном

мундире горского полка, созданное на основе портрета, написанного в 1747 г., в бытность командования им хайлендским полком. При этом граф никогда не называл себя горцем, с его собственных слов «очень хотел надеть бриджи» в 1740 гг. и не носил килт в 1750 гг. [39, 10–11] «Племенной» строй американских индейцев, их «воинственный» дух, манера одеваться способствовали тому, что сами жители Горной Страны позволяли себе сравнения подобного рода. В 1753 г. Манго Кэмпбелл, юрист в Эдинбурге, был назначен от имени правительства управляющим конфискованным имением Доналда Кэмерона из Лохила, XIX вождя клана Кэмерон, после того, как его предшественник на этом посту, его дядя Колин Кэмпбелл из Гленара, был убит в знаменитом Леттерморском лесу годом ранее, пытаясь конфисковать земли другого известного своими проякобитским настроем вождя, Джеймса Стюарта из Эрдшила (история этого политического убийства послужила сюжетной основой для известного романа Р.Л. Стивенсона «Похищенный»). Четыре года изнурительной службы среди мятежных арендаторов в Западном Хайленде привели Манго Кэмпбелла к мысли сменить карьеру и записаться на военную службу, о чем он и заявил в письме к лорду Милтону в 1757 г.: «Я достаточно долго прожил в Лохабере, чтобы меня считали способным воевать против индейцев» [23, 98; 28, 153–153, 189–190].

При этом на практике отвечавшие за соблюдение запрета на ношение «горского платья» солдаты и офицеры расквартированной в Горной Шотландии британской армии по необходимости приобрели определенные знания в хайлендской моде, различая, а, порой, и путая в донесениях «килт» (инвариант «филибег»), «трузы» (инварианты «тартановые трузы», «тартановое одеяние»), «плед» (инварианты «горский плед», «килтовый плед»), а также различные варианты их носки [27, 513–584]. Характерно, что приверженность традиционной одежде в действительности часто объяснялась бедностью горцев, отсутствием материальной возможности обновить гардероб в соответствии с требованиями репрессивных актов правительства, на языке которых эта сугубо экономическая причина предпочтения «горского наряда» прочитывалась как политическая. Однако «горское платье», однажды войдя в таком неразделимом описании и представлении в визуальную культуру Великобритании, превратилось со временем в нормативное знание о «мятежном» горце и народах империи в целом [19; 24, 26; 34; 39, 13]. В дальнейшем комментаторы не пересматривали созданные предшественниками костюмные этнографические зарисовки, идя по пути восполнения недостающего этнографического материала. Таковой является и представленная в донесениях патрулей детализация «горского платья». Таким образом, признанный аутентичным и неизменным (сочетая возможные инварианты) «горский костюм» комментаторов стал «эталонным образцом для этнической идентификации и одновременно выполнял роль знаковой системы» в этнографическом описании и административном определении «мятежного» горца [1, 77].

В дальнейшем этнографическое понятие «взбунтовавшийся» горец обогатилось новым смыслом, полученным в результате стереотипизации не «горского наряда», а образов повседневности Хайленда. Благодаря тиражированию в официальном и публичном дискурсе представлений о социокультурных практиках жителей Горного Края среди современников утвердилось некое согласие относительно того, участники каких действий и занятий должны опознаваться как шотландские горцы вообще и их «мятежные» представители, в частности. И навести определенную ясность в этом вопросе была призвана политэкономия «Хайлендской проблемы». В контексте административной этнографии Горной Шотландии эта же задача решалась с помощью категории «Горной войны».

Библиографический список

1. *Вишленкова Е.А.* Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // Социологическое обозрение. Т. 6. № 3. 2007.
2. *Канник П.* Униформа армий мира, 1506–1804. М., 2001.
3. *Костяшов Ю.В.* Сербские граничары // Вопросы истории. № 5. 1997.
4. *Костяшов Ю.В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997.
5. Рош. Д. От социальной истории к истории культур: эпоха Просвещения // История продолжается. Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. Составитель и ответственный редактор С.Я. Карп. М.–СПб., 2001.
6. *Сокулер З.А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001.
7. *Функен Ф.* Европа XVIII век: Франция – Великобритания – Пруссия: Кавалерия – Артиллерия. Армии европейских стран. М., 2003.

8. An Act for the more effectual Disarming the Highlands of Scotland; and for the more effectually securing the peace of the said Highlands; and for restraining the use of the Highland Dress; and for futher indemnifying such Persons as have acted in Defence of His Majesty's Person and Government, during the unnatural Rebellion; and for indemnifying the Judges and other Officials of the Court of Justicary in Scotland, for not performing the Northern Circuit in May 1746; and for obliging the Masters aon Teachers of Private Schools in Scotland, and Chaplains, Tutors and Governors of children or Youth, to take the Oath to His Majesty, His Heirs and Successors, and to register the same. London, 1746.

9. Anno Regni Georgii II. Regis Magnae Britaniae, Franciae, and Hiberniae. Vicesimo Primo. At the Parliament begun and holden at Westminster, the Tenth Day of November, Anno Dom. 1747, in the Twenty first Year of the Reign of our Sovereign Lord George the Second, by the Grace of God, of Great Britain, France, and Ireland, King, Defender of the Faith, and etc. being the First Session of this present Parliament. London, 1748.

10. *Arthur L.B.* Introduction: Dress and the social control of the body // Religion, Dress, and the Body / Ed. by L.B. Arthur. Oxford, 1999.

11. *Ball*, Capt. of Col. Bockland's Regiment. Barrack of Inversnaide. Report. June 4, 1750 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. In II Vols. / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895–1896.

12. *Batterberry A., Batterberry M.* Fashion: The Mirror of History. New York, 1982.

13. *Bland H., Fletcher A.* Proposals for Civilizing the Highlands [Fletcher A. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746-1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746-1748 / Ed. by C. S. Terry. Vols. I–II. Aberdeen, 1902.

14. *Campbell J.* Letter to Cumberland. Albany, November 22, 1756; concluded at New York, December 26, 1756 // Military Affairs in North America, 1748–1765: Selected Papers from the Cumberland Papers in Windsor Castle / Ed. by S. Pargellis. New York, 1936.

15. *Crane D.* Fashion and Its Social Agendas. London and New York, 2000.

16. *Defoe D.* A Journey through Scotland. London, 1723.

17. *Defoe D.* Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland // Defoe D. Tour Through the whole Island of Great Britain. In II Vols. London, New York, 1962.

18. *Edhouse*, Capt. of Gen. Pulteney's Regiment. Brae Mar Barrack. Jume 3, 1750 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. In II Vols. / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895–1896.

19. *Edwards J.* An Account of the Life of the Late Reverend Mr. David Brainerd. Boston, 1749.

20. *Erskine J.* An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland / Edr: 29 Decr 1724 / The Scroll of one sent of the above Duke to the Viscount of Townshend, Secretary of State // National Archives of Scotland. Mar and Kellie Papers. GD 124/15/1263/1.

21. *Forbes D.* Letter to General Clayton [1742] // Culloden Papers: comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. London, 1815.

22. *Fraser S.* Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // *Burt E.* Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh, Glasgow and London, 1822. P. 254.

23. *Galloway C.G.* White People, Indians and Highlanders. Oxford, 2008.

24. *Hammerer J.D.* An Account of a Plan for civilizing the North American Indians [1730–1740]. Brooklyn, 1890.

25. *Haythornthwaite P., Younghusband B.* The Austrian Army, 1740–80: (2) Infantry. London, 1994.

26. *Haythornthwaite P., Younghusband B.* The Austrian Army, 1740–80: (3) Specialist Troops. London, 1995.

27. Highland Reports, 1749–1750 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. In II Vols. / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895–1896.

28. *Hunter J.* Culloden and the Last Clansman. Edinburgh and London, 2001.

29. *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland, 1773 // To the Hebrides. Samuel Johnson's Journey to the Western Islands of Scotland and James Boswell's Journal of a Tour to the Hebrides. Edinburgh, 2007.

30. *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland. London, 1791.

31. *Knötel R.* Die Grosse Uniformkunde Band X. Berlin, 1890.

32. *Kühn A.* The Imperial Hussars and Hungarian Infantry during the War of the Spanish Succession / Revised by R. Hall. London, 2004.

33. *MacKillop A.* «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000.

34. Memoirs of Rev. David Brainerd, Missionary to the Indians of North America. Based on the Life of Brainerd prepared by Jonathan Edwards, D.D., and afterwards revised and enlarged by Sereno E. Dwight, D.D. / Ed. by J.M. Sherwood. New York, 1891.

35. *Norman A.V.B.* A Note on Highland Dress after the '45 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1972–1974. Vol. 105.

36. *O Cadhla Stiofan.* Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824–1842: Ethnography, Cartography, Translation. Dublin, 2007.

37. *Osborne T.* A Collection of Voyages and Travels of the Most Countries of the World from the curious and valuable Library of the late Earl of Oxford. In II vols. London, 1745.

38. *Plank G.* An Unsettled Conquest. The British campaign against the Peoples of Acadia. Philadelphia, 2001.

39. *Plank G.* Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006.

40. *Plank G.* The culture of conquest. The British colonists and Nova Scotia, 1690-1759 (Vols. I-II). PhD Thesis. Princeton University, 1994.

41. *Powell*, Capt. of Lord Ancram's Regiment. Inversnade Barracks. July 23, 1749 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. In II Vols. / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895–1896.

42. *Prebble J.* Mutiny. Highland regiments in revolt, 1743–1804. London, 1975.

43. *Quataert D.* Clothing Laws, State, and Society in the Ottoman Empire, 1720–1829 // International Journal of Middle East Studies, Vol. 29, No. 3 (Aug., 1997).

44. *Rawlinson M.T.* Letter to the Lord Advocate. Invergary, 24 May, 1728 // Culloden Papers: comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. London, 1815.

45. *Scot*, Capt. of Gen. Guises' Regiment. Bramaer Barracks. Report. July 23, 1749 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. In II Vols. / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895–1896.

46. Scots Magazine. 18 (Oct. 1756).

47. *Trevor–Roper H.* The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000.

48. *Wade G.* Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. Vol. I / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895.

49. *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. In II Vols. / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895–1896.

S.G. MALKIN

«HIGHLAND DRESS AS A SORT OF MILITARY DRESS»: «REBELLIOUS» HIGHLANDER OF SCOTLAND IN XVIII CENTURY

The article concerns the place and role of visual image of the «Rebellious» Scottish Highlander in administrative ethnography of «Highland Problem» of Great Britain in XVIII c. The efforts of british officials responsible for the appeasement of the Highlands of Scotland in accumulating and analyzing such marking ethnographic feature of the «Rebellious» Scottish Highlander as «Highland Dress» are looked as necessary intellectual practice of age, affording to present more completely development of the British state and models of colonization in the age of the Global Empires.

Key words: ***Highlands of Scotland, Great Britain, «Highland Problem», «Highland Dress», ethnography, intellectual colonization.***

Е.С. МАТВЕЕВА
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Орловского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: evgmatveeva@bk.ru
Тел. 8 910 304 90 77

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ

В статье прослеживается генезис влияния Церкви на государственную и общественную действительность в России с момента принятия христианства и до настоящего времени. Рассматриваются особенности формирование правового сознания в России как формы общественного сознания наряду с религией, моралью, политикой и другими формами общественного сознания.

Ключевые слова: ***светская власть, духовная власть, государство, церковь, правовое сознание, религиозное сознание.***

В течение 1000 лет в России активно развивались взаимоотношения содействия и сотрудничества между государством и Русской Православной Церковью, которые являлись ключевыми элементами в формировании права и правового сознания в обществе. Взаимодействие церкви и государства в науке рассматривается через «государственно-конфессиональные (церковные) отношения», в основе которых находятся законодательно закреплённые представления о месте самой религии и религиозных организаций в жизни общества, их функции, сферы компетенций и деятельности всех субъектов этих правоотношений. Государственно-церковные отношения формируются как результат целенаправленной религиозной политики государства и проявляются через идеологию, мировоззрение, а также через правовое сознание.

Правовое сознание выступает как составная часть правовой жизни общества, которая одними учёными определяется как «естественное право», другими определяется как просто «право» (официальное или неофициальное), третьи определяют правосознание как нечто внешнее по отношению к праву, т.е. знание права, оценка права, проекты его совершенствования и т.д.[1] Нередко правосознание определяется тавтологично, исходя из лексического понимания слова: «сознание» и «право», где сознание рассматривается как субъективный образ объективной действительности в психике человека[2]. Таким образом, правосознание в современном понимании является совокупностью идей, взглядов, представлений, а также эмоций, чувств и переживаний, которые выражают отношение людей к действующему или желаемому праву и другим правовым явлениям[3].

Правовое сознание – важная и сложная юридическая категория, которая имеет не только теоретическое, но и практическое значение, на которую оказывает мощное воздействие система ценностных ориентаций[4]. Сам процесс осознания права обществом состоит не в механическом запоминании правовых норм, а в их творческом усвоении. Содержание одних норм в общественном сознании состыковывается с содержанием других норм, при этом уточняются термины, содержащиеся в нормативно-правовых актах, тексты толкуются логически, грамматически, исторически, систематически, осмысливаются оценочные понятия. Действующее право всегда оценивается и домысливается и корректируется с позиций массового правосознания, которое опирается на моральные и религиозные нормы, принципы справедливости и т.д.[5] Именно поэтому в правосознании содержатся основные правовые и религиозные начала, которые сложились в сознании общества за долгий период существования права и применяемые при реализации права независимо от того, сформулированы ли они в действующем законодательстве или нет.

Несмотря на свой абстрактный характер, правовое сознание всегда генетически привязано к национально-историческим особенностям культуры и религиозным традициям конкретного

1 Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 195.

2 Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 455.

3 Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Учебник. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2009. С. 237.

4 Макуев Р.Х. Теория государства и права. Учебник. М.: Норма: Инфра-М,, 2010. С. 412.

5 Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права.М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 195.

© Е.С.Матвеева

государства и общества. Именно это позволяет нам говорить о том, что каждый народ имеет своё, неповторимое национальное правовое сознание. В России понятие правовое сознание находится во взаимосвязи с религиозным сознанием, поэтому большое количество правовых явлений имеют религиозное содержание, а религиозные явления заключают в себе правовой характер или правовую форму, а следовательно, могут и соприкасаться области правового и религиозного сознания. Существует ряд авторов, которые доказывают, что соединение правового и религиозного сознания не приводит к их взаимному поглощению или полному слиянию, эти категории остаются самостоятельными формами общественного сознания, входящими в качестве отдельных элементов в единую системную целостность. По мнению О.Э. Лейста, право в каждом обществе одно, а видов правосознания много[6]. Или, например, В.П. Малахов уточняет, что сознание, направленное на освоение права, религии, морали и т.д., образует соответствующие формы общественного сознания, которые «отдифференцированы друг от друга, по-разному воздействуя на общество в целом».[7] Таким образом, по их мнению, полное слияние права или религии с какой-либо другой формой общественного сознания невозможно, так как право является вездесущим и универсальным, но «тем не менее, существует проблема границ (пределов) юридизации права и переоформления общественной жизни»[8], а значит, оно не может полностью поглотить религию.

Правосознание является субъективной реакцией человека на определённую правовую действительность, представляя собой форму или вид общественного сознания, так же как и политическое, религиозное, нравственное и др.[9] При этом можно констатировать, что правовое сознание зависит от уровня развития общественного сознания, поэтому изменения в других формах сознания социума (политическом, экономическом или религиозном сознании) отразятся и на самом правосознании. С принятием христианства на территории Древнерусского государства началось культурное преображение. Религия была наиболее массовой формой общественного сознания, которая стала важным элементом в структуре общества и на которое государство реагировало закреплением его основных начал в нормах права. Формирование общественного сознания является достаточно сложным процессом, в котором государство не может обойтись без поддержки общества в воспитании у человека чувства долга и ответственности, так как по своей природе государство – аппарат принуждения соблюдения законов. Правовое сознание в конкретном обществе неоднородно, так как существуют определённые деления на классы и сословия, при этом законодатель стремится учитывать правосознание экономически сильного класса.[10] Любой человек воспринимает право так, как это позволяет ему собственный разум, уровень духовности, накопленные навыки и знания, поэтому отношение к праву может варьироваться от правового идеализма до нигилизма[11]. Необходимо отметить, что некоторые авторы наравне с развитием экономики и уровнем классовой борьбы в России рассматривают влияние ментально-религиозных факторов на формирование особенностей развития государственных институтов, доказывая, что духовные факторы играют большую роль в развитии производительных сил[12].

Христианство на Руси было принято от Греческой церкви, эта своеобразная зависимость от Константинопольского патриархата продолжалась до XV века. Первыми митрополитами на Руси были греки, и именно они начали распространять религиозные источники с новыми представлениями о государстве, власти, церкви и т.д. Знания и опыт митрополитов в государственно-церковных делах заинтересовали русских князей, которые начали приглашать их к совместной работе в устроении государства. Принимая от Византии христианство, копировались также и основные принципы государственного устройства. Авторы «Повести временных лет» указывали чужеземное влияние, но при освещении основных исторических и правовых фактов руководствовались государственными интересами и патриотической направленностью. Появление на Руси новых взглядов об устройстве государства и права, власти и духовности привело к изменениям в

6 Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.. С. 200.

7 Малахов В.П. Право в его универсальности, особенности и конкретности. Монография. М.: Издательство Московского университета МВД России, 2005. С. 157.

8 Малахов В.П. Право в его универсальности, особенности и конкретности. Монография. М.: Издательство Московского университета МВД России, 2005. С. 158.

9 Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М.: Новый Юрист, 1999. С. 61.

10 Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М.: Новый Юрист, 1999. С. 61.

11 Остапенко А.С. Право на объединение в контексте современного российского плюрализма: проблемы теории и практики. Государственная власть и местное самоуправление, 2011, №7. С.3-5.

12 См: Сорокина Ю.В. Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства (к вопросу истории взаимоотношений церкви и государства). История государства и права, 2009, №12. С. 7-11; Пашенцев Д.А. Церковь и государство в истории России.История государства и права, 2009. №24. С. 12-13.

правовом сознании[13]. Христианская церковь постепенно формирует новое сознание, которое привело к проникновению первоисточников теологического учения и канонического права в светские источники материального и процессуального права. Поэтому можно констатировать появление такого особого явления, как религиозное правовое сознание.

Изначально общество каждому человеку закладывает справедливое сознание, которое «чувствует» и «видит» противоправное и правомерное поведение, такое сознание нужно понимать как правовое. Это полученное при рождении естественное правовое сознание неотделимо от человека и представляет собой проявление духа, укрепляющее волевые усилия субъекта права. В отличие от законознания, правовое сознание присуще каждому гражданину, и если он находится в спорной ситуации, то обращается к Библии, Божьим заповедям, в церковь, а затем в правоохранительные органы государства. Поэтому правопорядок в стране формируется не только из обязательных распоряжений органов светской власти, а ещё из духовного общения богобоязненных и духовно развитых людей. Пробуждение подлинно правового сознания обусловливается правильной верой в Бога и нравственным поведением[14].

При рассмотрении церковного права и его роли в формировании светского законодательства и правового сознания на Руси можно провести системный анализ взаимной рецепции норм. Рецепиирование норм канонического права в материальные и процессуальные правовые источники России нередко прослеживается в ранний период формирования первоисточников и памятников русского права[15]. Социально-экономические и нравственные условия общественной жизни, сложившиеся в Киевской Руси, объясняют парадоксальную тенденцию в русском правовом сознании, когда власть обязывается строго следовать канонам церкви и религии. Это требование, естественно, распространяется и на властные установления, где «право» и «законы» должны носить, прежде всего, нравственный, а не формальный характер, соответствовать правде и справедливости[16]. В Древней Руси «право» традиционно воспринимали как победу духовности в человеке, как совесть общества; дух Абсолюта, явленный в нравственных началах и Божьих заповедях, а также в не противоречащих им правовых нормах общества и государства[17]. В таком понимании права можно утверждать, что правовым сознанием человечество оценивает свои деяния на соответствие праву, т.е. прежде всего Божественному закону и вытекающим из него нравственным принципам.

С распространением письменности на Руси начали появляться разнообразные юридические и исторические документы (первые правовые сборники, летописи, «поучения» князей), которые активно способствовали развитию политико-правовой жизни древнерусского общества. Появляются произведения о государстве, праве, власти, справедливости, суде, о нравственном облике правителя и идеальном государственном устройстве. Первым русским политико-правовым трактатом принято считать произведение XI века «Слово о Законе и Благодати», автором которого был Киевский митрополит Илларион. Уже в этом произведении прослеживается влияние религиозного правового сознания на государственный уклад, через взаимодействие понятий «Закон» и «Истина». Термин «закон» в данный исторический период воспринимается как результат чужой воли (государя), а значение «истины» связано с достижением христианином высокого нравственного облика, опирающегося на Новый Завет. Тот, кто живет согласно постулатам церкви, не нуждается в регулятивном действии законов, так как внутреннее нравственное совершенство позволяет христианину свободно реализовать свою волю[18]. Исследуя проблему возникновения и развития русской политико-правовой мысли, Н.М. Золотухина отмечает, «… термин «истина», Илларион воспринимает, как абсолютный идеал, который един для всех времен и народов, хотя он и имеет общий религиозный аспект, но в содержание включает совокупность религиозных элементов, позволяющих оценивать окружающую действительность и поведение человека»[19]. Необходимо также отметить, что Илларион рассуждал о взаимосвязи «закона» и «правды», утверждая что «правда» воспринимается и употребляется как юридический термин, который включает в своё содержание и религиозную мотивацию»[20].

Влияние церкви на формирование правосознания на Руси прослеживается также в Уставах

13 Демченко Т.И. Древнерусское правовое сознание в «Повести временных лет», в «Поучении Владимира Мономаха» и в «Слове о полку Игореве». Юридическое образование и наука, 2009, № 1. С. 39-45.

14 Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении. История государства и права, 2009, № 21. С. 2-6.

15 Арламенков А.Ю. Закон от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» сквозь призму исполнительного производства. Исполнительное право, 2011, №2. С. 8.

16 Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. Юрист, 2010.

17 Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении. История государства и права, 2009, № 21. С. 2-6.

18 Иларион. Слово о Законе и Благодати // Антология мировой правовой мысли: Т.3. Политическая мысль России: X - первая половина XIX в. М.: Мысль, 1997. С. 25-30.

19 Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юридическая литература, 1985. С. 12.

20 Исаев И.А., Золотухина, Н.М. История политических и правовых учений России XI - XX вв. М.: Юристъ, 1995. С. 12.

князей Владимира Святославича (именно с правления этого князя начинается официальная история Православной Церкви на Руси) и Ярослава Владимировича (X-XI вв.), «Поучении» Владимира Мономаха (XII вв.) и «Молении Даниила Заточника» (XIII вв.), которые рассматривали проблемы соотношения права, морали, справедливости и духовной ответственности правителя перед народом и государством. Авторы признавали «двоеверные» изменения в правовом сознании народа, связанные с принятием христианства и стремлением сохранить своё, первичное знание, собственный взгляд на мир, на власть, на систему отношений правителей и народа[21]. Это постепенное наслаивание сначала разделяет правовое сознание народа, а потом объединяет его, способствует формированию нового вида древнерусского правосознания, которое приобретает национальный, государственный характер и становится мощной ветвью русского, затем российского духа. Определяя целостность духовной природы русского человека они подчеркивали, что она не поддаётся рациональному разделению и отделению от правосознания.

После татаро-монгольского нашествия Киевская Русь значительно ослабла. Из разрушенного Киева митрополит переехал сначала во Владимир, а впоследствии и в Москву, которая становится центром объединения русских земель, а также и церковной столицей. С этого периода митрополиты становятся ближайшим помощниками всех московских князей в политике расширения их территорий и усиления княжеской власти[22], именно в этом заключалась своеобразная симфония властей. Г.П. Федотов отмечает, что: «…Москва, «собирательница» земли русской, обязана возвышением, прежде всего, татарофильской и предательской политике первых князей, обеспечивает мир и безопасность своей территории, привлекает этим рабочее население и переманивает к себе митрополитов»[23]. При этом необходимо отметить, что до монголо-татарского завоевания христианизация широких масс населения была не существенной. Церковь была сильной организацией, но замкнутой и отчуждённой, выступавшая как союзник власти, с определенного рода независимостью от князя. Церковь на Руси представляла особую сферу духовности и религиозного правового сознания, которая не смешивалась, а порой даже противопоставлялась народной культуре[24].

Ослабление Византии, вызванное завоеванием Турции, предоставило самостоятельность Московскому Великому Князю, который мог перенять все церковные полномочия византийского императора. Поэтому Иван Грозный сразу принял титул царя и помазание на царство по примеру греческих царей, при этом неповиновение царской воли воспринималось как нарушение Божественного закона. С этого момента происходит преобладание светской власти над духовной, и даже получение юридической самостоятельности церкви и учреждение патриаршества, во время правления Фёдора Ивановича, не только сохранило это преобладание, но и усилило его. При этом необходимо отметить, что некоторые представители Церкви достаточно тяжело воспринимали такое сближение с государственной властью, и примером этому может служить дискуссия между иосифлянами и нестяжателями.

Московское государство в XV-XVI веках достигло своего расцвета, доказательством этому является и свержение Золотой Орды, и присоединение практически всех русских земель к Москве. Как отмечает Ю.В. Сорокина: «…у большинства представителей общественных масс за долгий промежуток татарского ига сформировалось рабское сознание …. а понятие «свобода» воспринималось отрицательно, как некоторая распущенность и безнаказанность»[25]. Необходимо отметить, что в большое значение в процессе возвышения Московского княжества сыграла Церковь, которая выступила в данный период как духовный учитель. Русский народ нуждался не только в сильной власти, но и в направляющей идее, которую формировала и распространяла Церковь, поэтому принадлежность к православной вере стала мощнейшей идеологической основой для формирования особого национального правового сознания.

Существенные изменения в государственном и церковном управлении, основанные на европеизированных началах, произошли при Петре I. Понятия «регул», «правило», «регулярство» становятся основными элементами во всех сферах жизни общества, «регулярство» становятся средством социального реформирования или элементом государственной политики; оно утвердилось как условие

21 Демченко Т.И. Древнерусское правовое сознание в «Повести временных лет», в «Поучении Владимира Мономаха» и в «Слове о полку Игореве»./ Юридическое образование и наука, 2009, № 1. С. 39-45.

22 Корнев В. А. Развитие церковно-государственных отношений в России. История государства и права,2011. № 1. С. 24-26.

23 Федотов Г.П. Россия и свобода // Новый журнал. Нью-Йорк. 1945. № 10. URL: http:// www. gumer. infobibliothek.

24 Сорокина Ю.В. Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства (к вопросу истории взаимоотношений церкви и государства). История государства и права, 2009, №12. С. 7-11.

25 Сорокина Ю.В. Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства (к вопросу истории взаимоотношений церкви и государства). История государства и права, 2009, №12. С. 7-11.

функционирования государственного аппарата и как гарантия действенности структур власти и как характеристика правового сознания[26]. Такое понимание о регулировании жизни вызывает интерес исследователей и в современный период, например, Н.И. Павленко отмечает: «...указы существовали на всякий случай жизни, многие из них составлялись самим Петром …. как надо сооружать печи, как обрабатывать кожу, в каких гробах и где хоронить умерших, сколько раз посещать храмы и как вести себя в них»[27].

Пётр I полностью подчинил себе Церковь, сделав её частью государственного аппарата. Греческий митрополит Исидор был свергнут после подписания Флорентийской унии, а на его место был поставлен новый русский митрополит без согласования с Константинополем. Быстрое падение Константинополя и такое самопозиционирование Церкви закрепилось в сознании, способствовало возвышению Москвы и формированию в общественных массах представлений, что истинное христианство и истинное православие находится только на Руси[28]. Таким образом, можно сделать вывод, что идея Москвы – Третьего Рима добавила новые элементы в религиозном правовом сознании, которые быстро были усвоены правительственными кругами и получили закрепление в новых правовых актах. Царь не мог ограничить Церковь или подчинить своей власти в церковных обрядах – это было нельзя по церковным канонам, поэтому Петр I принял решение об отмене патриаршества. В течение 20 лет после смерти патриарха Адриана (1700 г.) не назначался его приемник, а в 1721 году патриаршество упразднялось, учреждалась Духовная коллегия, которая позже была переименована в Синод.

Такое подавление церкви со стороны государства нарушало важные канонические правила внутрицерковной жизни – проведение народно-церковных съездов мирян и духовных лиц для избрания самого патриарха, епархиальных архиереев и приходских священников. К началу XX века духовенство начало активную политику по восстановлению патриаршества и Поместных соборов[29]. Синод в 1905 и в 1912 гг. пытался добиться от императора согласия на то, чтобы созвать в Москве собор для избрания патриарха и обсуждения церковных преобразований, но решения не последовало. А уже с февраля 1917 г. произошли серьёзные изменения в государственно-церковных отношениях: впервые со времен Петра I церковь становилась самостоятельной и освобождалась от подчинения государству. 15 августа 1917 г. в Успенском соборе Московского Кремля открылся Поместный собор Русской православной церкви, а 5 ноября 1917 года Московский митрополит Тихон был избран на патриарший престол. Патриарх негативно относился к советской власти, поэтому после его смерти не дали возможности переизбрать патриарха, закрепляя должность местоблюстителя патриаршего престола. После неудачных попыток советской власти объединить религию и контрреволюцию начинаются гонения на церковь и духовенство. Начались массовые репрессии священников и православных христиан, закрытие и разорение церковного имущества, переплавка колоколов на нужды народного хозяйства. С началом Великой Отечественной войны наметился перелом в отношениях церкви и государства, но после смерти Сталина гонения возобновились.

В 80–90-х годах XX столетия произошли существенные изменения как во внутрицерковном, так и в светском законодательстве. В Конституции Российской Федерации 1993г. закреплены основополагающие начала, в ст. ст. 13 и 14 Российская Федерация провозглашается светским государством. В современный период деятельность Русской Православной Церкви регламентируется не только светским законодательством, но и целым рядом локальных актов – внутренних правил самой Русской Православной Церкви. Это согласуется с действующим законодательством, так как согласно п. 2 ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» государство уважает внутренние установления религиозных организаций, правда, при условии, если они не противоречат действующему законодательству Российской Федерации. Устав Русской Православной Церкви принят на Архиерейском Соборе 2000 года, в нём закреплено, что Русская Православная Церковь зарегистрирована в качестве юридического лица в Российской Федерации как религиозная организация,[30] а значит, вступает в правоотношения, имеет права и несёт обязанности.

В современной России никакая религия не может признаваться государственной, а все религиозные объединения равны перед законом. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004г. говорится, что государство, его органы, должностные лица не вправе вмешиваться в

26 Юртаева Е.А. К пониманию закона в дореволюционной России. Журнал российского права, 2010, №9.

27 Павленко Н.И. Петр I. 4-е изд. М., 2003. С. 424.

28 Панарин А. Философия истории. Русское просвещение. Поиски национальной идентичности. URL: http:// www.gumer.infobibliothek.

29 Фирсов С.Л. Православная церковь и Российское государство в конце XIX – начале XX в. (проблемы взаимоотношений духовной и светской власти): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.

30 Устав Русской Православной Церкви: официальный текст (в последней редакции от 05.02.2011г.) // http://www.patriarchia.ru.

законную деятельность религиозных объединений, возлагать на них выполнение функций органов государственной власти и местного самоуправления. В свою очередь, религиозные объединения не вправе вмешиваться в дела государства, участвовать в формировании государственных органов, выполнять их функции, участвовать в выборах, оказывать помощь политическим партиям[31]. Но церковь активно сотрудничает с государством и принимает активное участие в общественной жизни. По словам русского христианского философа И.А. Ильина, церкви есть дело до всего, чем живут или не живут люди на земле. Принцип светского государства не означает полной антирелигиозной направленности или дистанцированности церкви от государства и права. Фактически церковь существует и развивается в тех рамках, которые установлены для неё государством и закреплены в нормах права, подчиняется государственным законам.

Религиозное правовое сознание выступает важным и глубинным свойством правовой жизни в России, независимо имеет ли религиозность церковную или светскую форму во внешнем проявлении, определяется ли её влияние на право и правовую жизнь, она выявляет ценностный смысл и качественный уровень правовой жизни, поскольку неизменно оно и закрепляет основу правосознания[32]. Рассмотрение таких понятий, как «право», «правовое сознание», «правовая культура» невозможно без религиозных основ данных явлений, и в полной мере это справедливо и по отношению ко всем другим явлениям, в которых находит своё выражение правовая жизнь. По мнению И.А. Ильина, религиозность в правосознании проявляется в виде восприятия и принятия совершенности права как формы человеческого бытия человека, а «подлинное правосознание всегда религиозно»[33]. Поэтому не навязанное, а естественное присутствие закона в повседневной жизни людей, стремление к нему есть прямое присутствие в правовой жизни религиозного начала.

Таким образом, можно констатировать, что своеобразный дефицит права и правосознания в нашем государстве имеет отдаленные корни, которые уходят в историю российского государства. Развитие национального правового сознания в России, по мнению некоторых исследователей, прошло несколько основных этапов: первый период связан с переходом от язычества к христианской культуре, где существует перевес мистических начал над правовыми и общественными; второй период связан с церковным расколом и Петровскими преобразованиями, где наоборот существует подавление традиций формальными законами[34]. На новом, современном этапе происходят фундаментальные изменения национального правового сознания, которые несут не сформировавшийся в своих тенденциях смысл. Идёт усиленная работа по использованию и восстановлению народных традиций, обычаев и, в частности, религиозных. Русская Православная Церковь и православие становятся фактически атрибутом государственной политики и разрабатываемой официальной идеологии. Соединение церкви и государства идёт через взаимосвязь религиозного и правового сознания, которые постоянны, имеют сущностный характер, а также подчеркивают проявление религиозности в качестве глубинного духовного компонента правовой жизни.

Религиозное сознание оказывает ощутимое влияние на правовое, давая в его распоряжение представления о природе человека и общества, и тем самым помогает ему построить идеальную модель гармонизации интересов личности и общественных требований, установить ту меру ограничения свободы индивида в социуме, которую можно было бы признать справедливой. В системе религиозного мировоззрения влияние, оказываемое религией на правосознание, является определяющим, именно на его основе формируются базовые для правового сознания идеи[35]. Правовая форма общественного сознания влияет на сознание религиозное благодаря тому, что образы и категории правового мышления проецируются в область религиозных феноменов и используются для описания сверхъестественной, трансцендентной по природе реальности. Тогда, когда речь идет о церковной религиозности, это влияние является весьма слабым и не затрагивает принципиальных сторон религиозного сознания. Применительно к религиозному сознанию в контексте светской религиозности с большей уверенностью можно говорить о проекции в область религиозного сознания тех или иных черт правовой действительности.

31 Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России. М., 2005. С. 76.

32 Долгушина С.В. Принципы взаимосвязи правовой и религиозной форм общественной жизни./ История государства и права, 2010, №4. С. 22-24.

33 Ильин И.А. О сущности правосознания. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 389.

34 О русском национальном характере и его эволюции в связи с изменениями природных и социальных условий см.: Ключевский В.О. Курс русской истории: В 4 т. М., 1906 - 1915. Т. 1. С. 386 - 387.

35 Долгушина С.В. Принципы взаимосвязи правовой и религиозной форм общественной жизни. История государства и права, 2010, №4. С. 22-24.

E.S. MATVEEVA

FEATURES OF FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIA

The article traces the genesis of the influence of the Church in the state and social reality in Russia since the adoption of Christianity to the present time. The features of the formation of the legal consciousness in Russia as a form of public consciousness, along with religion, morality, politics, and other forms of social consciousness.

Key words: ***temporal power and spiritual authority, the state, the church, the legal consciousness of the religious consciousness.***

С.Т. МИНАКОВ
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Орловского государственного университета
E-mail: minakovst@mail.ru
Тел. (4862) 43 46 46; 8 919 207 85 87

«ВЕЛИКИЙ ТЮРЕНН» В МИРОВОСПРИЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ XVII – XVIII вв.

Статья посвящена исследованию вопроса о влиянии западноевропейского военного искусства и ее наиболее знаменитых представителей, в частности выдающегося французского полководца XVII в. маршала Тюренна, на мировосприятие и мировоззрение русской политической и военной элиты в XVII – XVIII вв.

Ключевые слова: ***Тюренн, Россия XVII – XVIII вв., Вести-Куранты, русские военачальники.***

«Любимец чистых муз, друг верный Аполлона,
Тебе согласие приятно лирна тона;
Парнас тебе знаком, Кастальски воды пьешь?
И славу росского *Тюренна* ты поешь… [1, с. 283].

Так писал о популярном в России екатерининских времен поэте Е.И. Кострове его собрат по перу, поэт Д.И. Хвостов [1, с. 680]. «Росским Тюренном» оба поэта называли великого русского полководца А.В. Суворова, которого, пожалуй, нет нужды представлять читателю.

«…Он из породы Тюреннов, которые верны своему слову, даже если оно дано разбойнику». Эта поговорка еще во времена О. де Бальзака была в ходу во Франции, когда в человеке хотели отметить исключительную честность и порядочность. «Сошел со сцены мира человек, делавший честь человечеству», – воскликнул сокрушенно достойный его командующий неприятельской армией австрийский фельдмаршал граф Р. Монтекукколи, получив известие о гибели своего великого соперника маршала Тюренна [2, с. 239; 3, с. 514]. А один из столпов французского Просвещения Ш. де Монтескье видел в Тюренне идеал человека вообще. «Тюренн вовсе не имел пороков, – со сдержанным восхищением констатировал он, – и, быть может, если бы они у него были, то некоторые его достоинства проявились бы еще более (продвинулись еще далее). Его жизнь – это гимн во славу человечества» [4, p. 249-250]. «Из всех генералов, мне предшествовавших и, быть может, за мной последовавших, - говорил Наполеон Бонапарт, – самым великим из всех является Тюренн» [5, p. 48-49; 4, p. 182].

Имя «великого Тюренна», знаковое для высшей оценки полководческого мастерства в Европе и России XVIII в., думается, знакомо гораздо меньшему числу лиц, ангажированных историей, даже, подчас, и профессионально занимающихся историческими исследованиями в наше время. Поэтому имеет смысл остановить внимание на этой личности и ее исторической значимости. «Росским Тюренном», как отмечено выше, называли великого русского полководца А.В. Суворова. «Русским Тюренном» называл Петр I фельдмаршала графа Б.П. Шереметева, а после побед у Рябой Могилы, на Ларге и при Кагуле в 1770 г. «Тюренном России» назвал победителя турок фельдмаршала графа П.А. Румянцева Н.М. Карамзин [6, с. 47]. Тюренн был для него одним из образцов полководца, и Суворов подражал Тюренну [7, с. 73, 100, 168, 217, 234, 253-254, 257-258]. Тогда, ко второй половине XVIII в. во мнении образованного российского общества, в общественно-политической элите Тюренн уже приобрел значение самого великого полководца того времени, став символом такового.

Тюренн Анри де ла Тур д'Овернь виконт де (1611.4(11).9. – 27.7.1675), маршал Франции (12.1643), генерал-маршал Франции (5.4.1660), генерал-полковник легкой кавалерии (1657). Его отцом был старый соратник короля Генриха IV, тоже Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн, герцог де Буйон, принц де Седан, происходивший из древнего рода, известного уже к XI в. Мать маршала – Елизавета де Нассау д'Оранж – была дочерью знаменитого вождя Нидерландской революции принца Вильгельма (Гильома) Оранского. В 1624 году Тюренн начал службу солдатом в голландской армии своего дяди принца Морица Оранского. В 1626 г. – он уже капитан, командир роты в голландской армии. Возвратившись во Францию, в 1626-1628 гг. он обучался в Военной Академии Бенжамена. После ее окончания, в 1629-1630 гг. он вновь на службе в голландской армии. В 1632 г., став полковником, командиром пехотного полка, он переходит на службу во французскую королевскую армию.

В 1634 г. Тюренн получает звание «маршала де камп» (примерно, генерал-майора). Он активно и с

© С.Т. Минаков

отличием принимает участие в Тридцатилетней войне в составе французской армии и 3 ноября 1642 г. становится генерал-лейтенантом. Спустя год, в ноябре 1643 г. он, наконец, обретает столь давно им желанный жезл маршала Франции. За выдающиеся победы, одержанные им вместе с герцогом Энгиенским (с 1646 г. принц Конде) при Фрейбурге (1644 г.), под Нердлингеном (1645 г.) и особенно за блестяще проведенную им кампанию 1646 г. в Германии, которая фактически вывела Баварию из войны и сулила близкое заключение долгожданного и победоносного для Франции мира, Тюренн 21 марта 1647 г. получает титул «иностранного принца», в котором он был окончательно утвержден 2 апреля 1649 г. Кампания 1646 г. была признана Наполеоном классической, весьма поучительной с точки зрения маневренной стратегии и одной из лучших кампаний в истории Тридцатилетней войны [8, p. 11; 9, с. 5]. В 1648 г. Тюренн фактически повторил успех кампании 1646 г., осуществив еще одну из лучших, по мнению Наполеона, кампаний Тридцатилетней войны [8, p. 11; 9, с. 5].

С началом Фронды в 1648-1649 гг. Тюренн поддержал мятежный Парижский парламент, но по существу интересы своей семьи, в стремлении вернуть себе Седан, утраченный из-за участия герцога в заговоре Сен-Мара (1642 г.). Однако первоначально вселявшее надежды на успех движение Рейнской армии под командованием Тюренна к Парижу для поддержки мятежного парламента окончилось полной неудачей. Мазарини удалось путем подкупа полковых командиров Рейнской армии переманить ее на свою сторону. Сам маршал едва избежал ареста, спасшись бегством [10, с. 184-188]. Прощенный королем, с лета 1649 г. Тюренн примкнул к «партии» принца Конде, оспаривавшего первенство во власти в королевстве у Мазарини и Анны Австрийской. Возглавив армию фрондеров, активно подкрепленную и поддержанную испанцами, в декабре 1650 г. Тюренн неожиданно для многих потерпел сокрушительное поражение при Ретеле от королевских войск. Вскоре он покинул фрондеров, разочаровавшись в принце Конде, и, перейдя на сторону Двора – короля Людовика XIV, королевы Анны Австрийской и кардинала Мазарини, – возглавил королевскую армию. Он оправдал их надежды, сначала фактически спас Двор и Короля, одержав победу над фрондерами в 1651 г., а затем, разбив армию принца Конде при Сен-Антуанском предместье (Парижа) в июле 1652 г.

После поражения «фронды принцев» Тюренн во главе королевской армии ведет успешные боевые действия во Фландрии против испанских войск. В 1657 г. ему жалуется весьма высокое военное и придворное звание генерал-полковника легкой кавалерии Франции.

Самым блестящим «делом» Тюренна Наполеон назвал его победу над испанской армией в битве на Дюнах 14 июня 1658 г. [11, с. 218; 12, с. 76-77]. Это сражение решило окончательно судьбу Испании, ее империи и превратило Францию на несколько столетий в господствующую державу Европы. В 1660 г. Тюренн, получив звание «генерального маршала всех королевских армий», получил полномочия главного маршала над всеми маршалами Франции. Классикой военного искусства стали и в стратегическом, и в тактическом отношении последние боевые кампании, проведенные маршалом Тюренном в Эльзасе в 1674 и 1675 гг. [8, p. 11; 9, с. 5]. В последней из них, 27 июля 1675 г. «великий Тюренн» был убит у Засбаха.

К концу своей жизни «Великий Тюренн» превратился в одну из самым знаменитых и популярных личностей во Франции. В своем признании у самых различных слоев населения Франции он мог соперничать лишь с «Великим Мольером».

Надо сказать, что французский маршал в высших политических кругах России был уже известен с первой половины XVII в. Об этом свидетельствуют тексты «Вестей-Курантов», составлявшихся при Посольском Дворе (и приказе) в Москве на основе донесений специальных московских резидентов в Западной Европе (включавших также переводы из западноевропейских газет). Процитирую фрагменты «Вестей-Курантов», в которых сообщается о Тюренне.

1628, май-июнь. «…Седмаго числа сего ж мсца сюды в город Берген приехал гсдин *Тоуранс* брат кнзя Вавилонского из Париса города и тотчасъ из города Бергена пошел в Гравенгагу…» [13, с. 119].

1638, июль. «…А фиконта *де Турена* в Лотаринскои земле стоит под Моином а оттуды под Ремиремунтъ поидет а людей с нимъ тысеча пятьсот члвкъ конных да три тысячи пятсот члвкъ пеших…[13, с. 190]. В грамотках из Страсбука сюда пишут что дук до Лонгвиле сошелся съ монсер *де Туринно* и условилис меж собою вместе и арцуха Лотринсково с поля збили…» [13, с. 191].

1643, ноябрь-декабрь. «Вести ис Париса ноября КД (24-го, 1643 г.) г дня. …Во Францужской земле хот… поставит а имена имъ Леви… *де Тоурайне* да Морхаскон арцуха Неибурскаго снъ готовитца нарядно во Франкъфурте…» [14, с. 84].

1643, декабрь – январь-февраль 1644. «Вести из Стразбуха. Фицеконте *де Тураине* пришел из Францжской земли с великою казною з денгами в Бриз… для приходу в радости из наряду стреляли» [14, 103].

1644, январь-февраль. «…Конте де Торино радеет добре о том чтоб ему воиско и добром урядстве привесть и для того много денег из Французскои земли переводят. А французское воиско стоит от города Базела и до Боргунскои земли» [14, с. 112].

1644, март-май. «…Из Стетина апреля КЗ (27-го) числа. …Ратнои воевода Гасфелдъ своих людеи в Франкене пересматривали а куды ему поход будет в Меисенскую ли землю или в бискупство Бременское и про то вскоре будет слышет а фицеконте де Туране потому что у него было веимарского воиска И (5000) члвкъ конных люеди да Д (4000) члвкъ пехоты и он с теми людми ходил в Бургундскую землю и тамо многие места поимал и роздалъ те места ратным людем на время за платеж а багерские люди стоят еще под Эберлингомъ…» [14, с. 161].

1645, октябрь, январь-апрель 1646. «Из Базела Г (3-го) числа того ж мсца (марта). В ннешнихъ днях началнои маюр. Эрлахъ Д I (4100) двоиных золотых на Д (4) мсца корму отселе взялъ бризахскимъ и иным осадным людемъ выше реинстромскимъ. А генерал Таувренне которои нне в Парисе сверхъ прежнево еще нне на мсцъ корму взял на свое воиско. А людеи у нево ирлянскихъ и сшкоцкихъ Е регументовъ. И хочет онъ въ Д ндли стать у Реинна [15, с. 59]. …Из Келена того ж мсца (марта) Г I (31-го) числа. Воевода Таурине медно априлисъ поднимаетца на баиерскихъ людеи…» [15, с. 61].

1645, декабрь- февраль 1646. «Февраля ДI г числа. Из города Амбурка пишут… а маршалокъ де Таруне пришол в Парис…» [15, с. 70].

1646, январь-февраль. «Из Амбурха февраля в Д (4-й) день. Из Французские земли из города Париса слышет что со всею силою идти во Италянсую и Фландерскую земли и уже в собранье есть несколько тысечь члвкъ и техъ посылат к скопному к смотровому месту а французскому послу которои в Царегороде указ пришел чтоб ему оттоле таино уехать в Парис потому что французские опасаютца чтобы турским людем ведомо не учинилос что они збираютца на рускихъ и их бы послу от тово зломненья не было а маршалкъ Тауврину пришел того ж мсца в КЕ де в Парис» [15, с. 74].

1649, февраль-март. «Вести из Альенъстетина марта въ З (7-й) день. …Тако ж в Цысарскои земле в Спеере полковово маршалкава люди через реку Реина перешли и дожидатца имъ в том месте от короля французсково указу толко кажетца что преж именованнои Товраин к соемным людем хочет пристат а в то время полковникъ Шютцъ с тремя или четырмя полки о Товраимова воиска отстал и тот Товраин тотчас полковника Гакенстейна за ним послал чтобы он сюды опят воротил к воиску. … Вести из Овъзбурха февраля въ КА (21-й) де(нь). По упрошенью у цысаревых ближних гсдъ комисаров евангелиские до обеда и после обеда и после обеда в трех црквах молебенъ служили а вчерашнои нарошнои гонец еще по се время не бывал которои нарошно посланъ проведат про поход гсдна Товраина и ево людеи а в то время генералнои маюр Эрлах неметцким конным людем ведомо учинил что преж именованнои гсднъ генерал Товраине думает их к соемным людем в службу дати а генералнои маюр Шлютцъ а людеи у него шесть рот пеших и несколко конных людеи стоитъ в Гелибруне и не хотят никово Товраиновых людеи пропустит и в то время город Спеиер да Вормъбсъ теми людми наполнен что у многих посадников по дворам стоялцов члвкъ по двенатцати и болши а князь именем Конде город Карентон за две мили от Париса силным приступом взял и всех людеи побилъ которых нашел воуруженных и в то де время туто маршалка Кастилона убили а граф Гаркоуртъ место Квиллебеиф взял и все выжегъ и выграбил» [16, с. 92-93].

1649, июнь-июль. «Вести из города Париса июля въ В де. …А маршалкъ Туренски отсел поеха х королевскому двору нне пятои днь что на него была неверка от того очищатца а опасаютца того нет ли у него какова умышленя со князем Кондеиским а князь Кондеискои от королевского двора сюды назад приехал и навещал кардинала» [16, с. 127]. Следующие сообщения «Вестей-Курантов» о Тюренне датируются уже 1652 годом.

18 мая-7 июля 1652 г. «…Из Париса июня в EI (15-й) де(нь). По томъ какъ марешалъ де Тураине от города Эстампа осадных людеи свелъ и король французскои своею рукою написалъ грамоту ко князю Арлеансу» [17, с. 48].

26 июля-17 сентября, 9 и 16 декабря 1652 г. «Из Париса вести есть (августа въ Д (4-й), что маришал де Тувренскои как он услышелъ что шпанские люди с лотринскими соединилися и онъ короля французжского с воискомъ убояся от нихъ ближе к Парису городу пошол и н…м своем стану стат хочет и от того шпанскому да лотринскому воиску болши смелства прибыло и ближе к Парису идут…» [17, с. 84].

9-29 июля 1652 г. «Вести из Амбурха июля в I (10-й) де(нь). Их Французжскои земле вести есть после того какъ марешалъ де Турена нарочитую часть княжих людеи на посаде передо Парисомъ побил и онъ назад к Сан Денису пошолъ где король со всемъ своим королевским двором стоит а в городе Порисе великое волновая было и от того волнования ратуша загорелас и многие городские жилцы в том волнованье побиты а шпанскои послалъ к городу Пврису на помоч ? члвкъ арцыарцухъ Брабанскои самъ под город Дюнкерк пошол» [17, с. 70].

Судя по цитированным выше текстам из «Вестей-Курантов», имя маршала произносилось и писалось по-разному: марешалъ де Тураине (Париж); марешалъ де Турена (Гамбург из Франции); королевской маршалокъ Тураино (Париж); маришалъ Тоуврено (Париж); маршалл Турена (Париж); маришалъ Туреине (Париж); маршалкъ Туреин (Париж); маршалъ Туреинъскои (Париж); марешал Тураинскои (Сен-Жермен); Туреина (Сен-Жермен); маршал Тураинскои, марешалъ Тураинскои (Париж); князь Тураискои (Сен-Жермен); маришалъ Туренскои (Лондон); маришалъ Туренскои (Париж); марешалъ Туренскои (Париж); мерешалъ Туренскои (Париж); арцух Туренскои (Лондон); марешал Туренскои (Монмеди); маришал Туренскои (Монмеди);марешал Туренскои (Монмеди); Турин (Нойенбург); маришал Туретцкои (Париж).

Таким образом, к 1660 г. в России еще не определилось окончательно прочтение и произношение имени этого французского полководца. Лишь при Петре I и сам Петр I стали произносить это имя близко к французскому – «Тюреннъ» или «Тюрень» («Тюрень» – ближе к французскому «Turenne»). Суворов писал это имя, копируя с французского, с двумя «н» – «Тюреннъ», а произносил также, копируя с французского, с мягким «н» – «Тюрень».

Из всех приведенных выше сведений, переданных русскими информаторами из Западной Европы с 1600 по 1660 гг., вряд ли при московском дворе могли составить адекватное мнение о полководческом мастерстве и авторитете Тюренна. В переданной информации ничего не говорилось о мастерски осуществленных оперативно-стратегических действиях Тюренна в 1646-1648 гг. Полное игнорирование сведений о самом блестящем военном деле Тюренна – победе в битве на Дюнах 1658 г. Зато при московском дворе хорошо должны были уяснить важную роль, которую сыграл Тюреннъ во внутриполитической борьбе во Франции – его мятеж в начале 1649 г. и победа его войск над фрондерами в сражении при Сен-Антуанском предместье в 1652 г. Примечательно, что информаторы весьма подробно сообщали о военных действиях, в частности о деятельности Тюренна именно в ходе борьбы между королем Людовиком XIV и фрондерами в 1652 г. Очевидно и вполне естественно, при московском дворе придавали исходу этой борьбы весьма большое значение. Победа Тюренна над фрондерами в 1652 г., решившая исход этой борьбы, несомненно, должна была весьма повысить военно-политический авторитет маршала.

Однако эти сведения, делая Тюренна известным в России, прежде всего в дипломатических и высших государственных кругах, вряд ли могли сформировать мнение о нем как о великом полководце, тем более превратить его имя в символ «великого полководца», сделаться синонимом словосочетания – «великий полководец». Пожалуй, лишь к 1675 г., ко времени гибели маршала, благодаря голландским купцам и дипломатам в особенности имя Тюренна приобрело в России репутацию великого полководца [18, с. 308, 324].

Однако в полной мере маршал Тюреннъ начал пользоваться в России репутацией самого великого полководца тогдашней «современности», видимо, лишь к концу XVII-началу XVIII вв., во времена царя Петра I.

«Политическим архетипом» для Петра Великого, строившего Российскую империю в первой четверти XVIII в., служила «Франция Людовика XIV». В этом контексте и определилась в его восприятии «знаковая» роль Тюренна. Раз в разговоре с лучшими своими генералами Шереметевым, М. Голицыным и Репниным *о главных полководцах Франции* он (Петр Великий) с одушевлением сказал: «Слава Богу, дожил я до своих **Тюреннов**, только вот Сюллия у себя еще не вижу» [19, с. 391]. Этот разговор мог состояться или после Полтавской победы летом 1709 г., или в 1715 г., когда Петр I проявлял особое благорасположение свое к Шереметеву. Из этой фразы царя Петра I явствует, что для него, да, видимо, и в российском общественном обиходе его времени, Тюреннъ превратился в своеобразный идеал полководца, символ великого полководца. Именно в этом смысле упоминает имя Тюренна царь Петр I. Возможно, царь сказал это в 1717-1718 гг., после того как побывал во Франции. Возможно, во время празднования победы под Полтавой летом 1709 г. или в начале 1715 г. Именно в это время и Шереметев, и Репнин, и Голицын были в Петербурге. В этом году царь Петр I проявлял свое особое благоволение к Шереметеву. «Петр Великий чрезвычайно уважал его (Шереметева), называл своим Баярдом и **Тюренем**, когда встречал и провожал до двери своего кабинета…» [20, с. 59].

Петр I мог получить сведения о Тюренне и высокие оценки его полководческой деятельности от главного своего учителя военному делу – от генерала Патрика Гордона (1635-1699), но в дневнике генерала Тюреннъ ни разу не упоминается. Мнение о Тюренне как о великом полководце мог внушить Петру I его ближайший друг и наставник, в том числе и в военных делах, Франц Лефорт (1656-1699) – швейцарец французского происхождения, прибывший в Россию в 1676 г. Во всяком случае, Петр I слышал, несомненно, много рассказов о Тюренне во время своего пребывания в Голландии в 1698 г. Голландцы весьма высоко ценили выдающиеся

полководческие способности французского маршала, но относились к нему отрицательно. Тюренн был для них в это время воплощением угрозы их национальной независимости. Имеются сведения о том, что голландские купцы, возвращавшиеся из России в 1675 г., получив известие о гибели маршала, устроили праздничное застолье [18, с. 308, 324].

Конечно же, весьма обширную информацию в самых восторженных выражениях и в то же время квалифицированную и высокую оценку полководческого мастерства Тюренн мог дать Петру I французский маршал Г. Виллар (1653-1734), начавший свою военную карьеру под знаменами Тюренна в Голландии и Эльзасе в последних и самых выдающихся его кампаниях 1672-1675 гг. Во время своего пребывания в Париже в 1717 г. Петр I неоднократно бывал в гостях у маршала Виллара [21, с. 361, 362, 370], и последний имел прекрасные возможности пространно рассказать русскому царю о Тюренне. Пожалуй, лишь с 1735 – 1736 гг., когда во Франции была издана первая фундаментальная биографическая работа о Тюренне генерала Рамсе, вскоре появившаяся в библиотеках российской знати и военной элиты [22], более или менее подробные биографические сведения о «великом Тюренне» стали достоянием относительно широкого слоя образованной части российского населения.

Таким образом, примером для подражания и символом «Полководца» с большой буквы Тюренн стал в России, как, впрочем, и в Европе в целом, с конца XVII в. Таковым он стал уже для Петра I. Своим учителем в области стратегии, воспитании и обучении солдат Тюренна, вслед за маршалом де Сакс, Фридрихом Великим, считал Суворов. Вплоть до наступления эпохи преклонения перед «гением Бонапарта» таковым же объектом почитания и восхищения, вполне в духе Века Просвещения» в XVIII в., был «великий Тюренн».

Библиографический список

1. Русская литература. Век XVIII. Т. 1. М., 1990.
2. *Михневич Н.П.* История военного искусства. М., 2008.
3. *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. 3. М., 1961.
4. *Weygand M.* Turenne. Paris, 1934.
5. *Roy J.* Turenne. Sa vie, les institution militaries de son temps. Paris, 1896.
6. *Бантыш-Каменский Д.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Т. 1. Часть 2. М., 1991.
7. *Суворов А.В.* Письма. М., 1987.
8. Memoires ecrite par le general comte de Montolon. T. 2. Paris, 1823.
9. Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. Собраны Ф. Каузлером. Перевод Я. Леонтьева. СПб., Б.г. (1871 (?).
10. *Минаков С.Т.* Мятеж Рейнской армии (1648 – 1649 гг.) // Вопросы истории. 1982. №. 9.
11. *Пузыревский А.К.* Обзор походов Тюренна. 1644-1675 гг. СПб., 1888.
12. *Рутченко А., Тубянский М.* Тюренн. М., 1939.
13. Вести из Германии, Голландии, Италии, Чехии, Франции, Венгрии и других мест. Май-июнь 1628 г. / Вести-Куранты. 1600-1639. М., 1972.
14. Перевод писем Ю. Филимонатуса, посланных из Риги во Псков М. Вейресу, и вестей из разных мест. Ноябрь-декабрь 1643 г. / Вести-Куранты. 1642-1644. М., 1976.
15. Перевод печатных вестовых листков о событиях в Немецких землях, Венеции, Базеле, Праге, Лондоне, Франции, Дании, Швеции и других местах. Октябрь 1645 г., январь-апрель 1646 г. //Вести-Куранты. 1645, 1646, 1648 гг. М., 1980.
16. Перевод немецкого печатного листа с вестями из Штеттина, Гамбурга, Аугсбурга, Вестмюнстера, поданного во Пскове торговым немчином Я. Бемманом. Фераль-март 1649 г. // Вести-Куранты 1648-1650 гг. М., 1983.
17. Перевод печатных листов с вестями из Лондона, Парижа, Антверпена, Нюрнберга, Стокгольма, Венеции, Рима, Вены и других мест. 18 мая-7 июля 1652 г. //Вести-Куранты. 1651-1652 гг., 1654-1656 гг., 1658-1660 гг. М., 1996.
18. Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Рязань, 2008.
19. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. 8. М., 1990.
20. *Бантыш-Каменский Д.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Т. 1. Часть 1. М., 1991.
21. *Сен-Симон.* Мемуары. Т. 2. М., 1991.
22. *Ramsay A.M.* Histoire de Henri de la Tour d'Auvergne vicomte de Turenne, marechal-general des armies du Roy. Paris, 1735-1736.

S.T. MINAKOV

"GREAT TURENNE" IN THE WORLDVIEW OF THE POLITICAL AND MILITARY ELITE OF RUSSIA IN XVII - XVIII CENTURIES

The article devoted to the question of the influence of Western European art of war and its most famous members, including the great French commander of the XVII century Marshal Turenne, on the worldview and ideology of the Russian political and military elite in the XVII – XVIII centuries.

Key words: ***Turenne, Russia XVII – XVIII centuries, Kuranty, Russian commanders.***

С.Т. МИНАКОВ
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Орловского государственного университета
E-mail: minakovst@mail.ru
Тел. (4862) 43 46 46; 8 919 207 85 87

С.В. ФЕФЕЛОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru,
Тел. (4862) 76 07 68

БОЛЬШЕВИЗМ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-БЫТОВОМ МНЕНИИ 1918-1920-х гг.

В статье анализируется материал «живых» впечатлений представителей средней русской интеллигенции на бытовую повседневность, порожденную обстоятельствами революции и Гражданской войны в 1918 – 1920 гг. в условиях жизни столичного города. Исследуется в связи с этим отношение горожан к правящей советской, большевистской власти.

Ключевые слова: ***Петроград, интеллигенция, большевистская власть, бытовая повседневность, 1918 – 1920 гг., Гражданская война.***

Октябрьская революция 1917 г., вылившаяся затем в Гражданскую войну, продолжавшуюся до 1923 г., составляют автономную эпоху в новейшей истории России. Население бывшей Российской империи в эти годы переживало тяжелые перемены в экономической, социальной, политической жизни, в своем быту, не успевая адаптироваться к небывалым нововведениям. Часть населения России оказалась выброшена в ходе Гражданской войны за пределы своей родины, сохраняя, однако, в течение указанных лет самочувствие граждан России, всякие перемены в которой, казалось, должны были, наконец, вернуть страну к прежней, нормальной жизни. Все это находило отражение в общественном сознании и общественном мнении, которое доминирующим образом определяло обыденное сознание масс советских граждан и представителей русского зарубежья. Особенно – в условиях полуразрушенного и еще не устроенного по-новому быта.

Существовавшая власть и ее носители также являлись факторами быта и бытового восприятия в период Гражданской войны. Это были факторы, благоприятно или неблагоприятно влиявшие на «бытовое бытие» российского человека. Советская власть и большевизм воспринимались и оценивались в двух аспектах. Во-первых, советская власть и большевизм как власть, установившая такой социально-политический и экономический порядок, в котором все положительное и все отрицательное в жизни рядового советского гражданина и в его быту напрямую от нее зависело. Во-вторых, большевизм воспринимался воплощенным в его «вождях». Эти «вожди-властители» были двух типов: представители «высшей власти», воспринимавшиеся российским обывателем как бы «на расстоянии», – он с ними непосредственно не сталкивался, не видел, не знал лично. Они существовали, преимущественно, на уровне официальной информации, слухов, как «воображаемые фигуры», «воображаемые вожди». Другой тип – это «реальная власть», т.е. та, которую российский обыватель мог, так сказать, воспринимать «физически». Он видел этих «вождей», слышал их выступления. Они непосредственно воплощали существующую власть, от которой зависел его быт и его бытовые радости и горести.

В самых общих чертах большевизм и советская власть, что воспринималось как синонимы, в самом широком массовом сознании находили выражение в народных частушках. Однако, при сопоставлении старой, царской власти с новой, большевистской, совершенно определенно выбор делался не в пользу большевиков:

Был Николашка,
Так не елась кашка,
А теперь большевики –
Нет ни каши, ни муки.

Отношение широких масс советских граждан, прежде всего, городского населения к большевизму было преимущественно отрицательным. «Ведь только и слышно, как поносят большевиков, – отметил в своей книжке петроградский интеллигент,

© С.Т. Минаков С.В. Фефелов

сотрудник Академии наук Г.А. Князев 8 сентября 1918 г. – Царское правительство так не ругали. В трамваях, на улицах, особенно женщины, кричат, что большевики обманывают народ, издеваются над ним. Что хуже стало, чем при царе… По неделям не выдается ни хлеба, ни других продуктов. Подлинный голод…»[1, с. 94]. Не ставя цель всесторонне рассмотреть поставленную проблему, ограничимся далее анализом реакции, так сказать, «на злобу дня» представителей средней интеллигенции.

Таким образом, большевизм на общественно-бытовом уровне оказывался равнозначным нехватке пищи или просто голоду. Итак, прежде всего, большевизм в массовом сознании – это голод. Как видно это из вышеприведенной записи, недовольство большевистской властью было обусловлено, именно так это выражалось массовым мнением, обманом народа, издевательством над народом, дефицитом хлеба, «подлинным голодом». И это было уже летом и в начале осени 1918 г. Эта чрезвычайно отрицательная сторона большевизма усугубляется мздоимством, взяточничеством. «Такого чудовищного взяточничества и недобросовестности еще не знала Россия, – не может смолчать русский столичный интеллигент в марте 1918 г. – Даже время приказов, пожалуй, бледнеет перед этим временем «трудовой коммуны» [1, с. 39]. Разнузданное мздоимство, превратившееся, по сути дела, в «визитную карточку» большевизма и советской власти для рядового гражданина Советской России, назойливо усиливает недовольство властью. «…Большевистские начальники хуже всяких жандармов, – записал Г.А. Князев 7 июля 1918 г. – Взяточничество всюду. Берут десятками и сотнями рублей. Без взятки шагу не шагнуть. Все измучились. Грустнее всего, что наш «бедный народ» смиряется только перед грубой силой. Без угрожающей ему палки гордыбачит, при проявлении силы вдруг делается послушным и смиренным, принижается до раба» [1, с. 57-58]. Мздоимство и бюрократизм разрастались, поражая все поры советского управленческого аппарата, особенно на низовом уровне. «…Удивительно прямо, какая разведена канцелярщина, – вновь возмущается Г.А. Князев осенью 1918 г. – Все теневые стороны бюрократизма сделались еще темнее, еще несноснее. Добиться чего-нибудь можно после больших хлопот и неприятностей. Отношение к своим обязанностям у исполнителей больше, чем чиновничье, чисто формальное, халатное. Народу много, и мало кто что делает…» [1, с. 99]. Особенно возмущал и раздражал рядовых советских граждан мелкий обслуживающий аппаратный персонал в советских учреждениях, чудовищная бюрократизация власти и ее отношение к рядовым советским гражданам. «А барышни в канцеляриях! – Возмущался Г.А. Князев. – Нет ничего несноснее этих созданий. Заносчивы, назойливы и неприятны. И тоже толку не добьешься. Часто и не разговаривают с имеющими до них дело. Просители часто теряют часы и целые дни, чтобы добиться какой-нибудь справки. Чудовищная канцелярщина свила себе гнездо в советских учреждениях. Диву даешься, как такой бюрократизм взрос на корнях «небывалой по размаху революции» [1, с. 114-115]. Из сказанного следует, что еще одним качеством большевизма оказывается худший вариант «полицейского режима» («хуже жандармов») с его главными «прелестями» – бюрократизмом и взяточничеством.

Возмущаясь советской властью и выражая очевидное неприятие большевизма, рядовые советские граждане в большинстве случаев имели дело собственно не с большевиками как таковыми, а с массой «обольшевизенных» чиновников-бюрократов, порой из дореволюционных низовых канцелярий. Оказавшиеся у власти большевики, их лидеры были в своем большинстве малознакомы основной массе российского населения, даже образованной ее части. «Кто же эти люди, в руках которых судьба Родины? – Задается вопросом Г.А. Князев 19 июля 1918 г. – Ленина, Троцкого, Зиновьева мы знаем. Но вот еще могущественный орган – Президиум Ц.И.К. И тут, кроме Свердлова, совсем ничего не говорящие фамилии: Аванесов, Сосновский, Теодорович, Владимирский, Максимов, Смидович, Розенгольц, Митрофанов и Розин» [1, с. 67]. Но даже с этими людьми, чьи фамилии «ничего и никому не говорили», лично мало кто был знаком, чтобы давать оценку действительным создателям новой власти. «…Смешно сказать, – вынужден был признаться Г.А. Князев 25 августа 1919 г., – но я не видел еще большевиков. Да, это факт. Кроме Раскольникова и нашего первого Комиссара да еще нескольких единиц, я никого не знаю. То есть, на тысячи человек, с которыми я имел дело за эти два года, большевиков не было и десятка» [2, с. 168]. Поэтому, весьма часто веские основания для отрицательного мнения о большевизме, советской власти давали ее отдельные, но близкие к рядовым гражданам, носители советской власти. Близкое, бытовое с ними общение подчас и оставляло единственное и отрицательное впечатление о советской власти и большевизме. «…Наш бывший уполномоченный домом товарищ Д.И. Розе, бывший рабочий, поселился теперь в барской квартире…, – отметил в своей записной книжке Г.А. Князев 21 октября 1918 г. – Владелец квартиры был убит. Жена с детьми после смерти мужа куда-то уехала. Вот в их квартиру и въехали Розе и его друг Рудзис. У них теперь не-

сколько комнат. Ковры, зеркала. Все имущество поделили. Жена Розе и сожительница Рудзиса перессорились. Никак не могли поделить розовое шелковое платье. Наконец, поделили. Рудзис получила шикарное платье. Розе – золотые часы. Она тут приезжала на старое пепелище. Жаловалась на нервность – так много работы. Обойщик поправлял гардины… И все не так… Это все она и разболтала по глупости. Приглашала старых знакомых взглянуть, как теперь они живут. Хвасталась. И вид и замашки – все по новой мерке. Кто бы сказал, что это вчерашняя фабричная работница. Буржуйка самого низшего пошиба… Вот он во что вырождается, коммунизм. Неужели и все этим кончится? Что же в результате? Одно понижение культурного уровня, огрубление. А по существу все то же» [1, с. 113-114]. Аналогичную историю поведал в своих воспоминаниях и генерал А. Брусилов. «Вселили нам какого-то комиссара, с нелегальной супругой и ее матерью, – вспоминал он. – Он, вероятно, был конюхом когда-то у графа Рибопьера… Грубый, наглый, пьяный человек, с физиономией в рубцах и шрамах… Пьянство, кутежи, воровство, драки, руготня, чего только не поднялось у нас в квартире, до сих пор чистой и приличной. Он уезжал иногда на несколько дней и возвращался с мешками провизии, вин, фруктов. Мы буквально голодали, а у них белая мука, масло, все что угодно бывало. А главное спирту сколько угодно. У нас холод бывал такой зимой 20-го года, что лед откалывали от калориферов. Топка давно прекратилась. У них была поставлена железная печка и дров сколько угодно. Мы замерзали и голодали…» [3, с. 186]. Затем, рассказывая о бесславной смерти этого человека, А. Брусилов как бы желает сказать, что высшая справедливость восторжествовала, Бог-таки покарал этого «нечестивца». «В скором времени, – завершал свой рассказ генерал, – наш комиссар убил какого-то милиционера, в Туле, кажется. Его самого арестовали, потом выпустили, т.к. была протекция самого «Ильича». Но в этих разбойничьих схватках, набегах и пьянстве он простудился, схватил воспаление легких, скоротечную чахотку… И «сдох», по выражению нашей горничной-девочки, которая его возненавидела за то, что он ей ничего не платил, требовал, чтобы она работала на него и обозлившись собрался как-то ударить. Да жена моя не дала ее в обиду, заступилась, объявив ему, что сейчас же напишет Ленину, как господа коммунисты обращаются с пролетариями» [3, с. 287-288]. С течением времени обстановка только ухудшалась, усиливая ненависть рядовых советских граждан. «Раздражение против большевиков все растет, – констатировал свидетель эпохи в конце октября 1918 г. – Те, кто приписались к общественным столовым, – бегут» [1, с. 119-120]. Примечательно, что недовольство большевизмом и советской властью еще в 1918 г. стали проявлять и те, кто, собственно говоря, совершал саму большевистскую революцию в октябре 1917 г. «Среди матросов все время глухое недовольство властителями, – записал Г.А. Князев 2 ноября 1918 г. – На пожаре в Адмиралтействе, не стесняясь, поносили большевиков и грозили им: «Только бы праздничек отпраздновать, а там мы покажем им» [1, с. 121]. Иными словами, недовольство начало охватывать и Красную Армию.

Впрочем, такое отрицательное отношение к большевикам и их власти было свойственно не всем. Весьма значительная часть населения, особенно трудящегося, пыталась найти объяснение вполне очевидным противоречиям между идеями большевизма и практикой жизни, виновниками которой оказывались в массовом сознании большевики. «… Большинством населения, – констатировал такой вдумчивый и честный свидетель, как М. Пришвин в октябре 1920 г., – все-таки большевизм понимается не как организованное преступление, а как неудача, существует представление о настоящем большевике…»[4, с. 70]. При этом сами простые люди, пытающиеся непредвзято разобраться в указанном выше противоречии, отвечали на этот вопрос так: «Э, да разве можно с нашим народом, да в коммунизм! И т.д. Словом, в основе-то считается делом хорошим, но невыносимым» [4, с. 70]. В сущности, с этими народными суждениями, изложенными М. Пришвиным, смыкается и мнение среднего русского интеллигента, каковым был Г.А. Князев, человек, в общем-то относившийся к большевизму с неприязнью. «Я верю Ленину, верю еще нескольким, но большинству-то не верю, – отметил он в своей записной книжке 29 сентября 1918 г. – Не верю. Они слишком лакеи и предатели, «нахалы». Чем сильнее большевизм, тем более у него лакеев. Они-таки и делаются самыми жестокими и несносными. Нет ничего презрительнее этих волкодавов. А вчера они были лакеями у трона. Для них, в сущности, ничего не изменилось. Другой только хозяин пришел. Погрубее и попроще. Ну, они распоясались. Чего тут. Будь демократическая, будь социалистическая республика, будь буржуазная власть, будь диктатура пролетариата, будь собственники, хоть коммунисты – не все ли равно: лакейство-то останется. А с ним и плутни, и взяточничество, и измывки над кем можно. Таков народ. А народ-то, масса-то – порядочная дрянь, тупое стадо. Вот несколько фанатиков и задумали переделать это стадо. Все средства пустили в ход. Пока торжествует только наиболее приспособившийся – нахал» [1,

с. 101-102]. Он делает вполне определенный вывод, пытаясь для себя ответить на вопрос о причинах общественно-бытовых бедствий, в которых оказалось российское население под властью большевиков. «Таков народ, – повторяем еще раз его вывод. – А народ-то, масса-то – порядочная дрянь, тупое стадо». В лучших из большевиков, подобных Ленину, автор записей не усматривает злодеев. В каком-то смысле он относится к ним сочувственно, быть может, даже в чем-то оправдывает их, потому что они честные, искренние фанатики идеи, совершенно не понимающие «народ», решившие его, это «стадо» (как именует «народ» автор записок) изменить. «Вот несколько фанатиков и задумали переделать это стадо, – процитируем еще раз часть заметки Г.А. Князева. – Все средства пустили в ход. Пока торжествует только наиболее приспособившийся – нахал». Автор записей в определенном смысле извиняет действия большевиков, полагая, что их попытка «переделать это стадо-народ» обусловлена их молодостью и малообразованностью. «Мне трудно осудить большевиков, – признается в связи с этим Г.А. Князев 25 декабря 1920 г., – потому что если бы мне было не 47 лет, а 20, то я сам бы был большевиком, – я был тогда невежественным, не знал никакого дела» [4, с. 71]. Поэтому, по мнению автора, дело не в режиме власти, т.е. не в советской, большевистской власти – «будь демократическая, будь социалистическая республика, будь буржуазная власть, будь диктатура пролетариата, будь собственники, хоть коммунисты – не все ли равно: лакейство-то останется. А с ним и плутни, и взяточничество, и измывки над кем можно. Таков народ». Примечательно, что по существу также объясняет невзгоды и бедствия в большевистской России и один из большевистских «вождей» – Л. Каменев. «Был в Москве у Каменева, – записал М. Пришвин 17 декабря 1920 г., – говорил ему о «свинстве», а он в каких-то забытых мною выражениях вывел так, что они-то (властители) не хотят свинства, и вовсе они не свиньи, а материал свинский (русский народ), что с этим народом ничего не поделаешь» [4, с. 71]. Однако сам М. Пришвин категорически не согласен ни с Л. Каменевым, ни с русской интеллигенцией, типа Г.А. Князева. «Нет, – сказал бы я ему, – считает русский писатель, – вы очень хорошие человеки, но такова судьба человека, что он должен производить обезьяну или свинью, если выходит из своего человеческого, слишком человеческого круга. Не материал виноват, а вы, вы, батюшка!»[4, с. 71]. М. Пришвин, таким образом, если исходить из его суждения, считал, что дело не в «народе», а как раз в большевистской идее, которая «выходит из своего человеческого, слишком человеческого круга». В то же время М. Пришвин глубоко убежден, что власть большевиков не случайность, что победы и их неудачи, бедствия страны, связанные с их властью, не их только заслуги и вина. «Это наше, наше правительство! – Утверждает он объективную обоснованность большевистской власти и то, что не сами по себе большевики несут ответственность за существующие беды в стране. – Мы все в нем виноваты… Мы все виноваты в правительстве, и наше оно все и во всем; назовите мне теперь хоть одного вдумчивого человека, кто не нашел бы своей вины в нашем правительстве? Разве те, кто на той стороне? Но почему же они не побеждают уже три года, если их правда?» [4, с. 71]. Примечательно также, что самый многочисленный слой русской интеллигенции, выразителем которого можно признать Г.А. Князева, отвергающий большевистский режим, не видит ему позитивной альтернативы в той социально-политической обстановке. Более того, он вынужден был признаться в важнейшей позитивной роли, которую сыграли большевики в русской революции. «А я об одном думаю: было ли бы лучше, если бы большевики пали? – Задает себе вопрос Г.А. Князев 2 ноября 1918 г. – Пожалуй, что нет. Они одни только и могут совладать с массами. Не будь большевиков, мы пережили бы все ужасы и мерзости самой разнузданной анархии. Большевики спасли Россию от крайностей дичайшего русского анархизма. Анархизм-то коснулся нас так, только краешком» [1, с. 121]. Итак, в представлении образованной части русского общества, среди трудовой интеллигенции большевизм вынужденно признается наименьшим из социально-политических зол для России, оказавшейся в плену революционной стихии. Г.А. Князев и далее неоднократно подтверждает высказанное мнение. Даже в марте 1921 г., когда, казалось бы, появилась реальная возможность свергнуть ненавистный большевистский режим в результате Кронштадтского восстания и антибольшевистских рабочих забастовок, он вынужден честно признаться в нежелательности падения этого режима. «Ужас весь в том, – записал он 27 марта 1921 г., – что если не советская власть, то анархия и махновщина, снова война всех против всех, полное распадение на мелкие части России и в результате наша окончательная гибель… Ленин так и говорит – в России возможны сейчас или царская или советская власть. Третьего нет. Действительно, что же лучше, вернее, хуже. Правы ли те, кто хотят во что бы то ни стало свалить советскую власть. А дальше что? Ужасы анархии и, может быть, в результате, после долгой и кровавой и долгой борьбы, – царская власть в отдельных кусках истерзанной России и положение колонии» [1, с. 196-197].

Представленные и проанализированные выше оценки советской действительности, деятельности советской власти, как она отражалась на бытовом, повседневном положении рядовых советских граждан, по впечатлениям средних слоев русской интеллигенции, свидетельствуют о, в целом, отрицательном отношении к большевистской власти. Однако ее вынужденно принимали как меньшее зло по сравнению с анархией, на которую может быть обречена страна в случае падения большевиков. При этом следует отметить, что негативную реакцию вызывала низовая масса представителей большевистской власти, отношение же к лидерам большевизма было дифференцированно, отчасти даже сочувственное, как к утопистам, преследующим благие, но несбыточные цели.

Библиографический список

1. *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.). Русское прошлое. Книга 4. СПб., 1993.
2. *Князев Г.А*. Из записной книжки русского интеллигента (1919-1922 гг.). Русское прошлое. Книга 5. СПб., 1994.
3. *Брусилов А.А*. Мои воспоминания. М., 2002.
4. *Пришвин М.* Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909-1930. Наше наследие. № 1. 1990.

S.T MINAKOV, S.V. FEFELOV

BOLSHEVISM AND THE SOVIET REGIME IN PUBLIC AND DOMESTIC OPINION IN 1918-1920

The article deals with the material of "live" experience of the representatives of the Russian intelligentsia in the daily household generated by the circumstances of the Revolution and the Civil War in 1918 –1920 in the living conditions of the capital. In this connection the citizens' attitude towards the ruling Soviet, Bolshevik authorities is investigated.

Key words: ***Petrograd, the intelligentsia, the Bolshevik power, home daily, 1918 – 1920, the Civil War.***

Н.В. НАУМОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru
Тел. (4862) 76 07 68

К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ПЛАНАХ ГИТЛЕРА ПРОТИВ СССР

В статье обращено внимание на анализ некоторых, ранее малоизвестных, обстоятельств и свидетельств, указывающих на процесс конкретизации общих антисоветских и антироссийских настроений у Гитлера в реальное планирование войны против СССР.

Ключевые слова: ***СССР, Гитлер, Красная Армия, план войны против СССР, 1938 – 1941 гг.***

Вопрос и ныне не получивший убедительного, бесспорного ответа, дискутирующийся в научной, научно-популярной литературе и публицистике о причинах, побудивших Гитлера начать войну против СССР в 1941 г. и времени возникновения конкретного планирования этой войны, побудил высказать некоторые соображения в свете ранее мало привлекавшихся источниковых материалов и новейших серьезных исследовательских наработок. В этой статье представляется возможным обратить внимание лишь на некоторые аспекты данного вопроса, не претендуя на какие-либо «революционные» выводы по данной проблеме.

Начну с напоминания о том, что Франко-советско-русский пакт о военной взаимопомощи от 2 мая 1935 г. означал для Гитлера новую опасность окружения Германии; когда французский парламент 27 февраля 1936 г. ратифицировал это соглашение, он 7 марта того же года приказал вермахту вступить в демилитаризованную Рейнскую область.

«Иным было отношение Гитлера к Польше, – вспоминает человек, входивший в близкое окружение фюрера. – Исходя из германо-польского пакта о ненападении от 1934 г. и зная о старинной вражде Польши к России, Гитлер видел в ее лице союзника по борьбе с большевизмом. Он считал, что страх Польши перед русскими послужит исходной базой для германо-польского компромисса. Поэтому его территориальные требования к ней не переходили приемлемых пределов. Но события мая 1938 г. впервые напугали Гитлера. Англия предприняла тогда окружение Германии в контакте с Прагой. Второй удар нанесло ему 31 марта 1939 г. британское обещание гарантий Польше [1, с. 249].

Этот ход развития нарушал планы Гитлера, которые он вынашивал против России. Он осознавал, что ему придется сначала сражаться из-за Польши. …Внешняя политика Гитлера с весны 1938 г. принципиально изменилась. Теперь он включил в свои планы и войну с Западом, прежде чем пойти на Россию. Но фюрер надеялся быстрыми действиями все-таки упредить Англию. Спешка гнала его от успеха к успеху сквозь 1938 и 1939 годы, пока не стала для него роковой в ту самую неделю с 25 августа до 1 сентября.

Гитлер следил за этим весьма скептически. Он исключал возможность, что маленькая Финляндия выдержит натиск советских вооруженных сил и сумеет противостоять им. Фюрер читал все сообщения прессы о событиях на этом театре военных действий и требовал от наших дипломатов в Москве и Хельсинки как можно больше и точнее докладывать о них. На протяжении последующих месяцев он с удивлением констатировал, что война эта не приносит русским никаких успехов. Гитлер задавал себе вопрос: в состоянии ли Россия одержать верх над Финляндией, но так никогда и не смог ответить на него. Фюрер наблюдал за ходом событий и по еженедельным киножурналам, пытаясь получить более ясное представление о них. Но поступавшие к нему материалы были скупы и полного впечатления не давали. Симпатии Гитлера, несомненно, были больше на стороне Финляндии, чем СССР. Но он был вынужден проявлять сдержанность, ибо договор о союзе с СССР заставлял его держаться нейтрально.

«12 декабря у Гитлера состоялось важное совещание, на котором сам я не присутствовал, но много слышал от Путткамера, рассказавшего мне подробности. Фюрер принял Редера и обсудил с ним северные проблемы. Насчет Финляндии оба были единодушны в том, что нельзя допустить ее поддержки через «ненадежную» Швецию. По отношению к русским следует проявить некоторую предупредительность» [1, с. 271-272].

Несогласие фельдмаршала Маннергейма с мнением, что именно ход советско-финляндской войны, обнаруживший низкие профессиональные качества Красной Армии, обусловил решимость Гитлера начать войну против СССР в 1941 г., разделялось и другими европейскими политиками.

© Н.В. Наумов

Уже к началу 1939 г. в Европе весьма часты были рассуждения о том, что «было бы преувеличением говорить о какой-то потрясающей силе нынешней русской армии. Но столь же преувеличены слухи о нынешнем ее якобы полнейшем бессилии» [2, с. 179]. Последнее утверждение подкреплялось в глазах европейской политической общественности тем, что советское правительство не направило части Красной Армии на помощь Чехословакии, несмотря на имевшийся с этой страной союз [2, с. 179]. Тем не менее, еще в начале 1939 г. германское командование оценивало Красную Армию как противника, столкновение с которым пока нежелательно. «Русские вооруженные силы военного времени, – говорилось, например, в разведсводке генерального штаба сухопутных войск Германии от 28 января 1939 года, – в численном отношении представляет собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определенны» [3, с. 74]. Но, как мы видели, уже к октябрю 1939 г. Гитлер оценивает боевые возможности Красной Армии и СССР как весьма низкие. Еще до начала советско-финляндской войны Геббельс в своем дневнике сделал весьма примечательную запись относительно профессиональной подготовки и боеспособности Красной Армии. «…Русская армия большой ценности пока не имеет, – записал он 11 ноября 1939 г. – Плохо руководима и еще хуже оснащена и вооружена. Нам ее помощь оружием не нужна. Хорошо только то, что нам не надо вести войну на два фронта» [2, с. 176]. В сущности, таковой была и оценка Красной Армии самим Гитлером. «У фюрера, – записал Геббельс 14 ноября 1939 г., сообщая о мнении Гитлера, высказанном им на совещании. – Он вновь констатирует катастрофическое состояние русской армии. Ее едва ли можно использовать для боевых действий. Отсюда, видно, и такое упорство финнов. Вероятно, и интеллектуальный уровень среднего русского тоже препятствует современному вооружению…» [2, с. 177]. Выражение Геббельса, касающееся мнения, высказанного Гитлером, – «он вновь констатирует катастрофическое состояние русской армии» – свидетельствует о том, что германский вождь лишь повторил еще ранее сложившееся у него мнение о качестве Красной Армии. Так что впечатления от весьма низкого уровня ее боеспособности лишь подтвердили уже принятую высшими политическими и военными кругами низкую оценку, которую они давали Красной Армии еще до советско-финляндской войны. Обращает на себя внимание еще одна запись, в которой вновь подтверждается вывод о том, что германское руководство вовсе не было удивлено неудачными действиями Красной Армии. Оно, можно сказать, ожидало, предполагало такой ход событий. «Вчера: в политике и фронтах почти ничего нового, – записал Геббельс в дневнике 4 декабря 1939 г. – Москва заключила с посаженным ею самою новым коммунистическим правительством Финляндии весьма изощренно составленный договор сроком на 15 лет. Хороший шахматный ход! Теперь официальному правительству приходится очень туго. Тем не менее, война продолжается. Но Россия, как ожидается, будет продвигаться вперед не особенно быстро. Ее армия стоит немногого» [2, с. 178]. Видимо, утверждению столь скептического мнения о Красной Армии способствовало, во-первых, неудачное для СССР окончание войны в Испании; во-вторых, более близкое знакомство с Красной Армией после «польской кампании» 1939 г., когда возобновились тесные взаимоотношения между вермахтом и Красной Армией. В результате этого немецкому военному и политическому руководству стало ясно, что собой представляет Красная Армия к началу советско-финляндской войны. Поэтому весьма важно отметить, что впервые свое намерение напасть на СССР Гитлер высказал не после окончания кампании во Франции, 22 июня 1940 г., как обычно считается, и не после окончания советско-финляндской войны в марте 1940 г., а еще осенью 1939 г., до начала советско-финляндской войны.

Фельдмаршал Маннергейм, подводя итоги советско-финляндской войне, в частности отметил: «…Если бы общая оценка боевых действий советских войск в войне против Финляндии не была бы столь отрицательной, Германия едва ли бы так недооценила возможности русского колосса и повторила ошибки Наполеона» [4, с. 344]. Расшифровывая далее частные, но важные аспекты-причины неудач Красной армии, вспоминал: «…Трудно сказать, в какой степени ответственно политическое руководство на вершине советской иерархии за те чисто военные ошибки, которые были допущены в плане войны, операциях и организации. Однако все же можно утверждать, что его влияние было огромно, как и влияние политруков, действовавших в войсках. То, что каждый приказ сначала должен был получить одобрение политического органа, конечно, вызывало задержку и путаницу, а также ослабление инициативности и желания нести ответственность. Такая организация, конечно, не ограничивалась только военными кругами, но *борьба за власть с 1935 года была особенно ожесточенной в вооруженных силах, которые во время чистки потеряли своих опытнейших руководителей*. Офицерский корпус стал от этого однороднее, но уровень образования кадров и их компетентность значительно

снизились. Из офицеров царского периода остались лишь единицы» [4, с. 346]. Таким образом, Маннергейм обратил особое внимание на «чистку» высшего комсостава Красной Армии как на одну из важнейших причин ее низкой боевой подготовки и неудовлетворительного управления войсками. Фельдмаршал заметил также, что «те же недостатки руководства, тактики и организации, которые были свойственны Красной Армии в войне против нас, проявились и на первом этапе советско-германской войны. Утверждение немецкой пропаганды о том, что финская война дала превратную картину о Красной Армии, безосновательно» [4, с. 357].

Однако, вопреки сказанному выше, Черчилль выразил иное мнение по поводу последствий советско-финляндской войны. Он соглашался, что «для Советской Армии это оказалось довольно плохой рекламой. В английских кругах многие поздравляли себя с тем, что мы не очень рьяно старались привлечь Советы на нашу сторону, и гордились своей дальновидностью» [5, с. 32]. Сам Черчилль был убежден в обратном. «Люди слишком поспешно заключили, что чистка погубила русскую армию, – отмечал он, – и что все это подтверждало органическую гнилость и упадок государственного и общественного строя русских. Этих взглядов придерживались не только в Англии. Можно не сомневаться, что Гитлер со всем своим генералитетом глубоко задумался над финским уроком, и что это сыграло большую роль в формировании его намерений» [5, с. 32]. Однако, похоже, что Черчилль немного лукавит, очевидно, под влиянием результатов последующей союзнической совместной деятельности со Сталиным. Иными словами, Черчилль в завуалированной форме стремится снять с советского руководства, прежде всего со Сталина, ответственность за провальные действия Красной Армии в советско-финляндской войне. Известно, что Черчилль всячески демонстрировал свое доверие к «сталинской версии» причин «большой чистки» в Красной Армии в 1937-1938 гг. Он считал действия Сталина целесообразными и не нанесшими существенного ущерба профессиональной подготовке и боеспособности Красной Армии. Однако имеются основания усомниться в правильности оценок У. Черчилля значения советско-финляндской войны в плане впечатлений мировой общественности и политических кругов от действий Красной Армии.

Примечательно, что в декабре 1942 г., объясняя неудачу вермахта под Сталинградом, его Генеральный штаб сообщал следующее: «Еще до того, как разразилась война, Советский Союз путем проведения ряда мероприятий сумел убедить в своей внутренней слабости не только общественность Германии, но и ее ответственные круги.

…Процесс против Тухачевского показал, что внутренние предубеждения против создания вооруженных сил имели под собой основания. Он закончился уничтожением многих тысяч офицеров, особенно занимавших высокие командные посты. Этот процесс вместе с возможностями получить непосредственное представление о военной мощи Советского Союза (польская кампания, кратковременный период германо-советской дружбы и «зимняя война» в Финляндии) дали возможность определить почти единственный масштаб для оценки этой мощи до июня 1941 года. Соприкосновение советских и германских армий в Польше наглядно показало превосходство немцев как по вооружению, так и по искусству управления войсками.

…Финская кампания продемонстрировала недостаточную ударную силу Советской Армии. Если к этому прибавить впечатление от процесса Тухачевского во мнении большинства офицерского корпуса, то напрашивается вывод, что обороноспособность Советской Армии находится в обратной пропорции к ее численности, и что она не способна противостоять наступлению немцев» [6, с. 166-167].

Таким образом, подытоживая факторы, стимулировавшие нападение Германии на СССР в 1941 г., с надеждой на скорый и легкий разгром Красной Армии, Генштаб вермахта в качестве главных выделял: «процесс Тухачевского», польскую кампанию 1939 г., кратковременный период германо-советской дружбы и «зимнюю войну» в Финляндии. Поэтому ссылка на впечатление, полученное немцами от низкого уровня профессиональной подготовки и боеспособности Красной Армии, полученное в ходе советско-финляндской войны, как на основную и определяющую причину, не совсем адекватно отражает суть дела. На это обращают внимание и некоторые лица из ближайшего окружения Гитлера.

Адъютант Гитлера Н. фон Белов отметил в своих воспоминаниях, основанных на ежедневных записях: «…Сколь серьезен был для Гитлера вопрос о быстром продолжении войны, стало ясно 10 октября (1939 г.) из его памятной записки главнокомандующим трех составных частей вермахта. В ней Гитлер ясно заявил: «Цель Германии в войне… должна состоять в том, чтобы окончательно разделаться с Западом военным путем». О России он высказался так: «Никаким договором и никаким соглашением нельзя с определенностью обеспечить длительный нейтралитет Советской России. В настоящее время есть все основания полагать, что она не откажется от нейтралитета. Через восемь месяцев, через год или даже через несколько лет это может измениться». Тем самым Гитлер дал трем

главнокомандующим понять свою коренную установку в отношении договора с Советским Союзом [1, с. 265]. Следовательно, намерения воевать с Россией у Гитлера определились еще до советско-финляндской войны. Однако вернемся к ситуации накануне советско-финляндской войны.

«25 ноября (1939 г.), – вспоминал Н. фон Белов, опираясь на свои ежедневные записи тех дней, – …Гитлер начал рассказ о своей деятельности в 1919-1925 гг. до взятия власти в 1933 г. Он создал вермахт именно для того, чтобы воевать. Поневоле дело сложилось так, что, прежде всего, следовало решить вопрос на Востоке. Превосходство наших вооруженных сил обеспечило быстрый успех в Польше. Россия в настоящий момент опасности не представляет. К тому же с ней у нас есть договор. Сталин будет соблюдать этот договор только до тех пор, пока считает его для себя хорошим. Мы сможем выступить против России лишь тогда, когда освободимся на Западе. Русские вооруженные силы еще в течение года или двух будут иметь ценность невысокую» [1, с. 269]. Таким образом, еще до начала советско-финляндской войны, до 29 ноября 1939 г., у Гитлера уже сложилось вполне определенное мнение об СССР и его вооруженных силах: «…Россия в настоящий момент опасности не представляет… Русские вооруженные силы еще в течение года или двух будут иметь ценность невысокую» [1, с. 271].

Прямо о намерении начать войну против СССР Гитлер высказался Н. фон Белову в один из дней между 25 и 29 ноября 1939 г., т.е. до начала советско-финляндской войны. «После ужина, – отмечал в своих записях Н. фон Белов, – Гитлер отправился со мной в большое помещение, предназначенное для обсуждения обстановки, и мы долго ходили там взад и вперед…. Гитлер хотел, чтобы его сухопутные войска к весне были высвобождены *для крупной операции на Востоке против России*. **Это – первый намек насчет России, который я услышал от фюрера**; он показался мне утопическим. Для него же это было явно давно продуманным планом, осуществить который Гитлер предназначал вермахту» [1, с. 271]. Как бы подчеркивая тот факт, что Гитлер принял решение начать войну против СССР до советско-финляндской войны, Н. фон Белов завершал эту часть своих записей фразой: «29 ноября 1939 г. были прерваны дипломатические отношения между Россией и Финляндией [1, с. 271]. Таким образом, вовсе не впечатления о низком уровне профессиональной и боевой подготовки советских войск во время советско-финляндской войны стимулировали желание Гитлера начать войну против СССР. Решение о нападении на СССР он принял да начала этой войны. Он уже был уверен в том, что Красная Армия имеет низкую боеспособность. Такое мнение сложилось у Гитлера в результате политических обстоятельств, сложившихся в СССР еще в 1936-1938 гг.

Библиографический список

1. *Белов Н.* фон. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003.
2. Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940 годов. Т. 2. М., 1998.
3. *Якушевский А.С.* Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР //Военно-исторический журнал. 1989. № 5.
4. *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 2004.
5. *Черчилль У.* Англия в войне. Воспоминания //Вторая мировая война в воспоминаниях. М., 1990.
6. Генеральный штаб вермахта: оценка Советского Союза //Военно-исторический архив. № 5 (41). 2003.

N.V. NAUMOV

ON HITLER'S WAR PLANS AGAINST THE USSR

The article draws attention to the analysis of some previously slightly known circumstances and evidence pointing to the process of the specification of the general anti-Soviet and anti-Russian sentiment in Hitler's planning war against the Soviet Union.

Key words: ***Soviet Union, Hitler, the Red Army, a war plan against the USSR, 1938 – 1941.***

Н.В. НАУМОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru
Тел. (4862) 76 07 68

КРАСНАЯ АРМИЯ В ОЦЕНКЕ БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО РУКОВОДСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

В статье представлены некоторые оценки состояния Красной Армии во второй половине 1930-х гг., сделанные представителями высшего командования Великобритании, а также распространенные в ее политических кругах в обстоятельствах угрозы Второй мировой войны и наметившегося советско-английского сближения.

Ключевые слова: ***Красная Армия, СССР, Великобритания, Вторая мировая война, 1935 – 1940 гг., англо-советские отношения.***

Фактором, сыгравшим важнейшую роль в ходе и исходе как Великой Отечественной, так и Второй мировой войны в целом, были союзнические отношения, сложившиеся у СССР с Великобританией, начиная с 1941 г. Однако основания для таковых начали закладываться еще за несколько лет до начала Второй мировой войны. Несмотря на их противоречивость во второй половине 1930-х гг., в конечном итоге они приобрели форму военного союза. Однако обстоятельство, предопределявшее характер и направленность в развитии англо-советских отношений в указанное время, было отношение высших политических и военных кругов Англии к советским вооруженным силам, к Красной Армии. Не охватывая и не анализируя проблему целиком, остановлю внимание, так сказать, на «взгляде со стороны» на профессиональные и боевые качества Красной Армии.

Маггеридж, побывавший в СССР, в марте 1934 г. опубликовал в «Таймс» обширную статью, посвященную Советскому Союзу, характеристике его социально-экономического положения, политической системе и, конечно же, советским вооруженным силам. «…Красная Армия велика и отлично вооружена, – признавал автор. – Однако она не обладает боевым опытом, командный состав ее довольно сомнителен, трудно предположить, во что может превратиться эта армия на случай столкновения с первоклассной военной державой» [1, с. 49]. Представления английской политической общественности и высших политических и военных кругов Великобритании, как их отражал Маггеридж, оставались на уровне, сложившемся в начале 1920-х годов, который находил подтверждение и в период нового социально-экономического и политического кризиса на рубеже 1920-1930-х, в период коллективизации. Красная Армия представлялась как сила, преимущественно предназначенная для подавления социального недовольства внутри страны и для действий на внешних фронтах плохо подготовленная. «Красная Армия постоянно требуется в самой России и на Северном Кавказе, – писал он. – Только она одна может сдерживать голодающее и протестующее население. Если бы значительные части Красной Армии пришлось отправить на внешний фронт, то в тылу остались бы миллионы крестьян, доведенные до отчаяния. Они ненавидят советскую власть более, чем всяких японцев, и готовы теперь приветствовать любого иностранца, любого иностранного завоевателя, лишь бы он обещал избавление от теперешнего положения, ставшего действительно невыносимым. Красная Армия одерживает победу за победой в классовой войне против безоружных и голодных крестьян, духовенства и остатков прежних сословий. Однако едва ли из этого можно вывести заключение, чтобы такая «практика» могла подготовить настоящих бойцов против сильного внешнего врага. Скорее наоборот…» [1, с. 49].

Отношение к Красной Армии и ее внешним достижениям, скептическое отношение к советским вооруженным силам, фактически, мотивировалось не особенностями армии, а устойчивым качеством «национального характера» самого русского народа. Это скептическое отношение к Красной Армии, в сущности, оставалось без изменений и осенью 1936 г. Побывавший на осенних маневрах Красной Армии 1936 г. британский представитель генерал Уэйвелл давал такую оценку Красной Армии в своем отчете, направленном в октябре указанного года в британский Генеральный штаб: «Основные усилия Советов в настоящее время направлены к

© Н.В. Наумов

обороне, в чем они достигли значительных результатов» [2, с. 445]. Указание на то, что оборонная политика СССР носит оборонительный характер, весьма примечательна для оценки английского генерала, учитывая, что до этого в политических и военных кругах практически всех западноевропейских стран господствовало убеждение в том, что СССР по-прежнему готовится к наступательной «революционной войне». Итак, по английским оценкам, Красная Армия – вооруженная сила, предназначенная к оборонительной войне. Обращает на себя внимание и признание того факта, что в реализации этой военной политики в СССР достигнуты «значительные результаты». Учитывая отмеченный выше скепсис, господствовавший в британской военной элите относительно Красной Армии, это было весьма многозначительное признание. Далее генерал Уэйвелл как бы расшифровывает сделанный им общий вывод о состоянии Красной Армии.

«Их танковые силы, – отмечает он, – по численности, конструкции и применению в настоящее время намного опережают любую другую армию; и они, вероятно, обладают мощностями для поддержания их производства в военное время» [2, с. 445]. Генерал Уэйвелл вполне адекватно оценивает количественное состояние советских бронетанковых сил. Действительно, уже тогда, к концу 1936 г. бронетанковый парк Красной Армии составлял уже свыше 10 тысяч машин. Он исходит из уровня технического развития танкового строительства, когда говорит о конструктивных особенностях советских танков, считая их «превосходящими» в этом отношении армии других стран. Известно, что к тому времени на вооружении Красной Армии находились, преимущественно, легкие танки Т-26 (в количественном отношении их было больше всего), БТ-2, БТ-5 и БТ-7. Все это были тоже легкие колесно-гусеничные танки модификации БТ, т.е. «быстроходный танк». Видимо, оценки эти он дает, исходя из уровня развития моделей танков в британской армии того времени. Генерал Уэйвелл отмечает и «превосходство» Красной Армии в боевом «применении» танков. В этом плане, скорее всего, британский генерал заблуждался.

Осенние маневры 1935 г. и стратегическая игра в апреле 1936 г. обозначили как раз одну из серьезных проблем Красной Армии – профессиональную и боевую подготовку бронетанковых войск. Она оказалась в сфере внимания правительства в мае-июне и обострилась к июлю 1936 г. 7 мая 1936 г. была расформирована Инспекция Автобронетанковых войск РККА и на должность начальника Автобронетанкового Управления РККА был назначен Г. Бокис. Однако состояние профессиональной и боевой подготовки бронетанковых войск, тем не менее, весьма беспокоило М. Тухачевского, вернувшегося из отпуска. Поэтому 9 июля 1936 г. М. Тухачевский обратился к И. Сталину с соответствующим письмом. «Ознакомившись с делом боевой подготовки механизированных войск, – писал М. Тухачевский, – считаю своим долгом доложить Вам о том, что состояние этой подготовки чрезвычайно тяжелое» [3, л. 123].

Итак, в оценке профессионального уровня личного состава Красной Армии в боевом «применении» танков генерал Уэйвелл ошибался и, в силу этого, невольно вводил в заблуждение британский Генеральный штаб. Впрочем, ошибка генерала была понятна, ибо в британских вооруженных силах, как и в вооруженных силах большинства других европейских стран, даже в Германии в эти годы, оперативно-тактические боевые возможности танков не могли оценить адекватно. Как таковых бронетанковых сил, подобных по количеству и организации советским, в британской армии просто не было. Поэтому то, что делалось в СССР, было нововведением, подойти к которому критически было в британской армии просто некому.

Далее, возвращаясь к отчету Уэвелла об осенних маневрах Красной Армии в 1936 г., обращает на себя внимание, что другим важнейшим показателем качества Красной Армии он считал советские ВВС. «Их воздушные силы, – оценивал британский генерал, – в численном отношении впечатляют, но представители RAF (Королевских воздушных сил) не думают, что их пилоты или машины достигают более чем приличного уровня, безусловно, ниже нашего стандарта» [3, с. 123]. Как известно, военно-воздушные силы в британской армии были первоклассными еще в Первую мировую войну. Они пользовались особой заботой королевского двора, правительства, общества и во время войны и после нее, в так называемый «межвоенный период». В Англии было прекрасно налажено производство авиатехники, были подготовлены отличные кадры пилотов для королевской авиации. Поэтому в данном роде войск англичане знали толк и могли критически и по достоинству оценить уровень развития военной авиации и в любой другой стране, в том числе и в СССР. Можно сказать, что генерал Уэйвелл, опираясь на выводы своих авиационных специалистов, дал в целом адекватную оценку советским ВВС 1936 года.

Информируя свое начальство в Лондоне, генерал Уэйвелл обратил внимание и на другие, традиционные, «старые» рода войск – пехоту, кавалерию, артиллерию. «Что касается других родов войск, – сообщал он, – кавалерии, артиллерии и пехоты, –

личный состав в физическом отношении великолепен, каким он и прежде всегда являлся; оснащение и обучение продвинулось с предвоенных времен» [2, с. 445]. Как это видно из текста, британский генерал весьма высоко отозвался о состоянии этой части Красной Армии, в том числе и о техническом состоянии, и о профессиональной подготовке. Весьма высокую оценку генерал Уэйвелл дал и нравственному, моральному состоянию личного состава Красной Армии, внутриармейским отношениям. «Дух всей армии очень высок, – констатировал британский военный наблюдатель, – отношения между офицерами и рядовыми выглядят хорошими, при этом дисциплина явно хорошо поддерживается, и, за исключением обиходного использования «товарищ» как формы обращения независимо от звания, по всей видимости, мало, если вообще отличается от принятых в «классовых» армиях. В действительности офицеры Красной Армии проявляют отчетливые признаки превращения в привилегированную касту и фактически во многих отношениях уже являются ею» [2, с. 445].

Специальное внимание обратил британский генерал на один из важнейших показателей уровня боевого качества любой армии – на боевую и профессиональную подготовку советских войск. Здесь он не стесняется даже весьма грубых оценок. «С другой стороны, – обратил внимание Уэйвелл, – используемые тактические приемы представляются топорными и довольно примитивными и, без всяких сомнений, приведут к тяжелым потерям в ходе войны» [2, с. 446]. Итак, в области методов боевого применения войск, в области тактической подготовки британский генерал оценивал Красную Армию крайне низко, обесценивая ее, таким образом, как боевой организм. Он обращал также внимание на весьма уязвимые факторы всей оборонной системы СССР, о которых говорили и ранее все побывавшие в СССР политические и военные наблюдатели. «Пока система шоссейных и железных дорог не будет улучшена, – обнаруживал уязвимое место в оборонной системе Советского Союза и Красной Армии генерал Уэйвелл, – проблема транспорта и снабжения будет вызывать весьма значительные трудности» [2, с. 446]. По косвенным признакам британский генерал отметил и еще один существенный недостаток – отсутствие достаточного числа обученных командиров и технических специалистов. «Резерв обученных офицеров и технического персонала, вероятно, – с достаточной долей уверенности предполагал он, – совершенно не соответствует военным потребностям» [2, с. 446]. То, что высказал опытный британский офицер как предположение на основе косвенных признаков, было действительным, реальным недостатком Красной Армии. На уже упомянутом выше заседании военного совета в октябре 1936 г. сам Тухачевский в докладе неоднократно обращал внимание на плохое состояние дел с «подготовкой лейтенантов запаса…, командного состава запаса» [4, л. 10, 31]. Однако, что особенно удручало, так это весьма пессимистичный вывод британского генерала о перспективах устранения отмеченных им недостатков Красной Армии, которое было столь важным для улучшения англо-русских военных отношений. «Время и напряженная работа могут уменьшить эти препятствия, – допускал определенное улучшение состояние Красной Армии в отмеченных им аспектах,– но препятствия, коренящиеся в национальном характере потребуют большего времени для устранения» [2, с. 446]. Как и генерал Нокс в 1935 г., и генерал Уэйвелл в конце 1936 г. не верил в скорое устранение недостатков боевой и профессиональной подготовки Красной Армии в силу «русского национального характера». Иными словами, дело было даже не в Красной Армии, а, как были убеждены британские генералы, в «ущербности» русского человека, «недостатки национального характера» которого не позволяли превратить Красную Армию в ближайшее время в «первосортный» военный организм. Генерал следом давал расшифровку этих недостатков и тому, как они сказывались на профессиональной подготовке Красной Армии. «С военной точки зрения, – считал он, – главным из них всегда являлись отсутствие инициативы и уклонение от принятия на себя ответственности со стороны командиров, особенно младших, и предпочтение, отдаваемое идеальным бумажным схемам перед практическим исполнением в реальных условиях – со стороны штабных офицеров» [2, с. 444-446].

Несколько месяцев спустя, в марте 1937 г. в статье, посвященной двадцатой годовщине русской революции (имелась в виду Февральская революция 1917 г.) в «Таймсе», неофициально отражавшем позицию и взгляды наиболее авторитетной части британской политической и военной элиты, дана была следующая оценка результатов деятельности большевиков в области военного строительства.

«…Ярче всего, утверждает «Таймс», – как пересказывал содержание передовой статьи газеты В. Саблин, – русские достижения выказываются на фронте Красной Армии и на ее воздушном флоте. Численность армий в мирном составе достигает 1 300 000 человек, а количество запасных превышает уже шесть миллионов. Создан громадный механизированный аппарат с большой армией запасных пилотов, которых всегда будет возможно пополнять из штатских, обученных предварительно

этому делу. Русские вообще, констатирует «Таймс», имеют особенные способности к воздухоплаванию. Наконец, громадное развитие тяжелой промышленности, которая в любой момент может быть обращена на военные цели, – все это значительно ослабляет для России опасности внешней войны, под угрозой которой она жила столько лет» [1, с. 465]. Итак, в целом впечатление от военного строительства и Красной Армии весьма позитивные. Акцентируется внимание на том, что же в британских политических и военных кругах считали позитивным в Красной Армии. Это численность армии, это развитие ее военно-воздушных сил. В отличие от скептических выводов британской военной элиты, выраженных в отчете генерала Уэйвелла в октябре 1936 г. относительно советских ВВС, в политической элите полагали, что как раз в области военно-воздушного строительства СССР имеет значительные достижения. Более того, отмечались в связи с этим «особенные способности» русских «к воздухоплаванию». Специально отмечалось, что в ВВС как раз имеются весьма значительные резервы летного состава среди гражданского населения. Отмечалось также развитие советской тяжелой промышленности, которая, как полагали в Лондоне, органично связана с оборонным ведомством и потому в случае «опасности внешней войны… в любой момент может быть обращена на военные цели». Однако тут же «Таймс» отмечал и весьма существенные недостатки советских Вооруженных сил и оборонных возможностей в целом. «Правда, наблюдатели утверждают, что качество советских вооружений не отвечает количеству и что советские железные дороги все еще находятся в неудовлетворительном состоянии» [1, с. 465]. В данных аспектах мы видим подтверждение выводов генерала Уэйвелла. Впрочем, эти недостатки, как полагали в британской политической элите, существенно не могли влиять на оборону СССР. «Для оборонительной войны, – отмечалось в газете, – это, быть может, не так важно…» [1, с. 465].

Итак, подводя некоторые итоги проведенному анализу, следует, прежде всего, напомнить, что на протяжении 1920-половины 1930-х гг. Великобритания являлась стратегическим противником СССР № 1. Однако резко изменившаяся к середине 1930-х годов международная ситуация, создавшая для СССР угрозу близкой войны на два фронта, вынудила Советский Союз искать дружбы с Великобританией и Францией. Достичь этой цели без использования авторитета такого рычага политического и дипломатического воздействия, как Красная Армия, было весьма трудно. Однако мнение британских политических и военных кругов о Красной Армии были недостаточно лестные. К тому же в их среде бытовали и настроения в пользу дружбы с гитлеровской Германией.

Библиографический список

1. Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940 годов. Книга 1. М., 1998.
2. Из отчета руководителя британской военной делегации генерал-майора А.П. Уэйвелла Начальнику Имперского Генерального Штаба о посещении маневров Белорусского военного округа (10 сентября 1936 г.) // Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 – середине 1930-х. Приложение 3. СПб., 2002.
3. РГВА. Маршал М.Н. Тухачевский. Коллекция документов из фондов РГВА. М., 1994.
4. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Заседание военного совета при Народном комиссаре Обороны СССР 13-19 октября 1936 г. Стенографический отчет.

N.V. NAUMOV

THE RED ARMY IN THE ASSESSMENT OF BRITISH MILITARY COMMAND IN THE SECOND HALF OF THE 1930S

This article presents some of the assessment given to the Red Army in the second half of the 1930s by the representatives of Great Britain High Command, as well as widespread in its political circles in the circumstances the threat of World War II and the incipient Anglo-Soviet rapprochement.

Key words: ***The Red Army, Soviet Union, Great Britain, World War II, 1935 – 1940, Anglo-Soviet relations.***

А.С. ОРЛОВ
соискатель кафедры религиоведения и теологии Орловского государственного университета, сотрудник академии ФСО России
E-mail: orlov-orl@mail.ru
Тел. 8 905 168 95 02

«НРАВСТВЕННЫЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БРАКА» В ОСМЫСЛЕНИИ М.О. МЕНЬШИКОВА

Проанализированы взгляды известного публициста конца XIX – начала XX вв. М.О. Меньшикова на семью в ее реальном и идеальном воплощениях. Представлены факты его личной жизни, повлиявшие на мировоззренческие установки. На основании его публицистики и дневниковых записей делается вывод о том, что в отношении любви и брака Меньшиков на протяжении большей части своей жизни был солидарен с позицией Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: ***М.О. Меньшиков, семья, брак, любовь, толстовство.***

«Пофилософствовать насчет любви N мог, но любить – нет». Из записной книжки Чехова о Меньшикове [1, с. 405].

Мать уехала в Париж…
И не надо! Спи, мой чиж.
А-а-а! Молчи мой сын,
Нет последствий без причин…

В этой известной колыбельной Саша Черный вольно или невольно описал реальную жизненную коллизию, случившуюся с отставным штабс-капитаном Михаилом Осиповичем Меньшиковым. Имя этого некогда известного публициста сейчас активно возрождается. Он интересен современным историкам и как ведущий сотрудник одиозной газеты начала XX в. «Новое время», и как идейный вдохновитель простолыпинской партии «Всероссийский национальный союз». В связи с этим из огромного наследия публициста переиздаются и изучаются его работы общественно-политической направленности.

Между тем, Меньшиков был не только политический публицист, но и незаурядный мыслитель, много внимания уделявший духовно-нравственным аспектам человеческой жизни, в частности вопросам семьи, которую он считал основой личностного существования. К такому пониманию Меньшиков пришел через собственный непростой опыт.

Позволим себе вкратце воссоздать основные вехи личной жизни Михаила Осиповича, так как его полная биография до сих пор не написана, и ее отдельные факты разбросаны по разным статьям и изданиям. По воспоминаниям самого Меньшикова, которыми он делился в конце жизни в письмах к подруге О.А. Фрибес (что само по себе показательно), первую серьезную влюбленность он испытал в 13 лет к своей девятилетней кузине Анюте. После продолжительной разлуки тридцатилетний Меньшиков вновь встретил ее, но девушка скоропостижно умерла от тифа [11, с. 256–257]. Но и останься она жива, юношеский роман вряд ли мог иметь продолжение. К этому моменту у Меньшикова была гражданская жена и годовалый сын.

Еще до гражданского брака в 1883 г. Меньшиков влюбляется в Е.А. Фальк, роман с которой длился около четырех лет. Разрыв произошел по неизвестным нам причинам. За месяц до своей трагической гибели публицист в дневнике оставил следующую запись: «18 авг. 1918 г. Сегодня 35 лет с того памятного дня, как я полюбил Е. А… Почти 3 1/2 г. влюбленности, то разгоравшейся, то гасшей, осложняемой другими приключениями, доказали, что это чувство вовсе не так уж могуче и свято, как казалось первое время». Однако вечером того же дня Меньшиков добавляет в дневнике: «Все-таки поцеловал три раза с тихим и сладким чувством вечно мне милое личико Е. А. на ее портрете, что висит у меня над кроватью. Точно отдаленный рокот каких-то нежных струн. Все же ты и те, которых я любил, но ты по преимуществу показала мне, хоть и горькою ценой, блаженство сердца на заре жизни. Спасибо тебе за это» [9, с. 205, 208].

Первый опыт семейной жизни Меньшикова (в гражданском браке), возможно, стал неожиданностью и для него самого. В конце 1887 года в литературном обществе он встречает «ослепительную брюнетку» Е.А. Шапиро. Она решительно переселяется к нему жить. В следующем году у них рождается сын. «Вскоре обнаруживается несходство во мнениях, каждый день ссоры, недовольство, истерики». А через два года под предлогом поездки к матери его гражданская жена «оставляет навсегда рыдающего ребенка» и уезжает в Америку [5, с. 25].

© А.С. Орлов

Важную и не до конца выясненную роль в жизни Меньшикова сыграла Л.И. Веселитская, с которой Меньшиков знакомится у Н.С. Лескова через три года после бегства гражданской жены. Именно Веселитская, не имевшая своих детей, заменила мать первому сыну Меньшикова Яше. По признанию публициста, у них был «короткий роман» [9, с. 174], не приведший к браку. Но Яша так привязался к Лидии Ивановне, что она стала своеобразным другом семьи до конца своей жизни. Как убедительно показала в своем исследовании литературовед Анна Сергеевна Мелкова, именно Веселитская послужила прототипом для рассказа А.П. Чехова «Душечка» [4, с. 414 – 415].

Особой популярностью у женщин Меньшиков начал пользоваться, став сотрудником «Нового времени». Многие дамы зачитывались «письмами к ближним» и мечтали познакомиться с их автором, иногда даже приходили для этого в редакцию. Именно там в 1905 г. Меньшиков познакомился со своей женой М.В. Поль (в первом браке Афанасьевой), которая была моложе его на 17 лет. Яша уже вырос и не нуждался в сильной опеке, однако Меньшиков видимо искренне был привязан к Веселитской, продолжал поддерживать с ней дружеские отношения и даже обсуждал в письмах свою будущую жену, о которой Лидия Ивановна, по всей видимости, отзывалась хорошо. «То, что Вы пишите про Марью Владимировну, – замечал Меньшиков, – сущая правда. Она и мне нравится больше всех так называемых моих дам, и вообще в ней много достоинств…» [4, с. 422]. Меньшиков и М.В. Афанасьева поженились в 1907 г. и вскоре у них родилась дочь, которую назвали Лидией в честь Веселитской, ставшей ее крестной матерью.

Всего во втором браке у Меньшикова родилось шестеро детей, но семейное счастье было недолгим, вскоре пришли Первая мировая война и революция. В 1918 г. Меньшиков был расстрелян, а его семья осталась без средств к существованию. Вдове Меньшикова пришлось временно отдать детей к друзьям и родственникам. Подруга Меньшикова писательница О.А. Фрибес взяла на воспитание его старшую дочь Лиду. Веселитская из-за большой нужды не смогла приютить у себя детей Меньшикова, но для материальной поддержки передала его вдове «для продажи» письма Н.С. Лескова.

Столь сложно приобретенный жизненный опыт Меньшикова нашел отражение в его публицистике. Как отмечает современный исследователь Е.И. Котовская, к концу XIX в. «широкие дискуссии о семье и браке постоянно шли на страницах периодической печати, затронув практически все слои интеллигентного российского общества того времени» [3]. Меньшиков не остался в стороне от этих дискуссий, выступив на стороне Л.Н. Толстого, выдвигавшего в качестве семейного идеала отношения, лишенные всяческого плотского влечения. Хотя в других вопросах Меньшиков очень быстро перешел от восхищения великим писателем к его резкой критике, мы увидим, что во взглядах на семью публицист остался близок толстовству до конца своих дней.

Первыми заметными публикациями Меньшикова, в которых в числе прочего он размышлял о браке и семье, стал цикл статей 1994 г. «Думы о счастье», вышедший отдельным сборником в 1898 г. Открывала этот цикл весьма символично статья «Семья и общество», а далее шли размышления о народе, природе, труде, цивилизации, прогрессе и Боге.

Начало статьи о семье может показаться неожиданным, Меньшиков приводит пример нескольких самоубийств, совершенных знакомыми ему людьми, жившими внешне благополучной жизнью. Причинами таких самоубийств, по мнению Меньшикова, является отсутствие любви к кому бы то ни было. Именно любовь к другим, по мысли публициста, «есть основное психическое условие счастья, душевное дыхание, без которого человек умирает». Подлинные чувства любви и дружбы, по его мнению, составляют основу семьи, «которой иногда одной достаточно для счастья» [6, с. 282].

При этом Меньшиков на тот момент был уверен, что «в современных городских, культурных условиях искренняя семья невозможна» вследствие разобщенности, присущей городской жизни как таковой. «В городской семье, – уверял он, – нет общего психического центра, нет общего сотрудничества, объединяющего все отдельные способности и потребности» [6, с. 283].

В этой же статье Меньшиков рисует и идеал семьи: «Родное гнездо, жена – как второе сердце мое, милые детки, стихия горячей любви и дружбы – вот основное счастье человека». Такая семья, по его мнению, была возможна лишь в условиях патриархальной деревни, где есть «постоянная трудовая и житейская близость всей семьи» и, как следствие, происходит «непрерывный обмен всех впечатлений и мыслей, интересов и надежд» [6, с. 282].

Работу над темой семьи Меньшиков продолжил в трилогии очерков «Начала жизни», вышедших в «Книжках недели» за 1898 г. («Роль женщины», «Охрана семьи», «Дети»), которые также позднее были изданы отдельной книгой. В этих очерках Меньшиков готов был поставить женщину даже выше мужчины, но только такую женщину, ко-

торая следует своему предназначению матери и хранительницы семейного очага. По замечанию Чехова, Меньшиков «говорил о материнстве как основном призвании и долге женщины» [2, с. 102]. Эта идея высказывалась Меньшиковым неоднократно. К примеру, в очерке, посвященном «детству» Л.Н. Толстого, публицист особое внимание обращал на образ матери Николеньки и отмечал, что «решающее влияние на ребенка… в жизни почти всех замечательных людей» имеет именно мать, а не отец [8, с. 402]. В таком взгляде, по всей видимости, сказались и личные впечатления детства Меньшикова, получившего начальное образование и духовное воспитание также от матери и сохранившего теплые воспоминания о ней на всю жизнь [10, с. 48].

Размышления о семье и ее основаниях Меньшиков продолжил в серии статей «О любви». Здесь он, пожалуй, ближе всего подошел к идеям Толстова. Данная работа состоит из нескольких частей, применительно к нашей теме, нас будет интересовать раздел «Любовь супружеская». По Меньшикову, супружеская любовь «основана не на страсти, а на потребности, и не только телесной, но и духовной [7, с. 545]. Поэтому подлинная семья невозможна вне веры. Именно ее утратой публицист объяснял проблему несостоятельности браков в современном ему мире: «Эта мертвящая материальность отношений, непризнание в человеке иной, высокой природы, есть источник великой драмы супружества с ее изменами и безумствами» [7, с. 546]. Современную семью публицист рисует в еще более мрачных красках, по сравнению с «Думами о счастье». «Оба пола, – отмечает он, – начинают свою половую жизнь уродливо и рано, еще детьми» [7, с. 546–547]. И происходит это по вине родителей, «заражающих своим смрадом» еще невинное поколение, в результате чего «к тому возрасту, когда заключаются законные браки, – огромное большинство молодежи проходят через школу падений, отрицающих самый корень брака» [7, с. 549].

Меньшиков отмечает, что и сами цели, которые люди преследуют, вступая в брак, стали ложными. Партнера не любят, а рассматривают как средство. А когда: «Цель достигнута – средство более не нужно, и в браках «по расчету» поражает эта странная ненужность супругов друг для друга» [7, с. 550]. При этом Меньшиков критикует и брак, основанный на половой любви, так как она «длится лишь до взаимного удовлетворения, и затем «любимый» человек превращается в то же, что пустой графин для пьяницы» [7, с. 550–551]. В обоих случаях не может получиться счастливой семьи, а от этого в первую очередь будут страдать дети, которые «озлобляются, заражаются ненавистью и выходят из родного дома как из какого-то зверинца, где грызутся звери» [7, с. 550].

В чем же Меньшиков видит залог счастливого брака? В супружестве, основанном на нравственности: «Единственным средством брака должна служить искренняя симпатия душ, единственною целью – взаимное сотрудничество в деле жизни…» [7, с. 551–552]. Далее Меньшиков в духе Толстого замечает, что «половая страсть скорее опоганивает, нежели освящает» семейные отношения, включая даже акт зачатия. Он полагает, что дети наиболее счастливы в семье, где родители не влюблены, а относятся друг к другу дружески.

Брак для Меньшикова – это в первую очередь не союз тел, а единство душ: «как бы ни стремились люди к слиянию тел, все же выйдет только прикосновение их, а души соединяются действительно в нечто одно, почти неразделимое» [7, с. 558]. Только в таком браке, по его мнению, совершается нравственное развитие супругов.

Исходя из такого взгляда, Меньшиков крайне отрицательно относился как к изменам в браке, так и к возможности разводов, критикуя «нигилистическую беллетристику» 60-х гг. XIX в. Завершает свои рассуждения на тему супружеской любви Меньшиков очень простой сентенцией: «Чистота (тела и духа) – вот единственная тайна счастья в супружестве…», и только такое супружество способно дать «полноту жизни» [7, с. 590].

В рабочем материале к статьям этого периода мы находим размышления о взаимосвязи проблем современной ему семьи с женской эмансипацией. Меньшиков полагал, что именно идея о том, что женщина принадлежит самой себе, – первый шаг к отказу от семьи: «Безнравственная мысль, что женщина принадлежит самой себе. Она принадлежит столько же себе, сколько мужчине, как он ей. Кто дал право разъединять то, что соединила природа?» [13, л. 17]. Здесь же он возвращается к идее о том, что подлинная семья основывается не на половой любви, а на дружбе: «Любовь, как посредственная пьеса, требует превосходного исполнителя, иначе она несносна, тогда как дружба достаточно хороша даже при плохих исполнителях» [13, л. 21]. Далее Меньшиков рассуждает о смысле и значении семьи в общечеловеческом и даже онтологическом плане: «Физически нельзя войти в тесное общение с человечеством, со своим народом, даже с обществом своих соседей. Человек – точка, и его прикосновение к миру – точка… Мы прикасаемся к миру в своей семье – вот почему она священна…» [13, л. 22]. Таким образом, если пользоваться термином Г.С. Сковороды, для Меньшикова «сродность» с семьей выступала как средство «сродности» с миром.

В последние два года своей жизни, оказавшись без работы и средств к существованию, проживая с семьей и детьми на Валдае, Меньшиков вновь возвращается к осмыслению любви и брака, делая это в необычной форме. В 1917 году он пишет цикл проповедей от лица сельского священника. Одна из проповедей называется «О мужьях и женах». В ней Меньшиков вновь возвращается к теме «любви супружеской», объясняя, что это «не простая влюбленность, не простая заинтересованность друг другом и жажда телесного сближения, – это жажда сближения душ и взаимного слияния их в одну душу» [12, с. 26 – 27]. Именно такая любовь помогает преодолеть все сложности, возникающие в семейной жизни: «Любящие друг друга муж и жена охотно прощают друг другу недостатки, – мало того, они любят один другого даже с недостатками, и самые недостатки кажутся чем-то милым и хорошим… Народная пословица говорит: Не по хорошу мил, а по милу хорош, то есть если мил человек, то он и хорош. А ведь если он хорош, то даст одно лишь счастье, одну радость» [12, с. 26]. Примечательно, что здесь Меньшиков повторяет пословицу, которую приводил почти 20 лет назад в книге «О любви».

Особое внимание Меньшиков обращает на то, что «чудо любви супружеской» нуждается в постоянном поддержании. И главным средством этого поддержания он называет постоянную благодарность Богу: «Это довольство всем и благодарность за все заставит быть снисходительными и к недостаткам друг друга в союзе брачном» [12, с. 27]. Второе важное условие счастливого брака, которое Меньшиков озвучивает от лица священника, – повиновение: «Лишь сжимая свою гордость и себялюбие можно избежать бесконечных толчков и царапин в отношениях с ближними» [12, с. 27]. Заключает Меньшиков свою «проповедь мужьям и женам» мыслью, которой делился еще с читателями «Недели», о том, что в счастливых браках дети счастливы, а в несчастных несчастны: «Только из счастливых браков, где царствует любовь и повиновение, выходит нравственное здоровое, доброе, честное, благородное потомство. Из несогласных супружеств выходят рано испорченные характеры» [12, с. 29].

В последние месяцы жизни Меньшиков в своем дневнике вновь возвращается к теме любви, невольно подводя итог своим многолетним рассуждениям. Он убеждал себя и наставлял потомков в том, что «для здорового и счастливого брака» достаточно одной симпатии. Влюбленность же мешает взвесить «важные члены общей формулы брака», такие как «хороший характер, доброту сердца, ум, воспитанность, здоровое сложение, хорошую наследственность и семейное положение». Меньшиков уподобляет влюбленность пьянству и наркомании, так как во всех трех случаях за «острое наслаждение» приходится расплачиваться «отравлением духа». Публицист дает весьма приземленный, но и в то же время не лишенный положительного пафоса совет своим детям: «Выбирайте себе пару для продолжения рода, а не для вас лично. Выбирайте осторожно, ибо это величайший по значению выбор из всех на свете» [9, с. 208].

Подводя итог работы, можно констатировать, что в вопросах семьи Меньшиков, несмотря на всеми признанную его изменчивость во взглядах, на протяжении всей своей жизни, начиная с момента неудачного гражданского брака, придерживался единых принципов, которые можно свести к следующим положениям.

– Брак – это единство двух, соединение не столько тел, сколько душ.

– Половая любовь – непригодная основа для прочного брака. Для этого есть особый вид любви – «супружеский».

– Вступая в брак, можно и нужно следовать расчету, но не материальному, а духовному.

– Вне благополучной семьи человек не может быть счастлив.

– Все проблемы брака отражаются на детях и их будущих семьях.

– Семья есть основной способ сосуществования человека с миром.

Рассуждения Меньшикова в чем-то наивны, в чем-то утопичны, но основные проблемы, поднятые им в своей публицистике и дневниках, не только не потеряли своей актуальности в настоящее время, но даже еще более обострились. Современная семья как социальный институт вынуждена существовать в поле меняющихся ценностей и постоянно доказывать свою значимость не только в общественном, но и в личностном плане. В этих условиях меньшиковский подход к семье как к онтологическому явлению в жизни человека приобретает особую значимость.

Библиографический список

1. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / Сост. А. С. Мелкова. М.: Русский путь, 2005. 480 с.
2. *Бычкова Е.* «Вы интересный человек» // Мелихово. Альманах. Чехов: Мелихово, 2003. С. 90 – 110.
3. *Котовская Е.И.* Проблема семьи и брака в русском обществе конца XIX в. // Материалы круглого стола «Женский вопрос накануне XXI века», проходившего 27-28 апреля 1998 г., МГУ им. М.В.Ломоносова (в рамках ежегодных Ломоносовских чтений) URL: http://www.owl.ru/win/research/problsemi.htm [Дата обращения: 24.08.2012].
4. *Мелкова А.С.* Кто был прав: Толстой или Чехов? // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд. С. 413 – 425.
5. *Мелкова А.С.* Чехов и Меньшиков: история личных взаимоотношений и творческих взаимосвязей // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд. С. 19 – 46.
6. *Меньшиков М.О.* Думы о счастье // Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимовой. В 2-х т. Т. 1. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 271 – 424.
7. *Меньшиков М.О.* О любви // Меньшиков М. О. Великорусская идея Указ. изд. С. 424 – 622.
8. *Меньшиков М.О.* Великое детство // Критические очерки. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. С. 388 – 399.
9. *Меньшиков М.О.* Дневник 1918 года // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Выпуск IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М.: Студия «ТРИТЭ», 1993.С. 11 – 222.
10. *Орлов А. С.* Религиозно-этические аспекты мировоззрения М. О. Меньшикова: истоки формирования и эволюция // Социально-гуманитарное знание: актуальные вопросы теории и практики: коллективная монография / [И. Е. Воронкова и др.]; [под общ. ред. И. Е. Воронковой]. Воронеж: ИПЦ «научная книга», 2011. С. 45 – 64.
11. Письма М. О. Меньшикова к О. А. Фрибес // Российский архив. Указ. изд. С. 252 – 261.
12. *Филаткина Н. А.* Меньшиков М.О. Проповеди отца Михаила // Московский архив. Вып. 4. М.: Издательство Главархива Москвы, 2006. С. 9 – 38.
13. Центральный Московский архив-музей личных собраний (ЦМАМЛС). Ф.202. Оп. 1. Д. 67.

A.S. ORLOV

"MANKIND'S SPIRITUAL EXPERIENCE IN MATRIMONY" AS INTERPRETED BY M.O. MENSHIKOV

The article analyzes the views of the famous publicist of the late 19th – early 20th century M.O. Menshikov on family, its real and ideal aspects. The article contains the facts of Menshikov's own personal life, which affected his outlook. The author concludes that Menshikov's public writing and journals indicate that his attitudes to love and marriage during the most part of his life had been similar to those of L.N. Tolstoy.

Key words: ***M.O. Menshikov, family, marriage, love, tolstovstvo.***

В. М. ПЕРЕЛЫГИН
аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: Slavez614@mail.ru
Тел. 8 953 471 05 90

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС «ПЕТРОВСКОЙ БРИГАДЫ» В 1914-1917 гг.

Статья посвящена анализу количественного и социокультурного состава, имущественного положения, образовательного уровня, национального и религиозного состава офицерского корпуса Лейб-Гвардии Преображенского и Семеновского полков накануне Первой мировой войны. На статистическом материале рассматриваются аспекты, касающиеся ротации и судьбы офицерского состава на протяжении военных действий и после Октябрьской революции 1917 года. Для написания данной работы использовались исключительно материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Ключевые слова: ***офицер, гвардия, Преображенский полк, Семеновский полк, Первая мировая война.***

В современной исторической науке остаются актуальными многие вопросы, связанные с изучением «военной элиты» времен Первой мировой войны. Офицерскому корпусу русской гвардии конца XIX – начала XX вв. уделили особое внимание в своих исследованиях Г.С. Чувардин, С.В. Волков, Е.И. Чапкевич, П.А. Зайончковский[1]. Социокультурного аспекты состояния Семеновского полка в 1914-1915 гг. нашли место в работах С.Т. Минакова[2].

Старейшие русские гвардейские полки Преображенский и Семеновский, стязавшие себе славу на многих полях сражений, к началу Первой мировой войны по-прежнему сохраняли статус элиты русской армии. Характеристика офицерского состава «Петровской бригады» представляет собой важный аспект в оценке боеспособности русской армии в период исторических событий 1914-1918 гг.

По спискам к январю 1914 года офицерский корпус «Петровской бригады» насчитывал 174 человека, вместо положенных по штату 74 в каждом (91 офицер в Преображенском полку[5, Л. 49 об.], 83 – в Семеновском[6, Л. 49 об.]). Штатное расписание для каждого полка на тот промежуток времени предполагало количество генералов, полковников, капитанов в следующем соотношении: 1, 7, 17; штабс-капитанов, поручиков и подпоручиков вместе взятых 49[5, Л. 49 об.]. Здесь стоит отметить, что перебор в цифрах в основном наблюдался за счет состоявших в списках генералов и полковников, которые в большинстве своем никаких вакансий в полку не занимали. Так в Лейб-Гвардии Преображенском полку из 15 состоящих по списку генералов 14 реальных должностей в полку не имели [5, там же]. Таким образом, существенный недостаток в боевом отношении был только в капитанах. Из положенных 17 человек нехватка в каждом из полков составляла 50%.

В сословном отношении офицерский корпус обоих полков в 1914 году на все 100% состоял из дворян, что было безусловным требованием для службы в русской императорской гвардии. Около трети всех офицеров «Петровской бригады» были выходцами из дворян Санкт-Петербургской губернии. Лейб-Гвардии Преображенский полк можно отметить довольно высоким процентом титулованного дворянства. К началу Первой мировой войны в его рядах служили 3 князя, 3 графа, 1 герцог и 3 барона[5, Л. 1 об.-33 об.], что также подтверждало высокий статус данного рода войск.

Определение национальной принадлежности русского офицерства в данный период времени осложняется тем, что в Российской империи этот пункт обычно заменялся указанием вероисповедания. Однако анализируя указанную в списках офицеров географию губерний, мы насчитываем в обоих полках 6 уроженцев Великого княжества Финляндского, 4 – Эстляндской губернии, 3 – Курляндской, 2 – Лифляндской, 2 – Тифлисской, 1 – Варшавской, 1 – Эриванской, 1 – Виленской[5, Л. 1 об.-33 об.; 6, Л. 15 об.-42 об.]. Учитывая при этом фамилии офицеров, такие как фон-дер-Лауниц, фон-Фольборт, Пенхержевский, Тигерстедт, Эльвенгрен, фон-Миквиц, фон-Унгерн-Штернберг, фон-Эссен, фон-Лампе, фон-Миних, фон-Шарнгорст, Сюннерберг, фон-Сиверс, Рихтер, Брок, Веселаго, фон-Тимрот, Греневиц, Тунцельман-фон-Адлерфлуг, фон Эттер, Лангоф, Зейме, Гольтгоер, Дрентельн, Тилло, Литке, Ден, Штакельберг, Бенуа, Паппе, Гаугер, Крогерус, Перрен, Вуич, Торнау, Эллиот, Дитмар, Галлер, Моллер, Вестман, Гершельман, Торнау, Фон-Кубе, Гессе и др.[5-6, там же], можно с уверенностью констатировать факт того, что более 30 % офицеров Лейб-Гвардии Преображенского и Семеновского полков имели предков иностранного происхожде-

© В.М. Перелыгин

ния. Тем не менее, большинство офицерского состава по национальности было русским.

Данные о религиозном составе представляют следующее:
Лейб-Гвардии Преображенский полк[5, Л. 49 об.]:
Православные – 83
Католики – 2
Армяно-григорианская церковь – 1
Лютеране – 6
Реформаторское вероисповедание – 1
Лейб-Гвардии Семеновский полк[6, Л. 49 об.]:
Православные – 66
Католики – 2
Лютеране – 15

Таким образом, большая часть офицерского корпуса исповедовала православную ветвь христианства, что в полной мере соответствовало идеологии верной императору «гвардейской семьи».

Анализируя образовательный уровень офицерского корпуса гвардейских полков, стоит учитывать два немаловажных фактора: во-первых, для зачисления в ряды императорской гвардии образование не являлось определяющим условием, а скорее шло на вторых позициях после таких требований, как происхождение и материальная обеспеченность; во-вторых, необходимо помнить, что окончание того или иного учебного заведения совсем не означает умение применить полученные знания в экстремальных условиях боевых действий, поэтому не стоит преувеличивать показатели уровня образования, и больший акцент необходимо направить в сторону личностных качеств офицера, которым в гвардейском сообществе уделялось особое внимание.

Накануне Первой мировой войны из 69 штаб-офицеров и генералов Лейб-Гвардии Преображенского и Семеновского полков лишь 15 офицеров получили высшее образование (преимущественно в Николаевской Академии Генерального штаба)[5, Л. 1 об.-33 об.; 6, Л. 15 об.-42 об.]. При этом у двух генералов мы вообще не находим сведений об уровне их образования. Данный факт, несомненно, показывает недостатки сложившейся системы гвардейских привилегий и подтверждает факт недостаточной подготовки командного состава русской армии, что подтвердилось горьким опытом войны. Тем не менее, подавляющее большинство офицеров «Петровской бригады» имели военное образование на уровне училищ. Более 30% из них окончили Пажеский корпус, выпускникам которого отдавалось большее число вакансий в рядах гвардии. Чуть меньший процент составляли выпускники Павловского военного училища. Наряду с военным образованием более 50% офицеров также имели за плечами общее образование, получаемое в различных кадетских корпусах (в том числе Орловском Бахтина кадетском корпусе), гимназиях, Императорском Александровском лицее, Императорском училище правоведения[5-6, там же].

Возраст штаб-офицерского состава обоих полков варьировался в пределах от 36 до 53 лет[5-6, там же].

Таким образом, к началу Первой мировой войны в состоянии офицерского корпуса Лейб-Гвардии Преображенского и Семеновского полков можно выделить несколько недостатков: низкий уровень образования, отсутствие боевого опыта, сохранение традиций «гвардейской семьи». Но в то же время, «Петровская бригада» по-прежнему оставалась одной из самых сплоченных и боеспособных частей русской армии.

Ведомости о штатном числе, сведения о боевом составе, месячные рапорты, именные списки офицеров позволяют проследить изменения в офицерском составе гвардейских полков в соответствии с событиями на театре боевых действий.

По данным на 1 августа 1914 года личный состав Лейб-Гвардии Семеновского полка находился в следующем состоянии[10, Л. 1]:

	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров
По штату положено	1	5	72
По списку числится	1	7	69
Налицо состоит	1	7	69

Как известно, императорская гвардия уже с первых месяцев войны оказалась на самых опасных участках сражений, вследствие чего боевой состав офицеров резко сокращался. С ноября 1914 года по февраль 1915 года боевой состав офицеров Семеновского полка не превышал 60 человек[10, Л. 33-70]. К 22 февраля 1915 года из 25 штаб-офицеров, состоящих в списке Лейб-Гвардии Семеновского полка, 10 выбыли из строя из-за полученных ранений, 45 офицеров младшего состава также находились на излечении от ран, болезней, пропали без вести или были убиты[10, Л. 72]. В телефонограмме начальнику штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии 14 июля командир Семеновского полка Эттер сообщает следующие данные о составе полка: «На лицо состоит 43 офицера»[10, Л. 141]. А по данным на 22 сентября 1915 года их число сократилось до 23[10, Л. 199]. Таким образом, за год военного времени гвардия потеряла заболевшими, ранеными и убитыми до 75 % лучшего довоен-

ного офицерского состава. При этом пополнение офицерского корпуса на всем протяжении войны происходило очень медленными темпами и недостаточно обученными, неподготовленными и не имевшими боевого опыта кадрами. Так, за период с июля по ноябрь 1916 года с маршевыми ротами Лейб-Гвардии Преображенский полк пополнили всего лишь 5 офицеров[4, Л. 10-79]. Из 42 офицеров боевого состава Лейб-Гвардии Семеновского на октябрь 1916 года всего около 30 % состояло в списках на начало войны[10, Л. 485]. Тем не менее, данные о составе Лейб-Гвардии Преображенского полка за 1917 год свидетельствуют о том, что офицерский корпус почти полностью восстановил свои силы: 66 офицеров (более 90 %) командного состава полка прошли эту войну от начала до конца [9, Л. 1-2 об.]. Однако революционные события внутри страны кардинально изменили ход исторических событий, уничтожили российскую монархию, а вместе с ней и императорскую гвардию с ее многовековой славой, обычаями и традициями. Вновь избранный состав Гвардии Преображенского полка 7 декабря 1917 года на 5 % состоял из офицеров «старого» гвардейского корпуса[8].

Анализ полученных данных позволяет прийти к выводу о непосредственной связи событий на фронте с тенденциями в состоянии офицерского корпуса императорской гвардии. Если 1914 год был временем патриотического подъема, воодушевления и иллюзии скорой победы, то 1915-1916 годы в полной мере доказали неготовность к «новой» войне русской военной системы, что наглядно отразилось на статистических данных лучших полков императорской гвардии. Однако цифры за 1917 год показывают, что несмотря на все обстоятельства войны, огромные потери, катастрофическую нехватку боеприпасов и ошибки командования, оба полка «Петровской бригады» до последних дней войны сохраняли свою боевую готовность и были в состоянии вести борьбу до победного конца.

Библиографический список

1. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1993. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981, №4. Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне //Вопросы истории, 2000, № 9. Чапкевич Е. И. Русская гвардия в Февральской революции // Вопросы истории, 2002, №9. Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел: Издатель А. Воробьев. 2005г.
2. *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел: 2000; его же: Сталин и его маршал. М.: 2004; его же: Сталин и заговор генералов. М.: 2004; его же: Военная элита 20 - 30-х годов XX века. М.: 2005.
3. РГВИА. Ф. 2177. Оп. 7. Д. 1592.
4. РГВИА. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 152.
5. РГВИА. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 229.
6. РГВИА. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 230.
7. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1287.
8. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1290.
9. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1314.
10. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2847.

V.M. PERELIGIN

THE OFFICER CORPS «PETER'S BRIGADE» IN 1914-1917

This article analyzes the quantitative and socio-cultural structure, financial status, educational level, ethnic and religious composition of the officer corps of Life Guards Preobrazhensky and Semenovsky regiment on the eve of World War II. On the statistical data discussed aspects of the rotation and the fate of the officer corps for military action after the October Revolution of 1917. To write this article was used only materials of the Russian State Military Historical Archive (RSMHA)

Key words: ***officer, Guard, Preobrazhensky regiment, Semenovsky regiment, The First World War.***

И.В. ПРОВАЛЕНКОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: i-provalenkova@ramblerru
Тел. 8 953 610 21 71

ОСЕДАНИЕ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ НА «ОРЛОВСКОЙ УКРАИНЕ» РОССИИ В XVII в.

В статье на основе привлечения широкого пласта исторических источников, в том числе неопубликованных архивных документов, исследуется вопрос о времени появления дворянства польского происхождения на территории Орловской губернии. Особое внимание уделяется представителям дворянского рода Тухачевских.

Ключевые слова: ***дворянство польского происхождения, Орловщина, этномиграционный процесс, XVII в., дворянский род Тухачевских.***

Вопрос о времени появления дворянства польского происхождения на территории Орловской губернии важен при изучении этнокультурных процессов, происходивших на ее территории в XVII –XX вв. в целом.

Материалы исторических источников позволили установить, что начало этого процесса относится ко второй половине XVI – XVII вв. [1]. В данной статье приводятся результаты исследования архивных документов, подтверждающих данный вывод.

Первые представители русского дворянства польского происхождения появились на территории будущей Орловской губернии уже во второй половине XVI в. Одна из самых ранних такого рода фамилий – Цуриковы [2].

В XVII веке на территории Орловщины появляются представители рода Модзалевских. В 1611 г. в городе Мценске служил Иван Мозолевский [3]. Он принадлежал к дворянскому роду литовского происхождения Модзалевских, известному в Польше уже в XVI в. [4] В соответствии со старинными родословными и гербовниками, Мозалевские, а первоначально – Модзалевские или Модзелевские – это дворянский род герба «Бойча» или «Модзеле», восходящий к XV в. Одна ветвь этого рода во второй половине XVII в. переселилась в Малороссию [5]. Еще одна оказалась в Смоленском регионе [6]. К началу XX в. представители этого рода были зафиксированы в дворянских родословных книгах Гродненской, Волынской, Киевской, Минской, Санкт-Петербургской губерний и Царства Польского.

Упомянутый И. Мозолевский, скорее всего, был из той ветви Модзалевских, которые к XVII в. числились в составе так называемой «смоленской шляхты». В составе Первого Московского выборного Государева полка солдатского строя А.А. Шепелева, неоднократно несшего службу в Севске и Брянске, в 1661–1665 гг. фигурирует выезжий из Речи Посполитой еще один представитель этой фамилии – флейтист Иван Мозалевский (Мазалевский) [7]. В 1660 г. в том же полку служил сержант Владимир Кириллович Мозалевский [8]. В 1661 г. прапорщик Прокофий Афанасьевич Мозалевский находился в составе Второго Московского выборного Дворцового полка солдатского строя, также несшего службу в Севске и Брянске [9]. Мозолевские (Модзалевские) прослеживаются на территории Орловской губернии по архивным документам областного архива в XVIII – начале XX вв. [10].

Следующий дворянский род польского происхождения, представители которого осели на «орловской украине» России в XVII в., – Тухачевские (хотя официально и традиционно Тухачевские относятся к старинному русскому дворянству, есть основания говорить о польском происхождении их рода).

В соответствии с официально признанной родословной в 6-й части Дворянской родословной книги дворян Московской губернии, Тухачевские происходили от графа Индриса [11], «приписанного в Чернигове в княжестве великого князя Мстислава Владимировича, из цесарской семьи. Там (Индрис) крестился, приняв имя Константина. У Константина сын Харитон. Внуки Индриса: Андреян, Осип, Иван, Карп. Андреян и Карп приехали в Москву. От Андреяна и Карпа пошли роды» [12].

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи» о происхождении Тухачевских написано: «Родоначальник фамилии Тухачевских Индрис, а по крещении названный Константином, выехал к Великому Князю Мстиславу Владимировичу в Чернигов из Цесарской земли. Происшедшие от сего Индриса Богдан и Тимофей Григорьевы дети, от Великого Князя Василия Васильевича, пожалованы вотчинами и селом Тухачевским, и потому Великий Князь прозвал их Тухачевскими» [13]. Впрочем, офици-

© И.В. Проваленкова

альные документы, подтверждающие эти факты, отсутствуют. Во-первых, в великокняжеских «духовных грамотах» (завещаниях) XIV и XVI вв. упоминается «Тухачева волость», «Тухачев стан» [14], но села Тухачевского нет. Во-вторых, упомянутая «Тухачева волость», начиная с 1327 по 1536 гг. принадлежала представителям великокняжеского семейства [15], а не Тухачевским. Следовательно, они могли получить ее не ранее 1536 г. В-третьих, в документах XVII – XVIII вв., весьма подробно свидетельствующих о всех «вотчинах», «поместьях» и «дачах», полученных Тухачевскими от русских царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, нет и намека на то, что у них были когда-либо земельные владения в Московском уезде, в Тухачеве. Хронология всех земельных владений Тухачевских, полученных ими от «царей и великих князей Московских», начинается с 1625 г.

Доводом, правда, косвенного характера, в пользу польского происхождения Тухачевских является их принадлежность к древнему польскому гербу «Гриф, Свобода» [16], а также к четвертой разновидности герба Гедиминовичей «Погонь» [17]. Другим косвенным доводом могут служить имена отцов Тухачевских, получивших от царя Михаила Федоровича поместья на территории Орловской губернии в 1625-1628 гг.: Евстафий (Евстахий, русифицированные Остафий, Остап) [18] и Игнатий (Игнац, Игнаци) [19]. Они характерны и свойственны для традиционного «польско-католического» именослова. В перечне имен русских служилых людей и дворян в XVII в. эти имена встречаются, но весьма редко [20]. Примечательно также и то, что в сохранившейся родословной версии Даниловых, 1771 г., выводивших себя от Индриса, у его сыновей были языческие имена Литвинус и Земодент, указывающие явно на их литовское происхождение из Земгалии [21].

Следует обратить внимание и на разночтения фамилии в XVII в.: Тухачевские, Тухочевские, Тукачевские, Тухачевы, Тухачи [22]. Часто фамилии представителей «смоленской шляхты» из старых дворянских родов, скорее всего русского происхождения, но полонизированных, имели как бы два варианта – «русский» и «польский», а то и двойной характер. Примером тому могут служить: Азанчеевы-Азанчевские, Потемкины-Потемковские, Тимашевы-Тимашевские, а также Тухачевы-Тухачевские или Тухачи-Тухачевские [23]. Даже если Тухачевские и не принадлежали изначально к польскому или литовскому дворянству, то к началу XVII в., находясь в составе так называемой «смоленской шляхты» [24], видимо, подверглись заметной «полонизации». В этом смысле есть основания считать их также представителями «польского» дворянства, перешедшего на службу к великим князьям и царям московским, принявшими православие, и обрусевшими, во всяком случае, в первой четверти XVII в. [25].

К началу XVII в. в России жили и владели поместьями, пожалованными за службу, представители двух ветвей рода Тухачевских, которые разделились, судя по архивным данным, еще в 8-м колене от «Индриса» [26]. Одна из ветвей в лице сына боярского Якова Остафьевича (Евстафьевича, Остаповича) Тухачевского (фигурирует в документах 1613-1639 гг.) получила при царе Михаиле Федоровиче в 1625 г. многочисленные поместья и вотчины в Кинешемском, Костромском и Кромском уездах [27]. Эта ветвь пресеклась к 1736 г. после смерти Гаврилы Осиповича Тухачевского и его сына Андрея Гавриловича [27]. Все земельные владения, которые за ними остались к этому времени, унаследовали представители другой и отныне единственной ветви Тухачевских (к которой и принадлежал маршал Тухачевский) [27].

Представитель этой ветви Игнатий Тухачевский погиб 28 августа 1632 г. во время русско-польской, так называемой «Смоленской» войны, будучи воеводой в Рославле в составе русских войск боярина М. Б. Шеина [28]. Его сын, Григорий Игнатьевич Тухачевский (ум. ок. 1672 г.) начал также служить царю Михаилу Федоровичу «по Брянску», получив для службы поместья и вотчины в Брянском уезде в 1628 г. [29] Г.И. Тухачевский оставил наследниками трех сыновей – Ивана Большого Тухачевского, Ивана Меньшого Тухачевского и Михаила Тухачевского – эти поместья в Брянском уезде были переданы указанным его сыновьям еще в 1648 и в 1658 гг. [30].

Иван Большой Тухачевский (ум. 1683) в качестве стряпчего упоминается в походах царя Алексея Михайловича в 1654, 1664 гг. За службы свои И.Г. Тухачевский в 1660 г. получил от царя Алексея Михайловича в вотчину также поместье «в сельце Зимницах 55 четвертей. В пустоши Овечной 5 четвертей, 7 четвериков. В пустоши Тереховской 5 четвертей, 6 четвериков» [30]. Всего – 65 четвертей и 13 четвериков. В целом площадь его собственных владений, по сравнению с владениями братьев, в 1660 г. значительно возросла и составила 215 четвертей и 46 четвериков. В 1666 г. он продал свою вотчину в Зимницах за 300 рублей [30], а к 1681 и 1682 гг. в указанной выше трети И.Г. Тухачевского было 100 десятин пахотной земли и 31 крестьянский двор [30]. Можно предполагать, что в целом во всех поместьях, пожалованных к 1628 г. Г.И. Тухачевскому, было примерно 300 десятин

пахотной земли и ок. 100 крестьянских дворов в деревнях. Тухачевские жили и сохраняли свои поместья на территории Орловской губернии до конца XIX в.

Ко второй половине XVIII в. осталась лишь одна генеалогическая ветвь потомков ранее упомянутого Григория Игнатьевича Тухачевского, получившего поместья «по Брянску» в 1628 г., – наследники Петра Петровича Тухачевского, внука Ивана Григорьевича Большого Тухачевского. Одна из них, происходившая от Федора Петровича Тухачевского, закрепилась в Костромском и Кинешемском уездах. Другая, от его брата Семена Петровича Тухачевского, к которой принадлежал маршал Тухачевский, оставалась в Орловской губернии. 5 марта 1770 г., после смерти Михаила Александровича Тухачевского (правнука Ивана Григорьевича Большого Тухачевского), умершего бездетным, все владения в Орловской губернии, принадлежавшие ему, перешли к Сергею Семеновичу Тухачевскому [31].

В целом, в XVII-XVIII вв. Тухачевские владели: в Брянском уезде (с 1778 г. Орловской губернии) в Поцинской волости сельцом Долгое с деревнями: селищем (деревней) Должанской, деревней Земляницы, Горностаевой Володиной пустошью, пустошью Высокое, Новоселков Коняевой пустошью, деревней Жабово, пустошью Заустье, сельцом Зимницы, пустошью Овечная (деревня Овечкино в XVIII в.), пустошью Тереховская, Палестинской Дубравой, слободкой Жеребье, деревней Сельце, сельцом Федоровское, деревней Салынь, селом Березовичи, сельцом Мошенце.

В Дмитровском уезде (с 1782 г, с преобразованием села Дмитровского в город) Орловской губернии находилось село Морозово, принадлежавшее до 1736 г. потомкам Якова Остафьевича Тухачевского, другой ветви Тухачевских. После смерти последних представителей этой ветви Гаврилы Осиповича Тухачевского и его сына Андрея (в 1736) эти поместья унаследовали потомки Григория Игнатьевича Тухачевского.

В Кромском уезде они также унаследовали поместья Гаврилы Осиповича Тухачевского и его сына Андрея: Хорухин стан, деревню Дединово (Дедилово), пустошь Веренки.

Надворный советник Сергей Семенович Тухачевский в 1770 г. имел в Брянском уезде Орловской губернии в сельце Долгом 8 четвертей, в селе Федоровском – 12 четвертей, в селе Березовичах и деревне Салыни – 7 четвертей без полуосьмины [32]. Всего, таким образом, у него было 27 четвертей без полуосьмины. Это были остатки былых достаточно больших земельных владений Тухачевских в Брянском уезде Орловской губернии (в ближайшем будущем). К этому времени из всего рода Тухачевских оставались в качестве единственных наследников указанный Сергей Семенович Тухачевский, его родной дядька Федор Петрович Тухачевский (в Кинешемском и Костромском уездах) и племянница последнего (дочь брата Михаила Тухачевского) [33]. Эта ситуация сохранялась до 1782 г. [34]. Тухачевские продолжали владеть частью ранее перечисленных земель в Орловской губернии и в 1799 г., и в 1802 г. [35]. Однако, в начале XIX в. Сергей Семенович Тухачевский утратил владения в Орловской губернии, главным образом из-за собственных личных качеств.

Надворный советник Сергей Семенович Тухачевский был женат на Елизавете Петровне Лебедевой [36]. «…У матери моей была сестра Елисавета Петровна Тухачевская, несколькими годами ее старее, – вспоминал Ф.Ф. Вигель, – которой имение, равно как и собственное, умел промотать в уездном городе Ломов [37] муж ее, Сергей Семенович. Во вдовстве и в бедности, спокойно и весело доживала она век у меньшой сестры, матери моей» [38]. Ее старший сын Николай Сергеевич Тухачевский (1764-1832) первоначально сделал неплохую карьеру, стал архангелогородским вице-губернатором, а в 1824 г. – тульским губернатором. Он был женат на дочери орловского помещика Надежде Александровне Киреевской. В ГАОО сохранилось «Свидетельство о браке Николая Тухачевского с Надеждой Александровной Киреевской от 5 ноября 1807 года. При регистрации брака конной гвардии подпоручика Николая Тухачевского с поручиковой дочерью Надеждой Александровной присутствовали свидетели: оной же округи деревни Машкевки князь Василий Кукучиев, деревни Волчково помещик Алексей Теплов. …Их дети: Александр – 14 лет; Николай – 11 лет; Елизавета – 15 лет» [39].

Сыновья Н.С. Тухачевского – Александр Николаевич Тухачевский (1792-1831) и Николай Николаевич Тухачевский (1796-1870) служили в императорской гвардии: старший с 1811 г. в л-г. Семеновском полку, младший – в л-г. Кавалергардском, а затем с 1817 г. – также в л-г. Семеновском. Старший из указанных братьев (прадед маршала Тухачевского), погибший в 1831 г. во время «польского похода» фельдмаршала Паскевича, был женат на сестре своего однополчанина небезызвестного И.П. Липранди [40].

«…Заметить должно, – пишет Ф.Ф. Вигель, – что с самого начала этого царствования (т.е. царствования Николая I) строго принялись за губернаторов и одного после другого спешили удалить, как бы с тем, чтобы истребить память незабвен-

ного брата, их определившего (т.е. Александра I). Особенно сей участи подверглись все те, кои были покровительствуемы Аракчеевым; всех называть не буду, а укажу только на Жеребцова в Новгороде и на Тухачевского в Туле. Им наследовали люди решительно хуже их и долго не оставались на местах» [41]. Таким образом, в 1826 г. Н.С. Тухачевский лишился должности тульского губернатора и спустя шесть лет, в 1832 г., умер.

В трех верстах от Тулы, по Московской дороге у Н.С. Тухачевского было имение в селе Архангельском. Однако после его смерти Тухачевские вновь возвратились в Орловскую губернию. Произошло это при следующих обстоятельствах. «Селеньице Архангельское, – как вспоминал Ф.Ф. Вигель, – из 150 душ состоящее, в версте от большой дороги и в трех от Тулы, при больших долгах было тогда, как и прежде, единственным достоянием супругов Тухачевских. А все в нем было на барскую руку: огромный двухэтажный дом с большими флигелями, довольно богатая по тогдашнему времени отделка его и сад, идущий вниз по горе до широкого пруда. Но в нем с двухлетнего возраста воспитывался Киреевский, владелец пяти тысяч душ, коего Тухачевский был опекуном; следственно, насчет первого все это и было сооружаемо. Говорили, что прежде гремел тут оркестр из крепостных людей и живало несколько разного рода иностранцев и шутов. Недовольный своим опекуном, Киреевский однако нежно любил тетку, жену его. Дабы в будущем обеспечить ее содержание, он взял себе Архангельское, требующее издержек, а взамен принял на себя все долги семейства и дал ей имение в Орловской губернии с равным числом душ, но приносящее большой доход» [42].

Несколько позднее, в середине XIX в., поселился в Орловской губернии и младший сын Н.С. Тухачевского, отставной генерал-майор Николай Николаевич Тухачевский (1796-1870). В «Биографиях кавалергардов» сохранилась весьма подробная биографическая справка на Н.Н. Тухачевского с некоторыми штрихами, характеризующими его личность [43]. Современник оставил свидетельство о незаурядных внешних данных этого человека [44].

Н.Н. Тухачевский был дважды женат; 2-м браком на девице Федосье Егоровне Сердобинской, от которой имел дочь Надежду (р. 7 февраля 1839 года) и сына Николая (р. 21 марта 1841 г.) [45].

Как о том свидетельствует запись в протоколе заседания Орловского дворянского депутатского собрания от 11 апреля 1849 г., Н.Н. Тухачевский «вошел с прошением в Депутатское собрание с причислением его к сословию дворянства губернии и выдаче грамоты дворянства. В доказательство прав на потомственное дворянство Тухачевский представил указ об отставке 31 января 1848 г. № 251 за подписанием исправляющего должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-лейтетанта Федорова» [46]. В протоколе было также записано: «Тухачевский, генерал-майор Николай Николаевич. В отставке жительствует в Дмитровском уезде. Женат, имеет сына Владимира. Николай Николаевич Тухачевский происходит из дворян. В службу вступил из камер-пажей корнетом 1815 г. и проходил оную по порядку чинов и произведен в генерал-майоры в 1831 г. и пожалован кавалером разных орденов и в 1847 г. от службы уволен» [47]. Депутатское собрание сочло достаточными приведенные сведения [48]. Спустя почти 10 лет, 19 августа 1858 г. к орловскому дворянству был причислен сын генерал-майора Тухачевского – Владимир [49].

Далее были изложены сведения о наличии недвижимости у отставного генерал-майора Тухачевского и указано, что «в семейном списке Генерал Тухачевский показал, что за ним состоит недвижимого имения в Дмитровском уезде 200 душ» [50]. В Дмитровском уезде Н.Н. Тухачевский появился на постоянном жительстве в 1850 г. после покупки имения в селе Работьково, проданного ему его двоюродным братом и сослуживцем по Кавалергардскому полку Николаем Васильевичем Киреевским. Об этом публично сообщалось в № 2 «Орловских губернских новостей» за 1850 г. [51].

В 1870 г. генерал-майор Н.Н. Тухачевский умер. К этому же времени умерла и его мать, также (как было сказано выше) владевшая имением в Орловской губернии. После смерти генерал-майора Н.Н. Тухачевского его имение в селе Работьково Дмитровского уезда Орловской области еще в течение нескольких лет находилось во владении его сына, упомянутого ранее Владимира Николаевича Тухачевского. В № 66 «Орловских губернских ведомостей» за 1878 г. сообщалось о «Публичной продаже имения отставного гвардии корнета Владимира Николаевича Тухачевского (749 десятин) Дмитровского уезда при с. Работькове на удовлетворение претензии штабс-капитана Клавдия Петровича Васильева по закладной в 16 000 руб. Оценено в 47 000 руб.» [52]. Однако, по каким-то причинам продажа не состоялась и вторично, как сообщали «Орловские губернские ведомости» в № 59 за 1881 г., был объявлен «публичный торг имения гвардии корнета Владимира Николаевича Тухачевского Дмитровского уезда при с. Работькове (749 десятин) с домом, с 2 мукомольнями и др. постройками. Состоит в залоге в д. взаим. подачи кредита в сумме 33000 руб. и у взыскателей Шишкина и

Плотникова в 13688 руб.; оценено в 75 000 руб.» [53].

На территории будущей Орловской губернии в конце XVII в. появились также представители старинного русского дворянского рода Брусиловых, к которому принадлежал известный русский военачальник генерал от инфантерии А.А. Брусилов (1853-1926). Брусиловы являлись полонизированным родом малороссийского происхождения, уже заметно обрусевшим ко времени появления его представителей на территории Орловщины [54].

Род орловских дворян-помещиков Одинцовых, представители которого появились на территории будущей Орловской губернии в первой трети XVII в., также восходил к польским выходцам. За Харитоном Григорьевичем Одинцовым по писцовым книгам Новосильского уезда 7136 (1628), 7134 (1626) писано поместье в д. Михалевой 140 четвертей. Оставлено в наследство сыну Семену Одинцову. Затем в 7172 (1664) оно отписано жене Марии Семеновне и детям, в том числе Симону Семеновичу Одинцову (ум. 1721). В 1721 г. поместье после смерти Симона Семеновича справлено за большим сыном Степаном Одинцовым. Прапорщик Степан Одинцов владел крестьянами по ревизии 1782 г. в д. Михалевой. Его дети – Григорий, Александр, Борис, Степан, Иван. Иван, Григорий, Александр, Степан уступили имение родному брату канцеляристу Борису Степановичу Одинцову. Его сын – коллежский секретарь Алексей Борисович Одинцов. Алексей Борисович Одинцов служил делопроизводителем в Орловской палате государственных имуществ [55].

Что касается происхождения этой фамилии, то известно о существовании нескольких дворянских родов Одинцовых. Один из них, происходящий от киевского выходца Андрея Ивановича Одинца, бывшего боярином Дмитрия Донского, внесен в VI часть родословной книги Вологодской губернии (Общий Гербовник, 2-я часть). Другой род Одинцовых восходит к первой половине XVII в. и внесен в VI и II части родословных книг Рязанской и Тверской губерний. Есть еще один род Одинцовых, восходящий ко 2-й половине XVII в., и несколько родов позднейшего происхождения [56]. Однако следует иметь в виду, что Одинцовы принадлежали к старинному польскому гербу «Одынец» [57].

Процесс появления и оседания дворян польского происхождения на территории Орловской губернии в XVII вв. приобретает характер этнокультурного явления, хотя число их было невелико. В большинстве своем они оказывались здесь по служебной необходимости. Осели и проживали в последующем до конца XIX или до начала XX в. на территории будущей губернии всего 16 фамилий (с учетом установленных ранее – Балицкие, Барановские, Брусиловы, Вадковские, Вербицкие, Вишневские, Домановские, Иваницкие, Козловские, Крушинские, Мозалевские, Одинцовы, Роговские, Тимашевские, Тухачевские, Цуриковы).

Библиографический список

1. *Проваленкова И.В.* «Служилые поляки» на территории Орловщины в XVII в. // Рюрик /Исторические статьи и публикации. Выпуск 8/ Орел, 2008. С. 80-90; Проваленкова И.В. Представители «Смоленской шляхты» на территории Орловской губернии в XVII-начале XX вв.//Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Орел, 2008. № 1 (31). С. 55-63.
2. *Проваленкова И.В.* «Служилые поляки» на территории Орловщины в XVII в. // Рюрик /Исторические статьи и публикации. Выпуск 8/ Орел, 2008. С. 88-89.
3. *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 201.
4. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Фамилии, существовавшие в Польше и Литве прежде 1600 г.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 19а. С. 586.
6. Список осажденных царем Алексеем Михайловичем в Смоленске в 1654 году //Орловский И.И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905. С. 50.
7. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. М., 2006. С. 222-223, 379, 386.
8. Там же, с. 439.
9. Там же, с. 479.
10. ГАОО. Ф. 68. Д. 52. Л. 33-35, 81, 82; Д. 55. Л. 61-63; Д. 64. Л. 199; Д. 69. Л. 8. А также см. подробнее Проваленкова И.В. Выходцы «смоленской шляхты» в составе орловского дворянства// Теоретические и практические аспекты научно-исследовательской деятельности ученых ОГУ: Сборник статей преподавателей Орловского государственного университета. Часть 1. Орел, 2009 г. С. 95-107.
11. По одной версии, Индрис был литовским воином, жившим в XIV в. По другой – он был воином немецким,

тоже жившим в XIV в. Однако третья версия, хотя и наименее правдоподобная, принимавшаяся в качестве официальной, указывала на более древние и более благородные корни этого рода.Согласно этой версии, граф Индрис являлся сыном графа Фландрского Бодуэна (Балдуина) IX (погибшего в 1205 г.), одного из главных предводителей 4-го крестового похода (1202-1204), ставшего первым императором Латинской империи, образовавшейся на территории распавшейся Византийской империи. В сражении с болгарским царем в 1205 г. Бодуэн IX то ли погиб, то ли попал в плен и там умер. Во всяком случае, судьба его для современников оказалась не совсем ясной. Один из его сыновей, молодой граф Индрис, женившись на турчанке, после смерти отца появился в Одессе, тогда входившей в состав Латинской империи (бывшей Византийской), а затем перебрался на Русь и ок. 1251 г. появился в Чернигове. (См. Иконников Н. Дворянство России. Париж, 1962).

12. РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

13. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. Часть седьмая. М., 2007. Л. 10 (оборот). (Репринт).

14. Духовная грамота Ивана Калиты (осень 1327 г.) //Памятники русского права. Выпуск третий. М., 1955. С. 254; Духовная грамота Великого князя Ивана III Васильевича (1504 г. март – июня 16) //Там же, с. 300.

15. Там же. Согласно своей «духовной грамоте», Иван III, вместе с другими землями, передавал и волость Тухачев своему сыну Юрию Ивановичу, который умер в 1536 г.

16. Общий Гербовник… Часть 7. Л. 10-10 оборот. Родоначальником фамилий герба «Гриф, Свобода» считают Яксу, сына Лешка III, жившего в X столетии и получившего в удел Сербию.

17. «Выходящая из облак в латах рука в мечом». Там же, с. 285-286. Как правило, эту разновидность герба «Погонь» разрешалось помещать на гербах «в знак храбрости и отваги».

18. К примеру из 1235 русских людей, преимущественно солдат, драгун, рейтар, встречающихся в следственных документах по «Медному бунту» 1662 г. в Москве, лишь 4 имели имя Евстафий, при этом лишь один из них назван Остафием, остальные фигурируют под именем «Осташа». – (См.: Восстание 1662 г. в Москве. Сборник документов. М., 1964. С. 278-302). Из 1400 персоналий, преимущественно офицеров и солдат «московских выборных полков», а также других полков «иноземного строя» 50 – 70-х гг. XVII в., лишь 2 носят имя Евстафий. Оба принадлежат к литовцам. (См.: Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656 – 1671 гг. М., 2006. С. 578 – 606).

19. Из 1235 персоналий, встречающихся в следственных материалах по «Медному бунту» 1662 г., лишь 6 носят имя Игнатий. Из 1400 персоналий офицеров и солдат «московских выборных полков» и других «полков иноземного строя» в 50 – 60-е гг. XVII в., лишь 3 носят имя Игнатий. (См.: ссылку в предшествующей сноске).

20. Восстание 1662 г. в Москве. Сборник документов. М., 1964. С. 278-302. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656 – 1671 гг. М., 2006. С. 556-606.

21. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762). // Безвременные и временщики. Л., 1991. С. 284.

22. См. Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 327. Некоторые исследователи выводят этимологию фамилии «Тухачевские» из тюркского слова «ТУХАЧИ», т.е. «знаменосец». Учитывая, что Тухачев существовал уже в первой трети XIV в., задолго до появления фамилии Тухачевских, это тюркское слово лежит в основе названия населенного пункта «Тухачев», сама же фамилия Тухачевских, в свою очередь, была производной от этого названия, т.е. от названия населенного пункта, который был дан им в вотчину. Тухачева волость, или Тухачев, видимо, первоначально принадлежала какому-то татарскому «тухачи», т.е. «знаменосцу» в XIII- начале XIV вв., как «Тухачева волость», т.е. «владение Тухачи». Вполне возможно, что родоначальник Тухачевских сам являлся неким «тухачи», т.е. «знаменосцем»: это могло быть его прозвище по должности или он в самом деле был татарским «тухачи». Дети его, приняв православие, стали именоваться «Тухачевыми детьми» или «Тухачевыми». Такой вариант фамилии Тухачевских встречается во второй половине XVI в. Среди смоленских детей боярских числился в 1582 г. Афанасий Федорович Тухачев. Пребывание в полонизированной русско-польско-литовской среде «смоленской шляхты» могло привести к изменению фамилии Тухачев на ее полонизированную форму – «Тухачевские». В таком случае можно полагать, что родоначальник Тухачевских принадлежал к так называемым «литовским татарам», каковые также составляли определенную часть «смоленской шляхты». Аналогичную вариативность получила еще одна фамилия представителей этой «литовско-татарской» части «смоленской шляхты» – Азанчеевых-Азанчевских. Эта фамилия тоже имеет татарский корень: «Азан» – у мусульман призыв на молитву с минарета, а «азанчи» – тот, кто этот призыв осуществляет. Позднее среди представителей этого дворянского рода бытовали три варианта фамилии: Азанчеевы, Азанчевские и Азанчеевы-Азанчевские. Впрочем, возможна и иная этимология фамилии Тухачевских. В XVII в. она произносилась и писалась также в варианте «Тукачевские». Тогда в основе ее могло быть слово финно-угорского происхождения «тукач», что означает «сноп,

связка, охапка соломы или льна». Но, возможно, слово «тукач» происходит от общеславянского «тук» – «жир, сало». - Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 10; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. 4. С. 116.

23. В Орловской губернии встречается приезжий польский дворянский род Сохачевских, происходивших из старинного польского г. Сохачева на территории Варшавской губернии. По звучанию и этимологии эта фамилия сходна с фамилией Тухачевских. Впрочем, никаких документальных указаний на существование в Польше дворянской фамилии Тухачевских не имеется.

24. Проваленкова И.В. Представители «Смоленской шляхты» на территории Орловской губернии в XVII-начале XX вв.//Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Орел, 2008. № 1 (31). С. 55-63.

25. Для сравнения обращает на себя внимание тот факт, что другая известная «смоленская фамилия» Потемкиных, выводившая себя от польского шляхтича Потемковского (XVI в.), так же, как и Тухачевские, принадлежала к 4-му варианту герба «Погоня». Этот дворянский род, в польском происхождении которого у исследователей имеются серьезные сомнения, тем не менее, тоже был в XVI – XVII вв. сильно «полонизирован».

26. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 66. Орловская палата гражданского суда. Книга Учета купчих крепостей и заемных писем на имения и крестьян. Л. 11.

27. Там же. Л. 5. См. также: Минаков С.Т. Поместья дворян Тухачевских в Орловской губернии //Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 157 – 165.

28. Горчаков О. Если б мы не любили так нежно. М., 1994. С. 409, 501.

29. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 327.

30. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

31. Отец тульского губернатора Николая Сергеевича Тухачевского, сыновьями которого и были генерал-майор Николай Николаевич Тухачевский и его старший брат капитан л-г. Семеновского полка Александр Николаевич Тухачевский родной прадед маршала.

32. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 6.

33. Там же. Л. 9.

34. Там же. Л. 1.

35. Там же Л. 6.

36. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. С. 593-594.

37. В Пензенской губернии.

38. Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 752.

39. РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 40. Л. 3. Указанные дети: Александр Николаевич Тухачевский (1792-1831), прадед маршала; Николай Николаевич Тухачевский (1796-1870), генерал-майор; Елизавета Николаевна Тухачевская (1791-18), в замужестве Кусова.

40. Там же. С. 1235.

41. Там же, с. 1321.

42. «Николай Николаевич Тухачевский, из тульских дворян, был выпущен вместе с двоюродным братом своим, Киреевским, из камер-пажей 31 мая 1815 г. корнетом в Кавалергардский полк, – сообщается в «Биографии кавалергардов», – в 1816 г. произведен в поручики, а 19 июня 1817 г. переведен в Семеновский полк, с назначением бригадным, а в 1819 г. дивизионным адъютантом к генерал-адъютанту Потемкину; в 1819 г. штабс-капитаном, в 1821 г. переведен в л-гв. Московский полк, в 1822 г. капитаном с оставлением адъютантом; 6 апреля 1824 г. произведен полковником, с переводом в Лифляндский конно-егерский (короля Виртембергского) полк; 17 сентября 1827 г. назначен командиром Тверского драгунского полка и 25 июня 1830 г. награжден орденом св. Анны 2 ст. С тверцами Тухачевский сделал польскую кампанию и участвовал в делах: при Козенице (Новавеси, 7 февраля 1831 г.), Высоком (18-го), Курове (19-го) и награжден орденом св. Владимира 3 ст.; при взятии г. Люблина (27 февраля), при Бибине (4 апреля), Вронове (5-го), Казимирове (6-го), при Камиенке (27-го), Любартове (28-го), Ленчно (29-го) и с. Старом Замостье (30-го), при Рационже (11 июля) и за отличия в нем произведен в генерал-майоры, а вслед за тем уволен (12 августа) в отпуск для излечения болезни, с зачислением по кавалерии. Спустя 2,5 года (13 марта 1834 г.), он получил 1 бригаду 7-й кавалерийской дивизии и награжден (30 июня) орд. Св. Станислава 2 ст., но через полгода (30 ноября) сдал бригаду и был зачислен по Министерству Внутренних дел. В 1836 г. был командирован в г. Орел для обревизования действий квартирной комиссии, что и исполнил удовлетворительно к 1838 г. и был назначен членом в военно-судную комиссию над горным инженером г.-м. Шленевым. В этой комиссии он пробыл год, а с 2 июля 1839 г. назначен командиром 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии; в 1844 г. награжден

орд. Св. Станислава 1 ст.; 22 сентября 1845 г. переведен командиром во 2-ю бригаду 1-й Уланской дивизии, а 6 мая 1846 г. назначен наказным атаманом Дунайского казачьего войска, а 8 ноября 1847 г. уволен в отставку за болезнью, с мундиром и пенсионом полного жалования». Сборник биографий кавалергардов. Под редакцией С.А. Панчулидзева. М., 2001. С. 275.

43. «Камер-паж Николай Тухачевский, – писал Оже,– представлял собою самый красивый тип славянина, какой только можно было встретить в Петербурге. Сложением и чертами лица напоминал он древнего Антиноя. Напудренная голова придавала ему еще больше изящества. Его двоюродный брат Киреевский, бывший также пажом, не уступал ему наружностью, хотя черты лица к него были менее правильны. Как у всех русских, музыкальное чувство в них было сильно развито от природы». Записки Оже, Р. Арх., 1877/II, 241. Цит. по кн.:«Сборник биографий кавалергардов». Под редакцией С.А. Панчулидзева. М., 2001. С. 275-276.

44. Сборник биографий кавалергардов. Под редакцией С.А. Панчулидзева. М., 2001. С. 275-276.

45. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 58. Л. 25.

46. Там же. Л. 35.

47. «Акт сей удостоверяет, – было записано в протоколе, – что Н.Н. Тухачевский действительно состоял из дворян и состоял на действительной военной службе в обер- и штаб-офицерских чинах до полковника включительно и в воздаяние лично усердной и ревностной службы, мужества и храбрости, оказанных в сражениях, Всемилостивейше произведен 12 августа 1831 г. произведен в генерал-майоры и пожалован кавалером Ордена Св. Анны 2-й (1830 июня 10) и Св. Станислава 1-й степени (1844 января 24) и, наконец, будучи наказным атаманом Дунайского казачьего войска Высочайшим приказом в день ноября 1847 года. Уволен от службы с пенсионом полного жалования». Там же.

48. «Генерал Тухачевский Николай Николаевич 1849 г. внесен в 3-ю часть родословной книги. В 11 день сего месяца Тухачевский Николай Николаевич вошел в депутатское собрание с прошением о причислении к его роду сына его Владимира и выдаче сыну копии протокола. В доказательство законности рождения его представил метрическое свидетельство Кишиневской духовной консистории от 14 декабря 1847 г. № 6516, которое удостоверяет, что у Тухачевского Николая Николаевича и законной жены его Федосьи Егоровны родился сын Владимир, 1847 г., в феврале. Постановили: Сына Николая Николаевича Тухачевского – Владимира сопричислить к роду отца и записать в 3-й части родословной книги и выдать ему копию с протокола. Сопроводить в дирекцию училищ Орловской губернии, а метрическое свидетельство, после составления с него копии, возвратить Николаю Николаевичу Тухачевскому». ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д.58. Л. 35.

49. Там же.

50. «Гвардии ротмистр Н. Вас. Киреевский, – сообщала газета, – продал генерал-майору Н.Н. Тухачевскому имение Дмитровского уезда в с. Работькове (186 душ) и с. Березовке (16 душ с землей) за 28 500 р.»

51. Орловские губернские ведомости. 1878. № 66.

52. Орловские губернские ведомости. 1881. № 59.

53. См. подробнее. И.В. Проваленкова «Служилые поляки» на территории Орловщины в XVII в. // Рюрик / Исторические статьи и публикации. Выпуск 8/ Орел, 2008. С. 87-88.

54. ГАОО. Ф. 68. ОП. 1. Д. 68.

55. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 21а. С. 739.

56. Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 282-283.

I.V. PROVALENKOVA

THE SETTLING OF THE POLISH NOBILITY IN “ORYOL UKRAINE” OF RUSSIA IN THE 17 CENTURY

In the article the question about the time of the Polish nobility appearance in Oryol province is investigated using a wide layer of historical sources including unpublished archival documents. Special attention is paid to the representatives of the Tukhachevsky family.

Key words: ***nobility of the Polish origin, Oryol province, ethnic migration process, XVII cen., the noble family of Tukhachevsky.***

С.Н. ТОКАРЕВА
кандидат исторических наук, докторант кафедры истории Отечества Курского государственного университета
E-mail:tokareva_sn@mail.ru
Тел. 8 920 266 26 65

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ БРЯНСКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассмотрена организация милиции Брянского уезда в составе Орловской губернии. Раскрыты вопросы штатного распределения городской и уездной милиции, содержания служащих. Проведено сравнение с дореволюционной полицией по вопросам кадрового расчета чинов, денежного довольствия.

Ключевые слова: ***милиция, полиция, органы правопорядка, Брянский уезд, Орловская губерния.***

Брянский уезд оставался административно-территориальной частью Орловской губернии до 1920 г. [2, с. 633]. По воспоминаниям рабочего механического цеха Брянского Арсенала, 28 февраля 1917 г. прошел слух, что в Петрограде свергнут царь, а после утреннего митинга солдаты разоружили полицию [9, с. 23]. Практически одновременно начали создаваться различные органы по охране общественного порядка: гражданская, рабочая милиции, Красная Гвардия, караульные отряды.

Для охраны общественного порядка в марте 1917 г. решением орловского Комитета общественной безопасности города разделялись на участки, восстанавливалась постовая служба. Так, в г. Брянске насчитывалось 40 постов милиции [12, с. 92]. Для стабилизации положения на территории крупных городов Орел, Брянск и Елец и укрепления руководства правоохранительными органами Комитет общественной безопасности 13 июля 1917 г. учредил должность «комиссара по надзору за общей безопасностью города, по охране гражданских свобод, по борьбе с реакционными и контрреволюционными элементами», которую первым занял А.И. Ильинский [12, с. 118–119]. К октябрю 1917 г. порядок в городе обеспечивала 1 часть милиции под руководством А.Ф. Карпач в составе 115 человек, преимущественно из солдат [9, с. 60].

В марте 1917 г. была сформирована рабочая милиция на Брянском заводе в Бежице, чуть позже в других местах. К концу июня этого года в рядах пролетарской милиции насчитывалось более 200 человек [9, с. 26].

28 октября (10 ноября н.ст.) 1917 г. было введено в действие Постановление НКВД «О рабочей милиции». На конец года начальником милиции г. Брянска был Митрофан Николаевич Ненашев, который исполнял обязанности и начальника уголовного розыска, по политической принадлежности значился беспартийным, до и во время Первой мировой войны служил судебным следователем. Председателем комиссии по борьбе с контрреволюцией, комиссаром по гражданским делам и начальником уездной милиции являлся Александр Николаевич Медведев – коммунист, который до и в период войны работал электротехником и чертежником на Брянском заводе [4, л. 129 об.]. С 1-го января 1918 г. милиция в Брянском уезде распалась за неполучением средств на ее содержание [4, л. 109].

Тем не менее, была запланирована схема организации советской милиции Орловской губернии на 1918 г. В каждом уезде назначался заведующий милицией и его помощник, который также ведал канцелярией. На 40000 жителей полагался один районный помощник, и в распоряжение заведующего милицией отводился один помощник на случай замены кого-либо из районных помощников. Число милиционеров определялось по одному на 2000 душ населения обоего пола в уезде, не считая городов и городских поселений, состоящих в ведении городской милиции. В каждой волости полагался один старший – волостной милиционер, остальные младшие. Схема организации и расчет штата милиции в первые годы становления были схожи со структурой дореволюционной полиции. Так, в соответствии с постановлением Совета министров «Об усилении полиции в 50-ти губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов» 1916 г. в уезде приходился один стражник на 2000 человек обоего пола населения [14, № 307].

Все уезды Орловской губернии по организации и содержанию милиции делились на четыре разряда: 1-й разряд – Орловский и Брянский уезды, 2-й разряд – Елецкий, Ливенский и Болховской уезды, 3-й разряд – Карачевский, Севский, Трубчевский, Дмитровский и Мценский, 4-й разряд – Кромской и Малоархангельский [4, л. 84].

Население Брянского уезда по данным стати-

© С.Н. Токарева

стического отдела было около 290500 душ обоего пола. Помещения для управлений милиции и арестные, а равно деньги разъездные для заведующего отделом милиции, районных помощников и старших милиционеров, а также и фуражные последним должны были предоставляться местными властями – исполкомами или советами. В таблице 1 приведены данные о штатном распределении и размерах содержания служащих милиции [4, л. 85].

Всего для уездной милиции Орловской губернии определялось 1622 человека с расходом 4163680 руб. в год [4, л. 90 об.], т.е. в Брянском уезде располагалось бы 11,4% от общего числа служащих с затратами на них в 13,4% от общих.

Схема организации городской милиции в г. Брянске на этот же год выглядела следующим образом. Город с населением до 52000 человек обоего пола разделялся на 2 района, общее число милиционеров определялось по расчету один на 400 человек населения. Такой расчет вводился в действие еще с 1 января 1906 г. постановлением Государственного совета: для городских поселений (как с особым, так и с обыкновенным штатом полиции), где количество жителей превышало 2 тыс. душ обоего пола – число нижних чинов полиции определялось из расчета не более одного городового на 400 человек [13, № 27309]. Во главе управления милицией находился один заведующий отделом, при нем должны были состоять помощник и два помощника заведующих районами. Всего по расчету было необходимо 128 милиционеров, из них 25 старших и 103 младших. Сведения о штате и размерах содержания приведены в таблице 2 [4, л. 91 об.].

В целом по штату городской милиции Орловской губернии насчитывалось 1147 человек (41,4% от общего числа должностей по милиции), на которую предполагался расход в месяц 280255 руб., а в год 3363060 руб. [4, Л. 96 об.] (44,7% от всех расходов по милиции губернии). Милиция г. Брянска составляла 12,6% от общей численности городской милиции в Орловской губернии, с затратами до 14,5% в месяц от сумм на всю городскую полицию. Особенности Брянского уезда – самый крупный в губернии с достаточно большим количеством населения, заводской промышленностью – потребовали введения большего числа старших должностей с большим окладом содержания.

Сравним содержание чинов дореволюционной полиции [1, с. 275–276] и служащих милиции. По закону от 23 октября 1916 г., устанавливалось для уездного исправника 3400–3200 руб. в год[1], его помощнику 2400–2300 руб. (заведующему отделом милиции и его помощнику на 1918 г. определялось по 7500 руб.), становому приставу 2100–2000 руб. (районному помощнику – 7200 руб.). В городской полиции устанавливалось полицмейстеру 3500–3000 руб. (заведующему отделом милиции 7500 руб.), его помощнику 2500–2200 руб. (помощнику заведующего отделом 6000 руб.), приставу 2100–1800 руб. (районному помощнику 6000 руб.). Отметим, что в милиции помощникам заведующего отделом и районным помощникам в уездах содержание назначалось выше, чем для тех же должностей в городах, в дореволюционной же полиции, наоборот, в городах оклады устанавливались больше.

Казалось бы, за два года произошло значительное (двух-, трехкратное) увеличение содержания для аналогичных должностей. Особенно поднималась оплата труда низших служащих: пеший городовой городской полиции в год получал 450–400 руб., а милиционерам назначалось 3600–3000 руб., т.е. больше в 7,5–8 раз. Однако необходимо учесть ситуацию того времени, уровень жизни, дороговизну цен, стоимость проживания, наличие в обороте денег различных «правительств», а также реальную возможность выплаты милиционерам назначенных сумм. В этот период стоимость продуктов питания интенсивно росла. Так, например, твердые цены на рожь в сентябре–октябре 1916 г. для большинства губерний производящей полосы были 1 руб. 40 к.–1 руб. 65 к.; в августе 1917 г. – 4 руб. 80 к.–5 руб.; в августе 1918 г. – в 14 руб. 50 к.–16 руб. [11]. Это установленные правительством цены, по которым отчуждались продукты у крестьян, но они не отражали действительной рыночной стоимости товаров. Задержка или невыплата запланированной зарплаты приводила к частой смене кадров, и даже целые управления переставали функционировать.

В рапорте руководителя уголовно-розыскного отделения г. Брянска 1918 г. начальнику милиции отмечается, что со времени организации в городе уголовного розыска его деятельность, даже если не достигла необходимой высоты, то приносит немалую пользу. Чинами уголовного розыска было раскрыто много крупных краж и несколько грабежей. Усиленно и успешно велась работа в направлении предупреждения преступности. Однако «теперь же когда власть в городе стала почти не единой и когда чины розыска не только не имеют должной поддержки, а наоборот, почти всюду встречают препятствия, благодаря чему лишены всякой возможности хотя бы с какой-либо пользой выполнять свои обязанности» [3, л. 45], начальник уголовного розыска просит ходатайства перед Городской думой

1 Данные за 1916 г. распределялись на Тамбовскую губернию в соответствии с новым штатом. Первая сумма относится к полицейским структурам третьего разряда в губернских городах, а вторая – к четвёртому в уездных.

и подлежащими властями «об улучшении быта чинов розыска, предоставив им право, во-первых – вооружения, каковое бы у лиц, состоящих на службе не могло быть отбираемо или конфисковано и, во-вторых, снабдить всех удостоверительными знаками, по предъявлению которых чин розыска мог бы рассчитывать /если ему понадобиться/ на получение содействия и помощи от лиц, организаций и власти, и даже создать как бы объединительный контакт борьбы с преступностью» [3, л. 45]. Для пресечения преступности признавалось полезным устраивать совместные обходы и облавы. Предлагалось применять выдворение за пределы города и выработать другие меры для неместных лиц с порочным поведением и без определенных занятий, притонодержателей; установить контроль и проверку легковых извозчиков и ночных сторожей. Кроме того, по мнению начальника брянского уголовного розыска, для успеха в борьбе с преступностью необходимо было увеличение штата служащих следующим образом: начальник уголовного розыска, 6 помощников (4 в первой части и 2 во второй), 30 агентов, делопроизводитель, писец, фотограф-регистратор и рассыльный. Учитывая дороговизну жизни, должный подбор штата служащих и те трудные служебные условия, отмечена необходимость увеличения содержания и обеспечение страхования жизни. После общего обсуждения условий жизни штат угрозыска выразил пожелание об утверждении содержания: в месяц агенту – 300 руб., младшему помощнику – 400 руб., старшему помощнику – 450 руб. и начальнику – 500 руб.; на негласную агентуру и фотографию – 6000 руб. в год, при широкой возможности пользоваться лошадьми [3, л. 45–45 об.].

Обеспечение полиции Российской империи происходило за счет целевого налогового сбора со всех городов, а из центра происходило распределение денежных сумм на места. Постановлением Временного правительства ассигнования, назначенные из государственного казначейства для разных категорий служащих полиции на 1917 г., передавались в распоряжение уездных земских и городских общественных управлений, которые должны были, не выходя за их пределы, самостоятельно установить оклады содержания сотрудников милиции.

На 1918 г. брянская Городская дума постановила выделить в год начальнику милиции г. Брянска и его канцелярии от 15900 до 16500 руб. (начальнику милиции города 4800 руб., секретарю канцелярии начальника милиции 3000 руб., столоначальникам (два) от 2100 до 2400 руб., регистратору (журналисту) 1500 руб., писцам (два) по 1200 руб.); первой части милиции и канцелярии от 82600 до 95800 руб. (начальнику милиции 1-ой части при готовой квартире 2800 руб., помощникам начальника милиции (два) по 2700 руб., старшему милиционеру 1800 руб., рассыльным (восемь) по 1500 руб., постовым милиционерам (тридцать) от 1200 до 1500 руб., временным для охраны складов и лавок (четырнадцать) от 1200 до 1500 руб., делопроизводителю 2400 руб., помощникам делопроизводителя (два) по 1500 руб., служителю при части 1200 руб., рассыльному 1500 руб.); второй части милиции и канцелярии от 43600 до 49000 руб. (начальнику милиции 2-ой части 2800 руб., помощникам начальника милиции (два) по 2700 руб., старшему милиционеру 1800 руб., рассыльным (четыре) по 1500 руб., постовым милиционерам (восемнадцать) 1200–1500 руб., временным для охраны складов и лавок (14) от 1200 до 1500 руб., делопроизводителю 2400 руб., помощникам делопроизводителя (два) по 1500 руб., служителю при части 1200 руб., рассыльному 1500 руб.); отделению 1-ой части 5400 руб. (начальнику отделения милиции 2700 руб., помощнику делопроизводителя 1500 руб., писцу 1200 руб.); уголовно-розыскному отделению (заведующему отделением уголовно-розыскной милиции, он же помощник начальника милиции города, 4800 руб., старшему помощнику заведующего отделом 3600 руб., младшим помощникам (два) по 3000 руб., агентам отдела (семь) по 2100 руб., делопроизводителю 2400 руб., регистратору 1500 руб., писцам (три) по 1200 руб.); арестному дому 3900 руб. (смотрителю этого дома при готовой квартире 1500 руб., служителю 1200 руб., рассыльному 1200 руб.); и 10100 руб. в год (на канцелярию заведующего уголовно-розыскной милицией 1200 руб., на расходы по розыску 3000 руб., на канцелярию начальника милиции города 2000 руб., на канцелярию начальника милиции 1-ой части 900 руб., на канцелярию начальника милиции 2-ой части 600 руб., отделение при 1-ой части 400 руб.). Обозначенное содержание милиционеров предназначалось только для лиц, служивших по вольному найму. Для солдат, прикомандированных из частей для несения этой службы, содержание предполагалось (и фактически на тот момент уплачивалось) участковым 70 руб. и постовым 50 руб. в месяц каждому. На разъездные расходы было назначено в год 3200 руб. (начальнику милиции и заведующему уголовно-розыскным отделом по 300 руб., старшему помощнику заведующего розыскным отделом 600 руб., начальнику милиции 1-ой части 600 руб., помощнику начальника милиции 1-ой части 300 уб., начальнику милиции 2-ой части 600 руб., помощнику начальника милиции 2-ой части 300 руб. и начальнику отделения 1-ой части 400 руб.) [3, л. 46–47].

Мероприятия политики «военного комму-

низма» усугубляли криминогенную обстановку в губернии. Недовольство населения в связи с взиманием чрезвычайного налога вызвали восстание в Княвичской волости Брянского уезда [7, л. 18]. Совместно с чекистами милиционеры принимали участие в ликвидации вооруженного контрреволюционного восстания анархистов Брянска, выполняя не свойственные для милиции функции. Из перечня срочных представлений по орловской городской милиции с 1-го января по 1-е февраля 1919 г. было арестовано по разным случаям 27 человек, из которых два отправлено начальнику брянской милиции [6, л. 4а, 5а; 10, С. 33].

Орловский губернский исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 4 марта 1919 г. сообщал в главное управление советской рабоче-крестьянской милиции, что «в целях наилучшей постановки дела организации милиции в губернии в соответствии с местными условиями … подготовки к 5-му Губернскому Съезду Советов» [5, л. 71] 11–12 января этого года в г. Орле по инициативе отдела управления состоялся первый общегубернский съезд начальников городских и уездных милиций. На нем был рассмотрен и разрешен ряд вопросов, касающихся личного состава милиции, ее деятельности, материального обеспечения, обмундирования, вооружения и другие. Собранные на этом Съезде материалы были доложены Отделу Управления Губернского Съезда Советов, подробно рассмотрев их, он вынес ряд постановлений по делам милиции, которые Отделом управления в виде подробного доклада были представлены Главмилиции 27 февраля 1919 г. за № 394.

В частности на Съезде начальником Брянской городской милиции поднимался принципиальный вопрос о том, «подлежат ли милиционеры, не получившие казенного обмундирования за неотпуском такового из центра и вынужденные по этому одеваться на свой собственный счет, удовлетворению денежным пособием, соответственно стоимости обмундирования, а если подлежат, то из каких средств и по какому расчету» [5, л. 71 об.]. Отдел управления просил предоставить разъяснения по затронутому вопросу. Съездом была принята Инструкция для уездной милиции, с правилами для дежурного милиционера и формами протоколов дознаний, которая в ближайшее время должна была быть предоставлена в Главмилицию.

В мае 1920 г. вся милиция уже Брянской губернии составила Брянский Милиционный Запасной полк, конная милиция – эскадрон, общее руководство осуществляло управление губмилиции [9, с. 68]. Органы правопорядка Брянского уезда стали функционировать в рамках новой губернии, просуществовавшей до образования Центрально-Черноземной области в 1928 г.

Таблица 1.

Штат и содержание милиции Брянского уезда Орловской губернии на 1918 год

Название должности	Число лиц	Одному в месяц (руб.)				Всем в мес.
		жалование	разъездные	канцелярские	всего	
Заведующий отделом	1	500	125		625	625
Помощник зав. отдела	1	500	125		625	625
Районный помощник	7/1зап.	450	100	50	600	4800
Старш. волостн. милиционер	15	250	85	10	345	5175
Младший милиционер	145	200			200	29000
Штат канцелярии:						
Делопроизводитель	2	450			450	900
Счетный чиновник	1	400			400	400
Регистратор, он же архивариус	1	350			350	350
Машинистка	1	350			350	350
Канцелярский служащий	2	350			350	700
Сторож, он же курьер	1	300			300	300
Делопроизводитель районного помощника	7	400			400	2800
Канцелярские и хозяйствен. расходы по управ. милиции					400	400
Всего	185					
В месяц						46425
В год						557100

Таблица 2.

Штат и содержание милиции г. Брянска Орловской губернии на 1918 год

Название должности	Число лиц	Одному в месяц			Всего
		жалование		разъездные (руб.)	
		руб.			
Заведующий отделом	1	500	На дороговизну прибавить каждому по 100 руб.	125	625
Помощник зав. отдела	1	500			500
Районный помощник	2	450		50	1000
Старший милиционер	25	300			7500
Младший милиционер	103	250			25750
Штат управления гор. милиции:					
Делопроизводитель	1	450			450
Счетный чиновник	1	400			400
Регистратор, он же архивариус	1	350			350
Машинистка	1	350			350
Канцелярский служитель	2	350			700
Сторож, он же курьер	1	300			300
Делопроизводитель районного управления	2	400			800
Писец	4	350			1400
Канцелярские и хозяйственные расходы на управление милиции	145				400
Всего:					40525

Библиографический список

1. *Главинская С.Н.* Организация и деятельность полиции Черноземного центра России 1901–1917 гг.: Дис. … к.и.н. Курск, 2006. 297 с.
2. Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 81. Оп. 1. Д. 16.
3. ГАОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 9оц.
4. ГАОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 13оц.
5. ГАОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 16.
6. ГАОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 43.
7. ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 72.
8. ГАОО: Путеводитель. Под ред. Т.Н. Старых; отв. сост. А.А. Ветошко, Н.А. Долгорукова, Л.Л. Корчева. – Орел: «Вешние воды», 1998. 694 с.
9. *Карпикова Е.В*. Милиция Брянщины в 1917–1929 годах: Дис. … к.и.н. Брянск, 2002. 195 с.
10. Люди долга и отваги: орловской милиции посвящается. Под общ. ред. Савченко И.П.; Сост. В.А. Пирогов. Орел: Орелиздат, 1997. 256 с.
11. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. В 3-х тт.: Учеб. пособие для экономических и инженерно-экономических вузов и факультетов. Т III. Социализм. М.: Госполитиздат, 1956. 643 с. // http://www.kredit-moskva.ru/lit15.html Дата обращения: 03.05.2012.
12. Орловская милиция (1917–1928 гг.): историко-правовой очерк / Е.Н. Щендригин, А.В. Булыжкин. – Орел: отпеч. в ОГУП «Орл. библ. тип. «Труд», 2003. – 199 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXVI. 1906. Отд. I. СПб., 1909. № 27309.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 2-ое полугодие 1916. СПб., 1916. № 307.

S.N. TOKAREVA

FIRST YEARS OF FORMATION OF MILITIA OF THE BRYANSK DISTRICT OF THE ORYOL REGION

In article the organization of militia of the Bryansk district as a part of the Oryol province is considered. Questions of regular distribution of city and district militia, the maintenance of employees are opened. Comparison with pre-revolutionary police concerning personnel calculation of ranks, a monetary allowance is carried out.

Key words: ***militia, police, law enforcement bodies, Bryansk district, Oryol province.***

С.В. ФЕФЕЛОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru
Тел. (4862) 76 07 68

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ 1919 – 1920 гг.

В статье рассматриваются некоторые ранее не изучавшиеся аспекты партизанского крестьянского движения в Сибири в годы Гражданской войны в 1919 – 1920 гг., а также оказавшиеся вне сферы внимания историков судьбы военнопленных армии адмирала Колчака.

Ключевые слова: ***Сибирь, Гражданская война, партизаны, режим адмирала Колчака.***

В отечественной историографии советского времени, по существу, отсутствовали специальные исследования белых армий, белых режимов, состояния их социально-экономической базы, настроений населения на территориях, подчиненных «белым режимам», в частности, сравнительно наиболее долговременному и масштабному по территориальному охвату «омскому режиму адмирала Колчака». Отечественных историков того времени привлекали, главным образом, военные и военно-исторические аспекты истории Гражданской войны, как правило действия Красной Армии. Обычно большое внимание в исторической литературе обращалось на роль сибирских партизан, в основном из крестьянского населения, оказавших существенную поддержку Красной Армии, особенно во время ее наступления в Восточной Сибири, после падения Омска. В этом плане можно назвать исследования партизанского движения в Западной Сибири В.Г. Мирзоева [1], а также И.Ф. Плотникова о большевистском подполье Урала и Сибири [2, 3]. Последнему принадлежит исследование большевистского подполья и партизанского движения на Урале и обобщающий труд по данным проблемам [4]. В сущности, тем же сюжетам, только в более широких хронологических рамках, посвящено и исследование М.И. Стишова [5]. Эти же вопросы исследовались и в работах В.А. Кадейкина, В.К. Логвинова, А.Н. Лифантьева, Г.А. Васильева (по материалам Приенисейского края), В.П. Скороходова, И.Д. Дубина, В.И. Василевского, А.Е. Нелюбина [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Не ставя перед собой цель специально рассмотреть вопрос о партизанском движении в колчаковском тылу, остановлюсь на некоторых его аспектах, которые, в основном по идеологическим причинам, были оставлены без должного внимания советской историографией. Примечательно, в связи со сказанным, свидетельство встретившегося с ними, к счастью, в мирной обстановке А. Левинсона.

«Партизаны», знаменитые «Роговцы», – отметил он в своих путевых впечатлениях, – та буйная сила, которая приуготовила падение Колчака и легкое торжество красной армии. Кто они? Таежный народ, звероловы, браконьеры, бродяги, так и не изжившие бунтарского хмеля, а там, за ними, темная и злобная деревня, кряжистый эгоизм и ненависть ко всему городскому, чужому, «российскому» [13, с. 207-208].

Автор записок задается вопросом: «Что подняло их с пиками в руках против режима, утвердившего их собственнические права?» [13, с. 207-208]. И сам же отвечает: «Отчасти бесчинства атаманов, поборы, побои, беспорядок и хищничество, чинимые самовольно местной властью и которому я встретил в пути и позже множество свидетелей. Но лишь отчасти. Пороки колчаковской власти, ее слабость в центре и бессилие на огромной периферии повредили ей меньше, чем ее добродетели, заключенное в ней организующее начало. Мятежная вольница тайги восстала против порядка, против порядка как такового. Так, много месяцев после совместной победы над Колчаком неприступные горные поселки бросали вызов «российским» красным, объявив у себя «анархию», выставив пулеметы и закапывая живыми в землю советских инструкторов» [13, с. 207-208].

Мимоходом упомянул об этом своеобразии партизанского движения сибирских крестьян и командир 27-й стрелковой дивизии Путна, намекнув на то, что и для советской власти они представляли угрозу: наряду с добиванием остатков колчаковской армии, оказались и «задачи успокоения крестьянства» [14, с. 350].

Следует уточнить, что эти партизанские отряды формировались преимущественно из «новоселов». Именно в тех уездах Енисейской губернии, где повстанческое движение приняло широкие

© С.В. Фефелов

масштабы, их хозяйства значительно преобладали над старожильскими [15, с. 316]. Как бы перекликаясь с впечатлениями Левинсона, исследователь этого вопроса отмечает, что многие из новоселов принесли с собой дух анархии, присущий «бедняцкому» элементу Центральной России. Поэтому их восстания имели не столько революционный характер, «сколько анархистско-бунтарский, даже просто погромный. Нередко крестьянство вообще отказывалось признавать какие бы то ни было, хотя самые законные и неизбежные виды обязательного отбывания общественных повинностей. Свобода в таких случаях понималась или очень примитивно – в смысле освобождения от всякой государственной власти, или в смысле права «свободно» заниматься всем, кто бы в чем ни пожелал, вплоть до свободной выкурки «самогонки», добывание которой столь распространено в сибирской деревне» [16, с. 241-242].

Как отмечал Н.Н. Головин, повстанческие отряды в Сибири составлялись из разнообразных элементов, собиравшихся в тайге и оттуда действовавших. Там были и обольшевиченные солдаты старой армии, не желавшие заняться мирным трудом. Хорошо снабженные оружием, унесенным с фронта, …они представляли собой разбойничьи шайки с лихими разбойниками-атаманами во главе. В тайге оказались также и остатки красноармейских отрядов, рассеянных в летний период освобождения Сибири от большевиков, являвшихся своего рода бродячей ратью, к которой присоединялись все сохранившиеся вооруженные отряды германских военнопленных» [15, с. 316]. Впрочем, характеристика сибирских партизан, в основном, подходит и к крестьянскому повстанчески-партизанскому движению и в других регионах России, в том числе и на ее европейской части.

«Когда саранча эта спускалась с гор на города, с обозами из тысяч порожних подвод, с бабами, – отмечает особенности партизанского движения в Сибири уже упоминавшийся Левинсон, – за добычей и кровью, распаленная самогонкой и алчностью – граждане молились о приходе красных войск, предпочитая расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома. Нужен был Троцкий с опытом его и умением, чтоб постепенно организовать разложение вчерашних соратников; каждая же вспышка непокорности грозит не только большевизму, но самому бытию городов. Ужасна была борьба городов, подобных Кузнецку, куда красная армия пришла слишком поздно» [13, с. 207-208].

В связи с описанным и рассмотренным выше, нельзя не обратить внимания на еще одно следствие военных катастроф колчаковской армии и развала «белого фронта» адмирала Колчака, касавшееся одновременно и армии, и гражданского населения, – это отпущенные советским командованием «на все четыре стороны» военнопленные солдаты разгромленной колчаковской армии.

«Во время Омской операции нами была захвачена масса пленных, – писал, касаясь этого вопроса, командующий 5-й Красной Армией М.Н. Тухачевский. – Однако неорганизованность нашего тыла, объяснявшаяся паралитическим состоянием железных дорог, не позволяла нам этих пленных вывозить в тыл, и они тут же распускались по домам» [17, с. 64]. Как видим, командарм-5 объяснял отношение к попавшим в плен колчаковским солдатам неспособностью тыла наступавшей Красной Армии организовать обеспечение и эвакуацию военнопленных. Он ничего не пишет о судьбе этих отпущенных на волю военнопленных-колчаковцев.

«Беспредельным кажется одиночество в пустыне, – передает свои впечатления января 1920 г. очевидец, – но вот все чаще на горизонте появляются черные точки, в одиночку и небольшими группами. Они приближаются: это люди с черными от стужи и истощения лицами (такие лица в средневековых изображениях смерти, когда еще не знали анатомии), в рваных шинелях, с руками без рукавиц, запрятанными в рукава, без привычного солдатского мешка за плечами. Некоторые перевязаны окровавленными, грязными, покоробившимися тряпками. Это люди – то, что осталось от армии адмирала Колчака, менее чем за год до того подходившей к Самаре и Казани» [13, с. 204-205]. Завершая воспоминания об этом удручающем впечатлении, автор писал: «Красный победитель поступил с ними с дьявольской гуманностью. Разоружил и отпустил на все четыре стороны. И вот эти пермские, вятские, приволжские идут домой по сибирской магистрали за две, за три тысячи верст, среди зимы и среди тайги» [13, с. 204-205].

Рассказывая об этом мрачно-трагическом зрелище, свидетель отметил еще одну беду, которая на сибирских просторах приобрела подлинно эпические масштабы – это широкомасштабная эпидемия тифа. Чтобы парализовать его распространение, командование Красной Армии и советская администрация запирала в карантинные помещения больных, прежде всего солдат и офицеров отступавшей колчаковской армии, равно как и представителей гражданского населения. Достаточно красноречиво об этом вспоминал командир 27-й стрелковой дивизии Путна. После падения Омска «перед 5-й армией, – отмечал он, – наряду с боевыми задачами

по ликвидации остатков колчаковской армии и вытеснению иностранных отрядов, раскиданных по Сибири, с задачами успокоения крестьянства, стали более сложные задачи советского строительства и борьбы с разыгравшейся до невероятных размеров эпидемией тифа на всем пространстве Сибири» [14, с. 350]. Он вспоминал один из явно особенно поразивших его в связи с эпидемией тифа случаев: в ходе последних боев «взятый 13 декабря Ново-Николаевск, Томск, Тайга с сотнями неподвижных эшелонов, десятками тысяч мечущихся в сыпняковом бреду людей» [14, с. 350]. В связи с этим, сравнивая судьбу отпущенных на волю военнопленных колчаковцев, свидетель вопрошал: «Кто несчастнее, они или те 70.000, что заперты в тифозный карантин военного городка в Ново-Николаевске, окруженные наведенными на них орудиями? И тут, и там почти верная смерть» [13, с. 204-205]. Однако тиф поразил и ряды наступавшей 5-й армии. «Последние конвульсии сопротивления уже умирающей колчаковии у Красноярска и Иркутска, – вспоминал далее Путна, – прошли для 5-й армии, как сон, в опьянении победой и в угаре охватывающей все эпидемией сыпняка. Эпидемия распространялась и в рядах армии, они таяли» [13, с. 204-205].

Однако возвращаясь к описанию бредущих домой колчаковцев-крестьян, свидетель полагает, что «у этих пешеходов есть хоть надежда, хоть маячит перед ними фата-моргана родного села. На них нет ничего, кроме отребья шинели, остатков сапог; они до чиста ограблены партизанами. Идут они врозь в надежде легче прокормиться, не пугать крестьян. Но те и без того баррикадируются от жутких гостей; даром кормить не хотят (да и накормишь ли тысячи?). Боятся грабежей.

Единственные прибежища этой армии призраков – станционные здания, пустые, нетопленные. Единственный шанс ускорить путь, взобраться тайком на тормоз вагона. Но до места, где железнодорожное движение восстановлено, идти тысячу с лишком верст. Да и не дай Бог в морозную ночь задремать на тормозе: пробуждения нет» [13, с. 204-205].

Подводя итоги, следует отметить, что эвакуация Омска была запоздавшей и плохо организованной. При этом большая часть населения Омска, независимо от социальной принадлежности и имущественного положения ,предпочла эвакуироваться. Из-за плохой организации эвакуация сопровождалась гибелью заметной его части уже в пути.

Положение тыла «омского режима» усугублялось начавшимися крестьянскими восстаниями, в основном в Енисейской губернии и нарастающим партизанским движением, приобретавшим все чаще характер разбойных нападений на города, грабежей городского населения.

Особого рода следствием фронтовой катастрофы было положение солдат колчаковской армии, отпущенных красным командованием домой. В совокупности с растущим распространением эпидемии тифа много солдат колчаковской армии погибали по пути на родину.

Библиографический список

1. *Мирзоев В.Г.* Партизанское движение в Западной Сибири (1918 – 19196). Кемерово, 1957.
2. *Плотников И.Ф.* Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1968.
3. *Плотников И.Ф.* В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918 – 1919). Свердловск, 1978.
4. *Плотников И.Ф.* Историография и источники истории большевистского подполья Урала и Сибири в период гражданской войны (1918 – 1920 гг.). Свердловск, 1968.
5. *Стишов М.И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918 – 1920). М., 1962.
6. *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная, Кемерово, 1968.
7. *Логвинов В.К.* В борьбе с колчаковщиной. Очерки о красноярском большевистском подполье и партизанском движении в Енисейской губернии. 1918 – 1920 гг. Красноярск, 1980.
8. *Лифантьев А.Н.* Очерки о шиткинских партизанах. Красноярск, 1957.
9. *Скороходов В.П.* Из истории партизанской борьбы в Восточной Сибири (отряды Н.А. Бурлова и Н.А. Каландаришвили). Иркутск, 1957.
10. *Дубин И.Д.* Партизанское движение в Восточной Сибири. 1918 – 1920. Иркутск, 1967.
11. *Василевский В.И.* Дела легендарных дней. Большевистское подполье в Забайкалье. (1918 – 1920 гг.). Иркутск, 1970.
12. *Нелюбин А.Е.* Из истории партизанского движения в Прибайкалье. Улан-Уде, 1974.
13. *Левинсон А.* Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. //Архив русской революции. Кн. 2. Т. 3-4. М., 1991.

14. *Путна В.К*. Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь //Этапы большого пути. М., 1962.
15. *Головин Н.Н*. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Т. 2. М., 2011.
16. *Колосов А*. Сибирь при Колчаке (воспоминания, материалы, документы). Петроград., 1923..
17. *Тухачевский М.Н*. Курган – Омск //Этапы большого пути. М., 1962.

S.V. FEFELOV

SOME FEATURES OF PEASANT GUERRILLA MOVEMENT IN SIBERIA IN 1919– 1920

Some aspects of the guerrilla peasant movement in Siberia during the Civil War in 1919 – 1920 which haven't been studied earlier, and the fates of war prisoners of Admiral Kolchak's army which have been outside the purview of historians are considered in the article.

Key words: ***Siberia, the Civil War, partisans, the regime of Admiral Kolchak.***

Е.Е. ЩЕКОТИХИН
доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Орловского государственного университета
E-mail: historiki-osu@mail.ru
Тел. (4862) 76 07 68

ПОСЛЕДСТВИЯ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

В статье на основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, представлен анализ демографических и социальных последствий нацистского оккупационного режима на территории СССР в целом, на территории Орловской области в частности.

Ключевые слова: ***СССР, Великая Отечественная война, потери личного состава вооруженных сил, потери среди гражданского населения, оккупационный режим, статистика, Орловская область.***

Известно, что авторский коллектив военных историков под руководством Г.Ф. Кривошеева, выпустивший статистическое исследование «Россия и СССР в войнах XX века», взяв за основу данные переписей 1939 и 1959 годов, затем **«методом демографического баланса»** вывел общую цифру потерь народов СССР в Великой Отечественной войне в **26 600 000 человек** [1]**,** императивно навязав ее нам (здесь и далее выделено мною – ***Е. Щ.***). Потери военнослужащих списочного состава составили **11 444 100 человек** [2]. Следует заметить: потери гражданского населения в данном исследовании превысили потери военных – **15 155 900 человек.**

К великому сожалению, **людские потери СССР много существеннее,** чем они обозначены в данном исследовании. И вот почему. **Документы, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), бывшем Центральном государственном архиве народного хозяйства (ЦГАНХ), представляют нам достаточно полную картину и точные данные демографической катастрофы СССР, произошедшей в результате нацистского нашествия 1941-1945 гг.** [3].

При сопоставлении данных расчета численности потерь населения СССР в Великой Отечественной войне, базирующихся на основе первоисточников РГАЭ, обнаружились существенные расхождения в данных статистического исследования Комплексной комиссии по уточнению числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. Она взяла за основу численность населения Страны Советов на начало войны (22.06.1941 г.) – **196,7 млн**. человек [4] и по ее окончании (31.12.1945 г.) – **170,5 млн.** человек [4] **«путем передвижки итогов предвоенной переписи населения страны и путем передвижки назад возрастных данных Всесоюзной переписи 1959 года».** С некоторыми **«поправками на рождаемость и повышенную смертность»** была получена общая цифра потерь – **26,6 млн. человек.**

По данным ЦСУ Госплана СССР, численность населения Советского Союза на 1 июля 1941 года составляла **201 398 600**, а не 196 700 000 человек. Как видим, расхождение исходных данных составляет **4 698 600 человек.**

Численность населения страны на 31 декабря 1945 года в документах Статуправления Госплана СССР не представлена. Но она дана на 1 января 1945 года – **152 495 100 человек.** По данным ЦСУ Госплана СССР (отдел демографии), число граждан нашей страны на 1.12.1945 г. составляло **156 732 000 человек.** Как видим, в 1945 году наметился рост численности населения страны, которое увеличивалось ежемесячно **на 385 712 человек.** Следовательно, 31 декабря 1945 года число граждан СССР составляло **157 117 712 человек.**

По данным же Комплексной комиссии, население СССР на 31.12.1945 г. составляло **170 500 000 человек** [4]. Мы видим существенную разницу между исходными данными Комиссии и документами ЦСУ Госплана СССР на момент окончания войны, и она составляет **13 738 288 человек.**

Данные численности населения страны, в основе которых – документы отдела демографии ЦСУ Госплана СССР, с высокой точностью и надежностью подтверждают убыль населения за годы войны.

Как видим из данных нижеприведенной таблицы № 1, население, проживающее на территории республик, краев и областей СССР, в период с 1 июля 1941 г. по 1 января 1945 г. уменьшилось на 48 903 500.

© Е.Е. Щекотихин

Таблица 1.

Динамика численности населения СССР

Республики, края и области	Численность и потери населения (тыс. чел.)						
	На 1.07.41 г.	На 1.01.45 г.	Потери	Процент потерь к 1941 г.	На 1.01.47г.	Потери	Процент потерь 1941 г.
РСФСР	113 614,9	88 547, 7	25 067,2	22,5%	96 109,7	17 505,2	5,4%
Украинская ССР	41 657,1	27 788,4	13 868,7	33,2%	34 281,0	7376,1	7,7%
Белорусская ССР	10 562,7	6 986,5	3576,2	33,0%	7130,2	3432,5	2,4%
Молдавская ССР	2560,9	2018,0	542,9	21,1%	2330,9	230,0	8,9%
Карело-Финская ССР*	663,8	269,8	394,0		337,1	326,7	
Итого республики северо-запада и юга	***169 059,4,***	***125 610,4***	***43 449,0***	***25,7%***	***140 188,9***	***28 870,5***	***7,0%***
Литовская ССР	3056,9	2227,0	829,9	27,1%	2571,5	485,4	6,1%
Латвийская ССР	1975,5	1132,7	842,8	42,6%	1717,0	258,5	3,0%
Эстонская ССР	1131,2	855,4	275,8	24,3%	942,2	189,0	6,6%
Итого республики Прибалтики	***6163,6***	***4215,1***	***1948,5***	***31,6%***	***5230,7***	***932,9***	***5,1%***
Итого: территории, подвергшиеся оккупации	**175 223,0**	**129 825,5**	**45 397,5**	**25.9%**	**145 419,6**	**29 803,4**	**7,0%**
Азербайджанская ССР	3361,9	2705,6	656,3	19,5%	2836,8	525,1	5,6%
Армянская ССР	1377,8	1202,0	175,8	12,7%	1345,8	32,0	2,3%
Грузинская ССР	3726,5	3295,2	431,3	11,5%	3362,8	363,7	9,7%
Итого республики Кавказа	**8466,2**	**7202,8**	**1263,4**	**14,9%**	**7545,4**	**920,8**	**10,8%**
Казахская ССР	6447,8	6127,6	320,2	4,9%	6127,3	320,5	5,2%
Киргизская ССР	1601,8	1470,4	131,4	8,2%	1491,3	110,5	6,8%
Таджикская ССР	1579,0	1413,5	165,5	10,4%	1436,6	142,4	9,0%
Туркменская ССР	1341,2	1139,9	201,3	15,0%	1208,7	132,5	9,8%
Узбекская ССР	6739,6	5315,4	1424,2	21,1%	5777,8	961,8	14,2%
Итого республики Средней Азии	**17 709,4**	**15 466,8**	**2242,6**	**12,6%**	**16 041,7**	**1667,7**	**9,4%**
Итого: территории, не подвергшиеся оккупации	***26 175,6***	***22 669,6***	***3506,0***	***13.3%***	***23 587,1***	***2588,5***	***9,8%***
Всего по СССР**	**201 398,6**	**152 495,1**	**48 903 ,5**	**24,4%**	**169 006,7**	**32 391,9**	**16,0%**

Примечания к таблице.

*Большая убыль населения связана с изменением административных границ, когда значительная часть территории вместе с населением была передана в состав Ленинградской области.

**На 1.11.1939 г. в СССР (без населения западных областей Украинской ССР, Белорусской ССР, Молдавской ССР и Карело-Финской ССР) проживало 170 467 200 человек (см. Справочник административно-территориального деления союзных республик за 1940 г. М., 1940. С. 7).

Это не значит, что почти **49 млн человек** вошли в число безвозвратных потерь. Дело в том, что в данные численности населения на начало войны и по ее окончании, вероятно, не включены военнослужащие нашей страны. Как правило, они находились в гарнизонах или в воинских частях, а учет проводили госучреждения регионов: отделы статистики и отделы экономики, подведомственные Госплану СССР.

Если предположить что на 22 июня 1941 года в рядах Красной Армии, а также в формированиях других ведомств НКО и призванных на «Большие военные сборы» находилось в общей сложности 5 707 115 военнослужащих[5] и они не были учтены государственными органами, то общая численность населения страны на эту дату составляла **207 105 715 человек.** По состоянию на 1 июля 1945 года в Красной Армии числилось 12 839 800 человек [6]. Приняв во внимание, что эти военнослужащие тоже не вошли в данные учета численности, то к моменту окончания войны население СССР составляло **165 334 900 человек.** Разница между общей численностью населения на начало войны и по ее окончании и составляет демографические потери советской страны в годы войны.

Таким образом, **документы отдела демографии ЦСУ Госплана СССР подтверждают, что безвозвратные потери населения Советского Союза** (военнослужащие и мирные граждане) **на 1 января 1945 года составили 41 770 815 человек.**

То, что эти катастрофические потери реальны,

говорят данные демографического учета численности населения СССР на 1 января 1947 г. **Потери всех 16 республик Страны Советов** даже спустя полтора года после окончания войны составляли **29 803 400 человек** (см. данные таблицы № 1). Только три основообразующие республики – РСФСР, УССР и БССР – потеряли **28 334 400 человек.**

Документы Статуправления СССР, как наиболее надежный и точный источник, подтверждают, что в годы Великой Отечественной войны огромный урон понесли народы славянских республик, регионы которых были оккупированы – **28 554 900 человек, или 34,2%** от довоенной численности (см. данные таблицы № 2). По существу, **с лика земли исчез каждый третий житель**, попавший под молох нацистского оккупационного режима.

Даже в 1947 году, когда воины Красной Армии, а также эвакуированные [7] и репатриированные жители вернулись на родину, РСФСР, УССР и БССР недосчитались **19 605 900 своих граждан** (см. данные таблицы № 2).

На долгие десятилетия остались невосполненными потери огромной территории РСФСР, которая оказалась под оккупацией. За три года нацистского террора убыль 22 регионов западной, центральной и юго-восточной России составила **11,1 млн. человек**, или **35,7%** от их довоенной численности в **31,1 млн. человек**. В 1947 году этот регион недосчитался около **9 млн. человек (**см. данные таблицы № 2).

Известно, что центральные и западные области РСФСР освобождались спустя определенное время после их оккупации: от месяца и двух (Московская и Тульская области) до трех лет (Ленинградская и Псковская области). Установлена следующая закономерность: чем больше был срок пребывания немецких оккупантов на территории того или иного региона России (также и на примерах районов Орловской области), тем больше было потерь среди мирных жителей. С высокой долей вероятности эта закономерность подтверждается данными, приведенными в таблице № 3. Самые большие демографические потери – в Новгородской, Псковской и Крымской областях.

Таблица 2.

Убыль населения временно оккупированных территорий СССР

Республики	Численность и потери населения (тыс. чел.)						
	На 1.07.41 г.	На 1.01.45 г.	Потери к 1941 г.	В процентах	На 1.01.47 г.	Потери к 1941 г.	В процентах
РСФСР	31 122,3*	20 021,3**	11 111,0	35,7%	22 272,0	8850,3	28,4%
Украина	41 657,1	27 788,4	13 868,7	33,2%	34 333,0	7324,1	17,7%
Белоруссия	10 561,7	6 986,5	3 575,2	34,0%	7 130,2	3431,5	32,4%
Итого	***83 341,1,***	***54 786,2***	***28 554,9***	***34,2%***	***63 736,2***	***19 605,9***	***23,5%***
Молдавская ССР	2560,9	2018,0	542,9	21,1%	2330,9	230,0	8,9%
Карело-Финская ССР	663,8	269,8	394,0***		337,1	326,7	
Литовская ССР	3056,9	2227,0	829,9	27,1%	2571,5	485,4	16,1%
Латвийская ССР	1975,5	1132,7	842,8	42,6%	1717,0	258,5	13,0%
Эстонская ССР	1131,2	855,4	275,8	24,3%	942,2	189,0	16,6%
Итого	***92 729, 4***	***61 287,1***	***31 442,3***	***33.9%***	***71 634,9***	***21 094,5***	***22,8%***

Примечания к таблице.

* Численность населения отдельных областей, краев и автономных республик РСФСР, подвергшихся оккупации, ввиду отсутствия данных на 1.07.41 г. представлена на 1.11.39 г. На 1.07.41 г. население этих регионов было намного больше, а следовательно и потери были соответственно значительнее.

** Численность населения 22 оккупированных регионов (12 полностью и 10 частично) РСФСР дана на 1.10.44 г.

*** Большие потери республики связаны с изменением границ, когда некоторые ее районы были переданы в состав Ленинградской области.

Ранее мне удалось, можно сказать, в полной мере воссоздать события и тем самым заполнить огромное белое пятно, которым до сих пор оставалась двухлетняя битва за Орел – крупнейшее сражение Второй мировой войны [9]. Но эта восполненная область военно-исторических знаний касалась чисто военных аспектов: численность войск, количество военной техники, стратегия и тактика, потери той и другой стороны и т.д.

Как-то в тени, **на втором плане,** оказался **человеческий фактор** суровой военно-оккупационной действительности и ее последствий, которые до сих пор кровоточат в памяти. А ведь лично я, наша семья, жители нашей улицы, моего города, моей области испили человеческого горя, как говорится, через край: убит отец, погибли родные и близкие, сожжен дом, сожжена дотла вся улица, взорваны школа, завод, потеряны учеба и работа. Землянка

на долгие десять лет, с сочащейся сверху водой и глинистой жижей под ногами, безотцовщина, голод, холод. И моя семья не одна такая, таких семей на Орловщине десятки, если не сотни тысяч [10].

Здесь нам необходимо отвлечься от того моря человеческих страданий, которое скрывается за нижеприведенными цифрами, и заняться голой арифметикой – **цифрами,** которые, по утверждению великого экономиста Карла Маркса, «стоят целых томов риторической чепухи». Они необходимы, чтобы предъявить нацистам **«счет по-гамбургски»,** т.е. объективный и непредвзятый.

Понимая, что самой **главной ценностью** на земле **является человек,** с этого и начнем.

В демографических исследованиях существует такое понятие, как **невосполнимые потери – людские.** Это наиболее ощутимый урон, и его отрицательные последствия сказываются на протяжении нескольких поколений. Дом можно построить (при государственном участии) за год-два. Чтобы родить, выходить, обучить и воспитать одного гражданина страны, необходимо как минимум 18 лет. Потерять еще не связанных браком 18-летнего юношу и девушку – означает потерю, как минимум, еще троих будущих граждан страны (средняя численность детей в семье на начало 1941 г. – три-четыре ребенка), и это только в первом поколении.

В самом общем смысле **людские потери** в войнах складываются из двух частей: **потери личного состава** вооруженных сил и **жертвы мирного населения.** На территории Орловской области в 1939 году проживало **3 532 713** человек. В это время мужчин, как и по стране в целом, было меньше – 1 633 732 человек (46,3%), а женщин – 1 898 981 (53,7%) [11]. В населении нашего региона на долю граждан русской национальности приходилось **3 435 811** человек [12]**,** или **97,25%,** т.е. значительная по территории область РФ была заселена почти исключительно русским этносом.

Таблица 3.

Динамика численности населения северо-западных и центральных областей РСФСР, территории которых подверглись полной и частичной оккупации [8]

Регионы	Численность и потери населения (тыс. чел.)						
	На 1.11.39 г.	На 1.10.44 г.	Потери к 1939 г.	В %	На 1.01.47 г.	Потери к 1939 г.	В %
г. Ленинград	**3137,9***	**676,0***	**2461,9**	**78,4%**	**2029,0***	**1108,9**	**35,3%**
*Ленинградская***	*1069,8*	*283,2*	*786,6*	*73,5%*	*564, 6*	*505,2*	*47,2%*
Новгородская	*665,8*	*206,4*	*459,4*	*68,9%*	*335,7*	*330,1*	*49,5%*
Псковская	759,6	386,7	372,9	49,1%	575,0	184,6	24,3%
Великолукская	1049,5	581,9	467,6	43,6%	674,3	175,2	16,6%
Смоленская	1969,9	1137,6	832,3	42,2%	1237,2	732,7	37,1%
Калининская	*901,8*	*527,9*	*373,9*	*41,4%*	*583,6*	*318,2*	*35,2%*
Московская	*1685,6*	*1246,7*	*438,9*	*26,0%*	*1260,4*	*425,2*	*25,2%*
Тульская	*1255,5*	*1010,1*	*245,4*	*19,5%*	*1082,4*	*173,1*	*13,7%*
Курская	2993,2	2317,7	675,5	22,5%	2484,4	508,8	16,9%
Орловская	1680,9	1205,5	475,4	28,2%	1260,7	420,2	24,9%
Брянская	1799,4	1331,6	467,8	25,9%	1453,5	345,9	19,2%
Калужская	1178,8	809,2	369,6	31,3%	873,6	305,2	25,0%
Итого: Орловская, Брянская и Калужская области	4659,1	3346,3	1312,8	28,1%	3587,8	1071,3	22,9 %
Итого: северо-западные и центральные регионы РСФСР	20 147,7	11 720,5	8427,2	41,9%	14 414,8	5732,9	28,4%
Регионы РСФСР***	42 439,1	28 142,3	14 297,0	33,7%	32 058,3	10 380,8	24,4%
В т.ч. на оккуп. террит.	***31670,8***	***20011.3***	***11 649,5***	***36,7%***	***23 490,7***	***8180,1***	***25,8%***
Всего населения РСФСР****	113614,9	88 547,7	25 067,2	22,5%	96 109,7	17 505,2	15,4%

Примечание к таблице.

* Население Ленинграда на 1.01.1960 г. составляло 2 899 955 человек, т.е. еще не достигло довоенного уровня. Население РСФСР на эту дату насчитывало 117 534 315 человек.

** Курсивом выделены области, территории которых подверглись частичной оккупации. Численность и потери даны по населению, проживающему только на оккупированной территории регионов.

*** В этой графе дана численность всех областей, краев и автономных республик РСФСР, подвергшихся полной и частичной оккупации.

Какой же урон был нанесен потомками тевтонских рыцарей потомкам древнейшего племени Русской земли – вятичей. Население пяти крупных городов и 62 районов (вместе с районными центрами), подвергшихся оккупации (имеются полные статистические данные населения до и после оккупации), уменьшилось с 3 360 617 до 2 198 490 человек [13]. О**бщий урон населения** оккупированных районов составил **1 162 127** человек, или **34,5%**.

Особое место в этом ряду занимает Ленинград. В городе прямое физическое уничтожение населения путем бомбардировок и артобстрелов сочеталось с косвенным, но самым жестоким и длительным методом преднамеренной массовой ликвидации людей – голодом и холодом. За годы войны и 900 дневной блокады (8 сентября 1941 – 27 января 1944 г.) население города на Неве, взятого в стальное кольцо, уменьшилось почти **на 2,5 млн. человек**. Даже в 1947 году Ленинград недосчитался **1,1 млн. человек** (см. данные таблицы № 3).

Документы, которые хранятся в государственных архивах Российской Федерации и в областных архивах, неопровержимо доказывают вину немецких оккупантов. Они целенаправленно уничтожали наши народы. Они сжигали наши дома, села и города. Сколько? Все подсчитано и зафиксировано.

Потери граждан оккупированных территорий РСФСР, УССР, БССР за годы оккупации составили **28 554 900, или 34,2%** от довоенной численности (см. данные таблицы № 2). Потери же десяти регионов России и республик Закавказья, которые не подвергались жестокому насилию оккупационного режима, за это же время составили **3 849 800 млн. человек, или 13,8%** (см. данные таблицы № 4). Грубо, но это так называемый контрольный срез.

Таблица 4.

Убыль населения отдельных областей Российской Федерации, Грузии, Азербайджана и Армении, территории которых не были оккупированы

Республики, края и области	**Население (тыс. чел.)**						
	На 1.07.41 г.	**На 1.01.45 г.**	**Потери***	**Процент потерь**	**На 1.01.47 г.**	**Потери***	**Процент потерь**
Области РСФСР							
Вологодская обл.	1373,5	1291,9	81,6	5,9%	1288,9	84,6	6,1%
Чкаловская обл.	1717,4	1609,0	108,4	6,3%	1626,0	91,4	5,1%
Тамбовская обл.	1831,1	1426,7	404,4	22,0%	1580,7	250,4	13,6
Саратовская обл.	1849,9	1667,2	182,7	9,8%	1756,9	93,0	5,0%
Башкирская АССР	3232,2	2723,5	508,7	15,7%	2876,0	356,2	11,0%
Свердловская обл.	2627,8	2203,6	424,2	16,1%	2438,1	189,7	7,2%
Алтайский край	2547,8	2106,0	441,8	17,3%	2192,4	355,4	13,9%
Красноярский край	2098,4	1884,3	214,1	10,2%	1929,5	168,9	8,0%
Иркутская обл.	1390,0	1232,7	157,3	11,3%	1182,9	207,1	14,9%
Бурят-Монгольская АССР	579,6	516,4	63,2	10,9%	545,7	33,9	5,8%
Итого	***19 247,7***	***16 661,3***	***2586,4***	***13,4%***	***17 417,1***	***1830,6***	***9,5%***
Республики Закавказья							
Азербайджанская ССР	3361,9	2705,6	656,3	19,5%	2836,8	525,1	15,6%
Армянская ССР	1377,8	1202,0	175,8	12,7%	1345,8	32,0	2,3%
Грузинская ССР	3726,5	3295,2	431,3	11,5%	3362,8	363,7	9,7%
Итого	***8466,2***	***7202,8***	***1263,4***	***14,9%***	***7545,4***	***920,8***	***10,8%***
Всего	**27 713,9**	**23 864,1**	**3849,8**	**13,8 %**	**24 962,5**	**2751,4**	**9,9%**

Примечание к таблице.
* Относительно 1.07.1941 г.

На мой взгляд, есть несколько причин такой демографической и социальной катастрофы.

Главная причина состоит в том, что командование вермахта всех уровней, которому подчинялась администрация оккупированных территорий (комендатуры при штабах армий), осуществляла волю политического руководства Третьего рейха по уничтожению еврейского и славянского населения. Так, на совещании высшего генералитета 30 марта 1941 года Гитлер заявил, что при ведении войны против Советского Союза речь должна идти об уничтожении не только советской государственности, но и советского народа. При этом он подчеркнул: «На Востоке сама жестокость – благо для будущего (немецкой нации)» [14]. В этом же ключе ведомства Гиммлера, Розенберга [15] и верховное командова-

ние германской армии готовили и утверждали директивы, регламентирующие ход войны на Востоке.

Чтобы в будущем полностью парализовать сопротивление нацизму со стороны любого народа, и особенно русского, основой государственной деятельности руководства Германии становилась политика геноцида, т.е. систематического массового истребления и ускоренного биологического вымирания. Гитлер еще до войны нагло заявил: «Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы… Существует немало путей, посредством которых можно… добиться вымирания нежелательных для нас народов» [16].

Из этих **«путей»** отметим три основных.

Первый путь – **прямое физическое уничтожение** мирного населения через массовые и хаотичные расстрелы, путем повешения, закапывания в землю живьем, сжигания вместе с домами, населенными пунктами, а также многими другими способами [17].

Второй путь – **создание зон выжженной земли**, в которых население было обречено как на мгновенную смерть от огня (Сталинград, Севастополь, Воронеж, Керчь, Новороссийск и др.), так и на длительное вымирание от голода, холода и заразных болезней после полного или частичного уничтожения населенных пунктов.

В журнале боевых действий 2-й полевой армии, штаб которой располагался в Орле, 21 декабря 1941 года зафиксировано, что в 18 часов 15 минут от командующего группы армий «Центр» фон Клюге была получена телеграмма следующего содержания:

«Еще раз подчеркиваю свои мысли, выраженные в Директиве ОКХ [Генштаб, опер. отдел (Ia) № 1736/41 (сов. секретно).] [18] <…>

3) Территория, с которой наши войска были вынуждены отступить, должна попасть в руки противника непригодной для использования. **Каждый населенный пункт должен быть сожжен и разрушен,** чтобы противник был лишен мест расквартирования. Это нужно заранее подготовить. Если разрушение осуществить не удастся, то оставшиеся **неразрушенными населенные пункты должны быть впоследствии уничтожены авиацией**, т.к. в мороз противник, естественно, привязан к населенным пунктам…» [19].

Во время работы с материалами Военного архива Германии, перелистывая отчетные документы немецких полков, дивизий, армий, я обнаружил тексты, которые служат прямым подтверждением тотальной войны на уничтожение славянского населения.

Участник тех событий – бывший командир батальона 482-го полка 262-й пехотной дивизии капитан Бернард Графт в своих мемуарах пишет: «9 декабря 1941 года… **Саперы штабной роты и моторизованные роты поджигают дома, которые не удалось поджечь раньше…**

Горит небо! На юге. На востоке. Это полыхающее зарево, которого мы еще не видели. Таинственными кажутся дома, ветки деревьев. **Три четверти неба охвачены огнем,** и запад кажется маленькой черной полосой» [20].

Третий путь – **рабство.** Немецкая нация и вермахт как инструмент политики гитлеровского национал-социализма на века покрыли себя позором, возродив в середине XX века рабство, когда славянские народы представляли собой **«исходный материал»** для нацистского рейха.

С самого начала оккупации наших территорий стала осуществляться заранее продуманная целенаправленная система отбора и отправки в Германию населения Белоруссии, Украины и России. Она реализовывалась в основном двумя способами: **организованно** и принудительно с регистрацией **через биржу труда,** а также **стихийно** (тоже принудительно) **без всякой регистрации**, когда огромные массы людей угонялись в Германию, перед тем как немецкие войска покидали оккупированную территорию под напором Красной Армии.

Как показывает проведенное мною исследование (на примере угона населения в Германию жителей Орловской области), **мужчины из Германии в родные места не вернулись.**

Подтверждение тому – документы госархива Орловской области.

Таблица 5.

Сведения о количестве лиц, угнанных в Германию в период немецкой оккупации Малоархангельского района

Сельские советы	Население						
	Угнано			Вернулось			**Потери**
	Женщин	Мужчин	**Всего**	Женщин	Мужчин	**Всего**	
Гнилоплотский	17	20	37	4	6	10	27
Дубовицкий	5	15	20	5	-	5	15
Каменский	27	24	51	9	1	10	41
Советский	40	67	107	20	2	22	85

Из 40 мужчин, угнанных в Германию из Советского сельсовета Малоархангельского района, в 1945 году вернулись всего двое, в Каменском сельсовете из 24 мужчин вернулся один, в Гнилоплотском сельсовете из 20 вернулись 6 мужчин и т.д.

Наиболее точная цифра, которая соответствует реальной ситуации тотального угона русских в немецкое рабство, дана в документе, который хранится в фонде партийного архива: «Отступая с Орловского плацдарма, гитлеровские захватчики только в июле 1943 года угнали в Германию **100 269** семей». Если учесть, что средняя численность семьи составляла **5,5 человека,** то только в июле-августе 1943 года на запад было угнано более **0,5 млн.** человек.

Сегодня некоторые политики и историки от политики сам факт проведения нацистами продуманного истребления народов СССР ставят под сомнение. Но третейский судья, американский представитель обвинения на Нюрнбергском процессе Тэйлор заявил: «Зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями Третьего рейха на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов, директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз, и представляли собой последовательную логическую систему» [21].

Жестокость нацистского режима была такова, что, по самым скромным подсчетам, **каждый четвертый житель** из всех, оказавшихся в зоне оккупации, **не дожил до Победы, каждый третий дом, а на Украине и Белоруссии каждый второй, был уничтожен. Белоруссия до сих пор не достигла довоенной численности населения в 10,5 млн. человек.**

Таким образом, анализ документов, так или иначе отражающих результаты деятельности нацистов на оккупированной территории относительно ее демографических и социально-экономических последствий, позволяет **сделать вывод,** что режим Гитлера **виновен в национальной трагедии,** отправным моментом которой стал **регресс славянских народов.**

Все это привело также к резкому обострению демографических проблем огромного региона, если не сказать больше – **к социальной и экономической катастрофе.**

Результаты тщательного исследования демографических и социальных последствий оккупационного режима не оставляют никаких сомнений в том, что нацистскими властями осуществлялась заранее продуманная, тщательно спланированная система истребления населения СССР, в первую очередь – **славянских народов.** Такой процесс иначе как **геноцидом** [22] назвать нельзя. Все факты налицо.

Исходя из данности неопровержимых фактов, подтверждающих результаты действий нацистов (акты о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов), мы вправе заявить всему миру, что во время Второй мировой войны **мирное гражданское население славянских республик подверглось геноциду** со стороны немецких оккупантов.

Но… О холокосте евреев весь мир кричит, о геноциде армян весь мир громко говорит. О геноциде славян – стыдливое молчание.

И в заключение**.**

Я не приемлю постулат **«понять – значит простить».**

Простить – это значит забыть. Не прощать надо, а напоминать постоянно – это долг, прежде всего, нас, историков. Ибо злодейство, преданное забвению, может повториться вновь.

Библиографический список

1. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 229. К таблице расчета людских потерь СССР в Великой Отечественной войне дано примечание: «Расчет выполнен Управлением демографической статистики Госкомстата СССР в ходе работы в составе Комплексной комиссии по уточнению числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне». Указано, что документы этой комиссии находятся на хранении в Мобуправлении ГОМУ Генштаба ВС РФ (д. 142, 1991 г., инв. № 04504, л. 250).
2. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 248.
3. Здесь и далее мною использована коллекция документов ЦСУ Госплана СССР, отдела демографии, сектора численности населения, сводки статуправлений союзных республик по состоянию населения на 1-е число каждого месяца (РГАЭ, ф. 1562).
4. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 229.
5. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 245.
6. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 247.
7. Некоторые исследователи сильно преувеличивают число эвакуированных граждан СССР (до 10 млн.

человек). На этот счет есть точные данные ЦСУ Госплана СССР. На 1.01.1942 г. на восток страны было эвакуировано 3 147 728 человек (см. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 248, лл. 1-13). С учетом эвакуации населения, проведенной в первом полугодии 1942 г., общее число отправленных в тыл не превысило 4 млн чел.

8. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 564, лл. 1-10.

9. *Щекотихин Е.Е.* Орловская битва – два года: факты, статистика, анализ. В 2-х книгах. Второе издание: Книга первая. 712 с. Книга вторая. 760 с. Орел, 2008.

10. В сельской местности Орловской области на 1.11.1939 г. проживало 570 881 семей (см. ГАОО, ф. Р-2583, оп. 1, д. 120, л. 136, 136 (об.), и в пяти городах еще около 30 000 семей (точных данных нет).

11. ГАОО, ф. Р-2583, оп. 1, д. 5, л. 1. (*Примечание*: в документе отсутствует конкретная дата. На папке указано: начато – 1939 г., закончено – 1939 г.)

12. ГАОО, ф. Р-2583, оп. 1, д. 5, лл. 1–10.

13. ГАОО, ф. Р-2583, оп. 1, д. 120, л. 136, 136 (об.).

14. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М.: Воениздат, 1969. С. 430, 431.

15. Генрих Гиммлер – один из главных политических и военных деятелей нацистской Германии, с 20 июля 1934 г. рейхсфюрер СС; Альфред Розенберг – главный идеолог нацизма, заместитель Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов нацистской партии, с 20 апреля 1941 г. рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий.

16. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 7 томах. Т. 3.– М.: Юрид. лит. 1958. – С. 337.

17. См. подробно в Сборнике материалов международной научной конференции «Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны и его демографические, экономические и социально-культурные последствия» под редакцией д.и.н. Е.Е. Щекотихина. Орел: Издательство ОГУ, 2010 г.

18. Содержание Директивы ОКХ № 1736/41 от 18.12.41 г. «О мерах по усилению стойкости войск, запрещении отхода с занимаемых рубежей» почти в точности повторяет «Стоп-приказ» Гитлера (Приказ № 442182/41 от 16 декабря 1941 г. См. BA-MA RW 4/v 674).

19. BA-MA RH 20–2/257. P. 33.

20. Битва на степных просторах глазами командира батальона 482-го полка 262-й пехотной дивизии капитана Бернарда Графта (см.: BA-MA 0IIb/262. Pp. 292–298).

21. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Юридическая литература, 1991. Т. 7. С. 662.

22. Геноцид – истребление отдельных групп населения, целых народов по политическим, расовым, национальным, этническим и религиозным мотивам (от греч. *genos* – род, племя и лат. *caedo* – убиваю).

E.E. SCHEKOTIKHIN

THE CONSEQUENCES OF THE NAZI OCCUPATION REGIME ON THE OCCUPATION TERRITORY OF THE USSR

In the article the analysis of the demographic and social consequences of the Nazi occupation regime on the occupation territory of the USSR in general and on the territory of Oryol region in particular was made on the base of the archival documents which were first introduced scholarly.

Key words: ***the USSR, the Great Patriotic War, the loss of military personnel, civilian casualties, occupation regime, statictics, Oryol region.***

ФИЛОСОФИЯ

А.В.АБРАМОВ
аспирант кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета
E-mail: sashabramov@mail.ru
Тел. 8 920 904 85 51

ПРОБЛЕМА АДИАФОРЫ В ЭТИКЕ И В УЧЕНИИ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

В данной статье анализируется проблема многозначности и исторической переходности понятия адиафоры в рамках различных религиозно-философских школ. Особое внимание уделяется малоизученным аспектам в этическом учении Феофана Затворника. Выявляются истоки разногласий, вызывающих адиафорные споры в этике, требующих дальнейшего исследования.

Ключевые слова: ***адиафора, адиафорные споры, Феофан Затворник, Стоя, стоицизм.***

Данная тема, в которой рассматривается учение об адиафоре (в букв. пер. с греч. «безразличное», действие с точки зрения добра или зла), является полисемантичной проблемой, не имеющей единого концептуального решения и исторически менявшееся даже в рамках одной философской школы, например стоиков, среди которой ее учение получило особое развитие. Тем более эта проблема получила обострение и породила немало споров в рамках христианского становление религиозно-нравственного вероучения. Особенно ярко это проявилось в период Реформации среди лютеранских мыслителей (с 1548-1576 гг.), аппелировавших в спорных вопросах к Священному Писанию, в котором упоминание об адиафоре отсутствует.

Поэтому и решение по данной проблеме в этике, особенно среди религиозных мыслителей, было неоднозначным в виде временных соглашений о «средних вещах» в протестантизме или частного богословского мнения в православии, например в учении Феофана Затворника, которое мы рассмотрим далее более подробно. Из всего вышесказанного следует, что для решения проблемы адиафоры требуется конкретный исторический анализ.

При изучении стоического учения специалисты отмечают его малоизученность, особенно это касается периода ранней Стои (кон. IV века до н.э. – середина II века до н.э.). Они обращают внимание на то, что учение самих стоиков раннего периода сохранились лишь во фрагментах, и оно в основном реконструируется по более поздним источникам Диогена Лаэртского и Секста Эмпирика и др., которые нет возможности проверить по первоисточникам на точность передачи идей их авторов. [11, с.27-28]. Согласно Диогену Лаэртскому для древней Стои всякое сущее подразделялось на благое, злое и безразличное («ни то ни другое»). Единственным объектом их нравственного выбора является благо, все же остальное (по другим критериям) может быть лишь предпочитаемо [4, с. 276-277]. Безразличное, по учению стоиков, «обладает большей или меньшей ценностью» и «есть то, чем можно пользоваться хорошо или плохо» [11, с.176].

По этому поводу академик А.А. Гусейнов отмечает, что еще первые стоики учили: благо есть добродетель, зло есть порок, все остальное есть безразличное. «Однако в сфере безразличного выделяются предметы предпочтительные и избегаемые: предпочтительно все, что способствует жизни человека в ее физическом и социальном измерениях (здоровье, сила, богатство, забота о родителях, красота и т.д.), избегаемо все противоположное» [3, с. 120].

Учение об адиафоре кроме стоической параллельно формировалось и в кинической традиции и к кон. IV в. до н. э. стало нормой. Для киников адиафорой считалось все, что не ведет к единственной цели человека – добродетели. Тройное деление добродетелей на благо, зло и безразличное не было изобретением стоиков. Оно, вероятно, восходило к диалогам Платона. Так в диалоге Горгий Платон отмечает, что ни хорошим, ни дурным мы называем «то, что в иных случаях причастно благу, в иных – злу, а в иных ни – тому ни другому, как например, «сидеть», «ходить», «бегать», «плавать» [8, с. 502].

Анализируя этическое учение стоиков, Секст Эмпирик отмечает, что среди стоиков производится и дальнейшее различение на вещи «предпочтительные», соответствующие природе, такие как здоровье, телесная крепость, красота, богатство, слава, и вещи, противные природе, которые следует избегать. К их числу относятся: болезнь, боль, бедность. И наконец, на «то, что не вызывает ни стремления, ни отвращения к себе, как, например, то четное или нечетное количество звезд или волос на голове» [9, с. 17].

Членение «безразличного», придававшее ему несоизмеримо высокий предметный статус внутри этического поля, свидетельствовало о недостаточ-

© А.В.Абрамов

ной строгости этической теории и вызвало негативную реакцию уже среди ранних стоиков. Так, например, Аристон Хиосский считал все «безразличное» абсолютно безразличным и вообще не принимал его во внимание. А для Средней и Поздней Стои (II-I века до н.э. - I-III века н.э.) был характерно введение понятие «предпочитаемого» как разновидности блага и целеполагания [10, с. 17]. В этот период адиафорное учение переходит в обиход этических наставлений.

Среди христианских мыслителей к понятию адиафоры первыми обратились представители II-III вв. Александрийской школы: Климент Александрийский и Ориген, пытавшиеся в рамках христианского вероучения использовать античное философское наследие. Так, например, Климент Александрийский в своем произведении «Строматы» пишет: «то, что не есть добро, не является обязательно злом. Есть вещи, стоящие посреди добра и зла, и среди них некоторые следует предпочитать, а некоторые отвергать» [5, с. 71]. Этические учение Оригена также во многом созвучно античному философскому представлению об адиафоре. Он утверждает, что жизнь и смерть, поскольку ими в равной мере с христианами обладают и язычники и неразумные звери, безразличны для христианской нравственности.

Однако уже в учении Оригена существует и отличие от античной традиции, которое проявляется в том, что такие качества, как мудрость и мужество, он относит к разряду адиафоры, и они обладают способностью превращаться в благо в зависимости лишь от того, содействуют ли они прославлению Бога и проявлению любви к ближнему или нет. Кроме Климента Александрийского и Оригена проблема адиафоры затрагивалась также в трудах Лактация, Василия Великого, Амвросия Медиоланского, Августина Аврелия и Иоанна Кассиана Римлянина. Но с течением времени круг «безразличных» вещей среди христианских мыслителей постепенно сужался, например, уже в нач. V в. Августин Аврелий отрицал возможность существования «нейтральных» человеческих поступков. Также происходила переоценка ценностей некоторых сторон жизни человека, когда такие ценности, как девственность и брак, считавшиеся с философской точки зрения адиафорой, приобретают достоинство истинного блага.

По этому поводу справедливо пишет современный исследователь данной проблемы А.Ю. Миронов, что: «в христианской этике понятие адиафоры отмечает границу между утверждающими и запрещающими заповедями как Божественными установлениями и тем самым выделяет объект и содержание как прямо не запрещенного, так и явно не разрешенного, т.е. маркирует спорную область человеческой свободы и переходных явлений, всегда проблематичных в силу их зависимости от исходных предпосылок, критериев и принципов интерпретации» [7, с. 301-302].

Тонкая грань между разрешенным и запрещенным в религиозной этике становилась постепенно настолько узкой и точно не определенной, что при решении вопроса, что считать адиафорой и существует ли вообще такая «промежуточная область», безразличная с точки зрения добра и зла, вызывала сомнения и споры среди ее исследователей. Так, например, среди лютеран в XVI вв. происходили неоднократно дискуссии о содержании понятия адиафоры относительно некоторых обрядов и обычаев в церковной жизни, которые, как безразличные, могут быть соблюдаемы и не соблюдаемы без нарушения Священного Писания, эта проблема касалась допустимости для христиан посещения театра, участия в танцах и играх. Ортодоксальные лютеране считали вышеназванные действия безразличными, а пиетисты утверждали, что с этической точки зрения нет деяний безразличных и потому вышеназванные действия недопустимы для христианина. Хотя этот спор и закончился между ними временным соглашением, но окончательно так и не был решен [1, с. 41].

Среди христианских мыслителей более позднего времени также нет единства по решению проблемы адиафоры. Ими высказываются суждения по данному вопросу от гипотетических до гиперкритических. Святитель Феофан Затворник (1815-1894) не высказывал по этой проблеме категоричных суждений, но отмечал, что хотя и бывают действия безразличные, однако даже если незначительные на вид действия получают определенную цель, то они уже перестают быть безразличными.

Вообще любое сознательное действие, исходящее от человека и имеющее определенную цель, непременно имеет определенное нравственное качество с позиций добра и зла [15, с. 202]. Также нравственное действие во многом зависит от того, кто его совершает, в каком месте и в какое время [14, с.209]. Феофан Затворник допускал безразличные действия при определенных условиях. По его учению, все нравственные действия человека подразделяются на обязанности, советы и действия безразличные. Большая часть предметов возведена в неизменное правило и закон так, что не желать и не делать их нельзя. Они составляют круг обязанностей человека. Несколько предметов предлагаются в виде советов. Многие из дел остаются без определения их значения, такие дела называются

безразличные, которые не добры и не злы сами по себе. [13, с. 41-42].

Так, профессор СПбДА А.А. Бронзов в конце XIX в. отрицал существование адиафорных действий, которые безотчетно используют в своей повседневной речи некоторые современные моралисты. Он полагал, что если и можно допустить применения адиафоры при решении вопросов юридических подобно немецкому философу Ф. Шлейермахеру (1768-1834), то в сфере нравственности такой подход является абсолютно неприемлемым. По его учению, наше нравственное чувство не оставляет без внимания и оценки ни одного нашего нравственного действия. Если же допустить существование безразличных действий, то пришлось бы допустить, что в некоторых случаях наше нравственное чувство относится совершенно безучастно к определенным человеческим поступкам, против чего, однако, говорит как внимательное беспристрастное самонаблюдение, так и свидетельства, сообщаемые нам о себе другими людьми [2, с. 109, 126].

Обязанности рассматриваются Феофаном Затворником как заповеди, исполнить которые есть необходимый долг каждого их них. В отличие от обязанностей советы даются в виде рекомендаций, которые человек вправе принять по мере необходимости на свое усмотрение. Также существуют безразличные дела, совершения которых целиком остаются на личном усмотрении человека. Нравственные действия определяются предметами, целью и обстоятельствами. Заповеди Божии составляют основу нравственной жизни, советы выше закона, а безразличное действие ниже его [12, с. 120].

В современной светской этике по проблеме адиафоры существует точка зрения, с которой, на наш взгляд, можно согласиться, высказанная профессором П.Е. Матвеевым, что адиафорные действия могут быть «*безразличны* для *греха*, но *не безразличны* для *добра* или *зла*, что вообще исключено, учитывая всеобщность морали» [6, с. 68].

Подводя итог данной работы, стоит отметить, что в рамках одной статьи нельзя исчерпать всей проблематики решения по вопросам адиафоры. Поэтому ее следует рассматривать лишь как вводную часть к исследованию, для которого требуется дальнейшая специальная фундаментальная работа.

Библиографический список

1. Адиафорный спор. Христианство: Энциклопедический словарь в 3т. Т.1. Под ред. Аверинцева. М.: Большая Российская энциклопедия,1993. 863с.
2. *Бронзов А.А.* Нравственно-безразличное и «дозволенное». СПб., 2009. Архив журнала «Христианское чтение», 1897. №1.
3. *Гусейнов А.А.* Долг.Этика: Энциклопедический словарь. Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с.
4. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; Перевод М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571с.
5. *Климент Александрийский.* Строматы (кн. 4-5). Т. 2. Подготовка текста, пер. и коммент. Е.В. Афанасина. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. 336с.
6. *Матвеев П.Е.* Моральные ценности. Владим. гос. ун-т. Монография. Владимир, 2004. 190с.
7. *Миронов А.Ю.* Адиафора. Православная энциклопедия / Под общ ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т.1. М.: Церковно-научный центр Русской Православной церкви «Православная энциклопедия», 2000. 752с.
8. *Платон*. Горгий. Собр. Соч. в 4т. Т. 1. Общ. ред А.Ф. Лосева и др.; Авт. Вступит. Статьи А.Ф. Лосев. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. 860с.
9. *Секст Эмпирик*. Книга XI. Против этиков. Соч. в 2т. Т.2. Против ученых. Общ. ред. А. Ф. Лосева. Пер. с древнегреч. М., 1976. М., «Мысль», 1970. 421 с.
10. *Столяров А.А*. Адиафора. Этика: энциклопедический словарь. Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова и др. М: Гардарики, 2001. 671с.
11. *Столяров А. А.* Стоя и Стоицизм. М.: АО «Ками Груп», 1995, 448с.
12. *Феофан Затворник* Вышенский, свт. Начертание христианского нравоучения. М.: Лепта Книга, 2008. 752с.
13. *Феофан Затворник*, свт. Воплощенное домостроительство. Опыт христианской психологии в письмах. М. 2008. 464с.
14. *Феофан Затворник*, свт. Малые произведения. М.: Правило веры, 2008. 622с.

A.V. ABRAMOV

THE PROBLEM OF ADIAPHORA IN THE ETHICAL DOCTRINE OF FEOFAN ZATVORNIC

It is analyzed a problem of multiple meaning and historical transitivity of the concept "adiaphora" within limits of various religious-philosophical schools in this article. Also it's payed attention to little-studied aspects s in the ethical doctrine of Feofan Zatvornic. It's exposed the origins of difficulties that became the reasons of argument about adiaphora in the ethic and it's showed that it needs a further scientific research.

Key words: ***adiaphora, the adiaphora arguments, Feofan Zatvornic, Stoa, stoicism.***

Ю.Ю. РЕЗВАЯ

аспирант кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета
E-mail: rezvaja2010@yandex.ru
Тел. 8 910 183 07 51, 8 904 594 17 90

ПОНЯТИЕ О ГРЕХЕ В ТРУДАХ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО И В СВЕТСКОЙ ЭТИКЕ

В данной статье рассматривается понятие греха как в светской этике, так и в трудах Тихона Задонского. Проводится сравнительный анализ указанных точек зрения. Рассматривается классификация грехов, данная святителем, обращается внимание на средства борьбы с грехом, выделенные Тихоном Задонским, а также на особую группу грехов – страсти.

Ключевые слова: ***зло, грех, порок, страсти, наивысшая форма зла, наивысшая форма добра.***

Прежде чем говорить о понятии греха у Тихона Задонского, необходимо определить, как трактуется это понятие в светской этике. В этимологическом словаре М. Фасмера сказано, что слово «“грех” связано с греть, с первоначальным значением “жжение (совести)”»[14, с.456]. Грех у С.И. Ожегова определяется в первом значении, как «у верующих: нарушение религиозных предписаний»[9, с.142], а во втором значении как «предосудительный поступок»[9, с.142]. В энциклопедическом словаре Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова грех определяется как «религиозно-этическое понятие, обозначающее нарушение (преступление) нравственного закона (заповеди), христианская интерпретация морального зла»[8, с.96].Таким образом, можно сделать вывод, что понятие “грех” имеет как религиозное, так и светское значение.

Понятие греха истолковывал и такой философ и теолог, как С. Кьеркегор. Он считал, что когда человек творит зло перед Богом, – это и является грехом. Философ писал: «Грешат, когда перед Богом или же с идеей Бога, отчаявшись, не желают быть собою или же желают быть таковым»[4, с.305]. С. Кьеркегор не считал, что противоположностью греха является добродетель. Он ссылается на послание апостола Павла к римлянам: «А все, что не по вере, – грех»[1, Рим 14-23].«Однако очень часто забывают, что противоположностью греха вовсе не является добродетель. Это было бы скорее языческим взглядом на вещи, который довольствовался бы чисто человеческой мерой, не сознавая, что такое грех и чем он является перед Богом. Нет, противоположностью греха является вера»[4, с.309]. Философ считал, что, с одной стороны, справедливо будет считать язычество погрязшим во грехе (хотя причиной последнего было незнание Бога), но, с другой стороны, если грех – это грех перед Богом, а язычник Бога не ведал, следовательно, возможно не считать язычника грешником.

Грех С. Кьеркегор тесно связывает с отчаянием и возмущением. «Грех – это либо слабость, либо вызов, доведенные до высшей мощи, стало быть, грех – это сгущение отчаяния»[4, 305]. «Возможность возмущения действительно присутствует в христианском определении греха. Она заключена в словах: “перед Богом”. Язычник, естественный человек охотно могут признать существование греха, однако эти слова: “перед Богом”, слова, без которых греха не существует, – это для них уже чересчур»[4, с. 313]. С. Кьеркегор полагал, что человек грешит не потому, что не хочет понимать последнее. «Грех состоит не в том, что не понимают правого, но в том, что его не желают понять, не желают правого»[4, с.319]. С. Кьеркегор не признавал коллективный грех, он считал, что «доктрина греха, индивидуального греха… – это доктрина, которая безвозвратно рассеивает “толпу”, углубляет различие природы между Богом и человеком более серьезно, чем это когда-либо делалось… и только Бог способен на это»[4, с. 341].

Православная и католическая этики не могут принять учение о зле С. Кьеркегора потому, что они содержат в себе учение о первородном грехе и не считают, что человек может спастись один, без помощи Церкви. Однако учение С. Кьеркегора небесполезно для этики светской. Философ исследовал природу греха, его переживание. Однако у С. Кьеркегора понятие греха слишком сужается. Грех рассматривается в отношении веры в Бога. Также, следует отметить, что и коллективный грех имеет место быть.

Хотя не существует четкого понятия греха, однако его «можно и нужно использовать в светской этике как определенную категорию, обогатив ее при этом тем значением, которое открывается при теоретическом изучении феноменов, обозначаемых

© Ю.Ю. Резвая

данным словом»[6, с.65]. Грех можно определить как злой поступок, совершенный тогда, когда существовала свобода выбора, также грех – это разновидность зла, отрицательная моральная ценность.

Необходимо отметить, что не всякое зло является грехом, тогда когда любой грех – это зло. «Грех – не предстает просто пребыванием во зле, а есть созидание зла… Греха нет там, где отсутствует действительная или возможная свобода»[6, с. 66]. Грехи можно подразделить на "вольные", т.е. те, которые человек совершает по собственной воле, "невольные", те, которые совершаются неосознанно, "подневольные", т.е. такие грехи, которые человек совершает против собственной воли. «Грехи могут быть также моральные, как совершаемые над природой, собственной или внешней, нравственные, совершаемые перед обществом, и этические. Этический грех мы творим в том случае, когда принимаем нравственные нормы и связанные с ними обязательства (приносим обеты), а потом их нарушаем»[6, с.66-67]. Необходимо учитывать, что за грех человек несет особую ответственность, более высокую чем за "негреховное" зло, которого избежать в жизни невозможно, хотя это не снимает с человека нравственной вины за него. Избежать же греха – это вполне реализуемая задача, к чему каждый человек должен стремиться.

Существует также понятие "порок", которое используют как в религиозной, так и в светской этике. В энциклопедическом словаре под редакцией Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова порок определяется как «противоположность добродетели, негативное (подлежащее нравственному осуждению) качество человеческого характера, явленность морального зла в индивидуальном сознании и поведении»[2, с.365].

В христианском истолковании зло появилось в бесплотном, ангельском мире. «Один из высших ангелов (Денница), обладая свободой и той силой, которую Господь дал ангелам, захотел отделиться от Бога, т.е. начал бунт. За Денницей последовали еще другие ангелы, – так возникло "царство Сатаны"»[3, с.93]. Важно отметить, что в христианской этике, как и в светской, считается, что зло не является автономной сущностью. «Оно – не безначально, не самобытно, не сотворено Богом", – подчеркивает святитель Григорий Ниский… Зло… есть некое искажение первоначального замысла Творца – искажение, причиной которого была свободная воля диавола и демонов, добровольно отдалившихся от Бога»[7, с.42].

Обратимся теперь к учению святителя Тихона Задонского о зле. Он считал, что на земле зло появилось после нарушения человеком Божией заповеди. Она заключалась в запрете вкушения плодов от древа добра и зла. Святитель Тихон Задонский утверждал, что человек сам не пошел бы на совершение греха, если бы Сатана не позавидовал бы чужому блаженству. Именно лукавый змей склонил свободу воли Евы к нарушению Божией заповеди. Дьявол посеял в первых людях недоверие к Создателю. Однако, считая сатану прежде всего виновным во грехе, святитель Тихон не снимает ответственности с человека, которым овладела гордость. Вследствие чего люди потеряли бессмертие, благодать, общение с Богом. «Грех нарушил целостность природы человека и лишил его сил к достижению его великого назначения»[5, с. 15]. Зло было допущено, т.к. и ангелам, и человеку была дана свобода. Именно по свободной воле можно встать на путь добра или зла. Без свободы теряет ценность всякая добродетель, ибо человек, в таком случае, просто не может творить зло, у него нет выбора, а значит – и нет никакой заслуги в том, что он творит добро. Без свободы воли нет моральной ответственности.

Следует отметить, что грехопадение повлекло за собой определенные последствия. Разорвался союз человека с Богом, способности и свойства души "испортились", нарушилась гармония. Воля человека, прежде стремящаяся к благу, стала желать зла, тело вышло из повиновения духу, совесть перестала отражать истину. По словам святителя Тихона Задонского, человек «был свободен, но сделался пленником, был свят и чист, но сделался скверен и мерзок; был доброобразен и светел, но остался безобразен и темен; был храмом Святого Духа, но сделался жилищем нечистых духов»[5, с. 172]. Грех распространился на весь человеческий род. Однако, по христианскому учению, Иисус Христос совершил спасение людей Своим воплощением, крестной смертью и воскресением.

Тихон Задонский определяет грех как «преступление заповеди Божия»[13, с. 3]. Святитель также приводит в своих трудах определения греха Иоанна Златоуста: «Грех есть болезнь души… корень смерти… демон самопроизвольный и безумие добровольное»[12, с. 124]. Без участия человека Бог не может его спасти, поэтому первый должен очистить свою душу от греха. По учению святителя Тихона, существуют три фактора, способствующие удалению от Бога. Это греховная плоть ветхого человека, греховные мирские соблазны и дьявол. Также святитель выделяет грехи, которые особенно отдаляют человека от Бога и подразделяет их на три группы. Первая группа – это семь смертных грехов: гордость, сребролюбие, блуд, чревоугодие, зависть, гнев, уныние. Вторая группа грехов – грехи, направленные против Святого Духа: отчаяние, излиш-

нее упование на Божию милость, «сопротивление познанной истине Священного Писания и догматов веры, апостолы и отцы святыми утвержденныя»[5, с.307]; зависть, пребывание во грехах; нерадение о спасении души. Третья группа грехов – грехи, "вопиющие на небо к Богу и просящие отмщения". Это вольнее убийство, содомский блуд, обида нищих, вдов и сирот, а также удержание или не выдача «мзды наемникам и делателям»[5, с. 307].

Неоднократно Тихон Задонский писал о том, каким огромным злом является грех. Он омрачает душу человека, и поэтому последний уже не может отличить добро от зла. «Всяким грехом величие Божие оскорбляется… Человек, когда грешит, более слушает похоть свою, нежели Бога… Грех разлучает человека от Бога… Грехом раздраженная совесть мучит человека,… которое мучение тяжко есть так, что часто и в отчаяние приводит… За грех геенна, ад и вечное мучение уготовано… Грех и временные казни наводит…»[12, с.115-119]. По учению Тихона Задонского люди делятся на два царства: Царство Христово и царство сатаны. Первые идут "узким путем", путем христианских добродетелей, таких как смирение, послушание, терпение, милосердие, любовь. Вторые идут "широким путем", путем вседозволенности, беззакония.

Грех заключается не только в дурных делах, но и в мыслях и словах. Святитель Тихон писал: «Грех бывает делом, словом, помышлением, желанием и намерением. Делом, как-то: убийство, хищение и прочее; словом, как-то: хула, злословие, клевета, сквернословие и прочее; помышлением, как-то: … тайная ненависть, злоба и прочее; желанием и намерением, как-то: похоть нечистоты, желание чужого добра, мщения…»[12, с. 114].

Грех есть не только то, что запрещено Божиим законом, а делается, но грех есть и то, что повелено Божиим законом, но не делается. Святитель Тихон приводит пример, что не только убивать нельзя, но и не подать утопающему руку тоже недопустимо. Грехом также является и доброе дело, которое сделано с дурными намерениями, творится не во славу Божию, а в свою собственную. «Лицемерие обесценивает все добродетели, в том числе смирение, молитву, любовь, веру, вообще служение Богу, и есть, – по святителю Тихону, – "знамение самолюбия" и прямо неверия»[10].

Задонский святитель указывал также на некоторые средства борьбы с грехом. Среди них: молитва; память смертная; избегание соблазнов, мелких грехов; память о том, что Бог все видит, о наказаниях за грехи; размышления о том, что своими грехами люди распинают Христа; чтение слова Божия и другое. Христианину также необходимо помнить, что преодолеть грех он может только с Божией помощью.

Важно отметить те грехи, на которые святитель Тихон обращал особое внимание, называя их страстями, т.е. такими грехами, которые во всей полноте господствуют в душе человека. К страстям Тихон Задонский относил: гордость, зависть, гнев и злобу, клевету, осуждение, самолюбие и славолюбие, сребролюбие, лесть и лукавство, праздность, пьянство, блуд, уныние (печаль). Все вышеперечисленные грехи тесно взаимосвязаны. Следует отметить, что в православном учении к страстям относят следующие грехи (их восемь): чревоугодие, любодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Такая схема несколько отличается от той, которую создал в своих трудах Тихон Задонский. Возможно, эта разница связана с влиянием на святителя Запада. Например, «в православной аскетической схеме восьми порочных помыслов зависть не получила самостоятельного места. Она трактовалась в качестве одного из побочных следствий сребролюбия. В католической традиции зависть входит в список кардинальных пороков и семи смертных грехов»[11, с. 146].

К учению епископа проявляется большой интерес среди нравственных богословов. Однако в светской этике нравственные воззрения Тихона Задонского не получили должного освещения, хотя и она должна высказать свое мнение. Интерес состоит в согласовании светского и религиозного подходов к изучению морали. Светская этика не противоречит этике христианской, а напротив, содержит общие с ней положения. В случае Тихона Задонского показательно, что он исследовал, так же как и светская этика, такие понятия, как добро, зло, грех, добродетель, долг и другие. Святитель составил свою схему, структуру грехов. В раскрытии Тихоном Задонским как форм зла, так и добра можно увидеть диалектику ценностей. Наивысшей формой зла, по мнению святителя, является гордость. Из нее вытекают другие пороки. В свою очередь, основой добродетелей Тихон Задонский считал веру. Следовательно, структура ценностей раскрывается не "снизу вверх", а "сверху вниз", от "высшего" к "низшему". Следует отметить, что светская этика признает такую структуру и Тихон Задонский интуитивно чувствовал ее истинность. И это не единственный пример совпадения идей представителя православного нравственного богословия с идеями современной светской этики. Необходимо отметить также, что в XVIII веке в России собственно отсутствовала светская этика, и учения религиозных мыслителей о морали приобретали общественное всероссийское значение.

Тихона Задонского называют “российским Златоустом”, его проповеди действительно имели огромное значение два столетия назад. Но и сейчас литературное наследие святителя не теряет своей актуальности как для религиозной, так и для светской русской этики, ибо они посвящены жизни и поведению нравственного человека.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское Общество, 2000. 1344 с.
2. *Гусейнов А.А*. Порок // Этика: Энциклопедический словарь. Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А.Гусейнова. М.: Гардарики, 2001, 671 с. ISBN 5-8297-0049-2
3. *Зеньковский*, протоиерей Василий. Апологетика. М.: Издательский Дом “Грааль”, “Христианская литература”, 2001, 248 с. ISBN 5-94688-046-2
4. *Кьеркегор С*. Болезнь к смерти. Страх и трепет. Пер. с дат. М.: Республика, 1993, 383 с. ISBN 5-25-01827-0
5. *Маслов*, схиархимандрит Иоанн. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Из-е 2-е. М.: САМШИТ, 1995, 512с. ISBN 5-900937-03-8
6. *Матвеев П.Е.* Моральные ценности. Владим. гос. ун-т. Монография. Владимир, 2004, 190 с. ISBN 5-89368-492-3
7. *Митрополит* Смоленский и Калининградский Кирилл. Слово пастыря. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2004, 424 с. ISBN 5-94625-093-0
8. *Михеева И.Н*. Грех. Этика: Энциклопедический словарь. Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А.Гусейнова. М.: Гардарики, 2001, 671 с. ISBN 5-8297-0049-2
9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Ок. 60000 слов и фразеологических выражений. Под общ. ред. проф. П.И. Скворцова. 25-е изд-е, испр. и доп. М.: ООО “Издательство Оникс”; ООО “Издательство Мир и Образование”, 2007, 976 с. ISBN 978-5488-00937-0 (ООО “Издательство Оникс”, 1-й з-д); ISBN 978-5-94666-376-2 (ООО “Издательство Мир и Образование”, 1-й з-д); ISBN 978-5-488-00938-7 (ООО “Издательство Оникс”, 2-й з-д); ISBN 978-5-94666-377-9 (ООО “Издательство Мир и Образование”, 2-й з-д)
10. *Павлык*, иеромонах Николай. Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского. Магистерская диссертация //http://www.stsl.ru/lib/book10/index.htm
11. *Прокофьев В.А*. Зависть. Этика. Энциклопедический словарь. Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001, 671 с. ISBN 5-2897-0049-2
12. *Святитель Тихон Задонский*. О истинном христианстве. Кн.1 Ч.I. Ст.3. О грехе вообще и сопутствующих греху. Гл.1. Как великое зло есть грех. Творения свт. Тихона Задонского. Изд-е 5-е. Т. I-V. : Издательство Псково-Печерского монастыря. Т.II,1994, 359 с. ISBN 5-87468-021-7
13. *Святитель Тихон Задонский*. О тайне святой покаяния //Творения свт. Тихона Задонского. Изд-е 5-е. Т. I-V. – .: Издательство Псково-Печерского монастыря Т.I,1994, 244 с. ISBN 5-87468-021-7
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т.1 (А-Д): пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Под ред. и с предисл. БА Ларина. 2-е изд-е, стер. М.: Прогресс, 1986, 576 с.

Y.Y. REZVAYA

A CONCEPT ABOUT SIN IN TIHON ZADONSKY'S WORKS AND IN SOCIETY ETHICS

A concept of sin both in society ethics and Tihon Zadonsky's works is examined in the present article. A classification of sins given by the prelate is examined, the means of struggle with sin picked out by Tihon Zadonsky and also special group of sins-passions are noticed here.

Key words: ***evil, sin, vice, passions, the highest form of evil, the highest form of good.***

В. Л. ТИХОНОВА
аспирант кафедры философии Астраханского государственного университета
E-mail: opera-15@mail.ru
Тел. 8 906 456 22 67

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ШКОЛЫ «АННАЛОВ» и А. ГУРЕВИЧА

В статье рассматриваются подходы к проблеме времени в культуре средневековой Европы представителей школы «Анналов» и А. Гуревича. Предавая бессознательным представлениям форму осознанных категорий, исследователи пытались выявить ментальную среду, общую для всех слоев средневекового общества. В результате, автор статьи приходит к выводу, что подход А. Гуревича, предложившего концепцию культурных категорий к решению указанной выше проблемы, является наиболее продуктивным.

Ключевые слова: ***категории культуры, средневековая культура, ментальность, время, восприятие времени.***

Проблема изучения человека в гуманитарных науках остается наиболее актуальной. Человек является творцом культуры, но в то же время он ее продукт, и именно через его миропонимание можно определить как культурную особенность эпохи, так и понять его самого, потому что каждая культура создана определенным отношением человека к миру и самому себе. Представители французской школы «Анналов» предложили исследовать глубинные структуры сознания людей, отражающие особенность культуры, к которой они принадлежат. Для понимания далекой эпохи необходимо обратиться, прежде всего, к ментальной среде, породившей все памятники средневековой культуры, включая и высшие достижения этого периода.

Поведение людей обуславливается их мышлением, которое, вмещая определенные образцы, ценности, нормы, признанные обществом сами собой разумеющимися, остаются неосознанными. Поэтому исследователи, занимая трансцендентную позицию по отношению к изучаемому процессу, предают бессознательным представлениям форму осознанных категорий, через которые возможны описания ментальности, являющейся одной из основных понятий школы «Анналов».

В данной статье мы рассматриваем подходы к проблеме времени в культуре средневековой Европы представителей школы «Анналов» и А. Гуревича.

Вопрос о восприятии времени и пространства людьми средневекового общества впервые был поставлен одним из основателей школы «Анналов» М. Блоком. Ментальность эпохи Средневековья он рассматривал как отражение в сознании людей социальной структуры феодального общества, включающей экономические факторы, материальные условия жизни, межличностные отношения, отношения к природе, к христианской религии. По наблюдению М. Блока, не последнюю роль играет коллективная память, запечатлевшая свои представления в эпосах и других памятниках предшествующей Средневековью эпохи. Но рассматривая категории времени, М. Блок не применяет указанный выше подход и не включает данную проблему «в соответствующий социальный контекст» [4, с. 197]. Он отмечает только факт равнодушного отношения средневековых людей ко времени [1, с. 138], с чем не может согласиться Ле Гофф (представитель третьего поколения школы «Анналов»), который рассматривает восприятие времени в средневековую эпоху в качестве социокультурной проблемы. Для проведения исследования он выбирает период 12-14 веков, как наиболее динамичный в социальных структурах общества и соответственно в ментальностях людей. Исследования проводятся как в синхронном, так и в диахромном срезе.

Ле Гофф указывает на тот факт, что время, как атрибут человеческого сознания, по-разному воспринимается представителями разных страт, но в то же время существует нечто общее в его переживании всеми представителями общества независимо от социальной принадлежности. Разделяя точку зрения М. Блока о приблизительности и неточности в отношении измерения времени, Ле Гофф опровергает представление о безразличном к нему отношении в Средние века, указывая на тот факт, что подобные выводы можно сделать с позиции современных людей, воспринимающих время в аспекте, зародившемся в Новое время, когда «появляется выражение время – деньги» [4, с. 197] и соответственно необходимость четкого систематизирования времени труда и досуга. В Средние века существовало достаточно серьезное отношение ко времени, которое, по мнению Ле Гоффа, проявлялось в отношении к сезонным работам, а также во

© В.Л. Тихонова

взгляде «на время как на возможность спасения души» [4, с. 197].

В установках в отношении ко времени Ле Гофф выявляет «внутренние связи между социальной системой и духовной жизнью, между материальным и ментальными структурами» [4, с. 197] т. е., по его мнению, на изменения в восприятии времени оказывает влияние социально-экономическое развитие общества. В основе средневекового восприятия времени лежало аграрное циклическое время. Средневековое время ориетировано на аграрную форму жизни, подчиненную природным ритмам, что откладывало отпечаток на ментальность людей, которая проявлялась в особом переживании контраста дня и ночи, зимы и лета. Это являлось причиной легкого восприятия идей манихейства с его оппозициями «мрака и света, холода и тепла, жизни и смерти, деятельности и праздности» [3, с. 168]. Церковное (литургическое) время, сближаясь с аграрным временем, ставило последнее под свой контроль. Это проявлялось, по наблюдению Ле Гоффа, в литературе, предназначенной для паствы, в которой перечислялись разного рода наказания за «несоблюдение запретов, связанных с сакральным временем» [4, с. 198], таким образом оказывая воздействие на сознание людей.

Теологи, являясь представителями элитарной культуры общества, время воспринимали как линейное, хотя в церковной практике подобная трактовка не применялась. Церковь приурочила литургическое время к сельскохозяйственным работам, тем самым «создавая» ритм жизни средневекового общества. Социальный контроль над временем откладывал в сознании людей представление о времени как собственности Бога. При этом власть церкви распространялась не только в земной жизни, но и регулировала возможность попасть в рай или ад посредством исповеди, покаяния, индульгенции, мессы, отпущения грехов. Иными словами, вполне обоснованно мнение Ле Гоффа о том, что «время в его вечном аспекте также находилось в руках церкви» [4, с. 198].

Ле Гофф проводит параллель с античным, циклическим восприятием времени, наложившим отпечаток на средневековую ментальность, отразившуюся в различных мифах, например, о колесе Фортуны, нашедшее свое воплощение в готической розе. Одновременно в обществе распространилась Библейская теория исторического времени, согласно которой история имеет начало (сотворение мира) и завершение (конец света, страшный Суд) (Августин, Исидор Севильский и др.) [3, с. 157], что откладывает отпечаток на средневековое мышление и чувствование, «проникнутое глубоким пессимизмом» [3, с. 197], представлением о мире, стоящем на пороге гибели. Именно такое восприятие во многом явилось причиной восхваления прошлых времен в работах средневековых авторов. (Оттон Фрейзингерский и др.)

Ле Гофф утверждает, что в средневековом обществе существовала «множественность времен» [3, с. 166], в связи с чем проявляются разные отношения к измерению времени. Например, для крестьян, составляющих большую часть населения, хронологическим ориентиром являлось аграрное время «большой длительности» [3, с. 167], не приемлющее перемен и отличающееся относительной неподвижностью. Время сеньора связано с военными действиями. Церковное время связано с литургией и поэтому нуждалось в более точном его измерении. Ремесленники и торговцы особенно четко ощущали противоположности дня и ночи, зимы и лета, что связано с существованием цеховой регламентации. Мистики представляли время в аспекте вечности, преодолевая его текучесть.

XII – XIII века – время подъема в экономической сфере, что ведет к росту городов и появлению новых социальных страт: ремесленников, а позднее купечества. Меняется ритм работы. Меняется отношение ко времени, появляется необходимость более точного определения времени городским населением. Как результат – изобретение механических часов. Если колокольный звон символизировал церковный контроль над временем, то башенные часы знаменуют появление другой социальной силы, ремесленников и торговцев, выступающей соперником церкви в контроле над временем. Так складывается конфликтная ситуация между представителями церкви и купечеством. С появлением механических часов происходит изменение в понимании времени в сознании людей. Время теперь «не зависит от человека, оно не антропоморфно и внутренне безразлично к своему содержанию» [4, с. 202].

Ле Гофф исследует как «материальные аспекты, пространства и времени, так и те представления, посредством которых люди Средневековья воспринимали историческую реальность» (Гур послесловие к Ле Гоффу с. 6), считая, что именно материальные условия и воображения людей в их единстве складывают историческую реальность, при этом время – это «аспект общественного сознания» [4, с.205].

Изменения в ментальных структурах общества, вызванные изменением в экономической практике 12-13 веков, открывают «новую цену времени» [2, с. 44], которое становится эквивалентом пространства, рассматривающееся как продолжительность пути.

Ладюри (представитель третьего поколения школы «Анналов») признает концепцию Ле Гоффа о существовании «множественности времен», но в отличие от последнего, в центре исследования которого находилось «время церкви» и «время купца», Ладюри интересует повседневное восприятие времени простых людей, относящихся к деревенской культуре.

Ладюри также отмечает неточное и нечеткое обозначение времени людьми Средних веков, называя его «безвременной цивилизацией» [7, с. 338]. В отличие от Ле Гоффа, Ладюри считал, что церковь (просвещенный класс) не полностью монополизировала время в качестве средства социального контроля, указывая на частичную христианизацию времени суток (ночное время, в отличие от дневного, было свободно от влияния церковных распорядков). Ладюри приводит примеры словесного обозначения времени, показывающего конктретно-образное восприятие действительности жителями деревни.

Отечественный медиевист А. Гуревич считал, что принцип «тотальной истории», провозглашенный школой «Анналов», состоит не в эклектичном описании всех возможных аспектов общественной жизни, а прежде всего, он предполагает исследование взаимосвязей между различными сторонами исторической жизни и особенно между материальным и идеальным аспектами общества. Сферы социальной жизни, которые традиционно считались несвязанными и достаточно независимыми друг от друга, например богатство и религия или имущественные отношения и магия, согласно А. Гуревичу, могут оказаться тесно связанными.

Продолжая исследовательскую традицию школы «Анналов», А. Гуревич создает свою методику, представляющую собой относительно объективный подход к изучению имеющегося материала прошлых эпох. Он предложил выявить основные универсальные категории культуры, являющиеся определяющими категориями сознания людей, проявляющиеся во всех творениях культуры. Гуревич имел в виду «сетку координат, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [5, с. 26]. Человеческое поведение соответствует не столько объективным условиям, сколько определяется мировоззрением. Соответственно, изучение мировоззренческих категорий дает ключ к пониманию социального поведения и метода соединения вселенной [8, с. 144].

Несмотря на различную идеологию, убеждения, мировоззрение представителей средневекового общества или отдельных групп, все же имеется единая основа, на которой они образуются. Таким фундаментом являются категории культуры. А. Гуревич считал, что они образуют основной семантический «инвентарь» культуры. Находясь в глубинах сознания, категории не осознаются людьми, поэтому А. Гуревич считал, что их следы следует искать в языке и других семиотических системах, таких как религия, искусство, наука.

Категории культуры А. Гуревич условно разделил на космические (время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому) и социальные (индивидуум, социум, труд, богатство, собственность, право, справедливость). А. Гуревич считает, что эти типы категорий тесно переплетены между собой во всех культурах. Они свойственны людям любой культуры, но содержание их различно на каждом этапе развития культуры.

Опираясь на труды представителей школы Анналов, А. Гуревич начинает анализ категорий времени эпохи Средневековья с переживания времени в дохристианский период. Применение данного подхода связано с его убеждением о медленной трансформации глубинных пластов сознания, которые не всегда изживаются полностью и отражаются в ментальностях людей. Поэтому он рассматривает преломление категорий в мифологическом сознании, обращая внимание на особенность мышления людей в примитивных обществах, носившее конкретно-чувственный характер, воспринимающее время в его целостности, что дает возможность говорить о качестве «вневременности» [5, с. 32].

А. Гуревич обращает внимание на тот факт, что мифологическое сознание, не отделявшее себя от природы и находящееся в ее зависимости, не было способно рассматривать природу в качестве объекта. В варварских обществах циклическое восприятие времени, постоянно повторяющееся, определяло мировоззрение, отрицавшее все новое, индивидуальное, создавшее таким образом тенденцию к традиционализму во всех сферах жизни людей. А. Гуревич считает, что особое отношение ко времени связано с существованием в архаическом обществе культа предков, что приводило к восприятию мира как единого неразграниченного целого, поэтому время для варваров – «сама жизнь» (90)

Человек еще не способен осознавать время, а только переживать его. Изменения в структуре временных представлений, согласно А. Гуревичу, происходят в процессе перехода от язычества к христианству, но при этом архаические пласты сознания не уничтожались, а оттеснялись, составляя как бы «нижний пласт народного сознания» [5, с. 93].

Поэтому литургическое время подстраивается под языческий календарь. А. Гуревич объясняет отмеченное представителями школы «Анналов» (М. Блоком и Ле Гоффом) отсутствие потребности средневековых людей точно знать и измерять время. По его мнению, причиной указанного отношения ко времени являлась подчиненность людей ритму природы, преобладание аграрной природы феодального общества. В среде феодалов сохраняется родовое время, сохранившееся от архаических времен. А. Гуревич пытается обнаружить общий субстрат в содержании категорий, который был свойствен всем членам средневекового общества, независимо от классовой принадлежности, являющийся основой, на которой возникали все различия в восприятии мира разными слоями общества. А. Гуревич считал, что даже в период позднего Средневековья, когда зарождается новый социальный класс городского населения, все же общий субстрат сохраняется, так как изменения в глубинах сознания людей происходят очень медленно. Таким образом, деятельность городского населения и «с началом развития науки еще долго оставалась в рамках средневековой модели мира все более ее преобразуя» [5, с. 34].

Новое восприятие времени, по утверждению А. Гуревича, связано с Ветхозаветной идеей «переживания времени как эсхатологического процесса» [5, с. 99]. Теперь время становится линейным, имеющим начало и завершение. Оно отделяется от вечности как творение Бога, в связи с чем появляется новая – дуалистическая картина мира. Архаические пласты сознания, отражающие мифологическое отношение ко времени, А. Гуревич обнаруживает и в рыцарских романах (например, «Повесть о Граале»). Он дает характеристику аграрным (циклическим), родовым (генеалогическим, династическим), библейским (мифологическим), историческим аспектам отношения ко времени, которые в той или иной степени преобладали в сознании людей, но все входили в ментальные структуры людей средневекового общества.

А. Гуревич анализирует рассуждения представителей интеллектуальной элиты о времени (Августина, Фомы Аквинского и др.), соответствующие общим установкам христианской религии и оказывающие воздействие на ментальность людей средневекового общества, что проявилось в пессимистических взглядах на завершение истории («Конец мира»).

На переживание времени оказывают влияние не только такие факторы, как отношение к природе, сохранившееся со времен варварства, и средневековые религиозно-философские представления, но и социальный аспект, на который особенно делал упор Ле Гофф.

В обществе существует целый ряд социальных времен, так как каждый класс и отдельные социальные группы по-своему переживают ритм протекания времени. А причину такого неодинакового восприятия времени А. Гуревич видит в различиях в структурах мышления, сформированных в разных слоях общественных групп. Все эти времена находятся во взаимосвязи и «группируются в целостную систему» (5 с. 132), образуя иерархию времен во главе с доминирующим социальным временем в обществе, находящимся в руках правящего класса, использующего его в качестве социального контроля над обществом. В данном аспекте взгляды А. Гуревича пересекаются с мнением Ле Гоффа.

А. Гуревич утверждает, что появление различных эсхатологических сект связано с сопротивлением этих общественных групп господствующему классу, проявлявшемуся «в протесте против его контроля над временем» [5, с. 133].

Зародившийся новый социальный слой городского населения в силу производственной необходимости нуждался в более точном его измерении. А. Гуревич подчеркивает, что разрыв этого социального класса с природной средой приводит к созданию порядка, созданного им самим, что привело к взгляду на природу как на внешний объект.

А. Гуревич не соглашается с идеей Ле Гоффа о трансформации систем ценностей в 12-13 веках и считает, что ментальные сдвиги в «полихроноструктурованных социальных системах» [4, с. 218] могут постепенно происходить в отдельных стратах. Он находит противоречие в идее Ле Гоффа об «очень долгом средневековье» [6, с. 368], касающееся сферы ментальности и трансформации всей системы ценностных ориентаций в данный период. Концепция «протяженного средневековья» Ле Гоффа (сформулированная им на основании теории Броделя о la lonqur duree) представляется А. Гуревичу более плодотворной.

Рассмотрев особенность исследования восприятия времени людьми Средних веков представителями школы «Анналов» и отечественным медиевистом А. Гуревичем, мы можем заключить, что метод, предложенный А. Гуревичем для анализа Средневековья, является более научным и соответственно плодотворным, благодаря созданной им концепции культурных категорий, дающей возможность наиболее полно раскрыть особенность ментальности человека Средних веков.

Несомненно, представители школы «Анналов» внесли неоценимый вклад в исследовательскую практику гуманитарных наук по изучению челове-

ка, выявляя ментальность эпохи. Если основатель школы «Анналов» М. Блок только поставил вопрос о восприятии времени людьми Средних веков, то представитель третьего поколения, Ле Гофф, исследует данную проблему более конкретно, учитывая как материальные, так и духовные факторы, влияющие на особенность его переживания. Он предлагает идею о существовании «множественности времен», учитывающую неодинаковое переживание времени представителями разных страт. Но все же основной акцент в исследованиях Ле Гофф делает на социально-экономических факторах, влияющих на восприятие времени. Ладюри рассматривал переживание времени людьми данной эпохи только в рамках конкретной деревни в определенный исторический промежуток времени (XII-XIII вв.), не проводя исследований средневекового общества в целом.

Начатые изыскания по выявлению ментальности людей Средних веков дополнил и поставил на научную основу отечественный медиевист А. Гуревич, предложивший концепцию культурных категорий. Рассмотренные нами ракурсы исследования категории времени разными исследователями позволяют сделать вывод о том, что подход А. Гуревича оказывается наиболее полным, так как отечественный мыслитель считает, что обнаружить эти категории можно во всех сферах человеческой деятельности: в философии, религии, искусстве, науке, экономике, политике и т.д. Поэтому он анализирует восприятие времени людьми Средних веков с разных сторон, рассматривая категории культуры как в диахромном (т.к. архетипы коллективного бессознательного передаются из поколения в поколение), так и в синхронном срезе, чтобы выявить элемент движения, показывая различия в трактовке тех или иных категорий культуры в отдельные периоды Средних веков.

Библиографический список

1. *Блок М.* Феодальное общество. М.: Издательствово им. Сабашниковы, 2003. 504 с.
2. *Гофф Жак Ле.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. 2-е изд. Екатеринбург: Издательство Урал, Ун-та, 2002. 328 с.
3. *Гофф Жак Ле* Цивилизация Средневекового Запада. М.: Прогресс-академия, 1992. 376 с.
4. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов» М.: Индрик, 1993. 328 с.
5. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры М.: Искусство 1984. 350 с.
6. *Гуревич А.Я.* послесловие к книге Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада№ // Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-академия, 1992. С. 352-373.
7. *Ле Руа* Ладюри Монтайю Екатеринбург: Уральский университет, 2011. 544 с.
8. *Gurevich A.* “Approaches of the «Annals School» From the History of Mentalities to Historical Synthesis”. From the History of Mentalities to Historical synthesis// Scandia, 58. 2008- № 2. PP. 141 - 150.

V.L. TIHONOVA

THE INTERPRETATION OF TIME IN THE CULTURAL SPACE IN THE STUDIES OF SCHOOL REPRESENTATIVES “ANNALS” AND A. GUREVICH

This article discusses several approaches to the problem of time in the culture of medieval Europe, giving by the Annals school and A. Gurevich.

Forming the unconscious view in the lucid category, researchers tried to identify categories of mental environment that is common to all segments of the medieval society. As a result, the author concludes that the approach of A. Gurevich, who proposed the concept of cultural categories to solve the problem jf time, is the most productive.

Key words: ***the categories of culture, the medieval culture, mentality, time, time perseptin.***

О.В. ТРЕТЬЯКОВ
кандидат исторических наук, доцент
Академии Федеральной службы охраны РФ
E-mail: oleg020862@ mail.ru
Тел. (4862) 54 99 41

ТЕОРИЯ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассмотрены философско-методологические аспекты развития теории информации. Показано, что трудности в определении сущности и содержания феномена информации связаны с попытками рассмотреть постнеклассический объект с позиций классической науки.

Ключевые слова: ***информация, философия науки и техники, постнеклассическая наука, теория информации.***

Информационные процессы охватывают все области человеческой деятельности. Как отмечается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, современное общество «характеризуется высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти» [1]. До последнего времени рост объема информации, производимой и добываемой человечеством, подчинялся экспоненциальному закону. Такой рост имеет взрывной характер. В настоящее время имеются все признаки наступления информационного «взрыва». Так, если в прошлом столетии удвоение количества информации происходило примерно за пятьдесят лет, то в данный момент аналогичный результат получается за промежуток времени чуть более года. В то же время не наблюдается признаков замедления темпов роста объема информации в ближайшем будущем.

Вместе с тем, современная наука не дает однозначного определения понятия «информация». Впервые с парадоксами фундаментального классического описания столкнулись физики в вопросах о локализации частицы, волновой и одновременно корпускулярной их природы. Критерии научности - объективность, истинность, интерсубъективность, универсализм, воспроизводимость, достоверность и опытность знания характеризуют классическую модель науки. Это своего рода идеальная модель, которой в реальной истории науки вряд ли соответствовало полностью какое-либо теоретическое построение. Однако эта модель задавала вполне четкие критерии, которым в идеале должно соответствовать научное знание.

Потребовался философский анализ, завершившийся генерацией идеи огромной значимости – принципом дополнительности (Н. Бор). Данная идея выходит далеко за пределы физики, стимулирует переоснащение методологического инструментария в связи с многомерностью мира. Различные языки описания и точки зрения на то или иное явление могут оказаться дополнительными. Они связаны с одной и той же реальностью, но не сводятся к одному единственному описанию. В конце XX века наблюдается процесс становления постнеклассической науки. Согласно известному принципу соответствия возникает проблема определения границ применимости прежних теорий, адекватности языков описания сущностям изучаемых явлений в новой познавательной ситуации. Границы эти намечались кибернетикой и общей теорией систем, но их развитие оказалось возможным только на основе тех общенаучных принципов и концепций, которые являются составными частями постнеклассической картины мира. Ведущая роль в этой картине принадлежит нелинейной динамике – междисциплинарному направлению, не вполне точно обозначаемому широким понятием «синергетика». Представление о синергетике как о некоторой всеобщей объяснительной схеме осложняется пониманием ее значимости для выработки представлений о механизмах функционирования целого, рождения познавательных моделей, установления проблемных полей. Синергетическая система открыта для потоков вещества, энергии (физических полей) и информации. Если природа первых двух потоков изучается две сотни лет, то третьего – не более пятидесяти. Причем глубинная связь феномена информации с процессом самоорганизации стала ясна только в последнее десятилетие. Это делает необходимым комплексный методологический анализ упомянутой связи и возможным – выяснение роли информации в эволюции сложных систем, образовании структур, их отбора и прогрессивного развития в направлении увеличения сложности.

© О.В. Третьяков

Полифундаментальность присуща тем областям предметного знания, в которых:

а) наиболее остро взаимодействуют философские основания теории с ее собственными исходными принципами;

б) системы понятий (информация, язык, память, код, связь и т. д.) используются в других, не обязательно терминологических смыслах;

в) при парадигмальных сдвигах обнаруживаются различные способы организации эмпирического материала, относящегося к одному и тому же феномену, что выражается в существовании различных независимых понятийных подсистем [2].

Полифундаментальность определяется как новое явление в развитии понятийной формы мышления, допускающее равную гносеологическую ценность альтернативных теорий. Заметим, что применительно к обсуждаемой познавательной ситуации конкурирующие альтернативности уступают место дополнительности.

Трудно найти более яркий пример полифундаментальности, чем определение понятия «информация» в период становления постнеклассической картины мира.

Значение принципа дополнительности усилилось после утверждения парадигмы постнеклассической науки, описывающей саморазвитие, самоорганизацию материальных структур. В философии стало развиваться направление, связанное с заменой дискретной логики мышления на континуальную, предметом которой является полифундаментальный многомерный мир. Это изменение касается содержания категории развития, его направленности, что вызывает возникновение методологии, направленной на возможность видеть равноправными отдельные измерения («срезы», «ипостаси») целого. Если многоликость мира в этой методологии видится метафорически, то перед исследователями нелинейной динамики систем она предстает вполне конкретно в виде многовариантности (С.П. Курдюмов), многомодальности (Г.Р. Иваницкий), многослойности (Ю. М. Лотман).

Принципиально важно при изучении информационного процесса понимать равноправность всех его стадий.

Значительную роль в жизни общества играет информация, принимающая форму алгоритма или программы. Именно так информация, сама по себе не являющаяся материальной, преображает материальный мир. Для понимания функционирования информации-программы очень важно знать ее свойства. Эти свойства изоморфны для всех видов информации, что еще раз подчеркивает общность самого феномена.

Одним из примеров асимметрии мира является нарушение симметрии между веществом и антивеществом как предпосылка синергетической информации, обеспечивающей процесс дифференциации частиц, из которых возникли звезды, планеты и все живые существа. Если обратиться к структурам меньших масштабов, то можно убедиться, что информация (ее функционирование и воспроизводство) всегда связана с отбором некоторых предпочтительных асимметричных форм. В живом мире асимметрия имеет вездесущий характер.

Роль информационных взаимодействий в природных процессах стала вырисовываться четыре десятилетия тому назад в связи с развитием кибернетики – науки, которая занимается изучением систем любой природы, способных воспринимать, перерабатывать информацию и использовать ее для управления и регулирования.

Перевод на язык теории информации процесса дарвиновской эволюции видов был не только шагом вперед по пути развития исторической биологии, он продемонстрировал перспективность использования общенаучных понятий и самых общих представлений теории информации в естественных науках. Стало ясно, что в основе биотических процессов, как и в основе биологической эволюции, лежит принцип обратной связи, что характерно для кибернетических систем.

В каких же случаях плодотворность информационного подхода к изучаемым явлениям не вызывает сомнений?

1. Во всех живых системах – от растений, микроорганизмов до человека и человеческих сообществ. Во всех случаях, когда мы имеем дело с обратной связью. Без информационных процессов понятие обратной связи зачастую вообще лишено смысла.

2. В теории связи, задачей которой является повышение качества передачи информации, информация является статистической.

3. В самоорганизующихся системах при переходе системы из одного состояния с энтропией S1 в другое состояние с S2 (S2 < S1) происходит генерация информации. Г. Хакен предложил назвать этот вид информации синергетической информацией [3]. Это – случай эволюции диссипативных систем, когда существенную роль играют не силовые, а кооперативные (корреляционные) связи.

4. При изучении систем, развитие которых определяется эффективностью коммуникативных связей, использующих естественные и мягкие языки, создающие обилие знаковых ситуаций – социокультурных систем.

Современное понимание того, что такое инфор-

мация и какую роль она играет в естественных и искусственно созданных системах, складывается постепенно. Оно представляет собой совокупность знаний, полученных разными областями знания. По мнению Н.Н. Моисеева, «...строгого и достаточно универсального определения информации не только нет, но оно и вряд ли возможно» [4]. Естественно возникает вопрос: с чем это связано? Почему, несмотря на большое число работ по информатике, теории информации, кибернетике, философии определение общенаучного понятия «информация» до сих пор не сформулировано?

В науке уже имела место аналогичная ситуация, когда в результате исследований сил различной природы возникла потребность объединить множество взаимодействий тел единым понятием «энергия». В связи с этим представляется весьма конструктивным подход Ю. П. Петрова, попытавшегося проанализировать специфические черты информационных процессов [5].

В природе имеют место взаимодействия между системами, между системой и внешней средой, между элементами системы, результаты которых не зависят от получаемой системой энергии или от количества переданного ею тепла, импульса, момента импульса. В технике это радиоприемник, который на входе принимает радиосигнал, а на выходе выдает звуковой сигнал практически независимо от энергии радиосигнала. Это отнюдь не противоречит закону сохранения энергии, ибо приемник питается внутренними источниками энергии, а радиосигнал лишь управляет этой энергией, распределяя ее по разным каналам.

Все информационные процессы подобны тем, что происходят в радиоприемнике: их результат нельзя объяснить только с помощью обычных классических характеристик, требуется новая характеристика, которой и является информация.

Главной особенностью информационных взаимодействий является то, что их результат не находится в однозначной зависимости от энергии взаимодействия. Взаимодействие несимметрично, так как системы воздействующая и воспринимающая неинвариантны (приемник и передатчик нельзя поменять местами). Воспринимающая информацию система является открытой, неравновесной системой, она по-разному может изменять свое состояние, т. е. результаты воздействия сигналов могут быть различными.

В настоящее время существуют лишь отдельные фрагменты «информационной» теории. К ним можно отнести: работы создателей кибернетики по развитию концепции регулирования; работы по математической теории связи; создание начал динамической теории информации на основе идей синергетики; работы по изучению свойств, характеристик и специфики живых информационных систем.

Противоречивость высказываний создателей кибернетики по вопросу о сущности феномена информации свидетельствует о своеобразном «информационном парадоксе»: кибернетика широко использовала информацию как средство управления сложными системами, но оказалась неспособной дать адекватное определение явлению информации.

Трудности определения природы информации не могли быть преодолены без представлений об информации как о процессе, начальные стадии которого связаны с эволюцией синергетической системы. В досинергетический период науки мысль исследователей об информации не могла разорвать «заколдованный круг», охватывающий множество разнообразных определений одного и того же явления. В каком только образе не представала информация: информация-выбор; информация-программа; сигнал; сведения; знания; негэнтропия; отражение в сознании, процессы отражения.

Поиск информации как субстанции или как функции состояния совершенно бесперспективен. Он навязывает информации сугубо термодинамический статус, игнорируя тот факт, что информация – это процесс.

В рамках материалистической теории познания была высказана мысль о связи между информацией и отражением, об информации как всеобщем свойстве материи: «Информация есть отраженное разнообразие» [6]. Проблема заключается в том, что отражаться может не только разнообразие, но и однообразие, информация же связана с разнообразием. Но отражение по своему смыслу также связано с разнообразием, поэтому в рамках вышеприведенного определения А. Д. Урсула невозможно отделить информацию от отражения. Позже философ дает иное определение: «Информация не тождественна отображению, а есть лишь его инвариантная часть, поддающаяся опредмечиванию, объективированию, передаче» [7]. Автор поясняет, что отражение далеко не всегда можно перекодировать, перенести с одного материального объекта на другой, информация же перекодируется, передается, создавая образы, в которых инвариантом является она сама.

В подобных определениях смешиваются понятия «отражение» и «разнообразие», «генерация» и «рецепция». В самом деле, «разнообразие» входит в определение генерации информации (случайный выбор из «разнообразных», нетождественных элементов), а «отражение» – это элемент рецепции

информации. Термин «отражение» не охватывает, таким образом, всего феномена. Как возникает информация? Какие цели при этом достигаются? Как оценить новизну, ценность информации, стимулируемую ею целенаправленную деятельность? Эти вопросы остаются без ответа.

Итак, можно заключить, что информация как отражение – это не более чем метафора. Информация как субстанция или как функция состояния – это фикция, ее нет в природе. Информация реальна, объективна как процесс. Информация – это дитя многомерного мира самоорганизующихся систем и необратимых процессов, мира, открывшегося людям сравнительно недавно, еще не вполне и далеко не всеми осознанного. Информация не раскрыла своей сущности в рамках кибернетики, поскольку традиционная кибернетика не рассматривала самоорганизующиеся системы в русле синергетики, концептуальный аппарат которой является исходной точкой новых представлений в науке.

Информация – сложный процесс, состоящий из элементарных актов. При переходе от одной стадии процесса к другой информация всякий раз предстает в новом обличье. Увидеть это, тем более идентифицировать отдельные стадии с теми или иными определениями, не входя в область представлений постнеклассической науки, невозможно. Таким образом, становится очевидным, что корни трудностей определения феномена информации заключаются в попытках рассмотреть постнеклассический объект – феномен информации – с позиций и методами классической науки.

Библиографический список

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации //Российская газета. 2008, 16 февраля.
2. *Мелик–Гайказян И.В*. Информационные процессы и реальность. М.: Наука, 1997.
3. *Кальоти Дж.* От восприятия к мысли. М.: Мир, 1998.
4. *Моисеев Н.Н*. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990.
5. *Пригожин.И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
6. *Урсул А.Д., Урсул Т.А*. Эволюция. Комос. Человек. Кишинев: Штиница, 1986.
7. *Урсул А.Д., Урсул Т.А*. На пути к устойчивому развитию цивилизации: информационные факторы. Информационное общество 1997; 2-3: 20-27.
8. *Wilson E.J*. Inventing the global information future. Guildford: Univ. Press, 2003.

O.V. TRETYAKOV

THE THEORY OF INFORMATION IN THE CONTEXT OF POST-NON-CLASSICAL SCIENCE: PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL ASPECTS

The article discusses the philosophical and methodological aspects of the development of the theory of information. The author has shown that the difficulties in the definition of the phenomenon of information are the attempts to consider the post-non-classical object from the standpoint of classical science.

Key words: ***information, the philosophy of science and technology, post-non-classical science, information theory.***

В.Н. ФИНОГЕНТОВ
доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Орловского государственного аграрного университета
E-mail: v_fin@mail.ru
Тел. 8 960 649 33 65

Е.С. КОНОНОВА
кандидат философских наук, доцент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета
E-mail: kon-fin2011@yandex.ru
Тел. 8 953 616 31 09

О НЕОБХОДИМОСТИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

В статье рассматривается вопрос о принципиальной возможности мировоззренческих дискуссий между субъектами различных мировоззрений по фундаментальным вопросам бытия человека.

Ключевые слова: ***мировоззрение, мировоззренческие дискуссии, фундаментализм, квазирелигиозный.***

Возможны ли плодотворные, конструктивные дискуссии между субъектами различных мировоззрений? Подчеркнем, что в данном случае речь идет о субъектах существенно различающихся мировоззрений. В частности, о субъектах различных религиозных мировоззрений: например, о субъектах христианского мировоззрения, с одной стороны, и о субъектах мусульманского мировоззрения, с другой стороны. Речь идет также о субъектах различных философских мировоззрений: например, о субъектах рационалистического мировоззрения, с одной стороны, и о субъектах иррационалистического мировоззрения, с другой стороны, и т.д. При этом мы имеем в виду именно мировоззренческие дискуссии, то есть дискуссии субъектов указанного рода по центральным мировоззренческим проблемам (проблема смысла жизни человека, проблема свободы, проблема истины и т.д.). По бытовым, политическим, специально научным и т.п. вопросам такие субъекты, как показывает опыт истории, нередко могут придти к согласию. Но по вопросам мировоззренческим, как показывает тот же опыт, субъекты различных мировоззрений приходят к согласию чрезвычайно редко.

К сожалению, чаще всего такие субъекты по мировоззренческим проблемам ведут не дискуссию, а полемику[1]. Основной целью дискуссии, как известно, является достижение некоторого согласия между участниками дискуссии, приближение к определенному приемлемому для всех участников дискуссии результату. Если не бояться слова «истина», то можно сказать, что цель дискуссии – это продвижение ее участников к истинному пониманию сути обсуждаемых вопросов. В противоположность этому главной целью субъекта, участвующего в полемике, является достижение победы над оппонентом, достижение победы над другими участниками полемики. Соответственно, результатами мировоззренческой полемики будут либо дальнейшее обострение отношений между представителями таких мировоззрений, либо разрушение мировоззрения одной из полемизирующих сторон и насильственное навязывание этой стороне другого мировоззрения.

Надо сказать, что реальная история взаимоотношений субъектов различных мировоззрений дает нам слишком много подтверждений сделанного нами вывода. Вспомним в связи с этим многочисленные примеры полемики между субъектами различных религиозных мировоззрений, вспомним полемику субъектов религиозного и атеистического мировоззрений. Море взаимного непонимания, недоверия, враждебности!

На первый взгляд, представляется, что иного и быть не может.

Действительно, во-первых, следует принять во внимание, что мировоззрение субъекта, в частности его убеждения, верования и идеалы – это фундаментальный уровень его духовного бытия[2]. Следовательно, всякая критика мировоззрения субъекта – это своего рода «покушение» на ядро его идентичности. А ведь призывая субъекта (личность, социальную группу, сообщество) к мировоззренче-

1 Здесь вполне уместно напомнить перевод этого греческого слова: polemicos – воинственный, враждебный.

2 См. об этом подробнее в кн.: Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009.

© В.Н. Финогентов, Е.С. Кононова

ской дискуссии, мы призываем его к критическому отношению к своему собственному мировоззрению и, тем самым, ставим его мировоззрение под вопрос.

Во-вторых, очевидно, что мировоззрение субъекта не является сугубо рациональным образованием. Оно пронизано глубочайшими переживаниями и чувствами, оно окрашено разнообразными эмоциями. Мировоззрение – это ценности и смыслы, это ценностные ориентации, определяющие жизненную стратегию субъекта. Сомнение субъекта в своем мировоззрении или его отказ от собственных базисных идеалов, верований и убеждений, замена их другими неизбежно приводят этого субъекта к глубочайшему духовному, ценностно-смысловому кризису. Такой отказ, несомненно, равносилен драматической утрате (смене) его идентичности.

Как видим, рассуждая о возможности мировоззренческих дискуссий, мы касаемся очень серьезных и весьма деликатных вопросов. С другой стороны, очевидно, что встречи субъектов различных мировоззрений были весьма распространенным явлением в истории человечества. Мы уже констатировали, что такие встречи нередко приводили к трагическим последствиям: к конфликтам, к войнам, к порабощению или уничтожению носителей одного из встретившихся мировоззрений. В современную эпоху – эпоху глобализации – встречи и разнообразные контакты субъектов различных мировоззрений происходят каждодневно и повсеместно. И если в прошлом конфликты и войны, вызванные мировоззренческими противоречиями, носили более или менее локальный характер, то в наши дни такие конфликты и войны легко могут стать глобальными и губительными для всего человечества. В связи с этим вопрос о возможности плодотворных мировоззренческих дискуссий приобретает ныне особую актуальность. По сути, – это вопрос о ближайших перспективах человечества. Бесспорно, что если плодотворные, конструктивные мировоззренческие дискуссии невозможны, то ближайшее будущее человечества – это вражда и войны между представителями различных мировоззрений. Неизбежным следствием «мировоззренческой вражды» и «мировоззренческих войн» в условиях глобализации явится деградация или гибель человечества.

Самое печальное здесь то, что сам призыв к мировоззренческим дискуссиям является неприемлемым для субъектов мировоззрений определенного типа. Действительно, такие дискуссии предполагают у субъектов, вступающих в мировоззренческие дискуссии, критичность и, самое главное, самокритичность. Самокритичность в данном случае означает критическое отношение субъекта к собственному мировоззрению. Но такая самокритичность невозможна для субъектов мировоззрения определенного типа. Речь идет о мировоззрениях, которым свойственны авторитарность и догматизм, то есть некритическое признание абсолютной истинности определенных положений (догм), возводимых к некоторым авторитетам.

Мировоззрения такого типа правомерно охарактеризовать как фундаменталистские мировоззрения. Фундаменталистское мировоззрение (фундаменталистская философия, в частности) может быть определено как мировоззрение, утверждающее возможность окончательного, полного и позитивного решения мировоззренческих проблем: проблем гносеологических, проблем онтологических, проблем аксиологических и т.д. Другими словами, такое мировоззрение утверждает, что человек (человечество) в принципе способен достичь Истины, приобщиться к Абсолюту, соединиться с Богом. Фундаменталистскими мировоззрениями являются в первую очередь религиозные и квазирелигиозные, в частности, утопические мировоззрения[3].

Для субъектов таких мировоззрений их основополагающие идеалы, верования и убеждения являются истинными и, следовательно, сомнению и критике они не подлежат. Здесь можно было привести великое множество соответствующих высказываний субъектов фундаменталистских мировоззрений. В качестве иллюстраций процитируем только нескольких таких субъектов. Так, в нечаевском «Катехизисе революционера» провозглашается: «Революционер – это человек заранее обреченный. У него не может быть ни любовных связей, ни имущества, ни друзей. Он должен отречься даже от своего имени. Все его существо должно сосредоточиться на единой страсти – революции» [3, с.242]. Широко известны непреклонные убеждения Мартина Лютера, выраженные словами: «На том я стою. Я не могу иначе». Очень ярко охарактеризовал в этом плане свое мировоззрение Ф.М. Достоевский: «Я сложил Символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот Символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной» [2, с.143]. Вполне последовательно

3 Квазирелигиозными являются мировоззрения, представители которых обожествляют, превращают в предмет поклонения нацию, класс, государство, партию и т.п.

и убежденно отстаивал принципы фундаменталистского (христианского, православного в данном случае) мировоззрения С.Н. Булгаков. Он не сомневался в истинности этого мировоззрения. А истина, указывал русский мыслитель, «всегда нетерпима и несговорчива». «Истина не есть истина, – утверждал он, – если допускает рядом с собою или вместо себя другую истину; объективность ревнива и, если угодно, «фанатична», «сильна, как смерть, любовь, и люта, как преисподняя, ревность». «Слишком легко проповедовать терпимость и быть терпимым, – указывал отечественный философ и богослов, – не имея ничего за душой, но попробуйте быть терпимым, горячо веря в определенную истину». «Надо – подчеркивал Булгаков, – быть рыцарем истины, всегда готовым к бою…» Поскольку, продолжал он, отстаиваемое им православное мировоззрение истинно, постольку «оно получает и атрибут универсальности и всечеловечности…» [1, с.51]. Иначе говоря, по мнению С.Н. Булгакова, к такому мировоззрению должно, так или иначе, придти все человечество.

Убеждения и верования субъектов фундаменталистского мировоззрения, как видим, имеют «пламенный характер». Это – убеждения и верования прочные, глубокие и властные. Их очень трудно поколебать рациональной критикой: аргументами, обоснованиями и т.п. Понятно, что с субъектом фундаменталистского мировоззрения, скорее всего, провести плодотворную мировоззренческую дискуссии не получится. Действительно, такой субъект изначально убежден в абсолютном превосходстве его мировоззрения по отношению к мировоззрению оппонента. Такой субъект заранее отрицает возможность внесения сколько-нибудь серьезных изменений в свое мировоззрение. Он, по его мнению, уже владеет истиной, а субъекты других мировоззрений или искренне заблуждаются или злонамеренны. Представьте себе встречу такого субъекта с оппонентом, который также абсолютно уверен в превосходстве своего мировоззрения. В этом случае каждый из них будет стремиться победить оппонента, будет стремиться переделать его «по своему образу и подобию», будет стремиться навязать ему свое мировоззрение. Так что в этом случае мы будем иметь дело не с дискуссией, а в лучшем случае с полемикой.

Конечно, убедить таких субъектов в необходимости ведения мировоззренческих дискуссий с представителями других мировоззрений очень трудно, зачастую это сделать просто невозможно. Дело в том, что для того чтобы такие субъекты вступили в мировоззренческую дискуссию, они уже до начала такой дискуссии должны внести весьма серьезные коррективы в свою мировоззренческую позицию. А именно: они должны отказаться от веры в непогрешимость своего мировоззрения. Они должны отказаться от признания абсолютного превосходства их мировоззрения по отношению к другим мировоззрениям. Другими словами, они должны критично отнестись к своему мировоззрению. Но это означает, что они, по сути, должны отказаться от своего фундаменталистского мировоззрения.

На наш взгляд, в современных условиях это может быть достигнуто, если такие субъекты смогут отчетливо осмыслить и ясно оценить возможные альтернативы их вступлению в дискуссии с представителями иных мировоззрений. Очевидно, что количество таких альтернатив совсем невелико. По большому счету, их две.

1. В рамках первой альтернативы субъекты различных вариантов фундаменталистского мировоззрения могут стремиться к минимизации связей друг с другом, к изолированному, автономному существованию. В принципе, – это достаточно мирный вариант, это вариант «мирного сосуществования» субъектов различных фундаменталистских мировоззрений. Он широко осуществлялся на предшествующих стадиях развития человечества, когда различные религиозные сообщества зачастую жили удаленно друг от друга и редко контактировали. К сожалению, этот вариант сосуществования субъектов различных фундаменталистских мировоззрений, по сути, исчерпал себя. В современных условиях многомерной глобализации, в условиях информационного общества и смешения самых разных культур эта альтернатива не может быть признана перспективной.

2. Вторая альтернатива состоит в том, что субъекты, уверенные в абсолютном превосходстве своего (фундаменталистского) мировоззрения, вступают в полемику с носителями других мировоззрений, а эта полемика, как уже отмечено, с весьма высокой вероятностью перерастет в противостояние и в войну с субъектами иных мировоззрений. Очевидно, что спровоцированная мировоззренческой полемикой война в современных условиях грозит перерасти в глобальный и гибельный для человечества конфликт. Как видим, эта альтернатива, можно сказать, гарантированно ведет к самоуничтожению человечества.

Таким образом, субъекты фундаменталистских мировоззрений должны сделать трудный выбор. Или они, «наступив на горло собственной песне», вступают в мировоззренческую дискуссию с представителями других мировоззрений. При этом они, разумеется, должны понимать, что эта дискуссия может привести их к необходимости «поступить-

ся принципами», к необходимости изменений в их идеалах, верованиях и убеждениях. Или они, сохраняя верность своим принципам, вступают в конфликты и войны с субъектами других мировоззрений и раздувают мировой пожар. Еще более упрощая и обостряя данную дилемму, ее можно сформулировать следующим образом. Каждый наш современник должен сделать выбор: или фанатичная верность своему мировоззрению и вызванная этим фанатизмом скорая гибель человечества или развертывание мировоззренческих дискуссий, критическая переоценка собственного мировоззрения и дальнейшее развитие человечества.

Как видим, решая вступать или не вступать в мировоззренческие дискуссии, субъекты различных (в том числе религиозных и квазирелигиозных) мировоззрений должны решить, что для них весомее, что для них ценнее. При этом на одной чаше весов в данном случае располагается ценность веры в абсолютное превосходство своего мировоззрения, ценность веры в непогрешимость своих идеалов и убеждений, ценность веры в божественное происхождение соответствующих ценностей и смыслов. На другой чаше весов – ценность жизни ныне живущих поколений людей и ценность продолжения истории человечества.

Представители всех ныне существующих мировоззрений должны сделать свой выбор. Очень хочется надеяться, что разум и самокритичность победят фанатизм и догматизм, что субъекты самых разных мировоззрений выберут ценность земной жизни человечества. Очень хочется надеяться на то, что наиболее разумные и самокритичные представители фундаменталистских мировоззрений убедят массы сторонников таких мировоззрений в недопустимости продолжения в наше время практики взаимоотношений субъектов различных мировоззрений по мировоззренческим вопросам на уровне полемики. Очень хочется надеяться на то, что наиболее разумные и самокритичные представители фундаменталистских мировоззрений убедят массы сторонников таких мировоззрений в том, что фанатичная верность своему мировоззрению, игнорирование убеждений и аргументов субъектов других мировоззрений в наши дни смертельно опасны.

Речь идет, таким образом, о том, что вступлению субъектов фундаменталистского мировоззрения в мировоззренческие дискуссии должна предшествовать стадия критической переоценки этими субъектами собственного мировоззрения в свете реалий современного мира. Эту стадию также можно назвать стадией (само)диагностики фундаменталистского мировоззрения на предмет адекватности такого мировоззрения драматическим вызовам современности. Проведенный выше анализ приводит нас к очень серьезному выводу: *фундаменталистское мировоззрение во всех его вариациях не может быть признано современным в содержательном смысле этого слова. Оно неадекватно вызовам современности. Оно – реликт прошлых эпох. Оно гибельно для человечества эпохи глобализации и информационного общества, оно гибельно для человечества, обладающего самыми разными видами оружия массового уничтожения*.

Возможно ли преобразование мировоззренческой полемики в мировоззренческую дискуссию? Какими принципами должны руководствоваться субъекты различных мировоззрений для осуществления мировоззренческих дискуссий? Какие цели должны ставить перед собой субъекты мировоззренческих дискуссий? Какие результаты могут быть получены в итоге плодотворных мировоззренческих дискуссий? Вопросы эти очень сложны. Разумеется, мы не настолько наивны, чтобы надеяться на достижение здесь таких ответов на них, которые были бы приняты представителями самых различных мировоззрений. Наша задача в данном случае гораздо более скромная. Во-первых, мы хотим привлечь внимание исследователей к сформулированным выше вопросам. Во-вторых, мы попытаемся в предварительном плане сформулировать свою позицию по этим вопросам.

Сначала познакомимся с аргументами тех авторов, которые считают, что конструктивная дискуссия между субъектами различных мировоззрений по мировоззренческим вопросам невозможна. Обоснование такой невозможности обычно усматривают в том, что каждое мировоззрение является образованием в некотором смысле самодостаточным и, соответственно, не проницаемым для субъектов всякого другого мировоззрения.

«Самодостаточность» каждого мировоззрения (здесь имеются в виду, конечно, достаточно развитые мировоззренческие системы) в свою очередь может быть обоснована следующим образом. Любое (развитое, зрелое) мировоззрение образует целостность и, будучи целостностью, в принципе способно своими собственными, внутренними средствами сформулировать и решить основные для данного мировоззрения проблемы. Для этого оно, так сказать, не нуждается в помощи других мировоззрений. Предлагаемые им решения мировоззренческих проблем могут представляться спорными, неубедительными, необоснованными, нелогичными сторонникам других мировоззрений. Однако эти решения вполне удовлетворяют тех людей, которые сформировались и живут в лоне данного мировоззрения. То есть они удовлетворяют

носителей, субъектов соответствующего мировоззрения. Вполне возможно при этом, что некоторые проблемы, существенные для других мировоззрений, не решаемы в принципе с позиций данного мировоззрения. Однако это обстоятельство не рассматривается субъектами данного мировоззрения в качестве свидетельства его ущербности и неполноты, поскольку такие проблемы просто не являются для носителей данного мировоззрения мировоззренческими; такие проблемы, можно сказать, не существуют для субъектов данного мировоззрения. Самодостаточность некоторого мировоззрения состоит, следовательно, в том, что его субъекты не нуждаются в других мировоззренческих системах. С помощью этого (своего) мировоззрения они формулируют и решают главные для них вопросы, прежде всего, – вопросы экзистенциальные: вопросы о смысле жизни человека, о его счастье и несчастье, о смысле страдания и смерти, о свободе, о любви, об истине и т.п. Сквозь призму этого мировоззрения они воспринимают Бога, природу, общество, других людей, себя. Они живут в мире, который задан их мировоззрением. Они воспринимают этот мир как реальный, действительный, истинный, а все остальные миры – миры, задаваемые другими мировоззрениями – как вымышленные, искусственно сконструированные, иллюзорные.

Соответственно, «непроницаемость» определенного мировоззрения для субъектов другого мировоззрения, в рамках обсуждаемого представления, состоит в том, что данное мировоззрение в целом и его существенные составляющие в принципе не могут быть адекватно поняты представителями другого мировоззрения. Аргументировать это утверждение можно следующим образом. Известно, что понимание (чего-либо, кого-либо) всегда осуществляется в некотором контексте. Контексты, определяющие соответствующее понимание, могут быть, как показывает опыт герменевтики, принципиально различными по своему типу и масштабу. Так, например, понимание некоторого высказывания может быть достигнуто в контексте раздела, в который это высказывание включено, в контексте книги, в которую входит соответствующий раздел, в контексте всех произведений данного автора и т.д. Рассматривая некоторое мировоззрение как контекст понимания, можно утверждать, что оно представляет собой широчайший контекст, то есть такой контекст, который не может быть расширен. В таком случае каждое мировоззрение представляет собой для его субъектов широчайший контекст во всем множестве контекстов, в которых может осуществляться этими субъектами процесс понимания. Таким образом, получается, что каждое мировоззрение, являясь «широчайшим контекстом», в некотором смысле «охватывает все». С другой стороны, – ни одно мировоззрение не охватывает, не содержит в себе другое мировоззрение (другие мировоззрения). Соответственно, данное мировоззрение не может быть постигнуто извне, то есть не может быть адекватно понято с позиций другого мировоззрения.

Как видим, аргументы авторов, отрицающих возможность осуществления плодотворных мировоззренческих дискуссий, весьма серьезны. Однако, на наш взгляд, эти аргументы можно оспорить.

Так, если говорить об аргументе, согласно которому каждое мировоззрение является «широчайшим контекстом» осуществления понимания чего бы то ни было, то он может быть, по нашему мнению, оспорен на двух уровнях.

На первом уровне рассматриваются различные мировоззрения, принадлежащие к одной и той же культуре. Например, речь может идти о проблеме взаимопонимания субъектов религиозного (в частности, христианского) мировоззрения и субъектов философского мировоззрения (в той или иной его разновидности), т.е. о взаимопонимании субъектов мировоззрений, принадлежащих западноевропейской культуре. В таком случае, по нашему убеждению, именно эта культура будет тем контекстом, который так или иначе объемлет указанные мировоззрения и, в принципе, позволяет представителям различных мировоззрений достичь некоторой степени взаимопонимания и осуществить плодотворную мировоззренческую дискуссию. Следовательно, такие мировоззрения не будут абсолютно не проницаемы друг для друга. Таким образом, задача достижения взаимопонимания между представителями различных мировоззрений, сформировавшихся и развивающихся в пределах одной и той же культуры, является очень сложной, но, в принципе, она может быть решена. Соответственно, на основе достигнутого взаимопонимания субъектами мировоззрений указанного типа может быть предпринята попытка осуществления конструктивной мировоззренческой дискуссии между ними.

На втором – более сложном для решения интересующей нас проблемы – уровне сопоставляются субъекты мировоззрений, принадлежащие к различным культурам. Например, речь может идти о сопоставлении мировоззрения конфуцианского и мировоззрении кантианского или мировоззрения буддийского и мировоззрения христианского. Положительный ответ на вопрос о возможности более или менее адекватного понимания и оценки мировоззрения (к примеру, конфуцианского), принадлежащего одной культуре (китайской), с позиций

мировоззрения (например, кантианского), принадлежащего другой культуре (западноевропейской), может быть дан только в том случае, если мы признаем некоторую степень «соизмеримости» различных культур. Как известно, существует точка зрения, согласно которой различные культуры несоизмеримы, несопоставимы друг с другом. Такая точка зрения в яркой форме представлена, например, в широко известной книге О. Шпенглера «Закат Европы». Конечно, следует признать значительные трудности в достижении взаимопонимания представителей различных культур. История и современность дает немало примеров, иллюстрирующих эти трудности. Тем не менее, мы склонны признавать некоторую степень соизмеримости различных (человеческих) культур. Кстати, и названная книга О. Шпенглера служит некоторым свидетельством в пользу того, что, обладая определенной подготовкой и затратив определенные усилия, представитель одной культуры (в данном случае О. Шпенглер – представитель западноевропейской культуры) может достичь достаточно глубокого понимания других культур (Античной, Китайской, Индийской и т.д.).

На наш взгляд, основанием этой соизмеримости является, во-первых, общая для представителей всех культур природа человека. Иначе говоря, все культуры сложились, по сути, на одном и том же природном базисе: все культуры созданы представителями одного и того же биологического вида (Homo sapiens). Единство этого природного базиса не исключает, конечно, многообразия форм и типов культуры, но значительно ограничивает это многообразие и предопределяет высокую степень их единства.

Рассуждая о проблеме соизмеримости различных культур и, соответственно, о возможности осуществления плодотворных мировоззренческих дискуссий, полезно использовать своеобразные аналоги гносеологических кантовских конструктов «эмпирического субъекта познания» и «трансцендентального субъекта». Напомним, что с помощью этих конструктов И. Кант пытался решить проблему обоснования достижимости различными («эмпирическими») субъектами познания общезначимого для всех таких субъектов знания. Такое знание достижимо, предполагал Кант, поскольку в глубине каждого эмпирического субъекта познания присутствует своеобразный инвариант, обозначаемый понятием «трансцендентальный субъект». Так что, по сути, каждый акт познания осуществляет именно трансцендентальный субъект. Это обстоятельство и объясняет достижимость общезначимого знания. Соответственно, в нашем случае следует говорить о «трансцендентальном субъекте» мировоззрения. Такой субъект присутствует в глубине всякого эмпирического субъекта мировоззрения. Соответственно, его присутствие объясняет единство всех эмпирических субъектов мировоззрения и служит основой для возможности достижения их взаимопонимания.

Вторым основанием соизмеримости различных культур является, по нашему мнению, наличие общих (однотипных) этапов в их развитии. Применительно к нашей проблеме – проблеме проницаемости (непроницаемости) друг для друга различных мировоззрений – наличие таких общих этапов в развитии разных культур проявляется, прежде всего, в том, что у всех культур была в прошлом (или имеет место в настоящем) стадия господства мифологического мировоззрения. Начиная с осевого времени, у большинства ныне существующих культур это мировоззрение вытеснялось формирующимися на его основе и несущими в себе его реликты многообразными религиозными и философскими мировоззрениями. Наличие такого общего для всех культур этапа в их развитии и присутствие существенных элементов мифологического мировоззрения во всех существующих мировоззренческих образованиях и является вторым основанием соизмеримости различных культур. Наличие такого этапа является, следовательно, основанием возможности хотя бы некоторого взаимопонимания субъектов мировоззрений различных типов.

Можно предположить, что дальнейшее развитие человечества будет сопровождаться ростом степени проницаемости друг для друга разных культур, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, у них (у всех или у многих) возрастет количество однотипных этапов, пройденных ими в ходе их развития. Здесь имеется в виду, в частности, то обстоятельство, что большинство ныне существующих культур прошло (или проходит) стадию доминирования религиозного мировоззрения. Во-вторых, все более отчетливо проявляются последствия продолжающейся глобализации общественной жизни, последствия взаимопроникновения, смешения культур.

Добавим к сказанному, что разные культуры, разумеется, имеют в плане постижения других культур различные «познавательные потенциалы». Можно обосновать теоретически и подкрепить реальными наблюдениями утверждение о том, что минимальный потенциал в этом плане свойствен архаическим культурам, в которых, как известно, господствовало мифологическое мировоззрение. Представители такой культуры не могут и не хотят понимать представителей другой культуры хотя бы потому, что они отрицают их принадлежность к роду человеческому. Весьма ограничены, по нашему убеждению, воз-

можности понимания других культур у субъектов религиозного мировоззрения. Эта ограниченность проистекает из фундаменталистского характера, по сути, любого религиозного мировоззрения. Они – возможности понимания субъектов других мировоззрений – возрастают по мере насыщения соответствующего религиозного мировоззрения элементами философского мировоззрения. Так, достаточно заметными возможностями понимания других культур, как показывает история, обладают просвещенные богословы. Соответственно, максимальным потенциалом постижения других культур, по моему мнению, обладают культуры, в лоне которых сформировалось философское мировоззрение. Поскольку именно философия, преодолевшая квазирелигиозные формы, наиболее адекватна задаче постижения и оценке других типов мировоззрения. Такая философия носит принципиально антифундаменталистский характер[4].

Обсуждая проблематику, связанную с возможностью осуществления плодотворных мировоззренческих дискуссий, нельзя обойти вопрос о результатах («плодах») таких дискуссий.

В некотором смысле очевидным позитивным результатом мировоззренческих дискуссий является ревизия и диагностика каждого мировоззрения, участвующего в такой дискуссии. Другими словами, мировоззренческая дискуссия – это обязательно проверка каждого мировоззрения «на прочность». Это – проверка каждого мировоззрения на убедительность, на обоснованность, на привлекательность. Это – его проверка на отсутствие в нем внутренних противоречий, его проверка на самосогласованность, на эффективность в решении мировоззренческих проблем и т.д. Соответственно, осуществленная на основе дискуссии ревизия и диагностика мировоззрения неизбежно влечет за собой те или иные его улучшения, усовершенствования. Например, это может быть уточнение существенных для данного мировоззрения понятий и идей. Это может быть новое, более надежное обоснование принципов соответствующего мировоззрения. Это может быть постановка и решение новой для данного мировоззрения мировоззренческой проблемы и т.п.

Важным позитивным результатом мировоззренческих дискуссий может быть сближение позиций субъектов различных мировоззрений по определенным мировоззренческим вопросам. Так, например, представители христианского мировоззрения и представители светского гуманизма в результате такой дискуссии могут увидеть, что им свойственны многие общие ценности (свобода, справедливость, милосердие, истина, красота). Обнаружение общих фундаментальных ценностей, несомненно, может послужить основой для сотрудничества представителей этих мировоззрений в решении многих проблем современного человечества. Соответственно, существенным результатом таких дискуссий может стать уточнение содержания расхождений и разногласий субъектов различных мировоззрений. Последующие дискуссии, в принципе, могут привести к минимизации или устранению этих расхождений и разногласий.

Вопрос о плодотворности мировоззренческих дискуссий может быть в частности конкретизирован следующим образом: может ли быть результатом мировоззренческой дискуссии признание истинным одного из мировоззрений, участвовавших в этой дискуссии? Соответственно: правомерно ли применение определения «истинный» к мировоззрению. И, наконец: каким образом отличить истинное мировоззрение от мировоззрения ложного (ошибочного)?

В связи со сформулированными вопросами, прежде всего, отметим, что требует обсуждения и уточнения сама постановка проблемы истинности мировоззрения. Это так хотя бы потому, что мировоззрение чрезвычайно неоднородно по своему составу. Как известно, наряду со знаниями оно включает в себя идеалы, верования, убеждения, ценностные ориентации и т.д. И если проблема истинности знания при всей ее сложности, несомненно, может быть достаточно корректно сформулирована, и попытки ее философского решения принесли множество ценных результатов, то проблема истинности идеалов, верований, убеждений и ценностных ориентаций представляется не только далекой от ее решения, но и весьма неясной по своей сути. В связи с этим может быть высказана точка зрения, согласно которой понятие истинности просто неприменимо к перечисленным компонентам мировоззрения. Возможна, однако, и другая точка зрения, согласно которой проблема истинности мировоззрения для своего более или менее корректного обсуждения требует особой методологии.

Мы придерживаемся второй точки зрения. Другое дело, что такая («особая») методология еще не разработана. Одним из основоположений такой методологии должен быть, по нашему мнению, дифференцированный подход к осмыслению истинности различных уровней и разных компонентов мировоззрения.

В рамках такого – дифференцированного – подхода проблема истинности мировоззренческого

4 См. об этом подробнее: Финогентов В.Н. Философия: фундаментализм и антифундаментализм. Философия: созерцание, рефлексия, коммуникация. Орел. 2010, С. 8-22.

знания, с одной стороны, и проблема истинности мировоззренческих убеждений, верований и т.п., с другой стороны, требуют существенно отличающихся друг от друга концепций.

В частности, для оценки истинности знаний, входящих в состав того или иного мировоззрения, на наш взгляд, вполне уместно применить классическую (корреспондентскую) концепцию истины. Так, например, Г. Галилей в полемике со сторонниками геоцентрического мировоззрения мог подтвердить истинность важного для его мировоззрения утверждения, согласно которому в центре мира находится Солнце. Он мог это сделать, демонстрируя соответствие указанного утверждения результатам его астрономических наблюдений (в частности, его открытию системы спутников у Юпитера). Аналогично следует рассуждать применительно к существенному для эволюционистского мировоззрения утверждению, согласно которому человек сформировался в результате длительного процесса развития определенных видов обезьяноподобных существ. Истинность или ложность этого мировоззренческого знания может быть установлена с помощью его сопоставления с результатами изучения останков древних существ, найденных антропологами.

Скорее всего, оценка истинности ценностно-смысловой составляющей мировоззрения с помощью корреспондентской концепции истины осуществлена быть не может. Точнее, при решении этой задачи указанная концепция может сыграть лишь вспомогательную роль. Она не может быть применена для оценки истинности названной составляющей мировоззрения «напрямую», непосредственно. Но поскольку между знаниевой составляющей мировоззрения и ценностно-смысловой его составляющей должна быть определенная связь, постольку проверка знаниевой составляющей мировоззрения посредством применения корреспондентской концепции истины является косвенной (опосредованной) проверкой истинности ценностно-смысловой составляющей этого мировоззрения.

Можно предположить, что для оценки истинности убеждений, верований, идеалов и ценностных ориентаций, свойственных некоторому мировоззрению, следует использовать прагматистскую концепцию истины. Напомним, что в соответствии с прагматистской концепцией, верования или убеждения (да и знания) человека являются истинными, если обладание ими ведет этого человека к успеху, если они (верования и убеждения) полезны и эффективны в качестве инструментов для решения жизненных проблем данного человека. По всей видимости, прагматистская концепция действительно является релевантной (в определенной мере подходящей) для определения истинности (ложности) ценностно-смысловой составляющей мировоззрения.

Думается, однако, что эта концепция в данном случае нуждается в значительном ограничении (конкретизации). Дело здесь в том, что ключевые понятия прагматистской концепции слишком неопределенны, широки и абстрактны. Речь идет о понятиях успешности, полезности и эффективности. Более определенными эти понятия могут стать, если их погрузить в некоторый ценностно-смысловой контекст. Например, их можно погрузить в теистический ценностно-смысловой контекст. В таком случае религиозные верования человека, в частности его вера в бессмертие души или в грядущее воскресение, будут эффективными средствами для преодоления человеком ужаса смерти и т.п. Соответственно, такие верования в данном контексте следует оценивать как истинные. Можно еще более конкретизировать ценностно-смысловой контекст. Мы помним, например, что в Новом завете Иисус говорит: «Я есть истина…». Таким образом, в этом контексте качества Иисуса, осуществленные данным человеком, свидетельствуют об истинности этого человека и, следовательно, об истинности ценностно-смысловой составляющей его мировоззрения. Понятно, что если указанные понятия погрузить в другой ценностно-смысловой контекст, к примеру, в ценностно-смысловой контекст трагического гуманизма[5], то ситуация радикально изменится: в качестве истинных здесь должны будут рассматриваться совсем иные убеждения и верования человека.

Очевидно, что на этом пути легко попасть в логический круг, выхода из которого пока не видно. Действительно, здесь получается, что некие ценности и смыслы выступают основой или мерой истинности других ценностей и смыслов. В таком случае невозможно оценить истинность этих «неких» (исходных) ценностей и смыслов. Конечно, можно предположить, что существует некая привилегированная (изначально истинная) система ценностей и смыслов. Например, ею может быть система ценностей и смыслов, соответствующая сущности (природе) человека. Таким образом, если удастся придти к единому пониманию сущности (природы) человека, то появится возможность для формулировки истинной системы ценностей и смыслов. Тогда получается, что мы придем к един-

5 О трагическом гуманизме см.: Финогентов В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел, 2012.

ственно истинному (для данной стадии развития человечества) мировоззрению. Но не судим ли мы о сущности, о природе человека с позиций данного, конкретного мировоззрения (натуралистического, теистического, гуманистического и др.)? – Именно так! Дело в том, что о сущности, о природе человека нельзя судить, основываясь только на знаниях (научных знаниях, прежде всего). Суждения о сущности, о природе человека обязательно включают в себя верования, гипотезы и постулаты, которые, в свою очередь, детерминируются, в том числе ценностно-смысловой составляющей мировоззрения субъекта соответствующих суждений.

Добавим в заключение, что говоря о проблеме истинности мировоззрения как целого, следует также иметь в виду взаимосвязь, гармонию между различными составляющими мировоззрения. Речь идет, в частности, об уже упомянутой взаимосвязи знаниевой составляющей мировоззрения, с одной стороны, и ценностно-смысловой составляющей этого мировоззрения, с другой стороны. Речь идет также о соответствии друг другу онтологической, гносеологической, антропологической и т.п. составляющих мировоззрения. Иными словами, в качестве необходимого условия истинности мировоззрения следует указать на отсутствие в нем внутренних противоречий, на самосогласованность (когерентность) этого мировоззрения. Таким образом, на этом уровне к проблеме истинности мировоззрения правильнее всего подходить с позиций концепции когеренции, согласно которой, как известно, быть истинным – значит быть элементом непротиворечивой системы.

Разумеется, сказанное нами является только началом обсуждения проблемы истинности мировоззрения.

Библиографический список

1. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994, С. 51.
2. Цит. по: Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Минск. 2008, с. 143.
3. Цит. по: Камю А. Бунтующий человек. М., 1990, с. 242.

V.N.FINOGENTOV, E.S.KONONOVA

THE NEED FOR PHILOSOPHICAL DISCUSSIONS: MODERN CONTEXT

The article considers the question of the possibility in principle of philosophical discussions between the subjects of different outlooks on the fundamental issues of human existence.

Key words: **outlook, philosophical discussions, fundamentalism, quasi-religious.**

Н.А. ЧУРКИНА
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, педагогики и психологии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета
E-mail: nb1468@ngs.ru
Тел. 8 913 793 21 89

МАСКУЛИННАЯ МОРТАЛЬНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕНТАЛЬНОГО КРИЗИСА

В статье предпринимается попытка объяснить причины и тенденции мужской смертности в современном обществе. Для этого представляется актуальным осуществить анализ мортальных кодов, которые выступают атрибутом ментальности. В ситуации ментального кризиса влияние архетипических основ на мышление ослабевает, что приводит к потере смысложизненных ориентиров.

Ключевые слова: ***смерть, ментальность, архетипы, маскулинность, гегемонная маскулинность.***

Осмысление феномена смерти выступает одной из самых актуальных философских проблем, так как смерть является атрибутом человеческого существования, и каждому свойственно, так или иначе, выражать свое отношение к ней. В то же время данная проблематика – одна из недостаточно разработанных в философской науке. Действительно, в настоящее время большую популярность завоевало не философское, а религиозное или мистическое осмысление смерти (например, широкую известность получила книга американского психотерапевта Р. Моуди «Жизнь после смерти»).

Между тем, именно социально-философское направление изучения мортальной проблематики представляется наиболее актуальным, так как смерть является важным компонентом «картины мира, существующей в сознании членов данного общества в данный период» [8, с. 114]. Картина мира не ограничивается лишь отображением окружающей действительности, но включает в себя и самосознание, то есть понимание человеком себя, собственных мыслей, чувств, идеалов, мотивов поведения, интересов, своей позиции в обществе. Важнейшим элементом самосознания человека выступает иерархия смысложизненных ценностей, предопределяющая цели человеческого бытия. Однако понимание бытия человека обусловлено не только ценностями, раскрывающими смысл жизни, но включает в себя и образ смерти. Многие исследователи подчеркивают связь между мортальными установками, доминирующими в обществе на определенном этапе его развития, и самосознанием личности, типичным для этого общества [8].

Сама картина мира формируется посредством ментальности – глубинной структуры человеческого сознания, включающей и бессознательное. В основании ментальной системы лежат универсальные психические структуры – архетипы, культурные коды, во многом сходные с инстинктивными. Социально-философское исследование ментальных мортальных кодов может помочь объяснить отношение современного человека к смерти, так как мортальные ментальные коды могут быть представлены в виде некой константы, которая обуславливает онтологические характеристики человека.

Ментальность обуславливает определенное единообразие поведения и мышления индивидов в довольно длительных временных рамках (ментальности, по выражению Ф. Броделя, «темницы, в которые заключено время большой длительности») [3]. В то же время абсолютизировать стабильность ментальных структур нельзя. Более того, в научной литературе возникло понятие «кризисная ментальность» – «дезинтегрированное массовое сознание, для которого характерны неустойчивость и лабильность» [10, с. 526].

Кризис может быть рассмотрен как нарушение стабильности той или иной структуры, возникающее под воздействием факторов внешней среды и сопровождающееся искажением и разрушением ее элементов. Исследователи неоднозначно характеризуют последствия кризисного состояния: например, О. Шпенглер рассматривал кризис как гибель, крах. В то же время другие ученые, например, П.А. Сорокин, не так пессимистично характеризуют кризис и склонны трактовать его не как завершающий этап, а как некую точку бифуркации, закономерно возникающую в процессе развития любой системы. Таким образом, последствия кризиса неоднозначны: с одной стороны, кризис может привести к стагнации всех процессов, происходящих в системе и завершиться исчезновением той или иной структуры как таковой, но, с другой стороны, завершением кризиса может стать движение от первоначального состояния к новому, более совершенному. Однако какими бы ни были резуль-

© Н.А. Чуркина

таты кризиса, само кризисное состояние всегда является нарушением равновесия и переживается достаточно болезненно.

Для иллюстрации ситуации ментального кризиса можно использовать образное сравнение, предложенное М. Бубером, который в истории человеческого духа различал эпохи обустроенности (Behaustheit) и бездомности (Hauslosigheit). С его точки зрения, «в эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти» [4, с. 164-167].

«Эпохи обустроенности», с нашей точки зрения, представляют собой такие этапы развития духовной сферы общества, когда ментальные установки оказывают на индивидов стабилизирующее и регулирующее воздействие, а в сознании человека формируются непротиворечивые образы окружающей действительности и самого себя. Человек легко и свободно ориентируется в окружающем мире и осознает себя как часть этого мира. Ментальность, обуславливая унификацию ценностей человека, способствует психологическому сближению людей, формированию социальности, поскольку «в качестве социокультурного субъекта человек принадлежит не столько объективному миру, сколько интерсубъективной картине мира, творимой тем или иным менталитетом» [18, с. 153]. Структурные элементы ментальности – стереотипы, установки и пр. формируют некое духовное пространство, которое позволяет людям, включенным в него, осуществлять коммуникацию, идентифицируя себя с себе подобными. Благодаря ментальности человек обретает чувство безопасности, близости к миру, его жизнь делается более осмысленной.

В «эпохи бездомности» ментальные коды, те самые «колышки для палатки», призванные упорядочивать и детерминировать процесс человеческого мышления, разрушаются, дестабилизируются. Механизм происходящих в «эпоху бездомности» изменений ментальной сферы можно раскрыть, исходя из определения феномена ментальности.

Ментальность понимается как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом» [6, с. 176]. В соответствии с данным определением, ментальность можно представить, с одной стороны, как глубинные, то есть генетические и природные слои общественного сознания, которые обуславливают поведение людей, а с другой стороны, как порождение культуры и социальности.

Такая амбивалентность ментальности может быть проиллюстрирована словами К. Лоренца, который утверждает, что «…инстинктивные побуждения и культурно обусловленное, ответственное владение ими составляют единую систему, в которой функции обеих подсистем точно согласованы друг с другом» [13]. Созвучную идею о некой подсознательной духовности выдвигает американский исследователь В. Франкл: «…мы знаем и признаем не только бессознательное, в виде влечений, но и духовное бессознательное, и в нем мы видим несущую основу всей сознательной духовности» [19].

Так как структура ментальности состоит из таких элементов, как социальные установки, стереотипы, символы, которые в своей совокупности образуют некое новое качество – формируют стройную и непротиворечивую картину мира, то ментальность может быть представлена в качестве системы. Базовым элементом этой системы выступают архетипы – определенные формы в психике, которые «распространены всегда и повсюду» [21, с. 12]. Архетипы представляют собой протономические (от греч. protos – первый и nomos – закон, порядок) априорные образы, которые регулярно воспроизводятся в сознании индивидов. В архетипах воплощается настолько значимый опыт, что они детерминируют процесс мышления и активности индивида и обуславливают непротиворечивое понимание человеком окружающего мира.

Непосредственной причиной кризисного состояния ментальной системы может быть игнорирование человеком архетипических основ сознания: «мировоззрение и общественный порядок, которые отрезают человека от праобразов жизни, – замечает Юнг, – не только не являются культурой, но в значительной мере представляют тюрьму или хлев» [20, с. 62]. Позицию К.Г.Юнга конкретизирует М.И. Мельникова, которая отмечает, что «если на сознательном уровне люди не принимают во внимание сигналы архетипов, если нарушается даже их символическая трансляция в поток текущих жизненных событий, то возможны негативные, дезадаптивные формы человеческого поведения» [15, с. 37]. Таким образом, в «эпоху бездомности» влияние архетипов на сознание индивида теряет свое значение, а ментальная детерминация мышления индивида ослабевает. Кардинальный же слом ментальных смыслов приводит к тому, что «многие личности ослабляют или даже вовсе утрачивают способность к полноценной самоактуализации и адекватной самоидентификации…» [18, с. 153].

Ментальный кризис приводит к противоречивости, разрозненности ментальных установок, стереотипов, смыслов, которые уже не только не

способствуют адаптации индивида, но даже приходят в противоречие с наличной ситуацией. Место архетипа занимает симулякр – «возникающее некое правдоподобное подобие отсутствующего объекта, копия, которая не отражает никакой реальный объект» [5, с. 18]. Ж. Бодрийяр, обозначая смысловую характеристику симулякра, говорит о переходе «от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего» [1]. В современной культуре, с точки зрения исследователя, «образ не является больше истиной объекта: оба сосуществуют в одном физическом пространстве и в одном и том же логическом пространстве, где они «играют» роль знаков…» [2, с. 151]. При этом «стирается и грань между реальным и воображаемым: быт, политика, экономика и другие сферы повседневности подчинены логике фантазма, «мы повсюду уже живем в «эстетической» галлюцинации реальности» [2, с. 151].

В условиях всевластия симулякров понимание людьми окружающей действительности основывается не на общезначимых ментальных установках, а на неких иллюзорных основаниях, которые подобно улыбке Чеширского кота могут в одно мгновение исчезнуть или измениться. При этом симулякры становятся для человека более реальными, нежели окружающая действительность. Недаром множество людей в современном мире выбрали для себя путь эйскапизма – отказа от реальных ценностей и замены их симулякрами, что проявляется в разнообразных поведенческих практиках, начиная от ухода в виртуальный мир и ухода от реальности посредством реализации проекта сверхпотребления до девиантных форм бегства от действительности (аддикции, суицид). В этих условиях даже человеческая смерть, которая является одним из важнейших антропологических феноменов, подвергается симулированию и становится во многом иллюзорной. Действительно, если на протяжении практически всей человеческой истории, в разных культурах смерть рассматривалась как одна из естественных составляющих человеческой жизни (что получало подтверждение со стороны религиозных догматов), то в кризисные периоды человеческой истории в понимании смерти усиливаются нигилистические и трагические мотивы. Например, в современном обществе смерть визуализируется посредством кино, компьютерной графики, видеоклипов и пр., и человеку уже трудно отличить реальную ситуацию смерти от виртуальной, что обуславливает трудность адекватного отношения к данному феномену как онтологической характеристике индивида. Результатом подобного замещения может стать «толерантное отношение к убийству как неокончательному акту, не наносящему необратимого ущерба существованию другого, лишенного физической конечности» [14, с. 24]. Виртуальный мир наполнен изображением и символами смерти, которая принимает самые разнообразные обличья: начиная от эсхатологических сценариев фантастических фильмов, где смерть настигает все человечество, и заканчивая смертью в перестрелке, которая для современного человека становится чуть ли не привычным событием жизненного сценария. В связи с этим, мортальная ситуация в современной России не может не вызывать опасения и может рассматриваться как результат ментального кризиса.

Одной из наиболее актуальных и даже трагичных аспектов мортальной проблематики является мужская смерть. Статистические данные утверждают, что средняя продолжительность жизни мужчин во многих странах мира (современные западные страны, США, Россия) меньше, чем женщин. Например, продолжительность жизни мужчин в 2009 году в России составляла всего 62,8 года [9, с. 32].

Характеризуя данную ситуацию, исследователи чаще всего ограничиваются констатацией того, что мужская сверхсмертность является следствием заболеваемости (сердечно-сосудистые, онкологические и пр.), самоубийств, алкоголизма, наркомании, гибели представителей мужского пола в результате несчастных случаев, криминального поведения мужчин. Что касается причин сложившегося положения вещей, то их анализу посвящено гораздо меньше исследований (Кон И.С., Тартаковская И.Н. и др.).

С нашей точки зрения, для прояснения причин сверхсмертности мужчин в современном обществе можно обратиться к анализу глубинных априорных оснований, детерминирующих мышление и поведение представителей мужского пола, то есть к характеристике маскулинной ментальности. Такой подход недостаточно полно представлен в современной науке (по словам американского антрополога Д. Гилмора, «культы и коды мужественности» научной мыслью совершенно не затронуты) [7, с. 18].

Под маскулинной ментальностью нами понимается темпорально устойчивая протономическая кодовая система, детерминирующая процесс маскулинного способа мышления и миропонимания, обуславливающая проявление единообразных когнитивно-эмоциональных реакций и формирующая определенный тип поведения индивида и общности.

Представляется, что изучение как особенностей маскулинной ментальной системы, так и ее влияния на мышление индивида необходимо для прояснения многих вопросов, касающихся онтологических оснований человеческого существования.

Д. Гилмор утверждает, что признание множества социокультурных различий не снимает с научной повестки дня поиск так называемой «глубинной структуры маскулинности» [7, с. 18]. Если принять во внимание то, что, по мнению Д. Гилмора, такие глубинные структуры состоят из эмоционально-окрашенных идеалов, образов традиционной мужественности, общих стереотипных представлений, то их отнесение к ментальным структурам представляется вполне обоснованным. Исследователь убежден, что «современные культуры в своих различиях демонстрируют всего лишь символический поверхностный покров, маскирующий единую глубинную природу полового мышления» [7, с. 18]. Современные российские исследователи также не сомневаются в существовании специфических мужских ценностей, стереотипов, идеалов, причем, по их мнению, влияние этнической, национальной и даже региональной специфики на современное состояние «мужского» не столь очевидно [16].

Для раскрытия сущности маскулинной ментальности, с нашей точки зрения, представляется возможным использовать понятия Анимы и Анимуса, предложенные К.Г.Юнгом. Анима и Анимус представляют собой архетипические феминные и маскулинные основания, укорененные в коллективном бессознательном [21]. Анима и Анимус – компенсаторные принципы, которые обуславливают целостность и непротиворечивость образа человека и позволяют индивиду взаимодействовать с представителями противоположного пола. Анима представляет собой женскую ипостась мужского сознания, а Анимус, соответственно, выступает мужской составляющей женской сущности. Однако Анима, как элемент мужского сознания, как и Анимус в сфере сознания женщины, являются подчиненными элементами, которые не должны доминировать под угрозой потери человеком своей половой определенности. В условиях же ментального кризиса наблюдается игнорирование человеком своих архетипических оснований, что проявляется в инверсии гендерных отношений.

Инверсия (лат. inversio – переворачивание, перестановка) – взаимозамена противоположных элементов, в результате которой «некоторый подчиненный элемент иерархической системы, формально сохраняя свою невысокую позицию в иерархии, приобретает в ней, тем не менее, главенствующее положение». [17, с. 143]. Исходя из этого определения можно утверждать, что гендерная инверсия представляет собой доминирование маскулинных оснований в женском сознании и ослабление мужского начала под влиянием феминных оснований в сознании представителей мужского пола. Мы предполагаем, что гендерная инверсия представляет собой социокультурный процесс, а не ограничивается исключительно сексуальной ориентацией индивида (как это полагал З. Фрейд).

Таким образом, в рамках гендерной инверсии происходит значительная трансформация половых оппозиций, которые априорно были свойственные человеку и их замена симулякрами, формирующими у него искаженные представления об окружающей действительности, так как «симуляция же ставит под сомнение различие между «истинным» и «ложным», между «реальным» и «воображаемым»[1].

Апогеем симулирования в современном обществе является симуляция самых сокровенных отношений между полами – репродуктивных. Речь идет о разнообразных вмешательствах в репродуктивные процессы, прежде всего о процедуре клонирования, которая «радикально устраняет Мать и Отца, сочетание их генов, смешение их различий», путем «нечеловеческого» секса, секса, состоящего в простом соприкосновении и в незамедлительном делении» [1].

Замена архетипов симулякрами, таким образом, формирует иллюзию абсолютного равенства полов, разрушая их гармонию и целостность и ориентируя женщин и мужчин на противостояние и оспаривание исконных, свойственных исключительно данному полу функций. Это проявляется в нездоровой конкуренции между женщинами и мужчинами в сфере общественного производства, бизнеса, образования и пр., когда женщина подчас полностью отказывается от исполнения репродуктивной и социализирующей функции в пользу самореализации во внесемейной сфере.

Женщины успешно заимствуют чисто мужские качества и функции, сохраняя при этом традиционные феминные черты, например, роль матери и хозяйки. Современная женщина максимально андрогинна, что делает ее более адаптивной и позволяет успешно овладевать традиционно маскулинным социальным пространством (сфера бизнеса, производства, науки, искусства), составляя значительную конкуренцию представителям мужского пола.

Что же касается мужчин, то для них полная идентификация с женщинами в большинстве случаев невозможна, что обусловлено нормами антиженственности, в большей или меньшей степени разделяемыми практически всеми представителями мужского рода. Мужчинам трудно принимать феминные черты характера и образцы поведения, поскольку они усматривают в этом угрозу своему мужскому достоинству. Более того, трудности в реализации традиционного маскулинного поведения обуславливают разрушение гендерной

самоидентификации, что крайне негативно сказывается на психологическом состоянии индивида и могут спровоцировать различные депрессивные проявления.

В качестве маскулинного идеала для многих современных мужчин по-прежнему выступают ценности так называемой «гегемонной маскулинности». Это понятие было введено в научный оборот австралийским исследователем Р. Коннелл. В теории Р. Коннелл гегемонная маскулинность рассматривается как некий маскулинный порядок на уровне всего общества, который обуславливает доминирование носителей гегемонной маскулинности над женщинами и подчиненными мужчинами [22, с. 183]. При этом Коннелл утверждает, что «доминирующее влияние одной группы людей над другой, достигнутые под дулом пистолета или угрозой безработицы, не является гегемонией» [22, с. 184], то есть постулирует естественный и конвенциальный характер гегемонной маскулинности. По мнению исследователя, гегемонная маскулинность представляет собой «доминирующее влияние, которое встроено в религиозные доктрины и практики, структуры заработной платы, проектирование жилья, социальное обеспечение/налоговую политику и т. д.» [22, с. 184]. Если рассматривать гегемонную маскулинность как систему кодов, свойственных маскулинной ментальности, то позиция Р. Коннелл представляется вполне обоснованной.

Гегемонная маскулинность в современном обществе выступает в качестве определенного идеала, образца, предписываемого наиболее престижному мужскому поведению. Ценности, свойственные гегемонной маскулинности (культ физической силы, агрессивность, высокая соревновательность, эмоциональная невыразительность), жестко противопоставляют мужчину, как представителя пола, женщине. Данные ценности сформировались еще в примитивных обществах в рамках первичного разделения труда по половому признаку. Отсутствие механизмов, облегчающих физический труд, отсутствие контрацепции, необходимость осуществлять охранные и военные функции и пр. способствовали разделению сфер жизнедеятельности представителей полов. Женщина функционировала, прежде всего, как мать и хранительница очага, а мужчина реализовывал себя вне семьи как воин и кормилец.

По мнению И.С. Кона, именно специфические ценности, свойственные гегемонной мужской роли, обуславливают в современном обществе высокий уровень заболеваемости и смертности мужского населения, стремящегося им соответствовать [11, с. 8].

Еще одним значимым фактором, обуславливающим рост заболеваемости и смертности современных мужчин, на наш взгляд, является нарушение гендерной маскулинной идентичности, что проявилось в объективной утрате мужчинами своих традиционных функций отца, защитника, главы семьи и пр., а также утрате представлений о своем исконном мужском призвании на субъективном уровне.

Дальнейшее исследование маскулинной ментальности и составляющих ее архетипов, с нашей точки зрения, сможет пролить свет на многие проблемы современных мужчин, в том числе и на причины их меньшей по сравнению с женщинами жизнестойкости.

Библиографический список

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция (реферат В.Фурс). /Философия эпохи постмодерна. Сб. переводов и рефератов. Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 32–47. [Электрон. ресурс]. [сайт]. Режим доступа: http://exsistencia.livejournal.com, *свободный. - Загл. с экрана.*
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структуры [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. М.: Республика: Культур. революция, 2006. 268 с.
3. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность. //Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 114 – 142.
4. *Бубер М.* Два образа веры: монография. Пер. с нем. М.И. Левиной и др. М.: Республика, 1995. 463 с.
5. *Бурлачук В., Танчер В.* Символ и симулякр. Концепция символа в социологии постмодерна. //Социология: теория, методы, маркетинг. 2004, № 1. С. 15-29.
6. *Визгин В.П.* Ментальность, менталитет. //Современная западная философия. Словарь /Сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. М.: Политиздат, 1991. 414 с.
7. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности.[пер. с англ.]; Ин-т соц. и гендер. политики. М.: РОССПЭН, 2005. 259 с.
8. *Гуревич А.Я.* Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении зарубежной историографии. //Одиссей. Человек в истории = Odysseus. Man in history: сборник /АН СССР. Ин-т всеобщ. истории. 1989. М. С. 114–135.
9. Женщины и мужчины России. 2010. / Федер. служба гос. статистики; [редкол.: К.Э. Лайкам (пред.) и др.].

М. : Росстат, 2010. 283 с. [Электрон. ресурс]. [сайт]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_50/Main.htm, *свободный. – Загл. с экрана.*

10. *Иванов В.Н., Семигин Г.Ю.* Ментальность политическая. //Новая философская энциклопедия: В 4 т. /Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. ф.; [Науч. ред. Ковалева М.С. и др.], Т. 2 : Е-М. - 2001. - 635 с.

11. *Кон И.С.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья. //Социология: теория, методы, маркетинг. 2008, №. 4. С. 5-16.

12. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. [Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. М.: Время, 2009. 494 с.

13. *Лоренц К.* Оборотная сторона зеркала. Пер. с нем. Федорова А.И., Швейника Г.Ф. М.: Республика, 1998. 493 с. [Электрон. ресурс]. [сайт]. Режим доступа: http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-discipl/ecology/books/vchk-vin-discipl-ecol-Lorenz.html, *свободный. – Загл. с экрана.*

14. *Маньковская Н.* От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм. //Коллаж-2: социал.-филос. и филос.-антропол. альм. / Рос. акад. наук. Ин-т философии; [Отв. ред.: Кругликов В.А.]. М.: [б. и.], 1999. С. 18-25.

15. *Мельникова М.И.* Крестьянская ментальность как архетип русской души. Ставрополь: Ставроп. правда, 2006. 263 с.

16. Мужской сборник. Вып. 2 «Мужское» в традиционном и современном обществе: константы маскулинности, диалектика пола, инкарнации «мужского», мужской фольклор. /Сост. И.А.Морозов. М.: Лабиринт, 2004. 260 с.

17. *Севастьянов Д.А.* Реализация инверсивных отношений в инновационном образовании. //Экономика образования. 2010, № 3. Ч. 2. С. 142-147.

18. *Тюпа В.И.* Диагностика ментального кризиса. //Мир России. 2002, № 1. С. 153-165.

19. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. /Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368с. [Электрон. ресурс]. [сайт]. Режим доступа: http://www.marsexx.ru/psychology/frankl-chelovek_v_poiskah_smisla.html#282, свободный. – *Загл. с экрана.*

20. *Юнг К.Г.* Психологические аспекты архетипа матери. //Структура психики и процесс индивидуации; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. М.: Наука, 1996. 269[8] л. ил: с-портр.

21. *Юнг К.Г.* Структура психики и архетипы. М.: Акад. проект, 2007. 302 с.

22. *Connell R.* Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics. Stanford: Stanford University Press, 1987. 334 pp. [Электронный ресурс]. [сайт]. Режим доступа http://books.google.ru/books?id=qywNrBHAGxwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false, свободный. – *Загл. с экрана.*

N.A. CHURKINA

MORTALNOST OF MASCULINE AS A RESULT OF A MENTAL CRISIS

The article attempts to explain the causes and trends in male mortality in modern society. To do this, it seems urgent to analyze mortalnyh codes, which are the attribute of mentality. In the case of the mental impact of the crisis on the archetypal foundations of mentality weakens, which leads to loss of life meaning landmarks.

Key words: ***death, mentality, archetype, , masculinity, hegemonic masculinity.***

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Е.И. АРИНИН
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета
E-mail: eiarinin@mail.ru

ВЕРА И РАЗУМ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. ЛУМАНА*

Статья посвящена ряду аспектов понимания феномена религии в контексте теории «аутопойетических» систем Никласа Лумана (Niklas Luhmann). Религия выступает как возобновляемый «контроль за границей с неизвестным», знание «тайного». Выделяются три типологические формы религии: магико-мифологическая традиция, дифференциация «теологии клира/народной веры» и религиозность «дискурс-дифференцированного общества».

Ключевые слова: ***Никлас Луман, концепция религии, формы религии.***

Соотношение веры и разума, религии и науки в современном мире глубоко рассматривал известный современный социолог и социальный философ Никлас Луман (Niklas Luhmann), в котором признают «крупнейшего социолога и правоведа современности» [9]. Он стремится отказаться от каузальности «онтологической метафизики», утверждая важность не причинно-экономических, а функционально-структуралистских объяснений в понимании социальной реальности как совокупности «аутопойетических» (самопроизводящих) систем [2, 10]. В рамках его концепции общество представляется дифференцирующимся на разные функциональные субсистемы – политику, искусство, науку, религию, которые являются автономными, над ними нет высшего, объемлющего единства, реализуемого через некую дополнительную специальную субсистему [2, 44]. Субсистемы бинарно (позитивное-негативное) кодируют информацию в собственных символических средствах, где нет «ложного и истинного» как таковых («онтологических»), но есть то, что кодируется как «ложное» в науке, «безобразное» в искусстве, «незаконное» в юриспруденции, «суеверное» в религии и т.п..

Н. Луман относит религию к древнейшим символическим системам, которые выполняют функцию превращения пугающей неопределенности мира в определенность ритуала и представления, поскольку «религия формируется в качестве первой попытки отвести место ненадежному в надежном» [2, 61]. Религии «надзирают за границей с неизвестным» [2, 64], они по-своему превозносят неопределенное, определяют и формулируют его [3, 176]. В древнейших культурах свои ритуалы и представления как сакрально-эзотерические «знания» противопоставлялись чужим, как «сказкам и небылицам», позднее, с возникновением городов и империй, бюрократия формулирует «доктринальные концепции» (часто недоступные «народу» или доступные только в «популярных формах») и именно доктрина становится «самовыражением религиозного сообщества, посредством которого оно поддерживает свою самобытность и регулирует свои отношения с другими подобными сообществами» [5].

До XVII–XVIII вв. религиозная картина мира и «отношение к Богу, примысливаемое всякому переживанию и действию, выступало скрытой самореференцией общественной системы», поскольку «считалось, что без Божьей помощи ничто не ладится», на основании чего «устанавливались общественные и моральные требования», при этом религиозная семантика формулировалась «не как самореференцию общества, она была (и сейчас есть) сформулирована как внешняя референция, как трансцендентность» [3, 595].

Собственно дифференциация и специализация субсистем современного общества – политики, искусства, науки и религии (теологии) как «аутопойетичных» формируется с эпохи позднего средневековья, когда в Европе «политика территориальных государств…приобрела примечательную независимость от религиозных вопросов», появилось книгопечатание («кто умеет читать Библию, умеет также читать памфлеты религиозной полемики», и «теперь экономика регулирует, какие печатные изделия могут быть произведены и проданы», при этом религия и политика «пытаются (более или менее безуспешно) защититься с помощью цензуры или угрозы штрафов», но им «для этого необходимы решающие критерии, которые уже не исходят из общего миропознания» [2, 149], и, кроме того, «с середины XVI в., наука тоже дистанцируется от религии», в связи с чем «право активно задейству-

*Статья публикуется при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.2120

© Е.И. Аринин

ется для многих проблем, вытекающих из такого развития, например,…в качестве публичного права для перехода к религиозной терпимости – и благодаря тому, что оно могло оказывать такие услуги, у права растет самостоятельность по отношению к политической власти» [2, 135-136].

При этом, отмечает Н.Луман, «если религия тяготеет к насильственным столкновениям, чтобы доказать или внушить правую веру, то ей приходится отыскивать политического заступника; политика же постепенно все более дистанцируется от ведения религиозных войн» [2, 143]. В этой связи, «поскольку религия способствует агрессивности, последняя должна регулироваться церковно-политически или субъективно направляться во внутренний мир человека в форме ригористических требований», в результате чего «даже религия становится отдифференцированной системой» [2, 142-143]. Постепенно именно «индивид выставляет себя в качестве исходной точки для того, что кажется подобающим для его веры, разума и принадлежности к организациям» [2, 157].

На этой основе развивается современное «дифференцированное общество», где «условием общения – является разобщенность», так как «чем меньше общения, тем меньше конфликтов», поскольку «сами конфликты институционализируются и задействуются как важнейшие условия системной динамики в уже обособившихся частях общества», когда, к примеру, «ученые спорят с учеными, а политики спорят с политиками, но вот поспорить друг с другом у них как-то не получается» [1, 307]. Это стабилизирует общество как систему, поскольку «тот, кто в общении ориентирован на истину (упорядочивающее средство для научного общения и научных текстов) не способен понять того, кто ориентирован на веру как ориентир религиозных текстов, но именно благодаря этому конститутивному размежеванию ученых перестали сжигать на кострах, а верующих не исключают из социума как слабоумных» [1, 313]. Такое «дискурс-дифференцированное общество» защитило себя от конфликтов «именно потому, что коллапс в одной сфере – скажем, в религиозном общении (межрелигиозные конфликты) … уже не приводит к коллапсу во всех остальных сферах социального общения, как это было характерно для традиционных недифференцированных обществ» [1, 314].

В условиях дифференцированного общества такие различения, как истинное – неистинное, хорошее – дурное, правовое – неправовое, уже не могут быть приведены к согласию – что стало очевидным вместе с крахом логического позитивизма, а затем и аналитической философии в их попытках интеграции группы таких понятий, как референция, смысл и истина [4], ввиду чего выявление ложности научного знания служит росту истинного знания, рождению собственно научной преемственности, поскольку именно «истины выступают во взаимосвязи, а заблуждения, напротив, порознь» [3, 95-96].

В таком контексте представляется важным вспомнить слова митрополита Антония (Сурожского), который подчеркивал, что верующих, как это ни парадоксально, разъединяют доктрины, то есть именно то, «что должно было бы нас соединять в духе изумления о том, сколько мы можем знать о Боге, и глубочайшего смирения перед тем, как Он остается непостижим» [7, 14]. Он отмечал: «Я долго жил среди людей инакомыслящих, и в течение очень долгого периода у меня было такое радикальное отношение: только Православие – и все. А постепенно, особенно на войне, я посмотрел, как люди инакомыслящие себя ведут: христианин, может быть, ляжет за кустом, когда стреляют, а безбожник выйдет из укрытия и принесет обратно раненого. И тогда ставишь вопрос, кто из них подобен доброму самаритянину и Христу Спасителю», и «иноверный, инославный, язычник по нашим понятиям, неверующий – если он всем сердцем и умом живет согласно своей вере и верит в то, что говорит, может сказать слово правды, и мы можем научиться чему-нибудь» [6; 69-70, 72].

В дифференцированном обществе «людей невозможно распределить по функциональным системам так, чтобы каждый из них принадлежал только к одной системе, т.е. участвовал бы только в праве, но не в экономике, только в политике, но не в воспитательной системе» [2, 171]. При этом «не существует и возможностей какого-то взаимного управления, ведь это до определенной степени подразумевало бы передачу функций», а потому «в отношениях функциональных систем друг к другу может присутствовать деструкция – в той мере, в какой они зависят друг от друга, – но не инструкция» (2, 179). В таком обществе человек уже не может быть «только верующим» или «только ученым», но оказывается принадлежащим к множеству «идентификационных ролей», требующих дифференцированного и сложного внутреннего мира, т.е. умения быть и мужем, и сыном, и гражданином, и прихожанином и т.п., т.е. homo religiosus всегда, так или иначе, будет и homo secularus и наоборот.

Библиографический список

1. *Антоновский Ю.А.* Общество как общение и разобщение // Луман Н. Дифференциация: пер. с нем. Москва: Логос, 2006.
2. *Луман Н.* Дифференциация: пер.с нем. Москва: Логос, 2006.
3. *Луман Н.* Социальные системы. Пер. И.Д. Газиева. Под ред. Н.А. Головина. С.- Петербург. «Наука», 2007.
4. *Луман Н.* Эволюция. Москва: Логос, 2006.
5. *Маграт А* Богословская мысль Реформации [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.psujourn.narod.ru/lib/mag_teol1.htm
6. *Митр. Антоний Сурожский.* О встрече. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 1999.
7. *Митр. Антоний Сурожский.* О некоторых категориях нашего тварного бытия. Церковь и время. 1991. № 2.
8. *Посконина О.В.* Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997.

E.I. ARININ

FAITH AND REASON IN THE POST-CLASSICAL CONCEPT OF NIKLAS LUHMANN

Article is devoted to a number of aspects of understanding of a phenomenon of Faith and Reason in a context of the theory of «autopoietic» systems of Niklas Luhmann. The religion acts as renewed «control abroad with the unknown», knowledge of «secret». Three typological forms of religion are allocated: magic-mythological tradition, differentiation of "High Tradition/little tradition" and religiousness «a discourse - the differentiated society».

Key words: ***Niklas Luhmann, religion concept, religion forms.***

Т.Р. АТАБЕКОВ
аспирант кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета
E-mail: timurouz@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

В статье рассматривается необходимость изучения перспектив диалога ислама и христианства в современном обществе. Рассматриваются ключевые исследования в данном вопросе, которые помогают понять проблематику диалога между исламом и христианством в современном контексте.

Ключевые слова: ***христианство, ислам, диалог, мировоззрение, культура, образование.***

Говоря о необходимости изучения вопроса диалога ислама и христианства, необходимо отметить, что будущее христианства и христианской части мира в перспективе видится все более и более тесно связанным с исламом. Нравится нам это или нет, но каждый день наш мир наполняется информацией относительно событий, происходящих в мусульманских странах, и, конечно же, о терроризме. Данные обстоятельства ставят христианский мир перед большим вызовом, требующим выхода из своеобразного «вакуума страха» и преодоления создавшихся барьеров, необходимостью дать правильную оценку данным процессам и глубже понять то, что для христианского мира и церкви наступило то время, когда необходимо развивать более глубокое изучение истории, развития, распространения и усиления ислама, а также вести поиск путей для диалога христианского мира с миром исламским.

Исследователи отмечают ряд основных причин, которые вызывают необходимость рассмотрения вопросов диалога ислама с христианством: а) *быстрый рост ислама в мире.* В настоящее время ислам растет и тем самым активно проникает в развитые христианские страны (история стран Европы – 50-60 г.г. XX в.) [6]. Тем самым христианский мир должен понимать, что, как было сказано выше, будущее христианства будет еще теснее связано с исламом в прямом смысле этого слова, т.е. с каждым годом усиливается необходимость в поисках и развитии путей диалога с исламом; б) *терроризм.* СМИ все чаще поставляют новости о терроризме в исламской среде [4]. Это особенно актуально для стран постсоветского пространства, где «чеченский вопрос» (оставивший болезненные раны в российском обществе), как и гражданская война в Таджикистане (оставившая огромный шрам в Центральной Азии), ставят христианский мир перед проблемой объективной и конструктивной оценки исламу и насилию; в) *потребность в постоянной информативности.* Христианский мир не может и не должен больше игнорировать непосредственное присутствие ислама и мусульман в своей среде, ибо современное взаимодействие христианского мира с мусульманами очевидно будет увеличиваться. Христианский мир и церковь не должны игнорировать огромнейшие изменения, происходящие в последние десятилетия в нашем обществе [5]; г) *необходимость (можно сказать, призвание) для христиан с пониманием относиться к мусульманам.* Базовые основы христианской этики предполагают отношение к окружающим нас людям (независимо от их происхождения и вероисповедания) с состраданием, пониманием и конструктивным подходом к анализу их жизни и деятельности [2]. Христианскому миру необходимо научиться принимать мусульман такими, какие они есть, тем самым показывая пример того, как мусульмане должны относиться к христианам.

Религиоведение выступает той областью академических знаний, которая способна непосредственно помочь в понимании различий и общности двух крупнейших религиозных традиций современности. Если возьмем исследования одного из классиков современного религиоведения Жака Ваарденбурга (Jacques Waardenburg), то можем увидеть, что он рассматривает важность анализа взаимоотношений между этими двумя крупными и влиятельными религиями в мире как с точки зрения исторической перспективы, так и с точки зрения анализа взглядов мыслителей, принадлежащих каждой из этих религий. Ваарденбург рассматривает историческое многообразие традиций, связанных с появлением и развитием этих двух религий, а также общие (параллели между ними) и отличительные черты, которые осознаются либо полностью, либо лишь частично адептами этих религий [3].

*Статья публикуется при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.2120

© Т.Р. Атабеков

Различия между западным и восточным мышлением

ЗАПАДНОЕ МЫШЛЕНИЕ	ВОСТОЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ
Забота о предметах (частных вещах)	Забота об окружающей среде
Предметы	Вещество (сущность)
Контроль над окружающей средой	Меньше контроля над окружающей средой
Стабильность	Изменения
Объяснение событий через акцент (фокус) на предметы (объекты)	Объяснение событий через акцент на отношениях
Предпочтение категориям	Предпочтение отношениям
Предпочтение логическим правилам	Нет предпочтения логическим правилам
Диалектический подход, правильность одних убеждений в сравнении с другими	Средний путь, противоречия
Закон непротиворечия: принцип не может быть одновременно правильным и ложным	Противоположности взаимосвязаны, взаимопроникающи и взаимозависимы
Избежание противоречий, поиск принципов, которые могут оправдать убеждения. Склонность быть более крайним в суждениях	Большое предпочтение компромиссным решениям и холистическим аргументам. Больше желания поддержать два очевидно противоречивых аргумента
Аналитическое	Холистическое (целостное)
Закон тождественности: вещь есть сама, а не какая-либо другая вещь	Чтобы узнать вещь, необходимо узнать все ее отношения и связи, подобно отдельным музыкальным нотам в мелодии
Больше склонности видеть отдельные предметы	Больше склонности видеть картину в целом
Видеть причинные связи между событиями	Приписывать больше значения контексту событий
Больше задавать вопросы «Почему?»	Больше задавать вопросы «Как?»
Разум, логика	Обоснованность, здравый смысл
Доверие анализу в отрыве от контекста	Недоверие деконтекстуализации
Общество, основанное на чувстве вины	Общество, основанное на чувстве стыда (позора)

Связь с социальным окружением (культурой)

ЗАПАДНОЕ МЫШЛЕНИЕ	ВОСТОЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ
Люди хотят выделяться	Люди не хотят выделяться, но смешиваются с окружающими. «Торчащий гвоздь забивают»
Люди управляют своим собственным поведением	Поведение зависит больше от окружающей среды и обстоятельств
Фокус на личный успех и достижения	Поддержка гармоничных социальных отношений
Люди стремятся думать о себе положительно	Отсутствие концепции индивидуализма
Равенство в личных отношениях, превосходство в иерархических отношениях	Равенства в обращении (в отношениях) не ожидается
К каждому применимы одни и те же правила. Правосудие должно быть слепым.	Применяемые правила местные, частные, больше определяются ролью, чем универсальностью
Склонность специализироваться в нескольких сферах, которые начинают хорошо получаться	Большая склонность стать мастером на все руки
Индивидуальная социальная система	Коллективная социальная система
Независимость	Взаимозависимость
Индивидуальная (отдельная) личность не должна быть раздавлена иерархическими отношениями и личным контролем	Принятие иерархии и группового контроля
Стремление создать себе положительный имидж	Ценность вписаться в коллектив и заниматься самокритикой, чтобы и другие поступали также
Меньше осведомленности о чувствах и отношении других	Осведомленность о чувствах и отношении других
Прямота	Непрямота, тонкость, искусность
Агрессивный, риторический стиль	Неагрессивный стиль, нацеленный на гармонию
Человек может манипулировать окружающей средой	Человек приспосабливается к окружающей среде
Личность относительно неизменна	Личность более податливая, гибкая

Все же необходимо отметить, что при анализе диалога ислама и христианства в современном христианском мире очень часто не учитываются несколько важных инструментальных объектов исследования, которые иногда интерпретируются как «ключевые» в понимании глобальных и геополитических различий между христианством (доминирующем в западной части земного шара) и исламом (доминирующем в восточной части земного шара). Примером такого рода исследований является работа Ф. Мартина (Frank Martin) [1].

Мартин утверждает, что можно выделить 10 базовых категорий мировоззрения, которые показывают индивидуальные особенности каждой из двух религий с точки зрения анализа как отличительных, так и общих черт ислама и христианства. Это такие категории, как реальность, индивидуальность человека, значение истины, понимание смысла всего живого, понятие нравственности, понятие счастья, причины существования зла в этом мире, надежда человека в этом мире, понятие любви [1].

Другим немаловажным объектом исследования, по мнению Ф. Мартина, является различие между западным и восточным мышлением. Ниже приводится таблица, в которой он делает попытку обозначить эти различия в мышлении, фокусируясь на основных ключевых направлениях и социально-культурных особенностях.

Еще одним объектом исследования является различие в системах образования. Данный аспект важен, т.к. образование играет огромную роль в формировании личности в обеих культурах. В таблице ниже мы можем увидеть обозначенные различия.

Еще одним объектом исследования стало восприятие культурных проявлений христианства мусульманами и ислама христианами, которые служат для обеих сторон препятствием: а) исторические барьеры (это события, связанные с крестовыми походами и колонизацией); б) социологические и культурные несоответствия (различия в поведении, одежде, питании, семье, нравственных ценностях); в) особенности экономики и политики.

Отмеченные аспекты исследования выступают как материал для более расширенного исследования вопроса возможностей ведения диалога ислама и христианства как в контексте изучения мирового опыта, так и в масштабе событий на постсоветском пространстве.

ТРАДИЦИОННОЕ ЗАПАДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	ВОСТОЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
Формализованное	Неформальное
Акцент (фокус) на информации	Акцент (фокус) на мудрости и преобразовании характера
Использование письменного материала	Использование устной речи и историй
Информация для разума (головы)	Информация для сердца
Концептуальное	Конкретное
Академическое, структурное	Реляционное, общинное
Научно обоснованное	Использование искусств
Специализация, углубление в определенную дисциплину	Интеграция, многомерность, направление вширь
Индивидуальная ориентация	Групповая, общинная ориентация, обучение в рамках группы
Продукт – информированная личность	Продукт – трансформированная личность

Библиографический список

1. *Martin F., Dr.* Overview of the Islam: Gordon – Conwell Theological Seminary & Phoenix Seminary 2009.
2. *Badru D. Kateregga, Dahn D. and David W. Shank.* Muslims in Dialog with Christians: Herald Press, 1991.
3. *Ваарденбург Ж.* Христиане, мусульмане, иудеи и их религии // Страницы. 2004. 9:1, С. 44-73.
4. *Christine A. Mallouhi.* Waging Peace on Islam: London, Monarch Books, 2000.
5. *Cooper A. and Markwell E., (ed).* A Christian Introduction to Islam: Grand Rapids, Monarch Books, 2003.
6. *Chapman C.* Islam and the West – Conflict, Co-existence or Conversion?: Carlisle, UK, Paternoster, 1998.

T.R. ATABEKOV

SOME ASPECTS OF THE DIALOGUE BETWEEN CHRISTIANITY AND ISLAM IN THE MODERN SOCIETY

The article discusses the need to explore the perspective for dialogue between Islam and Christianity in today's modern society. It addresses key aspects of the research on this issue, which help to understand the problems of dialogue between Islam and Christianity in the modern context.

Key words: **Christianity, Islam, dialog, worldview, culture, theory of education.**

А.В. АФАНАСЬЕВ
аспирант кафедры философии религии и религиоведения Московского государственного университета им. Ломоносова
E-mail: theworks10000@yandex.ru

ШЕЙХИ ШИИТСКИХ ПЛЕМЕН И БРИТАНСКИЕ МАНДАТНЫЕ ВЛАСТИ В ИРАКЕ. ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1918-1932 гг.)

Статья посвящена исследованию взаимоотношений шейхов шиитских племенных объединений и британской мандатной администрации. Шейхи являлись важной группой, которая могла бы служить поддержкой англичан для стабилизации их власти в регионе. Предоставляя значительные привилегии шейхам, англичане добились относительной лояльности шейхов.

Ключевые слова: ***шейх, верховный шейх, племя, племенное объединение, мандат, британская администрация, парламент.***

Период с 1918 по 1932 гг. известен в истории Ирака как период британского мандата. После окончания Первой мировой войны премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж сначала требовал, чтобы Парижская мирная конференция признала Ирак британской колонией. Однако затем он согласился на предложение президента США Вудро Вильсона о создании мандатной системы для управления ближневосточными территориями.

После оккупации Ирака в 1918 г. здесь была установлена английская гражданская администрация во главе с гражданским комиссаром, а в мае 1920 г. Англия получила от Лиги Наций (1) мандат на Ирак. Народности на подмандатных территориях получали формально (согласно статье 22 Устава Лиги) право на создание независимого государства «под условием, что советы и помощь мандатария будут направлять их управление впредь до того момента, когда они окажутся способными сами руководить собой» [1,13]. Вся территория мандата Месопотамия была поделена на 15 областей, подчиненных представителю Англии. Область делилась на 40 районов, которыми управлял помощник британского представителя. Для общего контроля и управления мандатом назначался верховный комиссар.

В административном плане Ирак еще в начале XX в. делился на три вилайета (2), – Мосульский, Багдадский и Бассорский. Численность жителей по областям, согласно оценке С.Х.Лонгригга (3), была следующей: Мосульский вилайет – 0,5 млн. чел., Багдадский – 1,25 млн. чел., Бассорский – 1,1 млн. чел. [10,7]. Следовательно, общая численность могла быть оценена в 2,85 млн. чел. Военный историк Н.Г. Корсун на канун Первой мировой войны и начало мандатного периода указывает цифру в 2-2,5 млн. чел. [2,132; 16,125]. Джон Гордон Лоример (4) представил другие сведения – 2,865 млн. чел. (5). При всех различиях статистических данных, итоговые цифры колеблются в пределах 2-3 млн. чел., что дает основание нам пользоваться этими средними расчетами.

Этническая картина в вышеупомянутых трех областях была весьма пестрой. Две из них (Бассорская и Багдадская) были преимущественно арабскими (97.4 % и 92,8 %), в то время как третья (Мосул) была представлена в основном курдами (58,5%), арабы составляли здесь меньшинство (23,6 %). Турки в Ираке составляли всего 8% от общего числа населения Ирака (6).

В конфессиональном плане Мосульский вилайет был практически полностью суннитским – 82,5 % (7). Большинство населения Бассорского и Багдадского вилайетов составляли шииты (91,9 % и 55,2 %). В совокупности в Ираке проживало до 52,5 % шиитов и 40,3 % суннитов, а также другие религиозные группы: христиане (2,8 %), иудеи (3 %) и прочие (1,4 %) [2,131].

Ирак являлся регионом проживания многочисленных племен (8). Шиитские племена были расселены к югу от Багдада, суннитские – севернее и западнее Багдада. Лоример насчитывал на территории Багдадского и Бассорского вилайетов примерно 66 шиитских племенных союзов из общего числа 110 объединений [11, т.5, 773-789]. Американский ученый А. Виноградов на 1930 г. определял только в Багдадском вилайете число крупных шиитских племенных объединений в 36, которые в свою очередь делились на 423 племени [16,126]. Примерно такие же данные (45 племенных объединений и 505 племен) мы получили в результате подсчетов, произведенных по 5-томному словарю арабских племен известного иракского историка Умра Риды Кахалы. Самыми крупными объединениями были

© А.В. Афанасьев

Мунтафик, Бани Лям, аль-Бу Мухаммед, Хаза'ил, Зубайд, Шаммар и Раби'а.

Мунтафик обитали на обоих берегах южного Евфрата от Багдада до Басры [18, т.3,1144]. Главным местом их проживания был округ города Сук аш-Шуюх. Большинство рядовых членов племенного объединения были шиитами, однако главой конфедерации был представитель суннитского рода Са'адун. Общая численность членов племенного союза достигала 200 тыс. чел [16,126].

В районе г. Кут вдоль реки Тигр располагались племенные союзы Бани Лям и аль-Бу Мухаммед. Бани Лям (общая численность 150 тыс. чел.) славились своей боевой мощью. На 1949 г. никто не мог с ними сравниться в военной силе [18, т.5, 165]. Они известны своей воинственностью еще с османских времен, однако по большей части они были тихими и миролюбивыми [8, т.8, 15]. Ополчение Бани Лям равнялось 35 тыс. чел.[2, т.1, 138]. На момент оккупации Ирака британцами они были оснащены современными ружьями и были хорошими стрелками [8, т.8, 16]. Среди племен, входивших в объединение Бани Лям, выделяются ан-Насири, ан-Насар, ан-Нувейфаз, аль-Гази, аль-Джаварейн и аль-Джаш'ам (аль-Каш'ам) [18, т.5, 166].

Территорию выше г. Амара в районе центрального Евфрата и г. Куфа занимал союз племен Хаза'ил. Оно делилось на племена – аш-Шаляль, аль-Магамис, аль-Бу Хамид, аль-Бу Мухаммад (9), аль-Карнус [18, т.4, 154]. Это было полукочевое земледельческое и скотоводческое племенное объединение, его члены занимались верблюдоводством [8, т.7, 488]. Оно могло выставить около 6 тыс. бойцов [8, т.7, 496-507].

К юго-востоку от Багдада располагался племенной союз Зубайд. История его расселения восходит еще к эпохе арабских завоеваний VII в. Тогда его племена расселились по территории современных государств Сирии, Ирака и Египта. Зубайд делился на Старший (Зубайд аль-Акбар) и Младший Зубайд (Зубайд аль-Асгар), которые подразделялись на отдельные племена [18, т.4, 221]. Зубайд аль-Асгар включал в себя племена аль-Джубур, аль-Джанабийун, ад-Дулейм, аль-'Абид и аль-'Азза [18, т.4, 222].

Шаммары занимали территорию Джазиры, регион между Багдадом и Мосулом. Конфедерация разделялась на два крупных племени Шаммар Джерба и Шаммар Тога. Первое из них было суннитским и его представители (клан аль-Явир) являлись верховными шейхами всей конфедерации, в то время как второе состояло сплошь из шиитов. Шаммар Тога проживали в регионе от р. Дияла до г. Кута и озера Ван. В него входили племена ас-Са'дан, ад-Далябиха, аль-Маджабиля, аль-Кафифан, аз-За Кук, аль-Манасир, ад-Далфийя, ан-Нафафиса и аль-Бавийа [18, т.4, 297].

Еще одним крупным племенным объединением был Раби'а. Племена, входившие в него, проживали от Амарской области до Кута, к востоку и западу от Багдада. Верховным шейхом на момент оккупации англичанами Ирака был Мухаммад Сайхуд ибн Хабиб (известный также как Амир ар-Раби'а) [8, т.11, 112]. Раби'а могло выставить около 1700 всадников и 3300 пеших воинов [8, т.11, 96-98].

Помимо таких крупных племенных объединений, как Мунтафик и Бани Лям, небольшие союзы племен Бани Зейд (верховный шейх Умум Сулейман аш-Шариф), Бани Са'ид (верховный шейх Наиф аль-Маша) и Хафаджа (верховный шейх Умум 'Али аль-Фадл) могли выставить в 1919 г. примерно 1780 бойцов (с 970 винтовками), 6300 чел. (с 3690 винтовками) и 3770 чел. (с 2150 винтовками) соответственно [15, 229-230].

Главами шиитских и суннитских племенных объединений и племен были верховные шейхи союзов племен и шейхи отдельных племен. По приблизительным подсчетам, в Ираке в изучаемое время насчитывалось от 45 до 60 верховных шейхов и 400-500 шейхов племен. Они представляли важную социальную группу, обладавшую большими богатствами, значительными военными ресурсами и сильными позициями в общественной жизни Ирака. Шейхи были в османское время крупными откупщиками, свои владения они сохранили и после Первой мировой войны. Османы были вынуждены часто добиваться их расположения. Они то подкупали шейхов, то стравливали их между собой с целью ослабления наиболее влиятельных. Сохранились сведения о том, что в Первую мировую войну османы пытались спровоцировать конфликт между могущественной конфедерацией Хаза'ил и объединением аль-Фатла, экспроприировав земли первых и передав их последним [14, 31]. Однако конфликт был разрешен мирно. Примером непосредственного подкупа может служить факт дачи взятки Газбану ибн Бунайа – верховному шейху Бани Лям. Он получил от османов большую сумму денег, а также ему было обещано крупное земельное пожалование, если он окажет им содействие в боевых действиях против английских войск. Шейх оказал поддержку османским войскам в апреле 1915 г. Однако затем перебежал к англичанам с укреплением их власти в регионе [14, 31].

После установления мандатного режима англичане назначили шейхам племен субсидии в расчете на лояльность с их стороны. Должность шейха традиционно была наследственной и могла

передаваться сыну или брату шейхов [5, 19]. Однако нередко государственные власти вмешивались во внутренние дела племен, сами назначали угодных им шейхов и смещали неугодных.

Многие шейхи встали на сторону мандатной администрации фактически после занятия англичанами Ирака. Как сообщается в отчете гражданской администрации подмандатного Ирака за 1914-1920 гг., шейхи прибывали в штаб-квартиру верховного комиссара, где после торжественного приема их щедро одаривали. Среди приехавших засвидетельствовать свою лояльность были шейхи союзов Хаза'ил, Фатла, Бани Хасан и др.[14, 33]. Большую роль в установлении дружелюбных отношений с шейхами сыграла британская агентура, действовавшая на Ближнем Востоке до и во время Первой мировой войны. Британская разведчица Гертруда Белл говорила, что «она любит этот народ [кочевников], знает каждого племенного вождя во всем Ираке и считает их костяком страны» [7, 523].

Мандатные власти сохранили за шейхами все источники их доходов (10) и предоставили им новые привилегии. Важной привилегией шейхов являлся сбор налогов. Для этого английские власти создали особый институт – департамент доходов. Общее руководство ведомством осуществлял комиссар по государственным сборам, должность которого в первые годы мандата занимал верховный комиссар Ирака [9, 88]. На местах действовали помощники верховного комиссара, нередко позволявшие себе брать взятки от помещиков и недобирать с них налоги.

Шейхи могли гарантировать спокойствие на подконтрольных им территориях и в ареале кочевий их племен. Им поручили контроль за общественным порядком, охрану дорог, арест преступников. Для этого действовала полиция «ша'бана» (11). Пополнение этой своего рода иракской жандармерии осуществлялось за счет сыновей и родственников шейхов. Она подчинялась непосредственно гражданской администрации. Общая численность ша'бана в Месопотамии в конце 1917 г. составляла 1500 чел., из которых в Багдадском вилайете насчитывалась 1 тыс. чел, в декабре 1918 г. их общее число равнялось 2 тыс., в апреле 1920 г. 4800 чел. Ша'бана формировалась также из арабского неплеменного населения Ирака, персов и небольшой части курдов (800 чел. в апреле 1920 г.) [17, 30].

Шейхи получили и судебные привилегии. Британской администрацией в 1918 г. были изданы «Положения о племенах, гражданских и уголовных конфликтах», которые закрепили за шейхами неограниченную судебную власть и возможность разрешать все конфликты в подконтрольных им районах.

Однако при всех предоставленных привилегиях не все шейхи приняли английское господство. В 1920 г. разразилось антианглийское восстание, в котором немаловажную роль сыграли шиитские племена (12). После подавления восстания племена Фатла, Бани Хасан, Хаза'ил и др. сложили оружие. В отчете №1 британской разведки за 15 ноября 1920 г. приводится список сдавшихся шейхов – шейх Мизхир (Фатла; сдался 29 октября), шейхи Салман аз-Захир, Мухаммад аль-Абтан, Сальман аль-Абтан (Хаза'ил; 30 октября), многочисленные шейхи союзов племен Бани Хасан и племенные группы Фатла также сдались 30 октября, Абд аль-Вахид из племенного союза Фатла (племянник шейха Мизхира, сдался 4 ноября), другие шейхи Фатла – Мишхаб, Муджлиб и Тааклиф ибн Мубдир – сложили оружие 5 ноября. К 7 ноября все шейхи южной части объединения Бани Хасан сдались, кроме верховного шейха северного Бани Хасан, бежавшего в пустыню к югу от Неджефа; позднее его убежище было подвергнуто бомбардировке британской авиацией [13, т.1, 10]. 8 января 1921 г. в г. Хилла англичанам сдался один из лидеров восстания шейх Самауи аш-Шаллуб из Фатла [13, т.1, 113].

К английской администрации приходили письма с изъявлениями покорности от шейхов шиитских племен аль-Будайр и аль-Бу Наши, объединения 'Афак в Диванийи, не участвовавших в восстании 1920 г. [13, т.1, 10]. При этом важно отметить, что периодические антианглийские выступления племен происходили и после 1920 г., на протяжении всего периода британского мандата.

После восстания англичане стали уделять племенам повышенное внимание. Они сохранили прежние привилегии шейхов, особенно это относится к субсидиям. Так, шейх племени Хаза'ил Салман аль-'Абтан получал 1 тыс. рупий в месяц, такую же сумму получал его брат. В английских донесениях говорилось о том, что Салману невозможно было доверять, и его следовало все время держать в поле зрения. Также, по мнению властей, его поведение было подобно «поведению шкодливого школьника» [8, т.7, 508], а его брат был человеком «неглупым, но делал то, что ему было выгодно» [8, т.7, 508]. Субсидии получали и шейхи, верные британскому режиму. Например, Газбан ибн Бунайа, в период Первой мировой войны бывший на стороне османов, после оккупации англичанами Ирака стал их союзником и получал ежемесячную субсидию в размере 1 тыс. рупий [8, Т.8, 31]. При проявлении малейших сепаратистских настроений в племенных объединениях мандатные власти нередко оказывали их главным шейхам поддержку в подавлении этих выступлений. Так, внутри шиитского племенного

объединения аль-Бу Султан началась распря, причиной которой послужило недовольство некоторых союзных племен деятельностью верховного шейха Аддаи аль-Джарьяна. Английская администрация послала войска для усмирения недовольных. Была разрушена деревня, где обитали эти племена, и у них был изъят скот на 6 тыс. рупий [6, 94].

Мандатные власти стали назначать шейхов на государственные должности. В 1920 г. в состав временного правительства без министерских постов были включены два представителя от шиитских племен – ‘Аджил Паша ибн ‘Али Самармад бывший верховный шейх Зубайд и Мухаммад Сайхуд ибн Хабиб верховный шейх Раби’а [13, т.1, 26]. Шейх Хабиб аль-Хайзран из шиитского племени аль-‘Азза в ноябре того же года был назначен помощником заместителя верховного комиссара (13) в округе Дильтава области Дияла [13, т.1, 12].

В это же время главный шейх Хаза’ил Салман аз-Захир (14) был назначен управляющим восточной Шамийи – тремя районами Хур ад-Духн, Умм аль-Ба’рур и Гаммас. Он был также ответственен за регион западной Шамийи, где проживали шиитские племена Шибль и Газалат. Здесь ему на правах управляющих помогали родственники, братья Салман и Мухаммад аль-‘Абтан [13, т.1, 84]. Последний позже был рекомендован на пост управляющего оазисом Кусур в пустыне к западу от Евфрата [13, т.1, 293]. Штаб-квартира Салмана аль-Захира находилась в Умм аль-Ба’руре, губернатором которого иракским правительством был назначен Хаджи Хамуд аль-Бадан – глава шиитского племени Хумейдат. Позднее он был освобожден от этой должности [13, т.1, 68].

Важной привилегией шейхов стала возможность избираться в парламент. В декабре 1920 г. в мандатной администрации Ирака обсуждался вопрос о представительстве племен в будущем иракском парламенте. Предложение вызвало бурные дебаты. Верховный комиссар считал уместным включить депутатов от племен в его состав [13, т.1, 74]. Первые выборы в иракский парламент прошли в 1925 г., вторые – в 1928 г., а третьи – в 1930 г., большую часть прошедших в парламенты этих лет составляли шейхи племен, помещики и состоятельные горожане. В парламенте 1925 г. из 88 депутатов шейхов было 13 человек. Из них 12 были правительственными кандидатами: ‘Альван аль-Джандил, Хайун аль-‘Убайд, Мухан аль-Хайралла, Мухсин аш-Шалаш, Салман аль-Маншад, Сейид ‘Абд аль-Махди, Салман аль-Баррак, вышеупомянутый Шейх Салман аз-Захир, Шейх Музхир ас-Сакуб, Сейид ‘Альван аль-Ясики, Сейид Мухсин Абу Табикх, Сейид Ката ‘Авади. Только один – Шейх ‘Ибади аль-Хусейн – являлся независимым кандидатом [15, 56-59].

Примечательно, что в период с 1920 по 1936 гг. пост министров в иракском правительстве занимали 4 шиитских шейха из 59 человек. Трое из них входили в парламент 1925 г. как правительственные кандидаты. Вышеупомянутые ‘Абд аль-Мухсин аш-Шалаш (занимал министерский пост 3 раза), Сейид ‘Абд аль-Махди (3 раза) и Салман аль-Баррак (2 раза) [15, 46-47].

Деятельность парламента была довольно активной. Темой, бурно обсуждавшейся в парламентах всех созывов, являлся вопрос всеобщей воинской повинности в Ираке. Многие шейхи шиитских племен воспротивились принятию законопроекта. Еще в 1927 г. в разгар его обсуждения английская администрация отказалась поддержать его принятие, объясняя это тем, что для подобных законов нужно согласие всех жителей, а если какая-то часть общества не согласна на его реализацию, то данный проект не может быть претворен в жизнь [19, т.2, 92-94]. В 1928 г. Абд аль-Аббас аль-Фархуд, шейх одного из племен объединения Раби’а, заявил, что его племя насчитывает 3 тыс. чел., и чтобы избежать призыва на службу, он лучше перейдет на сторону Ибн Сауда. Схожего с ним мнения придерживался и Маншад аль-Хубайиб шейх племени аль-Гази [6, 92]. Еще в османские времена на должность офицеров в Ираке выдвигались выходцы из городов (сунниты), а солдаты набирались в сельской местности (в основном шииты). Служба в османской армии была долгой по продолжительности, а шейхи племен вынуждены были выплачивать большие суммы налогов для того, чтобы избавить своих соплеменников от несения военной службы. Данная тема была отложена и начала обсуждаться только с подписанием англо-иракского договора 1930 г., согласно которому Ирак формально становился независимым государством, а реально оставался под властью Великобритании [12, 238-241] и с вступлением Ирака в Лигу Наций (15).

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Англичане нашли в шейхах ту поддержку, которая помогла им укрепить режим мандата несмотря на сложную внутриполитическую обстановку в Ираке. Восстание 1920 г. явилось важным событием в истории данного периода. Оно показало значимость шейхской группы и военную силу племен. Однако после подавления восстания многие шейхи и их племена сдались англичанам и были ими облагодетельствованы. Прежние привилегии не были британцами отменены, а субсидии главам племен держали шейхов в орбите их влияния. В период британского мандата шейхов выби-

рали в парламент, привлекали к государственным должностям, они участвовали в муниципальном управлении. Однако шейхи в последний период существования мандата показали свое несогласие с мандатной администрацией. Планы о введении всеобщей воинской повинности оказались сорванными противодействием шейхов в ходе работы парламента.

Примечания

(1) Лига Наций – международная организация, была основана в 1919 - 1920 гг. В задачи Лиги Наций входили: установление коллективной безопасности, предотвращение военных действий и урегулирование споров между странами при помощи дипломатических переговоров. Действовала до 1946 г.

(2) Вилайет – (араб.) «вилайа» – область

(3) Стивен Хемсли Лонгригг служил в период 1927-1931 гг. в британской администрации мандата в качестве главного управляющего доходами

(4) Джон Гордон Лоример был чиновником индийской гражданской администрации и служил на границе на северо-западе британской Индии. В 1903 г. он был командирован на срок 6 месяцев на Ближний Восток для составления справочника по Персидскому заливу. Работа над газетиром заняла 10 лет. Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia, 6 vols., L., 2003

(5) Здесь важно отметить, что Корсун и Лоример учитывали численность населения только двух вилайетов – Багдадского и Бассорского. Население Ирака на первое десятилетие XX в.: Лоример основывался на материалах трех источниках – своих собственных подсчетов, данных немецкой комиссии по строительству Багдадской железной дороги и аналогичной комиссии со стороны Османской империи. (Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf…, vol. 5, p. 767)

(6) Корсун Н.Г. – Арабский Восток. Т.1. Ирак, с. 130; в то же время в монографии указывается, что турецкие источники предоставляют совершенно другие статистические данные насчет Мосульского вилайета. Так, курдов они насчитывали 52,5 %, арабов – 9,5 %, а турок до 29 %.

(7) Из общего суннитского населения 53,1 % составляли курды, 21,4 % арабы, 8 % турки.

(8) Немецкая комиссия по строительству Багдадской железной дороги определяет общую численность кочевых и полукочевых племен в Багдадском вилайете равную 750 тыс. чел., а в Бассорском – свыше 1 млн. чел. (Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf…, vol. 5, pp. 767-768) Данные Лоримера вызывают сомнение, потому что если общая численность населения составляет 2 - 3 млн. чел., доля кочевников будет превышать 60%.

(9) Важно отметить, что часто названия племен и племенных объединений совпадали.

(0) 1) дань с покоренных племен; 2) хувва (араб. – братство, дружба; плата за дружественные отношения (у бедуинов)) – плата с караванов, паломников и путешественников за право беспрепятственного и безопасного прохода через владения племени; 3) военная добыча (шейх получал одну пятую часть имущества и скота, захваченного у побежденного племени) (Ментешашвили А.М. Ирак в годы английского мандата, с. 19); 4) платы за охрану и безопасность земельных угодий, оросительных сооружений (Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на арабском Востоке. М., 1975, С. 55).

(1) Ша'бана – (араб) – «ша'б» – народ.

(2) См. Котлов Л.Н. Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке. М., 1958.

(3) Чиновник гражданской администрации в британских колониях и подмандатных территориях

(4) Согласно данным британской администрации, это был человек, известный своей честностью и чувством справедливости (Gazetteer of Arabian tribes, vol. 7, p. 508).

(5) Закон о всеобщей воинской повинности был принят после смерти короля Фейсала I (Фейсал I ибн Хусейн – первый король Ирака (1921-1933), король Сирии (март-июль 1920)) в начале 1934 г. и начал действовать с 12 июня 1935 г. согласно королевскому декрету. В результате принятия закона ожидалось призвать в иракскую армию до 5 тыс. чел. (Tarbush M.A. The role of the military in politics, p. 94). В период с конца 1935 по 1936 г. вооруженные силы увеличились с 15300 до 20 тыс. чел. (Tarbush M.A. The role of the military in politics, p. 94).

Библиографический список

1. Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. Под ред. Ю.В.Ключникова и А.Сабанина, М., 1925.
2. *Корсун Н.Г.* Арабский Восток. Т.1. Ирак. М., 1928.
3. *Котлов Л.Н.* Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке, М., Наука, 1958.
4. *Котлов Л.Н.* Становление национально-освободительного движения на арабском Востоке. М., 1975.
5. *Ментешашвили А.М.* Ирак в годы английского мандата, М., 1969.
6. *Batatu H.* The old social classes and revolutionary movements in Iraq. A study of Iraq's old landed and commercial classes and of its communists, Ba'thists and free officers. Princeton, 1978.
7. *Bell G*. The letters of Gertrude Bell, Selected and edited by Lady Bell (1868-1926). L., 1947.
8. Gazetteer of Arabian Tribes, 18 vols., L., 1996.
9. *Ireland P.W.* Iraq. A study in political development. L., 1937.
10. *Longrigg S.H.* Iraq, 1900 to 1950: A political, social and economic history. L., 1953.
11. *Lorimer J.G.* Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia, 6 vols., L., 2003.
12. *Main E.* Iraq from mandate to independence. L., 1935.
13. Political Diaries of the Arab World: Iraq 1920–1965, 8 vols., L., 1998.
14. Review of the Civil Administration of Mesopotamia, 1914-1920. L., 1920.
15. *Tarbush M.* The role of the military in the politics. A case study of Iraq to 1941, L., 1982.
16. *Vinogradov A.* The 1920 Revolt in Iraq Reconsidered. The role of tribes in national politics // International Journal of Middle East Studies. Vol. 3 1972. pp. 123-155.

17. *Wilson A.T.* Mesopotamia 1917-1920. A clash of loyalties. A personal and historical record, L., 1931.
18. *Умр Рида Кахала.* Му'джам кабаиль аль-'араб (Справочник арабских племен), Бейрут, 5 тт., 1991.
19. *Абд ар-Раззак аль-Хасани.* Тарих аль-визарат аль-иракийя (История иракских министерств). Сайда, 10 тт., 1935.

A.V. AFANASYEV

SHI'A TRIBAL SHAIKHS AND BRITISH MANDATE AUTHORITIES IN IRAQ. PROBLEMS IN RELATIONSHIP (1918-1932)

The article deals with the analysis of the relations between the shaikhs of the tribal confederations and British mandate administration. The shaikhs were an important group that could support British administration, so that it could stabilize its position in the region. Numerous privileges, given to the heads of Shiite tribes, helped the English to achieve relative loyalty of the shaikhs.

Key words: ***shaikh, paramount shaikh, tribe, tribal confederation, mandate, British administration, parliament.***

В.В. ВИНОКУРОВ
кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: ierosph@ mail.ru

АЛХИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ – MAGNUM IGNŌTUM
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АЛХИМИК И АЛХИМИЯ

В этой статье сделана попытка применения метода феноменологии религии к алхимии. Феноменология акцентирует, прежде всего, структурную связь, а не историческую. Поэтому можно говорить об историческом явлении – алхимии Средних веков и эпохи Возрождения (вплоть до Нового времени), а можно говорить о феномене алхимии. В этом смысле алхимия XX–XXI вв. – явление, принадлежащее истории XX–XXI вв., но при этом оно – средневековый феномен.

Ключевые слова: ***алхимия, философский камень, герметический сосуд, Opus magnum, elixir vitae, lapis, vitriol.***

Ныне тема алхимии широко представлена в художественной и научно-популярной беллетристике. Современная художественная и научно-публицистическая литература привлекает наше внимание не столько к самому философскому камню, сколько к герою, который отправляется на его поиски, – к алхимику. Иными словами современная проза акцентирует не предмет Великого Делания, а его субъект. Темы алхимии и философского камня присутствуют в популярной серии романов для детей и юношества Джоан Роллинг о Гарри Поттере, «мальчике, который выжил». Первая книга, которая принесла писательнице мировую славу, была посвящена сюжету сокрытия от сил зла «философского камня» – центрального объекта и цели алхимии [13]. Алхимик, его становление, поиски и «трансмутация» является предметом цикла алхимических романов Густава Майринка (1868–1932) [7]. Надо сказать, что творчество Майринка стоит особняком в произведениях на алхимическую тему. Сама последовательность романов воспроизводит очередность операций Великого Делания: nigredo – albedo – rubedo (черное, белое, красное). Роман «Вальпургиева ночь» – это произведение в черном, «Голем» назван Майринком «произведением в алом», «Зеленый лик» – также одна из стадий Великого делания («посещение зеленой страны»; некая интуитивная параллель угадывается и в известном ремейке 1939 г. А.М. Волкова детской повести Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник страны Оз» (1900) – путешествии Элли к Гудвину в Изумрудный город. Любопытно, что Г. Майринк, Л.Ф. Баум и А.М. Волков были современниками и создали свои знаменитые произведения примерно в одно и то же время). Творцы энохианской магии Джон Ди и Эдвард Келли стали героями произведения Г. Майринка «Ангел западного окна» [6]. Акцентируя образ алхимика и его поиск, современная литература предлагает необычный поворот сюжета – поиск важнее Камня, а что понимать под Камнем – раскроется только в конце поиска. Ведь и в упомянутой нами детской повести волшебник Изумрудного города – плут, и все же каждый из героев, поверивших ему, получил именно то, что просил. А герой Джоан Роллинг Гарри Поттер «роняет» «воскресающий камень» (один из вариантов прочтения «философского камня) в лесу и даже не запоминает места, где он его обронил.

Историческими прототипами героев большинства художественных произведений выступают некие древние маги и алхимики (точнее, образы из легенд о них), получившие свое мастерство от египетского бога магии Тота. Это алхимики Средневековья: Раймонд Луллий (ок. 1235 – ок. 1315) и Николя Фламель (1330–1418), ученый, врач и маг эпохи Возрождения Парацельс (Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (Параграну м, Парамирум;1493–1541)), алхимик и ясновидящий елизаветинской эпохи в Англии Эдвард Келли (1555–1597). Наиболее известными персонажами XVIII века являются граф Сен-Жермен (1710–1784) и граф Алессандро Каллиостро (Джузеппе Бальзамо; 1743–1795), образы последних на фоне успехов естественных наук приобретают черты плутовства (возможно, следовало бы выделять в жанре плутовского романа специфический «алхимический» его подвид).

В философии XX в. алхимическая тема продолжается в произведениях Рене Генона (1886–1951) и Юлиуса Эволы (1898–1974). Людвиг Витгенштейн затрагивает тему алхимии в «Замечаниях по основам

© В.В. Винокуров

математики» (1941/1944): «Можно говорить о своего рода алхимии в математике» [1, 149]. Алхимия играет значительную роль в глубинной психологии К.Г. Юнга (1875–1961) и его последователей [8], в религиоведении Мирчи Элиаде (1907–1986). Можно обнаружить и определенные параллели между алхимией и религиозно-философскими воззрениями П. Тейяра де Шардена (1881–1955). Наконец, в современном мире существуют алхимические школы и лаборатории, в которых ученики алхимиков прошлого и настоящего пытаются воспроизвести Великое Делание и получить если не философский камень, то хотя бы лекарства нового поколения.

Оценка актуальности рассматриваемой проблемы будет неполной, если не учесть отношения к алхимии ряда ученых в XX в. Как замечают известный физик Жак Бержье (1912–1982) и философ и публицист Луи Повель (1920–1997): «теперь все говорят не о прогрессе, – нет, – о трансмутации» [9, 28]. Для осуществления трансмутации необходим «философский камень», который одновременно есть *elixir vitae* (эликсир жизни), дарующий бессмертие, и *lapis* (камень), превращающий свинец в золото. Со стороны современных физиков и химиков отношение к алхимии можно охарактеризовать как «осторожное». Трансмутация предполагает ядерные превращения. Алхимики ничего не знали о структуре атомного ядра, у них не было современного оборудования, они были неспособны осуществлять ядерные превращения и высвобождать ядерную энергию, необходимую для трансмутации металлов. Их практика противоречила экспериментальному методу, носящему имя Клода Бернара. Экспериментальный метод последовательных операций предполагает контролируемое изменение хотя бы одного из факторов. Алхимик же бесконечно повторяет одну и ту же операцию, ничего в ней не изменяя. Его действия сравниваются с процессом стирки белья, с искусством «прачек», что выразилось и в названии основной работы Николя Фламеля – «Книга прачек». В этом смысле Л. Витгенштейн очень точно характеризует процесс получения бесконечного ряда чисел как «математическую алхимию», где математик повторяет одну и ту же операцию для получения бесконечного ряда все новых и новых чисел. Ведь мы не знаем бесконечного ряда чисел, но знаем операцию его получения. Алхимики XX века знают строение ядра атома и, тем не менее, пытаются воспроизвести трансмутацию при помощи простых технологий без дорогостоящего оборудования [9, 25].

В Средние века и вплоть до Нового Времени алхимия входила в корпус «наук» и учений, которые именовались герметическими, по имени греческого бога Гермеса, которому приписывали искусство дивинации (здесь: предвидения) и искусство толкования воли богов (герменевтики). В свою очередь, функционально греческий Гермес соответствовал египетскому Тоту. Бог Тот владел искусством магии, сокровенными «словами власти», произнесение которых порождало неотразимое действие в окружающем мире. Место герметического комплекса и подхода находится между, с одной стороны, научным и философским познанием, с другой – магическим отношением к миру и человеку. Герметическая мысль обращена как в прошлое, к мифу и магии, так и в настоящее – она внимательно относится к современным ей достижениям науки и философии. Марселен Бертло, изучая алхимию, обобщает эту точку зрения в отношении интересующего нас предмета, замечая, что алхимия находится на грани магии и науки, являясь переходной ступенью между ними [12, 28].

Герметическое учение алхимии базировались на постулате «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста: «То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И всё это только для того, чтобы свершить чудо одного-единственного» [4, 187–188]. Здесь элементы исходно амбивалентные «верх – низ», «там – здесь», «начало – конец», через отношение подобия приводятся в соответствие, а затем объединяются в одно. «Здесь», «внизу» – начало, «там», «вверху» – конец, и там же – «вверху» – начало изменений «внизу». Иными словами, герметическое учение –замкнутое, поскольку отсюда последует вывод: *изменение внизу вызовет изменение вверху, а изменение вверху вызовет изменение внизу.* Возникает бесконечная цепь замкнутых друг на друга изменений. Когда начало и конец объединены, мы приходим к фигуре круга, которая лежит в основании герметических (эзотерических) учений. Основанием единения «верха» и «низа» является подобие, а принцип подобия в свою очередь лежал в основе имитативной магии: подобное воздействует на подобное, подобное порождает подобное, подобное растворяется в подобном, подобное убивается подобным, подобное лечится подобным. Принцип подобия проявляет себя и в алхимии: «убивать живое, чтобы воскресить мертвое», что вызывало обвинения алхимиков в связи с *некромантией* – искусством оживления мертвецов [10, 434].

Если говорить о герметических учениях в XX столетии, то возрождение и актуализация всего комплекса начались именно с магии. Ключевую роль в возрождении герметизма вообще в XX в. сыграл Орден Золотой Зари (1887–1923), основан-

ный Уильямом Уинн Уэсткоттом (1848 – 1925), Самуэлем Лиддел Макгрегором Мазерсом (1854 – 1918) и доктором Уильямом Робертом Вудманом (1828 – 1891) (Храм Исиды–Урании Герметического ордена Золотой Зари), который стал «своего рода герметическим университетом» [15, 31]. «Золотая Заря» учреждает несколько храмов египетских богов: храм Исиды–Урании, храм Ахатор (1894) (Ahathoor, вариант Athoor), посвященный богине Хатор, храм Гора в Брэдфорде и храм Амона–Ра в Эдинбурге. Хотя храмы посвящались египетским богам, в доктрине «Золотой Зари» причудливо переплелись нити множества легенд и мифов, и египетская версия была лишь одной из них, вплетенных в общий узор. Пытаясь документально воссоздать историю «Ордена Золотой Зари», Эллик Хоув замечает в предисловии к своей работе: «эта книга – хроника деятельности узкого круга лиц, в большинстве своем весьма скрытных… интересы и занятия вышеупомянутых лиц были в высшей степени необычны» [15, 36]. Основные интересы Ордена лежали не в области алхимии, а в области магии и теургии, в частности, в области «энохианской магии».

Энохианская магия – это «система магии», которая была открыта «ангелами» в видениях Эдварду Келли (1555–1597), алхимику и ясновидящему елизаветинской эпохи в Англии в период с 1582 по 1587 гг. Эти послания ангелов записал второй участник экспериментов – математик, географ, астролог и дипломат Джон Ди (1527–1608) (1). Ходила легенда, что за время своих скитаний Келли раздобыл две шкатулки, содержащие белый и красный алхимические порошки и алхимический манускрипт «Книга св. Дунстана». Белый порошок якобы превращал базовый металл в серебро, а красный в золото. Э. Келли предложил Дж. Ди расшифровать алхимический рецепт изготовления порошков, содержащийся в манускрипте, но, несмотря на все усилия, в этом они не преуспели. Эдвард Келли, убедившись, что своими силами раскрыть алхимический рецепт изготовления философского камня невозможно и получить «алхимический порошок» не удастся, решил в этом тонком вопросе уповать на помощь ангелов. В проект соглашения с ангелами, которое подготовил Джон Ди, он вставил пункт об открытии рецепта изготовления «порошка».

В герметическом корпусе текстов есть схожий сюжет об ангелах. В герметическом фрагменте, известном как «Исида прорицательница своему сыну Гору», который предположительно входил в текст «Физики» Гермеса Трисмегиста, говорится о тайне превращения металлов в золото. Это знание Исиде открывает ангел, но непременным условием является сексуальная близость Исиды с ангелом, в результате которого произойдет «смешение природ» и одна природа победит другую: «пшеница рождает пшеницу, а человек рождает человека, также как и золото собирает золото, подобное порождает подобное» [3, 313]. Прежде чем удовлетворить сексуальные притязания ангела Исида настаивает на раскрытии тайны алхимии, тайны получения золота.

Аналогичный эпизод есть и в истории Джона Ди и Эдварда Келли. Весной 1587 г. ангелы передали им условие дальнейшего сотрудничества, которое состояло в том, что Ди и Келли предстояло поменяться женами. В результате все четверо, и мужчины, и женщины, подписали договор со своей стороны, включающий требование того, что ангелы должны были выполнить свою часть соглашения и открыть последние тайны магии и алхимии. Выполнили ли ангелы свои обещания, научили ли они Келли алхимии, в результате чего он разбогател, неизвестно, а гипотезы на эту тему фантастичны.

Именно сексуальный аспект алхимии выделен в «Золотой Заре». Израэль Регарди (1907–1985) – авторитет в области магии и герметизма, продолжая традицию «Золотой Зари», рассматривал алхимию как «тайную форму практической магии» [11, 393]. Регарди замечает, опираясь на работы алхимиков и герметиков, что алхимия использует два магических инструмента, а именно: круглый хрустальный сосуд (реторта) и печь (алхимический Атанор), первый представляет женский аспект сексуальности, второй – мужской. В получении «золота», участвуют две субстанции, одна из которых мужская, другая – женская, «…называются они: Змей, или Кровь Красного Льва, и Слезы, или Клейковина Белого Орла. <…> Эти две субстанции являются, по сути, продуктами Льва и Орла» [11, 398].

Единение мужского и женского как «алхимический брак Луны и Солнца» должно привести к получению «алхимического золота», или Росы Бессмертия, которая используется в дальнейших магических операциях ритуальной и талисманной магии. «Высшей силой, действующей в данной методике, является любовь… Сила любви, направляемая Волей и управляемая Душой» [11, 401]. Специальное внимание И. Регарди уделяет теургическому аспекту всей операции, а именно произнесению божественных имен и молитве: «Все авторитеты в области алхимии, рассмотревшие данный метод, сходятся в едином мнении – он уникален по своей сути и дает поразительные результаты, но только в сочетании с молитвами. Отсюда следует, что в процессе проведения операции или мессы, пока в атаноре разгорается пламя, теургу следует

неустанно молиться, то есть либо мысленно, либо вслух читать заклинания» [11, 403]. В «Золотой Заре» была начата реинтепретация алхимических представлений в контексте широкого круга герметических, каббалистических и эзотерических текстов, что приводит к переносу алхимической операции из мира химической лаборатории в сферу сексуальной ритуальной магии.

Направление «сексуальной алхимии» представляет, с одной стороны, сексуальные психофизиологические практики, часто соединяя западные и восточные течения алхимии (с целью трансформации эротического влечения в творчество), с другой стороны, – что более традиционно для западной алхимии – сексуальная алхимия связана с попыткой зачатия «божественного», «бессмертного», «сильного», «солнечного» героя или «лунного дитя». В более широком контексте сексуальная алхимия понимается как способ «зачатия» «философского камня» для изготовления магических талисманов [5, 121 - 161].

Одно из названий философского камня – «порошок проекции». На определенном этапе алхимического делания адепт должен спроецировать на вещество, находящееся в герметическом сосуде, некий образ из глубин своего воображения и памяти. Еще Парацельс обращал внимание на то, что воображение проникает в тело. Так картины воображения будущей матери оказывают влияние на плод: «Как в vitriolo (здесь: медь) воображаемое (imaginative) впечатывается (чеканится) с помощью силы воображения. Это есть отпечаток (impressio) света природы (luminis naturae) и есть лучи (сияние), которые в тебя впечатаны (запечатлены, с помощью силы воображения – К. Гольдаммер)» [16, 35-107]. Правда, воображение следует отличать от фантазии, в последнем случае воображение подчиняется рассудку. Имагинация у Парацельса – это «формообразующая сила души, производимая активным сознанием и волей» [2, 58].

Алхимия, как и любая другая эзотерическая дисциплина, повернута в сторону «традиции», последняя может пониматься очень широко, включая предания, суеверия, легенды, притчи и т.д. Так, Парацельс, собирая предания, учился у «невежественных» знахарей и гадалок и утверждал, что они оказались куда более значимыми для его медицинских изысканий, чем современные ему «научные» труды. В понятиях Парацельса это различие описывается терминами эксперимент и экспериенция, которая включает понимание самих вещей [16, 35-107]. Наука основывается на эксперименте, народная традиция на экспириенции, на «знании», присущем самим растениям, животным и человеку, на способности человека их понимать. В соответствии с эзотерической традицией считается, что задача науки – не отделиться от древних «верований», а наоборот, соединиться с ними, как это когда-то было, при этом эзотерики ссылаются на расшифрованный в 1955 г. шумерский сборник врачебных рецептов (2200–2100 гг. до н.э.) [14, 28], равно как и на египетский медицинский папирус («папирус Эберса» ок. 1500 г. до н.э.), в которых приводятся вместе магические и врачебные предписания.

Алхимия в современном сознании перестала восприниматься как научное заблуждение, которое вело к массе бесплодных попыток получить философский камень, то есть какое-то вещество, при помощи которого можно превратить свинец в золото, и при помощи последнего обрести владычество над миром. Во всех указанных выше произведениях алхимия присутствует как феномен, как то, сущность чего таинственна и непонятна или утрачена. Алхимия и Философский Камень сегодня в обществе воспринимается как Magnum ignōtum (Великое неизвестное). Начиная с конца XIX в. все основные дисциплины магико-когнитивного, герметического комплекса, включая алхимию, возродились, присутствуют и развиваются на всех уровнях общественного сознания, что и делает актуальным исследование предмета настоящей работы.

Примечания

(1) Тексты Джона Ди и Эдварда Келли, их редакцию, реконструкцию и исправления см.: *Тисон Д.* Подлинная магия ангелов. М.: Аст. Астрель. 2005; *Деннинг М., Осборн Ф.* Магическая мистерия. М.: Аст. Астрель, 2006; *Шеллер Дж., Шеллер Б.* Самая могущественная магия / Пер. с англ. В. Венюковой. М.: Аст : Астрель, 2006; *Ди Дж., Келли Э.* Видение Круглого Дома // *Тисон Д.* Подлинная магия ангелов. М., 2005. С. 333–343.

Библиографический список

1. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. II. М.: Гнозис, 1994. С. 149. Публикация включает пять частей под общим заголовком «Замечания по основаниям математики» (1937–1938), (1939-40), (1942), (1942–1943), (1941 и 1944). Издатели Г.Х. фон Вригт, Р. Рис, Г.Э.М. Энском, готовившие рукопись в печать, замечают, «…что рукопись полна ценных идей, которые не встречаются где-то еще».

2. *Гартман Ф.* Жизнь Парацельса и сущность его учения. М.: Новый Акрополь, 1997. С. 58.

3. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. К.: Ирис, М.: Алетейя, 1998. С. 313.

4. *Гермес Трисмегист*. Изумрудная скрижаль / Пер. с лат. и нем. В. Л. Рабиновича // Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1980. С. 187– 188.

5. *Керубим Д.* Алхимия – темное искусство – теория / Алхимия – темное искусство – практика / Бракосочетание солнца и луны // Касталия. Оккультизм. Юнгианство. Нонконформизм. М.: Касталия, № 2. Зима 2010/2011. С. 121–161.

6. *Майринк Г.* Ангел западного окна. СПб.: Азбука–классика, 2006.

7. *Майринк Г.* Вальпургиева ночь. СПб.: Азбука–классика, 2006 / Произведение в алом: Голем. М.: Энигма, НГ, 2004 / Зеленый лик. Майстер Леонгард. (Сб. рассказов). М.: Энигма, НГ, 2004.

8. *Марлан Ст.* Черное Солнце. Алхимия и искусство темноты. М.: Inverted Tree. Castalia, 2011.

9. *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов. Введение в фантастический реализм. М.: Вече. 2005. С. 28.

10. *Пуансо М.* Полная энциклопедия магии, оккультизма, гадания и ясновидения / Пер. с англ. Ленюк О.Н. и Чуняева Н.Ю. Под ред. Л.И. Малевина. М.: Рипол Классик, 2005. С. 434.

11. *Регарди И.* Древо жизни. М.: Фаир-Пресс, 2003. С. 393.

12. *Рабинович В.Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. С. 28.

13. *Роллинг Дж.* Гарри Поттер и философский камень: Роман. М.: Росмэн, 2001.

14. *Фолта Я. Новы Л.* История естествознания в датах. М.: Прогресс, 1987. С. 28.

15. *Хоув Э.* Маги Золотой Зари. Документальная история магического ордена, 1887–1923. М.: Энигма Одди-Стиль, 2008. С. 31.

16. *Paracelsus*. Labirintus medicorum errantium.// Vom Licht der Natur und des Geistes. (Unter Mitarbeit von Karl-Heinz Weimann herausgegeben und eingeleitet von Kurt Goldammer). Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1993. S. 35–107.

V.V. VINOKUROV

ALCHEMY IN MODERN WORLD - MAGNUM IGNŌTUM. THE FIRST PART. ALCHEMIST AND ALCHEMY

In this article the attempt is made to apply the method of the phenomenology of religion to alchemy. Phenomenology accents, first of all, structural connection, rather than historic. That is why we can speak about historic phenomenon of the alchemy in the Middle Ages (up to New time). In this sense alchemy of XX–XXI c. is a phenomenon that belongs to the history of XX–XXI c., but whereat it is still a medieval phenomenon.

Key words: ***alchemy, Philosopher's stock, vas Hermeticum, death, Opus magnum, elixir vitae, lapis, vitriol.***

Н.М. МАРКОВА
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета
E-mail: natmarkova@list.ru

ДИАЛОГ КАК ФОРМА КОММУНИКАТИВИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ»*

В статье рассматриваются возможности преодоления противоречия между такими категориями, как «свой» и «чужой». Автор считает, что только диалог может разрушить границы между «своим»/ «другим», способствовать взаимопроникновению «своего» и «чужого» и их самоизменению.

Ключевые слова: ***«свой», «чужой», «другой», диалог, религиозность.***

Отношение в современной России к инославию как форма отношений между «своим и чужим», нуждается в разработке способов преодоления отчуждения и установления контакта. Контакт с другими обращает наше внимание на иные вещи или на иные стороны тех же вещей, так что диалог – это производное от тех вселенских, всеохватных горизонтов, которые составляют предназначение человека» [4, 99]. Сегодня часто приходится слышать, что подлинная религиозность, приобщенность к православию не нуждается во встречах с инаковерующими или инакомыслящими и диалоге с ними. В действительности, только в открытом и искреннем диалоге возможно религиозное обретение и самообретение, так как понять, что является «моим», «своим» возможно только через познание «иного», «другого», «чужого». Другими словами «я» определяется через «не-я», «свое» – через «иное» («другое», «чужое»). Для того чтобы четко обозначить границы «своего» и «чужого», нужно быть готовым в полной мере открыть для себя «другое» («чужое»), понять, изучить, лично столкнуться. Расхождению двух полюсов «своего» и «чужого», сопровождающемуся напряжением, вплоть до антагонизма, сопутствует и взаимопроникновение, взаимоопределение, взаимоосознание. «Возможность и призвание быть не муравейником, а миром обеспечена обществу тем, что человек узнает себя, только допустив себя до такого узнавания» [1, 130].

Проблема «другого» или «иного», ставится в двух плоскостях. Во-первых, «иное» мыслится как иная культура или иной разум по отношению к данному разуму и данной культуре (например, европейской). Во-вторых, «иное» осознается как иное самого разума – как «чувственность или жизнь» [3, 653]. Другая тема, связанная с проблемой «иного», в частности с вопросом о том, имеем ли мы в виду конструирование «другого» или его открытие, есть тема не столько открытия/конструирования «другого», сколько открытия/конструирования себя самого как саморазмыкания, нацеленного на «другое», для того, чтобы «другое» стало возможным в событии встречи. Без открытия (и его держания) себя для «другого» никакое подлинное общение «Я» и «Ты» невозможно. В определенном смысле это двуединый процесс (открытие «другого» и открытие себя для «другого»). «Другое» может интерпретироваться как граница для «самости» [3, 653].

Культура, прежде всего, активно отличает себя от своего «другого». Это проявляется в действии соответствующих правил отбора, нацеленных на самосохранение определенной культуры в ее отличии от «другого» как другой культуры. Отбор поддерживает ее определенность, ее смысловое ядро (то, ради чего она создается, ее «телоса») [3, 748]. С реальностью культуры мы сталкиваемся, например, когда осознаем замкнутость ее особого языка. Именно в нем репрезентировано для нас «другое». Это может быть язык другого народа, другого сословия или корпорации. Культура устанавливает коды отношения «своего» к «чужому», предписывающие поведение «одного» перед лицом «другого». «Другое» живет по своим законам, в соответствии со своим собственным характером, что не может не вносить в отношения «своего» и «чужого» ту или иную степень напряженности вплоть до отчуждения. Вопрос о соотношении культурных различий (одно и другое) не может быть продуктивно поставлен и тем более решен без обращения к принципу их общности, в частности к их общему происхождению, к охватывающему и единящему их смыслу [3, 749].

Сама оппозиция «свое/чужое», «мое/другое» в своей определенности конституируется внутри конкретной культуры, задавая ей специфику. Разведение «своего» и «чужого» маркирует границы собствен-

*Статья публикуется при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.2120

© Н.М. Маркова

но культурного мира, определяя его специфичность. Если оппозицию «свое/чужое» мыслить как проблему, как напряжение между обозначенными в ней полюсами, то понятие «самоизменения» оказывается ее логически внятным решением, по крайней мере, шагом на пути к нему. Самоизменившись, я становлюсь «чужим» самому себе или, напротив (что есть то же самое), в самоизменении чужое (то, чем я пока не являюсь) становится моим (тем, чем я являюсь, ибо самоизменение и есть изменение самого содержания «Я»). Единство личности, самости сохраняется в самоизменении, но при этом в нее входит и «чужое», «другое», «иное».

Как полагает В. Декомб, «альтернатива здесь такова: или Тождество «проглатывает» Иное, не испытывая при этом никакого самоизменения по существу (не считая, быть может, чисто количественного роста), или оно перед лицом «другого» оказывается способным к самоизменению. Вторая часть указанной альтернативы предполагает как минимум открытость по отношению к «другому». Иными словами, или ассимиляция «другого» или (взаимное) самоизменение «своего» в результате его открытости по отношению к «другому». Самоизменение выступает как синтез Тождественного и «другого», будучи самополаганием себя другим по отношению к самому себе… Итак, основная альтернатива такова: или ассимиляция «другого», или собственное самоизменение» [3, 751].

Острота и экзистенциальная значимость проблемы соотношения «свое/чужое» обусловлены тем, что границы между членами указанной оппозиции подвижны и проницаемы. Существует серьезная близость между ее полюсами: «чужое» в принципе – это отсроченное или задержанное «свое», «свое» как возможность, притом вполне реальная. Но близость эта несет в себе и угрозу: в «чужом» для меня всегда таится опасность самоутраты… Существует возможность увидеть, что абсолютных границ здесь не существует, что жизнь, охватывающая эти полюса, в высшей степени подвижна, динамична. Но эта подвижность есть возможность как гармонизации отношений Одного и Другого, «своего» и «чужого», так и их прямой или прикровенной вражды.

Но существует и другое стремление души и духа человека – встретить в своем существовании в мире не себя, а как раз «другое». Важна здесь интенция на встречу именно с «другим», на инаковость, важна, как говорит Батищев, «друго-доминантность», а не доминанта на «свое»…Но есть опасность «диалогической» маскировки встречи с собой под встречу с «другим». Диалог не трудно имитировать, замыкаясь в игре с самим собой. «Другой» тогда будет не более чем имитацией «другого». Для того чтобы ему действительно быть, необходима вера в него.

«Другое» – это граница, (условная граница), которая определяет области «я» и «не-я» и самое главное дает представления о «самости». Для того чтобы найти в себе «свое», нужно вначале выявить в себе «другое», что намного сложнее, поскольку зачастую мы не готовы к открытому проникновению в область «своего» области «чужого», и тем более не готовы найти в себе и открыто признаться в существовании в «своем» «другого». Тем не менее, для процесса самоидентификации подобные «самооткрытия» просто необходимы. Этот процесс оказывается двуединым: для того чтобы стать открытым для самого себя, нужно в первую очередь стать открытым и для «другого» («иного», «чужого»).

Процесс «открывания» себя для «другого», взаимопроникновения «своего» и «чужого» может привести и к обратным последствиям – находя и избавляясь от «чужого» в себе, существует опасность лишиться «своего», т.е. опасность самоутраты. Порой бывает очень сложно найти истинно «свое» и действительно «чужое», поскольку четко выраженной границы между этими двумя областями нет и не может быть в силу способности человека к открытости для «другого». Прозрачность и динамичность границ, разделяющих эти области, и способность этих областей к взаимопроникновению ведет к накладыванию одной области на другую, к переплетению этих областей. То, что до определенного момента казалось «чужим», при более близком рассмотрении может оказаться «своим» и только «своим», и наоборот. Познать, изучить себя, выявить, что является «своим», возможно при общении с «другим», сравнении с «другим» и именно в «другом» («ином», «чужом») познается «я» и определяется «свое». Поскреби «не-Я» – и откроешь за ним «Я» и только «Я»… [3, 758]. Другими словами, другое – это зеркало, в которое мы смотримся для того, чтобы найти в нем свое…иногда нам это удается, а порой мы оказываемся не в состоянии отделить «свое» от «чужого» и «чужое» от «своего», поскольку может оказаться, что «чужое» – это некогда «свое», а «свое» – это потенциальное «чужое».

Но иногда мы смотрим в это зеркало не для того, чтобы обнаружить в нем себя, «свое», а для того, чтобы найти «другое». Иначе говоря, существуют ситуации, когда нам просто необходим диалог с «другим». Но поскольку «другое» воспринимается как нечто, не свойственное нам, соответственно «другое» обладает своими особенностями, живет по своим законам, что довольно часто приводит к противоречиям на уровне «свой/чужой»и отсюда к открытому антагонизму; при этом забываются все

те общие моменты, которые в любом случае присутствуют и в «своем», и в «чужом». Тем не менее, решение данной проблемы заключается лишь в диалоге между «своим» и «чужим». В свою очередь диалог предполагает открытость со стороны «своего» и «чужого», если мы готовы к диалогу с «другим», следовательно мы готовы к взаимопроникновению «своего» и «другого» и, следовательно, мы готовы к самоизменению. Процесс самоизменения приравнивает области «своего» и «чужого»: самоизменяясь, мы становимся «чужими» себе, а изменившееся «чужое» становится «своим». Другими словами, процесс самоизменения способствует тому, что в нас одновременно существуют, взаимодействуют и взаимопересекаются области «своего», «иного», «другого» и «чужого». Процесс самоизменения не происходит случайно, в один момент, этому способствует долгий подготовительный период. Иными словами, человек на протяжении всей своей жизни меняет взгляды, мысли, мировоззрение – самоизменяется, т.е. на протяжении всей своей жизни каждый из нас является «своим», «иным», «другим», «чужим» как по отношению к себе, так и к окружающему миру – и точно таким же образом окружающий мир воспринимает и нас – порой в качестве «своего», а иногда и в качестве «другого».

Именно «инаковость», «сеть разнообразных жизненных миров, при всей инаковости в той или иной мере пересекающихся», но не требующих приведения «к принудительному единству или цельности мира», составляет важную методологическую предпосылку диалога [2, 15-16]. Любая «принудительная монокультура» оказывает только парализующее-отупляющее действие, в отличие от чего живопись, изумляющая своим многообразием, не «заявляла претензии достичь некоей абсолютной живописи или воплотить само прекрасное», в связи с чем «…нам, как в живописи, так и в философии, следует учиться отказываться от абсолютных претензий, претензий на абсолютный порядок, но при этом необходимо быть чуткими в отношении тех необходимых претензий, которые предупреждают нас от того, чтобы довольствоваться вариацией произвольных возможностей» [2, 21-22].

Библиографический список

1. *Бибихин В.В.* Мир. Томск: Водолей, 1995.
2. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999.
3. *Визгин В.П.* На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. *Джуссани Л.* «Рискованное дело» воспитание // Новая Европа, 2000, №13. С.66-103.

N.M. MARKOVA

DIALOGUE AS A FORM OF COMMUNICATIVE INTERPRETATION OF OPPOSITION OF “OUR” – “FOREIGN”

Article is directed to the possibility of overcoming the contradiction between such categories as “our” and “foreign”. The author believes that only dialogue can break down the boundaries between “our” / “other”, to promote the interpenetration of “our” and “foreign” and their self-transformation.

Key words: ***“a”, “strange”, “other”, the dialogue, and religiosity.***

А.И. МРАМОРНОВ
кандидат исторических наук, секретарь Ученого совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
E-mail: mramornov@gmail.com

ЕПИСКОПСКИЙ (ЦЕРКОВНО-ЕПАРХИАЛЬНЫЙ) СОВЕТ КАК ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ 1917 – 1918 гг.*

Автор статьи затрагивает малоисследованный вопрос истории епархиального управления Русской Православной Церкви, связанный с реорганизацией духовных консисторий в 1917 году и созданием церковно-епархиальных советов. Рассмотрены меры Синода по трансформации епархиального управления и представлено практическое осуществление изменений на материалах Саратовской епархии.

Ключевые слова: ***Русская Православная Церковь, церковное управление, епархиальное управление, революция 1917 г., церковная революция, Святейший Синод, духовная консистория, епископский совет, епархиальный совет, Саратовская епархия.***

Февральская революция 1917 г. принесла существенные изменения не только в жизнь Российского государства и общества, но и Православной Церкви. Падение монархии сделало возможным свободную соборную дискуссию, хотя на первых порах привнесло в строй церковных дискуссий излишнюю и несвойственную религиозному сознанию революционность. В общем смысле (если не разбирать подробно малозначащие нюансы вроде попыток реформирования консисторских порядков в 1910 – 1916 гг.) прав исследователь, отмечающий, что «вплоть до Февральской революции организационная и управленческая структура Церкви оставалась неизменной» [6:13].

Внутрицерковные события и взаимоотношения Церкви с революционными правительствами в последние годы становятся предметом пристального изучения отдельных исследователей [1, 6], хотя при всем интересе современной историографии к эпохе революций и Гражданской войны многие вопросы остаются практически незатронутыми.

В указанных трудах М.А. Бабкина, П.Г. Рогозного рассмотрены революционные процессы в Церкви, но не исследовано значение вновь появившихся органов управления на местах.

Созданная исследователями картина (впрочем, пока не дописанная) отношения высшей церковной власти к «церковной революции» на местах в 1917 г., анализ самих этих событий с внешней стороны несколько отводит на второй план реальные перемены, произошедшие в строе церковного управления. В этом смысле важно начать изучение генезиса (как «практического», так и «проектного») будущих соборных решений о епархиальном управлении. Такое исследование в определенной степени осуществил архимандрит Савва (Тутунов). Но представляется не менее важным затрагивать тему перехода от консисторского строя епархиального управления к «советскому» (1) на региональных материалах, а не только на материалах дискуссий, проходивших в центре.

Еще одна необходимость в исследовании органов епархиального управления видится в том, что верхушечная «церковная революция», интересующая современных исследователей, почти стихла к открытию Поместного Собора (хотя начались гонения на приходских священников, выдворений их с приходов, на которые они были назначены канонической властью, и это уже была другая, низовая революция, касавшаяся Церкви), а вот до времени формирования новых органов епархиальной власти – епархиальных советов – оставалось около года, в течение которого в епархиях выстраивалось управление, сочетавшее новые веяния (выборное управление, делегирование больших полномочий членам избранного органа) с давно отработанной постановкой решения тех или иных дел. Следует сказать и о том, что особенностью наметившихся перемен в строе епархиального управления в 1917 г. было то, что эти перемены инициировались снизу, из епархий, часто исходя от радикально настроенного низшего клира (псаломщиков и диаконов).

Стоит рассмотреть изменения в системе управления епархией на примере Саратовской – одной из тех, которая оказалась, согласно терминологии П.Г. Рогозного, затронутой «церковной революцией», т.е. тех, где правящий епископ был смещен со своей кафедры постановлением епархиального

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-31-01214/12).

© А.И. Мраморнов

съезда. По мнению историка, «Саратовская епархия считалась в 1917 году одной из самых неблагополучных» [6:89].

Но до разбора регионального материала логично вспомнить о мерах, предпринимавшихся обновленным составом Святейшего Синода весной 1917 г. для внесения необходимых и требуемых изменений в консисторскую систему.

В начале мая 1917 г. было опубликовано определение Синода № 2579 от 29 апреля «О передаче из делопроизводства Святейшего Синода некоторых дел на окончательное решение в епархиальные управления». Предельная централизация была отличительной особенностью позднего синодального периода русской церковной истории: многие вопросы, канонически подлежащие решению епископа и состоящих при нем соборных органов церковной власти, на деле могли решаться только высшим церковным управлением. В определении отмечалось, что такая практика была достаточно поздней, возникшей «на протяжении XIX века» [8:105]. При этом утверждался перечень вопросов (всего 23 пункта), которые надлежало теперь рассматривать в епархиях. Не рассмотренные дела по ним надлежало возвратить из Синода в епархии. Кроме того, было решено прекратить представление Синоду «особых ведомостей об епитимийцах и рапортов о кражах и пожарах в церквах, если при этом не произошло какого-либо выдающегося происшествия в отношении к святыням или духовным лицам…, оставив представление сведений о сем лишь при годовых отчетах» [8:106].

Определение и приложение к нему отменяло целый ряд статей Устава духовных консисторий 1883 г. Так, снятие сана теперь стало возможным по решению епархиальной власти (отменялась статья 86 Устава духовных консисторий), новые приходы при условии содержания их на местные средства могли создаваться также без решения Синода (статья 92). Ряд изменений касался порядка расторжения браков, имущества церквей [8:106-107].

Это определение Синода было началом слома системы консисторского управления. Другим определением высшей церковной власти (№ 2547) устанавливался новый порядок консисторского делопроизводства по делам о расторжении браков. При этом глава VI раздела III Устава духовных консисторий была издана в новой редакции [8:107-111].

И тогда же Синод принял «Временное положение о церковно-епархиальном совете». Оно устанавливало связь между новым типом коллегиального управления епархией и прежней духовной консисторией: «Решения совета пишутся в виде резолюций на журналах и протоколах консистории членами совета по очереди или взаимному соглашению и подписываются архиереем» [8:114]. Таким образом, новый орган епархиальной власти ставился выше консистории и должен был фактически стать учреждением, делящим полномочия по принятию решений в епархии с ее правящим архиереем.

«Положение» устанавливало порядок рассмотрения дел при несогласии архиерея с советом. Но кажется, что более интересен для изучения периода перехода от консисторского управления к новому, «советскому», пункт 7, гласивший, что «в случае несогласия совета с решением консистории применяется порядок, предусмотренный в ст. 329 и 330 Устава дух[овных] консисторий» [8:114]. Указанная «Положением» 330 статья Устава предусматривала и даже предписывала подачу членами консистории особого мнения, одновременно, впрочем, оставляла за архиереем право вынесения окончательного решения. По смыслу процитированного пункта 7 это право теперь, видимо, должно было распространиться и на церковно-епархиальный совет.

Интересно сопоставить нормативно-канонические рамки, определенные Синодом, с реальным положением вещей в Саратовской епархии.

В марте 1917 г. саратовское духовенство организовало несколько собраний, которые подготовили проведение первого послереволюционного епархиального съезда. Названный чрезвычайным, он прошел в Саратове с 14 по 22 апреля. Приняв решение об удалении с кафедры епископа Палладия (Добронравова) и его викария Леонтия (фон Вимпфена), съезд в последней день своей работы, 22 апреля, также избрал состав так называемого епископского совета. Это решение было зафиксировано в протоколе № 29:

Епархиальный Съезд уполномоченных от духовенства и мирян Саратовской епархии закрытой баллотировкой избирали на трехлетие 1917 – 1919 гг. членов Епископского Совета Саратовской епархии, при чем избранными оказались:

	избирательных	неизбирательных
Протоиерей П. Позднев	69	8
Прот[оиерей] Алексей Хитров	69	8
Свящ[енник] Евгений Знаменский	70	6
Диакон Луцкий	71	6
Псалом[щик] П. Любимов	65	12
Староста Богомолов	69	9
Псаломщ[ик] Фивейский	48	29
Преподаватели Семинарии: Ф.В. Орлов	71	6
А.Е. Кряжимский	68	9

Примечание 1-е. Три места от старост предоставлено заместить церковным старостам г. Саратова по избранию из своей среды.

Примечание 2-е. Из баллотировавшихся псаломщиков А. Виноградов получил 61 изб[ирательный] и 16 [неизбирательных], но от вступления в Епископский Совет отказался.

Председателем Епископского Совета единогласно избран Протоиерей о. Алексей Хитров [7:459].

Председатель нового избранного органа управления епархией, протоиерей Алексий Хитров ранее в течение 30 лет служил сельским священником в Сердобском уезде [7:462]. Это избрание отражало копившееся недовольство в среде духовенства: сельского – городским (стереотипно более богатым и более образованным), между священнослужителями и церковнослужителями, а также почти всеобщего – тем, что наибольшее влияние в управлении епархии приобретали при консисторском строе часто не наиболее достойные, а пришедшие вместе с архиереем, его любимчики, иногда совершенно не знакомые духовенству и пастве епархии. В этом смысле протоиерей Хитров являлся компромиссной фигурой.

В связи с решением съезда вставал вопрос о том, на какие средства будет содержаться председатель епископского совета, не имеющий места для служения и квартиры в губернском городе. Этот вопрос вызвал бурные дискуссии, закончившиеся предложением одного из клириков удалить из Саратова священника С. Бурова, пришедшего служить в город вместе с только что уволенным епископом Палладием и слывшего его фаворитом. Предложение, как отмечал современник, было встречено «долгим несмолкающим взрывом аплодисментов» [7:461]. Конечно, в революционных условиях не приходилось размышлять о канонической ущербности такого предложения. Следует сказать, что священник Буров в Саратове служить остался, а возможности для служения и проживания протоиерея Хитрова в городе также нашлись.

Нельзя не привести еще одно свидетельство – о том, что на епархиальном съезде весь состав консисторий подал заявление об отставке. При этом бывший ее член священник Леонид Фиалковский так охарактеризовал старую консисторию: «Это позор церкви, вместилище всяких плутней, интриг и неправды… Нужно упразднить это прогнившее болото, и это будет первым шагом к раскрепощению духовной совести». В результате съезд упразднил консисторию в ее прежнем виде, сохранил канцелярию и избрал новых членов консистории, которые должны были «ликвидировать» нерешенные дела. В состав консистории были избраны протоиерей Е. Шкенёв (будущий член епархиального совета), священник Евгений Соколов, диакон Думенко и псаломщик Жимский [7:463].

После принятия съездом перечисленных выше решений в епархии остался только один викарный архиерей – епископ Вольский Досифей (Протопопов), который представил протоколы епархиального съезда на утверждение высшей церковной власти. К представлению были приложены правила «Об учреждении в Саратовской епархии временного епископского совета». При этом архиерей сообщал, что избранные члены этого совета по его резолюции уже допущены к исполнению функций, оговоренных в правилах, кроме двух пунктов, которые касались участия временного епископского совета в заведовании экономическими делами архиерейского дома [3, Л.1].

Принятый епархиальным собранием документ объявлял целью учреждения епископского совета «упорядочение епархиального управления до коренной реформы всего церковного строя». Он был призван исполнять решения епархиальных съездов и перед ними отчитываться о своей деятельности, а также «без ведома Епископа» иметь сношение со всеми епархиальными учреждениями [3, Л.2].

Срок полномочий совета устанавливался в 3 года, в него могли входить лица, имеющие высшее или среднее образование, хотя «временно…, в случае недостатка кандидатов, могут быть избраны лица и с меньшим образовательным цензом». Члены совета должны были иметь пятилетний служебный стаж и двухлетний стаж «по службе в Саратовской епархии». Шесть членов совета должны были быть лицами духовного звания, причем из них – три пресвитера, один диакон и два псаломщика, два члена – представлять духовно-учебные заведения, остальные – миряне епархии [3, Л.2 об.]. В качестве временных членов могли приглашаться лица с правом решающего голоса: либо представитель монастыря (если рассматривается дело этого монастыря), либо единоверцы (если рассматриваются дела единоверческих церквей). Епископа временное положение определяло почетным председателем совета (и при этом он должен был непременно председательствовать при решении ставленнических дел и дел «религиозного характера»), а постоянный председатель избирался советом из его членов в сане пресвитера. Решения совета приобретали законную силу после подписания архиереем и приводились к исполнению через духовную консисторию, членов которой положение называло «докладчиками по соответствующим делам» [3, Л. 3 – 3 об.].

Заметим, что приведенные правила были разработаны в Саратовской епархии ранее, чем было издано синодальное определение с временным положением о церковно-епархиальном совете. Поэтому местное положение по целому ряду аспек-

тов входило в противоречие с общецерковным. Определением № 4253 от 14 июня 1917 г. Синод отказал епископу Досифею в утверждении положения, предписав привести его в соответствие с синодальным положением о церковно-епархиальных советах [3, Л. 7 – 7 об.].

Сам епископ Досифей был утвержден временно управляющим епархией, а августе 1917 г. избран епархиальным съездом правящим архиереем. Однако новая система епархиального управления начала функционировать в Саратове раньше, в июне того же года.

Два раза в неделю проходили официальные заседания совета под председательством владыки Досифея. Одно заседание длилось до шести часов, на нем решалось до 50 различных вопросов. Для подготовки дел, обсуждавшихся затем на официальных заседаниях, вечером в среду и пятницу члены епископского совета проводили рабочие встречи. В остальные дни они организовывали прием посетителей и осуществляли канцелярскую работу, которая иногда затягивалась до поздней ночи [5:611].

При этом консистория продолжала свое существование как административный аппарат: сохранились журналы заседаний за январь – сентябрь 1917 г. и за январь – апрель 1918 г., хранящиеся как единый документальный комплекс [2]. Фактически с лета 1917 г. решения управленческого характера принимал уже епископский совет.

Саратовскому епископскому совету пришлось заниматься многочисленными приходскими и ставленническими делами, которые с усилением революционного вихря усложнялись. Частыми стали случаи изгнания настоятелей из сельских храмов.

Председатель совета протоиерей А. Хитров отмечал, что «в практике епископского совета были случаи удаления из округа членов клира по постановлениям окружного духовенства» и в этих случаях «епископский совет всегда был тверд в своих решениях и предлагал этим лицам с своими протестами, просьбами о нерасследовании обращаться к тому окружному духовенству, которое сделало постановление об их удалении» [9].

В апреле 1918 г. в Саратове было получено определение Всероссийского Церковного Собора «Об епархиальном управлении», устанавливавшее, что постоянно действующим учреждением, при помощи которого архиерей управляет епархией, должен стать епархиальный совет [4].

В соответствии с этим решением была начата подготовка очередного епархиального съезда, который в мае 1918 г. избрал состав епархиального совета. Интересно, что его председателем вновь был избран протоиерей Алексий Хитров. В этом отразилась символичная преемственность епархиального совета от епископского. Консистория тогда же была окончательно ликвидирована, а сотрудники ее «аппаратно-делопроизводственного» блока стали, в основном, сотрудниками канцелярии епархиального совета, его служащими.

Осенью 1918 г., когда саратовские большевики организовали показательный процесс против членов епархиального совета, один из свидетелей, священник Николай Голубов, на заседании революционного трибунала метко охарактеризовал епархиальный совет: «Он заменил консисторию по делопроизводству, так сказать, но по идее он заменил епископский совет». В то же время современники продолжали сравнивать совет с консисторией. Так, один из свидетелей на процессе, сторонник христианского социализма священник Димитрий Крылов показывал, что консисторию до революции называл «Пилатовой конторой». Доказывая, что епархиальный совет проводил политику «старой церковной партии», он не видел принципиальных отличий между ним и консисторией.

И другие современники считали, что «про консисторию… сказать хорошего не приходится» [10:176]. Впрочем, не жаловали и епископский совет, например, в «подслушанном разговоре» накануне майского епархиального съезда 1918 г.:

– <…> Ну, а что в самом деле, делает и сделал Епископский Совет? Ей-Богу, помянуть нечем.

– Да, ведь, требовать-то от него большого нельзя: учреждение молодое, новое…

– Требовать? Как не требовать: за 30000 р[ублей] в год, да не требовать?

– Позволь. Строго говоря, наш Епископский Совет до сих пор не утвержден Синодом…

– А получать 30000 р[ублей] утвержден?

– Ну, ты, брат, не придирайся к словам… Епископский Совет только допущен Владыкой до исполнения обязанностей.

– Каких?

– Епископского Совета.

– Да такого Совета и быть у нас не может: «Епископский» Совет по самому словопроизводству состоит из Епископов, каковой Совет и есть при Патриархе, или при Соборе. А наш Совет из клира и мирян и называться Епископским не может. Это сознали и сами члены Совета, именуясь *раньше времени* Епархиальным церковным Советом.

– Пусть: не Епископский, так Епархиальный Совет. Дело не в названии, а в самом деле, в трудах.

– Каких? Вот, трудов-то и не видать. Я лично много думал об этом. Знаю, как велись занятия в Е[пархиальном] Совете. И что же? Совершенно разочаровался в нем: говорили много при избрании Совета, ждали от него еще боль-

ше, не жалели и средств (в других епархиях на это дело расходуются сотни рублей, а у нас десятки тысяч) – ну, а, оказывается, гора мышь родила… Право же: придешь в помещение Совета в архиерейском доме, смотришь, большей половины членов (в присутственные часы) на лицо нет. Так, сидят 1½ – 2 человека. Один газетку просматривает, другой с посетителем занимается… Одно слово, идиллия… Даже на заседания к Епископу ходят далеко не все [10:176-177].

Как и любое частное суждение, критическое мнение одного из собеседников не отражало вполне истинного значения епископского (церковно-епархиального) совета в становлении нового строя управления Русской Церкви в 1917 – 1918 гг. Но как бы то ни было, сам факт создания избираемого совета свидетельствовал о попытках Церкви преодолеть прежние недостатки консисторского строя, критиковавшиеся большинством собеседников, в разные времена (что в первой половине XIX века, что в пореформенную эпоху, и особенно в начале XX века) и в разных епархиях. Соборное решение о создании епархиальных советов давало новую, прочную (в отличие от временного синодального постановления и тем более постановлений местных епархиальных съездов) основу для созидания каноничного соборного управления в епархиях, при котором правящий епископ мог опираться на суждения компетентного совета, представлявшего интересы клира и паствы управляемой им епархии. Этот потенциал не смог быть реализован лишь из-за разразившихся большевистских гонений на Церковь.

Примечания

(1) Прилагательное «советский» в данном случае является производным от названия «епархиальный совет». Возникавшее тогда же, в послереволюционное время, отождествление этого понятия только с властью большевиков сохраняется доселе. Однако в настоящей статье считаем возможным употребить это прилагательное в его изначальном значении.

Библиографический список

1. *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в.- конец 1917 г.). М., 2007.
2. Журналы заседаний Саратовской духовной консистории // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 7818, 8267.
3. Об учреждении в Саратовской епархии епископского совета // РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 285.
4. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви об епархиальном управлении // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 1. С. 17-33.
5. *Орлов Ф.* В Епископском совете // Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 17-18. С. 611.
6. *Рогозный П.Г.* Церковная революция (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.
7. Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 13.
8. Церковные ведомости. 1917. № 18-19.
9. *Хитров А.*, протоиерей. Из Епископского совета // Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 1 – 3. С. 29-30.
10. Pro domo sua. (Подслушанный разговор) // Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 13-15. С. 176.

A.I. MRAMORNOV

THE BISHOP (CHURCH-EPARCHIAL) COUNCIL AS A TRANSITIONAL FORM OF DIOCESAN ADMINISTRATION IN THE REVOLUTIONARY YEARS IN RUSSIA (1917 - 1918)

The author of this article examines the problem in the history of diocesan administration of the Russian Orthodox Church, connected with the reorganization of the consistories in 1917 and establishing the church-eparchial councils. The measures of the Holy Synod in transforming the eparchial administration and their realization (on the example of the Saratov diocese) are also researched.

Key words: ***Russian Orthodox Church, church administration, eparchial administration, Revolution of 1917, "church revolution", the Holy Synod, consistory, bishop council, eparchial council, Saratov diocese.***

В.В. ПЕТРУНИН
кандидат философских наук, доцент, докторант
Орловского государственного университета
E-mail: petrunin@list.ru

ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

В статье рассматривается проблема гражданского неповиновения в социальной доктрине русского православия. Московский Патриархат в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» прямо заявляет о своем праве призвать православных христиан к гражданскому неповиновению для отстаивания своих интересов в современном мировоззренчески плюралистическом обществе. Возможный конфликт Церкви и государства связан с опасениями, которые высказывает Церковь в связи с продолжающейся секуляризацией социально-политической жизни на своей канонической территории.

Ключевые слова: ***гражданское неповиновение, социальная доктрина, Церковь, секуляризм, постсекуляризм.***

В современном политическом дискурсе проблема гражданского неповиновения является одной из основных в процессе осуществления демократических прав и свобод гражданина. «Гражданское неповиновение представляется … одним из средств, с помощью которых рядовые граждане могут оказывать влияние на членов политического общества и заставлять профессиональных политиков прислушиваться к общественному мнению» [3, 729]. Актуальность феномена гражданского неповиновения в условиях современных демократий делает его особым предметом научной рефлексии в современной политической науке.

Вместе с тем, сегодня часто забывают, что осуществление гражданами права на неповиновение возможно не только в рамках секулярного понимания политического процесса. Актуальность постсекуляризма в современном мире заставляет анализировать данную проблему не только как вопрос государственно-конфессиональных отношений, но и в контексте социально-политического взаимодействия неверующих граждан с верующими. Все это, соответственно, ведет к острой необходимости научного осмысления права граждан на неповиновение государственной власти, представленного в социальной этике традиционных конфессий.

Пределы государственной власти четко прописаны в авраамических религиях. Иудаизм, христианство и ислам имеют ясное представление о возможности осуществления верующим населением своего права на неповиновение государственной власти.

В России именно русское православие впервые четко определило свою позицию по данному вопросу, представленную в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых в 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе Московского Патриархата [5]. Данный документ, отражающий официальную позицию Московского Патриархата по важным вопросам современного диалога между Церковью и миром, положил начало формированию социальной доктрины русского православия.

В социальной концепции, в разделе III «Церковь и государство», говорится, что «Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь: совершать дело спасения людей в любых условиях и при любых обстоятельствах. Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должном рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению» [5, 20].

Таким образом Московский Патриархат прямо заявляет о возможности использования права призвать верующее население к гражданскому неповиновению для отстаивания своих интересов в современном мировоззренчески плюралистическом обществе. Возможный конфликт связан с опасениями, которые высказывает Церковь в связи с продолжающейся секуляризацией социально-политической жизни на своей канонической тер-

© В.В. Петрунин

ритории, а также активным наступлением части гражданского общества на церковные институты.

Возвращаясь к принципу неповиновения, мы можем сказать, что здесь речь идет о двух возможных причинах осуществления Церковью своего права призвать верующее население к гражданскому неповиновению. Первая, чисто богословская: Церковь не приемлет вмешательства в свои дела со стороны государства (например, вероучительная область). Вторая – нравственная, обретающая в современном мире социально-политический контекст: Церковь не будет лояльно относиться к политике государства, основанной исключительно на секулярных принципах, «государство и политическая сфера, как и область гражданского общества, принадлежат не только тем, кто имеет “секуляризационные” или антиклерикальные взгляды, но и всем гражданам» [2, 92].

Нас больше интересует второй момент. Т.к. первая проблема формально снята сейчас, в силу конституционного устройства современных государств, составляющих каноническую территорию Московского Патриархата (1). Она была актуальна для православия в византийскую эпоху, в которой мы видим яркие примеры неповиновения Церкви государству в ответ на вмешательство последнего в духовную сферу (например, иконоборчество, унии с Римом). Прецедентов второго плана в Византии быть не могло, ибо никакой другой политики, кроме как ориентированной на христианскую социальную этику, государство проводить и не могло. Сегодня, напротив, важны именно причины второго плана. Современное государство зачастую проводит политику, основанную на принципах секуляризма, что создает конфликтную ситуацию с Церковью.

Гражданское неповиновение относит нас к проблеме соотнесения двух властей: 1) власти Бога и 2) власти государства. С одной стороны, христиане должны всегда помнить о том, что «всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28.18) принадлежит Богу, с другой – должны подчиняться властям, «ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13.1). Т.о. проблема гражданского неповиновения снимается, если политическая власть действует в соответствии с божественными законами. Другими словами, если государство проводит свою социальную политику, основываясь на социальной этике христианства. Именно об этом говорит православное учение о симфоническом взаимодействии власти духовной и светской.

Актуализация права на гражданское неповиновение наступает в том случае, если светская власть начинает руководствоваться в своих действиях принципами, несовместимыми с социальной этикой христианства. Наступает момент, когда Церковь вправе призвать верующее население к гражданскому неповиновению.

Здесь можно наблюдать единство христианских конфессий. Примером такого единства может служить знаменитый документ под названием «Манхетэннская декларация: призыв к христианской совести» (The Manhattan Declaration: A Call of Christian Conscience), составленный христианами США (православными, евангельскими христианами, католиками) 20 октября 2009 г. и выпущенный в свет 20 ноября 2009 г. В этой декларации они заявляют о том, что «выступают против законов, принятых для того, чтобы заставить наши организации принимать участие в абортах, в исследованиях по расщеплению эмбриона, в самоубийствах с посторонней помощью и эвтаназии и любых других действиях, направленных против жизни. Мы также не подчинимся правилам, согласно которым мы должны сочетать безнравственные союзы, относиться к ним как к законным бракам или приравнивать их к браку, а также уклоняться от провозглашения истины, как мы ее понимаем, о нравственности и безнравственности, о браке и семье. В полной мере и безропотно мы воздадим кесарю кесарево. Но ни при каких обстоятельствах мы не отдадим кесарю Божье» [4]. Таким образом, секулярная политика современного американского государства создает необходимую платформу для христианского единства в социально-политической деятельности.

Говоря о гражданском неповиновении, Русская Православная Церковь подчеркивает мирный характер такого действия. Другие христианские конфессии (католичество, протестантизм) наряду с ненасильственным неповиновением допускают и насильственные действия в отношении государственной власти.

Современное католическое социальное учение говорит о пассивном и активном гражданском сопротивлении. «Безупречным с точки зрения нравственности средством отпора является пассивное сопротивление: люди не исполняют преступных законов, а действуют исключительно против тенденций несправедливых государственных мероприятий». Активное сопротивление может включать в себя как «публичный протест против преступных действий правительства», так и «свержение преступного правительства», что не является преступлением, а благом [7, 273-276].

Евангельские христиане-баптисты, осмысливая проблему подчинения гражданским законам, указывают на то, что «когда правитель становится настолько коррумпированным, что он уже не способен придерживаться принципов подлинного права и вечной справедливости, то христианин может

счесть необходимым противостоять его авторитету и даже восстать против него и стать на сторону партии, которая будет бороться за установление новой власти» [1, 686].

Общим для всего христианства является признание серьезной ответственности Церкви, определяющей вероучительные и нравственные ориентиры общины верующих в деле провозглашения принципа неповиновения. Обращение к данному принципу должно сопровождаться тщательным анализом конкретной социально-политической ситуации, создающей опасность для безоговорочного послушания христиан Богу.

В истории Византии мы можем наблюдать целый ряд примеров осуществления неповиновения государству в лице императорской власти, со стороны Церкви и православных верующих. Византийская эпоха была временем, когда принцип неповиновения выступал в качестве последнего аргумента в конфликтных ситуациях между государством и Церковью.

В секулярную эпоху, когда причины возможного осуществления гражданами своего права на неповиновение государственной власти рассматривались исключительно в нерелигиозных категориях, легитимация христианского понимания гражданского неповиновения не могла быть принята на Западе идеологией политического либерализма, на Востоке – коммунизма.

В современной постсекулярной ситуации, когда «мировоззренческая нейтральность государственной власти … несовместима с политическим распространением секуляристского мировоззрения на всех людей», а «нерелигиозные граждане … не должны принципиально отказывать религиозному видению мира в потенциале истинности и не должны отнимать у верующих сограждан права вносить с помощью религиозных понятий свой вклад в общественную дискуссию» [6, 75], принцип гражданского неповиновения продолжает оставаться не только основным фактором государственно-церковных отношений, но и становится важным регулятором взаимоотношений Церкви с современным гражданским обществом.

Примечания

(1) Современная каноническая территория Московского Патриархата включает в себя Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию, Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Латвию, Литву, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан и Эстонию. Конституции данных государств содержат положение об отделении Церкви от государства, что отвергает вмешательство государства в деятельность религиозных объединений и их управление.

Библиографический список

1. *Баракман Х. Флойд*. Практическая христианская теология. Всестороннее исследование основ христианского вероучения. М.: Ассоциация «Духовное возрождение» ЕХБ, 2002.

2. *Венизелос Е.* Отношения государства и церкви: взгляд через призму конституции. М.: Новое издательство, 2008.

3. *Коэн Д.Л., Арато Э*. Гражданское общество и политическая теория. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.

4. Манхэтеннская декларация: призыв к христианской совести. URL: www.manhattandeclaration.org (дата обращения 10. 10. 2012)

5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8. С. 5-105.

6. *Хабермас Ю.* Дополитические основы демократического правового государства? // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – С. 39-75.

7. *Хёффнер Й.* Христианское социальное учение. М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2001.

V.V. PETRUNIN

THE PROBLEM OF CIVIL DISOBEDIENCE IN THE SOCIAL DOCTRINE OF THE RUSSIAN ORTHODOXY

The paper deals with the problem of civil disobedience in the social doctrine of the Russian Orthodoxy. In "Basics of Social Concept of the Russian Orthodox Church" the Moscow Patriarchate directly claims its right to call Orthodox Christians for social disobedience to uphold their interests in the contemporary pluralistic in terms of the world outlook society. The potential conflict between the Church and the State is related to concerns expressed by the Church in regards to continuing secularization of social and political life on its canonic territory.

Key words***: civil disobedience, social doctrine, the Church, secularism, post-secularism.***

А.А. ПОЛУЭКТОВ
кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного федерального университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: anton.a.poluektov@gmail.com

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

В статье рассматриваются основные проблемы семиотического анализа религиозности. Выделяется дихотомия священное/ритуал, которая соответствует семиотической дихотомии язык/речь. Анализируются изменения отношения к понятию священного и роли ритуала в современном обществе.

Ключевые слова: ***священное, миф, ритуал, язык религии.***

Семиотика как направление в изучении языка появляется благодаря работам Ф. де Соссюра, который определяет семиотику как науку о жизни знаков в рамках жизни сообщества. Центральной идеей для швейцарского лингвиста становится различение языка и речи, которые соотносятся как общие правила для построения фраз и индивидуальное высказывания носителя этого языка. Попытка перенести систему де Соссюра из области лингвистики в другие науки приводит нас к известным проблемам, которые связаны, прежде всего, с областью распространения языка и речи в других сферах, отличных от лингвистических исследований. Ролан Барт, анализируя эти сложности, объясняет это следующим образом: «первая трудность касается самого диалектического соотношения языка и речи. Что касается естественных языков, то здесь в языке нет ничего такого, что не использовалось бы речью, и наоборот, речь не может существовать (то есть не отвечает своей коммуникативной функции), если она не почерпнута из того «клада», которым является язык. Подобное соотношение мы наблюдаем, по крайней мере частично, в системах, подобных пище, учитывая, что здесь факты индивидуального новаторства могут становиться фактами языка. Однако в большинстве других семиологических систем язык создается не «говорящей массой», а определенной группой людей. Отсюда можно сделать вывод, что в большинстве семиологических языков знак действительно «произволен», так как создается искусственно в результате одностороннего решения» [1, 124]. В области религии эта проблема разворачивается как соотношение догматики и веры, когда первая строго ограничивает вторую. При этом мы наблюдаем не произвольное установление значения, а напротив, строго подчиненное тем нормам, которые были приняты определенной группой людей. При этом принятие языковой нормы внутри той или иной религиозной системы приобретает форму негласного «семиотического договора», который позволяет выстраивать оппозицию свой/чужой, а носитель чужого языка сам признается в своей инаковости, позволяя себе вести себя «эксцентрично».

Подобная инаковость может контролироваться со стороны коллектива, как минимум, тремя способами: во-первых, в процессе рождения новых потребностей, которые являются следствием общественного развития. Таков, например, спор между мусульманами стран Аравийского полуострова, которые себя относят к традиционному (консервативному) исламу, и представителями либерального ислама, который в России получил название просвещенного ислама. Во-вторых, в результате того, что экономические императивы приводят к исчезновению или к возникновению тех или иных материалов и технологий. Необходимость переосмысления религии в современном мире связана в большей степени с новыми формами общественных отношений, которые стали возможны благодаря развитию и распространению новых технологий. С одной стороны, современное общество уже не мыслится вне современных средств коммуникации, которые безвозвратно изменили облик мирового сообщества. С другой стороны, как указывали многие исследователи (М. Фуко, Э. Фромм, М. Эпштейн), появление этих технологий ставит человека перед новыми вызовами и проблемами, которые, в том числе, вынуждена решать и сама религия. При этом меняется не только религия как система общественных отношений, но и сами формы религиозности, в которых архетипические образы и символы находят новые формы выражения. В-третьих, в результате того, что господствующая идеология препятствует возникновению новых форм, ставит ограничения в виде разнообразных табу и в определенном отношении сужает границы того, что должно считаться «нормальным». [1, 126]

*Статья публикуется при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.2120

© А.А. Полуэктов

Вторая сложность возникает из соотношения «объемов языка и речи». В естественных языках существует непреодолимая пропасть между ограниченностью правил языка, которые являются строго заданными и ограниченными, и речевыми высказываниями, которые опираются на правила, но вместе с тем представляют нескончаемое множество. Можно считать, что в общественных отношениях могут существовать случаи, когда разница в объеме «языка» и «речи» весьма значительна, что мы можем наблюдать, к примеру, в области искусства и культуры. Вместе с тем могут существовать «бедные» системы, в которых подобное различие мало или полностью отсутствует. Религия относится как раз к подобным системам. Тут мы наблюдаем случай, когда объем «языка» и «речи» практически совпадают. Нарушение границ «языка» приводит к появлению «девиантных» форм религиозности, которые маркируются как еретические, недопустимые, асоциальные.

Подобные сложности семиотического анализа религиозности вытекают из самой дихотомии язык/речь, которая должна быть определена языком религии. Соотношение язык/речь, понимаемое как процесс, подразумевающий систему, может быть найдено в дихотомии священное/ритуал, которая была актуализирована в ранних феноменологических исследованиях религиозного опыта. «Не пытаясь поспешно свести все к единству, здесь следовало бы показать и космические символы, обнаруживаемые феноменологией религии (Ван дер Леув, М. Леенхард, М. Элиаде), и символы сновидений, истолкованные психоанализом со всеми их эквивалентами в фольклоре, легендах, поговорках, мифах, и поэтические образы, опирающиеся на ощущения, зрение, слух и т.д. или использующие символику пространства и времени. Несмотря на их различную укорененность – в олицетворенных ценностях космоса, в сексуальной символике, в чувственной образности – все эти символы приходят вместе с языком. Нет символики до говорящего человека, хотя сам символ имеет более глубокие корни; именно в языке космос, желание, воображение получают возможность быть выраженными; непременно нужно слово, чтобы воспроизвести мир и сделать его священным. Так же и сновидение остается недоступным для всех, пока оно не переведено в план речевой деятельности, пока не рассказано» [3, 52]. Феноменология религии и психоанализ, переосмысленные в новом ключе, когда центром рефлексивного анализа становятся не миф и ритуал, с помощью которых человек устремляется к священному, а напротив само священное с его символами и знаками, которые должны быть поняты как символы, общие для человека, должны показать схемы, на которые опирается религиозное сознание в своих повседневных практиках. Действительно, тут мы должны понимать, что подобное понимание «языка религии» может нас привести к искушению поиска единого источника всякой религиозности. Однако именно этого мы и должны опасаться, поскольку понимание человека исключительно как homo religious может привести к абсолютизации понятия «священного» в современной культуре. В конечном итоге это грозит понять ритуал исключительно как попытку реконструкции времени изначального, некоего паттерна, который был воспроизведен когда-то в глубоком прошлом (что мы можем видеть в классической феноменологии религии), что по своей сути является абсолютно неверным.

Вместе с тем именно священное составляет смысловое ядро всякой религии, которое не может быть редуцировано к более общим основаниям или историческим событиям. Надисторичность священного должна быть осмыслена не ретроспективно, а как утопическая перспектива, которая задает вектор движения и развития религиозности в мире. Таким образом, сама смысловая схема, задаваемая «языком религии», должна быть понята не как причина, а как телос самой религии, который принадлежит ей имманентно.

Рассматривая связь между ритуалом и священным с такой точки зрения, мы сталкиваемся с целым рядом вопросов: «можно ли говорить о религии, не высказываясь эксплицитно или имплицитно о существовании Бога? Можно ли вообще в научном дискурсе говорить о существовании Бога? Не является ли Бог Другим, который, хотя и позволяет нам говорить, но не может стать предметом речи? Если решающий религиозный опыт доступен только вере, а не разуму, что тогда можно говорить в рамках научного дискурса о Боге, религии, вере, не упуская при этом особенность религиозного опыта, которая состоит как раз в том, чтобы в вере в Бога испытать границы condition humana?» [2, 123] Таким образом, отношение священного и ритуала образует пограничную область, которая позволяет рассмотреть религиозность как семиотическую проблему, центром которой становятся культурные практики, понятые как текст. Ритуал предстает перед нами тогда в двух аспектах: ритуал создает религиозный опыт, но в то же время ритуалы репрезентируют лежащий в их основе религиозный опыт. При этом мы не должны забывать, что это соотношение между ритуалом и священным меняется в зависимости от исторического, культурного, социального и т.д. контекста.

В современном мире религия утрачивает свой универсальный характер и свою очевидность. В

отличие от прошлого, когда религиозные системы несли на себе функцию не только социализации, но и самоидентификации, в современном мире формируется индивидуальная или субъективная религиозность. Связано это с тем, что если в прошлом (по всей видимости, вплоть до середины XX в.) понимать мир, полагать смысл жизни человека, устанавливать ориентиры в области социального должна была церковь и религиозная догматика, то в современном мире эти задачи начинают принимать на себя другие институции, и не последнюю роль в этом играет массовая культура. Отделение государства от церкви, переосмысление роли искусства, развитие техники – все это создает новый тип взаимоотношений человека и общества. Человек продолжает индивидуализироваться. Это выражается, прежде всего, в реализации его прав и свобод, которые выражаются в признании существования разнообразных стилей жизни. «Как менеджер самого себя, индивид принадлежит одновременно многим мирам, должен соотнести их между собой и проектировать, организовывать и реализовать свою жизнь в искусном обращении с ними. Эта тенденция связана с потерей христианской религией ее публичного характера. Центральный христианский образ мира с его замкнутой космологией и антропологией безвозвратно разрушен. Христианство вступает в конкуренцию с другими религиями, а также с политическими и экономическими мировоззрениями. Религия превращается в возможность выбора индивида» [2, 128]. Это приводит к выхолащиванию ритуальных практик, которые превращаются в социальное действие, направленное на установление социальных отношений. При этом сакральное уходит на второй план либо исчезает вовсе. Это можно проследить как на примере макроритуалов, к которым мы относим праздники, обладающие высоким семиотическим значением в современном обществе: Рождество, Пасха, свадьба, похороны, ритуалы, связанные с рождением, так и на уровне микроритуалов, которые составляют значительную часть жизни современного человека и представляют собой либо различного рода суеверия, либо ритуалы, связанные с профессиональной деятельностью человека, которые он должен повторять постоянно.

Если первые сохраняют, отчасти, свой сакральный статус и могут восприниматься как значимые с точки зрения религиозной составляющей, то последние окончательно потеряли этот статус, превратившись в профанические. Примером может выступить обряд инаугурации президента. Повторяя в общих чертах схему коронации монарха, инаугурация при этом теряет связь с сакральным, превращаясь в формализованную процедуру. Мы можем утверждать, что ритуалы, связанные с повседневными практиками также начинают терять свою очевидность, так же как это происходит с религиозной сферой. Это порождает диверсификацию и дифференциацию ритуальных практик в современном мире.

Отказ от обращения к сакральному при интерпретации и понимании ритуала в современном обществе образует зазор, порождающий новый тип религиозности, который выражается в возможности выбора человеком не только религии, но и самого ритуала, который может варьироваться, видоизменяться, отменяться, оформляться заново в зависимости от потребностей самого индивида. По всей видимости, в сфере религиозного эта свобода во многом ограничена. Однако принципиальная свобода при выборе религии и способах обращения к сакральному все в большой степени получает свое развитие. Тем не менее, отказ от сакрального и секуляризация ритуальных практик не означает, что они перестают играть значимую роль в современном обществе. Этот процесс указывает лишь на то, что мы являемся свидетелями формирования нового типа религиозности, который еще только предстоит исследовать в будущем.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». Сборник статей / Пер. с англ., франц. нем., чешского, польского и болгарского языков. Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 114–163
2. *Вульф К.* К генезису социального. Мимезис. Перфомативность, ритуал. СПб.: Интерсоция, 2009.
3. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008.

A.A. POLUEKTOV

SEMIOTIC ASPECTS OF RELIGIOUSNESS IN THE CONTEMPORARY WORLD

The paper discusses the main problems of semiotic analysis of religiosity. Highlighted the dichotomy sacred / ritual that corresponds semiotic dichotomy language / speech. Examines changing attitudes to the concept of the sacred and the role of ritual in modern society.

Key words: **sacred, myth, ritual, language of religion.**

Ю.А. СИБИРЦЕВА
кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой культурологии и религиоведения Северного федерального университета им. М.В.Ломоносова
E-mail: juasi@mail.ru

Е.Е. ПОСЕГОВСКАЯ (ГЕРЦ)
магистрант Института социально-гуманитарных и политических наук, ассистент кафедры культурологии и религиоведения Северного федерального университета им. М.В.Ломоносова
E-mail: kgerts@list.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК МАРКЕР ЭТНИЧНОСТИ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

В статье рассматриваются проблемы межэтнических и межконфессиональных отношений. Автор рассматривает этничность и религиозность как модели, которые ориентируют индивида в социальном пространстве. Отмечается, что на этнических границах религиозность часто выступает в качестве дополнительного маркера этничности.

Ключевые слова: ***религиозность, поликонфессиональность, этноконфессиональный фактор, межнациональное и межконфессиональное сотрудничество.***

Влияние религии на национальную психологию следует воспринимать в контексте системы той культуры, к которой принадлежит та или иная этническая общность. Для психологии любого этноса характерно представление ее членов об особенности, исключительности своего этноса. Оно основано на сохранении этнической обособленности и внутреннего единства общности. Для русских – это «родная сторонка», не случайно однокоренная с понятиями «пространство» и «страна». Н. Бердяев своей емкой метафорой: «Русская душа ушиблена ширью» [1, 17] обратил внимание на влияние природы, ландшафта, в котором формировалась этничность, на социальные характеристики национального самосознания. На поддержание этой исключительности направлены ряд факторов, в том числе и религиозный, который оказывает влияние на формирование национального самосознания, на характер общения различных наций и народностей.

Будучи неразрывно связанной с идентичностью человека, религия придает цельность и осмысленность нашим представлениям о том, кто мы есть. Однако, наша идентичность, утверждая нас в качестве элементов общественных групп, одновременно фиксирует и то, чем мы не являемся. Соответственно, компоненты этой идентичности могут служить не только позитивным итогам, но также могут стать причиной негативных разделений и конфликтов – между семьями, этническими и национальными группами. Религия неразрывно связана с различными компонентами идентичности (семьей, этнической группой, нацией). И в результате, когда использование этих компонентов приобретает негативный характер, религия слишком часто оказывается частью и средоточием конфликтов, усугубляя вражду [2, 77-88].

Этнический и религиозный факторы взаимодействуют друг с другом в следующих направлениях: этнос формирует религию и традицию, религиозная система конструирует этнос. В последнее десятилетие наблюдались вспышки противостояния, основанного на этнической и конфессиональной принадлежности различных субъектов общества. В силу ряда причин в данных событиях определяющим становился этнический фактор. Однако на сегодняшний день, наряду с этническим, таким же весомым и значимым становится религиозный фактор, что позволяет говорить о существовании не только конфессиональной, но и так называемой этноконфессиональной проблемы [3, 17]. Здесь мы можем говорить о таком явлении, как этноконфессиональный фактор, обозначаемый как целостный социокультурный феномен, определяющий самосознание этнических групп, идентифицирующих себя с определенной религией.

Этнические и конфессиональные общности –

*Статья публикуется при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.2120

© Ю.А. Сибирцева, Е.Е. Посеговская (Герц)

это два разных вида социальных объединений людей, но зачастую они существуют на одном территориальном пространстве и представлены в одной и той же совокупности людей. При этом границы между этими видами общностей пересекаются между собой, порой происходит этнизация конфессии и конфессионализация этноса. В случае моноконфессиональности этноса религия играет заметную роль в этнической консолидации, часто приобретает роль маркера в этнической идентичности. У поликонфессиональных этносов религия может быть определителем групповой идентичности и привести к обособлению отдельных субэтносов или конфессиональных групп. В случае религиозной неоднородности этноса, но резком преобладании в нем последователей одной конфессии религия, конечно, играет интегрирующую роль для большей части этноса, но не столь очевидную, как у малых моноконфессиональных групп.

На этнических границах религиозность часто выступает в качестве дополнительного маркера этничности. Чем конфликтнее этническая граница, чем больше угроза ее размывания, тем активнее используется религиозная граница для подкрепления этнического водораздела между«своими»и«чужими». Отсюда широко известный парадокс усиления религиозности в условиях этнических конфликтов, иммиграции и вообще жизни в качестве национального меньшинства. Нередко религиозные границы подкрепляются авторитетом государства, которое признает ту или иную конфессию как «подлинно национальную», «традиционную» для данного народа. В этом случае религиозная принадлежность может в определенной мере оказывать влияние на гражданскую идентичность. Однако религиозная граница имеет свою логику и автономна по отношению к этничности. Поэтому нередко она, с одной стороны, укрепляет этническую границу, а с другой – игнорирует ее, рассекая единое этническое поле. В одних случаях – это сугубо внутриэтническая религиозная граница, невидимая за пределами богослужения. Однако если данная граница опирается на сильную религиозность, ведущую к проникновению религиозных ценностей, норм и ритуалов в повседневную жизнь, то происходит ее этнизация, проявляется тенденция к формированию субэтнической общности.

Каким образом проявляется этнический фактор в современных условиях? Возможно, как полагает ряд зарубежных ученых, в частности, М. Хайслер в работе «Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West», в «эпоху постнационализма» этничность трансформировалась в иные – социальные, психологические, политические и экономические феномены и приобрела «радикально измененные значения» или, попросту говоря, исчезла, а жизнь частного человека обусловлена прежде всего внеэтническими характеристиками социального бытия (уровнем образования, родом занятий, доходом и т.п.), законами, институтами и конкретной политикой. Однако, в современном мире, несмотря на развитие глобальных интеграционных процессов, осознание большей частью населения единства культурного и информационного пространств и других значимых факторов, тем не менее присутствуют очаги таких явлений, как национализм, расизм, ксенофобия и др., причём в их сферу по-прежнему активно вовлекается религия, выступающая фактором, который используется заинтересованными силами в своих политических целях. Сложность и неоднозначность этого вопроса объясняются тем, что практически невозможно составить универсальную схему взаимосвязи этнического и религиозного, т.к. на практике мы имеем дело с ее видами, существенно различающимися между собой, принадлежащими к разным культурным традициям и ареалам распространения. Определённо можно сказать, что симбиоз религиозного и национального, искусственно создаваемый, возможен, как правило, в политическом ракурсе, когда преследуются конкретные политические цели. Для их скорейшего достижения в политику привлекаются чувства национальной и конфессиональной принадлежности, которые, слившись, и приняв зачастую причудливые формы, насаждаются среди населения, сопровождаемые призывами к необходимости восстановления так называемой исторической справедливости. Синтез религии и национального предполагает то, что они, составляя единую идеологию, теоретически оправдывают друг друга, ссылаются друг на друга, дополняют друг друга. Национализм заимствует у религии её ортодоксальность, консерватизм, опору на сакральную традицию предков, единоверцев прошлых поколений, из которой вытекает необходимость преемственности, сохранения и поддержания этой традиции. Религия, выступая основой национальной самоидентификации, способна придать национализму свою ориентацию на сакральное, трансцендентное, дуалистические отношения «сакральное – профанное», которые в националистическом мышлении приобретают несколько иное звучание – «свои – чужие». Религия также может обосновывать божественную избранность, а следовательно, исключительность данной нации или этноса, причём каждая религия делает это в соответствии со своей мифологией. Так, например, архаичные религии – мифологии африканских народностей говорят о происхождении

данного этноса от определённого обожествлённого первопредка. Естественно, в подобных случаях происходит соответствующая интерпретация исторического прошлого общности, фактов её истории, когда им придаётся провиденциальный характер, т.е. получается так, что история переписывается с тем, чтобы показать и подчеркнуть исключительность и превосходство какого-либо этноса, нации. В качестве примера можно вспомнить этноцентризм, присущий еврейскому народу, особенно в ветхозаветный период.

Сакрализация национального придаёт ему значительно более воинствующий характер, почти исключающий возможность компромисса и бесконфликтного сосуществования разных по этническому составу общностей. Религия, подчиняясь националистической политике, становится её идеологической подпорой, и именно такое сочетание является наиболее опасным, ибо фанатично настроенные люди, принявшие эту идеологию на вооружение, способны отстаивать её до конца, ни с чем не считаясь [4, 137-144].

Крайне проблематичным видится скорое мирное политическое урегулирование именно тех национальных конфликтов, в которых замешан религиозный фактор. Столкновение национальных интересов неизбежно приводит к столкновению религиозных убеждений (арабо-израильский конфликт, балканский кризис). Если межнациональный конфликт имеет место в рамках одного государства, то в случае принадлежности угнетаемого национального меньшинства к той же конфессии, что и титульная нация государства, или, в более сложных случаях, к одной из его конфессий, то порождаемая конфликтность существенно меньше. В противном же случае, т.е. если стороны принадлежат к разным конфессиям, степень интенсивности национальных противоречий может быть значительно выше. Однако следует заметить, что в ряде случаев принадлежность конфликтующих наций (этносов) к одной конфессии способна ещё более дестабилизировать обстановку, в то время как конфликтующие разноконфессиональные этносы стараются избегать апелляции к религии [5, 32-36].

Исключительные возможности для включения религиозного фактора в политический процесс возникают в полиэтничном и поликонфессиональном обществе, каким является российское общество. Тесная связь религии и этноса приводит к тому, что принадлежность противостоящих сторон в этноконфликтной ситуации к различным конфессиональным культурам создает много шансов для ее развития в полномасштабный, затяжной, а нередко и насильственный конфликт [6, 34-37]. Таким образом, стоит отметить, что, во-первых, в этом случае возникают условия, позволяющие использовать религию в целях этнополитической мобилизации для подготовки этнонациональной общности к противоборству с подлинным или мнимым противником. В священных текстах и в исторических фактах отыскивается аргументация, способствующая поддержанию конфликта на высоком уровне. Межнациональный конфликт существенно отягощается, приобретая также черты межконфессионального противоборства, еще более сокращая возможности рационализации поведения противодействующих сторон. Во-вторых, увеличению продолжительности конфликта и усилению его ожесточенности может способствовать солидарность с конфликтующими сторонами единоверцев из других стран, их моральная и материальная поддержка. В-третьих, принадлежность противоборствующих сторон в этнополитическом конфликте к различным конфессиям резко уменьшает пространство для использования возможностей религий и их институтов в целях урегулирования конфликта или хотя бы минимизации насилия в нем. Следовательно, когда речь идет о межнациональных конфликтах, раз они уж возникли, необходимо добиваться того, чтобы они ни в коем случае не приняли религиозную окраску [7, 66].

Большинство исследователей и политиков до сих пор считают конфессиональный фактор в межнациональных отношениях второстепенным и малозначимым. Безусловно, не следует абсолютизировать и излишне преувеличивать его значение, т.к. нужно признать, что в основе национальных конфликтов лежат преимущественно причины социально-экономического порядка. Но неправильно пренебрегать ролью и потенциалом религии, поскольку «конфессия является наиболее устойчивым и долговременным компонентом каждой из великих региональных цивилизаций, в огромной степени влияющим на нормы существующих внутри них отношений между людьми, между индивидом и обществом, а также, что особенно важно, и сакрализующим эти отношения» [8, 100].

Очень часто случается так, что принадлежность к какому-либо этносу автоматически отождествляется для её носителя с его принадлежностью ко вполне конкретной конфессии, даже если он и не является верующим (например, русский – православный). В этих случаях всплеск национализма, или национального подъема, тождествен и одновременен с религиозным возрождением. Конфессиональный фактор, будучи изначально второстепенным, как отмечает А.В. Малашенко, по ходу развития конфликтной ситуации, может в

любой момент обособиться, обрести автономность и превратиться в один из побудительных мотивов конфликта. Разрешение же этноконфессиональных конфликтных ситуаций целесообразнее начинать с решения конфессиональных противоречий, что уже само по себе должно снизить разрушительный потенциал противостояния. Многое зависит и от того, какое значение в регионе или государстве имеет фактор конфессиональной принадлежности. Речь идёт в большей степени о статусе доминирующей конфессии, хотя на самом деле одинаково важен статус всех конфессий, вовлечённых в конфликт. Чем важнее положение в обществе занимают эти конфессии, тем выше вероятность превращения межнационального конфликта в межконфессиональный, когда происходит смещение приоритетов, и религиозный фактор выходит на первый план.

Фактор принадлежности индивида к определённой конфессии имеет существенное влияние на формирование у человека отношения к жизни, ценностных установок и его отношения с обществом, а также, что для нас в данном случае даже важнее, определяет отношение человека к другим нациям и конфессиям. Принадлежность к доминирующей в государстве или даже государственной, конфессии очень часто стихийно соотносится с принадлежностью к титульной нации этого же государства, и если это так, то любые национальные амбиции автоматически становятся и религиозными [9, 24-27]. В подобных случаях любое осложнение национальных отношений неизбежно обостряет межконфессиональные противоречия. Во избежание подобного необходимо проводить грань между национальными и религиозными интересами, не смешивая их, так как, по сути, они являются величинами разного порядка, и это должно быть отражено в законодательстве всех уровней.

Религиозное и этническое, действительно, оказываются органически связаны. Когда после распада СССР наступила эпоха этнической мобилизации, национальные элиты стали искать легитимные формы этнической консолидации. Одной из этих форм стала религиозная традиция. Для одних такой традицией было православие, для других – ислам, иудаизм, буддизм. Поскольку национальные традиции были сильно подточены советским интернационализмом, поиск велся на пути наименьшего сопротивления: это был поиск врага и форм защиты от него. В качестве таких форм защиты от внешнего (большой русский брат) и внутреннего врага в большинстве суверенных республик возникла следующая триада: язык – кадровая политика – религия. В Марий Эл, например, где традиционной религией уже стало православие, в среде национальной интеллигенции возникло движение за возрождение марийского язычества – как форма защиты от русско-православной культурно-этнической ассимиляции. В данном случае религиозность опять же выступает в тесной связи с этничностью, определяется историческим и культурным родством [10, 32-36].

Эти две идентичности – религиозная и этническая на уровне групп, сообществ или отдельной личности могут вступать в противоречие и противостояние. Если брать ислам, то лучше всего это можно продемонстрировать на примере татарстанских политических элит. Большая часть татарских интеллектуалов не желает политически активного ислама в Татарстане и регионе. Он необходим лишь как маркирование национальной культурной традиции. Стремление подчеркнуть уникальность татарского пути порождает модель ислама, подчиненного идее национального возрождения татар [11, 35-45]. Подобная ситуация наблюдается и в христианстве. Очень часто и для многих христианство – лишь форма сохранения родной этнической самобытности (русской, чувашской, грузинской, армянской) [12, 1].

Российская Федерация – многонациональная и многоконфессиональная страна. И поэтому совершенствование межнациональных отношений в ней требует углубленного изучения современного состояния и перспектив развития, учета и анализа всех факторов ,влияющих на эти отношения, в том числе религиозных. В частности нуждаются в изучении роль и место религии в государственно-правовых межнациональных отношениях, взаимосвязь правового и религиозного факторов в современных условиях. Сейчас процесс формирования этнокультурных и межконфессиональных отношений в России идет сложно и противоречиво, подчас приходится сталкиваться с проявлениями ксенофобии, нетерпимости по отношению в другим религиям. Поэтому нужно подумать над созданием не только государственных, но и гражданских механизмов развития межнационального и межконфессионального сотрудничества и взаимодействия.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Эксмо, 2004. С.17.
2. *Касымова Р.Ш.* Этничность, религиозность, социальность: взаимодействие и конфронтация. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2001. №2. С.77 –88.
3. *Здиорук С.И.* Специфика взаимовлияния этнического и религиозного: автореферат дис. … канд.фил.наук: 09.00.06. Киев, 1992.17 с.
4. *Губогло М.* Три линии национальной политики в посткоммунистической России. //Этнографической обозрение. 1995. №5. С. 110–124., №6. С. 137-144.
5. *Ефименко М.Н.* Личность в пространстве этнической и конфессиональной традиции. // Гуманитарные исследования: Альманах. Уссурийск, 2000. Вып. 4. С. 32 – 36.
6. *Ихенова О.С.* Этнокультурные факторы религиозности: динамика и особенности проявления в поликонфессиональном обществе: дис. к.фил.н.:09.00.06. М., 1998. С. 34–37.
7. *Нуруллаев А.А.* О соотношении политики и религии. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. № 2. С. 66.
8. *Малашенко А.В.* Религиозное эхо этнополитических конфликтов. // Свободная Мысль. 1994.№ 10. С.100.
9. *Рагузин В.Н.* Этноконфессиональные отношения в современной России: состояние, проблемы, противоречия (социально-философский анализ): Дис... д-р филос. наук /Российская академия государственной службы. Защищена 21.10.99. С.24-27.
10. *Ефименко М.Н.* Личность в пространстве этнической и конфессиональной традиции. // Гуманитарные исследования: Альманах. Уссурийск, 2000. Вып. 4. С. 32–36.
11. Религиозный фактор в процессе становления гражданского общества в современной России: сб.науч.тр. Под ред.: С.Ю.Наумова. Саратов: Поволжская акад.гос.службы им. П.А. Столыпина, 2004. С.35–45.
12. *Журавский А.* Проблема этничности в религии // http://www.sedmitza.ru/ 2003. 16 мая

YU.A. SIBIRTSEVA, E.E. POSEGOVSKAYA (HERTZ)

RELIGIOSITY AS A MARKER OF ETHNICITY: ETHNIC AND RELIGIOUS PROCESSES IN MODERN RUSSIA

The problems of inter-ethnic and inter-religious relations. The author considers ethnicity and religion as the models that guide the individual in the social space. It is noted that the ethnic boundaries religion often acts as an additional marker of ethnicity.

Key words: ***religion, poly-confessional, ethno-religious factor, inter-ethnic and inter-religious cooperation.***

В.А. ХРЕНОВА
магистрант кафедры истории и теории культуры Владимирского государственного университета
E-mail: vika.fir@mail.ru

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТИКО-АСКЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПАЛОМНИЧЕСТВА*

В статье рассматриваются некоторые отличия паломничества от религиозного туризма, стадии паломнической поездки, церковный этикет, советы и рекомендации по подготовке к паломнической поездке, а также правила поведения паломников и туристов. Проводится анализ аскетических и этических составляющих паломничества и религиозного туризма.

Ключевые слова: **паломничество, религиозный туризм, подготовка, правила поведения.**

С изменением политической и экономической ситуации в стране в 90-е гг. и с относительной стабилизацией жизни в последнее десятилетие у россиян появилось больше возможностей для путешествий как внутри страны, так и за ее пределы. Туризм приобрел формы развитой индустрии. Получили широкое распространение не только рекреационные формы туризма, но и академический, эзотерический и религиозный туризм. В настоящее время также можно услышать такие неологизмы, как «паломнический туризм», «паломнический тур», «паломническая экскурсия». В публикациях представителей церкви по этому поводу можно встретить мнение, что подобные словосочетания появляются от непонимания сути паломничества, от сближения его с туризмом по чисто внешнему сходству.

Паломничество становится важной составляющей религиозной жизни верующего, и порой акцент здесь делается на самом путешествии, духовно меняющем человека. Как отмечает американский ученый, автор книг о путешествиях Ф. Кузино (Phil Cousineau), это означает возможность выйти из автобуса, поезда, подальше ото всех проявлений какой-либо коммерции [7]. Ведь основная задача паломничества – не столько отдых и развлечение, сколько, напротив, уход от всего этого, отказ от повседневной «бездуховной реальности» [8]. Паломничество также подразумевает испытание, действия в условиях особых трудностей, добровольно взятые на себя обязательства быть в этих условиях. Это символизирует готовность человека пожертвовать материальными ценностями, средствами, временем, комфортом, личными интересами во имя вечных духовных [1]. В самоограничении, отказе и жертве проявляется аскетизм паломника, а это, безусловно, отличает паломничество от религиозного туризма.

Цели, с которыми люди отправляются в паломнические поездки, могут быть разными и чаще всего сопутствуют друг другу. Среди них можно выделить следующие: желание исцелиться от душевных и физических недугов; помолиться за родных и близких; последовать примеру или совету духовного авторитета; что-либо попросить, «вымолить»; исполнить свой долг верующего и проявить преданность вере; замолить грехи; выразить благодарность Богу; обрести смысл жизни [1, 136].

Паломничество как разновидность культовой религиозной деятельности регламентирована, хотя и в меньшей степени, чем, например, богослужение. Важной составляющей в процессе совершения паломничества являются правила и предписания, которые даются паломникам. Они передаются через экскурсоводов, сопровождающих экспертов (священник, монах), их можно найти на сайтах паломнических служб и монастырей, кроме того рядовой паломник может усвоить их через общение с более опытными участниками поездки или на интернет-форуме. Так можно видеть, как в процессе совершения религиозного акта тесно переплетены такие функций религии, как коммуникативная и регулятивная.

При подготовке и совершении паломничества участникам советуют узнать, как себя вести на территории, что можно делать, а чего нельзя, как обращаться к духовникам и монахам, что увезти с собой. Все предписания и советы можно разделить по стадиям, на которые делится и сама паломническая поездка: «подготовка», «поездка», посещение святыни» и «возвращение». Сейчас, благодаря развитию средств получения информации, практически любой желающий может беспрепятственно узнать об устройстве храма или монастыря заблаговременно перед поездкой. Можно прочитать

*Статья публикуется при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.2120

© В.А. Хренова

информацию в Интернете, зайти на сайт монастыря или храма. В настоящее время трудно найти монастырь или даже храм, у которого не было бы своего сайта. Кроме того, верующим рекомендуют посоветоваться со священником той церкви, от которой (или с прихожанами которой) человек отправится в паломничество.

Монастыри РПЦ подчинены правящему архиерею. Однако непосредственно управляет монастырем наместник (это может быть архимандрит, игумен, иеромонах). Женским монастырем управляет игуменья. В ведении наместника вопросы богослужения, внешнего порядка и нравственного поведения братии монастыря, выполнения требований устава. Именно к нему направляют для размещения паломников, которые приезжают в монастырь. Важная роль в монастыре отводится духовнику, обязанность которого состоит в «совершении таинства Покаяния и в духовном руководстве братии» [2]. Обычно из более опытных монахов также выбираются еще некоторые ответственные, имеющие отношение к паломникам: казначей, который отвечает за пожертвования приезжающих; эконом, который отвечает за хозяйственную жизнь монастыря и ведает послушаниями паломников; гостиничный отвечает за размещение и проживание гостей монастыря [3]. Паломникам рекомендуют заранее ознакомиться с существующим разделением должностных полномочий, чтобы иметь представление о людях, занимающихся основными делами в монастыре. Также рекомендуется прочитать о том месте, куда собирается человек, о тех святынях, которые там находятся, что они значат, есть ли на территории целебные источник или мощи.

Люди руководствуются разными мотивами в выборе объекта паломничества. Так, существуют монастыри, которые паломники чаще всего посещают в России, к ним относятся Св.-Троицкая Сергиева лавра, Серафимо-Дивеевский монастырь, Оптина пустынь, Валаам, Псково-Печерский монастырь. Кроме того, паломник может руководствоваться сравнительной близостью объекта паломничества к месту своего проживания. Сейчас во многих городах России открыты паломнические службы, организующие паломнические поездки, и начинающим паломникам советуют поехать именно от такой службы, а не самостоятельно. В этом случае можно будет сосредоточиться на поездке и не придется искать дорогу, ночлег. Это возлагается на плечи организаторов паломнической службы. Руководитель группы заботится о пребывании и питании во время поездки, подсказывает, как правильно вести себя в монастыре тем, кто еще не имел опыта подобных путешествий[6].

Подготовка к паломничеству – также немаловажный этап его реализации. Как сообщают авторы «Энциклопедии православного христианина», в прежние времена на Руси к паломничеству готовились заранее: постились и усиленно молились [4]. Конечно, во многом это было обусловлено значительно более сложными условиями путешествия, чем сейчас. Самостоятельное индивидуальное паломничество требует большей подготовки, хотя и дает большую свободу. Человеку следует предварительно узнать подробную дорогу своего путешествия, расписание поездов и автобусов, расположение гостиниц или монастырей, которые могут принять его на ночлег. Надо узнать о правилах приема паломников в том монастыре, куда он собирается, есть ли там возможность переночевать или пожить какое-то время, кормят ли в монастыре паломников, берут ли на работу трудников [6]. Здесь паломничество по своей формально-бытовой составляющей невозможно отличить от туризма. Авторы электронной христианской энциклопедии советуют потенциальным паломникам начинать совершение этого религиозного акта, лишь заручившись одобрением и благословением духовного наставника или священнослужителя. Таким образом, посредством легитимации паломнической поездке придается более высокий статус, и она отделяется от туризма.

Предписания, касающиеся подготовки к паломничеству, имеют и духовную составляющую. Паломническая служба рекомендует своим клиентам взять с собой в поездку иконы Божией Матери «Одигитрия» (Путеводительница), свт. Николая, поскольку они считаются покровителями путешествующих. Кроме того, рекомендуется взять некоторые книги, без которых «не обойтись» паломнику (молитвослов и Псалтирь), а также бутылочки для святой воды и деньги для пожертвований [3].

Во второй стадии паломничества также существуют регламентации. Они касаются коммуникативного поведения, запрещаются шумные разговоры, рекомендуется отвлечься от житейских тем. Всё это может помешать настроиться на «нужный лад», то есть войти в сосредоточенное состояние и осознание целей своей поездки. Напротив, паломникам предписывается дорогой молиться, говорить на духовные темы и помнить о цели своего путешествия [5].

Следующая стадия начинается при приезде на территорию места паломничества. В регламентациях этого этапа не раз подчеркивается, что паломник является гостем в месте, где действуют свои правила жизни и поведения. В этой связи его положение метко выражено словами русской пословицы «в

чужой монастырь со своим уставом не ходят». Долг паломника – четко исполнять эти правила, ведь находится он на территории священного, и то, к чему он привык в своей обыденной мирской жизни, возможно, не принято в том месте, куда он приехал совершить паломнический подвиг. Так, придя в монастырь паломником или трудником, необходимо помнить о том, что в нем на всё спрашивают благословение и неукоснительно его выполняют. Без благословения порой нельзя выходить из монастыря [3]. Запрещается проявление вредных привычек и пристрастий (курение, брань).

Жизнь паломника в монастыре на время приобретает черты аскетической, монашеской. Он призван проявлять такие качества, как смирение, терпение и послушание. Довольствоваться пищей, одеждой и условиями сна, которые предложены в монастыре. Ему запрещается ходить в чужие кельи без разрешения настоятеля [3]. У человека появляются обязанности в трапезной, где соблюдается порядок старшинства. Требованием также является посещение богослужений. Кроме специальных запретов существуют и общепринятые: не включать в храмах мобильные телефоны, не курить и не распивать спиртные напитки на территории храма и монастыря. Одежда – важная составляющая предписаний посещения святых мест. Внешний вид паломника имеет большое значение, так как ассоциируется с его внутренним состоянием [5]. Одежда воспринимается как знак сопричастности определенному (православному) восприятию действительности, и по ней судят об уровне осведомленности человека в православном этикете. Так, нельзя находиться женщинам в брюках и коротких юбках, мужчинам в шортах и в другой непристойной для христиан одежде. При входе в храм мужчинам следует снять головные уборы, а женщинам покрыть голову платком. Женщины должны быть одеты в одежду с длинными рукавами, не приветствуется яркий макияж. В паломничестве, в целом, повышается потребность в освоении правил церковного этикета, поскольку человек чаще сталкивается с возможностью его применения. Так, появляется необходимость знать, как правильно обращаться к монахам и духовенству. При обращении к духовному лицу существует следующий ритуал. Паломнику, подойдя к священнику, предписывается поклониться в пояс и попросить благословения [3]. Так, на сайте паломнической службы посетителям разъясняется, что если паломнику неизвестно имя священника, то обращаться следует «батюшка». Если имя известно, то можно назвать, например, «отец Сергий». Посетителей также учат различать иерархическое положение обитателей монастыря: «Игуменья, в отличие от монахинь, носит золотой наперсный крест и имеет право благословлять. Обращаются к ней «мать игуменья», а в обращение к монахиням говорят: «мать Серафима», к послушницам «сестра» [3].

И последняя стадия – отъезд и дорога назад. С древних времен существовала традиция привозить из паломничества в Палестине пальмовую ветвь. Традиция эта сохранилась и до наших дней. Из поездки везут иконки того святого, к которому ездил паломник. Если при монастыре имеются святые источники, привозят воду из этих источников. После молебна из лампады над ракой святого, которому служили, как правило, раздается масло (которое считается целебным). Если в монастыре есть пещеры, паломникам разрешают захватить щепотку песка или камни из пещер. Почти во всех храмах есть церковные лавки, где паломник может приобрести что-то в подарок своим близким – кадильницу, лампадку, календарь, чашку с изображением монастыря или даже такие обычные для туриста сувениры, как магниты на холодильник [6]. Все предметы, которые продаются в такой лавке, считаются освященными.

Таким образом, знание и соблюдение паломником определенных морально-этических принципов имеют огромное значение. Подготовившись должным образом, принимая во внимание материальную сторону, связанную с такими вопросами, как административное устройство храма (монастыря), обращение к священникам (монахам), поведение в дороге и на территории монастыря и многие другие, паломник обязан сосредоточиться на духовной составляющей своей поездки. Все предписания также выполняют образовательную функцию и благодаря тому, что в паломничестве религиозная жизнь человека становится более интенсивной, эффективность этого «образования» может быть выше. Кроме того, паломнические предписания отражают характерное восприятие сакрального пространства как пограничного между Земным и Небесным, о котором говорил М. Элиаде. В этом пространстве верующий человек призывается соблюдать осторожность и внимательность, поскольку оно соединяет его с высшей реальностью.

Библиографический список

1. *Бабкин А.В.* Специальные виды туризма. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
2. Должностные лица монастыря// Рождество-Богородичный Санаксарский мужской монастырь. URL: http://www.sanaxar.com/index.php?option=com_content&view=article&id=14&Itemid=29 (дата обращения 30.11.2012) http://www.sanaxar.com/index.php?option= com_content&view=article&id=14&Itemid=29
3. Паломникам// Паломническая служба «Паломник». URL: http://www.palomniktour.ru/palomnikam.htm (дата обращения 1.12.2012)
4. Паломничество // Энциклопедия православного христианина [Электронный ресурс]. М., 2005
5. Советы паломникам Серафимо-Дивеевского монастыря. URL: http://www.diveevo.ru/60/ (дата обращения 3.12.2012)
6. Советы паломникам// Энциклопедия православного христианина [Электронный ресурс]. М., 2005
7. Cousineau Phil. The art of pilgrimage: The seeker's Guide to making travel sacred. Boston, 1998. P. XI
8. *O'Reilly Sean, O'Reilly James*. Pilgrimage: adventures of the spirit. California, 2000. P. XV (introduction)

V.A. KHRENOVA

THEOLOGICAL ANALYSIS OF ETHICAL AND ASCETIC ASPECTS OF PILGRIMAGE

The article discusses some differences of the pilgrimage and religious tourism, pilgrimage stages, church etiquette, tips and advices on preparation for pilgrimage, as well as the rules of behavior of pilgrims and tourists. The analysis of the ascetic and ethical components of pilgrimage and religious tourism.

Key words: ***pilgrimage, religious tourism, preparation, code of behavior.***

Т.Г. ЧЕЛОВЕНКО
зав. кафедрой религиоведения и теологии Орловского государственного университета, эксперт в области теологии
E-mail: chelovenko@inbox.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

В статье рассматриваются теоретико-методологические возможности феноменологического религиоведения относительно конвертации и означивания религиозного опыта и рефлексивно-метафизического потенциала религиозных традиций, в том числе восточно-христианской метафизики и русской религиозной философии. Особое внимание уделяется их онто-гносеологическим программам, востребованным в условиях складывания новой эпистемологии многополярного мира.

Ключевые слова: ***феноменологическое религиоведение, постсекулярность, мультикультурализм, эпистемология, метафизические традиции, интегративные стратегии исследования религии.***

Феноменологическое религиоведение было вызвано к жизни не только проблемой институализации «науки о религии», но и преодолением так называемой «методологической наивности» (Флоренский) – наивного рационализма и объективизма – в исследованиях религии и религиозности, т.е., по сути, теми же задачами, которые с переменным успехом решала философия на протяжении XIX-XX вв. В силу специфики предмета исследования, в «науке о религии» до сих пор не утихают споры о статусе «строгой научности», о возможности и необходимости стерильной замкнутости в тематическом поле традиционно допустимых философско-религиозных и собственно религиоведческих проблем.

Феноменологический метод оказался востребованным в религиоведении потому, что религиозный опыт невозможно отрефлексировать, не преодолев противоречий между мышлением и созерцанием, между Логосом и Эйдосом и, в конечном итоге, между дискурсом и интуицией. Поэтому проблема сознания, заявленная в феноменологии как проблема *оснований* знаний, оказалась столь необходима для научного изучения религии. Доказав, что первофеномен религиозного (священное) *одновременно переживается и мыслится*, религиоведение продолжало искать «инструментарий» его рефлексии и институализации в рамках научной парадигмы.

Актуализация феноменологического религиоведения в условиях постсекулярности вызвана особым вниманием современной науки к эпистемологическим аспектам религиозных традиций, поскольку последние являются источниками и носителями уникальных характеристик человека и общества, востребованными в глобализирующемся мире. Духовные традиции своим культурным и рефлексивно-метафизическим потенциалом, несомненно, должны повлиять на формирование так называемых «программ современности», обеспечивающим цивилизациям и народам полноценное вхождение в многополярный мир. А *феноменологическое религиоведение, обладая уникальной методологией, должно не только осмыслить влияния религиозно-метафизических традиций на понимание рациональности, антропологии субъекта и связанный с ними понятийный аппарат, но также помочь сформулировать концепты, благодаря которым мы сможем преодолеть радикальную трансцендентность Бога и радикальную рационализацию, спровоцировавшие кризисы техногенного общества, в том числе в области научного знания.*

***

Неолиберальный мультикультурализм как наиболее устоявшаяся модель осмысления культурного многообразия предполагает скрытую ассимиляцию «иного» по принципу «Запад и всё остальное», организуя мышление вокруг бинарных оппозиций, в которых имплицитно всё европейское представлено как высшее. Соответственно, культурное многообразие для того, чтобы быть действительно принятым в мейнстрим, должно приспособиться к среднестатистическому обывателю, поэтому самый критикуемый на сегодняшний день аспект глобализации — нивелировка различных проявлений культурной специфики.

Вся логика развития «современности» говорит о том, что унифицирующий аспект культурной глобализации связан с доминированием англосаксонской культуры и её эпистемологической и языковой традиций. Это отразилось и на России, проигравшей

© Т.Г. Человенко

своим конкурентам в Новое время не только из-за экономического отставания, но и из-за слабой или подражательной эпистемологической базы [1], развивать которую сегодня необходимо, опираясь на ещё мало востребованную в этом смысле восточно-христианскую метафизику, сыгравшую определяющую роль в становлении менталитета русского человека да и всей российской цивилизации.

Коллизия заключается в том, что в философском смысле глобализация связана с возникновением особого варианта антропоцентризма, с триумфом метафизической традиции, при которой в логической истине видят основу рациональной теории мира, состоящего из познаваемых вещей. Глобализация в этом случае тесно сопрягается с логикой прогрессивного развития и преодоления, а религиозный феномен в его корреляции с религиозным опытом (который и есть квинтэссенция духовной традиции) либо вообще уходит из «официального» философского дискурса, либо выражается через трансцендентальные ценности беспредпосылочного характера, служащие его унификации и универсализации.

Очевидным также является то, что глобализационная модель, предложенная технократической цивилизацией, теснейшим образом связана с религиозной эволюцией западного человека: начиная от подчинения истины разуму в схоластический период, отказа от различения божественной Сущности и Энергий, и, соответственно, резкого разграничения трансцендентного и имманентного до трансформации личной связи человека с миром, превратившуюся в попытку господства человека над природой и историей.

Особо хочется подчеркнуть, что речь идёт не об абстрактных вопросах, не имеющих отношения к жизни. Речь идёт о метафизических основаниях кризисного положения всей сегодняшней цивилизации, которая строится на «предметности» и прагматичности истины, насильственно подчиняя ей человека. Поскольку метафизические традиции, в том числе религиозные, выходят далеко за рамки умозрения, создавая и постоянно проявляясь в своих влияниях на жизненную практику, будущее нашей цивилизации во многом зависит от особенностей нашего познания. Сегодня нам необходимо осознать разность эпистемологических подходов, которые предлагают Запад и Восток относительно понимания истины, способов её удостоверения и опредмечивания, проблемы сущности и существования, сущего и Бытия и т.д.

В постнеклассических методологиях с их обострённым вниманием к субъекту познания изучение религии и религиозности во многом обусловлено кардинальными общественными переменами, уникальными событиями, глубокое и всестороннее осмысление которых требует анализа т.н. пограничных проблем и ситуаций, а значит сложившихся онто-гносеологических традиций. Поэтому феноменологический подход востребован в случае, если исследовательский интерес обращён к уникальному не менее, чем к типичному и универсальному, где необходимо умение исследователя «соотносить религиозный феномен с его объектом, как он обозначен и как дан в культуре и в вере, в ритуале и мифе» [2, 394].

В то же время в современной эпистемологии одной из главных тем является признание универсального характера познавательной деятельности, охватывающей всю сферу суждения: предикативную и допредикативную, различные акты веры, желания и устремления, практические цели и ценностные ориентации. Сложности присутствуют в имманентной трансгрессивности феномена (Фуко, Бланшо, Батай, Делёз, Гватари), которая позволяет фиксировать его на границе между возможным и невозможным, ставя проблему поиска адекватных стратегий его познания, поскольку именно здесь осуществляется «преодоление непреодолимого предела» (Бланшо), где человек завершает себя в потустороннем, обращаясь к Абсолюту (Богу, Бытию, Благу, Вечности).

Понимая религию как явление, связанное с отысканием и полаганием «предельных» условий *возможности обретения субъектом объективного опыта трансцендентального характера,* мы обращаемся к «экзистенциальному измерению» религиозного феномена, феноменологическими средствами подвергая религиозный опыт конвертации и означиванию. *Дискурс религиозной метафизики становится актуальным при интерпретации парадокса человеческой субъективности в рамках религиозной экзистенции, если речь идет о различении природы человека и его «ипостасности» (личностности), а также в использовании онтогносеологической проблематики в решении эпистемологических вызовов современности*, о которых мы уже упоминали.

Для феноменологического религиоведения этот посыл важен, поскольку *феноменологические дискурсы способны исследовать религиозный феномен во всей полноте его эпистемологических означиваний и реальных социокультурных связей и отношений.* Они позволяют по-новому взглянуть на всё историческое многообразие человеческого опыта, объединить различные исследовательские подходы с восприятием человека как экзистенциального феномена, посмотреть на религию как явление,

«живущее» на пересечении мышления, сознания и бытия. Тем самым мы снимаем остроту противостояния научной и религиозной онтологий, используя открывшиеся возможности для объединения их разноуровневого познавательного потенциала на принципах постнеклассической научности и дополнительности с использованием актуального синтеза когнитивных практик [3].

Многообразный мир сегодня рассматривается не только как источник культуры, но и как источник знания, как генератор других эпистем, чаще всего отвергаемых западным миром. Например, с точки зрения функционирования сознания (1) восточные эпистемы представляют несомненный интерес, поскольку они рассматривают веру в качестве *идеацированного переживания*, отражённого в догмате и ритуале (Нижников С.А.). Центральный религиозный символ в них является стержнем, на котором закрепляется соответствующий религиозный опыт, его феноменология. Опираясь на данный символ и трансцендируя к нему, сознание оказывается способным к духовной деятельности самоочищения. Но чтобы сознание не закрепощалось границами самого символа, Восток в виде некоторых духовных течений (например, дзэн-буддизм, даосская медитация) смог во многом освободиться от символотворческой работы сознания, пробиться к его изначальным «чистым» структурам, не замутнённым интерпретацией, т.е. осуществить на практике то, к чему стремился в теории основатель западноевропейской феноменологии Э. Гуссерль. Эта тема феноменологии религиозного опыта, исследование которой должно помочь понять культурообразующую и смыслопорождающую функцию религий.

Феноменологическое религиоведение как философская рефлексия по поводу религии стремится своими философскими средствами выявить основополагающие, сущностные черты религии (философская феноменология религии). В исследованиях религиозного сознания, в анализе языка религии, особенно в выяснении онтологических условий возможности религиозного опыта, его гносеологической ценности, степени его объективности и достоверности, согласованности с другими формами человеческого опыта, было бы полезно проследить формирование рефлексивного дискурса, как он складывался в той или иной метафизической традиции. Известно, что поискам допредикативных структур сознания посвящали свои работы в западноевропейской философии Шелер, Дильтей, Наторп, Кассирер, но только Хайдеггер вывел решение проблемы в область бытия, рассматривая его как последнюю, доступную для исследования реальность.

Понятно, что в процессе поиска «утраченного субъекта», а тем более исследовательского обращения к личности, мы теряем некоторую ясность и чёткость определений, усиливая фактор релятивности получаемого знания, усложняя попытки трансцендентального анализа субъективности [4], что, впрочем, решаемо в условиях постнеклассической философии познания. Но в то же время мы приобретаем для рефлексии такие глубинные уровни бытия, проникновение в которые невозможно без метафизического дискурса, поскольку, удаляясь от трансцендентального как универсального в познании человеческой субъективности, мы вынуждены обращаться к универсальному как метафизическому, стремясь сохранить онтологическую и гносеологическую опору (2).

Здесь формулируется та познавательная граница, которая сегодня проблематизируется на основе определённых конвенциональных допущений. Большое значение приобретает идея контекстуальности, но не в смысле контекстуального обоснования и привлечения известной контекстуальной аргументации, а в смысле понимания конкретной религиозной традиции как контекста для религиоведческих исследований, тем более, если она имеет свою собственную хорошо разработанную метафизику.

Например, восточно-христианская метафизика, в сравнении с западной схоластикой, предлагает онто-гносеологическую модель, основанную на личностном способе отношения к миру, на особом внимании к личностному способу бытия. Это тематическое пространство для экзистенциально-феноменологических дискурсов, которые успешно разрабатываются философской феноменологией религии (3).

Наше исследовательское внимание к онтологии христианского Востока, где <u>истина есть отношение,</u> это возможности для целостного осмысления человеческой природы. Мы преодолеваем интеллектуально-онтическое господство содержания эпистемологий западной цивилизации, творчески переосмысливая восточные эпистемы.

Эта же традиция философствования продолжается в русской религиозной философии, отдавшей приоритеты экзистенциально-онтологическим дискурсам (4). Предвосхитив ту интерпретацию кантовских идей, которая в западной философии проявилась в традиции, идущей от Гегеля до Гуссерля и Хайдеггера, русская философия настаивала на мысли о содержательном обнаружении в явлении того, что есть сущность. Русская религиозная философия относилась к интеллектуальному схватыванию не как подлинному и достаточному.

Никакое интеллектуальное определение (знаковое или словесное), считала она, не в состоянии исчерпать знание, обретаемое нами из непосредственного отношения, поэтому важными для неё были экзистенциально-онтологические приоритеты. Не соглашаясь с отвлечённо-рассудочным пониманием религии и её познания, русские мыслители ставили вопрос о предельном обосновании религиозных знаний и знаний о религии, для чего уделяли основное внимание *личному восприятию* воздействия Бога на человеческую жизнь, т.е. *религиозному опыту*, который рассматривали как факт не менее достоверный, чем воздействие внешнего, физического мира.

Русская философия предлагала преодолеть кризис европейских наук, понимая истину как согласие идеальной и феноменальной (тварной) сторон предмета, где совпадало то, чем должен быть предмет, с тем, чем он есть или бывает [5, 23], а религиозный феномен рассматривается как то, что даёт возможность познания «сущего в себе», когда познавая явление в его внешних характеристиках, мы имеем некоторое приближение к постижению, «схватыванию» сущего [6, 212].

Не останавливаясь подробнее на проблеме, заметим, что эпистемологический потенциал восточно-христианской метафизики сегодня востребован не только в силу геополитической и социокультурной проблематики, требующей инновационных подходов и решений, но и в силу особенностей постнеклассической науки и философии, где проблематизация восточно-христианской метафизики в тех или иных дискурсах может стать масштабной самостоятельной научно-исследовательской перспективой.

Итак, феноменологическое религиоведение может предложить самые разные модели освоения социокультурных и духовно-религиозных контекстов с использованием интегративных стратегий философской феноменологии религии (Рикёр) и неофеноменологии религии (Ваарденбург, Смарт, Пай).

Благодаря тому, что феноменологическое религиоведение рассматривает субъективность как особую форму бытия, мы имеем возможность исследования различных модусов религиозного сознания, в том числе его личностное и экзистенциальное измерения, обеспечивая при этом глубину мысли корректным сопряжением метафизики и феноменологии (например, русская религиозная философия, реалистическая феноменология, персоналистическая онтология).

В то же время феноменологическое религиоведение имеет ещё не изученные возможности для сотрудничества с гуманитарной эпистемологией, используя традиционное внимание последней к субъекту как целостному человеку познающему, реконструкция которого и, соответственно, приёмы его познания сопрягаются с культурой и социумом и, что не менее важно для изучения религиозного феномена, с типическими индивидуально-личностными характеристиками. Это значит, что перспективы религиоведческо-феноменологических исследований присутствуют в творческом включении когнитивного потенциала экзистенциально-антропологической традиции в построение новой эпистемологии интегративных стратегий исследования религии как объекта повышенной сложности.

Примечания

Неразрешимость вопроса о происхождении сознания обращает нас к исследованию традиций и предпосылок, породивших данный вопрос, т.е. к так называемым «археологическим раскопкам» происхождения отдельных значений, связанных с понятием сознания. См. подробнее: Философия сознания: классика и современность: Материалы II Грязновских чтений. Москва. 2007.

Киссель М.А. Метафизика в век науки: опыт Р. Дж. Коллингвуда. С.-Петербург. 2002; Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. Москва: РОССПЭН. 2005.

См. подробнее: Человенко Т.Г. Религиозный феномен в контексте экзистенциально-феноменологического дискурса // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2008. №1. С. 17-24; Человенко Т.Г. Интегративные стратегии исследования в философской феноменологии религии // Известия ВГПУ. Серия: «Социально-экономические науки и искусство». 2009. №8(42). С. 46-50; Человенко Т.Г. Восточно-христианская метафизика в контексте современных философско-феноменологических дискурсов // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. С. 82-87 и др.

О спонтанных параллелях в творчестве российских и западных мыслителей в поиске новых философских парадигм см.: Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. Москва. 2006.

Библиографический список

1. *Тлостанова М.В.* Критика западного образа глобализации в деколониальном проекте // Вестник РУДН. Серия: Философия. №1. 2007.
2. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. Москва. 2002. С. 394.
3. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. Москва. 2002.
4. *Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности. С.-Петербург. 2007.
5. *Кудрявцев-Платонов В.Ф.* Сочинения. Сергиев-Посад. 1893. Т.1. С. 23.
6. *Соловьёв В.* С. Соч.: В 2 т. М.. 1988. Т.2. С. 212.

T.G. CHELOVENKO

PHENOMENOLOGICAL RELIGIOUS STUDIES IN CONDITIONS OF POSTSECULARISM: CULTURAL AND EPISTEMOLOGICAL CHALLENGES

The article discusses theoretical and methodological opportunities of phenomenological religious studies regarding conversion and interpretation of religious experience and reflexive metaphysical potential of religious traditions, particularly Eastern Christian metaphysics and Russian religious philosophy. The author highlights the role of their onto-gnoseological programs in developing new epistemology of multipolar world.

Key words: ***phenomenological religious studies, post secularism, multiculturalism, epistemology, metaphysical traditions, integrative strategies of religious studies.***

ФИЛОЛОГИЯ

И.В. АЛЕХИНА
кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: Ir-alekhina@rambler.ru
Тел. (4862) 36 12 43, 8 903 882 87 41

ЧЕЛОВЕК И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «БЕЗОТЦОВЩИНА»

Рассматривается проблематика, особенности изображения героя, тип конфликта в первой пьесе А.П. Чехова. Учитывается соотнесенность чеховской драмы с литературным контекстом эпохи, выявляется литературная преемственность и своеобразие пьесы. Раскрывается авторская позиция в изображении героя, особенности использования тем, ситуаций классической литературы.

Ключевые слова: ***герой времени, литературные связи, «скрытая» цитата, Чехов и Достоевский, тип конфликта, автор и герой.***

«Безотцовщина», написанная Чеховым-гимназистом, вероятнее всего, в 1877-78 годах, – одно из первых законченных произведений А.П. Чехова и самая большая из его пьес. «Безотцовщина» заставляет признать, что как писатель Чехов начинается не с юмористических «мелочишек» Антоши Чехонте, а с серьезной, проблемной драмы [Громов, Катаев, Сухих], заслуживающей, как считал ее автор, постановки в Малом театре в бенефис М.А. Ермоловой. Готовя пьесу для подачи в Малый театр, Чехов в 1879-1881гг. неоднократно ее правил, но «Безотцовщина» была признана несценичной и отклонена.

В настоящее время «Безотцовщина» – репертуарная чеховская пьеса, в театральных версиях ее название, не сохранившееся в автографе из-за утраты титульного листа, звучит как «Платонов», «Пьеса без названия». Устойчивый интерес к «Безотцовщине» наблюдается в литературоведении. Пьеса анализировалась как «записная книжка» Чехова – источник тем, образов, ситуаций последующего творчества, изучается ее проблематика, связи с литературным, общественным движением 1870-80-х годов, уточняется вопрос ее датировки и заглавия*. Но, как указывал И.Н. Сухих, «мы до сих пор довольно плохо представляем себе, что за драму написал юный Чехов, каков ее художественный потенциал» [12, 10]. «Первая пьеса не была литературным пустяком, о котором помнят лишь потому, что автор ее впоследствии стал Чеховым. Мир ее – это мир сложных характеров, глубоких конфликтов и душевных страданий, воссозданных с таким чувством поэзии и правды, с такой наивной и неумелой талантливостью, что материала хватило на много лет», – оценивает драму М.П. Громов [1, 63]. В то же время сохраняется отношение к «Безотцовщине» как драме «юношески незрелой», неудачной попытке начинающего драматурга [9, 21; 3, 729-730], восходящее к мнению Александра Павловича Чехова, который, назвав некоторые ее сцены гениальными, сказал, что «в целом она непростительная, хотя и невинная, ложь»: «Невинная потому, что истекает из незамутненной глубины внутреннего миросозерцания. Что твоя драма ложь – ты это сам чувствовал, хотя и слабо и безотчетно; а между прочим ты на нее затратил столько сил, энергии, любви и муки, что другой больше не напишешь»[10, 48].

Первая пьеса позволяет увидеть становление общественных, религиозно-философских взглядов юного Чехова, она свидетельство духовной жизни начинающего писателя. Чехов говорит в ней об «отцах и детях», герое «современного романа», «горе от ума» поколения, к которому сам принадлежал, о русской «хандре», русском гамлетизме, и при этом эпической, повествовательной дистанции между автором и изображаемым в юношеской драме еще нет. Ощущение «безотцовщины», бесприютности, утраты ориентиров, испытываемое главным героем, столь же мучительно тревожит автора, молодой драматург ищет пути преодоления кризисного состояния жизни и усмирения зла, пытается дать ответы на поставленные вопросы. Время действия в «Безотцовщине» максимально приближено к настоящему времени автора и зрителя, исторические реалии соответствуют 1877-1878 годам – моменту написания пьесы: персонажи говорят о смерти Н.А. Некрасова, цитируют «Анну Каренину» и «Подростка», читают только что опубликованные «Идеалы нашего времени» Л. Захер-Мазоха.

Первой своей пьесой А.П. Чехов подхватывает традицию изображения героя времени, но юношеская драма стала не только ученическим, но и вполне самостоятельным произведением, не только продолжением традиции «современного романа», но и отталкиванием от нее. Романный по

© И.В. Алехина

охвату явлений жизни и задачам замысел Чехов воплотил в драматической форме, непосредственно воссоздающей изменяющуюся, текущую действительность. Драматическая форма подчеркнула напряженность внутренних исканий и общественных отношений, соединила размышления персонажей о судьбе поколения, смысле жизни с откликом зрителей. А.П. Чехову важно было установить единство переживаний героя и зрителя, сделать круг проблем общим. Одиноков В.Г. драматическую поэтику предлагает считать знаком эпохи: «Внутренняя потребность писателя обратиться к драматическому роду поэзии и была обусловлена эпохой переходного характера…», «драматургическая поэтика у Чехова – инструмент воплощения разъединенного с миром и людьми индивидуального сознания» [8, 16, 15]. «Безотцовщина» – пьеса о разобщении, утрате высших целей жизни, распавшейся связи поколений, и можно предположить, что Чехов столкнулся с серьезной проблемой выбора формы для выражения «современной неопределенности» [13] и бесформенности. О беспомощности писателя, берущегося за современный роман, рассуждает в «Безотцовщине» представитель старшего поколения, идеалист эпохи «кружков и арзамасов» Глагольев 1: «…русский беллетрист чувствует эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остановиться, не понимает…Трудно понять ведь этих господ! (указывает на Войницева.) Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны… и немудрено! Все крайне неопределенно, непонятно… Все смешалось до крайности, перепуталось…» (С XI, 16).

В «Безотцовщине» намечена структура будущей чеховской драмы. За основу взят самый обычный жизненный материал – повседневная жизнь хозяев и гостей усадьбы, расположенной в одной из южных губерний, но обыденный план соединяется с вечными вопросами, универсальными категориями, настоящее показывается в перспективе прошедшего и будущего. Драматическое в первой пьесе слито с комическим и лирическим, в ней используются эпические приемы в характеристике персонажей и построении сюжета, название «Безотцовщина» – наиболее вероятное, упомянутое в переписке Антона и Александра Чеховых (С XI, 396) – звучит как обобщение, в тексте присутствует множество сигналов, цитат, реминисценций, отсылающих к литературному, культурному, философско-религиозному контексту.

Литературный фон «Безотцовщины» очень насыщенный**. Литературность пьесы объясняется не только тем, что Чехову «действительность изначально представлялась <…> «олитературенной», освоенной писателями-предшественниками», и что новые пути Чехов связывал «не с открытием новых героев, а с переосмыслением и своеобразным «продолжением» чужого материала, чужих героев и ситуаций» [6, 146]. В первом своем серьезном произведении Чехов не стилизатор, не пародист, он опирается на предшественников, берет уже имеющиеся темы и ситуации, но проверяет их обстоятельствами новой исторической реальности, соотносит со своим временем, рассчитывая на литературно подготовленного читателя и зрителя. Цитаты, реминисценции, уподобления существуют в «Безотцовщине» и как факт сознания персонажей, и как составляющая авторского кругозора, необходимый автору конструктивный материал, и как способ пробуждения читательских, зрительских ассоциаций.

Литературный текст в «Безотцовщине» – прежде всего, читательский опыт персонажей, часть их сознания. Персонажи «Безотцовщины» видят себя и мир сквозь призму литературы. По замечанию И.Н. Сухих, они «живут не только в мире русской провинции, но и в мире литературы: цитируют, сравнивают, припоминают, намекают», «перед нами действительность, насквозь пронизанная литературой, где смешались роли, где почти неразличимы стали границы между игрой и жизнью, где подлинному чувству очень трудно пробиться сквозь привычные «театральные» амплуа» [12,18, 22]. Все играют роли, «театральничают», уподобляют себя и других героям пьес и романов – Чацкому, Печорину, Обломову, Базарову, Гамлету, Дон-Жуану, героям Достоевского, «тургеневской девушке», «лишним людям». Действующие лица используют сравнения с мифологическими персонажами (Диана, Одиссей, Эдип), с историческими личностями (Сократ, Колумб, Байрон) и в своей жизни проигрывают романные ситуации «испытания любовью», «спасения», «воскрешения», «бунта». Литература влияет на процесс жизнетворчества, руководит поведением чеховских героев. И уже в «Безотцовщине» Чехов показывает ошибочность отождествления с литературными образами. Так, старший Трилецкий говорит о себе: «Базаристей меня и человека не было» (С XI, 59). «Вы, господин Чацкий, не правды ищете, а увеселяетесь, забавляетесь…» – обвиняет Платонова Венгерович-младший (С XI, 50). «Неужели ты так ужасен, Дон Жуан?» (С XI, 104), – обращается к Платонову Анна Петровна. Такие оценки не соответствуют реальным, действительным свойствам личности. Чеховские персонажи «не совпадают» с готовыми литературными типажами, оказываются то сложнее и человечнее, то мельче, но в любом случае – другими. Литературные же образцы поведения, которыми руководствуются герои

пьесы, обнаруживают схематичность, нежизненность. Проблема ложных оценок, подражательного поведения, навеянных литературным, культурным текстом, – одна из частных проблем чеховской пьесы, подчиненная общей проблеме «непонимания», непонимания героями себя, друг друга, действительной жизни. В «Безотцовщине» намечаются способы корректировки точки зрения героя показом реальной, объективной картины мира, самосознание, слово героя дополняются, уточняются. Для Чехова же, автора «Безотцовщины», очевидна непродуктивность мышления литературными типами и сценическими амплуа. Чехов пытается преодолеть литературные, театральные шаблоны использования типических героев, готовых амплуа, рисуя индивидуальные особенности своих персонажей, не укладывающиеся в рамки, заданные типом. Купец Бугров, «бакалейный человек», показан за чтением газеты, «идейный» студент Венгерович носит тяжелую золотую цепь, «Дон Жуан» Платонов избегает влюбленных в него женщин, душегуб Осип влюблен в генеральшу, уездный врач Трилецкий постоянно хочет есть, эмансипированная девушка Грекова, изучающая химию, является помещицей. Герои принадлежат действительной жизни, драматические характеры лишены жесткой профессиональной, социально-психологической типичности. Позже А.П. Чехов, сотрудник «малой прессы», скажет: «Фигура писаря в пиджачке и с клочками сена в волосах шаблонна и к тому же сочинена юморист[ическими] журналами. Писаря умнее и несчастнее, чем принято думать о них» (П II, 200).

В авторском кругозоре литературный фон служит системой координат, помогает уяснению животрепещущих явлений современности. Заглавие восходит к классической теме «отцов и детей», к названию тургеневского романа, предлагая свой ракурс этой темы. В «Безотцовщине» несостоятельными оказываются и «отцы» и «дети», в пьесе не проявляется поступательный ход истории, обычно выражаемый в конфликте поколений, их смене, запечатлено кризисное состояние общества. Традиционными являются усадебный топос, тема «дворянского гнезда», «усадебный сюжет» – мотивы классического романа Пушкина, Тургенева, Гончарова, но разрабатываются они в новых исторических реалиях при участии новых героев, выразителей «современной неопределенности». В пьесе используется «шекспировский» тип конфликта, шекспировский принцип показа героя, отмеченный Сухих И.Н.: «…перед нами развертывается трагедия ищущей *мысли*, трагедия *бездействия*» [12: 29]. Характер переходной эпохи, «современное состояние общества» Чехов передает словами, отсылающими к «Анне Карениной»: «Всё крайне неопределенно, непонятно… Всё смешалось до крайности, перепуталось…» (С XI, 16). «По Достоевскому» определяется понятие «безотцовщина», уже заглавие указывает на проблему молодого поколения, оставленного «на случайность» [2], «на собственные силы» (13, 393), не получившего от отцов руководящей идеи.

О «скрытых цитатах» из Достоевского, о том, что своеобразным литературным завещанием для Чехова стали романы «Подросток», «Бесы», доказательно пишут М.П. Громов, И.Н. Сухих, С.Ю. Николаева. В «Безотцовщине», рисуя переходное время, несостоятельность отцов, нежизнеспособность детей, Чехов выступает как тот «будущий художник», к которому обращался Достоевский на последних страницах «Подростка»: «Будущий художник отыщет прекрасные формы даже для изображения минувшего беспорядка и хаоса» (8, 692). Поиск Чеховым форм для воплощения современности своеобразно подтверждает наблюдение, высказанное в последней главе «Подростка»: «Невозможен дальнейший русский роман» (8, 691). Известно, что В.И. Немировичу-Данченко А.П. Чехов говорил, что не читал «Преступления и наказания», приберегая его к своему сорокалетию [14, 285], но автор «Безотцовщины», об этом свидетельствуют «скрытые» цитаты, хорошо знал романное творчество Ф.М. Достоевского, возможно, «Дневник писателя». Молодой Чехов, возможно, как предполагает М.П. Громов, сам подобный Подростку, написал пьесу, освещенную идеями Достоевского: «Полемика с Достоевским начнется позднее, в эти же годы Чехов следовал за ним – особенно в понимании и трактовке характера главного героя, не смущаясь откровенностью буквальных повторов» [1, 248]. Чеховский Платонов – вариант героя из «случайного семейства». Платонова, испытывающего личную вину, произносящего «Платонов болит» (С XI, 177), помогают понять, как считает Громов М.П. [1, 68, 70-73], слова Достоевского: «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, – тип всемирного боления за всех. Это – тип русский <...> Он хранит в себе будущее России» (8, 595). Сухих И.Н. указывает: «Поданная в пародийном ключе и оттеняющая серьезную сюжетную линию, тема «отцов и детей» ведет, конечно же, к «Бесам»…» [12, 20]. Николаева С.Ю. полагает, что Платонова можно соотнести с Версиловым, с Подростком, со Ставрогиным, «с заглавными образами» романов Достоевского, учитывая масштаб, «необычайную многогранность личности» «первого и любимого»

чеховского героя, сложность, противоречивость его натуры [7, 12, 23]. Действительно, сложность, неоднозначность и неопределенность Платонова – вовсе не просчет начинающего драматурга в обрисовке персонажа, после Ф.М. Достоевского новое поколение писателей уже не могло не учитывать противоречивости человеческой натуры, разнонаправленности побуждений. Однако у Чехова образ героя имеет иной масштаб, чем у Достоевского, Платонов – не трагедийный герой-идеолог, не «невыяснившийся» герой Достоевского, переосмысление предложенных Ф.М. Достоевским проблем и приемов изображения человека в чеховской драме все же осуществляется. Чехов подхватывает обозначенные Достоевским вопросы, пытается осветить ту «огромную часть русского строя жизни» (14, 39), которая оставалась без наблюдений, исследует «хаос» «разлагающейся» (14, 40) жизни, но в изображении Платонова, в разработке его внутренней драмы идет вполне самостоятельным путем, отступая от проблематики романов Достоевского.

Вспомним, что в «Дневнике писателя» за 1876-1877 г. Ф.М. Достоевский говорил о молодых людях из «случайных семейств», детях «либеральных» отцов, которым отцы – «грубая масса мелких безбожников и крупных бесстыдников», «фанфаронов либерализма» (13, 116) – не оставили ни заветов, ни традиций, ни идеалов. В оценке Ф.М. Достоевского, отцы-либералы – «грубая улица, и честная идея попала на улицу» (13, 116). Молодое поколение, предостерегал Достоевский, выросшее «без отцов», вступает в жизнь, не связанное сердцем «с его прошедшим, с семейством, с детством» (14, 211), «без зачатков положительного и прекрасного» (14, 212), «без связующей, общей, нравственной и гражданской идеи» (14, 213): «Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни» (13, 393). В «наше мечущееся время» (13, 40) – время «дела и практического решения» (13, 46) – преобладают обособление, «раздор», неспособность к делу, отсутствие «общей связующей общество и семейство идеи» (14, 210), которую не могут заменить «партийные» правды и убеждения минуты. Но, свидетельствует Ф.М. Достоевский, «либеральное» воспитание может привести и к обратным следствиям: «юноши и подростки ищут теперь новых путей и прямо начинают с отпора тому ненавистному им циклу идей, который встретили они в детстве, в своих жалких родных гнездах» (13, 117).

Чехов мысль Ф.М. Достоевского об отсутствии дела, связующей идеи буквально воспроизводит в судьбах героев-«детей». Персонажи «Безотцовщины» – «развитая женщина и… без дела» (С XI, 136) Анна Петровна Войницева, лишенный жизненной цели «русский Гамлет» Сергей Войницев, нерадивый доктор и человек без правил Николай Трилецкий. Слабостью, апатией охвачен Михаил Платонов, утративший веру в «идею». Устойчивые «платоновские инстинкты» – отрицание авторитета «отцов», лжи, «свинства», равнодушия. Герой осуждает своего отца: «Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди. Быть подлецом и в то же время не хотеть сознавать этого – страшная особенность русского негодяя!» (С XI, 21). В первоначальном варианте монолога Платонов разоблачал «безалаберного» отца еще более нетерпимо: «…развратник до мозга костей, богач при жизни, нищий при смерти, человек с неполной головой и с невыносимейшим характером…» (С XI, 336). «В монологах Платонова звучит традиционная, но по-прежнему актуальная для конца 70-х – начала 80-х годов насмешка «обманутого сына» над идейно и нравственно «промотавшимся отцом»; выражается духовное томление одного из чутких представителей целого поколения, ощущающего себя как поколение потерянное», – указывает В.Б. Катаев [4, 119]. Вместе с тем Чехов отмечает неоднородность «детей». В отличие от неудовлетворенных жизнью и своей ролью в ней героев, «французский человек» Глагольев 2 и радикальный студент Венгерович 2 – варианты пошлых, практичных представителей молодого поколения и дети своих отцов, что подчеркнуто маркировкой «2» в их фамилиях.

В «Безотцовшине» намечается круг проблем, отличных от идей Достоевского. Так, игру «отцов» и «детей» в либерализм Чехов расценивает не как профанацию честной идеи, но как иллюзорную деятельность, подменившую истинные жизненные ценности, обязанности, связи и отношения. Для Чехова важна не идея и ее оценка, а личность героя, ее озвучивающего, взаимодействие идеологических постулатов и изображенной действительности. Например, Глагольев 1 произносит длинные речи о верности идеалам, вере в женщину, но это «многоглаголание» обесценивается его отъездом в Париж, неучастием в торгах, приведшим к продаже Войницевки. Отставной полковник Трилецкий, гордящийся тем, что «базаристей» его не было, лишь в финале, когда разрушено счастье его дочери Саши, погиб зять, казнит себя: «Зачем грешил, старый шут? Убивал тварей божиих, пьянствовал, сквернословил, осуждал…Не вытерпел господь и поразил» (С XI, 180).

Чехов подчеркивает отсутствие в обществе «общего» и видит проблематичность единения на осно-

ве некой связующей идеи. В числе «отцов» – купец Бугров и «позолоченный выскочка» Венгерович, купившие Войницевку и желающие получить шахты генеральши, кредиторы Войницевых помещики Щербук и Петрин. Исторически неизбежное оскудение дворянских гнезд сопровождается появлением новых хозяев и «деятелей», конфликтами прежде добрых соседей и друзей. Смена владельцев имения в «Безотцовщине», в отличие от «Вишневого сада», осуществляется усилиями Венгеровича и Бугрова, «дурные людишки», успевающие «обделывать свои дела», о которых писал Ф.М. Достоевский (13, 46), в чеховской пьесе шантажируют, угрожают, скупают векселя. Меняются ценностные ориентиры, нравственные нормы, и если Глагольев 1 пишет обличительные корреспонденции про Венгеровича и Бугрова, то обедневший Петрин сам готов украсть, «лишь бы только ничего за это не было…» (С XI, 60). Действия не только коммерсантов Бугрова и Венгеровича, но и аристократов Глагольева, Петрина, Щербука сосредоточены на личных интересах и выгодах, каждый по-своему, друзья покойного генерала и соседи Войницевых участвуют в разрушении Войницевки. Чехов показывает распад семейных, добрососедских, дружеских связей под давлением новых экономических условий и ценностей, разъединение не только социальное, но духовное.

Объективно, не героем и не злодеем, изображается в пьесе Михаил Платонов – «умнейший Платонов», «философ», «лучший выразитель современной неопределенности», «герой <…> современного романа». Платонов оказывается один на один с жизнью и с самим собой, без авторитета «отцов», без поддержки убеждений и помощи «икон»: «Я с верою смотрю только на ту икону, от которой жду благодати»; «прости, идея!» (С XI, 342, 359). В «Безотцовщине» уже намечен конфликт человек и мир, проявляется сюжетная ситуация «человек и экзистенция» [11, 190]. Чеховский герой в прошлом совершал поступки, продиктованные убеждениями: спасал падших, разошелся с отцом, оставил университет и стал школьным учителем, очевидно, во времена «хождения в народ». В настоящем же ему неприятен «идейный» Венгерович 2 и отвратительны громкие фразы: «Как противны нам люди, в которых мы видим хоть намек на свое нечистое прошлое!» (С XI, 102). Платонов нынешний сравнивает себя с лежачим камнем, винит за «страшную» слабость: «Зло кишит вокруг меня, пачкает землю, глотает моих братьев во Христе и по родине, я же сижу, сложив руки, как после тяжкой работы; сижу, гляжу, молчу…» (С XI, 85). Ощущение духовного одиночества, сиротской оставленности заставляет его проклинать свое рождение: «Отец… мать! Отец… О, чтоб у вас там кости так переворочились, как вы спьяна и сдуру переворочили мою бедную жизнь!» (С XI, 114). Среди вычеркнутых реплик Платонова было восклицание о «бедных сиротах», которых следует «сдать в архив или запереть в приют незаконнорожденных» (С XI, 350). Платонов винит современников за неспособность к труду, равнодушие к идеалам: «Нет ни званных, ни избранных!» (С XI, 350). Перефразируя евангельскую притчу о званных на пир, герой Чехова отмечает отказ людей от призыва Отца: «Ни званных, ни избранных! Гуляйте, добрые люди! Науки и искусства – это труд, это торжество идеи над мускулом, это евангельская жизнь… а на что нам жизнь? Мы и не живя сумеем умереть!» (С XI, 350-351). Ситуация «безотцовщины» переживается им уже как «великое сиротство» (8, 598), осмысленное в «Подростке» Версиловым, но Платонов утратил веру в человека, он сетует на «сквернолюдье» и «безлюдье». В своем разочаровании он совпадает с гамлетовским «страшно, за человека страшно мне!» (в переводе Полевого Н.А.). Платонов самокритичен, понимает свою неспособность к обновлению, ему мало осуждать несправедливость и корить себя за пассивность, но «как подняться», он не ведает, во что верить, не знает, свою жизнь считает пропащей. Юный Чехов создал героя, сурового к несовершенству людей, резкого в оценках и не прощающего слабости. У Чехова в «Безотцовщине», в отличие от Достоевского, ожесточенные, сосредоточенные на своей правде и оставшиеся без высшей идеи люди не могут «разом» почувствовать свое «великое сиротство», они неспособны к взаимной любви. В «Безотцовщине» уравнены «отцы» и «дети», подчеркнута их общность. Все персонажи одинаково плохо понимают себя и жизнь, жестоки по отношению друг к другу, подвержены разрушительным страстям, всем свойственны фразерство, страсть к обличению, и все разочарованы, не удовлетворены жизнью.

Руководствуясь призывом Достоевского осветить «хотя бы часть этого хаоса» (14, 40), Чехов по-своему рассматривает проблему бездеятельности молодого поколения, иначе видится ему проблема «общей идеи». «Безотцовщину» открывает тема бездействия, «хандры», заявленная репликами Анны Петровны: «Тоска, делать нечего, хандра… Что и делать, не знаю…» (С XI, 7). Первые явления, наполненные рутинными разговорами, многочисленными паузами, воссоздают обыденное течение дней, располагающее к бездействию, к поступкам «да так». Обитатели и гости Войницевки жалуются, что зимой «скучно», а летом «жарко», все

«очень здоровы», «пополнели». Теме механистического, материально-плотского существования вторит мотив «непонимания»: «Да вы не понимаете меня!..»; «понимает же он людей!»; «извольте <…> подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать…»; «ты не знаешь, что ты делаешь!» (С XI, 10, 11, 29). В диалогах накапливаются ситуации недопонимания, несправедливых упреков, наконец, в словах Глагольева-старшего звучит обобщение «современной неопределенности». Чехов акцентирует «непонимание» своих героев, особенно резко выделяет вопрос о современном «безмыслии», обозначенный Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» за 1876 г., где «недумание», бессознательность названы характеристическими чертами современности: «Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием. <…> Вряд ли кто дает себе отчет, всякий действует “просто”, а это уже полное счастье» (13, 5). Недуманием, духовной неразвитостью объяснял Достоевский самоубийства молодых людей, совершающиеся из самолюбия, из гордости или «единственно из-за того, что у него нет денег, чтобы нанять любовницу»: «… он решительно не в силах составить понятие, до дикости неразвит, и если чего захочет, то утробно, а не сознательно» (13, 5-6). Самое существенное для Достоевского – отсутствие мысли о бессмертии души, вопроса «что будет там?»: «И при этом ни одного гамлетовского вопроса:

Но страх, что будет там...

И в этом ужасно много странного. Неужели это безмыслие в русской природе? Я говорю безмыслие, а не бессмыслие. Ну, не верь, но хоть помысли. В нашем самоубийце даже и тени подозрения не бывает о том, что он называется я и есть существо бессмертное. Он даже как будто никогда не слыхал о том ровно ничего» (13, 6). По-Достоевскому, «общая идея», способная вернуть утраченные связи с универсальным содержанием жизни, есть идея бессмертия души. «Раздор», «обособление», «безмыслие», индифферентизм к высшим целям все же представлялись писателю преходящими, и в разлагающейся действительности автор «Дневника…» призывал увидеть «жизнь вновь складывающуюся, на новых уже началах» (14, 40).

Чехов в своей пьесе подвергает анализу поступки, совершающиеся «да так», «безмысленное» состояние души, действия, рожденные «недуманием», ложными убеждениями и представлениями, пытается понять причины непонимания, разлада человека с жизнью. И если у Ф.М. Достоевского разобщение и непонимание преодолимы «общей идеей» веры и братской любви, то у Чехова акцентируются психологические причины непонимания. «Безотцовщина» не превращается в «драматургический вариант» «Бесов», а ее персонажи – в «двойников» героев Достоевского, как считает С.Ю. Николаева [7, 31, 53]. Напротив, ее герои остаются персонажами Чехова. В своей насыщенной литературным материалом драме Чехов сумел дистанцироваться от мира Достоевского, провести грань между литературой и жизнью, расплывчатую для персонажей пьесы. Героев, увлеченных авторитетным словом литературы, А.П. Чехов показывает в контексте русской провинции, в потоке действительной жизни. Бытовой материал, реалии будней формируют в пьесе «объективный» образ бытия, действительное выявляет умозрительность готовых истин и литературных мифов, а жизненное поведение героев, их нравственная выделка оказываются главным критерием их ценности и значимости.

Платонов – «Дон-Жуан», «Гамлет», «Чацкий», «архангел» – в списке действующих лиц определен Чеховым как «сельский учитель». Платонов женат, у него маленький сын, и это не знаки умаления масштаба героя, а естественные в художественном мире Чехова характеристики человеческого статуса. На несправедливость судьбы, уготовившей ему роль «только всего» школьного учителя, «в то время, когда вы видели во мне второго Байрона, а я в себе будущего министра каких-то особенных дел и Христофора Колумба» (С XI, 33), у Чехова жалуется именно герой. Байрон, Колумб в данном случае – некие модели идеальной судьбы, архетипы поведения, существующие в сознании и требующие соответствия. Михаил Платонов тоскует по высшим целям жизни, но при этом он не лишен самоидеализации, воспринимает себя Колумбом или героем Достоевского, как, впрочем, и Сергей Трилецкий, величающий себя «человеком будущего» (С XI, 74). «Романическим» героем видится Платонов и Анне Петровне, но генеральша призывает «Мишеля» «не философствовать»: «… философия гадкая! <…> Отгони от себя своих бесов!»; «сумей только не философствовать!.. Живи!» (С XI, 103,104,106). «По Достоевскому» склонен Платонов «прочитывать» разбойника Осипа, и тогда Осип – «вне времени и пространства», «вне обычаев и закона», «интереснейший субъект»: «Люблю тебя, милый! Какой молодец…»; «нам бы с тобой пустыню с витязями». В нем Платонов предполагал нечто общее – бунтарство, исключительность: «Что мы теперь значим с тобой? Шляемся из угла в угол мелкими людишками, чужеядами, места своего не знаем…» (С XI, 40-41). Но рассуждения конокрада о «пакостном народе» заставят Платонова отшатнуться от «двойника»: «…подлец! <…> И он ведь на основании теорий… *(Вздыхает.)* Какая гадость еще возможна в России» (С XI, 42).

Платонов вспоминает «гамлетовский вопрос», но он звучит для него иначе. Герой Чехова отстраняется и от шекспировского Гамлета, и от «гамлетовского» мотива в «Дневнике писателя»: «Гамлет боялся сновидений… Я боюсь…жизни! Что будет, если я жить буду? Стыд заест один…» (С XI, 175). Платонов, помышляющий о самоубийстве, хочет оборвать недостойную «комедию», молит о прощении грехов: «Одним умным скотом меньше! Прости, Христос, мне мои грехи!» (С XI, 175). Запутавшийся в отношениях с женщинами, он понимает, что тянет «безобразную песню», сознает трагикомический характер своего положения: «У людей мировые вопросы, а у меня женщина! Вся жизнь – женщина! У Цезаря – Рубикон, у меня – женщина…» (С XI, 114-115). Герой не знает, как жить в соответствии с идеалом духовности: «Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же – не предвижу перемены! – там дальше жирное халатничество, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что не плоть, а там смерть!! Пропала жизнь!» (С XI, 85). В «Безотцовщине» прозвучало горькое восклицание, в последующих пьесах ушедшее в подтекст: «… жизнь! Отчего мы живем не так, как могли бы?!» (С XI, 86). Та «общая идея», которую предлагал Ф.М. Достоевский, не может решить проблем чеховского героя, не прочувствована им как истина и поэтому не разрешает мучительных противоречий. В дальнейшем творчестве Чехов не раз будет возвращаться к такому осмыслению гамлетовского вопроса, его герои будут говорить о страхе жизни, о действительности, которая кажется страшнее и непонятнее смерти. В записных книжках А.П. Чехова дважды встречается: «Зачем Гамлету было хлопотать о видениях после смерти, когда самое жизнь посещают видения пострашнее?» (С XVII, 10, 152). Но в «Записной книжке IV» будет и цитата, свидетельствующая о приятии как истины следующего утверждения: «Чтобы умно поступать, одного ума мало (Достоевский)» (С XVII, 164).

В «Безотцовщине» Чехов изображает слабость, легкомыслие людей, общую невольную виновность, и это не индивидуальные черты его героев, не социально-психологическая характеристика поколения, а общие, универсальные свойства. Платонов «никого не хотел обидеть, а всех обидел» (С XI, 177), «разгромил, придушил женщин слабых <…> убил так… глупо как-то, по-русски…» (С XI, 175). Женщины, стремящиеся Платонова осчастливить или «воскресить», губят его. Друзья, с нетерпением в первом действии ожидающие появления Платонова в Войницевке, в четвертом действии настойчиво просят его уйти. В финале пьесы несправедливые обвинения звучат с той же настойчивостью, что и в начале, пережитые события не становятся для участников драмы уроком, по-прежнему нет взаимопонимания, осознания происходящего. Сосредоточенность на своей боли, своей правде ведет к дальнейшему разобщению. «Не понимают! – сетует Платонов, но, в свою очередь, обвиняет всех, – Кто же поймет? Глупы, жестоки, бессердечны…» (С XI, 163). В словах и поступках драматург отмечает эгоизм, непреднамеренную жестокость. В четвертом действии чеховские интеллигентные герои, занятые своими проблемами, равнодушно относятся к убийству Осипа, его тело, видимое из окон кабинета, продолжает лежать у колодца.

Идеал в «Безотцовщине» не персонифицирован, не высказан в монологах положительного героя, но в пьесе присутствуют как фон христианские истины, отход от которых в повседневной жизненной практике ведет к «безотцовщине», к духовному обособлению, разрушению связей с «братьями во Христе и по родине». Своих героев Чехов считает участниками и главными деятелями истории, если даже все события происходят «здесь, в Войницевке» (С XI, 156). Слабые и волевые, увлекающиеся и равнодушные, размышляющие и недумающие, чеховские герои остаются творцами всего, что происходит с ними, с родовым гнездом Войницевых, с судьбами их детей. Отношение Чехова к героям двойственное: и сочувствие и осуждение, и понимание их страданий и признание комической несообразности.

Своего философствующего героя и борца за «идею» Чехов проверяет, прежде всего, на человечность. Михаил Платонов, давно муж и отец, по инерции остается юношей-бунтарем. Бесплодна его застарелая ненависть к умершему отцу, причем Платонов не помнит даты смерти своего родителя. Невнимателен Платонов к близким людям, пренебрежительно относится к жене – «букашке», «комашке» Саше, о которой он порой просто забывает. Есть в числе действующих лиц персонаж с амплуа «доброго отца» – старик Трилецкий, но никому не нужный, стесняющий своих детей. В пьесе каждый отдельный неблаговидный поступок или реакция объяснимы психологически, оправданны внутренним состоянием, особенностью сложившихся обстоятельств, но в целом развитии действия добрые, воспитанные, симпатизирующие друг другу люди разыгрывают сюжет смерти Платонова. Жестокость, несправедливость, зло в чеховской пьесе порождены не интеллектом, пренебрегшим религиозно-нравственными основами жизни, не злой волей, а легкомысленным недуманием, эгоцентрической сосредоточенностью, «безалаберностью», зависимостью от идей и мнений. «Кто же меня осмеет?

Когда? Смешно! Взяток не берет, не ворует, жены не бьет, мыслит порядочно, а... негодяй! Смешной негодяй! Необыкновенный негодяй!..» (С XI, 97), – удивляется самому себе Платонов.

Чехов оценивает не мировоззренческие системы, не идеи эпохи или их отсутствие, а нравственный, духовный мир своих персонажей, его герои – и выразители своего исторического времени и творцы «современной неопределенности», «хаоса» и «раздора». В ходе действия они уничтожают существовавшие родственные, дружеские отношения, не восстанавливают нарушенную связь «отцов» и «детей». Платонову, Анне Петровне, Сергею Войницеву, Николаю Трилецкому в финале хочется уйти от катастрофы, вернуться в прошлое, чтобы все было, как прежде. Платонов, случайно, непреднамеренно застреленный одной из влюбленных в него женщин, смог от жалости к себе («Платонов болит») перейти к сочувствию ближнему, обеспокоиться судьбой погибающей Саши, но он так и не успевает осуществить ее спасение, не реализует обещание стать «великим» отцом. В финале путь искупления и обновления лишь намечается в ответе Николая Трилецкого на вопрос «что делать?»: «Хоронить мертвых и починять живых!» (С XI, 179). И все же оставшиеся жить раскаиваются, ищут выход, убеждают не быть жестокими, не оскорблять людей: «… не один же он виноват! <…> все виноваты! У всех есть страсти, у всех нет сил…» (С XI, 164). В «Безотцовщине» провозглашается норма отношений, основанных на милосердии, великодушии, нравственной ответственности.

Современные исследователи первой чеховской пьесы отмечают, что в «Безотцовщине» важен комплекс христианских положений и заветов: «В комплексе такого рода ассоциаций формируется проблема «безотцовщины», которая вписывается в контекст философско-религиозных исканий «переходной эпохи», ощущавшей всеобщее духовное оскудение и требовавшей спасительного вероучения» [8, 16, 15]. По наблюдениям Одинокова В.Г., содержание чеховской пьесы вполне созвучно учению проповедника «общего дела» Н.Ф. Федорова, его идеям о восстановлении нарушенных связей с «отцами», единении людей в вере, делах, молитвах. Киреев Р.Т. пишет о безграничной терпимости молодого А.П.Чехова к людям, о чеховском понимании человеческой природы, искусстве «не отвергать людей, как бы они ни были слабы и ничтожны» [5].

Безусловно, первая пьеса еще не вполне самостоятельна, в ней теснятся темы, образы, наблюдения юного автора, но она свидетельствует о уже собственно чеховском направлении художественного поиска, о серьезности поставленных задач. В глубинном содержательном слое пьесы о «современном состоянии нашего общества» лежат экзистенциальные проблемы взаимоотношений человека и жизни, противоречий человеческой природы. Проблема «безотцовщины», первоначально воспринимающаяся в социально-идеологическом аспекте, ведет в область универсальных, всеобщих категорий.

Примечания

* См. об этом: Осипова Л. Пьеса «Без названия» и ее проблематика // А.П. Чехов: Сборник статей и материалов. Вып.2. Ростов н/Д., 1960. С. 202-226; Громов М.П. Первая пьеса Чехова//Литературный музей А.П. Чехова: Сб. статей и материалов. Вып. 3. Ростов н/Д., 1963. С. 5-35; Громов М.П. Скрытые цитаты (Чехов и Достоевский) // Чехов и его время. М., 1977. С. 39-53; Седегов В.Д. Пьеса без названия в творческой биографии Чехова // Статьи о Чехове. – Ростов н/Д., 1972. С. 29-43; Тархова Н. А. От «Безотцовщины» к «Вишневому саду»//Чеховские чтения в Ялте. Чехов в Ялте. М., 1983. С.35-39; Гершаник А.Н. К вопросу о датировке первой пьесы А.П. Чехова//Русская литература. 1984. №3. С.192-199.

** См. о литературных связях «Безотцовщины» указанные работы Громова М.П., Седегова В.Д., Сухих И.Н., Катаева В.Б., Одинокова В.Г., а также: Громов М.П. Чехов и Достоевский: великое противостояние//Громов М.П. Книга о Чехове. М.,1989. С. 246-280; Борбунюк В.А. Интертекстуальные связи «Пьесы без названия» А.П. Чехова //Молодой Чехов: Проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения. Таганрог, 2003; Виноградова Е. Шекспировская цитата у Чехова. Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 176-197.

Библиографический список

1. *Громов М.П.* Книга о Чехове. М., 1989.
2. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 15 т. Л.: Наука, 1988-1996. Т. 13. С. 211. Далее ссылки на это издание даются в тексте.
3. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература: В 6 частях. Изд. 2-е. Ч. IV.– М., 2003.
4. *Катаев В.Б.* Чехов начинается с «Платонова»//Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М., 1989. С. 114-121.
5. *Кирдеев Р.Т.* Чехов. Театр и лавка: [молодой А.П. Чехов и его пьеса «Безотцовщина»] // Литература. 2000. № 41. С. 4.
6. *Кубасов А.В.* Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.
7. *Николаева С.Ю.* Чехов и Достоевский (проблемы историзма): учебное пособие. – Тверь, 1991.
8. *Одиноков В.Г.* Ранняя драматургия А.П. Чехова. Новосибирск, 2008. С. 13-24.
9. Паперный З.С. «Вопреки всем правилам…»: Пьесы и водевили Чехова. – М., 1982. – С.6-32.

10. Переписка А. П. Чехова: В 2-т. М., 1984. Т. 1.
11. *Собенников А.С.* «Между “есть Бог” и “нет Бога “…». Иркутск, 1997.
12. *Сухих И.Н.* Первая драма: концы и начала // Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л., 1987. С. 10-33.
13. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Сочинения. Т.XI. С. 16. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.
14. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986.

I.V. ALEKHINA

A PERSON AND THE REALITY IN THE PLAY “A FATHERLESS CHILD” BY A.P. CHEKHOV

The article examines the problems and specific features of the character’s representation and the type of conflict in the first of the plays written by A.P. Chekhov. The connection of the Chekhov’s drama with the literary context of the epoch is taken into consideration and the literary tradition and originality of the play are revealed. Chekhov’s position in his character’s description and the author’s peculiar application of themes and motifs of classical literature are exposed.

Key words: ***a hero of the time, literary connections, hidden citation, Chekhov and Dostoyevsky, type of conflict, the author and his character.***

Г.Н. БОЕВА
кандидат филологических наук, зав. кафедрой культурологии и общегуманитарных дисциплин Невского института языка и культуры
E-mail: g_boeva@rambler.ru
Тел. 8 905 227 33 79

О ДОМЕ КАК ЖИЗНЕСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ МОДЕРНА (ДОМ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ)

В статье рассматривается одна из жизнетворческих стратегий модерна, реализованная Леонидом Андреевым и ставшая материально-духовным воплощением эстетических установок писателя и культурного кода эпохи – его дом на Черной речке. Жизнетворческая практика, исследованная в ее эволюции, позволяет автору статьи сделать вывод о типологическом родстве творчества Андреева с художественной системой модернизма в ее символистском и футуристском изводах.

Ключевые слова: ***Леонид Андреев, модерн, автобиографизм, жизнетворчество, синкретизм, мифологизация, неоромантизм, эстетизм, культурный код.***

Дом Леонида Андреева в Ваммельсуу на Черной речке, массивный двухэтажный деревянный дом в стиле «северный модерн», был выстроен в 1908 году начинающим архитектором А.А. Олем (1883-1958) под явным влиянием финской версии модерна (Э. Сааринен, А. Линдгрен) [13. С. 79, 83].

Стилизованный под суровый уединенный замок (жители местных деревень называли его Пирулинной, что в переводе с финского означает «замок дьявола»), гармонично вписанный в ландшафт, дом отражал не только вкусы эпохи, но и вкусы самого хозяина, стремившегося воплотить мечту о соответствии жилища с духом своего творчества, добиться тождества собственной реальной жизни, ее человеческих связей и предметного окружения с идеальным художественным замыслом. Отсюда «ансамблевый» подход Андреева к интерьеру дома – с одной стороны, вполне в духе модерна, с другой – отражающий «авторскую программу»: мебель в неоромантическом готическом стиле, католическое распятие в кабинете, драпировки, сумрачные рисунки самого писателя (копии с офортов Франциско Гойи, рисунок персонажа пьесы «Жизнь Человека» – Некто в сером), уникальные камины, облицованные изразцами – т.н. «кикеринскими кафелями». Убранство дома Андреева фиксирует модернистский концепт синтеза искусств – от идеи Gesamkunstwerk до художественного синкретизма, близкого русскому сознанию [10, с. 299].

Потребность «поиска себя» – и прежде всего как «человека творящего» – вообще, одна из важнейших проблем модерна, который стремится выйти за пределы только искусства. Основные принципы модерна в плане практической человеческой деятельности – жизнестроительство и эстетическое отношение к миру. Именно этими принципами руководствуется писатель, задумывая строительство дома на Черной речке. Дом Андреева стал наглядным воплощением жизнетворческой стратегии – строительство «второй реальности» всегда было актуально для него, в чем писатель откровенно признается в одном из писем к Б. Зайцеву («воображаемое всегда <…> выше сущего», «единственная правда») [15, с. 141]). «Идейный» характер дома отчетливо осознается самим писателем: *«И была идея в постройке этого огромного [дома] в пустыне, как бы на краю, в преддверии земли Ханаанской: хотел 1) сделать красивую жизнь, 2) сурово замкнуться для трагедии. Сесть не только вне классов, вне быта, но и вне жизни, чтобы отсюда, как мальчишке через чужой забор, бросать в нее камнями»* [1, с. 38].

Андреев со всем пылом берется руководить проектом, многочисленные свидетельства чего находим в переписке с Олем: в своих письмах он оговаривает высоту потолков, настаивает на балках, пишет о необходимости лестницы, общего духа массивности и функциональности, занавесов и декоративного сада, крокетной площадки и флага на башне [5]. В. Беклемишева в своих воспоминаниях отмечает тонкий художественный вкус и изобретательность А. Оля, проявленных в сочетании «требований жизни и вкуса Леонида Андреева с тем, что хотелось ему выявить самому как художнику» [7, с. 201].

Выросший в собственном родительском доме в Орле, Андреев к тому времени переменил немало квартир и в Петербурге, и в Москве, и снова в Петербурге. Позади был не только ошеломительный писательский успех, но и трагическая потеря: в Берлине в 1906 году вторыми родами умерла жена, А.М. Велигорская. Сама идея дома возникает у пи-

© Г.Н. Боева

сателя именно в контексте размышлений о выходе из духовного и творческого кризиса, что явствует из писем этого периода Горькому: *«Ты знаешь мое давнишнее мечтание – уйти из города совсем. И вот я ухожу из него – в глушь, в одиночество, в снега»* [18, с. 295]; *«От этого так и люблю я будущий дом с его всяческой приспособленностью к одиночеству и работе…»* [18, с. 304]. Постройка дома – своего рода осуществление мечты о «побеге» из городской цивилизации героя андреевского рассказа «Проклятия зверя» (1908) – отчасти автобиографического рассказа, написанного после смерти жены и в каком-то смысле «психотерапевтического» для самого автора [17]. Дом на Черной речке и в самом деле становится неким жизненным «авансом» (хозяин называл его «вилла Аванс», поскольку деньги на нее были взяты у издателя в качестве аванса), знаменуя собой новый этап в жизни писателя – надежду на обновление, новую семью: хозяйкой в него войдет вторая жена, А.И. Андреева (Денисевич, в первом браке – Карницкая).

Мечта о доме сквозит уже в раннем творчестве Андреева – в одном из рассказов Андреева, еще привязанных к орловским воспоминаниям, «У окна» (1899), – «красивый барский дом», расположенный напротив, для героя, коллежского регистратора Андрея Николаевича, воплощает иную, лучшую жизнь, в которой все «красиво, уютно и чисто»: *«Смеющиеся красивые люди неслышно скользят по паркетным полам, тонут ногой в пушистых коврах и свободно раскидываются на мягкой мебели, принимающей форму тела»* [4, с. 104]. Конечно, перед нами мечта маленького чиновника, из своего угла наблюдающего чужую, пугающую его жизнь, но неслучайно герой наделен родственным, семейным именем-отчеством: Андреем Николаевичем звали одного брата писателя, а по психотипу герой рассказа, по прозвищу «Сусли-Мысли», близок другому брату – Всеволоду Николаевичу, которого, кстати, домашние звали «Сусли», «Сусляй» [22, с. 736]. Само существование роскошного дома на улице, где царит слободской дикий дух, весьма сомнительно – здесь, скорее, в духе андреевской поэтики, явлен образ нереалистической, идеальной природы, Дом как символ. Если же учесть сублимационный и психотерапевтический заряд творчества Андреева, который в год написания рассказа жил тяжелой, и в материальном, и в личном планах, жизнью, скитался по чужим углам и мечтал о женитьбе, то воплощенная в рассказе мечта о доме тоже может быть воспринята в жизнетворческом аспекте.

Сам выбор Андреевым места для дома, безусловно, имел связь с общим характером его творчества – и эта связь отрефлексирована и самим писателем, и ближайшим окружением. Так, об экзистенциальной гармонии Андреева с патриархальной Москвой при дисгармонии писательско-метафизической пишет Чуковский [24, с. 121].

Об этом же, по сути, рассуждает и Б. Зайцев, объясняя переезд Андреева в Петербург некой жизнестроительной позой – тяготением к стилистике Мейерхольда, «сумрачности», «строгости», «философичности», впрочем, не исчерпывающей всей натуры писателя, которая *«не укладывалась вся в Финляндию и Мейерхольда»* [15, с. 138]. По поводу дома Андреева Зайцев замечает: *«Эта дача очень выражала новый его курс; и шла и не шла к нему. Когда впервые подъезжал я к ней летом, вечером, она напомнила мне фабрику: трубы, крыши огромные, несуразная громоздкость. В ней жил все тот же черноволосый, с блестящими глазами, в бархатной куртке Леонид Андреев, но уже начавший жизнь иную: он женился на А. И. Денисевич, заводился новым очагом, был полон новых планов, более грандиозных, чем ранее, и душа его была смятена славой, богатством, жаждой допить до конца кубок жизни – кубок, казавшийся теперь неосушимым. Обстановка для писателя (в России) – пышная. Дача построена и отделана в стиле северного модерна, с крутою крышей, с балками под потолком, с мебелью по рисункам немецких выставок»* [15, с. 138-139].

Интересно, что дом Андреева соответствует положению писателя в литературе того времени – он тоже пограничный, «промежуточный» феномен: построен на границе (фронтире) русской и финской земли; уединенность и отдаленность положения не мешает вести активную, гостеприимную салонную жизнь; статус «дачи» сочетается с ощущением «семейного гнезда», очага; наконец, «пространство жизни» в доме становится продолжением «пространства творчества».

Сам Андреев отлично сознавал свою «фронтирность» и не раз рефлексировал по этому поводу:

«Финляндия!.. Почему я в Финляндии? Конечно, первое тут – тяга к морю. Потом близость к Петербургу, издательствам, театрам, литераторам и прочее практическое.

Но была и смутная мысль: сесть на какой-то границе, в нейтральной, интернациональной и безбытной зоне. Москва, которую я только и знал в дни моего писательства <…>, слишком густа по запаху и тянет на быт. Там нельзя написать ни «Жизни Человека», ни «Черных масок», ни другого, в чем есть» [1, с. 37-38].

Казалось бы, искомая гармония между характером творчества и средой обитания, домом и творческим созиданием найдена и идея жизнетворчества

должна торжествовать – однако и современники, и родственники Андреева оставили в своих воспоминаниях тревожные свидетельства диссонанса между «идеей» Дома и ее воплощением. Так, тот же Чуковский, подчеркивая в своих мемуарах свойственное Андрееву «стремление к грандиозу», пишет о подмеченных им драматических противоречиях: *«Он любил огромное. В огромном кабинете, на огромном письменном столе у него стояла огромная чернильница. <...> Но его огромный камин поглощал неимоверное количество дров, и все же в кабинете стоял такой лютый холод, что туда было страшно войти.*

Кирпичи тяжелого камина так надавили на тысячепудовые балки, что потолок обвалился, и в столовой нельзя было обедать.

Гигантская водопроводная машина, доставлявшая воду из Черной речки, испортилась, кажется, в первый же месяц и торчала как заржавленный скелет, словно хвастая своею бесполезностью, пока ее не продали на слом.

<…>

И вообще, эта помпезная жизнь казалась иногда декорацией» [24, с. 108, 111, 112].

Симптомы кризиса идеи жизнетворчества были очевидны для наблюдателей уже в самом начале: Беклемишева отмечает «чувство дисгармонии» «от дачи Леонида Андреева и от уклада жизни семьи» [7, с. 202]. Однако с годами тревожные противоречия становятся все более явными. Примечательно, что и А. Белый [8, с. 190], и Н. Телешов [20, с. 166], и В. Вересаев [12, с. 146, 175] в своих попытках объяснить писательский кризис Андреева обращаются к его пьесе «Жизнь Человека». Так, Б. Зайцев пишет: *«Это вещь роковая для него. Можно ее любить или не любить, но с душевной, и писательской, и человеческой судьбой Андреева связана она неразрывно. В ней кончился один период, начался другой. <…> В ней есть и нечто пророческое о самой жизни автора - если пророчественность понимать широко. Умер Леонид Андреев не так, как погибает Человек, и в бедность не впал, но некоторый наклон жизни своей почувствовал»* [15, с. 137]. А. Блок, называя «Жизнь Человека» «самой автобиографической пьесой», пишет о «большой, модно обставленной, постылой хоромине», в которой «среди мебелей нового стиля» «бился головой об стенку» известный писатель, мучившийся «детским вопросом» «„Зачем?" „Зачем? " „Зачем? "» [9, с. 100].

Как видим, современники невольно, а некоторые и совершенно сознательно ассоциируют судьбу хозяина дома с героем «Жизни Человека». Заметим, что эта пьеса, иллюстрацией к которой как будто стал андреевский дом, была последним произведением, писавшимся вместе с А.М. Велигорской, – ей пьеса и посвящается.

Да и сам Андреев вряд ли случайно помещает в своем кабинете автопортрет в детстве (об этой картине вспоминает Фидлер [21, с. 498]), который, дополняя рисунок «Некто в сером», воспринимается как первая часть диптиха. А некоторые страницы «Жизни Человека», в частности, из картины второй («Любовь и бедность»), вполне можно прочесть как подстрочник к жизнетворческому проекту Андреева под названием «Дом»:

«Ч е л о в е к. <…> Мне давно хочется иметь свой кусочек земли. Кстати, я построю там дом по своему рисунку. <…> я рассчитываю ... построить замок в Норвегии, в горах. <…> Блестящая, глубокая вода, здесь – она отражает нежно-зеленую траву; здесь – красный, черный, коричневый камень. А вот здесь в прорыве – где вот это пятно – клочок голубого неба и белое, тихое облачко… <…> А вот тут идет кверху гора. Веселая, зеленая снизу. Кверху она мрачнее, все строже. Острые скалы, черные тени, обрывки и лохмотья туч… <…> У меня будут толстые каменные стены и огромные окна из целого стекла. Ночью, когда забушует зимняя вьюга и заревет внизу фиорд, мы завесим окна и затопим огромный камин. Это будут такие огромные очаги, в которых будут гореть целые бревна, целые леса смолистых сосен! <…> Везде ковры и много-много книг, от которых бывает такая живая и теплая тишина» [3, с. 462-463].

Вместо каменного дома получился дом деревянный, и не в норвежской, а в финской глуши, но многое реализовалось. Дочь Вера пишет в своих мемуарах: «*Пятнадцать комнат, огромные печи и камины поглощали неимоверное количество дров – дворник Наканор полдня таскал большие охапки и с грохотом сваливал их перед прожорливыми топками печей»* [6, с. 269] (Ср. с репликой Гостей в «Жизни Человека»: *«Кроме этой залы, у Человека в доме еще пятнадцать великолепных комнат»* [3, с. 469]).

Отметим также, что описание Дома Человека в ремарках пьесы – сознательное опошление идеи, столь дорогой самому автору: позолота и дисгармоничность знаменуют собою ту самую буржуазность, от которой отталкивается модерн и которой, кстати, не было ни в мечтах Человека-архитектора (невольная ассоциация: «человек» – «архитектор своей судьбы»), ни в проекте самого писателя: *«Есть какая-то неправильность в соотношении частей, в размерах их – так, двери несоразмерно малы сравнительно с окнами, вследствие чего зал производит впечатление странное, несколько раздражающее – чего-то дисгармоничного, чего-то ненайденного, чего-то пришедшего извне.*

<…> В обилии позолоты выражается богатство Человека. Золоченые стулья и очень широкие золотые рамы на картинах» [3, с. 466]. Заметим также, что, по воспоминаниям приятелей-литераторов, в самом Андрееве «не было ничего буржуазного» [23, с. 110], да и вообще «среди „передовых" писателей была … тогда мода … видом своим отрицать *буржуазность*» [15, с. 131].

Подведем итоги. Дом – сложная информационная структура, особенно если речь идет об эпохе «модерн», пересматривающей традиционную модель жилого пространства и превращающей жилище в семиотический локус, и наблюдения над стилистикой дома Андреева и его экзистенциальным и жизнестроительным смыслом подводят нас к некоторым обобщениям.

Само уединение Андреева за городом, в гармонии с природой, в контексте идей эпохи обнаруживает свойственные модерну противоречия: с одной стороны, в своих интенциях оно антибуржуазно, демократично и функционально, а с другой – демонстрирует некий романтический вызов современности, моделирует аристократическую «башню из слоновой кости» [19, с. 23-25].

Мифологизация, театрализация, артистическое «расцвечивание» домашнего пространства Андреевым – попытка преодолеть прозаизм будничного жизненного стандарта, насытить его предельной экспрессией, пересотворить в духе романтизма (неслучайно его книги-«спутники» – Джек Лондон, Дюма-отец). Жизненный быт превращается в исповедуемую творческую программу, подразумевая отношение к себе как к тексту, который следует читать, воспринимать, дешифровать. Моделируется коммуникативная ситуация, рассчитанная, с одной стороны, на умышленность, «самосочиненность» (словечко Достоевского) поведения, с другой – на «литературность» восприятия[1]. Отношение к жилой среде, к топосу как к личностной креативности выдает в поведении Андреева установку на эстетизм – «самоорганизацию биографии как художественного произведения», мифотворчество [16, с. 303] – и обнаруживает в нем глубинное, типологическое родство с художественной системой модернизма хотя бы в ее символистском и футуристском изводах.

Дом Андреева, ставший центром его духовной жизни и важной составляющей личного мифа и культурного кода эпохи, как и волошинский дом Поэта в Коктебеле, и пермское «поместье» Каменского, и Башня Вячеслава Иванова – родственные по своей жизнетворческой природе культурно-бытовые феномены, материально-духовное воплощение эстетических установок их творцов. Как воплощение жизнетворческих интенций, он имеет в контексте культуры Серебряного века еще одно обоснование, связанное с «концептуализацией опыта *самопознания*» и «исповедальным *автобиографизмом*» – литературными проекциями ключевой для эпохи модерна идеи становления [14, с. 3]. Правда, для Андреева курс на «автобиографизацию литературного пространства» не стал кардинальной литературной стратегией и основой для мифотворчества, как для Волошина и Каменского [11].

Однако воплощенная в доме гармоничная среда обитания была разрушена, и дом, задуманный как матрица идеальных человеческих отношений, оказался «деревянным колоссом на глиняных ногах» [1, с. 40]. Жизнетворческая практика обернулась крахом, который писатель с горечью зафиксировал в позднем дневнике: «Подвел меня Петр» [1, с. 37].

В письме Н.К. Рериху за неделю до смерти (от [3]-4 сентября 1919 г.) Андреев признается: *«Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом, дача в Финляндии и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом –искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома – холодная, промерзлая, оборванная дача с выбитыми стеклами, а кругом – чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества...»* [2, с. 323] .

Уже после смерти писателя, когда дети помогают выносить продаваемые книги из библиотеки, дочь Вера встречается глазами с Некто в сером, держащим в руке почти догоревший огарок свечи, и ей кажется, что тот *«сердится, что выносят книги – папины книги! Ведь они – часть его самого, это его душа покидает холодное, мертвое тело – свой дом»* [6, с. 352].

1 Ср.: различение Андреевым «игры» и «психологии» в театре и литературе, разъясняемое им в во втором «Письме о театре» (Андреев Л.Н. Письма о театре // Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 тт. Т. 6. М.: Худож. лит., 1996. С. 529-534.

Библиографический список

1. *Андреев Леонид.* Дневник (1914-1919): Заметки личного характера, для себя // Андреев Леонид. S. O. S.: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919). М.-СПб.: ATHENEUM-ФЕНИКС, 1994. С. 19-192.

2. *Андреев Леонид.* Письма // Андреев Леонид. S. O. S.: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и

интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919). М.-СПб.: ATHENEUM-ФЕНИКС, 1994. С. 193-334.

3. *Андреев Л.Н.* Жизнь человека // Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 тт. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 443-500.

4. *Андреев Л.Н.* У окна // Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 тт. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 103-123.

5. *Андреев Л.Н.* Письма А.А. Олю. ИРЛИ. Р. I. Оп. 1. № 170.

6. *Андреева В.* Дом на Черной речке // Леонид Андреев. Далекие. Близкие. Сборник. М.: «Минувшее», 2011. С. 250-378.

7. *Беклемишева В.* Воспоминания о Л. Андрееве // Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева. М.: Изд-во «Федерация», 1930. – С. 195-276.

8. *Белый А.* [О Леониде Андрееве] // Книга о Леониде Андрееве: воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Г. Чулкова, Бор. Зайцева, Н. Телешова, Ев. Замятина, Андрея Белого. 2-е доп. изд. Берлин, Пб., М.: Изд-во З. В. Гржебина, 1922. С. 175-192.

9. *Блок А.* [О Леониде Андрееве] // Книга о Леониде Андрееве. С. 93-104.

10. *Бобилевич Г.* Концептуализация домов у Вячеслава Иванова и их пространственно-временная презентация // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 294-302.

11. *Боева Г.Н.* Об одном художественном влиянии на художественную практику футуристов («Проклятие зверя» Л. Андреева и «Землянка» В. Каменского) // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья. Сборник статей и материалов: (Памяти Л.А. Иезуитовой: К 80-летию со д.р.). СПб., 2010. С. 252-261.

12. *Вересаев В.* Воспоминания о Л. Андрееве // Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 145-176.

13. *Горюнов В.С., Тубли М.П.* Архитектура эпохи модерна. Концепции. Направления. Мастера. СПб.: Стройиздат, С.-Петербургское отд-ние, 1992. 360 с.

14. *Грякалова Н.Ю.* Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. 384 с.

15. *Зайцев Б.* [О Леониде Андрееве] // Книга о Леониде Андрееве. С. 125-146.

16. *Исупов К.Г.* Эстеты на Башне // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 303-309.

17. *Козьменко М.В.* «Берлинский текст» в «Проклятии зверя» // Творчество Леонида Андреева: современный взгляд: материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Орел: ПФ «Картуш», 2011. С. 87-93.

18. Максим Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М.: Изд-во «Наука», 1965. 632 с.

19. *Перси У.* Модерн и слово: стиль модерн в литературе России и Запада. М.: Аграф, 2007. 224 с.

20. *Телешов Н.* [О Леониде Андрееве] // Книга о Леониде Андрееве. С. 147-166.

21. *Фидлер Ф.Ф.* Леонид Андреев в Ваммельсуу // Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.

22. *Чуваков В.Н.* Комментарии // ПСС. В 23 т. М.: Наука, 2007. С. 735-740.

23. *Чулков Г.* [О Леониде Андрееве] // Книга о Леониде Андрееве. С. 105-124.

24. *Чуковский К.И.* Леонид Андреев // Чуковский К.И. Собр. соч. в 15 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. Т. 5. С. 108-112.

G.N. BOEVA

HOUSE AS LIFE-BUILDING PRACTICE OF MODERNITY (LEONID ANDREEV'S HOUSE ON THE BLACK RIVER)

This article considers Leonid Andreev's house on the Black River as one of the life-creating strategies of modernity realized by the writer, which has become a physical and spiritual embodiment of his aesthetical principles and the cultural code of his era. The exploration of the life-creating practice in the process of its evolution allows the author of this article to conclude that there exists typological kinship between Andreev's creative work and the artistic system of modernism in its symbolist and futurist schools.

Key words: **Leonid Andreev, modernity, autobiographism, life-creation, syncretism, mythologization, neo-romanticism, aestheticism, cultural code.**

И.Ф. ГЕРАСИМОВА
кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова
E-mail: gif221255@yandex.ru
Тел. 8 906 648 16 68

ПОЭТИКА СТИХОТВОРНОЙ МОЛИТВЫ В ЦИКЛЕ З. ГИППИУС «ВОЙНА»

В статье анализируются стихотворения З.Н. Гиппиус из цикла «Война», написанные в жанре поэтической молитвы. В ходе анализа выявлено, что Первая мировая война осмысливается поэтессой сквозь призму христианского сознания через обращение к текстам Священного писания, что выражается в собственном молитвословном творчестве поэтессы, в котором каноническая молитва используется как жанровая модель, как фрагмент текста или сюжета.

Ключевые слова: ***Первая мировая война, З. Гиппиус, стихотворная молитва, молитва как жанр, молитва как сюжет.***

Первая мировая война вызвала к жизни многочисленные поэтические отклики русских поэтов, написанные в разных жанрах. Одной из наиболее распространенных жанровых разновидностей лирики данного периода стала стихотворная молитва. Она встречается в творчестве как известных, так и забытых ныне поэтов, – таких, например, как Ф. Сологуб, М. Кузмин, Е. Кузьмина-Караваева, Ф. Касаткин-Ростовский и др. Среди них особенно отчетливо звучит поэтический голос З. Гиппиус[1], чье творчество периода Первой мировой войны, и в особенности цикл «Война», включает в себя немало стихотворений, написанных в русле православной молитвенной традиции.

Цикл «Война» носит ярко выраженный антимилитаристский характер. В этом смысле позиция лирической героини цикла близка к пацифистским устремлениям многих ее современников. Известны, например, такие антимилитаристские выступления этого времени, как воззвание толстовцев «Опомнитесь, люди-братья!» [2, с 36-37], письмо М. Волошина военному министру [6, с. 182, 185; 11, с. 245-261], обосновывающее отказ от военной службы, стихотворения В. Маяковского [8, с. 75], И.Северянина [15, с. 105-106].

Примечательная особенность молитвенной лирики З. Гиппиус военного периода – критический пафос и экзистенциальное ощущение Богооставленности, которое сродни тому горестному чувству, которым были пронизаны слова Христа в час предсмертных мучений на Голгофе: «…Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46).

С одним их редких типов молитвенной лирики – *молитвой-инвективой* – встречаемся в стихотворении З. Гиппиус «Адонаи» (1914) [3, с. 14], входящем в цикл «Война» (Адонаи – одно из библейских имен Бога в Ветхом Завете). Написанное в начале Первой мировой войны, оно передает трагедию расколотого сознания современников событий, включая и лирическую героиню – alter ego поэтессы. Ее вопрошания к жестокосердному Богу-Отцу преисполнены дерзновенного укора:

Твои народы вопиют: доколь?
Твои народы с севера и юга.
Иль ты еще не утолен? Позволь
Сынам земли не убивать друг друга [3, с. 14].

В следующей строфе стихотворения переосмысливается фрагмент о скрижалях с десятью заповедями, данных Моисею на горе Синай (Исх. 31:18; 32:15-16, 19; 34:1). Из всех ипостасей Творца подчеркивается та, в которой он предстает как «не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода» (Исх. 34:7):

Не ты ль разбил скрижальные слова,
Готовя землю для иного сева?
И вот опять, опять ты – Иегова,
Кровавый Бог отмщения и гнева!
Ты розлил дым и пламя по морям,
Водою алою одел ты сушу.
Ты губишь плоть... Но, Боже, матерям –
Твое оружие проходит душу! [3, с. 14]

Соединяя ветхозаветный и новозаветный пласты библейского текста, поэтесса еретически разделяет христианскую Троицу на «отцовскую» и «сыновнюю» ипостаси, именем Богоматери взывая к милосердию Всевышнего:

Нет, не для нас, но для Нее, Одной,
Железо вынь из материнской раны!
О, прикоснись к дымнобагровой мгле
Не древнею грозою, – а Любовью.

© И.Ф. Герасимова

Отец, Отец! Склонись к Твоей земле:
Она пропитана Сыновней кровью! [3, с. 14]

В единении сакрального и мирского звучит в стихотворении З. Гиппиус голос вселенского протеста против войны, ведь страдания матерей убитых воинов, по ее мнению, сродни страданиям Богоматери («И Тебе Самой оружие *пройдет душу* [выделено нами – И.Г.]» (Лк. 2: 35). Мысленно эволюционируя от «ветхозаветного» к не канонически воспринятому ею «новозаветному» типу духовности (от Бога Ветхого Завета к православной Троице), прозревает поэтесса *образ мира-семьи* в триединстве Отца, Матери и Сына. Именно в *образе* Богородицы[2] воплощена мечта лирической героини о «восстановлении» мировой гармонии. Так проявляется представление поэтессы о теургической сущности художника – творца новой духовной реальности, свойственное «жизнетворческой» художественной системе Серебряного века.

В стихотворении «Свет!» (декабрь, 1915 г.) [3, с. 56] З. Гиппиус еще раз соотнесет имя Бога с трагическими последствиями войны, воплощенными в повторяющихся мотивах «*стонов, «жалоб», «ужаса»*. Образ исполненного тяжких лишений второго военного года («У*зел* туже, туже… / *Узел* душит») соседствует в стихотворении с мечтой о долгожданном мире. Разуверившаяся в людском благоразумии лирическая героиня связывает свои надежды лишь с немеркнущим светом Божественной милости. Отсюда и предельная экстатическая эмоциональность *молитвенного прошения*:

Господи, Господи – нет!
Вещее сердце верит.
Тихие ветры веют.
Боже мой, нет!
Мы под крылами твоими.
Ужас. И стоны. И тьма –
а над ними
Твой немеркнущий Свет! [3, с. 56]

Стремление лирической героини З. Гиппиус к преодолению катастрофизма эпохи идеалом Божественной гармонии неизбывно. Так, в стихотворении «Наше Рождество» (декабрь 1914 г.) [3, с. 46], нарисовав картину трагической расколотости привычного мира, она сетует на то, что с началом войны до людей перестал доходить Божественный глас. В этих стихах – явная перекличка со строкой из Ветхого Завета: «Слово Господне было редко в те дни…» (1 Цар. 3:1; «Вот, наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, но – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (Ам. 8:11). Однако желание лирической героини вернуть страждущей земле Божью милость столь велико, что способно выразить себя только в горячей молитве, обращенной ко Христу-Спасителю:

И буду молиться снова:
Родись, Предвечное Слово!
Затепли тишину земную.
Обними землю родную… [3, с 46]

Для стихотворения «Белое» (декабрь 1915 г.) [3, с. 57] характерно вкрапление молитвенного слова в саму ткань стиха. Противопоставляя войну миру, поэтесса опирается на духовную семантику цветовых символов. Сложное сочетание образов *белого Рождества* и *красных зорь* передает смятение чувств лирической героини. Мысль о необходимости преодолеть кровавую трагедию войны идеей примирения народов отчетливо соотносится здесь с книгой пророка Исайи («Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» (Ис. 1:18), а также с книгой пророка Даниила («Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении (Дан. 12:10) [см. позднее в поэзии М. Цветаевой периода Гражданской войны: «Белый был – красным стал: // Кровь обагрила. // Красным был – белым стал: // Смерть побелила» (М. Цветаева. «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь…») [17, с. 140]. – И.Г.]. Христианская символика белого цвета воплощает здесь идею святости, очищения человека[4], погрязшего во грехе братоубийства:

Боже, прими нашу мольбу несмелую:
дай земле Твоей умиренье,
дай побеждающей одежду белую... [3, с. 57]

В этих строках со всей очевидностью прочитываются образные параллели с Псалтирью: «Окропи меня иссопом[5], и буду чист; омой меня, и буду белее снега» (Пс. 50:9). Так цветовая гамма стихотворения, воплощающая христианскую символику «белых одежд» [16, с. 312], становится важнейшим смыслообразующим фактором произведения.

Если в стихотворениях З. Гиппиус «Адонаи» и «Белое» *молитвенное слово входит в структуру лирического сюжета как его элемент*, то в стихотворении «Ему» (март 1915 г.) [3, с. 51] оно выполняет роль жанровой доминанты:

…Сердце наше, Господи, сердце знаешь Ты.
В сердце наше бледное, в сердце загляни...
Близких наших, Господи, близких сохрани!
[3, с 51]

В этом стихотворении представлена контаминация нескольких молитв, в том числе «О живых» [12, с. 25-27] и о здравии [5, с. 70]. В Православном

молитвослове находим очевидный первоисточник процитированных выше строк – молитву в день Нового года: «…Всех родственников и ближних моих и всех благоверных христиан, как истинный наш верховный Пастырь, упаси, огради и на пути спасения утверди…» [9, с 420].

В стихотворении «Неразнимчато» (март 1915 г.) [3, с. 50] лирическая героиня З. Гиппиус стремится окончательно преодолеть в себе соблазн неверия, обрести чувство духовного единения с другими людьми, с Богом и миром:

В нашем *Прежде* – зыбко-дымчато,
А в *теперь* – и мглы, и тьмы.
Но срослись мы неразнимчато –
Верит Бог! И верим мы [3, с 50].

Казалось бы, в душе лирической героини развеяны прежние сомнения в могуществе Всеблагого, характерные для таких стихотворений, как, например, «Бессилие» (1893) или «Если» (1905). Однако с развертыванием военных действий и утратой надежд на скорое примирение воюющих держав ее настроение снова меняется. Появляется стихотворение «Без оправданья» (апрель 1916 г.) [3, с. 58], которое представляет собой, по существу, *антимолитву, молитву-инвективу.* В нем поэтесса высказывает мысль о неприятии войны как таковой – даже если это направляемое свыше «мщение Господне»[3]:

Нет, никогда не примирюсь.
Верны мои проклятья.
Я не прощу, я не сорвусь
В железные объятья.
Как все, живя, умру, убью,
Как все – себя разрушу,
Но оправданием – свою
Не запятнаю душу.
В последний час, во тьме, в огне,
Пусть сердце не забудет:
Нет оправдания войне,
И никогда не будет.
И если это Божья длань –
Кровавая дорога, –
Мой дух пойдет и с ним на брань,
Восстанет и на Бога [3, с. 58].

Те же настроения характерны и для стихотворения «Говори о радостном» (ноябрь, 1916 г.) [3, с. 61]. Как и в стихотворении «Без оправданья», поэтесса высказывает свое категорическое неприятие войны и протестует против человеческой покорности обстоятельствам:

Кричу – и крик звериный…
Суди меня, Господь!
Меж зубьями машины
Моя скрежещет плоть.
Свое – стерплю в гордыне….
Но все? Но если все?
Терпеть, что все в машине?
В зубчатом колесе? [3, с. 61]

Эволюция З. Гиппиус в восприятии мировой войны очевидна. Если в начальных стихотворениях цикла «Война» утверждается, что исход войны находится в воле Божьей («Нужно целомудрие молчанья // И, может быть, тихие молитвы» [3, с. 61]), то уже в августе 1916 года в стихотворении «Страшное» (август 1916 г.) [3, с. 59] поэтесса с чувством глубокой скорби констатирует разобщенность людей между собой и их отчужденность от Бога, видя в этом причину и следствие мучительно затянувшегося братоубийства:

И в прошлом грехов так неистово много,
Что и оглянуться страшно на Бога.
Да и когда замолить мне грехи мои?
Ведь я на последнем склоне круга…
А самое страшное, невыносимое, –
Это что никто не любит друг друга… [3, с 59]

Таким образом, стихотворная молитва в ткани лирического цикла З. Гиппиус «Война» Является одним из значимых жанрово-стилевых образований, воплотившим поиски лирической героиней выхода из трагического исторического тупика, в который загнало себя неразумное человечество, попытку возродить утраченную духовную связь с Богом и восстановить рушащуюся на ее глазах привычную систему ценностей. Дерзновенный порыв души лирической героини схож со страстным желанием лермонтовского Демона: «Хочу я с небом примириться, // Хочу любить, хочу молиться, // Хочу я следовать добру» [7, с. 201]. Однако эта благая устремленность разрушается о кровавые рифы времени. Осознание утраты современным человеком и человечеством прежней духовной связи с Господом составляет суть переживаний Зинаидой Гиппиус личной духовной драмы. Ее поэтическая картина мира пронизана драматически заостренными антиномиями: мир – война, Бог – Безбожие, вера – неверие, Бог карающий – Бог милующий.

Стихотворная молитва З. Гиппиус реализована в основном в двух типологических моделях: *как жанр* и как *сюжет,* причем как сюжет богоборческий, что проявляется в такой жанровой форме, как стихотворение-инвектива.

Свойственная мировоззрению поэтессы критическая рефлексия приводит к тому, что в поэтической молитве З. Гиппиус более реализован ветхозаветный образ *Бога карающего*, чем еван-

гельский образ *Бога милосердного*.

Многие проанализированные поэтические тексты представляют собой вольное авторское переложение акафистных молитв, либо их оригинальную авторскую интерпретацию с включением канонических цитат и реминисценций из богослужебных первоисточников. Наиболее высокохудожественные стихотворные молитвы можно рассматривать как образцы индивидуально-авторского молитвотворчества, как стремление внести свой духовный вклад в победу над силами зла, именем Христовым отстоять свободу Отечества.

Примечания

1. Об аспектах творчества З. Гиппиус см., например: [1; 10; 13; 14 и др.].
2. Исследователь И.Л. Савкина подчеркивает, что только в этом стихотворении проявляется «материнская ипостась» образа Приснодевы [14].
3. В Библии достаточно мест, свидетельствующих об этом: «И сказал Господь Иисусу: не бойся их, ибо Я предал их в руки твои: никто из них не устоит пред лицем Твоим. И пришел на них Иисус внезапно… Когда же они бежали… Господь бросал на них с небес большие камни… и они умирали; больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны Израилевы мечем… И сказал…: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла… И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слышал бы глас человеческий…» (Ис. Н. 10:9-14); «Тогда Господь привел в замешательство Сисару и все колесницы его и все ополчение его, отмечая Варакова….» (Суд. 4:15); «И вопросил Давид Господа, говоря: идти ли мне против Филистимлян? предашь ли их в руки мои? И сказал Господь Давиду: иди; ибо Я предам Филистимлян в руки твои. И пошел Давид в Ваалперацим, и поразил их там, и сказал Давид: Господь разнес врагов моих предо мною, как разносит вода» (2 Цар. 5:19-20).
4. «Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы через окропление освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистить совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!... Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9:13, 14, 22).
5. Иссоп – одно из многих растений, упоминаемых в Библии; лекарственное растение, обладающее, среди прочих, «антисептическими… свойствами», применятся «для уменьшения потоотделения», «как тонизирующее средство» [4, с. 123].

Библиографический список

6. *Бисеров А.Ю.* Новое религиозное сознание в творчестве З.Н. Гиппиус: автореф. дис. … канд. филол. наук. РУДН. М.: РУДН, 2003. 16 с.
7. *Булгаков В.Ф.* Опомнитесь, люди-братья!: История воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против мировой войны 1914-1918 гг. М.: Задруга, 1922. 30 с.
8. *Гиппиус З.Н.* Стихи. Дневник 1911-1921. Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1922. 134 с.
9. *Ковалева Н.Г.* Лечение растениями: Очерки по фитотерапии. М.: Медицина, 1871. 352 с.
10. Краткое объяснение Молитве церковных песнопений, символа веры, св. таинств, заповедей Божиих и заповедей блаженства с переводом на русский язык. Издание Е.А. Губанова. М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1899. 199 с.
11. *Куприянов И.Т.* Судьба поэта: Личность и поэзия М. Волошина. Киев: Наукова думка, 1978. 231 с.
12. *Лермонтов М.Ю.* Демон: Восточная повесть. Подгот. текста А.Г. Михайловой. В кн.: Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. АН СССР. Ин-т рус. Лит. (Пушкин. дом); Ред. Н.Ф. Бельчиков, Б.П. Городецкий, Б.В. Томашевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т. 4. Поэмы, 1835-1841. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. Б.В. Томашевский. 1955. 427 с. С. 183-218.
13. *Маяковский В.В.* Вам! В кн.: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: ГИХЛ, 1955-1961. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912-1917 годов. Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна; Ред. З. Паперный. 1955. 464 с. С. 75.
14. Молитвенник. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. 510 с.
15. *Нартыев Н.Н.* Поэзия З. Гиппиус: проблематика, мотивы, образы [Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. 108 с.
16. *Павлова Т.А.* «Всеобщий примиритель (Тема войны, насилия и революции в творчестве М. Волошина)». В кн.: Долгий путь российского пацифизма = The long way of russian pacifism: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России: [Сб. статей]. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. Отв. ред: д. ист. наук Т.А. Павлова. М.: ИВИ РАН, 1997. 245-261.
17. Православный молитвослов. М.: Новая книга, Ковчег, 1999. 256 с.
18. *Савельев С.Н.* Жанна д'Арк русской религиозной мысли. Интеллектуальный профиль З. Гиппиус. М.: Знание России, 2002. 64 с.
19. *Савкина И.Л.* Образ Богоматери и проблема идеально женского в русской женской поэзии XX века. Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX века [Электронный ресурс]: [сайт] // Преображение: Русский феминистский журнал. 1995. № 3. С. 155-168. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women/text/savkinar.html.

20. *Северянин И*. Собрание поэз: В 6 т. Т. 4. Victoria regia. М.: Издание В. В. Пашуканиса, 1916. 156 с.

21. *Флоренский П.А*. Иконостас: Избранные труды по искусству. Сост., предисл. и библиогр. справка А.Г. Наследникова. СПб.: Мифрил-Русская книга, 1993. X, 365 с.

22. *Цветаева М.И.* Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 1: Стихотворения, 1908 1941; Поэмы; Драматические произведения. Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Саакянц. 1988. 719 с.

I.F. GERASIMOVA

THE POETICS OF THE PRAYER IN VERSE FORM IN Z. GIPPIUS'S CYCLUS "THE WAR"

In the article there are analyzed Z.N. Gippius's poems from her cyclus "The War", written in the genre of the prayer in verse form. During the analysis it was revealed that World War I is viewed by the poetess in the light of Christian consciousness while addressing the Holy Scriptures' texts. It is expressed in the poetess's own prayer in verse form creativity, in which the salat is used as a genre model, a text's or a plot's part.

Key words: ***World War I, Z. Gippius, poetry in verse form, prayer as a genre, prayer as a plot.***

Ю.В. ГОРДЕЕВА
соискатель кафедры английской филологии Орловского государственного университета
Тел. (4862) 75 29 93

Л.П. СЕМЕНЕНКО
доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета
E-mail: leonid-ogu@rambler.ru
Тел. 8 960 654 91 90

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛИ В АСПЕКТЕ ЕЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ И ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Статья рассматривает вопрос эффективности высказывания с точки зрения успешности реализации коммуникативной цели. Потенциальные и контекстно-связанные коммуникативные цели трактуются как единицы разных уровней и анализируются как семантическая и прагматическая категории соответственно. Особое внимание уделяется проблеме косвенной иллокуции и экспликации механизма ее осуществления.

Ключевые слова: ***язык, эффективное общение, диалог, компетенция, коммуникативный акт, коммуникативная цель, потенциальное значение, контекст, косвенная иллокуция, перлокуция, деривация, мотивация.***

Язык есть средство общения. В зависимости от того, что акцентируется в данном утверждении – «средство» или «общение», мы и выделяем специфический предмет исследования. «В пределах традиции изучения языка как **средства** общения ученый оперирует наборами единиц, «высшим» пределом которых является предложение. Но как только ударение стало делаться на другую часть формулы, т.е. на **общение**, стало ясно, что общение осуществляется не посредством фонем, морфем или слов и вовсе не замыкается даже пределами отдельных, изолированно рассматриваемых предложений» [Звегинцев 1980: 13] Лингвистика языка оперирует «безличным материалом» [Бахтин 1979: 215], «“пустыми” формами, которые каждый говорящий в процессе речи присваивает себе и применяет к своему собственному “лицу”» [Бенвенист 1974: 297], тогда как лингвистика общения рассматривает максимально персонифицированные речевые произведения, используемые в определенных обстоятельствах, возникающие как способ достижения поставленных практических и коммуникативных целей и отвечающие требованиям стратегии и тактики ведения диалога [Городецкий 1990: 42-43].

В связи с этим может возникнуть вопрос об относительной значимости или весомости двух категориальных компонентов, составляющих понятийную пару «язык и общение». Можно ли считать научно состоятельной, например, постановку вопроса о социальном, историческом, когнитивном и т.п. приоритете одного из двух компонентов этой связки? В частности, если это в принципе возможно, на каких основаниях и при каких условиях наряду с традиционной конъюнкцией «язык **и** общение» может быть выдвинута дизъюнктивная формулировка «язык **или** общение»? Вот что, например, пишет М.А. Кронгауз, признавая приоритет коммуникативной составляющей в данной паре: «Бывают ситуации, когда люди теряют свой язык, точнее, возможность общаться на нем. Это либо физическая ущербность, либо религиозные обеты, либо просто потеря собеседника на своем родном языке, например, эмиграция. В этих ситуациях всегда происходит своеобразная компенсация, всегда возникает новый язык или знаковая система. То, на чем можно общаться. Так что потеря языка – вещь весьма болезненная, но преодолимая, а вот потребность человека в коммуникации, по-видимому, относится к нашим основным потребностям» [Кронгауз 2009: электронный ресурс]. М.А.Кронгауз иллюстрирует эти слова следующим наблюдением. В ответ на упреки академика в регулярном употреблении слова *ложить* домработница отвечает: «Ну, знаю я, что правильно будет «класть», но мне жить с теми людьми, которые «ложат». Позиция домработницы, очевидно, лишний раз свидетельствует о том, что не языковые нормы детерминируют тип речевого взаимодействия, но реализация потребности человека к коммуникации специфицирует выбор языковых средств.

Тип речевого взаимодействия детерминируется контекстом в широком смысле этого слова. Содержание высказывания претерпевает модификации в зависимости от контекстных факторов адресанта, адресата, условий их взаимодействия, непосредственности-опосредованности общения и

© Ю.В.Гордеева, Л.П.Семененко

т.д. Результат коммуникации связан с тем, насколько реализована коммуникативная цель говорящего. По тому факту, достигнута ли коммуникативная цель, выделяются два типа общения:

– эффективное (общение со знаком «плюс»);
– неэффективное (общение со знаком «минус»).

Успешность диалога зависит от степени развития таких компетенций, как

1. лингвистическая компетенция, предполагающая владение вокабулярными единицами и правилами, позволяющими синтезировать их в значимые высказывания;

2. социолингвистическая компетенция, то есть умение использовать и употреблять языковые формы согласно ситуативным требованиям;

3. дискурсная компетенция, то есть осознание связности отдельных высказываний в значимых коммуникативных блоках;

4. стратегическая компетенция, предполагающая использование вербальных и невербальных стратегий для компенсации пробелов в навыках и умениях говорящего;

5. социокультурная компетенция, предполагающая некую осведомленность в рамках социокультурного контекста;

6. социальная компетенция, то есть желание интеракции, эмпатия и стремление к взаимодействию [Communication 1993: 1].

Не подлежит сомнению то, что данный перечень (очевидно, далеко не исчерпывающий) психических, интенциональных, когнитивных состояний коммуниканта отражает некоторое множество необходимых условий успешного и рационального языкового взаимодействия. В нашей работе речь идет лишь об отдельных аспектах коммуникативного акта, напрямую обусловленных указанными выше факторами успешной естественно-языковой интеракции и полностью или частично подпадающих под понятия «цели высказывания» (в традиционных терминах грамматики языка) и «коммуникативной цели» (в терминах лингвистики общения).

Рассмотрим разные по «цели высказывания» предложения *Вы можете мне помочь, Помогите мне, пожалуйста* и *Вы поможете мне?* Все они направлены на побуждение собеседника к действию. Можно ли при этом утверждать, что предложения, разные по цели высказывания, дублируют друг друга содержательно? Очевидно, что в данном случае необходимо провести дифференциацию таких понятий, как «повествовательность» и «утверждение», «побудительность» и «просьба», «вопросительность» и «вопрос», которые при ближайшем рассмотрении предстают как разнопорядковые величины, благодаря чему коммуникативно-целевой (иллокутивный) смысл 'просьба' может быть выражен посредством использования соответственно повествовательных, побудительных и вопросительных конструкций предложения.

Таким образом, коммуникативная цель детерминируется коммуникативной интенцией, то есть дает возможность говорящему реализовать намерение коммуникативными способами. В естественных условиях в любом грамматически правильном предложении цель высказывания всегда эксплицитно выражена синтаксическими средствами и входит в состав совокупности средств, используемых для выражения потенциальной коммуникативной цели, то есть говорящий, как правило, может найти в используемом им языке средства для более или менее адекватного выражения своего коммуникативного намерения.

Коммуникативная цель предполагает наличие в языке различных средств ее достижения. Например, цель побудить собеседника к какому-либо желательному для говорящего действию может быть достигнута с помощью речевого акта вежливой просьбы или приказа, выраженного с помощью императива, инвективной лексики, с нанесением оскорбления и унижением личности собеседника. Можно «удачно» оскорбить партнера по коммуникации, полагая свою цель выполненной, если таковой считалось соответствующее изменение его эмоционального состояния (т.е. соответствующий ассоциированный перлокутивный эффект оскорбления). Таким образом, степень достижения коммуникативной цели определяет эффективность коммуникативного акта как такового. Это обстоятельство находит отражение в работах Г.П. райса, который под эффективностью понимает такое конвенциональное и интенциональное воздействие на слушающего, посредством которого тот опознает намерение говорящего [Грайс, 1985: 225], и Е.Н. Ширяева, заявляющего, что эффективное общение – это оптимальный способ достижения поставленных коммуникативных задач, когда речевой акт, рассматриваемый в аспекте говорения, соответствует речевому акту, рассматриваемому в аспекте его реальных последствий. [Ширяев, 1996]. И.А. Стернин в основу содержания понятия «эффективное общение» помещает понятие «баланс отношений»: эффективным речевым воздействием следует признать такое, которое удовлетворяет двум основным условиям: достигает поставленных говорящим неречевой и речевой целей и сохраняет равновесие между участниками общения, т.е. достигает коммуникативной цели [Стернин, 1995: 6]. Речь при этом идет о качестве общения, оцениваемом по его результату с точки зрения того личност-

ного состояния, которое испытывают оба участника коммуникации при осуществлении совместной речевой деятельности.

Таким образом, коммуникативную цель высказывания можно рассматривать и как семантическую категорию в ракурсе «план содержания ↔ план выражения» (т.е. коммуникативная цель ↔ способ ее выражения), и как прагматическую категорию в ракурсе «план содержания ↔ контекст» (т.е. коммуникативная цель ↔ контекстные условия реализации коммуникативной цели). Семантическая и прагматическая обусловленность коммуникативной цели делает необходимым противопоставление контекстно-свободных, или потенциальных, коммуникативных целей контекстно-связанным.

Условиями контекстно-свободного описания коммуникативной цели будем считать необходимость воздерживаться от окончательных суждений о содержании конкретных высказываний с опорой на то, что в поверхностной структуре предложения принципиально возможно содержание эксплицитных указателей потенциальной коммуникативной цели безотносительно контекста, и на признание разноуровневости представления контекстно-свободных и контекстно-связанных коммуникативных целей.

Значение предложения относится к значению высказывания как потенциальная возможность к реализованной. Механизм, осуществляющий реализацию такого рода потенциальных возможностей, можно представить себе в виде особого процессора или модуля, который оперирует семантическими и контекстными знаниями и правила которого (в процессе анализа) имеют на выходе семантическую структуру (значение предложения); в процессе синтеза входом служит прагматическое представление, а выходом – семантическая структура. Преобразование контекстно-связанного значения в контекстно-свободное можно рассматривать как «логико-прагматическое отображение» [Leech, 1980: 82], как прагматическую деривацию [Leech, 1983: 17] и как преформацию [Почепцов, 1983]. Схематично это можно представить следующим образом:

поверхностное представление
|
семантическая деривация
|
семантическое представление
|
прагматическая деривация
|
прагматическое представление

Существенным различием между единицами семантического и прагматического уровней является то, что семантика оперирует дискретными категориями, а прагматические категории представляют собой некий континуум. Так, приказ есть понятие сугубо семантическое; его прагматический коррелят есть приказ прямой или косвенный, более или менее конвенциональный, то есть контекстно-связанный приказ есть некая величина, определяемая по шкале косвенности, конвенциональности и т.д. Если любой компонент семантической структуры в принципе может быть эксплицитно выражен в поверхностном представлении, то для контекстно-связанных значений данное ограничение снимается, то есть поверхностная структура высказывания может и не содержать эксплицитных маркеров коммуникативного намерения, следовательно, связь между высказыванием и его целью может быть прагматически мотивирована, но не поддаваться описанию в терминах семантической деривации.

Таким образом, потенциальная и контекстно-связанная коммуникативная цели представляют собой единицы разных уровней, между которыми существуют отношения **деривационного** типа, и должны быть описаны в рамках соответствующих уровней представления в разных терминах и независимо друг от друга или в рамках единого описания при исследовании процессов межуровневого взаимодействия. (В данном случае мы используем широкое понимание деривации, включающее в себя как традиционную «трансформацию», так и прагматическую деривацию или «преформацию».)

Контекстно-связанные коммуникативные цели подразделяются на прямые и косвенно выраженные. Рассмотрим следующий пример. Допустим, в некой ситуации утверждение *Скользко* передает просьбу пойти другой дорогой, то есть высказывание в данном контексте реализует как значение утверждения, так и значение просьбы: таким образом, утверждение представляет собой прямое контекстно-связанное значение, а просьба – косвенное. Данное разграничение уместно преимущественно с точки зрения взаимодействия прагматического и семантического представлений.

Таким образом, коммуникативная цель, достижение которой определяет успешность речевого взаимодействия, может рассматриваться как через призму способа ее выражения, то есть как семантическая категория, так и с точки зрения контекстных условий ее реализации, то есть как прагматическая категория. Другими словами, в семантическом анализе мы имеем дело с контекстно-свободными коммуникативными целями, в прагматическом – с контекстно-связанными, которые могут быть вы-

ражены как прямым, так и косвенным способом. Между контекстно-свободными и контекстно-связанными коммуникативными целями существуют отношения «**до**деривационного» характера (если деривацию понимать в узком смысле – как процесс межуровнего преобразования, или отображения (mapping) при переходе от абстрактных глубинных представлений к поверхностным).

Строго говоря, в естественном общении практически любое конкретное высказывание понимается адресатом как «нечто большее» по сравнению с тем, что говорится буквально, т.е. в реальных условиях любое высказывание представляет собой в большей или меньшей степени косвенную иллокуцию. Но с традиционным представлением о косвенном речевом акте, как правило, связывают ситуацию, в которой говорящие, например, задавая вопрос и тем самым будто бы ожидая от слушающего предоставления им вербализованной информации, на самом деле обращаются к нему с просьбой и тем самым побуждают его совершить какое-то действие. Характерные примеры – вопросы вида: (1) *Вы не могли бы закрыть окно?* (2) *Могу я попросить вас передать мне соль?* (3) *Ты не одолжишь мне свой конспект?* Прояснить реальную цель высказывания в ряде случаев помогает его пропозициональное содержание. Например, во всех приведенных высказываниях речь идет о некотором будущем действии, совершение которого предицируется слушающему.

Сам же механизм осуществления косвенной иллокуции можно представить следующим образом. Говорящий намерен осуществить некий речевой акт, но по каким-то причинам не намерен делать это буквально; при этом существует другой тип речевого акта, содержательно не противоречащего буквальному и совместимого с буквальным хотя бы в некоторых коммуникативных ситуациях. Полагаясь на содержательную близость буквального и небуквального коммуникативных актов в данной коммуникативной ситуации, говорящий осуществляет небуквальный речевой акт.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979. 313 с.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
3. *Городецкий Б.Ю.* От лингвистики языка – к лингвистике общения. // Язык и социальное познание. М.: Центр. совет филос. семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 39-56.
4. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.
5. *Звегинцев В.А.* О цельнооформленности единиц текста. // ИАН СЛЯ. 1980. Т. 39. № 1. С.13-21.
6. *Кронгауз М.А.* Язык и коммуникация: новые тенденции. 2009 – Электронный ресурс: http://www.polit.ru/article/2009/03/19/communication/
7. *Почепцов Г.Г.* мл. Коммуникативные преформации // Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Уч. записки Тартуского университета. Вып. 621. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1983. С. 110-117.
8. *Стернин И.А.* Учитесь общаться. Сб. тестов. Воронеж, 1995. 213 с.
9. *Ширяев Е.Н.* Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 21-22.
10. Communication in the modern languages classroom. / ed. by Joe Sheils. Council of Europe Press, 1993. 309 p.
11. *Leech G.* Explorations in Semantics and Pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1980. 133 p.
12. *Leech G.* Principles of pragmatics. London – New York: Longman, 1983. 250 p.

YU.V.GORDEEVA, L.P.SEMENENKO

THE COMMUNICATIVE GOAL OF AN UTTERANCE IN ITS SEMANTIC AND PRAGMATIC REPRESENTATION

The article discusses the problem of an utterance being effective from the viewpoint of its communicative intention. The peculiarities of the latter are specified in terms of semantics and pragmatics as potential and context-bound ones accordingly. Special attention is given to indirect illocution and the way it gets realized.

Key words: ***language, effective communication, dialogue, competence, communicative act, communicative intention, potential meaning, context, indirect illocution, perlocution, derivation, motivation.***

Я.О. ДЗЫГА
кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета
E-mail: disava@yandex.ru
Тел. 8 903 775 22 65

ОБРАЗ РОССИИ В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ШМЕЛЕВА и К. Д. БАЛЬМОНТА

Статья посвящена сравнению образов России в творчестве Шмелева и Бальмонта периода эмиграции. Исследование показывает, что у прозаика и поэта они во многом совпадают. Под влиянием Шмелева в бальмонтовском образе появляются устойчивые черты православной духовности. Приоритет природного перед бытовым отличает представления о России поэта и прозаика.

Ключевые слова: ***Шмелев, Бальмонт, эмиграция, образ России.***

Если расцвет таланта автора «Богомолья» в годы изгнания никто не оспаривал, то наследие зрелого Бальмонта долгое время недооценивалось. Мнение Б.К. Зайцева об «упадке» и «слабости» позднего творчества поэта[1] для многих было приоритетным. На сегодняшний день аргументировано доказано, что это положение устарело и требует серьезной корректировки[2].

Предметом анализа данной статьи является образ России в эмигрантском творчестве Шмелева и Бальмонта, эволюция мотива Родины у каждого из двух писателей и влияние на него внелитературных факторов.

Поэт-символист и реалист «знаньевского» типа на родине не были знакомы. Эмиграция не только «растрепала» внутренние силы вынужденных изгнанников по принципу приятия-неприятия новой России, но и свела в одной человеческой и творческой плоскости вчерашних художественных оппонентов. Личное знакомство Шмелева и Бальмонта, добрососедские (на даче в Капбретоне), а потом и дружеские отношения переросли в искреннюю творческую заинтересованность, так что «<…> со второй половины 20-х годов они выступают как единомышленники»[3]. Доминантной объединяющей темой творчества обоих художников стала Россия. Возможно, не без влияния Шмелева в ее прочтении у Бальмонта появляются православные мотивы и образы.

«Россия в Русском сердце – всюду»[4], – эти слова поэта мог бы сказать и прозаик. Бальмонт признавался: «Мне было не однажды даровано высокое счастье <…> слышать, как самый русский из современных русских писателей говорит – как он может говорить о России»[5]. Многие из посвященных Родине стихов либо вызваны впечатлениями от произведений Шмелева, либо посвящены ему, либо в нем нашли «исходную точку». Так, после очередного вечера, проведенного в семье Шмелевых, у имевшего репутацию «космополита» Бальмонта родились проникновенные строки о России: «Узнай все страны в мире, // Измерь пути морские, // Но нет вольней и шире, // Но нет нежней – России»[6].

Для Шмелева родное было приоритетным и до эмиграции. Мобилизованный на фронт молодой солдат Жданов, герой рассказа «Три часа» (1915), терпеливо ждет, когда в окне поезда покажутся родные места: «<…> Пусть хоть болотина, где косили, пусть ручеишко, где когда-то лошадь поили, пусть хоть столбик на поле, неведомо для чего стоящий»[7]. Ценность большой и малой Родины значительно выросла для героев и самого автора на чужбине. Так, в воспоминаниях малолетнего героя «Богомолья» (1931) даже воздух родного двора «<> пахнет как будто радостью»[8]. О себе Шмелев писал Бредиус-Субботиной: «<> Душа моя – там, в родном. Да и всегда была…<>» [9].

Ситуация вынужденного изгнания не только актуализировала образ России в творчестве

1 Зайцев Б.К. Бальмонт // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 6 (доп.). М.: Русская книга, 1999. С. 188.

2 Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926 – 1936 / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука; Собрание, 2005. С. 15.

3 Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново: Изд-во «Иваново», 2001. С. 13.

4 Бальмонт К.Д. Зарубежным братьям // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 35.

5 Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926 – 1936 / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука; Собрание, 2005. С. 361.

6 Бальмонт К.Д. Хочу // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 8.

7 Шмелев И.С. Три часа // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т.. Т. 4. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 322.

8 Шмелев И.С. Богомолье // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т.. Т. 4. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 34.

9 Шмелев И.С. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Роман в письмах: В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005. С. 320.

© Я.О. Дзыга

писателей-эмигрантов, но и придала ему драматическое, а порой и подчеркнуто трагическое звучание. В «Солнце мертвых» (1923) Шмелева изображение поруганной России и ее униженного народа прочитывается как «обвинительный акт» человечеству. Хронологически и пространственно ограниченная история здесь уступает место «системе бытия», превосходящей по драматизму библейский Апокалипсис. Передавая свои впечатления от прочтения шмелевского произведения, И.А. Ильин писал: «<…> У меня нет такого чувства, чтобы это было “произведение”, или “произведение искусства”, или Ваше “сочинение”. А есть чувство, что это оно само, сама бездна первозданная, сама беда Божия!»[10]. «Мучительная книга», – аттестовал «Солнце мертвых» Бальмонт[11].

В эмигрантском сборнике стихотворений поэта с символическим названием «Марево» (1922) апокалиптические ассоциации тоже связаны с мыслью о губительности времени попрания законов и разрушения устоев. Об этом стихотворения «Кровь и огонь», «Возмездие», «Российское действо», «Заснувший страх». Строки последнего прямо перекликаются с эпопеей Шмелева: «Благая Воля, ужас был в избытке. // Терзаемых от гибели избавь, // И прекрати невыносимость пытки, // Где явь есть сон, и страшный сон есть явь»[12].

Переживания о судьбе покинутой Родины, предощущение опасностей и бедствий, ей грозящих, в поэзии Бальмонта воплотились в символический образ набата: «Безвозвратно кончен день вчерашний. // Воплотился в яви жуткий сон. // С вечевой высокой грозной башни // Бьет набат, в пожаре небосклон»[13]. С сигналом тревоги связаны представления художника о роли поэтического слова и высокой миссии поэта в годы страшных испытаний, которые воплощаются одновременно в образах набата и благовеста: «Лишенный Родины, меж призраков бездушных, // Непонимающих, что мерный мудрый стих // Всемирный благовест средь сумраков густых, // Один любуюсь я на звенья строк послушных»[14]. Немного позже в посвященном Шмелеву стихотворении «Песня дня и ночи» (1928) Бальмонт прибегает к аналогичным образам: «Мы оба в пламенях заката, // На рубеже тяжелых лет, // На срывах ската вопль набата, // Разлитых зарев медный бред»[15]. Начиная со сборника «Марево», в творчестве поэта наблюдается «<…> явственный стилевой «сдвиг» в сторону обнаженной публицистичности <…>»[16], – заявили В. Куприяновский и Н. Молчанова.

Шмелев находил свои «глаголы осужденья» для описания «величия-ужаса» российской трагедии. Как русский человек и патриот писатель многократно высказывался на страницах эмигрантской печати, облекая слова гнева, боли, утешения и надежды в публицистические выступления. Главное достоинство России, по Шмелеву, в духовном величии ее народа: «Опаляющим огнем веры зажжем душу свою и народа душу, – и отвалим от гроба камень, дадим волю живым ключам. Как загорится тогда Россия, Живого Бога познавшая!»[17].

У обоих писателей запечатленная в сердце Россия вырастает прежде всего из воспоминаний. «Сладко в память заглянуть»[18], – с грустью констатирует лирический герой Бальмонта. Мотив ностальгической памяти о прошлом – один из ключевых в творчестве прозаика и поэта. Для автора «Богомолья» и «Лета Господня» это атмосфера детства, свет православия, мир чарующей русской природы, дорогие сердцу приметы прочного московского быта. Для влюбленного в целый мир поэта, в первую очередь, – неброский северный пейзаж.

«Родимая Мать», «родимая сторона», «Единственный Край», «мой край», «Отчий Дом», – любовно именует Россию Бальмонт, как и Шмелев, выделяя приметы православной духовности в качестве знаковых для страны. В связи с темой России в творчестве Шмелева и Бальмонта возникают мотивы поруганных святынь, греха и семантически связанные с ними мотивы вины, ответственности, сыновнего долга. При этом характер катастрофы осознается писателями в евангельских масштабах, что находит отражение в библейских аллюзиях: «О, Русский колокол и вече, // Сквозь бронзу серебра полет. // В пустыне я – лишь всклик Предтечи, // Но Божий Сын к тебе идет»[19]. Шмелев писал о смуте «последней истории российской» в статье «Крестный подвиг» (1924): «Это не из того Апакалипсиса. Это – из нашего. Это – Она, терно-

10 Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927-1934). М.: Русская книга, 2000. С. 21

11 Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926 – 1936 / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука; Собрание, 2005. С. 164.

12 Бальмонт К.Д. Заснувший страх // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 440.

13 Бальмонт К.Д. Часы // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 407.

14 Бальмонт К.Д. Набат // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 425.

15 Бальмонт К.Д. Песня дня и ночи // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб *Книговек*, 2010. С. 86.

16 Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. К.Д. Бальмонт и его литературное окружение. Воронеж, ФГУП ИПФ «Воронеж», 2004. С. 34.

17 Шмелев И.С. Душа Родины // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т.. Т. 6. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 572.

18 Бальмонт К.Д. Мать // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 60.

19 Бальмонт К.Д. Надпись на коре планата // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 33.

вым венцом венчанная»[20].

Противовесом жестокому безвременью и у Шмелева, и у Бальмонта является то, что согревает каждую человеческую жизнь, – тепло и ласка домашнего очага. Образ дома, любовно воссозданный Шмелевым в автобиографической дилогии, в творчестве Бальмонта обретает дорогие сердцу черты родителей. Духовно-душевный облик «хозяина благого», весельчака и фантазера Сергея Ивановича Шмелева сравним с описаниями единственного и любимого отца из одноименного стихотворения Бальмонта: «Воспоминания, как зерна светлых четок, // Перебираю я, сдвигая к кругу круг, // И знаю, что всегда ты божески был кроток, // Как тишь твоих полей, как твой зеленый луг»[21].

Символична последовательность поэтических произведений сборника «В раздвинутой Дали» (1929) Бальмонта: «Мать», «Отец», «Я». Торжественный пафос стихотворении «Я» – во всеобъемлющей и жертвенной любви к России: «Я меру яблок взял от яблонь всех садов, // Я видел Божий Куст. Я знаю ковы Змия. // Но только за одну я всё принять готов, – // Сестра моя и Мать! Жена моя! Россия!»[22]. Жизнеутверждающий настрой заключительной строфы стихотворения «Судьба» – закономерное следствие внешней и внутренней биографии поэта: «Судьба дает мне ведать пытки, // На бездорожье нищету. // Но в песне – золотые слитки, // И мой подсолнечник – в цвету»[23].

У страстных поклонников солнца Шмелева и Бальмонта указанный символический образ одинаково активно включается в создание образа России. Природное и духовное значения образа солнца сосуществуют в художественном мире романа «Лето Господне» (1927-1948): «Два солнца ходят по русскому небу: солнце планетарное, дававшее нам бурную весну, каленое лето, прощальную красавицу-осень и благодатную белую зиму; и другое солнце, духовно-православное, дававшее нам весною – праздник светлого, очистительного Христова Воскресения, <…> в стужу – обетованное Рождество и духовно-бодрящее Крещение»[24].

Таким же предстает солнце в цикле из четырех стихотворений Бальмонта, посвященных «Лету Господню» и его автору: «Весь мир наш измененный плох, // Он крик и стон, и вздох усталый, // Но я с тобою, мальчик малый, // И к нам подходит добрый Бог. // Взглянул – и синевою вышней // Заходит в солнечный Он свет, // А мы глядим в колодец лет // Под зацветающею вишней»[25].

Как важная составляющая образа дома и родины солнце заливает страницы «Богомолья». Оно сопровождает героев на протяжении дня, влияет на их настроение, щедро одаривая радостью и весельем. Для маленького Вани солнце – сама жизнь, размеренно текущая на родном дворе. Оно так естественно в нее вписано, что ребенок совсем не удивлен рассказом отца о том, как дедушка пил чай с солнцем: «Да… дней семь-восемь в году всего и заглянет сюда к нам в щель. Дедушка твой, бывало, всё дожидается, как долгие дни придут… чай всегда пил тут с солнышком, как сейчас мы с тобой. И мне показывал. <…> А теперь я тебе. Так вот всё и идет… <…>»[26].

Мечта о возвращении на Родину – лейтмотив жизни и творчества прозаика и поэта в эмиграции. Любовь к родному солнцу – синоним любви к России. Об этом строки письма Шмелева к О.А. Бредиус-Субботиной: «Бог даст, <…> – мы увидим родное солнце. Хочу верить»[27]. Об этом и поэтические грёзы Бальмонта: «Солнце – мертвым даже светит. // Солнце мертвых нас заметит. // Позовет нас в час веселый // На родные наши долы!»[28].

В сознании изгнанников дореволюционное прошлое представало настолько идеализированным, что мотив возвращения на Родину в их творчестве может прочитываться как мотив возвращения в рай: «В тех днях, когда по далям луга // Светился златом изумруд, // И так любили все друг друга, // Что луч оттуда светит тут»[29]. В письме к Бредиус-Субботиной Шмелев высказался об этом еще более определенно: «О, какой рай утрачен!.. – и как же мало ценился он, «творческие возможности» в нем, в минувшем и невозвратимом»[30].

Распадение жизни на благословенное «до» и горькое «после» по-своему отразилось в художественном мире писателей-эмигрантов: антитетиче-

20 Шмелев И.С. Крестный подвиг // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т.. Т. 6. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 551.

21 Бальмонт К.Д. Отец // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 60.

22 Бальмонт К.Д. Я // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 63

23 Бальмонт К.Д. Судьба // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 76.

24 Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 382.

25 Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926 – 1936 / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука; Собрание, 2005. С. 298.

26 Шмелев И.С. Богомолье // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т.. Т.8. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 36.

27 Шмелев И.С. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений: Т. 3 (доп.). Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2005. С. 386.

28 Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926–1936 / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука; Собрание, 2005. С. 374.

29 Там же. – С. 179.

30 Шмелев И.С. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Роман в письмах: В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005. С. 334.

ски противопоставлены пространственные («здесь» и «там») и временные («тогда» и «теперь») категории. В описании «чужого воздуха» неприветливой Европы у Шмелева и Бальмонта обнаруживается концептуальное единодушие. Оба сходятся в неприятии европейской узости, упраздняющей понятие духовности и низводящее бытие до заурядного существования. В описании чуждых ценностей у писателей одинаково возникают мотивы жизненной пошлости, тщеславия, преклонения перед разумом и попрания веры. «Взгляните на великие города – точные отражения нашей жизни, – на эти торжища человечьего стада, рвущегося за мясом жизни! Нет уже духа жива <…>»[31], – с горечью констатирует Шмелев. Ему вторит Бальмонт: «Здесь вежливо холодны к бесу и к Богу, // И путь по земным направляют звездам. // Молю Тебя, Вышний, построй мне дорогу, // Чтоб быть мне хоть мертвым в желаемом там»[32].

В создании образа России Шмелев и Бальмонт не обходятся без фольклорных образов Жар-птицы, бабы Яги, волшебного града Китежа. Образы одного ряда, они получают разное наполнение в творчестве двух писателей. Так, у Шмелева они становятся пугающими знаками страшной «интернациональной сказки»: «Сказка ли это? Это же подлая быль порабощенной Руси, где миллионы душ пущены на навоз для неведомой жатвы будущего!»[33].

И для Шмелева, и для Бальмонта образ России немыслим без памяти о величии ее главного города – Москвы[34].

В обращении к историческому прошлому – залог надежды на грядущее возрождение России. Показательно, что из числа лиц, просиявших в историческом и культурном прошлом страны, прозаик и поэт часто выделяют одни и те же персоналии. В «великом сонме Святых России» у Шмелева особо отмечены Сергий Радонежский, Тихон Задонский, Серафим Саровский; в числе гениев государственной мысли – Александр Невский, Калита, Дмитрий Донской, Петр I; в ряду «одаренных творчеством» – Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов. У Бальмонта это Сергий Радонежский, Серафим Саровский, князь Олег, Петр I, Ермак, герои войны 1912 года; в литературе – Фет и Пушкин: «Ты вскликнул: «Пушкин!» Вот он, светлый бог, // Как радуга над нашим водоемом. // Ты в черный час вместишься в малый вздох. // Но завтра – встанет! С Молнией и громом!»[35]. Для обоих писателей Пушкин – олицетворение гения русского народа, самой России. Надломленный годами эмиграции, но не потерявший надежды на заветное возвращение, Шмелев писал Ильину: «Жду России – судорожно <…> хватаюсь за Пушкина»[36].

Еще одна примета одаренности народа – богатый «мыслью» и «мощью» русский язык. И для прозаика, и для поэта великолепие родного языка не только свидетельство духовного величия России, но и залог ее грядущего воскресения. По Шмелеву, слово творящее – великая сила, в ней связь поколений и преемственность культуры, Правда Слова Божья. В недрах «могучего», «красивого», «творческого», «самородного» русского языка, по мнению Бальмонта, таится загадка русской души. Полиглот и эстет, искушенный прелестью многих языков, поэт с восторгом писал Шмелеву: «Какие есть русские слова! Объедение (для) души»[37].

Как показал проведенный анализ, образы России у Шмелева и Бальмонта периода эмиграции во многом перекликаются. Главными сопрягающими элементами здесь являются любовь к утраченной Родине, условия эмиграции и дружеское общение художников. Изменения, происходящие с образом России в творчестве автора «Богомолья», могут расцениваться как усиление национального начала. В прочтении того же образа у Бальмонта появляются новые, усиленные общением со Шмелевым черты православной духовности. Приоритет природного перед бытовым отличает представления о России обоих русских писателей.

31 Шмелев И.С. Душа Родины // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т.. Т. 6. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 568.

32 Бальмонт К.Д. Здесь и там // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 43.

33 Шмелев И.С. Душа Родины // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т.. Т. 6. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 572.

34 См.: Дзыга Я.О. «Одно лишь слово нужно мне: Москва» (Столица в художественном сознании И.С. Шмелева и К.Д. Бальмонта) // X Виноградовские чтения. Москва и «московский текст» в русской литературе XX века. М.: МГПУ, 2007. С. 28-36.

35 Бальмонт К.Д. Русский язык // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 155-156..

36 Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). М.: Русская книга, 2000. С. 128.

37 Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926 – 1936 / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Наука; Собрание, 2005. – С. 60.

Библиографический список

1. *Бальмонт К.Д.* Собр. соч. в 7 т. Т. 4. – М.: Книжный Клуб *Книговек*, 2010. 464 с. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. – ISBN 978-5-904656-82-9.
2. *Дзыга Я.О.* Одно лишь слово нужно мне: Москва (Столица в художественном сознании И.С. Шмелева и К.Д. Бальмонта) [Текст] // X Виноградовские чтения. Москва и «московский текст» в русской литературе XX века. М.: МГПУ, 2007. С. 28-36. – ISBN 978-5-243-00222-6.
3. *Зайцев Б.К.* Собр. соч. в 5 т. Т. 6 (доп.). М.: Русская книга, 1999. 555 с. ISBN 5-268-00446-8.
4. *Ильин И.А.* Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. 1. М.: Русская книга, 1996. 560 с. ISBN 5-268-01393-9.
5. *Ильин И.А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927-1934). М.: Русская книга, 2000. 560 с. ISBN 5-268-00485-9.
6. *Ильин И.А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). М.: Русская книга, 2000. 576 с. ISBN 5-268-00487-5.
7. Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926 – 1936. Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука; Собрание, 2005. 431 с. ISBN 5-02-034252-1.
8. *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* К.Д. Бальмонт и его литературное окружение. Воронеж, ФГУП ИПФ «Воронеж», 2004. 198 с. ISBN 5-89981-328-8.
9. *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново: Изд-во «Иваново», 2001. 469 с. ISBN 5-85229-038-6.
10. *Шмелев И.С.* Собр. соч. [Текст]: в 12 т.. Т. 4. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. 574 с. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. ISBN 978-5-91362-064-4.
11. *Шмелев И.С.* Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (доп.). Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2005. 792 с. ISBN 5-8243-0424-6.

Y.O. DZYGA

THE IMAGE OF RUSSIA IN EMIGRANT WORKS OF I.S. SHMELEV AND K.D. BALMONT

The article deals with comparison of the images of Russia in works of Shmelev and Balmont in the emigration period. The research shows that the prose writer and the poet have the images coincided in many things. Stable features of orthodox spirituality have been appearing in Balmont's image under the influence of Shmelev. The priority of Nature over Everyday life distinguishes ideas of the poet and the prose writer about Russia.

Key words: **Shmelev, Balmont, emigration, the image of Russia.**

А.С. КРАЙНОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики
E-mail: krajnova_alla@mail.ru
Тел. 8 911 080 21 01

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОПЫТА НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются истоки возникновения научного интереса к понятиям «речевая/речеповеденческая тактика», их взаимосвязь с понятием «интенции» в теории речевых актов. Анализируются подходы к изучению корреляции «речевые стратегии» – «речевые/речеповеденческие тактики», существующие в современной лингвистике.

Ключевые слова: ***интенция, речевой/рече-поведенческий акт, речевая/речеповеденческая тактика, речевая стратегия, речевая интеракция, прагматическая компетенция.***

Концепция речевых стратегий и речевых (речеповеденческих тактик) возникла в рамках лингвокультурологической парадигмы образования с целью оптимизации обучения иностранным языкам. В современной лингводидактике ***речеповеденческая тактика*** определяется как «последовательность интенций, с помощью которой строится какой-либо фрагмент коммуникативного акта» [10, с. 6], что обусловливает взаимосвязь понятий «речевая/речеповеденческая тактика» и понятия «интенция». Представляется, что истоки возникновения научного интереса к данным понятиям могут лежать в плоскости лингвистических исследований процессов общения 60-х годов 20 века, тесно связанных с психологией общения, теорией коммуникации, лингвистической прагматикой, – исследований того, как говорящий стремится воздействовать на слушающего и как слушающий воспринимает коммуникативные намерения говорящего. Речь идет о *теории речевых актов.*

Основателем теории речевых актов считается Дж. Остин, опубликовавший в 1962 году свой главный труд «How to do things with words», ставший знаковым исследованием и положивший начало развитию нового лингвистического направления.

Теория речевых актов базируется на понятии *речевого воздействия*, то есть критерием классификации высказываний служит действие, вызываемое высказыванием [14, с. 3].

Дж. Остин разработал модель речевого акта, подразумевающую, что в каждом речевом акте в процессе взаимодействия говорящего и слушающего выделяются три уровня:

1. речевой акт в аспекте использованных в нём языковых средств – *локутивный акт* (единство фонетического, фатического и ретического актов);

2. речевой акт в аспекте намерений и целей говорящего – *иллокутивный акт;*

3. речевой акт в аспекте результатов, т.е. воздействия на сознание – *перлокутивный акт* [9, с. 20-22].

Главной особенностью теории речевых актов явился подход к речевому акту как к способу достижения говорящим определённых нелингвистических целей и рассмотрение под этим углом используемых речевых средств, то есть отношение к «слову как действию» [8, с. 27]. Таким образом, можно утверждать, что английский философ-моралист Дж.Остин был одним из зачинателей интереса к понятию и функционированию речевых тактик; в своём исследовании 1956 года «A Plea for Excuses», посвящённом изглаживанию деликта (нарушению поведенческих норм), он вывел тактики оправдания и извинения [3, с. 5].

Интерес также представляла идея Дж. Остина об эксплицитных и имплицитных перформативных высказываниях – вопрос о *косвенных речевых актах*, которая получила дальнейшее развитие в работах таких ученых-лингвистов, как Дж.Серль, Дж.Лакофф, Д.Гордон, Р.Конрад. В косвенных речевых актах грамматическая структура не соответствует намерению говорящего. Например, высказывание «Нет ли у тебя словаря?», скорее всего, содержит просьбу, а не вопрос. В этом заключается существенное отличие теории речевых актов от логики, которая стремится видеть в высказываниях истинность и ложность; теория речевых актов рассматривает высказывание в качестве акта общения и исследует его с точки зрения искренности говорящего и успешности его речевых действий [7, с. 17].

Дж.Серль в своей работе «Что такое речевой акт?» утверждал, что «говорение на языке – это осу-

© А.С. Крайнова

ществление речевых актов» [12, с. 150], и это позволило Серлю сделать вывод о том, что теория языка – лишь часть деятельности (action), в то время как говорение является формой поведения, регулируемой правилами. При этом с точки зрения семантики предложения нет необходимости разграничивать изучение смысла предложений и речевых актов, ибо они тесно связаны между собой: для каждого речевого акта существует возможное предложение или набор предложений, произнесение которых в определённом контексте и будет реализацией данного речевого акта.

Дж. Серлем был выделен *принцип выразительности*, гласящий: всё, что имеется в виду, может быть выражено с помощью языка. Сочетание гипотезы о том, что речевой акт – основная единица коммуникации, с принципом выразительности ставит вопрос о связи между понятием речевых актов, значением говорящего, значением предложения, интенцией говорящего, восприятием (пониманием) слушающего и правилами использования лингвистических элементов. Понятие *интенции* было введено именно Дж. Серлем, оно является вторым основополагающим понятием теории речевых актов наряду с понятием «речевого акта» и рассматривается, как «намерение говорящего выразить некий коммуникативно-значимый смысл с помощью речевых средств, то есть осуществить речевой акт» [16, с. 291].

Анализируя *косвенные речевые акты* в одноимённой статье «Косвенные речевые акты», Дж. Серль выделяет основные способы их реализации, такие как «предложения, касающиеся способности слушающего осуществить действие; предложения, касающиеся желания слушающего осуществить действие и др.» [11, с. 78]. Дж.Серль отмечает, что в качестве косвенного вопроса эти предложения сохраняют своё буквальное значение. При этом значение косвенного вопроса привносится в такое предложение/высказывание говорящим, так как самому предложению это значение не свойственно.

В отличие от Дж. Серля, Д. Гордон и Дж. Лакофф, анализируя косвенные речевые акты, делают акцент на *искренности* и *мотивированности* речевого акта: если речевой акт немотивирован, то к нему могут быть выдвинуты претензии. Ими анализируется речевой акт *просьбы* и в качестве одного из примеров приводится высказывание «I promise you to pay you back, but I don't intend to / Я обещаю вернуть тебе долг, но не собираюсь это делать» [5, с. 276].

А.Вежбицкая, анализируя глаголы говорения, выдвинула гипотезу, что различные речевые акты типа *сообщение, просьба, совет, обещание, предостережение* и т.п. «по определению включают различные намерения и предположения; наблюдая извне речевой акт любого рода, мы можем назвать или не назвать его сообщением, просьбой и т.д. в зависимости от двух факторов: 1) что было сказано; 2) считаем ли мы, что намерения и/или предположения, выражаемые словами или интонацией того, что говорится, действительно могут быть приписаны говорящему [2, с. 255]. А. Вежбицкая подчёркивает роль интонации в императивах (просьбах, приказах и т.п.), а также в вопросительных предложениях.

Подводя итог, следует отметить, что теория речевых актов подчеркнула факт включённости слушающего в речевую ситуацию, и показала важность учёта намерения говорящего для объяснения сущности процесса речевого воздействия. Наряду с этим была выявлена взаимосвязь интенции с другими экстралингвистическими факторами, как соответствие между целью высказывания и обстоятельствами речевого акта.

Как было отмечено ранее, термин «речеповеденческая тактика» может определяться как последовательность интенций, с помощью которой строится какой-либо фрагмент коммуникативного акта, однако, современные лингвистические исследования выявляют разнообразие дефиниций данного термина, показывающее его корреляцию с другими. В большинстве случаев данный термин рассматривается в непосредственной связи со смежными терминами «речеповеденческий акт», «речевые тактики», «речевые ходы», но более всего он функционирует в соотношении с термином «речевые стратегии» (корреляцию «тактики/стратегии» условно можно представить как родо-видовую, соотношение общего к частному).

Остановимся на некоторых исследованиях с целью разобраться в соотношении терминов «речевая стратегия / речевая тактика».

О.С. Иссерс понимает *речевую стратегию* как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, а *речевой тактикой* считает одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [6, с. 109]. Стратегический замысел определяет выбор средств и приёмов его реализации, следовательно, речевая стратегия и тактика связаны как род и вид.

Н.И. Формановская, занимающаяся коммуникативно-прагматическими аспектами единиц общения, особенностями обучения иностранных учащихся русскому речевому этикету, также неоднократно обращалась к исследованию стратегий и тактик общения. Она выделяет прагматический аспект языка как особо связанный «с отношением

человека к языковым знакам, с выражением его установок, оценок, эмоций, интенций при производстве (и восприятии) речевых действий в высказываниях и дискурсах» [15, с. 56]. Постулаты прагматики регулируют речевое поведение коммуникантов.

По мнению Н.И.Формановской, с*тратегии* связаны с общим замыслом конечной цели общения, *тактики* состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии. Среди тактик, осуществляемых с помощью различных речевых действий и отвечающих экспектациям партнера, выделяется *тактика умолчания*, когда вербальная реакция отсутствует, но молчание полно смысла (согласие, отказ, уход от ответа, озадачивание партнёра и т.д.). Владение стратегиями и тактиками входит в прагматическую компетенцию говорящего: чем более он компетентен в языке и речи, тем многообразнее и гибче его стратегии и тактики и тем успешнее он добивается своих целей. Стратегический план, например, предостеречь партнёра от чего-либо опасного, может осуществляться с помощью целого ряда тактических ходов (тактик): указать на негативные последствия возможного поступка, ущерб, беды, конфликты, понижение по службе, потерю работы и др. Цепочка тактических ходов образует типизированные (хотя и варьируемые) тексты общения соответственно сценариям коммуникативных эпизодов. Общий стратегический план нередко воплощается в речевом жанре: соболезнование, утешение, заздравный тост, завязывание знакомства и т.п.

Исследователь С.А. Сухих выделяет *интеракции и стратегии* [13, с. 1986]. Обмен речевыми действиями есть *речевая интеракция*, примером которой является диалогическое единство как минимум речевого сообщения. Речевой акт является лишь компонентом в строении такой единицы, который не обязательно совпадает с фазами диалога. Однозначное прочтение речевого действия задаётся *речевой стратегией*, в которой получают реализацию определённые установки (диспозиции личности). Речевая стратегия обуславливает определённую последовательность действий говорящего в соответствии с планом (в случае волевого поведения) или установкой (в случае импульсивного поведения). На структуру речевой стратегии влияют системы ценностей, убеждений, социальных норм и конвенций, составляющие в совокупности диспозиции личности.

С.А. Сухих выделяет следующие конституенты речевой стратегии: аргументация, мотивация, оценка, выражение эмоций (симпатий, антипатий), размышление вслух, оправдание, подстрекательство и т.п. В результате взаимодействия партнёров их речевые стратегии могут изменяться. Построение стратегий и их реализация зависят от степени знакомства коммуникантов, социального повода, структуры личности. «Типы стратегий зависят в первую очередь от поводов и социальных диспозиций личности, а поэтому нужно выходить за пределы традиционной компетенции языковедов» [13, с. 74]. Таким образом, можно говорить о том, что для С.И. Сухих речевая тактика (интеракция) представляет как минимум диалогическое единство, для построения которого важен учет социальных и психологических характеристик коммуникантов.

Н.Д. Арутюнова обращается к исследованию речеповеденческих тактик, рассматривая их с точки зрения истинности/отрицания высказывания и используя понятие «речеповеденческие акты» [1]. *Речеповеденческие акты* в её исследовании – это акты говорения правды, рассматриваемые двояко – со стороны их истинности и со стороны осуществляемого действия. Такие акты всегда адресованы, так как они причастны к речевой коммуникации [1, с. 585]. По её мнению, категория истинности объединяет вокруг себя большую группу речевых действий. Речеповеденческие акты имеют двойственную ориентацию: они характеризуют и содержание высказывания со стороны его истинности, и говорящее лицо со стороны нравственности совершённого им поступка.

Одним из самых интересных и актуальных в лингокультурологической парадигме обращений к изучению речеповеденческих тактик являются исследования Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [3,4]. В своем труде «Дом бытия языка. В рамках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик» они подчеркивают принадлежность речеповеденческих тактик одновременно и культуре и языку.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров противопоставляют понятия «речеповеденческие тактики» и «речеповеденческие стратегии». *Речеповеденческая тактика* – «это (в определённой речеповеденческой ситуации) однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта 1, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [3, с. 12]. Реализуя одну тактику, говорящий как бы ступает шаг за шагом: он выполняет ряд речеповеденческих актов, и их сумма, при благоприятном исходе, приводит к успеху. Если же одна конкретная тактика неуспешна, то применяется вторая, затем третья, четвёртая и т.д. Скомбинировав несколько тактик, комммуникант 1 добивается изменений в информированности, эмоциональном состоянии, взглядах и оценках коммуниканта 2 и влияет на его поведение. Исследователи отмечают, что рече-поведенческая тактика вычле-

няется по признаку одного-единственного смысла, который может быть выражен самыми различными вербальными и невербальными средствами.

РП-тактика – это предпосылка (программа) соответствующего речевого и невербального поведения, которую член языкового коллектива усвоил в процессе социализации. Поскольку РП-тактика в значительной мере вербализуется через клишированные и полуклишированные речения, она остаётся социальным явлением также и в аспекте вербальной реализации. Несмотря на невербальность самой речеповеденческой тактики (sensus purus), она состоит из вербальных (речевых) актов.

По исчислению (в аспекте синхронии) речеповеденческих тактик по «изглаживанию деликта», начатого Дж.Остином, а также по результатам диахронного исчисления речеповеденческих тактик поведения в очередях и тактик, посвящённых теме «Деньги – это (не) всё в нашем мире», Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров пришли к следующим выводам:

• речеповеденческая тактика может предсказать, какой вид примут личностные речения коммуникантов, а также осознать их как свои реализации;

• выявление списков речеповеденческих тактик, обсуждение их генезиса, места в ментальности, директивной роли в поведении отдельного человека способно привести к нетривиальным результатам, в том числе и к неожиданным для самих исследователей [3, с. 54].

Подытоживая обзор дефиниций *речеповеденческих тактик*, существующих в современных исследованиях, можно сделать вывод о том, что вне зависимости от инструментария, используемого исследователями («речевая тактика», «речеповеденческая тактика», «речевая интеракция», «речеповеденческий акт»), описание их функционирования в художественной литературе, языке прессы, обиходной речи и т.п. является перспективным направлением современной лингвистики и лингвокультурологии, так как речевые ходы, составляющие содержание речеповеденческих тактик, заключают в себе информацию о национальной специфике языка, культуры, коммуникации, речевого поведения коммуникантов, т.е. о национальной языковой картине мира.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры,1998. 896 с.
2. *Вежбицкая А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. 500 с. С.251-276.
3. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М.: ИПО «Лев Толстой»,1999. 85 с.
4. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Дом бытия языка. В рамках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М.: ИПО «Лев Толстой», 2000. 124 с.
5. *Гордон Д., Лакофф Дж*. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XVI. М.: Прогресс, 1985. 500 с. С.276-303.
6. *Иссерс О.С*. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. 285 с.
7. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект-пресс, 2000. 205 с.
8. *Остин Дж.* Слово как действие. Лекция VI // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С.22-129.
9. *Остин Дж*. Слово как действие. Лекция VII // Теория речевых актов. Начальный этап. Хрестоматия. Уфа: БашГУ, 2001. 190 с. С.11-44.
10. Пороговый уровень. Русский язык. Т.1. Повседневное общение. – Совет Европы Пресс, 1996. 266 с.
11. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Теория речевых актов. Начальный этап. Хрестоматия. Уфа: Баш ГУ, 2001. 190 с. С. 144-160.
12. *Серль Дж.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.,1986. С. 151-170.
13. *Сухих С.А*. Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его компоненты. Межвуз.сб.научн.тр. Калинин: КГУ, 1986. 150 с. С.71-85.
14. Теория речевых актов. Начальный этап. Хрестоматия. Уфа: Баш ГУ, 2001. 190 с.
15. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц обучения. М.: Ин-т русск.яз., 1998. 291 с.
16. *Щукин А.Н.* Методика краткосрочного обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык, 1984. 126 с.

A.S. KRAYNOVA

SYSTEMATIZATION OF EXPERIENCE IN SCIENTIFIC DESCRIBING OF COMMUNICATIVE STRATEGIES AND COMMUNICATIVE TACTICS IN MODERN LINGUISTIC SCIENCE

The article is devoted to beginning of scientific interest in notion of communicative tactics and it's relation with notion of intention in communicative act's theory. There is analysis of approaches to studying correlation between communicative strategies and communicative tactics which exists in modern linguistic science.

Key words: ***intention, communicative act, communicative tactic, communicative strategy, communicative interaction, pragmatic competence.***

Н.А. КУДЕЛЬКО
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Орловского государственного института искусств и культуры
E-mail: kudelko-ogiik@mail.ru
Тел. (4862) 73 45 18

ПРАВЕДНИКИ БОРИСА ЕКИМОВА В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ И.С.ТУРГЕНЕВА («ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»)

В статье говорится о современном прозаике Б.П.Екимове. В его творчестве документальность и публицистичность сопрягается с поэтизацией и романтизацией, в чём проявляются традиции «Записок охотника» И.С.Тургенева. Тургеневские романтики из народа типологически близки героям-крестьянам Б.Екимова. Особое внимание уделяется типу праведника.

Ключевые слова: ***романтики из народа, образ праведника, типологическая общность.***

Б.П.Екимов (р. 1938), волгоградский прозаик, пишет о современной русской деревне, о хуторах и станицах степного Задонья. Пишет с интонацией горечи о порушенной колхозной деревне, о неприкаянных судьбах, о человеческой незащищенности. Пишет подчас с интонацией горестной иронии, например, характерной для рассказа «Ралли» (2004), действие которого происходит в хуторе Большие Чапуры. «Громкое имя» хутора «звучало словно насмешка. Это когда-то, при советской власти, при колхозах-совхозах, Чапуры были и впрямь большими, на две сотни дворов. А нынче – лишь малое селенье в далёком глухом Задонье» (1, 31). Насмешка проявляется и в самом сюжете. Пришло на хутор известие о ралли: машины пройдут рядом с хутором. Его обитатели приготовились к встрече: приоделись, наготовили снеди в надежде продать, «копеечку» заработать. Но машины с ревом промчались мимо… «Собирали свои котомки, укладывались, вздыхая». Потом решили посидеть, выпить: давно не собирались вместе по-соседски, «нынче лишь смерть собирала». Пели… «Пели как в годы старинные. И горько было до слёз, и тепло на душе» (1; 48,49). И горько, и тепло… Горько от ощущения заброшенности, «лишности». Тепло от посиделок, от тихо гаснущего дня, от привычного уклада жизни, к которому возвращаются хуторяне. Будет греться ужин, «томиться молоко в круглом казане», пахнуть «хлебным печевом..» - этого никто, ничто и никогда не отнимет.

Прозу Б. Екимова отличает документальность и публицистичность. Критик П. Басинский писал в 2008 году: «Да, Борис Екимов – публицист. Он единственный из современных больших русских писателей взял на себя ответственность быть хроникёром и советником в той области русской жизни, которую другие чистые «художники» брезгливо отмели от себя левой ногой» (2).

Быть публицистом – это в традициях русской классики, например, прозы И.С. Тургенева. Так, книга рассказов «Записки охотника», появившаяся отдельным изданием 160 лет назад, в 1852 году, направлена против ненавистного врага писателя, против крепостного права. Это была его «аннибаловская клятва...». Проблема крепостного права решена в книге новаторски, на что первым указал В.Г. Белинский. Утверждая мысль о духовной силе русского народа, Тургенев разоблачает безнравственную, антигуманную сущность крепостничества.

Особую роль в выражении антикрепостнической направленности книги играют образы романтиков из народа. Калиныч, мальчики из «Бежина луга», Касьян с Красивой Мечи, Яков Турок из «Певцов» и Лукерья из рассказа «Живые мощи» – носители духовности, нравственной силы, талантливости русского народа. В романтиках из народа Тургенев подчеркивает одухотворенность и поэтическую чуткость.

Романтики Тургенева противопоставлены окружающей их действительности. Участь их драматична. Неустроенность и непрочность отличает жизнь Калиныча. «Калиныч – добрый мужик, – сказал мне г. Полутыкин, –усердный и услужливый мужик; хозяйство в исправности, одначе, содержать не может: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходит... Какое уж тут хозяйство, - посудите сами» (3,11). Неприкаянна и жизнь Касьяна; кроме того, Касьян в силу необычности своей натуры живет в атмосфере непонимания и отчужденности от людей. Трагична будущая судьба таланта Якова Турка, о чем свидетельствует сцена пьяного загула, которой заканчивается рассказ.

Драматизм судеб романтиков из народа выражает протест автора против крепостного права. В то

© Н.А. Куделько

же время красота и сила их внутреннего мира вселяют надежду на великое будущее русского народа.

Сочетание «несочетаемого»: документальности, очерковости, с одной стороны, художественно-образного постижения изображаемого, поэтизации и романтизации – с другой, составляет сущность новаторского характера «Записок». Глубокий драматизм повествования в книге Тургенева сопрягается с интонацией гармонии и высокой поэзии. Думается, именно это сочетание наследуется прозой русского писателя рубежа XX-XXI веков.

В речи на вручении премии Александра Солженицына Б.П.Екимов сказал: «Ругая нынешнее время, легко впасть в соблазн великого обличения, а как следствие в соблазн уныния: в такую страшную пору довелось нам жить. Но так ли это?» (4) Вопрос риторический: в обличающей прозе Б.Екимова нет уныния, она проникнута гармонией и светом.

Писатель видит образы новой деревни, новые социальные типы. Например, в рассказе «Проснётся день» (1997) возникает тип крестьянина-фермера. Старый Пономарь вернулся с женой на покинутый когда-то хутор, наладил здесь, на родной земле, хозяйство. Пономарь – и практик, и созерцатель, поэтически чувствующий красоту мира.

Композиционно рассказ – повествование об одном дне жизни на хуторе. Неторопливо течение обычного январского дня. Степной простор вокруг хутора, где живут три человека, придает рассказу особое широкое «дыхание». Этот простор, неторопливость, слаженность жизни чувствует и семилетний внук Пономаря. Утро погожее, светит солнце, а впереди – дорога на большой хутор… Чем не жизнь. И как не запеть:

Проснется день красы моей,
Зарей раскрашен свет…

Это песня деда, любимая, тот её не часто поёт» (5, 73). И мальчик сочиняет свою о радости и чудесах… В рассказе наблюдается эстетизация хуторского быта: и в том, что обитателям птичьего двора даются личные имена, и в эпически звучащей фразе «Черная рать на белом снегу», и в пейзажах, широко, просторно «дышащих», и в настроении внука, и в пении старого Пономаря… То, что Пономарь – умелый гармонист, то, как он самозабвенно поёт старинную песню «Отцовский дом спокинул я…», - важнейшая характерологическая деталь, наряду с умением Пономаря «обустроить» своё хозяйство, свой хутор, с его уверенностью в том, что люди непременно вернутся к земле, к «спокинутым» отцовским домам, как вернулся он сам.

Образ Пономаря продолжает плеяду характеров, созданных Б. Екимовым ранее, таков, например, Тимофей, незатейливую историю о котором автор поведал в рассказе 1980-х годов «Розовый куст». В саду героя зацвел куст роз. Куст «светил, словно играла на нём молодая утренняя заря. Играла и не гасла». (6, 250). Работая, весь день Тимофей «думал о всяком, а розовый куст виделся. И хорошо как-то думалось, спокойно, легко» (6, 251). И на следующий день, перетаскивая в сарай привезенный уголь, он чувствует, что куст словно притягивает к себе красотою, нежным запахом. «Цветущий куст нынче стал и вовсе красив, он словно облился весь алостью, сверху донизу. На зеленой листве, в тени цветы нежно пунцовели в каплях росы, а сверху горели рдяным огнем, источая чуть слышный запах. Отдыхая, Тимофей присаживался подле цветущего куста. Курить не хотелось. Он шумно вздыхал, ловил тонкий цветочный дух, глядел на розы, и щурились глаза в улыбке ли, в усмешке над собой. Ведь сроду цветов не любил, мужик». (6, 252) Используемые при описании синонимы-олицетворения передают оттенки «алости»: цветы «нежно пунцовели», «горели рдяным огнем». Чуть ниже в тексте образ-сравнение цветов и огня развивается, романтически преувеличивая изображаемое: «… не хотелось уходить со двора, с воли, от розового куста, который во дне разгорался всё ярче и ярче и, казалось, вот-вот должен был вспыхнуть высоким алым костром. И сгореть. Но он не горел. А просто цвёл». (6, 253)

Красота цветущего розового куста имеет в рассказе этическую оценку, когда Тимофей, избегая конфликта в сберкассе, уступает кассиру и чувствует: «Не хотелось сегодня ругани, не принимала душа». (6, 251) Именно в этот день Тимофей решает забрать в свой дом одиноко живущую тёщу: «нечего одной мыкаться», как-то отступили все старые обиды, стали неважными.

Эстетическая ситуация наполняется у Екимова и этическим, а в финале рассказа и философским смыслом: «Алый куст распускал за розой розу. И вокруг было покойно, небо синее из края в край. Долго глядеть на него – кружилась голова. От розового куста наносило сладким духом. Подольше бы цвёл. Но и когда отцветет, останется зелень, небо, покой» (6, 254). Герои Б.Екимова, и Пономарь, и Тимофей, и Чапурин (из рассказа «Гнездо поручейника» 1991 года и целого ряда других произведений), крестьяне, люди серьёзные и основательные, практики, но красота и поэзия мира находят отзыв в их душе, делая их близкими и Хорю, и романтикам из народа в «Записках охотника» Тургенева.

Есть у Б.П. Екимова умение находить черты высокого, божьего, праведного в людях обыкновенных, «маленьких». И это – вслед Тургеневу.

В рассказе «Похороны» (1997) писатель создаёт

образ женщины, которая, по словам Н.А. Некрасова, «и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт»: «Прозвище своё Дизелиха получила давно, после войны. Как-то мазала она колхозный коровник. Подъехал на бричке председатель с проверкой. Поглядел, как работает. Смаху могучими руками вбивала она а обрешётку стены куски мокрой глины, промешанной с навозом и соломой. Кусок за куском, шматок за шматком. И каждый – в полпуда. (…) – Не баба, а дизель! - восхитился председатель. Кличка прилипла» (7, 90-91).

История эта, хотя и очень выразительная, не главное в рассказе, главное – то, что помнит о Дизелихе, о своём детстве её сосед Гулый: «Дизелиха была ему не роднёй, лишь соседкой, но звала «сынушкой». Гулый рос сиротою, возле недужной матери, в бедности. Дизелиха увидит его за плетнём, зовёт, ласково так: «Сынушка…». Время послевоенное, голод. У Дизелихи своих двое. (…) В иных дворах, если дело к еде, мальчонку мягко, но выпроваживают: «Ступай, ступай домой». Дизелиха кричит через плетень: «Сынушка, поди сюда, – и к столу ведёт. – Похлебай с нами горяченького». (7, 91) Одна Дизелиха среди всех соседей жалеет сироту, проявляя черты праведные. Гулый помнит всё. И хороня старую Дизелиху, «произвёл салют» на её могиле: «грохнул из ружья в сизое, озябшее небо» (7, 94), в честь простой русской женщины, согревшей добротою его сиротское детство.

Рисуя в рассказе «Возвращение» (1998) образ бабы Надежи (она и есть «надежа»), Б. Екимов назовёт её «живые мощи». Цитата ли это из Тургенева? Или точная характеристика внешности героини? Когда автор статьи попыталась спросить об этом самого Б. Екимова, в письме от 7 октября 2000 года он ответил: «…влияние Тургенева (как и Толстого, Чехова…) на всякого пишущего сродни «влиянию» воды, солнца, травы на жизнь человека. Естественное влияние. И потому незаметное».

Думается, можно говорить о типологической общности облика Лукерьи и Надежи. Общее обнаруживается и во внешности, и в нравственной их сущности. «Для всех» – вся жизнь Надежи. Часто живёт у неё девочка, дальняя родня, приходит, когда родители запивают. «Моя хорошая», – зовёт её баба Надежа. Девочка тихая, старательная, рисует хорошо: «На картинках – цветы, нарядные дома, в ещё – простое зверье, кошки да собаки, со странными, всё понимающими глазами. На серых стенах хатенки рисунки глядятся хорошо». (1, 92) Эти рисунки да старинные иконы – всё богатство Надежиной «хатенки». Случилось несчастье: украли иконы, баба Надежа слегла… Просит она девочку: нарисуй… Испугалась та… И происходит чудо: привиделся девочке лик женщины… Проступает лик сквозь древесные волокна обыкновенных кухонных досок. «Он проступал всё отчётливей: мягкий рисунок лица, складки большого платка, лицо обрамляющего, выпростанные из платка руки, бережно держащие спеленутого младенца». (1, 103) Нарисовала девочка Богородицу… А бабушка вернулась к жизни, очнувшись, увидела глаза… «Глаза, светлый лик… Возле них жизнь прожила. Глядела со стены Богородица. В её глазах – нежность, страдание и раздумье. И радость возвращения. Свет исцеляющий в потупленном взгляде её». (1, 104)

Несомненна внутренняя близость образов тургеневской Лукерьи и Надежи. Героинь-праведниц отличает стойкость, доброта бесконечная, неувядаемая радость жизни и вера в бога, естественная, простодушная, поэтому и чудо свершается: Лукерья, уходя из жизни, слышит «колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничный» (3, 338), а в дом Надежи возвращается радость, светлый лик Богородицы, нарисованный детской рукой…

Душа высветляется к высшему, небесному, божьему, когда человек старится, многое испытав и пережив, научившись понимать и прощать. Таков основной мотив лирических рассказов, изначально вошедших в новомировскую публикацию под названием «Родительская суббота. Повествование в рассказах» (2006); миниатюр «Житейские истории», над которыми Б.Екимов работает много лет.

Перед нами проходят образы бабушки, мамы, тётушек, знакомых, соседей по старому, родительскому дому, дом этот – центр мира прозы Б.Екимова последних лет. Законы этого дома – законы божьи: приветить и накормить каждого, родного и чужого, нищего и опустившегося пьяницу («Это – вечное: привет и еда на стол» (1, 298)); отдать последнее, если кто-то нуждается. Так поступают все обитатели «старого дома» и их далёкая родня, например, Мария Павловна, из далёкого Забайкалья. О ней рассказывает её невестка: «Мария Павловна… жили небогато: огород да корова Манька. Но однажды последние деньги, на «чёрный день» припасённые, отдала соседке. Эти соседи недавно … приехали, а хозяин заболел и умер. Осталась вдова с детьми и никого родных. (…) Мария Павловна все свои деньги отдала. «Девочки… – почему-то шёпотом говорила она. – Девочки, какая беда… Беда, девочки, беда…» (1, 299) Беды чужой не бывает…

Прожив трудные жизни, не растеряли герои Б. Екимова доброты, приветливости и отзывчивости и ещё – чувства красоты. «Соседка Прасковья Ивановна, давно покойная. Жизнь её протянулась через войны Гражданскую и Отечественную, через

раннее сиротство, а потом – вдовство, через голод и холод, бездомье, страх и слёзы. На краю жизни – покой, свой домик и огород. Высокая, сутулая, с тяжелыми руками грузчицы, с добрыми глазами. Говорила она: «А я на всё радуюсь. Вот выйду во двор, к цветкам подойду, они у меня простые… петуньи – простой цветок, а до чего расхороший. Георгины, тоже красивые. К картошке подойду: какая она славная стоит – опять радость. На грушечку погляжу, до чего они нынче сильные взялись и червь их не тронул. Ну, как не порадоваться…» (1, 352).

Чувство красоты мира, умение сохранить способность радоваться всему светлому в жизни сближает героев Б. Екимова с «романтиками из народа» И.С. Тургенева: с Лукерьей, Касьяном, Калинычем… Особенно в Лукерье поражает способность не только не унывать, что было бы простительно в её положении, но и радоваться всему окружающему миру: «Смотрю, слушаю. Пчёлы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдёт с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка – мне очень приятно». (3, 331)

Как необходимость в прозе Б.Екимова появляется тема «Старый да малый», таково название одной из «житейских историй», давшей название и новомировской подборке в 2008 году. В центре многих историй – внук Митя. Оба, дед и внук, старый да малый, ездят на хутор, в «старый дом», ухаживают за садом и огородом.

На исходе летнего дня, приустав, отдыхают, маленький мальчик, «поднимая голову к небу», говорит: «Сидим двоём… Смотрим абляка… Писибо. Босёе писибо… Это детское «большое спасибо» – благодарность «теплой земле, деревьям, траве, воде, родителям и всем добрым людям, малой живности (…) – всему миру сущему, в котором малыш живёт…(…) Негромкие слова малыша тихим веем растворяются в летнем мире. Конечно, они услышаны. (…) Где-то совсем вдали за Доном, благодушно громыхнуло, ответствуя». (8, 21) Эта «житейская история» так и называется «Босёе писибо». На детский лепет и сама природа «благодушно ответствует».

Проявлением гармонии в мире является связь старого и малого. В ряде произведений Б.Екимова связь эта – за чертой жизни и смерти, такова основная мысль рассказа «Живая душа». Публикуя рассказ в сборнике 2010 года, автор сделал в тексте целый ряд изменений по сравнению с публикацией 1986 года с целью уточнить и углубить характеристики героев. Обратим внимание на две авторские правки. В первой – речь идёт о дружной работе «старого и малого», деда и внука, они вывозят на санках навоз со скотного база. В более раннем – 1986 года – тексте читаем: «Они взяли разом и **согласно** потянули гружёные санки по набитой снежной колее в низы, в огород». (6, 216) В тексте 2010 года: «Они взяли разом и потянули гружёные санки по набитой снежной колее в низы, в огород. **И согласен был ход старого и малого.** (9, 345) (Выделено нами – Н.К.) Сохраняясь, мысль углубляется и становится опорной для всего повествования, определяя текстовые изменения и в финале. В рассказе речь идёт о спасении внуком с помощью деда «живой души» – новорождённого телёнка. Всё закончилось благополучно, потом сон сморил мальчика, а дед «стоял и глядел» на него. Жест («стоял и глядел») повторяется в «обеих» редакциях, дополняясь целым абзацем в поздней: «Как хорошеет детское лицо, когда сморит его сон. Всё дневное, отлетев, не оставляет следа. (…) … добрый ангел мягким крылом своим прогоняет несладкое, и снятся золотые сны, и расцветают детские лица. И глядеть на них – утешенье». (9, 354)

Внук – подлинное утешенье для деда. Они оба тоскуют об умершей бабе Мане: дед о жене, внук – о бабушке. Баба Маня – «добрый ангел», прилетевший во сне к Алёше. Она и на земле была ангелом: «… жалела всякую скотину, домашнюю, приблудную, дикую, а когда её укоряли, оправдывалась: «А как же… Живая душа». (9, 349) Внук перенял бабушкино отношение к миру, а значит, добро вечно, значит смерти нет.

Психологически точно Б. Екимов говорит о преодолении мальчиком смертной тоски по бабушке. «Бабаня… Бабань… Бабанечка», – зовёт он её, безнадёжно вглядываясь в «глухую синеву» ночи, понимая, что «бабушка никогда не придёт». (9, 351) И тут мальчик вспоминает о «списанном», за ненадобностью оставленном на морозе, телёнке, бросается его спасать… А бабушка «придёт» к Алёше: ангелом во сне, доброй памятью о себе…

В отношении бабы Мани к «живой душе» проявляется глубокая связь с тургеневскими героями-романтиками.

Касьян осуждает рассказчика-охотника за охоту на «пташек небесных»: «… много её всякой лесной твари, и полевой и речной твари, болотной и луговой, и верховой и низовой – и грех её убивать, и пускай она живёт на земле до своего предела…» (3, 116) Человек необыкновенный, Касьян отводит дичь от охотника, подражает птичьим голосам: «Касьян их передразнивал, перекликался с ними…» (3, 113) Именно **перекликался**, то есть «переговаривался» с «живыми душами»…

Осуждает охотников и Лукерья: «один здешний» застрелил ласточек, что «в позапрошлом году…

гнездо себе свили и детей вывели» в «плетеном сарайчике» героини. «Какие вы, господа охотники, злые!» – говорит она. Окружающие Лукерью «живые души»: ласточки, воробьи, наседка с цыплятами – части её мира, а забежавший заяц – существо ещё и понятливое. «Сел близёхонько и долго таки сидел, всё носом водил и усами дергал – настоящий офицер! И на меня смотрел. Понял, значит, что я ему не страшна». (3, 331)

Мальчик Алёша, внук бабы Мани, в рассказе Б. Екимова «сердцем чует» оставленного на морозе телёнка и, спасая его, «распахнул пальто и, обняв телёнка, прижался к нему, согревая. Сначала телок ничего не понял, потом заворочался. Мать он почуял, тёплую маму, которая наконец пришла, и пахло от неё сладким духом, какого давно просила изголодавшаяся и иззябшая, но живая душа». (9, 352) И не случайно, что мальчика, с его основательностью и молчаливостью в семье прозвали «Быча» – Бычок.

В гармонии с природным миром живут тургеневские Касьян и Лукерья, баба Маня и её внук у Б. Екимова. Черты праведничества, выкристаллизовываясь к концу жизни, закладываются в детстве, «малый» «перенимает» их у «старого», Б. Екимов убежден в этом.

Мир детства, полный чистоты и поэзии, возникает и в тургеневских «Записках охотника». Рядом с Касьяном – «сродственница» Аннушка. «…он, старый, в ней души не чает: девка хорошая», – говорит Ерофей. (3, 423) О девочке-сиротке, что ухаживает за Лукерьей, перенимает её песни, Лукерья с теплотою и благодарностью говорит: «Хорошенькая такая, беленькая. Она цветы мне носит…» (5, 330) И, конечно, общение с Лукерьей не пройдёт для девочки даром, как навсегда запомнит бабу Надёжу девочка-художница из рассказа Б. Екимова «Возвращение».

В мальчиках из рассказов Б.Екимова находят «отражение» и мальчики «Бежина луга»: в Быче-Алёше («Живая душа») – тургеневский Павлуша («глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила» (3, 91)), во внуке Мите из «Житейских историй» Б.Екимова – семилетний Ваня из «Бежина луга»: «Гляньте-ка, гляньте-ка ребятки, – раздался вдруг детский голос Вани, – гляньте-ка на божьи звёздочки, – что пчёлки роятся! Он выставил своё свежее личико из-под рогожи, опёрся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились» (3, 102). В этом жесте – то же «Большое спасибо», что произносит всему миру екимовский Митя.

Отметим, что в структуре екимовской прозы велика роль образа рассказчика, его вездесущего взгляда, глубокого знания жизни и людей, но он обладает чертами романтика, созерцателя. Эта традиция восходит к образу повествователя в «Записках охотника», структура екимовского рассказа - к сюжету и композиции рассказа-очерка, созданного Тургеневым.

Б.П. Екимов – большой русский писатель, лауреат премии им. Ю. Казакова, премий И. Бунина и А. Солженицына. Последняя была присуждена с формулировкой: «За остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка». Здесь содержится точная характеристика екимовского творчества, типологически находящегося в линии традиций русской классики, в том числе традиций И.С. Тургенева, автора «Записок охотника», в которых выразился протест против крепостного положения крестьян и отразилось «неистребимое достоинство скромного человека».

И последнее. В письме, адресованном автору статьи и упоминавшемся выше, Б.П. Екимов заметил: «В Вашем городе я был лишь единственный раз, но счастливый. (Тогда писатель получал в Орле Бунинскую премию. – Н.К.) И сейчас помню: осень, покой и, особенно, вид с высоты на предместье, где стоит дом Л. Андреева. Я потом долго внушал знакомым литераторам, что надо уезжать в Орел, жить там, и всё будет хорошо».

Библиографический список

1. *Екимов Б.П.* Не надо плакать… М.: Вагриус… Минус, 2008.
2. *Басинский Павел*. «Иное» Бориса Екимова. Лит.газета. 2008. №22, 28 мая-3 июня.
3. 3. Тургенев И.С. Записки охотника/ Тургенев И.С. Полн.собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М. Л.: Наука, 1960-1968. Т.3.
4. *Екимов Б.П.* «Душе моя… Восстань…» Речь на вручении премии Александра Солженицына 15 мая в Доме русского зарубежья. Лит.газета. 2008. №22, 28 мая - 3 июня.
5. *Екимов Б.П.* «Проснётся день…». Новый мир. 1997. №3.
6. *Екимов Б.П.* Ночь исцеления: Рассказы, повесть. М.: Сов.писатель, 1986.
7. *Екимов Б.П.* Похороны. Новый мир. 1997. №3.

8. *Екимов Б.П.* Старый да малый. Житейские истории. Новый мир. 2008. №11.
9. *Екимов Б.П.* На хуторе: Повествование в рассказах. М.: Время, 2010.

N.A. KUDELKO

BORIS EKIMOV'S RIGHTEOUS MEN IN THE VIEW OF I.S. TURGENEV'S TRADITIONS ("HUNTER'S NOTES")

The article is about a modern prose writer B.P. Ekimov. In his works documentation and publicism integrate with poeticism and romanticism, in which the traditions of I.S. Turgenev "Hunter's Notes" appear. Turgenev's romanticists from the folks are typologically close to B. Ekimov's characters – peasants. A special attention is paid to the type of the righteous man.

Key words: ***romanticists from folks, an image of a righteous man, typological generality.***

Ф.А. ЛИТВИН
доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета
Тел. (4862) 75 22 91

ВНУТРЕННИЕ (ЯЗЫКОВЫЕ) И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обсуждаются некоторые изменения в современном русском языке, выходящие за рамки лексических заимствований, и разнородные факторы этих изменений. Анализируются две синтаксические конструкции с числительными, взаимозаменяемость частиц «не» и «ни», «бюрократическая модель именования», «нарост» на союзе что. Акцентируются взаимодействие разных факторов и изменения, свидетельствующие о социальных процессах.

Ключевые слова: ***факторы языковых изменений, числительные при не-счётном именовании, неразличение «не» и «ни», «канцелярская» модель именования, «нарост» на союзе.***

Как и всё сущее, язык (в любом понимании) изменяется. Изменения являются следствием как закономерностей развития самой системы языка, так и внешних влияний на эту систему. Под «внешними» можно понимать как явления и события иной по отношению к языку природы, так и другой язык (другие языки): влияние других языков неизбежно связано с историей общества, т.е. с иноприродными по отношению к системе языка явлениями. Эти два фактора могут чётко различаться – ср., напр., исчезновение формы двойственного числа, с одной стороны, и поток неологизмов в периоды бурных социальных изменений или бурного развития науки и техники – с другой. Попытки объяснения чисто внутренних изменений «посторонними» факторами рассматриваются как необоснованные и ненаучные – ср., напр., часто цитируемое высказывание Ф. Энгельса: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судет до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию.» [Энгельс: 395]. Но вполне возможно и наложение этих факторов друг на друга. Ср., напр., объяснение причин редукции и утраты окончаний в процессе развития английского языка, где авторы приводят разные объяснения, отражённые в лингвистической литературе (результат фонетических изменений, влияние межъязычных контактов, утрата грамматической значимости окончаний), а затем отмечают недостаточность учёта каждого из этих факторов в отдельности [Расторгуева, Жданова: 102 - 104].

Современный русский язык, как и всякий живой язык, развивается и потому изменяется (не остаётся равным себе на разных временны́х срезах). На исторически коротких отрезках это проявляется в первую очередь в словарном составе, что, как правило, вызывает разную реакцию у «рядовых» носителей языка, отражающуюся и в средствах массовой информации. Так, за последние двадцать лет и в печатных, и в электронных СМИ высказывались (главным образом, в связи с наплывом слов, заимствованных из других языков – преимущественно английского – и стилистически сниженных слов) суждения о «порче русского языка», о необходимости принятия срочных мер для его спасения. Такая реакция не нова: в истории русского языка и раньше были периоды жалоб на засилье иноязычных слов (вспомним хотя бы пушкинское ироническое: «Но *панталоны, фрак, жилет*, Всех этих *слов* на русском нет; А вижу я, винюсь пред вами, Что уж и так мой бедный слог Пестреть гораздо б меньше мог Иноплеменными словами, Хоть и заглядывал я встарь В Академический словарь.»). Такая болезненная реакция на заимствования не ограничена русским языком: подобные призывы к «спасению языка» были и в истории других языков. Так, например, автор статьи в английской газете «Гардиан» (19.04.08) напоминает, что «озабоченность по поводу заимствований обычно начиналась с мелких придирок, а потом становилась язвительной. Очень часто заимствования рассматривались как симптомы интеллектуальной и моральной распущенности. Например, во времена Шекспира писательские инновации в языке многими считались оскорблением национального достоинства. Временами пуристское сопротивление принимало формы трогательной эксцентричности. Поэт викторианской эпохи Уильям Барнз предлагал «колесоседло» (wheelsaddle) вместо «велосипеда» (bicycle) и в том же духе

© Ф.А. Литвин

считал, что «болезнание» (painlore), «людевоз» (folkwain) и «щипачки» (nipplings) могут заменить «патологию» (pathology), «омнибус» (omnibus) и «пинцет» (forceps).»

Разумеется, никакой научной основы у таких высказываний нет, они эмоциональны и чаще всего обсуждают факты языка в более широком контексте. Нельзя не согласиться с утверждением автора статьи в «Гардиан», что «споры о языке всегда политизированы, а пуризм идеологизирован». Но сами изменения (включая изменения в словарном составе), несомненно, регистрируются и лингвистами и получают научное объяснение причин их появления и тенденций развития языка, в них отражаемых, в научной и научно-популярной литературе (и в беседах, интервью и других публичных высказываниях лингвистов в СМИ).

В настоящей статье я рассматриваю четыре группы изменений в современном русском языке, иллюстрирующих разные возможности соотношения внутренних и внешних факторов изменения и разную экстралингвистическую релевантность этих факторов. При этом я сознательно не включаю в рассмотрение собственно лексические новообразования, а останавливаюсь на более «строевых» изменениях, как менее полно описанных в лингвистической литературе.

1. В лингвистических (и не только) работах неоднократно отмечалось изменение в узусе нормативной формы косвенных падежей составных количественных числительных русского языка. Меньше освещено в литературе появление в русском языке во второй половине 20-го века заимствованной модели «существительное (или его буквенный символ) + количественное числительное» для не-счётного именования. Появление модели исходно связано с техникой (*Т-34, Ми-8, Ту-104*), но позже её употребление расширилось (с использованием собственно существительных): *Экспо-2000, Песня-2010*. Модель явно заимствованная: традиционная продуктивная модель сочетания числительного и существительного в русском языке предполагает (в нейтральном стиле) препозицию порядкового числительного – «порядковое числительное + существительное»: *пятый троллейбус (маршрут), 21-я школа, 27-я аудитория* (у названий транспортных средств в пределах от 1 до 10 как вариант – замена существительным, образованным от числительного: *До библиотеки можно доехать на четвёрке или на шестёрке.*). Различие между моделями особенно заметно при сравнении именования года в русском и некоторых других языках: *в 1961-м (году) – in (the year), 1961 (nineteen sixty-one), (im Jahre) 1961*; т.е. даже при субстантивизации числительного в русском языке – это порядковое, а в английском и немецком – количественное. В узусе количественное числительное в рассматриваемой модели часто заменяется порядковым: *Т тридцать четвертый, Ил восемнадцатый* – совершенно очевидно под влиянием традиционной модели. Это показательный пример становления новой модели и процесса её размежевания с близкой по составу исконной. Новая модель более активно внедряется после появления её за пределами именования артефактов, особенно в средствах массовой информации.

2. В русском языке в узусе ощутимо усиливается тенденция к устранению различий между «не» и «ни». Это ещё не замена нормы, но давление узуса явно ощущается. Такое неразличение существует в узусе давно, но конкурировать с нормой оно стало после его распространения на так или иначе письменно зафиксированные общественно значимые тексты. Поэт-песенник ещё в конце 40-х годов прошлого века рифмовал *«Здравствуй, московское небо»* с *«Как далеко бы он не был»* (позже при публикации текста песни он был скорректирован, но ведь известно, что слово – не воробей…Да и рифма «выдаёт» исходный текст). Популярная певица пела *«Всё, что не задавали мне, Делал я кое-как»* (где неразличение смыслов ведёт к неосмысленности текста: если «не задавали», так чего ради и стараться? Можно и кое-как…), *«Я отправлюсь за тобой, Что бы путь мне не пророчил»* и *«Время не на миг не остановишь»* (при последующих записях последний из приведённых фрагментов тоже был скорректирован, но «процесс пошёл»).

Сегодня уже можно говорить о становлении альтернативной нормы – по двум причинам. Во-первых, такое неразличение стало массовым в средствах массовой информации. Приведу для иллюстрации несколько фрагментов из официозной (это существенно) «Российской газеты» последних двух лет:

Чего лукавить, юбилейные отметки за чертой 60 и тем более 65 не шибко радуют именинников, какие бы пышные и помпезные торжества не сопутствовали бы празднику. (11.03.11)

„И нового президента, как бы его не звали.” (7.05.10)

«Нет телеканала, где бы она ни появлялась, нет газеты и журнала, где бы ни упоминалась, нет громкого мероприятия, где бы ни засветилась.”

– Важно ни кто больше сказал, а чтобы вместе смотрелось удачно.” (25.05.10)

(из интервью с заместителем председателя комиссии совета Федерации РФ по вопросам развития гражданского общества А. Починком)

РГ *Помимо Татарстана, удачным в плане*

информационного правительства, следует, возможно, упомянуть и Тюменскую область с ее огромными территориями.

Починок *Вот-вот, если бы ни Интернет, что называется, не налетаешься.. (...) А когда дело подходит к пенсии нужно думать о том, чем заполнять свое время. (1.11.10)*

«У нас бизнес не дает практически не копейки.. (...) Собираются несколько людей (...), выигрывают гранд, а потом заключают договор...» (15.09.10)

И действительно, сколько бы конспирологи не говорили о таинственном „золоте Партии", как бы не прятали от нас фамилии подлинных акционеров большинства офшорных компаний, но шила в мешке все-таки не утаишь...

Во всяком случае, с точки зрения соотношения социальных сил я сегодня реальной альтернативы этой модели не вижу – как бы шумно ее не разоблачали многочисленные борцы за народное счастье и спасение Родины ... (13.09.11)

– ... Далеко бы пошла девочка. Начальницей могла стать. Если бы ни это ЧП. (24.11.11)

По иронии судьбы, в том же номере «Российской газеты» за 25.05.10, из которых извлечены два фрагмента с тремя случаями неразличения, в колонке «Говорим по-русски» колумнист объясняла разницу между «не» и «ни»!

Можно было бы предположить, что речь идёт о технических накладках (тем более что, как я понимаю, институт корректоров в печатных изданиях упразднён): в приведённых фрагментах есть и явные «ляпы» (а за пределами приведённых фрагментов есть и похлеще, напр.: *«гораздо более лучшие, чем у наших машин, системы управления огнем" (7.05.10)* или *«Блогеры неприменули спросить и о другой „горячей теме"..." (14.09.10)*) Но неразличение «не» и «ни» статистически явно превышает порог описок или опечаток.

Во-вторых, поводом для утверждения о становлении альтернативной нормы может служить и то, что неразличение «не» и «ни» встречается в письменной (в том числе и в приведённых выше фрагментах) и устной речи (в последней возможность «случайного сбоя» значительно меньше) людей, говорящих на правильном литературном русском языке, что не может не означать, что это неразличение воспринимается ими как fait accompli в рамках литературной нормы современного русского языка, т.е. у них нет ощущения, что они «бегут впереди паровоза».

Совершенно очевидно, что этот процесс ведёт к утрате смысловых различий, эксплицитно выражаемых языком: «Ему дают всё, что он ни просит» и «Ему дают всё, что он не просит» выражают разные смыслы, и хотя это различие чаще всего можно вывести и из контекста (вербального и/или ситуационного), но утрата прямого различения этих смыслов есть обеднение языка.

Так же очевидно, что здесь не идёт речь об иноязычном влиянии, но утверждать, что это процесс, обусловленный собственно закономерностями развития русского языка, было бы опрометчиво. Скорее всего, это результат упрощения языка даже ценой утраты смысловых различий, которые многим не очень грамотным русскоговорящим представляются «слишком тонкими», а потому неважными, т.е. результат демократизации общества, а с ним и языка. Этот процесс аналогичен тем, которые имели место в первые послереволюционные годы первой четверти 20-го века (в Декрете о введении новой орфографии СНК от 10 октября 1918 г.необходимость реформы аргументировалась так: «В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты …»).

3. Распространение в русском обиходном языке «канцелярских оборотов и способов выражения мысли» отмечалось ещё А.М. Селищевым, который в работе «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)» (1927) [Селищев] констатировал распространение «канцеляризмов и архаизмов» (напр., «согласно + род падеж»). В 1996 г. К.И. Чуковский ввёл в оборот слово «канцелярит», что по внутренней форме означает «болезнь языка». Некоторые исследователи, следуя этой линии описания развития языка, обнаруживают и другие болезни («-иты») в русском языке (напр., «бытовит», «науковит, или сциентит», «политит», «церковит», «эстетит», «криминалит» [Шмелева: 96 и сл.]). Появляются в русском языке и другие неологизмы для обозначения этого социолингвистического феномена – ср., напр., название доклада, заявленного на I Международную конференцию «Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века» в Ягеллонском университете г. Кракова (Польша) в мае 2011 года Г.Ф. Ковалевым (Воронежский государственный университет): «Что такое чинояз и какой вред он приносит русскому языку?»

Мне представляется более существенным тот аспект «канцелярита», который служит ярким примером не только того, как общество влияет на язык, но и того, как язык объективно отражает общественные процессы. Это особенно наглядно проявляется в рамках настоящего рассмотрения не столько в лексике, сколько в структуре именования лица.

Традиционно в составных личных именах в европейских языках первым по порядку идёт личное имя, данное при регистрации (крещении), а последним фамилия, т.е. имя связанного узами

прямого родства разногенерационного образования (ср., напр., англ. first name и last name). Некоторые сферы функционирования собственных имен делают более рациональным иной порядок компонентов составного имени – постановку фамилии на первое место. Такой порядок прагматически оправдан в ситуациях, когда он облегчает каталогизацию, особенно при машинной обработке. Однако он всегда стилистически маркирован как специальный – напр., в библиографических списках или в официальных документах (ср. общеизвестную формулу «Фамилия, имя, отчество» в широко распространённых документах анкетного типа и её известное сокращение «Ф.и.о.», хотя далеко не все эти документы предназначены для машинной обработки) и оправдан именно в рамках этих сфер функционирования. В то же время в современном русском языке такое специализированное расположение компонентов имени в последние десятилетия настойчиво проникает в нейтральный стилистический контекст и в разговорную речь. Особенного внимания заслуживает тот факт, что такое проникновение становится привычным и тем самым приводит к возникновению параллельной нормы. Нельзя не отметить, что такая мена позиций компонентов имени принципиально отличается от другой тенденции (правда, пока преимущественно в СМИ): переходу от трёхкомпонентного к двухкомпонентному имени, т.е. к опущению традиционного в русской культуре отчества. Эта тенденция есть явное подражание иноязычным нормам и вытекает из давно сформировавшегося в обществе стереотипа «зарубежное предпочтительно». К этому можно относиться по-разному, но такое сокращение имени не затрагивает принципа именования. Мена же позиций компонентов есть изменение именно цивилизационного принципа именования, «меры вещей», что представляет собой гораздо более радикальное отклонение от нормы. Существенным при этом мне кажется тот очевидный факт, что мы имеем дело с языковым подтверждением социального процесса, который протекает на наших глазах: экспансии бюрократии, изменение её социального статуса из вспомогательного, оправданного структурой современного общества, в доминирующий, что является социальной аномалией, выражающейся в аномалии языковой. Интересно, что (по крайней мере, в моём опыте) этот процесс не затрагивает иностранных имён: мне не приходилось слышать о Черчилле Уинстоне, Эйзенхауэре Дуайте, де Голле Шарле, или – в неполитической сфере – о Диккенсе Чарльзе, Уитмене Уолте, Гюго Викторе или Гейне Генрихе. Не приходилось и встречаться с аналогичным процессом в европейских языковых культурах. Напротив, когда российский учёный сообщает своё имя в зарубежную организацию как *Сидоров Пётр Иванович*, то в ответ он – ожидаемо – получает в ответ письмо с обращением *Dear Professor Ivanovich* (*Дорогой профессор Иванович*).

Не менее существенно, что эта аномалия широко распространяется на тексты, порожденные отнюдь не чиновниками. По моим наблюдениям, большинство школьников на вопрос «Как тебя зовут?» отвечают конструкцией «Иванова Катя» или «Новиков Андрей». В рекламе программ «Радио России» говорится о «гостях ведущего программы “Неизвестная планета” Мартынова Андрея…», а газета сообщает об итогах опроса и именует отвечавших Маркина Татьяна, Игнатов Юрий, Астраханцева Татьяна Васильевна и т. д. В авторефератах диссертаций руководители и оппоненты именуются (не на титульном листе, где изменение порядка может быть оправдано) в одних учебных заведениях «в естественном порядке», в других в аномальном.

Во всех этих и многочисленных аналогичных случаях такой аномальный порядок никакими требованиями, связанными со сферой функционирования, не обусловлен и есть показатель проникновения канцелярской нормы в повседневную речь, иными словами – принятия (пусть и на подсознательном уровне) обществом экспансии бюрократии, изменения её социального статуса. Это заметно отличает «канцелярит» от других «-итов» (см. выше). Такое положение «канцелярита» отмечает и Т.В. Шмелева: «Первое место в нем [«справочнике болезней»], естественно, отводится **канцеляриту**. Не только потому, что он открыт и описан первым, но и потому, что он “всеохватен, тотален” [8] , “стал не только стилем речи, но и стилем мысли, и стилем жизни” [9]. Именно поэтому так малорезультативны усилия филологов по его искоренению.» [Шмелева: 96] (ссылки в цитате на работу [Романенко]).

4. Отмечу ещё явление, которое появилось в языке недавно, во всяком случае в моём опыте. Я обратил на него внимание в речи студентов и вначале принял за проявление индивидуальной малограмотности, но вскоре обнаружил, что у студентов оно появилось в широких масштабах. Вскоре я стал отмечать его и в речи, звучащей по радио, – не (во всяком случае, пока) в речи ведущих, а у тех, с кем ведущие беседуют. Я имею в виду некоторый «нарост» на подчинительном союзе *что*: *Он сказал, то-что к нему приехали гости.* Мне (опять-таки, пока) не приводилось встречать это образование в письменной речи, но если его фиксировать на письме, то логично это делать именно так, как я это сделал в примере. В отличие от вполне норматив-

ного *то, что*, где местоимение ударно: *Я уже узнал то, что мне нужно*, этот союз с наростом произносится полностью безударно, как и подобает союзу. В отличие от местоимения, этот нарост не имеет никаких других форм и соответственно не связан с управлением; более того, он сохраняется и после местоимения *то* (в любой форме), т.е. используется как полный функциональный эквивалент союза *что*: *Дело в том, то-что в Европе…*

Как и в неразличении *не* и *ни*, отнестись к этому явлению серьёзнее, чем вначале, меня заставило то, что я услышал его не только в речи подверженных всяческой моде (по возрасту, характеру или виду деятельности) носителей языка, но и у тех, кто говорил (в остальном!) на правильном литературном русском языке. Так, в речи вполне грамотного человека, связанного с искусством (пусть и не деятеля искусства), я обнаружил регулярную замену *что* этой скороговорочкой: *Они говорят, то-что они такого никогда не видели* или *Я уверен, то-что в дальнейшем…* Мне неясно, как могла появиться такая заведомо избыточная (не выполняющая никаких функций) добавка к союзу, но полагаю, что в любом случае можно утверждать, что она не является результатом никаких внутренних процессов в языке, но вполне вписывается в избыточность форм того канцелярского «формата» русского языка, о котором шла речь выше, и в этом плане ещё раз свидетельствует о настойчивости (и результативности) «тихого» проникновения этого «формата» в функционирование русского языка – и в сознание на нём говорящих.

Библиографический список

1. *Расторгуева Т.А., Жданова И.Ф.* Курс лекций по истории английского языка. Выпуск III и IV (на английском языке). Москва, издательство «Высшая школа», 1972.
2. *Романенко А.П.* Канцелярит: риторический аспект (О книге К.И.Чуковского “Живой как жизнь”) // Риторика. 1997. № 1 (4), С. 95-102.
3. *Селищев А.М.* Труды по русскому языку. Москва, Языки славянской культуры, 2003.
4. *Шмелева Т.В.* Канцелярит и другие языковые недуги // www.library.krasu.ru
5. *Ф. Энгельс*. Письмо Йозефу Блоху в Кенигсберг. Лондон, 21[–22] сентября 1890 г.) В.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, Изд. 2, т. 37.

F.A. LITVIN

INTERNAL (LANGUAGE-SYSTEMIC) AND EXTERNAL FACTORS OF SOME CHANGES IN MODERN RUSSIAN

Several syntax-related areas of change in Modern Russian are discussed in the article to illustrate different factors at work causing the changes: two syntactic patterns with numerals, growing interchangeability of the particles ‘ne’ and ‘ni’, two patterns of naming a person, an excrescence on a subordinating conjunction. Emphasis is laid on the interplay of the factors and also on the changes signalling social processes.

Key words: ***factors of language change, numerals in non-count nomination, interchangeability of ‘ne’ and ‘ni’, “bureaucratic” model of naming, “excrescence” on a conjunction.***

Б.Е. ЛОКТЕВ
аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: borisffl@mail.ru
Тел. 8 910 529 94 51

ФИКТИВНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ ПРИ ЧТЕНИИ НЕПУНКТУИРОВАННОГО ТЕКСТА

При чтении письменного текста существует возможность обоснованного предсказания читателем грамматической структуры и лексического наполнения еще не прочитанной части. В отсутствие пунктуационных маркеров читатель может неверно сегментировать текст на предложения из-за соположения потенциально сочетаемых, но несвязанных слов.

Ключевые слова: ***предсказуемостный подход к чтению, валентность, сочетаемость, аграмматичность, семантическая аномальность.***

Для успешного декодирования языкового знака требуется наличие либо отсутствие в его окружении других знаков, имеющих определенную грамматическую форму и принадлежащих к определенной лексико-семантической категории [5, с. 62]. Данное свойство знака привело исследователей к идее предсказуемостного подхода к чтению текста, который заключается в построении читателем гипотез относительно следующего элемента [1, с. 242]. Анализ сбоев при чтении непунктуированного текста, приведенный в настоящей статье, опирается на данный подход к чтению.

Извлекая информацию из имеющегося текста, читатель строит некоторые гипотезы относительно того, какое лексическое наполнение и какие грамматические формы могут встретиться в том же предложении. Он ожидает появления одних форм и смыслов и не ожидает появления других, причем мера понимания текста определяется тем, в какой степени ожидания реципиента оправдываются [1, там же]. Любое продолжение, не совпадающее с бессознательной гипотезой, основанной на предшествующем контексте, неожиданно для читателя. По замечанию Ю.Д. Апресяна, в процессе чтения читатель постоянно строит такого рода гипотезы как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. Построение гипотез зависит от знания отдельно взятым читателем сочетаемостных требований конкретного знака. Как отмечает И.Р. Гальперин, деятельность читателя по восприятию и интерпретации текста осуществляется в соответствии со спецификой текстовых единиц, стимулирующих её протекание [4, с. 26].

Предсказуемостный характер чтения распространяется не только на собственно языковые элементы – лексемы и синтаксические конструкции, но и на знаки препинания. Если усвоенные читателем пунктуационные правила требуют обособления того или иного текстового сегмента, невыполнение этого условия будет приводить к сбоям при чтении – фиктивной сегментации. В пунктуационно не размеченном тексте синтаксические структуры и их семантическое наполнение могут «приводиться в сцепление», в результате чего читатель будет формировать несуществующие, фиктивные сегменты – языковые конструкции, ложность которых определяется лишь при повторном прочтении.

Представим явление фиктивной сегментации графически. На рисунке (1а) элемент «б», входящий в сегмент «бв», синтаксически или семантически сочетаем с предшествующим сегментом «а», приводя к прогрессивной фиктивной сегментации. Схожим образом элемент «б» на рисунке (1б) входит в сегмент «аб», но синтаксически или семантически сочетается с последующим сегментом «в», что приводит к регрессивной фиктивной сегментации.

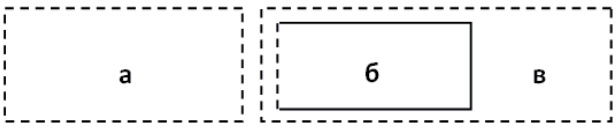


Рис. 1а. Прогрессивная фиктивная сегментация.

Рис. 1б. Регрессивная фиктивная сегментация.

Основанием для формирования предсказаний относительно дальнейшего лексического наполнения будет являться морфо-синтаксическая сочетаемость слова, выраженная в совокупности его валентностей. Этот процесс лежит в основе как нормативной сегментации, объединяющей действительно зависимые слова, так и фиктивной

© Б.Е. Локтев

сегментации, при которой объединяются семантически не связанные слова из разных сегментов и предложений.

Важным фактором, приводящим к фиктивной сегментации при чтении непунктуированного текста, является словопорядок французского языка. Так как во французском языке нет изменения по падежам, на синтаксическую функцию номинативной группы указывает исключительно ее положение относительно глагольного узла.

Поскольку слова воспринимаются в своем контекстном значении, при последовательном развертывании текста изначально слова имеют только предшествующий контекст. В момент восприятия определенное группирование слов и их значений оказывается единственными для реципиента. Только последующий контекст раскрывает верное прочтение и верную интерпретацию [3, с. 168]. Экспериментальные исследования А.С. Штерна на устном языковом материале показали, что реципиент пытается передать смысл соположенным сегментам в любом случае, даже при заведомом отсутствии между ними какой-либо связи [6, с. 5]. Как показывают приведенные в статье фрагменты, данный принцип восприятия успешно переносится на письменный текст.

Как уже было отмечено, фиктивность сегментации становится понятна читателю при повторном прочтении фрагмента. Мы предполагаем, что фиктивно сформированные сегменты будут характеризоваться синтаксической и/или семантической аномальностью. Любое высказывание может быть проанализировано с точки зрения синтаксиса на грамматичность / аграмматичность и с точки зрения семантики – на синтетическую / аналитическую ложность [5, с. 200-209].

Ниже будет представлен анализ некоторых фрагментов текстов, в которых отсутствуют предписываемые пунктуационной нормой французского языка знаки препинания. Это произведения двух французских авторов: Робера Пенже и Клода Симона. Ненасыщенная валентность составляющих сегменты единиц может приводить к фиктивной сегментации фрагмента читателем, при этом фиктивность проведенной сегментации доказывается на основании синтаксической и семантической аномальности либо правильности сформированных предложений.

Насыщение обязательных и факультативных валентностей глагола

В отсутствие пунктуационных знаков, обозначающих окончание языковых конструкций, текст может быть не всегда верно сегментирован при первом прочтении. Рассмотрим следующий фрагмент:

ce vieux schnock avec ses millions personne n'en a jamais vu la couleur avouez que cela ***indispose*** *certains de ses parents le haïssaient* [1]

В данном фрагменте прямопереходная валентность глагола *indispose* требует после себя прямого дополнения со значением одушевленности, которая насыщается при последовательном чтении отрывка словосочетанием *certains de ces parents*. Лишь когда читатель дочитывает следующее предложение, то обнаруживает, что оно состоит из местоимения и глагола (*le haïssaient*) и является синтаксически аномальным. В нем отсутствует подлежащее, а значит, им является *certains de ses parents.* В том месте, где должна проходить граница между сегментами, читатель ее не проводит из-за «нормальности» присоединения к глаголу следующего за ним слова, которое по всем параметрам – синтаксическим и семантическим – может быть с ним согласовано. Только после обнаружения аномальности следующей синтаксической структуры (отсутствие грамматического и логического подлежащего) такая сегментация осознается как фиктивная, и членение на смысловые фрагменты производится заново.

Валентностью обладают не только личные формы глагола, но также и безличные, формирующие полупредикативные конструкции: герундий и причастные обороты. Эллиптическое неупотребление местоимения влечет за собой фиктивную сегментацию следующего фрагмента:

les deux ombres se baissèrent derrière les draps se profilant l'une marchant à reculons l'autre ***suivant*** *toutes deux légèrement courbées puis disparurent* [2]

В данном фрагменте герундий *suivant* употребляется в своем переходном значении, однако эта валентность не заполняется ни лексическим повтором (ср. *l'autre suivant la première*), ни местоимением (ср. *l'autre la suivant*). В то же время к герундию примыкает подлежащее следующего номинативного предложения, которое, следуя принципам синтаксической сочетаемости и предсказуемостному подходу, сливается с герундием в фиктивный сегмент *[l'autre suivant toutes deux légèrement courbées]* [3]. На фиктивность подобной сегментации указывает семантика. Одна тень (*l'autre*) не может следовать (*suivre*) одновременно за другой и за собой же (*toutes deux*). Вследствие семантической аномальности фиктивного сегмента, он разбивается на два семантически и синтаксически правильных: *[l'autre suivant] [toutes deux légèrement courbées]*.

1 Pinget R. Cette voix. P. : Les Editions de Minuit, 1975. C.59
2 Simon Cl. L'Herbe. P. : Editions de Minuit, 1983. C.232
3 Здесь и далее квадратные скобки в анализируемых фрагментах текста обозначают границы сегмента

Наряду с ограниченным числом обязательных валентностей глагол может иметь множество факультативных, которые заполняются в случае фиктивной сегментации.

Je me lève à six heures impossible de ***dormir*** *une minute de plus et je chauffe mon café* [4]

При первом прочтении фрагмент представляется как сложное предложение, состоящее из трех простых, соединенных союзной и бессоюзной связью.

[je me lève] [impossible de dormir] et [je chauffe]
1 2 3

Принадлежность *une minute de plus* «оспаривают» между собой второе и третье предложения, так как при первом прочтении обстоятельственная конструкция из существительного с наречием *une minute de plus* грамматически связывается с глаголом *dormir*, насыщая факультативную валентность времени глагола состояния. Далее следует вводимое соединительным союзом *et* третье простое предложение, описывающее следующее действие агента. Сформированный сегмент *impossible de dormir une minute de plus* имеет полное право на существование с синтаксической и семантической точки зрения, но правильность его выделения должна проверяться в соотношении с другими сформированными сегментами и другими вариантами сегментации. Верный, на наш взгляд, вариант сегментации обосновывается ритмичностью фрагмента. Все сегменты получаются приблизительно равными по длине, их длительность составляет 5-6 слогов, благодаря чему задается определенный ритм. В этом случае мы разбиваем фрагмент на четыре простых предложения, среди которых одно неполное номинативное *une minute de plus*, обладающее собственной предикативностью (ср. *il passe encore une minute*).

Как было отмечено выше, валентность глагола может распространяться не только на существительные. Кроме сочетания глагол + прямое дополнение, читатель «достраивает» и другие конструкции, если текст предоставляет соответствующий языковой материал. В следующем фрагменте имеется последовательность faire + имя существительное + инфинитив:

Ou que la nature avait bien ***fait les choses*** *retomber en enfance serait le salut de qui a perdu son âme* [5]

Конструкции описанного вида образуются при первом прочтении за счет заполнения ниши инфинитива подлежащим следующего предложения *retomber en enfance serait le salut*. Фиктивность сегментации фрагмента в виде (1) *[que la nature avait bien fait les choses retomber] [en enfance serait le salut]* или (2) *[que la nature avait bien fait les choses retomber en enfance] [serait le salut]* осознается по причине семантической и синтаксической аномальности. Сегментация (1) формирует семантически аномальное предложение *que la nature avait bien fait les choses retomber* и синтаксически правильное предложение с инверсией подлежащего и сказуемого *en enfance serait le salut.* При варианте фиктивной сегментации (2) предложение *que la nature avait bien fait les choses retomber en enfance* также семантически аномально, а предложение *serait le salut* не может существовать с точки зрения грамматической правильности. Единственно верной сегментацией фрагмента будет: (3) *[que la nature avait bien fait les choses] [retomber en enfance serait le salut].*

Валентность предлога

Наряду с глаголом, собственные валентностные характеристики, то есть требования, предъявляемые к связываемым словам, также имеют предлоги.

Употребленный без продолжения предлог является скорее исключением, чем правилом. Случаи эллипсиса не всегда могут быть преодолены без затруднений. В следующем фрагменте за эллиптической конструкцией с предлогом следует синтаксически сочетаемый элемент, что приводит к прогрессивной фиктивной сегментации:

le patron est allée au salon où Louis s'était assoupi il passe ses nuits à l'entrepôt pendant les vendanges toujours à faire il est payé ***pour*** *elle l'a réveillé en criant debout...* [6]

За эллиптической конструкцией *payé pour*, отсылающей ко всему предыдущему предложению *pendant les vendanges toujours à faire*, следует подлежащее следующего предложения *elle l'a réveillé*, выраженное личным местоимением. При первом прочтении фрагмента предложная конструкция *payé pour* может не быть осознана как эллиптическая по той причине, что речевая цепь не прерывается знаками препинания, а присоединяет следующий элемент. Однако сформированные таким образом сегменты оказываются аномальными. Образующееся в результате фиктивной сегментации предложение *l'a réveillé* аномально синтаксически, так как не имеет подлежащего. При правильной сегментации фрагмента граница между сегментами проходит между *payé pour* и местоимением *elle.*

Предлог *de* – один из самых употребительных и в то же время самых многозначных во французском языке. Грамматически он может вводить не только существительное, но и глагол, прилагательное и другие части речи. Омонимия и богатая полисемия

4 Pinget R. L'Inquisitoire. P. : Les Editions de Minuit, 1986. C.219.
5 Pinget R. Cette voix. P. : Les Editions de Minuit, 1975. C.209.
6 Pinget R. Cette voix. P. : Les Editions de Minuit, 1975. C.40.

внутри омонимичных значений приводит к огромному числу семантических валентностей предлога *de*. Наряду с омонимичными значениями неопределенного артикля и частичного артикля, «Le Petit Robert» выделяет у предлога *de* восемнадцать, а «Новый французско-русский словарь» В.Г. Гака и К.А. Ганшиной – сорок пять различных нюансов значений, что превращает в нелегкую задачу сегментацию фрагментов, содержащих *de*. Возможно формирование многокомпонентных последовательностей и структур с этим предлогом, которые представляют сложность для чтения и интерпретации синтаксических отношений [2, с. 295].

Предлог *de*, входящий в состав наречной конструкции *de même*, приводит к фиктивной сегментации в следующем фрагменте:

on peut dire qu'ils se ressemblent tous dans la lumière aveuglante même air de brute imbécile à moins que tous les hommes n'aient cet air-là avec un peu de recul ***de*** *même toutes les femmes et toutes les fiancées à un détail du costume près* [7]

Предлог *de* расположен между существительным и *même*, которое может являться прилагательным, наречием или, как в данном случае, входить в состав устойчивого оборота. В значении прилагательного *même* играет роль детерминанта перед существительным и может употребляться без артикля (ср. *de même espèce*). На основании предсказуемостного подхода можно предположить, что читатель попытается объединить в одну синтагму *un peu de recul de même (...)*, ожидая появления существительного. Однако вместо существительного фрагмент содержит очередной детерминант *toutes les femmes*, что сигнализирует о начале нового предложения. Таким образом, при повторном прочтении читатель приходит к единственно возможному варианту сегментации: *[avec un peu de recul] [de même] [toutes les femmes]*.

В большинстве проанализированных фрагментов фиктивная сегментация при чтении текста является результатом отклонения структуры предложений от типовой структуры французского предложения, таких как неполнота, эллипсис или инверсия. Отсутствие пунктуационных границ между несвязанными языковыми единицами приводит к фиктивному насыщению их обязательных и факультативных валентностей. Обнаружение аномальности следующей синтаксической структуры позволяет определить, что прочитанная часть была сегментировано неверно. Таким образом, правильность выделения сегментов проверяется относительно остальных сформированных при чтении непунктуированного текста сегментов.

7 Pinget R. Cette voix. P. : Les Editions de Minuit, 1975. C.62-63.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.
2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. *Бревдо И.Ф.* Схема знаний как база для понимания шутки: экспериментальное исследование // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь: 1988. С.168-174.
4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
5. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: КомКнига, 2007.
6. *Штерн А.С.* Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб: Изд-во СПбГУ, 1992.

B.E. LOKTEV

FICTITIOUS SEGMENTATION BY READING OF NON-PUNCTUATED TEXT

While reading a text there is a possibility of justified forecasting by the reader of the grammatical structure und lexical filling of its unread part. In the absence of punctuation markers, the reader chances to segment the text in sentences incorrectly due to the juxtaposition of potentially compatible, but unrelated words.

Key words: ***predictive approach to reading, valency, compatibility, agrammaticality, semantic anomaly.***

В.А. ЛУКИН
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета
E-mail: lucerby@yandex.ru
Тел.(4862) 74 50 86

СЕМИОТИКА ДЕНЕГ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Проводится лингвосемиотический анализ денег – знаков, сообщений, кода в целом. Вводится понятие глубины семиотического перекодирования денег, на основе которого критически осмысливаются тезисы о деньгах как языке, о бескачественности денег и получает семиотическую интерпретацию одна из причин глобального экономического кризиса.

Ключевые слова: ***семиотика денег, субституты денег, перформативность, инвариант перекодирования денежных знаков, качество денег, «хорошие» и «плохие» деньги.***

Один лингвист, сравнивая различные языки и размышляя о других знаковых системах, заметил, что «многочисленные сходства и исторические связи между языком – как в письменной, так и устной форме, – с одной стороны, и экономикой, с другой стороны, казалось бы, очевидны, но на удивление мало обсуждались» [4, с. 35]. Это верно, но за исключением одного экономического феномена, который в последнее время довольно активно обсуждают в связи с языком. Имеются в виду деньги.

На сегодняшний день положение дел таково, что сравнительный анализ денег и языка проводят философы и семиотики, но нет хоть сколько-нибудь известной лингвистической работы о деньгах. Имеется ряд сочинений о словах (терминах) и текстах, обозначающих и описывающих деньги, но не о самих деньгах.

Это закономерно: деньги нельзя определить с лингвистической точки зрения. Но правомерно, помня об экономической природе денег, дополнить философский и семиотический подход лингвистическим (тем более, что философы и семиотики зачастую не вполне корректно пользуются лингвистическими понятиями). Тогда у нас появится возможность внести ясность в ряд общеизвестных, можно даже сказать, популярных положений, которые на деле отнюдь не бесспорны:

– действительно ли деньги – это язык (С. Московичи, К. Поланьи, М. Маклюэн) или, как нередко говорят, множество диалектов (В. Зелизер)?

– являются ли деньги абсолютно бескачественными, то есть если у них и есть какое-нибудь качество, так это только их количество (Г. Зиммель)?

– деньги (знаки и знаковая система) – это «кровь экономики»; следует ли из этого, что глобальный финансово-экономический кризис имеет семиотическую составляющую, а может, более того, какие-то из причин кризиса имели семиотический характер?

Но сначала, в качестве краткого обзора, остановимся на двух неэкономических концепциях денег, наиболее интересных с лингвистической точки зрения.

Дж. Серль: деньги и язык – социальные институты

Разделяя общепринятую точку зрения, согласно которой социальная организация присуща сообществам и людей, и высших животных, Дж. Серль утверждает, что человеческое общество принципиально отличает наличие социальных институтов. При этом он считает, что ключевую роль в создании социальных институтов, равно как и в их определении, играет язык. В то же время классики социологии и философии «движутся в своем анализе в противоположном направлении – от конца к началу. Следует не анализировать институты, предполагая язык заданным, а исследовать роль языка в учреждении институтов» [12, с. 6–7].

Анализ логично начинать с наиболее простых понятий, каковыми, по Серлю, являются институциональные факты. Они создаются людьми вследствие приписывания некоторым объектам статусных функций – социальных ролей (статусов), которые не следуют сами по себе из физических свойств объектов. Приписывание осуществляется в форме перформативного речевого акта: некто (автор – *А*) заявляет, что объект *X* считается *Y*-ом в контексте *C*. «Человек (*А – В.Л.*) обладает способностью, которой, насколько я могу судить, не обладают другие животные, а именно приписывать функции (*Y – В.Л.*) предметам (*X – В.Л.*), которые не могут выполнять эти функции только благодаря своим физическим свойствам; это происходит в

© В.А. Лукин

силу коллективного приписывания или соглашения, что предмет или индивид (*X – В.Л.*) имеет определенный статус (*Y – В.Л.*), то есть наделен статусной функцией. Яркими примерами служат деньги, частная собственность и должности в политическом руководстве» [12. с, 12].

Дж. Серль ведет речь только об институциональных деньгах, например, пусть это будут банкноты. Они появляются, когда некто (*Я*), облеченный необходимыми полномочиями (монарх, правительство, банкир…), заявляет: *Эти бумажные изделия (X) считаются деньгами (Y) с момента этого заявления в этой стране (C*). «Проще говоря, – как пишут в учебниках, – бумажные доллары принимаются в качестве денег просто потому, что правительство заявляет – это деньги» [7, с. 279].

Для распознавания институциональных фактов существуют статусные индикаторы (полицейская форма, обручальные кольца, водительские права, паспорта). Статусным индикатором денег является особого качества бумага со специальными знаками и нанесенным на нее сообщением о том, что это – деньги, а также с указанием на инстанцию (*Я*), приписавшую данным бумажным изделиям (*X*) статус денег (*Y*), имеющих хождение в данное время в данной стране (*C*). Деньги, следовательно, представляют собой автореферентные знаки.

Таким образом, «институт представляет собой систему конститутивных правил вида *"X считается Y в контексте C"*. Как только институт устоялся, он порождает структуры, отвечающие за создание институциональных фактов» [12, с. 15]. Процедуры создания конститутивных фактов и конститутивных правил пронизывают, «бесконечно повторяясь» и «функционируя как по вертикали, так и по горизонтали», каждый институт и все их вместе. Так происходит конструирование социальной реальности и, в частности, социально-экономических институтов. Насколько представленное понимание института приемлемо или необходимо для решения собственно экономических проблем, Серля не интересует [12, с. 23].

Любопытно, что Дж. Серль не объясняет, каким образом язык становится социальным институтом, если условием формирования всякого института является сам язык.

Между тем в рамках институциональной экономики выделяют, вслед за Дж. Серлем, язык, деньги и право собственности в качестве «матричных институтов экономики конвенций» [2]. Во многом благодаря авторитету Серля в экономической социологии и институциональной экономике широкое хождение получило понятие перформативности, неизбежно утратившее при этом былую ясность.

Применительно к экономике говорят уже о двух видах перформативности. Во-первых, это «стандартная», или «остиновская» перформативность; она определяется как «повышение валидности научных теорий, самим фактом их "высказывания"» создающих собственные референты [17, с. 54]. Во-вторых, это co–performation М. Каллона, понимаемая как такое конструирование теорией ее объекта – экономической реальности, которое предопределено существованием между ними «множества агентов, транслирующих и трансформирующих знание» [17, с. 54]. М. Каллон полагает, что социальные науки вообще «перформативны, так же, как и другие науки или даже более, чем они» [5, с. 62]. Тем самым понятие перформативности размывается до общего тезиса о специфике гуманитарного знания, предполагающего вмешательство субъекта исследования в исследуемый объект.

Но факт остается фактом, в работах по экономике употребляют термин *перформативность*, имея в виду, например, умение «находить наиболее эффективные уравнения затрат и выпуска для того, чтобы деньги могли выполнять свои экономические функции» [3, с. 65], «формирование ликвидных рынков с помощью финансовых практик» [10, с. 52]. Причем во множестве подобных контекстов есть весьма корректные с лингвистической точки зрения. Из них следует, что перформативность является не только необходимым условием создания денег, но и их использования – функционального и дисфункционального.

Семиотика денег и язык

Семиотика денег представлена в основном работами немцев, австрийцев (Х. Винклер, Х. Гансманн, С. Горвиц, Й. Хериш) и американцев (К. Виннерлид, А. Дайер). Постановка вопроса в целом такова: «Экономисты применяют семиотику для изучения коммуникативных свойств цен, рынков и денег. Существуют важные сходства между лингвистическим дискурсом и денежным обменом. Наиболее очевидная общая черта: это символические системы, которые служат для передачи социальных знаний между людьми. <…> … и то и другое самодостаточные (self-contained) дискурсивные системы, в которых смысл и опыт восприятия символа должны интерпретироваться при помощи отсылок к системе, в которой этот символ функционирует» [3, с. 68].

Самодостаточность денег, несомненно, преувеличена – только язык абсолютно самодостаточен: социолог или экономист исходит из того, «что общество – это целое, а язык – часть. Но семиологический подход меняет это отношение на обратное,

потому что только язык и дает обществу возможность существования. Язык – это то, что соединяет людей в единое целое, это основа всех отношений, которые в свою очередь лежат в основе общества. В этом смысле можно сказать, что язык включает в себя общество» [1, с. 86].

В то же время деньги традиционно и совершенно справедливо рассматриваются как знаки, имеющие своим денотатом меновую стоимость.[1] Их основная функция при капитализме – быть всеобщим эквивалентом товаров, включая труд и природу. Однако циркуляция денег в определенных общественных и культурных условиях приводит к приобретению ими социокультурных коннотаций (как раз за счет того, что деньги как код не автономны), поэтому они начинают обозначать не только меновую стоимость и могут выполнять не одну, а несколько функций.

Например, практика измерения деньгами чего бы то ни было как товаров предполагает в качестве базисной функции денег при капитализме формирование общего опыта, в рамках которого капитализм только и возможен. То есть деньги как знаки меновой стоимости заставляют человека смотреть на мир сквозь самих себя. «Иными словами, деньги создают концептуальную среду, влияющую на наше воображение и поведение, приводя к коммодификации природы и человеческой жизни, которые, по сути своей, не являются товарами» [3, с. 73–74].

Однако данная функция денег, как и другие их вторичные функции ,при капитализме обусловлены интегрирующими структурами – социальными институтами «прибыли, частной собственности и наемного труда». Они «представляют собой условие наличия у денег смысла и рефлексивно этот смысл предопределяют» [Там же: 76]. При феодализме интегрирующие структуры носили иной характер, поэтому и деньги принципиально отличались от капиталистических.

Большие денежные массы и капитал имеют другие денотаты и функции. Если денежный знак обозначает меновую стоимость, «а стоимость, с точки зрения капитала, есть мера социального контроля» [3, с. 78], то чем больше денег, тем больше контроля и власти. Капитал поэтому обозначает власть в отношениях между людьми.

Рынок как способ организации экономики представляет собой сложную сумму определения и перераспределения отношений собственности. Средством и условием существования этих отношений являются деньги, которые служат средством коммуникации между участниками (акторами) экономических отношений. «В частности, деньги опосредуют классовые отношения между теми, кто владеет, и теми, кто не владеет средствами производства и существования, между покупателями и продавцами рабочей силы. Во всех этих отношениях деньги опосредуют и направляют взаимодействие и коммуникацию между сторонами» [3, с. 79]. Такая аналогия (функциональная) между деньгами и естественноязыковой коммуникацией кажется явной и многообещающей.

Денежная коммуникация асимметрична, поскольку, как было сказано, одни владеют средствами производства, другие – нет. Конфликты в целом неизбежны. «Следовательно, те, кто стоят у власти, пытаются ограничивать средства коммуникации и возможности взаимодействия, чтобы существующие конфликты между трудом и капиталом можно было выразить только на особом диалекте: на языке денег» [3, с. 80]. В самом деле, революционная оппозиция коммуникативные конфликты (тем более некоммуникативные) с властью никогда не обсуждала и не будет обсуждать на «языке» денег – их у власти (а это один из денотатов капитала) всегда намного больше. Но и во всех других случаях невозможно ограничиться таким коммуникативным средством, как деньги. Они встроены в сеть социокультурных отношений и ценностей, поэтому монетарные коммуникации не только всегда сопровождаются какими-то другими, но и вступают с ними в противоречия. Скажем, этические, моральные, религиозные, идеологические предпочтения и традиции накладывают запрет на использование денег или осуждают их использование в определенных сферах общественной и личной жизни людей. Капитализм стремится блокировать неденежные и «антиденежные» коммуникации прежде всего между классами, группами, социальными объединениями людей, по крайней мере, подорвать институциональный характер подобных коммуникаций: «Капитал пытается… создать для денег “идеальную речевую ситуацию”» [3, с. 80].

* * *

Таким образом, теория социальных институтов и конструирования социальной реальности Дж. Серля уделяет первостепенное внимание языку, но он понимается при этом не как знаковая система, а скорее, как устоявшаяся система коммуникативных практик, сама себя институализирующая. Собственно экономические и финансово-экономические проблемы, конфликты и кризисы остаются при этом вне интересов этой теории.

1 «Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, – соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места» [8, с. 44].

Семиотика денег, наоборот, исходит из экономических феноменов и понятий экономической теории, предлагая их семиотическую интерпретацию. Однако природа языка и его особое место в ряду всех прочих знаковых систем не учитываются в должной мере.

При таком положении дел имеет смысл еще раз обратиться к элементарным понятиям, а затем перейти к ответам на более сложные и нетривиальные вопросы.

Деньги как знак

Сначала остановимся на бумажных деньгах. Они относятся к институциональным деньгам и создаются вследствие перформативного речевого акта. Их называют fiat money, fiat currency: в рамках некоторого общественно-экономического уклада, конкретной страны, в конкретной политической и экономической ситуации (**Σ**) государство, монарх, банк (автор – *Я*) создает деньги подобно господу, который сотворил свет силой своего слова – сказав *fiat lux!* ‘да будет свет!’. Вследствие этого определенного вида бумажные изделия начинают расцениваться как репрезентамен (Р), который в силу заявления *Я*, принимаемого всеми получателями (*П*), приобретает значение (З) – своего рода доверительное соглашение,[2] соотносящее репрезентамен (Р) с меновой стоимостью, то есть денотатом (Д).

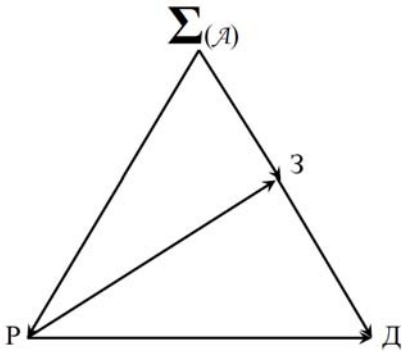


Рис. 1.

Далее *Я* теряет безраздельную власть над деньгами, потому что они начинают циркулировать в обществе, оказываясь в зависимости от разнородного множества факторов (**Σ**). Объектом влияния **Σ** является величина меновой стоимости денежного знака. Точнее говоря, конкретный экземпляр бумажных денег начинает соотноситься не с меновой стоимостью как абстракцией, а с определенной величиной меновой стоимости. Она зависит от номинальной стоимости банкноты, а также от состояния национальной и мировой экономики, от политического курса руководства страны и других обстоятельств **Σ**. Определенная величина меновой стоимости, складывающаяся сейчас и здесь, которая обозначается бумажным денежным знаком, – **экстенсионал** (Э) данного знака.

Когда человек тратит деньги, он делает выбор в пользу одного из равноценных объектов, входящих в экстенсионал денежного знака. Так, скажем, на Великолукском железнодорожном вокзале в 2011 году за 50 рублей можно было купить либо бутылку пива, либо пачку сигарет, либо дешевый детектив. Тот объект, который владелец 50 рублей выбирает из ряда других, включенных в экстенсионал банкноты, и в обмен на который отдает ее, – **референт** данного денежного знака.

Основная проблема каждого держателя денег в том, что он хочет знать, каков будет их экстенсионал в обозримом будущем. Экстенсионал зависит от **Σ** (инфляция, объем иностранных инвестиций в экономику РФ, мировые цены на нефть, намерения НАТО в отношении Ирана…). Если бы некто смог достоверным образом определить суммарное влияние **Σ** на Э конкретной банкноты в более или менее отдаленном будущем, он получил бы знание (**интенсионал** – И), непосредственно свидетельствующее об Э, то есть о множестве тех товаров, в обмен на которые приняли бы его банкноту. Но такого рода знание невозможно. Сумма обусловливающих факторов **Σ** настолько сложна и изменчива, что возможен лишь приблизительный прогноз финансово-экономических экспертов. Но у простого человека нет и этого, а есть лишь надежда, вера или мнение. Обозначив сплошной линией знание, а пунктирной – мнение, получаем вариант схемы денежного знака с точки зрения простого получателя (*П*):

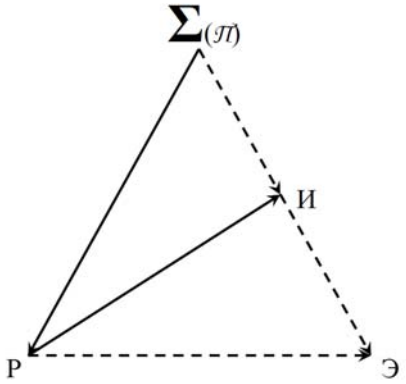


Рис. 2.

Определяющим свойством денежного знака является то, что при неизменном репрезентамене (Р) объем его экстенсионала (Э) постоянно меняется в зависимости от интенсионала (И), который, в свою очередь, предопределен множеством инте-

2 На этом основании бумажные деньги называют еще фидуциарными (от лат. fiducia ‘уверенность’).

грирующих структур **Σ**. На этом основании банкноту следует отнести к индексам (по Ч.С. Пирсу) или, уточнив, к такой разновидности индекса, как переменная. Этот термин, который применительно к деньгам использовали еще Г. Зиммель и М. Вебер, удачен в том отношении, что, сохраняя математическую семантику[3], предполагает приобретение знаком конкретного смысла (И) и объекта обозначения (Э) только в составе функции – выражения, описывающего зависимость данного знака (Р, И, Э) от множества обусловливающих факторов (**Σ**).

В той мере, в какой меняются экономические и политические условия **Σ** (аргументы), а они меняются непрерывно, изменяется экстенсионал денежного знака-переменной. Деньги, как известно, отражают состояние не только экономики, но и общества в целом. Возможно это только потому, что они способны отражать изменения социальных систем, изменяясь вместе с ними.

Денежный код зависим от множества других кодов и знаковых систем. В самом деле, если денежный знак – переменная, то он нужен для ситуативного отображения чего-либо вовне себя. Соответственно, код, состоящий из таких знаков, может использоваться только в зависимости от других кодов, приписывающих правила подстановки значений или, говоря лингвистически, определяющих величину экстенсионала денежного знака. Большая часть таких кодов, разумеется, за исключением естественного языка, складывается в экономике и политике.

По этой причине денежный код не предназначен для автономного функционирования, он не является ни языком, ни тем более «универсальным языком»: просто невозможно представить себе язык, состоящий из знаков-переменных. Это очень простой код, сложность не в нем, а в разнородном произведении массы обстоятельств (**Σ**), определяющих его использование.

Принципиально важно то, что большие массы денег (денежные агрегаты) активным образом влияют на интегрирующие структуры **Σ**. Точнее говоря, они изначально циркулируют в них как «кровь экономики», как содержание власти, политической силы, доверия, насилия, ответственности, свободы…, обозначая это содержание. Деньги (денежные агрегаты, денежный капитал – **К**) активным образом влияют сами на себя, являясь авторефлексивным кодом:

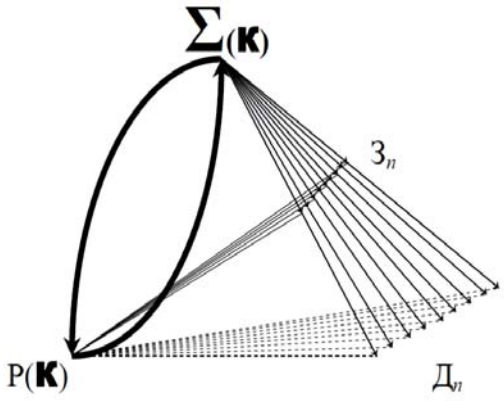


Рис. 3.

Сложность еще более нарастает, если учесть, что на то, как люди зарабатывают и тратят деньги, влияют их представления о деньгах – отвечающие или противоречащие природе денег. Сумма семиотических и несемиотических причин, которая обусловливает использование денег, не определена на сегодняшний день. Поэтому специалист по теории денег вовсе не обязательно богатый человек, а имя «среднего» миллионера, который, конечно, знает о деньгах достаточно, все же вряд ли останется в истории политической экономии. (Из этого очевидного соображения следует, что перформативность экономической теории сильно преувеличивается М. Каллоном и его сотрудниками).

Деньги как сообщение

В этом отношении деньги выступают либо как простые сообщения, равные одному знаку денежного кода, либо как сложные текстовые сообщения.

Нетекстовые деньги – это банкноты. Основная сфера их циркуляции – устная коммуникация. Причем использованию денег предшествует обмен естественноязыковыми сообщениями. Движение денег должно быть подготовлено знаниями и опытом, которые человек приобретает только из текстов и более простых сообщений на естественном языке. Чем стандартнее, привычнее неденежное коммуникативное предисловие, тем успешнее и интенсивнее бумажные (и современные металлические) деньги используются в качестве сообщений. Так, чаще всего их отдают и получают в обменных пунктах, магазинах, кафе, на рынке, в кассах вокзалов, стадионов, театров.

Ситуация использования денег сложнее денег. Сами же такие деньги в качестве средства обращения требуют компактности репрезентамена и простоты семантики. Они должны быть простыми

3 Как переменная деньги ничем не отличаются от других аналогичных знаков, например, от переменных в математике. Сами математики говорят, что «переменность или неопределенность там, где она существует, всегда есть вопрос языка и связана с символами и выражениями» [16, с. 350]. Переменная – это всегда знак, но ни в коем случае не число и не величина. «Переменная никак не является предметом арифметики» [13, с. 138], поэтому анализ переменной как знака, в рамках семиотики, вполне закономерен.

знаками, не должны и не могут приближаться к тому порогу содержательной сложности, который требует текста как формы выражения.

Сама практика использования денег подтверждает этот тезис. Например, неграмотные люди вполне успешно обращаются с бумажными деньгами. Главное – отличать банкноты разных номинальных стоимостей. То, что написано и изображено на банкноте, воспринимается как целостность, как один знак. Этим, в частности, объясняется известный случай относительно продолжительного функционирования в советское время поддельных банкнот, на которых вместо надписи *один рубль, три рубля* и т.д., продублированной на 14 языках республик СССР, дерзкий фальшивомонетчик 15 раз воспроизвел сообщение *КТО НЕ КУРИТ, ТОТ ДУРАК*[4]. Его просто не замечали, потому что для использования бумажных денег нет необходимости читать и интерпретировать то, что на них написано.

Это касается и невербальных знаков. Так, любопытно, например, что если подсчитать число пальцев на ноге скульптурного изображения женщины (символ Невы), воспроизведенного на российской пятидесятирублевой банкноте, то их окажется шесть. Что это значит? Возможно, это просто особенность гравюры, возможно, элемент защиты (автореферентный индекс)[5]. В любом случае, как и на надпись *КТО НЕ КУРИТ, ТОТ ДУРАК*, на такого рода детали обращают внимание либо случайно, либо желая удостовериться в подлинности денег, но не для того, чтобы купить, продать, разменять.

В конце концов, на пространстве бумажного носителя могут присутствовать и тексты (близкие к не-текстам).

Однако текст на деньгах не делает деньги текстом, как, скажем, и текстовая реклама не превращает рекламный щит в текст.

Текст, если он есть, – один из знаков, образующих сетью своих связей композицию бумажных денег как сообщения. Банкнота в процессе обращения должна быть узнана – это необходимое и достаточное условие ее обращения. Интерпретация здесь неуместна, потому что она требует времени, а это крайне замедлило бы процессы коммуникации, в которых участвуют бумажные деньги. Следовательно, при обязательном наличии композиции бумажные деньги не обладают семантической структурой. По этой причине целесообразно и необходимо использование технических устройств (детекторов), определяющих подлинность банкнот намного быстрее и надежнее, чем человек.

4 По материалам сайта www.aferism.ru

5 На сайте ЦБ РФ (www.cbr.ru) среди элементов защиты 50-рублевой купюры указанная особенность не называется.

Но чем больше денег и чем сложнее условия сделки, тем больше необходимость заменить физическую массу бумажных денег более компактным сообщением. Оно должно включать в свою референтную область замещаемую массу денег; этот факт должен быть отражен в знаковой последовательности сообщения; возможность использования такого сообщения вместо обозначаемых денег должна быть гарантирована автором сообщения… Естественно, столь сложное сообщение должно быть текстом. Это текстовые деньги.

Они нужны тогда, когда возникает потребность включать в состав знаковой последовательности описание ситуации их использования – того, что раньше было названо коммуникативным предисловием.[6] Явные и по возможности однозначно сформулированные ограничения, в том числе на сферу обращения – всегда более узкую, чем у бумажных денег, – значительно сокращают количество социокультурных кодов, с которыми могут взаимодействовать деньги в текстовой форме. Психология денег, в первую очередь характерная для банкнот и монет, в значительной мере уступает место технике составления и использования ценных бумаг.

Ценные бумаги – типичные текстовые деньги. Они подразделяются на первичные и вторичные (деривативы). Первичные ценные бумаги – это документные тексты, в референтную область которых входят деньги и/или вещи (ценности) – *акция, облигация*; только вещи – *коносамент, фактура, варрант*; только деньги – *вексель, чек, сберегательный (депозитный) сертификат*. Вторичные ценные бумаги – тексты, в референтную область которых входят другие ценные бумаги – *опцион, финансовый фьючерс*.

Глубина перекодирования денег

Начиная с протоденег (шкуры, скот, раковины) и кончая электронными деньгами, происходит постоянный и все более интенсивный процесс перекодирования денег. В связи с различными интегрирующими структурами (**Σ**) меняются авторы (*А*) денег, виды денег, меняется их материал-носитель (Р) и способы задания (И) их экстенсионала (Э), используются различные знаки и знаки знаков денег. Процесс перекодирования разворачивается как в диахронии, так и в синхронии. Трудно привести

6 Например, переводной вексель должен содержать наименование *вексель*, должен быть подписан тем, кто его выдал, содержать указание на того, кто должен уплатить, какую сумму, под какую процентную ставку и т.п. Все текстовые параметры векселя излагаются в «Положении о простом и переводном векселе» (метатекст) от 1937 года, принятом ЦИК СССР и действующем в настоящее время; несоблюдение текстовых параметров, предписываемых метатекстом, влечет за собой ничтожность векселя, то есть лишает его статуса денег.

пример знаков, которые имели столь же большую глубину семиотического перекодирования, как деньги.

Главное в этом процессе то, что, циркулируя в виде слитков, монет, банкнот, ценных бумаг, карточек, сигарет, соли, водки и т.п., деньги остаются деньгами. Следовательно, существует инвариант перекодирования – деньги как идея, воплощаемая с неизбежными усложнениями и вариациями в различных материалах-носителях (Р) в условиях различных типов обществ, экономических укладов, государств, культур (Σ) (идеальный инвариант перекодирования денег далее будем называть системным произведением денег, используя для его обозначения символ П).

Инвариант перекодирования (П): деньги как общественная собственность

Деньги как инвариант перекодирования (П) – одно из великих изобретений человечества. Подобно колесу или парусу, оно разделяет свойства всех таких изобретений: оно принадлежит всему человечеству, его автор не известен, и скорее всего вклад индивидуума в него «бесконечно мал» [9, с. 423].

Замечательно, что, обладая различными материальными воплощениями идеи денег, успешно пользуясь ими, люди отдают себе отчет в том, что суть этой идеи им не вполне ясна. Поэтому деньги как П-система (идеальный код) являются предметом экономических, философских, социологических и других исследований.

В таком представлении деньги имеют очевидное сходство с языком. Деньги и язык как П-системы – общественные явления, они идеальны, непосредственно не наблюдаемы, не зависят от воли отдельного человека. На этом сходятся классики политической экономии безотносительно к их идеологическим пристрастиям. Например, и коммунист К. Маркс, и антикоммунист Ф. Хайек одинаково полагают, что деньги возникают стихийно, независимо от воли и намерений людей – как и язык: «такие явления, как язык, рынок, деньги и нравы, не являются настоящими артефактами, продуктами сознательного творения», поэтому «человек, живущий в обществе, имеет постоянную возможность извлекать выгоду из совокупности знания, хотя ни он сам, ни кто-либо другой не обладает этим знанием во всей полноте» [14, с. 112, 113]. Только «впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык» [8, с. 84].

Отсюда эпистемологическое сходство денег и языка: для их исследования и описания люди создают научные теории – лингвистику и теорию денег, – которые, в свою очередь, представляют собой П-системы.[7]

Деньги как П-произведение невозможно присвоить, потратить, подделать, подарить. Для этого необходима частная реализация П-произведения – конкретное и материальное воплощение идеи денег. Хронологически эти реализации выстраиваются от протоденег до денег электронных. Каждая из этих денежных систем также является П-системой, которой сопутствуют специфические знаковые реализации (нетекстовые и текстовые) и не менее специфические произведения авторов и получателей.

Качество денег (к семиотическим аспектам экономического кризиса)

В цепи перекодирования денег от знаков меновой стоимости до максимально удаленных от них текстовых и нетекстовых субститутов имеются как знаки денег, являющиеся деньгами, так и не являющиеся ими. К. Поланьи утверждает, что «одна из частых причин неправильного понимания феномена денег – смешение понятий “денег” и “символов денег”» [11, с. 157].

Мобильность денег и отсутствие четких границ между деньгами и не-деньгами не соответствует, по мнению экономистов, их номинации в естественных языках: «Я всегда находил полезным разъяснять студентам, что мы довольно неудачно выбрали для обозначения денег имя существительное. Для объяснения денежных феноменов было бы полезнее, если бы “деньги” были прилагательным, описывающим свойство, которым различные вещи обладают в различной, причем меняющейся, *степени*. Слово “валюта”, происходящее от латинского valutus (имеющая ценность), по этой причине более уместно, поскольку объекты могут иметь разную ценность в разных регионах и слоях населения» [15, с. 23].

Из этого следует, что «быть деньгами» – градуальное свойство; максимум свойства «быть деньгами» присуще непосредственным знакам меновой стоимости; принимая неизбежное огрубление, можно считать, что чем больше перекодировок отделяет от них какой-либо субститут, тем больше он приближается к свойству «не быть деньгами» resp. «быть деньгами» в минимальной мере. Деньги, стало быть, могут быть разного качества. Вопреки известному мнению Г. Зиммеля, они не бескаче-

7 О науке в целом как П-системе см. в [6].

ственны (ср. термины *твердая валюта, хорошие vs. плохие, дорогие vs. дешевые деньги, суррогатные деньги (суррогаты), эрзац-деньги, квазиденьги, фиктивные деньги*) [8].

Подвижная шкала качества денег проецируется на не имеющее четких границ множество знаков и метазнаков, образующее глубину их семиотического перекодирования. Конкретный случай взаимодействия «качества» и «глубины» можно наблюдать на примере последнего глобального экономического кризиса, точнее говоря, – на примере одного из его семиотических аспектов.

Одну из главных ролей в его развитии сыграли деривативы (текстовые деньги), на рынке которых базируется спекулятивный сектор экономики. Они тем лучше торгуются, чем выше их ликвидность. В принципе, ликвидность – это обращаемость ценных бумаг (текстовых субститутов – не очень «хороших» денег) в базовые активы (в «хорошие» деньги – золото и непосредственные знаки меновой стоимости). Но знание об обеспеченности деривативов базовыми активами, во-первых, не может быть достоверным (по крайней мере, далеко не для всех), во-вторых, даже не имея достоверного знания, нужно рисковать, потому что, продавая ценные бумаги, получаешь прибыль, а купив, следует продать, чтобы не остаться в проигрыше. Так что речь, скорее, идет не о знании, а о доверии как основании для неизбежного риска. Одним из ключевых институтов для коррекции рисков является частное рейтинговое агентство (они все частные, государственных рейтинговых агентств нет). Агентство оценивает ценные бумаги (деривативы), выставляя им рейтинг – знак ликвидности; чем выше рейтинг, тем выше ликвидность. Агентства имеют право (например, в США) не «проверять характеристики риска продуктов, которые они рейтингуют» [10, с. 56]. Агентство объявляет рейтинг, создавая тем самым ликвидность. Экономисты называют это «перформативностью практик количественного анализа».

«Чем выше кредитный рейтинг ценной бумаги или пакета ценных бумаг, тем проще продать актив конечному покупателю. Но самое главное – рейтинговое агентство не несло никакой ответственности за свои рейтинги, и если допускалась ошибка, то это не имело никаких последствий. При этом банки всегда платили рейтинговым агентствам за их работу» [10, с. 55]. Значит, банк платит агентству, агентство повышает рейтинг ценных бумаг банка, банк продает бумаги и платит агентству… Вследствие такой практики текстовые деньги перестали соотноситься с базовыми активами, а их рейтинг рос – «долг был полезен» [10, с. 38]. Но когда, в конце концов, его пришлось отдавать, все лопнуло по швам, потому что текстовые деньги поменяли денотат. То есть многократное перекодирование текстовых денег приобрело такую глубину, что их связь с непосредственными знаками меновой стоимости была утрачена, причем утрачена умышленно: вместо базовых активов спекулятивные участники рынка стали обозначать текстовыми деньгами «*объем* и *скорость* финансовых трансакций, рыночный оборот, но не содержание этих операций» [10, с. 46]. В итоге текстовые деньги стали не просто плохими, они вообще перестали быть деньгами, но ими преднамеренно продолжали пользоваться как деньгами.

8 Еще в XVI веке Н. Коперник, а за ним Т. Грэшем отличали «хорошие» деньги от «плохих». См. популярную формулировку «закона Грэшема» в Википедии, а также обсуждение этого закона, его критику и уточнение сферы действия – с неизменным разделением денег на «хорошие» и «плохие» – в VI гл. книги Ф. Хайека «Частные деньги».

Библиографический список

1. *Бенвенист Э.* Семиология языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 68–89.
2. *Бесси К., Фавро О.* Институты и экономическая теория конвенций // Вопросы экономики. 2010. № 7. С. 12–38.
3. *Веннерлинд К.* О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 65–82.
4. *Даль Э.* Возникновение и сохранение языковой сложности. М.: Издательство ЛКИ, 2009.
5. *Каллон М., Меадель С., Рабехариоса В.* Экономика качеств // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 4. С. 59–87.
6. *Лукин В.А.* В поисках «смыслового исхода» типологии текстов // Язык как материя смысла. Сб. статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. С. 497–520.
7. *Макконел К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: принципы, проблемы, политика. М.: Инфра-М., 2001.
8. *Маркс К.* Капитал // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Гос. изд-во. политической литературы, 1960.
9. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
10. *Несветайлова А.* Загадки глобального кредитного краха, или об иллюзии ликвидности // Вопросы экономики. 2010. № 12. С. 33.

11. *Поланьи К.* Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 156–171.
12. *Серль Дж.* Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5–27.
13. *Фреге Г.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.
14. *Хайек Ф.А.* Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003.
15. *Хайек Ф.А.* Частные деньги. М., 1996.
16. *Черч А.* Введение в математическую логику. М.: Иностранная литература, 1961.
17. *Юдин Г.Б.* Перформативность в действии: экономика качеств М. Каллона как парадигма социологического анализа рынков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 4. С. 47–58.

V.A. LUKIN

SEMIOTICS OF MONEY AND SEMIOTIC ASPECTS OF THE ECONOMIC CRISIS

The paper presents an attempt of linguistic and semiotic analysis of money (the latter is understood as signs, messages and the code in general). The category of the depth of semiotic recoding of money is introduced. With the use of this category the author critically viewes the concept of money as a language and the idea of the quality-free nature of money. One of the reasons of the global economic crisis is given its semiotic interpretation.

Key words: ***semiotics of money, money substitutes, performativeness, invariant of recoding of currency notes, quality of money, "good" and "bad" money.***

Т.В. ПЛАТОНОВА
аспирант кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета
E-mail: tanya-orel@inbox.ru
Тел. 8 929 059 01 90

КРАСОТА В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КУПРИНА ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Тема красоты занимает одно из важных мест в творчестве А.И. Куприна. Об этом упоминают ряд исследователей писателя: А.А. Волков, В.Н. Афанасьев, П.Н. Берков, Ф.И. Кулешов и другие. Тема красоты у Куприна непосредственно связана с личностью. В данной статье рассматриваются различные типы персонажей, выражающих отношение автора к красоте.

Ключевые слова: ***красота, гуманизм, персонаж, личность, портрет, сравнение, деталь, автор, «маленький человек», черты неореализма.***

Одним из эстетических принципов Куприна является утверждение красоты в мире, в жизни человека. Не случайно он затрагивает этот вопрос и в ряде своих публицистических работ (например, «Памяти Чехова», «Солнце поэзии русской»). Так, в статье «Памяти Чехова» (1905) красота является частью общего жизнеутверждающего пафоса, выраженного Куприным: «Настанет прекрасная новая жизнь, полная веселого труда, уважения к человеку, взаимного доверия, *красоты* и добра» [11, с. 94]. Кроме того, представление Куприна о гармонично развитой личности непосредственно связано с красотой. О сочетании внешней и внутренней красоты он пишет, создавая образы Пушкина («Имя его для нас – символ добра, истины и вечной красоты…» («Солнце поэзии русской», 1899) [11, с. 43]), Чехова («человека несравненного душевного изящества и красоты» («Памяти Чехова», 1904) [11, с. 70]).

Тема красоты человека занимает одно из важных мест и в прозе Куприна, что подтверждают исследователи его творчества. П. Н. Берков в качестве одного из мотивов в произведениях писателя отмечает пристальный интерес к красоте человека: «Куприн на всем протяжении своей литературной деятельности любил человека, любил цельную, неиспорченную буржуазной, мещанской культурой, красивую человеческую личность» [4]. Мысль о постоянном стремлении купринских героев к правде и красоте развивает А.А. Волков. В таком стремлении исследователь видит следование традициям Чехова: «Он, как и Чехов, хотел, чтобы у человека были прекрасны и душа и тело» [5]. Этой позиции придерживаются и такие исследователи, как: В.Н. Афанасьев [3], В. Этов [23, с. 201]. Кроме того, В.Н. Афанасьев представление Куприна о гармоничной красоте как соединении физической и духовной красоты связывает с проявлением гуманизма писателя [3]. О гуманистическом отношении к личности в произведениях Куприна писал и К.Г. Паустовский. И. В. Корецкая сближает Куприна с Чеховым в их способности чувствовать «жизнь, которая должна быть», проносить мечту о свободном и гармоничном человеке будущего [17, с. 376]. В. Н. Айдарова [2, с. 57], Л.В. Крутикова [9, с. 39] также называют Куприна последователем «чеховской школы», отмечая общность их индивидуальной творческой манеры.

Действительно, в прозе Куприна развитие темы красоты прежде всего связано с личностью, то есть можно проследить линию «красота – человек». Но вместе с тем, встречаются персонажи, лишённые красоты, а также такие персонажи, у которых преобладает либо внешняя, либо внутренняя красота.

Следовательно, представляется возможным в рамках намеченной линии выделить три группы персонажей:

1. персонажи, наделённые гармоничной красотой (те, у которых физическая красота сочетается с внутренней, духовной (Олеся, Суламифь, Соломон, Арбузов и другие));
2. персонажи с дисгармоничной красотой (те, у которых преобладает либо внешняя (Нина Зиненко, Шурочка), либо внутренняя красота (музыкант Сашка, Бобров, Ромашов и другие));
3. персонажи, вовсе лишённые красоты (Раиса Петерсон, Мотька, Ребер, Квашнин, Свежевский и другие).

Все перечисленные группы встречаются как среди мужских, так и среди женских образов. При этом гармоничной и дисгармоничной красотой могут быть наделены как главные, так и второстепенные персонажи, а лишёнными красоты оказываются только второстепенные. Вероятно, такая закономерность не случайна. Куприн стремился к утверждению позитивных ценностей, таких как природа, искусство, любовь, рядом с которыми сто-

© Т.В. Платонова

ит и красота. У. К. Абишева поиск таких ценностей считает одной из характерных черт неореализма: «Неореализм – поиск позитивных ценностей, неподвластных «обстоятельствам», о внимании к «вечным» проблемам, будь то «пантеистическое» чувство космоса, природа, любовь, искусство…» [1, с. 36]. Исходя из этого, можно утверждать, что в прозе Куприна присутствуют черты неореализма.

Персонажи, в которых в полной мере реализуется представление автора о гармоничной красоте, достаточно ярко представлены в повестях «Олеся» (1898), «Суламифь» (1908). Особенно отчётливо гармоничное сочетание внешней и внутренней красоты можно проследить на примере женских образов: Олеси, Суламифи. Но Куприн не лишает такой красоты и мужских персонажей, например, царя Соломона. Таким образом, не проводится гендерного разделения персонажей, надёлённых гармоничной красотой.

Яркой природной естественной красотой наделена полесская девушка Олеся из одноимённой повести. Исследователи Куприна (А.А. Волков [5], В.Н. Афанасьев [3], Ф.И. Кулешов [10]) сходятся в оценке образа этой героини. Обаяние и прелесть Олеси они видят в красоте ее внешнего облика, ее лица: «Прелесть его заключалась в этих больших, блестящих, темных глазах, которым тонкие, надломленные посредине брови придавали неуловимый оттенок лукавства, властности и наивности; в смугло-розовом тоне кожи, в своевольном изгибе губ, из которых нижняя, несколько более полная, выдавалась вперед с решительным и капризным видом» [15, с.142]. Олеся очаровывала не только своей внешностью. Замечательными были в ней «… ее цельная, самобытная, свободная натура, ее ум, одновременно ясный и окутанный непоколебимым наследственным суеверием...» [15, с.161].

Наряду с красотой и незаурядным умом, героиня обладает чуткой душой. Несмотря на сильное чувство к Ивану Тимофеевичу, она покидает его, так как понимает невозможность дальнейших с ним отношений. Тема разделенной любви сменяется в повести другой, постоянно звучащей в творчестве Куприна темой – недостижимого счастья: «Не сердись, мой дорогой ... Я не хочу тебя обидеть. Я ведь только о твоем счастье думаю» [15, с.193-194]. У Олеси сильный характер, она тверда в своих решениях, бескомпромиссна в поступках. В этом «гимне возвышенной, благородной, самоотверженной любви» В.Н. Афанасьев видит непреходящее значение повести [3].

А.А. Волков отмечает связь между образом Олеси и полесской природой и считает, что в этом проявляется «эстетическое отношение писателя к действительности»: «В красоте Олеси, в гордой силе, исходящей от нее, писатель воплощает красоту и гордую силу природы, которая как бы сформировала человека по своему подобию» [5]. Пейзаж, действительно, играет в повести активную роль: он меняется вместе с изменением душевного состояния героев, с развитием испытываемых ими чувств и сменой мыслей. Следовательно, можно отметить взаимосвязь эстетических принципов, в данном случае – природы и красоты.

Восхищение красотой женского и мужского тела, воспевание чувственной любви находит отражение в повести «Суламифь» (1908). Для критика В.В. Воровского эта повесть стала «гимном женской красоте и молодости» [6]. Исследователь П.Н. Берков основной пафос произведения увидел во «всесилии любовного чувства, в веках прославившего безвестную пастушку Суламифь» [4]. Однако гармоничной красотой в данной повести наделена не только главная героиня (Суламифь), но и её возлюбленный Соломон. При описании внешности героев автор чаще всего прибегает к сравнению и детализации. При этом сравнение обычно вкладывается в уста самих героев, что позволяет лучше понять их отношение друг к другу. Соломон воспринимает свою возлюбленную как явление природного мира. Её красота естественна, возможно, потому при описании внешности героини чаще встречаются сравнения с растениями, природными явлениями: «Тяжёлые, густые тёмно-рыжие волосы…пламенеют, пронзённые лучами солнца, как золотой пурпур» [14, с. 16]. В данном случае вновь можно проследить взаимосвязь красоты человека и природы, что является одним из эстетических принципов писателя.

При описании внешности героев Куприн часто делает акцент на изображении лица человека. Такой выбор не случаен, поскольку «детали внешности, особенности черт лица могут стать той «изюминкой», по которой мы легко можем понять и особенности психологии, поведения персонажа», при этом сравнение позволяет «внешние» черты какого-нибудь человека сделать доступными «внутреннему взору» собеседника, передать субъективный образ предмета описания. Сравнение даёт возможность индивидуализировать облик человека» [19 , 86].

При этом чаще автор делает акцент на глазах, «которые являются «проводником» из мира человеческой души во внешний, зримый мир» [19, 91]. Глаза служит для «образной индивидуализации отдельных черт лица» [19, 89]. Например: «Глаза же у царя были темны, как самый тёмный агат…» [14, с. 8]. Или «… ресницы… походили на чёрные лучи вокруг чёрных звёзд» [14, с. 8]. Таким образом,

«выражение глаз получает глубокое образное наполнение» [19, с. 90]. Так, душевное спокойствие, кротость героини передаётся с помощью такого сравнения: «Глаза твои, как два голубя, сидящих у истока вод» [14, с. 46]. Это сравнение звучит в речи персонажа, оно передаёт восхищение героя красотой своей возлюбленной. О чём бы он ни рассказывал, в его речи неизменно возникает образ любимой Суламифи.

Ряд сравнений позволяет представить эстетический идеал внешности человека того времени: «Щёки твои – точно половинки граната под кудрями твоими» («Суламифь») [14, с. 17]// «О, мой царь, ноги твои, как мраморные столбы» [14, с. 46]. Соломон, Суламифь восхищены друг другом, потому в их воображении и рождаются такие образы. Неграмотная девушка Суламифь, полюбив, преображается. Любовь обогащает ее ум и душу, вкладывает в ее уста вдохновенные слова, которые раньше она не смогла бы произнести. И даже смерть не может победить силу этой любви. Суламифь умирает со словами благодарности за высшее счастье, дарованное ей Соломоном.

С помощью сравнений автору удаётся отразить глубину внутреннего мира героя, его способность широко мыслить и тонко воспринимать окружающее: «… и в глазах царя загорались, точно искры в чёрных брильянтах, тёплые огни ласкового, нежного смеха…» [14, с. 9]// Глаза твои глубоки, как два озера Есевонских у ворот Батраббима [14, с. 17].

Итак, в рассмотренных выше повестях действительно прослеживается гармоничная связь между внешней (физической) и внутренней (душевной) красотой персонажей (Олеси, Суламифи, Соломона). Внешне прекрасные герои наделены автором естественностью, способностью проявлять глубокие и сильные чувства, бескорыстно дарить эти чувства друг другу. Куприн в качестве идеала утверждает такую личность, в которой «духовная энергия соединяется с началами добра, нравственности и гуманизма» [8, с.110]. Эстетика красоты в данных повестях непосредственно переплетается с темой любви. По мнению Т. В. Ошаровой, мир естественных эмоций и страстей в лучших произведениях Куприна связан с категорией прекрасного. «Культ живой, полнокровной жизни, здорового тела и духа» исследовательница считает «существенным элементом реалистической эстетики писателя, лишённой биологизма натуралистов или эротизма декадентов» [20, с. 34-35].

Любовь преображает героев. Однако она же оказывается несчастливой и когда автор пишет о своём времени, и когда он обращается к давно ушедшей эпохе. Прежде всего это связано с социальными явлениями: сложно представить «дикарку» Олесю в городской среде, к которой привык Иван Тимофеевич, так же, как сложно представить пастушку Суламифь в царском дворце. В несовершенном, неразвитом обществе нет места «идеальной» любви.

Довольно многочисленны в произведениях писателя персонажи, в образах которых преобладает либо внешняя, либо внутренняя красота. При этом внешне прекрасными, как правило, чаще бывают женские образы, а внутренне цельными, нравственными – мужские. Таким образом, во втором случае больше проявляется этическая сторона, чем эстетическая.

Эстетика женской красоты находит место в рассказе «Психея» (1892). Кроме того, в данном произведении прослеживается неразрывная связь красоты с искусством. В основе сюжета лежит миф о Пигмалионе. Главный герой сходит с ума, воплотив свой идеал красоты в скульптуре Психеи: «Она есть тот прототип божественной красоты и гармонии, стремление к которому вложено в душу каждого человека со дня его рождения и который человечество окрестило избитым названием «идеала»» [16, с. 86].

А.А. Волков видит пафос этого произведения в стремлении Куприна противопоставить силу вечной красоты грязной и жалкой действительности. Но при этом усматривает «… наличие психопатологических и мистических мотивов», свидетельствующих, по его мнению, «о влиянии на автора декаданса» [5]. Действительно, в данном произведении всё внимание Куприна занимает внутренний мир главного персонажа (тонко чувствующая натура, теряющая рассудок), потому и повествование построено в форме дневника, ведётся от первого лица, количество персонажей ограничено.

Внимание к внутреннему миру человека, описание исковерканной, больной души прослеживается в образе Боброва в произведении «Молох» (1896). Это персонаж с неяркой внешностью: «Он был невысок ростом и довольно худ, но в нём чувствовалась нервная, порывистая сила… Расширенные и притом неодинаковой величины зрачки … Густые, неровные брови сходились у переносья ... усы и борода маленькие, жидкие, белесоватые, совсем мальчишеские» [12, с. 5]. По мнению А.А. Волкова, такая портретная характеристика вполне соответствует психологии купринского героя – человека тонкой душевной организации, благородного и доброго, но вспыльчивого, склонного к раздумьям и самоанализу. Бобров – персонаж с дисгармоничной красотой, у него внутренний мир оказывается глубже, интереснее. Бобров видит и не может принять

социальное зло, которое исходит от владеющих капиталом (в частности, Квашнина) по отношению к рабочим завода, к его возлюбленной Нине, но не способен и противостоять: «Быть простым свидетелем совершающегося вокруг – для него непереносимо; противодействовать социальному злу он не в состоянии» [5].

В годы революционного подъёма Куприна больше интересует активный тип героев, бросающих вызов действительности. В рассказе «Гамбринус» совершенно не привлекательного еврея Сашку («плешивый человек, с наружностью облезлой обезьяны») автор наделяет ярким музыкальным талантом, внутренней силой. Сашка – это тип «маленького человека», который оказывается способным на «большие поступки» (например, противостоит полицейскому Мотьке). Способность совершать поступки, внутренняя сила, присущие «маленькому человеку» Куприна, – то, что отличает его от персонажей такого типа, созданных в русской литературе ранее Пушкиным, Гоголем. О преобразовании идеи «маленького человека» у Куприна пишет и исследовательница Л. А. Колобаева: «Герой этого типа в сознании писателя перестаёт быть только объектом социального угнетения… пробуждает надежды на духовно самостоятельную и активную личность» [8, с.89].

«Маленький человек» у Куприна оказывается способным и на проявление глубокого чувства. Этот аспект особенно ярко выражен в образе мелкого чиновника Желткова из повести «Гранатовый браслет» (1911). А. А. Волков выделяет Желткова среди других персонажей повести, представителей аристократической среды, за способность глубоко любить: «Именно в сопоставлении с громадным чувством, «поразившим» Желткова, обнажается очерствение души людей, считающих себя по культуре и интеллекту стоящими гораздо выше его» [5]. Кроме того, тема любви в повести раскрывается и через предметную детализацию. «Повторяющейся деталью, символическое наполнение которой усиливается по мере развития действия», является роза [22, с.40]. Красная роза появляется в руках героини, когда она приходит к умершему Желткову и кладёт розу в гроб. Именно в этот момент героиня понимает, что «та любовь, о которой мечтает каждая женщина, прошла мимо нее» [15, с. 61]. Роза символизирует идеал совершенной любви, которую удалось испытать Желткову. Мелкий чиновник Желтков оказывается способным на «самостоятельный нравственный выбор», однако этот выбор оказывается трагическим.

Таким образом, любовь становится «решающим критерием в итоговой оценке автором своих героев» [18, с.66]. В мире Куприна идеальная любовь трагична [18, с.66]. Любовь в повести непосредственно связана с эстетикой красоты. Не случайно один из персонажей, генерал Аносов, отношения супругов Шеиных оценивает через отсутствие в них красоты.

К героям, у которых преобладает красота внутреннего мира над внешней, физической красотой, относится Ромашов из повести «Поединок» (1905). В начале повести он ничем особенно не выделяется среди других офицеров: вместе со всеми предаётся распутству, пьянству. Внешне же выглядит, как самый обычный человек: «Он был среднего роста, худощав, и хотя довольно силен для своего сложения, но, от большой застенчивости, неловок… бледное лицо, близорукость…» [13, с. 16].

Любовь к необычной женщине, Шурочке, заставляет Ромашова задуматься над своим истинным положением (бедностью, отсутствием перспектив в армии, непристойным поведением). Постепенно в нём пробуждается любовь к правде, справедливости, уважение к человеку (в простом солдате Хлебникове видит своего «брата»), которые толкают его порой на решительные поступки (заступается за рядового Шарафутдинова; рискуя жизнью, он останавливает поручика Бек-Агамалова, который в пьяном исступлении бросился с шашкой на окружающих). Истинное глубокое чувство Ромашова наталкивается на самолюбие и корыстное желание Шурочки вырваться из круга гарнизонной жизни. Она подталкивает его к поединку с Николаевым. Образ Шурочки связан с «роковой» красотой.

Привлекательной внешностью, но вместе с тем и холодной, расчётливой душой наделяет Куприн таких героинь, как Нина Зиненко (повесть «Молох»), Шурочка (повесть «Поединок»). Это отмечают и исследователи творчества писателя. А. А. Волков о героине Куприна Нине Зиненко пишет: «… ее красота как-то прикрывает уродство ее души» [5]. Действительно, внешняя красота Нины (прелестная, хрупкая девушка с «аристократическими» руками) не соотносится с ограниченностью её взглядов, мещанским представлением о жизни. Красота становится тем средством, которое позволяет ей манипулировать людьми. За счёт состоятельного Квашнина она хочет вести более роскошный образ жизни, иметь возможность устроиться в соответствии со своими желаниями.

В этом отношении к образу Нины Зиненко близок образ Шурочки Николаевой. Шурочка не менее привлекательна, но и не менее корыстна. Она, так же как и Нина Зиненко, преследует цель лучше устроиться в жизни за счёт мужчины: «Пусть он только пройдет в генеральный штаб, и клянусь – я ему сделаю блестящую карьеру... Неужели я уж так

неинтересна как человек и некрасива как женщина, чтобы мне всю жизнь киснуть в этой трущобе, в этом гадком местечке, которого нет ни на одной географической карте!» [13, с. 42].

Однако Шурочка отличается от Нины проницательностью, образованностью, развитым умом, умением разбираться в других людях. В этом отношении героиня представляется даже более опасной. Её красота носит скорее демонический характер. Чтобы осуществить свои планы, она старается казаться благороднее, чище, лучше, чем она есть на самом деле. Она как будто ненавидит ложь, порожденную, по ее же мнению, трусостью и слабостью, а вынуждена лгать, потому что правдой ей не утвердиться в жизни. Ей далеко не безразлично, с кем разделить удачу. Николаева она предпочла Назанскому, потому что его учёба в академии может явиться средством достижения цели. Но она знает, что этот вынужденный выбор не очень удачен, поэтому она присматривается к Ромашову. Но Ромашов также оказывается неподходящим спутником жизни – и она, по существу, убирает его с дороги.

Шурочка ради собственной выгоды предаёт горячо любящего её человека: «Ромашов видел, как и тогда в роще, что лицо Шурочки светится странным белым светом, словно лицо мраморной статуи» [14, с. 291]. Как полагает исследователь А.А. Волков, «любовная трагедия в «Поединке» вырастает из трагедии социальной» [5].

По мнению В.В. Воровского, Куприн подходит к явлениям жизни прежде всего с критерием телесной красоты. И в этом, критик также видит связь писателя с Чеховым [6, с.252]. Они выражали протест против действительности, которую наблюдали вокруг себя. Ужас бессмысленности жизни составляет основной исходный материал у обоих писателей [6, с.252].

Таким образом, внешне прекрасные персонажи у Куприна не всегда наделены глубоким внутренним миром (Нина Зиненко), нравственными качествами (Шурочка Николаева), а потому чаще всего их красота приводит к разрушению судеб других людей и даже их гибели.

Немалочисленна в произведениях Куприна и группа персонажей, абсолютно лишённых внешней и внутренней красоты. Как правило, это второстепенные персонажи. Ими могут являться представители самых разных слоёв общества: капиталисты, офицеры, простые люди.

Яркий отрицательный персонаж, являющийся представителем капиталистической среды, – Василий Терентьевич Квашнин из повести «Молох». Куприн уподобляет его грозному идолу: «Квашнии сидел в кресле, расставив свои колоссальные ноги и выпятив вперед живот. На нем была круглая фетровая шляпа, из-под которой сияли огненные волосы … губы складывались в презрительную, кислую гримасу» [12, с. 47]. Более того, автор лишает его каких бы то ни было нравственных качеств. Квашнин сластолюбивый, алчный, его совершенно не волнует судьба подчинённых. Это делец, который все вопросы, в том числе и морально-этические, решает с помощью денег.

Не более приятным оказывается и образ одного из подчинённых Квашнина – Свежевского, подхалима, карьериста, сплетника, злобного и завистливого человека («не то крадущийся», «не то кланяющийся», «с вечным хихиканьем и потиранием холодных, мокрых рук» [12, с. 8]). Ему для достижения целей все средства оказываются хороши. Именно он женится на Нине Зиненко, чтобы продвинуться по службе. Общество, в котором господствуют такие люди, как Квашнин, Свежевский, Куприн рисует уродливым, продажным. В таком обществе царит власть капитала и нет места порядочности и красоте.

Материалом для изображения порочности общества служила Куприну и армейская среда. По мнению В. В. Воровского, на военной среде Куприн имел широкую возможность «обрисовать «порочность» и «уродство» так называемых командующих классов…» [6, с.255]. Эту же мысль развивает и К.Г. Паустовский, обратившийся к повести «Поединок»: «почти все офицеры в «Поединке» – скопище ничтожеств, тупиц, пьяниц, трусливых карьеристов и невежд…» [21, с.95].

Действительно, в «Поединке» Куприн выводит множество героев, абсолютно лишённых какой бы то ни было красоты. Согласно исследованиям Л.А. Качаевой, автор изобразил в произведении 35 офицеров пехотного полка, более 10 женщин – их жён, сестёр, дочерей, а также большое количество солдат. Ему удалось показать своеобразную общность всех этих людей и в то же время наделить их живыми, индивидуальными, разнообразными чертами... [7, с. 217]. Исследовательница выделяет несколько линий в создании портретов армейской среды (люди-звери, люди-мертвецы, люди-вещи, женщины-актрисы, изделия из теста). Наиболее традиционна для Куприна линия уподобления животным: например, у поручика Николаева – «большие, тёмные, воловьи глаза»; штаб-капитан Слива «похож на большую старую скучную обезьяну». Оценочные эпитеты в данном случае не оставляют сомнений в отрицательной авторской позиции по отношению к данным героям. На это же указывают яркие метафорические штрихи (например, поручик Епифанов во время танца «прыгал козлом»),

развёрнутые характеристики некоторых офицеров (поручик Бек-Агамалов «с широко раскрытыми злобными глазами, с горбатым носом и с оскаленными зубами, был похож на какую-то хищную, злую и гордую птицу», во время драки он «точно потерял человеческие слова и ревел, как взбесившийся зверь, ужасным вибрирующим голосом») [7, с.217-219].

Кроме того, эта линия уподобления животным появляется в произведении не только при характеристике отдельных персонажей, но и при создании собирательного образа офицерства того времени. Особенно ярко это проявляется при описании сцен разгула и пьянства офицеров, например: «И тогда спокойная, сытая, как у племенных быков, жизнь точно выбрасывалась из своего русла» [13, с. 235].

Все указанные приёмы в создании образа обезличивают героев, лишают их человечности. Причина всего этого кроется в условиях общественной жизни того времени. Об этом пишет и исследовательница Л. В. Крутикова: «Представленные у Куприна люди, лишённые человеческих качеств, – это разрушение личности, что связано с условиями общественной жизни того времени. Автор наметил глубокие социальные обобщения» [9].

Таким образом, тема красоты человека проходит через всё творчество писателя, что подтверждают и критики (В.В. Воровский), и исследователи (А.А. Волков, В.Н. Афанасьев, И.В. Корецкая, Л. В. Крутикова, Л.А. Качаева и другие). Развитие темы красоты у Куприна исследователи (А.А. Волков, В.Н. Афанасьев) связывают с гуманизмом писателя. Эстетический принцип, в основе которого красота, у Куприна связан прежде всего с человеком. В его творчестве чётко прослеживается линия «красота – человек», соответственно, рядом с эстетическим аспектом возникает и этический. Физически и духовно прекрасными в публицистике Куприна предстают классики русской литературы: Пушкин, Чехов. С их образами он связывает веру в позитивное развитие общества.

В художественной прозе красоту Куприн противопоставляет несовершенному, порочному обществу. Однако у персонажей, воплощающих представление автора о гармоничной красоте (то есть физически прекрасных, обладающих гибким умом, богатым внутренним миром, способностью на глубокие и сильные чувства), и у персонажей, у которых преобладает красота внутреннего мира, как правило, трагическая судьба (страдают от любви, погибают), видимо, потому что общество ещё не готово к их появлению. Зато персонажи с преобладающей внешней красотой, напротив, приспосабливаются к жизни. С этим типом персонажей связана тема «роковой красоты». Многочисленна группа персонажей, характеризующая общество, в котором гибнут прекрасные люди. Абсолютно лишены красоты у Куприна представители буржуазной, армейской среды. Их образы автор рассматривает и индивидуально (Квашнин, Свежевский, Петерсон), и как собирательные (офицерское общество). Обезличивание этих персонажей раскрывается через различные линии уподобления: люди-звери, люди-вещи, люди-изделия из теста и прочие.

Библиографический список

1. *Абишева У. К.* Неореализм в русской литературе 1900-1910-х годов: дис. на соиск. учён. степ. докт. филолог. наук: 10.01.01. 2007. 396 с.
2. *Айдарова В. Н.* Устная народная речь в произведениях Куприна.// Русская речь. 1976. №6. С. 36-40.
3. *Афанасьев В. Н.* А. И. Куприн. М.: Художественная литература, 1972. URL: http://www.kuprin.org.ru/lib/ar/author/330 / (дата обращения: 11.10.2010).
4. *Берков П. Н.* А. И. Куприн, 1956. URL: http://www.kuprin.de/rutxt/berkov.txt / (дата обращения: 11.10.2010).
5. *Волков А. А.* Творчество А. И. Куприна. М.: 1962. URL: http://www.kuprin.org.ru/lib/ar/author/335 / (дата обращения: 02.10.2010).
6. *Воровский В. В.* Литературная критика. / В. В. Воровский. М.: Художественная литература, 1971. 574 с.
7. *Качаева Л. А.* Куприн учится, Куприн учит.//Литературная учёба. 1981. №2. С.216-224.
8. *Колобаева Л. А.* Концепция личности в русской литературе рубежа XIX вв. М.: Издательство МГУ, 1990. 336 с.
9. *Крутикова Л. В.* А. И. Куприн. Л.: Просвещение. 1971. 119 с.
10. *Кулешов Ф. И.* Творческий путь А. И. Куприна 1883 1907. Минск.: Издательство БГУ, 1983. URL: http://www.kuprin.de/rutxt/kuleshov-1.txt / (дата обращения: 03.12.2010).
11. Куприн о литературе. / Сост. Ф. И. Кулешов. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 454 с.
12. *Куприн А. И.* Собрание сочинений: [в 8 т.]. Т. 1. С.-Петербург: Издание Т-ва А. Ф. Маркс, 1912. 338с.
13. *Куприн А. И.* Собрание сочинений: [в 8 т.]. Т. 2. С.-Петербург: Издание Т-ва А. Ф. Маркс, 1912. 330с.
14. *Куприн А. И.* Собрание сочинений: [в 8 т.]. Т. 3. С.-Петербург: Издание т-ва А. Ф. Маркс, 1912. 315с.
15. *Куприн А. И.* Собрание сочинений: [в 8 т.]. Т. 5. С.-Петербург: Издание Т-ва А. Ф. Маркс, 1912. 356 с.
16. *Куприн А. И.* Собрание сочинений: [в 8 т.]. Т. 8. С.-Петербург: Издание Т-ва А. Ф. Маркс, 1912. 478 с.

17. Литературное наследство. Чехов. т. 68. М.: АН СССР. 1960. 974 с.
18. *Нахратова М.* Ключевое слово любовь в повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет».// РЯШ. 2003. № 4. С.64-67.
19. *Огольцева Е. В*. Лицо человека в зеркале сравнения.// РЯШ. 2006. №5. С. 86-91.
20. *Ошарова Т. В.* В творческой лаборатории А. И. Куприна.// Филологические науки. 1966. №4. С.28-42.
21. *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений]: [в 8 т.]. Т.8. М.: Художественная литература, 1970. 448с.
22. *Сухих И.* Белый пудель и другие // Звезда. 1995. №9. С. 165-167.
23. *Этов В.* Четыре урока Куприна. // Литературная учёба. 1984. №4. С. 199-207.

T.V. PLATONOVA

BEAUTY IN KUPRIN'S CREATIVE WORKS OF PRE-REVOLUTIONARY

The subject of beauty is one of the most important in Kuprin's creative works. Such researchers as A. A. Volkov, V. N. Afanasev, P. N. Berkov, F. I. Kuleshov and others point that out. The subject of beauty reflected in Kuprin's works is directly connected with a personality. In the present article a few types of characters are described, which express Kuprin's attitude to beauty.

Key words: **beauty, humanism, a character, a personality, description, comparison, a detail, an author, «a small man», peculiarities of neorealism.**

О.В. ПУГАЧЕВА
аспирант Орловского государственного университета
E-mail: pugacheva-olesya@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ СТАНДАРТНОЙ ПЕРФОРМАТИВНОЙ ФОРМУЛЫ ДЛЯ ЭКСПЛИКАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ИНТЕНЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО

В статье освещается проблема отсутствия стандартной перформативной формулы для экспликации некоторых речевых актов. Исследуется семантика глаголов речи, препятствующая их перформативному употреблению в процессе выражения коммуникативных интенций говорящего. Рассматриваются вопросы влияния Принципа вежливости и основных его постулатов на трудность применения стандартной перформативной формулы в определенных условиях коммуникации.

Ключевые слова: ***перформатив и перформативное высказывание, стандартная перформативная формула, Принцип вежливости, постулаты общения.***

Вторая половина 20 века в лингвистике ознаменовалась проявлением особенного интереса к таким теориям и научным направлениям, объектом исследования которых стали проблемы функционирования языка в человеческом обществе. В числе таких направлений оказалась лингвистическая прагматика, изучающая условия использования языка коммуникантами в актах речевого общения. Одним из центральных понятий теории речевых актов стало явление перформативности, которое наряду с понятием стандартной перформативной формулы было представлено английским ученым-логиком Дж. Остином, который указывал на отличие перформативных высказываний от констативных: если констативы лишь описывают, изображают окружающую действительность, то перформативы производят положения дел, имеющие определенные последствия и для говорящего, и для окружающих: само произнесение данных высказываний является осуществлением некоторого акта [Остин, 1986].

Проблема перформативности широко разрабатывалась как представителями западных лингвистических школ (Э. Бенвенист, Э. Кошмидер, Дж. Остин, Дж. Серль, П.Ф. Стросон, Г.П. Грайс, А. Вежбицка, З. Вендлер, Дж. Лич, Дж. Сейдок, К. Бах, М.Харниш и др.), так и многими отечественными лингвистами (Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, И.М. Кобозева, Н.Д. Арутюнова, В.В. Богданов, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.И. Карасик, Г.Г. Почепцов, А.А. Романов, И.П. Сусов, и др.).

Важной особенностью перформативного предложения является то, что оно не описывает соответствующее действие, а равносильно самому осуществлению этого действия. Высказывание Я обещаю, что приду вовремя – является обещанием; Советую купить эту книгу – это совет. Для образования таких высказываний служат перформативные глаголы. Чтобы предложение с перформативным глаголом могло служить для осуществления соответствующего действия, глагол должен быть в 1-м лице настоящего времени. Предложение Он поклялся ей, что впредь это не повторится нельзя рассматривать как акт клятвы. Бенвенист объясняет это так: «Высказывание Я клянусь есть сам акт принятия на себя обязательства, а не описание выполняемого акта. Различие окажется заметным, если заменить Я клянусь на Он клянется. В то время как Я клянусь является обязательством, Он клянется – всего лишь описание, того же рода, что и Он бежит, Он курит» [Бенвенист, 2004].

Одним из слабых звеньев теории Остина является то, что он не разграничивает термины «перформатив» и «перформативное предложение», в его трактовке они выступают как синонимичные. «Перформативным предложением» Остин называет лишь высказывания в перформативном употреблении (ср. *клянусь – клясться*). Т.е. для того, чтобы считаться перформативом, предложение должно быть реализовано в речевой ситуации, и действие, называемое им, должно быть выполнено. Согласно Остину, потенциальной возможности перформативного употребления недостаточно для того, чтобы высказывание считалось перформативным.

Такой подход к определению понятия перформативности не мог не вызвать критических замечаний в свой адрес. Падучева предлагает понимать под *перформативным глаголом* любой глагол, допускающий перформативное употребление, а под *перформативом* – перформативный глагол в перформативном употреблении [Падучева, 1996]. Следует также отличать понятие *перформативного предложения* как единицы синтаксиса, употребление которой эквивалентно совершению действия.

Помимо самого определения понятия перфор-

© О.В. Пугачева

мативности камнем преткновения для исследователей стал вопрос, какие именно высказывания считать перформативными. Ряд лингвистов вслед за основоположником теории Остином ограничивают перформативные речевые акты обязательным включением в них перформативов (т.е. перформативных глаголов или глаголов в перформативном употреблении). Другие ученые, напротив, предлагают расширить понимание перформативного акта и включать в него практически любые речевые акты, имеющие целью воздействие на собеседника.

Кобозева, ставя вопрос о том, можно ли по лексическому значению глагола судить о его способности к перформативному употреблению, приходит к выводу, что перформативным является всякий глагол речи, лексическое значение которого удовлетворяет двум условиям. Во-первых, он не должен содержать компонентов, противоречащих сущности перформативного употребления или делающих такое употребление абсурдным; во-вторых, он должен содержать семантические компоненты, оправдывающие затрату усилий, связанную с введением в высказывание перформативной формулы [Кобозева, 1986]. Глаголы речи, лексико-семантическая структура которых не удовлетворяет ни одному из указанных условий, являются принципиально неперформативными глаголами.

Первое условие требует отсутствия в значении глагола компонентов, противоречащих сущности перформативного употребления. Семантическая сущность перформативного употребления глагола состоит в том, что произнесение предложения, содержащего этот глагол, равносильно выполнению обозначаемого данным глаголом действия. Следовательно, если глагол обозначает действие, которое в принципе нельзя выполнить с помощью произнесения одного предложения, то этот глагол не может быть перформативным. По этой причине неперформативны все глаголы, обозначающие комплексные речевые действия, т.е. речевые действия, представляющие собой последовательности по меньшей мере двух элементарных актов произнесения предложения либо с одним субъектом речи: *рассказывать, уговаривать, докладывать, излагать, наставлять* и т.д., либо с разными субъектами речи: *разговаривать, договариваться, спорить, обсуждать*.

Семантической сущности перформативного употребления противоречит значение тех глаголов речи, которые в совершенном виде обозначают достижение некоторого эффекта, результата в ходе речевого действия – *убеждать, успокаивать, обижать*. Поскольку перформативное высказывание эквивалентно действию, перформативное употребление таких глаголов означало бы, что говорящий совершает некоторое речевое действие, одновременно высказывая свое отрицательное к нему отношение, что противоречит общепринятой практике.

Неспособность к перформативному употреблению у глаголов типа *хвастаться, упрекать, намекать, угрожать, осадить, срезать* (которые, однако, могут служить для передачи высказываний 3-го лица) также имеет естественное объяснение. Нельзя считать перформативными и такие глаголы, как *подстрекать, провоцировать, намекать,* поэтому предложения типа *я взбалтываю секрет; я хвастаюсь; я подстрекаю тебя; я провоцирую тебя; я намекаю тебе; я льщу тебе* тоже неправомерны с точки зрения логики языка. Перформативное употребление таких глаголов было бы равносильно «иллокутивному самоубийству» говорящего, как это называет З. Вендлер. Он отмечает, что существует небольшая «причудливая группа глаголов, которые, с одной стороны, очевидным образом являются глаголами говорения, а с другой стороны, не отмечены «остиновской меткой», т.е. вообще не употребляются в 1-ом лице ед. числа настоящего времени». Такими глаголами также являются *голословно заявлять, инсинуировать, похваляться, подбивать, поносить, высмеивать.* Мы не употребляем эти глаголы в 1-ом лице ед. числа настоящего времени. Сказать, что *я голословно заявляю*, значит противоречить себе. Это все равно, что отрицать то, что пытаешься утверждать. Перформативное употребление таких глаголов невозможно, потому что мы произносим заведомо ложное заявление. Произнести высказывание типа *Я голословно заявляю*, все равно, что «рушить левой рукой то, что создал правой», т.е. совершить «иллокутивное самоубийство». Можно выделить значительное число речевых актов, таких как угроза, хвастовство, гордость, оценка, порицание, критика, похвала, которые не имеют базисного иллокутивного показателя [Вендлер, 1985: 242].

Падучева и Зализняк поддерживают данную мысль: те глаголы, перформативное употребление которых привело бы к «иллокутивному самоубийству», они называют глаголами со стереоскопической семантикой, которые предполагают взгляд на ситуацию с различных точек зрения. В значение таких глаголов (как, например, *воображать, ошибаться, заблуждаться*) входит особый компонент – «контрфактическая презумпция» – «утверждающий расхождение чьего-либо мнения с истиной, т.е. мнением говорящего». В случае перформативного употребления этих глаголов (в форме первого лица настоящего времени изъявительного наклонения) говорящий вынужден разойтись во мнении с собой

(ср. *Я воображаю/ошибочно считаю, что я умен*). Глаголы говорения, обладающие стереоскопической семантикой, могут быть использованы для описания речевого действия, но не для его произведения [Падучева, 1982].

В значение глаголов *оскорблять, угрожать, подстрекать* входит компонент, который, по аналогии с «контрфактической презумпцией» Падучевой и Зализняк, Семененко называет «контрэтической презумпцией». В данном случае также предполагается существование двух точек зрения, которые расходятся в этической оценке высказывания как правильного или неправильного, социально приемлемого или неприемлемого. Совершая речевое действие, сам говорящий не может в то же время признавать его неприемлемость. Это значит, что высказывание, которое со стороны (допустим, адресата или свидетеля разговора) будет охарактеризовано как оскорбление, а с позиции говорящего будет просто критикой, обвинением или даже обычным утверждением, констатацией факта. Отмечая, что оскорбленность может быть неассоциированным эффектом в самых разнообразных ситуациях (даже в случаях похвалы, комплимента или объяснения в любви), Семененко предлагает рассматривать ее как универсально неассоциированную перлокуцию, не являющуюся закономерным следствием какой-то определенной иллокуции [Семененко, 1987: 12]. Например, глагол *критиковать*, который мог бы служить для экспликации речевого акта критики, не имеет в своем значении контрэтической презумпции, но все же не может употребляться перформативно. Здесь экспликация неприемлема формально: абстрактный перформативный глагол не представлен в структуре высказывания соответствующим поверхностным перформативным глаголом. Хотя употребление глагола *критиковать* от первого лица не делает высказывание аномальным, однако произнесение этого высказывания не является осуществлением акта критики [Семененко, 1987: 14].

Как было отмечено, возможность для глагола перформативного употребления также требует, чтобы лексическое значение его не содержало компонентов, делающих такое употребление абсурдным, невозможным с точки зрения общепринятых норм поведения. Это глаголы, в значение которых входит компонент отрицательной оценки действия со стороны говорящего: *грубить, клянчить*, *оскорблять* и т. п. Исходя из общепринятых норм поведения, неуместно перформативное использование глаголов типа *лгать, клеветать, льстить, шутить.*

Необходимость подчинять свое речевое поведение условиям коммуникации диктуется не только здравым смыслом. Это явление Остин ввел в ранг обязательных постулатов, несоблюдение хотя бы одного из которых может создать коммуникативный дискомфорт или коммуникативную неудачу, и тогда перформативное высказывание нельзя будет оценить как успешное. Такие неудачи, возникающие по причине нарушения правил выполнения процедуры общения, ведут к разного рода «осечкам» или «злоупотреблениям». И хотя сформулированные Остином речевые постулаты не раз пересматривались и дополнялись: так Грайсом был предложен общий Принцип Кооперации, а Лич ввел понятие Принципа Вежливости, состоящий из шести максим, затем Гордон и Лакофф вывели более общие исходные принципы рациональности и блага («исходи из того, что в общении участвуют разумные люди, и что они не стремятся нанести друг другу вред»), акцентом в этих теориях является строгое соблюдение процедуры и сохранение кооперативных отношений участников диалога. Однако строгое соблюдение постулатов общения в свою очередь ограничивают диапазон тем дискурса. Важность согласовывать свое речевое поведение с универсальными условиями коммуникации может стать препятствием в реализации некоторых иллокутивных целей.

Второе условие, на семантическом уровне определяющее для глагола возможность перформативного или неперформативного употребления, рассматривает естественность или оправданность для данного глагола перформативного употребления. У целого ряда глаголов речи отсутствие перформативного использования можно объяснить действием одного из самых общих принципов деятельности – принципа экономии усилий. Применительно к речевой деятельности этот принцип констатирует, что дополнительные речевые усилия должны быть оправданы повышением ее информативности речи, ясности, выразительности, вежливости и т.п.

Как отмечает И.М. Кобозева, употребление перформативного зачина, или префикса – яркий пример дополнительного речевого усилия. Известно, что существуют функциональные эквиваленты перформативных предложений, не имеющих такого префикса. Для того, чтобы пообещать прийти, можно сказать просто *Я приду*. Для того, чтобы побудить кого-либо к совершению определенного действия, можно просто использовать побудительное наклонение и т.д. Следовательно, должны быть причины, побуждающие говорящего к введению перформативного префикса в свое высказывание.

В естественной речи иллокутивную силу высказывания нельзя исчерпать значением перформативной формулы, иначе высказывание страдало бы односторонностью и существовало бы в одной

единственной плоскости. Поэтому ряд ученых высказывают мысль о том, что каждому типу иллокутивных актов соответствует перформативный глагол, который адекватно выражает данную иллокутивную функцию [Арутюнова 1976: 28].

По мнению американского лингвиста Дж. Росса [Ross, 1970], для каждого типа высказывания существует поверхностный или абстрактный перформативный глагол, способный реализовать иллокутивную цель высказывания. Перформативность, вероятно, является универсальным семантическим свойством предложений, а способы поверхностной реализации (и степень представленности в поверхностной структуре) этого семантического свойства могут варьировать. Таким образом, любое предложение можно считать перформативным в том смысле, что на глубинном уровне в его структуру включен абстрактный перформативный компонент.

В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что правомерность «жесткого привязывания свойства перформативности к единственной форме глагола» вызывает сомнение. Напомним, что перформативные предложения строятся по стандартной перформативной формуле, представленной Дж. Остином сочетанием I (hereby) + глагол, определяющий иллокутивную силу высказывания, + адресат: *«Объявляю Вас мужем и женой!», «Нарекаю этот корабль «Королевой Елизаветой»»* [Austin, 1962: 26]. Однако еще сам Остин отмечал, что перформативное употребление не является исключительной привилегией модели предложения с глаголом-сказуемым в названной форме. Кобозева отмечает, что для русского языка к вышеуказанной форме можно добавить следующие, отличающиеся от нее по линии любой из входящих в ее описание грамматических категорий: во-первых, лицо может быть не только первым, но и третьим, например, в тексте официального послания глагол в третьем лице *благодарят* употреблен перформативно: *Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации и М.П.Иванова благодарят за приглашение*…; во-вторых, число может быть множественным; в-третьих, время может быть будущим *Напомню вам, что завтра заканчивается срок подписки*; в-четвертых, залог может быть пассивным *Вы назначаетесь моим заместителем*; в-пятых, наклонение может быть сослагательным *Я посоветовал бы вам остаться.* Кроме того, для перформативного употребления глагола не обязательно даже, чтобы он был синтаксической вершиной (сказуемым) предложения: *Хотелось бы поблагодарить выступавших за теплые слова. Спешу поздравить вас с рождением сына* и т.п. [Кобозева, 1986: 178].

Богданов считает, что в качестве перформатива вполне может употребляться глагол речевой деятельности со значением вопроса, утверждения, побуждения, обещания, гарантии, извинения и т. д.; единственным условием при этом должно быть то, что перформатив не может содержать в себе отрицательных или модальных слов [Богданов, 1990: 27].

В заключение хотелось бы отметить, что существует сложность в определении и описании стандартной перформативной формулы. Если расширить понимание перформативного акта, то в него можно включать практически любые речевые акты, имеющие целью воздействие на собеседника. Если согласиться с тем, что для каждого типа высказывания существует поверхностный или абстрактный перформативный глагол, способный реализовать иллокутивную цель высказывания, тогда любое предложение можно считать перформативным, поскольку на глубинном уровне в его структуре участвует абстрактный перформативный компонент. Если же ограничивать перформативные речевые акты обязательным включением в них перформативных глаголов, то можно выделить ряд причин отсутствия стандартной перформативной формулы для экспликации коммуникативных интенций говорящего. Во-первых, неспособность экспликации адекватной перформативной формулой ряда высказываний кроется в специфике реализации некоторых иллокутивных сил и в неприемлемости с социальной точки зрения некоторых коммуникативных намерений. Постулаты общения диктуют необходимость подчинять свое речевое поведение условиям коммуникации. Во-вторых, существует ряд глаголов говорения, не способных служить для эксплицирования некоторых речевых актов. В данном случае причина заключается в семантике подобных глаголов, в слабой выраженности в них перформативных свойств и наличии семантических компонентов, мешающих их перформативному употреблению в определенных условиях коммуникации.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. С. 383.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2004. С. 227.
3. *Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л.: ЛГУ, 1990. С. 87.
4. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство.// Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 238-250.

5. *Кобозева И.М.* Перформативность глагола и его лексическое значение. // Linguistishe Arbeitsberichte B. 54/55. Leipzig, 1986. S. 176-189.

6. *Остин Дж.* Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22-129.

7. *Падучева Е.В*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. // М.: Языки русской культуры, 1996. С. 464.

8. *Падучева Е.В*. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла. // Семиотика и информатика. – М.: ВИНИТИ, 1982. Вып.18. С. 76-119.

9. *Семененко Л. П.* Несоответствия между речевым актом и средствами его экспликации. // Прагматические условия функционирования языков. Кемерово: Кемеровский гос. Ун-т, 1987. С.10-15.

10. *Austin J.L.* How to Do Things with Words / J.L. Austin // Oxford University Press. Oxford, 1962. P. 167.

11. *Ross J.R.* On declarative sentences. / J.R. Ross // Readings in English transformational grammar. Waltham etc., 1970. P. 222-272.

O.V. PUGACHEVA

THE PROBLEM OF ABSENCE OF THE STANDARD PERFORMATIVE FORMULA FOR THE EXPLICATION OF SPEAKER'S COMMUNICATIVE INTENTIONS

This article deals with the problem of the standard performative formula and its absence for the explication of some speech acts. A number of speech verbs is analysed in respect of their semantics that impedes their performative use in the course of expression of speaker's communicative intentions. Influence of the Grice's Cooperative Principle on possibility to express communicative intention with the help of explicit performative verb under certain communication conditions is also examined.

Key words: ***performative verb, performative utterance, standard performative formula, Cooperative Principle.***

Л.П. СЕМЕНЕНКО
доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета
E-mail: leonid-ogu@rambler.ru
Тел.: 8 960 654 91 90

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ

Предмет обсуждения – способы описания закономерностей, определяющих пути преобразования значений в косвенном речевом акте. Критически рассматриваются подходы к решению данной проблемы в лингвистической прагматике и коммуникативно-целевой семантике. Предлагается обратить внимание на те свойства косвенных речевых актов, которые можно считать аналогом особенностей конверсного преобразования в логике высказываний.

Ключевые слова: ***косвенный речевой акт, разговорные постулаты, максимы кооперативного взаимодействия, вопросительная форма, речевые акты-реквестивы.***

В нашей работе рассматриваются некоторые подходы к описанию факторов, обусловливающих возможность использования вопросительных и утвердительных высказываний в косвенном речевом акте побуждения к действию. За последние десятилетия был накоплен богатый теоретический и фактический материал, позволяющий лингвистам если не закрыть тему косвенных речевых актов-реквестивов, то во всяком случае, оглядев накопленный опыт с высоты птичьего полета, сделать обобщения, оценить полезные находки и неизбежные неудачи, наметить границы новых предметных областей и определить новые направления поиска.

Начать хотелось бы с воспоминания о замечательной работе Д. Гордона и Дж. Лакоффа «Conversational postulates» [Gordon & Lakoff 1971], название которой в книге «Новое в зарубежной лингвистике» (вып. 16) переведено, на наш взгляд, не вполне удачно как «Постулаты речевого общения». Вообще слово *conversation* непонятно почему смущает переводчиков. Например, в том же выпуске НЗЛ помещен перевод статьи Г.П. Грайса «Logic and conversation» под названием «Логика и речевое общение». Между тем, в обеих статьях преимущественно рассматривается одна разновидность речевого общения – разговор, повседневный диалог, но не речевое общение во всем многообразии его типов, сфер и жанров. Можно, например, говорить о существенно различном отношении к грайсовской максиме «Будь краток» («Be brief») в ситуациях бытового диалога, допроса свидетелей, эпистолярного обмена и т.д. (Возможно, переводчика смущают ненужные стилистические реминисценции, которые могут возникнуть при переводе слова *conversational* как *разговорный* (*разговорная речь*, *разговорный стиль* и т.п.), хотя очевидно, что точность перевода не должна при этом страдать). Во избежание недоразумений договоримся в дальнейшем использовать термины *разговорный постулат* и *разговорная импликатура* (*conversational postulate, conversational implicature*).

В записи (1) приводится множество постулатов значения (*meaning postulates*, далее сокращенно – MP), которые, по мнению Гордона и Лакоффа, отражают множество условий искренности просьбы:

(1) SINCERE(a,REQUEST(a,b,Q))→WANT(a,Q)
SINCERE(a,REQUEST(a,b,Q))→ASSUME(a,CAN(b,Q))
SINCERE(a,REQUEST(a,b,Q))→ASSUME(a,WILLING(b,Q))
SINCERE(a,REQUEST(a,b,Q))→ASSUME(a,NOT-Q)
Q=FUT(DO(b,R))

(‘Если **a** искренне просит **b** , чтобы **Q** , то **a** хочет, чтобы **Q**, полагает, что **b** может **Q**, что **b** выразит готовность **Q** и что **Q** не будет иметь место при отсутствии просьбы', где **Q** переписывается как '**b** в будущем сделает **R**'.)

Запись (2) представляет множество разговорных постулатов (CP), отражающих возможность использования некоторых утверждений и вопросов для передачи косвенной просьбы:

(2) SAY(a,b,WANT(a.Q))*→REQUEST(a,b,Q)
ASK(a,b,CAN(b,Q))*→REQUEST(a,b,Q)
ASK(a,b,WILLING(b,Q))*→REQUEST(a,b,Q)
ASK(a,b,Q))*→REQUEST(a,b,Q)

Звездочка в левой части (посылке) CP выполняет роль квантора существования и имеет значение ‘Существуют контексты, в которых...’. Эта квантификация необходима потому, что соответствующие утверждения и вопросы выражают косвенную просьбу не во всех возможных контекстах употребления.

Высказывания (3) служат примерами реализации CP в речи:

© Л.П. Семененко

(3) *I want you to take out the garbage.*
Can you take out the garbage?
Would you be willing to take out the garbage?
Will you take out the garbage?

В первом из этих предложений вербализовано условие искренности просьбы, ориентированное на говорящего (в терминах Гордона и Лакоффа, speaker-based sincerity condition), в трех остальных – условия искренности, ориентированные на адресат (hearer-based sincerity conditions). При этом Гордон и Лакофф формулируют правило, по которому говорящий может выразить косвенную просьбу посредством утверждения (asserting) условия искренности, ориентированного на говорящего, и посредством постановки под вопрос (questioning) условия искренности, ориентированного на адресат. (Это, на наш взгляд, слегка искажает реальную картину, о чем – ниже).

К сожалению, у термина *conversational postulates* несчастливая судьба, связанная не только с «трудностями перевода», но и с не всегда оправданным расширительным его пониманием. Например, в одной из относительно недавних работ можно встретить упоминание о том, что «существуют еще некие общие принципы или “постулаты” речевого общения (conversational postulates, термин Д.Гордона и Дж.Лакоффа (Гордон, Лакофф 1985)), соблюдения которых требует речевой этикет, да и попросту логика здравого мышления» [Метелица 2002]. Оставив в стороне вопрос о том, что́ есть «здравое мышление», заметим, что ни о каком этикетном следовании разговорным постулатам у Гордона и Лакоффа речь не идет. Возможно, здесь автор имел в виду не СР, а максимы Грайса, которые иногда тоже называют «постулатами речевого общения» и которые внешне выглядят как императивные поведенческие установки.

Термин *разговорные постулаты* находит применение и в таких современных прикладных областях, как, например, нейролингвистическое программирование. Но и здесь происходит существенное переосмысление исходного понятия. Термин используется при обозначении типов высказываний, используемых для мотивации действий клиента, для погружения в транс и т.п. В качестве иллюстрации приведем фрагмент комментария к методике известного специалиста по нейролингвистическому программированию М.Эриксона: ««*Can you take out the garbage?*” The usual response is to **take out the garbage**, not to enter into a discussion of whether it is possible or not. These types of questions are called conversational postulates. Erickson avoided giving commands, allowing the clients to choose to respond or not. This gives the client a sense of being in charge of his own choices» [Conversational postulates or implied directives: Электронный ресурс].

Рассмотрим некоторые собственно лингвистические концепции косвенного речевого акта, имеющие отношение к закономерностям, представленным в разговорных постулатах, а также к ряду феноменов речи, оставшихся за пределами внимания Гордона и Лакоффа.

Телеологическая интерпретация разговорных постулатов. По мнению Б.Моэна, постулаты Гордона и Лакоффа сами по себе не являются формулировкой какого-либо коммуникативного принципа, а лишь служат средством представления разговорных импликатур, «устанавливая прямую связь между тем, что говорится, и тем, что имплицитно сообщается». Принципом, лежащим в основе СР, Моэн считает выдвигаемую им «максиму цели» («Have a purpose in what you do»). Так, для того чтобы просьба имела успех, говорящему необходимо выяснить, способен ли адресат осуществить действие. Соответственно, вопрос о способности адресата может передавать просьбу благодаря тому, что такого рода вопрос воспринимается по отношению к просьбе как средство для достижения цели [Mohan 1974: 448-450]. Эти выводы в целом не противоречат тому, что нам известно о реально происходящем в ситуации реквестивного побуждения. Так, адресат осведомлен о том, что его способность передать соль есть подготовительное условие просьбы (по терминологии Серля), предположение говорящего о том, что адресат способен передать соль, – условие искренности просьбы (по Гордону и Лакоффу), приобретение говорящим знаний об этой способности – средство для достижения цели, если целью говорящего является просьба передать соль (по Моэну). Высказывание воспринимается как просьба благодаря существованию устойчивых связей между данным типом речевого акта и его условием искренности, подготовительным условием, а также типичным средством для успешного достижения коммуникативной цели. Не вполне понятна, однако, необходимость при толковании разговорных постулатов акцентировать целевой аспект действий говорящего: вербальное предъявление в речи любого из условий успешности, представленных в СР, есть средство для передачи косвенной просьбы, так же, впрочем, как и любая вербализованная коммуникативная интенция есть средство для достижения соответствующей иллокутивной цели.

Высказывания отсутствия. Очевидно, любой перформатив побуждения к действию (как эксплицитный, так и имплицитный) обладает определенными характеристиками, позволяющими рассматривать его, вслед за Г.Г. Почепцовым, как

«высказывание отсутствия». Если в ситуации отсутствует компонент или «параметр», который, по мнению говорящего, необходим, и, следовательно, его отсутствие вызывает неудовлетворенность говорящего создавшимся положением, то говорящий может обратиться к адресату с просьбой (требованием, приказом и т.д.) восстановить отсутствующий «параметр» ситуации. Г.Г.Почепцов, например, сравнивает между собой два высказывания: (4) *Вы можете дотянуться до соли?* и (5) *Вы можете дотянуться до потолка?*. Эти высказывания «имеют разный статус именно из-за того, что первое из них можно рассматривать как «высказывание отсутствия». А раз так, то фиксация говорящего на этой неудовлетворенности своей настоящей позицией требует от слушающего (по условиям этикетизации) ее исправления» [Почепцов 1983: 116]. (Однако, как замечает Г.Г.Почепцов, и высказывание (5) «особый контекст может сделать скрытым перформативом», если, например, (5) выражает просьбу снять паутину с потолка.)

В рамках этого подхода вообще не ставится вопрос о значимости того обстоятельства, что в высказываниях вида *Вы можете P?* вербализовано одно из условий успешности просьбы, и, соответственно, вопрос о том, как влияет эта контекстно-свободная характеристика высказывания (4) на его способность быть «высказыванием отсутствия».

В целом же, не вызывает сомнения тезис о том, что любой буквальный или имплицитный директив является «высказыванием отсутствия». С другой стороны, важно определить, отсутствие какого именно компонента или параметра текущей ситуации следует считать стимулом к иллокутивному побуждению. Очевидно, что такого рода стимулирующим показателем ситуации не может быть, например, сам по себе физический объект, об отсутствии которого идет речь (солонка, закрытая форточка и т.д.). Так, в случае (6) действительно говорится об отсутствии физического объекта (не поступивших материалов) и о необходимости принятия в связи с этим определенных мер (пример взят из [Crystal 1977: 18], где он рассматривается как случай «завуалированного императива» (clothed imperative)): (6) *The materials which we expected yesterday <u>have not yet</u> arrived* → 'Do something about it!' Однако возможны ситуации, в которых «высказывание отсутствия» при буквальном понимании было бы фактически «высказыванием присутствия». Так, фраза *Пепельница – перед вами* может быть употреблена, если адресат курит сигарету и столбик пепла на ней «достиг рискованных размеров» (см. [Motsch 1984: 329]; правда, В.Мотч приводит другой пример – *Der Aschenbecher steht in der Küche*, но и здесь скорее всего имеется в виду то, что пепельница – в пределах досягаемости). Наконец, высказывание, эксплицитно утверждающее, в отличие от (6), не отсутствие, а, наоборот, присутствие объекта, может иметь то же самое небуквальное значение, что и (6): (7) *The materials which we expected yesterday <u>have just</u> arrived* →'Do something about it!' Такое понимание (7) возможно, например, в ситуации, в которой получение ожидавшихся накануне материалов сегодня говорящий считает нежелательным и обращается к адресату с косвенной просьбой от них избавиться.

По-видимому, общим признаком побудительных высказываний (отсутствующим «параметром» ситуации), позволяющим охарактеризовать их как «высказывания отсутствия», следует считать отсутствие к моменту речи действия, способного исправить положение вещей, неудовлетворительное или дискомфортное для говорящего. Вместе с тем этот их признак вряд ли можно считать достаточным основанием для объяснения возможности их использования при передаче косвенной просьбы. Ведь в очень многих случаях нам пришлось бы объяснять появление небуквального значения просьбы, указывая на другое небуквальное значение отсутствия, которое, как показывают наши примеры, в свою очередь часто передается высказыванием в виде ситуативно обусловленной разговорной импликатуры.

Транспозиция вопросительной формы в сферу побудительности. Как полагает А.А. Романов, «реквестивное значение вопросительных высказываний есть результат транспозиции вопросительной формы таких высказываний в сферу побудительности» [Романов 1982: 13]. Вероятно, для того чтобы с этим можно было согласиться, необходимо уточнить следующий момент: либо мы имеем эксплицитное описание семантических закономерностей и/или когнитивных механизмов, обеспечивающих и сам процесс транспозиции и его результат, либо мы признаем чисто узуальный характер такого рода транспозиции и имеем дело с частным случаем иллокутивной идиоматики (а идиоматика, как известно, не требует для себя обязательных мотивировок, хотя бы даже на уровне логики здравого смысла). Можно, в частности, попытаться выявить те свойства вопросительной формы высказывания, которые обусловливают возможность ее транспозиции в сферу побудительности. Но, по-видимому, это довольно непростая задача. Рассмотрим примеры (8), (9) и (10), взятые нами из работы [Wunderlich 1979]: (8) *Can you close the window?*; (9) *Isn't linguistics simple?*; (10) *Aren't you funny*? По словам Д.Вундерлиха, (8) передает просьбу, (9) приглаша-

ет согласиться с мнением, (10) выражает упрек. Все это можно было бы с тем же успехом считать результатом транспозиции вопросительной формы соответственно в «сферу побудительности», в «сферу приглашений к согласию с мнением» и в «сферу упреков». Наблюдаемое многообразие «сфер» позволяет согласиться с мнением Вундерлиха, который пишет, что способность приведенных высказываний выражать различные значения «не является прямым следствием вопросительной формы высказываний» [Wunderlich 1979: 272].

Конверсное преобразование постулатов значения. Разговорные постулаты, рассматриваемые относительно связанных с ними «материнских» постулатов значения, обнаруживают интересные свойства, характерные для сопряженных высказываний в пропозициональном исчислении. (Здесь мы обращаемся только к случаям конверсно сопряженных высказываний. Некоторые особенности инверсных и контрапозитивных естественноязыковых высказываний обсуждаются, например, в работе [Семененко 1994].) Приведем МР просьбы, представляющий одно из условий искренности данного иллокутивного акта, и сопряженный с ним СР, описывающий возможность вербализации данного условия искренности с целью передачи косвенной просьбы:

MP: SINCERE(REQUEST(a,b,Q))→WANT(a.Q)

CP: SAY(a,b,WANT(a,Q))*→REQUEST(a,Q)

Если абстрагироваться от тех особенностей записанных здесь МР и СР (или, по-другому, – правил вывода), которые обусловлены спецификой языковой деятельности, а это – предикаты SINCERE, SAY и звездочка в посылке СР, то можно получить конверсно сопряженные высказывания в чистом виде:

REQUEST(a,b,Q))→WANT(a,Q)

WANT(a,Q))→REQUEST(a,b,Q)

Особенность логической конверсии заключается в том, что если доказана истинность первоначального высказывания (в нашем случае – МР), то из этого не следует, что конверсное по отношению к нему высказывание, полученное путем простой перестановки мест посылки и следствия в первоначальном высказывании, также истинно. Интерпретируя явление логической конверсии применительно к речевым актам просьбы, можно сказать, что интересующий нас постулат значения имеет вид: ‘Если **a** искренне просит **b**, чтобы **Q**, то а хочет, чтобы **Q**'. Соответствующий конверсный по отношению к данному МР разговорный постулат будет иметь вид: 'Если **a** говорит **b**, что он хочет, чтобы **Q**, то **a** просит **b**, чтобы **Q**', где **Q** переписывается как '**a** в будущем сделает **R**'.

Истинность естественноязыкового постулата значения можно считать установленной хотя бы по отношению к тому множеству возможных миров, которое отражено в семантике естественного языка. В данном случае МР не будет аналитически истинным высказыванием (истинным благодаря своей логической форме; аналитически истинными в естественном языке могут быть лишь абсолютные тавтологии – *Женщины есть женщины* и т.п.), в отличие от его аналитически истинного коррелята в пропозициональном исчислении. Можно, пожалуй, говорить только о том, что естественноязыковой МР – не аналитически, а конвенционально истинное высказывание. Так, утверждение *Все кошки – животные* можно считать истинным по некой конвенции, поскольку возможен мир, в котором кошки – не животные, а, например, роботы, управляемые с Марса (это любимый пример многих лингвистов), в то время как аналитически истинные утверждения истинны во всех возможных мирах. Конверсная сопряженность СР с конвенционально истинным МР обусловливает ряд особенностей, которыми характеризуются вербализованные условия успешности просьбы, используемые при осуществлении косвенного речевого акта-реквестива. С одной стороны, речевые акты этого вида контекстно свободны: они не обусловлены какими-либо индивидуальными неповторимыми чертами текущей коммуникативной и описываемой референтной ситуаций. С другой стороны, эти косвенные речевые акты осуществляются не во всех возможных контекстах, в которых используются соответствующие вербализованные условия успешности. Например, утверждение *I want you to help me* может быть и простой констатацией, не имеющей иллокутивной силы просьбы. В формальной записи это отражается посредством звездочки в посылке разговорного постулата: звездочка в данном случае выполняет функцию квантора существования ('Существуют контексты, для которых справедливо следующее...', или 'Для некоторых контекстов справедливо следующее...').

Кстати, нам представляется чрезмерным усложнением реальной картины то правило Гордона и Лакоффа, согласно которому говорящий может передать косвенную просьбу посредством утверждения условий искренности, ориентированных на говорящего, и посредством постановки под вопрос условий искренности, ориентированных на адресат. Последние также могут быть подвергнуты вербализации посредством утверждения (при необходимом смягчении модальности высказывания). Например, можно прогнозировать контексты, в которых подобного рода утверждения используются для выражения косвенной просьбы: *I believe/suppose/hope that you can help me*.

Мы рассмотрели некоторые возможные подходы к установлению закономерностей, обусловливающих передачу небуквальных значений в косвенном речевом акте. Трудно ожидать, что какой-либо из известных или новых подходов даст исчерпывающее искомое решение проблемы хотя бы в силу неизбежной ограниченности исследовательского горизонта. Напротив, очевидно, что каждая оригинальная процедура описания и неординарная линия рассуждений принесут с собой новые вопросы и установят новые неожиданные смысловые вехи поиска.

Библиографический список

1. *Метелица Е.В.* Лингвосемиотическое пространство дискурса дипломатического протокола (на материале текстов дипломатического протокола Государственного департамента США). Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. - Электронный ресурс: http://www.31f.ru/dissertation/166
2. *Почепцов Г.Г.*, мл. Коммуникативные преформации // Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 621. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1983. С. 110-117.
3. *Романов А.А.* Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калинин, 1982. 15 с.
4. *Семененко Л.П.* Диалог с постулатом значения (М.М.Бахтин и некоторые проблемы когнитивного моделирования) // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел: Изд-во ОГТРК, 1994. С. 236-244.
5. Conversational postulates or implied directives. - Электронный ресурс: http://www.auxmaillesgodefroy.com/ericksonian_language_patterns
6. *Crystal D.* Linguistics. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. 267 p.
7. *Gordon D., Lakoff G.* Conversational postulates // Papers from the 7th regional meeting. CLS. Chicago: University of Chicago, 1971. P. 63-84.
8. *Mohan B.A.* Principles, postulates, politeness // Papers from the 10th regional meeting. CLS. Chicago: University of Chicago, 1974. P. 446-459.
9. *Motsch W.* Sprechaktanalyse: Versuch einer kritischen Wertung, I // Deutsch als Fremdsprache. 1984. Nr. 6. S. 327-334.
10. *Wunderlich D.* Foundations of linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 360 p.

L.P. SEMENENKO

INDIRECT SPEECH ACTS: REVIEWING THE PROBLEM

The paper deals with methods of describing the properties of speech utterances that underly the regular transformation of meaning in an indirect speech act. Several pragmatic and semantic proposals aimed at solving this problem are critically reviewed. Attention is paid to certain features of utterances that definitely have their formal logical counterparts.

Key words: ***indirect speech act, conversational postulates, maxims of cooperative interaction, interrogative form, requestive speech acts.***

Е.В. СИДОРОВА
аспирант кафедры английской филологии
Орловского государственного университета
E-mail: lenasid_08@mail.ru
Тел. 8 960 648 88 67

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТОВ ФИЛЬМОВ)

Данная статья посвящена вопросу средств выражения некоторых эмоций в кинематографическом дискурсе на примере фрагментов английских фильмов. Выбор кинематографического дискурса для анализа мотивируется тем, что он наиболее близок к реальной коммуникации и ее характерным свойствам. Выражение эмоций в речи носит комплексный характер и реализуется целым набором средств, носящих лингвистический и экстралингвистический характер.

Ключевые слова: ***эмоции, эмотивность, эмоциональность, комплексное выражение эмоций, эмоциональная идентификация.***

Психоэмоциональная сфера человека, в которую входят эмоции и переживания, с давних времен была предметом глубокого анализа психологов, философов, социологов, антропологов и лингвистов. В 1984 году была создана Международная ассоциация по изучению эмоций (ISRE). Эта ассоциация ставит своей основной целью объединение ученых, занимающихся изучением эмоций из разных областей знания, организацию междисциплинарного исследования эмоциональных явлений.

Что же представляют собой эмоции? Существуют разные подходы к определению понятия эмоций и их сущности (всего около 90 определений). Приведем некоторые дефиниции этого понятия, дающие представление о них. «Эмоции – это физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости» [1. с. 339]. По мнению А.С.Никифорова, эмоции – это «обобщенные чувственные реакции, возникающие в ответ на разнообразные по характеру экзогенные и эндогенные сигналы, обязательно влекущие за собой определенные изменения в физиологическом состоянии организма» [9. с. 10].

В данной работе мы рассмотрим примеры высказываний, в которых выражены некоторые эмоциональные реакции. Высказывания, содержащие выражения эмоций, находятся в центре внимания лингвистов, а остававшееся долгое время авторитетным мнение Э. Сепира о том, что «эмоции не представляют никакого интереса для лингвистики» (поскольку они не являются составляющими семантики слова и потому не присущи самому слову), и что «лингвисты отказываются терпеть эмоции в своих исследованиях» [14. с.3], считается сегодня устаревшим. Современная лингвистика формируется как антропологическая, что предполагает исследование языковых процессов в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности, а также учет человеческого фактора, когда субъект речи и ее реципиент включаются в описание языковых механизмов. Познавая окружающий мир, человек одновременно выражает свое оценочное отношение к нему, свои эмоции, положительные или отрицательные. Необходимо отметить, что вопрос о том, каким образом эмоции выражены в реальной коммуникации, в дискурсе, и как они связаны с оценочностью, недостаточно разработан в лингвистике (за исключением С. Эггинс и Д. Слэйд (1997), Дж. Р. Мартин (2000), Р. Адендорфф и В. де Клерк (2005) и т.д.). Например, Д.Розенберг отмечает, что в исследованиях эмоциональной коммуникации «слишком мало иллюстративного материала, посвященного тому, как протекает реальная коммуникация» [23. с. 170; 20. с. 80]. Д. Галасински утверждает, что «лишь в нескольких работах изучаются «стратегии дискурса, используемые коммуникантами для объяснения того, какие эмоции они испытывают» [21. с. 2-3]. К.Дж. Андерсон и К. Лепер считают, что эмоциональная коммуникация исследована недостаточно [17. с. 419]. В нашей стране проведен ряд исследований, посвященных изучению средств актуализации эмоций в дискурсе (например, Л.В. Цыбина «Языковые и неязыковые средства актуализации эмоции «гнев» в кинематографическом дискурсе (гендерный аспект)», 2005, А.А. Бодрова «Конструирование гендера в кинотексте», 2009, Т.В. Белоус «Когнитивно-прагматический анализ

© Е.В. Сидорова

междометий в английском дискурсе», 2006 и др.).

В.Т. Косов, ссылаясь на Э. Гоффмана, говорит о необходимости различать «информацию, сообщаемую преднамеренно (information given), и информацию, сообщаемую непреднамеренно (information given-off). Если участием в коммуникативном процессе первый тип информации обязан прежде всего говорящему, который отбирает эти смыслы, придает им форму и излагает их в соответствии со своими интенциями; то объем информация второго типа зависит от реципиента, а именно его восприимчивости, избирательности и способности к интерпретации. Успешность коммуникации и перлокутивный эффект находятся в прямой зависимости от полноты восприятия и верной интерпретации» [8. с.87].

Коммуникация между людьми – процесс многоаспектный и не ограничивается только вербальным способом передачи информации и эмоций коммуникантов. Для полноценного коммуникативного акта необходимо задействование как вербальной, так и невербальной компоненты общения.

Исследование речевых актов выражения эмоций непосредственно связано с термином «эмотивность языкового кода», обращение к которому помогает «выявить, в какой степени язык отражает наши чувства, насколько выразительный потенциал языка вообще способен отразить наше эмоциональное состояние» [7. с.2]. Помимо понятий «эмоциональность», «эмоциональный» часто используются термины «эмотивность», «эмотивный». Важно отметить, что данные термины существенно различаются. Для Е. М. Вольф, например, «эмотивность» является синонимом оценочности, а «эмоциональное» соотносится с одним видом оценки – сенсорным. Таким образом, понятие «эмотивное» «является более общим и заключает в себя и эмоциональное, и рациональное как свои разновидности» [6. с.42].

По мнению В. И. Шаховского, «специфическими параметрами эмоциональной коммуникации являются следующие: ее причина – напор чувств коммуникантов, ее объект – конкретный получатель или эмоциональный стимул – ‘’виновник”» [13. с.3]. Как заметила Н. Д. Арутюнова, в отдельных случаях причина «раздваивается на лицо-виновника и событие-причину, а понятие лица-виновника преобразуется, в свою очередь, в понятие объекта чувств – той мишени, которая принимает на себя рикошет эмоций, названных событийным раздражителем» [4. с.155]. «В случае эмоциональной коммуникации эмоциональными являются и стимулы, и интенции, и ситуации, и, как правило, реакции. Целью такой коммуникации является или эмоциональное самовыражение, эмоциональное отношение говорящего к чему/кому-либо, или эмоциональное воздействие на получателя.» [13. с.3]. Некоторые иллокутивные цели могут быть достигнуты мимикой, жестом, которые могут рассматриваться как невербальные сообщения, содержащие необходимую дополнительную информацию и обеспечивающие корректное восприятия сообщения слушателем с опорой на широкий ситуационный контекст.

Р. Филер считает, что для изучения эмотивности в языкознании релевантными являются три аспекта – манифестация, интерпретация эмоций, а также используемые при этом речевые стратегии. Манифестация эмоций может осуществляться разнообразными средствами: 1) психологическая (дрожь, бледность), 2) невербальная звуковая (звуки, выражающие аффект), 3) невербальная незвуковая (мимика, жесты, положение тела), 4) сопровождающая вербальную коммуникацию (интонация, темп речи), 5) манифестация внутри вербальной части коммуникации (выбор слов, типов высказываний), 6) в коммуникативном поведении (выбор темы, типа дискурса, стратегии, модальности диалога и др.) [19. с.1432-1433].

Объектом нашего исследования послужили речевые акты, выражающие эмоции, а именно *«возмущение»* и *«радость»,* а языковым материалом – диалоги, выделенные из фильмов «Дживс и Вустер», «Доброе утро», «Гордость и предубеждение», «Ярмарка тщеславия». Несмотря на то, что коммуникация в фильмах является вторичной и носит репродуцированный характер (в отличие от спонтанной, естественной коммуникации), благодаря тому, что актер, вживаясь в роль, передает не свои личные эмоции и чувства, а эмоциональные переживания своего персонажа, речь актеров в фильмах максимально приближена к живой, разговорной речи.

В процессе поиска актов выражения эмоций *возмущения* и *радости*, безусловно, невозможно обойтись без определения данных феноменов и рассмотрения синонимических рядов наиболее близких к ним эмоций. Для этого мы воспользуемся словарями (новый объяснительный словарь синонимов русского языка под редакцией Ю.Д.Апресяна, Longman Dictionary of Contemporary English, Cambridge International Dictionary of English, Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English, Macmillan English Dictionary for advanced learners). Приведем итоговый список зафиксированных синонимов, выделив доминанту – название базовой эмоции. Гнев – ярость, раздражение, бешенство. Сердиться – возмущаться, негодовать, взорваться, беситься, злиться, разозлиться, разъярится.

«Испытывать неприятное чувство, какое бывает, когда субъект чувства недоволен чьими-либо действиями или свойствами и готов сделать что-то для того, чтобы воздействие источника неприятного чувства на субъект прекратилось».

Возмущение – это «сильное раздражение, негодование» [10. с.93] «отрицательная оценка чьих-либо действий или каких-либо фактов» [2. с.1014]. Возмущение реализуется внешне обычно в виде резких высказываний в повышенном тоне, соответствующей мимике, жестикуляции и т. п. ”*Indignation – anger excited by supposed meanness, injustice, wickedness, or misconduct», “extreme anger caused by a sense of injury or injustice, contemptuous resentment of what is mean or base, righteous wrath.”, “ anger caused by injustice, misconduct”*. Обобщение дефиниций глагола *to resent*, приводимых современными толковыми словарями английского языка, позволило выделить повторяющиеся лексические единицы, а именно: *dislike, hurt, annoy, irritate, resent, wrathfulness, rage, anger.*

Радость, радоваться – «испытывать приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место». Синонимами, различающимися по смысловым признакам, являются слова: *обрадоваться, ликовать, торжествовать, ликование, торжество*. [2. с. 912], *«a feeling of great happiness, enjoyment or satisfaction»*. Таким образом, существуют определенные виды радости, различающиеся по степени и интенсивности проявления данной эмоции. Умеренная радость, для обозначения которой в английском языке используется слово *joy* и его синоним *delight*, вызвана, как правило, хорошими, но не очень важными для субъекта событиями. Эмоция радости высокой степени интенсивности в русском языке обозначается лексической единицей *ликовать*, которой в английском языке соответствует лексема *glee*. Высшая степень радости – *счастье, pleasure, delight, happiness*. Иногда встречается радость-веселье, *cheerfulness, fun, gaiety, jocundity, joviality,* вызванное какой-либо шуткой и т.д., радость-возбуждение*, excitement,* радость-злорадство*, gloating,* эйфория*, euphoria* – предельная по силе проявления эмоция. Каузирует эмоцию радости любое, желательное для субъекта событие, независимо от того, касается ли оно самого субъекта или других близких ему людей. Данная эмоция сопровождается подъемом чувств и не обязательно предполагает какие-либо внешние проявления.

Вслед за Д.А. Романовым, который провел психолингвистический эксперимент классификационного типа, рассматривая проблемы отношения человеческого сознания к объединению частных вариантов названий эмоциональных состояний, и доказал реальность эмоциональной идентификации, можно утверждать, что, имея базовый вид (основную модальность), эмоция может называться по-разному. [11. с. 98].

В речевых актах, выражающих ту или иную эмоцию, имплицитно/эксплицитно могут содержаться признаки других эмоций. В ходе прослушивания диалогов из разнообразных фильмов были выделены следующие группы, разновидности эмоций *возмущения* и *радости*: возмущение + удивление, возмущение + упрек, возмущение + угроза, возмущение + приказ, возмущение + гнев, возмущение + оценка; радость + удивление, радость + удовольствие, радость + оценка и т.п.

Рассмотрим конкретные примеры выражения этих эмоций, выделенные из фильма «Дживс и Вустер». Важно отметить, что изучение особенностей маркированной интонации, базирующееся на выделении в эмоционально-окрашенной речи акустических параметров, несущих информацию о данном эмоциональном состоянии и определении значимости каждого из этих параметров путём анализа тонограмм, мы проводили при помощи программ «Cool Edit» и «Praat».

Bertie Wooster*: There is no need to say it like that, Jeeves, you are wrong about Miss Wickham.*

В данном случае интенция выражения возмущения и упрека, вызванного словами собеседника, Дживса, маркирована при помощи синтаксиса (отрицательная конструкция *There is no need to say it like that*), лексики (*you are wrong* – частнооценочный модус отрицательной оценки) и просодического выделения слов (*that, wrong)*. Объектом отрицательной оценки являются суждения Дживса о мисс Уикхэм, модус в предложении *You are wrong* имеет собственно оценочный характер. Этот модус ориентирован на субъективную оценку, а, следовательно, на реакцию собеседника. В этом примере мы имеем дело со средней степенью выражения возмущения, речь Вустера не такая аффективная, как в других случаях, темп артикуляции и громкость незначительно возрастают при произнесении *wrong.* Частота основного тона усиливается со 190 до 219 Гц. Контур, состоящий из нисходящей шкалы и восходяще-нисходящего тона, передает упрек.

С точки зрения словесного воплощения, эмоция может быть выражена с помощью эмоционально окрашенной лексики, где лексические единицы выполняют ситуативно-зависимую экспрессивную функцию.

Bingo Little: *I think I'm in love, Bertie!*

Bertie Wooster: *Oh, steady the buffs!*

Междометие *Oh* наряду с идиомой *steady the*

buffs является лексическим средством выражения возмущения (и удивления) Вустера словами его друга. Интонация здесь играет важную роль. Слова *steady the buffs* выделены интонационно при помощи повышения голоса и тона.

«По происхождению и форме эмотивные дискурсивные единицы подразделяются на истинные, производные, гибридные. К первой группе относятся те вербальные единицы, для которых передача эмотивной информации является первичной функцией. Сюда относятся междометные единицы. Именно первообразные междометия представляют собой истинные эмотивные дискурсивные единицы». [8. с.15].

Междометия – чистые знаки эмоций. «Эти слова составляют совершенно особый слой лексики, поскольку у них нет предметно-логического значения. В междометиях сосредоточены все типические черты, отличающие эмоциональную лексику: синтаксическая факультативность, то есть возможность опущения без нарушения отмеченности фразы, отсутствие синтаксических связей с другими частями предложения; семантическая иррадация, состоящая в том, что присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию» [3. с.106].

Bertie Wooster: *Well, of all the bally nerve, Jeeves!*

Jeeves*: Sir?*

Bertie Wooster*: After everything she did to us last weekend! She wants us to give her lunch today.*

Jeeves: *Sir?*

Bertie Wooster: *Miss Wickham, Jeeves, and two of her friends. She even specifies the menu. Bleeurgh!*

Jeeves: *Indeed, sir?*

Bertie Wooster: *Roly-poly pudding with jam, oysters, ice cream and plenty of chocolate. Must be on some kind of diet. I shall have to go and remonstrate with her.*

Jeeves: *Very good. I shall go and purchase the comestibles.*

Bertie Wooster: *By no means, Jeeves! By no means! I can be chilled steel, you know.*

Реплики Вустера заключают в себе прием, который в музыке называется модуляцией (переход из одной тональности в другую). В репликах Берти иллокутивная цель – выражение удивления, возмущения по поводу странного поведения мисс Уикхэм, которая сначала зло шутит над ним, а затем просит о помощи, а в междометии *Bleeurgh!* - эмоции отвращения и оценка (гедонистическая оценка на уровне модуса) меню. Берти решил ни в коем случае не соглашаться на условия мисс Уикхэм и не помогать ей. Категоричность решения подчеркивается повторением фразы *By no means!*, причем вторая фраза сопровождается повышением голоса, просодическим выделением слов и экспрессивным жестом. В реплике *I can be chilled steel, you know.* Вустер, его характер, является объектом оценки. Здесь используется оценочный модус типа «местоимение+модальный глагол+глагол-связка+наречие+оценочное слово». Ядром эпистемической модальности в данном случае является модальный глагол *can*. Здесь возмущение вызвано не поведением или словами собеседника, а коммуникативной ситуацией (личностью (мисс Уикхэм) и ее поведением). Раздражение Вустера подчеркивается коллоквиальной идиомой *of all the bally nerve*, которая произносится с целью выразить резко негативное эмоциональное отношение, и интонацией. В данном отрывке интонация – эмфатическая, эмоциональная.

«Целью эмфатической интонации является привлечь внимание к определенным словам в высказывании» [5. с.297]. «Эмфатическая интонация – сложная интонация, выражающая разные сознания, особое смысловое подчёркивание слов и эмоций. Она представляет собой единство ритма, мелодии и эмфатического ударения, в ней выражены яркие эмфатически акцентированные эмоции и отношения говорящего». [15. с.398] Интонация Дживса характеризуется сложным мелодическим ходом и ритмом, концентрацией интенсивности в особо важных словах, яркой тембральной окраской, убыстрениями и замедлениями темпа.

В соответствии с характером высказывания и использованными средствами эмоциональности в интонации мы соотнесли некоторые средства выражения эмоциональности с определённым эмоциональным состоянием говорящего. Средствами выражения эмоционального значения является в данном случае: ускорение темпа, усиление ударения.

Исходя из анализа тонограммы, можно сделать вывод о том, что наиболее частотными средствами выражения эмоциональности в речи Вустера являются расширение диапазона и усиление ударения для выражения состояния возмущения и недовольства, а также ускорение темпа для выражения беспокойства и оживления. Речь Вустера почти всегда очень эмоциональна.

Jeeves: *Perhaps, we are not keeping our eye on the ball with sufficient assiduity, sir.*

Bertie Wooster*: It's the blasted dog! Every time I look at the ball, it starts yapping. If you ask me, Jeeves, that animal is in the pay of Fotheringay Phipps.*

В данном случае благодаря мимике, жестам, просодике, повышению громкости произнесения, синтаксической структуре высказывания (уро-

вень модуса) Вустер выражает свое негативное отношение, а именно раздражение, вызванное поведением собаки. Оценочное прилагательное *blasted* просодически выделено и является ключевым. Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а следовательно, эмоциональностью (слово *blasted* уже само по себе в своей семантике несет экспрессивно-эмоциональный заряд). Эта лексика используется преимущественно в устно-фамильярной, сниженной речи.

Bertie Wooster: *You've done what? But why? She'll kill me. Jeeves!*

Jeeves: *I couldn't stop her, sir.*

Bertie Wooster: *Pah, do you mean to say that you stood by and allowed Bobbie Wickham to present my aunt's dog to some perfect stranger?*

Jeeves: *You know how head-strong a young lady she can be, sir.*

Bertie Wooster: *What is she, mad?*

Воплощение эмоционального состояния в речи предполагает использование выразительных средств всех уровней языковой системы, но при передаче сильных эмоций, положительных или отрицательных, вокальные средства начинают преобладать над вербальными. В данном примере модальность возмущения, являющаяся эмоционально-волевым проявлением, реализуется с высокой степенью интенсивности. Возмущение собеседником выражено при помощи синтаксиса и интонации. Реплики Вустера как всегда эмоциональны по контрасту со словами его слуги. Темп произнесения высказывания у первого очень высок. В высказывании Вустера *What is she, mad?* (которое лишено функции запроса информации) выражена отрицательная оценка поступка мисс Уикхэм (частнооценочный модус). Вустер увеличивает темп речи и повышает голос при произнесении фразы *do you mean to say that you stood by and allowed Bobbie Wickham to present my aunt's dog to some perfect stranger?*, что маркирует усиление его эмоциональности и возмущения. Регистр – высокий. Местами частота основного тона достигает 500 Гц. Слова *stood by, allowed, to present my aunt's dog to some perfect stranger, mad* – просодически выделены, составляя смысловой центр высказывания.

Л.В. Дмитриева и О.В. Абаева [7. с.2] считают, что в эмотивно нагруженном дискурсе особое место занимают вопросы, относящиеся к области ослабленной интеррогативной семантики, так как в большинстве случаев полноценного вопроса с формальной и содержательной точки зрения – нет, и лишь в ряде случаев отдельные конструкции могут употребляться с целью запроса информации. *What-questions* начинаются с вопросительного местоимения *what,* выступающего как системообразующий элемент в составе разговорных структур *What the devil? What on earth? What in the name of? What is she, mad? Are you mad or what man?* и т.д., выражающих реакцию возмущения на вербальное/невербальное действие собеседника.

Высказывания, выражающие возмущение, могут быть эмоциональными и оценочными. По словам Е.М. Вольф, «Язык имеет средства для того, чтобы: а) различить эмоциональную и рациональную оценку, б) отметить разные реакции на них адресата, в) дифференцировать эти два вида оценки при ее интерпретации.»[6.с.40] Эмоциональная оценка, как правило, бывает экспрессивной. В следующем примере оценивается субъект события (друг Вустера), при этом используется грубое, просторечное прилагательное эмоциональной отрицательной оценки – *blasted* (частнооценочный модус в зоне отрицательной оценки), которое выделено интонационно при помощи повышения тона и голоса. *Up until 3 weeks ago, that blasted Glossop was all over my daughter. Haunting the house, lapping up daily lunches, dancing with her half the night, and so on. (...) And now he's gone and dropped Angela like a hot brick. And I hear he's infatuated with some singer.*

Возмущение поведением Глоссопа, друга Вустера (вызванное коммуникативной ситуацией), выражено, главным образом, при помощи интонации, просодики и лексики, обладающей отрицательной коннотацией *(blasted, haunting the house, lapping up daily lunches, dancing with her half the night, dropped Angela like a hot brick)*. Регистр – высокий, частота основного тона – 230 Гц. Здесь мы наблюдаем возмущение минимальной степени интенсивности. При выражении слабой степени эмоции громкость не является значимым контрастом, и произнесение фразы реализуются со средней степенью интенсивности, так же как в нейтральном варианте (за исключением произнесения просодически выделенных слов). Возмущение звучало с нисходяще-восходящим ядерным тоном, и скорость произнесения была средней.

Примером возмущения – удивления является диалог из «Ярмарки тщеславия» и диалог Лизи и Дарси из «Гордости и предубеждения»*:*

Becky Sharp*: Excuse me! What are you doing? What are you doing!*

A money lender*: I told you I'd be back, lady. Here, look, you'd better wrap up that cooker glass.*

***Darcy**: And this is all the reply I am to expect? I might wonder why, with so little effort at civility, I am rejected.*

***Elisabeth Bennet**: I might wonder why, with so evident a desire to offend me, you chose to tell me that you like me against your will, your reason, and even against your character!*

В первом диалоге удивление выражено при помощи интонации, а именно, эмфатического выделения вопросительного предложения и синтаксического повтора *What are you doing?*. Причиной возмущения и его объектом является ростовщик, который забирает у Ребекки Шарп и ее семьи имущество за долги. Громкость произнесения реплик Ребеккой Шарп, а также темп речи усиливаются по мере нарастания эмоции возмущения и достигают максимума при повторном произнесении экспрессивного, восклицательного высказывания *What are you doing?*! Вербальные средства выражения эмоции в данном случае преобладают над невербальными, поза героини статическая, глаза широко раскрыты. Неподвижность героини вызвана, на наш взгляд, крайним удивлением (произнося реплики в последующем видеофрагменте, она переходит к активному сопротивлению действиям ростовщика).

Удивление может быть обозначено более эксплицитно при помощи структур: *I might wonder, I'm surprised, I'm surprised+that-clause, I'm not surprised.*

***None:** My cat scares the dogs. <laugh>*

***Cherrilyn**: I'm not surprised! (BRC, KBL 3446, пример из британского национального корпуса.)*

Примером выражения удивления, в котором имплицитно содержится значение восхищения и радости, является реплика героини фильма «Доброе утро»:

***Becky Fuller**: Sir. I am such a huge admirer of yours. I'm a... I'm a big, huge fan. I... My whole family watched you, growing up. I... Of all the anchors, you were, by far, the greatest reporter. I mean when you were in Kosovo, I was in Kosovo. Oh, my God, I can't believe I just met the...*

При выражении этой эмоции используется ряд средств: лексико-синтаксических, просодических, невербальных. Бэкки случайно встречает своего кумира – Майка Помероя, (являющегося объектом ее оценки), которым с детства восхищается, интенсивность ее эмоции так велика, что она не может ее сдержать. Героиня не сразу может подобрать слова для описания захлестнувших ее эмоций, поэтому в реплике используется повтор конструкции *«I'm a... I'm a big, huge fan. I...»* и лексемы *huge*, направленный на выделение следующей реплики, которая произносится с повышением громкости. Максимум громкости произнесения и эмфатического выделения лексем локализуется в реплике *«Oh, my God, I can't believe I just met the...»* (регистр высокий, частота основного тона 280 Гц). Произнесение данных высказываний сопровождается активной экспрессивной жестикуляцией, глаза героини широко раскрыты. Что касается лексико-синтаксических средств, то в реплике используется частнооценочный модус положительной оценки типа «местоимение+глагол-связка+оценочное слово+существительное»: *«you were, by far, the greatest reporter»*, высшая степень восхищения подчеркивается при помощи прилагательного в превосходной степени *the greatest.* Каждая последующая реплика произносится с увеличением скорости, что способствует усилению степени эмоциональной направленности речи героини.

***Becky Fuller**: That was a great story, Mike. That was... that was better than a great story that was great television, I mean, that was bran with a doughnut!*

Mike Pomeroy:** A bran doughnut.**

В данной реплике используется лексический повтор слова great и конструкции *that was + adj+noun*, при помощи которых создается прием градации, направленный на усиление перлокутивного эффекта на собеседника. Эта оценочная реплика по структуре похожа на предыдущую. Высказывание героини является восклицательным, а, как известно, категория восклицательности актуализируется в результате одновременной реализации на коммуникативном уровне трех категорий: эмоциональности, экспрессивности, оценочности. Просодическое выделение фразы *That was... that was better than a great story, that was great television*, экспрессивная, оценочная лексика и интонация служат средствами выражения радости (удовольствия, восхищения). В данном примере ярко выражены колебания частоты основного тона и интенсивности речевого сигнала. Перепады общего тона речи – резкие. При этом интонационно (при помощи логического ударения) выделяется каждое слово во фразе. Что касается мимики и кинесики, эмоция радости обычно сопровождается смехом, улыбками, объятиями, возгласами и восклицаниями, глаза коммуникантов широко раскрыты и т.д., в то время как для эмоции возмущения, гнева характерны покусывание губ, вздохи, кивки головой, дрожь, сверкающие, горящие глаза и т.д.

Итак, можно сделать вывод, что выражение эмоций *возмущения* и *радости* в речи, как эмоциональной реакции на вербальное/невербальное поведение в коммуникации или на ситуацию, находящуюся за ее пределами, носит комплексный характер и реализуется целым набором средств

(специальной лексикой, синтаксисом, стилистикой, просодией, кинесикой, фонацией, повторением реплик, носящих цитатный характер). При этом одно или несколько средств являются доминирующими. При усилении интенсивности *возмущения* или *радости* у адресата увеличивается темп речи, повышается голос и частота основного тона и вокальные средства начинают преобладать над вербальными. Наиболее частотными средствами для передачи эмоциональности являются также расширение диапазона и усиление ударения. В видеофрагментах представлена определенная ситуация, общая характеристика ситуации, конкретная интерпретация данного поступка, оценка иллокутивной составляющей данного поступка, интерпретация отдельных лексических единиц, интерпретация или оценка значения синтаксических конструкций, интерпретация интонации, просодии, кинесики, мимики коммуникантов.

В результате сравнения тонограмм было выявлено, что модальность *возмущения* и *радости* просодически реализуется в речи с разной степенью интенсивности, а также для просодического оформления средней и сильной степеней напряженности данных эмоций используется высокий нисходящий и низкий восходящий ядерный тон, неизменно возрастают показатели всех параметров темпа при выражении *радости* или *возмущения* средней и высокой степени интенсивности по сравнению со слабой степенью. Общим для эмоций *радости* и *возмущения* является эмоция *удивления*, которая сопровождает и положительные и отрицательные эмоции.

Результаты исследования могут быть использованы в преподавании английского языка как иностранного. Действительно, в процессе обучения английскому языку внимание акцентируется, как правило, на способах и средствах обмена информацией, в то время как модально-оценочным высказываниям не всегда уделяется достаточно внимания. Компетентное же владение иностранным языком предполагает умение передавать и воспринимать не только фактуальную информацию, но и эмоционально-экспрессивную тональность диалога.

Библиографический список

1. *Анохин П.К.* Эмоции \\ БМЭ, т.35. М.: Советск. Энциклопедия, 1965. С. 339-341.
2. *Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 1014, С. 912.
3. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. Изд. 2-е, перераб. Л.: «Просвещение», 1981.С. 106.
4. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976. С. 155.
5. *Васильев В.А.* Фонетика английского языка. Теоретический курс. (На англ. языке). М.: 1970, С. 297.
6. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Серия «Лингвистическое наследие xx века», 1985. С. 42.
7. *Дмитриева Л.В., Абаева О.В.* Речевые акты возмущения как реакция на невербальное поведение. Лингвистика и литературоведение. Вестник ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ 2006; №3: 54-62.
8. *Косов В.Т.* Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов. АКД. М, 1963.
9. *Никифоров А.С.* Эмоции в нашей жизни. М.: Сов.Россия, 1979.С. 271.
10. *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е издание, дополненное, М.: «Азбуковник», 1999. С. 93, С. 912
11. *Романов Д.А.* Психологическое обоснование эмоциональной идентификации. Вопросы языкознания 2005; №1: 98-107.
12. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. В.: Издательство воронежского университета, 1987.193 с.
13. *Шаховский В.И.* Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность.Сб.: «Коммуникативные аспекты значения»- Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky02.shtml
14. *Шаховский В.И.* Лингвистика эмоций. Филологические науки 2007; №5: 3-13.
15. *Шумилина Т.Н., Згурская Е.В.* Некоторые особенности использования английской эмфатической интонации в речи. Обучение языку специальности в условиях профессионального образования 2002; Раздел 7: 397-401.
16. *Adendorff, R. & V. de Klerk* 2005. The role of APPRAISAL resources in constructing a community response to AIDS. Linguistics and the Human Sciences 1/3: 489-513.
17. *Anderson, K.J. & C. Leaper* 1998. Emotion talk between same- and mixed-gender friends. Form and function'. Journal of Language and Social Psychology 17:419-48.
18. *Eggins S.&D.Slade* 1997. Analysing Casual Conversation. London/Washington:Cassell.

19. *Fieler R.* Emotionalität im Gespräch // Text und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationawissenschaft. Bd. 16 Halbbd. 2. hrsg. von Klaus Brinker. Berlin, New York, 2001. S. 1432-1433.

20. *Fiehler R*. 2002.How to do emotions with words: emotionality in conversation. In Fussell (ed.): 79-106.

21. *Galasinski D*.2004. Men and Language of Emotions. Houndmills: Palgrave Macmillan.

22. *Martin J.R*. 2000. Factoring out exchange: types of structure. In Coulthard, M., Cotterill, J. & F. Rock (eds) Working with Dialogue. Tubingen: Niemeyer: 19-40.

23. *Rosenberg D*.1990. Language in the discourse of the emotions. In Lutz & Abu-Lughod (eds): 162-85.

24. Cambridge International Dictionary of English. http://dictionary.cambridge.org/

25. Longman Dictionary of Contemporary English. http://www.ldoceonline.com/

26. Macmillan English Dictionary for advanced learners, International Student Edition. - Printed and bound in Malaysia, 2006. - 1692 p.

27. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/

Y.V.SIDOROVA

LINGUISTIC AND EXTRA-LINGUISTIC MEANS OF EMOTIONAL EXPRESSION IN ENGLISH SPEECH (ON THE BASIS OF SOME FILM FRAGMENTS)

This paper describes some linguistic and paralinguistic means of emotion expression in cinematographic discourse in English. We have chosen to study the cinematographic discourse because it is very close to real communication and its characteristic features. The emotions are expressed through a complex combination of verbal and non-verbal channels.

Key words: ***emotions, emotiveness, emotionality, complex emotional expression, emotional identification.***

Т.В. СТРУКОВА
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, начальник отдела содействия трудоустройству выпускников Орловского государственного института искусств и культуры
E-mail: tatam08@rambler.ru
Тел.(4862) 42 95 00

ЖАНР ЗАГАДКИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. СУМАРОКОВА

В статье анализируются загадки Александра Сумарокова в сопоставлении с фольклорными загадками, затрагивается вопрос о художественных особенностях жанра литературной стихотворной загадки, делается вывод о присутствии фольклорной традиции в творчестве поэта.

Ключевые слова: ***Сумароков, загадка, фольклорная загадка, литературная загадка.***

В литературоведении уже неоднократно отмечалось, что новая русская литература началась не с прозы, а с поэзии, которая в XVIII веке занимала главенствующее положение. Не случайно XVIII столетие вошло в историю не только как эпоха расцвета классицизма, но и как период поиска новых форм и жанров, новаторства и экспериментов. Значительный вклад в развитие и становление новой русской литературы внес Александр Петрович Сумароков, творческое наследие которого включает произведения разнообразных жанров. Наряду с высокими жанрами классицизма (одой и трагедией) он активно осваивал новые для русской поэзии того времени жанры: любовную песню, идиллию, эклогу, сонет. Получив широкое признание и известность как автор- драматург, Александр Петрович в последующие годы создал большое количество лирических произведений: идиллий, надписей, эпиграмм, мадригалов, сонетов, баллад, загадок. На протяжении всей своей литературной деятельности Сумароков последовательно стремился противопоставить свое творчество строгим рамках классицистического искусства и литературным позициям Ломоносова и Тредиаковского. По словам Г.А. Гуковского, Сумароков «первый взялся за литературное дело профессионально<…>именно поэтому он вовсе не был самодуром, когда заявлял, что он является начинателем новой русской литературы» [2:351].

Начиная с 1755 года, Александр Петрович активно печатался в журналах «Ежемесячные сочинения», «Трудолюбивая пчела», «Полезное увеселение», «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», «Праздное время в пользу употреблённое», на страницах которых увидели свет его многочисленные лирические стихотворения. В 1877 году в Москве, в университетской типографии у Н. Новикова было издано собрание сочинений Сумарокова в 10-ти томах [9]. В 9-й том, наряду с другими лирическими произведениями, вошли 10 стихотворных загадок автора. Все они напечатаны без отгадок. Данное обстоятельство, видимо, объясняется тенденцией того времени: в XVIII веке практически все загадки печатались без отгадок, очевидно, для того, чтобы вызвать интерес и любопытство читателей.

Тематика загадок поэта различна: они посвящены описанию времен суток (день и ночь), явлений природы (ветер), первостихий (огонь), предметов труда и быта (веретено), письма и грамоты (буква «Ъ»), одежды (юбка), насекомых (комар), животных (улитка), продуктов питания (ржаной хлеб). Подобно народным загадкам, в них в завуалированной форме описываются предметы и явления повседневной жизни, хорошо знакомые читателям. Однако композиция и структура загадок Александра Петровича значительно отличается от фольклорных. В частности, в них отсутствует предмет уподобления (кроме загадки о юбке), повествование ведется от 1-го лица. Структуру народных загадок, как известно, составляет метафора, которая «характеризует специфику их содержания и формы, лежит в основе их стилистической и композиционной организации, определяет специфические, творческие принципы художественного отражения действительности» [4:34]. В произведениях Сумарокова загадываемый образ, как правило, изображается не посредством называния других, сходных с ним предметов (или объектов), а при помощи воспроизведения действий, совершаемых или не совершаемых им.

Основой структурно-семантической организации загадок поэта становится описание по функции. В них рисуются действия, производимые предметом или явлением, или действия и поступки, совершаемые человеком в отношении подразуме-

© Т.В. Струкова

ваемого автором объекта. «Для того чтобы загадка была загадкой, – отмечают ученые-фольклористы, – необходимо не называть предмет, о котором идет речь, а заменить его каким-либо другим, или назвать его свойства, функцию, способ изготовления» [5:150]. Таким образом, Сумароков ориентируется на специфические особенности фольклорного жанра. В основе его произведений – замысловатое описание предмета (или явления), по которому надо отгадать, о чем идет речь, при этом само описание функций и признаков дается от первого лица – от лица отгадываемого предмета.

В большинстве загадок в иносказательной форме рассказывается о действиях, выполняемых предметом или явлением. Структура поэтических текстов отличается динамичностью, которая передается с помощью использования глаголов (чаще всего однородных сказуемых), а определения употребляются в них крайне редко. Изображаемым объектам присуща подвижность, переход из одного состояния в другое:

Что больше я верчусь, то больше богатѣю,
И больше я толстѣю,
Хотя на привязи въ то время я какъ песъ,
Отечество мнѣ лѣсъ [9: 147].

Описывая в завуалированной форме отличительные свойства веретена, автор подчеркивает, что для него характерны круговые движения, в процессе которых трансформируются его форма и содержание. Для отображения изменений, происходящих с объектом, поэтом используется прием градации («верчусь», «богатею», «толстею»). Кроме того, Сумароковым отмечается ограниченность (зависимость) движений, совершаемых предметом: «на привязи в то время я, как пес». Использование приема сравнения для отображения отличительных свойств художественного образа отличает загадку поэта от фольклорных произведений. «Сравнив предмет загадывания с каким-то другим и не найдя в них что-то общее, загадка не применит обычный способ сравнения с союзом «как»», – отмечает исследователь народных загадок В.В. Митрофанова [6: 114-115]. В загадке поэта сопоставляются два объекта, обладающие общим признаком, для того чтобы подчеркнуть наличие сходства между ними.

Помимо воспроизведения функций, свойственных художественному образу, Сумароков указывает на способ его изготовления (происхождения): «отечество мне лес», т.е. акцентирует внимание читателей на том, что изображаемый объект сделан из дерева. Для воспроизведения процесса ручного прядения ниток автором применяется прием повтора («***больше*** верчусь», «***больше*** богатею», «***больше*** толстею»), который также подчеркивает постепенное изменение размеров предмета. Таким образом, композиционное строение загадки детально отражает характерные особенности подразумеваемого автором предмета, а также способы обращения человека с ним. Народная загадка, напротив, тяготеет к предельной краткости и лаконичности. В сборнике «Великорусских загадок», собранном и изданном И.А. Худяковым, содержится загадка о веретене, состоящая всего из трех слов: «Пузан съел махнушку» [10:403]. Очевидно, что фольклорный текст представляет собой своего рода парадокс, заключающийся в неожиданном и непривычном соединении несовместимых понятий и определений.

Описание по функции лежит в основе загадки Сумарокова об огне. Обращаясь к изображению одной из четырех первостихий, автор в качестве основных структурно-композиционных приемов использует градацию и антитезу, которые призваны передать отличительные характеристики художественного образа:

Безъ грубости коснуться не умѣю,
А тѣло самое не грубое имѣю:
Безъ пищи невидимъ, а съ ней потребенъ я,
И преужасенъ:
Мой видъ весьма прекрасенъ;
Я жру всегда, и вся вь томъ жизнь моя;
Но сколько я ни пожираю,
Отъ алча умираю [9:148].

Огонь описывается, прежде всего, как разрушающая сила, истребляющая и уничтожающая все на своем пути, для чего автором применяется лексика с разговорной окраской: «я жру всегда», «сколько я ни пожираю».

Особую нагрузку в произведении приобретают оценочные эпитеты «негрубое», «невидим», «потребен», «преужасен», «прекрасен». Поэт подчеркивает, что создаваемый им образ может вызывать у человека неоднозначные эмоции и оценку, как страх, так и восхищение. Именно поэтому автором употребляются антонимичные определения («преужасен», / «прекрасен»), отражающие двойственное отношение людей к огню. Введение в текст приема нисходящей градации («жру», «пожираю», «умираю») призвано передать скоротечность господства и могущества иносказательно представленного образа.

Наряду с изображением функций, совершаемых художественным образом, Сумароков обращается к воссозданию действий, производимых человеком в отношении описываемого предмета. Исследователями русского фольклора справедливо подмечено, что загадка является единственным жанром, «интересующимся незначительными, но

постоянно присутствующими в жизни человека предметами и явлениями»; в котором речь идет «о самых обыденных предметах и явлениях, о труде, трудовом процессе» [7: 143]. Подобно народным текстам, в загадках поэта изображаются предметы вещного мира, но структура загадок, их лексика, синтаксис, значительного отличаются от фольклорных произведений. Народные загадки предельно лаконичны, в них, как правило, используются неполные, назывные предложения. В загадках Сумарокова дается подробное, детальное описание художественного образа, вследствие чего усложняется их синтаксис (употребляются вводные и обособленные члены предложения, уточняющие слова и обороты).

Метафорически изображая юбку, поэт уподобляет ее «кадушке» на основе сходства их внешней формы. Как известно, кадка – это емкость цилиндрической формы, сделанная из деревянных дощечек и обтянутая металлическими или деревянными обручами. Неотъемлемым атрибутом женской юбки в XVIII веке был корсет, который, видимо, и вызвал у автора столь необычную ассоциативную параллель:

Кадушка я, вверьхъ дномъ стою,
И не касаюсь полу.
По произволу,
Трудяся, женщины, утробу всю мою,
Набьютъ себѣ припасомъ,
Живымъ наполнятъ мясомъ [9:149].

Процесс надевания юбки также получает в тексте особое осмысление: акцентируя внимание на усилиях, которые прилагают для этого женщины, поэт использует сочетание противоположных по значению слов с целью замысловатого его описания. Употребление приема стилистического парадокса сближает загадку Сумарокова с народной, которая является «своеобразной формой остранения и строится обычно на принципе замедленной метафоры (вернее, симфоры), каламбурного алогизма и затрудненного параллелизма…» [3:110-111]. Предметы и явления действительности, как правило, описываются в загадке с какой-то неизвестной, непривычной стороны. «Оксюморон, вообще говоря, – основа загадки. Дерзость сочетаний, смелость комбинаций – вот что влечет нас чаще всего в загадке, что и смешит, в конечном счете, при разгадке», – писала М.А. Рыбникова [8:57]. Используя прием остранения, автор дает принципиально новый взгляд на хорошо знакомые предметно-бытовые реалии. В основе описания художественного образа, по сути, лежит принцип совмещения несовместимого, сочетания несочетаемого.

С точки зрения логической структуры, произведения Сумарокова подразделяются на загадки-противоречия и загадки-тождества (согласно основным законам логики). К первому типу относятся стихотворения, содержащие противоречащие друг другу высказывания, одно из которых является отрицанием другого. Второй тип образуют загадки, в которых каждое высказывание является истинным, вытекает из предыдущего и подтверждает последующее.

К загадкам-противоречиям относятся стихотворения о ветре, дне и ночи, отражении в зеркале. Описывая в иносказательной форме ветер, поэт называет взаимоисключающие функции, характерные для природного явления:

Хотя и не хожу, хотя и не летаю;
Однако не въ одномь я мѣстѣ обитаю,
Пускаться въ низъ, на верьхъ взноситься я могу,
И не имѣя ногъ, куда хочу бѣгу [9: 147].

Завуалировано представленному образу свойственно, с одной стороны, отсутствие ног и крыльев («не хожу и не летаю», «не имея ног»), а с другой – присуща способность к активному передвижению в пространстве («пуститься вниз, наверх взноситься я могу», «куда хочу, бегу»), что подчеркивается введением в текст приема градации, который передает постепенное нарастание порывов ветра. Масштабность природного явления отражает также антитеза «вниз» / «наверх». В стихотворении одновременно отрицается и утверждается способность ветра перемещаться из одного места в другое. Изначальные характеристики описываемого явления не совпадают с последующими, то есть, по сути своей, оказываются разноречивыми.

В загадке о дне и ночи в первых трех строках утверждается абсолютное отличие одного времени суток от другого, их противоположность, для чего автором вводятся антитезы «да»/ «нет» и «тьма»/ «свет». В четвертой строке поэт, напротив, указывает на их идентичность:

Мы разны естествомъ, какъ да и нѣтъ,
Или какъ тьма и свѣтъ,
И повинуемся со всѣмъ мы разной волѣ;
Другъ съ другомъ сходствуя всево на свѣтѣ болѣ,
Мы видны, движемся, не тронетъ насъ ни кто,
Тому причина та, что оба мы ни что [9:147].

По сути, Сумароков приводит характеристики, одна из которых является отрицанием другой. В первых трех строках утверждаются дифференциальные признаки художественных образов, которые в четвертой строке опровергаются введением антонимичного понятия (разны/сходны). Очевидно, что

именно антитеза является основным стилистическим и композиционным приемом, позволяющим сопоставить времена суток, отобразить их сходство и контрастность одновременно. Противоположность описываемых понятий подчеркивается также введением в произведение мифологического подтекста в третьей строке: «И повинуемся совсем мы разной воле». Согласно славянским мифологическим воззрениям, день ассоциируется с божеством света, а ночь – с божеством мрака. Между богами света и тьмы происходит вечная, нескончаемая борьба за владычество над миром. Смена времен суток изображается поэтом как закономерный, естественный процесс («мы видны, движемся…»), и мифологический смысл практически утрачивается («не тронет нас никто», «оба мы ничто»).

Противопоставление дня и ночи, как света и темноты, лежит в основе народных загадок XVIII века, собранных и изданных И.А. Худяковым. В них день и ночь уподобляются сестрам: «Две сестры: / Одна светлая, / Другая темная» [10:409]. Очевидно, что времена суток описываются как родственные понятия, обладающие разными свойствами. В качестве дифференцирующего их признака называется только цветовая гамма. Структура фольклорной загадки предельно лаконична и метафорична и представляет собой описание по атрибуту, поскольку особая семантическая нагрузка принадлежит эпитетам.

У Сумарокова предмет уподобления отсутствует, повествование ведется от 1 лица, что является важной художественной особенностью литературной загадки в целом, и произведений Александра Петровича в частности. Автор строит описание, ссылаясь на «я» или «мы», что позволяет ему всесторонне и детально изобразить подразумеваемый образ.

По принципу противоречия построена загадка Александра Петровича об отражении в зеркале. Изначально поэтом утверждается сходство художественного образа с человеком, которое затем последовательно опровергается:

Я видомъ человѣкъ, хотя не говорю,
Не ѣмъ, не пью, въ любови не горю:
Ума во мнѣ хоть нѣтъ; однако много стою,
Нарциссу паче всѣхъ подобна красотою [9:148].

В загадке присутствует мифологический подтекст, который имеет особое значение для преобразования исходной ситуации загадки. Согласно древнегреческому мифу, Нарцисс – юноша необычайной красоты, влюбившийся в своё отражение и умерший от любви к себе. Так, человек, созерцающий свой облик в зеркале, сопоставляется поэтом с персонажем древнегреческой мифологии. Использование отрицательных конструкций для замысловатой характеристики художественного образа («не говорю», «не ем», «не пью», «в любови не горю») сближает загадку Сумарокова с фольклорными произведениями, в которых отгадываемый предмет часто описывается путем отрицания.

Наряду с загадками-противоречиями в творчестве Александра Петровича есть стихотворения, в которых характеристики описываемого предмета остаются постоянными и неизменными в процессе рассуждения о нем. Так, в загадке о ржаном хлебе изначально выбранные автором параметры и свойства художественного образа не подменяются в ходе описания другими:

Отечество мое прямое нива,
Не сокрываюся; я тварь не горделива,
И откровенное имѣю серце я:
Отъ серца честь и знать моя:
Со всѣми знаюся, кто честенъ иль безчестенъ,
Европѣ всей мой видъ извѣстенъ,
Живу безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головы;
Какъ меня зовутъ скажите сами вы
[9: 148-149].

В первой строке Сумароковым делается акцент на способе происхождения хлеба. Поэт подчеркивает, что место рождения предмета – обработанное поле – открыто для взора всех и каждого, а сам предмет доступен любому человеку. На Руси всегда был почитаем и любим именно ржаной хлеб, поскольку являлся намного дешевле и сытнее пшеничного и был основным продуктом питания, что нашло отражение в русской народной пословице: «Пшеничка кормит по выбору, а матушка рожь – всех сплошь». В других странах любовь русских людей к ржаному хлебу не разделяли. Очевидно, именно поэтому автором упоминается Европа.

Важную смысловую нагрузку в тексте приобретают определения с эмоционально-экспрессивной окраской: «не горделива», «откровенное», «честен», «бесчестен», «известен», благодаря использованию которых подразумеваемый образ воссоздается посредством указания на его отличительные признаки. Употребление эпитетов в качестве основного компонента иносказательного описания сближает произведение Сумарокова с фольклорными загадками. «Принципиальное своеобразие эпитетов в составе загадки состоит в том, что они здесь одновременно удерживают свою соотнесенность как с реальным загаданным предметом, так и с реальной предметностью иносказательного образа…», – отмечает В.П. Аникин [1:106]. Как и в народных текстах, в загадке Сумарокова определения отражают реальные признаки иносказательного образа.

Анализ поэтических загадок Сумарокова показывает, что литературная стихотворная загадка возникла под непосредственным влиянием устного народного творчества. Как и в фольклорных загадках, предметом изображения в них становятся предметно-бытовые реалии, которые описываются автором при помощи указания на их характерные свойства и функции или действия, совершаемые человеком по отношению к подразумеваемому объекту. При этом композиция и структура произведений Сумарокова существенно отличается от фольклорных. Всем загадкам поэта присуща форма повествования от 1-го лица, что позволяет ему дать всестороннее, детальное описание замысловато представленного образа. Народная загадка, напротив, является очень лаконичной по форме и содержанию. Для иносказательного создания художественного образа в ней используется метафора. В загадках поэта предмет уподобления, как правило, отсутствует. Особая смысловая нагрузка в них отводится не только эпитетам, как в фольклорных текстах, но и глаголам, на что указывает частое употребление автором такого приема, как градация, наряду с которым активно используются антитеза и повтор.

Библиографический список

1. *Аникин В.П.* Эпитет в загадках // Фольклор как искусство слова. Вып. 4. Эпитет в русском народном творчестве. М., 1980.
2. *Гуковский Г.А*. Сумароков и его литературное окружение.
3. *Квятковский А.П*. Поэтический словарь. М., 1966.
4. *Лазутин С.Г.* Метафоры в загадках (принципы их создания, виды и идейно-эстетические функции) // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976.
5. *Митрофанова В.В.* Ритмическое строение русских народных загадок// Русский фольклор. т. XII. Л., 1971.
6. *Митрофанова В.В*. Русские народные загадки. – Л., 1978.
7. *Митрофанова В.В*. Художественный образ в загадках // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971.
8. *Рыбникова М.А.* Загадки. М., 1932.
9. *Сумароков А.П.* Полное собрание сочинений в стихах и прозе. М., 1787. Т. IX.
10. *Худяков И.А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001.

T.V. STRUKOVA

GENRE OF RIDDLE IN THE WORKS OF ALEXANDER SUMAROKOV

The author of the article analyzes the riddles of Alexander Sumarokov and compares them with the folk riddles, raises the question about features of the genre of literary poetic riddles, comes to the conclusion about presence of the folk tradition in the poet's riddles.

Key words: **Sumarokov, riddle, poetic riddle, folk riddle .**

М.В. ТЕЛЯКОВСКАЯ
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Орловского государственного университета
E-mail: teljakowska@yandex.ru
Тел. (4862) 55 74 10

ПОРЯДОК ЧАСТЕЙ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПРИЧИННОГО ТИПА В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ КОНЦА XX ВЕКА

В статье анализируется роль порядка частей в сложноподчиненных предложениях с придаточными причины в текстах официально-делового стиля конца XX века. Отмечается определенная зависимость расположения придаточного причины по отношению к главному предложению от причинного средства связи, которое используется в предложении.

Ключевые слова: ***порядок частей, препозиция, интерпозиция, постпозиция, расчлененный союз, нерасчлененный союз.***

Вводные замечания

Развитие структуры разных типов сложноподчиненных предложений (далее – СПП) проявляется в изменениях средств связи частей этих конструкций (союзов, союзных и соотносительных слов), позиций главного и придаточного предложения в составе сложного и др.

«Официально-деловой стиль – один из функциональных стилей литературного языка, обслуживающий сферу письменных официально-деловых отношений. Официально-деловой стиль реализуется в документах разных жанров, обобщающих типовые ситуации официально-деловых отношений» [Шварцкопф 1979: 186].

По мнению К.А. Логиновой, «характерной особенностью деловой речи является также существенное преобладание сложных предложений: простое предложение не может отразить иерархическую последовательность взаимосвязанных фактов, подлежащих официально-деловой интерпретации» [Логинова 1968: 189].

На преобладание в текстах официально-делового стиля СПП указывают и другие исследователи [Бельчиков 2004: 91].

Для анализа официально-делового стиля выборки делались из Бюллетеней Министерства юстиции Российской Федерации, Бюллетеней Верховного Суда Российской Федерации, Вестника Конституционного Суда Российской Федерации.

Общий объем анализируемого материала 2000 СПП с придаточными причины (анализируются двухкомпонентные СПП, если предложение многокомпонентное, то из него вычленялось СПП с придаточным причины).

Роль порядка частей в структурно-семантической организации сложноподчиненных предложений причинного типа

Л.Ю. Максимов совершенно прав, когда пишет: «Важным элементом строения сложноподчиненных предложений, во многих случаях прямо связанным с их значением, является место придаточной части по отношению к главной» [Крючков, Максимов 1977: 49].

Традиционно выделяются три позиции придаточного предложения по отношению к главному: **постпозиция, препозиция и интерпозиция**.

В сложном предложении с **постпозицией** придаточного причины главное предложение называет основной факт, придаточное сообщает о причине его. Например: *1)Довод заявителей не может быть принят во внимание,* ***поскольку*** *в данном случае Инструкция касается лишь юридических лиц* (Бюллетень Верховного Суда (далее – БВС). – 2000. – № 10. – С. 6); *2)В связи с изложенным встает вопрос о действительности регистрации,* ***так как*** *эта регистрация проводилась не по правилам (Бюллетень Министерства юстиции* (далее – БМЮ). – 2000. – № 9. – С. 38).

При постпозиции придаточного предложения между предикативными частями выявляются собственно причинные отношения и используется большинство причинных союзов и союзных сочетаний. Например: *1) Эта работа актуальна еще и* ***потому, что*** *лишь 13,2% судебных приставов имеют юридическое образование* (БМЮ. – 2000. – № 10. – С 11); *2) Директор базы отдыха Р. принудил рабочих М.и Б. уволиться с работы* ***за то, что*** *они выступали с критикой в его адрес на собрании коллектива*

© М.В. Теляковская

базы (БВС. – 1990. – № 9. – С. 4); *3) Приведенные данные дают основания сомневаться в выводах экспертов,* ***тем более что*** *само заключение содержит противоречия* (БВС. – 1993. – № 2. – С. 15); 4*) Приговор суда присяжных Ставропольского краевого суда в отношении С.и М. отменен* ***ввиду того, что*** *в рассмотрении дела участвовали три присяжных заседателя по истечении срока своих полномочий* (БВС. – 2000. – № 9. – С. 18*); 5) ...до начала судебного разбирательства был заявлен отвод всему составу суда* ***на том основании, что*** *из дела исчезла первоначальная характеристика на потерпевшую* (БВС. – 1993. – № 8. – С. 8); *6) Этот вопрос возник* ***в связи с тем, что*** *отдельные взыскатели, неверно понимая данную норму закона, откладывают исполнительные действия неоднократно* (БМЮ. – 2000. – № 6. – С. 30).

В СПП с постпозитивными придаточными связь между частями значительно слабее, чем при препозиции придаточного.

Поэтому у постпозитивных придаточных причины легко развивается присоединительное значение, что приводит иногда к парцелляции придаточного.

По мнению Л.Ю. Максимова, если придаточная часть находится в **препозиции**, то сообщение, заключенное в ней, предваряет сообщение, содержащееся в главной части, как бы вызывает его. Главная часть в этом случае не имеет самостоятельного характера: ее смысл, а часто и форма вызывается смыслом и формой стоящей впереди придаточной части. В таких предложениях выражаются не причинные, а причинно-следственные отношения [Крючков, Максимов 1977: 50].

Например: *1)* ***Так как*** *расчет суммы возмещения вреда судом сделан неправильно, судебная коллегия отменила судебные постановления* (БВС. – 1995. – № 10. – С. 13*); 2)* ***Поскольку*** *обстоятельства дела надлежаще не исследованы, решение народного суда подлежит отмене* (БВС. – 1985. – № 9. – С. 4)

В приведенных выше примерах позиция придаточного по отношению к главному не вызывает сомнений: это **препозиция**.

Однако есть конструкции, в которых определение позиции вызывает затруднения. Например: *1) Но* ***ввиду того, что*** *в убийстве виновна М., необходимо принять меры к установлению ее местонахождения* (БВС. – 2000. – № 3 – С. 19); *2)* ***В связи с тем, что*** *ошибка, допущенная органами следствия, не была исправлена судом, в отношении Л. и М. был вынесен незаконный приговор* (БВС. – 1987. – № 1. – С. 9); *3)* ***Ввиду того, что*** *заключения Минюста России носят рекомендательный характер, реакция Думы на них не всегда своевременна* (БМЮ. – 2000. – № 12. – С. 15).

По мнению Н.И. Формановской, в таких конструкциях не препозиция, а интерпозиция, т.е. она считает, что, «если союз расчленяется, то придаточная часть, следуя непосредственно за местоименным словом, может оставаться внутри главной» [Формановская 1978: 188]. Эту же мысль высказывает и Д.П. Валькова: «При расчленении составных союзов препозиция придаточной части становится невозможной» [Современный русский язык 1986: 420].

Другую точку зрения отстаивает Л.Ю. Максимов. Вот его пример: *И* ***оттого, что*** *это невозможно, он приходил в отчаяние* (Чехов). Л.Ю. Максимов убедительно доказывает, что слитность или расчлененность **оттого, что** не меняет препозитивного характера придаточной части: «Основной механизм у них один и тот же: относясь, как и придаточная часть ко всей главной, именно коррелят определяет категориальное значение конструкции, так что без него (только с простым союзом) построение предложений данного типа вообще невозможно [Максимов 1968: 96].

Мы соглашаемся с точкой зрения Л.Ю. Максимова и будем квалифицировать конструкции, в которых союз расчленяется, а придаточная часть следует непосредственно за соотносительным словом, как предложения с препозитивным придаточным. Например: ***В связи с тем, что*** *ответчица при выбытии из ЖСК не возместила часть взносов на капитальный ремонт дома, кооператив обоснованно предъявил иск о взыскании* (БВС. – 1985. – № 6. – С. 10).

Интерпозиция, по наблюдениям А.М. Пешковского, – важная сторона структуры сложного предложения [Пешковский 1956: 464]). Термин «интерпозиция» по отношению к придаточному в СПП употребляется неоднозначно, «серединное положение предикативной единицы теоретически осмысливается по-разному» [Пастухова 1982: 84].

В современной научной литературе отражаются два основных понимания сущности интерпозиции придаточной части – широкое и узкое.

При **широком понимании** интерпозиция рассматривается как включение одной части сложного предложения в другую, т.е. интерпозицией будет считаться любая придаточная часть, стоящая внутри главной [Санатриева 1983: 111]. Так понимают интерпозицию авторы «Грамматики русского языка» [1960: 290-291, 312], Т.Д. Учитель [1981: 13], Л.С. Пастухова [1982: 86].

В **узком понимании** интерпозиция связана с категориями водности и присоединения [Санатриева 1983: 111-112]. Л.Ю. Максимов отмечает, что «интерпозитивные части всегда соединяются с главным по правилам, свойственным данному типу, и сохраняют свое категориальное значение. Поэтому

значение вводности, которое может проявляться с различной силой, имеет обычно добавочный, сопровождающий характер и прямо связано с интерпозицией придаточной части» [Максимов 1968: 98]. При расчленении составного союза на соотносительное слово и простой союз никакого оттенка вводности, вставочности не возникает.

В нашей работе мы будем придерживаться узкого понимания интерпозиции. К **интерпозитивным** будем относить конструкции, которые не только имеют оттенок вводности и являются добавочным сообщением по отношению к главному, но и характеризуются некоторыми особенностями расположения внутри главного предложения: располагаются 1) между главными членами предложения; 2) между частями сказуемого; 3) между второстепенным членом и каким-либо главным.

Придерживаясь структурно-семантического подхода к определению позиции частей сложного предложения, мы, вслед за Л.Ю. Максимовым, не считаем интерпозитивными такие предложения, в которых придаточное, хотя формально находится внутри главного, но относится к предикату или полупредикату главного предложения.

Иногда авторы, чтобы подчеркнуть наличие оттенка, свойственного вставной конструкции, заключают интерпозитивные придаточные в скобки или выделяют знаком тире. Например: *Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что данное постановление –* ***поскольку*** *оно принято Правительством Российской Федерации – сохраняет силу и подлежит применению судами* (ВКС. – 2004. – № 6. – С. 39).

Интерпозиция придаточной части, по мнению В.А. Белошапковой, возможна только в разговорной речи, но и там является довольно редким явлением [Грамматика 1970: 713]. Незначительное количество СПП с интерпозитивными придаточными причины в анализируемом материале не позволяет нам аргументированно оспорить мнение В.А. Белошапковой или согласиться с ним.

Порядок частей причинных предложений связан также с актуальным членением сложноподчиненного предложения. Разработка этой проблемы начинается только во второй половине XX века, поэтому здесь много неясного и противоречивого. Например, Т.В. Елфимова при выделении темы и ремы совсем отказывается от основополагающих понятий актуального членения – данное и новое, а строит анализ только на принципе актуальности, большей или меньшей степени насыщенности коммуникативно важной информацией частей сложного предложения. Однако само определение актуальности информации она сводит к структурной и интонационной незавершенности темы и завершенности ремы. Критерии же этой незавершенности и завершенности зыбки и неопределенны [Елфимова 1978: 10-23].

Р.П. Санатриева считает, что порядок частей СПП обусловлен не только семантикой предложения, но и его структурой [Санатриева 1974: 19].

Важнейшим элементом структуры рассматриваемых нами конструкций является причинный союз. Закрепленность придаточного в определенной позиции или его подвижность в составе сложного предложения определяется прежде всего характером союза.

Роль причинных союзов в расположении частей СПП причинного типа

В анализируемом языковом материале придаточные причины присоединяются к главному при помощи 15 средств связи**: поскольку…(то), так как …(то): в связи с тем**$_{(,)}$ **что; потому**$_{(,)}$ **что; ибо; тем более**$_{(,)}$ **что; по тем основаниям, что; на том основании, что; за то, что; ввиду того**$_{(,)}$ **что; по тем мотивам, что; из-за того**$_{(,)}$ **что; в силу того**$_{(,)}$ **что; по той причине, что; вследствие того**$_{(,)}$ **что.** (Знак $_{(,)}$ обозначает, что средство связи может употребляться не только в расчлененном, но и в нерасчлененном виде).

Результаты количественного анализа представлены в виде таблицы.

Придаточные предложения с союзами **ибо**, **тем более**$_{(,)}$ **что** не могут находиться в препозиции. Наши данные соответствуют наблюдениям М.В. Ляпон [Грамматика-80: 577-578, 583].

В отношении позиционных возможностей союза **потому что** существуют разные мнения.

Л.Ю. Максимов [Крючков, Максимов 1977: 112], Н.С. Валгина [Валгина 1978: 321] отмечают, что придаточные с **потому что** не употребляются в препозиции.

В.А. Белошапкова утверждает, что союз **потому что** в препозитивных предложениях встречается редко [Грамматика 1970: 713].

Анализ собранного языкового материала подтверждает правильность вывода В.А. Белошап-ковой, так как из 54 примеров с **потому**$_{(,)}$ **что** только один (0,05%) находится в препозиции: *Именно* ***потому, что*** *в таком толковании она не имела фискального характера налогов и сборов и признаков, присущих налоговому регулированию, на эту плату не могли распространяться требования ст. 57 Конституции Российской Федерации* (ВКС. – 2004. – № 6. – С. 44).

С союзами **так как** и **поскольку** придаточная часть по отношению к главной располагается свободно.

Таблица

Порядок расположения частей СПП

Средства связи	Позиция придаточного						Кол-во употр.	%%
	пре-	%%	интер-	%%	пост-	%%		
поскольку..(то)	439	21,95	12	0,6	931	4,46,55	1382	69,1
так как ..(то)	10	0,5			344	17,2	354	17,7
в связи с тем$_{(,)}$ что	35	1,75			61	3,05	96	4,8
потому$_{(,)}$ что	1	0,05			53	2,65	54	2,7
ибо					24	1,2	24	1,2
тем более$_{(,)}$ что					22	1,1	22	1,1
по тем основаниям, что					17	0,85	17	0,85
на том основании, что					14	0,7	14	0,7
за то, что					11	0,55	11	0,55
ввиду того$_{(,)}$ что	3	0,15			8	0,4	11	0,55
по тем мотивам, что					7	0,35	7	0,35
из-за того$_{(,)}$ что					3	0,15	3	0,15
в силу того$_{(,)}$ что	1	0,05			1	0,05	2	0,1
по той причине, что					2	0,1	2	0,1
вследствие того$_{(,)}$ что					1	0,05	1	0,05
ВСЕГО	489	24,45	12	0,6	1499	74,95	2000	100,0

В.А. Белошапкова отмечает, что для союза **так как** более типично употребление в предложениях с препозитивной придаточной частью [Грамматика 1970: 713]. Наши данные не подтверждают этой мысли. Из 354 примеров с **так как** в нашей выборке только 10 (0,5%) придаточных находятся в препозиции. Например:*1)* ***Так как*** *наследник вступает во все юридические отношения, он отвечает за долги наследодателя* (БМЮ. – 2000. – № 12, – С. 18*). 2)* ***Так как*** *в течение двадцати дней материалы не поступили, 30 ноября 1993 г. вновь была передана телефонограмма* (БВС. – 1995. – № 2. – С. 15).

Н.С. Валгина замечает, что если придаточное с союзом **так как** находится в препозиции, то в главном обычно есть слово **то**, скрепляющее части сложного предложения [Валгина 1978: 344-345]. Это утверждение нуждается в уточнении. В нашей выборке из 10 конструкций с препозитивным придаточным двойной союз **так как … то** отмечен лишь в двух случаях. Например: *1)* ***Так как*** *в соответствии со ст. 220 и 220*[2] *УПК судьей проводилась судебная проверка законности и обоснования ареста,* ***то*** *следует разъяснить права и обязанности, предусмотренные ст. 460 УПК* (БВС. – 1993. – № 9. – С. 10); *2)* ***Так как*** *Р. и И., по мнению коллегии, завладели только деньгами в сумме 70 руб., и при их извлечении из телефонов-автоматов повредили последние,* ***то*** *в их действии усматривается мелкое хищение государственного имущества и умысел уничтожения государственного имущества* (БВС. – 1993. – № 14. – С. 16).

О.А. Лаптева считает, что редакторы упрощают сложные союзы: устраняется соотносительная с союзами **поскольку**, **так как** местоименная часть **то,** поскольку редакторы считают ее структурно избыточной [Лаптева 1966: 197]. Однако дело не только в редакторах. По наблюдениям Л.Д. Беднарской, удаление скрепы **то** – закономерный процесс постепенного освобождения языка художественной прозы от вторых компонентов двойных союзов в составе СПП не только причинного, но и других типов [Беднарская 1980: 88-96].

В анализируемом материале отмечаем значительное сокращение употребления второй части **то** двойных причинных союзов **так как … (то), поскольку … (то).**

Анализ количественных результатов позволяет отметить особенности расположения частей СПП причинного типа, связанные как с позицией придаточного, так и с употреблением отдельных союзов.

В анализируемом материале преобладает постпозиция придаточных: 75% всех употреблений (1499 примеров из 2000).Поскольку основное содержание конструкции обычно выражается в главном предложении, то для текстов официально-делового стиля актуальной является мысль М.П. Сенкевич: «Поскольку в сложноподчиненном предложении основная мысль обычно содержится в главной части, в научной речи главное предложение чаще предшествует придаточному, выступая в качестве логического центра и исходного пункта всего высказывания» (Сенкевич 1984:174).

Незначительно количество придаточных причины в интерпозиции (0,6 % всех употреблений).

Препозитивные придаточные составляют 24,4 % всех употреблений (489 конструкций из 2000). В

нашей выборке шесть союзов присоединяют препозитивные придаточные предложения: **поскольку… (то), так как … (то); в связи с тем(,) что; потому(,) что; ввиду того(,) что; в силу того(,) что.**

Среди препозитивных конструкций по одному примеру с союзами **в силу того, что**; **потому; что**,; три примера с союзом **ввиду того, что**.

Препозитивные конструкции с союзом **в связи с тем(,) что** составляют 1,75% всех употреблений (35 конструкций из 96).

Р.П. Рогожникова отмечает, что в первые десятилетия XX века расширяется сфера употребления конструкций с союзом **поскольку**: эти конструкции употребляются не только в деловой, но и публицистической речи; они утрачивают многозначность, причинное значение становится в них преобладающим [Рогожникова 1966: 69].

В конструкциях с союзом **поскольку** придаточное по отношению к главному может занимать любую позицию: препозицию, интерпозицию, постпозицию. Например: *1)…**поскольку** все указанные выше недостоверные сведения имели место…, нарушения в составлении документов имеют неустранимый характер* (БМЮ. – 2000. – № 1. – С. 23); *2) В данном же случае, **поскольку** М. совершено убийство, суд первой инстанции при вынесении решения обоснованно пришел к выводу, что М. представляет особую опасность* (БВС. – 1993. – № 6. – С. 6); *3)Суд обоснованно эти показания признал достоверными, **поскольку** они подтверждены другими доказательствами* (БВС. – 2000. – № 5. – С. 6).

По наблюдениям Р.П. Рогожниковой, количество предложений с союзом **поскольку** и препозицией придаточного в художественной прозе XX века возрастает [Рогожникова 1966: 71].

В текстах официально-делового стиля конца XX ека, по нашим наблюдениям, препозитивные придаточные с союзом **поскольку…(то)** составляют 22 % всех употреблений (439 конструкций из 1382).

Анализируемый языковой материал из текстов официально-делового стиля конца XX века показывает, что постпозиция придаточного причины является господствующей.

Это можно, вероятно, объяснить тем, что новая, актуальная, более важная в коммуникативном плане информация содержится в придаточной части, выражающей причину, а не в главной, содержащей следствие, вывод. Главное предложение заключает в себе данное, то, что известно и менее значимо, т.е. тему. Ученые, занимающиеся изучением актуального членения предложения, утверждают, что коммуникативно более весомая часть предложения, рема, занимает, как правило, второе место, а тема предшествует ей.

Как мы уже отмечали, интерпозитивные придаточные причины имеют дополнительный оттенок вводности, вставочности, а значит, не могут активно использоваться в официально-деловых текстах, которые характеризуются точностью формулировок, необходимостью абсолютной адекватности их понимания (толкования). Этим объясняется малая продуктивность интерпозитивных придаточных причины.

Мы понимаем, что глубоко прав М.И. Стеблин-Каменский, когда говорит, что «всякое причинное объяснение языкового изменения может быть только приближением к истине» [Стеблин-Каменский 1961: 123], но надеемся, что изучение всех особенностей функционирования отдельных типов сложноподчиненного предложения позволит убедительно объяснить изменения, которые происходят в синтаксическом строе русского языка.

Библиографический список

1. *Беднарская Л.Д.* Изменения в употреблении двойных условных союзов за период от А.С. Пушкина до наших дней. // Русский синтаксис. Воронеж, 1980. С. 88-96.
2. *Бельчиков Ю.А*. Официально-деловой стиль. // Стилистика и литературное редактирование. М.: Гардарики. 2004. С. 82-98.
3. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1978.
4. Грамматика русского языка. Т. П. Синтаксис. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Грамматика-60.
5. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] – М., 1970. – Грамматика-70.
6. *Елфимова Т.В*. Об одном коммуникативном типе причинных сложноподчиненных предложений. // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978. С. 10-23.
7. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю*. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение,1977.
8. *Лаптева О.А*. Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966. С.53-60.
9. *Логинова К.А*. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху. // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 186-230.
10. *Максимов Л.Ю*. О порядке частей в сложноподчиненном предложении. // РЯШ. 1968. № 1. С. 94-102.

11. *Пастухова Л.С.* Некоторые структурно-семантические особенности сложноподчиненного предложения /явление интерпозиции/ // Проблемы лексической и категориальной семантики. Симферополь, 1982. С. 84-90.

12. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.

13. *Рогожникова Р.П.* Активизация в современном русском языке подчинительных конструкций с союзами ***раз*** и ***поскольку*** [Текст] /Р.П Рогожникова // Развитие синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 61-73.

14. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980. Грамматика-80.

15. *Санатриева Р.П.* Порядок частей сложного предложения в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1974.

16. *Санатриева Р.П.* К вопросу об интерпозиции придаточной части. // Сложные элементарные и полипредикативные предложения. Калинин, 1983. С.111-119.

17. Современный русский язык.: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения» М.: Просвещение,1986.

18. *Стеблин-Каменский М.И.* Доступны ли изучению причинные связи в истории языка. // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 2. 1961. № 8. С. 121-124.

19. *Учитель Т.Д.* Порядок частей, структурно-семантические типы и количественный объем сложноподчиненных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук.. Л., 1981.

20. *Формановская Н.И.* Стилистика сложного предложения. М.: Русский язык, 1978.

21. *Шварцкопф Б.С.* Официально-деловой стиль.// Русский язык. Энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия», 1979, С. 186-187.

M.V. TELJAKOVSKAYA

THE ROLE OF THE ORDER OF PARS IN COMPOUND SENTENCES WITH TWO SUBORDINATE CLAUSES IN THE TEXTS OF OFFICIAL BUSINESS STYLE OF LATE 20TH CENTURY

In the article is analysed the role of the order of pars in compound sentences with two subordinate clauses in the texts of official business style of late 20th century. The depending of position of subordinate reason clause relating to main clause on causal conjunction used in a sentence is noted.

Key words: ***compound sentence, subordinate clause, order of parts, pre-position, inter-position, post-position, dismembered conjunction, unfragmented conjunction.***

М.З. УЛАКОВ
доктор филологических наук, профессор, заместитель председателя Кабардино-Балкарского научного центра РАН по научной работе
А.М. МИЗИЕВ
кандидат филологических наук, докторант кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского госуниверситета
Тел. (8662) 42 67 48

О СПОСОБЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, СВЯЗАННОМ С ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЕЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В языкознании укрепилось мнение о том, что субстантивация, адвербиализация, адъективация и подобные им явления представляют самостоятельные способы словообразования. В данной же статье на материале тюркских языков обосновывается мнение, согласно которому они являются лишь одним из вариантов семантического способа словообразования – семантико-морфологическим.

Ключевые слова: ***словообразование, лексикализация, субстантивация, причастие, деепричастие, существительное, прилагательное, наречие, послелог, имя действия.***

Лексикализация как языковое явление было отмечено только в начале XX в. [Розвадовский 1904: 14], а наименование свое она получила еще позднее. Первые работы касались фразеологизации, т.е. преобразования свободных словосочетаний во фразеологизмы, и были связаны с именами И.А. Бодуена де Куртэне, Ш. Балли, М.Розвадовского, А.А. Шахматова, Г. Пауля. Эти ученые отмечали целостность значения устойчивых фразеологических сочетаний, функционирование их в речи в качестве отдельных слов, а в предложении как один его член [Балли 1961: 57; Розвадовский 1904: 14), особенности, сближающие данные единицы со словами. Эти особенности дали основание исследователям назвать лексикализацией процесс превращения свободных словосочетаний в устойчивые.

Понятие «лексикализация» появилось впервые лишь в 60-е годы XX в. в трудах представителей Пражского лингвистического кружка [ТПЛК 1967: 27]. В русистике оно вошло в научный оборот в этот же период и получило распространение в учебниках по введению в языкознание [Будагов 1965: 336; Реформатский 1967: 121-123; Перетрухин 1968: 139,164,166) и в работах по лексикологии и фразеологии [Бабкин 1970; Федоров 1973; Балаж 1972 и др.]. К этому времени значение его расширилось: превращение грамматической формы слова, свободного словосочетания, а также морфемы, не имеющей самостоятельного употребления, в самостоятельное слово или фразеологизм [Ахманова 1966; Лопатин 1990: 258].

Следовательно, сущность явления лексикализации заключается в образовании новых слов. Это особый способ словообразования, при котором возникновение нового слова происходит путем семантического переосмысления грамматической формы слова, без изменения ее внешней формы. Поэтому представляется целесообразным назвать его семантическим способом словообразования. При лексикализации грамматических форм глаголов этот способ словообразования проявляется в двух разновидностях. Первая разновидность связана с лексикализацией залоговых форм глаголов, при которой последние переосмысливаются и превращаются в основную форму: карач.-балк. **айтдыр** «сообщить» (от понуд.**айтдыр**, «заставить рассказать, говорить»), киргиз. **талаш** «оспаривать, тягаться» (от взаимн.-совм. **талаш**«спорить, препираться друг с другом»), узб. **бирилмок** «увлекаться чем» (от страдат. **берилмок** «быть даваемым»). Вторая разновидность этого способа словообразования связана с лексикализацией форм причастия, деепричастия и имени действия глагола, при которой последние переходят в другие части речи:караим. **тувгъан** «родной» (от причастия **тувгъан** «родившийся»), карач.-балк. **окъуучу** (от причастия **окъуучу** «читающий, обучающийся»), киргиз.**аябай**«нещадно; очень» (от деепричастия **аябой**«нещадно; очень»), **бӱлӧӧ** «брусок, оселок» (от формы имени действия **бӱлӧӧ**«точка, точение»), карач.-балк. **таба** «по направлению к кому-чему, в сторону кого-чего – послелог (от формы деепричастия **таба** «находя»), **таланнган!**«боже!» – междометие (от формы причастия **таланнган**«искусанный»).

В русистике и тюркологии высказывалось мнение, согласно которому субстантивация является одним из способов словообразования [Лопатин 1967: 205-265; Кононов 1960: 104; Баскаков 1962;

© М.З. Улаков, А.М. Мизиев

Аймурзаева 1985 и др.]. Если согласиться с ним, то следует признать способами словообразования и адъективацию, адвербиализацию, прономинализацию, вербализацию, а также переходы слова или его грамматической формы в другие части речи. Это, естественно, было бы неверно. При всех случаях переходов неличных форм глагола в существительные, прилагательные, наречия, послелоги, междометия формальных изменений (аффиксации, словосложения) не происходит, происходят семантические изменения. Поэтому все подобные случаи образования слов должны иметь одно название – семантико-морфологический способ словообразования.

В тюркологии нет исследования, посвященного всем или хотя бы основным вопросам лексикализации. Имеются лишь отдельные работы, в которых рассматриваются вопросы субстантивации [Абдурахманов 1950; Аймурзаева 1985]. В них часто окказиональная субстантивация выдается за узуальную, т.е. всякое употребление прилагательного и причастия без определяемого слова оценивается как полный переход их в имя существительное.Например, в таких предложениях, как **Ескиге** жанаӧлшеуиш «Старое определяется новым», Жыгъылгъангурескетоймайды «Побежденный не насытится борьбой», прилагательное **ески** «старый» и причастие **жыгъылгъан** «побежденный» А.А. Аймурзаева считает именами существительными [Аймурзаева 1985: 9, 15]. О субстантивации формы имени действия, которое имеет довольно широкое распространение в тюркских языках, в них ничего не говорится.

В грамматиках тюркских языков нередко наблюдается такая же картина. Например, в ГКБЯ бесспорные причастия **бишген** «вареный», **сыннган** «разбитый», **келир** «будущий» (**келиржыл** «будущий год»), **уялмаз**«бесстыжий» и подобные им приводятся как прилагательные [ГКБЯ 1976: 216-219]. Субстантивированные же причастия, имена действия, формы взаимно-совместного залога типа **окъуучу** «ученик», **сатыучу** «продавец», **окъуу** «учеба», **кичиу** «чесотка», **тюйюш** «драка», **алыш-бериш** «купля-продажа» квалифицируются как отглагольные имена существительные [ГКБЯ 1976: 122]. В ГНЯ нелексикализованные деепричастия **янгылып**«ошибочно», **асыгъып** «второпях», причастия **уьзбестен** «непрерывно», **куьтпестен** «неожиданно» и другие приводятся как наречия [ГНЯ 1973: 196]. Такая же оплошность имеет место в ТГ, где деепричастия **каерып**«настежь», **киерелеп** «на всю силу», **улгэнче** «до упаду», **шартлаганчы** «сверх меры», **гӧрлэп** «дружно», **егылып** «очень сильно» и подобные им даются как наречия [ТГ 1995: 504-505]. Этих форм нет ни в трехтомном ТСТЯ, ни в ТРС, что свидетельствует об их нелексикализованности.

Семантический способ словообразования не нашел правильной интерпретации в грамматиках тюркских языков. В одних из них (ГКБЯ, ГХЯ) он вообще не выделяется, не отграничивается от морфологического. В других (ГКЛЯ), хотя и выделяется, лексико-семантическая и семантико-морфологическая разновидности его не разграничиваются. Например, в киргизском языке омонимы типа **кӯн** «солнце» – **кӯн** «день», **унӱу** «обух» – **уӱгу** грам. «основа (производная), корень» представляют расщепление значений многозначных слов, т.е. лексико-семантическую разновидность семантического способа словообразования. Образования же типа **сунуш** «предложение» (от взаимно-совместной формы **сунуш**), **агартуу** «просвещение» (от формы имени действия **агартуу** «побелка, беление») демонстрируют семантико-морфологическую разновидность этого способа. Составителями грамматики киргизского языка обе они оцениваются как семантический способ словообразования [ГКЛЯ 1980: 121-124]. В-третьих, один и тот же способ словообразования оценивается по-разному (ГНЯ): 1) как морфологический: **енъуьв** «победа» (от формы имени действия **енъуьв**), **кашув** «побег» (от формы имени действия **кашув**), 2) как морфолого- синтаксический: **кайта** «заново, вновь» (от деепричастия **кайта** «возвращаясь»), **ясырмай** «откровенно» (от деепричастия **ясырмай** «не скрывая»), 3) как семантический: **куьрес** «борьба» (от взаимно-совместной формы **куьрес, саклав** «охрана» (от формы имени действия **саклав**), 4) как лексико-семантический: **тозган, эскирге** «старый, ветхий» (от **тозган, эскирген** «обветшавший, устаревший»).

Исключение составляет ТГ, в которой лексико-семантическая разновидность семантического способа словообразования характеризуется правильно: **якут** «якут» – **якут** «яхонт», **ай** «луна» – **ай** «месяц», **озат** «провожать» – **озат** «сновать», **йомгак** «клубок» – **йомгак** «заключение, вывод» [ТГ 1995: 218-219, 347, 487]. Однако другая его разновидность – семантико-морфологическая – интерпретируется неправильно, как конверсия: **язучы** «писатель» (от причастия **язучы** «пишуший»), **буяу** «краска» (от формы имени действия **буяу** «крашение») [Там же: 340-343]. Конверсия - это переход слов (не в грамматической, а в лексической форме) из одной части речи в другую без использования специальных словообразовательных аффиксов: **иги** «хороший» (**иги**адам «хороший человек») – **иги** «хорошо» (**иги** ишлерге «работать хорошо»), **уруш** «ругать»;

воевать» (анга**уруш** «ругать его», къыралла **урушадыла** «государства воюют») – **уруш** (**уруш**тохтады «война закончилась»).

Причиной неразграничения разновидностей семантического способа словообразования, а также неотграничения их от морфологического и морфолого-синтаксического способов в грамматиках тюркских языков является неизученность семантического способа словообразования. В тюркологии нет ни одного специального исследования, посвященного данной проблеме. В некоторых исследованиях по словообразованию тюркских языков наличие лексико-семантического способа упоминается лишь вскользь [Хабичев 1971: 33; 1989: 41-42; Ганиев 1985: 6] и объясняется неверно, а семантико-морфологический способ, широко представленный в тюркских языках лексикализацией грамматических форм слов, особенно глаголов, в них смешивается с конверсией.

Так, М.А.Хабичев считает, что при лексико-семантическом способе словообразования возникают омонимы, каковыми считает он **джер** «земля» – **джер** «седло», **эт** «мясо» – **эт** «родственник», **дженгил** «легкий» – **дженгил** «горячий», **кючлю** «сильный» – **кючлю** «кислый» [Хабичев 1971: 33], **бет** «лицо» – **бет** «совесть», **тил** «язык» – **тил** «донос», **къан** «кровь» – **къан** «месть» [Хабичев 1989: 42]. Однако эти примеры демонстрируют не омонимию, т.е. лексико-семантический способ словообразования, а полисемию. По мнению Ф.А.Ганиева, лексикализация форм имени действия (**белдеру** «объявление» от и.д. **белдеру, ямау** «заплата» от и.д. **ямау**), причастия (**тегуче** «швея» от **тегуче** «шьющий», **туган** «родной» от **туган** «родившийся), деепричастия (**чэнчэп** «ехидно» от деепричастия **чэнчэп**, **чэнчелгэнче** «очень сильно» от деепричастия **чэнчелгэнче**) относится к конверсии [Ганиев 1985: 39, 42, 78-79]. В действительности же она представляет семантико-морфологическую разновидность семантического способа словообразования.

Теоретическая неизученность лексикализации грамматических форм слов в тюркских языках отрицательно сказывается на практике составления общефилологических словарей. В них многие нелексикализованные грамматические формы слов, особенно глаголов, приводятся как самостоятельные лексические единицы. Это создает неправильное представление о словарном составе языка.

Из-за неизученности лексикализации грамматисты, а вслед за ними и лексикографы при решении вопроса лексикализованности и нелексикализованности грамматических форм слов, в том числе и глаголов, ориентируются на возможность их перевода на русский язык отдельным словом. Например, в ГКБЯ бесспорные грамматические формы, т.е. причастия типа **сыннган** «разбитый», **бишген** «вареный», **ёлюр** «смертельный» (**ёлюр ауруу** «смертельная болезнь»), **кьопмаз** «неизлечимый» (**къопмаз ауруу** «неизлечимая болезнь»), квалифицируются именами прилагательными, имена действия вроде **бакъмакълыкъ** «уход», кюрешиу «борьба» – именами существительными, в КБРС такие же формы, а именно причастия **атыучу** «стрелок», **къараучу** «зритель», **суугъан** «остывший», **келлик** «будущий», имена действия **кетиу** «уход», **кёрюу** «зрение», – именами существительными, деепричастия **айланып** «снова, повторно, вторично», **кечикмей** «вовремя», **эслеп** «осторожно, осмотрительно» – наречиями только с точки зрения их перевода на русский язык. На почве самого карачаево-балкарского языка они и сотни подобных им форм являются безусловными парадигмами.

Библиографический список

1. *Абдурахманов Г.А*. Субстантивированные прилагательные в узбекском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Сармаканд, 1950.
2. *Аймурзаева А.А*. Субстантивация имен прилагательных и причастий в современном каракалпакском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ташкент, 1985.
3. *Ахманова О.С*. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
4. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970.
5. *Балаж Я.* Синтагматизация и лексикализация (к теоретическим вопросам лексикологии и лексикографии) // Лексикология и лексикография. М., 1972.
6. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
7. *Будагов Р.А*. Введение в науку о языке. М., 1965.
8. *Ганиев Ф.А.* Конверсия в татарском языке. Казань, 1985.
9. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1976 (ГКБЯ).
10. Грамматика киргизского литературного языка. Фонетика и морфология (на кирг.яз.). Фрунзе, 1980 (ГКЛЯ).
11. Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973 (ГНЯ).
12. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.- Л., 1960.

13. *Лопатин В.В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
14. *Лопатин В.В.* Лексикализация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
15. *Перетрухин В.Н.* Введение в языкознание. Белгород, 1969.
16. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1967.
17. *Розвадовский Я.* Словообразование и значение слова (на немец.яз.). Хейдельберг, 1904.
18. Татарская грамматика. Т.1. Казань, 1995.
19. Труды Пражского лингвистического кружка М., 1964 (ТПЛК).
20. *Федоров А. И.* Развитие русской фразеологии в конце XVIII - началеXIX в. Новосибирск, 1973.
21. *Хабичев М.А.* Карачаево-балкарское именное словоизменение. Черкесск, 1973.
22. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М., 1989.

M.Z.ULAKOV, A.M. MIZIYEV

ON THE WORD-FORMATION METHOD CONNECTED WITH THE LEXICALIZATION OF GRAMMATICAL VERB FORMS IN TURKIC LANGUAGES

There is an opinion in linguistics that substantivization, adverbialization, adjectivization are independent ways of word-formation. This article bases opinion according to which these ways are one of the variants of the semantic method of word-formation – semantic-morphological.

Key words: ***word-formation, lexicalization,substantivization, participle, adverbial participle, noun, adjective, adverb, postposition.***

С.В. ФЕДОТОВА
кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: lucia-th@yandex.ru
Тел. 8 910 753 47 86

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И КЛАССИЦИЗМ

В статье рассматривается вопрос об отношении теоретика символизма Вячеслава Иванова (1866-1949) к классицизму. Анализируется ряд высказываний поэта о классицизме и классиках. В центре внимания статьи – неизвестный диалог Иванова «Рассуждение о сущности искусства (в форме диалога Z и A)», публикуемый впервые. В нем представлены отчетливая апология классицизма и критика романтизма. Анализ содержания этого архивного материала подтверждает неоклассицистскую направленность творчества Вяч. Иванова.

Ключевые слова: ***классицизм, романтизм, символизм, Вяч. Иванов, диалог.***

Вячеслав Иванов (1866-1949) – один из столпов русского символизма и теоретик его религиозно-философской идеологии. Он, как и А. Белый, автор статьи «Символизм как миросозерцание», подходил к символизму с позиции скорее художественно-антропологической и философско-религиозной, чем эстетически-формалистической. Это позволяло обоим художникам-теоретикам довольно свободно переосмысливать сложившиеся типологии и классификации, находя подлинный символизм у представителей самых различных направлений.

Так, Вяч. Иванов в своей нашумевшей статье «Две стихии в современном символизме» (1908) утверждал существование *реалистического* и *идеалистического* типов символизма, принадлежность к которым определятся *имманентным творчеству художника миросозерцанием* [6, с. 539]. Находя оба типа и в античности, и в средние века, и в новое время, Иванов как будто намеренно разрушал привычный схематический подход к истории поэзии, выдвигая вместо него свой критерий различения: художники-реалисты, в его интерпретации, сохраняют *принцип верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем;* художники-идеалисты утверждают т*ворческую свободу в комбинации элементов, данных в опыте художнического наблюдения и ясновидения, и правило верности не вещам, а постулатам личного эстетического мировосприятия, – красоте как отвлеченному началу* (Там же). Иначе говоря, реалисты верят в *реальность воплощаемого,* идеалисты нет, поэтому первые стоят на *ознаменовательном* начале творчества, а вторые – на *преобразовательном*.

С этой внешне убедительной, но построенной на парадоксальной перестановке действующих сил на литературной карте европейской культуры, можно спорить. И первым воспротивился ивановской классификации А. Белый. В ответной статье «Realiora» среди прочих выпадов, оспаривающих оригинальность эстетических идей Вяч. Иванова, Белый указывает на конъюктурность его платформы, выдвигаемой «против таинственных символистов-иллюзионистов (для приличия названных идеалистами); всякий, следивший за полемикой последних лет в лагере символистов, без труда подставит имена этих иллюзионистов». Обвиняя оппонента в ненаучности подхода, Белый говорит, что «Иванов специально измышляет какой-то символический идеализм, который определяет совсем бессвязно <...>, или знаками минус, отнимая у него последовательно и романтиков, и Данте, и Гете, и даже добрую половину Бодлэра» [4, с. 804-805].

Действительно, по Иванову, все любимые им художники оказались с ним в одном лагере *реалистического символизма*, все подразумеваемые противники вместе с теми эпохами культуры, когда ослабевал религиозный пафос, относятся к *символизму идеалистическому* как отвлеченному началу. Иными словами, Иванов экстраполировал соловьевскую критику отвлеченных начал, нацеленную против новоевропейской философии [10], на всю историю культуры.

В современном символизме, таким образом, поэт выделял две стихии: «с одной стороны, канон Возрождения и классицизма, новый Парнасс, древняя античная преемственность и глубокое, но самодовольное сознание поры упадка и одряхления благородной генеалогии этой преемственности, чисто латинское самоопределение новейшего искусства, как искусства поздних потомков и царственных эпигонов, и чисто-александрийское представление о красоте увядания, о роскошной, утонченной пре-

© С.В. Федотова

лести цветущего тления; с другой стороны, ушедшие под землю ключи средневековой мистики и прислушивание к их глубокому рокоту, предчувствие нового откровения явной тайны о внутренней жизни мира и смысле ее, реализм, романтизм и прерафаэлитское братство» (II, 551-552).

Любопытно, что различение Ивановым двух стихий в символизме, очевидно, восходит к теории Ш. Морраса, на которого он вскользь ссылается в поздней статье «Символизм» (1936). Именно из нее, в частности, вытекает преемственность типологии Иванова по отношению к дихотомии Морраса, учившего о противопоставлении «вечного» и «декоративного» символизма. Аналогия практически полная, т. к. «вечный символизм», по Моррасу, строится на религиозной символике и мироощущении (у Иванова это *реалистический символизм*); а «декоративный» тип соответствует «субъективистическому, по нашему наименованию», (II, 665) – как подчеркнул сам поэт тогда, когда бои за символизм уже отгремели и можно было без опаски приподнять забрало, чтобы указать источник нашумевшей теории.

Гипотетическое влияние Морраса на становление символистских теорий Иванова требует еще дополнительного исследования. Тем не менее даже в предварительном и беглом сопоставлении обращают на себя внимание определенные параллели между причудливыми зигзагами в творчестве обоих поэтов-теоретиков. Так, Моррас видел в классицизме XVII в. этическую и эстетическую норму искусства, позитивно противопоставляемую критикуемому романтизму (в произведениях «Дорога в рай» (1894), «Антинеа» (1901), «Венецианские любовники» (1902), «Будущее разума» (1905) и др. Интересно, что в поэзии 1890-х гг. Моррас как создатель «романской школы» противопоставлял себя символизму, по существу принадлежа к декадентско-символистскому направлению (сборники «Ради Психеи», 1911; «Надписи», 1921).

Не так ли и Иванов, выступающий против определенных направлений в искусстве, неожиданно оказывается сам к ним привязанным – симпатиями, образностью, поэтическим языком? Если мы остановимся на его отношении к классицизму и романтизму, то параллель с опытом Морраса может бросаться в глаза.

В контексте ивановской статьи «Две стихии в современном символизме» классицизм и романтизм, естественно, попали в разные лагери. Поскольку весь позитивный пафос Иванова сосредоточился на стихии *реалистического символизма*, к которому он относил и себя, понятно, что классицизм с неизбежной логикой должен был бы оцениваться поэтом негативно, а романтизм всячески приветствоваться. Однако, это вопрос не такой простой.

Начнем с того, что Иванов начинал свою поэтическую деятельность не как символист (в смысле принадлежности к конкретному течению русского модернизма). Как замечает авторитетный исследователь, самоидентификация Иванова как символиста последует «только тогда, когда он сам может определить значение этого понятия. А это происходит только после того, как «Кормчие звезды» уже напечатаны. Даже в его первых статьях в «Весах», органе русского символизма, слово «символизм» далеко не центральное» [5, с. 8].

Заканчивается его творчество также за рамками символисткой школы, которая, по его же диагнозу, данному в итоговой статье 1936 года «Символизм» для итальянского Энциклопедического Словаря *Трекани* (Enciclopedia Italiana. Istituto Giovanni Treccani), уже «несомненно умерла» (II, 667).

Кем же был Иванов вне символистского периода? Тут уместно вспомнить о том, что его называли *Державиным и Тредиаковским наших дней* даже в самую зрелую пору русского символизма. Известный критик А.А. Измайлов, относя поэта к неоархаизму и неоклассицизму современной поэзии, писал в рецензии на «Cor Ardens»: «Державин, Ломоносов по-прежнему воскрешаются Ивановым. Стих его иногда – живая музыка. <...> Иногда это всего только воскресший Тредиаковский» [8, с. 2]. Чуть позже критик напишет о поэте как об «опоздавшем на целый век» и ядовито скажет об ивановском «косноязычии, вызывающем в памяти даже не Тредьяковского, а злополучного пииту Кюхельбекера» [9, с. 44].

Наравне с признанием неоклассицистского уклона в творчестве ведущего теоретика и поэта-символиста, бытовало устойчивое мнение о неоромантизме русского символизма, канонизированное замечательной работой В. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914). Автор ее справедливо указывал на колоссальное влияние, оказанное романтизмом на русскую культуру XIX и начала XX вв. в целом и на русский символизм в частности. Преемственность романтизма и символизма прослеживается здесь прежде всего по линии мистических и религиозных исканий в художественном творчестве [7, с. 198]. Антирациональность, мистическая устремленность, тяга к *духовному приключенчеству* (по словам Гегеля), универсализм – черты, которые несомненно сближают немецкий романтизм и русский символизм.

Таким образом, в лице Вяч. Иванова символизм предстает этаким *классицистско-романтическим кентавром*. Парадоксальность этой двойствен-

ности усугубляется тем, что, несмотря на общепризнанную неоромантичность символизма, Вяч. Иванов в течение своего долгого творческого века неоднократно предпринимал попытки отмежевания прежде всего от романтизма. Чрезвычайно интересным представляется позиция поэта в разговоре с молодым бакинским учеником, автором «Разговоров с Вячеславом Ивановым», ориентированных на Эккермановы «Разговоры с Гёте». 12 января 1921 года М. Альтман записывает:

> Вчера говорили о реализме и романтизме. <...> Мое мнение, что ложноклассицизм в романтизме имел (и имеет) не свою противоположность, а свое продолжение. Остылое блюдо ложноклассицизма было вновь подогрето «пылкостью» романтизма, но сущность оставалась все та же. Романтики – те же ложноклассики, отсюда и тяготение их к классицизму («баллады» Жуковского, перевод Гомера). Манилов – вот образ романтика (конечно, пародия), и, движимый тем же чувством воли к классическому, называет он детей своих Алкид и Фемистоклюс. Шиллер переводит греческие баллады, Манилов·–дает античные имена детям, но это два проявления одной сущности.
> – Ну, а я романтик? – спросил В. меня.
> – Вы по форме классик, по содержанию – романтик.
> – Значит, Манилов?
> – Я замялся.
> – Нет, – продолжал он, – периодами только я был романтик. Когда же писал «Кормчие звезды» и теперь я не романтик» [3, с. 19-20].

Значимым выглядит и завершение этой беседы, которую Иванов переводит в богословский дискурс. Вспоминая «Столп и утверждение Истины» о. П. Флоренского, он экстраполирует Никейский спор о единосущии и подобосущии Христа на вопрос о реализме и романтизме:

> … не нужно ли и «романтическую» проблему отмыкать этим ключом? Бог – ens realissimum – единосущный, первый же романтик – Змий, утверждающий подобосущие, только подобие, а не единство. Будем *как* боги – не богами. И соблазненный Адам – первый романтик (его тоска о «потерянном рае», его «любовь и вражда» к Еве – все это плоды, упавшие с древа познания романтического, а не реалистического воплощения). Христос – единосущный, иначе он был бы романтиком <...> но он как Отец – ens realissimum. Христос – реалист. Христос – реален [3, с. 20-21].

Для Иванова это высказывание не случайно. Проблема истинного и ложного бытия была богословско-поэтически решена им в мелопее «Человек» (1915-1919), где, вслед за любимым Достоевским, он *столкнул на поле битвы человеческого сердца* спасающий путь Христа, дарующего человеку реальность бытия, и соблазнительный, но бесплодный путь Люцифера, уводящий в миражи и иллюзии уединенного сознания:

Не первою ль из всех моих личин
Был Люцифер? Не я ль в нем не поверил,
Что жив Отец, – сказав: «аз есмь един»? (III, 204).

Но, строго говоря, даже после таких доводов нельзя назвать отношение Вяч. Иванова к романтизму однозначно отрицательным. Несколько каламбурно выражаясь, можно сказать, что он отрицал романтизм, но обожал романтиков: Байрона, Новалиса, Тютчева, Соловьева, Достоевского...

Что же касается классицизма, то, как кажется, Иванов всячески старался обходить этот вопрос стороной в своих публичных выступлениях и статьях или же высказываться так аккуратно, чтобы можно было читать и так и этак. Например, он пишет в статье «О веселом ремесле и умном веселии» (1907): «Классицизм как тип школы и как норма эстетическая, не прививается у нас; но никогда, быть может, мы не прислушивались с такою жадностью к отголоскам эллинского миропостижения и мировосприятия» (III, 71). С одной стороны, тут констатация чуждости классицизма для русской культуры в силу его рационализма, с другой же – несомненное признание его за ориентацию на античную классику.

Более того, через несколько строк Иванов пишет о том, что «в XV и XVI веках, по древностям позднего Рима учились варвары не тому, что позднеримское, но античности вообще, какому-то отвлеченному и никогда не существовавшему в действительности греко-римскому классицизму» (III, 72). Тем самым он вроде бы разводит античную классику и классицизм, отдавая несомненное предпочтение *божественной эллинской речи* и заблаговременно отводя от себя обвинения в неоклассицизме.

Однако это предположение тут же рассыпается на наших глазах, как только мы вспоминаем еще один показательный разговор Иванова и Альтмана, который часто цитируется исследователями в первой его части, где поэт объясняет свою любовь к слову «слава»:

> Слава «не есть нечто слышимое, некая молва, слух и разговор. Нет, слава для меня – нечто зримое, некий ореол (aureola), некий нимб лучей вокруг головы, некий свет («Праведник уходит, свет его остается»). Я все вещи вижу в славе. И по-моему, Поэт и есть тот, кто славословит (не Творцу только, а всем вещам) [3, с. 52-53].

Но для нас вся соль заключается в продолжении беседы, принимающей очень важный оборот. Альтман оценивает эту любовь к славе как «начало ложноклассицизма» Иванова. Но поэт возражает – подчеркнем, не против классицизма вообще, а против отнесения себя к *ложноклассицизму*:

> Почему ложного? Истинного; вспомните, Гомер говорит о себе, что он воспевает славу мужей. Вот это и есть задача истинного классика. Ложноклассики же, воспевавшие Фелицу, были ложноклассиками именно потому, что они не понимали истинной славы, то есть онтологической сущности вещей [3, с. 53].

Таким образом, в 1921 году поэт прямо относит себя к классицистам, понимая, правда, под этим словом совсем не то, что обычно подразумевают. Приходится признать, что вопрос о классицизме Вяч. Иванова так же сложен и неоднозначен, как вопрос о его романтизме, его барокко или его символизме. Не случайно С. Аверинцев назвал ивановскую поэзию не только «поэзией «символизма» <...>, но также поэзией действительно символической», охарактеризовав при этом ее как «упрямую, неприрученную» [1, с. 165-166], противостоящую все штампам, схемам и классификациям.

В контексте нашей темы представляет огромный интерес один черновой набросок, хранящийся в РГБ, который, насколько нам известно, никогда не был опубликован. Его архивное название «Рассуждение о сущности искусства (в форме диалога Z и A)» (РГБ. Ф. 109. К. 4. Ед. хр. 56. Л. 1-2). Этот материал не датирован, написан на сдвоенных листах большого формата, черными чернилами, которые иногда превращают быстрый ивановский почерк в абсолютно не читаемые строки, со слившимися буквами, многократными зачеркиваниями и кляксами. Тем не менее мы решаемся его опубликовать, чтобы ввести в научный оборот материал, важный не только для ивановедов, но и для для всех историков и теоретиков литературы.

Отметим, что жанр этого фрагмента развивает древние традиции сократического диалога, к которому на протяжении европейской культуры обращались представители самых разных направлений, в том числе и классицисты, и романтики. Его подробное комментирование впереди. Сейчас же ограничимся публикацией материала.

<Вяч. Иванов>
<Рассуждение о сущности искусства (в форме диалога Z и A)>

Z. Так рано, молодой друг мой, вы объявили себя убежденным классиком, что ныне, после нескольких лет разлуки, позволительно спросить вас, какому из романтизмов вы платите дань.

A. Недоверчивый друг и лукавый мой испытатель, вы не верите, чтобы в наши дни возможно было подлинно классическое умонастроение, и мой классический пафос в глубине души принимаете за романтизм чистой воды. Чтобы легче убедить вас, по крайней мере, в неизменности моих взглядов, отважьтесь заметить, что классицизму так же естественно господствовать, как романтизму быть данником. Для первого господство – самопожертвование, составляющее его природу; для второго подчинение – радость. Романтическое ищет формы тайного, которой владеет один классицизм; вместе с формой он несет своему даннику и бытие. У классицизма же и нет ничего, что бы он мог отдавать, кроме господства, которое сообщает бесформенному форму, разделенному связь, томлению по бытию уверенность в бытии или, по меньшей мере, условия его обретения.

Z. Вижу, что вы верны старой присяге. Возраст предрасполагает меня к согласию с вами, прежним. Ваши поколение могло раньше нас придти к выводам, которые стоили нам слишком многих, жизненно трудных и духовно сложных преодолений.

A. Уверяю вас, что я тот же, что и прежде, – если только вы не забыли, что именно разумел я, говоря о классическом пафосе. Наши беседы были, быть, может, слишком случайны, мои определения слишком приблизительны.

Z. Наши беседы вспоминались мне не раз и, чтобы успокоить вас, что вы объяснялись гораздо точнее, чем вам кажется, я берусь напомнить вам ваши собственные мысли. Вы исходили из определений классического искусства, такого, каким ему быть должно по его природе – и утвердив общие (я бы сказал – вселенские) начала, которые делают искусство искусством в полноте его смысла и потому всегда оказываются наличными и действительными в великих произведениях того <лишь> истинного искусства, что именуется искусством классическим, – вы усматривали, что деятельность художника, осуществляющего эти начала в своем творчестве, будучи самою свободною из всех деятельностей, должна служить образцом для всех остальных, мерилом и основой провидческого

отношения человека к миру в <отчетливейшем?>[1] значении этого слова.

A. Совершенно верно.

Z. Излагая основоположения деятельности художественной, вы находили, что искусство, правое, или классическое, прежде всего, являет признак всечеловечности. Истинное искусство, доказывали вы, обращается [не к тем сторонам человека] не к той или другой силе души в отдельности, но ко всему человеку как некоему целостному духовному единству, и не терпит ограничений в этом своем стремлении ко всеохватности и всеобщности. Так, вы порицали искусство, которое возбуждая одно воображение или одну чувствительность, не отвечает запросам [разума] мысли, требующей много разумения, и настаивали на утверждении, что идеологическое в творении художественном есть неотъемлемая и законная часть его, как такового, одно из условий художественного действия.

A. Так, я не переношу [в] поэзии, где музыкальное поглощает собою и изображаемое, и смысловое, не переношу живописи, где удовольствие, проистекаемое от восприятия красочных пятен, должно, по замыслу живописца, быть столь самодовлеющим, что бы я не имел права потребовать от него отчета в том, что собственно картина изображает.

Z. Таково было ваше первое положение. Вы учили даже, что в искусстве правом, т.е. классическом, художник умеет жертвовать частью своей личности, своей гениальности в пользу сверхличного, всеединящего, вселенского. Вы не хотели видеть в произведении искусства приютов духовного уединения и жительства замкнутого келейничества.

A. И здесь вы согласились со мною, и говорили, что, когда художник созреет до этой жертвы собственным уединенным я, собственным внутренним миром и его особенными <радостями?>, тогда впервые <только?> начинается эпоха стиля. [Напомнили] Приводили вы [и слова Гете] мне на память свидетельство Гете: «в ограничении впервые синтез видим».

Z. Наконец, вы указывали на такое внутренне строение произведений классических: иерархическую [со]подчиненность их частей, из коих каждая достигает своей полноты и завершенности, как целое сложное единство, и в то же время [в силу свои], находит это внутреннее завершение своей энтелехии по <цели?> в соотношении с вечным единством, его обеспечивающем; это же в свою очередь свободное совершение самоопределяется в подчинении следующему, высочайшему единству.

<То есть?> каждое будет произведение повторять в материи плерому внешнего целого. С этой точкой зрения, все не-классики представляют<ся> вам анархические, [не терпящие] мятежно восстающие против соборной связи и <возславления?>, утверждающие в мятеже, разделении и междуусоб

1 Здесь и далее в ломанных скобках дается предположительное слово, в квадратных – зачеркнутый автором вариант.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Системность символов в поэзии Вяч. Иванова. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 165-187.
2. *Александров А.С.* Вячеслав Иванов в критической оценке А.А. Измайлова. // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К.Ю, Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. Вып. 1. СПб.: Издательсто Пушкинского Дома, 2010. С. 417-429.
3. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. / Сост. В.А. Дымшиц и К.Ю. Лаппо-Данилевский. СПб., 1995.
4. *Белый А.* Realiora // Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи. / Вячеслав Иванович Иванов. М.:Астрель, 2007. С. 803-806.
5. *Вахтель М.* Дионис или Протей? О ранней переписке Вяч. Иванова с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.// Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894-1903. В 2 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-21.
6. *Иванов В.И.* Две стихии в современном символизме // Иванов В.И. Собр. соч.: В 4 т. Т. II. Брюссель, 1974. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страниц.
7. *Жирмунский В.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. 207 с.
8. *Измайлов А.А.* Новые книги. // Русское слово. 1911. 18 июня. № 139.
9. *Измайлов А.А.* Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913. Цит. по: [2, с. 427].
10. *Соловьев В.С.* Критика отвлеченных начал. // Собр. соч. В.С. Соловьева. В 12 тт. Т. II / Под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Изд. 2-е. СПб: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение» / Фототипическое издание. Брюссель, 1966. С. 3-399.

S.V. FEDOTOVA

VYACHESLAV IVANOV AND CLASSICISM

The article discusses the question which raises the theorist of symbolism Vyacheslav Ivanov (1866-1949) in regard to classicism. A number of poet's statements about the classicism and the classics is analyzed. In the spotlight of article is unknown dialogue of Ivanov "The discourse on the nature of art (in the form of a dialogue Z and A)», published for the first time. It presents a clear apology for classicism and critics of romanticism. A content analysis of archival material confirms the focus of neoclassical trend in creativity of Viach. Ivanov.

Key words: ***classicism, romanticism, symbolism, Vyacheslav Ivanov, dialogue.***

Е.Г. ФРОЛОВА
старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
E-mail: fegt@inbox.ru
Тел. 8 915 488 90 27

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В БОЛЬШОЙ МАНИЛЕ

Статья посвящена рассмотрению одного из аспектов языковой ситуации в Республике Филиппины, где функционируют два государственных языка, а именно английский и филипино. Автор описывает, в каких именно средствах массовой информации и в каком объеме используются данные языки с тем, чтобы оценить языковую ситуацию в стране.

Ключевые слова: ***языковая ситуация, государственный язык, средства массовой информации, английский язык, язык филипино.***

1. О статусе языка филипино

Языковая ситуация на Филиппинах в целом и в Большой Маниле в частности – это весьма сложное понятие. В стране существуют более ста местных языков, традиционно относящихся к западной «подветви» малайско-полинезийской ветви австронезийской семьи языков [1, с.543] и в соответствии с последними исследованиями входящих в филиппинскую группу австронезийской семьи языков [5, с. 325-328]. Кроме того, важную роль в развитии языковой ситуации в стране играли и играют арабский, испанский и английский языки, и правительство страны при этом проводит весьма противоречивую языковую политику.

О языковой ситуации на Филиппинах писали многие российские ученые, например Макаренко В.А., Шкарбан Л.И., Подберезский И.В. Но вне поля зрения этих исследователей остались конкретные сферы применения языка на Филиппинах в конкретных регионах. Филиппинские ученые, конечно, также занимаются языковой ситуацией в своей стране, однако, большее внимание уделяют анализу и разработке языковой политики государства, чем исследованию существующей ситуации. Поэтому рассмотрение отдельной и чрезвычайно показательной сферы применения языков в Большой Маниле (столичном административном округе), а именно сферы средств массовой информации представляется весьма интересным для дальнейшего изучения современной языковой ситуации на Филиппинах.

В регионе Большой Манилы в разных сферах в основном используются два языка: английский и филипино, которые являются официальными языками Республики Филиппины и о которых мы и будем говорить. Но если про английский язык, который используется на Филиппинах, можно более-менее уверенно сказать, что это филиппинский вариант английского языка со своими фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями, то о языке филипино следует поговорить подробнее.

Как известно, тагальский язык впервые приобрел официальный статус по первой Конституции Филиппин 1898 года, затем в Конституции автономных Филиппин 1935 года было записано: «Конгресс должен предпринять шаги, направленные на развитие и усвоение общенационального языка, основанного на одном из существующих местных языков». В декабре 1937 года «национальный язык, основанный на тагальском, был официально провозглашен «общенациональным языком Филиппин», а по Конституции Республики Филиппины 1946 года был объявлен «официальным языком страны наряду с английским и испанским» [2, с. 72-73].

С 1937 года по 1958 он называется национальным языком, в 1959 году его переименовывают в пилипино, и, наконец, в 1987 году – в филипино. Конституция Филиппин 1974 года подтвердила статус пилипино в качестве официального языка. А ныне действующая Конституция Филиппин, принятая 2 февраля 1987 года, в статье 14 в главе «Язык» в разделе 6 провозглашает: «Государственный язык Филиппин – филипино. В процессе своего развития он должен развиваться и обогащаться на основе существующих языков Филиппин и других языков» [6, с. 490-491].

В 1987 и 2001 годах проводится реформа языка филипино: в него добавляются восемь новых букв (которых не было в тагальском языке), что облегчает использование заимствованных слов из других филиппинских и нефилиппинских языков. Кроме того, следует упомянуть, что в языке филипино очень часто встречается филипино-английское переключение кодов.

Языковая ситуация является несбалансирован-

© Е.Г. Фролова

ной, так как ее компоненты распределены по сферам общения и социальным группам.

Основными источниками информации в Большой Маниле в 1994 году, по данным Р. Томпсона, для 67,93% жителей являлось телевидение, для 11,50% – радио [12, с. 84]. Остальные жители города, видимо, узнавали новости в основном из газет. Далее мы рассмотрим эти три основных средства массовой информации.

2. Газеты и журналы

Одной из важнейших сфер использования языка является пресса, которая отражает языковую ситуацию и формирует ее. В настоящее время на Филиппинах не выходит ни одной газеты большого формата на языке филипино, на нем выходят только таблоиды, хотя у них и немаленький тираж.

Для того чтобы определить общую тенденцию в развитии интереса к газетам на английском и филипино, мы проследили количественные изменения в тиражах трех самых популярных изданий на этих языках.

Самыми читаемыми из англоязычных газет в настоящее время являются «Манила Буллетин», «Филиппин Дейли Инквайрер» и «Филиппин Стар», и их общий тираж в 1990 году составил 692,61 тыс. экземпляров [10], в 1997 году – 743 тыс. экземпляров [8], в 2000 году – 748,5 тыс. экземпляров [11].

Наиболее популярная англоязычная газета – это «Филиппин Дейли Инквайрер». По некоторым оценкам, 53% филиппинцев, читающих полноформатные газеты, предпочитают читать именно ее. Она была основана в 1985 году, и ее нынешний тираж составляет 260 тыс. экземпляров. Со дня своего выхода и до настоящего времени газета выступает с критикой в адрес администрации и считается газетой левого толка. Она принадлежит компании “Philippine Daily Inquirer, Inc.” и является независимым изданием.

Вторая по популярности и вторая старейшая англоязычная газета – «Манила Буллетин» – начала выходить в 1900 году (первая старейшая англоязычная газета «Манила Таймс»). Сейчас газета принадлежит филиппинцу китайского происхождения Эмилио Япу и считается проправительственной. Ее материалы отличаются оптимистичным настроем и отсутствием стремления к сенсациям. По некоторым данным, эту газету читают 47% всех филиппинцев, читающих полноформатные газеты.

Третья по популярности «Филиппин Стар» была основана в 1986 году. Это независимое издание, принадлежащее “PhilStar Daily, Inc.” В 2007 году ее читали 42% читателей полноформатных газет [13]

Если же взять три самые популярные филипиноязычные газеты того же периода, а именно «Абанте» («Вперед»), «Балита» («Новости») и «Пилипино Стар Нгайон» («Филиппинская звезда сегодня»), то их общий тираж в эти же годы был соответственно 1291,2 тыс. экземпляров [10], 720 тыс. экземпляров [8] и 817 тыс. экземпляров [11]. Судя по этим данным, можно сказать, что в начале 90-х годов газеты на филипино имели тираж практически в два раза больше, чем на английском языке, в конце 90-х годов тираж англоязычных изданий несколько превысил тираж филипиноязычных изданий, но к 2000-ому году филипиноязычные издания опять вышли вперед. По данным за 2003 год, тираж филипиноязычных изданий вырос в разы, например, тираж «Абанте» составил 500 тыс. экземпляров, «Булгар» («Обычный») – 500 тыс., «Кабаян» («Соотечественник», сейчас не выходит) – 465 тыс., «Пилипино Стар Нгайон» – 500 тыс., “PM” – 435 тыс., «Талиба» («Страж») – 458 тыс., «Темпо» («Время») – 460 тыс. и «Тумпок» («Кипа») – 429 тыс. экземпляров [7], что свидетельствует об активизации процесса распространения языка филипино.

Все таблоиды состоят из шестнадцати полос. Владелец «Абанте» – Monica Publishing Corporation, председатель совета директоров – журналист Амадо П. Макасает. Эта газета выходит с 1988 года. Ее слоган – «Первая в новостях». На первой странице, как и в других таблоидах, помещают броские заголовки и фотографии, на второй – общефилиппинские новости. На третьей – новости Лусона, на четвертой печатаются колонка редактора и комментарии. Пятая страница посвящается статьям на семейные темы, шестая – криминальным новостям. Седьмая, восьмая и девятая отводятся под новости шоу-бизнеса. Десятая страница содержит гороскоп и беседы о домашнем хозяйстве и морали, одиннадцатая – кроссворд, судоку, игры, загадки и т.п., двенадцатая и тринадцатая – рекламу (которая в небольших объемах бывает и на других страницах), четырнадцатая и пятнадцатая – новости спорта, шестнадцатая страница опять посвящена рекламе.

«Балита» выходит с 1972 года. Слоган газеты – «Ведущая газета страны на тагальском», хотя практически используемый в газете язык мало отличается от языка других изданий. Слоган не менялся со дня первого выхода газеты, и этот факт указывает на то, что филиппинцы воспринимали и воспринимают язык филипино все-таки как тагальский. Первая страница газеты – это заголовки и фотографии, а также прогноз погоды. Вторая и третья – общефилиппинские и международные новости, четвертая – происшествия и криминальные новости. Пятая – новости из провинций, шестая,

седьмая – комментарии. Восьмая – одиннадцатая – новости шоу-бизнеса, двенадцатая – гороскоп, кроссворд и главы какой-либо истории с продолжением (обычно очень сентиментального характера, но на довольно чистом тагальском языке), тринадцатая – реклама, четырнадцатая-шестнадцатая – спорт. В газете «Балита» печатаются такие известные журналисты, как Эрик Эспинья (обычно с комментариями на внутриполитические темы), Берт де Гусман, Джонни Даянг и другие. В этой же газете иногда выступают со своими статьями некоторые политические деятели.

«Пилипино Стар Нгайон» – владелец “PhilStar Daily, Inc.”, сестра англоязычной «Филиппин Стар». Слоган газеты – «Приличная газета для интеллигентных масс». На первой странице, как правило, располагаются броские заголовки и картинки. На второй странице – внутренние общефилиппинские новости. Третья страница посвящена новостям столицы, на четвертой печатаются колонка редактора и комментарии журналистов на разные более или менее серьезные темы. Пятая страница – это романы с продолжениями и отрывки из текстов религиозного содержания. Шестая страница – новости из провинций, седьмая, восьмая, девятая, десятая – новости шоу-бизнеса. Одиннадцатая – кроссворды и комиксы, двенадцатая – объявления о свадьбах, днях рождения и т.п., гороскоп, вопросы и ответы на семейные темы. Тринадцатая и четырнадцатая – реклама, пятнадцатая и шестнадцатая – новости спорта.

В целом можно сказать, что в языке комментариев во всех газетах, в романах с продолжениями и статьях на семейные и религиозные темы, как правило, гораздо реже встречаются как отдельные английские слова, так и словосочетания. Язык такого рода материалов гораздо чище, то есть в нем практически нет переключения кодов, фразы построены правильно в отличие от информационных и рекламных материалов.

Если проанализировать соотношение английского и тагальского языков в филипиноязычной прессе, то можно привести следующие данные, полученные в результате небольшого исследования. Нами было просчитано соотношение тагальских и английских (и других иностранных) слов в так называемом новом написании. Выделение слова производилось на основе принципов, разработанных в коллективной монографии Лингвистического семинара Восточного факультета Ленинградского университета «Квантитативная типология языков Азии и Африки» и использованных в сборнике для анализа тагальского языка в статье Рачкова Г.Е. [4, с. 141-152].

Исследование проводилось на материале одного номера газеты «Балита» за 1984 года и одного номера за 2006 год и одного номера газеты «Танод» за 2006 год. В итоге были получены следующие результаты:

Количество слов (тагальских, английских, филипино	Названия газет и даты выхода		
	Балита» 6.06.1984	«Балита» 16.10.2006	«Танод» 16.10.2006
Тагальские знаменательные и служебные слова	1405	1575	924
Слова в «новом» написании	4	14	6
Английские и другие иностранные слова	609	783	495

Анализ значений использованных английских и других иностранных (в основном испанских) слов дает следующие результаты:

Подразделения Слов	Названия газет и даты выхода		
	«Балита» 6.06.1984	«Балита» 16.10.2006	«Танод» 16.10.2006
Имена личные	171	122	64
Полные названия организаций	152	153	110
Сокращенные названия организаций	43	63	43
Названия должностей	41	23	31
Другие отдельные слова	66	38	19

Из данной таблицы видно, что основную массу неадаптированных иностранных слов составляют существительные, что, видимо, объясняется тем фактом, что глаголы в филипино обязательно должны иметь соответствующие аффиксы (в отличие от существительных), поэтому использовать их в неадаптированном виде практически оказывается невозможным.

Целые словосочетания и предложения на английском языке, включенные в текст на филипино, безусловно, являются переключением кодов, а не заимствованием, и поэтому они не подвергались дальнейшему анализу, хотя их объем и представляет интерес.

Количество слов	Названия газет и даты выхода		
	«Балита» 6.06.1984	«Балита» 16.10.2006	«Танод» 16.10.2006
В полностью английских словосочетаниях	136	118	101
В целом английском предложении	–	276	127

В таблице показано, насколько часто использу-

ется английско-филиппинское переключение кодов в газетных текстах.

Из этих данных можно сделать некоторые выводы:

1. Так называемое новое написание заимствованных слов встречается уже в газетах 1984 года, то есть задолго до принятия новых правил орфографии, например: *sambayanang Filipino* ‘филиппинский народ’ («Балита», 06. 06. 1984, с. 2, статья “Nat’l Stability”). В этой же газете встречаются такие слова, как *ma-salvage* ‘спасать’, *nakapagbo-blow-out ‘взрывать’* (статья “Probe…”, с. 2), *napublish* ‘опубликовано’, *na-hijack* ‘захвачен’ (статья “8 Suspects…”, с. 2). Конечно, таких слов встречается гораздо больше в газете «Балита» за 2006 год.

2. Между английскими словами и словосочетаниями сохраняются тагальские служебные слова, например: ***ang*** *hearing* ***ng*** *10 suspect* ‘слушания по делу 10-ти подозреваемых’ («Балита», 06. 06. 1984, с. 1, статья “3 PC, 1 pulis…”), *graduating class* ***ng*** *National Defence College of the Philippines* ‘выпускной класс Колледжа национальной обороны Филиппин’ («Балита», 06. 06. 1984, с. 2, статья “Nat’l Stability”), *aktibong pakikilahok* ***sa*** *economic, political* ***at*** *social development program* ***ng*** *gobyerno* ‘активное участие в правительственных программах экономического, политического и социального развития’ («Балита», 06. 06. 1984, с. 2, статья “Nat’l Stability”), *matapos* ***ang*** *ginawang recomputation* ***ng*** *Professional Regulation Commission (PRC)* ***ng*** *test scores* ‘закончить проведенный Комиссией по профессиональной аттестации пересчет результатов тестирования’ («Балита», 16. 10. 2006, с. 2, статья “CA…”), *leakage* ***sa*** *board exams* ‘утечка информации на выпускных экзаменах’ (там же). Английские служебные слова используются только в полностью англоязычных словосочетаниях и предложениях.

3. Отдельные английские и другие иностранные слова в основном используются в именах личных (что традиционно для филиппинцев еще с периода испанской колонизации) и в том слое лексики, который относится к официальной речи (названия организаций и должностей).

4. Использование полностью английских словосочетаний и предложений в тексте на филипино является переключением кодов.

Таким образом, можно сказать, что две проведенные реформы национального языка фактически просто узаконили положение, которое уже сложилось естественным образом в существующем языке. При этом хотелось бы отметить, что сильному влиянию других языков подверглись области фонетики и лексики, но морфология и синтаксис пока сохраняются почти в неизменном виде.

Кроме газет, в Метро Маниле печатается 39 журналов, из которых только четыре издаются на английском языке. Остальные журналы выходят на филипино [12, с. 89] и других местных языках.

Самым популярным из журналов на филипино является еженедельный журнал «Ливайвай» («Рассвет»), который выходит с 1922 года. В нем печатаются романы с продолжениями, короткие рассказы, стихи, комиксы, комментарии и обзоры событий культурной жизни страны. В свое время в «Ливайвай» печатались такие известные тагалоязычные поэты и писатели, как Хосе Корасон де Хесус, Хулиан Крус Бальмаседа и другие.

Журнал «Ливайвай» был основан Доном Рамоном Росесом, который вслед за «Ливайвай» начал издавать другие еженедельные журналы на филиппинских языках: «Бисая» (на себуанском языке, 1932 г.), «Хилигайнон» (на языке хилигайнон, или илонго, 1934 г.), «Биколано» (на бикольском языке, 1935 г.), «Баннаваг» (на илоканском языке, 1940 г.). В этих журналах печатаются авторы, которые пишут на местных языках, например, популярные авторы любовных романов и коротких рассказов на илонго Рамон Мусонес и Конрадо Норадо, писатели на себуано Северино Ретуя, Марсель Наварра, Гремер Чан Рейес.

С 1965 года «Ливайвай» и другие журналы, основанные Доном Рамоном Росесом, принадлежат “Manila Bulletin Publishing Corporation”.

Среди журналов, издающихся в Маниле, есть несколько религиозных периодических изданий, например, ежемесячный журнал «Гайд (журнал адвентистов)» на английском языке, а также множество различных изданий на филипино, посвященных шоу-бизнесу [13].

3. <u>Телевидение</u>

По данным на 1994 год, 44,93% домохозяйств Филиппин имели телевизор. В Маниле их доля была существенно выше средней – 86,93%, на Висайских островах существенно ниже – 26,87% [12, с. 80].

Телевизионное вещание ведется в основном в равных долях на филипино и английском, на некоторых местных каналах есть передачи на других местных языках. Статистических данных о том, какие языки используются какими каналами и в каких передачах, найти не удалось, и скорее всего их и нет, так как практически во всех программах встречается переключение кодов, то есть переход с одного языка на другой и обратно. Но можно примерно оценить, какие языки являются основными для каждой передачи.

На Филиппинах ведут вещание пять общенациональных каналов. Это ABS-CBN, NBN, ABC-5,

GMA-7, RPN-9.

Канал ABS-CBN – это первый коммерческий телевизионный канал в Азии. Его владельцем является корпорация «ABS-CBN Corporation». Вещание осуществляется с 1953 года. Канал определяет себя как “The Kapamilya Network” («Сеть родственников»), используя тагальское слово ‘*kapamilya*’, которое значит «родственник», «член семьи». Слоган канала – “In the Service of the Filipino Worldwide” («Служим филиппинцам во всем мире»). По некоторым оценкам, канал смотрит 42% аудитории Филиппин. Программа канала очень разнообразна. Он показывает новости, филиппинские мыльные оперы, тайваньские и корейские мыльные оперы в переводе на филипино, ситкомы, развлекательные, образовательные и религиозные программы, развлекательные шоу и реалити-шоу. Вещание ведется на английском и филипино примерно в равных долях.

Канал NBN (National Broadcasting Network) – это государственный телевизионный канал, который принадлежит государственной корпорации “People’s Television Network, Inc.” Ведет вещание на английском и тагальском (сейчас – филипино) с 1974 года. Слоган канала – “People’s Television” («Телевидение для народа»). В основном в программу включены новости, политические ток-шоу, образовательные, спортивные и культурные программы. Канал полностью выражает взгляды и позицию правительства Филиппин.

Другой телевизионный канал, который частично принадлежит правительству (30% акций), – это канал RPN (Radio Philippines Network). Остальные 70% акций принадлежат двум частным корпорациям и отдельным держателям акций. Канал выходит с 1969 года и является в основном развлекательным, программа состоит из сериалов, ток-шоу, детских и юмористических шоу, религиозных программ и небольшого количества новостных передач. Слоган канала – “Young and Loving It” (Будь молод и счастлив). Вещание ведется в большей степени на филипино, чем на английском.

Канал ABC-5 (Associated Broadcasting Company) – частный коммерческий канал, принадлежащий двум коммерческим компаниям и на 30% отдельным частным акционерам. Вещание ведет с 1960 года в основном на филипино и частично на английском. Позиционирует себя как “The Kapatid Network” («Братская сеть»). Слоган канала – “Para Sa ‘Yo Kapatid” («Для тебя, брат»). Программа канала состоит из новостных передач и ток-шоу на политические темы, развлекательных программ, иностранных сериалов, переведенных на филипино, детских программ, мультфильмов, реалити-шоу и спортивных передач.

И пятый общенациональный канал GMA-5 (GMA Network) ведет вещание с 1961 года и позиционирует себя как “The Kapuso Network” («Сеть единых сердцем»). Слоган канала – “Kapuso ng Bawat Pilipino” («Сердцем едины с каждым филиппинцем»). Владельцем канала является GMA Network, Inc. Вещание ведется на филипино и английском. Программа канала содержит новостные передачи, репортажи о текущих событиях в стране, художественные фильмы, различные шоу, мыльные оперы, детские и религиозные передачи. [13]. Хотелось бы отметить, что слово “*kapuso*”, использованное в бренде и слогане канала, является неологизмом, не включенным в словари и, видимо, созданным по аналогии со слоганами других каналов, где используются лексические единицы с префиксом *ka-*, обозначающим социативность.

Исследование этих пяти общенациональных каналов (ABS-CBN, NBN, ABC-5, GMA-7, RPN-9) и трех каналов, которые ведут вещание в основном в Маниле (SBN-21, Studio 23 и MTV Phils), дало следующие результаты:

1) 3 ноября 2006 года (пятница) общее количество часов вещания на английском языке составило 63 часа, а на филипино – 79 часов;

2) 19 ноября 2006 года (воскресенье) распределение языков было следующим: английский – 72 часа и филипино – 72 часа.

Что касается языка программ, то следует отметить, что полностью на английском языке идет канал MTV Phils. с довольно ограниченной аудиторией, в основной молодежной, и большое количество передач на каналах RPN-9 и SBN21, целиком посвященных рекламе разных товаров, которые можно купить, заказав их по телефону. На канале ABC-5 идет много репортажей о спортивных соревнованиях. Они в основном идут на английском языке, хотя и со вставками на тагальском. Этот язык сами филиппинцы называют энгалог (Engalog). Остальные каналы ведут вещание в основном на языке филипино, хотя это не исключает каких-то частей вещания на английском. Даже в ходе филипиноязычной передачи кто-либо из участников может выступить на английском или произнести отдельное слово или целую фразу на английском языке.

Наши данные примерно совпадают с данными Роджера Томпсона, который, ссылаясь на филиппинских исследователей, утверждает, что примерно 60% программ идут на филипино (фильмы и лайв-шоу) и 40% на английском языке (в основном заранее записанные программы из англоязычных стран и лайв-шоу на таглише) [12, с. 81). Хотелось бы отметить, что если не относить передачи на таглише

так однозначно к англоязычным программам, то доля вещания на английском была бы еще ниже.

Вызывают интерес данные небольшого опроса, проведенного Роджером Томпсоном среди филиппинцев – преподавателей английского языка, о том, на каком языке передачи они выбирают.

Он выяснил, что в Большой Маниле 23,6% преподавателей смотрят только англоязычные передачи, 15,04% – только передачи на филипино и 61,36% – на обоих языках. Для сравнения можно привести данные по той же группе опрошенных на Висаях: 13,76% – только на английском языке, 36,50% – только на филипино и 49,74% – на обоих языках [12, с. 82].

Особо хотелось бы отметить большое количество религиозных передач на телевидении, в частности церкви Иглесия ни Кристо. Передачи этой церкви идут полностью на тагальском языке. Хотя передачи католической церкви идут как на английском, так и на тагальском.

В рекламе на телевидении практически в равном объеме используются и филипино, и английский, а в основном таглиш. Хотелось бы привести несколько примеров рекламы и названий постоянных рубрик на телевидении на таглише:

1. My skin is firmer, my pours are smaller and my lines parang nawala ‘Моя кожа более упругая, поры меньше, а морщины как будто исчезли’(Studio 23, 07. 10. 2006, 22:00),

2. Bagsak si Teacher ‘Учитель упал от смеха (букв. рухнул)’ (*Bagsak si Teacher* название рубрики) (Studio 23, 08. 10. 2006, 20:20),

3. Dati hindi nag-sha-shine ang hair ko… Ngayon nag-sha-shine ang bawat hair ko ‘Раньше мои волосы не блестели… Теперь блестит каждый волосок’ (Net 25, 08. 10. 2006, 23:50),

4. Winner ako ‘Я победитель’ (GMA, 22. 10. 2006, 18:10),

5. Buhay ang arts dito ‘Здесь живет искусство’ (букв. Здесь живы музы – реклама Культурного центра Филиппин) (Channel 23, 14. 10. 2006, 22:30),

6. ... nag-aabsorb ng amoy ‘поглощают запах’ (реклама памперсов) (GMA, 14. 10. 2006, 23:05),

7. One product para sa lahat ‘Один продукт для всего’ (реклама крема O’lay) (GMA, 24. 10. 2006, 22:20).

4. Радио

Радио очень популярно на Филиппинах, особенно в отдаленных районах. Радиоприемники на батарейках есть даже там, где нет электричества. В 1994 году радиоприемники имели 81,22% домохозяйств [12, с. 77]. Вещание ведется на английском, филипино и других филиппинских языках. К сожалению, данных о распределении языков на радио нам найти не удалось, поскольку все вещание является коммерческим и особой языковой политики в этой сфере не проводится.

Но по данным опросов, проведенных Роджером Томпсоном среди преподавателей английского языка на Филиппинах, большинство преподавателей в Метро Маниле предпочитают радио на английском, а на Висайских островах – на филипино, что вызвало удивление исследователя, так как Висайи традиционно считаются районом, который отдает предпочтение английскому языку, а не филипино [12, с. 79].

В результате нашего исследования стало очевидным, что:

1. новые правила орфографии 2001 года фактически законодательно закрепили те изменения в языке, которые произошли по крайней мере двадцать лет назад;

2. языковая ситуация в важнейших языковых сферах в Большой Маниле может быть определена как экзоглоссная [3, с. 80-83], то есть она является совокупностью отдельных языков, а не подъязыков и функциональных стилей;

3. ни в одной из сфер общения не используется только один язык из двух указанных, то есть английский и филипино, и каждый из них может в ближайшем будущем стать языком-макропосредником.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

2. *Макаренко В.А., Погадаев В.А*. Языковая ситуация и языковая политика в Юго-Восточной Азии: сравнительное исследование. Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение 1999; № 2: 66-81.

3. *Никольский Л.Б.* Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). Москва: Наука, 1976.

4. *Рачков Г.Е.* Тагальский язык. В кн.: В.Б. Касевич, С.Е. Яхонтов (ред.) Квантитативная типология языков Азии и Африки. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1982: 141-152.

5. *Сирк Ю.Х.* Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение. М.: Восточная литература, 2008.

6. Dokumentasyon ng mga Batas Pangwika, Komisyon sa Wikang Filipino at Iba pang Kaugnay na Batas (1935 – 2000). Manila: Komisyon sa Wikang Filipino, 2001.

7. *Guevara M.P.* Filipino sa Ilang Bilang Tabloid. MA Thesis. Manila: University of the Philippines, 2003.
8. Media Factbook. 1996-1997. Manila: AAAA Philippines, 1997.
9. Philippine Agenda for Educational Reform: The Presidential Commission on Educational Reform Report. April 2000. Manila: 2000.
10. Philippine Media Factbook: Other Facts and Figures 1990. Media Studies Division. Manila: Philippine Information Agency, 1990.
11. Philippine Media Factbook: Other Facts and Figures 2000. Media Studies Division. Manila: Philippine Information Agency, 2001.
12. *Thompson R.M.* Filipino, English and Taglish: Language switching from multiple perspectives. Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2003.
13. http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=ThePhilippine_Star&oldid=492185671

E.G. FROLOVA

THE LANGUAGE OF MASS MEDIA IN METRO MANILA

The article is devoted to one of the aspects of the language situation in the Republic of the Philippines. There are two official languages in the country: English and Filipino. The author describes which means of mass media use these languages and in what amount in order to evaluate the present language situation in the Philippines.

Key words: ***language situation, official language, means of mass media, the English language, the Filipino language.***

А.С. АРХИПОВ
адъюнкт кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России
E-mail: aleksey9957@rambler.ru
Тел. 8 910 203 99 08

ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ ОЦЕНОЧНЫХ НОРМ, СОДЕРЖАЩИХ КРИТЕРИЙ РАЗУМНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением места разумности в праве. Особое внимание уделяется использованию в уголовно-процессуальном законодательстве оценочных норм, содержащих одноименный критерий. С учетом практики Европейского Суда по правам человека и степени ее влияния на российское законодательство выдвигается гипотеза, предусматривающая рост числа таких правовых предписаний в системе регулирования уголовного судопроизводства в России.

Ключевые слова: **разумность, разумный срок, оценочное понятие, уголовное судопроизводство, Европейский Суд по правам человека.**

Включение в УПК РФ принципа разумного срока уголовного судопроизводства предопределило всплеск интереса ученых-процессуалистов к понятию «разумность». В ряде публикаций ему придается значение не столько критерия длительности производства по делу, сколько обладающей автономным и универсальным содержанием категории. Так, например, Кругликов А.П. ставит вопрос о соотношении понятий «разумный срок уголовного судопроизводства» и «разумное уголовно-процессуальное законодательство». [10] Образцов А.В. отмечает, что введение в УПК РФ понятия разумного срока требует дальнейшего исследования понятия разумности и предлагает рассматривать его не как частное требование к срокам уголовного судопроизводства, а как процессуальный принцип. [11]

Если у первого автора разумность выступает показателем качества деятельности законодателя, то второй ученый отводит данному понятию роль универсального критерия действий правоприменителя. На двухуровневый характер реализации рассматриваемого принципа указывается и в исследованиях по общей теории права. «В современном правоведении, – отмечает Власенко Н.А., – наблюдается повышенный интерес к соотношению разумности правовых установлений в обществе и разумности претворения правовых предписаний в жизнь…».[8]

По образному выражению Фомы Аквинского: «Для того чтобы воля, выраженная в поведении, могла иметь свойства права, она должна быть в согласии с разумом». [6, с. 254] Разумность связана с системой права неразрывно, буквально пронизывает ее. Очевидно, что нормативные требования, не отвечающие критерию разумности, несмотря на то, что они продолжают иметь место в современном законодательстве, изначально дефектны, отрицательно влияют на эффективность регулирования правоотношений и не могут в полной мере восприниматься в качестве правовых норм.

Ценность научных исследований в области действия принципа разумности в правотворческом процессе несомненна. Проводиться они должны не только в общей теории права, но и в отраслевых науках, включая уголовное судопроизводство, с ориентацией на создание условий для своевременного выявления и устранения дефектных предписаний закона. Правильное и четкое исполнение нормативных актов, отвечающих критерию разумности, позволит обеспечить действие указанного принципа и на уровне правоприменения. Однако в определенных случаях лицо, реализующее нормы права, не только обеспечивает воплощение заложенной в них воли законодателя, разумной в той или иной мере, но и действует по собственному разумению. Именно тогда можно говорить о самостоятельном значении данного понятия на уровне правореализации.

Если доверять крылатому латинскому выражению «aequior est dispositio legis, quam hominis» (справедливее решение закона, чем человека), случаи урегулирования отношений на основе усмотрения правоприменителя должны носить исключительный характер. Вместе с тем, необходимость обеспечения гибкого учета интересов участников правоотношений иногда толкает законодателя на нормативное закрепление ситуаций неопределенности, окончательное разрешение которых осуществляется правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств дела. Указание на допустимость регулирования правоотношений на основе усмотрения лица, реализующего правовые предпи-

© А.С. Архипов

сания, осуществляется посредством использования в законе норм с оценочным содержанием.

По подсчетам ученых – цивилистов, в гражданском праве первое место по числу оценочных норм занимают те из них, которые сконструированы с использованием «понятийного гнезда», образуемого вокруг термина «разумный»[7, с. 111], чего нельзя сказать об уголовно-процессуальном законодательстве. Появлением предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ процессуального принципа на сегодняшний день исчерпываются случаи использование понятия разумности в данной отрасли права. Однако обращает на себя внимание тот факт, что начало действия упомянутого принципа в отечественной правовой системе опосредовано принятием Европейским Судом по правам человека[1] ряда решений, направленных на побуждение российских властей к созданию на национальном уровне юридических гарантий, обеспечивающих реализацию предусмотренного ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года[2] права обвиняемого быть судимым без неоправданных задержек в разумный срок.

В настоящее время тенденция расширения влияния прецедентной практики Европейского Суда не только на провоприменительную деятельность, но и на законодательство, регулирующее уголовное судопроизводство, сохраняется. Обобщая результаты деятельности по приведению в соответствие положениям Конвенции отечественных правовых норм, в том числе и уголовно-процессуальных, Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин привел целый ряд норм УПК РФ, признанных неконституционными по инициативе ЕСПЧ.[9]

Если же обратиться к практике Европейского Суда, сразу же бросается в глаза ее насыщенность стереотипичными формулировками, в которых указывается на признак разумности. В ходе аргументации своих решений на жалобы граждан в отношении Российской Федерации в связи с нарушением в процессе осуществления уголовного судопроизводства их прав, предусмотренных Конвенцией, ЕСПЧ оперировал наряду с термином «разумный срок» такими понятиями, как «разумные меры»,[1,§133] «разумность содержания под стражей», [2,§130] «разумная целесообразность», [3,§48] «вне разумных сомнений» [4,§78] и т.д. Известны случаи, когда Конституционный Суд РФ, истолковывая смысл норм УПК РФ, предписывает правоприменителю при аргументации своих решений руководствоваться принципом разумности. [5]

Все это дает основания полагать, что предстоящий период развития российского уголовно-процессуального законодательства в России будет характеризоваться расширением как случаев, так и вариантов использования при построении правовых норм оценочных терминов с признаком разумности. Данное обстоятельство делает актуальным исследования, направленные на выявление закономерностей формулирования и применения указанных норм в уголовном судопроизводстве.

Поскольку на сегодняшний день использование в УПК РФ оценочных понятий с признаком разумности ограничено всего одним случаем, решение обозначенной задачи по средствам проведения полноценного сравнительного анализа видится труднодостижимым. Однако уже сейчас, на основе очевидных различий в содержании понятия «разумный срок» в уголовном процессе и гражданском праве, следует предостеречь от чрезмерного использования в уголовном судопроизводстве накопленного в цивилистических отраслях права опыта формулирования и применения оценочных понятий, оперирующих критерием разумности.

Если в гражданском праве реализация норм, содержащих требование о разумном сроке (ст.ст. 314, 345, 375, 397 ГК РФ), осуществляется в основном в форме использования обычными участниками сделки, то в уголовном судопроизводстве такие нормы (ст. 6.1 УПК РФ) применяются уполномоченными субъектами (государственными органами или должностными лицами). В первом случае, как правило, единственным обстоятельством, учитываемым лицом при определении разумного срока, является его представление о привычных ожиданиях второго участника правоотношений. А универсальным критерием разумности выступает согласованность собственных интересов с интересами другой стороны сделки. Во втором случае правоприменитель учитывает целый ряд предусмотренных законом обстоятельств, большинство из которых также в свою очередь содержат нормы с оценочным содержанием.

1 Далее по тексту «Европейски Суд»; «ЕСПЧ»
2 Далее по тексту «Конвенция»

Библиографический список

1. Решение Европейского Суда по правам человека от 29.07.2010 г. по делу «Копылов (Kopylov) против России» (жалоба N 3933/04) [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Решение Европейского Суда по правам человека от 15.07.2010 г. по делу «Владимир Кривоносов (Vladimir Krivonosov) против Российской Федерации» (жалоба N 7772/04) [Электронный ресурс]: Там же.
3. Решение Европейского Суда по правам человека от 01.07.2010 г. по делу «Никифоров (Nikiforov) против Российской Федерации» (жалоба N 42837/04) [Электронный ресурс]: Там же.
4. Решение Европейского Суда по правам человека от 10.02.2011 г. по делу «Преминины (Premininy) против Российской Федерации» (жалоба N 44973/04) [Электронный ресурс]: Там же.
5. Определение Конституционного суда РФ № 42-О от 25 января 2001 г. [Электронный ресурс]: Там же.
6. *Аквинский Фома*. О правлении государей. М.: Просвещение, 1986.
7. *Брагинский М.И.* Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. Издание 3-е, стереотипное. М.: Статут, 2001.
8. *Власенко Н.А*. Разумность и право: связь явлений и пути исследования [Электронный ресурс] // Журнал российского права, 2011, № 11: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
9. *Зорькин В*. Предел уступчивости. // Российская газета – Федеральный выпуск № 5325 (246) от 29.10.2010 г.
10. *Кругликов А.П.* Разумный срок уголовного судопроизводства и разумное уголовно-процессуальное законодательство. Материалы Международной научной конференции «Уголовная юстиция: связь времен» 6-8 октября 2010 года [сайт] Режим доступа URL http://www.iuaj.net/node/427, *свободный. - Загл. с экрана*
11. *Образцов А.В.* От разумных сроков в уголовном процессе к принципу разумности Электронный ресурс] // Российский следователь, 2011, № 16: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

A.S. ARKHIPOV

PRECONDITIONS TO USE IN THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION VALUATION STANDARDS, CONTAINING THE CRITERION OF REASONABLENESS

The article considers the issues connected with determination of the place of reasonable in the law. Special attention is paid to the use in criminal procedure legislation of evaluation rules, containing the same criterion. With the practice of the European Court of human rights and the degree of its influence on the Russian legislation, it is hypothesized, providing for the increase in the number of such legal regulations in the system of regulation of the criminal proceedings in Russia.

Key words: ***rationality, a reasonable period, the estimated concept, criminal proceedings, the European Court of human rights.***

С.В. ВАСЮКОВ
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета
E-mail: s.vasukov@mail.ru
Тел. (4862) 75 21 18

ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ, ПРОИЗВОДИМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ

В статье изучаются меры общесоциального предупреждения преступлений, дается определение предупреждения экономических преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, рассматриваются конкретные направления профилактики преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт.

Ключевые слова: ***предупреждение преступлений, общесоциальное предупреждение, виктимологический аспект, профилактика преступности, криминогенность.***

Анализ состояния и динамики экономических преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, личности преступников, их совершающих, причинного комплекса исследуемой группы преступлений выступает необходимым условием целенаправленного предупреждения как отдельных экономических преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, так и экономической преступности в целом. Такое предупреждение, по мнению известного криминолога В.Д. Малкова, по своей сути состоит «в воздействии на негативные факторы, обусловливающие появление и воспроизводство преступлений, способствующие их совершению, нейтрализации влияния указанных факторов или их устранения».[12]

Учитывая общественную опасность исследуемой группы экономических преступлений, которые захлестнули практически все сферы хозяйствования, и масштабы внедрения использования безналичных расчетов как на территории Российской Федерации, так и за рубежом, их предупреждение, нейтрализация должны стать стратегическим, приоритетным направлением государственной политики в области борьбы с преступностью на современном этапе, и представлять собой сложный, многогранный процесс, включающий применение экономических, финансовых, организационно-управленческих, правовых, технических, культурно-воспитательных и других мер. При этом предупреждение может быть успешным только при комплексном воздействии на криминогенные факторы, порождающие экономические преступления, совершаемые в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт.

Деятельность по предупреждению исследуемой группы экономических преступлений может осуществляться в различных масштабах. Она может проводиться на федеральном и региональном уровнях, в рамках отдельных предприятиях, в том числе банковских и кредитных учреждениях, так и в отношении отдельных граждан (индивидуальных предпринимателей, руководителей или работников коммерческих организаций). В этой связи традиционно различают общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения.

Общесоциальные меры предупреждения предполагают, прежде всего, проведение государством такой экономической, в том числе банковской политики, которая была бы свободной от криминальных издержек, сужающей возможности «теневой» экономики.

Таким образом, определяющая роль в предупреждении экономических преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, принадлежит общегосударственным мероприятиям по устранению системного кризиса в обществе, в первую очередь по стабилизации отношений в банковском и финансовом секторе, а также различных сферах социальной жизни, по разрешению присущих им противоречий, демонополизации экономики и формированию конкурентной среды, развитию инфраструктуры рынка, укреплению гарантий частной собственности, снижению уровня безработицы, социальной защите наиболее уязвимых слоев населения, совершенствованию законодательства, прогнозированию появления новых видов экономических преступлений и программированию их предупреждения.

© С.В. Васюков

В систему общесоциальных мер входит и криминологический прогноз, который позволяет предсказать возможные криминогенные последствия определенной экономической политики и выработать стратегию по их устранению, локализации или нейтрализации. В основе такого прогноза лежит осуществляемая криминологами экспертиза нормативно-правовых актов с точки зрения их воздействия на преступность, ее детерминанты, систему мер борьбы с ней.

Не менее существенное значение имеют и меры, способствующие оздоровлению отношений в духовно-нравственной сфере среди населения, т.е. меры, направленные на формирование культуры и моральных норм, чувства гражданственности и позитивных интересов.

Значительным потенциалом при этом обладает и виктимологический аспект профилактической деятельности. В данном случае имеется в виду, что часть населения в силу низкой осведомленности о правилах и процедурах совершения сделок и других хозяйственных операций часто становится жертвой обмана. Однако, к сожалению, обращение к потенциальным жертвам в целях профилактики совершаемых в отношении них преступлений пока используется крайне редко.

Целью предупреждения экономических преступлений в сфере проведения безналичных расчетов является сдерживание и возможное последующее их сокращение, снижение уровня их общественной опасности, воспрепятствование ухудшению структуры и другим негативным тенденциям их развития. Но достигнуть указанные цели возможно только в том случае, если правильно подобраны средства и способы, которые не имеют внутренних противоречий и отличны от других, имеют длительную историю существования, что позволит говорить об устойчивости и повторяемости выявленных закономерностей.

В современных условиях, как нам представляется, должна быть выработана новая система воздействия на преступность, выражающаяся в установлении социально-правового контроля в банковском секторе, управлении этим негативным социальным явлением, характеризующаяся, прежде всего, высоким уровнем правовой защищенности личности, ее прав и свобод, общества в целом. Подобная система предполагает применение не только взаимосвязанных правовых и организационных мер, но и одновременного осуществления мероприятий социального характера, направленных на локализацию негативных социальных процессов, регенерирующих различного рода криминогенные факторы. В этой связи представляется, что собственно эти мероприятия применительно к противодействию преступности в банковской сфере и должны, по нашему мнению, составлять содержание основных направлений в сфере предупредительного воздействия на преступность, относящихся традиционно к общему или общесоциальному предупреждению и специальному или специально-криминологическому.

Первое из этих направлений предполагает совершенствование экономической, идеологической, организационно-управленческой сфер жизнедеятельности общества. Очевидно, что во всех этих сферах представители криминального мира зачастую действуют эффективнее и прагматичнее, чем представители государственных органов.

Вывод исследований, проведенных криминологами, однозначен: применительно к переходному периоду, в котором до сих пор находится российское общество, констатируется, по сути, тотальная (глобальная) криминализация общественных отношений, резкое обострение криминальной ситуации, превращение преступности в реальную угрозу национальной безопасности. Вопрос о том, стала ли Россия великой криминальной державой, звучит отнюдь не риторически. [5; С. 172-181]

Несмотря на разносторонний подход к определению предупреждения преступности, криминологами принята формулировка данного понятия, которая стала в науке традиционной: «Предупреждение преступности – это многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности». [20; С. 30]

По мнению известного криминолога Г.А. Аванесова, под предупреждением преступности следует понимать «исторически сложившуюся систему объективных и субъективных предпосылок ликвидации преступности, а также комплекс государственных и общественных мер, направленных на искоренение данного явления, причин и условий его порождающих». [4; С. 406]

Другой известный криминолог А.Э. Жалинский считал, что “предупреждение – это социальный процесс, основой которого является применение отвечающих требованиям общественной морали и законности специальных методов и приемов, знаний и навыков регулирования социальных отношений только в целях ликвидации тех их отрицательных последствий, которые могут вызвать совершение преступлений». [8; С. 105]

Фактически аналогичной точки зрения придерживаются и другие криминологи. В частности, В.С. Устинов под предупреждением преступности признавал «воздействие субъектов системы на

комплекс негативных факторов, детерминирующих существование и функционирование преступности, направленное на устранение, уменьшение или нейтрализацию с целью стабилизации, снижения и ликвидации преступности». [21; С.16]

А.И. Долгова не без оснований полагает, что у данного определения много критиков, так как нельзя предупредить то, что уже существует, включая преступность. Однако, подчеркивая его уязвимость, она считает, что вряд ли имеет смысл революционно ломать устоявшийся понятийный аппарат, поскольку он давно вошел в научный оборот. [11; С. 320]

Мы разделяем позицию ученых, характеризующих предупреждение преступности как наиболее действенное направление социально-правового воздействия на это негативное явление, которое предполагает не только устранение, нейтрализацию негативных обстоятельств, но и использование, стимулирование позитивных процессов социальной жизни общества.

Предупреждение экономических преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт – это всегда деятельность многоаспектная, состоящая из нескольких взаимосвязанных компонентов, образующих целостную систему. В эту систему входят субъекты, осуществляющие предупреждение криминальных проявлений, объекты, на которые направлено воздействие, содержание и средства обеспечения предупредительной деятельности. В этой связи представляется целесообразным сформулировать собственное определение предупреждения экономических преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт. На наш взгляд, это многоуровневая система государственных и общественных мер, нацеленных на выявление, устранение и нейтрализацию причин экономических преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, направленных против собственности конкретных граждан – владельцев банковских карт, кредитных учреждений, а также иных участников безналичных расчетов единой платежной системы России, и условий, способствующих их совершению; осуществление уголовного преследования лиц, совершивших преступления в указанной сфере, а также оказание предупредительного воздействия на граждан, чей образ жизни свидетельствует о склонности к противоправному или виктимологическому поведению и совершению преступлений в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт.

С учетом специфики вышеприведенного определения должна быть выработана новая система воздействия на экономическую преступность в целом и такой ее вид, как экономические преступления, совершаемые в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, выражающаяся в установлении социально-правового контроля, управления этим негативным социальным явлением, характеризующаяся прежде всего высоким уровнем юридической защищенности личности, ее прав и свобод, а также интересов общества и государства. Подобная система должна предполагать применение не только взаимосвязанных правовых и организационных мер, но и одновременного осуществления мероприятий социального и экономического характера, направленных на «локализацию негативных социальных процессов, регенерирующих различного рода криминогенные факторы в сфере экономики.

Традиционно криминологи выделяют три составляющие системы предупреждения преступности:

а) общее предупреждение (общесоциальный уровень);

б) специальное предупреждение (специальный уровень);

в) индивидуальную профилактику (индивидуальный уровень). [17; С. 18]

На уровне общего предупреждения преступности, как правило, определяются основные задачи этой деятельности и пути их реализации в целом. На этом этапе предлагаются решения общесоциальных задач, признается приоритетная роль социальных детерминант в причинном комплексе преступности. Поскольку преступность – явление социальное и вызывается к жизни целым комплексом причин, прежде всего, хозяйственно-экономического и социального характера, то ее преодоление должно базироваться на решении глобальных хозяйственно-экономических проблем. [13; С. 10] Хотя данные мероприятия специально не направлены на предупреждение преступлений, тем не менее они позитивно сказываются на состоянии борьбы с преступностью и устранении ее причин.

В криминологической литературе отмечается, что общесоциальные меры противодействуют общим причинам преступности, создают благоприятную обстановку для предупреждения преступлений на специально-криминологическом уровне. [20; С.34-35] Однако нельзя ограничиться одной лишь констатацией позитивного влияния общесоциальных мероприятий на преступность. Основную задачу криминологических исследований должна составлять выработка научных рекомендаций для оптимального учета и решения криминологических

проблем при разработке общесоциальных мероприятий. [15; С. 14]

Все предупредительные меры подразделяются на общесоциальные, которые частично и косвенно направлены на устранение причин и условий преступности; специальные, нацеленные исключительно и непосредственно на борьбу с преступностью и индивидуальные, основная цель которых – предупреждение преступлений отдельных категорий лиц.

Значение общесоциального предупреждения преступности подчеркивается всеми ведущими криминологами. В.Н. Кудрявцев отмечает, что «высшим уровнем общей профилактики является осуществление крупных социальных мероприятий в масштабах всей страны». [14; С. 88] А.С. Шляпочников относит к общесоциальным меры, направленные на обеспечение здорового нравственного климата и меры, осуществляемые на единичном уровне. [22; С. 8-9] И. И. Карпец в своих работах неоднократно подчеркивал: «Поскольку преступность – отрицательное социальное явление, постольку в борьбе с ней главное значение имеют социальные мероприятия, направленные на дальнейшее развитие и совершенствование общественных отношений. Естественно, что эти мероприятия не направлены непосредственно против преступности, но эти мероприятия косвенно оказывают существенное влияние на состояние преступности. Преступность преодолевается, прежде всего, путем мероприятий экономического, воспитательного и иного, в том числе правового порядка». [10; С. 139]

Определение ключевых мер превенции макросоциального характера и осуществление эффективной общесоциальной профилактики экономической преступности зависят от правильной оценки факторов, обусловливающих появление и воспроизводство этого вида преступности. Проводимая хозяйственная политика нередко сама может генерировать условия, благоприятствующие росту уровня криминализации экономических отношений. В этом смысле криминализацию российской экономики еще с середины 90-х гг. называют платой за «шоковую терапию».

Необходима серьезная корректировка курса рыночных реформ, предполагающая, с одной стороны, отказ от практики достижения целей реформирования любой ценой (включая открытие шлюзов для легализации криминальных капиталов) и с другой – поддержку на деле отечественных товаропроизводителей и всего реального сектора национальной экономики в целом и др. Провозглашая линию на восстановление и развитие цивилизованных товарно-денежных отношений, следует обеспечить безусловную реализацию важнейших рыночных императивов функционирования современных хозяйственных систем: свободу предпринимательства; добросовестную конкуренцию; равенство стартовых условий для капиталов; адекватную защиту частной собственности, интересов капитала и интересов наемного труда; эквивалентность обмена и осуществление связанного с ним принципа социальной справедливости и др.

Сфера проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, в современных условиях объективно характеризуется повышенной криминогенностью. Результаты проведенного экспертного опроса руководителей территориальных органов внутренних дел и их структурных подразделений показали, что 85% опрошенных характеризуют криминальную ситуацию, сложившуюся в последнее время в указанной сфере, как серьезную криминологическую и экономическую угрозу.

Криминогенность сферы безналичных расчетов обусловлена как социально-экономическими, организационными, так и иными объективными и субъективными факторами, к числу которых необходимо отнести следующие.

1. Возможность быстрого и неконтролируемого использования платежных систем и отсутствием эффективных средств охраны, обеспечивающих полную безопасность банковских карт.

В настоящее время с учетом повышения активности хозяйствующих субъектов по осуществлению предпринимательской деятельности и усиливающейся криминогенности расчетной сферы, основанной в первую очередь на подделке и ненадлежащем оформлении и исполнении расчетных документов, возникает вопрос о защите информации о расчетах. Сегодня не прекращаются сделки с фальшивыми платежно-расчетными документами, а уровень мошенничества в России с расчетно-кредитными картами в 4-5 раз превышает среднемировой показатель и все чаще сопряжен с конвертацией крупных безналичных платежных средств в наличные деньги. [16]

2. Ослабление государственного и социального контроля за лицами, ведущими антиобщественный образ жизни и склонными к совершению преступлений, в том числе освобожденными из мест лишения свободы или находящихся под контролем уголовно-исполнительной системы, в том числе за отбывающими наказания в местах лишения свободы; создание объективных условий, позволивших представителям преступных структур криминализировать банковскую сферу.

3. Недостатки правового регулирования ответственности за различного рода правонарушения в сфере банковского обслуживания.

4. Организационные, технические и ресурсные сложности обеспечения безопасности платежной системы.

Таким образом, мероприятия, направленные на устранение или нейтрализацию всех вышеуказанных факторов, и должны, по нашему мнению, составлять содержание основных направлений в сфере предупредительного воздействия на экономические преступления, совершаемые в платежной сфере с использованием банковских карт, относящихся традиционно к общему или общесоциальному предупреждению и специальному или специально-криминологическому.

13 июня 2012 г. Правительством Российской Федерации было принято Постановление № 5584 «Об утверждении положения о защите информации в платежной системе». [2]

В соответствии с вышеуказанным положением защита информации обеспечивается путем реализации операторами и агентами правовых, организационных и технических мер, направленных:

а) на обеспечение защиты информации от неправомерных доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления и распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении информации;

б) на соблюдение конфиденциальности информации;

в) на реализацию права на доступ к информации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Для проведения работ по защите информации операторами и агентами могут привлекаться на договорной основе организации, имеющие лицензии на деятельность по технической защите конфиденциальной информации и (или) на деятельность по разработке и производству средств защиты конфиденциальной информации.

В социально-экономической области меры предупреждения преступности общесоциального характера, на наш взгляд, выражаются в следующем:

– в коренной модернизации экономики в целом и в банковском секторе в частности, достижении устойчиво высоких темпов экономического роста на основе поддержки и защиты отечественного товаропроизводителя и использования внутренних факторов конкурентоспособности;

– в сбалансированности бюджетной системы, повышении эффективности ее функционирования с полным выполнением бюджетных обязательств;

– в существенном снижении налогового бремени и повышении эффективности налоговой и таможенной систем, создании благоприятной инвестиционной среды;

– в справедливом распределении и использовании государственной собственности;

– в сокращении уровня социальной незащищенности различных категорий граждан, бедности, безработицы и т.п.

Наряду с этим, учитывая объективно существующее экономическое, природоресурсное неравенство регионов России, в целях предупреждения преступности необходимо выработать концепции экономических преобразований отдельных регионов страны в соответствии с их социально-экономической спецификой в рамках общей программы экономических реформ в России, что позволит минимизировать последствия такого неравенства, сгладит его социальные и политические противоречия, тем самым будет способствовать выравниванию уровня жизни и установлению единых социальных стандартов среди населения страны.

На наш взгляд, в числе необходимых в настоящее время общепредупредительных мер борьбы с преступностью необходимо выделить также такие социально-экономические мероприятия, как: повышение реальных доходов населения, ликвидация либо существенное сокращение безработицы, увеличение минимального размера оплаты труда, развитие промышленности и сферы обслуживания населения. В масштабах всей страны представляется необходимым развитие производства на основе современных технологий, продуманная инвестиционная стратегия, укрепление национальной валюты, снижение инфляции и т.п.

Применительно к сфере экономики основная задача общепрофилактического воздействия должна заключаться в устранении ее криминальных теневых и полутеневых форм (серых зон). Следует определить в качестве основных направлений укрепления законности в сфере экономики следующие:

– повышение роли прокуратуры в правовом обеспечении реализации экономических реформ, формирования позитивных рыночных отношений, защиты добросовестного предпринимательства;

– организацию работы прокуроров по принципу осуществления раннего предупреждения процессов криминализации экономики, концентрацию усилий на выявлении и устранении правонарушений, пока они не переросли в преступление;

– вытеснение из сферы экономики теневых явлений, связанных с ее криминализацией, действиями организованной преступности по установлению контроля над финансовыми потоками хозяйствующих субъектов, легализации доходов, полученных незаконным путем.

Проведение общепрофилактических мероприятий в экономической и политической сферах долж-

но повлечь за собой позитивные последствия и в социальной сфере. Большое антикриминогенное значение здесь имеет устранение масштабности социального расслоения общества, материальная поддержка малоимущих граждан, ограничение и нейтрализация негативных социальных последствий безработицы и вынужденной миграции людей.

Значительное место в предупредительной деятельности должно отводиться и мерам воспитательного характера. И это не случайно, ибо в рассмотренных причинах определяющее место занимает негативное информационно-идеологическое воздействие на личность извне. Противопоставить этому влиянию, при отсутствии возможности полной ликвидации данной причины, можно хорошо организованное воспитание, которое позволит значительно снизить восприимчивость отдельной категории граждан к негативному информационному потоку. Профилактический потенциал правового воспитания очень велик несмотря на то, что перестройка и переход к рыночным отношениям своими неожиданными глобальными проблемами заслонили воспитательно-идеологическую работу. Система правового всеобуча, создававшаяся в 70-е и начале 80-х годов большим трудом и затратами, была разрушена, как разрушено и многое другое, что представляется нам ценным в прошлом опыте борьбы с преступностью. [19; С. 50]

Наиболее перспективным и плодотворным представляется подход к правовому воспитанию как к деятельности, направленной не на правовое просвещение личности, а на развитие у нее правовой активности. Известно, что правовая активность личности включает в себя как комплекс личностных социально-правовых свойств субъекта, обусловливающих возможность его участия в правовой жизни, так и саму реальную жизнедеятельность личности в сфере отношений, урегулированных правом. [7; С. 179-181]

В этой связи важное значение имеет и развитие виктимологического направления в сфере предупреждения преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт. Основу методов виктимологического предупреждения преступлений должна составить деятельность по дифференцированной девиктимизации социальных групп в сочетании с нейтрализацией негативных элементов образа жизни виктимной личности. В этой точке органично сочетаются и взаимодополняют друг друга меры общесоциального и специального (виктимологического) предупреждения, которое состоит из виктимологической профилактики (выявления и нейтрализации виктимогенных условий, а также выявления потенциально виктимных личностей), предотвращения и пресечения проявлений криминогенно виктимного поведения личности и ее ближайшего социального окружения. В отличие от предупреждения преступности, основным субъектом которой являются органы государственной власти, основным субъектом виктимологического предупреждения должны быть различные институты гражданского общества, включая органы местного самоуправления, специализированные общественные организации [6; С. 11], а зачастую и сами кредитные и банковские организации – эмитенты банковских карт.

В соответствии со ст. 27 Закона «О банках и банковской деятельности») определенной гарантией защиты денежных средств и иных ценностей юридических и физических лиц, находящихся на счетах и во вкладах или на хранении в кредитной организации (банке) (в том числе и банковских картах), служит обязанность банка не допускать ареста и обращения взыскания на них иначе, как с соблюдением установленного законом порядка, так и обеспечение безопасности от несанкционированного доступа к ним посторонних лиц. [1]

В число необходимых условий функционирования банка Закон «О банках и банковской деятельности» включил обязанность руководителя банка разрабатывать и обеспечивать эффективное функционирование внутренней системы обеспечения защиты интересов банка. Эта задача может быть решена путем разработки соответствующей нормативной базы банка, а также организацией внутреннего контроля за соблюдением сотрудниками банка законодательства, нормативных актов и стандартов профессиональной деятельности.

Справедливости ради следует отметить, что большинство пострадавших жалуются на то, что «не были предупреждены банком» о возможных информационных угрозах. Хотя схема, которую используют мошенники, почти всегда одна и та, или же очень похожая. Возможно, изучение клиентами информационных памяток, выпущенных банками клиентам под расписку, в которых подробно были бы расписаны все правила безопасности использования банковских карт, могли бы снизить риск держателей карт стать жертвой преступления. К сожалению, практика показывает, что читать правила, написанные мелким шрифтом на сайтах, у наших граждан привычки нет. Хотя там часто подробно написано, как именно пользоваться дистанционными банковскими услугами. Конечно, идеальной защиты не бывает, но, следуя минимальным требованиям в части информационной безопасности, выдвигаемыми банками к пользователям своих услуг, и используя все предоставленные механизмы защиты, можно се-

рьезно снизить вероятность мошенничества.

Зачастую клиенты сталкиваются со значительными трудностями при возбуждении уголовных дел и их расследовании. Следователи при решении вопроса о возбуждении дела требуют у банков определенные сведения и документы, которые те предоставить отказываются, ссылаясь на банковскую тайну. Сбор доказательной базы по таким видам преступлений крайне затруднителен не только в силу специфики информационного обмена, но и в силу того, что менеджмент и службы безопасности банков не заинтересованы в публичном распространении сведений о том, что программное обеспечение банка подвержено опасности проникновения на серверной стороне ПО либо на стороне клиента. В прошлом году, например, системы «банк-клиент» ряда российских банков подверглись атаке со стороны вирусов, что привело даже к прекращению работы некоторых систем на неопределенный срок. Однако по понятным причинам в публичном пространстве эти случае не освещались.

Об этой же проблеме на конференции по информационной безопасности «Антифрод» заявил начальник бюро специальных технических мероприятий МВД России Алексей Мошков. Он отметил в своем докладе две «болевые точки». Первая – банк готов поделиться информацией, если атакован он сам, и ни за что не поможет в расследовании, если в процессе мошенничества были задействованы другие банки. И вторая – клиент всегда виноват сам. [9]

В условиях, когда нет официальной статистики, каждый эксперт склонен верить своему жизненному опыту. К примеру, личная статистика начальника отдела компьютерных экспертиз и технологий МВД России Ольги Тушкановой такова: если в 2010 г. ей пришлось сделать 314 экспертиз по делам о компьютерных мошенничествах, то в 2011 г. – уже 2524.

Главными проблемами, мешающими бороться с киберпреступностью, участники опроса считают неготовность правоохранительных органов к расследованиям и беспечность самих клиентов банков. Тем не менее, количество пользователей, ограничивающих суммы на счету при использовании удаленных сервисов большинство. И 9% участников опроса уверены, что ни за что и никогда не станут доверять свои деньги компьютеру.

Генеральный директор компании Group IB **Илья Сачков** тут же привел в пример знаменитое дело компьютерного «злого гения» **Леонида Куваева,** который считается одним из опаснейших спамеров мира и имеет на этом $2,5 млн. ежемесячного дохода. Он был осужден американским судом за компьютерные грехи, но это никак не помешало ему тут же объявить себя гражданином России и даже патриотом, вернуться из-за океана и продолжить свою деятельность. Сейчас Куваев содержится в Лефортово и ждет суда, но попал он туда вовсе не за компьютерные дела, его обвиняют в совращении несовершеннолетних. [18]

Сачков проанализировал недавно принятые поправки в Уголовный кодекс так, что стало очевидным, что, не успев вступить в действие, этот долгожданный документ уже устарел, потому что его формулировки дают адвокатам злоумышленников большой простор для увода своих клиентов от ответственности.

Вышеописанная ситуация свидетельствует о том, что важную профилактическую роль в качестве субъекта предупреждения преступлений в сфере проведения безналичных расчетов играет Центральный Банк Российской Федерации, который в рамках работы по информированию о рисках, связанных с использованием банковских карт, и повышению финансовой грамотности населения подготовил Памятку для держателей банковских карт о мерах безопасного использования банковских карт. [3]

В соответствии с вышеуказанным письмом территориальным учреждениям Банка России предлагается провести с кредитными организациями дополнительную работу, направленную на повышение информированности держателей банковских карт о мерах по сохранности банковской карты, ее реквизитов, персонального идентификационного номера (далее – ПИН) и других данных, а также на снижение возможных рисков при совершении операций с использованием банковской карты в банкомате, при безналичной оплате товаров и услуг, в том числе через сеть Интернет.

Соблюдение рекомендаций, содержащихся в Памятке, по мнению представителей Центрального банка РФ, позволит обеспечить максимальную сохранность банковской карты, ее реквизитов, ПИН и других данных, а также снизит возможные риски при совершении операций с использованием банковской карты в банкомате, при безналичной оплате товаров и услуг, в том числе через сеть Интернет.

Представленный анализ возможных мер профилактики преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, безусловно, не может осветить всех возможных направлений и мер профилактической деятельности. Однако очевидно, что успешная работа по предупреждению изучаемого вида корыстных преступлений в сфере безналичных расчетов требует многоаспектности, комплексности, значительных материальных, организационных и иных затрат, кооперации и координации усилий различных государственных и общественных структур.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Ведомости СНД РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июня 2012 г. N 584 «Об утверждении положения о защите информации в платежной системе»// Собрание законодательства РФ. 2012. N 25. Ст. 3380
3. Письмо Центрального банка Российской Федерации от 2 октября 2009 г. № 120-Т «О памятке «О мерах безопасного использования банковских карт» // Вестник Банка России. 07.10.2009. N 58.
4. *Аванесов Г.А*. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 406.
5. *Алексеев А.И.* Станет ли Россия криминальной страной? Россия на рубеже тысячелетий // Сборник трудов преподавателей ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2000. С. 172-181.
6. *Вышневецкий К.В*. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе. Автореф. дисс. д.ю.н., М., 2008 г. С. 11
7. *Елисеев С.А*. О правовом воспитании как средстве предупреждения преступности против собственности // Актуальные проблемы правоведения в современный период. Томск. 1991. С. 179-181
8. *Жалинский А.Э.* Специальное предупреждение преступлений в СССР. Львов, 1976. С. 105.
9. История Аллы Тасиц стала символом того, как банки бросают своих клиентов на произвол мошенников.28.02.2012 // http://bankir.ru/publikacii/s/rassledovaniya-bankir-ru-delo-no-5-delo-ally tasits-10001299 /#ixzz23oNJGNtD
10. *Карпец И.И.* Проблема преступности. М., 1970. С. 139.
11. Криминология. Учебник. Под ред. Долговой А.И. М., 2002. С. 320.
12. Криминология. Учебник. Под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2011.
13. *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. М., 1966. С . 10.
14. *Кудрявцев В.Н*. Социологический аспект преступления.// Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 18. С. 88.
15. Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985. С. 14.
16. *Ольховская Н.П.* Платежные документы и защита информации о расчетах// Журнал РОД «За права военнослужащих». 2006. № 9
17. *Портнов И.П.* Состояние городской преступности и вопросы ее предупреждения // Криминологические проблемы борьбы с преступностью в сверхкрупном городе. М., 1994. С. 18.
18. *Рукосуева И*. Детям не игрушка //http://bankir.ru/novosti/s/detyam-ne-igrushka-10012318/#ixzz23oRp4dJE
19. *Сухарев А.Я.* Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия // Дис…докт. юрид. наук. М. 1996. С. 50
20. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С.30.
21. *Устинов В.С.* Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика: Учеб. пособие. М., 1983. С.16.
22. *Шляпочников А.С.* К вопросу о классификации мер предупреждения преступности.// Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 17. С. 8-9.

S.V. VASYUKOV

THE ALL-SOCIAL PREVENTION OF THE ECONOMIC CRIMES MADE IN THE SPHERE OF CARRYING OUT CLEARING SETTLEMENTS, BANK CARDS MADE WITH USE

In article measures of the all-social prevention of crimes are studied, definition of the prevention of the economic crimes made in the sphere of carrying out clearing settlements, bank cards made with use is made, the concrete directions of prevention of the crimes made in the sphere of carrying out clearing settlements, bank cards made with use are considered.

Key words: ***prevention of crimes, all-social prevention, viktimologichesky aspect, crime prevention, kriminogennost.***

Д.А. МАЛЬБИН
аспирант Юридического института Государственного университета – УНПК
E-mail: dm_malbin1504@list.ru
Тел. 8 920 809 67 77

СООТНОШЕНИЕ НОРМ О ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ И ВИНДИКАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы соотношения правовых норм о защите фактического владения и защиты собственности в рамках виндикационного иска. Анализируются характерные черты, присущие обоим гражданско-правовым институтам, отражены отличительные особенности владельческой и виндикационной защиты.

Ключевые слова: ***владение, собственность, посессорная защита, защита владения, защита прав и интересов.***

Посессорная защита как средство защиты фактического владения имеет общие с виндикационной защитой черты, на что указывалось в литературе дореволюционного периода [5, с. 13]. Действительно, на первый взгляд, целью и одного и другого способа защиты является возврат вещи в обладание истца. Такая абстрактная схожесть двух институтов позволила некоторым юристам называть виндикационный иск в качестве владельческого, однако эта схожесть не позволяет говорить об их тождественности. В судебной практике часто встречаются указания на то, что предусмотренная законодателем конструкция виндикационного иска является средством защиты владения или владельческой защитой [6, 7, 8, 9]. Однако такой подход является юридически некорректным и нежелательным.

Причина рассмотрения виндикационного иска в качестве владельческого обусловлена рядом причин. Во-первых, сама сущность виндикационного притязания состоит в требовании восстановления владения собственником. Так, в соответствии со ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Приведенная дефиниция вполне соответствует древнеримскому пониманию виндикационного иска как иска невладеющего собственника к владеющему несобственнику.

В то же время указание в современной литературе на защиту владения как на цель виндикацинного иска является следствием абстрактного, поверхностного рассмотрения данного института. Все дело в том, что виндикационный иск – это особый правовой институт, зародившийся в Древнем Риме и развивавшийся в последующем в рамках учения о праве собственности как средство вещно-правовой защиты собственности.

Включение в содержание права собственности правомочий владения, пользования и распоряжения определяет необходимость их защиты. Нарушение одного из указанных правомочий ставит под удар саму сущность собственности. Очевидно, что при утрате правомочия владения вещь выпадает из обладания собственника и последний, безусловно, имеет интерес в его восстановлении. Лишение одного из элементов триады правомочий ограничивает реализацию полноценного права собственности. Например, при утрате обладания вещью у собственника остается нереализуемое право, так как вещь фактически находится у другого лица. Это в свою очередь порождает неблагоприятные последствия. Так, собственник в связи с утратой владения теряет и возможность пользования вещью, а это влечет невозможность получения хозяйственной выгоды от вещи. Кроме того, отсутствие владения вещью, пусть и весьма условным образом, но все же блокирует возможность ее отчуждения. То есть это тот случай, когда у собственника сохраняется правомочие распоряжения, но фактическая власть над вещью отсутствует.

У. Маттеи, анализируя сущность виндикационного иска, особо подчеркивает, что «восстановление во владении является лишь побочным следствием юридического признания права собственности» [4, с. 264]. Очевидно, что авторитетный компаративист также указывает именно на защиту права собственности как на действительную цель виндикационного притязания. Аналогичное мнение о том, что виндикация непосредственно защищает право собственности, мы находим и в трудах отечественных цивилистов [10, с. 682]. В связи со сказанным считаем некорректным указание на то, что правомочие на виндикационный иск входит в содержание права владения [2, с. 442]. Все дело в том, что российское гражданское право не знает особого права владения (кроме права пожизненного наследуемого владения земельным участком), владение всегда является од-

© Д.А. Мальбин

ним из правомочий субъективного вещного права. Виндикационный иск обеспечивает защиту вещного права и в первую очередь права собственности.

Понимание виндикационного иска как владельческого грешит неблагоприятными последствиями, т.к. может внести элемент деструктивности в судебный процесс прежде всего потому, что виндикационное притязание суть требования собственника в петиторном процессе, владельческая защита реализуется в особом посессорном процессе. Сущностное требование также различно, в первом случае – защита собственности, во втором – защита фактического владения, т.е. владения, не основанного на каком-либо правовом титуле.

Приведенные причины позволяют рассматривать виндикационный иск, прежде всего, как способ защиты права собственности. Защита эта пусть и происходит посредством восстановления во владении, но все же обеспечивает полноценную защиту собственности. Как особо подчеркивает У.Маттеи: «фундаментальным аспектом всякого имущественного права является возможность собственника восстановить свой физический контроль над принадлежащим ему имуществом» [4, с. 262].

Установленный законодателем, расширенный перечень субъектов, управомоченных на предъявление виндикационного иска, позволяет защищать владение и несобственнику вещи. Имеется в виду ст. 305 ГК РФ, предоставляющая возможность предъявления иска также лицу, хотя и не являющемуся собственником, но владеющему имуществом на праве пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или договором. Такое лицо имеет возможность защищаться средствами виндикационной защиты даже против собственника. Однако и такой иск несобственника нельзя квалифицировать в качестве посессорного, так как им защищается титульное владение, а это значит, что такая защита носит петиторный характер [12, с.635]. Широкий перечень субъектов, имеющих право заявления виндикационного требования, является исключительным случаем в правовой действительности, и такой случай нельзя назвать благоприятным, а существование статьи 305 ГК РФ оправданной. А.Н. Латыев справедливо отметил: «нередкое в современной литературе указание на ст.305 ГК как на владельческую защиту есть не что иное, как следствие утраты современной юриспруденцией самой концепции посессорной защиты» [3, с.189].

Гражданский кодекс, предоставляя возможность заявления виндикационного иска лицу, обладающему вещью по основанию, предусмотренному договором, противоречит природе обязательственных и вещных правоотношений. Виндикационный иск – это средство защиты права собственности, и предъявляться он должен субъектом вещного права. Субъект обязательственного правоотношения, напротив, должен пользоваться средствами, вытекающими из соответствующего вида правоотношений. Характер правовых связей в вещном и обязательственном правоотношении различен, что обусловливает необходимость применения различных гражданско-правовых средств защиты нарушенных прав.

Указанное правовое явление должно сойти на «нет» с введением в ГК РФ норм о посессорной защите, что будет соответствовать характеру и сущности складывающихся при владении отношений, когда владеющий субъект (например, арендатор) сможет пользоваться облегченным способом защиты собственных прав против лица, осуществившего самоуправные действия, не утруждаясь обязанностью доказывания титула на вещь. В частности, пункт 2.10. Концепции указывает на отпадение необходимости в предоставлении виндикационного иска законным владельцам в соответствии со ст.305 ГК РФ, оставляя возможность предъявления такового лишь за собственником и обладателем иного вещного права (хозяйственного ведения, оперативного управления и т. д.) [1, с.110].

Учитывая то, что виндикационный иск – это иск петиторный, в предмет доказывания по делу входят наличие у истца права собственности (иного вещного права), утрата титульным владельцем фактического владения вещью, наличие индивидуально-определенных признаков, фактическое нахождение вещи в незаконном владении ответчика [11, с.276]. Доказывание права собственности на вещь сопряжено с рядом трудностей, т.к. необходимо проследить всю цепочку перехода права собственности на вещь, и неслучайно последнее получило у юристов название «дьявольского» (probatio diabolica).

Также действующее законодательство устанавливает требование абсолютного доказывания права, т.е. стороны в процессе не соревнуются в большей силе субъективного права или лучшем правооснованиии владеть вещью. Закон требует безусловного доказывания законного титула на вещь, если такой титул доказан, то вещь в соответствии со ст.301 и ст. 305 ГК РФ виндицируется, пусть и от самого собственника.

Бремя доказывания во владельческих исках не столь тяжко, сколько в исках петиторных. В посессорном процессе лицо, утратившее владение, не утруждает себя сложным механизмом доказывания

собственного права на вещь. Лицу, утратившему владение, в ходе процесса необходимо доказать лишь два факта. Во-первых, то, что он владел вещью ранее и, во-вторых, то, что утрата владения произошла в связи с самоуправными действиями ответчика.

Описанные сущностные черты обоих способов защиты позволяют провести границу между двумя правовыми институтами, устраняя всякую возможность рассмотрения виндикационного иска как иска владельческого. Конечно, введение института посессорной защиты в действующий ГК РФ определит возможность применения гражданами и юридическими лицами норм не только вещно-правовой, но и особой владельческой защиты. Такое положение вещей будет отвечать потребностям общественных отношений, а также соответствовать общепринятой системе охраны вещных прав, т.к. по свидетельству У. Маттеи: «гражданско-правовая традиция, в конечном итоге, выработала дуалистическую схему охраны имущественных прав, предполагающую защиту владения и защиту права собственности» [4, с. 245].

Библиографический список

1. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник ВАС РФ 2009; № 4: 105-185.
2. *Латыев А.Н.* К вопросу об абсолютности вещных прав // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. Выпуск второй (2005). Под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М.: Статут, 2006. С. 437- 451.
3. *Латыев А.Н.* Посессорный процесс и другие способы упрощенной защиты вещных прав // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права Росси: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17-18 апреля 2003 г.). Ч. 2. Екатеринбург, 2004. 496 с.
4. *Маттеи У., Суханов Е.А.* Основные положения права собственности. М.: Юристъ. 1999. 384 с.
5. *Муромцев С.* О владении по римскому праву. По поводу сочинения Иеринга // Журнал гражданского и уголовного права; 1876. Книга 4: С. 8-21.
6. Определение ВАС РФ от 17.05.2010 № ВАС-5372/10 по делу № А51-11047/2008-2-311 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2011 по делу № А14-11618/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 апреля 2007 г. по делу № А35-4623/06-с12 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление ФАС Уральского округа от 06.12.2010 № Ф09-10043/10-С6 по делу № А07-8054/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008. 731 с.
11. Практика применения гражданского законодательства Федеральным арбитражным судом Московского округа: постатейные материалы к ч.1 и 2 Гражданского кодекса Российской Федерации: справ.-практ. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2005. 736 с.
12. Российское гражданское право: Учебник. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. Отв. ред. Е.А.Суханов. М.: Статут, 2011. 958 с.

D.A. MALBIN

THE RELATIONSHIP OF LEGAL RULES ON THE PROTECTION OF POSSESSION AND PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS IN VINDICATION

The article examines the relationship of legal rules on the protection of possession and protection of property rights in vindication claim. Analyzed the characteristics inherent in both civil and legal institutions, reflect the distinctive features of the possession and vindication protection.

Key words: ***possession, ownership, possessory protection, protection of ownership rights and interests.***

А.В. МЕРКУЛОВА
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, предпринимательского и трудового права Орловского государственного университета
Тел. (4862) 74 50 75

АВАРИЙНОЕ ЖИЛЬЕ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье анализируется понятие «аварийного жилья» как юридической категории, исследуются характерные признаки аварийного жилья, уточняется их содержание.

Ключевые слова: ***аварийное жилье, Жилищный Кодекс, жилищные правоотношения.***

В связи с переходом России к рыночной экономике еще более обострилась проблема аварийного жилья. Президент В.В. Путин оценил это явление как «бедствие», отметив, что в российском законодательстве до сих пор отсутствует юридическое понимание аварийного жилья.

В современной доктринальной науке понятие «аварийное жилье» также не получило должного определения и обоснования. Одни исследователи понимают аварийное жилье как «жилье, непригодное для проживания» [7]. Другие – «жилье, не пригодное для проживания и подлежащее сносу» [2]. В юридической литературе советского периода аварийное жилье понималось как «непригодные для проживания жилые дома» [3]. Очевидно, что аварийное жилье – понятие многогранное.

Для уяснения его сущности необходимо, на наш взгляд, во-первых, рассмотреть признаки аварийного жилья, содержащиеся как в законодательстве, так и в научной доктрине. Во-вторых, раскрыть содержание этих признаков.

При этом, формулируя понятие аварийного жилья, необходимо учитывать общие признаки, характерные для признания помещения жилым, так и признаки, выделяющие аварийные жилые помещения из общего массива жилья.

Согласно действующей редакции Жилищного Кодекса РФ от 29 декабря 2004 года «жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства)».

Законодатель выделяет следующие признаки помещения, необходимые и достаточные для того, чтобы считать его жилым, а именно: 1) его недвижимый характер, 2) изолированность и 3) пригодность для постоянного проживания граждан.

Следуя логике законодателя, первый признак аварийного жилья – «недвижимость как объект жилищных прав». Этот признак означает, что жилым помещением может признаваться помещение, представляющее собой здание или строение, перемещение которого на другое место без ущерба его назначению невозможно. Следовательно, жилым помещением, в том числе аварийным, не могут быть признаны всевозможные приспособленные для жилья сооружения и предметы, как то: вагоны, бытовки, палатки и т.д. Жилое помещение – это всегда объект недвижимого имущества.

Второй признак – изолированность, замкнутость, т.е. возможность отделения «аварийного жилья» от других жилых помещений и отграничения от остального пространства. Для признания всего жилого дома аварийным в нем несколько жилых помещений должны находиться в аварийном состоянии. Вопрос ясен, когда речь идет о совокупности нескольких комнат, нескольких квартир, нескольких частей жилого дома в доме. Если же в силу ст. 15 ЖК РФ понимать под совокупностью жилых помещений совокупность жилых домов, то норма несообразна.

Третьим важным признаком для характеристики помещения как жилого является признак его пригодности для постоянного проживания. Однако, конструируя норму (ст. 15 ЖК РФ) в отношении аварийного жилья, признак постоянного проживания в нем исключается. Так, согласно ст.15 ЖК РФ «жилое помещение может быть признано непригодным для проживания по основаниям и в порядке, которые установлены уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти». В постановлении Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 года «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу» содержатся критерии для признания жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу.

© А.В. Меркулова

В результате законодатель фактически исключает иные виды жилых помещений из категории «аварийное жилье», признавая аварийным лишь многоквартирный жилой дом.

Заметим, что в Жилищном кодексе РФ законодатель чаще всего употребляет понятие «непригодное» (п. п. 11, 12 ст. 12, п. 8 ч. 1 ст. 14, ч. 4 ст. 15, п. 1 ч. 2 ст. 57, п. 3 ст. 73, п. 3 ст. 85, ст. 87, п. 3 ст. 95, п. 3 ч. 2 ст. 106 ЖК РФ) и лишь единожды в ст. 32 ЖК РФ понятие «аварийное» по отношению к многоквартирному жилому дому. Однако, понятие «многоквартирный жилой дом» не раскрывается.

Что представляет собой многоквартирный дом в юридическом смысле? В ученой среде не наблюдается единства по этому вопросу [5]. Одни исследователи полагают, что многоквартирный дом – это совокупность жилых помещений (квартир). Некоторые авторы рассматривают многоквартирный жилой дом как особую разновидность жилого дома. Согласно ст. 16 ЖК РФ к жилым помещениям относятся: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры; комната. Таким образом, многоквартирный дом вообще не значится как разновидность жилого помещения в ЖК РФ. Из определения жилого дома следует, что жилой дом состоит из комнат, а не из квартир, т.е. речь не идёт о многоквартирном доме. Существование в качестве самостоятельных объектов гражданских прав квартир и комнат в многоквартирных домах также вызывает справедливую критику со стороны известных учёных-юристов. Так, по мнению Е.А. Суханова, квартиры и комнаты в многоквартирных жилых домах в действительности являются лишь составными частями юридически неделимой вещи – многоквартирного дома; «…если потолок квартиры одного «собственника» сплошь и рядом одновременно является полом квартиры другого «собственника» (и наоборот), а основные («несущие») стены во многих случаях являются общими так же, как и проходящие в них трубы и иное оборудование, то что же, спрашивается, составляет реальный объект права такой «собственности» — «кубатура», т.е. воздух?» [5].

Недостаток в четкой формулировке понятия «многоквартирный жилой дом» попытались устранить законодатели на региональном уровне. Так, согласно статье 1 Закона Краснодарского края №896-КЗ от 15.07.2005 года «О порядке переустройства и (или) перепланировки нежилых помещений в многоквартирных жилых домах на территории Краснодарского края» «многоквартирный жилой дом» – индивидуально определенное жилое здание (жилой дом, в том числе общежитие), включающее две или более изолированные квартиры (комнаты), а также нежилые помещения [4].

Не вдаваясь в подробный анализ существующих точек зрения, представляется, что многоквартирный жилой дом – это индивидуально определенное жилое здание, обладающее совокупностью жилых помещений (квартир), а также нежилых помещений.

В Методическом пособии по содержанию и ремонту жилищного фонда МДК 2-04.2004 (утв. Госстроем РФ) аварийное состояние здания – состояние здания, при котором более половины жилых помещений и основных несущих конструкций здания (стен, фундаментов) отнесены к категории аварийных и представляют опасность для жизни проживающих. Такое определение ввиду изложенного требует уточнения. Кроме того, качественный критерий – «опасность для жизни проживающих» соотносится с количественным критерием – отнесение к аварийным более половины жилых помещений и основных несущих конструкций здания (стен, фундаментов).

В статье 57 ЖК РФ указано, что гражданам, жилые помещения которых признаны в установленном порядке непригодными для проживания и ремонту или реконструкции не подлежат, жилые помещения по договорам социального найма предоставляются вне очереди. С точки зрения юридической техники, определяя жилье как «непригодное», законодатель использовал одновременно два разных критерия, указав на фактическое состояние жилья и на административный порядок такого признания.

Такой законодательный подход получил неоднозначную оценку среди ученых и юристов-практиков. Не вдаваясь в подробный анализ, суть полемики сводится к вопросу о соотношении понятий «аварийное» и «непригодное». Одни авторы рассматривают эти понятия как тождественные, другие соотносят их как часть и целое.

Выразим свое мнение по данному вопросу.

В энциклопедическом словаре содержатся следующие трактовки: «аварийный», т.е. грозящий аварией; «непригодный», т.е. не годный для использования. Если обратиться к исконному пониманию слова «авария», то оно трансформировалось из арабского слова «авар», т.е. повреждение, ущерб. Таким образом, «аварийное жилье» – это жилье, грозящее повреждением, ущербом; «непригодное жилье» – жилье, не годное для использования. В аспекте лингвистической семантики очевидно, что эти понятия отличаются друг от друга, их отождествление нецелесообразно.

«Непригодность» означает фактическую невозможность использовать жилое помещение для проживания. «Аварийность», с одной стороны, может быть результатом накопленного износа конструкций

(ветхости), с другой – означать фактическую невозможность использования жилого помещения для проживания вследствие мгновенного разрушения.

Очевидно, что термины «непригодность» и «аварийность» не взаимозаменяемы, с ними связаны различные правовые последствия.

Интересна позиция А.Беловой, по мнению которой аварийное жилье – это жилые помещения, расположенные «в полносборных, каменных и кирпичных домах, а также в деревянных и домах, возведенных из местных материалов, которые имеют серьезные деформации несущих конструкций, фундаментов, стен, а также значительный процент биологического повреждения деревянных конструкций, что свидетельствует об исчерпании их несущей способности и потенциальной опасности для людей в силу обрушения здания» [1]. Следуя логике автора, для признания жилья аварийным необходимо, чтобы, во-первых, жилое помещение было расположено в доме, который возведен из камня, кирпича, дерева и иных местных материалов; во-вторых, дом должен иметь серьезные деформации несущих конструкций, стен, фундамента, значительный процент биологического повреждения деревянных конструкций, что свидетельствует об исчерпании их несущей способности. Лишь при совокупности вышеназванных условий такое жилье аварийно, опасно для людей из-за возможного обрушения здания. Однако, такое определение, на наш взгляд, не совсем удачно. Так, современные технологии позволяют строить дома из различных стройматериалов, не только из камня, кирпича, дерева и иных местных (имеется ввиду природных) материалов. Понятие «потенциальная опасность» также весьма расплывчато.

Определяя «аварийное жилье», отметим полемику в юридической литературе [6] по вопросу соотношения понятий «аварийное» и «ветхое» жилье. Ряд авторов (С.В. Матиящук, О.Г. Ершов и др.) рассматривают их как синонимичные. Исходя из определений, предложенных А.Беловой, ветхое жилье «также имеет вышедшие из строя несменяемые конструкции и общий износ таких зданий чаще всего близок или превышает 70 %... в таком жилье проживать относительно безопасно… какое-то время». Представляется, что автор справедливо разграничивает понятия «аварийное» и «ветхое жилье», однако критерии разграничения не совсем точны.

Попытки дать определение понятию «аварийное жилье» несовершенны. Однако, увеличивая количество признаков аварийного жилья (аварийного жилого помещения), можно получить более узкое, но зато и значительно более богатое понятие.

Практика применения новейшей нормативно-правовой базы по вопросам признания жилых помещений непригодными для проживания и обеспечения граждан благоустроенным жильем только складывается. Задача органов исполнительной власти и местного самоуправления – свести к минимуму издержки, возникающие вследствие противоречий и сложностей правового регулирования рассматриваемой сферы отношений.

Библиографический список

1. Аварийное и ветхое жилье: как добиться переселения/ А.Белова http://www.rmnt.ru/story/realty/347678.htm.
2. *Ершов О.Г.* Жилое помещение непригодно для проживания: проблемы выселения нанимателей. Жилищное право. 2009. №6. С.27-33.
3. Жилищный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 24.06.1983)
4. Закон Краснодарского края №896-КЗ от 15.07.2005 года «О порядке переустройства и (или) перепланировки нежилых помещений в многоквартирных жилых домах на территории Краснодарского края»
5. *Меркулова А.В.* Правовые проблемы выбора собственником жилья управляющей организации. // Ученые записки. 2010. № 1. С. 210-215
6. Некоторые проблемы расселения граждан из ветхого и аварийного жилья. /С.В. Матиящук// Строительство и право. 2009.-№7. С. 34-35.

A.V. MERKULOVA

THE EMERGENCY HOUSING AS A LEGAL CATEGORY

In article the concept of «emergency housing» as legal category is analyzed, characteristic signs of emergency housing are investigated, their contents is specified.

Key words: ***emergency housing, Housing Code, housing legal relationship.***

Г.В. НАЗАРЕНКО
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Госуниверситета – УНПК
Тел. (4862)76 03 31

ИСТОРИЯ ВИНЫ И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ

В данной статье рассматривается история вины и виновного вменения в социальном, уголовно-правовом и философском дискурсах. Автор последовательно показывает, как объективное вменение сменяется субъективным вменением, а принцип коллективной ответственности за причинение вреда сменяется принципом индивидуальной ответственности виновного лица и принципом социальной реактивности.

Ключевые слова: ***возмездие, вменение, вина, ответственность, социальная реактивность, меры социальной защиты, нормальная личностная детерминация, самодетерминация, субъективная ответственность.***

В глубокой древности, в эпоху господства кровной мести, когда карательная деятельность государства ограничивалась регулированием проявления мести со стороны потерпевшего или его родственников, внутренний момент вины не имел никакого значения. Обиженный мстил за нанесенный ему деянием вред, независимо от того, желал или не желал виновник нанести этот вред. Наказывался тот, кто был причинителем вреда, несмотря на то, что его действие могло быть случайным, лишенным вины, либо лицо, совершившее посягательство, было по современным понятиям невменяемым; наказывались безумные, дети, даже животные. Если виновник по какой-то причине умирал, то обиженный мстил членам его рода.[1]

Развитию правильного взгляда на ответственность способствовали римские юристы, обратившие внимание на волю человека. Учение их проникло в каноническое право. С принятием христианства и вытеснением языческих обычаев принцип коллективной ответственности исчезает, что связано с изменением социальных ценностей общества. Согласно христианской доктрине поведение человека должно преломляться через призму нравственных идеалов. Предметом суда становится грех преступления, совершенного человеком по своей воле. Отождествление виновности и греховности нашло отражение во всех законодательных памятниках средних веков.[2]

В 70-х годах XVII в. немецкий криминалист С. Пуфендорф окончательно перенес в теорию уголовного права теологическое понятие вины, согласно которому лицо, преднамеренно совершившее преступление, отвечает за свой грех. Теологическое обоснование уголовной ответственности, несмотря на его связь с религиозной идеологией, имело прогрессивное значение. Виновное вменение выражало принцип индивидуальной ответственности лица при наличии определенных субъективных условий и тем самым противостояло объективному вменению и коллективной ответственности.[3]

Просветители XVIII в. отбросили религиозную идеологию, в том числе и в области уголовного права. Ч. Беккариа сделал попытку обосновать уголовную ответственность и наказание без помощи представлений о моральной вине, отверг взгляды на преступление и наказание как на грех и возмездие за вину. Он считал, что «единственным и истинным мерилом преступления является вред...»[4] и относил к числу заблуждений стремление юристов учитывать субъективное отношение лица к содеянному, поскольку намерения меняются мгновенно и зависят от множества обстоятельств, которые, по его мнению, невозможно отразить в законе. Более того, по мысли Беккариа, «иногда люди в самых лучших намерениях наносят обществу чрезвычайно большой вред».[5] В противовес теории возмездия за вину ученый выдвинул положение о том, что «наказание должно применяться только тогда, когда в нем имеется абсолютная необходимость».[6] В своем стремлении обеспечить полную зависимость уголовной репрессии исключительно от закона итальянский гуманист, по существу, под видом абсолютной необходимости провозгласил целесообразность и принцип объективной ответственности.

В дальнейшем проблема вины и ответственности рассматривалась с позиций метафизического понятия «свободы воли». В субъективно-идеалистической философии И. Канта ответственность приобрела индетерминистическое обоснование. В системе Канта «воля есть во всех поступках сама для себя закон...».[7] В его концепции уголовное вменение предстает как разновидность нравственной ответственности, в основе которой лежит признание лица свободной причиной совершенного поступка, причинность которого непостижима. Г. Гегель, рас-

© Г.В. Назаренко

сматривая право с позиций объективного идеализма как идею свободы воли, полагал, что «наличное бытие вообще есть наличное бытие свободы воли».[8] По Гегелю, воля есть не что иное, как мышление, превращающее себя в наличное бытие. Наличность разума и воли, по мысли философа, является общим условием вменения. Вина, по Гегелю, «состоит в утверждении, что субъект в качестве мыслящего знал и хотел...».[9]

Классическая школа уголовного права основывала вину и ответственность на абсолютно свободной воле человека, который при совершенно равных условиях может выбрать любое из представляющихся решений, как бы противоположны они не были. Особенно ярко эта индетерминистическая точка зрения выражена в работах немецкого криминалиста А. Бернера. Последний отвергал детерминированность поведения как внешними факторами («причинами»), так и внутренними свойствами личности («законами естества»). Он считал, что «свобода однозначна с волей, которая сама по себе свободна». Внешние детерминанты ученый называл слепыми силами природы, от которых не зависит духовная жизнь человека. Основанием уголовного вменения А. Бернер считал волю или свободу личности, которая выражается в произвольном действовании индивида в соответствии с внутренним побуждением, решимостью и намерениями.[10]

С.И. Баршев, известный в истории юридической науки как «отец русской криминалистики», в своих взглядах на проблему вины и уголовной ответственности, как и немецкие ученые, опирался на идеалистическое представление о свободе воле как основании вменения. «Свобода, – пишет С. Баршев, – как способность разумных существ не покоряться чувственности, но действовать произвольно, есть необходимое условие всякого, следовательно, и юридического вменения».[11] В большинстве отечественных трудов по уголовному праву бесспорным положением считалась формула, согласно которой только лицо, обладающее способностью действовать свободно, может быть виновником преступления (Г.И. Солнцев, П.Д. Калмыков, С. Будзинский и др.).

Детерминистическое обоснование уголовно-правового вменения в конце XIX в. было внедрено в уголовное право под воздействием философских работ Д. Юма, Т. Брауна и Д. Милля германскими криминалистами А. Фейербахом и Г. Гейбом. Последние утверждали, что вменение не зависит от свободы воли. Его наличие определяется страхом наказания или иной, равной ему, причиной. Однако впоследствии Ансельм Фейербах под воздействием критики отказался от детерминистических взглядов и признал свободу воли условием виновного вменения.

Н.С. Таганцев первым из русских криминалистов признал совместимость вины с детерминистическими воззрениями. По мысли ученого, исходная категория уголовного права – преступное деяние является продуктом условий, лежащих в самом социальном организме. Ответственность у него зиждется на самостоятельности человеческого «я», а не на метафизических представлениях о свободе воли. По Н.С. Таганцеву, признание личности ответственной, вменение деяния ей в вину содержит утверждение: во-первых, что оно есть выражение психической основы данной личности, во-вторых, что это деяние не соответствует законам.[12]

Впоследствии к детерминистическому учению примкнули Н.Д. Сергиевский, П.П. Пусторослев, Н.А. Полетаев, Г.С. Фельдштейн, Ф.В. Григорович, Г.Е. Колоколов и другие известные ученые. Так, И.И. Пусторослев, отвергая понятие вины, основанное на принципе свободы воли, считал его несостоятельным. При этом виновностью он считал «предосудительное психическое или духовное состояние человека, способствующее учинению дурного поступка».[13] Однако взгляды отечественных криминалистов на детерминизм и его значение в уголовном праве не отличались полнотой и последовательностью. Русские криминалисты в своих выводах об основах вины и ответственности отдавали предпочтение не философским аргументам, а здравому смыслу и потребностям общественной практики.

Открытие Ч. Дарвина о естественном отборе и работы И.М. Сеченова привели к развитию биологического детерминизма. По Н.С. Таганцеву, «физическое лицо только тогда может быть виновником преступления, когда оно совмещает в себе известную сумму биологических условий...».[14] В научной литературе рассматриваемого периода вина понималась как «проявленное с избытком такое настроение, при котором субъект действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере имея возможность сознавать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения воздержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления». В данном определении обращает на себя внимание сочетание психолого-юридических и морально-волевых признаков вины, выделение интеллектуальных и волевых моментов наряду с эмоциональным состоянием субъекта преступления без указания на социальную установку. Переход от биологического детерминизма к социопсихическому криминалистам старой школы был недоступен. Социокультурные факторы объяснялись представителями классической школы

путем психологизации социальных явлений.

Западно-европейские ученые, представители материализма, в ряде случаев отождествляли психические явления с физиологическими и физическими и рассматривали личность как машину, приводимую в движение посторонними силами. Логическим выводом из такого взгляда на личность было упразднение понятий вины и ответственности, устранение из наказания элемента справедливого воздания. Представители антропологической школы, исходя из теории «прирожденной» преступности, считали, что преступление – явление патологическое, а преступник является психически неполноценным человеком, следовательно, устраняется вопрос о значении человеческой воли, отпадает вопрос о вине. На смену субъективному вменению антропологи (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало) выдвинули принцип ответственности за причинение вреда и высказались за исключение из уголовного права понятий вины и уголовной ответственности, предложив последнюю заменить понятием «социальной реактивности».[15]

Русские криминалисты оценили отказ антропологической школы от категории вины как отказ от законности и отметили абсурдность «эмбриологических» взглядов на преступление и основание уголовной ответственности.[16] Сторонники антропологического направления в России криминалист Д.А. Дриль и психиатр В.А. Чиж также отрицали крайности в учении Ч. Ломброзо. По их мнению, «человека надо карать не за то, что он совершил, а потому, что он совершил, чтобы его изменить и приспособить к обществу или обезопасить от него общество»[17].

Социологическая школа, основателем которой является германский ученый Ф.Лист, в качестве основания ответственности выдвинула две группы факторов: социальные и биологические, причем на первый план поставила факторы социальные.[18] Ее представители (Г. Тард, А. Принс, Т. Ван-Гаммель) считали, что «объектом наказания является не преступление, а сам преступник, его антисоциальные инстинкты и наклонности».[19] Социологическая школа заменила понятие вины понятием «опасного состояния» личности. Понятия вины, вменяемости, невменяемости объявляются условными и рассматриваются как показатели социальной опасности. На смену принципу субъективного вменения выдвигается принцип целесообразности применения мер социальной защиты. В последующие годы взгляды на уголовную ответственность среди представителей различных школ (социологических и неоломброзианских) трансформировались и унифицировались в сторону применения неопределенных приговоров (Гиббс – Англия), превентивных мер безопасности (Вирш – ФРГ) и недопустимости смягчения наказания (Ансель – Франция).[20]

Отечественная школа уголовного права рассматривает ответственность индивида с позиций детерминизма. Применительно к поведению индивида принцип детерминизма «в общей форме, прежде всего означает, что в процессе детерминации поступка участвует и сама личность действующего субъекта»[21], понимаемая социально. Поведение человека детерминируется двояко. С одной стороны, на него воздействует окружающая среда, с другой стороны, субъект самоопределяется по отношению к внешним факторам и вносит изменения в действительность своими поступками. Признание человеческого поведения зависимым от окружающей среды, обстоятельств жизни и воспитания не абсолютизирует эту зависимость, поскольку такое признание не исключает активную роль сознания индивида в его поведении. «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а напротив, именно и дает почву для разумного действования».[22]

Субъективная детерминанта заключает в себе активную регулятивную функцию сознания, непосредственно порождающего деятельность. Она лежит в основе свободы воли и ответственности человека за его «пристрастное поведение».[23] Действия зависят от субъекта, определяются им, являются показателем его отношения к социальным нормам. Социальная причинность связана с категорией свободы воли, понимаемой как «субъективная способность из множества объективных возможностей практически реализовать одну».[24] При этом, как отмечает Н.Ф. Кузнецова, причинность в форме сознания и воли не означает, что в социальной детерминации выражается абсолютная свобода воли, объективно не обусловленная внешними детерминантами, как идеалистически полагают экзистенциалисты.[25]

Искаженное понимание детерминизма в ряде случаев проявляется в стремлении исключить субъективные детерминанты при обосновании уголовной ответственности. Новая конструкция вины, предложенная М.И. Еникеевым, исключает сознание и волю как необходимые элементы субъективной стороны преступления и предполагает, что наличие вины определяется тем, «что личность причастна к противоправному поведению и его последствиям»,[26] то есть деяние личностно детерминировано. Г.М. Миньковский, Б.Я. Петелин верно указывают, что в таких случаях «становится ненужным понятия вины и вменяемости... ведь и у психически больного или слабоумного лица поведение тоже «личностно детерминировано».[27] Таким обра-

зом, детерминизм, понимаемый как причастность, ведет к грубым ошибкам в трактовке уголовно-правовых категорий вины и вменяемости, сводит на нет принцип субъективного вменения, оставляя место безграничному судебному произволу.

Принципиальное значение для обоснования вменяемости и уголовной ответственности имеет учение о свободе воли. Учеными-криминалистами понятие свободы воли рассматривается неоднозначно. Однако во всех случаях вопрос об ответственности «волящего» преступника решается утвердительно. Б.С. Волков, М.Д. Шаргородский, А.И. Санталов, Р.И. Михеев считают, что свобода воли состоит в объективной возможности поступать по-другому[28], т. е. свобода заключается в возможности выбора. Связь уголовной ответственности с философской категорией свободы воли заключается в том, что законодатель фактически включает в содержание вины способность субъекта при совершении преступления к сознательному волевому акту.

Уголовный закон устраняет ответственность, если способность к сознательным волевым действиям во время совершения общественно опасного деяния отсутствовала. Вот почему уголовная ответственность исключается в отношении лиц, поведение которых детерминировано психической болезнью. В таких случаях фактически отсутствует нормальная личностная детерминация, то есть вменяемость субъекта, совершившего общественно опасное деяние. Общество оценивает не только результаты выбора (полезность, вредность), но и характер этого выбора, который в уголовном праве выражается в формах умысла (прямого либо косвенного) и неосторожности (легкомыслия либо небрежности). В тех случаях, когда выбор «модели» преступного поведения осуществляется свободно в смысле самодетерминации, лицо признается виновным и подлежит уголовной ответственности.

Примечания

1. См.: Спасович В. Учебник уголовного права. Т. 2. Вып. 4. СПб. 1863. С. 111.
2. См.: Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем права. Варшава. 1903. С. 33-45.
3. См.: Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве: монография. Орел. 1996. С. 6-7.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. 1938. С. 222.
5. Беккариа Ч. Цит. соч. С. 223.
6. Решетников Ф.М. Баккариа. М. 1987. С. 60.
7. Кант И. Соч. Т. 4. М. 1965. С. 289.
8. Гегель Г. Философия права. М. 1990. С. 89.
9. Гегель Г. Указ. соч. С. 165
10. См.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. Часть Общая. СПб. 1865. С. 62.
11. Баршев С.И. О вменении в праве. М. 1840. С. 4.
12. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1888. С. 282.
13. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Юроев. 1908. С. 315.
14. Таганцев Н.С. Указ. раб. С. 392.
15. Ферри Э. Уголовная социология / Руч. пер. под ред. С.В.Познышева. М. 1887. С. 5.
16. См.: Ефимов Е. Природа преступления. М. 1914. С. 169-179.
17. Дриль Д.А. Преступность и преступление. СПб. 1899; Чиж В. Лекции по судебной психопатологии. СПб. 1900. С. 16.
18. Фейнберг Ц.М. Цит. соч. С. 129.
19. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М. 1987. С. 129.
20. См.: Ансель М. Новая социальная защита / Пер. с фр. Локшиной. М. 1970. С. 219-232.
21. Волженкин Б.В. Значение ленинского идейного наследия для развития советской криминологии. Л. 1973. С. 37.
22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 37.
23. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М. 1984. С. 23.
24. Новиков К.А. Свобода воли и марксистский детерминизм. М. 1981. С. 96.
25. См.: Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 24.
26. Еникеев М.И. Психолого-правовая сущность вины и вменяемости // Сов. государство и право. 1989. № 12. С. 82.
27. Миньковский Г.М., Петелин Б.Я. О понятии вины и проблемах ее доказывания // Гос. и право. 1992. № 5. С. 57.
28. См.: Волков Б.С. Проблема вины и уголовная ответственность. Казань. 1965. С. 134; Шаргородский М.Д. Детерми-низм и ответственность // Правоведение. 1965. № 1. С. 42.

G. V. NAZARENKO

HISTORY OF FAULT AND SUBJECTIVE IMPUTATION

In this article history of guilt and guilty imputation in social in investigated, criminally – legal and philosophical discourses. The author consistently considers as objective imputation is replaced by subjective imputation, and the principle of collective responsibility for injury and replaced by a principle of an individual responsibility and a principle of social reactance.

Key words: ***revenge, imputation fault, responsibility, social reactance, the measures of social protection, a dangerous condition of the person, normal personal determination, self determination, subjective responsibility.***

Е.В. РЕЗНИКОВА
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, предпринимательского и трудового права Орловского государственного университета
E-mail: nauka_ogu@mail.ru
Тел. (4862) 75 21 18

ВЛИЯНИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ГОСУДАРСТВА НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматривается участие государства в формировании и развитии правовой системы. Определяется влияние элементов государства, таких как форма правления, государственное устройство, государственный режим на развитие правовой системы. Дается характеристика правовой системы Российской Федерации.

Ключевые слова: ***форма правления, государственное устройство, государственный режим, правовая система.***

Основным нормативным правовым актом, закрепляющим форму и сущность государства, является Конституция, которая также определяет правовую систему государства и направление её развития. Нельзя не согласиться с мнением О.А. Пугиной о том, что «в качестве совокупности основополагающих норм конституция имеет значение для всей правовой системы».[1] Конституция определяет характеристику основных элементов государства и его правовой системы, а также определяет основные направления их взаимодействия. Какие-либо изменения формы государства, правовой системы государства влекут за собой изменение конституции государства. Не случайно, что в ходе эволюционного развития той или иной правовой системы конституция изменяется постепенно и последней из нормативных правовых актов. А в ходе революционных преобразований она отменяется сразу и первой[2]. Характеристика конституции позволяет выявить влияние конструктивных элементов государства на развитие правовой системы.

Как известно, основными элементами государства являются форма правления, государственное устройство, государственный режим страны. Указанные элементы отражают сущность и содержание государства. Согласно мнению Л. Дюги, «характер государства может и должен признаваться только за коллективностью, располагающей политической властью и обитающей на определенной территории»[3]. Элементы формы государства «могут быть самостоятельны, каждый сам по себе может развиваться и изменяться независимо от других»,[4] и каждый из них оказывает самостоятельное влияние на формирование и развитие правовой системы государства.

Согласно ст. 80 Конституции РФ главой государства является Президент. Высшим органом законодательной и представительной власти является Федеральное собрание РФ. По своей форме правления Российская Федерация является правовым государством, сочетающим черты парламентской и президентской республики, при этом положение Президента все же является доминирующим в системе власти. «Форма правления современного Российского государства является результатом тяготения российской государственности к централизованной исполнительной власти, вызванного геополитическими и историческими факторами, а также сложностями современного этапа развития»[5]. В зависимости от характера взаимоотношений между законодательной и исполнительной властями, от того, какую роль органы власти играют в формировании внутригосударственного права, определяются особенности правовой системы государства. Зависимость правовой системы от сложившейся формы правления в государстве очевидна, так как правовая система представляет собой комплекс всех явлений правовой действительности. Правовая система включает правовую действительность и правовые идеи, представления, теории, взгляды, доктрины, а также правовые нормы,

1 Пугина О.А. Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования. // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11

2 Бобылев В.А., Минниахметов Р.Г. Актуальные теоретические проблемы правовой системы общества// Государство и право. 2004. № 7. С. 108.

3 Дюги Л. Конституциональное право Общая теория государства М, 1908. С. 129.

4 Радько Т.Н. Теория государства и права. Учебник для вузов. М.: академический проект, 2005. С. 155-156.

5 Пугина О.А. Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования. // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11.

© Е.В. Резникова

действующие в стране[6]. Пределы участия органов государственной власти в принятии нормативных правовых актов определяются конституцией государства. Согласно Конституции РФ устанавливается порядок взаимодействия Государственной Думы, Совета Федерации, Правительства РФ, полномочия Президента при принятии федеральных законов, определены органы и должностные лиц, обладающие правом законодательной инициативы. «Активным и важным элементом правовой системы выступает также правотворчество, без которого нормы права потеряли бы свою надежность и не выполняли бы необходимых функций, направленных на поддержание правовой системы»[7].

По своей форме правления Российская Федерация является республикой, которая характеризуется как демократическое, правовое, социальное государство, что закреплено в ст. 1, 7 Конституции Российской Федерации. Как известно, основной характеристикой правового государства является подчинение власти праву. Но как справедливо отмечают В.О. Лучин и Н.А. Боброва, только контроль, приобретая правовые формы, способен подчинить власть праву. И только при условии существования гражданского общества государство оказывается «под правом», становится правовым[8]. Контрольными функциями за соблюдением законности в деятельности федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов федерации наделены органы законодательной, исполнительной и судебной властей. В зависимости от органов, осуществляющих контроль, выделяется президентский контроль, контроль органов исполнительной власти, осуществляемый органами общей компетенции, отраслевой и межотраслевой компетенции, контроль органов законодательной власти и контроль органов судебной власти. Но в данном случае речь идет о государственном контроле, т.е. о контроле государства за законностью деятельности своих структур и органов. Для характеристики правового государства интерес представляет возможность осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти всех уровней и должностных лиц, так как цель общественного контроля, как правильно указывает Н.Ю. Бондарь, состоит в соблюдении в процессе государственной деятельности прав, свобод и законных интересов граждан, а также в поддержании нормативно установленного механизма профессионального обеспечения осуществления государственных полномочий на уровне, отвечающем потребностям и воле социума, его правосубъекта – народа[9]. Субъекты общественно-правового контроля, их задачи, полномочия, пределы и объемы воздействия определяются действующим законодательством. Субъекты общественного контроля могут использовать и правовые, и социальные контрольные механизмы. Таким образом, характерная для правового демократического государства система права должна включать механизм общественного контроля за деятельностью государства, так как общественный контроль за законностью деятельности органов государственной власти представляет собой явление, оказывающее воздействие на правовую жизнь общества. Возможность осуществления общественного контроля в Российской Федерации закреплена на законодательном уровне, так, например, реализация Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ позволяет гражданам знакомиться с деятельностью судов, с принимаемыми судами решениями. Федеральным законом «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» урегулированы вопросы по установлению требований к обеспечению доступа граждан и организаций к информации о деятельности федеральных органов исполнительной власти. Указанным законом, а также иными нормативными правовыми актами, касающимися свободы информации, обеспечения гражданам права на доступ к информации о деятельности органов публичной власти реализуется закрепленное в Конституции Российской Федерации (ч. 4 ст. 29) право каждого гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Согласно Конституции РФ и Федеральному закону «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» федеральные государственные власти обязаны освещать свою деятельность в государственных средствах массовой информации, в результате чего обеспечивается доступ граждан к государственному управлению, создается возможность осуществления контроля со стороны общества за деятельностью органов государственной

6 См.: Васечко А.А. Понятие международного договора в правовой системе России.// Международное публичное и частное право. 2007. № 1.

7 Радько Т.Н. Теория государства и права. Учебник для вузов. М.: академический проект, 2005. С. 492.

8 Лучин В.О., Боброва Н.А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики// Право и политика. 2003. № 10. С. 27

9 Бондарь Н.Ю. Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации// Государственная власть и местное самоуправлениие. 2009. № 3.

власти. Кроме того, законодательную основу для осуществления общественного контроля составляют Закон «Об обращениях граждан», Закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» и другие нормативные акты. Тем не менее, несмотря на закрепленную нормативными актами возможность в той или иной степени осуществлять общественный контроль, следует согласиться с мнением Н.Ю. Бондаря, что «анализ действующего законодательства показывает, что на данный момент можно найти лишь штрихи по обозначенной проблеме».[10]

Государственный режим – наиболее изменчивый элемент формы государства. «Государственный режим характеризует совокупность средств и методов осуществления государственной власти»[11]. Существующий в Российской Федерации государственный режим можно охарактеризовать как демократический. О демократическом государственном режиме позволяет судить анализ положений Конституции государства, провозглашающей высшей ценностью человека, его права и свободы, принцип разделения властей, прямого действия Конституции, идеологического и политического плюрализма. Государственный режим в большей степени, чем остальные элементы формы государства, способен учитывать потребности общества, изменяющуюся политическую обстановку. Следует согласиться с имеющейся в юридической литературе точкой зрения, о том, что существующий в Российской Федерации режим является стабильным и моноцентричным, что объясняется сосредоточением властных полномочий в руках главы государства и отсутствия каких-либо иных «центров» силы как в рамках системы разделения властей, так и в целом среди субъектов политической системы.[12]. Государственный режим сказывается на структуре государственной власти, оказывает влияние как на форму правления, так и на государственное устройство. «Сегодня центральная федеральная власть способна провести любое властное решение, в том числе и насильственными методами, в любом субъекте Российской Федерации»[13]. Демократический государственный режим характеризуется наличием ряда признаков, прежде всего, наличием правового порядка в государстве и защищенностью личности государством. Согласно точке зрения Н.Ю. Бондаря, государство в лице соответствующих органов и должностных лиц – прежде всего исполнитель воли граждан, народа, общества, а не наоборот[14]. Таким образом, охарактеризовать существующие в государстве средства и методы осуществления государственной власти как демократические можно не только потому, что органы государственной власти строго и неукоснительно соблюдают исполнение любых норм, но и потому, что органы государственной власти способствуют реализации гражданами закрепленных за ними прав и свобод. Воздействие государственного режима как элемента формы государства на правовую систему заключается в необходимости наличия демократического законодательства и в строгом его соблюдении на любом уровне государственной власти, ориентации национального законодательства на общеевропейские стандарты в области защиты личных и политических прав и свобод человека и гражданина.

По своему государственному устройству Российская Федерация является федерацией с сильной централизацией. Единое централизованное государство предполагает единство российской правовой системы, согласованность её составляющих обеспечивается распространением суверенитета Российской Федерации на всю её территорию, провозглашением верховенства Конституции Российской Федерации и федерального закона на всей территории Российской Федерации, возможность признания в судебном порядке недействительными нормативных актов, не соответствующих Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Единство правовой системы Российской Федерации имеет некоторые особенности, которые заключаются в её многоуровневости. В соответствии с существующей в юридической литературе классификацией, предложенной И.Н. Мукиенко, Российская Федерация является государством с трехуровневой правовой системой: федеральная правовая система, региональная правовая система и правовая система округов в составе других субъектов,[15] хотя наиболее распространенным является выделение федеральной правовой системы и системы права субъектов федерации. Провозглашая в своей Конституции федерализм, Россия автоматически признает право субъектов на собственное пра-

10 Бондарь Н..Ю. Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации// Государственная власть и местное самоуправлениие. 2009. № 3.

11 Радько Т.Н. Теория государства и права. Учебник для вузов. М.: академический проект, 2005. С. 155-156.

12 Кондрашев А.А. Особенности современного формирования политической системы России в контексте характеристики государственного режима // Конституционное и муниципальное право. 2012. N 5. С. 21 - 32.

13 Пугина О.А. Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования. // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11.

14 Бондарь Н.Ю. Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации// Государственная власть и местное самоуправлениие. 2009. № 3.

15 Цит. по: Лиличан О.П., Лаврик М.А. Региональная правовая система как категория современной юриспруденции.// Юридический мир. 2009. № 2.

вотворчество, отсюда неизбежно возникает ситуация многослойности, разноуровневости правовой системы страны, что формально выражается в иерархии источников права[16]. Различия в самобытности, самостоятельности и специфичности правовых массивов субъектов Российской Федерации позволяют выделить региональные правовые системы в России. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. указано, что оценка закона возможна лишь «во взаимосвязи со всей системой действующего правового регулирования соответствующих отношений на федеральном и региональном уровнях»[17].

Единство правовой системы означает, что правовая система субъектов федерации является составной частью правовой системы Российской Федерации. Единство правовой системы государства обеспечивается конституционным принципом верховенства Конституции Российской Федерации и федерального закона на всей территории Российской Федерации и возможностью аннулирования в судебном порядке нормативных актов, не соответствующих Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Путем применения судебного порядка признания нормативно-правового акта субъекта Федерации противоречащим Конституции и федеральному закону государство осуществляет воздействие на формирование правовой системы. Но недостатком такого воздействия является отсутствие механизма контроля за исполнением судебных решений, так как в настоящее время законодательно не урегулирован вопрос о наступлении негативных правовых последствий для субъекта Федерации в лице губернатора или президента, или публично-правовом лице представительного (законодательного) органа власти в случае неисполнения судебного решения по приведению законодательства и правоприменительных практик субъекта Федерации в соответствие с федеральным законом. Не урегулирован также вопрос об обеспечении исполнения решений Конституционного Суда РФ.

Проблема единства правового пространства характерна не только для Российской Федерации. Практически все государства встречаются в той или иной форме с проблемой внутреннего расшатывания правового пространства, включая проблему обеспечения верховенства федерального закона. Один из способов решения указанных проблем – реализация механизмов, связанных с персональной ответственностью. Многие законодательные акты РФ содержат нормы, обязывающие государственных чиновников прямо или косвенно отчитываться о своей работе, например, закон о политических партиях, согласно которому депутаты подконтрольны партии и могут быть отозваны партией из числа членов Государственной Думы, закон о местном самоуправлении.

16 Лиличан О.П., Лаврик М.А. Региональная правовая система как категория современной юриспруденции.// Юридический мир. 2009. № 2.

17 По делу о проверке конституционности положений пункта 2 ст. 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. № 16-П// Российская газета. № 233. 2003. 18 ноября. .

Библиографический список

1. *Бобылев В.А., Минниахметов Р.Г.* Актуальные теоретические проблемы правовой системы общества// Государство и право. 2004. № 7.
2. *Бондарь Н.Ю.* Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации// Государственная власть и местное самоуправлениие. 2009. № 3.
3. *Васечко А.А.* Понятие международного договора в правовой системе России.// Международное публичное и частное право. 2007. № 1.
4. *Дюги Л.* Конституциональное право Общая теория государства М, 1908.
5. *Кондрашев А.А.* Особенности современного формирования политической системы России в контексте характеристики государственного режима // Конституционное и муниципальное право. 2012. N 5. С. 21-32.
6. *Лиличан О.П., Лаврик М.А.* Региональная правовая система как категория современной юриспруденции.// Юридический мир. 2009. № 2.
7. *Лучин В.О., Боброва Н.А.* Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики// Право и политика. 2003. № 10.
8. *Пугина О.А.* Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования. // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. // Конституционное и муниципальное право. 2012. N 5. С. 21 - 32.
9. *Радько Т.Н.* Теория государства и права. Учебник для вузов. М.: академический проект, 2005.

E.V. REZNIKOVA

INFLUENCE OF DESIGN ELEMENTS OF THE STATE ON THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL SYSTEM

In the article the state's participation in the formation and development of the legal system. Determined by the influence of the elements of the state, such as the form of government, government, state regime for the development of the legal system. The characteristics of the legal system of the Russian Federation.

Key words: ***"form of government", "government", "state mode", "legal system".***

Ю.М. СМИРНОВА
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и и права ОФ РАНХ и ГС
E-mail: julij15@yandex.ru
Тел. 8 903 883 68 50

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

В данной статье рассматриваются особенности реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере правотворчества, связанные с правовым регулированием деятельности представительных и исполнительных органов местного самоуправления. В обеспечение решения указанных проблем осуществлен анализ норм законодательства о местном самоуправлении. Предложены рекомендации к обеспечению правовых норм законодательства о местном самоуправлении на основании сформулированного критерия их обоснованности.

Ключевые слова: ***Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», органы местного самоуправления, представительный орган местного самоуправления, исполнительный орган местного самоуправления, предмет ведения, вопросы местного значения, правовой контроль, юридическая ответственность, полномочия органов местного самоуправления в сфере правотворчества.***

Правотворчество – одно из приоритетных направлений деятельности местного самоуправления, посредством которого реализуются его властные полномочия по управлению местным сообществом в рамках муниципального образования. Основная роль в муниципальном правотворчестве отводится правотворческой деятельности органов местного самоуправления, сущностные характеристики которой невозможно уяснить без признания того факта, что она в идеале должна являться средством выявления, закрепления и воплощения воли населения муниципального образования по вопросам местного значения. Органы местного самоуправления являются представителями населения, и поэтому они должны выявить, раскрыть его волю.

Между осуществляющейся на всей территории России практикой муниципального правотворчества и недостаточным теоретическим осмыслением данного правового явления существует явная граница, что говорит об актуальности рассматриваемого вопроса.

Условно проблемы совершенствования основных направлений реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере правотворчества можно разделить на несколько сегментов: это проблемы реализации полномочий представительных и исполнительных органов местного самоуправления и проблемы осуществления правового контроля и реализации института юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления.

Осуществление правотворческой деятельности органов местного самоуправления происходит при наличии множества отраслевых законов, регламентирующих местное самоуправление и не всегда связанных воедино между собой, то есть можно говорить о бланкетном характере нормативно-правовых актов, регулирующих правотворчество органов местного самоуправления.

Законодательство, регулирующее местное самоуправление, является комплексным, при этом полномочия органов местного самоуправления закреплены не в одном правовом акте, а в их достаточно большом массиве. Сложившаяся ситуация вызывает необходимость проработки всех нормативных актов, принимаемых органами местного самоуправления, достигая тем самым осуществления принципа правотворческого взаимодействия публичных властей различного уровня.

Раскрывая содержание понятия «представительные органы местного самоуправления», необходимо обратиться к природе народного представительства, которая определяется конституционным порядком закрепления интересов граждан государства.

Представительную демократию, по мнению И.В. Ирхина, можно рассматривать как должную категорию конституционного правопорядка, основанную на органично функционирующем механизме органов народного представительства, занимающих приоритетное (но не абсолютизированное) положение над другими институтами власти, подлинно

© Ю.М. Смирнова

выражающем конституционные интересы граждан государства. Иными словами, под представительной демократией понимается такое устройство государства, в котором органы и должностные лица, наделенные властными полномочиями, выражают сущностные конституционно-обусловленные интересы народа [5, 7]. В демократическом государстве должны обеспечиваться политические права и свободы, участие граждан в осуществлении законодательной (представительной) власти, что находит свое отражение в формировании и функционировании политических партий, общественных объединений, политическом плюрализме. Это предполагает высокий уровень правовой и политической культуры, развитое гражданское сознание в обществе [9, с.119].

Следовательно, суть народного представительства заключается в максимальном выражении воли и сбалансированности интересов всего населения территории, на которой осуществляется местное самоуправление. Право на представительство обеспечивает участие непосредственно народа в осуществлении функций власти, подчиненность деятельности представительных учреждений потребностям и интересам граждан через выборные учреждения, которые представляют граждан и наделены правом решения наиболее важных вопросов жизни народа.

Процесс реализации правотворческих полномочий органов местного самоуправления определяется стадиями правотворческого процесса. Представительные органы местного самоуправления могут реализовывать правотворческую компетенцию только посредством издания собственных нормативно-правовых актов. Специфику правового положения местного представительного органа составляет то, что он функционирует, в отличие от иных юридических лиц, не на основании учредительных документов (устава или положения), а совокупности правовых документов, включающих устав муниципального образования и регламент местного представительного органа, утверждаемый в специфическом порядке, и полностью посвященных организации работы местного представительного органа.

А.А. Уваров выделяет следующие правотворческие полномочия представительного органа муниципального образования:

– принятие устава муниципального образования;

– утверждение местного бюджета;

– установление, изменение и отмена местных налогов и сборов;

– определение порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности [10, с.37].

В процессе реализации правотворческой компетенции представительный орган муниципального образования принимает ряд правовых актов (устав муниципального образования, регламент, программа, положение, правила и инструкции), их перечень определяется в уставе соответствующего муниципального образования и в регламенте представительного органа муниципального образования. Необходимо отметить, что муниципальные правовые акты подлежат обязательному исполнению на всей территории муниципального образования.

Следует заметить, что в ч.3 ст.43 Федерального закона № 131 – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» законодатель устанавливает правовые ограничения правотворческой компетенции представительных органов местного самоуправления, определяя круг вопросов, по которым орган может принимать нормативно-правовые акты. В остальных же случаях правотворческая компетенция должна реализоваться другими органами местного самоуправления.

В качестве основной особенности правотворческой деятельности представительных органов местного самоуправления можно выделить право законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации. Необходимо отметить, что в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» данное право не регламентируется. Это правомочие устанавливается Федеральным законом № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Таким образом, определение круга субъектов внесения законодательной инициативы в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации предоставлено депутатам этого органа, что создает ситуацию в некоторых субъектах РФ ограничения права законодательной инициативы представительных органов местного самоуправления. Поэтому целесообразно в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепить круг субъектов и механизм осуществления права законодательной инициативы представительных органов местного самоуправления.

Рассматривая особенности реализации полно-

мочий исполнительных органов местного самоуправления в сфере правотворчества, можно выделить основной элемент системы исполнительных органов местного самоуправления – главу муниципального образования, который осуществляет правотворческие полномочия общего и специального характера. Полномочия главы муниципального образования общего характера закреплены в ч. 4 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». К полномочиям специального характера, которыми наделяется глава муниципального образования, возглавляющий местную администрацию, относится право отлагательного вето в отношении нормативных правовых актов, принятых представительным органом.

Статус главы муниципального образования носит комплексный характер, так как он может осуществлять полномочия не только высшего должностного лица муниципального образования, но также в зависимости от модели организации муниципальной власти в конкретном муниципальном образовании, полномочия либо главы местной администрации, либо председателя представительного органа (в этом случае являясь также депутатом представительного органа).

При анализе уставов муниципальных образований было установлено, что объём правотворческих полномочий глав муниципальных образований зависит от организационной модели местного самоуправления. С.В. Арбузов утверждает, что «организационная модель местного самоуправления представляет собой определенную систему и структуру органов местного самоуправления, наделенных собственной компетенцией и находящихся в определенной взаимосвязи между собой» [7, с. 179]. Содержание и классификацию организационных моделей местного самоуправления С.В. Арбузов рассматривает только в зависимости от порядка формирования и характера взаимоотношений трех основных органов местного самоуправления (главы муниципального образования, администрации и представительного органа местного самоуправления).

Рассматривая такие модели, как «сильный мэр – слабый совет (представительный орган)», «мэр - совет – управляющий», «слабый мэр – сильный совет»[1], был обнаружен явный дисбаланс в сторону исполнительной власти. Следовательно, необходимо уделить особое внимание развитию института полномочий органов исполнительной власти в сфере правотворчества с целью недопущения подмены интересов населения на собственные и исключения возможности коррупционного поведения. Структура органов местного самоуправления должна соответствовать (количественно и качественно) объему деятельности конкретного муниципального образования по реализации его целей и задач. Системы органов муниципальных образований одного функционального класса должны быть идентичными.

Существенное влияние на правотворчество местного самоуправления оказывает исполнительно-распорядительный орган (администрация). В действующем законодательстве отсутствует понятие компетенции исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, что усложняет практику ее реализации. П.Г. Абдулазизова под компетенцией исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления понимает властные полномочия местной администрации, закрепленные Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований по вопросам местного значения муниципального образования, а также иным вопросам, не отнесенным законом к вопросам местного значения.

В современных условиях объем полномочий местной администрации формируется не только на основе законодательства о местном самоуправлении, но и с учетом положений, закрепленных в отраслевом законодательстве (гражданском, земельном, жилищном, градостроительном и др.), иных нормативных правовых актах федерального и регионального уровня. Нередко эти нормы противоречивы, приводят к коллизиям и конфликтным ситуациям. Следовательно, дополнительные полномочия, передаваемые местным администрациям отраслевым законодательством, должны отражаться в виде соответствующих изменений и дополнений, вносимых в законы о местном самоуправлении[1, с. 16].

На правотворческую деятельность главы и структурных подразделений администрации муниципального образования существенное влияние оказывают наказы избирателей, публичные слушания и опросы граждан, проживающих на территории муниципального образования. Работа данных институтов должна быть направлена не только на установление воли населения в решении местных вопросов, но и на осуществление опосредованного общественного контроля правотворческой деятельности исполнительных органов местного самоуправления.

1 Запиров Ф.В., Никитенко И.Г. Модели организационной структуры местного самоуправления : законодательное регулирование и практика реализации. Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 205

В условиях развития российского государства и общества необходимо усиление контрольных механизмов во всех сферах жизни, что становится одним из решающих факторов построения правового государства и углубления демократических преобразований. Данная тенденция коснулась и сферы правотворчества, в которой существуют свои контрольные инструменты и механизмы, используемые органами государственной власти. В связи с чем проявляется необходимость осуществления таких видов правового контроля за правотворческой деятельностью органов местного самоуправления, как прокурорский надзор и судебный нормоконтроль.

Анализируя существующие точки зрения по поводу содержания и соотношения таких терминов, как «контроль» и «надзор», автор разделяет точку зрения специалистов, считающих, что надзор является разновидностью государственного контроля (Д.Н. Бахрах, В.Г. Бессарабов, М.С. Студеникина, Ю.А. Тихомиров и др.) [8, с. 67-70].

В целях предупреждения принятия незаконных нормативно-правовых актов органами муниципального образования органы прокуратуры в соответствии с приказами Генерального прокурора Российской Федерации № 144[2], 195[3], 243[4] и 395[5] активно участвуют в их правотворческой деятельности. Существуют такие формы участия прокуратуры в правотворческой деятельности органов местного самоуправления, как законодательная инициатива; предварительная экспертиза законопроекта на стадиях его внесения в представительный орган и рассмотрения в различных чтениях; а также прокурорское реагирование на нормативно-правовой акт, вступивший в юридическую силу.

Анализируя основные формы участия органов прокуратуры в правотворческой деятельности органов местного самоуправления, можно сделать вывод о том, что в качестве предварительного контроля выступает непосредственное ежемесячное участие прокурора в заседаниях представительных и исполнительных органов власти. Данное участие является затруднительным в силу объективных причин, но необходимым, так как имеет большое значение для профилактики принятия законопроектов, не соответствующих действующему законодательству. Также следует отметить, что предварительная экспертиза законопроектов органов местного самоуправления, их оценка на предмет соответствия федеральному законодательству и законам субъектов федерации, подготовка мотивированных заключений, внесение предложений органами прокуратуры способствует принятию более качественных муниципальных нормативно-правовых актов. Основными формами последующего прокурорского контроля является протест на противоречащий закону правовой акт, представление и обращение в суд.

Следовательно, баланс контрольных полномочий в системе государственной власти можно обеспечить путем создания оптимальной системы предварительного и последующего контроля за осуществлением правотворческих полномочий органов местного самоуправления как со стороны органов прокуратуры, так и органов юстиции.

Анализ судебного контроля, осуществляемого судами общей юрисдикции и арбитражными судами за законностью муниципальных нормативно-правовых актов, выявил потребность нормативного закрепления на федеральном уровне ряда правил, выработанных судебной практикой в отношении института отмены действия муниципальных нормативно-правовых актов.

Необходимо отметить, что судебный контроль позволяет результативно нейтрализовать действия незаконных нормативно-правовых актов, что, несомненно, способствует укреплению законности и правопорядка в Российской Федерации. Целесообразно наделить суды общей юрисдикции правом приостанавливать действие актов органов местного самоуправления при обращении прокурора в суд по вопросу их рассмотрения на предмет соответствия законодательству и (или) уставу муниципального образования.

Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления в сфере правотворчества является одним из важнейших факторов обеспечения законности и гарантией реализации местного самоуправления.

2 О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления: приказ Генпрокуратуры РФ от 17 сентября 2007 № 144 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». – Последнее обновление от 22.04.2011.

3 Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генпрокуратуры РФ от 07 декабря 2007 № 195 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». – Последнее обновление от 10.02.2012.

4 Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления: приказ Генпрокуратуры РФ от 24 ноября 2008 № 243 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

5 О внесении изменений в Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления»: приказ Генпрокуратуры РФ от 23 декабря 2009 № 395 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

Следует отметить необходимость определения вида юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления в сфере правотворчества, так как современный уровень разработанности проблем конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности порождает неоднозначность выводов в научной литературе в отношении отдельных вопросов исследуемого института.

В результате анализа существующих точек зрения мы приходим к выводу о том, что конституционно-правовая и муниципально-правовая ответственность представляют собой разновидности публично-правовой ответственности, связанной с осуществлением публичной власти [2, 4, 6,11].

Анализируя проблему соотношения ответственности за правонарушение в сфере муниципального правотворчества с ответственностью за ненадлежащее осуществление отдельных государственных полномочий, мы приходим к выводу о том, что при реализации полномочий в сфере правотворчества в рамках устава муниципального образования органы и должностные лица местного самоуправления несут муниципально-правовую ответственность, а при реализации делегированных государственных полномочий на органы и должностные лица местного самоуправления возлагается конституционно-правовая ответственность.

Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления закреплена в ст. 70 Федерального закона №131- ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Анализ показал, что данная норма, а также положения о конституционной ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления, о гражданско-правовой ответственности перед физическими и юридическими лицами, нормы законов субъектов Федерации дублируются практически во всех уставах муниципальных образований. В связи с чем целесообразно в нормативно-правовых актах органов местного самоуправления четко прописать именно муниципально-правовую ответственность одних субъектов местного самоуправления перед другими органами и должностными лицами местного самоуправления, а также населением муниципального образования.

Рассматривая ответственность представительного органа муниципального образования и ответственность главы муниципального образования за принятие и издание неправового муниципального акта, приходим к выводу о том, что юридическая ответственность органов местного самоуправления представляется гарантией реализации местного самоуправления, предопределяющей законность деятельности органов местного самоуправления и в то же время обеспечивающей защиту интересов населения. проживающего на территории муниципального образования.

В настоящее время законодатель не дает четкого представления о правовом регулировании вопросов ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления. Существующая ситуация является причиной недостатков уставов муниципальных образований и как следствие нормативно-правовых актов местного самоуправления, поскольку именно в уставе должны быть закреплены особенности организации местного самоуправления в муниципальном образовании, а также ответственность органов и должностных лиц данного муниципального образования. Правовая действительность требует правового установления института реализации юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления в сфере правотворчества как на федеральном, так и на местном уровне. Для этого в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» необходимо закрепить основные элементы составов муниципальных деликтов и гарантии обоснованности применения соответствующих мер.

Названные проблемы являются тем фоном, на котором осуществляется муниципальная власть. Их нерешенность вызывает определенные трудности в реализации вопросов местного значения и девальвирует самоуправление как форму народовластия. Конструктивное решение обозначенных проблем – необходимое условие совершенствования всей правотворческой деятельности органов местного самоуправления.

Библиографический список

1. *Абдулазизова П.Г.* Местная администрация муниципального образования : организационно-правовые аспекты. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 16.

2. *Алексеев И.А.* Муниципально-правовая ответственность: проблемы теории и практики. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 14.

3. *Запиров Ф.В., Никитенко И.Г.* Модели организационной структуры местного самоуправления: законодательное регулирование и практика реализации. Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 205.

4. *Измайлова Е.В.* Юридические механизмы института ответственности в системе местного самоуправления. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2003.

5. *Ирхин И. В.* Конституционное измерение сознания народа – фундаментальная основа представительной демократии. // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 8. С. 7

6. *Князев С.Д.* Конституционная ответственность в муниципальном праве: вопросы теории и практики. // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 86.

7. Муниципальное право России. Под ред. А.Н. Костюкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право,2007. С.179.

8. *Садовская Т.Д.* Правовые, теоретические и практические основы государственного контроля и надзора. // Право: история, теория, практика: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). СПб.: Реноме, 2011. С. 67-70.

9. *Турищев С.В.* Реализация идей представительной демократии в процессе формирования органов местного самоуправления в Российской Федерации. // Философия права. 2007. № 2. С. 119.

10. *Уваров А.А.* Теоретические аспекты правового регулирования предметов ведения и полномочий органов местного самоуправления. // Вестник ОГУ. 2008. № 6 (88). С. 37.

11. *Черногор Н.Н.* Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления. М., 2012.

J.M. SMIRNOVA

AN IMPLEMENTATION OF POWERS FEATURES REPRESENTATIVE AND EXECUTIVE LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE LAW-MAKING SPHERE

An implementation of powers features of local government bodies in the sphere the law-makings connected with legal regulation of activities of representative and executive bodies of local self-government are analyzed in this article. Recommendations to providing precepts of law in the legislation on local self-government based on the formulated criterion of their justification are offered.

Key words: ***The federal law «About the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation», local self-government body, representative body of local self-government, executive body of local self-government, questions of local value, legal control, legal responsibility, powers of local government bodies in the right creativity sphere.***

И.В. СТРЫГИНА
аспирант Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: strigina@yandex.ru
Тел. 8 980 675 44 70

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Правосудие является важнейшим гарантом прав и свобод человека и гражданина. Однако при выполнении столь важной роли само правосудие также нуждается в охране, а именно с помощью уголовно-правовых средств, ведь в сфере процессуальных отношений не изжиты деяния, являющиеся труднопреодолимым препятствием в решении задач судопроизводства, ущемляющие законные интересы участников процесса, затрудняющие осуществление ими функций, нарушающие законоположения. В связи с данной проблемой автор стремится дать детальную характеристику общих признаков преступных деяний, а именно объективных и субъективных.

Ключевые слова: ***состав преступления, объект преступления, субъект преступления, общественные отношения, отправление правосудия, легализация денежных средств и имущества, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование.***

В правовом государстве на конституционном уровне правосудие является важнейшим гарантом прав и свобод человека и гражданина [12]. Однако при выполнении столь важной роли само правосудие также нуждается в охране, в том числе и с помощью уголовно-правовых средств, так как в сфере процессуальных отношений отнюдь не изжиты деяния, являющиеся труднопреодолимым препятствием в решении задач судопроизводства, значительно ущемляющие законные интересы участников процесса, затрудняющие осуществление ими функций, нарушающие принципиальные законоположения.

Доля официально зарегистрированной преступности посягательства против правосудия в общем количестве известных компетентным органам преступлений в среднем составляет не более одного процента [17]. Однако интерес к их изучению от этого не должен теряться. Во-первых, весьма велика степень латентности преступлений против правосудия. Во-вторых, чрезвычайно высока их общественная опасность. В-третьих, анализ составов преступлений, предусмотренных в гл. 31 УК РФ [11], весьма важен для формирования профессионального правосознания как юриста, так и для повышения уровня юридической культуры сотрудников правоохранительных органов. В-четвертых, непросты и вопросы квалификации рассматриваемых общественно опасных деяний.

Учитывая сказанное, необходимо дать детальную характеристику общих признаков преступных деяний, модели которых объединены в 31 главе Уголовного кодекса.

Ученые давно подчеркивали, что без определения значения объекта преступления для решения вопросов уголовного права нельзя познать сущность общественно опасного посягательства [14], что преступные посягательства различаются между собой ценностью общественных отношений, нарушаемых ими [7]. Обращалось также внимание на зависимость между ошибками в установлении объекта преступления и неправильной квалификацией содеянного [24]. Обосновано также, что свойства объекта посягательства позволяют уяснить содержание и признаки других элементов состава преступления [14]. Многие из специалистов при этом в качестве базовой категории для выведения дефиниции понятия объекта преступления использовали категорию «общественные отношения»[28]. В последнее время все чаще в печати высказываются иные мнения. Активизируются концепции объекта — правового блага, объекта — интереса [23]. Предлагается, в частности, понимать под объектом преступления «охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершившее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред»[18]. Мы же солидарны с теми, кто разделяет традиционную позицию [33]. Так, Р.Р. Галиакбаров, оценивая иные суждения, обращает внимание на то, что «в конечном счете они не выходят за пределы устоявшихся в теории уголовного права решений проблемы объекта преступления» [4]. Действительно, если мы говорим об объекте преступления как о социальном благе, то предполагается, что нечто должно быть признано таковым. А это вряд ли возможно вне рамок общественных отношений. Если мы рассуждаем об объекте престу-

© И.В. Стрыгина

пления как о каком-либо интересе, то за последним явственно вырисовывается социальная связь, без которой данный интерес не может быть реализован.

С учетом сказанного можно предположить, что объединение законодательных конструкций преступлений против правосудия в рамках одного структурного элемента Уголовного кодекса диктовалось, главным образом, качественным своеобразием нарушаемых этими посягательствами общественных отношений.

Из наименования главы 31 УК РФ вытекает, что центральное место среди этих отношений принадлежит деятельности по отправлению правосудия. Об охранительном характере данной меры можно судить и на основе процессуального законодательства. Так, согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ «уголовное судопроизводство имеет своим назначением: защиту прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [20].

Нельзя упускать из вида, что «государственная защита прав и свобод имеет и другие, внесудебные, формы реализации. Однако в отличие от остальных органов государственной власти, в том числе и правоохранительных, только суд имеет охрану прав и свобод человека своей главной задачей» [19].

По мнению ученого И.Я. Фойницкого, правосудие следует рассматривать как деятельность познавательную, правоприменительную, охранительную, а также протекающей в особой процессуальной форме [35]. Можно считать, что именно наличие у правосудия трех вышеуказанных нами специфических свойств и предопределяет необходимость выделения его в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Такое выделение предполагает создание комплекса норм, которые основным назначением имели бы защиту правосудия как охранительной и познавательно-правоприменительной деятельности, а также процессуальной формы последней, и консолидации соответствующих предписаний и запретов в рамках одного структурного элемента Уголовного кодекса. Подобную роль, главным образом, и призвана выполнить глава 31 УК РФ. Вместе с тем следует подчеркнуть, что деятельностью по отправлению правосудия объект посягательств, предусмотренных в названной главе, не исчерпывается.

С помощью мер уголовной репрессии законодатель стремится не только организовать защиту данного вида деятельности, но и создать благоприятные условия для таковой, а прежде всего придать определенную направленность связанной с правосудием деятельности правоохранительных органов, должностных лиц и субъектов процесса. Можно в этом смысле согласиться с Н.А. Носковой, которая в своей работе отмечает: «Посягательство на интересы правосудия есть посягательство на нормальную деятельность суда, прокурора, органов дознания и предварительного следствия по осуществлению задач правосудия» [26]. Таким образом, в объект уголовно-правовой охраны гл. 31 УК РФ включаются, наряду с общественными отношениями, возникающими в ходе осуществления правосудия, такие общественные отношения, которые возникают и реализуются в ходе деятельности других органов и лиц, направленной на решение задач, стоящих перед судебной властью.

Так, заметим, что, придавая правосудию значение основного или дополнительного объекта уголовно-правовой охраны, законодатель, на наш взгляд, не сумел избежать ряда ошибок.

Одна из таких ошибок заключается в определении законодателем сущности состава легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем. Включение ст. 174 в УК РФ непосредственно связано с присоединением России к принятой государствами-членами Совета Европы 8 ноября 1990 года конвенции «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности». «Такого рода нормы, – пишет А.Э. Жалинский, – появившиеся в ряде стран, по замыслу законодателя направлены против лиц, которые получают деньги у преступников из первых рук, зная об их происхождении или имея обязанность знать, и нарушают установленные правила идентификации этих денег и сообщения о них» [9].

Действительно, описанные в анализируемой статье УК РФ деяния способны значительно затруднить процесс обнаружения и раскрытия преступных посягательств, в результате которых незаконно получено имущество. Думается, именно в этом заключается общественная опасность подобных деяний, а вовсе не в том, что «отмывание» такого имущества делает экономику криминальной, нарушает принципы осуществления экономической деятельности, как пытаются представить некоторые авторы [21]. Не соглашаясь с последними, Н.А. Егорова верно, по нашему мнению, замечает, что «вредоносность легализации преступных доходов для экономической деятельности как таковой не всегда очевидна» [8]. В самом деле, в криминальную экономику превращает вовсе не легализация. Скорее, наоборот, последняя способствует перемещению денежных средств из «теневого» бизнеса в законный [31]. Но подобная деятельность, несмотря на то, что в ряде случаев она может служить социально-полезным целям, скажем, финансированию убыточных отрас-

лей или предприятий, не одобряется, а напротив, в уголовном порядке преследуется государством потому, что мешает борьбе с преступными формами нелегальной экономики.

По указанным соображениям легализацию («отмывание») денежных средств или имущества, полученных незаконным путем, целесообразно было бы отнести к посягательствам против правосудия и рассматривать в качестве одного из проявлений прикосновенности к преступлениям. Так поступил, например, немецкий законодатель, поместив соответствующий параграф (§ 261) в раздел УК РФ, посвященный различным формам укрывательства (Begunstigung und Hehlerei) [37]. Сходным образом решен вопрос о месте аналогичного состава преступления в УК Швейцарии. Статья 305 bis, именуемая «отмывание денег», помещена рядом со статьей, устанавливающей ответственность за укрывательство (ст. 305), и располагается в разделе XVII Кодекса «Преступления и проступки против правосудия» [34].

Свою позицию российский законодатель подтвердил, сконструировав состав легализации доходов, полученных незаконным путем, совершаемым виновным в основном преступлении (ст. 1741 УК РФ). Если бы законодатель исходил из того, что «отмывание» преступных денег есть разновидность укрывательства, подобное решение вряд ли было бы им принято.

Сомнения, на наш взгляд, возможны и относительно правильности выбора законодателем места расположения ст. 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование». Помещение последней в главу о преступлениях против правосудия должно означать, что основной непосредственный объект посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, лежит в плоскости общественных отношений, обеспечивающих предпосылки для выполнения процессуальных функций, а также гарантирующих обязательность судебных актов [13]. Но тогда становится непонятным, почему в указанной статье предусматривается ответственность и за посягательство на жизнь определенных лиц, совершенное из мести за деятельность по осуществлению правосудия или предварительного расследования. Причем никакой оговорки относительно того, что речь идет о деятельности, имеющей место в настоящем, в законе нет. Следовательно, в ст. 295 УК РФ имеется в виду и деятельность, которая уже осуществлена и которой никакого ущерба не причинено [10]. В этой связи подчеркнем, что высказанное В.Н.Кудрявцевым мнение относительно цели преступившего запрет, содержащийся в данной норме, нуждается в уточнении. Автор пишет, будто таковая достигается физическим устранением указанных в статье лиц и «(одновременно) психологическим воздействием (запугиванием других участников процесса)» [11]. Но подобное суждение может быть признано верным лишь при условии, если иметь в виду не конкретный процесс, а процесс в абстрактном смысле. Думается, что не утратила своей актуальности высказанная в начале века рекомендация следующего содержания: «Если уголовное правонарушение содержит в себе несколько посягательств на несколько благ различного разряда, пользующихся уголовно-правовой охраной, но одно из этих благ страдает при всех преступлениях или проступках этой категории, а другие блага страдают не при всех, а только при некоторых из этих преступных деяний; в таком случае это уголовное правонарушение классифицируется по постоянно страдающему благу» [29].

Представляется, что признаки, дифференцирующие ответственность за квалифицированное убийство и посягательство, предусмотренное ст. 295, находятся не в области объекта преступления, а в области мотивации последнего. Жизнь судьи и других лиц, которых, говоря словами Г.В.Ф. Гегеля, можно отнести к «всеобщему сословию» [5], должна защищаться особым образом не только потому, что она является непосредственным условием осуществления определенного рода деятельности, но и потому, что итог последней способен вызвать недовольство отдельных людей, чьи интересы противоречат интересам правосудия. Поэтому логичнее было бы помещение анализируемого состава преступления в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» [11]. Именно таким образом решен вопрос о месте нормы, предусматривающей ответственность за умышленное убийство магистрата, судьи, адвоката, какого-либо должностного лица системы правосудия и т. п., в УК Франции. Французский законодатель поместил данную норму (п. 4 ст. 221—4) в главу I «О посягательствах на жизнь человека», хотя в Уголовном кодексе данного государства имеется отдельная глава (гл. 4) «О посягательствах на деятельность суда» [25].

Подобный подход представляется верным и в свете ценностной иерархии объектов уголовно-правовой охраны [6], «вершину которой должна составлять жизнь человека как наиболее ценное социальное и личное благо, ради обеспечения которого, в конечном счете, и функционируют все социальные институты» [15].

При конструировании составов преступлений, которыми умышленно причиняется вред этой высшей ценности, именно последней необходимо придавать значение основного защищаемого обще-

ственного отношения. Все же иные социальные блага могут занимать по отношению к ней лишь место дополнительного объекта уголовно-правовой охраны.

Специфика объекта рассматриваемых посягательств определяет и особенности их объективной стороны. Дело, конечно, не только и не столько в том, что многие преступления против правосудия смоделированы законодателем как составы активных действий [17]. Возможно, это-то как раз следует считать упущением российского правотворца. Недостатком целого ряда статей, включенных в гл. 31 УК РФ, является то, что они не охватывают собой невыполнение ответственными лицами возложенных на них процессуальным законом или иными нормативными актами обязанностей. Такой упрек можно сделать в адрес ст. 294, 300, 302, 303 УК РФ. Важно же обратить внимание на другую особенность. Нарушение соответствующего объекта уголовно-правовой охраны проявляется вовне в одной из следующих форм: существенного отклонения субъекта от своих процессуальных функций или невыполнения обязанностей, связанных с реализацией процессуальных актов; воспрепятствования осуществлению подобных функций и обязанностей, в том числе в виде понуждения (принуждения) носителей таковых к поведению, мешающему решению задач правосудия.

Подавляющее большинство неквалифицированных составов преступлений, включенных в главу 31 УК РФ, по своей законодательной конструкции являются формальными. Даже приводимые в качестве примеров материальных составов нормативные модели незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312) [36], весьма специфичны, на наш взгляд, в этом отношении. Диспозиция соответствующей статьи содержит указание отнюдь не на основные последствия преступного посягательства, а лишь на дополнительные, от которых защищается дополнительный объект [16]. Что же касается основных последствий, характеризующих вред, причиняемый основному объекту уголовно-правовой охраны, то они оказываются за рамками и данных составов преступлений.

На основании изложенного можно сказать, что выбор законодателем именно такой конструкции при описании посягательств против правосудия не случаен. Он обусловливается не только неопределенностью нематериального вреда, преимущественно являющегося следствием подобных общественно опасных деяний, но и способностью последних, как правило, причинять значительный урон важным социальным отношениям, что порождает естественное стремление обезопасить данные отношения от названных посягательств [22]. Урон этот выражается в том, что либо цели правосудия вообще оказываются недостижимыми, либо создаются неблагоприятные условия для их достижения.

Можно предположить следующее. Если в описание, например, составов злоупотребления или превышения должностными полномочиями законодатель включает указание на существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, то он тем самым предвидит типичность случаев, когда злоупотребление или превышение не обладает соответствующей вредоносностью. Отсутствие же среди конструктивных признаков некоторых составов преступлений против правосудия, сходных с посягательствами, предусмотренными ст. 285–286 УК РФ (ст. ст. 299–303, 305 УК РФ), такого рода последствий должно означать, напротив, признание нестандартности подобной ситуации. Соответственно, нетипичный случай следует рассматривать с позиции ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Логично, однако, и иное предположение. Если в судебной практике законодательная презумпция вредоносности тех или иных посягательств, предусмотренных в главе 31 УК РФ, опровергается слишком часто, то не может не возникнуть сомнения либо в правильности выбора конструкции состава преступления, либо даже в обоснованности криминализации такого рода деяний.

Нельзя не обратить внимания на особенности изложения нормативного материала при описании составов преступлений против правосудия. Во-первых, в главе 31 УК РФ законодатель иногда прибегает к бланкетной форме конструирования диспозиции статьи уголовного закона (ст. ст. 300, 301, 305 УК РФ). Во-вторых, подавляющее большинство запретов и предписаний, содержащихся в данной главе, сформулированы с использованием бланкетных признаков [27]. И тот, и другой вариант предопределяют необходимость внимательного ознакомления правоприменителя с ГПК (АПК), УПК или УИК, другими нормативными актами аналогичного характера для уяснения содержания соответствующих уголовно-правовых положений. В то же время несовершенство и пробелы процессуального либо уголовно-исполнительного законодательства в ряде случаев могут затруднить уяснение смысла и применение уголовного закона, негативно повлиять на эффективность последних.

Специфика объекта преступлений против правосудия нашла отражение и в определении законодателем свойств их субъектов. Поскольку оказать негативное влияние на развитие процессуальных и

связанных с ними отношений в целом ряде ситуаций способно далеко не любое лицо, постольку для многих субъектов составов посягательств, включенных в главу 31 УК РФ, характерны специальные признаки (ст. ст. 299–303, 305–308, 310, 311, 313, 314 и отчасти ст. ст. 312 и 315 УК РФ).

В юридической литературе отмечается, что преступления против правосудия характеризуются только умышленной формой вины, причем, как правило, умысел может быть лишь прямым [30].

Действительно, содержание употребляемых в главе 31 УК РФ терминов («воспрепятствование», «угроза», «оскорбление», «уклонение» и т. д.), а равно указание законодателя в ряде статей на признак заведомости поведения виновного убеждает в справедливости такого вывода по отношению к большинству рассматриваемых посягательств. Этого, однако, нельзя сказать о составе разглашения данных предварительного расследования, а также о разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участника уголовного процесса.

В связи с изменением редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ не представляется возможным однозначно ответить на вопрос о форме вины в данных преступлениях. Формулировка ст.ст. 310, 311 УК РФ такова, что допускает не только умысел в преступном распространении соответствующих сведений.

Не позволял такой категоричный вывод сделать и УК РСФСР 1960 г. Поэтому встречались утверждения, что разглашение данных предварительного расследования может быть совершено и по неосторожности [32]. Критикуя подобную позицию, ученые каких-либо весомых аргументов против нее чаще всего не приводили [2].

Но оправданно ли установление ответственности за совершение по неосторожности разглашения данных предварительного расследования в то время, как посягательства, наносящие более серьезный вред правосудию, наказуемы лишь при умысле виновного. Вряд ли. Сказанным, на наш взгляд, может быть обоснована необходимость уточнения формы вины в составе преступления, предусмотренном ст. 310 УК РФ. То же можно сказать о преступлении, регламентируемом в ч. 1 ст. 311 Уголовного кодекса РФ. Следует в то же время заметить, что единообразие в определении формы вины применительно к составам преступлений против правосудия не вполне оправданно.

Еще в 1884 г. присяжный поверенный А.Э. Бардзкий пытался обосновать необходимость привлечения к уголовной ответственности должностных лиц судебного ведомства за принятие ошибочных решений. «Самые обширные полномочия, – писал он, – даны суду – власть его самая широкая; судьба человека, его жизнь, имущество, честь и свобода – все это в руках судьи, как шашки, которые он передвигает, хотя и согласно закону, но закону, толкуемому по его усмотрению. Раз судья взялся за эту игру, так отвечай же за всякий неосмотрительный ход, за всякое незаконное усмотрение» [1].

Важность осуществляемой вершителями правосудия функции, необходимость особой тщательности исполнения ими принятых на себя обязанностей порождают, на наш взгляд, обоснованные сомнения в правильности нормативного определения формы вины в составе преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ.

Указание законодателя на заведомость неправосудности судебного акта исключает вывод о возможности совершения данного преступления по неосторожности. Последнее может быть осуществлено лишь с прямым умыслом. Субъект не только осознает, что принимает участие в вынесении неправосудного (несоответствующего закону ли необоснованного) судебного акта, но и желает его постановления. Свое желание субъект выражает в том случае, когда судебный акт выносится коллегиально, путем соответствующего голосования. Отсюда следует сделать вывод о том, что судья, оставшийся при голосовании в меньшинстве, но вынужденный в силу указания закона подписать вынесенный путем голосования судебный акт, не должен нести ответственность по ст. 305 УК РФ [3].

Таким образом, для большинства составов преступлений против правосудия цель и мотив не являются обязательными признаками. Но если законодатель придает такое значение факультативным признакам субъективной стороны, то наполняет их особым содержанием. Специфика заключается в следующем. Во-первых, ответственность ни за одно из преступлений, предусмотренных в главе 31 УК РФ, не ставится в зависимость от наличия корыстной или иной личной заинтересованности, в отличие, например, от некоторых конструкций посягательств против интересов службы в государственных органах или порядка управления (ст. ст. 285, 292, ч. 1 ст. 325 УК РФ). Во-вторых, определяемый в законе идеальный результат соответствующих преступлений против правосудия всегда противоположен задачам последнего (ст. ст. 294, 295, 304, 309 УК РФ). Что же касается указанных в статьях анализируемой главы Кодекса мотивов преступных деяний, то их особенности заключаются в механизме формирования, а именно в возникновении стремления совершить преступление под влиянием процессуальной деятельности или деятельности, значимой для исполнения процессуальных решений (ст. ст. 295, 296, 298 УК РФ).

Библиографический список

1. *Бардзкий А.Э.* Об ответственности должностных лиц судебного ведомства за преступления и проступки по службе: Сочинения присяжного поверенного округа Московского Судебной палаты. Тула, 1884. С. 290.

2. *Власов И.С,* Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 107.

3. *Волжин В.* Особые мнения при постановлении приговоров и независимость судей // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. восьмая. С. 11.

4. *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право. Общая часть: Учебник. Краснодар, 1999. С. 96.

5. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М, 1990. С. 243.

6. *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 61.

7. *Демидов Ю.А*. Юридическая и моральная оценка преступления // Советское государство и право. 1970. № 2. С. 90.

8. *Егорова Н.А.* Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. Волгоград, 1998. С. 57.

9. *Жалинский А.Э.* К вопросу о работе над проектом Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994. С. 39.

10. *Ибрагимов Р., Кочетков А*. О содержании и значении признака «связь посягательства со служебной деятельностью представителя власти» // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. 1985. № 5. С. 64.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. проф. А.В. Наумова. М., 1996. С. 711.

12. Конституция Российской Федерации. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237.

13. *Коржанский Н.И.* Развитие учения об объекте преступления в науке советского уголовного права // Становление и развитие советского уголовного законодательства. Волгоград, 1973. С. 44.

14. *Коржанский Н.И*. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976. С. 5.

15. *Коржанский Н.И*. Ценностная характеристика объектов уголовно-правовой охраны и степень их преступного повреждения // Этика предварительного следствия: Труды высшей следственной школы. Вып. 15. Волгоград, 1976. С. 138.

16. *Кудрявцев В.Н*. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 137-142.

17. *Кулешов Ю.И.* Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: Учеб. пособие. Хабаровск, 2001. С.9.

18. Курс уголовного права. Общая часть. Т. J: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 202.

19. *Лазарева В.А.* Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 22-27.

20. *Лобанова Л.В*. Преступления против правосудия. Общая характеристика и классификация: Учебное пособие – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2004. С. 62.

21. *Лопашенко Н.А*. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. С. 146.

22. *Мальцев В.В*. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. С. 47

23. *Наумов А.В*. Российское уголовное право. Общая честь: Курс лекций. М., 1996. С.149.

24. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 6.

25. Новый уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 60.

26. *Носкова Н.А*. Ответственность граждан за преступления против правосудия. М., 1975. С. 10.

27. *Пикуров Н.И.* Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией: Лекция. Волгоград, 1985. С. 8-11.

28. *Пионтковский АЛ*. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

29. Пусторослев П.П. Из лекций по особенной части Русского уголовного права. Вып. 1. Юрьев, 1908. С. 9.

30. *Рашковская Ш.С.* Отграничение преступлений против правосудия от дисциплинарных проступков // Социалистическая законность. 1976. № 12. С. 39.

31. Словарь иностранных слов. М., 1980. С. 280.

32. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1979. С. 396.

33. Уголовное право. Общая часть: Учебник. / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 183-185.

34. Уголовный кодекс Швейцарии. / Пер. с нем. М., 2000. С. 99.

35. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.,1996. С. 7.

36. *Чучаев А.И.* Преступления против правосудия: Научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 6.

37. *Щебунов А.А.* Борьба с легализацией незаконно полученных доходов по уголовному праву ФРГ// Государство и право. 1998. № 6. С. 78–87.

I.V. STRYGINA

THE OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIGHS OF THE CRIMES AGAINST THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

Justice is an essential guarantor of the rights and freedoms of man and citizen. However, when performing such an important role, justice itself is in need of protection, and with the help of criminal-legal means, after all, in the sphere of procedural relations will not suffer from acts that are formidable obstacle in solving the problems of legal proceedings, infringing upon the legitimate interests of participants of the process, hindering the exercise of their duties, violate the provisions of the law. In connection with this problem the author tries to give a detailed characterization of the common signs of criminal acts, namely the subjective and objective.

Key words: ***the crime, the object of the crime, the subject of a crime, public relations, administration of justice, the legalization of the money and property, encroachment on the life of a person administering justice or preliminary investigation.***

Д.В. ФИЛИППОВ
первый заместитель начальника ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области
Тел. (4862) 76 12 25

ЗАЯВИТЕЛЬ КАК УЧАСТНИК ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье анализируются пробелы в законодательном закреплении процессуального статуса заявителя в современном российском уголовном судопроизводстве. Автор рассматривает особенности процессуального положения заявителя на первоначальном этапе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: ***заявитель, уголовный процесс, этап уголовного судопроизводства.***

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве термин заявитель употребляется неоднократно. В русском языке этим словом обозначается тот, кто подает заявление. А под заявлением, в свою очередь, понимается официальное сообщение, сделанное в устной или письменной форме[1]. Такое широкое понимание рассматриваемого термина позволило использовать его в уголовном судопроизводстве в несколько разных значениях. Во-первых, под заявителем понимается лицо, заявившее ходатайство (ст.ст. 119, 120, 219 УПК РФ). Во-вторых – лицо, принесшее жалобу на действия должностных лиц, осуществляющих судопроизводство. При этом данный термин используется как в главе 16 УПК РФ, определяющей общие правила обжалования действий и решений суда и должностных лиц (ст. ст. 124, 125 УПК РФ), так и в предписаниях закона, устанавливающих правила обжалования судебных решений (например, ст. 404 УПК РФ). В-третьих, слово «заявитель» многократно употребляется в главах 19 и 20 УПК РФ, регламентирующих порядок рассмотрения и разрешения первичной информации о преступлениях. Рассматриваемый термин используется и применительно к иным ситуациям (ст. ст. 399, 463 УПК РФ). Исходя из этого, понятие и правовой статус заявителя должен рассматриваться с учетом указанных выше обстоятельств.

Вместе с тем возникает вопрос, является ли заявитель самостоятельным участником уголовного судопроизводства? Ответить на него однозначно, на наш взгляд, не представляется возможным. Так, в ч. 3 ст. 119 УПК РФ словом заявитель обобщенно обозначаются лица, имеющие право заявить ходатайство. В части 1 этой же статьи обозначен круг лиц, которые обладают этим правом. К ним отнесены только подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, а также гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Таким образом, термином «заявитель» здесь не обозначается автономный субъект уголовно-процессуальных отношений.

Иначе дело обстоит с заявителем, которого законодатель упоминает в главах 19 и 20 УПК РФ, где под этим участником имеется в виду лицо, предоставившее первичную информацию о преступлении. В данном случае есть основания предполагать, что речь идет об обособленном участнике уголовного судопроизводства. Однако, в разделе II «Участники уголовного судопроизводства» УПК РФ этот субъект не упоминается. В указанном разделе имеются: глава 5 «Суд»; глава 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения»; глава 7 «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты»; глава 8 «Иные участники уголовного судопроизводства». Логическое восприятие наименования и структуры этого раздела может привести к выводу, что в нем дан исчерпывающий перечень субъектов, участвующих в уголовном процессе. Тем более что наименование главы 8 УПК РФ может сформировать представление, что в нее включены все участники уголовного судопроизводства, не вошедшие в иные главы, то есть, по остаточному признаку. Такие опасения высказываются в теории уголовного процесса[2].

Но в главе 8 УПК РФ перечислены далеко не все субъекты, которые не вошли в главы 5-7 УПК РФ. Не упоминается там рассматриваемый нами заявитель. Не вошел в нее поручитель (ст. 103 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), секретарь судебного заседания (ст. ст. 68, 245 УПК РФ) и многие другие. Можно ли их именовать участниками уголовного судопроизводства?

Если использовать подход, в соответствии с которым участники уголовного судопроизвод-

1 См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1984. С. 196.

2 См.: Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 119-121.

© Д.В. Филиппов

ства – это только те, которые упомянуты в разделе втором УПК РФ, то положительный ответ на этот вопрос дан не будет. Однако это прямой путь к возникновению дискуссии, подобной той, которая существовала по вопросу о понятии и круге участников уголовного процесса во второй половине 20 века[3]. Сегодня подобный научный спор, очевидно, не возникнет, поскольку УПК РФ содержит понятие участников уголовного судопроизводства, понимая под ними лиц, принимающих участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Данное определение позволяет к числу участников отнести всех, кто вовлечен в уголовно-процессуальные отношения, независимо от того, упомянут этот субъект в разделе втором УПК РФ или нет. Напрямую это относится и к заявителю, о котором идет речь в главах 19, 20 УПК РФ. Вот только эта дефиниция, имеющая место в ст. 5 УПК РФ, оторвана от текста указанного раздела, что создает определенные неудобства в правильном восприятии смысла закона[4].

Очевидно, из-за неоднозначности восприятия термина «заявитель» законодатель отказался от формулирования соответствующего определения. Вместе с тем, такая попытка предпринята в теории уголовного процесса. В процессуальной литературе высказано предложение включить в ст. 5 УПК РФ понятие «заявитель», определив его следующим образом: «Заявитель – лицо, обратившееся в предусмотренном законом порядке в органы предварительного расследования, прокуратуру, суд с заявлением о готовящемся или совершенном преступлении, а также с заявлением об обжаловании процессуальных решений и действий (бездействия) лиц, осуществляющих уголовное преследование, принятие и совершение которых причиняет или способно причинить ущерб его правам, свободам и законным интересам»[5]. Однако, на наш взгляд, эта дефиниция не вполне удачна. Во-первых, этим определением не охватываются отдельные категории субъектов, которых законодатель также именует заявителями, например, лицо, обратившееся с ходатайством (ст.ст. 120, 219 УПК РФ), лицо, по чьей просьбе разрешаются вопросы, связанные с исполнением приговора (ст. 399 УПК РФ) и др. Во-вторых, действия (бездействие) и решения должностных лиц могут быть обжалованы как участниками уголовного судопроизводства, так и иными лицами (ч. 1 ст. 123 УПК РФ). И если во втором случае предложенное определение действительно может быть приемлемо, то в первом возникает ряд вопросов. Например, если жалоба принесена потерпевшим, то как надлежит именовать такого участника – потерпевшим или заявителем, каким объемом прав он должен обладать, зачем ему иметь двойное наименование? В-третьих, не всегда и лицо, сделавшее заявление о преступлении, законодателем именуется заявителем. Так, по делам частного обвинения поводом для начала уголовного судопроизводства является заявление потерпевшего или его законного представителя (ч. 2 ст. 20, ч. 1 ст. 318 УПК РФ).

Нас в большей степени интересует заявитель как участник первоначального этапа судопроизводства. Поэтому обратимся к исследованию процессуального положения этого субъекта. Термин «заявитель» неоднократно используется в ст. 141 УПК РФ «Заявление о преступлении». Здесь, в частности, отмечается, что письменное заявление о преступлении должно быть подписано заявителем; устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем; протокол должен содержать данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих его личность; в случае, когда заявитель не может лично присутствовать при составлении протокола, его заявление оформляется в порядке, установленном ст. 143 УПК РФ; заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. О заявителе и принадлежащих ему правах упоминается также в других статьях, содержащихся в 19 и 20 главах УПК РФ. В части 4 ст.144 УПК РФ говорится о том, что заявителю должен быть выдан документ о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени принятия. В части 2 ст. 145 и ч. 4 ст. 148 УПК РФ указано, что заявитель должен быть поставлен в известность о результатах рассмотрения информации о преступлении. В части 4 ст. 146 УПК РФ закреплено право заявителя знать об отмене прокурором постановления о возбуждении уголовного дела.

На первый взгляд, может сформироваться представление о том, что термином «заявитель» законодатель обозначил лицо, пострадавшее от

3 См, напр.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. 275 с.; Стремовский В.А. Участники предварительного следствия. Ростов: Ростовское книжное изд., 1966. 136 с.; Выдря М.М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав: Учебное пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1979. 101 с.; Шешуков М.П. Участники процесса на предварительном следствии. Рига: «Зинатне», 1988. 120 с.

4 См.: Хитрова О.В. Об участии в уголовном преследовании органов судебной, законодательной власти и иных субъектов // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сб. науч. трудов (в двух частях). Часть первая. – М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 20-21.

5 Судебный контроль в уголовном процессе / И.А. Давыдова и др.; под ред. Н.А.Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 75.

преступления, до придания ему официального статуса потерпевшего. Таким образом, можно было бы включить заявителя в перечень субъектов, отнесенных к стороне обвинения. Однако такое мнение легко опровергается.

Во-первых, законодатель не требует, чтобы в качестве заявителя выступало только то лицо, которому совершенным деянием причинен вред. В части 1 ст. 144 УПК РФ содержится указание о том, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Поэтому в правоприменении возможны две процессуальные ситуации:

1. Когда лицу, выступающему в роли заявителя, преступным деянием причинен вред и в дальнейшем оно может быть признано потерпевшим по возбужденному уголовному делу. В этом случае права и законные интересы личности затрагиваются самым существенным образом, и отстаивать их гражданин часто начинает еще до возбуждения уголовного дела и признания его потерпевшим.

2. Когда заявителю вреда преступлением не причинено. В этом случае, после возбуждения уголовного дела лицо может выступать лишь как свидетель и его заинтересованность в исходе дела существенно уступает интересам потерпевшего, хотя она может быть и более значительной, чем у обычного свидетеля[6].

В правоприменении также имеют место случаи, когда лицо, пострадавшее от противоправного деяния, участвовало в формировании первоначальной информации о преступлении, но юридически статус заявителя не приобрело. Одну из таких ситуаций предусматривает и законодатель. В части 5 ст. 141 УПК РФ указано: «В случае, когда заявитель не может лично присутствовать при составлении протокола, его заявление оформляется в порядке, установленном статьей 143 настоящего Кодекса». Такие случаи нередки. Они имеют место, когда, например, о совершенном преступлении лицо сообщает по телефону. В соответствии со ст. 143 УПК РФ при этом возникает такой повод для возбуждения уголовного дела как рапорт об обнаружении признаков преступления, а не заявление.

Имеются и другие примеры данного явления. Так, 17 августа 2009 г. из больницы скорой медицинской помощи в УВД по Сормовскому району г. Н.Новгорода поступило сообщение о доставлении в больницу пятнадцатилетнего В. с травмами криминального характера. Подросток, от которого оперуполномоченным уголовного розыска было получено объяснение, пояснил, что его избил отец. В материалах уголовного дела в качестве повода для его возбуждения фигурировало не заявление несовершеннолетнего, а рапорт оперуполномоченного об обнаружении признаков преступления[7].

Необходимо учитывать, что для возбуждения отдельных категорий уголовных дел, при расследовании и рассмотрении которых предполагается участие потерпевшего, преобладающим является такой повод, как сообщение, полученное из иных источников, оформляемое рапортом[8]. Существуют и иные случаи, когда лицо, фактически потерпевшее от преступления, заявителем не является, а, следовательно, не имеет на первоначальном этапе судопроизводства правового статуса, позволяющего обеспечить защиту своих прав и законных интересов.

В тех ситуациях, когда лицо, пострадавшее от преступления, получило статус заявителя, возникает вопрос о достаточности объема его прав для обеспечения защиты своих интересов.

В юридической литературе, еще в период действия УПК РСФСР, высказывались заслуживающие внимания предложения по совершенствованию процессуального статуса заявителя. По мнению В.В.Степанова, этого участника необходимо было наделить следующими дополнительными правами: обжаловать отказ в приеме заявления, знакомиться с материалами предварительной проверки по ее завершению, заявлять ходатайства, представлять дополнительные данные[9]. Аналогичной позиции придерживалась Т.Н. Москалькова[10]. Ставился вопрос и о еще большем расширении круга прав рассматриваемого участника, поскольку существующие и предлагаемые права не отражали в полной мере интересы заявителя, связанные, например, с возмещением понесенных в связи с участием в уголовно-процессуальной деятельности расходов, реализацией интереса в объективном (с позиции заявителя) разрешении его сообщения о преступлении[11].

На сегодняшний день эти предложения частично реализованы законодателем. Хотя, может быть,

6 См.: Демидов И.Ф. Заявитель в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 36. М., 1982. С. 85-90; Белозеров Ю.Н., Марфицин П.Г. Обеспечение прав и законных интересов лично-сти в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие. – М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. С. 6.

7 См.: Архив УВД Нижегородской области. Уголовное дело № 1/426 2009 г.

8 См., напр.: Сумин А.Е. Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг: автореф. дис… канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2011. С. 16.

9 См.: Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. С. 12-19.

10 См.: Москалькова Т.Н. Охрана прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы совершенствования законодательства об охране прав граждан в сфере борьбы с преступностью. Ярославль, 1984. С. 60-68.

11 См.: Марфицин П.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис … канд. юрид. наук. М., 1993. С. 53.

не всегда удачно. Но даже при том, что правовое положение заявителя получило определенное развитие, оно продолжает оставаться гораздо меньшим по объему в сравнении с процессуальным статусом потерпевшего. Конечно, такое явление можно объяснить тем, что с учетом специфики первоначального этапа уголовного судопроизводства нет необходимости предоставлять рассматриваемому лицу широкий круг прав и обязанностей. Но он не должен быть и чрезмерно ограниченным. А именно такую картину мы наблюдаем в отношении лица, пострадавшего от преступления.

Так, потерпевший имеет право давать показания. У заявителя такого права нет. С одной стороны понятно, что показания потерпевшего – это сведения, сообщенные на допросе (ч. 1 ст. 78 УПК РФ), и они не могут быть получены в стадии возбуждения уголовного дела. Но, с другой стороны, без сведений, сообщенных пострадавшим, иногда невозможно или слишком затруднительно принять решение на первоначальном этапе судопроизводства. Пусть это будут не показания, а объяснения (хотя этот вопрос в большей степени терминологический), главное, чтобы у лица, пострадавшего от преступления, было такое право. Кстати, им наделен подозреваемый (п. 2 ч. 3 ст. 46 УПК РФ). Получение объяснения от заявителя – явление, распространенное на практике, что еще раз подтверждает необходимость его законодательного закрепления[12].

Заявитель, в отличие от потерпевшего, не наделен возможностью заявлять ходатайства и отводы. Представляется, что отсутствие такого права в ряде случаев может существенно повлиять на обеспечение защиты интересов лица, пострадавшего от преступления, являющегося заявителем.

Парадоксально, но буквальное толкование закона не позволяет обнаружить право заявителя делать заявления и давать объяснения на родном языке или языке, которым он владеет. Такой вывод следует, во-первых, из того, что данное право применительно к заявителю ни в одной норме прямо не закреплено. Во-вторых, его невозможно определить, исходя из основных положений, принципов уголовного судопроизводства. Так, в ст. 18 УПК РФ «Язык уголовного судопроизводства» указано, что рассматриваемым правом обладают участники, не владеющие или недостаточно владеющие языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Но в первоначальной стадии уголовного процесса производство по делу еще не возбуждено, а значит и не ведется. Следовательно, это правило не распространяется на участников данной стадии. Не обратил внимания на это обстоятельство и высший судебный орган страны. Так, в п. 10 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», указано: «Потерпевшему, гражданскому истцу и другим участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать пояснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика»[13]. То есть, по сути, воспроизведен текст закона.

Не упоминается заявитель и в числе участников следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела. Например, регламентируя правила осуществления освидетельствования, законодатель указывает среди субъектов этого действия подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Подобный вопрос возникает при участии заявителя в производстве осмотра места происшествия. В соответствии с общими правилами производства следственных действий, к участию в их осуществлении может быть привлечен потерпевший, а не заявитель (ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

Таким образом, заявитель является участником первоначального этапа уголовного судопроизводства, однако, его правовой статус значительно уступает по объему прав статусу потерпевшего, что не позволяет лицу, которому преступлением причинен вред, надлежащим образом защищать свои интересы в стадии возбуждения уголовного дела. Использование термина «заявитель» для обозначения лица, пострадавшего от преступления, на первоначальном этапе судопроизводства не оправдано и потому, что его содержание не охватывает всех ситуаций участия пострадавшего в рассмотрении и разрешении сообщений о преступлении.

12 См.: Сычев П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С.111-112.

13 См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2010. № 9. С.3-4.

Библиографический список

1. *Бахта А.С.* Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. 518с.
2. *Белозеров Ю.Н., Марфицин П.Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие. М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. 76с.
3. *Выдря М.М.* Участники судебного разбирательства и гарантии их прав: Учебное пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1979. 101 с.
4. *Демидов И.Ф.* Заявитель в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 36. М., 1982. С. 85-90.
5. *Марфицин П.Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис … канд. юрид. наук. М., 1993.
6. *Москалькова Т.Н.* Охрана прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы совершенствования законодательства об охране прав граждан в сфере борьбы с преступностью. Ярославль, 1984. С. 60-68.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1984.
8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2010. № 9. С.3-4.
9. *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. 275 с.
10. *Степанов В.В.* Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1972. 142с.
11. *Стремовский В.А.* Участники предварительного следствия. Ростов: Ростовское книжное изд., 1966. 136с.
12. Судебный контроль в уголовном процессе / И.А. Давыдова и др.; под ред. Н.А.Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 847с.
13. *Сумин А.Е.* Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг: автореф. дис… канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2011. – 22с.
14. *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 231с.
15. *Хитрова О.В.* Об участии в уголовном преследовании органов судебной, законодательной власти и иных субъектов // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сб. науч. трудов (в двух частях). – Часть первая. – М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 20-21.
16. *Шешуков М.П.* Участники процесса на предварительном следствии. Рига: «Зинатне», 1988. 120 с.

D.V. FILIPPOV

APPLICANT AS THE PARTY'S INITIAL STAGE CRIMINAL JUSTICE

The paper analyzes the gaps in the legislative strengthening the procedural status of the applicant in the contemporary Russian criminal proceedings. The author considers the particular procedural position of the applicant in the initial stage of the criminal proceedings.

Key words: ***the applicant, the criminal process, the stage of criminal proceedings.***

Е.В. АЛЕКСАНДРОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики Орловского государственного аграрного университета
E-mail: 30Elena78@mail.ru

И.И. ЗУБОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики Орловского государственного аграрного университета
Тел. 8 953 616 95 73

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДУЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В АГРАРНОМ ВУЗЕ

Рассмотрена проблема использования педагогических технологий обучения для формирования высококвалифицированных специалистов агропромышленного комплекса. Предложен еще один метод организации учебного процесса – использование модульной технологии обучения.

Ключевые слова: ***модульно-рейтинговая технология обучения, модуль, модульная программа курса.***

Современный этап развития образования характеризуется качественными изменениями его содержания и структуры, а также оснащением его новыми педагогическими технологиями. Следует отметить, что существуют технологии обучения, которые, по сути, не являются новыми, однако они приобретают особое значение в условиях образовательных стандартов третьего поколения. При этом важная роль отводится развивающемуся процессу информатизации, который позволяет широко использовать различные педагогические технологии. В связи с этим перед высшей школой возникает ряд задач, требующих немедленного разрешения в методике преподавания основных дисциплин. Среди которых на первый план выступают проблемы, требующие учета современных направлений развития и использования педагогических технологий. Это:

1. повышение качества общей и профессиональной подготовки студентов;
2. эффективная организация самостоятельной работы студентов.

Решение этих задач предполагает улучшение содержания образования, а также педагогических технологий получения знаний, умений и навыков студентов. К педагогическим технологиям, используемым в аграрном университете, относятся модульно-рейтинговое, дистанционное, проблемное, игровое обучение и компьютерные технологии. С 2000 года на факультете гуманитарных и естественнонаучных дисциплин внедрена модульная технология обучения с рейтинговой оценкой знаний (причем сначала на кафедрах естественнонаучного цикла, а затем на гуманитарных).

Принципиальным отличием модульного обучения от других систем является следующее:

– содержание обучения представлено в законченных, логически завершенных блоках – модулях, каждый из которых имеет определенную цель и предназначен для формирования профессиональных и общекультурных компетенций;

– качество освоения модулей определяется с помощью специальных контрольных мероприятий, которые проводятся в течение семестра.

Модулем может стать и отдельная дисциплина, и что рациональнее – определенная ее часть. В последнем случае каждый модуль является относительно самостоятельной частью материала учебной дисциплины, освоение которой достигает определенных целей, имеет полное наполнение всеми видами учебных занятий по данному предмету, формирует у студентов конкретные знания, навыки и умения. При этом только освоение всех модулей в их взаимосвязи внутри данного предмета и с другими предметами обеспечивает реализацию главной цели, поставленной при изучении рассматриваемой учебной дисциплины, а как следствие – формирование необходимых профессиональных и общекультурных компетенций.

Основным средством реализации модульно-рейтинговой технологии является модульная программа курса, которая при условии профессиональной направленности позволяет сформировать прочные профессиональные компетенции. Выделяют два типа модульных программ: познавательный и операционный. При построении модульной программы познавательного (гносеологического) типа фундаментальные понятия вводятся последовательно, что позволяет компактно

© Е.В. Александрова, И.И. Зубова

сгруппировать учебный материал курса в отдельные модули, предусмотрев междисциплинарные связи. Внутри модульных программ операционного типа выделяют две разновидности: рецептно-операционная и системно-операционная. Первая отличается узкой профессиональной направленностью, ограниченностью возможности для приобретения фундаментальных знаний и развития творческих способностей. Вторая предусматривает формирование целостной системы знаний и умений. Таким образом, модульные программы имеют различия в принципах отбора учебного материала в модули, но по своему предназначению все они нацелены на формирование профессиональных компетенций у каждого студента. При изучении дисциплин ЕН цикла мы используем гносеологический тип модульной программы.

Главная цель использования модульного принципа при организации учебного процесса – прочное усвоение знаний студентами, умение применять их в практической деятельности будущего специалиста

Задачами, которые решаются в рамках внедрения модульной технологии для достижения поставленной выше цели, являются:

– систематизация построения и определения содержания дисциплины;

– обеспечение методически правильного согласования всех видов учебных занятий между модулями и внутри каждого из них;

– эффективный текущий контроль усвоения знаний студентами;

– дифференцированный подход при оценке знаний студентов, возможность получения дополнительных поощрительных баллов и повышения итоговой оценки при активной самостоятельной и научно-исследовательской работе;

– повышение индивидуализации образовательного процесса;

– выявление перспективных направлений научно-методической работы преподавателей (особенно в рамках перехода на уровневую систему образования).

Один из важнейших принципов данной технологии – качество освоения модулей – определяется с помощью специальных контрольных мероприятий, которые проводятся в течение семестра.

Студентам уже на первом занятии обязательно должна сообщаться полная информации об организации учебного процесса по модульному принципу, которая также должна быть отражена в рабочей программе дисциплины и в учебно-методическом комплексе.

Это:

1. количество модулей, изучаемых в семестре;

2. какие разделы дисциплины входят в каждый модуль;

3. график и порядок проведения отчета по модулю; шкала оценок по отдельным модулям, разделам, заданиям дисциплины;

4. распределение рейтинговых баллов по отчетам на контрольных точках, в том числе распределение поощрительных рейтинговых баллов;

5. условия получения семестровой оценки без сдачи экзаменов и зачетов;

6. вопросы для самоконтроля по теме модуля;

7. методическое обеспечение для подготовки к занятиям в рамках модульного принципа построения дисциплины, а также для подготовки к отчету.

Для оценки знаний при модульном обучении рационально использование рейтинговой оценки знаний. В этом случае традиционный контроль знаний студентов, осуществляемый на сессии, заменяется непрерывным контролем в течение всего семестра.

По своей сути рейтинг, набираемый студентом при обучении, представляет собой количественную оценку знаний, навыков и умений, формируемую по результатам работы студентов (и учебной, и научно-исследовательской) в течение семестра. Это определенная сумма баллов, набранная студентом за эту работу, то есть все результаты, достигнутые студентом на каждом этапе текущего и итогового контроля, оцениваются в баллах. Такая система стимулирует повседневную систематическую работу студентов, значительно повышает состязательность в учебе, исключает случайности при сдаче экзаменов.

Текущий отчет осуществляется по двум ступеням:

первая ступень – компьютерное тестирование по основным положениям и понятийному аппарату дисциплины (интернет-тренажер);

вторая ступень – определение степени прочности (полноты и глубины) усвоения студентами полученных знаний по данному курсу учебной дисциплины, степени понимания логической структуры дисциплины. Вторая ступень проводится, как правило, в тестовой или письменной форме и предусматривает последующее собеседование.

Оптимальное количество модулей в семестре: от 2 до 5, в зависимости от изучаемой дисциплины (раздела дисциплины).

Как уже указывалось выше, при использовании рейтинговой системы оценки качества полученных знаний используется дифференцированная балльная оценка. Студент может максимально набрать 100 баллов. Шкала пересчета в традиционные оценки:

балльная оценка	**от 0 до 54**	**от 55 до 69**	**от 70 до 84**	**от 85 до 100**
академическая оценка	**неудовл.**	**удовл.**	**хорошо**	**отлично**
зачет	**незачтено**	**зачтено**	**зачтено**	**зачтено**

Приведем пример опыта, используемого на факультете гуманитарных и ЕН дисциплин (слайд 12). По результатам только текущего контроля студент может набрать в семестре – 60 баллов. Также он может набрать поощрительные баллы: до 25 – за активную аудиторную и самостоятельную работу; до 15 – за участие в научно-исследовательской работе. Если студент не набирает достаточное для него количество баллов, он сдает итоговый экзамен, на котором может набрать еще 40 баллов.

Если суммарный результат, набранный в течение семестра, равен 55 баллам и выше, то студент имеет право получить зачет или экзаменационную оценку (по шкале) без участия в итоговом аттестационном испытании.

Студент, пропустивший контрольные мероприятия по уважительной причине, может сдать отчет по индивидуальному графику на зачетной неделе в конце семестра.

У студентов, набравших менее 55 баллов, и студентам, которых не удовлетворяют общий набранный балл в семестре и соответствующая ему академическая оценка, предлагается сдача письменного экзамена в экзаменационную сессию по билету, содержащему вопросы по всем разделам физики, изучаемым в семестре. Максимальная сумма баллов, которую при этом может набрать студент, – 85.

Использование 100-балльной шкалы обеспечивает более высокую степень дифференциации оценки (например, оценке “отлично” соответствует диапазон от 85 до 100 баллов). Особенно это заметно при изучении разделов, завершающихся зачетом.

Количество промежуточных этапов контроля учебной работы студентов, форму проведения контроля, сроки и максимальную оценку их в рейтинговых баллах устанавливают на заседании кафедры физики. Преподаватель кафедры, ведущий занятия со студенческой группой, обязан информировать группу об этом решении на первом занятии в семестре.

В университете очень большое внимание уделяется развитию творческого отношения студентов к получению знаний, интеграции науки и образования. Именно с этим связана возможность набрать поощрительные баллы и выйти в конце семестра с оценкой «хорошо» или «отлично» «автоматом».

Основные результаты внедрения модульной технологии обучения с использованием рейтинговой оценки знаний:

- повышение творческого начала как преподавателей, так и студентов;
- повышение заинтересованности студентов в получении и прочном усвоении знаний;
- усиление индивидуализации обучения;
- интенсификация и активизация самостоятельной работы студентов.

На всех кафедрах факультета разработаны модульные рабочие программы, где отражена вся необходимая информация о модулях и контроле знаний, разработано методическое обеспечение.

Библиографический список

1. *Гузеев В.В*. Планирование результатов образования и образовательная технология. М.: Народное образование, 2000. 240с.
2. *Жуков Г.Н*. Основы общей профессиональной педагогики: Учебное пособие. / Г.Н. Жуков, П.Г. Матросов, С.Л. Каплан. Под общеё ред. проф. Г.П. Скамницкой. М.: Гардарики, 2005. 382 с.
3. Глоссарий современного образования (терминологический словарь) // Народное образование, 1997, № 3.

E.V. ALEXANDROVA, I.I. ZUBOVA

EXPERIENCE OF THE MODULE EDUCATION TECHNOLOGY APPLICATION IN AGRARIAN EDUCATIONAL ESTABLISHMENT

The article examines the problem of the application of pedagogical educational technologies to form highly qualified specialists in Agro Industrial Complex. One more method of educational process organization – the application of module education technology – is suggested.

Key words: **module-rating technology of education, module, module program of a course.**

И.Е. БАРАНОВА
аспирант кафедры педагогики начального обучения Московского государственного областного гуманитарного института
E-mail: baranovaie@bk.ru
Тел. 8 926 253 89 77

О РЕЗУЛЬТАТАХ ДИАГНОСТИКИ ГОТОВНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОУ К ПОДДЕРЖКЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

В данной статье автором приводятся результаты диагностики готовности воспитателей ДОУ к поддержке социального развития старших дошкольников, полученные в результате апробации собственной анкеты. Автор говорит о необходимости внедрения спецкурса «Социальное развитие предшкольного и младшего школьного возраста» в связи с актуальностью в современных социально-экономических условиях проблемы социального развития детей предшкольного возраста.

Ключевые слова: ***диагностика, особенности социального развития.***

Проблема социализации детей предшкольного и младшего школьного возраста не теряет своей актуальности в настоящее время, и во многом это обусловлено теми преобразованиями, которые происходят в современном социуме. Изменения социокультурных условий жизни ребёнка создают угрозу полноценной социализации его личности.

Во-первых, в силу сложной экономической ситуации родители современных детей не имеют сегодня возможности проводить с ними достаточно времени. Имеет место дефицит эмоциональных и содержательных отношений современных детей с родителями. Современные родители зачастую не хотят включаться в жизнь своего ребёнка. Телевизионный экран подменяет для маленького ребёнка игру, активную продуктивную деятельность, общение с близкими взрослыми, оказывая мощное деформирующее влияние на становление психики и личности растущего человека.

Во-вторых, активное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь детей, а также повышение ценности интеллекта ребенка приводит к постепенному исчезновению в детских садах ролевой игры. Воспитатели ДОУ отдают сегодня предпочтение в занятиях с детьми дидактическим играм. Особое внимание необходимо обратить на тенденции к снижению сроков начального обучения и повышенному вниманию к целенаправленному обучению дошкольников, что неизбежно ведёт к вытеснению дошкольных видов деятельности.

В исследовании приняли участие 16 воспитателей ДОУ Московской области.

На первом этапе испытуемым была предложена самодиагностика, целями которой были: 1. определить уровень парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию; 2. определить уровень сформированности системы знаний о социальном развитии старших дошкольников.

За основу нами была взята диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию авторов Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.

Данная самодиагностика изначально состояла из 7 блоков вопросов, инструкции по выполнению и ключа.

I. Мотивационный компонент: осознание личной и общественной значимости непрерывного образования в педагогической деятельности; наличие стойких познавательных интересов в области педагогики и психологии; чувство долга и ответственности; любознательность; стремление получить высокую оценку своей самообразовательной деятельности; потребность в психолого-педагогическом самообразовании; потребность в самопознании; уверенность в своих силах.

II. Когнитивный компонент: уровень общеобразовательных знаний; уровень общеобразовательных умений; уровень педагогических знаний и умений; уровень психологических знаний и умений; уровень методических знаний и умений; уровень специальных знаний.

III. Нравственно-волевой компонент: положительное отношение к процессу учения; критичность; самостоятельность; целеустремленность; воля; трудоспособность; умение доводить начатое до конца; смелость; самокритичность.

IV. Гностический компонент: умение ставить и разрешать познавательные задачи; гибкость и оперативность мышления; наблюдательность; способность к анализу педагогической деятельности; способность к синтезу и обобщению; креативность

© И.Е. Баранова

и ее проявления в педагогической деятельности; память и ее оперативность; удовлетворение от познания; умение слушать; умение владеть разными типами чтения; умение выделять и усваивать определенное содержание; умение доказывать, обосновывать суждения; умение систематизировать, классифицировать; умение видеть противоречия и проблемы; умение переносить знания и умения в новые ситуации; способность отказаться от устоявшихся идей; независимость суждений.

V. Организационный компонент: умение планировать время; умение планировать свою работу; умение перестраивать систему деятельности; умение работать в библиотеках; умение ориентироваться в классификации источников; умение пользоваться оргтехникой и банком компьютерной информации; умение владеть различными приемами.

VI. Способность к самоуправлению в педагогической деятельности: самооценка самостоятельности собственной деятельности; способность к самоанализу и рефлексии; способность к самоорганизации и мобилизации; самоконтроль; трудолюбие и прилежание.

VII. Коммуникативные способности: способность аккумулировать и использовать опыт самообразовательной деятельности коллег; способность к сотрудничеству и взаимопомощи в профессиональном педагогическом самообразовании; способность организовать самообразовательную деятельность других (прежде всего обучаемых); способность отстаивать свою точку зрения и убеждать других в процессе дискуссий; способность избегать конфликтов в процессе совместной деятельности.

Для диагностики готовности воспитателей ДОУ к поддержке социального развития старших дошкольников нам было недостаточно данных пунктов, поэтому диагностика была дополнена 3 пунктами, касающимися определения способности к ведению деятельности по социальному развитию детей, а также дальнейших планов по самообразованию в данной области и описанию опыта социального воспитания детей.

VIII. Способность к ведению деятельности по социальному развитию детей: наличие знаний о социальном развитии ребёнка; наличие опыта в сфере социальной адаптации детей в образовательном учреждении; способность оценить степень социальной адаптации ребёнка в коллективе; умение использовать методики для определения уровня социальной адаптации детей; желание помочь ребёнку адаптироваться (приспособиться) к коллективу; умение работать в детском коллективе; знания об особенностях детского коллектива; знание психолого-педагогических особенностей детей предшкольного возраста; умение переносить знания на практику.

IX. Ваши планы по самообразованию в области социального развития детей предшкольного возраста

X. Опишите свой (чужой) опыт социального воспитания ребёнка (детей).

В ходе эксперимента испытуемым была дана инструкция: оцените себя по 9-балльной шкале по каждому показателю и определите:

– уровень сформированности у себя парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию;

– уровень сформированности системы знаний о социальном развитии старших дошкольников.

– уровень готовности к поддержке социального развития старших дошкольников;

Сформированность каждого компонента деятельности оценивалась баллами, которые соответствовали уровням – низкий, высокий, средний. Для 7 компонентов автором основополагающей диагностики уже были определены данные уровни сформированности компонентов. Для 8 пункта уровни сформированности компонента мы определили самостоятельно. Пункты 9 и 10 предполагали в своих ответах самостоятельность суждений испытуемых и не оценивались баллами, и были необходимы нам в качестве получения дополнительной информации.

Уровни сформированности компонентов саморазвития

№ п/п	Компоненты саморазвития педагогов	Уровни сформированности компонентов		
		Низкий	Средний	Высокий
1	Мотивационный	35 и менее	36-54	55 и более
2	Когнитивный	23 и менее	24-36	37 и более
3	Нравственно-волевой	35 и менее	36-54	55 и более
4	Гностический	67 и менее	68-108	109 и более
5	Организационный	27 и менее	28-42	43 и более
6	Способность к самоуправлению	19 и менее	20-30	31 и более
7	Коммуникативный	19 и менее	20-30	31 и более
8	Способность к ведению деятельности по социальному развитию детей	39 и менее	40-64	65 и более

Проанализировав ответы испытуемых, мы получили следующее распределение ответов по уровням:

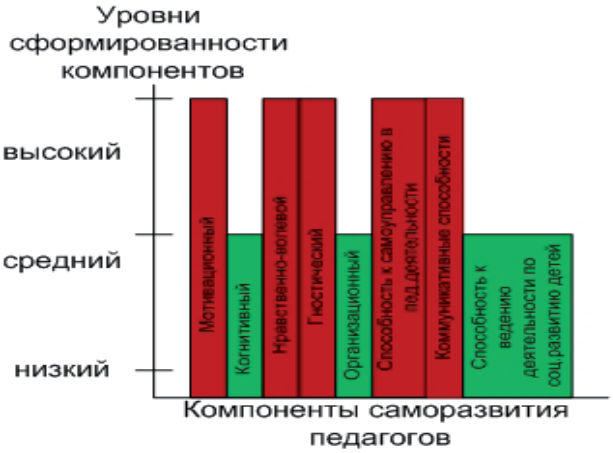
– высокий уровень сформированности: мотивационный, нравственно-волевой, гностический, коммуникативный компоненты, а также способность к самоуправлению;

– средний уровень сформированности: когнитивный и организационный компоненты, а также

способность к ведению деятельности по социальному развитию детей.

Приведём результаты диагностики, которые нашли своё отражение в данной диаграмме:

Диаграмма 1



Для получения полных, развернутых ответов испытуемых, а также определения уровня осведомленности в вопросах непрерывности социального развития детей предшкольного и младшего школьного возраста нами была разработана анкета.

Анализируя литературу, имеющую отношение к социальному развитию личности старшего дошкольника, нам не удалось найти подходящих анкет для определения уровня готовности воспитателей ДОУ к поддержке социального развития старших дошкольников, а также их осведомленности в вопросах непрерывности социального развития детей предшкольного и младшего школьного возраста. Этот факт подтолкнул нас к созданию и апробации среди данной аудитории собственной анкеты для определения уровня готовности воспитателей ДОУ к поддержке социального развития старших дошкольников, а также их осведомленности в вопросах непрерывности социального развития детей предшкольного и младшего школьного возраста. Данная анкета включает в себя следующие вопросы.

1. Назовите основные особенности старшего дошкольного возраста (не менее трех).

2. Как вы считаете, обеспечивается ли непрерывность предшкольного и младшего школьного возраста? Как вы понимаете непрерывность предшкольного и младшего школьного возраста? Каким образом она реализуется?

3. Каковы, на Ваш взгляд, основные сферы развития ребенка дошкольного возраста?

4. Что такое социум?

5. Что такое социализация? (социальное развитие?)

6. Какое окружение (кто) влияет на социальное развитие ребенка?

7. Что такое социальный опыт?

8. Каким образом приобретается социальный опыт?

9. Что такое социальные навыки? (назовите некоторые из них).

10. Какими социальными навыками (на Ваш взгляд) должен обладать ребёнок предшкольного возраста?

11. Какие виды деятельности помогают ребёнку в приобретении социальных навыков?

12. Какие программы социального развития дошкольников Вам известны?

13. Какие программы предшкольной подготовки Вам известны?

14. Какова роль учителя в социальной адаптации детей старшего дошкольного возраста к школе?

15. Какими качествами (профессиональными, личностными) должен обладать учитель/воспитатель, чтобы обеспечить непрерывность социального развития детей предшкольного и младшего школьного возраста?

16. Роль семьи в социализации личности предшкольника?

17. Роль СМИ в социализации личности предшкольника?

18. Существуют ли отклонения в социальном развитии личности предшкольника?

19. Проявления (на Ваш взгляд) социальной дезадаптации предшкольника?

20. Каковы (на Ваш взгляд) причины социальной дезадаптации предшкольника?

21. Каким образом можно способствовать социальному развитию предшкольника?

22. Существует ли (на Ваш взгляд) необходимость введения спецкурса «Социальное развитие детей предшкольного и младшего школьного возраста» в программу подготовки студентов педагогического факультета?

23. Что (по вашему мнению) должен включать в себя спецкурс? Какие разделы?

24. Напишите эссе на тему «Портрет идеально социализированного предшкольника».

Для оценки ответов нами были разработаны критерии по 5-балльной системе:

«5» – дан полный, развернутый ответ на вопрос, раскрыты основные положения вопроса; раскрыто содержание понятий, явлений. Верно использованы научные термины; используются различные умения, выводы из наблюдений и опыта.

«4» – дан достаточно полный ответ, в основном правильно даны характеристики понятиям, выделены существенные признаки понятий и явлений,

и использованы научные термины; допущены небольшие неточности при использовании научных терминов.

«3» – дан недостаточно полный и развернутый ответ, частично обозначены характеристики понятий. Допущены ошибки в раскрытии понятий, употреблении терминов. Не выделены существенные и несущественные признаки. Допущены ошибки и неточности в использовании научной терминологии, определении понятий.

«2» – Ответ представляет собой разрозненные знания, частично отражающие суть понятий с существенными ошибками по вопросу. Присутствуют фрагментарность, нелогичность изложения.

«1» – ответ на вопрос не дан.

Приведем результаты обработки анкеты.

Досадно, что всего лишь 48 баллов из 80 возможных было получено при ответе на вопрос «Назовите основные особенности старшего дошкольного возраста (не менее трех)». А ведь это воспитатели ДОУ, которые работают именно с этой возрастной категорией детей. Наиболее часто встречающиеся ответы: самый важный возрастной этап в жизни, возраст интенсивного развития. Также большинство воспитателей затруднились ответить на вопросы, касающиеся программ предшкольной подготовки.

В ответах на вопрос «Как вы считаете, обеспечивается ли непрерывность предшкольного и младшего школьного возраста? Как вы понимаете непрерывность предшкольного и младшего школьного возраста? Каким образом она реализуется?» большинство испытуемых (80%) уверены в непрерывности данных возрастных этапов, но, к сожалению, не понимают, каким образом обеспечивается данная непрерывность и что это такое?

Средние баллы (от 51 до 60) были получены за вопросы, касающиеся социального опыта ребёнка, приобретения социальных навыков. Данный факт свидетельствует о том, что воспитатели ДОУ Московской области имеют определенные представления о социальном развитии детей данного возраста и их социальном опыте.

К сожалению, 7 человек из 16 не смогли написать эссе на тему «Идеально социализированный предшкольник», ответив, что таких предшкольников не существует.

Ответы на вопрос «Какое окружение (кто) влияет на социальное развитие ребенка?» позволили нам выделить самые популярные ответы: семья, детский сад, сверстники, школа, условия проживания, улица.

Ответы на вопрос: «Что такое социальные навыки (назовите некоторые из них)?»

№ п/п	Популярные ответы	Количество ответов
1.	Навык общения со сверстниками, взрослыми	10
2.	Навыки самообслуживания	2
3.	Правила поведения	2
4.	Навыки, которые мы приобретаем в течение всей жизни	2

Небольшие затруднения вызвали вопросы, касающиеся социальной дезадаптации предшкольника. Наиболее популярные ответы на вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, проявления социальной дезадаптации предшкольника?»: неадекватное поведение, нежелание идти на контакт, плач, психические проявления, неумение вести себя в обществе, замкнутость, «чрезмерная общительность». К причинам социальной дезадаптации большинство относят: 1) ребёнок не посещает детский сад, 2) неправильное воспитание в семье.

Таким образом, мы можем говорить о том, что знаний об особенностях психического развития предшкольников и социального развития детей старшего дошкольного возраста, о программах предшкольной подготовки, о проблемах преемственности данных возрастных этапов недостаточно для ведения воспитателями ДОУ деятельности по поддержке социального развития старших дошкольников.

Поэтому мы считаем, что необходимо внедрение в программу подготовки студентов педагогического факультета, а также на факультете повышения квалификации в рамках вариативного кафедрального модуля для воспитателей ДОУ и учителей начальных классов) спецкурса «Социальное развитие детей предшкольного и младшего школьного возраста».

Целью спецкурса является изучить особенности социализации детей данного возраста, формирование представлений о проблеме непрерывности социального развития детей предшкольного и младшего школьного возраста, профессиональных знаний и умений для работы с ознакомлением детей дошкольного и младшего школьного возраста с социальной действительностью.

Данный спецкурс, по нашему мнению, должен содержать следующие разделы.

1. Государственная политика в области образования.

2. Психолого-педагогические особенности социализации детей (старший дошкольный и младший школьный возраст).

3. Готовность ребёнка к школе (физическая,

психологическая, эмоциональная, социальная). Особенности содержания программ предшкольной подготовки.

4. Роль педагогических технологий в социализации личности ребёнка в процессе предшкольной подготовки.

5. Особенности работы по ознакомлению детей предшкольного возраста с социальной действительностью.

6. Роль взаимодействия групп и институтов социализации в процессе социального развития детей предшкольного возраста.

Содержание данных разделов в спецкурсе, по нашему мнению, поможет наиболее эффективной подготовке слушателей курса к поддержке социального развития детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста.

Библиографический список

1. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С.421-424.

I.E. BARANOVA

ABOUT THE DIAGNOSTICS RESULTS OF TEACHERS OF PRE-SCHOOL EDUCATIONAL ESTABLISHMENT TO THE SUPPORT OF SOCIAL DEVELOPMENT OF ELDER CHILDREN OF PRE-SCHOOL AGE

In this article the author gives the diagnostics results of availability of nursery school teachers, working at pre-school educational establishments, to the support of social development of elder children of pre-school age; these results were got as a result of approbation of their own blanks. The author tells about penetration necessity of a special course "The social development of pre-school and junior school age" in connection with actuality of the problem of social development of children of pre-school age in modern social-economical conditions.

Key words: ***diagnostics, peculiarities of social development.***

И.С. БЕЛЯЕВА
кандидат педагогических наук, профессор кафедры геометрии и методики преподавания математики Орловского государственного университета

К.Е. СТРУМЕНЩИКОВА
аспирант кафедры геометрии и методики преподавания математики Орловского государственного университета
E-mail: KseniaStrKs@yandex.ru
Тел. 8 920 0849158

АКТИВНАЯ РАБОТА НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ КЛАССОВ КОМПЕНСИРУЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

Школьники, не освоившие программу учебного года, переводятся в классы компенсирующего обучения. Отличительным признаком таких детей является сниженная работоспособность, которую можно восполнять активной работой на уроке, имеющей по результатам исследований взаимосвязь с успеваемостью. В связи с этим формировать алгоритмическую культуру учащихся таких классов актуально через активную работу, основывающуюся на использовании в обучении наглядных образов и с опорой на жизненный опыт.

Ключевые слова: ***алгоритмическая культура учащихся, классы компенсирующего обучения, сниженная работоспособность, успеваемость, активная работа на уроке.***

Одним из вариантов дальнейшей подготовки школьников, не освоивших программу учебного года на ступенях начального общего и основного общего образования, согласно закону Российской Федерации «Об образовании» является их перевод в классы компенсирующего обучения с меньшим числом учащихся. Такие классы создаются для детей с недостаточной степенью готовности к обучению, которые, имея нормальное интеллектуальное развитие, испытывают трудности в усвоении учебных занятий и умений, у них наблюдается неустойчивость, слабая целенаправленность деятельности, что в конечном итоге сказывается на успеваемости. Принимаются в эти классы и соматически ослабленные школьники, имеющие нарушение работоспособности в связи с повышенной утомляемостью, и педагогически запущенные, воспитывающиеся и обучающиеся в неблагоприятных социальных условиях.

Для учащихся классов компенсирующего обучения характерен низкий уровень выполнения заданий, обусловленный слабой учебной мотивацией и отсутствием познавательных интересов, а также сниженной работоспособностью школьников. Поэтому существует необходимость особой организации деятельности учителя по её восполнению, которая, по нашему мнению, должна производиться с помощью активной работы на уроке. К тому же в ряде научных исследований выявлена взаимосвязь между активностью на уроках и успеваемостью учеников.

Следует отметить, что условием успешного познавательного процесса в классах компенсирующего обучения является использование алгоритмического подхода, предполагающего точное, общепонятное описание последовательности интеллектуальных операций. Умение использовать простейшие алгоритмы организует мыслительную деятельность школьников, что необходимо при усвоении учебного материала в основной школе при изучении базовых понятий и предложений курса математики.

Мы считаем, что формирование алгоритмической культуры будет наиболее эффективным в сочетании с активной работой учащихся, а соответствующие уроки в классах компенсирующего обучения должны быть построены на следующих положениях:

1. использование в обучении наглядных образов;
2. обращение к жизненному опыту учащихся;
3. развитие познавательных интересов.

Раскроем каждое из перечисленных положений.

Отсутствие образного характера обучения приводит к тому, что некоторые школьники, не воспринимая формального характера изучения понятий, теряют интерес к учёбе, у них снижается уровень выполнения заданий, что в свою очередь ведёт к неуспеваемости. Поэтому использование наглядных образов в обучении является актуальной задачей, особенно в классах компенсирующего обучения.

© И.С. Беляева, К.Е. Струменщикова

В этих классах при формировании алгоритмической культуры в начале изложения нового материала вместе с учащимися можно составлять опорные схемы, представляющие собой алгоритмические предписания для решения задач и упражнений, чтобы затем пользоваться ими в течение изучения всей темы. Они уменьшают нагрузку на память и помогают школьникам преодолеть свой страх перед необходимостью изложить материал самостоятельно.

Здесь также целесообразно применение обучающих карточек, состоящих из: опорной формулы, решенных примеров и заданий, которые учащимся нужно решить самостоятельно, они помогают ученикам освоить ранее непонятый материал и хорошо понять новую тему.

Приведём пример алгоритма решения уравнения $ax^2 + bx + c = 0$ в табличной форме записи, позволяющей его наглядно показать и чётко раскрыть.

№ действия	Содержание действия		
1	$D = b^2 - 4ac$		
2	если $D>0$, то уравнение имеет 2 корня	если $D=0$, то уравнение имеет 1 корень	если $D<0$, то уравнение не имеет корней
3	$x_1 = \frac{-b+\sqrt{D}}{2a}$ $x_2 = \frac{-b-\sqrt{D}}{2a}$	$x = -\frac{b}{2a}$	

Осуществление второго положения требует такой организации преподавания математики, при которой учащимся демонстрируется алгоритмичность деятельности человека, заключающаяся в выполнении точной и строгой последовательности большинства действий в жизни и взаимосвязанная с предварительным планированием.

Связь изучения математики в классах компенсирующего обучения с жизнью очень важна в силу того, что зачастую такие дети хорошо запоминают только то, над чем потрудились сами: если ученик что-то рисовал, чертил, закрашивал, вырезал, то это что-то само по себе становится опорой для его памяти. Для школьников необходимо придумать такие реальные ситуации, которые были бы им понятны и интересны. Поэтому при изложении материала в этих классах желательно опираться на жизненный опыт учащихся, использование которого необходимо направлять на формирование алгоритмической культуры.

Например, при закреплении или повторении алгоритмов выполнения действий с десятичными дробями можно использовать следующую задачу, в которой речь идёт об оплате за подключение к сети Интернет и возможности этой оплаты с помощью различных тарифных планов, что, учитывая информатизацию общества и компьютерную грамотность школьников в настоящее время, а также актуальность воспитания экономности, тесно взаимосвязано с жизнью современного человека.

Абонентская плата тарифного плана №1 за подключение к сети Интернет составляет 333 рубля в месяц, абонентская плата тарифного плана №2 – 444 рубля в месяц. Расчётный период – 30 дней. Ежемесячный платёж списывается со счёта 1 числа месяца. При первоначальном подключении плата за неполный расчётный месяц взимается из расчёта стоимости одного дня относительно полного месяца. Через 21 день абонент решил поменять тарифный план №1 на №2. На сколько дней ему хватит оставшихся денежных средств на счёте?

Для того чтобы решить данную задачу, учащимся нужно найти стоимость одного дня подключения к сети Интернет по тарифному плану №1 и №2, плату за 21 день по тарифному плану №1 и оставшуюся сумму, а затем количество дней, на которые её хватит при тарифном плане №2, выполнив при этом действия с десятичными дробями, основывающиеся на правилах в виде алгоритмических предписаний.

Третье положение – развитие познавательных интересов – является необходимым условием процесса обучения, так как чем выше интерес, тем активнее идёт работа на уроке и соответственно выше результаты. В своём развитии познавательный интерес характеризуется познавательной активностью. Отправным моментом в его развитии может послужить занимательность какой-либо ситуации, так как сам интерес возникает к тому, что для школьников имеет значимость. Учащиеся могут быть включены в реальные виды деятельности, где они приобретают практический опыт. Так, например, можно использовать задачу следующего содержания, занимающую учащихся и являющуюся алгоритмическим предписанием для приготовления мороженого.

1) 3 яичных желтка взбить с 1 чайной ложкой сахарной пудры;

2) почти доведённое до состояния кипения молоко (300 г) тонкой струёй не спеша влить в желтково-сахарную массу, постоянно помешивая её;

3) полученный крем процедить через сито в глубокую чистую кастрюлю;

4) варить на медленном огне, пока масса не загустеет;

5) дать остыть, влить растопленный горький шоколад, масса которого составляет 2/3 от массы

молока и сливки массой в 3/4 от массы шоколада;

6) разлить крем по формам для мороженого, заморозить.

Сколько граммов горького шоколада и сливок необходимо для приготовления шоколадного мороженого по данному рецепту?

Эта задача представляет собой объединение опоры на заинтересованность учащихся и жизненный опыт в виде реальной ситуации, задаваемой предписанием и взаимосвязанной с планированием выполнения действий, и потому она направлена на развитие познавательной активности.

Таким образом требование развития познавательных интересов теснейшим образом переплетается с остальными положениями. Наглядные образы и опора на жизненный опыт могут выступать средствами развития познавательных интересов. Для исполнения указанного требования и осуществления активной работы на уроке можно применять задачи, имеющие образный и практический характер. Они должны широко использоваться как при введении новых математических понятий, так и при изучении свойств этих понятий.

Библиографический список

1. *Аут К.-Х., Виленкин Н.Я.* О роли основных принципов дидактики в преподавании школьного курса математики. Математика в школе. 1987; 1: 41-44.
2. *Груденов Я.И.* Совершенствование методики работы учителя математики. М.: Просвещение, 1990.
3. *Гусев В.А.* Психолого-педагогические основы обучения математике. М.: Вербум-М, 2003.
4. *Мигунова Н.П.* Некоторые приёмы активизации познавательной деятельности учащихся. Математика в школе. 2000; 6: 15-16.
5. *Монахов В.М., Лапчик М.П., Демидович Н.Б., Червочкина Л.П.* Формирование алгоритмической культуры школьника при обучении математике. М.: Просвещение, 1978.
6. *Самбикина О.С.* Индивидуальный стиль учебной деятельности (на материале лонгитюдного исследования школьников разного пола). Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук. Пермь: 1998.
7. *Смирнова И.М.* Интерес и его измерение на уроках математики. В кн.: Гусев В.А. Психолого-педагогические основы обучения математике в средней школе. Выпуск I. М. Прометей, 1992.
8. *Ташес Е.Г.* Методика обучения отстающих учащихся. Математика в школе. 1993; 4: 33.
9. *Цукарь А.Я.* Изучение функций в VII классе с помощью средств образного характера. Математика в школе. 2000; 4: 20-27.
10. Закон РФ «Об образовании».
11. Примерное положение о классе (классах) компенсирующего обучения в общеобразовательных учреждениях.
12. Рекомендации по отбору детей в классы компенсирующего обучения.
13. http://orel.netbynet.ru/
14. http://vse-secrety.ru/

I.S. BELIAEVA, K.E. STRUMENSHCHIKOVA

ACTIVE WORK OF THE LESSONS IN MATHEMATICS AS A MEANS OF FORMING ALGORITHMIC CULTURE OF THE STUDENTS IN CLASSES OF COMPENSATORY EDUCATION

School students, not mastered the program of the school year, are translated into classes of compensatory education. The hallmark of these children is impaired performance that can replenish the active work of the lesson having the results of research the relationship with academic progress. In this connection form algorithmic culture of the students of such classes actually with active work based on the use of visual images in the training and with a reliance on life experience.

Key words: ***algorithmic culture of the students, classes of compensatory education, impaired performance, academic progress, active work of the lesson.***

А.Н. БРАЖНИКОВА
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Брянского государственного университета
E-mail: anb5262@mail.ru
Тел. 8 903 869 95 27

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

В результате теоретико-эмпирического исследования показано, что ценностные ориентации являются сложным образованием, взаимосвязанным со всей системой личностных, социальных и культурных детерминант, определяющими поведение и деятельность человека. В иерархии ценностей, высший уровень занимают нравственные ценности. Представлены результаты исследований ценностных ориентаций современной молодежи, которые показали, что нравственный кризис, переживаемый обществом, оказал влияние и на ценностные приоритеты молодежи.

Ключевые слова: ***ценности, ценностные ориентации, нравственные ценности, нормативные идеалы, индивидуальные приоритеты.***

Кардинальные изменения в социально- экономической и политической сферах нашего общества, происходящие в нашей стране, влекут за собой радикальные изменения в психологии ценностных ориентаций людей. Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение ценностных ориентаций современной молодежи, поскольку содержание ценностей молодежи в большей степени зависит от культурного уровня и исторического периода, в котором живёт данное поколение**.** Особенность современного периода состоит и в том, что их личностное и профессиональное развитие происходит на фоне потери нравственных приоритетов и общей ценностно-нормативной неопределённости. Исследование ценностей, по мнению В.Н. Карандышева, является хорошим индикатором для отслеживания процессов социального и индивидуального изменения, возникающих в результате исторических, социальных и личных событий [6].

Ценностные ориентации – это сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Общечеловеческие ценности – свобода, совесть, счастье характеризуют итоговое представление человека о достойной жизни и во многом зависят от уровня развития индивидуальной нравственности и нравственного состояния общества. Нравственные ценности, отражающие содержание морали общества, получая в личности свое индивидуальное бытие, формируют у нее позицию носителя этих ценностей, которые являются некой духовной характеристикой самосознания человека на всех этапах онтогенеза[7].

Проблема нравственных ценностей, практически исчезнувшая за последние десять-пятнадцать лет, постепенно возвращается в отечественную психологию. В новом тысячелетии появились диссертационные и монографические работы, в которых ставится нравственная проблематика. К ним относятся работы К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, В.А. Елисеева, А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко, Н.А. Журавлевой, Н.А. Коваль, А.С. Чернышова, А.Н. Лебедевой, М.А. Козловой, А.А. Хвостова и др. Большинство авторов указывают на неразрывную связь нравственности с ценностной ориентацией личности. В иерархии ценностей высший уровень ценностей все чаще занимают нравственные ценности, которые изучены еще недостаточно полно.

Нравственные ценности выражают человеческое измерение как самого человека, так и общественных отношений, их качество. Приобщение к нравственным ценностям, мера их освоения и интериоризация есть важнейшие критерии и показатели нравственности человека.

По мнению Н.А. Журавлевой, за последние десятилетия в ценностном сознании молодежи произошли серьезные изменения: во-первых, состоялся переход от направленности на самореализацию к направленности на деловую и экономическую активность, а во-вторых, наблюдается смещение акцентов в ценностных ориентациях: от этических и альтруистических к прагматическим. [5, 43]. В этой связи психологическое исследование нравственных ценностей современной молодежи становится все более актуальным. Кроме того, исследование нравственных ценностей играет очень значимую роль в создании условий и средств нравственного раз-

© А.Н. Бражникова

вития личности, ибо нравственные ценности образуют натуру человека, складывающуюся под воздействием условий жизни, и зависят от уровня развития индивидуальной нравственности.

Целью исследования является изучение нравственных ценностей современной молодежи.

Изучение ценностей, в том числе и нравственных, сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, это слишком необъятная тема, которая осложняется еще и тем, что ценностные ориентации и нравственные ценности представляют собой сложный психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности. Во-вторых, на сегодняшний день существует проблема иерархии ценностей, в том числе и нравственных, что приводит к разновариантности (своеобразного релятивизма) классификации нравственных ценностей. В философско-этической литературе чаще всего на роль критериальных высших ценностей выдвигают абсолютное благо, миросовершенство, красоту, прогресс, социальную справедливость, общественную пользу, интересы государства, народа и т.д… Мы согласны с позицией авторов, указывающих на то, *что ни одна из систем ценностей не является абсолютной даже в одной исторической общности*.

Нами была использована методика Ш. Шварца, направленная на изучение ценностей личности, которая, на наш взгляд, охватывает более широкий спектр ценностей, среди которых можно выделить и нравственные ценности.

Шварц исходил из того, что наиболее существенный содержательный аспект, лежащий в основе различий между ценностями, это тип мотивационных целей, которые они выражают. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в типы ценностей в соответствии с общностью их целей. Он обосновывал это тем, что базовые человеческие ценности, с высокой вероятностью обнаруживаемые во всех культурах, – это те, которые представляют универсальные потребности человеческого существования (биологические потребности, необходимость координации социального взаимодействия и требования функционирования группы) и отобрал ценности, выявленные предшествующими исследователями, а также найденные им самим в религиозных и философских трудах, посвященных ценностям разных культур. Затем сгруппировал их в десять мотивационно отличающихся типов, которые, с его точки зрения, охватывают базовые типы. К ним относятся: *власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиции, конформность, безопасность.*

Как было сказано выше, выделить универсальные, неизменные во времени, нравственные ценности крайне сложно. Не ставя своей целью *вступать в дискуссию по классификации нравственных ценностей и не претендуя на истину «в последней инстанции»,* среди базовых ценностей, выделенных Шварцом, мы условно называем нравственными следующие типы ценностей: *универсализм* (Universalism) – понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы; *доброта* (Benevolence) – сохранение и повышение благополучия близких людей; *конформность* (Conformity) – сдерживание действий и побуждений, которые могут навредить другим; *безопасность* (Security) – безопасность и стабильность общества, отношений и самого себя.

Особо следует подчеркнуть, что *конформность* у Ш. Шварца – это не тенденция допускать влияние на собственное мнение, действия и даже восприятия преобладающего мнения, отношения, а сдерживание и предотвращение действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. В данном аспекте конформность может иметь своим результатом альтруистическое поведение, согласующееся с нравственностью самой личности и моральными нормами общества[1 4].

Наиболее существенным и содержательным аспектом, лежащим в основе различий между ценностями, по мнению Шварца, является тип мотивационных целей, которые они выражают. А поскольку личностные ценности зависят от ценностных приоритетов, превалирующих в данном обществе, и представляют центральные цели, которые связаны со всеми аспектами поведения и деятельности человека, а также испытывают прямое влияние повседневного опыта в изменяющихся социально-экономических и политических условиях, то использование методики дало представление о значимости условно выделенных нами нравственных ценностей у современной молодежи.

Участниками исследования явились юноши и девушки в возрасте 17 – 20 лет, а именно 624 студента колледжей и 386 учащихся профессионально-технических училищ г. Брянска, 32 студента Карачаево-Черкесской государственной технологической академии г. Черкесска, а также 162 студента Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского. Следует обратить внимание на то, что выборку БГУ составляли в основном студенты внебюджетной формы обучения, а выборка КЧГТА состоит из представителей мусульманской культуры. Общий объем выборки составил 1204 респондента.

Методика Шварца дает количественное выра-

жение значимости каждого из десяти мотивационных типов ценностей двух уровней:

- *на уровне нормативных идеалов и*
- *на уровне индивидуальных приоритетов.*

Обработка проводилась отдельно для каждого из 10 типов ценностных ориентаций. Использовалась компьютерная программа «Excel». При первичной обработке данных по каждой части опросника высчитывался средний балл. Средние показатели позволяют судить о соотношении значимости ценностей в разных группах испытуемых на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов. В соответствии со средним баллом по каждому типу ценностей устанавливалось их ранговое соотношение. Каждому типу ценностей присваивался ранг от 1 до 10. Первый ранг присваивался типу ценностей, имеющему наиболее высокий средний балл, десятый – имеющему самый низкий средний бал. Ранги от 1 до 3, присвоенные соответствующим ценностям, характеризуют высокую значимость ценности для испытуемых. Ранги от 7 до 10 свидетельствует об их низкой значимости для каждой выборки испытуемых.

Результаты исследования показали, что из выделенных нами нравственных типов ценностей среди испытуемых на уровне нормативных идеалов, (то есть на уровне убеждений) высокую значимость представляет такой тип ценности, как *безопасность* – 2 ранг, причем у студентов колледжей данный тип ценностей занимает третий ранг по значимости. *Конформность и доброта* имеют средний уровень значимости для всей выборки испытуемых (5 и 6 ранги). Причем для студентов Брянского государственного университета конформность по значимости занимает 6 ранг, а для выборки из учащихся профессионально технических училищ г. Брянска – 4 ранг, а доброта как ценность у респондентов Карачаево-Черкесской государственной технологической академии значительно выше по значимости – 4 ранг, чем у студентов Брянского государственного университета – 9 ранг. И наименьшей значимостью на уровне нормативных идеалов по всей выборке обладают такие ценности, как *универсализм* – 9 ранг (таблица 1).

На уровне индивидуальных приоритетов (то есть в конкретных поступках) ни одна из выделенных нами нравственных ценностей не имеет высокий уровень значимости по всей обследуемой выборке (таблица 2). Однако, по выборке студентов Карачаево-Черкесской государственной технологической академии такие ценности, как *доброта* (забота о благополучии близких) и *универсализм* (защита благополучия всех людей и природы) имеют высокий уровень значимости (1 и 3 ранги). У респондентов Брянских учебных заведений данные типы ценностей занимают 6 и 7 ранги. Самый низкий уровень значимости по всей выборке имеет *конформность* – 8 ранг. Причем среди студентов К.Ч.Г.Т.А. традиции занимают 6 ранг, а конформность – 10. И средний уровень значимости по всей выборке принадлежит *безопасности* – 6 ранг.

Таблица 1.

Показатели значимости нравственных типов ценностей на уровне нормативных идеалов

Типы ценностей	Показатели значимости типов ценностей									
	П.Т.У.		Колл.		Б.Г.У		К.Ч.Г.Т.А		По всей выборке в целом	
	Ср.зн.	Ранг.	Ср. зн.	Ранг.	Ср. зн.	Ранг.	Ср. зн.	Ранг.	Ср. зн.	Ранг.
Конформность	4,68	4	4,43	5	4.37	6	4,35	5	4,45	5
Доброта	4,52	6	4,29	7	4,17	9	4,37	4	4,33	6
Универсализм	4,04	9	4,24	8	4,31	7	4,07	8	4,16	9
Безопасность	5,36	2	4,83	**3**	4,61	**2**	4,55	**2**	4,83	**2**

Таблица 2.

Показатели нравственных типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов

Типы ценностей	Показатели значимости типов ценностей									
	П.Т.У.		Колл.		Б.Г.У		К.Ч.Г.Т.А		По всей выборке в целом	
	Ср.зн.	Ранг.	Ср. зн.	Ранг.	Ср. зн.	Ранг.	Ср. зн.	Ранг.	Ср. зн.	Ранг.
Конформность	1,87	8	2,21	8	1,63	9	2,25	10	1,99	8
Доброта	2,3	7	2,43	6	2,11	6	3,16	**1**	2,5	4
Универсализм	2,44	6	2,35	7	2,09	7	2,73	**3**	2,4	7
Безопасность	2,61	4	2,46	5	2,12	5	2,61	7	2,45	6

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что на уровне *нормативных идеалов* из нравственных ценностей высокую значимость среди испытуемых имеет *безопасность* – 2 ранг. Низкую значимость для исследуемой группы представляют *универсализм* – 9 ранг и *традиции* – 10 ранг. На уровне *индивидуальных приоритетов* ни одна из выделенных нами нравственных ценностей не обладает высокой значимостью по всей обследуемой выборке. Самый низкий уровень значимости у *конформности* – 8 ранг.

Следует обратить внимание на то, что на уровне нормативных идеалов наиболее высокую значимость для всей выборки испытуемых представляет *гедонизм,* а уровне индивидуальных приоритетов – *самостоятельность*. Это связано, на наш взгляд, с активно насаждаемыми средствами массовой информации иллюзии «красивой жизни», материального благополучия, основными составляющими которой являются ценности «глянцевых журналов», а также особенностями молодежного возраста, стремлением молодых людей как можно скорее стать самостоятельными и независимыми. В свою очередь, самый низкий уровень значимости по всей выборке испытуемых как уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов занимают *традиции* –10 ранг. Это свидетельствует о том, что, к сожалению, в нашей стране традиции утратили свою значимость, в связи с этим мы теряем свою самобытность и уникальность. Некоторые типы ценностей варьируют от лидирующих к отвергаемым не только среди учебных заведений, но и в пределах одной учебной группы, независимо от пола. Полагаем, что это является отражением особого (молодежного) этапа развития и индивидуально-психологических особенностей личности, а также семейного воспитания и общей ценностно-нормативной неопределённости современного общества.

В связи с тем, что ценности личности, в том числе и нравственные, образуют динамическую систему, были определены корреляционные связи между выделенными нами нравственными ценностями с другими типами ценностей как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов. Статистически значимая корреляция наблюдается у всех типов ценностей в пределах одной системы на уровне нормативных идеалов (от r = 0,22 до r = 0,70). Корреляционные связи между выделенными нами нравственными ценностями с другими типами ценностей показывают взаимосвязь следующих показателей параметров.

Безопасность как тип ценностей на уровне убеждений или нормативных идеалов имеет связь с такими типами ценностей на уровне индивидуальных приоритетов, как *универсализм* (r = 0,32), *доброта,* (r = 0,31), стимуляция (r = 0,28), достижения (r = 0,25). Безопасность на уровне поведения или индивидуальных приоритетов имеет статистически значимую положительную связь с ценностями на уровне нормативных идеалов: *традиции* (r = 0,53), *универсализм* (r = 0,59), самостоятельность (r = 0,54), *конформность* (r = 0,51), *доброта*, (r = 0,48), власть (r = 0,45), достижения (r = 0,43), стимуляция (r = 0,36), гедонизм (r = 0,33). В конкретных поступках статистически значимые связи наблюдаются лишь с выделенными нами нравственными ценностями: *универсализмом* (r = 0,53), *добротой* (r = 0,34), *конформностью* (r = 0,27) и *традициями* (r = 0,21).

Статистически значимая корреляция наблюдается у *конфромности* как ценности на уровне нормативных идеалов с ценностями на уровне индивидуальных приоритетов: *универсализм* (r = 0,39), *доброта* (r = 0,32), достижения (r = 0,31), *традиции*(r = 0,27), самостоятельность (r = 0,24). Конфромность на уровне поведения имеет положительную связь на уровне нормативных идеалов также с *добротой* (r = 0,23) и отрицательную с властью (r = -0,21), на уровне индивидуальных приоритетов связь наблюдается с *добротой* (r = 0,28), *универсализмом* (r = 0,25) и отрицательную корреляцию имеет стимуляция (r = -0,22).

Доброта на уровне нормативных идеалов имеет также положительный уровень корреляции на уровне индивидуальных приоритетов с такими типами ценностей, как *универсализм* (r = 0,27), стимуляция (r = 0,43), достижения (r = 0,37). В конкретных поступках и с убеждениями наблюдается связь с показателями власти (r = 0,43) стимуляциии (r = 0,37) самостоятельности (r = 0,27).

Универсализм как ценность на уровне нормативных идеалов в свою очередь имеет также положительные связи на уровне индивидуальных приоритетов с такими типами ценностей, как самостоятельность (r = 0,20), стимуляция (r = 0,21), достижения (r = 0,25), власть (r = 0,20). На уровне индивидуальных приоритетов и нормативных идеалов достижения (r = 0,28) и на уровне индивидуальных приоритетов наблюдается некоторая отрицательная связь с достижениями (r = - 0,19) и властью (r = -0,20).

На основе анализа взаимосвязей можно констатировать, что действия, совершаемые в соответствии с нравственными ценностями, имеют психологические и социальные последствия, которые могут вступать в конфликт или, наоборот, быть совместимыми с другими типами ценностей. Отмечается статистически значимая корреляция

между условно выделенными нами нравственными ценностями: универсализмом, добротой, традициями, конформностью, безопасностью в конкретных поступках. Однако у безопасности на уровне убеждений статистически значимой связи с традициями и конформностью на уровне индивидуальных приоритетов не наблюдается.

Выводы

Теоретический анализ литературы показывает, что ценности являются сложным образованием, взаимосвязанным со всей системой личностных, социальных и культурных детерминант и определяющим поведение и деятельность человека. Высший уровень ценностей занимают нравственные ценности, которые выражают человеческое измерение как самого человека, так и общественных отношений, их качество. Нравственные ценности представляют собой сложный психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, и являются составной частью системы отношений личности, определяя общий подход человека к миру, себе и придавая смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Ценностные ориентации молодежи в большей степени зависят от культурного контекста и исторического периода, в котором живёт данное поколение.

Эмпирическое исследование позволило установить, что на уровне нормативных идеалов из условно выделенных нами нравственных ценностей высокую значимость среди испытуемых имеет безопасность – 2 ранг. Низкую значимость для исследуемой группы представляет универсализм – 9 ранг. Средний уровень имеет конформность – 5 ранг, доброта – 6 ранг. На уровне индивидуальных приоритетов ни одна из выделенных нами нравственных ценностей не обладает высокой значимостью по всей обследуемой выборке. Средний уровень значимости по всей исследуемой выборке испытуемых на уровне индивидуальных приоритетов занимает доброта – 4 ранг, безопасность – 6 ранг. Далее идут универсализм – 7 ранг, конформность – 8 ранг. Однако гедонизм как ценность обладает высокой значимостью среди испытуемых – 1 ранг на уровне нормативных идеалов и 3 ранг на уровне индивидуальных приоритетов.

Использование методики Шварца, направленной на изучение ценностей личности, безусловно, не дает полного представления о нравственных ценностях современной молодежи. Однако полученные результаты свидетельствуют о том, что кардинальные перемены в политической, экономической и духовной сферах нашего общества привели к переоценке ценностных ориентаций. Исследования также показали, что некоторые типы ценностей варьируют от лидирующих к отвергаемым не только среди учебных заведений, но и в пределах одной учебной группы по всей выборке испытуемых. Это говорит о том, что потеря нравственных приоритетов и общей ценностно-нормативной неопределённости, переживаемые обществом, сказываются на ценностных ориентациях молодежи, которые складываются в основном стихийно, под влиянием самых различных факторов. Таким образом, изучение нравственных ценностей современной молодежи представляется перспективным, так как это поколение, ценности которого в будущем будут определять ценности всего общества.

Библиографический список

1. *Андреева Т.В., Москвичева Н.Л.*. Структура ценностных мотивов студенческой молодежи. Психология образования: региональный опыт. М. 2005. С.322.
2. *Бубнова С.С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система. // Психологический журнал 1999. Т. 20. №5. С. 38-44.
3. *Воловикова М.И.* Нравственно-правовые представления в российском менталитете// Психологический журнал, 2004, том 25, №5. С. 16-24.
4. *Доморацкая Е.М.* Ценностные ориентации студентов технического университета. Ананьевские чтения – 2004. Материалы научно-практической конференции. СПб, 2004. С. 386-388.
5. *Журавлева Н.А*. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений// Психологический журнал, 2006, Т. 27. №1. С. 35-44.
6. *Карандашев В.Н*. Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004.70с.
7. *Коваль Н.А*. Духовность в системе профессионального становления. Дисс. д. психол. наук, М., 1997.
8. *Мерзлякова С.В.* Ценностные ориентации современной молодежи. Психология образования: проблемы и перспективы. М., 2004. С. 154-155.
9. *Хвостов А.А.* Структура и детерминанты морального сознания личности. М., 2005.
10. *Bardi, A., & Schwartz, S. H.* Values and behavior: Strength and structure of relations // Personality and Social

Psychology Bulletin, 2003, 29. pp. 1207-1220.

11. *Roccas S., Sagiv L., Schwartz S. H., & Knafo A*. The Big Five personality factors and personal values // Personality and Social Psychology Bulletin, 2002, 28. pp. 789-201.

12. *Schwartz S. H. & Bilsky Ж.* Towards a psychological structure of human values // Journal of Personality & Social Psychology, 1987, 53. pp. 550-562.

13. *Schwartz S.H.* Universal in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. // In M.P. Zanna (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. - Orlando, FL:" Academic. Vol.25, 1992. pp. 1-65.

14. *Schwartz S. H., & Bardi A*. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // Journal of Cross Cultural Psychology, 2001, 32. pp. 268-290.

A.N. BRAZHNIKOVA

MORAL VALUES OF YOUNG PEOPLE IN THE SYSTEM OF VALUE ORIENTATIONS

As a result of theoretico-empirical study values are considered as complex formation interconnected with the system of personal, social , cultural determinants and defining behaviour and activity of a person. In a hierarchy of values moral values take the superior level. Submitted results of a study proved the fact that moral crisis experienced by the society influenced value priority of young people.

Key words: ***values, value orientations, moral values, normative ideals, individual priority.***

И.В. ВОИНОВА
В.П. НОВИКОВА
статья подготовлена сотрудниками Восточно-Сибирской государственной академии образования
E-mail: mail@vsgao.com
Тел. (3952) 24 10 97

СВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ САМОСОЗНАНИЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ

Приводятся результаты экспериментального исследования связи компонентов самосознания и стрессоустойчивости у студентов. Выявлено наличие положительной корреляции стрессоустойчивости с такими компонентами самосознания, как самооценка, глобальное самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, ожидание положительного отношения от других, самоинтерес, самоуверенность, самопринятие, саморуководство, самопонимание, общая интернальность и интернальность в области достижений и отрицательной корреляции стрессоустойчивости с тревожностью и самообвинением.

Ключевые слова: ***самосознание, стрессоустойчивость, самооценка, самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, самопринятие, саморуководство, самопонимание, интернальность, тревожность, самообвинение.***

Проблема сознания и самосознания личности является одной из центральных для философии, психологии и социологии. Самосознание определяется как осознанное отношение человека к своим потребностям и способностям, влечениям и мотивам поведения, переживаниям и мыслям, выражающимся также в эмоционально-смысловой оценке своих субъективных возможностей, выступающих в качестве основания целесообразных действий и поступков [5]. Согласно В.В. Столину, самосознание (образ Я) является систематизированным представлением человека о самом себе, о своих физических, интеллектуальных, волевых, эмоциональных, характерологических и других особенностях [7].

Самосознание формируется в процессе длительного развития индивида, превращения его в самостоятельного субъекта деятельности. Особое значение для становления самосознания и устойчивого образа «Я» имеет юношеский возраст, когда происходит усиление процесса саморефлексии, стремления к самопознанию своей личности, ее самоооценке. Благодаря развитию рефлексии закрепляются и совершенствуются осознаваемые установки личности, которые приобретают мотивирующую силу в организации и самоорганизации поведения юношей. Растет значение влияния собственно личностных сил развития, таких как самоотношение, самопринятие, принятие других, выраженность интернальности в решениях и действиях, усиливается потребность в самовоспитании.

В последние годы в психологической науке и практике особое внимание уделяется проблеме стресса, но, несмотря на значительное количество многоплановых исследований в этой области, многие авторы отмечают недостаточность разработки данного психофизиологического феномена.

Наша жизнь невозможна без стресса. Стресс необходим для поддержания жизнедеятельности. Однако, если стрессы часты и длительны, они оказывают отрицательное влияние не только на психологическое состояние, но и на физическое здоровье человека. Поэтому важным фактором качественной жизнедеятельности является стрессоустойчивость личности. Стрессоустойчивость определяется совокупностью личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки без особых вредных последствий для деятельности и здоровья. По мнению ученых, стрессоустойчивость характерна для физически здоровых, **эмоционально** стабильных личностей с активной жизненной позицией, с низкой тревожностью и адекватной самооценкой. Стрессодоступность, в основном, характерна для пассивных, зависимых, высокотревожных или склонных к депрессивным и ипохондрическим реакциям личностей.

Учебная деятельность студентов, особенно на начальных этапах, связана с большим количеством стрессовых факторов, обусловленных их включением в новую систему обучения и новую социальную среду. К таким факторам относятся: интенсивная учебная нагрузка, необходимость освоения большого объема информации, отсутствие навыков и умений самостоятельной работы, неумение осуществлять психологическое саморегулирование поведения и деятельности, смена социального окружения, проблемы в социально-бытовом отношении и др. Вероятность возникновения стресса

© И.В. Воинова, В.П. Новикова

во многом зависит от особенностей самосознания студентов и их личностных характеристик.

Все вышеизложенное определило интерес к проблеме стрессоустойчивости студентов с различными характеристиками некоторых компонентов самосознания. Изучению данной проблемы посвящено настоящее исследование.

Работа проводилась на базе Иркутского государственного педагогического университета в 2008-2009 г.г. Общий объем выборки составил 90 студентов.

В экспериментальном исследовании были использованы следующие методики: опросник самоотношения (Столин, Пантилеев) [7], методика исследования самооценки методом ранжирования [4], опросник «Уровень субъективного контроля» (Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М.) [1], методика исследования уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина [6], «Личностная шкала проявления тревоги» (Дж. Тейлор, адаптация В. Г. Норакидзе) [2], тест, определяющий вероятность развития стресса (По Т.А. Немчину и Тейлору) [3]. Обработка материалов проводилась с помощью компьютерной программы «Биостатистика».

В результате проведенного исследования установлено, что студенты с высокой стрессоустойчивостью отличаются высокой и средней самооценкой, положительным отношением к себе и ожиданием положительного отношения окружающих, высоким уровнем самопонимания и самоприятия, уверены в себе и считают, что большинство важных событий в их жизни являются результатом собственных действий, что они могут ими управлять, чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом, считают, что они сами добились того хорошего, что было и есть в их жизни, не склонны к самообвинению, и, как правило, обладают средней тревожностью. У большинства студентов с низкой стрессоустойчивостью отмечается заниженная или завышенная самооценка, склонность к самообвинению, ожидание отрицательного отношения окружающих, неуверенность в себе, приписывание своих успехов, достижений и радостей внешним обстоятельствам – везению, счастливой судьбе или помощи других людей, высокий уровень тревожности.

При обработке полученных результатов с помощью компьютерной программы «Биостатистика» выявлено наличие положительной корреляции стрессоустойчивости с такими компонентами самосознания, как самооценка, глобальное самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, ожидание положительного отношения от других, самоинтерес, самоуверенность, самопринятие, саморуководство, самопонимание, общая интернальность и интернальность в области достижений. Также выявлено наличие отрицательной корреляции стрессоустойчивости с тревожностью и самообвинением.

Библиографический список

1. *Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М.* Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т.5. №3. С.152-161.
2. Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. И.Б.Дерманова. СПб., 2002. С.126-128
3. *Каменюкин А.Г., Ковпак Д.В*. Антистресс-тренинг. 2-е изд. - СПб.: Питер, 2008. 224 с.: ил.
4. *Пашукова Т.И., Допира А.И., Дьяконов Г.В*. (сост.) Практикум по общей психологии для студентов педагогических вузов: учеб. пособие. М.: Издательство «Институт практической психологии», 1996.
5. Психологический словарь под ред. Зинченко В.П., Мещерякова Б.Г. М.: Педагогика - Пресс, 2001 г. 440 с.
6. *Спилбергер Ч.* Рекомендации к использованию методики для диагностики уровня тревожности. Спб., 2003.
7. *Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983.

I.V. VOINOVA, V. P. NOVIKOVA

COMMUNICATION OF COMPONENTS OF CONSCIOUSNESS AND RESISTANCE TO STRESS AT STUDENTS

The experimental study results of the links of components of self-comprehension and compliance with the pressures of students are provided below. It was revealed the presence of a positive correlation of compliance with the pressures with such self-comprehension components as self-appraisal, global self-relation, self-esteem, auto- sympathy, the expectation of a positive attitude from others, self-interest, assertiveness, self-acceptance, self- guidance, self-understanding, internality and a negative correlation of compliance with the pressures with anxiety and self-incrimination.

Key words: ***self-comprehension, resistance to stress, self-appraisal, self-relation, self-esteem, auto- sympathy, self-acceptance, self- guidance, self-understanding, internality, anxiety, self-incrimination.***

С.А. ГУДКОВ
аспирант кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета
E-mail: sergeygudkov@mail.ru
Тел. 8 919 265 39 56

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОГРАММ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ УЧАЩИМСЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДУЛЬНОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается проектирование учебно-методического комплекса по графическим дисциплинам информационной направленности с учетом компетенций, которые должны быть сформированы в процессе изучения данного курса, выявление в дисциплине отдельных модулей, которые отражают как общие тенденции развития информационных технологий, так и специальные, направленные на изучение конкретной области знаний по курсу художественных дисциплин, предлагается структура модульной программы обучения.

Ключевые слова: **компьютерная графика, модульный подход, методы обучения, дизайн.**

Одной из самых сложных и приоритетных задач преподавания художественных дисциплин в условиях среднего специального и высшего образования является развитие творческих способностей учащихся. Если обучение на первых курсах происходит в условиях активного общения учащихся с преподавателем, сокурсниками, а также с применением компьютерных технологий, то учебно-познавательная деятельность значительно активизируется. Здесь подразумевается анализ производимой деятельности и логики самого мышления в ходе обучения. В затруднительном положении оказываются студенты, у которых не было опыта самостоятельного решения графических задач в процессе обучения по школьной программе. В связи с этим требуется строить учебные занятия в аудиториях так, чтобы у студентов была возможность самостоятельного решения поставленных задач по проектам после анализа проектирования моделей на компьютере.

Кроме того, основным условием качественной и эффективной подготовки в области информационных технологий является наиболее сильное сближение основных инструментов и программных продуктов, используемых в процессе обучения, к той информационной среде, в которой происходит развитие будущего молодого специалиста. Проблема развития информационной компетентности заключается как в области материальных и, как следствие, технических возможностей учебного заведения, так и в отсутствии методического обеспечения, необходимого для качественной подготовки в области компьютерных технологий. Исходя из этого, проектирование учебно-методического комплекса по графическим дисциплинам информационной направленности, необходимо начинать с выявления тех компетенций, которые должны быть сформированы в процессе изучения данного курса, то есть с выявления компонентного состава информационной компетентности. Выявить составные части информационной компетентности можно исходя из решаемых задач, видов профессиональной деятельности и требований к квалификации специалистов, которые должны учитывать запросы работодателей и быть ориентированы на международные стандарты, так как выпускнику необходимо выполнять не только все виды профессиональной деятельности, указанные в образовательном стандарте, но и быть готовым к реализации своего личностного потенциала в условиях довольно нечетких профессиональных границ.

В связи с переходом к Государственным образовательным стандартам (ГОС) третьего поколения все чаще встает вопрос о формировании структуры учебных дисциплин, которые определены в данных стандартах и которые пришли на смену устоявшимся дисциплинам. В новых проектах ГОС предлагается объединить дисциплины, связанные с информационными технологиями в один модуль, который будет состоять из основной и изменяемой части и который будет призван реализовать новый компетентностный подход в образовании. В системе подготовки дизайнеров такой модуль, направленный на формирование рассмотренных выше компетенций и навыков, можно было бы назвать «Информатика и компьютерные технологии в дизайне». Внедрение и активное применение модульного подхода является наиболее эффективным решением, так как матери-

© С.А. Гудков

ал, изучаемый по информационным дисциплинам, имеет тенденцию постоянно изменяться и совершенствоваться. Кроме естественного обновления основного содержания, объективно отражающего прогресс в постоянно меняющейся предметной области, существует также и более субъективная составляющая, связанная с общей направленностью образования и стратегическим отбором материала, подлежащего изучению. Таким образом, выявление в дисциплине отдельных модулей, которые отражают как фундаментальные основы работы вычислительной техники и общие тенденции развития информационных технологий, так и специальные, направленные на изучение конкретной области знаний, вопросы, способствует:

– оперативной и наиболее эффективной коррекции образовательных программ в соответствии с изменениями потребностей общества, требований науки и техники;

– появлению качественно новых программ на базе уже существующих;

– повышению уровня адаптации к все повышающимся требованиям предварительной подготовки студента.

Разделение дисциплины на основную и изменяемую части и разделение этих частей на отдельные модули позволяет сформировать учебный материал так, что у студента появится возможность выбора наиболее оптимального для него направления обучения, и также обеспечивает требуемое качество подготовки будущего специалиста. Предлагаемая структура модульной программы, которая включает в обобщенном виде ключевые модули основной и изменяемой части, имеет следующий вид.

Модули основной части:

Б1. Основы компьютерной техники

Б2. Интернет

Б3. Офисные пакеты

Б4. Основы компьютерной графики

Модули изменяемой части:

В1. Растровая графика

В2. Векторная графика

В3. 3d-графика

В4. Работа с видео и звуком

В5. Компьютерная анимация

В6. Основы web-дизайна

В структуру основной части необходимо включить такие вопросы, которые помогали бы развитию у учащихся качеств, необходимых квалифицированному специалисту любого профиля. Также необходимо заметить, что усовершенствование образования в сфере информационных технологий не должно полностью исключать изучение основных принципов устройства и работы вычислительной техники. Базовые принципы не подвержены постоянным изменениям, что является дополнительным критерием для включения их в структуру учебного курса. Таким образом, в числе базовых модулей основной части можно выделить такие, которые направлены на знакомство с основами работы компьютерной техники и глобальной сети Интернет, и модули, которые способствуют формированию навыков работы с основным программным обеспечением. Структура основной части должна содержать конкретную профессиональную ориентацию и быть направленной на развитие у студента способности ориентироваться в программном обеспечении, которое будет использоваться в его дальнейшей профессиональной деятельности, способности к самообразованию и самообучению, способствовать овладению навыками самостоятельного получения необходимой информации и развитию умения решать поставленные нестандартные задачи в ходе работы. Особое внимание в процессе преподавании компьютерных технологий студентам специальностей дизайнерского профиля необходимо уделить компьютерной графике, потому как владение навыками работы с графическими программами для решения профессиональных задач является основной для дальнейшей успешной деятельности будущего дизайнера.

Приоритетной целью преподавания компьютерной графики студентам художественных специальностей является развитие у них пространственно-образного мышления, эстетического подхода к выбору цвета, вкуса и чувства стиля, а также профессиональных навыков, необходимых для решения задач художественного проектирования.

Исходя из этого, на первом курсе рекомендуется в качестве вводных изучать такие дисциплины, как «Компьютерная графика» и «Основы перспективы». В результате такого подхода к ознакомлению с информационными технологиями студенты получают необходимое представление о дисциплине компьютерной графики, приобретают навыки работы с компьютером, овладевают техникой создания компьютерного рисунка, геометрических моделей из простых объектов – примитивов, подготовки изображения к визуализации, а также получают знания в области работы с векторной и растровой графикой, цветом и анимацией. Особое внимание в ходе этого этапа следует уделить работе студента с освещением созданной сцены, компоновкой геометрических объектов, выбором цвета и камер для визуализируемой сцены.

На втором и третьем курсе помимо уже изучаемой дисциплины «Компьютерная графика» следует

ввести такие дисциплины, как «Пакеты прикладных программ» и «2D и 3D моделирование и визуализация интерьера». Имея навыки работы с растровой и векторной графикой, анимацией и цветом, учащиеся самостоятельно могут разрабатывать 3D-модели мебели в программе Autodesk 3ds Max по методу от простого к сложному. Также при создании 3D-моделей необходимо ставить перед учащимися проектные задачи, связанные с технологией изготовления проектируемых изделий.

При составлении лабораторных работ следует учитывать различные техники выполнения моделей, применять сплайновое моделирование, а также другие способы получения 3D-моделей, уделяя достаточное внимание способам подачи готовых работ в цвете. Основную роль при получении навыков компьютерной графики и формировании практических компетенций учащихся играют самостоятельное выполнение заданий и решение конкретных ситуационных задач. В дисциплине «Компьютерная графика» это задания по изображению и совершенствованию конкретной компьютерной модели, ее визуализации и подготовке к демонстрации. Выполнение таких заданий может осуществляться либо дома в качестве самостоятельной работы, либо в аудитории вместе с преподавателем.

На третьем курсе по предмету «2D и 3D моделирование и визуализация интерьера» имеет смысл ввести курсовой проект по 3D моделированию с помощью программы Autodesk 3ds Max несложного интерьера и создание презентации с помощью программы Microsoft PowerPoint.

В рамках обучения на четвертом курсе, когда студенты уже владеют начальными навыками работы в программах 3D моделирования и компьютерной графики, как векторной, так и растровой, необходимо углубление знаний в работе с деловой, иллюстраторской и рекламной графикой в таких программах, как Adobe Photoshop, CorelDRAW.

Таким образом, при подготовке учащихся художественных специальностей необходимо учитывать следующие особенности преподавания компьютерной графики:

– преподавание графических дисциплин с применением компьютерной графики должно строиться по принципу «от простого к сложному» с последующим закреплением полученных знаний и умений на практике;

– программы курса компьютерной графики должны быть тесно взаимосвязаны с содержанием специальных дисциплин;

– аудиторные занятия должны быть построены таким образом, чтобы поставленные проектные задачи решались студентами в ходе самостоятельной работы после анализа полученных теоретических сведений и изучения вариантов построения компьютерной модели;

– ситуационные конкретные задачи по построению компьютерной модели предмета и интерьера и его конечной визуализации, а также подготовке к демонстрации конечного результата должны проходить в форме деловой игры или мастер-класса;

– формулирование и выбор тем для курсового проекта по предметам компьютерного моделирования должно происходить уже на втором курсе после прохождения практики и перед началом более углубленного изучения компьютерных дисциплин.

Из вышеперечисленного следует, что учащийся должен получить навыки профессионального владения программами компьютерного моделирования и компьютерной графики, необходимыми в его будущей деятельности, приемами работы с векторной и растровой графикой, построения 2D и 3D моделей, а также приемами подачи и презентации построенных моделей.

Чтобы качественно подготовить специалиста в области дизайна, недостаточно только научить его использовать современные программные средства компьютерной графики и знать основы работы с интерфейсом данных программ. В основе мастерства дизайнера должны лежать фундаментальные знания основ композиции и дизайна. Поэтому в процессе изучения компьютерного дизайна в рамках курса возможно рассмотрение таких аспектов, как размер, форма, цвет, текстура и шрифт. Использование этих элементов в процессе обучения компьютерным технологиям позволит студентам в будущем более осмысленно подойти к освоению навыков работы с компьютерной графикой. Связь с такими художественными дисциплинами, как цветоведение, композиция, дизайн будут способствовать улучшению качества подготовки будущих дизайнеров. Таким образом, современные информационные технологии на занятиях компьютерной графикой играют роль новой среды для развития творческих способностей учащегося. Способность выразить свою идею при помощи изобразительных средств, сделать ее понятной другим является необходимым результатом этапа созидательного творчества. И это невозможно осуществить как без знания законов композиции, так и без навыков овладения изобразительными средствами. Исходя из этого, практическую часть курса компьютерного дизайна необходимо построить на ряде творческих работ, предполагающих решение проблемных задач, основанных на параллельном изучении основ композиции, цветоведения и средств компьютерной графики. Использование в ходе обучения мульти-

медийных и Интернет-технологий, основанных на внедрении в процесс получения знаний электронных учебников, online-тестирования посредством образовательных сайтов, содержащих базу специализированной информации, может предоставить студенту возможность выбора методов, приемов и средств изучения определенного учебного материала, планирования времени и интенсивности изучения, формы и содержания консультаций, уровня отчетности и т.д.

Библиографический список

1. Веб-дизайн: книга Дмитрия Кирсанова. СПб: Символ-Плюс, 1999. 376 с.
2. *Шпак Ю.А.* 3ds Max 2009. М.: Эксмо, 2008. 544 с.
3. *Байденко В.И.* Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 55 с.
4. *Жданова Н. С.* Проектная графика как фактор реализации профессиональной подготовки будущих дизайнеров// ВЕСТНИК ОГУ 6’2006.
5. *Поппер К.Р.* Логика научного исследования / Пер. с англ. Под общ. Рук. В.И. Садовского. М.:Республика, 2004. 446 с. .
6. *Дэвид Дэбнер*. Школа графического дизайна. Принципы и практика графического дизайна. пер. с англ. В. Е. Бельченко. М.: РИПОЛ классик, 2007;

S.A. GUDKOV

TEACHING FEATURES OF COMPUTER GRAFICS PROGRAMS BY THE STUDENTS OF ART SPECIALITIES WITH USE OF MODULAR APPROACH

In article design of an educational and methodical complex on graphic disciplines of information orientation taking into account competences which should be created in the course of studying of this course, identification in discipline of separate modules which reflect both the general tendencies of development of information technologies, and special, directed on studying of concrete field of knowledge at the rate of art disciplines is considered, the structure of the modular program of training is offered.

Key words: **computer graphics, the modular approach, training methods, design.**

О.Н. ЗАЙЦЕВА
старший преподаватель кафедры математики и информационных технологий Орловского государственного университета
E-mail: Oksana_nzn@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ С ПОМОЩЬЮ WEB 2.0-ТЕХНОЛОГИИ

В статье рассмотрены вопросы организации самостоятельной работы студентов медицинского вуза при использовании дидактического комплекса по математике на основе Web 2.0-технологии.

Ключевые слова: ***информатизация образования, информационные технологии, Web 2.0-технология.***

Современный этап общественного развития характеризуется информатизацией всех сфер жизни, непрерывной сменой технологий, динамичным развитием информационных ресурсов. Востребованность специалистов нового поколения прежде всего определяется уровнем их профессиональной компетенции, информационной культуры, глубокими базовыми знаниями и стремлением к самообразованию.

Актуальность использования информационных средств в образовании отмечается в государственных документах, в частности, в Федеральной целевой программе развития образования, Национальной доктрине образования Российской Федерации до 2025г. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации особое внимание уделяется внедрению в систему образования электронных средств учебного назначения, современных информационных и телекоммуникационных технологий, которые способствуют созданию единого информационного пространства, интеграции России в мировое сообщество, повышению качества, доступности, эффективности и конкурентоспособности отечественного образования.

В области внедрения современных информационных технологий в теорию и практику образования ведут свои исследования многие отечественные ученые. Среди них В.Н. Алдушонков, А.И. Архипова, Я.А. Ваграменко, Е.З. Власова, Т.Ю. Горюнова, А.С. Границкая, Н.А. Гулюкина, А.П. Ершов, Т.В. Капустина, С.Ф. Катержина, И.Д. Клегерис, А.А. Кузнецов, М.Р. Меламуд, П.И. Образцов, Ю.А. Первин, Е.С. Полат, В.Д. Симоненко, Е.К. Хеннер и др. Однако, современные разработки по информационным технологиям остаются узко ориентированными. Так, например, есть исследования, направленные либо лишь на школьное образование (А.С. Границкая), либо на использование только тестовых компьютерных технологий в образовании (Н.А. Гулюкина, М.Р. Меламуд и др.), либо на изучение нематематических дисциплин с использованием информационных технологий (Е.З. Власова), либо на использование информационно-образовательных технологий для студентов технического профиля (С.Ф. Катержина). Кроме того, недостаточно исследованы возможности информационных средств, эффективно воздействующих на процесс повышения уровня математической подготовки в рамках традиционных форм обучения (лекции, практические и лабораторные занятия и т.д.). Следует также отметить, что методические аспекты развития информационно-образовательных технологий отстают от возможностей современных технических средств и интернет-технологий. Значительный вклад в исследование проблемы внедрения интернет-технологий в образование, в частности, посредством адаптивных обучающих систем внесли П.Л. Брусиловский, Т.А. Гаврилова, A. Kobsa, M. Specht и др. Большое внимание исследователей (Н.С. Анисимова, О.Р. Смолянинова, А.В. Осин и др.) заслуживают и мультимедиа технологии и особенно их применение в учебном процессе.

Как показывает практика преподавания в высшей школе, у большинства сегодняшних первокурсников отсутствует способность оперировать большим объемом информации и выделять главное, у многих не сформированы навыки самостоятельной работы. С целью повышения качества обучения в таких условиях целесообразно использовать новые формы и методы организации педагогического процесса. Одной из новых технологий, которые могут быть использованы при изучении курса математических дисциплин, является Web 2.0-технология как особая технология представления и структурирования учебного материала.

Web 2.0-технология – это интернет-технология навигации по гиперссылкам, которая позволяет создавать различные обучающие системы. Такая технология позволяет создать адаптированный дидактический комплекс, который будет отвечать тре-

© О.Н. Зайцева

бованиям программы высшего профессионального образования и отражать логику и специфику математики и, кроме того, будет способна удовлетворить запросы смежных учебно-профессиональных дисциплин.

С педагогической точки зрения технологии Web 2.0 предоставляют пользователям следующие возможности.

1. Возможность преподавателю и студентам самостоятельно наполнять сайты содержимым – необходимым учебным материалом, комментариями к выполнению заданий, разъяснениями и т.п. Пользователи сами могут добавлять к сетевому контенту сообщения, статьи, изображения, аудио и видеофайлы, формировать дизайн своих страниц.

2. Возможность указания постоянных ссылок на опубликованные материалы. На наш взгляд, данная особенность Web 2.0-технологии весьма важна в ходе организации самостоятельной работы студентов. Ведь именно благодаря ей преподаватель может проанализировать и проконтролировать действия студентов во времени, а студенты имеют возможность вернуться к любому рассмотренному вопросу и разобрать его заново. У преподавателя появляется возможность отслеживать индивидуальные и групповые истории активности.

3. Возможность решения проблемы классификации учебных материалов с помощью введения системы меток и закладок. К каждой закладке добавляется название, краткое описание и ключевые слова, метки-категории, облегчающие процесс дальнейшего поиска.

4. Возможность визуализации динамических отношений между участниками сетевых сообществ, категориями статей, отдельными статьями. Благодаря визуальным сервисам мы можем понимать и показывать обучающимся отношения между серверами, статьями и даже мыслительными категориями.

На наш взгляд, именно технологии Web 2.0 отражают перспективы эффективной организации самостоятельной работы студентов по усвоению учебного материала. В своем базовом варианте Web 2.0 означает, что каждый пользователь может достаточно просто создавать и самостоятельно наполнять информацией некоторую выделенную часть сетевого пространства или, другими словами, распространять собственный контент в Интернете. Социальные сервисы Web 2.0 ставят во главу учебного процесса взаимодействие студентов между собой и преподавателем на основе инструментов социального программного обеспечения: блогов, wiki, общих закладок, социальных сетей, виртуальных миров и т.п.

В основе концепции технологии Web 2.0 лежат совершенно новые способы коммуникации, позволяющие активно вовлекать в образовательный процесс всех его участников, повышать мотивацию обучения и, соответственно, качество образования. Перечислим и охарактеризуем эти способы:

– Wiki-система, Wiki-среда или Wiki-страница – гипертекстовая среда для сбора и структурирования письменных сведений, которые характеризуются такими признаками, как множество авторов. Wiki-страница пополняется информацией от группы обучающихся, может использоваться в качестве средства накопления знаний по определенной теме самостоятельной работы в процессе её коллективного обсуждения.

– Системы совместного создания и редактирования контента, обеспечивающие возможность совместного одновременного доступа к документу, работу с ним и его обсуждение.

– Делишес – программная среда для хранения закладок на web-страницах с описаниями и возможностью поиска. Возможности данного сервиса состоят в том, что на нем можно сохранять и классифицировать заранее подобранные закладки адресов сайтов по определенным учебным темам. Это весьма важно при организации самостоятельной работы студентов, поскольку не только формируется их познавательный потенциал, но и расширяется профессионально-образовательный кругозор.

– Живой блог – web-сайт, основное содержание которого составляют регулярно добавляемые или обновляемые записи, изображения или файлы мультимедиа. Для данного способа общения характерна публичность и возможность ознакомления с материалом одновременно многими пользователями сети Интернет и оставления отзывов к записям непосредственно в электронной среде.

– Вебинар – online-семинар, лекция, презентация, организованные при помощи Web 2.0-технологии, целью которого является максимально эффективно обеспечить доставку контента к слушателю. На наш взгляд, вебинар, как современный телекоммуникационный инструмент образовательного процесса, достаточно перспективен, т.к. вызывает огромную заинтересованность у участников в его проведении.

– Электронное портфолио – web-базированный ресурс, который отражает рост учебных или профессиональных достижений.

Названные способы коммуникации на базе Web 2.0-технологии в целом позволяют разработать дидактический комплекс. Блог, Wiki, дополнительные ссылки, сервисы закладок общего пользования со ссылками на важные ресурсы формируют всё

необходимое информационное наполнение дидактического комплекса. Также с помощью этих инструментов у студентов появляется возможность формировать персональные портфолио достижений в самостоятельных исследованиях, представляя их в электронном виде для обсуждения и комментариев.

В рамках проводимого нами исследования была обоснована возможность и эффективность использования Web 2.0-технологии для активизации самостоятельной работы студентов медицинского вуза при обучении математике в условиях наглядного моделирования профессиональных задач, а также разработан и апробирован дидактический комплекс по математике на основе Web 2.0-технологии, который является эффективным средством и механизмом активизации самостоятельной работы студентов-медиков. Дидактический комплекс (а также принципы, факторы, педагогические условия, этапы использования информационно-образовательных ресурсов) в самостоятельной работе студентов медицинского вуза с использованием Web 2.0 - технологии является интегративной и структурообразующей основой эффективного обучения математике при проектировании интерактивной обучающей компьютерной среды.

Дидактический комплекс представляет собой учебные модули, содержащие основной и дополнительный теоретический материал, систему практических заданий. В каждом модуле предусмотрены блок самоконтроля и самооценки знаний, задачи для тренинга, система online-общения студентов друг с другом и с преподавателем с целью обсуждения учебных проблем, создание дополняемых Wiki-словарей, глоссария, тематических карточек и т.п. Для достижения высокой эффективности при работе с дидактическим комплексом обеспечена разноуровневость заданий, информационная насыщенность интерактивной образовательной среды, целостность процедур решения задач, внутрипредметная интеграция знаний в содержании и структуре интерактивного взаимодействия. Важным моментом в разработке дидактического комплекса является составление календарного плана самостоятельной работы студентов в рамках семестрового курса математики. Использование Web 2.0-технологии позволяет поэтапно раскрывать перед студентами все предусмотренные возможности дидактического комплекса, реализуя тем самым установленный календарный план работы.

При использовании дидактического комплекса в процессе самостоятельной работы преподаватель и студенты наделены индивидуальными учебно-производственными ролями. Так, ведущий преподаватель отвечает за разработку базы учебных знаний, создание тематических схем, составление списка теоретических вопросов, разработку практикума, подготовку демо-версий контрольных заданий, участие в форумах, online-общении со студентами, составление итоговой отчетности о ходе работы студентов с дидактическим комплексом. Студенты же имеют право просматривать все выкладываемые учебные материалы, в определенных случаях им позволено редактировать и дополнять представленные теоретические сведения. Кроме того, студенты имеют возможность активно участвовать в работе с практикумом, с демо-версиями самостоятельных и контрольных заданий, в работе форума, в частности, в интернет-общении с преподавателем по интересующим учебным вопросам дисциплины.

Результаты использования дидактического комплекса в процессе самостоятельной работы по дисциплине «Математика» для студентов медицинского вуза по специальности 060301.65 «Фармация» позволили нам сделать следующие выводы:

– уровень мотивации в экспериментальной группе после организации самостоятельной работы с использованием Web 2.0-технологии вырос по сравнению с контрольной группой;

– уровень познавательного интереса к математике в экспериментальной группе после обучения с использованием Web 2.0-технологии вырос по сравнению с контрольной группой. В контрольной группе, обучающейся традиционным образом, отмечено снижение познавательного интереса к математике;

– анализ результатов сессий показал, что студенты экспериментальной группы статистически достоверно имеют более высокий уровень математической подготовки.

Кроме того, организация самостоятельной работы с помощью дидактического комплекса на основе Web 2.0-технологии позволила в полной мере раскрыть тот огромный дидактический потенциал, который изначально несет в себе использование компьютерных технологий.

Библиографический список

1. *Виштак Н.М.* Лекционный электронный комплекс как средство активизации учебной деятельности студентов вуза. Автореф. дис. на соис. уч. ст. канд. пед. н. Москва. 2011.

2. *Власова Е.З.* Организационно-педагогические характеристики адаптивных технологий обучения на базе информационно-коммуникационных средств. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена №9. 2004.

3. Информатизация образования. Школа XXI века: Сборник научных трудов Всероссийской научно-

практической конференции [электронное издание].М.: ФГУ ГНИИ ИТТ «Информика», 2008.

4. Новые информационные технологии в образовании: материалы междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 1–4 марта 2011 г.: в 2 ч. ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2011. Ч. 2. 290 с.

5. *Патаракин Е.Д.* Социальные сервисы Веб 2.0 в помощь учителю. 2-е изд.,испр. М: Интуит.ру, 2007. 64 с.

O.N. ZAJTSEVA

THE ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK WHEN TRAINING IN MATHEMATICS OF STUDENTS OF PHYSICIANS BY MEANS OF THE WEB 2.0 OF TECHNOLOGY

In article questions of the organization of independent work of students of medical school are considered when using a didactic complex on mathematics on the basis of the Web 2.0 – technology.

Key words: ***informatization of education, information technology, Web 2.0-technology.***

А.А. КАЛЕКИН
кандидат технических наук, профессор, зав. кафедрой технологии и предпринимательства Орловского государственного университета
E-mail: KalekinOGU@yandex.ru
Тел. 8 906 663 72 21

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ В ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В связи с переходом общеобразовательной школы на профильное обучение старшеклассников предложена в вузе инновационная система подготовки будущих педагогов.

Ключевые слова: ***бакалавр технологии, технологическая отраслевая подготовка, инженерная педагогика школы, индустриально-технологическое направление.***

Современные социально-экономические отношения в обществе предъявляют новые требования к подготовке в вузе бакалавров технологии для работы в профильной школе. Бакалавр технологии должен ориентировать школьников не только на усвоение ими определенной суммы знаний, но и на развитие их личности, познавательных способностей, успешную социализацию в обществе и активную адаптацию на рынке труда.

Проблема профессиональной подготовки бакалавра технологии имеет определенную специфику, особенно для работы в профильных школах (классах) индустриально-технологического направления, которое в большей степени, чем другие направления профилизации, ориентирует старшеклассников на выбор профессий и специальностей после окончания школы в сфере современного материального производства, т. е. на технологическую деятельность.

Под технологической деятельностью человека мы понимаем активное отношение его к окружающему миру и последовательность использования приемов при целесообразном преобразовании материалов, энергии и информации для создания материальных и духовных ценностей в интересах людей. Следовательно, одной из главных функций бакалавра технологии является передача школьникам опыта осуществления этой деятельности. Но для того, чтобы четко представлять ту или иную отрасль современного материального производства, бакалавру технологии необходима соответствующая подготовка, названная нами *технологической отраслевой подготовкой.*

Технологическая отраслевая подготовка будущего бакалавра технологии по сравнению с традиционной в педагогических вузах (факультетах) отличается тем, что здесь знания, умения, навыки и компетенции выпускника соизмеряются с определенной отраслью материального производства и педагогической деятельностью в профильной школе с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников.

Для реализации в вузе отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии потребовалась разработка соответствующей инновационной системы[1,2].

Под системой технологической отраслевой подготовки бакалавра технологии мы понимаем совокупность взаимодействующих преемственных образовательных программ общетехнических и технологических дисциплин, отражающих специфику отраслей сферы материального производства (в рамках общих требований ФГОС ВПО направления подготовки 050100.62 «Педагогическое образование» профиля «Технология»), средств, методов и процессов, составляющих целостную подготовку в вузе бакалавра технологии для его работы в профильной школе (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников.

Преподавание общетехнических и технологических дисциплин в вузах базируется на анализе теоретического развития такого научного направления, как педагогика в обучении техническим дисциплинам, получившая известность как инженерная педагогика, впервые в 1972 г. предложенная австрийским профессором А. Мелецинеком и в дальнейшем получившая развитие в России благодаря работам профессоров А.А. Кирсанова, В.М. Жураковского, В.М. Приходько и И.В. Федорова. В инженерной педагогике интегрируются педагогические и технические знания и методика преподавания соответствующих дисциплин.

Научной основой системы технологической отраслевой подготовки в вузе будущего бакалавра технологии нами определена именно инженерная

© А.А. Калекин

педагогика применительно как к требованиям подготовки педагога, так и в целом к технологическому образованию школьников, названная нами инженерной педагогикой школы.

Главное отличие инженерной педагогики школы от общей педагогики состоит в том, что в ней выдвигаются иные цели и утверждаются новые ценности образования. Ими становятся знания, умения, навыки, способности, необходимые для современной педагогической деятельности бакалавра в школе, решения широкого круга инновационных образовательных задач, присущих профильной школе с индустриально-технологическим направлением профессиональной ориентации старшеклассников.

Если инженерную педагогику школы рассматривать в аспекте технологического образования, то она может выступать педагогической теорией системы подготовки бакалавра педагогического образования к работе в профильной школе с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников при выборе ими профессий и специальностей в сфере современного материального производства.

Подготовка будущего бакалавра технологии для работы в профильной школе с индустриально-технологическим направлением профилизации в значительной степени определяется уровнем его знаний в соответствующей области материального производства. Исходя из этого, основной комплексной задачей подготовки будущего бакалавра технологии для работы в профильной школе является формирование у него отраслевых технологических знаний – одной из составляющей его профессиональной компетентности.

Именно поэтому исследование системы технологической отраслевой подготовки бакалавра технологии, способного своими знаниями отрасли материального производства, педагогическими умениями и личностными качествами способствовать старшекласснику в выборе будущей технологической деятельности в сфере современного материального производства, признано нами в качестве приоритетного. Это является инновационным процессом для сегодняшней российской системы образования.

Исследования, проведенные в Орловском государственном университете в течение 1995 – 2010 гг., позволили получить значимые научные и практические результаты при реализации в вузе отраслевой профессиональной подготовки будущих бакалавров технологии [3,4].

1. Целесообразно использовать инженерную педагогику (скорректированную в виде условно названной нами инженерной педагогики школы) в качестве теоретико-методологической базы технологической отраслевой подготовки будущего бакалавра технологии к его работе в профильных школах (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников.

2. Ввести в терминологическое обеспечение отраслевого подхода к подготовке в вузе бакалавра технологии следующее понятие: «инженерная педагогика школы», «система отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии профильной школы», «общеинженерная компетенция бакалавра технологии». Инженерная педагогика школы предстает как самостоятельная область научного педагогического знания, которая за счет взаимодействия с техническими науками, технологиями и техникой педагогически способствует созданию и реализации системы технологической отраслевой подготовки в вузе бакалавра педагогического образования.

Общеинженерная компетенция бакалавра технологии – познанная готовность бакалавра применять технологические знания отраслей материального производства, умения, навыки, компетенции и личностные качества для формирования у школьников на уроках технологии и элективных курсах в период предпрофильной подготовки и профильного обучения трудовой мотивации, стимулирования интереса к получению профессий и специальностей по профильным направлениям сферы материального производства, востребованным в данном регионе, и в целом подготовки молодежи к дальнейшей социальной адаптации в современном обществе.

3. Разработана концепция системы технологической отраслевой подготовки будущих бакалавров технологии, которая представляет собой комплекс ключевых положений, всесторонне раскрывающих её суть, содержание и особенности. Ее основными компонентами являются:

– положение о том, что знания, умения, навыки и компетенции будущего бакалавра соотносятся с отраслями сферы современного материального производства за счет отраслевых специализаций или регионального компонента;

– инженерная педагогика в виде теоретико-методологической базы, соотнесенной как с подготовкой бакалавра технологии, так и в целом с технологическим образованием школьников;

– единство теоретико-методологических подходов к подготовке бакалавра технологии, где общенаучной основой выступает системный подход, теоретико-методологической стратегией – деятельностный подход, практико-ориентированной тактикой – личностно ориентированный подход.

Проведенная опытно-экспериментальная проверка эффективности разработанной системы технологической отраслевой подготовки будущего бакалавра технологии к работе в профильной школе (классах) с индустриально – технологическим направлением профилизации старшеклассников выявила положительную динамику влияния предложенной системы на уровень готовности будущего бакалавра технологии к профессиональной деятельности, на процесс формирования мотивов инновационного поведения, развития самостоятельности и творческой активности будущего педагога.

Анализ динамики трудоустройства выпускников Орловского государственного университета, получивших технологическую отраслевую профессиональную подготовку, показал, что такой педагог на сегодняшний период состояния нашего общества более востребован на рынке труда из-за имеющейся у него подготовки.

Библиографический список

1. *Калекин А.А.* Проектирование педагогической системы формирования общеинженерной компетенции будущего учителя технологии профильной школы. Монография. Орел: ОГУ, 2009. 220 с.
2. *Калекин А.А.* Методология педагогической системы формирования общеинженерной компетенции будущего учителя технологии профильной школы. Монография. Орел: ОГУ, 2009. 162 с.
3. *Калекин А.А.* Формирование общеинженерной компетенции учителя технологии. Монография. Орел: ОГУ, 2009. 478 с.
4. *Калекин А.А*. Теоретико-методологические основы системы отраслевой подготовки бакалавра технологии к работе в профильной школе. Монография. Орел: ОГУ, 2012 г. 157 с.

A.A. KALEKIN

DESIGNING OF PEDAGOGICAL SISTEM ON THE PASIS OF SYNERGETICS

It is considered the synergetics approach to designing pedagogical system of teaching in High school of general – engineering disciplines. By preparation of the future teachers of technology of profile schools with of technology of profile schools with an industrially – technological direction.

Key words: ***synergetics, pedagogical system, the teacher of technology, general – engineering disciplines – engineering competence.***

Е.С. КАПТУРОВА
ассистент кафедры английской филологии
Орловского государственного университета
E-mail: e_kapturova@mail.ru

ИНОЯЗЫЧНАЯ АУДИТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ПУТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА СТАРШЕЙ СТУПЕНИ ОБУЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В настоящей статье исследуется понятие иноязычной аудитивной компетенции и рассматриваются вопросы ее развития на старшей ступени обучения в языковом вузе. Накопление опыта в аудировании, происходящее по мере усложнения перцептивных, коммуникативных и смысловых задач, которые ставятся перед студентами, трактуется как основополагающая стратегия развития и совершенствования аудитивной компетенции.

Ключевые слова: ***аудирование, аудитивная компетенция, восприятие, накопление опыта, коммуникативная ситуация, коммуникативное намерение.***

Компетентностный подход, отраженный в образовательных стандартах нового поколения, позволяет утверждать, что процесс иноязычного образования на сегодняшний день должен рассматриваться в терминах компетенций. При этом под компетенциями понимаются «интегральные динамические характеристики выпускника, которые выражают ожидаемые и измеряемые результаты обучения (знания, умения, навыки, личностные качества), т.е. достижения выпускника, его готовность и способность осуществлять определенные виды деятельности после освоения всего курса или его отдельной части» [7, с. 21].

Как следствие, готовность и способность к восприятию иностранной речи на слух в ситуациях двуязычного / многоязычного общения должна определяться степенью сформированности **иноязычной аудитивной компетенции.**

Это понятие еще не нашло детального отражения в современной научной литературе, его содержание как основополагающей характеристики владения аудитивной деятельностью до сих пор не раскрыто, не определены показатели сформированности данной компетенции. Последние должны включать и качественные, и количественные характеристики, а также отражать требования, предъявляемые как к процессу аудирования, так и к его результату.

В отношении рецептивных видов деятельности учеными были определены такие характеристики результата аудирования и чтения, как полнота, точность и глубина понимания, достигнутого при чтении или аудировании, а также объем извлеченной информации из прочитанного или прослушанного. К показателям владения этими видами речевой деятельности также относят достаточный темп восприятия и обработки информации, гибкость, а также совершенство навыков аудирования и чтения (С.К. Фоломкина, З.И. Клычникова, Н.Ф. Коряковцева, Б.А. Лапидус, Н.В. Елухина, N. Anderson, W. Grabe, G. Brown и др.).

Мы считаем, что помимо данных характеристик, сформированность компетенций в рецептивных видах речевой деятельности, и в аудировании в частности, должны отражать такие критерии, как *успешность, эффективность* и *адекватность*.

Успешность является наиболее общим показателем и призвана характеризовать результативность аудитивной деятельности, т.е. достижение реципиентом своей цели прослушивания, реализацию собственного коммуникативного намерения, достижение поставленной задачи.

Эффективность предполагает протекание процессов восприятия, понимания и интерпретации без нарушений и сбоев, а также без особых усилий со стороны реципиента. Этот показатель является результатом взаимодействия целого ряда качественных и количественных характеристик (скорости восприятия, развитости психологических механизмов аудирования, владения интеллектуальными операциями и т.п.) и проявляется в непринужденности, естественности процессов восприятия речи на слух.

А*декватность* является требованием, которое предъявляется и к процессу аудирования, и к его результату. В первом случае речь идет об умении аудировать адекватно целям и условиям восприятия. Данный показатель непосредственно связан с другим – гибкостью, который предполагает владение различными способами осуществления деятельности (т.е. разными видами аудирования) и умение избирать в каждом случае наиболее эффективный и экономный, а также гибко «переключаться» с одного вида аудирования на другой в зависимости от изменяющихся условий, изменения коммуникативного намерения и т.п. Иными словами, адекватность предполагает умение управлять процессами аудиро-

© Е.С. Каптурова

вания и видоизменять их с точки зрения наибольшей целесообразности.

Во втором случае адекватность рассматривается как необходимая характеристика того умозаключения, к которому реципиент приходит в результате аудирования: «Интерпретация может считаться адекватной лишь тогда, когда реципиент толкует идею (цель) сообщения в соответствии с замыслом коммуникатора» [1, с. 35].

Исходя из вышеизложенных характеристик, мы можем определить иноязычную аудитивную компетенцию как сложную интегративную характеристику слушающего, которая характеризует его готовность и способность осуществлять аудитивную деятельность на иностранном языке, отвечающую таким качественным и количественным параметрам, как успешность и эффективность, адекватность и гибкость, скорость и непринужденность (естественность) восприятия. Данные показатели взаимообусловливают друг друга и предполагают высокий уровень развития аудитивных умений и навыков, способностей и интеллектуальных операций, а также наличие релевантных знаний, обеспечивающих осуществление аудитивной деятельности в меняющихся условиях.

Сформированность перечисленных показателей свидетельствует об опытности, «зрелости» слушающего (по аналогии со «зрелым слушателем» в терминологии С.К. Фоломкиной). Опыт (лингвистический, прагматический, социокультурный, методический, психологический), выступая в качестве «универсалии, лежащей в основе всех вырабатываемых при изучении языка компетенций» [6, с. 35], является системообразующим фактором в обучении аудированию.

Накопление опыта в аудировании происходит в процессе осуществления аудитивной деятельности в разнообразных коммуникативных ситуациях, в ходе овладения знаниями, формирования навыков, умений и компетенций. Эти процессы, однако, развиваются не в линейной последовательности, а протекают взаимосвязано. Учитывая условия обучения в языковом вузе, можно предположить, что процесс накопления опыта происходит по концентрической окружности, поскольку на каждом этапе обучения ставятся, в сущности, одни и те же цели – формирование аудитивной компетенции, однако содержание обучения аудированию на каждом последующем этапе расширяется. Это происходит за счет:

1. овладения новыми знаниями;
2. систематизации имеющихся знаний, навыков, умений;
3. формирования более сложных по структуре умений;
4. усложнения смысловой задачи восприятия;
5. усложнения условий восприятия;
6. усложнения комопозиционно-смысловой структуры высказываний, предназначенных для слуховой рецепции;
7. расширения видов, жанров и функциональных стилей высказываний;
8. совмещения аудирования с другими видами речевой деятельности (в тех случаях, когда студенту приходится решать несколько задач различного характера);
9. повышения требований к эффективности восприятия иноязычной речи на слух.

Остановимся подробнее на том, как накопление опыта в аудировании осуществляется на старшем этапе обучения в языковом вузе.

Аудитивные умения, подлежащие развитию на данной ступени обучения, отличаются сложностью своей структуры. Сложность умений зависит от их компонентного состава, т.е. количества и характера составляющих умений и интеллектуальных операций [2, с. 12].

Так, умение определить основной объект высказывания предполагает выявление его основных характеристик, что обеспечивают такие мыслительные операции, как отбор, анализ, сопоставление. Это же умение, наряду с другими, входит в структуру более сложного умения – умения определять отношение автора к объекту высказывания.

Умение определять объект прослушиваемого высказывания и его характеристики относится к так называемым базовым, более простым умениям, которые уже должны быть сформированы у студентов к началу обучения на старшей ступени.

Несмотря на это, данное умение по-прежнему остается в фокусе внимания, поскольку усложнение аудитивной деятельности, что является требованием для старшего этапа обучения, приводит к модификации данного умения и появлению более комплексных умений, таких как:

- умение определять основной объект высказывания среди нескольких;
- умение определять имплицируемый объект высказывания;
- умение оценивать порядок характеристик объекта в прослушиваемом высказывании, а также определять их оптимальную последовательность с учетом особенностей объекта высказывания, коммуникативного намерения и точки зрения говорящего;
- умение определять объективность / субъективность характеристик объекта высказывания;
- умение определять достаточность / недостаточность, уместность / избыточность характеристик объекта высказывания с точки зрения его

особенностей, цели и коммуникативного намерения говорящего, а также особенностей аудитории;

• умение определять и самостоятельно подбирать недостающие характеристики с учетом развития замысла воспринимаемого на слух сообщения;

• умение прогнозировать появление новых деталей в случае изменения коммуникативного намерения говорящего.

Развитие данных умений способствует становлению таких параметров аудитивной компетенции, как *эффективность* и *адекватность*, а также развивают способность осуществлять аудитивную деятельность *осознанно*; способность к *рефлексии* и *оценке* процесса и результата деятельности; способность *переносить способы осуществления деятельности в новые условия*.

Например, для определения объекта высказывания в следующем отрывке, предназначенном для прослушивания, необходимо сознательно отобрать характеристики, определить, что их объединяет, сопоставить две группы признаков и принять смысловое решение.

"I am a former bank clerk but now the best word I know to describe my role in our family is a "house-husband". I enjoy enormously what I'm doing! I cook, I clean, I do the shopping, collect our daughter from nursery school and so on – all the things a traditional housewife does. Ok, vacuum-cleaning isn't a lot of fun but I get a lot of pleasure out of planning and cooking our meals…" (Ответ: основной объект высказывания – не обязанности домохозяина, а удовольствие, которое от них получает говорящий.)

Сложность следующего задания по сравнению с предыдущим состоит в том, что необходимо определить объект прослушиваемого высказывания, который имплицируется: "Nowadays we have an incredible range of fresh fruit and vegetables available to us all the year round. But have you ever thought about what is involved in getting those products to our supermarket shelves? Perhaps that fruit wouldn't taste so sweet if you knew how bitter life was for the people who harvested it." (Ответ: основной объект высказывания – изнурительный труд людей, которые выращивают и собирают урожай.)

В данном случае вопросительное предложение не предполагает расспрос, а предвосхищает объяснение говорящего. Это предложение побуждает слушающего выдвигать гипотезы относительно того, что может быть ответом на заданный говорящим вопрос (и вообще требует ли вопрос ответа), а также уточнять гипотезы по ходу прослушивания и оценивать их правильность.

Еще более сложной смысловой задачей по сравнению с предыдущими является умение анализировать порядок характеристик объекта в прослушиваемом высказывании, а также определять их оптимальную последовательность с учетом особенностей объекта высказывания, коммуникативного намерения и точки зрения говорящего.

Так, в следующем задании, для того чтобы определить оптимальную последовательность характеристик, необходимо выявить среди других основной объект высказывания, вычленить и удерживать в памяти его характеристики, расположить их в иерархии по степени важности относительно особенностей этого объекта высказывания и коммуникативного намерения говорящего.

"In this evening's programme we report on the growing popularity of endurance sports. There are some people who like to keep pushing their body to the limit. However, it can do a lot of harm to their health in the long run.

Many contests of this type are carried out in what most of us would find unpleasant environments. Participants run staggering distances, suffer from breathlessness, endure sleep deprivation. Many develop diseases as a result of pushing their bodies so far…" (Ответ: для расположения характеристик объекта высказывания в оптимальном порядке необходимо первую характеристику переместить в конец высказывания).

Приведенные примеры демонстрируют, что умения, входящие в состав сложного аудитивного умения, проявляются в зависимости от коммуникативного намерения и коммуникативной ситуации. Как следствие, начинать формирование сложного умения необходимо с его ядра – базового умения (в терминологии Я.М. Колкера), подключая все большее количество составляющих компонентов по мере расширения элементов коммуникативной ситуации и усложнения смысловой задачи. Это позволит постепенно наращивать от младших к старшим курсам количество ситуаций и сфер общения, в которых студенты могут осуществлять аудитивную деятельность.

Таким образом, рассмотрение процесса обучения аудированию как накопление опыта позволяет регулировать и «дозировать» этот опыт за счет определения последовательности усложняющихся ситуаций аудирования, которые влекут за собой необходимость решать более комплексные перцептивные и смысловые задач и восприятия.

Студентам подобный подход дает возможность развивать способность определять функциональную ценность конкретных компонентов умений для решения различных речевых и смысловых задач и, как следствие, формировать умение слушать *по-разному* в зависимости от собственных целей и

коммуникативной ситуации, а также анализировать возможную вариативность формы и содержания воспринимаемого высказывания.

Как мы продемонстрировали в примерах, усложнение ситуации аудирования может происходить путем ее расширения за счет вовлечения факультативных компонентов или ее сужения до минимально необходимого количества компонентов, а, кроме того, за счет усложнения непосредственных условий восприятия (ограниченность во времени, привлечение помех, прослушивание нескольких говорящих и т.п.).

Расширение компонентов коммуникативной ситуации побуждает студента в ходе прослушивания учитывать и удерживать в памяти большое количество компонентов, что существенно увеличивает нагрузку на память, усложняет как перцептивную, так и смысловую сторону восприятия.

Ограничение набора элементов коммуникативной ситуации, в свою очередь, также затрудняет восприятие и осмысление содержания прослушанного, требуя активного и гибкого выдвижения гипотез и их верификации, использования всех имеющихся знаний для компенсации пробелов в восприятии и понимании.

Усложнение ситуации аудирования происходит на фоне более сложных с точки зрения восприятия на слух отрывков устного дискурса. Так, на старшем этапе обучения в языковом вузе студенты могут прослушивать:

• описательные высказывания (с высоким уровнем образности, абстрактности) и высказывания полемического характера (с высоким уровнем имплицитности), а также высказывания, в которых присутствует несколько способов изложения;

• высказывания с высоким уровнем информативности;

• высказывания с высоким уровнем имплицитности;

• высказывания с высоким уровнем избыточности;

• высказывания с определенными «отклонениями» в логике развития мысли и ее оформлении (к которым относятся нечеткий замысел; неадекватность в развитии замысла; «размытая» композиция; нарушения в логике композиции).

Последнее означает необходимость формирования таких аудитивных умений, как:

1. умение определять случаи неадекватного развития замысла относительно коммуникативного намерения самого говорящего, особенностей аудитории и/или характера объекта высказывания (что проявляется в недостаточном раскрытии его признаков или раскрытии несущественных относительно условий коммуникации признаков);

2. отбирать и удерживать в памяти все существенные детали;

3. умение определять каждый из перечисленных «трудных» случаев;

4. определять возможные причины, по которым говорящий избрал и использует такие форму и содержание сообщения.

Работа над формированием перечисленных умений способствует становлению у студентов способности анализировать прослушиваемое высказывание с точки зрения параметров эффективности (подробнее о параметрах эффективности высказывания см. [4, с. 22-36]), способности к оценке процесса и результата собственной аудитивной деятельности, а также способности переносить способы осуществления деятельности в новые условия.

Итак, предложенный в данной статье путь развития аудитивной компетенции представляет собой организацию постепенного накопления опыта в аудировании за счет последовательного усложнения как перцептивных, так и смысловых задач восприятия, что позволит студенту научиться успешно, адекватно и эффективно осуществлять аудитивную деятельность в разнообразных коммуникативных ситуациях.

Библиографический список

1. *Дридзе Т.М.* Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) //Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Под ред. Дридзе Т.М., Леонтьева А.А. М.: 1976. С. 34-45.

2. *Колкер Я.М., Устинова Е.С., Еналиева Т.М.* Практическая методика обучения иностранному языку. М.: Издательский центр «Академия», 2000. С. 12-23.

3. *Колкер Я.М., Устинова Е.С.* Обучение восприятию на слух английской речи. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 336 с.

Колкер Я.М., Устинова Е.С. Как сделать высказывание точным и выразительным: теория и практика обучения говорению на иностранном языке. М.: Научная книга, 2009. 352 с.

4. *Коряковцева Н.Ф.* Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностран-

ный язык. М.: Аркти, 2002. 176 с.

5. *Молчанова Л.В.* Обучение второму иностранному языку в условиях формирования функционального многоязычия в языковом вузе (на примере японского языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2009. 26 с.

6. *Соловова Е.Н.* Задачи вузов, факультетов и кафедр в условиях перехода на ФГОС ВПО – стандарты третьего поколения // Иностранные языки в высшей школе. 2010. Выпуск 2 (13). С. 21-24.

7. *Фоломкина С.К.*Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 2005. 255 с.

8. *Brown G., Yule G.* Teaching the Spoken Language. Cambridge: CUP, 1999. 162 p.

9. *Field J.* Listening in the Language Classroom. Cambridge: CUP, 2008. 355 p.

10. *Lynch T.*Teaching Second Language Listening. Oxford: Oxford University Press, 2009. 183 p.

E.S. KAPTUROVA

ON THE PECULIARITIES OF FL AUDITIVE COMPETENCE ACQUISITION AT THE ADVANCED TERTIARY LEVEL

The article attempts to specify the major goal and specific features of teaching listening comprehension at tertiary level. Since the educational goals are to be viewed in terms of competences, the notion of auditive competence is suggested and examined. The latter is regarded as a specific entity to be based on language learners' auding experience. The author regards accumulation of auding experience as the foundation for effective acquisition of auditive competence and gives a general outline of how this process can be regulated at the advanced tertiary level.

Key words: ***auditive competence, listening comprehension, auding experience accumulation, communicative situation, communicative intention.***

Е.М. КНЯГИНА
ассистент кафедры социальной психологии и акмеологии Орловского государственного университета
E-mail: knyagina_elena@hotmail.com
Тел. 8 920 281 16 32

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается нравственность как компонент субъектности личности. Освещаются различные подходы к пониманию субъектности, феноменологических особенностей субъектности. Анализируется связь деструктивной субъектности и макиавеллизма.

Ключевые слова: ***субъектность, нравственность, активность, макиавеллизм.***

Нравственная деградация, прагматизм, утрата смысла жизни и культ потребления, подростковая наркомания и алкоголизм – вот те негативные последствия социально-экономического и идеологического кризиса российского общества 90-х гг. XX столетия. Духовный кризис российского общества проявился в утрате коллективистской системы ценностей, а также в крушении нравственного идеала, который являлся путеводителем для народа многие годы. В коллективистской культуре советского общества групповые цели превалировали над индивидуальными, отмечалось стремление к общему благу, поддержание традиций и норм, принятых в обществе. Формирующаяся сегодня в культуре и сознании русского человека индивидуалистическая система ценностей способствует разобщению общества за счет самоутверждения его отдельных индивидов, отдающих приоритет своим личным целям. Эта тенденция также не способствует формированию гармоничной и психологически благополучной личности в современном обществе.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема субъектности как проблема развития активной, хорошо интегрированной личности, самостоятельно выстраивающей систему ценностей, способной адаптироваться к быстро изменяющимся условиям социальной жизни и противостоять манипулятивным воздействиям.

В современной психологии существуют многообразные авторские трактовки понятия «субъектность».

Субъектность рассматривается как особое личностное качество, связанное с активно-преобразующими свойствами и способностями. Субъектность есть особое интегральное свойство личности, которое проявляется в способности к самодетерминации личностного развития и в осмысленном знании о возможностях самоуправления собственными ресурсами. К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский отмечают, что субъектность проявляется в растущем самосознании человека и в деятельности.

В качестве структурных компонентов субъектности выделяют активность, саморегуляцию, инициативу, самостоятельность, рефлексивность, самоопределение и самореализацию, интернальный локус контроля, ответственность, креативность. Перечисленные компоненты являются непременными атрибутами человека как субъекта своей жизнедеятельности и составляют смысловую сферу индивида, сферу его сознания и самосознания.

Проблеме изучения активности посвящено достаточно много теоретических исследований, в которых активность – это качество, базирующееся на потребностях и интересах личности и существующее как внутренняя готовность к действию. А также активность – это более или менее энергичная самодеятельность, направленная на преобразование различных областей деятельности и самих субъектов. (В.Ф. Бехтерев, 1996.)

В концепции К.А. Абульхановой-Славской активность и социальное мышление выступают в качестве двух основных компонентов субъектности. Активность определяется как типичный для данной личности обобщенный ценностный способ отражения, выражения и осуществления ее жизненных потребностей. Активность – это не свойство сознания, а качество субъекта и особенность личности как субъекта, имеющая индивидуальные формы проявления. Понятие активности шире понятия деятельности, так как активность проявляется и в познании, и в общении, и в жизненном пути [1].

В качестве первого и основного критерия при определении личности как субъекта К.А. Абульханова выделила разрешение различного рода противоречий, которое дает субъекту опыт свободы, уверенности, самостоятельности, ведет к достижению соразмерности. Личность вынуждена разрешать противоречие между внешней социальной детерминацией и внутренними потребностями,

© Е.М. Княгина

желаниями, способностями, особенностями. Таким образом осуществляется произвольная саморегуляция, управление собственными ресурсами и поведением.

Концепция осознанной психической саморегуляции деятельности была предложена О.А. Конопкиным [10]. Феномен осознанной регуляции деятельности выделяется им в качестве фактора и критерия субъектного развития и субъектного бытия человека. И определяется как общая способность к саморегуляции.

С точки зрения регуляторного подхода, субъектность выступает как свойство человека производить целенаправленные (осознанные, им инициированные) преобразования в окружающем мире и самом себе. Знание своих возможностей саморегуляции, обеспечивающей эффективное взаимодействие с окружением, позволяет человеку становиться подлинным субъектом своей активности. Таким образом, осознанная саморегуляция есть системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей.

В связи с этим, исследователи активности особой её формой выделяют субъектную активность. Впервые эту форму активности выделяет В. Франкл и определяет ее как стремление найти смысл собственной жизни, в чем заключается первичная мотивирующая сила человека.

А.К. Осницкий пишет: «Субъектная активность – это активность, которую человек развивает как автор своих усилий» [11]. Субъектная активность целесообразна, она предполагает постановку и достижение целей, которые так или иначе представлены в сознании каждого человека. А.К. Осницкий подчеркивает, что активность обеспечивает человеку относительную независимость природы и противоречивых социальных требований.

Итак, общим, в рамках субъектно-деятельностного подхода, является то, что сущность активности объясняется внутренним ее движением и самоопределением под влиянием внешних обстоятельств и внутренних возможностей субъекта.

В контексте представленных подходов активность и субъектность рассматриваются как позитивные качества. Мы полагаем, что активность может проявляться как в позитивном, так и в негативном планах. Негативный характер субъектной активности проявляется, когда человек, обладая качествами, характеризующими его как субъекта своей жизнедеятельности, достигает при этом поставленных целей за счет других, отдавая предпочтение личным интересам, и выступает, таким образом, как безнравственный субъект.

Так, Т.В. Белых в своем исследовании отмечает, что субъектность может носить не только позитивный, но и негативный характер. В связи с этим она выделяет субъектность созидательную и деструктивную.

«Проявления деструктивной субъектности связаны с невозможностью выхода за рамки эгоцентричных ценностных ориентаций, отсутствием эталонной системы нравственных представлений, с препятствием интеграции в высшее «Я» человека и неприятием гуманистических морально-нравственных ценностей» [3].

Модель деструктивной субъектности является характерной для пограничной аномальной личности в виде криминального стереотипа поведения. Формирование деструктивной субъектности связано с ограничением развития субъектных свойств на всех уровнях организации субъекта. И проявляется лишь на индивидном или личностном уровнях, не достигая уровня индивидуальности. Созидательная же субъектность выражается в проявлении свойств субъекта на всех уровнях организации – индивидном, личностном, уровне целостной индивидуальности. Для созидательной субъектности, в отличие от деструктивной, характерны нравственная позиция, коллективистическая система ценностей, ориентация на общественные нормы.

Мы полагаем, что деструктивная субъектность связана с психологическим феноменом макиавеллизма. Макиавеллизм как свойство личности в повседневной жизни проявляется в манипулятивных тактиках, направленных на достижение субъектом конкретных карьерных и других подобных целей. Поскольку в субъектности интегрируются профессиональные способности человека как деятеля, в этом случае макиавеллизм может быть естественным следствием профессионального и карьерного роста. В данном случае, не учитывая нравственной стороны вопроса, субъектность в совокупности своих положительных качеств во взаимодействии с макиавеллизмом меняет свою направленность прямо на противоположную, а именно становится деструктивной.

Макиавеллизм как научная категория широко распространен в зарубежных психологических исследованиях. Макиавеллизмом западные психологи называют склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Речь идет о таких случаях, когда субъект скрывает свои подлинные намерения. Вместе с тем с помощью ложных отвлекающих маневров он добивается

того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели.

В отечественной психологии феномен макиавеллизма изучается в работах В.В. Знакова[9]. Макиавеллизм выделяется как один из ведущих факторов, способствующих неэтичному поведению. Им была выявлена связь макиавеллизма личности с такими характеристиками, как подозрительность, враждебность, негативизм, ориентация на «Я» в общении, низкая альтруистичность и отрицательная самооценка нравственных качеств. Показано, что субъекты с высоким уровнем макиавеллизма лучше владеют манипулятивными навыками, умением нравиться окружающим и в целом успешнее влияют на их поведение. Установлена связь между феноменами макиавеллизма и вранья.

В связи с вышеизложенным мы полагаем, что важнейшим компонентом субъектности помимо активности выступает нравственность. Проявляя высокую социальную, профессиональную активность, субъект может демонстрировать низкий уровень духовно-нравственного развития, что проявляется с его стороны в пренебрежении достоинством другого человека, непорядочности в общении и отношениях, которые становятся нормой поведения для данного субъекта. Поэтому особый интерес представляет изучение субъектности со стороны ее духовно-нравственных компонентов.

Анализ литературы по изучению феноменологических особенностей субъектности личности показал, что проблема нравственности в качестве структурного компонента субъектности как таковая в психологии не рассматривается, а изучается как отдельно стоящая проблема в работах философов и психологов (С.Л. Рубинштейна, Б.С. Братуся, Э.В. Чудновского, М.И. Воловиковой, Л.И. Анцыферовой, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадрикова, В.В. Знакова, В. Зинченко).

Особый интерес представляет раскрытие психологического содержания нравственной, ценностно-ориентационной сферы субъектности человека, ведь именно это сфера есть внутренний стержень личности, от которого будут зависеть все остальные субъектные проявления человека. Это «нравственный стержень личности, побуждающий ценить как свое личное достоинство, так и достоинство каждого человека, а значит добросовестно относиться к профессиональному делу. Нравственность – первооснова всех аспектов идентичности, пропуск в человеческую общность, в науку, в профессиональное дело. Вне ее начинается деградация во всех областях жизни»[8].

На основе анализа работ С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, М.И. Воловиковой в качестве проявлений нравственности как компонента субъектности можно выделить идеал как некий жизненный ориентир, нравственные ценности, которые раскрывают нравственную и моральную сторону жизненной ориентации человека, а также способность человека ориентироваться не на внешние, а на внутренние нормы поведения [4].

Результаты исследований М.И. Воловиковой (2003г.) показали, что социальные представления школьников, студентов, а также взрослых о нравственном идеале имеют сложную структуру, которая имеет «ядро» и «периферию». Социальные представления о нравственном идеале являются историческим продуктом и в то же время указывают на перспективу развития общественного сознания народа.

М.И. Воловикова, на основе многолетних исследований правового сознания, приходит к выводу о глубокой взаимосвязи данного феномена у россиян с нравственным сознанием и, прежде всего с совестью [7].

Категория совести как важного аспекта нравственности изучается С.А. Барсуковой: «Совесть – это не исполнение должного, а самовыражение индивидуальности и сущности человека»[12, 21-27].

Совесть определяется как психологически сложное образование в духовной жизни человека, выраженное в форме нравственного отношения и нравственного чувства, и признается компонентом духовности личности.

Активность, осознанность, творческость и другие важнейшие характеристики субъектности могут быть связаны и с жизнеутверждением, и с агрессией. Характер деятельности (благо она несет или зло) зависит от человека, осуществляющего эту деятельность и исповедующего определенные жизненные ценности.

В связи с этим С.Л. Рубинштейн вводит понятие «этический субъект», чтобы обозначить нравственный аспект субъектности личности, в котором заключено ценностное отношение к людям. Он пишет: «Я самоопределяюсь во всех своих отношениях к людям, в отношении своем ко всем людям — к человечеству как совокупности и единству всех людей. И лишь в единстве человечества определяется и осуществляется этический субъект. Человечество есть предпосылка и объективный приус для человека как нравственного субъекта. Вне человечества и до или помимо него не существует человека как нравственной личности» [13, с. 252-253].

С этой точки зрения, отношение человека к другим людям является своеобразным индикатором качества его преобразовательной деятельности как по

отношению к миру, так и по отношению к самому себе. Поэтому принципиальным при изучении личности человека в ее активно-преобразующей функции оказывается изучение ценностно-смыслового взаимодействия людей и определения характера отношений к другому человеку.

Вышеизложенное позволяет сделать следующее обобщение.

Во-первых, развитие нравственного сознания личности и развитие субъектности личности неотделимы друг от друга и представляют две стороны единого процесса – становления Человека.

Во-вторых, субъектные качества могут осуществляться не только в добре, но и во зле. Поэтому столь важна связь субъектности и духовности. Нравственные ценности представляют собой принципы, детерминирующие духовную реализацию человека в социальном бытии.Вопрос о духовности связан с высшим уровнем ценностного самосознания, с целостностью продуктивно-творческих сил человека, с умением сознательно соединять интересы общего дела с индивидуальными предпочтениями [8].

В-третьих, проблема нравственного становления субъектности человека представляет собой как теоретико-философскую проблему, так и психолого-педагогическую. И требует выделения основных аспектов нравственного ядра личности. Решение этой задачи поможет разработать и внедрить в практику психолого-педагогические программы, направленные на формирование нравственного ядра личности у подрастающего поколения.

Библиографический список

1. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980. 335 с.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихо-логического анализа. М., 1990. 367 с.
3. *Белых Т.В.* Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности. Автореф.дис... доктора психол.наук. Ставрополь, 2004. 420 с.
4. *Божович Л.И.* Психологический анализ условий формирования и строения гармонической личности// Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 257-284.
5. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.,1994 г., С.100– 109.
6. *Волкова Е.Н.* Субъектность педагога: теория и практика. М., 1998 г.
7. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М., 2004. 312 с.
8. *Гончаров С.З.* Креативные основы понимания субъектности в аспекте инновационного стиля жизни // Сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2008 г. С.7-66
9. *Знаков В.В.* Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21, №5. С.16-22.
10. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. №1.С.5 – 12.
11. *Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности //Вопросы психологии. 1996. № 1. С.5-19.
12. Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т.А. Ребеко. М., 2009. 412 с.
13. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997. 404 с.
14. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. М., 2000. 257 с.

E.M. KNYAGINA

MORAL AS A COMPONENT OF SUBJECTIVITY OF THE PERSONALITY

In the article the moral as a component of subjectivity of the personality is considered. Various approaches to understanding of subjectivity, phenomenological features of subjectivity are touched upon. The link between the destructive subjectivity and makiavellizm is analyzed.

Key words: **subjectivity, moral, activity, makiavellizm.**

Т.Е. МЕЛЬНИК
кандидат экономических наук, докторант кафедры алгебры и математических методов в экономике Орловского государственного университета
E-mail: sych01@mail.ru
Тел. 8 920 282 84 81

НАПРАВЛЕНИЯ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И СМИ В ЦЕЛЯХ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается значимость образования и СМИ в реализации концепции устойчивого развития общества. Охарактеризованы основные проблемы устойчивого развития, подлежащие обязательному освещению в средствах массовой информации и в формальных институтах образования. Приведен пример положительного опыта в республике Македонии. Обоснована необходимость совместных действий институтов формального и информального образования для достижения наилучших результатов.

Ключевые слова: ***образование в интересах устойчивого развития, средства массовой информации, совместная деятельность.***

Понятие «устойчивое развитие» появилось достаточно давно, впервые об этой концепции заговорили еще в 1972 году на Конференции Организации Объеденных Наций по вопросам окружающей среды в Столькгольме. В дальнейшем под этим понятием стали понимать такое развитие человечества, «которое удовлетворяет потребностям настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»[1]. Теоретически концепция устойчивого развития достаточно быстро развивалась, были разработаны принципы, средства, методы ее осуществления, но практически ее реализация оставалась на достаточно низком уровне.

Со временем научная элита осознала, «что самая большая проблема устойчивого развития заключается в том, что само это понятие не вошло в сознание общественности»[2]. Поэтому Генеральная Ассамблея ООН возложила на ЮНЕСКО ответственность за повышение уровня информированности общественности и понимания вопросов устойчивого развития. Учитывая роль СМИ в формировании общественного мнения, ЮНЕСКО призывает все электронные и печатные средства массовой информации, специалистов средств информации, учебные заведения, а также студентов принять активное участие в «Десятилетии образования в интересах устойчивого развития ООН (2005-2014 г.г.)». Десятилетие нацелено на внедрение принципов, ценностей и практического опыта устойчивого развития во все аспекты образования и обучения с тем, чтобы устойчивое развитие стало понятным каждому, а участие в его достижении имело место на всех уровнях общества. Это можно сделать посредством изучения, усвоения и передачи знаний, необходимых для выживания, роста, защиты и развития планеты Земля.

Значительное внимание мировой общественности к образованию в интересах устойчивого развития (ОУР), выраженное во множестве международных деклараций, конвенциях, соглашениях и других правовых материалах, не случайно. Все большее число ученых признают центральную роль образования и просвещения в целях достижения устойчивого развития общества. И действительно, создавать новый императив развития цивилизации, основываясь на мировоззрении, которое и привело к краю гибели человечества, невозможно. Первоочередная задача заключается в формировании сознания, позволяющего вести плодотворный и здоровый образ жизни в гармонии с природой. Это возможно только посредством образования и просвещения в интересах устойчивого развития, обеспечивающего людей знаниями и навыками для принятия экологически обоснованных, экономически целесообразных и социально-нравственных решений как в повседневной, так и в профессиональной деятельности.

Рассмотрим основные проблемы, которые нужно освещать образованию в интересах устойчивого развития в партнерстве со СМИ для эффективного продвижения концепции устойчивого развития:

1. Изменение климата. Образование в интересах устойчивого развития и СМИ способны стимулировать активное обучение и предлагать методы, которые смогут увеличить значимость вопросов изменения климата в контексте повседневной жизни людей. Усилия в рамках Десятилетия следует направить на трансформацию пассивной осведомленности в активную обеспокоенность, а также на

© Т.Е. Мельник

поддержку изменений в поведении людей через формирование ежедневных привычек.

ОУР и СМИ должны быть нацелены на расширение знаний о срочном ограничении масштабов ущерба, причиняемого атмосфере, а также на оценку вредных изменений климата. В этих рамках необходимо информирование людей о конвенциях и международных соглашениях, а само обучение и просвещение нужно использовать как средство создания глобального лобби в пользу эффективных действий и демонстрации людям тех возможностей, которые имеются у них для внесения своего собственного вклада в долговременные решения.

Просвещение в вопросах изменения климата и повышение осведомленности об экологических проблемах может побудить людей к переосмыслению представлений, ценностей, которых мы придерживаемся, и решений, которые мы принимаем в контексте устойчивого развития. Освещая названную проблему, массмедиа следует заострить внимание на том, что:

– изменение климата является глобальной проблемой, однако, каждый из нас имеет силы и возможности изменить ситуацию.

– даже небольшие изменения в нашем поведении могут помочь предотвратить выбросы парниковых газов без последствий для качества жизни;

– необходимо на всех уровнях и каждому из нас предпринять действия для решения проблемы изменения климата.

2. Леса и рыбный промысел. Образование в интересах устойчивого развития и СМИ следует строить на интегрированном видении общества, которое является устойчивым не только экологически, но также социально, экономически и политически. ОУР совместно со СМИ нужно сосредоточиться не только на производственных, но и на социальных аспектах, таких как практические методы устойчивого использования леса, а также на экономических аспектах, как, например, маркетинг морепродуктов. ОУР и СМИ также следует обращаться к культурному компоненту лесного хозяйства и рыбного промысла для сохранения традиционных и/или местных производственных систем и практических методов и демонстрировать как проблемы, так и возможности для рационального использования лесов и рыбных хозяйств. Просвещение в данном направлении со стороны СМИ должно затрагивать следующие вопросы:

– рыболовство, являясь важным промыслом, обеспечивающим пищей, топливом и заработком миллионы людей, находится под угрозой из-за стремительного сокращения поголовья большинства промысловых рыб;

– существует потребность в лучшем понимании и оценке экологических, социальных и экономических возможностей лесов и прямой связи между лесными ресурсами и ежедневно получаемыми продуктами леса.

3. Пресная вода. Образование в области водных ресурсов является стратегическим отправным моментом для развития новой этики управления водными ресурсами. Образование в интересах устойчивого развития и СМИ обязаны способствовать пониманию позитивных и негативных аспектов воздействия деятельности человека на водный цикл, что позволит избегать деградации и нерационального использования водных ресурсов. ОУР и СМИ необходимо распространять существующие местные знания и опыт и содействовать обмену инновационными подходами и лучшими практическими методами, которые актуальны в местных условиях. На Земле для использования доступно очень немного воды. Приблизительно 98% ее объема – это соленая морская вода, а большая часть остальных ресурсов заперта в полярных льдах и ледниках. Пресноводные озера и реки составляют менее 0,01% воды на Земле, а грунтовые воды – 0,28%. Несмотря на это, при правильном обращении ее все же хватит для обеспечения базовых потребностей каждого из нас. Однако в настоящий момент на ребенка, живущего в развитой стране, расходуется в 30 – 50 раз больше воды, чем на ребенка, родившегося в развивающейся стране. Для осознания людьми данной проблемы образование совместно со СМИ должно работать в следующих направлениях:

– существует потребность в разработке и внедрении образовательных программ, способствующих более широкому пониманию и решению водных проблем;

– из всех социальных и природных кризисов, с которыми сталкивается человечество, водный кризис находится в основе проблемы выживания людей и планеты Земля;

– проекты по образованию и просвещению в области водных ресурсов могут способствовать вовлечению приоритетных секторов сообщества в процесс сбережения и защиты водных ресурсов.

4. Биоразнообразие и исчезновение видов. Образование, направленное на решение проблем устойчивого развития, и массмедиа, рассказывая о вопросах биоразнообразия с особым акцентом на его взаимосвязи с проблемами жизнеобеспечения, сельского хозяйства, животноводства, лесного хозяйства, рыболовства и других областей, способны добиться лучшего понимания населением того, как потребление воздействует на биоразнообразие

на местном и глобальном уровнях. Они помогают детям и молодежи осознать их роль и ответственность в данном процессе. Благодаря ОУР и СМИ люди смогут понять, что продукция, которую они потребляют, имеет воздействие на биоразнообразие в их сообществах и в отдаленных районах. ОУР и СМИ обязаны показывать людям, что их действия способны привести к устойчивым решениям.

Образование в интересах устойчивого развития совместно со СМИ должно донести до людей, что:

– основная задача, стоящая перед устойчивым развитием, – примирить сохранение биоразнообразия с людскими потребностями;

– разрушение среды обитания и изменение климата – две наиболее серьезные угрозы, с которыми сталкивается биоразнообразие планеты;

– хорошо обученные и приверженные своему делу люди являются ключевым фактором для решения вопросов, связанных с окружающей средой и устойчивостью.

5. *Загрязнение окружающей среды.* Загрязнение окружающей среды может происходить из различных источников, таких как отходы/мусор, городские сточные воды, антисанитарные условия, пестициды, нитраты и экологические катастрофы. Образование в интересах устойчивого развития и СМИ должны дать возможность более глубокого понимания различных видов загрязнения окружающей среды и их воздействия на все аспекты нашей повседневной жизни. Профилактика – лучшее решение, а образование и просвещение – лучший инструмент профилактики. Образование в интересах устойчивого развития и СМИ предназначены для всех заинтересованных лиц и обеспечивают участие сообщества в областях, связанных с уменьшением и профилактикой загрязнения окружающей среды. Образование и просвещение в данной сфере объясняют, что:

– наши личные привычки играют определенную роль в профилактике загрязнения окружающей среды;

– каждый из нас несет ответственность как за возникновение проблем загрязнения окружающей среды, так и за поиски вариантов их решения;

– если существует возможность, то людям следует научиться делать экологически правильный выбор продуктов для собственного пользования [2].

Все предложенные темы, когерентно представленные в массмедиа и образовании, эффективнее излагать в трех аспектах.

1. Обзор существующей проблемы в свете соответствующих местных проявлений.

2. Прогнозирование дальнейших изменений при условии бездействия общества.

3. Возможные направления решения проблемы каждым отдельным человеком.

В качестве примера практической реализации совместной деятельности образования и СМИ в рамках достижения устойчивого развития можно рассмотреть опыт республики Македонии. Начиная с 1994 года на основе решения Правительства, были внесены изменения в законы об образовании для включения тем устойчивого развития в систему формального образования. Кроме этого, 21 марта был назначен выходной день «Весенний день – день окружающей среды», когда все ученики и учителя страны проводят экологические мероприятия. Координируют данную программу Министерство образования и науки и Министерство окружающей среды. Ежегодно привлекаются более 400 000 учеников и 30 000 учителей, родители и представители национальных музеев, парков, неправительственных организаций. Все текущие мероприятия и их результаты постоянно отражаются в детских и молодежных журналах, транслируются в детских радиопрограммах, информационных и учебных телепрограммах, а также других СМИ.

В заключение отметим, что образование и просвещение на всех уровнях помогает формировать будущий мир, обеспечивая каждого человека и общество в целом навыками, виденьем, знаниями и ценностями, которые позволяют жить в устойчивом обществе. Сохранение баланса между гуманитарным и экономическим благосостоянием, культурными традициями и бережным отношением к природному богатству зависит от того, насколько эффективно формальное и информальное образование будет культивировать уважительное отношение как к потребностям человека, так и к ресурсам Земли. Внедрение образования в интересах устойчивого развития требует партнерства между правительствами, академическими и научными сообществами, учителями, НПО, местными сообществами и СМИ. Средства массовой информации являются важными механизмами в деле информирования населения о проблемах устойчивого развития и для обеспечения им возможности принимать взвешенные и ответственные решения в настоящее время и в будущем. СМИ играют чрезвычайно важную роль в формировании устойчивого образа жизни, обеспечивая эффект уже в настоящем времени и охватывая гораздо больший сегмент общества, тогда как формальные институты образования обеспечивают более глубокие знания и рассчитаны на долгосрочный период. Следовательно, только совместные усилия образования и СМИ в достижении целей устойчивого развития способны принести наибольшие результаты.

Библиографический список

1. Генеральная Ассамблея ООН. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию. Брундтлант. – 1987. – http://www.unesco.org/new/en/unesco/resources/online-materials/publications/unesdoc-database/
2. *Бёрд Э., Лутц Р., Уорвик К.* Средства массовой информации как партнеры в сфере образования в интересах устойчивого развития. Учебно-ресурсный комплект: UNESCO. 2009. 84 с.

T.E. MELNIK

DIRECTIONS OF JOINT ACTIVITY OF EDUCATION AND MEDIA IN INTEREST OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY

The article deals the importance of education and Media in implementing the concept of sustainable development of society. Outlines the main problems of sustainable development, are subject to mandatory coverage in media and in formal institution of education. There is an example of good practice in Republic of Macedonia. Substantiates the necessity of common action of institutes of formal and informal education for the best results.

Key words: **education in interest of sustainable development, joint activity.**

Е.В. МИРОНОВА
старший преподаватель кафедры ИГиМ Орловского государственного аграрного университета
E-mail: allella77@mail.ru
Тел. 8 953 811 82 23

РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ

В статье рассматриваются вопросы самообразования студентов, а также роль самостоятельной работы в современном учебном заведении. Подготовка специалистов по двухуровневой системе, сложности и перспективы. Анализируются изменения роли преподавателя в новой образовательной системе, новые методы работы с учетом требований ФГОС ВПО.

Ключевые слова: ***бакалавриат, магистратура, самостоятельная работа, активные формы обучения, мотивация.***

В России с 2009 года официально утверждена двухуровневая система образования в рамках присоединения к Болонскому процессу. Официальной датой начала процесса принято считать 19 июня 1999 года, когда состоялась конференция 29 европейских государств, принявших декларацию «Зона европейского высшего образования», или Болонскую декларацию. В чем же необходимость и суть этой декларации? Главная цель Болонского процесса – это создание единого образовательного пространства, в котором выпускник будет иметь признанную в Европе квалификацию. Для России очень важно, чтобы российские ученые и молодые специалисты были признаны в европейских странах, а наши учебные заведения имели вес и статус европейского уровня. Все страны, подписавшие Болонскую конвенцию, а их около 50, должны внести в свою образовательную систему изменения, согласующиеся с основными положениями этой конвенции. Важное значение играет и обмен опытом и информацией между странами-участниками Болонской конвенции, обмен преподавательским составом, участие и организация совместных международных исследований.

Основными положениями Болонского процесса являются:

- общеевропейский стандарт высшего образования;
- предельно четкая и легко сопоставимая система ступеней, включая выдачу выпускникам дипломов с приложениями единого европейского образца;
- система накопления и трансфера кредитов;
- мобильность преподавателей и студентов;
- сотрудничество в сфере страхования; [7].

В рамках этого процесса Россия обязуется перейти, прежде всего, на двухуровневую систему образования:

1. бакалавр – первая ученая степень во многих странах мира;
2. магистр – в некоторых странах ученая степень, средняя между бакалавром и доктором наук, которая присваивается лицам, окончившим университет или приравненное к нему учебное заведение, имеющим степень бакалавра и прошедшим дополнительный курс обучения. [7].

В России происходит обновление и модернизация всей образовательной системы, а двухуровневая система образования призвана улучшить качество подготовки специалистов и поднять престиж российской образовательной системы в целом. В связи с изменениями кадровой политики страны возникает необходимость и реформ в системе образования. Сейчас требуются специалисты с другой качественной подготовкой, важным критерием подготовки является умение решать профессиональные задачи и осваивать основные виды профессиональной деятельности.

Двухуровневая система представляет собой бакалавриат, это стандартное высшее образование, с присвоением степени бакалавра по определенному направлению, и магистратуру – это еще 2 года углубленного обучения по выбранному направлению. Традиционное пятилетнее образование с присвоением квалификации «специалист» сохраняется в вузах с подготовкой специалистов инженерных и медицинских специальностей.

Обучение бакалавра рассчитано на 4 года, за исключением случая, когда поступает выпускник колледжа, продолжает учиться по тому же профилю, что и в колледже. В этом случае обучение рассчитано на 3 года.

Магистратура – это еще 2 года углубленных профессиональных знаний и навыков, обеспечивающих базовую подготовку к научной или педагогической деятельности.

© Е.В. Миронова

В новой образовательной системе предполагается отказаться от традиционных зачетов в рамках учебных программ по часам и ввести модульную систему и систему зачетных единиц.

Переход на образовательный евростандарт расширяет границы возможностей для студентов, например, получив степень бакалавра в России, человек может продолжить образование в западных вузах. При этом возникают и отрицательные моменты, такие как сложности за столь короткое время, 3-4 года, приготовить квалифицированных специалистов. Основные опасения в том, что сжатые сроки переквалификации вузов на многоуровневую образовательную систему отрицательно скажутся на качестве образования.

На уровне бакалавриата происходит подготовка специалистов исполнительных функций в производственной или социально-экономической сфере, например, менеджер, администратор, специалист по продажам. Базовая подготовка бакалавров происходит по небольшому числу базовых направлений.

Магистратура же готовит специалистов для проектных, аналитических, научно-исследовательских направлений деятельности. На этом уровне специалисты могут вести самостоятельную аналитическую, социально- экономическую, производственную деятельность в определенной сфере.

Одним из важнейших аспектов обучения, по мнению психологов, является осознание обучаемым самой познавательной деятельности.

Согласно Федеральному государственному стандарту высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) сокращается доля учебного времени и увеличивается доля самостоятельной работы студентов.

Большое значение самостоятельной работы рассматривается в психологии, педагогике и методике преподавания. Немаловажное значение имеют также правильно организованные аудиторные занятия, призванные дать обучаемому основные знания по дисциплине, помочь получить необходимые навыки и стать основой для последующей самостоятельной работы.

Обучаемый всю познавательную деятельность связывает со своим желаемым будущим, что дает обучаемому (студенту) мотивацию для обучения той или иной дисциплине. По мнению обучаемого, эти знания пригодятся ему в запланированном будущем. При этом легче найти мотивацию для получения новых знаний и навыков по выбранной дисциплине.

В последнее время в образовательных учреждениях большой упор стали делать на самостоятельную работу студентов. При работе со студентами необходимо формировать у них личностные навыки, такие как самоорганизация, самодисциплина, которые вырабатываются только в процессе самостоятельной работы. В процессе обучения также большое значение уделяется самостоятельной познавательной деятельности студента и его самостоятельному изучению нового учебного материала.

Самостоятельная познавательная деятельность студента – это получение студентом новых знаний и умений самостоятельно, только за счет накопленных ранее умений и опираясь на сформированные ранее знания о порядке проведения работ. Самостоятельная работа развивает у студента самостоятельность в процессе получения информации, с последующей работой, которую необходимо выполнить по изученному материалу. Важным моментом в этом процессе является литература и пособия, так как от степени доступности материала в печатной или электронной литературе будет зависеть степень усвоения необходимого материала, а также достижение поставленных целей, решение поставленных задач и тем самым получение ожидаемого конечного результата.

В нашей стране в последнее время происходит преобразование традиционной системы подготовки молодых специалистов в профессионально ориентированную двухуровневую (бакалавры и магистры). Изменились и подходы к образовательной деятельности, и стали внедряться современные образовательные технологии и методики обучения. Привычными становятся в вузах модульные и рейтинговые технологии оценки знаний, а также работа с кейс-методами, проблемными лекциями, деловыми играми, учебными играми и прочими современными методиками.

Изменилась и роль преподавателя. В настоящее время от преподавателя требуется не только научить студента своей дисциплине, но и заинтересовать в получении этих знаний, помочь самостоятельно решать поставленные задачи и добиваться успеха. Стать не просто профессионалом в выбранной профессии, а быть эрудированной креативной личностью с нестандартным мышлением, и в то же время оставаться высококвалифицированным специалистом. У студента наряду с аудиторными занятиями есть и другие источники приобретения информации, и работа преподавателя заключается в обмене знаниями.

Студенты большой приоритет отдают активным формам обучения, в которых они играют активные роли, а преподаватель всего лишь направляющий в пути получения знаний. Изменяются подходы и методы самостоятельной работы, так как в большинстве случаев студенты разбирают не теорети-

ческие примеры, а реальные ситуации из жизни. Все накопленные навыки работы в традиционной образовательной системе в настоящее время преобразовываются и внедряются в рамках специалитета. В работе же магистратуры студенты имеют исследовательское направление, и нельзя недооценивать роль самостоятельной работы в этом процессе.

Задания самостоятельной работы можно условно разделить на: теоретические, практические и проектно-конструктивные.

Самостоятельная работа бакалавров нацелена на достижение уровня компетенции в период обучения в вузе, а также подготовку к проведению эффективной послевузовской самообразовательной работы.

Самостоятельная работа студента магистратуры имеет важное значение, так как связана с профессиональной образовательной деятельностью и должна полностью отвечать всем базовым и профессиональным компетенциям. Эта работа должна содержать, наряду с глубокими теоретическими и практическими навыками, опытно-экспериментальную часть, а также инновационные технологии. Для этого магистрант должен хорошо ориентироваться в информации, в том числе электронной, и на иностранных языках.

Информационная, коммуникативная, социальная и профессиональная компетенции составляют набор самостоятельной работы магистранта. Качество выполняемой самостоятельной работы во многом зависит от правильной организации этой работы преподавателем. Для оценки результатов самостоятельной работы разрабатывается специальная балльно-рейтинговая система оценки.

В рамках нового учебного стандарта на самостоятельную работу отводится более 50% времени от общей нагрузки по дисциплине, соответственно от активности студента зависит практически половина его знаний. При этом студент не остается один. В случае возникновения вопросов возможны консультации с преподавателем, причем в разной форме, кроме устного общения возможно привлечение средств связи и компьютерных технологий, учебных пособий, аудио и видеоматериалов.

В зависимости от поставленной цели самостоятельная работа может быть как индивидуальной, так и групповой (коллективной), на это может влиять также уровень подготовки студентов в этой группе и сложность поставленной задачи.

Результаты проделанной самостоятельной работы могут быть представлены студентами в виде самоотчета, выступления на конференции или коллоквиуме, на тестировании или защите авторской работы.

С точки зрения времени проведения самостоятельной работы её организация возможна в двух направлениях:

• первое – это увеличение доли СР в процессе аудиторных занятий: на лекциях, на ПЗ, на ЛЗ. ФГОС подчеркивает, что занятия, проводимые в интерактивных формах, «должны составлять не менее 20% аудиторных занятий».

• второе – СР во внеаудиторное время:

– в контакте с преподавателем вне рамок расписания – на консультациях по учебным вопросам, в ходе творческих контактов, при ликвидации задолженностей, при выполнении и проверке индивидуальных заданий;

– при выполнении студентом учебных и творческих задач вне общения с преподавателем: в компьютерном классе, в библиотеке и пр. [4].

Таким образом, можно придти к выводу, что традиционные виды самостоятельной деятельности студентов несколько изменяются, как и изменяется уровень полученных результатов. Двухуровневая подготовка усложняет процесс получения знаний, но делает его более творческим, разносторонним и профессиональным, особенно для студентов магистратуры. Применяя опыт традиционного обучения, постепенно внедряются в образовательную программу и современные формы обучения, такие как: модули, проекты, кейсы, которые призваны отработать те или иные компетенции. Изменились и методы оценки самостоятельной работы студента и степень самоподготовки студентов. Положительным является то, что традиционные методы не отрицаются, а корректируются с учетом новых компетенций. Многие вузы выбирают для себя этот обновленный путь деятельности, при этом степень введения обновлений зависит, прежде всего, от готовности преподавательского состава и от мотивации.

Библиографический список

1. *Анисимова Ж.П.* Самостоятельная работа студента. Оренбургский государственный университет. Оренбург.

2. Всероссийская научно-методическая конференция «Университетский комплекс как региональный центр образования,науки и культуры» [Электронный ресурс] http:// www. conference.osu.ru Режим доступа: conference. osu.ru/assets/files/conf_reports/conf8/617.doc

3. *Вьюшкова Л.Н.* К проблеме проблемной группы // Инновации в педагогическом образовании: в 2 ч.: Ч. 1: материалы II Международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 22-24 октября 2008 г. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. С. 112-113.

4. *Вьюшкова Л.Н.* Организация самостоятельной работы бакалавра педагогического образования // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы Международной научно-практической Интернет-конференции (21-27 февраля 2011 г.). Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. 257 с. С. 155-171.

5. Журнал «Профобразование» [Электронный ресурс] http:// www.profobrazovanie.org Режим доступа: http:// www.profobrazovanie.org/t743p15-topic

6. Журнал «Министерство образования и науки Российской Федерации» [Электронный ресурс] http:// www. mon.gov.ru Режим доступа: http://mon.gov.ru/main/4193/

7. *Кленина А.Н., Коляда И.Н.* Двухуровневая система высшего образования: взгляд работодателя. // Региональный центр «Старт-Карьера» ВГУЭС, г. Владивосток.

8. *Кардаильская О.С.* Затруднения в организации самостоятельной работы студентов педвузов:Сб.тр. по материалам II Всероссийской науч.-практ. конференции «Математика. Информац. технологии. Образование». Оренбург. гос.ун-т.-Оренбург. ОГУ, 2008. С.193.

9. *Крайнова Е.Д.* О самостоятельной математической деятельности бакалавров в контексте инженерной компетенции:Сб.тр. по материалам II Всероссийской науч.-практ. конференции «Математика. Информац. технологии. Образование».Оренбург. гос.ун-т.-Оренбург. ОГУ,2008г.С.198.

10. Российский образовательный портал [Электронный ресурс] http:// http://www.school.edu.ruРежим доступа: http:// http://www.school.edu.ru/news.asp?ob_no=64313

11. *Чикина Т.* Учебно-профессиональная адаптация первокурсников/ Т. Чикина. Высшее образование в России. 2007. №12. С.137-140.

12. *Якушкина Л.П.* Личностно-дифференцированный подход/ Л.П, Якушкина. Высшее образование в России. 2006. №12.С.131-134.

E.V. MIRONOVA

ROLE OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS OF TWO-LEVEL SYSTEM OF PREPARATION IN HIGH SCHOOL

In article questions of self-education of students, on a role of independent work in modern educational institution are considered. Preparation of experts in two-level system, complexity and prospects. Changes of a role of the teacher in the new educational system, new methods of work taking into account requirements of FGOS VPO are analyzed.

Key words: ***a bachelor degree, a magistracy, independent work, active modes of study, motivation.***

В.В. МИТЯЕВ
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики и информационных технологий в менеджменте Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: mityaev@orel.ru
Тел. 8 910 747 25 85

ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЦИКЛА

В статье рассматривается построение системы информационной безопасности организации с точки зрения основных этапов управленческого цикла, реализуемого субъектом социального управления.

Ключевые слова: ***управление, информационная безопасность, управленческий цикл, социальная система, организация.***

В настоящее время сложилась общепринятая практика обеспечения режима информационной безопасности организации, главной характеристикой которой является повышение системности подхода к проблеме защиты информации. В этой связи, во-первых, защита информации понимается не только как создание соответствующих механизмов, а рассматривается как регулярный процесс[1], Во-вторых, обеспечение информационной безопасности обеспечивается комплексом взаимодополняющих мер, относящихся к различным уровням (государство – отрасль-регион – организация)[2] социального управления. Все средства, методы и мероприятия, используемые для защиты информации, непременно и наиболее рационально объединяются в единый целостный механизм – систему защиты.

Уровни государства, отрасли и региона в системе информационной безопасности ориентированы на всех субъектов информационных отношений, независимо от их организационной принадлежности и представлены регламентирующими нормативно-правовыми актами различного уровня: федеральными законами; общими подзаконными актами; ведомственными нормативно-правовыми актами, местными подзаконными актами.

Собственно уровень организации представлен административными мерами, регламентирующими деятельность организации как социальной системы и процедурными мерами, субъектом действия которых являются отдельные сотрудники или отдельные их категории. Перечисленные меры обеспечения информационной безопасности по форме относятся к управлению человеческими ресурсами. Управление материальными ресурсами представлено программно-техническими механизмами, связанными с оборудованием и программным обеспечением.

Объективной основой административных мер информационной безопасности выступают организационные отношения, составляющие часть механизма управления. В данном контексте построение системы информационной безопасности организации целесообразно рассмотреть с точки зрения основных этапов управленческого цикла на основе интегрированного представления целей, ресурсов, сроков, действий руководителей и исполнителей.

Рассматривая управленческий цикл в самом общем виде[3], можно отметить такие этапы, как формирование информационной базы управления, анализ информации (диагностика, прогнозирование), целеполагание (программирование, проектирование, планирование), реализация управленческих решений, организация контроля.

На этапе формирования информационной базы управления, информация, полученная в рамках основных бизнес-процессов (о состоянии организации, ее элементах и компонентах внешней среды и др.), дополняется:

- определением границ и рамок, в которых осуществляются мероприятия по обеспечению информационной безопасности (периметра безопасности).
- анализом ценности активов организации, формирующих ее информационную сферу;
- идентификацией угроз, для которых каждый актив является целевым объектом
- оценкой вероятности реализации угроз;

Всесторонний анализ информации позволяет,

1 Домарев В. В. Безопасность информационных технологий. Системный подход . К.: ООО ТИД Диа Софт, 2004. 992 с.

2 Щёкин Г.В. Теория социального управления: Монография. К.: МАУП, 1996. 408 с

3 Тавокин Е.П. Управление-социальное управление-социология управления. М.:Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 256 с. .

© В.В. Митяев

во-первых, выполнить диагностику системы относительно текущего момента времени и, во-вторых, служит базисом для прогнозирования определенных «реперных» точек в будущем. Действительно, спецификой проблематики, связанной с информационной безопасностью, является высокая динамика изменений внешних и внутренних факторов влияния. Поэтому важны не столько отдельные решения, ориентированные на текущий момент времени и находящиеся на современном уровне, сколько механизмы генерации новых решений[4], которые носят опережающий характер.

Целью прогнозирования является анализ рисков и построение соответствующих альтернативных решений {R1, R2,.., Rn}. Например, возможны следующие подходы, определяющие управленческие решения Ri в отношении информационных рисков[5]:

- уменьшение риска;
- уклонение от риска;
- изменение характера риска;
- принятие риска.

В зависимости от тенденций развития, выявления альтернативных вариантов развития в результате принятия различных решений Ri, оценки хода и последствий реализации управленческих решений определяются возможные состояния объекта управления {Y1, Y2,.., Yn} и соответствующие вероятности {p(Y1), p(Y2),.., p(Yn)}. Строится «будущее в вариантах и альтернативах»[6].

Следующий этап связан с целеполаганием перспективного развития. Его стадиями является проектирование, программирование и планирование.

На стадии проектирования устанавливается уровень безопасности, определяющий защиту каждого актива, то есть меры безопасности, которые можно считать рентабельными для применения. Создается проект желаемого состояния Yj, соответствующего защищенности активов от неприемлемого ущерба с точки зрения субъекта управления. Yj выступает перспективной стратегической целью развития и фиксируется в документе, содержащем положения корпоративной (базовой) политики информационной безопасности[7]. Разработка базовой политики является основным содержанием описываемой стадии. С нашей точки зрения, при ее построение целесообразно воспользоваться опытом, зафиксированным в международных стандартах и ратифицированных в рамках ГОСТ Р ИСО/МЭК[8,9]. Следует отметить, что существует практика, например, рекомендации Американского института аудиторов и администраторов безопасности SANS, предполагающая также разработку специализированных политик ИБ, которые более детально раскрывают требования, определённые в базовой политике[10].

Результаты проектирования используются для разработки на уровне субъекта управления стратегической программы построения системы информационной безопасности (системы защиты) с разбивкой на этапы.

Разработанная программа используется как основа для разработки плана построения системы информационной безопасности, назначение которого состоит в детализации привязки целевых показателей к временным интервалам и распределении по приоритетам бюджетов и ресурсов, а в последующем выборе средств защиты информации и разработке стратегии и тактики их внедрения. Обязательной составляющей плана является регламентация проведения разъяснительных мероприятий и обучения персонала для поддержки сотрудниками и руководством требуемых мер безопасности. Таким образом, содержанием плана построения системы информационной безопасности является комплекс документированных управленческих решений, принимаемых руководством организации.

На этапе реализации плана принимаются меры для конкретизации решения и доведения его до исполнителей, разрабатываются процедуры безопасности как дополнения к политикам безопасности. Процедуры безопасности определяют, как защитить ресурсы и каковы механизмы исполнения политики, т. е. как реализовывать политики безопасности. По существу процедуры безопасности представляют собой пошаговые инструкции для выполнения оперативных задач. Очевидно, что процедуры относятся к такой форме организационно-административных методов, как обязательное предписание. На данном этапе целесообразно так-

4 Галатенко В.А. Стандарты информационной безопасности. М.: Интернет-университет информационных технологий - ИНТУИТ.ру, 2004. 328 с.

5 Управление информационными рисками. Экономически оправданная безопасность / Петренко С.А., Симонов С.В. М.:Компания АйТи; ДМК Пресс, 2004. 384с.

6 Тощенко Ж.Т. Социология управления. М.:Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 300с.

7 Рекомендации в области стандартизации Банка России РС БР ИББС-2.0-2007 “Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Методические рекомендации по документации в области обеспечения информационной безопасности в соответствии с требованиями СТО БР ИББС-1.0 (введены в действие распоряжением ЦБР от 28 апреля 2007 г. № Р-348)

8 ГОСТ Р ИСО/МЭК 17799-2005 Информационная технология. Практические правила управления информационной безопасностью.

9 ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2006 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования».

10 http://www.sans.org/newlook/resources/policies/policies.htm

же комплексное использование согласительных и рекомендательных составляющих.

Этап контроля, со стороны субъекта управления, в содержательном смысле предполагает дифференцирование по уровням, исходя из логики построения управленческого цикла:

1. достижение целей, поставленных на стадии проектирования;
2. реализация принятых управленческих решений;
3. пошаговая реализации плана безопасности.

В результате контроля образуется контур обратной связи, позволяющий субъекту управления сравнить текущие результаты с целевыми показателями, учесть изменения внешней среды и адекватность вероятностных построений. В зависимости от величины рассогласования формируется корректирующее воздействие. Очевидно, что этап контроля связан с предыдущими этапами управления, и механизм обратной связи обеспечивает цикличность управления.

Существенно, что кроме того, что все вышеуказанные этапы взаимосвязаны между собой, предполагается непрерывность процесса совершенствования системы информационной безопасности. Это обусловлено, во-первых, сложностью системы, а во-вторых, динамическими изменениями внутренних факторов и внешнего окружения. В частности, расширением спектра актуальных угроз, появлением новых уязвимостей, изменением внутренней структуры организации и ее внешних связей, пересмотром границ периметра безопасности.

Библиографический список

1. *Галатенко В.А.* Стандарты информационной безопасности. М.: Интернет-университет информационных технологий – ИНТУИТ.ру, 2004.-328 с.
2. *Домарев В.В.* Безопасность информационных технологий. Системный подход. К.: ООО ТИД Диа Софт, 2004. 992 с.
3. *Тавокин Е.П.* Управление-социальное управление-социология управления. М.:Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 256 с.
4. *Тощенко Ж.Т.* Социология управления. М.:Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 300с.
5. *Щёкин Г.В.* Теория социального управления: Монография. К.: МАУП, 1996. 408 с.
6. Управление информационными рисками. Экономически оправданная безопасность / Петренко С.А., Симонов С.В. М.:Компания АйТи; ДМК Пресс, 2004. 384с.
7. Рекомендации в области стандартизации Банка России РС БР ИББС-2.0-2007 “Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Методические рекомендации по документации в области обеспечения информационной безопасности в соответствии с требованиями СТО БР ИББС-1.0 (введены в действие распоряжением ЦБР от 28 апреля 2007 г. № Р-348)
8. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17799-2005 Информационная технология. Практические правила управления информационной безопасностью
9. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2006 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования»
10. The SANS Institute [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.sans.org/newlook/resources/policies/policies.htm. - *Загл. с экрана.*

V.V. MITYAEV

CONSTRUCTION OF SYSTEM INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF THE MAIN STAGES THE MANAGEMENT CYCLE

The article discusses the construction of information security from the point of view of the main stages of the management cycle, implemented subject of social control.

Key words: **management, information security management cycle, the social system, organization.**

А.С. ПАРФЕНОВ
кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Орловского государственного аграрного университета
Тел. 8 960 650 91 22

Э.В. МАРКИН
кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Орловского государственного аграрного университета
Тел. (4862) 43 29 80

ИССЛЕДОВАНИЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В ДОВУЗОВСКИЙ ПЕРИОД И ЕЕ СВЯЗЬ С ИСХОДНЫМ СОСТОЯНИЕМ ЗДОРОВЬЯ И УРОВНЕМ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ

Двигательная активность, которая влияет на физические качества и функциональные способности организма человека. Исследование двигательной активности студентов в довузовский период показывает, что ее уровень напрямую связан с последующей успешной учебно-трудовой деятельностью первокурсников.

Ключевые слова: ***здоровье, организация, средства физической культуры, спорт, двигательная активность.***

В преамбуле устава Всемирной организации здравоохранения записано: «Здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствия болезней и физических дефектов». Здоровье в огромной степени зависит от взаимоотношений человека со средой обитания, обществом и производственной деятельностью. Исходя из этого можно определить здоровье также и как состояние организма человека (его физических и психических качеств), обеспечивающее ему возможности активно жить и трудиться в различных условиях окружающей среды и противостоять её неблагоприятным факторам.

Для поддержания оптимальных физических и психических качеств (здоровья) необходима постоянная двигательная активность, которая прежде всего воздействует на обменные процессы в организме. Общеизвестно, что в основе жизни лежит обмен веществ. Он складывается из процессов ассимиляции (образования, усвоения, восстановления) и диссимиляции (использование, выведение из организма, разрушения) различных веществ. Преобладание первых характерно для активного периода жизни, в пожилом возрасте начинает преобладать диссимиляция. И к 70 годам, например, мускулатура человека, ведущего малоактивный образ жизни, может уменьшиться в объеме до 40 %. Особенно страдают мышцы, обеспечивающие сохранение позы, что делает человека сутулым, а подчас изменяет весь облик. Значительно атрофируются и некоторые другие органы и ткани, почти вдвое, например, уменьшается печень.

В Орловском агроуниверситете на протяжении последних лет из числа поступивших на I курс все большее количество студентов имеют различные отклонения в состоянии здоровья, а также низкий уровень физического развития и недостаточную подготовленность. Анализируя данные студентов, поступивших на I курс в 2010 году, было выявлено, что из числа первокурсников 13% имеют какие-либо отклонения в состоянии здоровья, а 16% – недостаточно физически развиты и подготовлены.

Несомненно, формирование исходного физического состояния поступающей в вуз молодежи осуществляется на протяжении длительного довузовского периода, и происходит это под влиянием генетических, социально-экономических, экологических факторов, но одним из важных факторов, обусловивших низкий уровень физического состояния этой группы студентов, могла стать недостаточная двигательная активность, в активизации которой важную роль играет физкультурно-спортивная деятельность.

Двигательная активность (ДА) – это суммарный объем режимов различной двигательной и физкультурно-спортивной деятельности (например, за неделю), которые оказывают соответствующее воздействие на физические качества и функциональные возможности организма человека.

Движение – биологическая потребность организма, самый естественный регулятор и стимулятор жизнедеятельности.

Потребность в движении остается высокой до периода окончания развития организма (20-25 лет), то есть до наступления зрелости, а затем начинает постепенно снижаться. На протяжении жизни у

© А.С. Парфенов, Э.В. Маркин

взрослых людей двигательная активность способствует нормальному функциональному состоянию и работоспособности организма.

В дни, когда в школе по расписанию проводится урок физической культуры, дефицит двигательной активности составляет 40%, а в дни, когда их нет, увеличивается до 80%. Исходя из данных о том, что урок максимально компенсирует 40% естественной биологической потребности школьников в движении, суточный объем активных движений должен быть не менее 2 часов, а недельный не меньше 14 часов.

Для студентов Минздрав определил минимальную норму недельного объема двигательной активности, она равна 10 часам.

С целью изучения влияния ДА студентов в довузовский период на исходное физическое состояние была выполнена работа, в процессе которой ставили следующие задачи:

Проверить оценку двигательного режима студентов в довузовский период.

Изучить влияние довузовской ДА на распределение студентов по учебным отделениям для занятий физическим воспитанием.

Исследовать влияние ДА в довузовский период на исходный уровень физической подготовленности и состояние здоровья студентов. Исследование проводилось в сентябре-октябре на факультетах биотехнологии и ветеринарной медицины, агротехники и энергообеспечения, инженерно-строительном институте. Всего в исследовании приняло участие 180 первокурсников.

Методика исследования

Для характеристики двигательного режима студентов в довузовский период использовалась методика анкетного опроса, позволившая получить информацию об объеме и интенсивности физкультурно-спортивной ДА в рамках трех основных ее форм организации: на уроках физкультуры в школе, на тренировочных занятиях в секциях, при самостоятельных занятиях физическими упражнениями. Оценка ДА проводилась за отдельные периоды (1-4; 5-7; 8-10 классы) и в целом за весь период обучения в школе. Опрошенный контингент студентов распределялся на три группы: с относительно высоким, средним и низким уровнем ДА.

Вторая задача решалась на основании сравнительного анализа представительства студентов с различным уровнем ДА в учебных отделениях: специальном, основном, спортивном.

При оценке здоровья учитывался основной показатель первичного комплексного медицинского обследования, проводимого медико-санитарным пунктом ОГАУ перед началом учебного года, – медицинская группа.

Оценка физической подготовленности проводилась на основании показателей контроля основных физических качеств: быстроты, выносливости, силы, осуществляемого с помощью контрольных тестов.

Результаты и их обсуждение

Анкетный опрос первокурсников, обработка и анализ полученного материала позволили получить представление о двигательном режиме студентов в довузовский период.

За период обучения в школе (10 лет) суммарный объем физкультурно-спортивной ДА респондентов составил 2158 часов. Это означает, что на данный вид деятельности учащиеся в среднем в год затрачивали 216 часов, а в неделю 4,5 часа, что почти на 2 часа меньше современных требований к недельному объему обязательных занятий физическими упражнениями для данной возрастной категории населения.

У юношей затраты времени на занятия физкультурой и спортом составили 2452 часа, у девушек – 1864 часа, то есть на 23% меньше.

Студенты, имеющие до поступления в вуз высокий уровень ДА, составили 23%, средний – 49 и низкий – 28% от опрошенного контингента.

Результаты исследования показатели, что уровень ДА первокурсников в довузовский период нашел отражение в их распределении по учебным отделениям для занятий по программе физического воспитания в вузе. Так, в группах спортивного отделения (секции) большая часть студентов (82%) до поступления в вуз имела высокий уровень ДА. Студентов с низким уровнем ДА в этом отделении не было.

В группах специального отделения и группах ОФП основного отделения число студентов с высоким уровнем ДА составило 13 и 37%. Для большего числа студентов этих групп характерен низкий и средний уровни ДА (табл. 1).

Таблица 1.

Количество студентов с различным уровнем ДА отделениях, %

Учебные отделения	Уровень ДА в довузовский период		
	высокий	средний	низкий
Спортивное (секции)	82	18	-
Основное	37	48	15
Специальное	13	18	69

Поскольку основными критериями при зачислении студентов на каждое из учебных отделений являются состояние здоровья уровень физического развития, физической и спортивной подготов-

ленности, а также желание студентов, то можно считать, что двигательный режим студентов в довузовский период в определенной мере определил физический статус учащейся молодежи к моменту их поступления в вуз и сформировал отношение к занятиям физкультурой и спортом.

Сравнительный анализ показателей уровня развития физических качеств у студентов с различным уровнем ДА свидетельствует о влиянии довузовского двигательного режима на уровень физической подготовленности молодежи к моменту поступления в вуз. Так, средний результат в беге на 2000 м у студентов с высоким уровнем ДА составляет 9 мин 03 с, в группе с низким уровнем ДА – 12мин 53 с. Те же закономерности имеют место и по другим результатам контрольных нормативов, кроме наклонов туловища у девушек (табл. 2).

Таблица 2.

Показатели физической подготовленности первокурсников с различным уровнем ДА в довузовский период

Довузовский уровень ДА		Показатели физической подготовленности				
		100 м (с)	3000 м (м.) 2000 м (ж.) (мин, с)	Прыжок в длину с места (см)	Подтягивание на перекладине (кол-во раз)	Наклоны туловища (кол-во раз)
Высокий	М	13,4	12,3	235	15	–
	Ж	16,4	9,03	180	–	60
Средний	М	14,0	13,45	220	12	–
	Ж	17,8	11,4	170	–	60
Низкий	М	15,4	15,32	210	8	–
	Ж	19,4	12,53	150	–	60

Таким образом, результаты тестирования основных качеств студентов четко показали, что активный двигательный режим в довузовский период обеспечит более высокий уровень развития основных физических качеств молодежи к началу их обучения вузе.

При анализе состояния здоровья по комплексной программе врачебного обследования в выделенных группах с различным уровнем ДА было установлено, что в группе с высоким уровнем ДА 91% студентов был определен в основную медицинскую группу, 9% были отнесены к специальной.

В группе со средним уровнем ДА основную медицинскую группу имели 88%, подготовительную – 8, специальную – 4% студентов. Большая часть студентов с низким уровнем ДА (53%) была отнесена к специальной медицинской группе, 12% – к подготовительной и 35% – к основной (табл. 3).

Таблица 3.

Распределение студентов с различным уровнем ДА в медицинских группах, %

Уровень ДА в довузовский период	Медицинские группы		
	основная	подготовительная	специальная
Высокий	91	–	9
Средний	88	8	4
Низкий	35	12	53

Выводы

Полученные в процессе исследования материалы убедительно показали, что ДА студентов в довузовский период в значительной мере обусловливает развитие физических качеств и состояние здоровья учащихся.

Проведенная работа позволяет сделать заключение о том, что активный двигательный режим учащейся молодежи в довузовский период, положительно воздействуя на уровень физической подготовленности, создает определенные предпосылки для успешной учебно-трудовой деятельности студентов на первом этапе их обучения в вузе.

Библиографический список

1. Оздоровительная физическая культура: Учеб. для студентов вузов/А.Г.Фурманов , М.Б.Юспа.- Мн.:Тесей, 2003.
2. Настольная книга учителя физической культуры. Под ред. Л.Б. Кофмана. М., «Физкультура и спорт», 1998.
3. *Виноградов Д.А.*/Физическая культура и здоровый образ жизни. М, 1990г.
4. *Крючкова В.А., Сандлер М.В.* Содержание формы пропаганды здорового образа жизни. М, 1987г.
5. *Курамшина Ю.Ф.* Теория и методика физической культуры:Учебник-М.: Советский спорт, 2003.
6. *Туревский И.М.* Психомоторная подготовленность человека: структура, онтогенез, практика: Моногр./ Тула 2012.
7. *Якиманская И.С.* Технология личностно-ориентированного обучения в современной школе/И.С. Якиманская. М.: Сентябрь, 2000.

A.S. PARFENOV, E.V. MARKIN

THE RESEARCH OF STUDENTS' PHYSICAL ACTIVITY IN THE PRE-HIGHER EDUCATION PERIOD AND ITS CONNECTION WITH THE INITIAL STATE OF HEALTH AND LEVEL OF FIRST-YEAR STUDENTS' PHYSICAL DEVELOPMENT

Physical activity is a total volume of procedures of motion and athletic activity, which influences physical qualities and functional abilities of the human organism. The analysis of the students' physical activity in the pre-higher education period shows that its level is directly connected with the subsequent successful studying activity of the first year students.

Key words: **health, organization, physical education means, sport, motor activity.**

В.А. ПОПОВ
доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социальной педагогики и психологии Владимирского государственного университета
E-mail:va_popov@inbox.ru
Тел. (4922) 33 86 91

У.В. УЛЬЯНОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета
E-mail: iva2958@mail.ru;
Тел. 8 926 835 11 48

ГУМАНИЗАЦИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА: ГДЕ МЕСТО ПЕДАГОГИКИ?

В статье представлены размышления о месте педагогики в современной культуре, раскрыты риски и потенциал педагогики постиндустриального общества, охарактеризован ее смысложизненноориентационый ресурс, обозначены актуальные функции.

Ключевые слова: ***гуманизация, технократизация, социально-педагогические риски, формирование смысложизненных ориентаций ученика, традиции и инноватика, нравственная культура.***

Интенсивная технократизация постиндустриального общества – явление закономерное и, естественно, противоречивое. С одной стороны, технические устройства облегчают обработку сырья, передвижение, освоение пространства, получение информации, бытие человека в целом. Более того, в современном мире посредством техногенного фактора оценивается уровень развитости государства. С другой стороны, в этом тотальном наступлении на все естественное, природное постепенно раскрывается масса опасностей для общества. Исследователи Института философии РАН указывают на открывающуюся перспективу слияния человека с машиной: хотя это будет способствовать «секуляризации вечности», расширению технических возможностей людей, возрастет опасность девальвации гуманистических ценностей цивилизации, деградации личности [1]. Таким образом, дихотомия «технократизация – гуманизм» сегодня явно перекошена не в пользу гуманистического полюса. Факты повседневной российской действительности подтверждают высокий градус жестокости общества, связанной прежде всего с молодежью. Стоит вспомнить лишь несколько последних российских событий: убийство гражданина в полицейском участке в Казани, убийство молодой семьей собственного ребенка в Брянске, избиения учителей или одноклассниц учащимися – случай в г. Гусеве и др., – они систематически выкладываются в Интернете в виде китча. Объективных и субъективных причин усиливающегося молодежного антигуманизма множество, сосредоточимся на одной из них, а именно на техногенной экспансии жизнедеятельности современного ученика.

В отечественной системе образования последнего десятилетия особая забота уделяется техническому оснащению школ и образовательного процесса: вычисляется количество компьютеров, культивируется выполнение учебных и контрольных заданий при их использовании, в практику вводятся электронные дневники, устанавливаются видеокамеры и проч. В данных условиях зарождаются новые социально-педагогические, психологические риски, в частности, это:

– бесконтрольное пользование учащимися информацией, в том числе, антигуманного содержания (насилие, вандализм, порнография, педофилия, предложения покупки наркотиков и проч.), что ведет к размыванию представлений о гуманных ценностях, неспособности развивающейся личности ориентироваться на гуманистический нравственный идеал;

– вовлечение в закрытые сообщества, секты, неформальные молодежные объединения, вплоть до Интернет-клуба самоубийц;

– насильственное приобщение, в силу их культивирования, к гедонистической, потребительской, шопинговой видам массовой культуры;

– разрушение многовековой детской субкультуры как сферы апробации и закрепления нравственных основ взаимодействия, решения нравственных дилемм;

© В.А. Попов, У.В. Ульянова

– формирование у молодежи игровой, компьютерной зависимости;

– отчуждение детей, подростков от влияния референтных взрослых (родителей, учителей), развитие ложного чувства абсолютной взрослости и самостоятельности, иллюзии безнаказанности, вседозволенности; формирование двойственной морали (когда взрослым говорю одно, а в действительности, которую близкий взрослый не может фиксировать, делаю противоположное);

– девальвация роли живого человеческого общения в условиях субъект-субъектного общения, взаимодействия, ослабление коммуникативных потребностей в реальном режиме;

– девальвация творческого начала, воображения в учебной деятельности школьников;

– разрушение сакрального, интимного пространства личности.

Принимая во внимание обозначенные проблемы, необходимо подчеркнуть важность гибкого подхода к инноватике в деятельности педагога: ему, как замечал В.А. Сластенин, важно уметь откликаться на вызовы социокультурной реальности, не отвергая существующие традиции [12, с. 4].

Например, в гуманистической педагогике никто не отменял ее контролирующую функцию, благодаря которой учителя, родители обретают возможность наблюдать за ребенком во всем многообразии его проявлений и фиксировать те проблемы, которые определяются как педагогические задачи и решаются затем благодаря созданию целесообразных условий, привлечению необходимых средств. Однако сегодня этой функцией педагогическое сообщество, закономерно устремленное к либерализации детско-учительских отношений, часто пренебрегает, забывая о том, что самоконтроль школьника может развиться и сформироваться преимущественно в условиях первичного контроля взрослого, который длительный период выступает в роли второго Я ученика, помогает ему сначала постепенно осознавать, затем интериоризировать знания, умения, навыки самоанализа, самокритики, самоубеждения, самоуважения, самоуправления. Педагогический контроль необходим и за телевизионной информацией (это возможно), но, увы, для анализа транслируемых по телевидению антигуманных событий, вопросов о трудностях взросления, социализации в телевизионные студии для профессиональных дискуссий очень редко приглашаются учителя, воспитатели, преподаватели. В рыночных экономических условиях они чаще позиционируются как агенты образовательных услуг.

Сопровождение ученика, классного коллектива сначала посредством внешнего педагогического контроля, затем их поддержки в самоконтроле – процесс длительный, противоречивый, одновременно внешний и внутренний, – потому так важна эмоциональная связь ребенка и взрослого в их реальной деятельности, которая в данный период откровенно претерпевает стагнацию, в том числе, и по причине интенсивного использования технических средств в повседневной жизни.Понятно, что позиция учителя-«страуса», пытающегося игнорировать технократизацию, обречена на провал. Но столь же опасна и позиция вседозволенности, вседоступности, бесконтрольности современного детства. Оперативной разработки и введения в педагогический процесс массовой школы ждут образовательные дисциплины типа «Основы культуры пользования техническими средствами», «Гуманизация жизнедеятельности человека постиндустриального общества», «Педагогика смысложизненных ориентаций» и т.п., ибо центральной проблемой, связанной, в том числе, и с техническим прогрессом, определяется утрата человеком смысла жизни, экзистенциальный вакуум (А.Н. Бердяев, В. Франкл, В.Э. Чудновский и др.) [2,15, 18].

Одно то, что результаты работы общеобразовательной школы оцениваются исключительно по итогам сдачи выпускниками ЕГЭ в тестовой форме, подтверждает усиливающийся сциентизм, дидактогению современного образования, его формализацию. Помимо того данная тенденция размывает нравственные устои жизни общества, препятствует гармоничному развитию человека в единстве разума, чувств, воли, повышает риски в экономической, демографической сферах, в национальной безопасности страны. Почему? Потому что нивелируется индивидуальность молодого человека, целостность его личности, не формируются представления о морально-нравственном статусе человека во всем многообразии его возможных социальных связей. Как справедливо замечает Е.М. Сафронова, «приоритет воспитания в образовательном процессе школы все еще остается только желаемым, но не реализованным фактом», «воспитание в школе продолжает строиться на основе «мероприятийного» подхода в ущерб нравственно-смысловому, ценностному аспекту деятельности школьников [10, с.1]. «Эффективным можно считать лишь то обучение, которое будит в человеке духовность, стремление к самопознанию и самоопределению. Обучение, которое ориентировано лишь на получение знаний и узких технологий, неизбежно ведет к обеднению и кризису личности», – утверждает Г.К. Чернявская [17].Серьезное беспокойство среди специалистов (В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов) вызывает «выдавливание» гуманитарного знания,

эмоционального компонента из жизни учащихся. «Технократическое мышление – это мировоззрение, существенными чертами которого является примат средства над целью, … техники над человеком и его ценностями». «Мысль до тех пор не может быть признана мыслью, пока она не будет содержать в себе помимо себя самой еще и мысли о смысле человеческого бытия» [5]. Д. И. Фельдштейн убеждает: Детство как социальный феномен ставит перед обществом новые задачи: обеспечить физическую и психическую защиту, оградить от хаотичного потока информации; принять взросление как ценность, обозначив его атрибутивно, приобщив подрастающее поколение к продуктивной научной и практической деятельности, психологическим занятиям; содействовать в формировании ценностной базы, нравственных установок и ориентаций, самореализации [14].

В целом же пока очевиден значительный разрыв между теорией и практикой педагогики, обучением и воспитанием, коллективным и индивидуальным, рациональным и эмоциональным, технократическим и гуманитарным в рядовой отечественной общеобразовательной школе.

В данном контексте нетрудно выявить закономерность: чем более неконтролируемо взрослыми интенсивное взаимодействие ученика с техническими средствами, тем более неопределенным становится процесс формирования им гуманистических смысложизненных ориентаций. Поэтому так важна сегодня и компенсаторная функция педагогики, когда учитель выступает фасилитатором учащихся не только в освоении технических средств, но и в их приобщении к разнообразным формам культуры, вовлечении в те виды деятельности, которые дефицитны в повседневной жизни детей, подростков (например, сюжетно-ролевые, подвижные игры, театрализация, дискуссии морально-нравственного содержания, прикладное творчество и проч.). Таким образом, компенсаторная функция приобретает дополнительную нагрузку, а именно – консервативно-традиционалистскую.

Многолетние исследования, проводимые на базе кафедры социальной педагогики и психологии Владимирского государственного университета, выявили абсолютную корреляцию между повышенным интересом ученика к использованию технических средств в повседневной жизни (компьютером, мобильным телефоном), пребыванием в Интернет-сети более 2 часов в день и непослушанием ученика в семье, дезорганизованностью, сопротивлением воспитательным влияниям, отчуждением от учителя, классного коллектива, агрессий по отношению к одноклассникам или реализацией в их сообществе позиции жертвы, снижением уровня учебной мотивации к учебным предметам гуманитарного цикла, низкими показателями по тесту СЖО (А.Н. Леонтьев), проблемами в нравственном самоопределении.

Педагогически диагностировать нравственную сферу ученика крайне сложно; исследователям еще предстоит в этой области широкомасштабная работа, тем не менее, объективное оценивание образовательной среды школы, где воспитывается ученик и осуществляется устойчивое взаимодействие с его семьей, может стать важным критерием оценивания готовности учащихся к самостоятельной гуманно ориентированной жизни. В качестве варианта подобной диагностики был апробирован следующий диагностический алгоритм.

– Социально-педагогический критерий (*а) уровень соответствия воспитательной системы социальному заказу общества*; *уровень востребованности школы социумом*; *б) уровень воспитанности учащихся* по критериям: «Правонарушения» и «Общественно опасные деяния»; *в) уровень обученности*).

– Общепедагогический критерий (оценка образовательного пространства) (*1) объективный уровень* (соответствие образовательного процесса формальным признакам гуманистического образовательного пространства); *2) субъектный уровень:* отношение ученика, учителя к гуманистическим ценностям, наличие у них просоциальных целей).

– Психологический критерий (*1) объективный уровень*: обеспечение психологического комфорта личности в учреждении;*2) субъективный (экзистенциальный) уровень*: степень эмоциональной удовлетворенности субъектов собой в образовательном процессе, в жизни. *1 блок.* Анкета «Оцени свое состояние». *2 блок.* Психологическое тестирование).

Использование данной диагностической схемы позволяет интегрировать деятельность учительского коллектива и социально-психологической службы без экспансии одного направления деятельности на другое.

Продолжая развивать мысль об опасности технократизации системы образования, обратим внимание на взаимосвязь техногенных и гуманистических компонентов, закономерно выстраиваемых в единую цепь: «технократизация общества – технократизация образовательного процесса – сциентизм образования – приоритет дидактике в ущерб воспитанию – свертывание личностно ориентированного образования – отчуждение мира детей от мира взрослых – отчуждение детей от гуманистического влияния социума – дезориента-

ция ученика в ценностях гуманистических и антигуманных – несформированность гуманистических СЖО – неопределенность в выборе жизненной позиции – возможный антигуманизм».

Д. Белл, Л.А. Коган и др. указывают: постиндустриальное общество на переломе XX – XXI веков характеризуется обострением вопроса смысла жизни, ибо утрачивается конкретность образа будущего, отрицательные черты социума нередко превалируют над положительными. В настоящее время отмечаются противоречивые прогнозы развития современной культуры: преобладают пессимистические, предрекающие гибель цивилизации в связи с порабощением человека техникой, утратой смысла жизни (Д. Медоуз и др.). Прогрессивное прогнозирование связано с гуманизацией общества и сознания человека. В качестве гуманистических ресурсов культуры выделяются следующие: актуализация положений прогрессивных социокультурных теорий (А. Тойнби, К. Ясперс и др.), содействие личности в укреплении гуманистической культурной самоидентичности (в постэкономической концепции В.Л. Иноземцева культурным идеалом определена интеллектуально-творческая личность как представитель «среднего» – интеллектуального класса) [6]; признание нового уровня человека в социокультурной эволюции, где человек духовный (любовно-творческий) сменяет человека массового (агрессивно-потребительского) и создает духовную культуру (Б.Ф. Поршнев) [9]; актуализация жизнеутверждающего потенциала мировых религий.

М.М. Бахтин, С.Б. Веселовский, К.Д. Кавелин и др. доказали необходимость ориентации общества на развитие гармоничной личности; это возможно исключительно в культурном пространстве, обогащённом взаимодействием философии, психологии, эстетики, где созданы условия для диалога, свободы самовыражения личности как способа уравновешивать Я имманентное и объективное, смеха, празднеств, игр в повседневной жизни.

Важнейшим ресурсом прогрессивного развития российского общества выступает система образования. Ее культурологизация выражается не только в насыщении программ школ и вузов культурологической информацией, но и учетом новых культурных явлений, противоречий при культивировании гуманистических ценностей как квинтэссенции социального опыта, конвенциональных норм культуры (А.А. Горелов, П.Ф. Дик и др.) В связи с этим педагогическому сообществу необходимо осознавать функциональную диалектику культуры, ее обусловленность историческими особенностями. Так, сегодня актуально единство функций преобразующей, защитной, трансляционной, познавательной, регулятивно-нормативной, коммуникативной, креативной, сигнификативной, воспитательной, релаксационной [13]. Релаксационная функция достаточно противоречива, ибо цивилизованное общество представлено как положительными формами и средствами релаксации (праздники, игры, посещение театров, музеев, созерцание природы и т.п.), так отрицательными (порнография, вандализм и проч.), которые в целом снижают роль функции воспитательной. В связи с этим важно выделение приоритетной функции – *гуманистической*, ибо культура облагораживает человека, делает его личностью, прививает позитивные качества. Пути реализации данной функции: а) через социализацию, б) через создание и введение ценностей, в) через образцы поведения, г) через создание моделей институтов и социальных систем [4].

Учитывая, что современное *искусство* проповедует как интерсубъективность, так и стихийность, иронию, конфронтацию, отказ от авторитетов, пренебрежение к прошлому, традициям; опирается на стилевые смешения витализма, гуманизма и внутренней напряженности (Р. Панвиц, М. Эпштейн и др.), подрастающему поколению важно раскрывать *гуманистические ресурсы* не только элитарной, но и *массовой культуры*. Как выявила В.Г. Лебедева, она демократизирует отношения между различными слоями общества, приобщает учащихся к современным позитивным формам развлечений и проч. В массовой культуре наряду с популярной выделяется *культура фольклорная*, которая связана с сохранением традиций, предоставляет разнообразные формы исполнения: *индивидуальные* (изложение легенды, исполнение причитания); *групповые* (исполнение танца, песни); *массовые* (карнавальные шествия, народные гуляния).

В качестве культурных ресурсов выделяются также: ***акцептация*** (принятие) новых культурных явлений, понятий, их изучение, содействие личности в самоопределении при наличии деструктивных жизненных обстоятельств, социокультурных реалий, что убедительно доказано современными немецкими исследователями; ***акцентирование*** в системе культурных ***норм конвенционального типа***, опирающихся на *общественный договор*, в совокупности с нормами институциональными, статистическими, эталонными [7]. Е.С. Кухтерин говорит о ведущей роли в нравственной культуре *этического мышления* («способности» морального мышления, умения отличать добро и зло, пользоваться этическим знанием и проч.), *чувства* (способности к сопереживанию, «моральному резонансу»), *поведения* (осуществления в моральной практике помыслов и чувств, их превращения в

повседневную норму поступка), *этикета* (уровня приверженности к правилам, регламентирующим форму, манер поведения личности в общении) [8, с. 222].

Д.А. Белухин вводит в педагогику понятие ***«нравственная личность»*** – это человек, который приобретает и развивает нравственные привычки, ведущие к формированию нравственных качеств.«В процесс становления морального облика человека органично вплетаются эстетика (нравственный поступок всегда красив), интеллектуальная деятельность (понимание разумом сущности поступка), эмоции (переживания) и др.» [2, с. 113-114]. Схематично «хороший поступок» можно представить как последовательность актов: «положительные эмоции – интерес – воля – действие – оценка» [2].В.В. Сериков говорит о феномене «быть личностью» в связи с функциями индивидуального опыта человека, его способности к исповеди в образовательном процессе; личность – особая форма «социального бытия человека, его ориентировки в социуме», но «личность в образовании пока выполняет роль средства; субъектность, смыслотворчество, критичность еще не рассматриваются как самоценность» [11, с. 25].

В подобных размышлениях всегда опасны декларативность и сужение значимости заявленной проблемы. Конкретная современная семья, реальные учителя ждут не столько новых отдельных методик или технологий (сегодня их масса – весь XX век был посвящен их поиску) нравственного воспитания детей, сколько *реальных условий* для его воплощения через наличие *реального времени,* адекватного физическим и психическим ресурсам учащихся и взрослых.

Для этого важно возвратиться к положениям гуманистической педагогики. Рассмотрим ее основополагающие принципы, сформулированные В.А. Сластениным, Е.Н. Шияновым и др. [12].

Принципы реализации личностно ориентированного образования, гуманистической педагогики в целом, будучи взаимообусловленными, условно подразделяются на метапринципы (как фундаментальные положения, обусловливающие ход образовательного процесса) и частные, т.е. микропринципы (как непосредственное руководство в повседневной деятельности педагога). Среди *метапринципов* выделены следующие: принцип непрерывного общего и профессионального развития личности, природосообразность, культуросообразность образования, принцип целостности, реализация деятельностного, личностного, полисубъектного (диалогового), индивидуально-творческого подходов. *Частные принципы*: обучение и воспитание детей в коллективе, связь воспитания с жизнью и производственной практикой, эстетизация детской жизни, сочетание педагогического управления с развитием инициативы и самостоятельности воспитанников, уважение к личности ребенка в сочетании с разумной требовательностью; опора на положительное в человеке, на сильные стороны его личности; согласованность требований школы, семьи и общественности; увлечение воспитанников перспективами; создание ситуаций завтрашней радости, т.е. принцип оптимизма; сочетание прямых и параллельных педагогических воздействий [12].

Сопоставим некоторые принципы с технократическими перегрузками, навязываемыми эпохой ученику:

– профессиональное развитие часто подавляет общее, гармоничное развитие личности;

– природосообразность образования дефомирована: социальное преимущественно превалирует над природным, индивидуальным;

– культуросообразность образования: гуманитарная культура подавляется технократической.

Для преодоления указанных перекосов в системе мета- и микропринципов, как показали исследования, необходимо включить мезопринципы, способствующие формированию учащимися (при помощи взрослых) гуманистических смысложизненноориентационных ориентаций.

Смысложизненноориентационные мезопринципы:

– ***принцип онтологичности;***он выражается в целесообразной актуализации в процессе взаимодействия педагога с учащимися вопросов философского уровня: «В чем смысл жизни?», «Что я ценю в жизни?», «Всесилен ли человек?», «Каковы мои идеалы?», «Можно ли стать абсолютно свободным?», «Что значит быть счастливым?» и т.п.; в ориентации педагога на доминанту: смысл существования – в самом существовании, в стремлении, несмотря на всевозможные трудности, совершенствуя мир, совершенствоваться самому; данный принцип позволяет преодолеть бинарный подход к жизни;

– ***принцип здоровьесбережения*** обеспечивает дозирование учителем участия ученика в различных видах деятельности, чтобы не была преодолена грань между развитием у ребенка воли и подрывом его физического и психического здоровья; ученик ориентируется взрослыми на положительные образцы жизнедеятельности, на заботу о собственном теле, физическом, психическом, духовном здоровье, здоровый образ жизни;

– ***принцип гендерного подхода*** предполагает учет в педагогической деятельности половых осо-

бенностей учащихся, актуализируя особенности маскулинного и феминного типов поведения, специфику их воспитания, обучения, развития;

– ***принцип психологизации*** предполагает организацию образовательного процесса с опорой на психологические закономерности развития личности, группы, общества; активное целесообразное введение в образовательный процесс форм, методов психологической работы с личностью, группой; обеспечение психологического комфорта образовательного пространства, функционирование в нем психотерапевтических зон (игро-, смехо-, песко-, кино-, музыко-и др. видов терапии);

– ***принцип этико-эстетической обусловленности*** жизни школы: соблюдение этических норм во взаимоотношениях всех субъектов, создание условий, обеспечивающих личности восприятие красивого (следует отметить необходимость «перевода» данного принципа с уровня «частных» на уровень мезопринципов);

– ***принцип профориентационной направленности проводимых мероприятий*** как актуализация вопроса профессионального самоопределения учащихся на протяжении всех лет обучения в школе с учетом возрастного фактора самореализации (в системе «задатки – способности – просоциальные увлечения, интересы – первичные профессиональные пробы»), формирования позитивного отношения к труду;

– ***принцип профилактической направленности проводимых мероприятий*** побуждает педагогический коллектив, взаимодействуя с воспитанниками, соблюдая этические нормы, акцентировать внимание подопечных на негативном влиянии на организм человека алкоголя, наркотиков, беспорядочных половых связей, опасность вовлечения в асоциальные структуры, утверждая здоровый образ жизни, давая происходящему в жизни, сообразно обстоятельствам, морально-нравственную оценку.

На основе представленных принципов выделяются ***направления воспитания*** (онтопсихологические), отличающиеся фундаментальным характером, на которые опирается арсенал традиционно выделяемых отечественной педагогикой видов воспитания (их можно определить как социокультурные: патриотическое, экологическое, правовое, трудовое, физическое и проч.): онтологическое, валеологическое, гендерно-психологическое, этико-эстетическое, профориентационное, профилактическое воспитание.

Технократическая зависимость фиксируется и лечится, однако ее педагогическая профилактика находится пока в зачаточном состоянии. Но если всю педагогику свести только к профилактике всех разновидностей зависимостей, противостоянию технического давления, то она превратится в частную технологию. В действительности общая педагогика способна на гораздо большее: 1) удерживать баланс между технократией и гуманизацией общества; 2) содействовать формированию нравственного самосознания воспитанников, 3) содействовать воспитанникам в формировании гуманистических смысложизненных ориентаций – это разовьет в них самостоятельность и гуманистическую устойчивость.

Важным средством выравнивания отношений в дихотомии «технократизм – гуманизация» может стать *воспитательная система школы*, в частности, воспитательная система формирования смысложизненных ориентаций учащихся. В ее контексте методы воспитания подразделяются на базовые, ситуативные, специальные. Деятельность учащихся представлена как совокупность ведущих видов (общения – приоритетно, учения, игры, труда) и специальных: рефлексивной (самоанализа, исповеди, благодарения), творческой (аналитической, художественной, прикладной), педагогической, организаторской, деятельностью в ситуации выбора. В педагогическом взаимодействии наряду с субъект-субъектными актуализируются субъективно-субъективные отношения учащихся и педагогов, реализуется демократически-творческий стиль педагогической деятельности.

Технология формирования смысложизненных ориентаций – явление статическое (содержание – средства – условия) и динамическое (процесс). Актуальные *социокультурные средства* смысложизненноориентационной технологии: семья, наука, искусство, прикладные философия и психология, право, общение, юмор, творческий труд, спорт, природа, личностный опыт субъектов образовательного процесса. *Образовательные средства* (формы): урок, тренинг, внеучебные мероприятия, школьные кружки, секции, клубы по интересам в их устойчивой совокупности. *Процессуальный алгоритм* формирования смысложизненных ориентаций учащимися: а) поэтапное решение педагогическим коллективом педагогических задач; б) поэтапное движение ученика от цели к результату на основе самовоспитания, самообучения, саморазвития. Деятельность учащихся осуществляется сначала при активной стимулирующей, затем вспомогательной деятельности педагога (воспитания, обучения, развития): 1) укрепление в учащихся чувств любви и интереса к себе, самоуважения; 2) знакомство учащихся с презентуемыми в образовательном пространстве базовыми гуманистическими ценностями; 3) первичная интериоризация

гуманистических ценностей посредством смыслообразов, формирование нравственного идеала; 4) обсуждение возникающих противоречий, сомнений со взрослым – референтным лицом и классным сообществом, родителями, друзьями; уточнение собственной жизненной позиции, формирование нравственных убеждений, позитивных Я-концептов; 5) реализация духовно-нравственной позиции в ситуации выбора, в делах, поступках, постановка ближних и дальних жизненных целей, уточнение гуманных способов их достижения.

Профилактика технократической зависимости учащихся в контексте указанной воспитательной системы реализуется посредством профилактического направления. В нем оформлена специальная программа профилактики технократической, в том числе, и компьютерной зависимости, направленная, прежде всего психологом, на работу с учителями, учащимися, родителями.В данной программе учитывается наличие трех степеней технократической зависимости школьников: 1) ученик подчинен техническим устройствам и слабо поддается воспитанию, обучению; 2) ученик насильственно отчужден от технических средств и противостоит влиянию взрослых; 3) ученик рационально и целесообразно использует технические средства, занимая позицию грамотного пользователя и адекватно включаясь в образовательный процесс. Участники последней типологической группы представляют собой когорту школьников, адекватно реагирующих на воспитательное влияние компетентных взрослых и готовых к нравственному, гуманно ориентированному саморазвитию.

В процессе размышлений возникает вопрос о подготовке педагогических кадров к подобной работе.

На наш взгляд, первичными условиями приема абитуриента в педагогический вуз должны стать:

– профессиональное призвание, способность к рефлексии и субъективному смыслотворчеству, где цель обучения, содержание, методы обучения – средства данных процессов (В.А. Сластенин);

– первичный положительный опыт педагогической работы;

– социальная и материальная защита педагога, его реальная возможность культурно, духовно совершенствоваться, как следствие – поднятие престижа профессии в социуме, общественное признание; в этом случае учитель будет восприниматься учениками нравственным наставником, а не урокодателем;

– практическое сотрудничество преподавателей, кафедр психолого-педагогических вузов с конкретными образовательными учреждениями;

– выполнение части педагогических диссертационных исследований по запросам конкретных образовательных учреждений, департаментов образования, что в значительной степени укрепит связь педагогической теории с практикой.

Обобщим риски интенсивной технократизации современной жизни:

– изменение сознания граждан, повышение градуса дегуманизации отношений, самореализации, дискредитация гуманистических ценностей, девальвация значения смысложизненного поиска для развивающейся личности школьника, подрыв доверия в системах «ученик-учитель», «ребенок-родители», «дети-взрослые»;

– девальвация эмоциональной сферы, чувств, переживаний учащихся;

– приоритет точным наукам, академическим формам и методам преподавания в ущерб гуманитарному знанию и развитию нравственной, гуманно ориентированной личности;

– переход педагогики как науки о закономерностях, методах, формах и методах образования (воспитания и обучения), результатом которого является личность с определенными качествами, в статус вспомогательной, межпредметной сферы, в сферу услуг;

– разрушение воспитательных традиций отечественной педагогики в пользу дидактики.

Сегодня именно педагогика способна синтезировать социальное и экзистенциальное в человеке и обществе, взять на себя роль гуманизатора общественных отношений и личностного развития учащихся, сдерживать тотальную технократическую экспансию.В дихотомии «гуманизация– технический прогресс» педагогика – потенциальный интегратор прогрессивных сил общества, тот ресурс, без которого нация откровенно деградирует, следовательно, ей, педагогике, необходимо получить соответствующие полномочия.

Библиографический список

1. *Абрамян А., Аршинов В., Беклемышев В., Вартанов Р., Дубровский Д.* Философские проблемы развития и применения нанотехнологий [Электронный ресурс] / Наноиндустрия. Научно-технический журнал. Выпуск №1/2008. http://www.nanoindustry.su/issue/2008/1/2. (дата обращения: 25.08.2009)

2. *Белухин Д.А.* Личностно ориентированная педагогика в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 312 с.

3. *Бердяев Н.А*. Судьба России. / Самопознание (опыт философской автобиографии). Ростов н/Д: Феникс, 1997. 544 с.

4. *Горелов А.А*. Культурология: Учеб.пособие. М.: Юрайт-М, 2001. 400 с.

5. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.

6. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы.М, ЛОГОС, 2000. 304 с.

7. *Каган М.С.* Гражданское общество как культурная форма социальной системы. // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 47-61.

8. *Кухтерин С.Е.* Личностно-психологические основы устойчивости и изменчивости моральных норм поведения госслужащих. Автореф. дисс. … канд. психол. наук: 19.00.13. М., 1999. 29 с.

9. *Поршнев Б.Ф*. Социальная психология и история. Издание: 2-е изд., доп. и испр. М.: Наука, 1979. 235 с.

10. *Сафронова Е.М.* Воспитательная деятельность в общеобразовательной школе: функции, критерии, механизмы. Диссер...д-ра педаг. наук: 13.00.01. Волгоград, 2005. 360 с.

11. *Сериков В.В*. Личностный подход в образовании: концепция и технология.Волгоград: Перемена, 1994. 150 с.

12. *Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н.* Педагогика: учеб. пособие для студ. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.

13. Формирование смысложизненных ориентаций личности – фактор профилактики социальных отклонений молодежи: коллективная монография / В.А. Попов, И.В. Ульянова, Т.В. Егорова и др. Владимир: ВГГУ, 2008. 259 с.

14. *Фельдштейн Д.И.* Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития [Электронный ресурс] / Д.И. Фелдштейн// Проблемы современного образования / www.pmedu. 2010. №2. С. 5-12 (дата обращения 20.10.2011)

15. *Франкл В*. О смысле жизни. Теории личности в западноевропейской и американской психологии: пер. с англ. Самара: Бахрах, 1996. – 480 с.

16. *Франкл В.* Логотерапия: пер. с англ. // Техники консультирования и психотерапии. Под.ред. У.С. Сахакиан. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 624 с.

17. *Чернявская Г.К.* Самопознание и самореализация личности. Методологические проблемы. Автореф. дисс…д-ра филос. наук: 09.00.11. СПб, 1994. 38 с.

18. *Чудновский В.Э.* Становление личности и проблемы смысла жизни. М.: МПСИ, 2006. 768 с.

V.A. POPOV, I.V. ULYANOVA

THE HUMANIZATION AND TECHNOLOGICAL PROGRESS OF SOCIETY: WHERE IS THE PLACE OF PEDAGOGY?

This article presents reflections on the place of pedagogy in modern culture. In this article are revealed the risks and the potential of pedagogy of post-industrial society, its sense of life resourceis characterized, relevant functions are identified.

Key words: ***humanization, technocracy, the social and educational risks, the formation of student life meaning orientation, tradition and innovation, moral culture.***

Е.А. САВИНА
доктор психологических наук, профессор кафедры общей и возрастной психологии Орловского государственного университета, преподаватель отделения клинической и школьной психологии университета Джеймса Мэдисона
E-mail: savinaea@jmu.edu

И. СКОБЛЯКОВА
студент отделения психологии Орловского государственного университета
E-mail: irin.s.s.@mail.ru

Ф. ВАН
аспирант отделения клинической и школьной психологии университета Джеймса Мэдисона
E-mail: kyw217@gmail.com

СТРАТЕГИИ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ У ДЕТЕЙ 8-11 ЛЕТ

Данная статья посвящена изучению возрастных и половых различий в стратегиях регуляций эмоций у детей 8-11 лет. Результаты показали наличие возрастных различий только по стратегии «отвлечение внимания на что-то приятное»: так, дети 8-9 лет показали более высокие средние значения по этой стратегии по сравнению с детьми 10-11 лет. Независимо от возраста наиболее популярной оказалась стратегия вытеснения неприятного эмоционального переживания, а наименее популярной – плач. Половые различия в стратегиях регуляции эмоций обнаружены не были. Показано, что существует связь стратегий регуляции эмоций с типом переживаемой эмоции. Было также показано, что дети 10-11 лет склонны более чаще обращаться к сверстникам за эмоциональной поддержкой по сравнению с детьми 8-9 лет.

Ключевые слова: ***стратегии регуляции эмоций, эмоциогенные ситуации.***

Регуляция эмоций – это процесс использования внутренних и внешних факторов с целью контроля, модификации и модуляции эмоций, который позволяют человеку адаптивно реагировать на эмоциогенные ситуации [8]. Данный процесс включает в себя изменения в валентности, интенсивности и временных рамок эмоций, изменения как внутри индивида (например, уменьшение стресса посредством самоуспокаивающих техник) или между индивидами (например, родитель предотвращает дистресс у ребенка) [13]. Регуляция эмоций включает произвольный контроль, направленный на изменение переживания эмоций и соответствующих им физиологических состояний, а также регуляцию внешнего поведения, связанного с переживаемой эмоцией. Регуляция эмоций предполагает когнитивные и поведенческие процессы, а также процессы внимания, посредством которых меняется интенсивность и продолжительность эмоции, а также ее внешнее выражение.

J.J. Gross [6] предложил выделить пять видов стратегий регуляции эмоций: выбор ситуации, модификация ситуации, перемещение внимания, когнитивное изменение и модуляция ответной реакции. Выбор ситуации включает поведение, направленное на поиск ситуаций, которые могут вызвать желаемые эмоции. Модификация ситуации предполагает вербальное поведение, направленное на решение проблем. Например, расстроенный ребенок обращается к матери, чтобы поговорить о том, что случилось. Перемещение внимания заключается в отвлечении от неприятной ситуации, а когнитивное изменение включает оценку ситуации с целью изменения ее эмоциональной значимости или же изменение значения переживаемой эмоции. Наконец, модуляция ответной реакции предполагает попытки прямо изменить эмоциональные, физиологические или поведенческие реакции, связанные с определенной эмоцией, например, посредством подавления эмоций или использования техники глубокого дыхания с целью успокоения.

Способность регулировать эмоции – это одна из важнейших целей детского развития. Эмоции младенцев и маленьких детей изначально регулируются взрослыми, например, родители успокаивают младенца в ситуациях, когда он испытывает дискомфорт. К 12 месяцам ребенок учится активно регулировать свои эмоции посредством отворачивания лица от объекта, вызывающие неприятные эмоции, или же ищет близости с матерью в ситуациях с незнакомыми людьми. Между 18-36 месяцами дети начинают лучше осознавать требования социальной ситуации

© Е.А. Савина, И. Скоблякова, Ф. Ван

и учатся следовать родительским требованиям. С развитием языка дети усваивают слова, обозначающие эмоции и используют их, чтобы не только объяснить свои эмоции или эмоции другого человека, но также, чтобы оказывать влияние на поведение других людей [2]. Более сознательная регуляция эмоции развивается в старшем дошкольном возрасте [3]. К младшему подростковому возрасту дети усваивают более совершенные умения выражать свои эмоции, что связано с расширением их эмоционального словаря. Так, они начинают понимать не только такие эмоции, как страх, грусть, злость, но также более сложные эмоции, включая стыд, вину, гордость и ревность [11]. Они также могут использовать такие стратегии регуляций эмоций, как отвлечение [10], торможение неприятного аффекта [14], когнитивная переоценка [7], поиск эмоциональной поддержки [10] и вербальное выражение эмоций [14]. Наконец, дети начинают осознавать интимный характер эмоций и усваивают правила выражения эмоций, принятый в определенной культуре.

Способность регулировать эмоции положительно связана с социальной компетенцией ребенка [4], его успеваемостью в школе [12] и психологическим благополучием [5]. Особую важность изучение регуляции эмоций приобретает в младшем школьном возрасте, поскольку именно в этот период идет активное эмоциональное становление детей, совершенствование их самосознания и способности к рефлексии. Как отмечает И. В. Дубровина, изначально в психологии было распространено мнение, что ребенок в дошкольном детстве является очень эмоциональным существом и что постепенно, с возрастом, он эту эмоциональность утрачивает [1]. Однако такая точка зрения является ошибочной. Эмоции, развиваясь, изменяются качественно, поэтому эмоции младшего школьника являются более сложными, глубокими и устойчивыми, чем эмоции дошкольника. Впечатление же меньшей эмоциональности младшего школьника возникает из-за того, что более старшие дети умеют лучше управлять своими эмоциями и научаются подчинять свое поведение не только непосредственным эмоциональным побуждениям, но и сознательно поставленным целям.

Несмотря на несомненную значимость проблемы регуляции эмоций для социально-эмоционального благополучия ребенка, вопрос о том, какими стратегиями пользуются российские дети, чтобы регулировать свои эмоции, является практически неизученным. Поэтому целью настоящего исследования стало изучение возрастных и половых различий в стратегиях регуляции эмоций у детей 8-9 и 10-11 лет. Кроме того, нас интересовало, будет ли зависеть выбор стратегии от самой эмоциогенной ситуации. Другими словами, будут ли дети выбирать одну и ту же стратегию (например, поплакать или отвлечься на что-то приятное) во всех эмоциогенных ситуациях (грусть, злость и страх), или же выбор стратегии будет зависеть от типа эмоциогенной ситуации.

Организация и проведение исследования

Для исследования стратегий регуляций эмоций использовался «Опросник регуляций эмоций» Е.А. Савиной и Ф. Ван, в котором представлены три ситуации, описывающие переживание героем грусти, злости и страха. Участникам исследования предлагались стратегии регуляции эмоций, такие как «глубоко вздохнуть и успокоиться», «отвлечься на что-то приятное», «поплакать», «избегать ситуации, вызывающие неприятные эмоции», «поделиться своими переживаниями с кем-то» и «перестать думать о неприятной эмоции». Эффективность каждой стратегии оценивалась испытуемыми по пятибалльной шкале: «0» – совершенно не поможет, «1» – чуть-чуть поможет, «2» – немного поможет, «3» – поможет, «4» – наверняка поможет, «5» – очень поможет. Испытуемыми были дети 8-9 лет (N=64) и 10-11 лет (N=64).

Обсуждение полученных результатов

Первой задачей настоящего исследования было выявление возрастных и половых различий в стратегиях регуляции эмоций у детей 8-9 и 10-11 лет. Для обработки полученных результатов баллы по всем трем ситуациям (грусть, злость и страх) были сложены для каждой стратегии.

Многовариативный дисперсионный анализ показал наличие только возрастных различий по стратегиям регуляции эмоций, $F = 6{,}09$, $p < 0{,}001$, в то время как половых различий обнаружено не было, $F = 1{,}09$, $p = 0{,}376$. Так, дети 8-9 лет показали более высокие средние значения по стратегии “отвлечение на что-то приятное” по сравнению с детьми 10 - 11 лет ($F = 10{,}52$, $p = 0{,}002$). По другим стратегиям возрастных различий обнаружено не было.

Сравнение относительных рангов средних значений внутри возрастных групп показало, что у детей 8-9 лет самый высокий балл получен по стратегии «перестать думать» ($x_{ср}=10{,}58$), затем в порядке убывания: «поговорить с кем-то о своих чувствах» ($x_{ср}=9{,}58$), «отвлечение на что-то приятное» ($x_{ср}=7{,}48$), «глубоко вздохнуть и успокоиться» ($x_{ср}=7{,}27$), «избегание неприятной ситуации» ($x_{ср}=6{,}14$), и «поплакать» ($x_{ср}=3{,}62$). Таким образом, по мнению детей, наиболее эффективными стратегиями регуляции эмоций являются вытеснение неприятного эмоционального содержания из поля

сознания и обсуждение эмоционального опыта с другими людьми. Наименее эффективной оказалась стратегия «поплакать».

У детей 10-11 лет самый высокий балл получен по стратегии «перестать думать» ($x_{ср}$=8,30), затем в порядке убывания: «поговорить с кем-то о своих чувствах» ($x_{ср}$=7,62), «глубоко вздохнуть и успокоиться» ($x_{ср}$=7,15), «отвлечение на что-то приятное» ($x_{ср}$=5,67), «избегание неприятной ситуации» ($x_{ср}$=4,67), и «поплакать» ($x_{ср}$=2,37). Интересно, что, как и 8-9-летние дети, дети 10-11 считают наиболее эффективными стратегиями вытеснение неприятного эмоционального содержания из сознания, а также обсуждение эмоционального опыта с другими людьми. Так же как и более младшие дети, дети 10-11 лет оценили плач как наименее эффективную стратегию регуляции эмоций.

Второй задачей нашего исследования было изучение того, влияет ли эмоция на выбор стратегии регуляции. Другими словами, будут ли дети использовать одну и ту же стратегию, когда испытывают грусть, злость и страх. Многовариативный дисперсионный анализ (F= 6,01, p=0,003) и post hoc сравнения показали, что независимо от возраста дети предпочитают стратегию «глубоко вздохнуть и успокоиться» в большей степени, когда испытывают страх и злость, а в меньшей – когда испытывают грусть. Средние значения, соответственно, $x_{ср}$=2,78 – страх, $x_{ср}$=2,4 – злость, $x_{ср}$=1,96 – грусть. Стратегия «глубоко вздохнуть и успокоиться» включает в себя попытки прямо изменить эмоциональное состояние посредством воздействия на физиологический компонент эмоции. Таким образом, дети полагают, что мышечное расслабление, наступающее в результате произвольных усилий, наиболее эффективно при переживании острых аффективных реакций (злости и страха), нежели грусти.

Стратегия «перестать думать» также предпочитается в большей степени в ситуациях страха и злости (F= 22,61, p < 0,00; post hoc сравнения при p < 0,01), а в меньшей степени в ситуации грусти. Средние значения, соответственно, $x_{ср}$=3,69 – страх, $x_{ср}$=3,26 – злость, $x_{ср}$=2,15 – грусть. Следовательно, подавление неприятных эмоций, по мнению детей, также наиболее применимо к острым аффективным реакциям.

Стратегия «избегание неприятной ситуации» в большей степени, по мнению детей, приемлема в ситуациях злости ($x_{ср}$=2,90), в меньшей степени – в ситуации страха ($x_{ср}$=1, 68) и еще меньше – в ситуации грусти ($x_{ср}$=0,61), (F= 43,49, p < 0,001; post hoc сравнения при p < 0,01). Таким образом, дети в состоянии злости предпочитают изолироваться от объекта, вызывающего злость, однако при страхе или грусти эта стратегия оценивается как менее эффективная.

Наконец, дети предпочитают стратегию «поговорить с кем-то о своих чувствах» в большей степени, когда они испытывают грусть ($x_{ср}$=3,29), чем когда испытывают злость или страх ($x_{ср}$=2,62 и $x_{ср}$=2,77 соответственно), F= 5,77, p = 0,004, post hoc сравнения при p < 0,01. Таким образом, в состоянии грусти детям важно получить поддержку от значимых для них людей, будь то родители, сверстники, сиблинги или учителя. Дальнейший анализ показал, что независимо от возраста и типа эмоции дети предпочитают обсудить свои чувства с матерью (31-39% детей) или отцом (26-30% детей). В меньшей степени дети склонны обсуждать свои чувства с бабушками или дедушками (11-14% детей 8-9 лет и 3-5% детей 10-11 лет). Дети 10-11 лет выражают большее желание обсудить свой эмоциональный опыт со сверстниками (23-28%), чем дети 8-9 лет (8-16%). Наконец, около 3-5% детей выразили желание обсудить такое чувство, как злость, с учителем, и около 1% детей сказали, что они поделятся с учителем в ситуациях, когда испытывают страх и грусть.

Что касается таких стратегий, как «поплакать» и «отвлечься на что-то приятное», то они не различаются в зависимости от испытываемой эмоции. По всей видимости, эти стратегии являются универсальными при регуляции любой эмоции.

Выводы

В целом, настоящее исследование показало, что дети 8-9 лет и 10-11 лет незначительно различаются по стратегиям регуляций эмоций, а различия между мальчиками и девочками вообще отсутствуют. Интересной находкой данного исследования было выявление взаимосвязи стратегий регуляции эмоций с типом переживаемой эмоции. Так, стратегии «глубоко вздохнуть и успокоиться» и «перестать думать о неприятной ситуации» предпочитаются больше при переживании страха и злости и в меньшей степени при переживании грусти. Стратегия «избегание неприятной ситуации» предпочитается преимущественно при переживании злости и в меньшей степени–страха и грусти, а стратегия «поговорить с кем-то о своих чувствах» предпочитается преимущественно при переживании грусти и в меньшей степени – страха и злости. Было также показано, что старшие дети более склонны обращаться за эмоциональной поддержкой к сверстникам, что отражает возрастную динамику развития межличностных отношений, связанную с повышением значимости сверстников при переходе от детства к подростковому возрасту.

Библиографический список

1. *Дубровина И.В., Данилова Е.Е., Прихожан А.М.* Психология: Учебник для студентов средних педагогических учебных заведений. - М., Издательский центр «Академия», 1999.
2. *Bretherton, I., Fritz, J., Zahn-Waxler, C., & Ridgeway, D.* Learning to talk about emotions: A functionalist perspective. *Child Development* 1986; *57*(3): 529-548.
3. *Cassano, M., Perry-Parrish, C., & Zeman, J.* Influence of gender on parental socialization of children's sadness regulation. Social Development 2007; 16(2): 210–231.
4. *Denham, S. A., Blair, K. A., DeMulder, E., Levitas, J., Sawyer, K., Auerbach–Major, S., & Queenan, P.* Preschool emotional competence: Pathway to social competence? Child Development 2003; 74(1): 238-256.
5. *Gilliom, M., Shaw, D. S., Beck, J. E., Schonberg, M. A., & Lukon, J. L.* Anger regulation in disadvantaged preschool boys: Strategies, antecedents, and the development of self-control. Developmental Psychology 2002; 38(2): 222-235.
6. *Gross, J. J.* The Emerging Field of Emotion Regulation: An Integrative Review. Review of General Psychology 1998; 2(5): 271–299.
7. *Gullone, E., Hughes, E. K., King, N. J., & Tonge, B*. The normative development of emotion regulation strategy use in children and adolescents: A 2-year follow-up study. Journal of Child Psychology & Psychiatry 2010; 51(5): 567-574.
8. *Koole, S. L.* The psychology of emotion regulation: An integrative review. Cognition & Emotion 2009; 23(1): 4–41.
9. *Lewis, M. D., & Stieben, J.* Emotion regulation in the brain: Conceptual issues and directions for developmental research. Child Development 2004; 75(2): 371-376.
10. *Rivers, S. E., Brackett, M. a., Katulak, N. a., & Salovey, P.* Regulating anger and sadness: an exploration of discrete emotions in emotion regulation. Journal of Happiness Studies 2006; 8(3): 393–427.
11. *Saarni, C.* The development of emotional competence. New York: Guilford, 1990.
12. *Sanson, A., Hemphill, S. A., & Smart, D.* Connections between temperament and social development: A review. Social Development 2004; 13(1): 142-170.
13. *Thompson, R. A.* Emotion Regulation: A theme in search of definition. Monographs of the Society for Research in Child Development 1994; 59(2/3): 25–52.
14. *Zeman, J., Shipman, K., & Suveg, C.* Anger and sadness regulation: Predictions to internalizing and externalizing symptoms in children. Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology 2002; 31(3): 393.

E.A. SAVINA, I. SKOBLYAKOVA,F. VAN

EMOTION REGULATION STRATEGIES IN 8-11 YEAR-OLD CHILDREN

This article discusses age and gender differences in emotion regulation strategies of 8-11-year old children. Age-related differences were found only for the strategy "thinking about something pleasant" with 8-9-year old children scoring higher compared to 10-11 year old children. Regardless age, the most popular strategy was the suppression of unpleasant emotion while the least popular strategy was crying. No gender differences were found. Emotion regulation strategies were associated with particular emotion-activating situations. The results indicated that 10-11-year old children tend to seek emotional support from their peers more often compared to 8-9-year old children.

Key words: ***emotion regulation strategies, emotive situations.***

С.Н. СКРИПЧЕНКО
кандидат педагогических наук, старший преподаватель Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского
E-mail: sveta.95@gmail.com
Тел. 8 909 240 28 40

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Автор затрагивает проблему грядущих кардинальных изменений системы образования постиндустриального общества. Несмотря на неоднозначное отношение со стороны многих педагогов, ученых, государственных деятелей к новой развивающейся парадигме образования, она уверенно прокладывает свой путь, ставя под сомнение эффективность школы Коменского для подготовки творчески мыслящих специалистов эпохи постиндустриального развития цивилизации.

Ключевые слова: ***постиндустриальное общество, кризис классно-урочной системы, тенденции сдвига парадигмы образования, парк-школа, образование 2.0.***

Вступление человеческой цивилизации в эпоху постиндустриального развития несет кардинальные изменения основных государственных институтов общества, одним из которых является система образования. Как известно, постиндустриальное общество характеризуется превалированием знания над капиталом, где доминирующим производственным ресурсом является информация, а наиболее ценными качествами работника – уровень образования, обучаемость, креативность, способность к непрерывному самосовершенствованию и повышению квалификации в течение всей жизни.

В настоящее время в российской педагогике существует целая плеяда педагогов-новаторов, которые выступают за кардинальный пересмотр системы образования, рассматривая ее как часть общемирового образовательного процесса. А. Гольдин, А. Адамский, А. Витковский и др. со страниц своих статей и в своих выступлениях открыто заявляют о несостоятельности классно-урочной системы образования на современном этапе развития человечества. Приведем цитату из статьи А. Адамского: «В кризисе даже не школа Коменского, а все то, что мы унаследовали еще от иезуитов, которые основали университеты на несколько веков раньше школы Коменского. Но в школе заканчивается эпоха в образовании длиной в пятьсот лет… Посмотрите, что происходит с учебниками. Какое количество молодых людей обратится к ним за справкой, а какое в Интернет?... Мы имеем процесс продвижения неформальных институтов в образовании. Это идет с середины 20 века, образование становится открытым, открытые формы успешно конкурируют с закрытыми» (1).

Такие заявления А. Адамского вызывают неоднозначный резонанс в российском общества. Бесспорно, переход к принципиально обновленной системе образования в постиндустриальном мире сопряжен со всевозможными трудностями. Пожалуй, одна из главных состоит в том, что многие учителя, родители, государственные деятели сознательно или интуитивно этому противятся и стремятся сохранить мир таким, каким они его привыкли видеть. Существует модель, которая успешно работает уже больше пятисот лет, со времен Яна Амоса Коменского. Эта та модель образования, с которой знаком каждый из нас по школьной парте и вузовской скамье. Мало какая социальная модель может похвастаться несколькими столетиями успешной работы! Неудивительно, что все более настойчивый стук в дверь новых образовательных технологий вызывает психологическое неудобство и даже неприятие у многих наших коллег.

Но у педагогов-исследователей возникают следующие вопросы: является ли педагогическая наука, основанная на классно-урочной системе, непререкаемым авторитетом в процессе массового образования членов современного общества (так как, безусловно, она допускает альтернативные системы образования в качестве немногочисленных авторских школ и экспериментальных площадок)? Будет ли подвержена мировая педагогическая наука таким же кардинальным изменениям, как и общество, вступившее в постиндустриальную эпоху, несущую с собой кризис существующей капиталистической общественно-экономической формации? готово ли подрастающее поколение к смене образовательной парадигмы?

Признавая неоценимый вклад, внесенный в педагогику Я.А. Коменским, педагог-исследователь не может не признавать того факта, что сама эта наука находится в процессе постоянного изменения

© С.Н. Скрипченко

вместе с постоянными социально-экономическими, научно-техническими и культурными изменениями общества. Да и является ли идея несостоятельности классно-урочной системы такой уже новой? Педагогические взгляды А. Гольдина, А. Адамского и др. основываются на образовательной системе, разработанной российским ученым и педагогом М. Балабаном и известной как «Школа-парк». Подавляющее большинство открытых образовательных систем (какой является и школа-парк) восходят к знаменитой работе Л. Толстого «Воспитание и образование» (1862), педагогическим взглядам русских теоретиков свободного воспитания П. Лесгафта, К. Вентцеля, а также западных мыслителей Ж.-Ж. Руссо, С. Френе, Э. Фромму и гештальт-теории познания. Безусловно, сильное влияние на М. Балабана оказали идеи Д . Дьюи (1859–1952) и особенно И. Иллича (1926–2002), с которым М. Балабан был знаком лично. Из существующих в мире аналогов парк-школы следует в первую очередь назвать Саммерхилл-скул (Шотландия) и сеть школ Садберри Велли (США).

М. Балабан был убежден, что пока существует школа, а в ней – звонки, уроки, расписание, домашние задания, контрольные работы и экзамены – дети учиться не будут. Он настаивал на полной свободе детей, на их праве исследовать что-нибудь самостоятельно – только тогда они и начнут что-нибудь действительно изучать. Все остальное – бессмысленное насилие над ребенком. Он рассматривал звонок на урок как частный случай тоталитаризма. Да, именно так: классно-урочная система образования – со всеми атрибутами ее террора над свободой личности, во-первых, в принципе враждебна ребенку и некрофильна. А во-вторых, она безнадежно устарела.

М. Балабан разработал парк-школу как совокупность разновозрастных студий; каждая студия соответствует определенному предмету или виду деятельности – могут быть студии математики, словесности, театра, технологии и т. п. В парк-школе в принципе нет таких понятий, как учебный план в традиционном понимании или расписание уроков: образовательный процесс основан на ежедневном свободном выборе каждым учеником одной или нескольких открытых студий. При этом занятия в студиях основываются не на обязательном изучении учебного материала программы в определенной последовательности, а на творческом освоении предмета на основе прежде всего собственной познавательной активности ребенка. В парк-школе не существует таких понятий, как расписание занятий. Вместо проведения уроков по расписанию в парк-школе ежедневно одновременно работают несколько открытых студий, или несколько учителей. Таким образом, вполне допустимы выражения «студия Иванова» или «студия Сидорова» по фамилиям ведущих их учителей; каждая студия соответствует одному из школьных предметов (с развитием парк-школы могут появляться и «непредметные», или «надпредметные» студии, например, театральная). Всего в парк-школе может быть около 20 студий.

Итак, готов ли современный учащийся к системе образования без классов и уроков? Экспериментальная апробация парк-школы проведена двумя федеральными экспериментальными площадками: на базе московской «Школы самоопределения» (1995–2007; А. Тубельский, О. Леонтьева, Т. Шагова) и на базе екатеринбургских школ № 95 и 19 (1993–2003; А. Гольдин). В настоящее время проект «школа-парк» реализуется в Киеве под руководством Я. Коваленко. С 1998 по 2002 годы проводился углубленный мониторинг федеральной экспериментальной площадки в Екатеринбурге экспертами сети федеральных экспериментальных площадок «Эврика». Интерес представляет также комплексная гигиеническая оценка, проведенная Уральской государственной медицинской академией и Центром государственного санитарно-эпидемиологического надзора в Екатеринбурге. Ход и результаты эксперимента обобщены в публикациях в педагогической печати. По итогам анализа этих результатов приказом Минобразования России от 04.03.2002 № 691 (пункт 36 приложения 5) федеральная экспериментальная площадка «Школа-парк» была включена в Федеральную программу развития образования по направлению «Авторские экспериментальные школы». Обобщенно результаты апробации образовательной системы «Школа-парк» в Екатеринбурге в 1993–2003 годах сводятся к следующему.

1. Учащиеся и выпускники школы-парка по сравнению с контрольной группой показывают несколько более высокие показатели по таким параметрам, как интеллектуальная лабильность и креативность, и существенно более высокие уровни познавательной активности и организации самостоятельной учебной деятельности.

2. Стандартные процедуры итоговой аттестации выпускники парк-школы проходят с немного более высокими результатами, чем выпускники контрольной группы, однако различия не столь существенны, что дает основания утверждать лишь, что стандартные орудийные знания парк-школа формирует не хуже традиционной классно-урочной.

3. У учащихся парк-школы существенно лучше, чем у учащихся контрольной группы, обстоит дело с физиолого-гигиеническими показателями: отмеча-

ется тенденция к улучшению самочувствия к концу учебного года, улучшаются показатели неспецифической резистентности организма, положительна динамика работоспособности. Следует добавить, что московская экспериментальная площадка также показала положительные результаты (6).

С одной стороны, можно сказать, что выводы по одному или нескольким результатам исследования делать некорректно, но, с другой стороны, педагогам и всем интересующимся состоянием современной системы образования есть над чем задуматься. Более того, невозможно обходить молчанием возникающую принципиально новую систему образования, известную как «Образование 2.0» и являющуюся предметом интересных дискуссий на страницах газет и в Интернете. Мы бы хотели обратиться к публикации С. Харгадона, который выделяет десять базовых тенденций в образовании 2.0, ведущих к смене всей образовательной модели.

Тенденция 1: произошла новая издательская революция, связанная с созданием двунаправленного контента, т.е. содержания, которое создается его читателем.

Тенденция 2: приливная волна информации, которая отчасти создается посредством сотрудничества пользователей и создателей контента.

Тенденция 3: массовость. Практически каждый пользователь сети становится актором (действующим лицом) коммуникативных процессов, протекающих в ней.

Тенденция 4: Все большее количество компаний вовлекают своих потребителей в процесс создания того продукта, который они сами ему продают. Вследствие этого постепенно начинает меняться природа знаний – важно не только, как они накоплены, но и как они произведены.

Тенденция 5: возраст пользователей веб 2.0. Эра власти доверия заменяется эрой прозрачности и совместного ученичества. Таким образом, эксперт уступает место соавтору.

Тенденция 6: эту тенденцию С. Харгадон определяет как инновационный взрыв. По мнению ученого, так как инновация является результатом применения знаний из одной области в другую, то роль консультантов становится стратегической в этом процессе. Сочетание двух вещей – возможность работать в специфических и постоянно увеличивающихся в числе областях знаний, создавая команды из людей, разбросанных по всему миру, в сочетании с разнообразием соавторов контента, – все это вместе ведет к беспрецедентному росту объема инноваций.

Тенденция 7: отсутствие привязки ко времени и месту. Любой человек из любого уголка Земли может учиться, став виртуальным студентом любого из различных учебных заведений, которые предлагают получить образовательные услуги (включая даже ученую степень) многих известных университетов мира или получить доступ к их образовательным ресурсам.

Тенденция 8: социальное обучение становится ключевым в образовательном процессе. Обучение в группах с использованием электронных средств по большей части приносит такой же результат, как и физическое обучение в группах. Вывод получается несколько ошеломляющим: электронное совместное обучение приводит к таким же результатам, как и традиционное очное обучение! И этот вывод может кардинально изменить подход к получению знания: оно больше рассматривается как некоторая субстанция, передающаяся от учителя к ученику, таким образом усиливая социальность всего образовательного процесса.

Тенденция 9: она вытекает непосредственно из предшествующей. Благодаря Интернету стало возможным начало эры специализированного производства: в онлайн студент может наблюдать, как работают кардиохирурги, выполняющие уникальную операцию на сердце, и может найти преподавателя практически по любой области знаний и поработать с ним с использованием видеоконференции или виртуального рабочего стола.

Тенденция 10: усиление социализации сети и совмещение всех сервисов веб 2.0 на одной платформе в Интернете.(8)

С. Харгадон полагает, что все эти тенденции привели к сдвигам в образовательном процессе, и как результат – инициировали изменение всей парадигмы образования. Эти сдвиги прошли следующим образом: от потребления – к производству; от авторитарности – к сотрудничеству; от эксперта – к консультанту и помощнику; от лекции – к беседе и обсуждению; от доступа к информации – к доступу к людям; от обучения о чем-то – к обучению как делать; от презентации – к участию; от публикации – к разговору; от формального школярства – к обучению через реальную жизнь. К этим парадигмальным сдвигам, на наш взгляд, следует добавить понятие «многоголосия», или сдвига «от монолога- к диалогу». Благодаря этим сдвигам наметился отход от преподавательско-центрической модели обучения к ученическо-центрической, когда обучаемый из пассивного участника образовательного процесса становится его активным игроком (актором).

Появление образования 2.0 только подтвердилосуть всех инновационных подходов к системе образования, приемлемой в постиндустриальной

эре развития человечества: субъективность всякого знания (в противовес теории «объективного знания» Платона и пансофизму Яна Коменского, лежащим в основе классно-урочной системы). Знание понимается в первую очередь как надстройка над личным опытом, продукт психической деятельности по осмыслению и структуризации этого опыта. Школа (в широком смысле) – это не учреждение, где организуется трансляция «системы знаний» обучающимся (пусть и в сколь угодно передовых, развивающих технологиях). Школа – это в первую очередь специально организованное пространство (платформа, если говорить языком О'Рейли, автором термина «Образование2.0») для обмена частным знанием участников образовательного процесса. Безусловно, в этом обмене участвует и частное знание других людей (удаленных в пространстве или во времени), закрепленное в артефактах культуры, в том числе и в специальной учебной литературе.

Наука и бизнес заставляют наш мир меняться, и едва ли этому удастся помешать. Перемены коснутся и нашей страны, хотя она стоит несравнимо дальше по своему развитию, чем страны Запада и Япония. Но у России есть шанс сократить отставание, поскольку главным ресурсом в обществе нового типа являемся мы сами с нашей врожденной способностью создавать. На данный момент с уверенность утверждать можно одно: система образования будет играть в будущем решающую роль, и тот, кто это вовремя поймет, будет занимать лидирующее место в новой системе богатства, основанном на знании.

Библиографический список

1. *Адамский А*. Заканчивается эпоха в образовании длиной в пятьсот лет. 2011. Интернет-публикация. Режим доступа: www.newslab.ru/article/358187.
2. *Балабан М.* Школа-парк: как построить школу без классов и уроков. М.: Первое сентября, 2001.
3. *Витковский А*. Образование. Версия 2.0. 2009. Интернет-публикация. Режим доступа: ps.1september.ru/view_article.php.
4. *Гольдин А*. Образование 2.0: взгляд педагога. 2009. Интернет-публикация. Режим доступа: www.computerra.ru/readitorial/393364
5. *Горошко Е*. Образование 2.0 – это будущее отечественного образования. 2010. Интернет-публикация. Режим доступа: ifets.ieee.org/rissian/depository/v12_i2/pdf/12pdf
6. Образовательный проект в Екатеринбурне. Электронный ресурс: сайт. Режим доступа: ps.psag.ru
7. *О'Рейли Т*. Что такое Веб 2.0 Электронный ресурс // Компьютерра Online: электрон. журн. – URL: http://www.computerra.ru/think/234100 (дата обращения: 10.01.2012).
8. *Харгадон С.* Web 2.0 – это будущее образования (2008) Интернет-публикация. Режим доступа: http://www.websoft.ru/db/wb/2FF50BOC29518A 87C32574DD00390BC/doc.htm
9. *A.S.Neill's* Summerhill School: (сайт) – URL: http://www.summerhillschool.co.uk (дата обращения: 05.01.2012).
10. *Illich I.* Deschooling Society (Электронный ресурс). – URL: http://www.ecotopia.com/webpress/deschooling.htm (дата обращения: 05.01.2012).

S.N. SKRIPCHENKO

THE PROCESS OF FORMATION OF POSTINDUSTRIAL SOCIETY SYSTEM OF EDUCATION

The author touches upon the problem of coming revolutionary changes in postindustrial society system of education. Though many teachers, scientists, statesmen have various opinions concerning a new developing model of education it is proving its right to exist and challenging the effectiveness of Comensky's school in order to prepare creative specialists of the postindustrial epoch.

Key words: ***postindustrial society, crisis of Comensky's school, tendencies of displacement of the education model, park-school, education 2.0.***

Г.Н. ТЮРИКОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: juliatyurikova@mail.ru
Тел. 8 906 660 02 98

О.В. ФИЛАТОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: ov_filatova@mail.ru
Тел. 8 920 816 32 13

И.В. ПРОШКИНА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: iv_proshkina@mail.ru
Тел. 8 953 616 47 78

И.Ю. ГНЕЗДИЛОВА
соискатель кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: lady.gnezdilova@yandex.ru
Тел. 8 903 637 66 13

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ

В статье рассматривается история становления и развития социальной работы в пенитенциарной системе России. Основные этапы становления и развития российской пенитенциарной политики. Реформирование уголовно-исполнительной системы в истории России. Становление института пенитенциарной социальной работы. Современная профессия специалиста по социальной работе.

Ключевые слова: ***пенитенциарная система, пенитенциарная социальная работа, уголовно-исполнительная система, пенитенциарная политика, история пенитенциарной социальной работы, ресоциализация осуждённых.***

Понятие «пенитенциарная система» происходит от латинского «poenitentia» – раскаяние и включает в себя систему правовых норм, исполнительных органов и учреждений, организующих отбывание уголовного наказания лиц, приговоренных судом к лишению свободы.

Исправительная (пенитенциарная) система является важной составной частью уголовной политики, которая уже напрямую связана с общегосударственной национальной политикой. По тому, как организована в данный момент уголовно-исполнительная система, каковы режим и условия содержания заключенных в исправительных колониях, можно с уверенностью говорить о политическом и экономическом состоянии данной страны и уровне ее цивилизованности.

На протяжении всей истории становления и развития пенитенциарная система России неоднократно подвергалась реформированию.

Первая пенитенциарная реформа в России была проведена в 1787 г. во времена правления Екатерины II. В проекте четко было определено разделение тюрем: 1) подстражная тюрьма – для предварительно заключенных в целях воспрепятствовать или уклониться от следствия и суда; 2) приговоренная тюрьма, которая предназначалась для раздельного содержания приговоренных к срочному тюремному заключению и приговоренных к ссылке; 3) тюрьма для осужденных, которая состояла из трех специальных подразделений – для приговоренных к смерти, для приговоренных к вечному заключению и для приговоренных к каторге.

© Г.Н. Тюрикова, О.В. Филатова, И.В. Прошкина, И.Ю. Гнездилова

В первой половине 60-х годов XIX в. при Министерстве внутренних дел России функционировало несколько комиссий для реорганизации уголовно-исполнительной системы. Главной задачей реформ стало создание единой четкой системы управления местами заключения, организация четкого взаимодействия между центральным управлением и пенитенциарными учреждениями на местах. В 1879 г. по европейскому образцу было образовано главное тюремное управление и создана первая тюремная инспекция [8,с.50]. Она занималась разработкой проектов нормативно-правовых актов, проводила ревизии тюремных учреждений и ревизовала их деятельность [7, с.32].

Социально-экономические реформы, начавшиеся во второй половине XIX в., предопределили начало реформ в области уголовного законодательства и уголовного судопроизводства; была разработана и проведена реформа в области исполнения наказаний.

В конце XIX в. были упразднены смирительные работные дома, арестантские роты и долговые тюрьмы как не отвечающие новым условиям развития общества. В пенитенциарной системе главное место заняли крупные тюрьмы (централы), находившиеся в центральном подчинении.

Таким образом, истоки гуманизации пенитенциарной системы России прослеживаются уже во второй половине XIX века и проявляются в снижении риска произвола тюремной администрации по отношению к заключенным.

Структура российской пенитенциарной политики как динамично развивающейся системы, элементы которой находятся в различных сочетаниях, дает основание говорить, по крайней мере о трех ее уровнях: нормативном, институциональном, отраслевом. Предметом исследования пенитенциарной политики выступают представления о методологических средствах формирования пенитенциарной системы, и этот факт предполагает их изучение как по действующему законодательству, так и в историческом контексте.

Таким образом, обозначена четкая граница между карательными и исправительными мерами в реализации пенитенциарной политики во второй половине XIX – начале XX в., установлен совершенно новый комплекс норм права, в которых изложено содержание правил об арестантах отряда исправляющихся.

Изменение целевых установок пенитенциарной политики связано с системно-структурной реорганизацией уголовно-пенитенциарного законодательства. Тем самым существенно дополняется и изменяется система пенитенциарно-педагогического воздействия на арестантов.

В целях осуществления контроля за деятельностью тюремных учреждений на местах Законом от 21 марта 1890 г. в некоторых местностях были учреждены губернские тюремные инспекции. На них возлагались функции разработки проектов законодательных актов, проведения ревизий местных тюремных учреждений и руководство их деятельностью.

В целях усиления контрольных функций, совершенствования управления местами заключения был учрежден новый коллегиальный орган – Совет по тюремным делам, на заседания которого выносились вопросы тюремного устройства, исполнения общих смет доходов и расходов по тюремной части, улучшения тюремного хозяйства и другие.

Кроме того, определенные функции по формированию новой тюремной системы были возложены на Государственный совет.

Таким образом, во второй половине XIX-начале XX в. российское тюремное ведомство вступило на качественно новый уровень своего развития. В результате предпринятых мер, затронувших не только деятельность центрального тюремного аппарата, но и местных органов исполнения наказаний, тюремная система царской России стала представлять собой сложный комплекс государственно-правовых учреждений с определенным правовым статусом и организационно-управленческой структурой, деятельность которых всецело была направлена на реализацию установленной законом исполнительной функции [6, с.54].

Рассматриваемый исторический период можно охарактеризовать как первый (начальный), связанный с привлечением осужденных к труду, а вместе с тем и частичной реализацией идей воспитательного характера_пенитенциарной системы. Примером может являться открытие в Санкт-Петербурге в 1819 г. “Общества попечительного о тюрьмах”, перед которым стояли задачи нравственного исправления преступников и улучшения содержания заключенных. Началом второго этапа зарождения пенитенциарного производства в России можно считать первую четверть XIX в., когда в механизме пенитенциарной политики государства появляется институт арестантских исправительных рот, целью создания которых являлось удешевление устройства губернских городов и исключение затрат на отправку арестантов в Сибирь.

Таким образом, можно отметить, что зародившееся в отечественной пенитенциарной практике более 300 лет назад привлечение осужденных к труду можно разделить на два основных исторических периода, характеризующихся, во-первых, организационными основами и управленческими механиз-

мами привлечения осужденных к труду; во-вторых, состоянием разработанности правовой базы производственного процесса в уголовно-исполнительной системе; в-третьих, различающихся по предполагаемым результатам от привлечения осужденных к труду после отбытия ими наказания в виде лишения свободы; в-четвертых, по глубине и всесторонности научного изучения рассмотренных выше вопросов.

I период (начало XVIII в. – первая четверть XIX в.) связан с началом использования осужденных в целях экономического и политического развития государства. Этот же период отмечен отсутствием собственной производственной и законодательной базы привлечения осужденных к труду, равно как и отсутствием научных исследований этого процесса. В организации и управлении данным процессом используются общие, известные на тот период принципы, применяемые в других сферах государственной деятельности. Конец указанного периода отмечен спадом интенсивности и некоторой либерализацией арестантского труда в связи с развитием либеральных взглядов Запада.

II период (первая четверть XIX в. – 1917 г.) – создание в Российской империи сначала фрагментарной, а затем единой законодательной базы привлечения осужденных к труду, регламентирующей, как правило, производственную деятельность в рамках отдельных исправительных учреждений, с одновременным появлением воспитательной компоненты труда осужденных [11, с.45].

Тесная связь между элементами тюремного режима стала приобретать закономерный характер. Об этом можно судить по введению Общества попечительного о тюрьмах (1819г.). Оно обеспечивало выполнение функций, направленных на динамичное развитие тюремной системы, улучшение участи заключенных.

Вводимый элемент – «попечение» об арестантах – в систему пенитенциарного воздействия на осужденных выполняет по крайней мере три важные функции: во-первых, устанавливаются средства пенитенциарного воздействия на осужденных; во-вторых, индивидуализируются правила изоляции арестантов, охраны, надзора за ними; в-третьих, комплексное применение средств пенитенциарного воздействия на осужденных. Так, в соединении различных элементов воспитательного воздействия на арестантов формируется юридическая конструкция пенитенциарно-педагогической деятельности в местах лишения свободы.

Особенность этого периода пенитенциарной политики состоит в том, что он характеризуется малым проявлением заботы об исправлении арестантов путем привлечения их к труду, применения к ним тюремного режима. Благотворительность без применения принуждения, с одной стороны, и произвол тюремной администрации, с другой, не достигали пенитенциарного результата, не разрешали противоречий пенитенциарной политики. Так, например, исполнение вступившего в силу судебного приговора о наказаниях до середины XIX в. означало направление осужденного к лишению свободы в то или иное исправительное учреждение и изоляцию его там от общества в течение установленного судом срока, что осуществлялось в форме возмездия и устрашения. Первичная форма восстановления и защиты права была грубой, жестокой, безжалостной по отношению к осужденному. Для изменения порядка и условий отбывания наказания необходима гуманизация процесса исправления осужденных. Как известно, период возмездия и устрашения в пенитенциарной политике государства в прошлом в условиях «кулачного права» исключал такую возможность, поскольку преднамеренное и демонстративное причинение кому-либо вреда было целью пенитенциарной политики.

Анализ прежней тюремной системы привел законодателя к мысли, что новый период в исполнении наказаний может быть исключительно пенитенциарным (исправительным). Пенитенциарно-педагогический характер исполнения наказания есть важнейшая черта уголовно-политического периода в истории тюремного заключения. Его цель состояла в обеспечении безопасности общества, ресоциализации преступников, подготовке их к жизни в свободном обществе. Правовое регулирование исполнения наказаний направлено на юридическое и нравственное исправление преступника, на достижение целей уголовного наказания. Как известно, наказание, прежде всего, носило характер мести – сначала частной, затем публичной, государственной. Сознание того, что наказанием может быть лишение свободы на более или менее продолжительный срок времени, еще не успело укрепиться в умах людей [1, с.30].

Развитие юридической науки намного опережало политические, экономические и социальные реалии. В результате активной исследовательской деятельности, органичного использования достижений мировой и отечественной правовой мысли российской пенитенциарной наукой в начале XX в. были сформулированы принципы карательной политики империи, а именно:

- определяемые законодателем и судом наказания должны быть в достаточной мере репрессивны, то есть причинять преступнику страдания, способные оказать должное противодействие стремлению к совершению повторного преступления;
- наказания по своему характеру и размерам не

должны причинять преступнику страданий, помимо необходимых, для предупреждения повторных преступлений;

- карательная деятельность по возможности не должна затрагивать лиц, так или иначе связанных с преступником;
- карательная деятельность должна облекаться в формы, вполне отвечающие условиям нравственного прогресса общества [5, с.34].

К началу XX в. в России уже сложилась система регулирования вопросов, связанных с назначением и исполнением уголовных наказаний, в том числе и в отношении несовершеннолетних преступников. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в нормах уголовного права регулируются вопросы, связанные с воздействием на несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния, которые не подвергаются уголовному наказанию в силу своего небольшого возраста. Это очень важный момент, требующий внимания современного российского законодателя. Здесь уже проглядываются попытки государства выделить вопросы предупреждения преступности среди несовершеннолетних. Однако в стройную систему эти попытки так и не выльются, хотя в некоторых аспектах государство действует достаточно последовательно, выделяя несовершеннолетних преступников в качестве особой категории отбывающих наказания.

Особо следует подчеркнуть, что Положением о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних регулировалось не только и даже не столько лишение свободы за совершение общественно опасных деяний, сколько вопросы воспитательного характера, и, соответственно, предусматривалось содержание в этих заведениях достаточно широких групп несовершеннолетних.

Как представляется, деятельность воспитательно-исправительных заведений заслуживает внимания в части использования положительного опыта для организации воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями в настоящее время [10, с.20].

В послереволюционный период, в 20-х годах XX в., упоминание о деятельности пенитенциарных учреждений в официальной прессе исчезает. Во многом это было обусловлено переходом страны к форсированной индустриализации и коллективизации и особой ролью советской пенитенциарной системы в ходе реализации поставленных народнохозяйственных задач. В этих условиях возникло главное управление исправительно-трудовых лагерей, возглавившее организацию принудительного труда осужденных на длительные сроки лишения свободы на важнейших объектах индустриализации.

С середины 30-х годов XX в. научное изучение проблем системы исполнения наказаний в системе народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в основном было засекречено. Гораздо безопаснее было изучать тюремную историю дооктябрьского периода.

С начала 60-х годов XX в. начинаются серьезные изменения в социальной политике государства, что положительно отразилось и на уголовно-исполнительной системе. Принимается Кодекс законов о труде РСФСР (1971), Конституция СССР (1977), ряд законов и подзаконных актов о различных видах гарантий, льгот и компенсаций сотрудникам системы исполнения наказаний. Однако затратная мобилизационная экономика к концу 80-х годов XX в. приводит к общему снижению уровня жизни населения. Начинается новый этап реформирования социальной системы. В 1991 г. был принят закон РФ «О милиции», ст. 27-29 которого распространялись на сотрудников исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых профилакториев.

В настоящее время современная уголовно-исполнительная система является многофункциональной, так как не только исполняет наказания в виде лишения свободы без изоляции от общества, но и организует привлечение осужденных к труду, осуществляет общую и профессиональную подготовку специалистов, проводит санитарно-профилактическую работу и лечение осужденных, занимается оперативно-розыскной деятельностью, принимает участие в социальной работе с осужденными и контроле за их поведением.

Реформирование уголовно-исполнительной системы позволило укрепить правопорядок в местах лишения свободы, достичь динамичного снижения уровня преступности и количества нарушений режима в исправительных учреждениях, уменьшить традиционную конфронтацию между персоналом уголовно-исполнительной системы и осужденными, улучшить микроклимат в коллективах сотрудников. Наиболее сложное положение сложилось в следственных изоляторах и тюрьмах, материально-техническая база которых десятилетиями практически не обновлялась. Следственные изоляторы и тюрьмы переполнены, в более 65% этих учреждений на 1 человека приходится по 0,5 м^2 площади в камере при установленной законодательством Российской Федерации норме 4 м^2. Условия содержания осужденных и подследственных в следственных изоляторах и тюрьмах унижают человеческое достоинство, причиняют физические и нравственные страдания, нарушают права человека на охрану здоровья и личную безопасность. Постоянное пере-

полнение камер неизбежно влечет за собой распространение инфекционных заболеваний, в первую очередь туберкулеза легких – болезни, ставшей уже общенациональной проблемой.

По мнению российских ученых-пенитенциаристов, необходимо построение новой системы, ориентирующейся в своей деятельности в первую очередь на нравственно-гуманистические принципы по отношению к заключенным. Опыт зарубежных стран наглядно это показывает: в странах, где соблюдаются права человека, где система ориентирована на исправление, а не на наказание, наиболее низок процент рецидивной преступности и общий уровень преступности в обществе. В качестве примера можно привести такие страны, как Швеция, Норвегия, Швейцария, Дания. [2, с.34].

Россия как правопреемник СССР взяла на себя обязательства по выполнению международных договоров, конвенций и соглашений, ратифицированных Советским Союзом. Она вступила в Совет Европы. В этой связи Российская Федерация должна выполнять международные обязательства, вытекающие из международных актов о правах человека и гражданина, которые не допускают каких-либо отступлений от них как в законодательстве, так и в деятельности государственных органов, провозглашая их приоритет.

Основываясь на рекомендациях международно-правовых актов Европейских пенитенциарных правил, Уголовно-исполнительным кодексом закреплены следующие принципы: законность, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение принудительных средств и стимулирование правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием.

Принцип гуманизма пронизывает все содержание Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Он выражается прежде всего в тех целях, которые ставит перед собой государство при исполнении наказаний – исправлении осужденного, формировании у него правопослушного поведения, уважительного отношения к личности человека, к труду и его_результатам, правилам и традициям человеческого поведения и другим социальным ценностям.

В конце XX столетия на фоне происходящих социальных реформ России возникает необходимость становления института социальной работы в России, появляется профессия специалиста по социальной работе.

Понятие «социальная работа» стало привычным и вошло в теоретические изыскания ученых и педагогическую практику.

Социальную работу можно конкретизировать как профессиональную и общественную деятельность государственных, общественных, частных организаций, специалистов и активистов, направленную на решение социальных проблем индивидуумов и групп общества. По мнению Е.В. Ханжина, термин «социальная работа» понимается в более узком смысле как профессиональная деятельность, которая помогает людям определять личные, социальные и ситуативные трудности, влияющие на них, а также преодолевать эти трудности посредством поддержки, защиты, коррекции и реабилитации [3, с.120].

Профессия социального работника имеет различные формы и названия, известна в разные исторические эпохи и культуры. Первые программы подготовки социальных работников появились в конце XIX века в Амстердаме, Берлине, Лондоне. Это означало переход социальной работы на профессиональный уровень, когда в постановке социального диагноза и выбора методов и средств социальной работы следуют научно обоснованным профессиональным подходам. Сегодня можно говорить о том, что профессиональная социальная деятельность, цель которой состоит в поддержании жизнеобеспечения и социального функционирования личности, является пространством осуществления социальной работы [4, с. 196].

Наиболее интенсивное развитие социальной работы в России началось в 90-е годы XX в. На современном же этапе ее развития большое значение приобретает разработка теоретических основ деятельности пенитенциарного социального работника.

На рубеже XIX–XX веков активно закладывались первоосновы социальной работы в пенитенциарных учреждениях России. Проявлялись они, прежде всего, в становлении социальных и педагогических методов работы с преступниками, в совершенствовании правовой базы их осуществления.

Таким образом, можно говорить о формировании пенитенциарной социальной работы как отдельного направления социальной работы в целом, основными субъектами которой являются специалисты по социальной работе с осужденными и другие сотрудники группы социальной защиты осужденных.

В качестве объектов пенитенциарной социальной работы выступают лица, осужденные к лишению свободы за совершение предусмотренных законом преступлений, нуждающиеся в посторонней помощи, попавшие в трудную жизненную ситуацию, из которой они самостоятельно выйти не могут. К ним относятся: инвалиды, престарелые, пенсионеры;

притесняемые, наркоманы, алкоголики; беременные женщины; женщины, имеющие детей малолетнего возраста; больные неизлечимыми и трудноизлечимыми заболеваниями; осужденные несовершеннолетние и молодежного возраста; осужденные, не имеющие постоянного места жительства; осужденные – воспитанники детских домов, сироты; осужденные, имеющие психические аномалии; осужденные, освобождающиеся из исправительного учреждения (ИУ) по различным основаниям, имеющие социальные проблемы в трудоустройстве, бытоустройстве и медико-социального характера.

Сущность социальной работы с осужденными в исправительном учреждении заключается в обеспечении социальной защиты, помощи, социальной поддержки, социального обеспечения и обслуживания нуждающихся в этом осужденных исправительного учреждения, то есть лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Социальная защита осужденных в исправительном учреждении – это система мероприятий, осуществляемых обществом и его различными структурами по обеспечению осужденным гарантированных минимально достаточных условий жизни, поддержанию жизнеобеспечения и деятельного существования. Это специальные меры, направленные на поддержание условий, достаточных для существования «слабых» социальных групп осужденных, отдельных личностей из их числа, испытывающих нужду в процессе своей жизнедеятельности и деятельного существования в местах лишения свободы.

Социальная работа с осужденными выполняет следующие функции.

• Оказание социальной помощи, поддержки и социальной защиты лицам, нуждающимся в этом в связи с тем, что самостоятельно подобные проблемы они решить не смогут;

• Обеспечение поддержки связей с внешним миром, оказание содействия в ресоциализации и социальной адаптации лиц, освобождающихся из исправительного учреждения;

• Восстановление социально-правового статуса гражданина РФ в соответствии с правовыми требованиями и полученными (обретенными) в исправительном учреждении документами;

• Недопущение проявления социальной напряженности в отношениях между осужденными и персоналом ИУ по причинам нерешения социальных вопросов;

• Возвращение человека, вставшего на путь криминального поведения, в русло нормальной социальной жизнедеятельности (реинтеграция в общество).

Существует специфика условий проведения социальной работы с осужденными в исправительных учреждениях. Она заключается в изоляции осужденных от общества, раздельном содержании мужчин и женщин, жестких правовых рамках организации жизнедеятельности, труда, взаимоотношений между персоналом и осужденными, наличии у граждан, осужденных к лишению свободы, своего статуса, прав, обязанностей и т.д.

Социальная работа в исправительном учреждении частично носит посреднический характер, так как в период пребывания человека в местах лишения свободы обеспечивает его связь с внешним миром, обществом, в которое он после отбытия наказания должен вернуться, имеет преимущественно информационно-разъяснительную направленность, направлена на те категории осужденных, которые нуждаются в социальной помощи, сами себе помочь не могут или не хотят, проводится в условиях ограниченного пространства (охраняемой территории) исправительного учреждения; проходит при противоборстве двух идеологий: с одной стороны, преступного мира, с другой – сил, строящих правовое государство и демократическое общество, пытающихся свести к минимуму преступные проявления [9, с.4].

Социальная работа с осужденными в исправительном учреждении опирается на ряд принципов, основными из которых являются гуманность, адресность, доступность, добровольность, конфиденциальность, профилактическая направленность, опора на собственные силы клиента, стимулирование осужденного, универсальность, толерантность.

Социальная работа в пенитенциарном учреждении использует целый спектр методов.

• Метод коммуникативной техники – основной способ профессиональной деятельности социального работника в обеспечении установления контактов и общения с клиентами. При этом имеют значение речь, манеры, стиль профессиональной деятельности.

• Техника вербальной и невербальной коммуникации. Вербальная коммуникация достигается с помощью речи. Невербальная коммуникация предполагает использование: жестов, мимики, визуального контакта; голоса, интонации и т.д.

• Социально-экономические методы: натуральная помощь; установление льгот, послаблений; организация обслуживания в бытовых вопросах осужденных инвалидов и престарелого возраста силами самих осужденных, состоящих в секциях социальной помощи; моральное поощрение.

• Организационно-распорядительные методы: регламентирование, нормирование, инструктирование.

• Психолого-педагогические методы: индивидуальная, групповая, массовая социальной работы, формирования сознания личности, стимулирование, поощрение, убеждение.

Однако существующая теория и практика исправления и ресоциализации осужденных требуют дальнейшего совершенствования, а содержание работы региональных служб пенитенциарных учреждений должны иметь выраженные социальные ориентации и прочную научную основу.

Библиографический список

1. *Алексеев В.И.* Историко-генетические связи элементов тюремного режима в контексте российской пенитенциарной политики в дореволюционный период. В.И. Алексеев, В.И. Попов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. №2. С. 32.
2. *Бережнова Н.Д.* Предложения в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 2009-2020гг. по организационно-правовому обеспечению функционирования психологических служб УИС РФ. Российский следователь. 2009. №20. С. 34-36.
3. *Ветошкин С.А.* Пенитенциарная педагогика в теории и практике: монография. Екатеринбург, 2004.
4. *Галагузова М.А.* Социальная работа с осужденными: уч. пос. М.: МГСУ, 2002. 210 с.
5. *Иванов А.А.* Пенитенциарная политика и тюремные учреждения в России в пореформенный период (вторая половина XIX - начало XX в.). // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. №2.
6. *Кораблин К.К.* Тюремная реформа в России во второй половине XIX-начале XX в века. Совершенствование системы административного управления и организации деятельности пенитенциарных учреждений в условиях социально-экономической и политической модернизации общества. // Юридический мир. 2009. №8. С.54-57.
7. *Лачина В.О.* Развитие пенитенциарной системы России во второй половине XIX века. История государства и права. 2007. № 22.
8. *Рыбников В.В.* История создания и развития пенитенциарной системы в России. В.В. Рыбников, А.П. Некрасов // Юридическая психология. 2008. №1.
9. Социальная работа с осужденными в ИУ [Текст]: учебное пособие. – Рязань: Академия права и управлении, 2007.
10. *Трачук А.А.* Пенитенциарная политика Российского государства в отношении несовершеннолетних в начале XX века. //Общество и право. 2008. №3.
11. *Шлыков В.В.* Становление и развитие производства пенитенциарных учреждений.// Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. №5.

G.N. TURIKOVA, O.V.FILATOVA, I. V. PROSHKINA, I.U.GNEZDILOVA

SOME HISTORICAL REASONS OF THE BEGINNINGS AND DEVELOPMENT OF THE PENITENTIARY SOCIAL ACTIVITY IN RUSSIA

The Article deals with the problems of history of becoming and development of social activity in the penitentiary system in Russia. The principal stages of becoming and development of russian penitentiary activity, the problem of reformation of criminal and executive system in Russia, The matlen of activity of specialists, working in social educational and penitentiary, Institutions nowadays are fixed in the Article.

Key words: ***penitentiary system, penitentiary activity(policy), social activity, history of penitentiary, social activity, criminal and executive system, resocialization of convicts.***

С.М. ЧЕРНИКОВА
доктор педагогических наук, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета
E-mail: MYRZIN13@RAMBLER.RU
Тел. 8 920 086 93 69

ТЕОРИЯ ДИЗАЙНА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ ХУДОЖНИКА-ПРОЕКТИРОВЩИКА

В статье рассматриваются вопросы теоретической подготовки художников-проектировщиков в области дизайна.Взаимосвязь теории и практики в формировании профессионально-проектной деятельности учащихся, развитие эстетической и культурной составляющей, а также влияние национальных особенностей на профессиональную деятельность художников-дизайнеров.

Ключевые слова : ***дизайн, художник-проектировщик, художественная культура,эстетическое образование, национальные традиции.***

Термин «дизайн», прижившийся в нашей стране относительно недавно, в переводе с английского означает «рисование». До внедрения этого термина проектирование вещей называлось «художественным конструированием», а теория создания вещей «технической эстетикой».

Слово «дизайн» породило и производные понятия: «дизайнер» – художник-конструктор, «дизайн-форма» – внешняя форма предмета и т. д. Дизайн и художественное конструирование мы будем рассматривать как синонимы.

До сих пор ведутся дискуссии о самом содержании дизайна, его целях и возможностях. Так, известный итальянский архитектор и дизайнер Д. Понти считает, что цель дизайна – создание мира прекрасных форм, вещей, которые раскрывали бы истинный характер нашей цивилизации.

Другой известный теоретик дизайна Т. Мальдонадо утверждает, что предмет потребления не может выполнять функции художественного произведения, а судьбы искусства не могут совпадать с судьбами промышленных изделий. В наше время широко распространено мнение, что главная задача дизайна – создание вещей, которые легко было бы продавать, дизайн становится в прямую зависимость от потребностей и запросов рынка.

Время на наших глазах предъявляет все более высокие требования к эстетическому содержанию предметов. В нашей стране дизайн рассматривался как деятельность художника-конструктора в области проектирования массовой промышленной продукции и создании на этой основе предметной среды. В центре внимания художественного конструирования (дизайна), направленного на создание удобных и красивых изделий, всегда должен быть человек с его общественными и индивидуальными потребностями, утилитарными и духовными запросами.

Определить область дизайна не всегда просто. Дизайн трудно отделить от архитектуры (когда идет речь о проектировании интерьеров), от скульптуры (когда проектируются, скажем, детские площадки или аттракционы), от прикладного искусства (создание новых видов посуды или мебели).

Качественные изменения в области художественного образования в России, в частности дизайна, отразились на взаимосвязи практики и науки с вузовской подготовкой специалистов. Наряду с выполнением главной функции воспроизводства кадров вузы все более активно включаются в процессы развития профессиональной проектной культуры, распространяющей свое влияние и на другие сферы проектной деятельности.

Разнообразие стилевых концепций, не всегда бесспорных, – основная черта современного периода дизайнерского движения. Постмодернизм, фристайл, ретро, хай-тек, практика экологического опрощения и «мусорной моды», текучесть «органических» форм, колючесть деконструктивизма и многое другое – все это сосуществует одновременно, создавая у потребителя своего рода беспредел всеядности, моральной, эстетической и вкусовой неразберихи, давая вместе с тем возможность современному человеку ощутить вкус свободы выбора в своих эстетических предпочтениях.

Особая система эстетических ценностей складывается в так называемых «региональных дизайнах», считающихся здоровым началом нынешней проектной культуры. Они опираются на синтез местных, национальных традиций и новаторских достижений мирового опыта. Рафинированная артистичность и ироничность итальянской школы,

© С.М. Черникова

доведенная до символа «простота» японского дизайна, функциональная старомодность английского, грубоватая практичность немецкого придают им ни с чем не сравнимое своеобразие «провинциальных» достопримечательностей, своеобразие, которое все более и более ценится на мировом дизайнерском рынке.

Наконец, дизайн сегодня активно ориентируется на применение сверхсовременных технологий и достижений науки, которые непрерывно вводят в обиход дизайнерского формотворчества: электронные средства решения бытовых задач, то природно-экологические подходы, то мотивы космизма или, наоборот, микромира. И это позволяет дизайну осваивать все новые и новые области и сферы, порожденные социальными или техническими поворотами жизни. Всеобщая подвижность современного населения земного шара, смена «века Гутенберга» эпохой телекоммуникаций, «театрализация» образа жизни, встречные потоки феминизации и маскулинизации – лишь часть примет «нового образа жизни», требующих нестандартного дизайна, потому что свойства и параметры этих процессов слишком разнообразны, чтобы их можно было «обслужить» внешне единой системой частных решений.

Обстоятельный научный и творческий анализ этих и множества других проблем и тенденций истории дизайна еще впереди. Но некоторые вехи весьма поучительны. Первый этап истории дизайна – начало века – отмечен стихийным выбросом идей и манифестов нового вида искусства, призванного соединить изобразительное и техническое творчество созданием школ, экспериментально разрабатывающих соответствующие профессиональные технологии (Баухауз, ВХУТЕМАС). Второй этап – это обстоятельные искания наилучших организационных форм внедрения дизайна в жизнь и производство. Третий – разработка системы дизайнерских взглядов на мир, поиски кардинальных направлений их интеграции в искусстве формирования среды. Дизайн до бесконечности развил технологию проектирования, проник в тончайшие секреты мастерства, разобрал взаимосвязь отдельных его ветвей, его отношение к национальным традициям и нацелил «свою» науку на изучение корней дизайнерского творчества: умение превращать прагматические потребности человечества из явлений утилитарно-технических в образно-эстетические. Все вышеперечисленное выдвинуло Дизайн (с большой буквы) на первое место в ряду других форм проектной культуры, преобразующих нашу цивилизацию. А успешность, авторитетность мирового дизайнерского движения позволяет проверить истинность выдвигаемых с помощью истории дизайна теоретических моделей.

Профессия художника-дизайнера требует универсальных знаний, навыков, умений, научно-исследовательских, проектно-графических, творчески-ремесленных… Умений, позволяющих самому провести предпроектное исследование, проделать художественно-образные зондажи проектных предложений, превратить в графически оформленную систему проектные размышления и поиски.

Владея профессионально-теоретическими знаниями в области развития художественного проектирования, студент наилучшим образом может подойти к вопросу решения стилевых, художественных и культурных задач, предъявляемых в проектировании. Ориентируясь в историческом аспекте поставленной проектной задачи, учащимся представится больше времени и возможностей для выполнения эргономических, экономических, художественных задач проектной деятельности. Опираясь на опыт знаменитых художников-проектировщиков, ведущих дизайнерских школ, студенту проще осознать процесс эволюции дизайнерской мысли, сформулировать свои интересы и предпочтения в этом виде деятельности. Профессионализм любого специалиста проявляется не только в создании чего-то нового, но и в бережном отношении к истории, традициям, культуре. Перенимая опыт мастеров, художник осваивает технологии, художественные и эстетические ценности, необходимые для его профессиональной деятельности.

Обстоятельный анализ научной, учебно-методической, историко-культурной литературы помог определить факторы, влияющие на становление художественного проектирования в контексте истории отечественного и зарубежного дизайна, принципы преемственности традиций в творчестве художников, новых черт в разработке проектных композиций, приемы модернизации и новых технологии проектной деятельности.

В настоящее время широко представлена литература в области изучения дизайн-проектирования, к тому же она носит разобщенный характер, что не позволяет студентам отследить логику развития истории проектирования и ее взаимосвязи между различными областями художественного и прикладного дизайна. Еще один недостаток имеющихся источников информации по затронутой нами теме – это направленность учебников и монографий на преподавателей, а не на учащихся. Большая часть изданий носит методический характер, более понятный для преподавателей. Литература, адаптированная для учащихся, для самостоятельного

освоения информации студентами практически отсутствует. Различные аспекты данной темы имеют разную степень разработанности: наиболее полно изучены вопросы, посвященные истории развития дизайна, его теории, в работах: В. Глазычева «О Дизайне», А.В. Ефимова «Дизайн архитектурной среды», В.Т. Шимко «Архитектурно-дизайнерское проектирование», В.Ф. Рунге и Ю.П. Манусевич «Эргономика в дизайне среды» и т.д.

Одной из задач по формированию профессиональной культуры личности художника-проектировщика является формирование его профессиональной эстетики, чувства красоты, знаний и понимания профессии, бережного отношения его к традициям и истории художественного проектирования, профессиональной эрудиции.

Библиографический список

1. *Ефимов А.В.* Формообразующее действие полихромии в архитектуре. М.: Стройиздат, 1984. 118 с.
2. *Ефимов А.В* и др. Дизайн архитектурной среды: Учеб.для вузов.: Архитектура. 2005. 504 с., ил.
3. *Калишевский М.* Училище барона Штиглица: у истоков Русского « Дизайнерства».// file://F:\ Интернет\ Zarplata_ ru
4. *Кузьмичёв Л.А.* Дизайн-программа: понятие, структура, функции: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1983. - 16 с.
5. *Минервин Г.Б.* Архитектоника промышленных форм. М.: ВНИИТЭ, 1970.
6. *Минервин Г.Б.* О красоте машин и вещей / Г. Б. Минервин, В. М. Мунипов. М.: Просвещение, 1975. 150с.
7. *Минервин Г.Б.* О красоте машин и вещей / Г. Б.Минервин, В. М. Мунипов. М.: Просвещение, 1981. 143с.
8. *Минервин Г.Б., Федоров М.В.* О технической эстетике // Вопросы философии. 1965. № 7. С. 105-113.

S.M. CHERNIKOVA

THE DESIGN THEORY IN THE COURSE OF FORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE OF THE IDENTITY OF THE ARTIST-DESIGNER

In article questions of theoretical preparation of artists-designers in the field of design are considered. Interrelation of the theory and practice in formation of professional and design activity of pupils, development of an esthetic and cultural component, and as influence of national features on professional activity of artists-designers.

Key words: **design, artist-designer, art culture, esthetic education, national traditions.**

Т.А. ЯГУПОВА
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета
E-mail: sermarsek@bk.ru
тел. 8 953 614 22 03

ИГРУШКА КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОРЛОВСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается кукла как пласт народной культуры. История народной тряпичной куклы как один из элементов культуры Орловщины. Ее виды, предназначение, развитие, роль в этнической культуре и национальном сознании общества.

Ключевые слова: **кукла, народный промысел, национально-региональный компонент, традиции, самобытность.**

Истоки России, самобытности русской души лежат в народной культуре, традициях, творческом наследии наших предков. Традиционная песня, танец, народные промыслы продолжают нести те отличия, которые столетиями формировали русскую нацию. Сегодня во многих областях России, включая Орловщину, возрождается народная культура, народные промыслы. Часто можно встретить старого потомственного мастера, который готов передать свой уникальный опыт подрастающему поколению. Иногда какой-нибудь народный самородок подхватывает из слабеющих рук мастера его потомственный промысел. Для возрождения забытых народных традиций в Национальном парке «Орловское Полесье» учрежден праздник «Троицкие хороводы», ставший сегодня крупным международным фольклорным фестивалем, куда съезжаются творческие коллективы и самобытные мастера не только из Орловской, но и из соседних областей России, Белоруссии и Украины.

Особенностью формирования Орловских народных промыслов можно назвать территориальную удаленность наших земель от центров русской государственности – Киева и Москвы. Вятичи, издревле населявшие наши земли, только в XIV веке, одними из последних славянских племен, приняли христианство, в связи с чем самобытные символы, обычаи и традиции сохранились здесь дольше и получили свое отражение в народных промыслах, игрушках и вышивке. На территории области сохранились и развиваются такие виды промыслов, как резьба по дереву, домовая резьба, ковроткачество, плетение мебели из лозы и плетение мценского кружева, изготовление плешковской и чернышевской глиняной игрушки, чернолощеной посуды из распоповской глины, плетение изделий из соломки, пеньки, вышивка в стиле орловского «списа», создание ливенских гармошек.

На Орловщине сегодня можно найти такие промыслы, как гончарное производство, резьба по дереву, плетение из соломки, рогоза и лозы, изготовление традиционных русских народных музыкальных инструментов – свирелей, жалеек разного строя, трещоток, бубнов, звончалок, трензлей, рубелей, бубенцов, коробочек вертушек и др.

27 мастеров Орловщины, занимающихся народными промыслами, имеют звание «Народный мастер России». Работает ОАО «Орелкерамика», выпускающее сувенирную продукцию в орловских народных традициях. В Орле действует детская школа изобразительных искусств и народных ремесел, где народные мастера преподают традиционные ремесла молодежи.

В настоящее время определенное внимание в процессе обучения детей изобразительному искусству уделяется истории возникновения и развития игрушки.

Самые ранние игрушки, обнаруженные в нашей стране, относятся ко второму тысячелетию до н. э. Самой распространенной среди игрушек всегда была кукла. Древние типы кукол или человеческих фигурок представляли собой идолоподобные изображения с ярко выраженными признаками пола. Первые куклы изображали высших и могущественных существ – Богов. Люди создали скульптуры богов (Сварог, Даждьбог, Макошь и др.), дали им имена, поклонялись и просили помощи и защиты.

Согласно культу предков считалось, что умершие обладают магической силой и могут оказывать покровительство и помощь. Для привлечения духов умерших изготавливались фигурки, в которых они должны вселиться, – прообразы будущих кукол. Первые куклы, играющие роль оберегов, которые делал человек на заре своего существования, –

© Т.А. Ягупова

были куклы из золы. Процесс изготовления таких кукол был предельно прост. Брали золу и смешивали с водой. Далее из этой смеси скатывали шарик и прикрепляли к нему юбку. И называли такую куклу Бабой – женским божеством. Такая кукла передавалась из рук в руки по женской линии, от бабушки – внучке в день ее свадьбы. Кукла-Баба была обережной куклой, хранительницей дома и семейного очага. Эта кукла всегда сопровождала свою хозяйку при переездах. Люди верили, что если принести эту куклу на новое место, то в новом доме обязательно появится очаг, уют и тепло.

Еще одна из древнейших кукол, дошедших до наших дней, изготавливалась из волос. Остриженные волосы женщина собирала в маленький мешочек и делала из него куколку. В те времена верили, что если больного человека обложить со всех сторон такими мешочками, то он непременно пойдет на поправку. От «дурного глаза» младенца охраняла яркая обережная кукла, которую клали в колыбельку рядом с ребенком.

Такие куклы, так же как и кукла-баба, не были игровыми. Они бережно хранились в сундуках и передавались по наследству только в день свадьбы. В подавляющем большинстве случаев, кукла – это символ женщины, женской сути, и связь с ней имела непосредственно сама женщина. Хотя мужчинам тоже доводилось пользоваться магической силой куклы, но все же куклу мужчине давала именно женщина, отправляя мужа на войну или в дальний путь. Считалось, что кукла, подаренная женой перед дорогой, охраняет от всех невзгод и напоминает о родимом доме и очаге.

В каждом доме в «красном углу» обязательно была обережная кукла. И когда в семье возникали ссоры, то женщина, оставаясь одна, открывала настежь все окна и двери и, словно маленьким веником, – этой куклой выметала прочь весь «сор из избы». Это делалось не для того, чтобы в доме было меньше мусора, выметали то негативное, из-за чего в доме как раз и возникали ссоры и ругань.

Однако не все куклы имели магическую силу и считались обережными.

В те времена на Руси, у наших предков славян, было превеликое множество самых разных кукол. И самая распространенная из них – «стригушка», детская игровая кукла. Изготавливали ее из скошенной травы. Когда женщина уходила в поле помогать своему мужу, детей она брала с собой. И чтобы как-то занять малышей, она делала из травы игровых кукол. Когда ребенок подрастал, то он начинал играть с этой куклой.

Куклы самые разные, и у каждой было свое предназначение. Например, в помощь хозяйке делали куклу «десятиручку», которая помогала женщине по хозяйству. Эту куклу, так же как и «бабу», дарили в день свадьбы, с пожеланием того, чтобы жена всегда и все успевала и чтобы все в ее руках ладилось.

Крупеничку, или как ее еще называют «зерновушку», делали для того, чтобы в доме был достаток, и всегда была еда на столе. Крупеничку изготавливали только после сбора урожая. Основу этой куклы составляет мешочек с зерном, которое собирали с полей, отсюда и название – «зерновушка». По размерам этой куклы было сразу понятно, урожайный был год у хозяев или нет. Еще один смысл куклы – это плодовитость самой женщины. Для того чтобы у девушки появились дети, она непременно делала такую куклу для себя.

Зачастую такую куклу использовали и в лечебных целях. Ведь в те времена лечение травами было самым распространенным. Когда ребенок начинал болеть, в эту куклу вплетали специальные лечебные травы, которые помогали ребенку поскорее выздороветь.

Вепсская кукла также сопровождала ребенка с самого его рождения и до тех пор, пока она не «уходила», т.е. приходила в негодность, рвалась или просто напросто портилась. Эту куклу мама изготавливала из своих старых вещей без использования иголок и ножниц, т.е. полностью вручную. Это делалось не просто так. В этом был свой сокровенный смысл – чтобы вся дальнейшая жизнь ребенка была не «колотая и резаная». До того момента, когда ребенок еще не появился на свет, в его будущую колыбельку, для того чтобы ее согреть, клали именно вепсскую куклу. А после рождения малыша, ее вешали над колыбелькой, так она охраняла младенца от порчи и всяческих недугов.

Традиционная матерчатая кукла – это простейшее изображение женской фигуры. В ней нет ничего лишнего, она почти символ. Кусок ткани, свернутый «в скалку», лицо из льняного лоскутка, грудь из туго набитых шариков, коса волосяная либо кудельная, то есть сделанная изо льна или пеньки, наряд из пестрых лоскутков – вот такая была кукла. И не случайно. В тряпичной куколке причудливо сплелись отголоски древних верований и народный идеал красоты. У тряпичных кукол лицо не изображалось. Это связано с древними представлениями, с ролью игрушки в прошлом, как магического предмета. Такая «безликая кукла» служила «оберегом». Отсутствие лица было знаком того, что кукла – вещь неодушевленная, а значит, не доступная для вселения в неё злых сил.

Для тяжелой крестьянской жизни здоровье и красота – почти одно и то же. Недаром кукла та-

кая устойчивая, что подчеркнуто широким подолом: сразу видно, как прочно она стоит на земле! Традиционной игрушкой в быту русской деревни даже в самых бедных крестьянских семьях с давних времен была тряпичная кукла. Куклы были не только девичьей забавой. Играли до 7-8 лет все дети, пока они ходили в рубахах. Но лишь мальчики начинали носить порты, а девочки юбку, их игровые роли и сами игры быстро разделялись. Кукол шили матери, бабушки, старшие сестры. С пяти лет такую потешку могла делать любая девочка. Изготавливались глиняные погремушки, посуда, топорики, фигурки людей.

Глиняная, деревянная, тряпичная кукла бытовала в крестьянской среде несколько веков и имела различные значения. Куклы во многом были связаны со всевозможными обрядами во время проведения праздников. Со времён петровских преобразований постепенно в Россию стали проникать из-за границы игрушки, в том числе куклы, для богатых людей. Возрождение искусства изготовления рукотворных кукол началось в начале 90-х годов XX века. Очаровательный, уютный мир дворянских усадеб вновь ожил в образах многочисленных «городских» кукол. Крупным санкт-петербургским центром по изготовлению рукотворных кукол в национальных и светских костюмах разных времен и народов стало художественно-производственное объединение «Потешный промысел».

Первые авторские игрушки, сделанные на заказ московскими умельцами из Оружейной палаты, появились в 17-18 веках. А в 1918 году был издан указ о создании в Москве Музея игрушки, и куклы заняли в нём достойное место. Рукотворная русская игрушка в первые годы советской власти переживала глубокий кризис. Времена революционных потрясений и гражданской войны отнюдь не способствовали ее развитию. С другой стороны, рукотворная игрушка начала активно вытесняться фабричными куклами, штампованными металлическими игрушками.

Кукла и есть тот пласт народного творчества, тот многогранный драгоценный камень, который нужно изучать со всех сторон. На сегодняшний день в научных кругах традиционная русская кукла зачастую рассматривается в общем контексте со всеми видами тряпичной куклы и поэтому уделяется внимание её позднейшим образцам.

Библиографический список

1. *Богуславская И.Я.* Проблемы традиций в искусстве современных народных художественных промыслов. Творческие проблемы современных народных художественных промыслов. Сборник статей. Издательство «Художник РСФСР, Ленинград, 1981г.
2. *Дикова С.И.* Шьём тряпичные куклы. Школа и производство. 1995. №2. С. 55-57.
3. *Котова И.Н., Котова А.С.,* Русские обряды и традиции. Народная кукла. С-Пб, «Паритет», 2003.
4. *Котова И.Н., Котова А.С.* Русские обряды и традиции. Народная кукла. СПб.: «Паритет», 2005. 240 с.
5. Тряпичная кукла, лоскутные мячики. Игрушка в культуре России. Книга 4. Г.Дайн - Хотьково. 2012.
6. *Шайдурова Н. В.* Традиционная тряпичная кукла. Издательство: Детство-Пресс, 2011 г.

T.A. YAGUPOVA

A TOY AS ONE OF THE CONSTITUENT THE OF NATIONAL REGIONAL COMPONENT OF OREL REGION

In article the doll – as a layer of national culture is considered. History of a national rag doll, as one of elements of culture of the Orlovshchina. Its types, mission, development, a role in ethnic culture and national consciousness.

Key words: ***doll, folk craft, national regional component, traditions, originality.***

Е.З. ЯХНИНА
кандидат педагогических наук, профессор кафедры сурдопедагогики Московского педагогического государственного университета
E-mail:yaez@mail.ru
Тел. 8 916 551 97 89

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ВОСПРИЯТИЮ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЮ УСТНОЙ РЕЧИ ГЛУХИХ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются современные тенденции и актуальные проблемы развития восприятия и воспроизведения устной речи у глухих детей школьного возраста в условиях специального образования и инклюзивного обучения. Основное внимание уделено педагогическим технологиям развития речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи, ее произносительной стороны на индивидуальных занятиях в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях I вида.

Ключевые слова: ***глухие дети, школьный возраст, развитие речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи, обучение произношению, дифференцированный подход.***

На современном этапе отмечаются две тенденции, характерные для контингента детей с ОВЗ, поступающих в школу. С одной стороны, «масштабное практическое применение научных достижений в сфере медицины, техники, цифровых технологий, специальной психологии и коррекционной педагогики приводит к тому, что часть детей с ОВЗ к семи годам достигает близкого к норме уровня психического развития» [1, с. 9], что позволяет им получать образование совместно со здоровыми сверстниками в общеобразовательных школах. С другой стороны, отмечается «рост доли детей с тяжелыми комплексными нарушениями, нуждающихся в создании максимально развернутой системы специальных условий обучения и воспитания…» [1, с. 8].

Контингент глухих школьников не является исключением. Раннее выявление нарушений слуха у детей (с первых месяцев жизни), комплексное медико-психолого-педагогическое сопровождение сразу после установления диагноза, включая бинауральное слухопротезирование цифровыми аппаратами, а также успешная реабилитация глухих при кохлеарной имплантации способствуют тому, что на начало школьного обучения часть детей с тяжелыми нарушениями слуха по уровню общего и слухоречевого развития оказывается подготовленной к получению образования в общеобразовательных школах (в разных организационных формах совместного обучения со слышащими сверстниками) или в специальных (коррекционных) общеобразовательных школах-интернатах II вида (при совместном обучении со слабослышащими и позднооглохшими детьми). Однако большинство глухих детей в настоящее время получают основное общее образование в специальных (коррекционных) общеобразовательных школах-интернатах I вида. Отмечается тенденция к увеличению количества глухих детей, имеющих комплексные нарушения развития (Т.А. Басилова, Г.П. Бертынь, Т.К. Гущина, Л.А. Головчиц, Е.Г. Речицкая, Т.В. Розанова, И.Л. Соловьева, и др.).

Независимо от образовательного учреждения, в котором обучается школьник, имеющий нарушение слуха, включая различные организационные формы совместного обучения со здоровыми сверстниками, необходимо создание специальных условий для осуществления образовательно-коррекционной работы с учетом индивидуальных особенностей каждого ученика (Н.Н. Малофеев, О.И.Кукушкина, И.В. Королева, Е.П.Кузьмичева, Э.И. Леонгард, Н.Д. Шматко и др.).

Одним из важных направлений специальной (коррекционной) работы является развитие у глухих детей речевого слуха, создание на этой базе принципиально новой слухозрительной основы восприятия устной речи, обучение произношению (при постоянном использовании средств электроакустической коррекции). Это обусловлено значимостью обучения устной речи как одного из факторов более полноценного формирования у детей с нарушениями слуха предметных, коммуникативных и социальных компетенций, развития личности в целом, включая ее духовно-нравственный и творческий потенциал, реализацию образовательных и социокультурных потребностей, социализацию и интеграцию в обществе. (Е.П. Кузьмичева, Э.И. Леонгард, Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина, Н.Д. Шматко, Е.З.Яхнина и др.)

В процессе специальной (коррекционной) работы по развитию восприятия и воспроизведения

© Е.З. Яхнина

устной речи у глухих детей школьного возраста используются дифференцированные педагогические технологии, учитывающие их возраст, достигнутый уровень общего и речевого развития, фактическое состояние речевого слуха, слухозрительного восприятия речи, ее произносительной стороны, особенности электроакустической коррекции, а также индивидуальные психофизические возможности, образовательные условия и социокультурные потребности каждого ученика.

Созданная в нашей стране система обучения устной речи учащихся специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений I вида предполагает, что развитие ее восприятия и воспроизведения осуществляется в ходе всего образовательно-коррекционного процесса в условиях специально педагогически созданной слухоречевой среды, способствующей формированию речи как средства общения в разнообразных видах учебной и внеурочной деятельности детей (С.А. Зыков, Т.С. Зыкова, Е.П. Кузьмичева, Л.П. Носкова, Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина и др.). Обучение восприятию устной речи осуществляется в условиях проведения специальной (коррекционной) работы по развитию речевого слуха (при использовании электроакустической аппаратуры), созданию у глухих детей принципиально новой слухозрительной основы восприятия устной речи. Развитие слухового восприятия у глухих детей включает также специальную (коррекционную) работу по обогащению их представлений о неречевых звучаниях окружающего мира, музыке. Обучение произношению направлено на развитие у учащихся внятной, членораздельной речи, приближающейся по звучанию к естественной, формирование самоконтроля произносительной стороной речи. В процессе обучения устной коммуникации, речевому поведению целенаправленно развиваются умения детей использовать естественные невербальные средства (мимику, пластику и др.), что в известной мере облегчает понимание их речи слышащими собеседниками (К.А. Волкова, Е.П. Кузьмичева, Э.И. Леонгард, Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина, Н.Д. Шматко, Е.З. Яхнина и др.).

Развитие восприятия устной речи (слухозрительно и на слух) и ее произносительной стороны реализуется как единый процесс, направленный на создание у глухих детей слухо - зрительно - кинестетической системы, формирование встречной активности, выраженной в вероятностном прогнозировании речевой информации и ее переработке на основе речевого и внеречевого контекста, развитие навыков самостоятельного моделирования высказываний и их актуализации в речи, а также необходимых для речевого общения психических функций и личностных качеств.

Целенаправленная работа по развитию у учащихся нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи проводится на специальных (коррекционных) занятиях – индивидуальных занятиях по развитию речевого слуха и произносительной стороны речи, фронтальных и индивидуальных занятиях в слуховом кабинете, музыкально-ритмических занятий, а также на общеобразовательных уроках и во внеурочное время (при постоянном использовании электроакустической аппаратуры разных типов). Обучение строится на основе преемственности в разных формах образовательно-коррекционного процесса, предполагающего совместное планирование работы с учетом фактического состояния слухоречевого развития каждого ученика, реализации единых требований к его устной речи.

Результаты многолетних исследований свидетельствуют о том, что у глухих детей, не имеющих дополнительных первичных нарушений развития, на начало обучения в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях I вида отмечается принципиально разный уровень слухоречевого развития: по владению речью – от отсутствия в самостоятельной речи даже отдельных полных слов до развернутой фразой речи (иногда с аграмматизмами); по развитию слухового восприятия – от отсутствия стойкой условной двигательной реакции на речевые стимулы (предъявленные на слух у уха ребенка голосом разговорной громкости) и неумения различать на слух (с помощью электроакустической аппаратуры) резко противопоставленные по звучанию слова до восприятия на слух (с помощью стационарной электроакустической аппаратуры или индивидуальных слуховых аппаратов) не только знакомых по звучанию слов и фраз, но и незнакомых (точно или приближенно при правильном повторении слогоритмической структуры, отдельных звукокомплексов); по состоянию произношения – от неразборчивой речи с грубыми нарушениями до достаточно разборчивой речи в темпе, приближающемся к нормальному, с соблюдением в знакомом речевом материале звукового состава (точного или приближенного с регламентированными и допустимыми заменами), ритмической структуры слов, орфоэпических правил, ритмической, а иногда и мелодической структуры фраз [2, 3].

По данным анализа школьной документации и анкетирования родителей выяснено, что отставание в слухоречевом развитии у данной категории глухих детей связано в большинстве случаев с тем, что, несмотря на весьма раннюю диагностику нарушений слуха и слухопротезирование, систематическая

коррекционно-развивающая работа по разным причинам была начата только с трех-четырех лет (после поступления ребенка в ДОУ компенсирующего или комбинированного видов или в дошкольные отделения при специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях I вида). С современных позиций, когда разработаны и внедрены технологии комплексного медико-психолого-педагогического сопровождения детей с нарушениями слуха, начиная с первых месяцев жизни, это рассматривается как позднее начало образовательно-коррекционной работы, затрудняющее общее и слухоречевое развитие детей. Кроме этого в анамнезе большинства детей с отставанием в слухоречевом развитии были отмечены хронические соматические заболевания, что неизбежно отрицательно влияло на систематичность коррекционно-развивающей работы в дошкольный период, и, как следствие, приводило к недостаточному усвоению курса специального дошкольного образования. Среди факторов, отрицательно влияющих на общее и слухоречевое развитие глухих дошкольников, отметим также неосведомленность родителей о современных достижениях сурдопедагогики и смежных наук, незнание собственных возможностей оказания помощи ребенку в условиях семейного воспитания в содружестве со специалистами, иногда многолетний поиск различных нетрадиционных способов лечения, необоснованный перевод ребенка из одного образовательного учреждения в другое с целью достижения наилучшего результата.

Полученные данные о неоднородности контингента глухих детей при поступлении в специальные (коррекционные) общеобразовательные учреждения I вида позволили выделить три типичные группы учеников, разработать дифференцированный подход к обучению восприятию и воспроизведению ими устной речи [2, 3].

Технология дифференцированного обучения восприятию и воспроизведению устной речи базируется на данных комплексного обследования (с использованием специально разработанных методик) нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи каждого ученика. Отметим, что данное обследования является частью общего медико-психолого-педагогического изучения особенностей развития учащихся на начало школьного обучения, по результатам которого школьным психолого-педагогическим консилиумом определяются программы индивидуального психолого-педагогического сопровождения учеников.

Реализация дифференцированного подхода предполагает использование в младших классах (первый-четвертый классы) разноуровневых программ, разработанных с учетом слухоречевого развития типичных групп учащихся (три группы) при поступлении в специальные (коррекционные) общеобразовательные учреждения I вида на основе последовательного усложнения программных требований. При этом обучение детей, прошедших полный курс специального дошкольного обучения, включая развитие слухового восприятия и произносительной стороны речи (третья группа), осуществляется на основе действующих программ [4] с учетом индивидуальных особенностей и возможностей каждого ученика.

Отметим, что разноуровневые программы по развитию речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи для одного года обучения отличаются, прежде всего, требованиями к слуховому словарю – его объему, к грамматическим и синтаксическим конструкциям речи, предъявляемой ученикам на слух. Постепенному расширению слухового словаря каждого ученика, развитию слухозрительного восприятия речи способствует концентрическое построение программ при повторении на каждом году обучения большинства тем («В классе», «Я и моя семья», «Здоровье», «Завтракаем, обедаем, ужинаем», «Каникулы» и др.), включающих необходимый детям в общении и знакомый речевой материал. При этом темы в разноуровневых программах для одного года обучения совпадают, отражают типичные ситуации устной коммуникации, в которых участвуют глухие младшие школьники. Это обеспечивает не только овладение учениками восприятием речевого материала, необходимого им в общении, но и при выполнении программных требований в более короткие сроки (менее одного учебного года), перевод на программу следующего уровня в рамках одних и тех же тем.

В начале школьного обучения программы отличаются также требованиями к основным речевым единицам, используемым для развития речевого слуха. Формирование речевого слуха учащихся первой группы (не владеющих фразовой речью, речевой слух не развит, произношение в большинстве случаев невнятное) в первоначальный период строится на материале слов, резко отличающихся по слогоритмической структуре и звуковому составу; одновременно дети учатся слухозрительно воспринимать простые фразы, необходимые им для устной коммуникации в учебное и внеурочное время, и короткие тексты, состоящие из двух – четырех знакомых фраз. Развитие речевого слуха учащихся, владеющих фразовой речью и имеющих определенный опыт в восприятии речи на слух, осуществляется при использовании, прежде всего, фраз как основной коммуникативной единицы языка, а также слов, словосочетаний и текстов.

Разноуровневые программы на первом-втором годах обучения отличаются и по требованиям к способам первичного восприятия детьми речевого материала: слухозрительно или сразу на слух. Так, дети с существенным отставанием в слухоречевом развитии сначала учатся различать и опознавать речевой материал слухозрительно, а затем на слух, в то время как ученики, отнесенные к третьей группе, уже в первом классе фразы, слова, словосочетания и тексты воспринимают сразу на слух.

Программы различаются также по срокам начала работы по развитию восприятия текстов, требованиями к их объему, лексическому составу, грамматическим и синтаксическим конструкциям входящих фраз, а также по способам их первичного восприятия глухими детьми (слухозрительно или сразу на слух).

В данных программах предусмотрены и разные требования к условиям восприятия учениками речевого материала: различение при ограниченном наглядном выборе после предъявления учителем образца звучания данной речевой единицы, опознавание знакомого речевого материала или сразу распознавание незнакомого материала на слух и, в дальнейшем, его опознавание в сочетании со знакомым материалом. Так, ученики, отнесенные к третьей группе, в первом классе учатся сначала различать и опознавать на слух речевой материал, но уже со второго полугодия – сразу распознавать на слух новый, незнакомый по звучанию речевой материал; дети с отставанием в слухоречевом развитии учатся сначала различать и опознавать на слух речевой материал; распознаванию на слух новых фраз, слов, словосочетаний они начинают учиться, как правило, только на втором году обучения, когда у них накапливается определенный слуховой словарь, слуховые образы становятся более четкими и дифференцированными.

В разноуровневых программах по обучению произношению учащихся младших классов представлены последовательно усложняющиеся требования по развитию речевого дыхания, голоса, включая его естественные модуляции по силе и высоте, воспроизведению звукового состава речи, элементов ритмико-интонационной структуры, слов, фраз, а также текстов (диалогов и монологических высказываний), использованию при устной коммуникации естественных невербальных средств (поза, пластика, выражение лица и др.), к овладению детьми самоконтролем произношения. При разработке программных требований к обучению детей с невнятной речью учитывалось, что устранение отдельных дефектов, «постановка» одного или нескольких новых звуков не приводят к быстрому и существенному улучшению качества речи. Повышению ее внятности способствует, прежде всего, работа над словами и простыми фразами, состоящими из звуков, которые дети умеют произносить правильно (при этом в дополнение к сокращенной системе фонем разрешаются допустимые замены, рекомендованные Н.Ф. Слезиной) и которые закрепляются в данный период обучения в их речи. Подчеркнем, что для всех детей, независимо от состояния слухоречевого развития на начало школьного обучения, с первого класса предусматриваются единые требования к воспроизведению ритмической структуры слов и фраз (нормальный темп речи, соблюдение словесного, логического и синтагматического ударения), норм орфоэпии в словах, побуждение к воспроизведению мелодического контура фраз. Ученики целенаправленно и систематически побуждаются произносить слова в нормальном темпе (в начале обучения — в темпе, приближающемся к нормальному), слитно, выделяя словесное ударение, соблюдая орфоэпические правила; требования к воспроизведению звукового состава слов – точно или приближенно (с регламентированными и допустимыми заменами) – зависят от года обучения и особенностей овладения звукопроизношением. Они учатся произносить фразы в нормальном темпе (в начале обучения – в темпе, близком к нормальному), слитно (на одном выдохе) или, разделяя паузами на синтагмы, выделять логическое и синтагматическое ударения; воспроизводить мелодический контур фраз. В разноуровневых программах для всех учеников, начиная с первого класса, также предусматриваются единые требования и к передаче эмоциональной окрашенности высказываний (радость, огорчение, удивление, растерянность, испуг и др.) за счет выразительности речи и активного использования естественных невербальных средств коммуникации (мимики, пластики и т.п.). Выполнение этих требований облегчает понимание речи глухих детей слышащими людьми, обеспечивая более полноценную устную коммуникацию. В процессе обучения произношению реализуется комплексный подход к развитию слухового восприятия и воспроизведения ритмико-интонационной структуры речи (с использованием электроакустической аппаратуры), базирующихся на применении специальных движений, стимулирующих правильное произнесение элементов интонации, ритмической структуры слов и ритмико-мелодической структуры фраз, речевых упражнений под музыку, а также визуальных приборов и специальных компьютерных программ, разработанный автором статьи и внедренным в действующие программы обучения произношению [4]. В самостоятельной речи дети систематически

побуждаются реализовывать сформированные произносительные навыки сначала под контролем учителя, а затем с опорой на самоконтроль.

При проведении специальной работы по автоматизации произносительных навыков важное значение придается текстам диалогического и монологического характера. При разработке текстов, используемых при обучении произношению, так же как и текстов, используемых в процессе развития восприятия устной речи, учитываются принципы коммуникативно-деятельностного, ситуативно-тематического, личностно-ориентированного обучения, уровень слухоречевого развития детей. В диалогах, составленных для работы над произношением, реализуется также фонетический принцип подбора материала (используются слова и фразы, элементы звуковой и ритмико-интонационной структуры которых дети умеют произносить правильно, а также те, которые необходимо закрепить в их речи). Подчеркнем, что работа по развитию восприятия и воспроизведения устной речи с использованием текстов диалогического характера и монологических высказываний, разработанных с учетом типичных ситуаций общения воспитанников в учебной и социально-бытовой деятельности, способствует активизации их устной коммуникации сначала с близким кругом речевых партеров (учителя, воспитатели, обслуживающий персонал, родители, родственники, соседи, врачи и др.) в школе и вне школы, а затем, при расширении социальных связей, с более широким кругом слышащих людей.

Реализация дифференцированного подхода предполагает динамическое изучение состояния восприятия и воспроизведения устной речи каждого ученика, способствующее индивидуализации процесса обучения с учетом возможностей и особенностей учащихся. Достижение учеником планируемых результатов может не совпадать с обычными сроками периодического учета (в конце каждого полугодия), поэтому перевод ученика на программу следующего уровня осуществляется по мере выполнения программных требований, что оценивается при использовании комплекса специально разработанных методик [3]. Невыполнение учениками требований программы, по которой велось обучение в течение учебного года, является основанием для специального обсуждения на школьном психолого-педагогическом консилиуме с целью выявления причин и выработки рекомендаций, обеспечивающих слухоречевое развитие воспитанников с учетом индивидуальных особенностей.

Результаты обучения учащихся младших классов (первый-четвертый классы) на основе дифференцированного подхода свидетельствуют о том, что у всех детей происходит развитие речевого слуха, слухозрительного восприятия речи, ее произносительной стороны с учетом их индивидуальных особенностей, что способствует активизации устной коммуникации, более полноценному образованию, социальной адаптации. Некоторые ученики успешно преодолевают незначительное отставание в слухоречевом развитии за весьма короткий период обучения. Большинству учащихся требуется достаточно продолжительное время специальной работы (весь период обучения в младших классах) при использовании разноуровневых программ, базирующихся на последовательном усложнении программных требований с учетом первоначального уровня слухоречевого развития и индивидуальных особенностей каждого ученика. У небольшой части воспитанников, направленных при поступлении в школу в классы основного общего образования, имеются значительные затруднения в обучении в целом, включая овладение устной речью (ее восприятием и воспроизведением). Эти дети находятся под динамическим наблюдением школьного психолого-педагогического консилиума, направленным, в том числе, на уточнение структуры нарушения развития.

В средних классах, начиная с шестого, и в старших классах основное внимание уделяется закреплению и совершенствованию навыков слухозрительного восприятия устной речи (с помощью индивидуальных слуховых аппаратов), ее внятного и достаточно естественного воспроизведения, умений вступать в устную коммуникацию со слышащими людьми. На индивидуальных занятиях у учеников развивается слухозрительное восприятие (с помощью индивидуальных слуховых аппаратов) адаптированных и неадаптированных текстов монологического и диалогического характера разговорного, официально-делового, научного, публицистического и художественного стилей разных функционально-смысловых типов (повествование, рассуждение, описание – бытовое, пейзажное, портретное). На каждом занятии отрабатывается восприятие и воспроизведение знакомой ученикам тематической и терминологической лексики общеобразовательных дисциплин. Постепенно увеличивается количество входящих в текст предложений (до 10-15), расширяется лексический состав и усложняются синтаксические конструкции фраз. Дети учатся также слухозрительно воспринимать микродиалоги (от двух до шести реплик), представляющие типичные ситуации речевого общения в образовательных учреждениях, в общественных местах и в семье. Ведется целенаправленная работа по развитию слухозрительного восприятия фраз, слов и словосочетаний по темам, необходимым при

устной коммуникации в различных видах учебной и социально – бытовой деятельности. Важное значение придается дальнейшему развитию вероятностного прогнозирования в процессе восприятия устной речи. В средних и старших классах продолжается работа по развитию речевого слуха, прежде всего, навыков распознавания речевого материала на слух. Большое внимание уделяется закреплению произносительных умений учащихся, развитию у них самоконтроля за произношением. Целенаправленная работа по развитию восприятия и воспроизведения устной речи, активизация мотивации учеников к достаточно свободной устной коммуникации со слышащими людьми способствуют более полноценному достижению планируемых результатов в данном направлении образовательнокоррекционной работы.

Среди актуальных проблем образовательно-коррекционной работы в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях I вида отметим недостаточную разработанность вопросов развития восприятия и воспроизведения устной речи у детей с комплексными нарушениями развития, число которых, к сожалению увеличивается (Т.А. Басилова, Г.П. Бертынь, Т.К. Гущина, Л.А. Головчиц, Е.Г. Речицкая, Т.В. Розанова, И.Л. Соловьева, и др.).

Как отмечалось, в настоящее время все больше детей с нарушениями слуха поступают в общеобразовательные школы, где учатся вместе со здоровыми сверстниками. Среди актуальных проблем, требующих специальных исследований, выделим вопросы проектирования содержательно-организационных и методических компонентов работы по развитию восприятия и воспроизведения устной речи в условиях инклюзивного обучения школьников, имеющих нарушения слуха, с учетом их возраста, состояния слуховой функции, времени и характера нарушения слуха, особенностей слухопротезирования, уровня общего и слухоречевого развития, индивидуальных возможностей, образовательных и социокультурных потребностей.

Важной и, на наш взгляд, недостаточно разработанной является проблема развития восприятия и воспроизведения устной речи у школьников после операции по кохлеарной имплантации, проведенной в старшем дошкольном или школьном возрасте. Ограниченные сроки комплексного медико – психолого – педагогического сопровождения ребенка до поступления в школу, как правило, не позволяют ему в полной мере достигнуть возможных результатов слухоречевой реабилитации, что существенно затрудняет не только устную коммуникацию, включая восприятие и воспроизведение устной речи, но и получение образования в целом в общеобразовательных школах и специальных (коррекционных) общеобразовательных школах II вида. В связи с этим актуализируется и проблема разработки эффективных путей развития восприятия и воспроизведения устной речи у данной категории детей.

Библиографический список

1. *Малофеев Н.Н., Кукушкина О.И., Никольская О.С., Гончарова Е.Л.* Концепции Специального Федерального государственного образовательного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья. М.: Просвещение, 2013

2. *Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З., Шевцова О.В.* Развитие устной речи у глухих школьников: метод. пособие М.: Изд –во НЦ ЭНАС, 2001

3. *Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З.* Обучение глухих детей восприятию и воспроизведению устной речи: учеб. пособие для студ. учрежд. высшего проф. образования. Под ред. Назаровой Н.М. М.: Издательский центр «Академия», 2011

4. Программы специальных (коррекционных) образовательных учреждений I вида (для глухих детей). М.: Просвещение, 2003.

E. Z. JAKHNINA

CURRENT TRENDS IN THE TEACHING OF HEARING PERCEPTION AND REPRODUCTION OF ORAL SPEECH OF DEAF SCHOOL AGE CHILDREN

The paper reviews current trends and actual problems of hearing perception and reproduction of oral speech of deaf school age children in conditions of special needs education and inclusive education. The focus of the article is dedicated to pedagogical technologies of development of hearing perception of oral speech, hearing-vision perception of oral speech and its pronunciation at individual lessons in special (correctional) schools of I type.

Key words: ***deaf children, school age, the development of hearing perception, hearing-vision perception of oral speech, teaching of pronunciation, differentiated approach.***

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц формата А-4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через один интервал без переносов. Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы.

В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6). Вся информация предоставляется на русском языке, а в конце статьи на английском языке. Сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). К статье в обязательном порядке должна прилагаться электронная версия, идентичная печатной одним файлом на диске CD или DVD (CD-R,CD-RW, DVD-R, DVD-RW).

Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание - Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *jpg. должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после ее названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In»:) и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и ее выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после ее названия) приводятся название журнала и год издания (между ними знак препинания не ставится), затем после точки с запятой – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после двоеточия помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц.

Примеры библиографического описания источников:

Книги

1. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
2. *Базыма Б.А*. Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 20-24.
3. *Ильин И.А*. Учение о правосознании. В кн.: Ю.Т. Лисица (ред.) Родина и мы. Смоленск: Посох. 1995: 355-364.
4. *Harding A.E.* The hereditary ataxias and related disorders. Edinburgh: Churchill Livingstone,1984
5. *Goldman S.M., Tanner C*. Etiology of Parkinson's disease. In: Jankovic J., Tolosa E. (eds.) Parkinson's disease and movement disorders. 3d ed. Baltimore: Williams & Wilkins, 1998: 133-158.

Журналы

6. *Ершов В.Ф.*, Курамина Н.В. Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов.Исторические записки 2004; 7:198-222.
7. *Block W., Karitzky J., Traber F. et al*. Proton magnetic resonance spectroscopy of the primary motor cortex in patients with motor neuron disease. Arch. Neurol. 1998; 55: 931-936.

Электронные публикации и базы данных

8. *Shulman L.M., Gruder-Baldini A.L., Anderson K.E. et al*. The evolution of disability in Parkinson's disease. Mov. Disord. 2008: epub ahead.
9. http://www.globalreach.com/

В конце статьи обязательно должна быть надпись ***статья публикуется впервые***, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, возвращаются авторам без рассмотрения.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. – (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель центра сравнительно-правовых исследований института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, руководитель НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета; академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических, наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, зав. отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР–МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бирмингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук.

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета; действительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член международной ассоциации изобразительных искусств им. И.А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) –доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

КРЮЧКОВА Т.Б. – доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. – доктор юридических наук, доцент Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. – доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических наук, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета, директор НИИ правовых проблем Орловского государственного университета;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета дополнительного профессионального образования и повышения квалификации,зав. кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук. профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректура: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.02.2013 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 59,13 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 10
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30